

МАРИНА СТРУК

МОЙ АНГЕЛ ЗЛОЙ

моя любовь

РОМАН

Когда так часто указываешь на дверь персоне, будь готова к тому, что настанет день, и ты уже не сумеешь повернуть ее от порога...» Так сказал однажды мужчина, которому отдала свое сердце первая красавица Смоленской губернии Анна Шепелева. Но разве могла подумать избалованная дочь богатого помещика, что эти слова окажутся пророческими? Ведь всегда была уверена: стоит лишь пожелать, и ее красота сотворит невозможное – погасит пламя любой ссоры. Но иногда даже женская прелесть бывает бессильна... А на горизонте уже полыхает зарево войны 1812 года. Войны, перевернувшей целую эпоху...

Марина Струк

Мой ангел злой, моя любовь...

Позвольте пригласить вас ступить вместе со мной смело в эпоху Александра I, когда уже отгремели прусские сражения, что принесли славу героев русским офицерам и солдатам, и когда уже заключен Тильзитский мир, что оставил в душах тех же самых офицеров легкий налет разочарования.

В воздухе Российской империи уже можно без особых усилий уловить напряжение перед неминуемой войной с Францией, правитель которой уже планирует выдвигать следующей весной войска к Данцигу.

Нет, мы пойдем с вами не в столицу, где тоскует по так рано и так трагически ушедшему возлюбленному императрица, и не в Москву, которой только предстоит обратиться в пепел и руины. Мы с вами ступим в провинцию, где еще в силе правила жизни, присущие екатерининской эпохе, а проявление чувств и эмоций не подвергается острой критике светских матрон с лорнетами в руках, обтянутых митенками.

Итак...

Декабрь 1811 года

Где-то в Гжатском уезде Смоленской губернии Российской империи

Глава 1

Декабрь, 1811 год

— Едет! Едет! — раздался звонкий голос мальчика-казачка, посланного поглядеть на дорогу, что шла вдоль заснеженного поля к усадьбе Святогорское, принадлежавшей графине Завьяловой.

Холопские мальчуганы, катавшиеся на салазках, а то и вовсе просто на поле зипуна с крутого склона оврага, что разделял поля и деревню, первыми заметили вдалеке, у кромки темного леса с белоснежными верхушками деревьев, господские сани. Тихий перезвон бубенцов, послышавшийся вскоре им со стороны поля, подтвердил верность догадки.

Тут же тогда с места сорвался казачок графини, Васька, в заляпанном снегом темно-синем казакине на заячьем меху, что до тех пор разделял с товарищами из деревни зимнюю забаву, поглядывая то и дело на дорогу. Промчался по укатанному снегу вдоль единственной улочки деревни, потом быстро побежал меж ровными рядами лип, что были посажены еще первым графом Завьяловым при строительстве усадебного дома, который белел впереди длинными колоннами и балюстрадами балконов второго этажа сквозь темные стволы аллеяных деревьев. Казачок выбивался из сил, задыхался от быстрого бега. Сердце, казалось, так и выпрыгнет из груди, но обещанный графиней пяток серебром [1] так и манил. Он должен первый крикнуть во дворе, что едет барин, первый и никак иначе!

— Едет! Едет! — потому и выкрикнул он чересчур громко с волнения, едва выбежал на расчищенную площадку перед домом. — Едет! Барин едет! Барин!

Его звонкий выкрик слышали не только холопы, что чистили снег возле крыльца, но и те, что были на заднем дворе, те, что полировали полы в комнатах первого этажа под неусыпным контролем дворецкого — высокого и худого Пафнутия Ивановича, и даже те, кто помогал графине облачиться в одежды после дневного сна.

— Вот ведь оглашенный! — поморщилась недовольно Марья Афанасьевна, поднимая руки вверх, чтобы одна из девушек ее, стоявшая на скамеечке возле, натянула на нее светлое платье из легкой ткани по последней, срамной по мнению графини, моде. Хорошо, можно было надеть поверх того капот из плотного шелка гиацинтового [2] цвета, чтобы ненароком не дать разглядеть линии уже немолодого тела. — Пусть смолкнет. Так и мигреньку накричит мне, несносный!

Одна из девушек быстро развернулась и бросилась вон из хозяйских покоев, чтобы передать приказ графини как можно скорее, пока та не лишилась благостного настроения, что ныне царил в ее душе, да не приказала вместо пятака серебром всыпать пяток «солененьких» [3] неугомонному казачку, кричавшему уже где-то внутри дома. Но прежде чем она успела спуститься вниз по лестнице, казачка за ухо поймал в холле Пафнутий Иванович, вывернул от души краснеющую от зажима пальцев ушную раковину.

— Что ты, голуба моя? Порядок забыл? Пошто в голос да во всю дурь? — проговорил дворецкий.

— Пафнутий Иванович, так барин едет же! — извиняющимся голосом ответил присмиривший вмиг Васька, морщась — рука Пафнутия Ивановича даже через мягкую ткань перчаток причиняла невыносимую боль.

— Ну, крикнул единожды, голуба моя, и смолк, — сказал дворецкий и отпустил из плена ухо казачка. — А опосля доложил бы ее сиятельству как положено. А то так и до

конюшни недолго. Ну-ка, брысь-ка в лакейскую да казакин свой почисть от снега! А то засыпал все тут крупной снежной. Да смотри луж-то каких сотворил! А ну в лакейскую! Чтс там ее сиятельство? — взглянул Пафнутий Иванович, отпустив ухо казачка, тут же умчавшегося с глаз дворецкого прочь, на девушку графини, что присела перед ним, подобрав подол ситцевого платья.

— Завершают прибираться, — тихо ответила та, опуская взгляд в пол. Она, как и многие другие дворовые, побаивалась строгого Пафнутия Ивановича, не могла смотреть в его глаза, чуть скрытые густыми седыми бровями. Тот, казалось, даже не услышал ее, стоял в холле, повернув голову в сторону двери, словно распознавая за ней тихий перезвон бубенцов на упряжи господских саней, посланных на станцию за барином.

Точно так же прислушивалась к этому пока отдаленному звуку, что доносился уже из липовой аллеи через полуоткрытую створку форточки окна Машенька, воспитанница графини, взятой той в дом несколько лет назад после смерти матери Маши, подруги Марьи Афанасьевны по годам в пансионе. Стояла, приложив ладони к груди, прямо туда, где были сколоты серебряной булавкой концы кружевной косынки, которую она намеренно накинула на плечи нынче поутру. Как и приколола воротничок к платью — единственную ее дорогую вещь, из французских кружев. Приколола, чтобы белоснежное кружево привлекало взгляд к ее лицу и хоть как придавало вида ее простенькому платью. Приколола, чтобы выглядеть очаровательной. Для него...

Машенька вспомнила вдруг его улыбку, его рот с нижней пухлой губой, которая так и приковывала взгляд помимо воли и вызывала грешные мысли в голове. Его темно-голубые глаза, светящиеся улыбкой, когда он беседовал порой с ней. И короткую темно-русую челку, прямую — упрямство не следовать моде и делать аккуратные завитки, аккуратно укладывая их на высокий лоб, отличало его среди товарищей, что посещали вместе с ним дом графини в столице.

Тихий стук в дверь заставил Машу вздрогнуть от неожиданности. Чуть приоткрылась створка, и в комнату заглянула одна из девушек графини.

— Марья Алексеевна, вас уж ищут они. Зовут-с к себе, — проговорила та, смело глядя на слегка покрасневшую девушку. От жары, решила бы она, коли б барышня не стояла прямо у полуоткрытого окна. Так и есть, права она: как только донеслось от крыльца зычное: «Тпрууу, сердешные мои!», барышня тут же отвернулась снова к окну, стала вглядываться на прибывшего через белые узоры, которыми к Рождеству украсил мороз стекла окон.

— Барышня! Кличут вас! — снова проговорила служанка нетерпеливо, но та даже не повернула к ней головы, наблюдала, как лакеи откидывают теплый полог с коленей пассажира саней, помогают тому ступить на снег. Белоснежные перья плюмажа на темной высокой треуголке, чуть развеивает легкий ветерок полы шинели. Она не видела его лица, но тотчас узнала его фигуру. Высокий, статный кавалергард. Андрей Павлович... *Andre, mon cher Andre* ^[4], как часто писала она на снегу палочкой украдкой во время прогулок с графиней по усадебному парку или на бумаге чернилами, сидя за письмами графини.

— Барышня! — уже громче произнесла от дверей девушка, переминаясь с ноги на ногу. Не этой девице с буклями у ушей достанется на орехи от графини. По ее холопской спине пройдет трость ее сиятельства, чей властный голос холопка уже слышала через комнаты: «Куда запропастилась Марья Алексеевна? За ней послано ли? Где она? Немедля отыскать! Протопили ли гостиную с амурчиками?»

Машенька проводила взглядом прибывшего офицера, пока тот не скрылся из вида, и только потом поспешила вслед за посланной за ней девушкой в гостиную, в которой с потолка наблюдали за посетителями той нарисованные пастельными красками Амуры и Психея. Это была любимая комната Марьи Афанасьевны, где она и расположилась нынче на канапе, полулежа, а девушки укутали ее ноги теплой шалью — графиня страдала камчугой и опасалась сквозняков.

— Где ты была, душа моя? — обратилась к ступившей на порог гостиной Маше графиня, поджимая недовольно губы. Она окинула цепким взглядом и румянец на щеках Машеньки, и белый воротничок, и кокетливо заколотую косынку на узких плечиках. — Не глуха ли ты часом стала, Marie, от крика казачка? Je vous demande ^[5], ты же изволь ответить!

Но Маша не успела даже рта открыть, как в дверь, едва затворившуюся за ушедшими по знаку хозяйки девушками, стукнули, и ступивший в гостиную Пафнутий Иванович доложил графине, что ее желает видеть барин, Андрей Павлович.

— Что он, даже с дороги не освежится? Сразу ко мне? — проворчала Марья Афанасьевна, но по ее посветлевшему вмиг при упоминании имени прибывшего лицу было ясно, что ей приятна подобная приткось, что она рада будет увидеть его. — И что за *ségémonies* ^[6] меж нами? Пошто разрешения велел просить? Пусть ступает, Пафнутий. Скажи жду. А ты, душа моя, ступай с Пафнутием да выдай пятак серебром из бюро из верхнего ящичка. Пусть мальчика одарит от меня. Обещалась же. Ну? Что замерла? Allez de se pas! ^[7] — графине даже пришлось повысвить голос на замершую Машу, что явно не желала уходить из этой комнаты вместе с дворецким. Но она знала, что послушаться не смеет, потому, тихо вздохнув, пошла мелкими шажками, которых требовала от нее графиня, к Пафнутию Ивановичу, открывшему тут же перед ней двери, пропуская барышню вперед, как и положено.

На пороге Машенька замерла, едва не уткнувшись носом в белоснежный мундир того, кто аккуратно приблизился в тот момент к дверям гостиной. Она вмиг вспыхнула, зарделась до самых ушей, поднимая взгляд на лицо мужчины, взглянув в его голубые глаза.

— Bonjour, mademoiselle Marie, — улыбнулся он, взял ладонь Машеньки, обтянутую тонкой тканью митенки, коснулся губами воздуха у самой руки, и обрадовав ее, и огорчив подобным приветствием. Она обернулась на графиню, что наблюдала за ними со своего места, а потом присела в книксене перед офицером и быстро юркнула мимо него, продолжая свой путь в покои графини. За ней, низко поклонившись барину, поспешил Пафнутий Иванович, напоследок подав знак лакеям у дверей тут же закрыть их плотно, чтобы разговор графини и барина не коснулся чужих ушей.

— Espiegle ^[8], ты, mon cher, сущий espiegle! — погрозила шутливо пальцем графиня, едва офицер шагнул в гостиную, и за ним затворили двери. — Пошто мою Машу дразнишь? Не дразни ее, mon cher, ни к чему то. Она ж не кокетка столичная, не уразумеет. Пойди расцелуй меня лучше. Я уж и запомятовала, каков твой вид, Андре! Позабыл ты меня, голубчик, позабыл! Даже литерами ^[9] своими не баловал!

— Ах, ma chere tantine, простите великодушно своего проказника-neveu ^[10], - кавалергард резкими размашистыми шагами пересек гостиную и, опустившись на канапе подле графини, прижал обе руки тетки к губам. При этом он так задорно улыбался, что и сама Марья Афанасьевна вдруг раздвинула губы в улыбку, да так широко, как редко улыбалась обычно. Запустила пальцы в русые волосы, шутливо дернула за вихры племянника, словно наказывая

за долгие для нее недели его молчания. А потом чуть погасла ее улыбка — заметила, что глаза Андрея серьезны, что улыбка не коснулась их.

— Худо совсем? — спросила она без особых расспросов, вспоминая то положение, в котором недавно оказался племянник не по своей воле. Еще совсем недавно, до Филипова поста схоронили старшего брата Андрея, убитого на дуэли. «Нечаянная смерть», был вынесен вердикт. Мол, случайно выстрелило ружье, когда тот на охоту вышел одним промозглым ноябрьским утром.

Но вся столица гудела на балах и в салонах, что был тот убит на дуэли, бросив вызов одному из конногвардейцев. Поговаривают, с тем была чересчур любезна его супруга, *brun petite charmante madam Olenina* [\[11\]](#), как называли ее в столице. Это и привело к ссоре Бориса с конногвардейцем, к последующей дуэли, а после и к скандалу, разразившемуся в свете.

Марья Афанасьевна не любила Надин, супруги своего старшего племянника, как не питала особой приязни и к самому Борису, холодному и высокомерному, любящему *jeter de la poudre aux yeux* [\[12\]](#), как укоряла она его по-родственному. Два небольших имения Олениных, отданных в заклад опекунскому совету [\[13\]](#) еще отцом братьев, Павлом Петровичем Олениным, были перезаложены уже Борисом после смерти отца, чтобы жить в столице, не особо нуждаясь, когда вышел в отставку по состоянию здоровья в 1806 году. Этих денег, а еще и полученного приданого за супругой вполне хватало, казалось, для того, чтобы старший Оленин жил в столице с мая по октябрь да еще снимал приличную дачу в пригороде на летний сезон, давал небольшие вечера для знакомых и пользовался вниманием светского общества. Его супруга слыла одной из красавиц Петербурга, а сам он хлебосольным хозяином и «славным малым», пусть и вспыльчивым да к тому же изрядным любителем этой «гадости», как называла азартные игры, Марья Афанасьевна. Он не был любимчиком фортуны и часто проигрывался, заставляя тетку досадливо морщиться, когда она получала от него просьбы помочь с оплатами долгов.

Сперва она так и поступала, пока не забил тревогу ее поверенный, умоляя приструнить племянника, ограничить его траты, и графиня попыталась образумить Бориса, заставить его отказаться от пагубной привычки. Но старший Оленин остался глух к ее словам, и она навсегда закрыла для него свой кошелек. А после того ужасного *scandale de familie* [\[14\]](#), что разразился прошлым летом и разделил семью на два лагеря, они и вовсе прекратили общение. Марья Афанасьевна даже решила не возвращаться в Петербург более, чтобы не встречать старшего племянника в свете и не слышать историй о нем или о его *brun petite charmante*.

— Худо? — спросила снова Марья Афанасьевна Андрея, пытаюсь разгадать хотя бы что-то за той каменной завесой, что опустилась на лицо племянника, едва она задала вопрос.

— *Cela n'est rien* [\[15\]](#), - проговорил он, снова улыбаясь ей той искусственной для нее улыбкой. Искусственной, ведь она так хорошо знала истинную. — Скажите лучше, как ваше здоровье, *ma tantine*? Софи писала давеча мне, что у вас снова был приступ камчуги. Как ныне?

«Софи писала...», отметила про себя Марья Афанасьевна. Сестра писала, не маман. Знать, ее любезная сестрица все так же стоит на своем — Боренька прав, Андрей же грешен, и *c'est tout* [\[16\]](#). Знать, все так же отвергает младшего сына, как отвергла от себя его прошлым летом, и даже гибель старшего не переменяла ее в этой дурости. Принимать от младшего сына вспоможение любое она может, но сердце для него закрыла. Дура, не иначе, прости

Господи!

— Я не молода уже, мой дружок, — улыбнулась Марья Афанасьевна племяннику, лаская по-матерински его волосы. — Уж пять десятков разменяла этим летом. Немудрено, что здоровье уже не то, что прежде. Но нет нужды тревожиться обо мне, Андре, — хожу же своими ногами, пусть и с тростью. Кстати, о палке той. Бранить тебя желаю, дружок, бранить! — она погрозила ему пальцем шутливо. — Ведаю, что на жалованье живешь одно, а мое вспоможенье отправляешь маменьке и сестрице. Да еще готова биться об заклад, что и эту вертихвостку, твою bru [\[17\]](#), содержишь ныне. А подарок сей ко дню тезоименитства мне справил с чего? Да еще с серебром на верхе рукояти. Не азартничаешь часом? Не люблю ведь.

— А коли с благоволением фортуны? — усмехнулся Андрей, и от этой усмешки сердце Марьи Афанасьевны тут же дрогнуло — так он был схож лицом с ним, кого во сне, бывало, видела, по ком сердце плакало до сего дня, даже спустя столько лет. — Я ведь, ma tante, с головой подхожу к любому делу.

— Ведаю о том, — кивнула графиня. — От того и не ругаю тебя за то, проказник! Так что там с делами? Ведь ведаю, что в отпуск ушел, чтобы дела поправить после гибели Бориса да в наследство вступить — долги, сплошные долги Олениных. Ведаю, что и бьешься аки рыба об лед ныне с векселями, что брат раздал твой окрест. И что в заклад отдал мой подарок к званию, тоже ведаю. Отчего меня не просил о средствах? Буду бранить, голубчик, тебя преежестoko. Я же родная кровь! Помощь от меня недурно принять.

— Я бы желал сам решить дела эти, ma tante, не обессудь, — отвердел подбородок Андрея, напряглись плечи. — Вашей милости для меня и так довольно. Положение, что имею — благодаря вам, ma tante.

— Ты не прав, mon cher, — покачала головой Марья Афанасьевна. — Моя милость была в том, чтобы ты к кавалергардам пошел в полк. Остальное же твоя заслуга. Разве награды твои не знак того? Разве отметина эта не доказательство тому? — она коснулась пальцами небольшого шрама на левой щеке, чуть ниже глаза, что оставила на память французская пуля, скользнувшая мимоходом по его лицу в день сражения под Аустерлицем. И Георгий с бантом [\[18\]](#) в петлице мундира в память об ином прусском сражении.

Ох, сколько же дней и ночей простояла Марья Афанасьевна на коленях в образных столичного дома и в усадьбах! Сколько сорокоустов заказала за это время, сколько свечек сожгла, сколько молитв сотворила! Аустерлиц, Прейсиш-Эйлау, Гейльсберг... Она помнила все эти названия, эти сражения, ведь каждое из них оставило свой след в жизни ее мальчика. Награды и звания, а то и шрамы. Как этот, как напоминание о той пуле, что едва не лишила его глаза, а то и жизни. Она вымолила его жизнь тогда, она точно знала то, и будет ее вымалывать впредь. Как мать, которой она хотела бы стать для него... Кто знает, был ли ее сын похож на Андрея, коли б тогда все сложилось по-иному?

Андрей поймал пальцы Марьи Афанасьевны и снова поднес их к губам, целуя те, как целовал бы руки матери, если б та была к нему столь тепло расположена, как тетушка. Но мать привлекала к себе всегда старшего, Бориса, а ныне, когда разверзлась пропасть между ними из-за той истории, и думать о том нельзя. И именно сюда, к тетушке, поехал Андрей теперь, когда стало так тревожно на душе, когда какие-то смутные предчувствия так и раздирают грудь, а тоска гложет сердце. Только тут он мог бы отдохнуть, пусть и временно забыть о том, что ждет его впереди, какие заботы у него в столице, позабыть о делах имений, что достались от брата, и одно из которых он передал матери во владение. Он непременно

выкупит эту землю первой. Чтобы у матери не было тревоги за свое будущее. Никогда более.

Андрей нахмурился, чувствуя, как медленно вползает в комнату мрак, что жил в его душе последние несколько месяцев. Он начал отступать только, когда морозный ветер ударил в лицо, едва почтовые выехали за заставу Петербурга, когда замелькали верстовые столбы по окраинам дороги. А развеялся совсем, когда сани въехали в эту липовую аллею, когда вдали показался дом, где Андрея всегда будут ждать. Всегда, что бы ни стряслось.

— Жениться мне что ли, *ma tantine*? — вдруг произнес Андрей задумчиво, глядя в огонь, что играл яркими всполохами за расписным экраном. Марья Афанасьевна взглянула пристально на племянника и улыбнулась довольно. Уж сколько раз она давала тому намеки и скрытые, и явные на то, но Андре упрямо уходил от ответа на вопрос о возможной женитьбе! А тут же! — Жениться с выгодой и разом все трудности решить...

— Есть на примете девица? — стараясь, чтобы голос звучал, как можно более равнодушно, не показал той бури, что вспыхнула в груди, проговорила Марья Афанасьевна. А тем временем уже прикидывала, кто в свете на выданье ныне. Из Петербурга ли взять девицу, по моде да по новым дням привыкшую жить? Или из Москвы приглядеть, где все по традиции да по старинке? — Отчего бы и не жениться тебе, *Andre*? Ты аккурат в *l'âge où l'on se marie* [19].

Андрей снова усмехнулся ей знакомой усмешкой, а после поднялся с канапе, зашагал широкими шагами по гостиной, заложив руки за спину. Остановился у окна и долго смотрел на двор, где дворовые посыпали дорожки песком.

— Желаете, *ma tantine*, я прочитаю ваши думы в сей миг? — произнес он, не поворачиваясь к графине. — Готов биться об заклад, вы склоняетесь ныне к Москве.

— Ах, ты негодник! — покраснела невольно Марья Афанасьевна, которая за эти минуты тишины мысленно уже подобрала достойную кандидатуру в невесты для него. И верно — та была из московского рода. А потом рассмеялась в голос, чего не позволяла себе давно, помолодев вдруг на глазах оттого, бросила в племянника, стоявшего у окна, небольшую подушку с канапе. — Ты негодник, *Andre*, так и знай! Я готова биться об заклад, что ты с умыслом подал мне мысль о возможном твоём *mariage* [20], чтобы я долее не донимала тебя разговорами о делах. Воля твоя, голубчик, не стану докучать тебе, не ныне. Да, кроме того, уж скоро на всенощную собираться. Скажу тебе от сердца, рада весьма, что ты со мной, Андрей Павлович, в этот праздник святой. Давненько мы всенощную Рождественскую подле не стояли. Ступай к ручке да к себе отправляйся. Шутка ли — столько в дороге! Отдохни покамест, — Марья Афанасьевна взяла со столика подле канапе колокольчик и позвонила. Тут же распахнулись двери, и в комнату ступил лакей. — Позови мне Марью Алексеевну, милейший. Да пусть возьмет один из роман французских, что начали... Хотя нет, постой! Дело ли французов в день такой читать? Пусть принесет Писание. Праздник же ныне! Ступай, *mon cher*, ступай, — снова обратилась она к Андрею, что склонился над ее ладонью, прощаясь на время. — Скоро солнце садится уже. Выезжать пора будет.

Андрей тогда ушел в покои, приготовленные к его приезду, и даже лег в постель, завернувшись в покрывало с головой, но сон не шел, несмотря на то, что последний раз в такой отменной кровати он спал более двух недель назад. На сердце по-прежнему давила какая-то странная тяжесть, словно камень навалился. Он шутил в гостиной о женитьбе, но в этой шутке была доля истины.

Его дела были из рук вон плохо. Помимо больших долгов по закладным в опекунский совет, предстояло оплатить векселя, выданные братом за последний год — немалые суммы.

А ведь предстояло еще высылать деньги матери и сестре, да и поддержать средствами Надин с малолетней Таточкой. Да и надобно бы справить парадный мундир, и заплатить квартирной хозяйке, и сапожнику. Эх, жаль, нельзя нарисовать себе ассигнаций пачку! А принимать у тетушки Андрей не желал — довольно того, что она оплачивает некоторые его счета и делает дорогие подарки.

Жениться... un bon mariage ^[21]спасет его. Или наследство. Не такое, как оставил ему Борис, а тому отец десяток лет назад. Доброе наследство. Но такое могла оставить только Марья Афанасьевна. Единственных два пути, которые могли спасти его в этом положении — женитьба и получение наследства, но оба такие нежеланные...

Андрей все-таки уснул и пробудился лишь, когда его тряс за плечо денщик Прошка. Надо было уже собираться к всенощной в церковь, стоявшую в селе на землях соседа Марьи Афанасьевны. Начищенные до блеска сапоги, парадный мундир полка с отполированными пуговицами, что блестели в свете свечей, как драгоценности на иной даме. Прошка даже Георгия прикрепил в петлицу, чтобы местные девицы провинции так и млели при взгляде на него: рослый и статный кавалергард, хорош собой да удал, судя по награде и шраму, нюхал пороху. Андрей усмехнулся своим мыслям, когда Прошка помогал облачиться ему в мундир, стряхивал с плеч невидимые глазу пылинки.

Марья Афанасьевна тоже была готова и вышла из своих покоев тотчас, как девушки принесли весть, что барин готов. Машенька была подле нее, в простеньком салопе и шляпке, подбитой заячьим мехом, смутилась, когда встретила взгляд голубых глаз Андрея. В церковь ехали, словно на бал столичный, отметил невольно Андрей — с фореитором на одной из лошадей четверки, с двумя гайдуками в ливреях и париках на запятках. Или может, он просто отвык от роскоши, что привычно окружала тетушку?

В церкви было многолюдно, оттого и душно, и шумно. Нет-нет, да кто-нибудь перемолвится словечком, а оттого что этих «кого-нибудь» было довольно, шепотки даже порой заглушали негромкий голос иерея, творившего службу. А поговорить было о чем — шутка ли, гостит у графини кавалергард да еще кавалер ^[22]! Не скрывала пола шинели блеска ордена боевого ничуть, не укрывала от глаз алый парадный мундир. Да и ростом Андрей выделялся среди большинства прихожан, оттого и не мог не привлечь взоров.

Снова обернулась та девица, что уже в третий раз бросала взгляд на него, будто бы тайком, дурно краснея при том. Именно эти некрасивые алые пятна на щеках и лбу выделили для Андрея ее из толпы схожих ей любопытствующих молоденьких ingénues ^[23] местного уезда. Скольких таких перевидал Андрей в уездных и губернских городах империи, пока полк следовал из петербургских казарм к местам расположения! Подобное женское внимание льстило, но ныне... ныне же оно злило, вносило странное раздражение в душу. Это совсем не добавляло благости, которой и должно полниться сердце в ночь Рождества Христова.

Андрей, раздраженный этим вниманием в такой миг, хотел уже переменить место, встать так, чтобы быть незамеченным этой рдеющей девицей. Но вдруг на него обернулась ее соседка в шляпке, обтянутой светло-серым шелком и украшенной длинными белоснежными перьями, что спускались на ее правое плечо. Она резко оглянулась на него, видимо, полюбопытствовав на кого так часто оборачивается ее спутница и словно обожгла его взглядом, брошенным вскользь из-под темных ресниц. Отвернулась тут же. Он только успел заметить русые туго завитые локоны и удивительно красивое лицо. Нет, красота этой незнакомки отличалась от общепринятых канонов, но было в этом лице нечто, что

приковывало взгляд, что заставляло смотреть и смотреть на этот высокий лоб, на большие глаза, на чуть широковатый нос и губы, изогнувшиеся спустя миг в улыбку.

И улыбку Андрей тоже успел заметить за этот короткий миг. Улыбка была лукавой и в то же время несколько презрительной. Казалось, ее взгляд говорил, что его обладательница дивится тому, что видит перед глазами, что он, приковавший к себе взгляды ныне большинства особ женского пола старше тринадцати лет, даже не стоит и этого мимолетного взгляда. Такой взгляд больно бил, и он не мог не обжечь Андрея в тот миг. Сразу же всплыло в памяти иное: темно-каштановые локоны, глаза цвета светлого ореха, пухлые губы, которые так и манило целовать без устали. И тот же лукавый и обжигающий взгляд...

... - Я люблю тебя, mon coeur ^[24], - зазвучал в голове в тот же миг дивный голос, который он так любил. — Я безумно люблю тебя, Андрей, но...

Это пресловутое «но», которое так часто путает карты, мешает пасьянсу, что так тщательно раскладываешь на столике, сойтись. Все время так. Но отчего, Господи, отчего? Ответа нет. Он сотни раз задавал его в тишине церковной, когда в храме было пусто, и сотни раз во время служб, когда так удивительно умиротворяюще, так цепляющее за душу пел хор. Ответа нет...

— C'est étonnant ^[25], - задумчиво произнесла Марья Афанасьевна, когда они дожидались после службы, пока подадут карету к воротам церковной ограды. Машенька зябко ежилась в своем салопе на заячьем меху, водила плечиками и топала ножками под подолом платья, думая, что никто не замечает ее действий. Андрею даже вдруг захотелось пойти и поторопить дворовых графини, видя, как мило она пытается согреться, чувствуя ее муки.

— Что именно? — спросил он, по паузе, которую держала графиня после своей реплики, угадывая, что она ждет от него подобного вопроса. А потом по спине, словно огонь пробежал, вынуждая его даже вздрогнуть от этого неожиданного ощущения. Андрей резко оглянулся.

Девушка в светло-серой шляпке даже не смутилась, когда встретила его взгляд. Только подбородок выше вздернула. Она стояла, гордо выпрямив спину, спрятав руки в муфте из белоснежного песка. Подле этой девушки были та спутница с маменькой, пожилой господин в шубе из темного меха, несколько молодых людей в пантикулярном платье ^[26] и офицеры — скудный свет факелов, что держали в руках лакеи, не позволял Андрею распознать по воротам мундиров, видневшимся из-под шинелей, каких войск те были. Господин скучал, ожидая экипажа, рассеянно раскланиваясь со знакомыми, что подходили к их кружку. Молодые люди явно лезли из кожи вон, чтобы обратить на себя внимание девушки в светло-сером, но безуспешно — она даже не поворачивала к ним головы, разглядывая пристально пару минут Андрея.

— C'est étonnant, — повторила Марья Афанасьевна, и Андрей повернулся к ней, отведя взгляд от столь смелой девушки. В этот миг к ним приблизился один из гайдуков и сообщил, что карета не может подъехать ближе к воротам, пока не отъедут кареты господина Шепелева, а тем в свою очередь, загородили выезд сани мадам Павлишиной.

— Надобно бы пройтись, ваше сиятельство, — пряча голову в плечи, что выглядело очень комично при его росте и стати, произнес гайдук виновато. Марья Афанасьевна недовольно дернула головой, отчего перья на ее шляпке забавно качнулись, а потом с размаху ударила тростью своего слугу по плечу. Машенька при том только и успела прикрыть веки на миг, чтобы не видеть этой очередной вспышки ярости, к которым она так

и не смогла привыкнуть за все время, что жила в доме графини.

— Никак не могу приучить их мозговать перед тем, как творить нечто, — проворчала Марья Афанасьевна, опираясь на предложенную ей руку Андрея. Потом он повернулся к Машеньке, предлагая ей принять его вторую руку, и она, опустив глаза вниз, робко положила красные от мороза пальчики на его локоть.

По пути к карете предстояло миновать тот самый кружок с девицей в светло-серой шляпке в центре. Потому пришлось задержаться возле них, едва поравнялись с теми. Андрей склонил голову в знак приветствия, Машенька низко присела в реверансе, а вот Марья Афанасьевна только кивнула. Господин в шубе поклонился им в ответ, за ним низко склонили головы молодые люди и офицеры, а женщины присели, причем Андрей был готов спорить, что та самая смелая девица едва ли согнула колени — лишь легкий намек на книксен.

— Ваше сиятельство, Марья Афанасьевна, — господин в шубе поднес к губам холодную с мороза руку графини. — С Рождеством Христовым вас! С праздником великим!

— Благодарю вас, Михаил Львович, — ответила графиня, принимая поздравления и своего собеседника, и от людей, что стояли за ним, поспешивших присоединиться к тем. — Благодарю от сердца. Примите и мои поздравления с Рождеством Христовым! Позвольте представить, коя возможность вышла к тому, mon neveu, что прибыл нынче с визитом с Святогорское. Ротмистр Кавалергардского полка Ее Императорского Величества Оленин Андрей Павлович, je vous prie d'aimer et d'estimer [\[27\]](#).

И снова легкие поклоны, и книксены, и слова, подобающие случаю, на французском и русском языках. И опять Андрей, мельком взглянувший на ту девицу в шляпке с белыми перьями, поймал ее взор на себе, заметил изогнутые в той самой улыбке губы. Вмиг кольнуло в груди, опалило огнем тело. Захотелось протянуть пальцы и стереть эту улыбку с губ, убрать это выражение собственного превосходства из широко распахнутых глаз. Откуда эта злость в душе? Он ведь десятки раз видел это выражение на лицах светских красоток, это явное выставление собственной прелести. Но именно ныне оно вызвало в нем такую острую неприязнь.

А может, это случилось от того, что она отчего-то при представлении протянула ему для целования руку в перчатке, нарушая негласные правила? Андрей, в тот момент касавшийся губами тыльной стороны ладони женщины в летах, судя по схожей линии лица, матери этих девиц, замер на миг, раздумывая, как следует поступить ныне. Он резко выпрямился и, взглянув в прелестное лицо в обрамлении серого шелка, проигнорировал протянутую руку в тонкой лайке, склонился к аккуратной ручке ее сестры, той самой, что так некрасиво краснела в церкви.

Он заметил, как прикусила губу прелестница, как чуть померк огонь превосходства в ее глазах, услышал, как рядом кто-то пробасил: «Слыхано ли?». Он уже готов был ко всему, даже принять вызов родственника или одного из вьющихся подле нее молодых людей, которые, судя по этим словам, могли спровоцировать ссору с ним для того. Скорее даже, не спровоцировать, а поддержать. Ведь первой бросила Андрею перчатку именно она, прелестница с русыми локонами и дивными глазами, дочь предводителя уездного дворянства Анна Михайловна Шепелева.

— Allez, папенька, je vous prie [\[28\]](#), - проговорила она, отводя взгляд от лица Андрея, пряча руку снова в муфте. — Порядочно морозно ныне. Пожалейте Катиш и милую Веру Александровну.

Мелодичный звук ее голоса, вполне достойный ее внешней прелести, вдруг заставил Андрея снова взглянуть на нее, задержать на ней взор долее положенного. Марья Афанасьевна сжала тут же пальцами его локоть.

— Едем и мы, *mon cher*. Не хватало горячки подхватить на таком морозе, — проговорила она, склоняясь чуть ближе к плечу племянника. Тот согласно кивнул, бросил компании, стоявшей перед ними короткое: «*Au revoir, messieurs, mesdames!*» и прощальные кивки господам и дамам, повел графиню и ее воспитанницу к карете, дверцу которой уже распахнул гайдук.

— Она ведь недурна собой, верно? Эта *mademoiselle* Шепелева, — проговорила Марья Афанасьевна, не особо таясь, когда они уже отъехали от села, в котором стоял храм. Машенька, казалось, уснула тут же, как села в карету — так устала стоять службу и утомилась за день до того.

— Недурна! — вдруг фыркнула Мария Афанасьевна совсем неподобающим своему возрасту и статусу. — Да она, надо признать, прелестна и лицом, и статью, недурно музицирует и поет. Богиня, и только, как говорят о ней здесь!

— Легко быть Афродитой в Гжатском уезде, — пожал плечами Андрей, намекая на удаленность этих мест от столицы, все же злясь на девицу за тот поступок и на себя, что невольно поддался очарованию ее красоты. Да-да, надо быть честным хотя бы с собой!

— Ты зол на нее, — проницательно заметила Марья Афанасьевна. — Ненадобно, *mon cher*. Она не имела намерения тебя жестоко оскорбить. Ты не отдал дань ее прелести в тот миг, когда она удостоила тебя взглядом, вот она и уколола, как сумела. Все это лишь игра для нее. *Annett est un enfant joueuse* [29], и только. Заприметила в тебе очередную забаву, коих, как ты заметил, вокруг нее немало.

— Ах, *ma tantine*, и вы говорили мне, что я *suprême* [30]! — улыбнулся Андрей. — С такими-то учителями немудрено!

Марья Афанасьевна пожалала плечами, словно говоря: «думай, как знаешь, я же промолчу». Спрятала от холода ладони глубже в муфту, зябко поежилась. Поскорее бы в усадьбу прибыть, лечь в постель, нагретую горячими кирпичами, да под пуховое одеяло!

— Ты прав, Андре, я не питаю приязни к *mademoiselle* Шепелевой, — произнесла она после недолгого молчания. — Я, признаюсь тебе, не могу принять и понять персон, в коих все с лишком. С лишком прелести, слишком стати, с лишком ума, не того ума, что жизни помогает, иного ума, заметь! С лишком всего! Будь она такой, как *cousine*, Катерина Петровна, при всем своем приданном, то я бы всерьез задумалась над твоим *marriage*, Андре. Да-да, не стоит так морщить лоб и кривить губы! Тебе вскорости разменять третий десяток, а ты еще холостым ходишь. Не дело то! Но только это Аннет Шепелева! И даже состояние ее семьи не заставит меня вспомнить о ней при таком деле, и родство с графом Туманиным, что дедом ей приходится.

— Даже так? — поднял брови Андрей. Марья Афанасьевна поджала губы, распознав в его голосе усмешку, кивнула резко головой.

— Именно так! Оттого и ходит Афродитой тут, на Гжатчине, а не в Москве или в столице, что с лишком всего. А спеси и самолюбования тем паче! Гляди же, *mon cher*, не попади в силоч. Такого молодца еще не бывало здесь отродясь, то я тебе говорю. Сама была в диковинку, когда решилась на проживание в этих местах с прошлого года. Попадешь в силоч и сам не заметишь того, а там и в ощиц!

Она не стала продолжать этот разговор, заметив, как похолодели глаза племянника,

говоря о том, что тот неприятен ему. Уступила его нежеланию, его стремлению поразмышлять о чем-то своем, пока карета скользила полозьями по снежной дороге в Святогорское, что показалось вдалеке маленькими огоньками, мигающими в серости начинающего зимнего рассвета. Закрывает глаза и откинулась на спинку сидения кареты, сделав глубокий вдох. Нет, мужчине никогда не понять и не приметить того, что может видеть только женщина. Никогда!

Марья Афанасьевна сильно бы удивилась, если бы узнала, что схожие мысли ныне были и в головке Машеньки, притворяющейся перед своими спутниками дремлющей, ловящей жадно каждое слово, что было произнесено в тишине дороги. Тихо ныло сердце при воспоминании о том, как смотрели друг на друга Андрей Павлович и mademoiselle Аннет — так пристально, так длительно, словно проникая в души, в самую глубь.

Не к добру то было, совсем не к добру. Машенька с трудом сдержалась, чтобы не скривить некрасиво носик и не заплакать ныне в полумраке кареты, выдавая своим спутникам, что не в дреме она. Ой, не к добру, сжималось ее сердечко, не к добру то знакомство!

Из-за неплотно затворенной двери в девичью спальню снова раздался громкий окрик Анны, что-то яростно выговаривавшей после него прислуживающей ей девушке. Но не этот окрик или резкие слова заставили мадам Элизу оставить свою работу, за которой она сидела у окна будуара, ловя последний свет дневной, пытаясь починить кружево в отделке платья. А звук пощечины, что раздался вслед за едкими словами — тихий, но ощутимый. Так бьют не для того, что причинить боль, а только для видимости наказания. Мадам Элиза была твердо уверена в том, ведь в ее воспитаннице не было явной жестокости к слабым и низшим. В *monsieur* Петре эта жестокость была, а вот Аннет, слава Богу, не имеет в своем характере подобной дурной черты.

Именно поэтому мадам Элиза отложила в сторону свою работу и поспешила из кабинета барышни в соседнюю спальню.

— *Que s'est-il passe, fillettes?* ^[31] — спросила она, едва отворила створки дверей, окинув быстрым взглядом комнату, задерживаясь глазами на каждой, кто был там.

Семнадцатилетняя Катиш, эта *petite cousine* ^[32] Анны и Петра Шепелевых, сидела, поджав ноги в вольтеровском стуле с высокой спинкой, прижавшись так плотно к той, что казалось, она желает раствориться в его обивке. *Petite cousine* Катерину называли не от того, что она была невысока ростом, а от того, что та отчего-то стремилась быть незаметной для окружающих, мучительно краснея, когда к ней обращались или бросали на нее мимолетный взгляд. Это свойство дочери алеть лицом по поводу и без оно доставляло немало расстройств ее маменьке, тетушке Анны по матери, Вере Александровне Крапицкой, что жила с младшей дочерью с прошлой весны в имении родственников.

Мадам Элизе даже порой думалось, что ее собственная дочь Полин, ровесница Анны, чувствует себя в доме Шепелевых гораздо свободнее, чем их кузина. Вот и ныне та лежала на животе на постели молодой барышни и играла домашней туфелькой на ноге, глядя со скрытым восторгом и какой-то хитринкой в глазах на отражение Анны в большом зеркале, перед которым та сидела, пока одна из девушек домашних аккуратно разматывала папильотки, давая волю темно-русым тугим кудрям.

— Ты слишком дергаешь! — повторила едко Аннет девушке, что краснела от собственной неловкости и чуть не плакала ныне перед барышней. — Останутся ли мои локоны при мне после твоей работы, милая? Больно ли тебе было нынче? Так и мне больно от пальцев неумелых твоих!

— *Mademoiselle Annett!* — резко проговорила мадам Элиза, и теперь уже Аннет вспыхнула от стыда, вдруг осознав, что сделала. Она знала, что мадам Элиза не любит, когда ее воспитанница выражает свои чувства чересчур бурно, даже с прислугой. Твердила ей с малолетства, что это не достойно истинной *mademoiselle*, что те должны быть милы, тихи и «выглядеть нежным цветком в райском саду». Да только вот ни дня не проходило, чтобы Анна не огорчала свою горячо любимую мадам, ведь для нее сущей мукой было сдержать свой норов, если что не по ее воле было.

— Я сама, — подошла мадам Элиза к сидящей на табурете Аннет, отпуская девушку вон из комнаты, стала аккуратно разворачивать папильотки. — Что за причина дурного настроения ныне? Тебе не по нраву платье? Очаровательное, я убеждена в том. Дивная и тонкая работа.

— Аннет в волнении от предстоящего вечера, — улыбнулась матери Полин, глядя на ту в зеркало. — А Катиш не желает говорить мне, от чего такой переполох вдруг случился.

— Катиш и не ведает о том! — резко ответила Аннет, дернув головой от злости, внезапно вспыхнувшей в душе. — Что толку пытаться ее? И потом — я вовсе не в волнении! Отнюдь!

— У тебя глаза потемнели, *ma chere*, отсюда видать. Верный признак, — кивнула Полин рыжеватыми кудряшками, которые в отличие от Аннет ей были даны от природы, и та показала вдруг ей в отражение кончик языка, за что и получила очередное строгое: «*Mademoiselle Annett!*» от мадам Элизы.

— К мадам графине прибыл гость, — вдруг подала голос Катиш, и Полин удивленно уставилась на нее, совсем не ожидая, что та примкнет к беседе. Обычно кухня Аннет молча присутствовала в их девичьем трио, только слушала и почти не говорила. — Ротмистр Кавалергардского полка Ея Величества.

Мадам Элиза тут же подняла голову и взглянула в зеркало на Анну, что невольно заалела щеками при таком пытливом взгляде, сцепила пальцы в замок, пытаясь не выдать легкую дрожь тех. Это от злости, уверяла она себя. Я зла на этого дурно воспитанного кавалергарда и только! Как он посмел! Как он только мог! Надо было позволить гневу поручика Бранова пылать и далее, зря она погасила едва начавшийся огонь своими улыбками и милой болтовней.

— Кавалергард! — вдруг воскликнула Полин, подсакивая на постели мигом. — *Mon Dieu!* [33] Он хорош собой? Каков он?

— *Mademoiselle Pollin!* — последовало одергивание подобного поведения девушки со стороны матери, но разве можно было образумить ее, державшую обожаемую Аннет за образчик?

Мадам Элизе было больно признавать свои ошибки, но она воспитала «маленьких избалованных чудовищ», как она нередко называла Аннет и Полин в разговоре с Михаилом Львовичем. И, кстати, немалая доля вины за это лежит и на самом хозяине, не только на ней, пытавшейся держать девочек в строгих рамках.

Мать Анны умерла, когда той едва сровнялось три года от рождения, вот и пытался Шепелев возместить эту потерю, что случилась тогда, дать своим дочери и сыну всю любовь, которую те должны были бы получить от обоих родителей. Петр смутно, но помнил ласку матери, а вот Анна была того лишена. Оттого девочка почти с рождения не знала ни в чем отказа, росла с убежденностью, что весь мир вертится вокруг нее и только. Вот и выросла к девятнадцати годам изумительно красивой, но такой своенравной, что даже сам Михаил Львович порой стонал от демонстрации ее характера.

А после того ужасного года в Москве стало только хуже, с грустью подумала мадам Элиза, с трудом сдерживая желание, чтобы не склониться к этой русоволосой головке и не коснуться губами мелких кудряшек, которые позднее лягут в высокий узел на затылке. Бедная моя девочка Аннет! Кто же ведал, что люди порой могут быть так жестоки!

— О, он так красив! — проговорила в то время Катенька, как обычно краснея лбом и щеками. — *Il est admirable!* [34]

— Ничего дивного и нет! — заметила Анна от зеркала. — Обычное лицо. Не дурное, не рябое, но и не красивое. Да еще и меченное к тому же. Прямо вот тут, под левым глазом, — невольно поднесла руку, чтобы показать, где у гостя соседнего имения расположен шрам, но поймав очередной пристальный взгляд мадам Элизы, опустила руку на колени.

Отчего та так глядит на нее? И вовсе нет того, что ей подумалось, едва не фыркнула Анна. Она поджала губы, вспоминая тот холодный взгляд, которым наградил ее в церкви тот офицер. Холодное равнодушие в ответ на ее взор — что может быть хуже? Словно, о ней можно сказать, что кроме доброго сердца у нее и нет ничего! ^[35] И после, возле церкви... Она ждала, что он найдет возможность представиться ей, как это было с гусаром Брановым, несколько седмиц назад. Нет же, даже не взглянул в ее сторону! И Анна тогда вдруг почувствовала себя снова в той бальной зале в Москве... холод, пренебрежение, равнодушие...

Как и эта графиня Завьялова напоминала ей былое своим снисходительным видом и светской холодностью, эта их соседка по землям, что сменила столицу на местный уезд, вдруг поселившись более года назад в пустующем до того имении. О том почти три месяца гудел весь уезд, из дома в дом передавая рассказы о том, как ведет себя графиня на местных вечерах, что носит, какова ее маленькая курносая воспитанница. Обсуждались даже собачки графини — французские болонки в бархатных жакетиках, которых та брала порой с собой на прогулки или в визиты. С графини вдруг взяли моду местные дамы в летах носить, выписав из столицы при первой же оказии, береты с перьями на раутах и балах или тюрбаны по особым случаям, коим являлись посещения домашнего театра господина Шепелева или балы, которые он давал с размахом, как представитель дворянства. Как и этот, по случаю Рождества Христова праздник, что каждый год устраивался в их доме — сперва бал в большой бальной зале на втором этаже с расписными потолками и зеркальными стенами, в которых отражаются сотни свечных огоньков, а после ужин на пять десятков персон, не меньше.

И как это бывало обычно, царицей признанной на этом бале и на других, что последуют за ним в наступающем 1812 году, будет она, Аннет! Как в целом по уезду. Разве есть в этих местах девица интереснее ее? Разве есть та, что может себе позволить то многое, что прощается ей как самой красивой, самой богатой и самой знатной? Ну, из молодых особ, поправила себя Анна, облизывая губы, стоя перед зеркалом, чтобы те призывно заблестели в свете свечей. С приездом в Святогорское графини ныне она была самой знатной из дворянства уезда. Были еще Голицыны, но они не жили здесь, предпочитая столицу этим местам.

Анна снова оглядела себя в зеркале пристально, стараясь подметить любую неверную деталь в туалете или выбившийся локон из прически. Но нет, все было так, как она и желала. Платье из белого газа, расшитое стеклярусом по круглому вороту, чуть открывающему хрупкие плечики и немного груди, с короткими рукавами-фонариками. Длинные атласные перчатки, красиво облегающие тонкие руки почти до самых рукавов. Белые ленты в волосах, крест-накрест переплетенные и удерживающие модную прическу *a la grec* ^[36], которую она подглядела в журнале давеча и которую едва сотворили из ее непослушных прямых волос, туго скрученных ныне в мелкие кудри, благодаря *papillotes* ^[37].

И отчего только ее считают красивой, склонила Анна игриво голову вбок. Сама же она думала о себе совсем иначе. Ей не нравились ее глаза — таков разрез их был, будто она чему-то удивлена была. Ей не нравился цвет ее волос — «мышастый», как называла она его. Хорошо было бы иметь, как у Петруши, льняные волосы или как у папеньки — чуть рыжеватые, а не эти блеклые, едва ли не серые.

Анна взяла со столика у зеркала белое пушистое перо и приложила к волосам, словно

плерез ^[38], покрутила головой, любясь открытой линией шеи, что так выделялась на белизне пера. Как жаль, что ей нельзя носить ни плерезов, ни камней богатых в украшениях, ни ярких цветов в платье! Ей казалось, что тогда бы она точно была такой красивой, что понравилась бы сама себе в отражении. Хотя, она улыбнулась своему отражению одной из своих особых улыбок, может, она и верно хороша?

— De toute beauté, ma chere! ^[39] — раздался в тишине ее спальни мужской голос, и Анна невольно взвизгнула от неожиданности и мимолетного испуга. В ответ раздался довольный смех брата, в объятия которого Анна с размаху влетела, резко развернувшись от зеркала. Тот легко оторвал ее от пола и закружил по комнате.

— Петруша! Милый Петруша! — воскликнула она, когда брат поставил ее после на ноги и коснулся губами ее ладоней, обтянутых атласом. Анна в ответ ласково поцеловала его в льянные кудри надо лбом. — Когда приехал? Милый мой, я уж думала — Рождество без тебя пройдет. Все нет и нет тебя. Папенька трижды на станцию сани посылал, а те пустые возвращались. Я едва в уныние не впала душой, оттого что нет тебя.

— Вот он я, ma chere! — Петр сжал легко хрупкое плечико Анны, а потом взял ее ладонь, покрутил словно в туре мазурки вокруг себя. — Дай поглядеть на тебя, чаровница моя! Все ж столько месяцев розно. Хороша, ох, хороша! В мазурке позволишь повести тебя?

— Comme toujours, mon cher ^[40], - улыбнулась ему сестра ласково, чувствуя, как быстро бьется сердце в груди от волнения этой встречи.

Она слепо обожала брата. Была его тенью с малых лет, везде следовала за ним хвостом. Когда пришла тому пора уезжать в пансион на обучение, едва Петру минуло пятнадцать годков, она убежала из дома тайком вслед за коляской, что увозила брата. Ее насилу отыскивали под вечер — заплаканную, в перепачканном платье и с грязным лицом и руками.

— Моя милая, шестилетних девочек не берут в пансионы, — убеждал в тот вечер ее отец, качая на руках. — Они чересчур малы для того и ростом, и по годам. Да и потом — оставишь ли, Аннет, своего папеньку одного? Папенька будет слезки лить каждый Божий день без своей Анечки! Пусть Анечка пожалеет папеньку, пусть пожалеет его сердечко!

И она тогда целовала папеньку в щеки и в лоб, приговаривая, что никогда не оставит своего папеньку, никогда не оставит Петрушу любимого. Отец тогда пообещал ей, что брат будет часто приезжать из пансиона, что так же не оставит их одних.

— Но после, Анечка, когда Петруша из пансиона выйдет, ему надобно будет на службу идти к императору нашему. То есть долг его перед Отечеством нашим, перед государем, — и снова стал утешать дочь, залившуюся тут же слезами. — Ну, что ты, мое сердечко! Не плачь, моя хорошая. Я его пристрою в Москве на службу, а потом уж и мы приедем в город сей. Тогда снова будем все вместе — ты, я и Петруша наш.

— И мадам? И Полин? — спросила девочка, утирая слезу с щеки кулачком.

— И мадам Элиза, и Полин, и все-все, кого пожелаешь с собой взять, — улыбнулся отец.

— А когда мы поедем в Москву? — и отец поднял вверх ее ладошки, растопырил маленькие пальчики.

— Минет столько годков, и тут же поедем, моя хорошая.

И Анечка терпеливо ждала все эти десять лет, пока минет этот срок, и она снова будет жить вместе с братом и отцом одним семейным кружком. Она поедет тогда в дивный город Москва, о котором ей и Полин часто рассказывал Петруша, когда приезжал на каникулы, а позднее и в короткие отпуска домой. И Анечка торопила дни до того момента, когда их дорожная карета пересечет заставу при въезде в Москву, представляя себе те будущие дни,

что ждут ее там. Жаль, что мечты редко когда бывают схожи с жестокой реальностью!

— У меня для тебя маленький подарок, — шепнул Анне брат, вырывая ее из нахлынувших тягостных для нее воспоминаний. — Закрой глаза, *ma chere*.

Она подчинилась — плотно зажмурилась. Петр развернул ее в сторону зеркала, как она поняла, а потом по коже груди скользнуло что-то обжигающе холодное, отчего она даже вздрогнула невольно.

— *Il est indécent* [41], Петр Михайлович! — тут же раздался голос мадам Элизы, ступившей в покои Анны, что поторопить ту выходить. — Она не может надеть это, и вы прекрасно о том ведаете! Как можно же!

Анна распахнула глаза. На ее груди висела небольшая жемчужина на тонкой серебряной цепочке, так красиво блестящая в свете свечей, что у нее перехватило дыхание.

— *O, madam, je vous prie!* [42] — взмолилась она, не желая расставаться с этой небольшой жемчужинкой. — Право слово, я даже готова замуж пойти уже за любого, лишь бы носить то, что желаю!

— Ну, так уж и за любого! — рассмеялся Петр, обнимая сестру за плечи, а мадам Элиза только заметила, поджимая губы:

— *Quelle bêtise!* [43] Пора, Аннет, пора выходить, — она поманила ее к себе. — Михаил Львович скоро знак подаст бал открывать, а ты все в покоях у зеркала вертишься.

— Пусть жемчуг останется, мадам Элиза, прошу вас, — попросил Петр, провожая взглядом шагнувшую к порогу спальни сестру. — Он так красив на ее коже, любо смотреть. Ступай, *ma chere*, я же опоздаю к началу — надобно мундир переменить, да с дороги хоть чаю выпить что ли. Но к мазуру я буду определенно, Аннет. Мазурка моя, так и знай!

Катиш и Полин уже ждали в небольшом салоне покоев Аннет, в белых платьях и высоких белых перчатках, как и у нее самой — словно ее отражения. Анна не могла не поморщиться недовольно. Папенька позволял ей с недавних пор носить на балах и другие пастельные цвета наперекор правилам, но на больших приемах, как этот Рождественский, требовал от нее строгого соблюдения этикета. Белый цвет для девицы и только! Скука! Не один десяток девиц в платьях подобного цвета будет ныне в зале — хрупкие бабочки с белоснежными крылами.

Хорошо хоть отделкой можно было выделить себя из толпы схожих юных прелестниц. Вон и Катиш выделила высокую линию талии широкой атласной лентой цвета *cuisse de nymphe etue* [44], а светлые волосы вплела более тонкие ленточки того же оттенка. Недурна совсем, оглядела с легкой ревностью кухню Аннет. Хоть и некрасива лицом, но все же недурна.

Девушки уже проходили по лестничной площадке второго этажа, служившей неким переходом из хозяйской части дома в иную половину, для приемов, как вдруг Катиш замерла, остановилась как вкопанная, приложив ладонь к сердцу.

— *Qu'arrive-t-il?* [45] — встревожилась мадам Элиза, сопровождавшая девушек, уже готовая подать знак одному из лакеев, стоявших у дверей. Анна обернулась на кухню, заметила напряженный взгляд той сперва в распахнутые двери в парадную анфиладу, ведущую к зале, а потом вниз — на площадку холла, где старый швейцар встречал припозднившихся гостей.

— Нет нужды тревожиться, мадам, — проговорила она, изгибая губы в усмешке. — Это Катиш в сердце Амура попал стрелой еще давеча на всенощной, а ныне та глубже проникла.

Катиш бросила на кухню недовольный взгляд и произнесла зло:

— А жемчуг в дар получать — *pleurer à chaudes larmes* [46] позднее!

— А коли б слушала батюшку Иоанна, ведала, что суеверие есть грех! — Анна сжала сильнее ручку веера, с трудом сдерживаясь, чтобы не стукнуть кухню по плечу. — Пророчицей стала? Так я тебе нынче напрогочу, желаешь? Что там душа твоя просит? Чтоб кавалергард в карточку запись сделал? Мечтай боле! Тебе только Павел Родионович и может запись сделать жалеючи! Или кто иной, коли попрошу. Что губы кривишь? Думала, по прелести твоей карточка полнится твоя на танцы? Нет, милая моя, по слову моему!

— Какая же ты злая! Ты гадкая! Гадкая! — Катиш резко развернулась и бросилась обратно в хозяйское крыло. Лакеи едва успели распахнуть двери перед ней. Мадам Элиза открыла рот, но не успела она и слова произнести, как Анна побежала за кухней. Тогда она, вздохнув, подала дочери знак следовать за ней и направилась за убежавшими барышнями.

Все как обычно. Ничего нового. Анна обидела не со зла и совсем того не желая свою кухню словом, не сумев сдержаться, и ныне будут рыдать в голос обе, умоляя друг друга простить за гадкие и злые слова. Только лица покраснеют дурно да припухнут от слез. И если личико Анны можно будет быстро выправить от этой красноты и припухлости ледяной водой, то Катиш будет суждено ныне на бале быть с красными пятнами на лице. Впрочем, она бы и так алела от смущения. Может, и незаметно будет после следов слез.

Но еще один человек, что невольно стал свидетелем этой бурной ссоры, помимо слуг, не знал, что подобные обмены злыми словами были не в диковинку в этом доме. Андрей замешкался в вестибюле, отдавая лакею салопы тетушки и Маши, передавая тому свою шинель, а потом его вдруг схватил за пуговицу мундира только прибывший старичок со слуховым рожком и, с кем-то спутав, долго что-то выпрашивал. После не выдержал этого напора старости и глухоты, взял мягко, но требовательно старичка за локоть и повел наверх, в залу. Они только ступили на первую ступень лестницы, ведущей на второй этаж, как разразился этот неприятный инцидент.

И снова *mademoiselle* Шепелева, как заметил Андрей, подняв голову вверх. Да, тетушка права — дурно воспитана и своенравна. Жаль, что такая прелесть таит под собой эти качества. И жаль, что он не может оторвать от нее взгляда. Какого черта, злился он сам на себя, когда снова и снова находил по верху голов ее русоволосую головку в окружении других — разных мастей, но определенно мужских.

Она не стала подавать ему руки, когда подошла вместе с кухней и рыженькой хорошенькой компаньонкой поприветствовать ее тетушку, по обыкновению занявшую место в одном из кресел у стены залы. Только присела в реверансе, придерживав подол платья, опустив скромно глаза в пол. Не будь той сцены, что Андрей увидел нынче, он поддался бы этому скромному очарованию, этой юной прелести, и непременно записал бы в ее карточку танец, чтобы хотя бы на миг коснуться этой русоволосой дивы. Но он помнил эту мимолетную ссору кузин, видел припухлость от недавних слез на лице Катерины Петровны. Лицо же Аннет было словно мраморное — без красноты, без иных следов, которые выдавали бы, что и она раскаивается в содеянном. Нет, красивое, но холодное лицо с легкой улыбкой на губах...

Бал начался. Прошлись сперва в полонезе, что по этикету должен открывать танцевальный вечер. Андрей выбрал с позволения Марьи Афанасьевны для него Машу, не желая пока вести в танце никого из новых знакомых. После решил пропускать танцы, и только на легкую кадрили, быть может, выбрать кого-нибудь из юных девиц или замужних

прелестниц, чьи взгляды он ловил на себе украдкой.

— Отчего не танцуешь, *mon cher*? — обратилась к нему тетушка, устало прикрыв веки. Она плохо отдохнула перед балом, и ныне на нее то и дело наваливалась дрема. — Еще нарекут тебя букой и дурно воспитанным, мне на огорчение. Поди, пригласи кого-то из девиц. Вон, та с крупными буклями у ушей, с кружевным эшарпом, девица Колосова. Танцует недурно, я заметила, ног не отдавит.

— Нет покамест желания на то, *ma tantine*, — ответил ей Андрей, не двигаясь с места и так и подпирая колонну возле кресла графини. Маша, опустив глаза в пол, явно скучала, стоя позади графини — то сворачивала, то разворачивала веер Марьи Афанасьевны, который та отдала ей подержать на время.

Сама же графиня снова поднесла к глазам лорнет и оглядела залу и людей, что находились тут, словно выискивая кого-то. Задержалась на Анне Шепелевой, как заметил Андрей, отчего-то вздохнула, чуть качнула головой, отчего цветные перья на ее тюрбане забавно качнулись вверх и вниз, вызвав улыбку на губах Маши. Она поймала на себе взгляд Андрея, покраснела, когда он подмигнул ей, сам дивясь своему поступку. К чему он сделал то? Итак, бедняжка, алеет лицом, когда глядит на него украдкой, и он прекрасно знал отчего. Потому и не будет ее более ангажировать нынче — чтобы не давать надежд, к чему они, когда пусты, когда бесплотны?

А потом была мазурка, которую танцевали в середине залы Анна и ее брат, когда остальные расступились вкруг, памятуя о том, что брат и сестра Шепелевы неизменно танцуют ее на Рождественском балу. Андрей запомнит тот танец на всю жизнь: две фигуры на свободном пространстве паркета — одна в белом, стройная, воздушная, вторая — в зеленом мундире кавалерии. Оба статные, красивые лицом, так и приковавшие взгляд к себе. Как легко летала Анна вокруг брата, как игриво разлетался подол ее платья, и развевалась ее тонкая шаль за спиной, словно крылья ангела!

Ангел, сущий ангел, подумал Андрей невольно, когда к концу танца Анна раздумянилась слегка, стала улыбаться такой удивительной улыбкой, от которой у него вдруг забилося сердце быстрее обычного. Совсем иная была та улыбка — мягкая, добрая, полная разрывающего душу счастья. Ее глаза так и сияли каким-то мягким светом.

Анна взглянула на него пару раз, когда оббегала брата в танце. Украдкой, совсем мимолетно, но он успел поймать этот взор, от которого вдруг встрепенулась душа. Неужто он ошибся в своей неприязни к ней? Ныне, когда он смотрел на Анну, которую кружил Петр в мазурке по зале, Андрей понимал, отчего вокруг нее, словно мотыльки, выются поклонники. Она действительно ныне была изумительной. Такой он не видел ее прежде, и такая Анна... Анна, Аннет, Анечка...

Отзвучали последние аккорды мазурки, Петр, в последний раз топнув каблуком по паркету, развернул Анну лицом к зрителям под их восхищенные и восторженные выкрики, под гром аплодисментов, что грянул, едва смолкла музыка.

— Пойду я в игровую, — вдруг произнесла графиня, пытаясь перекрыть весь этот гвалт. — Желаю партейку в вист. Ты со мной ли, Андрей Павлович?

— Нет, прошу простить, но к картам ныне не расположен, — склонил голову Андрей, все еще провожая взглядом отходившую к своему кружку Анну. — Я решил последовать вашему совету, *ma tantine*.

— Неужто? — переспросила графиня, а потом снова вскинула лорнет, наблюдая, как Андрей удаляется к противоположному углу залы, где под статуэткой Амура крылатого

стояла Шепелева с девицами. Маша тоже проводила взглядом уходящего Андрея, прикусив губу. Она видела, как он не мог глаз отвести от фигурки Анны, когда та с братом в мазурке шла, знала, что это случится. Разве можно не отдать свое сердце mademoiselle Annette, признанной красавице уезда?

— О, ma chere, похоже, тебе предстоит принять оливковую ветвь, — усмехаясь, прошептал в ухо сестре Петр, едва заметил приближающегося к ним кавалергарда. Он уже был наслышан от Полин о той истории, что случилась у церкви, видел мимолетные взгляды, что бросала Анна в сторону этого офицера в алом мундире. О, определенно все становится занятнее и занятнее!

Анна резко обернулась, удивляясь тому ритму, с которым ее сердце плясало в груди. Нет, это вовсе не от того, что она прочитала в глазах кавалергарда, когда смотрела на того в танце. И не от того, что он подходит ныне к ним. Она когда-то говорила, что у него обычное лицо? О нет, у него было удивительное лицо — такое мужественное, такое привлекательное...

— Разве могло быть иначе? — улыбнулась она довольно, и брат рассмеялся, а потом умолк, когда кавалергард приблизился к ним. Короткие взаимные поклоны мужчин, и реплика Петру:

— Позвольте ангажировать даму на кадрили.

У Анны даже ладони вспотели под атласом перчаток вдруг при звуке его голоса, бросило отчего-то в жар. Она нахмурилась, вспомнив, что танец у нее уже ангажировал тот гусар, Бранов. Пойти танцевать с кавалергардом означало нарушить все мыслимые правила. Но все едино, вдруг решила Анна, удивляясь своему желанию во что бы ни стало пойти в кадрили с этим светловолосым офицером. Пусть обсуждают и осуждают после, пусть даже накажет папенька! Она подаст руку этому кавалергарду, она впервые всем сердцем желала так страстно это сделать.

А потом вдруг случилось то, чего она не ждала. Да признаться никто из их небольшого кружка не ждал того. Андрей повернулся к Катиш и протянул руку к ее танцевальной карточке, висевшей на шнурке на кисти руки. Та, краснея и смущаясь, протянула ее кавалергарду, который вписал свое имя, ангажируя следующий танец. Потом выпрямился и поклонился с достоинством всем, включая Анну, так и не сумевшую отвести от него взгляда. Что было в ее глазах, на ее лице? Гнев, удивление и... боль?

Прежде чем он успел разглядеть эти мимолетные эмоции, Анна отвернулась от него, развернула веер и что-то зашептала в ушко рыжеволосой подружке, сопровождая свои слова той знакомой ему презрительной улыбкой, так некрасиво изогнувшей ее губы. Зазвучали первые звуки кадрили, и Андрей с коротким поклоном подал руку Катиш. Та не могла не взглянуть в сторону Анны, уходя, как и Андрей, сам не зная зачем, снова заглянувший в серые глаза прелестницы.

— О Боже, уведи меня отсюда! — прошептала Анна брату, вцепившись вдруг в рукав его мундира. Она видела, как к ней спешит Бранов, как протискивается через толпу Павел Родионович Павлишин, которого она отправляла за лимонадом. Видела начинающих кадрили танцоров в белых и цветных платьях, в мундирах и фраках, отблески огоньков десятков свет в зеркалах. Видела и в то же время не видела, снова была в Москве, на том самом злополучном балу...

— Уведи меня! — было нечем дышать. Боль, разрасталась в груди, до невероятных размеров, казалось, что лиф стал таким тесным вмиг. Закружилась голова, и пришлось

прикусить до боли язык, лишь бы не упасть в обморок, не доставить такого удовольствия окружающим.

Петр без лишних слов взял ее под руку и повел в соседнюю комнату, пустовавшую на ее благо в этот момент. Кажется, по пути их останавливал отец, что-то спросил, Анна не поняла. Она видела перед собой только лицо кавалергарда, его глаза, что так манили ее во время того танца, говорили, как он увлечен ею.

Как она могла ошибиться? Как? Она же ясно читала в его глазах, словно в открытой книге. Так ее оскорбить, так унижить! Она сжала веер так сильно, что рукоять больно впиалась в ладонь.

— Будет ползать у моих ног, как болонка его тетки! — прошипела Анна, наблюдая за танцующими в соседней зале через распахнутые двери. Петр отвел с ее лба упавший во время мазурки локон, выбившийся из-под лент, коснулся губами на удивление холодной кожи под этим завитком.

— Оставь, Анечка, оно того не стоит, — прошептал он. — С чего ты так разъярилась? Ну, пригласил он Катиш, что с того?

— Ты же видел, как он смотрел на меня! — ответила Анна. — И видишь, как они все смотрят на него! Это вызов, ничем не прикрытый вызов для меня. Он играет со мной. Играет и наслаждается, должно быть, ныне, тем как шелкнул меня по носу. Ну уж нет! Я не позволю так поступать со мной! Боле никогда! Никогда!

Она прикрыла глаза на миг, вспоминая эти шепотки, эти пересуды, тихий смех за своей спиной, что были тогда. Снова сжалось сердце больно. О, она ненавидит этого столичного офицера, что решил со скуки поиграть с ней! За те страхи и тревоги, что опять выползли из того укромного уголка ее души, куда она их загнала пару лет назад.

— Оставь, *ma chere*, я знаю этот тип, — Петр с усмешкой глядел в зал, где легко можно было заприметить среди прочих светловолосую голову кавалергарда. — Так можно...

— Что? Что можно? Ты знаешь меня. Неужто не смогу? Не сумею неужто?

— Оставь, говорю, — повторил Петр, а сам видел, как разгорается в сестре огонь. Она долго смотрела в залу, а потом повернулась к брату. Глаза горели, губы решительно поджаты.

— Полгода, Петруша. Шесть месяцев и ни днем ранее, — произнесла она.

— Для чего таков срок?

— Полгода, и Андрей Павлович Оленин придет в этот дом смиренно просить моей руки!

— Звучит как пари, — усмехнулся Петр, а потом замер, заметив, как упрямо она подняла подбородок вверх. — Помилуй Бог, Аннет! *C'est fou!* [\[47\]](#)

— Ты принимаешь?

— *C'est fou!* Я тоже, должно быть, но я всегда в твоих затеях! Принимаю! — он протянул руку и пожал тонкие пальчики сестры, обтянутые атласом. — Срок — полгода. Цель озвучена. Пари на желание. *D'accord?* [\[48\]](#)

— *Ainsi la question est résolue. Un pari* [\[49\]](#), - заключила Анна, победно улыбаясь, словно уже заранее предвкушала свою победу, и на миг Петр даже пожалел, что ввязался в это. А вдруг она добьется своего, как получала всегда желаемое? Но нет, не может быть того. Человек — не безделушка, так просто не заполучить его против желания того. А аккурат этого Петр и не заметил в кавалергарде. Зато так даже проще — легче будет добиться от Анны того, что он так тщательно планировал последние два месяца. Не будет ссор и криков.

Желание есть желание.

— Un pari, — подтвердил он и улыбнулся Анне в ответ на ту улыбку, что она послала ему через тонкое кружево веера.

Россыпью искрящихся бриллиантов разливалось солнце по снежному полотну, что раскинулось ныне окрест. Еще не пришло Крещение с его злыми морозами, что надолго загоняли в теплые, хорошо протопленные дома. Еще всю резвилась детвора за зимними забавами под яркими и такими ласковыми в этот зимний день солнечными лучами.

Вот и из дома Шепелевых вышли на прогулку сразу же после позднего завтрака, рассыпалась молодежь в аллеях парка под неусыпным контролем более взрослого поколения: Михаила Львовича, что шел с удовольствием подставляя лицо солнечным лучам, мадам Павлишиной и нескольких гостей, что остались после Рождественского бала до кануна нового 1812 года. Мадам Элиза держалась в стороне от этой группы прогуливающих, как и от молодежи, что с громким смехом бросала ныне друг в друга снегом. Даже барышни поддались этой забаве и черпали пригоршни рассыпчатой белой крупы, чтобы бросить в молодых людей, смеясь.

— Сущие дети! — качал головой Михаил Львович, улыбаясь. Хорошо, что графиня Завьялова не присутствует при этой прогулке! Как бы она ныне кривила губы недовольно, «*De toute provincial!*» ^[50] непременно отметила бы она. А вот сам Шепелев считал, что пусть лучше молодежь радуется этому солнечному дню, проводя время на свежем воздухе, чем ночи в бальной зале или прокуренной игорной или бильярдной. Он взглянул на мадам Элизу, что хмурилась, глядя на эти забавы, поправляя пуховый платок, повязанный поверх капора. Она жила в России уже около двадцати лет, а так и не сумела привыкнуть к местной морозной зиме.

— *Madam Elise*, — поманил он ее к себе и пошел ей навстречу, когда она направилась к нему, предложил ей руку. — *Beau jour* ^[51], верно? А вы хмуритесь...

Мадам Элиза вскинула голову и чуть прищурилась близоруко, глядя на своих подопечных. Анна как раз предложила сделать «снежных ангелов», как когда-то делали в детстве. Тут же все попадали со смехом в снег, стали двигать руками, создавая на чистом снежном полотне фигуры. Потом стали молодые люди подниматься, помогали подниматься барышням, подавая руки.

Анне на помощь в том пришел молодой Павлишин, скромный и молчаливый молодой сосед, недавно вернувшийся из университета в родные края. Его мать, мадам Павлишина, просила Михаила Львовича ходатайствовать за ее сына на должность заседателя в уездный суд для начала службы. Михаилу Львовичу нравился он, оттого он с удовольствием решил взяться за это дело и помочь соседу сесть на это место в суде. А самому Павлу Родионовичу Павлишину по сердцу пришлась Аннет, так и вился возле нее чуть ли не ежедневно, молча, с легкой грустинкой в глазах наблюдая за ней через стекла очков. Куда ему среди всех тех, кто окружает его Музу, которой он посвящал стихи и сонеты? Куда ему до тех блестящих офицеров, что приезжали из Гжатска или окрестных имений?

Но ныне Павел Родионович первым успел подать Анне руку, помог подняться на ноги из снега. Михаил Львович так и понял, что не сложилось при том между теми, но Анна вдруг резко развернулась от господина Павлишина и зашагала по аллее к усадебному дому. За ней, явно недоумевающая перемене настроения, поспешили тут же остальные гуськом.

— Что с Аннет? Не заболела ли часом? — встревожился Михаил Львович. — То грустна, то весела. То плачет в голос, то смеется, будто безумная, мне жаловалась на то

Пантелеевна давеча. Стала вдруг груба и резка с дворовыми. Говорят, прошлого дня перед балом ударила Глашу, а нынче вон лакея за завтраком оттолкнула, дивно то. Все признаки расстройства души легкого. Как тогда... после столицы, черт меня понес туда!

— Пантелеевна стара, и не видит... дальше собственного длинного носа! — резче, чем хотелось бы, ответила мадам Элиза. У них со старой нянькой Анны вот уже не один десяток лет велась скрытая вражда. Быть может, из-за ревности, ведь обе безумно ревновали барышню друг к другу. — Это расстройство зовется легкой влюбленностью, Михаил Львович. И явным неприятием того, что творится в душе. А еще злостью от соперничества, ведь то впервые за годы для нее.

— Помилуй Бог, да кто же? — Михаил Львович потер озябшие ладони друг о друга, пытаясь согреть те. — Ни к кому расположения ее не замечал. Не было того. Неужто гусар тот? Тот, что с усами такими роскошными, что басит вечно — ба-ба-ба, бу-бу-бу мне на мигрень... он ли?

— Гусар! О, нет, то не гусар! — покачала головой мадам Элиза. — Думаю, этот гость соседки нашей, мадам графини.

— Красномундирник? — нахмурился Михаил Львович. Он недаром высказался так резко и презрительно — определенно были причины не любить офицеров кавалергардского полка, хоть он и признавал, что под Богом разные люди ходят. — Помилуй Бог, сызнова! А я то думал, он за Катиш нашей увивается. Мне вон все прошлые два дня Вера Александровна о нем только и жужжит на сей счет. Всего один танец, а уже взяли в оборот молодца! Он вон и с младшей Колосовой в экосезе ходил. С каких пор у нас танец протанцевать означает обещаться? Глупо же!

— О, *c'est Annette!* — воскликнула мадам Элиза, предупреждая Михаила Львовича о приближении дочери. Тот смолк вовремя и обернулся к Анне, что в пару шагов подошла к ним.

— Что, душенька моя? — Михаил Львович улыбнулся дочери и, получив ответ ее: «Замерзла!», взял в ладони ее холодные пальчики, стал отогревать своим дыханием. — Замерзла, моя Анечка, моя хорошая. Ну, пойдем почаевничаем, пойдем отогреемся в дом, — и после громко и резче для всех остальных. — *Messieurs, mesdames*, прошу всех в дом! В дом!

Некоторые из гостей, например, изрядно вывалявшийся в снегу тот самый гусар, о котором вели тайную беседу Шепелев и мадам Элиза, были вынуждены все же отказаться от приглашения — сидеть за столом в мокром платье, помилуй Бог! Часть из них обещалась вернуться вскорости спустя короткое время аккуратно, как спустятся к чаю из покоев в столовую. Их отпустили со строгим наказаньем вернуться, те обещались — смех, гвалт голосов наполнили вестибюль.

Анна не стала стоять подле папеньки в тот момент. Она знала уже, что нет нужды, к примеру, уговаривать Павлишиных — Павел Родионович вернется среди первых к чаю. Потому ушла, попросив позволения к себе, чтобы переменить платье и хотя бы около часа побыть наедине со своими мыслями. Она тут же отпустила Глашу, как та застегнула последние пуговицы на спинке ее платья, а потом подошла к бюро, что стояло в углу спальни, выдвинула один из ящичков и достала атласную перчатку, которая была на Рождественском балу. А потом упала в постель, глядя пальцами белый атлас.

Она вернулась в залу скоро, выправилась от своего внезапного приступа. Холодная, скучающая, ироничная. Она шутила и улыбалась своим собеседникам, что снова обступили ее в кружок, что-то говорили ей, рассказывали анекдоты. Вернулась с кадрили Катиш, виновато

опуская взор в пол.

— Пойди сюда, *ma chere*, что встала так далеко от меня? — протянула к ней руки через обступивших ее Анна, улыбаясь, и Катиш просветлела лицом, шагнула к кухне, вкладывая свои пальчики в ее ладони.

— Ты не сердисься, *ma chere Annette*?

— Конечно же нет! *Quelle bêtise!* [52] — а после на виду у всех расцеловала кухню в обе щеки, показывая тем самым, что расположена к той всей сердцем. Верно, к чему злиться на Катиш? Разве ее вина, что кавалергард завел эту игру? Правда, поверит ли, коли скажет ей Анна о том, чтобы не брала Катиш на веру все происходящее? Что не всегда бывает на деле то, что мнится.

А после был экосез, на который Анна пошла танцевать с Павлом Родионовичем. Кто-то свыше решил пошутить снова нынче над ней и поставил в общие фигуры с ним именно эту пару: девицу Колосову и кавалергарда. Сперва она хотела показать свой норов опять, свое гнев на него, выплеснуть свои раздражение — только сделать вид, что она кладет свои ладони в его руки, как того требовал танец, продемонстрировать открыто, как ей неприятно его прикосновение и он сам. В отместку за ту боль, что тогда рвала ей сердце.

Это было сперва. А потом, когда Анна шагнула навстречу ему, когда протянула свои руки к нему, то не смогла преодолеть то странное желание, что вспыхнуло в ней, вложить свои пальчики в его широкие ладони. Андрей обхватил тогда ее ладони так крепко, но в то же время так деликатно и нежно, что она вздрогнула при этом касании, чуть сбилась с шага, взглянув в его глаза. Нет, не смотрите на меня так, хотелось воскликнуть ей. Не смотрите, ибо вы пугаете меня. Тем желанием, что я чувствую ныне, вы пугаете меня им. Потому что более всего на свете я хочу ответить на этот взгляд. Потому что впервые за долгое время он проникает в самое сердце через все преграды, что я выставила перед ним...

А потом уголки его губ вдруг дрогнули в легкую улыбку, смягчившие черты его лица, глаза потеплели, и сердце Анны совершило кувырок в ее груди, ударившись о ребра. Он чуть сильнее, чем требовалось, сжал ее пальчики, прежде чем отпустить, чтобы она вернулась в танцевальной фигуре к своему партнеру.

Она чувствовала это прикосновение весь вечер после — и на балу, и на ужине, что был затем. Оно обожгло Анну тогда огнем через тонкий атлас и далее напоминало о себе странным теплом. А когда Анна поймала на себе пристальный взгляд кавалергарда за третьей переменной, то это тепло медленно поползло от пальцев вверх по рукам, по линии плеч, по груди и далее охватило все тело. Ее это тревожило, пугало, она терялась перед этим жаром во всем теле, не понимая происходящее и злясь ему.

После ужина, когда гости перешли в соседнюю залу, чтобы испить напитков после ужина и съесть по шартику мороженого с черным кофе, Андрей снова занял место подле графини и ее воспитанницы, ухаживая за теми, а после и за Катиш с Верой Александровной, что не упустила случая приблизиться к возможному жениху. Анна же изо всех сил старалась делать вид, что ей безразлично то, что происходит на другом конце комнаты: лучезарно улыбалась и даже позволила себе пококотничать с басистым черноусым гусаром, чем невольно влюбила его в себя более прежнего.

Гнев, испытанный во время кадрили, прошел. Боль и воспоминания отступили снова в дальний угол души, надежно укрылись там, и Анна уже сожалела о столь поспешных словах, брошенных брату. Но отступать было некуда: Петр не даст забыть — уже пару раз шептал на ушко, что Катиш похоже более во вкусе кавалергарда, видя происходящее. Да и признаться

— она сама желала, чтобы задуманное ею сбылось. Для чего? Она не знала и даже не хотела о том думать. Но ей очень нужно было, чтобы это было так.

Стукнули в дверь, чтобы звать к чаю, и Анна быстро спрятала перчатку под подушку. После она вернет ее обратно в бюро, не готова пока отдать прачкам для стирки. Быстро спустилась в столовую, где ее уже ждали разлить чаю из серебряного самовара, что подогрели к трапезе. Это была ее обязанность, как хозяйки дома, вместо умершей маменьки, и Анна обожала открывать носик самовара и наливать ароматный чай в фарфоровые пары на петербургский манер [53], подавать после лакею, чтобы тот уже поставил перед персоной пару. Иногда, если собрание было невелико как сейчас, за чаем подходили сами, в основном, молодые люди, чтобы ненароком будто бы коснуться пальчиков, не прикрытых тканью перчаток.

— Когда рядиться будем? — спросил Петр, когда уже расселись за чай, стали выбирать угощения, лакеи разносили блюда с выпечкой, предлагали розетки с разными вареньями на выбор. — Уж который день Святки, а мы еще не ездили с визитом ряженые по соседям по обыкновению.

— Ряженье — есть грех, — не сумел удержаться, чтобы не напомнить о мнении церкви на этот вопрос иерей, отец Иоанн, с наслаждением отправляя в рот ложечку дивного медового [54] варенья из вишен.

— Погрешим вот нынче, а после вам всенепременно покаемся, — заверил его Петр, и тот погрозил ему пальцем, сдвинув брови. Петр приложи картинно руку к груди и поклонился, всем своим видом выражая раскаянье, а потом повернулся к Анне. — Ну, так что, Аннет? Рядимся завтра после обеда [55] и с визитами по соседям. Помните, как прошлого года Павел Родионович рядился турком, чтоб соответствовать арапчонку Аннет? Чалму его помните? Как она развязалась, покамест ехали в Святогорское?

Те, кто был этой истории, дружно рассмеялись, девицы же улыбнулись над краснеющим Павлишиным, остальные наперебой потребовали Петра поведать этот анекдот.

— Не будем о том! — резко прервала Анна брата, уже начавшего рассказ, видя, как не по себе от того Павлу Родионовичу. — Лучше скажите, кто кем в это году рядиться будет завтра.

Снова шум и гвалт голосов, пожилые качают головами, все же улыбаясь восторгу молодых, а те делятся идеями, какие костюмы можно использовать в этой затее. После чая поднялись для того в мезонин, где в одной из душевых комнат стояли сундуки со всяким скарбом, а также хранили декорации и костюмы дворового театра. Тут же хранили и платья для маскарада, которые стали доставать лакеи. Петр решил быть Арлекином, забрав себе яркий камзол этого персонажа, треуголку с бубенчиками и черную полумаску с длинным клювом. Павлишину он тут же предложил быть Пьеро, доставая из сундука белый камзол и черную шапочку без полей.

— Намажем лицо вам густо пудрой, нарисуем вам краской нужные черты и все, Павел Родионович! — убеждал он того горячо. — Мне же нужен Пьеро. И Коломбина!

Но Павел Родионович отказывался, он желал быть в эти дни святочные гусаром и только. Коломбиной вызвалась быть Полин, тут же с восторгом схватила платье. Катиш решила стать Психеей, выбрав полупрозрачный хитон и венок из искусственных цветов.

Скучно, пожала плечами Анна. Их *petite cousine* была Психеей и на прошлые Святки Сама же она в прошлом году была арапом, густо вымазав лицо сажей, намотав белое полотно простыни вокруг платья и скрыв волосы под чалмой. Она до сих пор помнит удивленные

глаза графини, которая первой из всех соседей, которых объехали в тот день, угадала в «арапе» Аннет.

— Коломбина у нас Полин, — Петр оглядел сундуки, а потом взглянул на притихшую Аннет. — Может, станешь Фантеской [\[56\]](#)?

— Нет, я не буду Фантеской, — отказалась Анна. — Да и ты не Арлекин, *mon cher*, а скорее, Джандуя [\[57\]](#). Хочу иного... хочу... хочу быть... Пстой-ка, любезный, это что это? — остановила она лакея, что открыл один из дальних сундуков и доставал из него голубое платье екатерининской эпохи с изумительной вышивкой по подолу на обручах, с трудом управляясь с широкими юбками. Петр перешагнул через сундуки и разбросанные костюмы к лакею, оглядел платье, а потом подмигнул сестре:

— Да твоя маска все наши маски за пояс заткнет, *ma chere*. Только не позволят тебе. Мадам Элиза даже из дома не выпустит в этом шелке.

Анна поняла, о чем тот речь ведет, когда лакей поднес платье ближе. Глубокий вырез платья скорее открывал, чем скрывал обладательницу этого наряда. Узкий корсет выгодно подчеркивал тонкий стан в отличие от свободных силуэтов современной моды. Такие уже узкие рукава длиной до локтя, украшенные ворохом серых от пыли кружев, схожие с теми, что украшали подол платья.

— Почистить к полудню следующему! — она отдала приказ лакею и развернулась к выходу из душевой кладовой. Петр подал ей руку, помогая спустится в салон, где уже ожидали молодежь после выбора костюмов и масок.

— Ну, моя душа, — обратился к Анне отец, едва отвлекаясь от шахматной доски, на которой он вел партию с уездным судьей, гостившим на Рождество. — Выбрала ли ты себе маску?

— Выбрала, папенька, — Анна подошла к Михаилу Львовичу, взяла его руку в свои пальчики, погладила ладонь ласково. — Самую красивую маску. Вы позволите?

— Для тебя все, что угодно, *ma chere*, — рассеянно ответил отец, целуя дочь в макушку. — Пойди, у мадам еще спроси. Коли все в приличиях, отчего не позволить? А ты кем рядишься, Петр Михайлович?

— Я, папа, Арлекином буду, — Петр подмигнул своей Коломбине, что тут же потупила взгляд. — А Коломбиной — Полин наша.

— А отчего ты не Джандуи? — спросил Михаил Львович, и Анна впервые за весь деня рассмеялась от души тихонько, а потом легко сжала плечо брата, поморщившегося от подобного сравнения.

Мадам Элиза, разумеется, была против выбранного платья. Увидев, вырез она и вовсе лишилась дара речи на пару минут, только сверкала яростно глазами на девиц, что сели чинно на постель перед ней рядышком друг с другом.

— О *mon Dieu!* Ну, отчего бы не быть богинями, пастушками или другими благодравными девицами? — горячилась она. — Отчего бы не ими? Почему одна желает для себя наряд *soubrette* [\[58\]](#), а другая наряд... наряд... иной маски! Вон Катиш — премилая Психея. Отчего?

— О *ma chere madam*, — нежно проговорила Аннет, обнимая мадам Элизу. — Не горячитесь так, не надобно. Это всего лишь маски и только. Посудите сами, ну кем еще рядится? Полин встанет в пару к Арлекину, тут без Коломбины никуда. А я бы дамой желала быть... да только это единственный наряд той эпохи, что починки серьезной не требует. Не успеют никак к завтрашнему дню с тем. Но если он вам так не по нраву, мадам, то я готова

снова быть арапом, как прошлого года...

— Pour cela non! ^[59]Non, Annett! Не арап! — вскричала мадам Элиза и рассмеялась вслед за девушками, вспоминая, как надолго потеряла в прошлые Святки дар речи, увидев, в какой маске она повезет Анну в визиты. Платье еще раз было осмотрено со всех сторон цепким взглядом мадам Элизы и был выдан вердикт — накинуть на плечи и груди широкий эшарп, а еще лучше надеть под платье тонкую сорочку с высоким воротом. А Коломбине к ее платью была выдана кружевная косынка прикрыть круглый вырез.

Анна долго стояла перед зеркалом, когда Глаша завязала шнуровку платья, когда помогла ей натянуть белый парик с искусственными цветами и россыпью жемчуга в локонах, уложенных в высокую прическу. Платье было таким узким, что сорочка под ним топорщилась некрасиво, ложилась складками, да и самой Анне тогда казалось, что ворот душит ее. «Ну, мадам уже выбрала простыню, в которую завернет тебя?», всплыли в голове ироничные слова Петра. И Анна переменила тут же решение под возглас Глаши, что та не сумела сдержать.

Ныне платье сидело как влитое, обтягивая тонкий стан, как перчатка, поднимая вверх грудь, привлекательно округляя ее. Низкий вырез обнажал не только грудь и плечи, но и часть спины — неприятно холодило между лопаток. Или это был страх? О Господи, как она может...?! Даже газовый эшарп, наброшенный на обнаженную кожу не скрывал, а наоборот, казалось, давал некий намек, будоражил воображение.

Анна подала знак, и Глаша помогла ей надеть белую маску в тон парика и кружевам на платье, а потом поднесла плащ — Анне повезло, что мадам Элиза отвлеклась на грим ряженных, и ныне была столь занята, предоставив девушке скрыть свое своеволие под широкими полами плаща.

— О! — позади неслышно возник Арлекин в черной маске, скрывающей верхнюю половину лица. — Я просто не нахожу слов, ma chere. Я ожидал... но это... это огненный шквал из всех орудий по позициям кавалергарда!

— Или наоборот, первая ступень к моему поражению, — ответила Анна. Петр взял из рук подошедшей Глаши плащ и бережно опустил его на плечи сестры, помог накинуть капюшон на голову, аккуратно поправляя тот, чтобы не сбить парик.

— Ты не можешь знать *défaite* ^[60], - прошептал он, поднося ее ладонь к губам. — Только не ты. Так и знай!

Анна так и твердила себе все время, что они заезжали к соседям, но сил ей это не придавало. Она ясно вдруг увидела в зеркале, что это вовсе не она, не может быть она такой — высокомерной, горделивой, привлекательно-опасной. Оттого и была странно тиха и молчалива, предоставляя Арлекину и компании развлекать хозяев домов, куда они приезжали, без ее участия, просить угощения и шутить, демонстрировать свои маски.

Быть может, потому никто так и не сумел угадать Анну среди масок. Все, без исключения, указывали на Коломбину, что на удивление Анны, ныне была под стать веселому Арлекину, которого разгадывали самым первым. Это забавляло маски, все громко кричали тут же: «Vous non y êtes!» ^[61], подставляя мешочки для выкупа очередной попытки угадывать. Хозяева удивленно скидывали брови и покорно клали в мешочек либо сладости, либо рубль серебром, зная, что эти деньги потом передадут в Благотворительное общество уезда. И Анна грустно улыбалась, ощущая легкое недовольство этим бесплодным попыткам.

Напоследок в тот день оставили усадьбу в Святогорском. Этого визита Анна ждала с каким-то странным смятением в душе. Она даже хотела остановить поезд из саней, в

котором шумно ехали маски, развернуть их к имени Шепелевых, прекратить этот балаган, который начал раздражать ее. Но головные сани, с ряженым в медведя холопом, уже въехали в липовую аллею, что вела к дому, а значит, там уже знали о приближении ряженных. Да и как не заехать? Графиня непременно узнает, что объехали многие дома окрест, а ее обошли стороной, примет на свой счет. Негоже было собственным эмоциям брать вверх в этом положении.

Анна попробовала было заупрямиться у самого подъезда, не идти в дом, но ее подогнала мадам Элиза, сопровождавшая ряженных — «Горячку желаешь хватить, *polissonne* [62]!». И действительно, думала Анна, следуя в хвосте толпы ряженных, глупо остаться в сумерках и на морозе одной. У графини непременно съдут за *souper léger* [63], а он мог затянуться надолго.

Графиня принимала гостей в одном из салонов бельэтажа. Сидела в кресле с болонкой на коленях и с легким смехом наблюдала через лорнет за Арлекином, который к концу вечера совсем вошел в роль и едва не переходил границу приличий в своих шутках. Ее воспитанница сидела чуть поодаль от нее, у самого окна, словно в стороне от происходящего, едва улыбалась робко ряженым и невольно взвизгнула, когда медведь-холоп рыкнул в ее сторону. Графиня, как и остальные, рассмеялась ее страху, схожести ее визга с писклявым лаем болонки, которым разразилась та, подпрыгивая на коленях хозяйки, а Анна скривила губы в усмешке — что за разиня, неужто не видит, что медведь лишь голова да шкура на плечах рослого холопа? Да кроме того и прошлого года ее пугали так же, и так же она визжала испуганно.

— *Arlequin est... est...* — проговорила графиня. — Петр Михайлович Шепелев!

— *Vous y êtes!* [64] — закричали хором ряженные, смеясь. Графиня тоже рассмеялась, довольная своей догадкой, а ее болонка снова визгливо залаяла этому гвалту голосов. Пришлось отдать ее лакею, чтобы унес от греха подальше.

— А очаровательная спутница нашего Арлекина..., - графиня навела лорнет на Полин, что тут же присела в реверансе перед ней, придерживая широкие юбки своего костюма. Она долго вглядывалась, даже чуть наклонилась вперед, хмуря лоб, будто недоумевая. — *C'est Ан...*

— *Au plus pressé, ma tantine* [65], - раздался в тишине голос Андрея, и Анна невольно вздрогнула от неожиданности. Едва зайдя в салон, она оглядела комнату, но кавалергарда в ней не нашла глазами, а нынче ж... вот он, стоит в тени за креслом тетушки, прислонившись одним плечом к стене. И как она не заметила его, ведь его мундир так отчетливо белел в том полумраке, той тени, куда не долетал свет от свечей в серебряных жирандолях?

— Ты разгадал Коломбину, Андрей Павлович? — обернулась к нему графиня.

— Нет, *ma tantine*, — он склонился к уху тетушки и произнес. — Берите маску, у дверей стоящую скромно. Екатерининскую даму. Ручаюсь, под ней та, чье имя вы готовы были произнести.

— Неужто? — графиня навела лорнет в сторону Анны, что открыли ее обзору расступившиеся чуть в стороны ряженные, поманила к себе ее.

— *Vous pouvez être sûr* [66], - последовал твердый ответ. Голубые глаза поймали в плен серые в прорези белой маски и не отпустили, даже когда их обладательница приблизилась к креслу графини.

— Тогда пусть будет так: Екатерининская дама — Анна Михайловна Шепелева, — проговорила графиня, а после сделала Андрею знак склониться снова к ней ближе,

прошептала тому на ухо. — Гляди же, из своих рупь отдашь, коли обманулся и меня в заблуждение ввел. Не люблю быть неправой!

— Vous y êtes! — ĩромко воскликнул Петр, подавая руку сестре, чтобы помочь подняться из реверанса, в который та опустилась перед графиней, разглядывавшей в лорнет Анну. Все снова засмеялись, заговорили в голос.

— Vous m'en voyez surpris ^[67], - произнесла Марья Афанасьевна отчетливо, и Анна взглянула на графиню, в эти цепкие глаза, оглядевшие ее с ног до головы и как-то долее обычного задержавшиеся на ее лице, полускрытому маской. А потом она отвернулась от Анны к ряженным, позволяя той перевести дух. — Allons! Le suivant masque! ^[68]

Наконец все маски были разгаданы на удовольствие графини. Ей почти не пришлось опускать в мешочек при том, но она от души положила в него целковых после, памятуя о том куда пойдут эти монеты. Ряженные холопы были отпущены в кухню, а господам было приказано накрывать легкий ужин в малой столовой. Пока лакеи под руководством Пафнутия Ивановича сервировали стол, суетясь между буфетной и столовой, гости расположились в салоне, расселись на многочисленные козетки и кресла. Было решено заполнить сложившуюся паузу музицированием.

Первым петь вызвался Петр — «Согласно выбранной маске!», занял место за клавикордами. Аннет была благодарна ему за то, ведь стали бы всенепременно просить ее, а она ныне совсем не имела на то желание. Единственное, что она хотела ныне — вернуться к себе в спальню и спрятаться в постели, накрыться с головой покрывалом. Отчего-то острее ныне стали чувствоваться взгляды — недовольные, укоряющие и даже ненавидящие. Словно с той белой маской, которую она отдала лакею, она невольно сняла с себя некий защитный покров.

Потому Анна просто опустила голову, ненавидя себя в душе за эту слабость, стала рассматривать кружево на одном их рукавов. Разве ее вина, что графиня распорядилась поставить подле себя стул, поманила Анну к себе, призывая сесть подле? Она не хотела того. Впервые желала сесть в укромном уголке, пусть даже снова рядом встанут и Бранов, что с каким-то странным выражением лица, поглядывал на Андрея, стоявшего за спинами Анны и графини, и Павлишин, и другие. Как преграда. Но многие побаивались графини, заробели приблизиться, оттого и сидела она на обозрение всем, такая открытая... без маски...

— Порадовали, mademoiselle Annett, вы нынче старуху своей маской, — проговорила, склоняясь к ней графиня, скользнув пышными перьями чепца по эшарпу, что прикрывал обнаженные плечи и грудь. — Окунули в былое с головой. Очаровательное платье, дивный колор. В мое время все же знали толк в женской стати, знали! В мое время женщину не рядили в этот балахон, что рядят ныне.

— Но нынче, право слово, платья... они более в удобстве, — проговорила, смущаясь отчего-то Аннет. Она действительно не понимала, как в платьях прежней моды двигались и сидели женщины и даже — как дышали в таких тесных корсажах. Графиня рассмеялась тихонько ее замечанию, а потом снова склонилась к ней.

— Зато в наше время у мужчины более радовался глаз дивным созданиям. И было сразу видно, что за цветок перед ним. Разве мужское восхищение не стоит того, чтобы терпеливо сносить неудобство? — графиня подмигнула вдруг Анне, лукаво улыбнулась и снова выпрямилась. Перья на ее чепце и в этот раз задели эшарп, но вдруг потянули его за собой, заскользила по обнаженной коже легкая ткань. Прежде чем Анна успела руку поднять, чтобы остановить это скольжение, прежде чем явится из-под газа ее обнаженная кожа,

мужская ладонь опустилась на ее плечо и остановила это падение, позволило задержать эшарп на плече, пока она не поймала его сама. Мимолетное, едва заметное касание, но как и тогда, во время экосеза оно ожогом легло на ее кожу.

— О, mademoiselle Annett! — графиня поманила к себе лакея, стоявшего у дверей. — Я прикажу помочь вам с туалетом. Вас проведут...

Одна из девушек графини быстро и ловко заправила ей эшарп за вырез корсажа и для верности приколола его парой булавок, о чем совсем позабыли и Глаша, и Анна нынче готовясь к этому выезду. Но Анна не сразу вернулась в салон, стояла в соседней комнате, словно собираясь с духом. Ее злила эта растерянность, это смятение, что царили ныне в душе. Они делали ее той самой Анной, которую она хотела забыть навсегда, возвращали в то время. Я, верно, простуду подхватила где-то нынче, решила она, оправдывая свое состояние. Улыбнулась отражению в зеркале, что висело над камином, нахмурилась, когда улыбка вышла не той, не привычной. Я — Annett, я не Анечка Шепелева, та наивная юная дурочка, повторила она мысленно несколько раз, а потом снова улыбнулась — лукаво, чуть презрительно изогнув губы. Я — Annette!

В салоне уже пела Маша, когда Анна вернулась, снова взглянула на нее из-под ресниц тем самым взглядом, что та успела заметить, как только заняла место подле графини. Ответила на него усмешкой язвительной, чем едва не сбила ту при пении со слова. Потом оглядела салон, задержала взгляд на Катиш, что сидела на козетке возле матери и смотрела украдкой из-за веера поверх Анны на кавалергарда. Глупая влюбленная дурочка!

Было тяжело дышать от духоты и запаха смолки, кружившего голову. Плечо так и горело огнем в том месте, где его коснулись мужские пальцы. Да еще к тому же без перчатки, кожа к коже... Она повела плечами, словно это движение могло унять жар в плече.

Андрей склонился к графине и что-то прошептал той в ухо. Склонился аккуратно между графиней и Анной, и та едва удержала себя, чтобы не повернуть голову, чтобы не взглянуть на него столь близко. А потом он выпрямился, что-то прошелестело за ее спиной, легкий ветерок от резкого движения прошелся по ее плечам и спине. По вмиг вытянувшемуся лицу Катиш Анна поняла, что это движение за спинкой ее стула могло означать только одно — Андрей отчего-то вышел из салона, покинул компанию. Жаль, подумала Анна, улыбаясь явному разочарованию влюбленных в кавалергарда девиц, пытаясь скрыть за этой улыбкой ту пустоту, что вдруг ощутила явственно за своей спиной.

— Ведаете, что сей знак говорит? — вдруг снова склонилась к Анне графиня. Глаза ее буквально вонзились в ее лицо — острые и холодные, бледно-голубые в обрамлении мелких морщинок. Она указала сложенным веером на уголок левого глаза Анны, куда та прилепила для пущего вхождения в образ одну из заимствованных в реквизите домашнего театра мушек. — Не думаю, что ведаете. Ныне мало кто знает о том, что говорят *mouches* ^[69], а ранее то была целая наука флирта. Искусство, не меньше! «Meurtrière» ^[70], *ma chere*. Но бойтесь стрел пущенных, иногда они возвращаются. Я то ведаю *très bien* ^[71], так что поверьте старости, — она вздохнула, а потом отвернулась от Анны, заметила Пафнутия Ивановича, что стоял в дверях и ждал взгляда хозяйки. Дождалась последних слов романа, хлопнула в ладони легко. — *A table, mesdames et messieurs!* ^[72]

К Анне подошли тут же поручик Бранов и брат, предлагая руку, чтобы провести ее в малую столовую. Та поняла по взгляду, что Петр желает переговорить наедине, оттого извинительно улыбнулась гусару, тут же щелкнувшему каблуками и склонившему голову,

принимая ее решение.

— Bravo, ma chere! Я бы не сумел придумать лучше. Не знай я тебя, решил бы, что ты прямиком из гостиных и салонов столицы сюда ступила. Так тонко и легко! — он сжал ее ладонь, смеясь. Анна нахмурилась этому смеху.

— Это вышло ненароком, Петруша. И это вовсе не смешно! Я уж жалею, что облачилась в этот наряд. Зря! Только от мадам выслушать придется. И от рара определено... А чрез пяток дней охота! А кроме того — «Орфея» готовят к кануну года. Все мимо пройдет, коли папенька зол будет. Уж мадам не преминет расписать все в красках!

— Придется мне тогда спасти тебя от родительского гнева, — шутливо вздохнул Петр, а потом вдруг повел ее окну, сперва выглянул сам, а после и ее поманил взглянуть через стекло на террасу позади усадебного дома. — Все стоит... я тотчас заметил его, как он вышел.

В постепенно сгущающихся сумерках, в редком свете, что шел из окон первого этажа дома можно было разглядеть фигуру в светлом мундире, что стояла на морозе одиноко.

— Прицельный огонь похоже сильно пошатнул позиции неприятеля, — усмехнулся Петр. Анна резко повернулась к нему, бросила злой взгляд. Ей был отчего-то неприятен тон брата, его насмешка над кавалергардом.

— Прекрати! Прекрати свой смех! — и Петр отвернулся от окна, взглянул уже на нее сквозь прищур глаз внимательно.

Все стало совсем не так, как он предполагал. Игра становилась иной, а значит, непременно переменятся и итоги ее. Он видел взгляды Оленина, когда Анна сидела подле графини, читал их без особого труда. Кровь забурлила в жилах, закружила голову, затуманила рассудок, заставила выйти на холод остудить шальной стук сердца. Дай Бог, чтобы этот огонь не спалил все дотла, как часто бывает то...

Они не знали, что в соседней комнате точно так же у окна стоит Маша, отставшая от компании, смотрит на Андрея, что нынче присел на корточки и вытер лицо пригоршней снега, а после решительно шагнул в дом. О, зачем, зачем они приехали только в это Святогорское! Пусть здесь она чаще танцует, чем в столице, пусть здесь чаще ее принимает в свой круг для забав и игр молодежь. Ей не надо всего этого. Все бы отдала, лишь бы вернуться обратно, в Петербург, в их большой уютный дом на Фонтанке, в те дни, когда Андрей Павлович так часто бывал у них.

Да, в Петербурге была madam Nadin, но ее присутствие не столь огорчало Машу тогда. Она недоступна для него. Совсем. Навеки. Ничто нельзя было переменить. А эта coquette [73]... Эта девица не понравилась ей сразу же, при первом же дне их знакомства. Своей красотой, своим поведением и своим положением. Да, зависть — грех, и Машенька кладет чаще поклоны перед ночным сном, каясь этому злобному чувству, что разъедало ее душу. Но Боже, разве могла она подумать, что это чувство сменит иное — более злое, более темное!

Маша прикусила пальчик, чтобы не разрыдаться в голос. Она видела! Видела, как он смотрит на эту русоволосую девицу, когда та не видит того, она видела, как быстро он поймал тогда ее эшарп, как скользнули его пальцы по ее плечу. О, заболела бы она что ли! Злость так и распирала грудь ныне, слезы душили.

— Машенька, — раздался позади голос Андрея, и она тут же просияла, вспыхнула от радости. — Что вы здесь делаете одна? Неужто вы потерялись от всех? Тогда позвольте мне быть вашим провожатым ныне и вернуть вас к компании.

— C'est gentil de votre part [74], Андрей Павлович, — тихо прошептала она с легким

придыханием, аккуратно кладя свои пальчики на сгиб его локтя, на ткань холодного с мороза мундира, гася едва скользнувшую по губам довольную улыбку.

Пожелание Маши сбылось в полной мере. Анна вернулась домой из Святогорского в легком ознобе, а после, ночью, вдруг поднялся жар, началась горячка. Тут же стали готовить холодные компрессы, поставили чаю с вареньем из малины, чтобы прогнать хворь еще по дедовскому методу. Только под утро Анна смогла забыться глубоким сном, когда переменяли мокрые от пота простыни, а проснулась уже почти здоровой, только слабой, как кутенок, по ее признанию.

— Вот вы сами себе наказание и выбрали за свой *carrière* [75]! — приговаривала мадам Элиза, кормя Анну куриным бульоном с ложки. Она говорила Анне «вы» только при посторонних или вон как ныне — когда хотела побранить. — Подумать только! Выехать в платье на голое тело! *Ni foi ni loi*! [76] А ваше поведение за ужином у графини? Отчего тот флирт случился с поручиком Брановым? Что вы делаете, *mademoiselle Annett*? Он же станет смелее оттого и придет сюда *demander en mariage* [77]. И что тогда? И потом — как нехорошо ты поступила с этим *pauvre monsieur* [78] Павлишиным! Дурно! Немыслимо! *Il ne demande qu'à te faire plaisir* [79], а ты с ним так зло и жестоко. Я дивлюсь тебе, *ma chère*. В тот раз перейдены границы, *vraiment* [80]. Ранее ты была просто холодна, а ныне лишь жестока и только!

Анна только молча морщилась в ответ на это. У нее все еще гудела голова, болели глаза от яркого солнечного света, что наполнял спальню. Тело ныло, словно она целый день бегала без усталости, играя в горелки.

Да, она признавала, что перегнула палку в тот вечер, когда они приезжали ряжеными в Святогорское. Она сама никогда не смогла бы объяснить, что на нее вдруг нашло, когда они сели за стол. Стала игрива с поручиком Брановым, флиртвала, пусть и невинно, но явно забавляясь его неожиданному смущению. Кто бы мог подумать, что этот бравый вояка, этот громкоголосый гусар, что вскружил в Гжатске не одну девичью головку, способен так алеть щеками? Стала ироничной, даже злой в своих шутках над теми, кто был с ней масками ныне, заставляя их на миг терять улыбки, опускать смущенно глаза.

Но особо досталось несчастному Павлу Родионовичу — она стала вдруг говорить, что его маска не удалась, что ни в жизнь не видела гусара, который бы не попал и с десяти шагов в цель и прочее. Близорукий Павлишин краснел и бледнел молча, а потом вдруг заблестели его глаза под стеклами очков, резко поднялся с места и вышел из-за стола, извинившись. Все неловко замолчали, пряча глаза, кусая губы от неловкости. Только графиня невозмутимо продолжала резать ветчину у себя в тарелке да Андрей холодно бросил в ее сторону через стол:

— *Vous voilà content?* [81] — его взгляд был таким, что только сейчас Анна поняла выражение, что встречалось ей порой в книгах: «убивающий взор». Этот взгляд был именно таким — пронзительным, полным ледяного презрения. Ей только и осталось, что вздернуть подбородок повыше да послать ответную улыбку, ту самую, которая так не нравилась ему. Он отвел тогда первым глаза, но отчего же тогда она чувствовала себя проигравшей в этом поединке?

Анна знала, что Павел Родионович не станет долго злиться на нее, недолго продержится розно. Она даже плакала после, когда вернулась в свои покои, вспоминая, как Павлишин

поцеловал ее руку, помогая спуститься из саней у подъезда ее дома, как тихо прошептал слова извинения за свой непозволительный поступок, что поставил ее в неловкое положение. Ну, отчего он таков, думала она, глотая слезы, отчего терпит ее капризы и ее гадости? Гадкая она, злая. Нащупает слабинку в ком-либо и будет пользоваться, Анна знала это. Слабости — вот, что делает человека легкой добычей для боли. Потому она никогда не будет слабой.

Анне не хотелось никого видеть, даже несмотря на то, что болезнь отступила уже к вечеру следующего дня. Визитеры, что приезжали в дом Шепелевых проведать больную, с сожалением узнавали, что барышня не достаточно выправилась, чтобы принимать гостей. Только записки поднимались в ее комнаты и многочисленные карточки, корзины с фруктами, что доставляли от знакомых, с пожеланиями скорейшего выздоровления больной.

И даже в день премьеры «Орфея и Эвридики» не было известно будет ли присутствовать в театральной зале барышня Шепелева, а после и на ужине в честь долгожданного представления, что крепостная труппа репетировала еще с Филипова дня. В парадной гостиной, где собирались к назначенному часу приглашенные специальными билетами на действо, Анны не было. Было сказано, что она не вполне здорова, чтобы быть в обществе нынче вечером. Это явно огорчило многих — Андрей ясно видел это по лицам. Даже у бравого поручика, казалось, голос пропал от разочарования, по крайней мере, его громкого смеха более не было слышно в гостиной.

После того, как в гостиную вошел дворецкий и важно прозвонил в колокольчик, давая сигнал гостям проследовать в театральную залу и занять свои места, Андрей провел тетюшку и Машу в отведенную им ложу, сел чуть позади них, спрятался от лишних взоров за бархатной занавесью. Он видел уже эту оперу пару раз, оттого не был особо внимателен к действию на площадке (хотя надо признать, пели довольно неплохо для крепостного театра!), предпочел мысленно унести в Московскую губернию, куда ему предстояло выехать вскоре, думать о том, что должен обсудить с управителем имения.

На сцене Орфей уже умолял демонов и фурий, когда Андрей вернулся к действию из своих мыслей, стал вслушиваться в пение актеров. На виске одной из хористок вдруг бросилось в глаза темное пятнышко родимого пятна, впрочем ничуть не портившего привлекательность милого личика. Но не его видел ныне перед собой Андрей, а черную мушку в уголке губ.

— Знаешь, что означает сия мушка у рта? — обратилась к нему тогда Марья Афанасьевна, когда *mademoiselle Annett* увел лакей из салона, чтобы той поправили наряд. — «Prêt a baiser» [\[82\]](#), вот что. Интересно вот мне, с умыслом ту мушку наклепили али нет? Думаю, нет — лепила девка ей мушки, куда красивее бы встали. А занятно вышло, *n'est-ce pas?* [\[83\]](#) В наше время о том ведала каждая девица, а нынче ж и впросак попасть вся недолга!

Когда Анна вернулась в салон, Андрей с трудом заставил себя не смотреть на эту клятую мушку у уголка рта и тем паче на ее губы. Хорошо хоть, сидела она к нему спиной, пока Маша старательно выводила романсе Попова [\[84\]](#). Но потом его взор невольно коснулся ее тонкой шеи, направился вниз по хрупким позвонкам к краю глубокого выреза, прошелся после по шнуровке платья.

Анна переменяла позу, дернула плечиками, словно от сквозняка, скользнувшего по едва прикрытой коже. Лопатки шевельнулись в вырезе платья. Лукаво подмигнуло при том движении уже истинное, еле заметное пятнышко на спине, ниже шеи, у самых позвонков под тонким газом. А потом Андрей заметил, что шелк уж чересчур плотно прилегает к ее стану,

без складок или неровностей. Сорочку так аккуратно не расправить, да и швы... а это значит...

Андрей усмехнулся, вспомнив, как ударило тогда в жар от этого осознания. Словно в груди разрастался постепенно огненный шар, заполнявший целиком его. Высокий ворот мундира резко сдавил вдруг горло, захотелось растянуться, да позволительно ли при дамах? Анна снова повела плечами, словно нарочно, приковывая его взгляд к родинке между лопаток. И он не сумел долее выдержать, вышел вон, чтобы глотнуть морозного воздуха вместо спертого, полного ароматов духов, пудры, кожи сапог и курений.

Слишком знаком ему этот вихрь эмоций, слишком знакома та ночная бессонница, когда боишься сомкнуть веки, чтобы увидеть то, что не должен, что не желаешь видеть. Слишком знаком. Как знакомы последствия этой хвори, что терзает душу. Теперь он знал, что сердечный покой чересчур дорогая вещь, чтобы размениваться им. Даже ради той дивной прелести, что манит его ныне. И тем паче, ради того, что скрывается под этой прелестью.

На сцене появилась тем временем Эвридика, взяла слишком высокую ноту, чем нужно, и Андрей снова невольно обратился к действию. А потом чуть склонился вперед, заскользил взглядом по зрителям в импровизированном партере в десяток рядов. Тут же наткнулся на пристальный взгляд усатого гусара. Тяжелый, исподлобья. Дурно, очень дурно воспитан офицер, раз позволяет себе подобные взгляды. Верно, не из столичных пансионатов выпускался. Интересно, понимает ли тот арии актеров? ^[85]Андрей склонил голову, поприветствовав того с легкой ироничной улыбкой. Гусар тут же отвернул голову.

Только это и может развлекать. Страсти Гжатского уезда. Он усмехнулся, вздохнул устало. Надобно бы ехать в Москву. Откладывать уже нельзя. Надобно бы... да нет желания вовсе. А потом взглядом приметил в партере и Павлишина в неизменных маленьких очках с круглыми линзами, вспомнил ужин и то, как легко слетали с женских губ слова, за которые иные мужчины расставались с жизнью. Жаль этого Павлишина, она его всенепременно сломает, сделает рабом своих капризов и настроений. Но замуж за него, конечно же, не пойдет, нет. Будет держать на расстоянии, изредка одаривая ручкой на поцелуй или ласковым взглядом. А потом разозлился на себя — снова вернулись мысли к ней. И к былому. Неизменно эти мысли шли рука об руку, ведь он не мог вспоминать... Павлишин, *rauvre homme* ^[86]Павлишин... Как ты схож ныне во многом с тем корнетом, которым когда-то был Андрей!

А потом Павел Родионович в который раз обернулся на хозяйскую ложу, блеснув в свете свечей стеклами очков, и Андрей невольно затаил дыхание, украдкой выглянул из своего укрытия за занавесью, отодвинув чуть бархат. Когда она успела прийти сюда? Ведь когда лакеи гасили большинство свеч в зале, когда на сцену вышел Орфей к гробнице Эвридики, Анны в ложе еще не было, он точно помнил это. Ныне же она сидела между отцом и теткой, Верой Александровной, прижав ладони ко рту, напряженная, замершая, отдавшись силе оперного действия. И — он готов в том поклясться, хотя и сидел чуть в отдалении, через ложу — на ее глазах блестели слезы при виде горя Орфея, потерявшего своего супруга в который раз. Такая трогательная, такая по-девичьи милая, такая мягкая... обманчиво-мягкая... Сдавило отчего-то в горле при виде того, как она сильнее прижала пальцы ко рту, блеснула на щеке бриллиантом одинокая слезинка.

Андрей заметил, как навела на него лорнет Вера Александровна, и поспешил отвернуться. Сжал пару раз пальцы в кулак, стараясь унять тот приступ злости, что вмиг вспыхнул в его груди. За последнее время он бывал так часто раздражен, что сам себя не

узнавал. Того, каким привык быть, не узнавал. Plus on aime une femme, et plus on est près de la haïr [87], вспомнил Андрей, перефразируя то, что прочитал давеча во французской книге в одну из ночей без сна. Если возможно обратное, то ему определенно пора покинуть этот demeure céleste [88] с его богиней.

— Что я сотворил, несчастный? — пел Орфей. — В безнадежную пропасть увлекла меня любовь моя...

Верно, подумал тут же Андрей, снова укрываясь за занавесью, любовь влечет в пропасть, откуда невозможно выбраться невредимым. Он рад приветствовать влюбленность, но любовь... Нет, решено — il est temps de revenir à Moscou [89]. Тут же после псовой охоты, что назначена на начало следующей седмицы. Он мог бы и далее продолжать эту игру, что затеяла с ним mademoiselle Шепелева, и даже, возможно, одержать победу над этой прелестницей, преподать ей урок, но слишком высоки были риски в той игре. Чересчур высоки. Pour ce genre d'affaires ne comptez pas sur moi! [90]

— Как тебе опера, mon cher? — обратилась к нему графиня, когда актеры вышли на поклон, и публика рукоплескала тем, сопровождая аплодисменты восторженными восклицаниями. Усатый гусар даже громко свистнул, что вызвало скользнувшую по губам Андрея усмешку.

— Актеры были недурны, но вот само действие... La fortune et l'humeur gouvernent le monde. Причем, une humeur de femme [91], - улыбнулся он тетушке.

Графиня довольно рассмеялась, легко тронула его плечо, а он помимо воли бросил взгляд в хозяйскую ложу. Кланялся, принимая благодарности за игру актеров, довольный Михаил Львович, рукоплескала изящно Вера Александровна, что-то шепча прямо в ухо своей некрасиво краснеющей дочери, Петр смотрел пристально в хор фурий, прищутив глаза. Анны не было. Ускользнула так же незаметно, как пришла.

На бал, что давали в доме предводителя в канун нового 1812 года Андрей не пошел, сославшись на боль в горле и мигрень, остался в одиночестве и тишине библиотеки просматривать старые журналы.

— Ведаю я эту хворь, — сказала тогда Марья Афанасьевна, целуя его перед уходом в голову, и он едва сдержался, чтобы не взглянуть на нее удивленно, с легкой тревогой в глазах. — Это сызнова твое humeur maussade [92] навалилось, а не мигрень. Не думай о будущем, mon cher, все образуется, вот поглядишь на то. Нам так мало осталось дней, не хочу тебя видеть таким в них! Обещайся мне!

Андрей слышал о том бале после из обрывков сплетен, что передавали друг другу в церкви на службе или приезжая с визитом к его тетушке. Mademoiselle Шепелева, как всегда, была удивительно хороша, доставила удовольствие гостям своего папеньки своим пением, была усладой их глаз во время танцев. Говорили еще, что едва не вспыхнула ссора между поручиком Бруновым и представителем уездного суда, господином Ефрениным из-за неразборчивости почерка гусара, что оставил запись в карточке mademoiselle Annett.

— Вы не рассказывали мне того, ma tantine, — заметил Андрей после ухода визитеров. Графиня пожалала плечами, ни на миг не отрывая взгляда от своей болонки, которую гладила.

— Ничего из ряда вон, право, — сказала она то. — Все как обычно, mon cher. Одно только — жаль этого jeune homme, господина Павлишина. Она была на редкость холодна на том балу и с ним также. Он был у нее на посылках весь вечер, подумай только. Его имя вскорости будет на языках всех злых шутников уезда.

— На самом злейшем из всех оно уже побывало, — заметил Андрей, захлопывая книгу. — Хуже уже быть для него не может. Полно о том, я не желаю говорить о господине Павлишине.

— Когда ты едешь? — подчинилась графиня его просьбе. Маша, что сидела за рукоделием у окна, тут же чуть развернула голову в их сторону.

— Через день после охоты. Не могу себе отказать в той забаве, хотя и задерживаюсь на несколько дней к тому сроку, что писал татап.

Графиня вдруг сбросила с колен болонку, потом повернулась к Маше и попросила ту выйти, чтобы без особых помех переговорить с Андреем о делах и о его положении. Когда за воспитанницей закрылась дверь, она тут же кинулась в бой:

— Я настаиваю, слышишь ли? Настаиваю, чтобы ты, mon cher, принял помощь от меня в деле с опекунским советом и векселями, что оставил твой брат. Отчего бы и не принять ее?

— Vous savez, ma tantine ^[93], что я желал бы сам решить эти трудности, — снова окаменели черты лица вмиг, заходили желваки.

— Знаю, от кого у тебя эта щепетильность! Это упрямство глупое! Весь в отца, Павла Петровича, упокой Господь его душу, — графиня размашисто перекрестилась, но после снова продолжила свою атаку. — Andre, отбрось все это в сторону! Сколько целковых жалованье твое? Две сотни? Три? Как будешь тысячи по закладным отдавать? Тысячи! Это не одна, не две и даже не десяток! А есть еще и векселя! И ты, я знаю, милостью своей не оставил даже Надин. Ты думал, не проведу, куда ассигнации от заклада часов, что я подарила, пошли? О, mon petit garçon ^[94], ты не сможешь так долго продолжать!

— Разве у меня есть иной выбор? — устало спросил Андрей, поднимаясь с места и отходя к окну, выглядывая через стекло на темные стволы деревьев в парке, на ветви в белоснежном одеянии. — Я ныне глава семьи, по нраву то татап или нет. Я не могу быть таким беспечным, как Борис, не имею права, ведь на попечении моем четыре женщины.

— Возьми у меня в долг, mon cher, коли так не желаешь. Заплати по векселям сперва, чтоб более не гоняли, как зайца на гоне. А после и по процентам что-нибудь решим, — графиня даже склонилась чуть вперед, угадывая по фигуре Андрея, что он уже на грани того, чтобы решиться на ее предложение. — Поедешь и разберешься с управителем и старостой. Решись с оброком. Да только уже на покойную голову, mon cher, не думая о долгах срочных. А покойная голова приносит добрые решения. Только она...

— Bien ^[95], - наконец сдался Андрей. Чуть поникли плечи вниз, словно на них легла дополнительная ноша. — Я возьму долг у вас, tantine. Но только с распиской. S'il en est ainsi, j'y consens ^[96].

— Бумажки так бумажки, — бросила Марья Афанасьевна раздраженно. Она не могла понять этой щепетильности племянника, но расписки ее поверенный выпишет тому, коли так решил. Лишние бумажки получит в наследство от нее, когда придет время. — Еще одно, mon cher, прошу от души, не желая обиды нанести. Желаешь ассигнаций получить, отпиши моему поверенному, не отдавай в заклад. Или думай, что в заклад ему отдаешь с последующим выкупом. Обижаешь меня тем, душа моя, ой, как обижаешь!

Андрей вдруг резко отошел от окна, опустил на колени перед Марьей Афанасьевной, поднес ее руки к своим губам.

— Pardonnez-moi, ma chere tantine ^[97], - он взглянул в ее глаза с искренним раскаянием. — Я не подумал, что причину вам этим обиду или тревоги.

— Моя душа всегда беспокойна за тебя, мой мальчик, — поцеловала его в лоб тетка, ласково провела рукой по его волосам. — Оттого что ты в ней, mon cher. Тебе не покойно, и она мучится. Дозволь еще спрошу. Ты Надин по совести помощь оказываешь или от сердца?

— L'un et l'autre [98], - ответил Андрей уклончиво, но Марья Афанасьевна решила идти до конца в своем желании хотя бы слегка заглянуть в его сердце.

— Тогда по-иному спрошу: коли б не брата вдова была, возможно ли...demande en mariage?

Они долго смотрели друг другу в глаза — пристально, внимательно. После Андрей молча склонил голову к ее ладони, опять коснулся губами ее руки, прежде чем подняться на ноги и спросить позволения уйти. У самой двери он задержался, оглянулся на тетушку.

— Мы оба знаем, ma tante, что есть то, что я никогда не прощу. Никому. Jamais de la vie! [99] К чему говорить о том браке, когда в сердце уже давно пусто?

Разговор с тетушкой заставил старую, уже давно затянувшуюся рану занять тихонько, напоминая о том шраме, что останется на всю жизнь на сердце. Шрамы нельзя стереть. Они лишь остаются пусть едва заметными со временем, но напоминаниями о ранах. Воспоминания уже не причиняли боли, что терзала его первое время — мучительно долго, разрывая душу. Милые, славные деньки, когда ему казалось, что весь мир у него в руках вместе с этим тонким станом. Вместе с ее сердцем. Он думал, что она отдала его взамен его собственного, которое Андрей вручил Надин без особых раздумий. А на самом деле, в его руках была пустота и только.

Надин. Андрей думал о ней долгое время после разговора с тетушкой, вспоминал и вспоминал былое. Даже ныне, этим солнечным морозным утром, в которое выезжали на гон, мысли о ней вернулись, мешая с восторгом прислушиваться к лаю собак, которых выводили из псарни Шепелевых.

Надин, повторил он мысленно. Словно перекатил на языке ее имя, как круглую конфету, что так любила Марья Афанасьевна. Надин. Само имя говорило уже о том, что его обладательница нежная и мягкая, хрупкое и воздушное создание. Не то, что резкое и холодное — Аннет...

— Вы позволите составить вам компанию, Андрей Павлович? — к нему подъехал Петр в высокой бобровой шапке под стать воротнику на казакине. — Могу показать вам место, куда гнать будут, к обрыву. Прибудем туда первыми в обход остальных. А то нет мочи слушать мне ни бахвальство поручика Бравина, ни стенания господина Павлишина. Да и гнать ныне будут недолго, никакого довольства! Логово волчье уж слишком близко.

Андрей не отказал. Поехали рядом, чуть ли не касаясь коленями, в этой толпе охотников, что с трудом помещалась на узкой сельской улочке. После, когда выехали за пределы села, на снежный простор, стегнули молодежь лошадей, погнали галопом по рассыпчатому снегу под снисходительные улыбки охотников в возрасте.

Петр после подал знак уйти чуть правее остальных, пересечь чуть наискось отъезжее [100], а после редкий лесок. Выехали из него на берег неширокой и часто мелеющей в летнюю пору речки, что спускался резко от края леса — высоким и крутым песчаным обрывом. Высота была приличная, прикинул Андрей, чуть приподнявшись в седле, свалившись вниз определенно можно было переломать все кости, если не свернуть шею. У волков, что пригонят в это место, не было не малейших шансов избежать выпавшей им в то утро участи — будут метаться по берегу, пока охотники не перебьют из ружей или пока псы не перегрызут горло.

Петр снял с головы шапку и махнул показавшимся вдалеке на берегу холопам с рогатинами, что они заняли свои места, будут следить, чтобы волки не ушли вдоль обрыва. А потом повернулся к Андрею.

— Люблю на красных [\[101\]](#)зверей ходить, — улыбнулся он широко и располагаяще. — А вот Аннет зайцев любит гнать. Скачет на своей Фудре [\[102\]](#)по полям, чистая Артемида — не угнаться за ней. Папенька не любит с ней выезжать, боится за нее, а мне по душе такая езда, — и тут же, без перехода, наотмашь. — Она вам не по нраву, n'est-ce pas?

— Помилуйте, Петр Михайлович..., — смутился Андрей от неожиданности и откровенности подобного вопроса. Петр махнул рукой, мол, не стоит смущаться.

— Ненадобно только любезностей, Андрей Павлович. Я чуток к настроениям людей, приучен службой в адъютантах у моего генерала. Вижу и слышу то, что мимо другого пройдет. А натура моя такова, что кого люблю, так откровенно с ним, *dire la vérité toute crue* [\[103\]](#)тому буду. А вы мне по нраву, без лукавства говорю то. И не желаю оттого, чтобы дурно об Аннет думали. Я вижу же, что не знаете... не поняли...

— Петр Михайлович, — начал снова Андрей, но Петр снова махнул рукой, заслышав из-за леска лай борзых, уже пущенных на преследование небольшой стаи волков, что грызла скот в ближней деревне.

— Вам что-нибудь говорит имя Александр Васильевич Караташев? — перебил он Андрея. — Вы должны знать его. Он ваш сослуживец по полку. По крайней мере, был им почти четыре года назад.

Имя Андрею было знакомо. Офицеры кавалергардского полка, как и любого гвардейского, делились на две категории: те, кто был завсегдатаем салонов, и те, кто предпочитал светским условностям немецкие трактиры на Васильчиковом, бузотеры и задиры, пьяницы и злые шутники. По молодости лет все новички в полку попадали во вторую категорию, но только по склонности оставались в ней в дальнейшем.

Караташев был аккурат на стыке этих двух категорий. Ему не жилось покойно после возвращения из прусской кампании в петербургские казармы. Душа требовала бурных страстей и рисков. Он был насмешлив, злой языком, любил вино, дочерей трактирщиков на Васильчиковом и драки на кулаках со студентами или офицерами других полков. Был несколько раз понижен в звании и едва не отставлен, но высокий покровитель, благодаря которому Караташев попал в кавалергарды, сумел замять эти дела.

Караташев был красив как херувим — высокий, светловолосый, с большими синими глазами и тонкими чертами лица, был остроумен, обладал хорошо подвешенным языком, а потому умел обаять любого человека, независимо от пола и возраста, потому его любили и в свете, прощали его шалости, закрывали на них глаза.

— К чему вы заговорили о нем? — спросил Андрей. — Какое имеет отношение Караташев к теме нашего разговора?

— Наипрямее, Андрей Павлович. *Une petite provincial* [\[104\]](#). Знакомо ли вам это выражение? Слышали ли вы его из уст Каратышева? — Петр вдруг сжал сильнее поводья коня, отчего тот переступил с ноги на ногу, заволновался, почувствовав напряжение всадника.

И Андрей стал припоминать: полная табачного дыма передняя комната в квартире Караташева, круглый стол под грязной скатертью, на котором стоят или лежат пустые бутылки из-под вина, полупустые бокалы, грязные тарелки с остатками обеда,

развалившиеся на софе или на стульях офицеры кавалергардского полка, расстегнувшие расслабленно мундиры, закинувшие ногу на ногу фривольно.

— Une petite provincial, — кривятся губы на красивом лице Караташева, что с удовольствием, смакуя детали, в который раз повторяет анекдот, который случился с ним в его вынужденном отпуске в Москве. — Никто не смеет так поступить со мной! Уж тем паче — petite provincial!

Жестокая, некрасивая история, по мнению Андрея. Даже тогда, в алкогольном угаре, она задела его своей жестокостью, а Караташев стал резко неприятен своей злобой. Он ушел тогда из той прокуренной квартиры, едва держась на ногах от выпитого, долго бродил вдоль мостовых, вдыхая холодный воздух ноября. Une petite provincial...

— Это была mademoiselle Annett? Je vous assure que je ne le savais pas ^[105], - какой-то комок застрял в горле от осознания того, какой стыд и какую боль она, должно быть, пережила в те дни. Не каждый мужчина сумел бы поднять голову вверх после подобного происшествия, немудрено, что она не смогла тогда, что убежала сюда, в Гжатск из Москвы, сопровождаемая жалостью, холодным равнодушием, смешками и шепотками. Анекдот о том происшествии еще месяцев пять смаковал Караташев, с удовольствием пересказывая его тем, кто желал слушать его, запуская его в гостиные Петербурга, где он стал обрастать разными подробностями.

— Я узнал всю правду слишком поздно, — произнес Петр сквозь зубы. По всему было видно, что ему до сих пор не давала покоя эта история. — Аннет, когда пожелает, будет хранить в себе тайное, как в могиле. Я до последнего (так глупо!) полагал, что то было случайное происшествие. Пока cousine Натали, сестра Катищ, не написала мне, какой анекдот ходит по столице. Конечно, без имен, но мы все знали... Знали! Жаль, кто-то сделал то, что должен был сделать я, с Караташевым. Я бы убил его, клянусь вам, коли б его не прирезали тогда, на Васильчиковом, в хмельной драке. Псу песья смерть! Знать, Бог верно судит.

Борзые уже лаяли совсем близко, но, казалось, всадники у обрыва не слышали их.

— Она не выезжала никуда и никого не принимала уже тут, в Милорадово, где-то с полгода. Год не могла танцевать, боялась. Только на Рождество мне удалось переломить ее страх. И именно мазуркой, сами понимаете. С тех пор мы танцуем ее на ежегодном балу. И будем это делать всегда. Даже, когда она уйдет из этого дома женой. Это традиция наша отныне, вы понимаете, Андрей Павлович?

Теперь он понимал, кивнул в ответ Андрей. Он многое понимал ныне, после этого рассказа, где несчастная героиня того анекдота вдруг обрела имя и лицо. И ее злость, ее холодность, ее первичную неприязнь к нему, как к офицеру того ненавистного ей с тех пор полка. Она имела полное на это право. Для нее он стал явным напоминанием о тех днях, когда она так жестоко была унижена, когда ей так зло отомстили.

Андрей вспомнил, как намеренно унизил Анну на Рождественском балу. Теперь он понимал, отчего она так взглянула на него тогда, что он разгадал ее чувства верно. Ей было больно, и тому был только он причиной.

— Волки! Волки! — вдруг громко закричал Петр и, стегнув коня, направил того на нескольких волков, что выгнали к обрыву борзые. Одна пара борзых уже настигла свою жертву — собаки вцепились в бок одного из хищников, повалили на снег, вгрызаясь в плоть яростно. Андрей вскинул ружье и выстрелил в самого крупного, видно, жоака, который уже целился для прыжка на коня Петра, въехавшего чуть ли не в середину стаи.

— О-го-го! О-го-го! — донеслось совсем близко. Один за другим к обрыву стали выезжать охотники, выбежали, едва не путаясь под копытами лошадей, борзые, без страха прыгавшие на растерянных волков.

— Твою мать! — крикнул кто-то из толпы. — Где борзятник? Пусть псов отзовет, передадим!

Выстрелы, крики, громкий лай собак и предсмертное рычание волков. Возмущенный возглас Бранова, который хотел кинуться только с кинжалом на волка, испытывая судьбу, да только не успел он к обрыву вовремя — всех перестреляли до того. Свист борзятника, отзывающего собак, скаливших зубы при запахе свежей крови.

— Отличная охота! — снова появился возле Андрея, когда охотники двинулись в обратный путь, Петр. Глаза его сверкали, он едва ли сидел в седле спокойно, чтобы не пустить коня галопом по снегу, а держаться подле остальных, едущих легкой рысью по заснеженному полю. — Allons [\[106\]](#), вы ныне примиритесь с Аннет? Прошлый раз простились в такой неприязни и холоде, что право, можно было замерзнуть подле вас. Едемте к нам на обед, там и решим сей вопрос.

— Не могу, *pardonnez-moi*, — покачал головой Андрей. — Я завтра поутру выезжаю. Обещался ныне Марье Афанасьевне на вечер быть подле.

— Жаль, что вы так скоро покидаете нас, — произнес Петр, но Андрей успел заметить некое облегчение, что мелькнуло в тот миг по лицу его собеседника, скрытое довольство его отъездом. — Ну, раз не можете вы к нам, тогда мы к вам! Я кликну, позвольте?

— Кого же? — переспросил Андрей, а сердце при том вдруг забилося в груди быстрее обычного. Петр ничего не ответил, только ткнул кнутом в направлении поля впереди. Андрей медленно проследил за его движением и заметил маленькую фигурку на белой лошадке, ехавшую им навстречу со стороны усадьбы Шепелевых в сопровождении берейтора. Длинный подол светлой амазонки развевался полотнищем от скачки, яркое пятно жакета и шляпки василькового цвета на фоне белоснежного поля. Это была Анна. Еще сложно было разглядеть с такого расстояния черты лица всадницы, но и Петр, угадавший сестру по лошадке, и Андрей знали, что это она.

— Выехала-таки, — усмехнулся Петр, наблюдая, как приближается сестра. — Знать, ускользнула от мадам...

Он повернулся в сторону Андрея, открыл уже рот, чтобы сказать тому, да так и застыл на миг с открытым ртом. После усмехнулся, не в силах сдержать уголки губ, что так и растянулись ныне. Оглянулся назад, к всадникам, но шапки из светло-рыжей лисы, что была на Оленине, не заметил. Как сквозь землю провалился кавалергард, едва только увидел Анну, дал сигнал к отступлению и скрылся незаметно.

— Занятно, — протянул Петр. — Весьма занятно.

А потом стегнул коня и направил его навстречу всаднице, что остановила свою Фудру, ожидая его приближения, помахала ему рукой, обтянутой белой перчаткой, засмеялась тихо, подставляя с наслаждением личико под теплые лучи зимнего солнца.

Как хорошо на этом снежном просторе, думала та, как хорошо под этим ярко-голубым небом с белыми пятнами облаков! Ну, а слезы... это оттого, что ярко солнце бьет прямо в глаза. Только и всего!

— Ну, прощай, *mon cher*! Дороги легкой да безухабистой тебе. И чтоб ангел твой хранил тебя, *Andre*, — графиня снова расцеловала трижды племянника, в который раз обхватив его лицо в свои ладони. Всякий раз прощаться, не зная, когда он в следующий раз навестит свою тетушку в ее одиноком жилище, было тяжело — потом почти два дня ныло сердце. Приходилось лежать в постели, обложившись подушками, да глотать горькие капли, что выписал ей доктор от этой оказии еще в столице. Только графиня никогда не говорила того Андрею, и остальным запретила даже упоминать о ее болезни ему. Мало ли ему тревог ныне!

— Приедешь в Москву — напиши тут же, всенепременно, слышишь? — наставляла Марья Афанасьевна. — И к сердцу близко не принимай, коли *татан* так и не переменялась к тебе. Прости ей ее ошибки эти, как Господь простит. Пройдет пора, и забудется обида. Она же мать!

— Все ведаю, *ma tantine*, — коротко отвечал Андрей. Ему, одетому в шинель, уже стало жарко и в передней, в которую вышли, простившись в гостиной малой, но отнять от себя рук Марьи Афанасьевны он не смел. — Все ведаю, не тревожьтесь, ненужно сердце свое травить.

— Ах, Андрюша, как я буду без тебя! — она снова погладила его гладко выбритые щеки. — До конца отпуска-то заедешь к старухе? Перед тем, как в полк вернуться-то.

— Отпуск выходит в августе, — напомнил ей Андрей. — Приеду на все лето к вам в Святогорское, обещаю.

— Дай-то Бог, дай-то Бог, — прошептала Марья Афанасьевна, а потом опять расцеловала Андрея в щеки и лоб, перекрестила резкими движениями. — Ну, все, *mon cher*, езжай с Богом, а то я вовек тебя не отпущу от себя! *Bon voyage, Andre, bon voyage!* ^[107] Все ангелы да придут с тобой, Божья милость с тобой, *mon cher*!

Андрей кивком попрощался с тетушкой, такой же легкий кивок Маше, что стояла в передней, бледная и растерянная, прислонившись спиной к стене, словно ноги не держали ее. Быстро вышел на мороз, сбежал по пандусу к саням, натянув на ходу треуголку на голову. Лакеи помогли усесться, накрыли колени меховой полостью, укрывая ноги от мороза и снега из-под полозьев. Громко гикнул на запряженных лошадей кучер в овчинном кожухе, резко дернулись сани с места, покатали по накатанной колее по липовой аллее прочь от дома.

Андрей прикрыл глаза, борясь с желанием оглянуться, взглянуть на окна дома, в котором он отдыхал душой. Тетушка вносила в его жизнь какой-то странный покой, дарила уверенность, одним словом могла подарить надежду и веру в лучшую долю. Успокаивалась тут душа, израненная, измученная, отринутая даже матерью. Марья Афанасьевна всегда понимала и принимала любое его действие, хотя и бранила после втихомолку, ласково трепля кудри.

Только в этот раз он уезжал без долгожданного покоя в душе. Мысли скакали в дикой пляске в голове, путались и путали его. Как вчера, когда он, как юная институтка, вздрагивал от каждого шума в передней и у подъезда. Словно ждал обещанного на охоте визита. Ждал, что она приедет на обед, как говорил Петр Михайлович, хотя сам никогда бы не признался себе в том.

Опустилось за горизонт солнце. Медленно сгустились за окном сумерки, заставляя

лакеев пройтись по комнатам и зажечь свечи, чтобы разогнать тени, наполнившие покои.

— Обманули тебя, mon cher, — проговорила Марья Афанасьевна, которой Андрей, вернувшись с охоты, сообщил о предстоящем визите Шепелевых. — Не приедут. Elle change d'opinion comme de chemise [\[108\]](#), помню то по pique-nique прошлым летом. Переменчивость — не самая лучшая ее черта.

— Не она говорила о визите, ma tantine, брат, Петр Михайлович, — ответил на то Андрей, подаваясь желанию защитить Анну перед тетей. Да, то, что в той истории появились лица и имена, не могло не повлиять на его мнение, на его мысли о ней.

— Все едино, — отмахнулась от него графиня. — Одна кровь же.

В ту ночь перед отъездом Андрей плохо спал, ворочался в постели, сбивая простыни в комок. Где-то около трех пополуночи сдался, накинул на плечи шлафрок, раскурил трубку с длинным чубуком, украшенным черно-агатовым бисером — очередной подарок Марьи Афанасьевны. Долго стоял у окна, вглядываясь в темноту за стеклом. Хорошо, что он уезжает, решил он в итоге. Загляни он ей в глаза после того, что узнал от Петра Михайловича, увидь под этим обличьем не холодную и горделивую Аннет, а ту милую плачущую Анечку, что сидела в хозяйской ложе, и...

Сани подъехали к развилке дорожной. Чтобы ехать на станцию, надо было повернуть налево. По правую руку от развилки через версту заканчивались земли Марьи Афанасьевны, и начинался луг Шепелевых, после которого был поворот на аллею и далее к воротам усадьбы.

— Стой, милейший! — Андрей вдруг приподнялся на сидении и хлопнул кучера по плечу. — Придержи лошадей!

Серебряный целковый долго лежал на его ладони. Он все никак не мог решиться ни продолжить путь на станцию упрямо, ни подкинуть этот жребий, отдавая на волю судьбы свое вспыхнувшее желание заехать проститься с Шепелевыми, поблагодарить Михаила Львовича за охоту, извиниться за столь спешный и тайный отъезд с нее.

«Орел» — еду в Милорадово. Решка — к станции поворачиваем. Или лучше наоборот? Или вообще не кидать жребия, не рисковать, уехать, не оглядываясь назад, оставив надежды и все свои мысли грешные, такие ненужные ему ныне, такие неудобные, позади за спиной?

Переступила с ногу на ногу одна из лошадей в упряжи, звякнул тихо бубенец. Андрей резко подбросил целковый, поймал, раскрыл ладонь. С белизны перчатки подмигнул солнечным бликом «орел». Андрей прикрыл на миг веки, а потом бросил в спину кучеру резко:

— К Милорадово давай!

В вестибюле дома Шепелевых его встретил молодой лакей с заспанными глазами, выглянувший из небольшой каморки под лестницей, где видно спал в этот дополуночный час. Да и в доме было непривычно тихо: разъехались приглашенные на святочные дни гости, предоставив хозяевам тишину и покой.

— Доброго утречка, господин ротмистр, — поклонился Андрею лакей, испуганно глядя на того снизу вверх.

— Доложите, милейший, обо мне господину Шепелеву, — Андрей стряхнул с плюмажа снежные крупинки, со слегка ворсистой ткани треуголки, сунул подмышку ту после, стараясь не помять перья.

— Никак не можно то, — склонился снова лакей. — Барин и Петр Михайлович в парке-с. Птиц стреляют-с. Если у господина ротмистра срочное...

— Нет, у меня не срочное дело, — отрезал Андрей, чувствуя, как в груди медленно закипает раздражение — на этого глупого молодого лакея, на себя, что прибыл с визитом совсем не вовремя и что вообще приехал сюда, в этот дом. Лакей широко распахнул глаза, пугаясь резкости голоса кавалергарда, затараторил вдруг:

— Вера Александровна-с тоже принять не смогут-с. Не выходили-с еще. Барышни в оранжерее. Проводить господина ротмистра в оранжерею-с?

После короткого «Да» Андрея лакей быстро принял из его рук шинель и треуголку, аккуратно положил в каморку, откуда вышел при входе ротмистра в дом, а после поклонился низко: «Сюда-с, прошу вас, господин ротмистр!» и поспешил провести гостя к переходу, что соединял дом и оранжерею, где уютно расположились в это утро девушки — Полин и Катиш на канаве, рассматривая альбом Анны, где вчера вечером, отбывая дальше к месту расположения, оставляли записи или рисунки гусары. Сама же она стояла у деревянной решетки, увитой розами, срезала аккуратно цветы, чтобы украсить свои покои этими ароматными красавицами.

Тихо посапывала сидевшая на стуле в углу возле высокой жардиньерки [\[109\]](#) Пантелеевна, няня Анны и Петра. Мадам Элиза ныне была больна, в последнее время у нее довольно часто были странные приступы, которые приковывали ее к постели на несколько дней. Сперва это было редко — раз в три месяца, а с осени эти приступы стали повторяться все чаще и чаще. И мадам, и Михаил Львович, который был, видимо, в курсе болезни мадам Элизы, уверяли девушек, что волноваться нет причин. Полин верила в эти уверения, но Анна видела, что папенька что-то скрывает от них, оттого и донимала его расспросами, пока он не сдался и открылся ей под большим секретом:

— Хворь мадам Элизы не пустяк, но и угрожающего здоровью ее ничего нет, поверь. Не тревожься, моя хорошая. Просто мадам несколько дней не сможет быть подле тебя из-за недомогания. Ты должна те дни быть терпеливой и понимающей, *d'accord, ma chere* [\[110\]](#)?

Настроения рассматривать альбом вместе с Полин и Катенькой не было, к чему напоминать себе о том, что разъехались из Гжатска brave гусары, что станет пусто на балах и раутах, тихо в гостиных и салонах. Жаль, что их полк стоит так далеко — Анну забавляло немое соперничество поручика Бранова и Павла Родионовича, которое прошлым вечером вылилось в стихотворную дуэль в ее альбоме. Разумеется, победил господин Павлишин в том, это была его стезя — стихоплетство. Зато поручик отменно исполнил после вместе с ней дуэт из оперы господина Княжнина, упирая особенно на слова: «Люби ты меня, как я люблю тебя!». Будет отныне скучно до самого лета без того, подумала грустно Анна, срезая аккуратно очередной цветок и бросая его в корзину, стоящую у ног.

А после мысли плавно перетекли к другому отъезду, который был намечен на сегодняшний день. И на персону того, кто покидал уезд нынче утром. Впервые она столкнулась с такой открытой неприязнью к себе, с таким холодом. Анна прикусила губу, вспомнив, как он сбежал с охоты, едва она только показалась вдали. Право слово, словно она прокаженная, не иначе!

— О, ты так напугала нашего brave ротмистра своим грозным появлением на горизонте, что он не выдержал и дал отступления! — шутил Петр, вызывая в ней злость и острую ненависть к кавалергарду. А она-то все утро собиралась к той поездке, едва выбрала амазонку среди нескольких, выдержала атаку мадам Элизы и одержала в ней сокрушительную победу. *Triple sotté!* [\[111\]](#)

Снова за ее спиной тихонько рассмеялись Полин и Катиш, но Анна даже не обернулась

к ним, резала и резала со злостью розы. Их набралось уже на три вазы, а она никак не могла успокоиться и перестать. Тихо скрипнули створки дверей оранжереи, тут же смолкли смешки девушек, и Анна повернула голову, чтобы посмотреть, отчего их беспокоят, не мадам ли, слава Пречистой, поднялась с постели. Нет, это была не мадам Элиза. Новый в доме лакей, взятый из деревни в дворовые вместо того, что был пойман на воровстве да забрит в солдаты, отчего робко ступил в оранжерею, заложив руки за спину, а потом посторонился, пропуская того, о ком она никак не могла перестать думать ныне. Словно кавалергард из ее мыслей сошел сюда, не иначе.

Вскочила на ноги Катиш, алея лицом, медленно поднялась с канопе Полин, стрельнув глазами в сторону окаменевшей на миг Анны. Ее взгляд тут же перехватил Андрей, что обводил в этот момент внимательным взором оранжерею, будто кого-то искал среди этой зелени и красок цветов, взглянул на Анну, застывшую у роз, склонил голову в приветствии. Девушки скромно присели в ответ, опутив глаза в пол. Все, кроме Анны, которая так и не сумела отвести взгляда от лица Андрея.

Что он здесь делает? Отчего тут? И почему она ныне не уделила должного внимания своему туалету? Отчего решила надеть это простенькое домашнее платье с цветастым рисунком, отчего не сделала прическу, а просто небрежно заколола волосы в узел? Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Анны, пока она с трудом боролась с желанием спрятаться от гостя за решетку, увитую розами, понимая глупость и наивность этого поступка.

— Анна Михайловна, Катерина Петровна, *mademoiselle Poline*, — Андрей шагнул от дверей, и лакей быстро затворил за ним створки, скрываясь от хозяев за ними. — Прошу простить меня за сей неожиданный визит. Я уезжаю, вы, верно, слышали о том. Не мог не заехать к вам, чтобы не попрощаться. К тому же я наслышан у вас, Катерина Петровна, сестра проживает в Москве. Коли есть на то желание, то я мог бы передать от вас и вашей маменьки для нее письмо. Если вы пожелаете написать...

— Ах, Андрей Павлович, как любезно с вашей стороны! Это было бы превосходно! — Катиш едва ли не захлопала в ладони, услышав это предложение, как отметила Анна. Она снова смущенно глянула в пол, после, явно вдруг растерявшись, на Анну вопросительно, зная, что мать еще не выходила из спальни.

— *Allez donc la dire* ^[112], - мягко произнесла Анна, видя растерянность кузины. Та согласно кивнула, быстро шагнула к двери и, присев перед Андреем, что в ответ тут же поклонился ей, вышла вон из оранжереи. Полин взглянула на Анну, которая вернулась после ухода Катеньки к своему занятию с розами, потом на Андрея, что смотрел на ту от двери пристально.

— Пожалуй, пойду и я, проведу *matin*, — она изо всех сил пыталась сдержать шаловливую улыбку от того взгляда, которым ее наградила Анна. Полин присела перед Андреем, уходя, и все же улыбнулась, заметив его благодарный взгляд. Вышла из оранжереи, аккуратно прикрыв створки дверей, чтобы ненароком не разбудить Пантелеевну, по-прежнему дремавшую на своем месте в углу.

— *Comment allez-vous?* ^[113] — спросил Андрей, явно не зная, как начать разговор. Анна даже не повернулась к нему, будто не расслышала его вопроса. Она вовсе не имела намерения обмениваться с ним любезностями о ее здравии, о погоде и о другой банальности, слыша не только его голос ныне, но и насмешливый голос брата: «О, ты так напугала нашего бравого ротмистра...».

За спиной Анны раздалися шаги, но даже не будь их, она бы разгадала, что Андрей приблизился, встал так близко от нее, что ей казалось, она даже может распознать среди аромата роз запах eau de Cologne [114]. Она невольно затаила дыхание, боясь повернуть голову в его сторону, ненароком коснуться взглядом, встретиться глазами.

— Ces fleurs exhalent une délicieuse odeur [115], - произнес Андрей чуть ли не над самым ее ухом, и Анна вздрогнула от того, насколько близок он к ней ныне. Он протянул руку из-за ее спины, коснулся бледно-розового бутона, провел по лепесткам нежно подушкой большого пальца.

— У этих цветов, помимо дивного аромата и прелести, есть острые шипы, что сводят на нет все их преимущества, n'est-ce pas? — чересчур резко ответила Анна, бросая очередной срезанный цветок в корзину у своих ног. Андрей чуть сдвинулся — теперь она могла краем глаза видеть его лицо, усмехнулся и, обхватив пальцами тонкий стебель ниже бутона, сорвал цветок. Протянул его Анне, словно подарок.

— Просто надо знать, как сорвать его, чтобы не пораниться об эти самые шипы. Нужно знать подход.

Она взглянула в его глаза, внимательно наблюдающие за ней, подмечающие каждое движение черт, потом на розу, что протягивал ей. Демонстративно проигнорировала это подношение — медленно подняла корзину с цветами с пола и отошла от решетки с розами, а скорее, от Андрея, который тут же двинулся за ней следом, взял из руки ее ношу и поставил ту на столик подле канапе.

— Вы недолго гостили в Святогорском, — произнесла Анна, разрываясь между двумя желаниями: уйти тотчас же из оранжереи и после жалеть о том или остаться здесь, пока не добудятся Веры Александровны, а та не приведет себя в порядок, не напишет пару строк к старшей дочери и не позовет к себе кавалергарда за письмом. А потом нахмурилась — не показала ли она ему ненароком, что точно знала, сколько дней он пробыл здесь, не продемонстрировала ли свой интерес к нему таким образом.

— Увы, таковы обстоятельства, — он вдруг сделал шаг, и между ними расстояние стало совсем неприличным. Надо уходить, приказала себе Анна, а сама подняла голову, взглянула ему в глаза. Вдруг захотелось поднять руку и провести ладонью по его щеке, пробуя пальцами на ощупь этот маленький шрам, его кожу.

— Я бы желал повиниться перед вами, Анна Михайловна, — тихо проговорил Андрей, и она замерла, пытаясь угадать, о чем он поведет речь далее, замедлила дыхание. — Я был с вами непозволительно груб, резок. Это было непозволительно. Особенно принимая в виду те события, что были тогда...

— Те события, что...? — она заледенела вмиг, застыла при этих словах. О Господи! Кто-то сказал ему, кто-то назвал имя, и он тут же сопоставил тот анекдот, который, без всякого сомнения, ходил у него в полку тогда, и ее персону. Стало горько во рту. Захотелось плакать. Снова. О Господи, снова! — Что? Ну же! Что же вы замолчали? Говорите! Говорите!

— Помилуйте, Анна Михайловна, я не желал вас обидеть, напоминая... я просто хотел сказать вам, что я не ведал о том...

— Да все вы знали! Неужто Караташев не преминул поведать вам, как сослуживцу, сей занятный анекдот? Уж уверена со всеми подробностями, смакуя каждую деталь.

— Сей господин всегда был склонен к преувеличению, — резко ответил Андрей.

— Уверена в том, — яростно сверкнули глаза Анны. — Только в том анекдоте, что

гулял по столице с позволения сего офицера, нет ни единой ложной детали. Вижу по вашему взгляду, что удивлены тому, верно? Да, я была очарована им, этим Караташевым, ведь всем известно, самые привлекательные офицеры в кавалергардском полку! Да, он волочился за мной в Москве, и я принимала его ухаживания. И да — я отвергла его, отказала ему, за что он и отомстил мне после!

Вдруг стало не хватать воздуха из-за комка, что встал в горле. Анна сжала пальцы в кулаки, вспоминая, какой легковерной была, как была влюблена в кавалергарда, что совершенно вскружил ей голову красивыми словами и своими удивительно синими глазами. Она была приветлива со всеми, кто окружил тогда ее в Москве, но Караташева выделяла особенно, и это было заметно. Юная и наивная, она приняла его чувства за чистую монету, а его самого — за рыцаря, которого так ждала в свою жизнь, потому была перепугана его неожиданной атакой в слабо освещенной парадной анфиладе, куда он выскользнул из бальной залы, увлек ее из-под опеки Веры Александровны. Да, она сама виновна в том позоре, она признавала то, — поддавалась его словам и уговорам своего сердца, забылась.

Караташев тогда прижал ее к стене, грубо, с силой впился в губы, а ладонью сжал грудь через легкую ткань платья.

— Ну, что ты, — приговаривал он ей, вдруг перейдя на интимное «ты», когда она отворачивала голову, уходя от этих жестких губ, отбиваясь от его хватки. — Ну что ты, милая?

Она могла бы крикнуть в голос на помощь, но видит Бог, сплетни, что разойдутся по Москве после, ей вовсе были ни к чему. Тут же припомнили бы открыто тот факт, что ее родители венчались без благословения деда, графа Туманина, и только спустя пару лет тот простил дочери брак с нетитулованным и небогатым поручиком уланского полка, перенесли бы вольность матери на дочь.

— Ну что ты, — Караташеву, казалось, нипочем были ее слабые удары веером, ее сопротивление. — Что ты, милая? Я же жениться хочу на тебе, *petite sottie* [\[116\]](#), слово даю. Но как жениться, не узнав вкус твоих губ? А вдруг не по нраву мне будет? Открой губы, милая, открой губы. Не упрячься, ну же!

Где-то в темноте дальних комнат стукнула дверь. Караташев отвлекся на миг, но и этого мига ей было довольно, чтобы выскользнуть из его рук, убежать в комнату, что была отведена дамам на время бала.

Анна тогда долго плескала на лицо холодной воды из фарфорового тазика, чтобы успокоиться, выровнять дыхание и выйти в залу, как ни в чем не бывало. Вера Александровна, недовольная исчезновением Анны сюда без спроса (как объяснила ей та), сурово поджимала губы, злясь на те неудобства, что доставила ей племянница. Пришлось оторваться от разговора с дамами, а у одной из тех был сын чуть старше Катиш по годам. Надо было составить хорошее знакомство, кто ведает, как жизнь повернется через пару-тройку лет. Это этой пигалице, которую Господь не обделил ни красотой, ни грацией, а покойный батюшка Веры Александровны и состоянием, не было нужды тревожиться о судьбе будущей, а вот ее дочерям...! Благо, старшую удачно пристроила в прошлом году. Правда, сорокалетний полковник староват для восемнадцатилетней девушки и наводит тоску своими подвигами ратными, но зато имеет шанс быть в завещании дальнего титулованного родственника.

Вера Александровна злилась на Анну и весь следующий день, когда узнала, что был с визитом в доме Михаила Львовича кавалергард Караташев с *demande en mariage*, а та вдруг

возьми да откажи ему! Женихами-то разве разбрасываются? Красив, умен, со связями и положением в обществе, с парой доходных имений в Малороссии в собственности да незаложенных к тому же. *Pauvre homme* [117], он так был влюблен в Анну, так добивался ее расположения, как видела Вера Александровна. А та стала вдруг столь холодна с ним, столь высокомерна, ни одного танца после не подарила, жаловался он, прикусывая кулак, чтобы сдерживать эмоции, Вере Александровне. Вот и поддалась она его уговорам, жалея, вписала тайно на мазурку.

Анна тогда не поверила своим глазам, когда увидела тот *engagement* [118] в своей карточке. Она и думала бы отказаться, да Вера Александровна напомнила, что нельзя, не по этикету то, так игнорировать кавалергарда. Да и Караташев в последнее время снова был тем самым Александром Васильевичем, кто сумел покорить ее сердце — милым, предупредительным, внимательным. Он так умоляюще на нее смотрел, и ее сердце дрогнуло.

Они уже были у самого финала мазурки, когда Караташев вдруг хищно улыбнулся Анне, и она испугалась отчего-то этой улыбки, задержала на его лице взгляд, не заметила носка его ступни, выставленной всего на короткий миг далее, чем следовало. Она споткнулась о его ногу, попыталась выровняться. Но, несмотря на это, Анна удержалась бы, если бы Караташев не выпустил ее ладонь из своих пальцев. Лишенная опоры, она качнулась вперед, наступила на подол и под дружный выдох залы упала плашмя на пол, больно ударившись руками и коленями, порвав тонкую ткань подола.

— Я же говорил, что все едино, будешь у моих ног волей-неволей, помнишь? — прошептал Караташев, склоняясь к ней первым, и она взглянула на него, пораженная его словами, сломленная тем постыдным положением, в котором оказалась. Упасть на балу девице — что может быть хуже? Упасть вот так некрасиво, неграциозно, порвав платье, растеряв туфельки, что соскользнули с ног при падении, разъехались по паркету.

— Как же так случилось? — волновалась Вера Александровна, когда они ехали с того злополучного бала, покинув его тут же. — Как же ты могла быть *lourdaud* [119]!

— Ну-ну, — успокаивал Михаил Львович, прижимая к себе плачущую Анну. — Не плачь. С кем не бывает? Право слово. Увидишь, все вскорости забудут о том.

Не забыли. Анну, куда она бы не выезжала, сопровождали отныне постоянные перешептывания за спиной, тихие смешки. Ее перестали приглашать сперва на мазурку, опасаясь оконфузиться вместе с ней, как это случилось давеча с Караташевым, а после и на другие танцы. Стали обсуждать ее наряды и ее поведение. Была бы она не так привлекательна, ей бы простили и забыли, но людская зависть не знает пощады. Мстительный Караташев только подливал масла в огонь этой скрытой травли, вспоминая о той истории, как о «*ma grande confusion*» [120].

Анна не выдержала и двух седмиц. Умолила отца уехать из города, не завершив сезона, вернуться в Гжатск, в родное и такое любимое Милорадово. Ее уже не привлекал тот город, о котором она столько лет мечтала, и который так жестоко посмеялся над ней. Который едва не сломал ее, не разбил, как фарфоровую куклу...

Анна резко повернулась к Андрею, что молча слушал ее версию тех событий в Москве, заглянула в его побледневшее лицо, в его глаза, вдруг потемневшие, сжала руки с силой.

— Вам ведь Петр рассказал. К чему? Да и ладно! Все едино — узнали бы! — в глубине глаз Андрея что-то мелькнуло при виде слез, блеснувших в том резком повороте головы, и она, не сумев распознать до конца, отчего он так странно смотрит на нее, прошипела зло. —

И жалеть меня не смейте, слышите? Не смейте меня жалеть! Мне не надо вашей жалости!

Андрей вдруг обхватил ее лицо своими большими ладонями, притянул к себе еще ближе. Растерянная, она не стала сопротивляться, подчинилась, даже не подумав о том, каким неприлично близким стало меж их телами расстояние — менее пальца. Только смотрела на него чуть удивленно, широко распахнув глаза. Маленькая капелька сорвалась с ресниц и медленно покатила по щеке к уголку рта, где ее смахнул большой палец мужской руки. Анна неосознанно приоткрыла губы при этой нечаянной ласке.

«Знаешь, что означает сия мушка у рта? „Prêt a baiser“ [\[121\]](#), вот что», прозвучало в голове Андрея в тот же миг, и он начал склоняться к этому рту, к этим распахнутым в приглашении губам, подчиняясь желанию, тут же вспыхнувшему в груди, сметающему вмиг все доводы и возражения разума.

— Ох ты, Пречистая! Это что ж то?! — раздалось громкое причитание из того угла, где еще недавно спала сладким сном няня Анны. — Это что ж то?!

Анна тут же отшатнулась от Андрея, выскользнула из его ладоней, отбежала на пару шагов. А Пантелеевна уже поднималась со стула, поправляя соскользнувшую с плеча шаль, склонялась к ним, напряженно вглядываясь близорукими глазами в глубину оранжереи, туда, где у канапе ей почудилось нечто из ряда вон.

— Это кто ж за охальник-то? — старушка медленно направилась в их сторону, стараясь рассмотреть того, кто стоял еще недавно так близко к ее Анечке. — Вот я-то ужо пожалуюсь Михалу Львовичу-то! Ишь, что удумал! И это в таком доме-то с приличиями! Охальник и есть! Иди-ка сюда, Анна. Ко мне ступай тотчас, а то кликну лакеев, а опосля папеньку твоего! Что встала столбом? Срам потеряла совсем!

— Да прекрати ты крик, Пантелеевна! Иду я! — возмущенно воскликнула Анна. Она обернулась на Андрея и заметила, что губы того кривятся, что тот с трудом сдерживает смех. И его глаза... Она не могла не улыбнуться ему в ответ. — Вы простите мою нянечку, Андрей Павлович, она по-простому привыкла. И меня простите — мне уходить надо, иначе Пантелеевна весь дом сюда своим криком призовет. Au revoir, Андрей Павлович!

Она вдруг, сама того от себя не ожидая, протянула в его сторону руку в зовущем, приглашающем жесте, и он шагнул к ней резко, прижал тут же ее ладонь к своим горячим губам под причитание няньки: «Ой, бесстыдство творится-то! Ой, срамота-то!»

— Анна Михална! — старушка уже грозила пальцем, уже почти подошла к ним, шаркая подошвами стоптанных домашних туфель, как Анна медленно, слишком медленно убрала руку из пальцев Андрея, понимая, что тот сам уже не отпустит ее по своей воле. А после быстрым шагом направилась к дверям, подхватив по пути корзину с цветами с низкого столика. Нянька грозно глянула на Андрея из-под оборок чепца и пошаркала за своей питомицей, что-то приговаривая под нос.

У самой двери, уже почти скрываясь за створкой, Анна вдруг обернулась на него, чувствуя спиной его взгляд. О Господи, мелькнуло в голове, как уйти отсюда, когда вот так глядят эти голубые глаза! Губы кололо тем, так и не свершившимся поцелуем, тело стало таким мягким под тем взором, что она заметила, оглянувшись. И отчего няня не проснулась хотя бы на миг позднее?!

Короткая нежная улыбка, последний прощальный взгляд, и Анна скрывается за дверью, преследуемая по пятам старушкой, кутающейся в шаль и что-то бубнящей себе под нос. Андрей, не в силах стоять на ногах более отчего-то, опустился на канапе, усмехнулся.

— Прошу прощения, — в дверях появился тот самый молодой лакей, и Андрей резко

обернулся к нему. — Барышня Анна Михайловна приказала проводить вас в голубую гостиную. Следуйте за мной, прошу.

Андрей поднялся на ноги, но едва сделал пару шагов к дверям, как вернулся назад к решетке с розами, у которой снова на него взглянул испуганно лакей, явно недоумевая, отчего к нему подошел этот офицер.

— Отдай-ка мне это, милейший, — приказал Андрей. Лакей только крепче вдруг прижал к груди бутон розы на коротком стебле, вжал голову в плечи и чуть качнул ей отрицательно.

— Не могу никак, господин хороший, не могу! — а потом, заметив, как окаменели черты Андрея, как поджал тот губы недовольно, залепетал, оправдываясь. — Не могу никак отдать. Прошу простить меня! Барышня Анна Михайловна велела им принести! Сказали обронили ненароком. Не могу отдать!

— Барышня просила забрать? — Андрей улыбнулся, потеплело в груди от услышанного. — Ну, тогда забирай его, не буду неволить.

А сам протянул руку к розам, что вились в изобилии по деревянной решетке, сорвал точно такой же бледно-розовый бутон, вдохнул дивный аромат цветка. А потом быстрыми движениями расстегнул чуть ворот, спрятал розу за мундир, аккуратно поместив его за полу.

— Ну, пошли, что ли, милейший, в гостиную голубую? — и сразу же резко. — О том, что видел, молчи! Ни слова, понял? Никому!

Лакей тут же закивал головой, как китайский болванчик, даже попытался перекреститься, да Андрей остановил его руку, чуть подтолкнул к двери, мол, давай, пошли уже. В голубой гостиной он недолго был один — спустя несколько минут спустилась Вера Александровна вместе с дочерью, передала ему письмо для своей старшей дочери в Москву, где та проживала с мужем ныне.

Прошло около десяти минут, пока Андрей не понял, что Анна не спустится, что она уже попрощалась с ним тогда, в оранжерее, и ждать ее появления нет смысла. Потому после короткого обмена любезностями и пожеланиями счастливого пути, он откланялся, вышел в вестибюль, где его уже ждал лакей с шинелью и треуголкой в руках. Уже разворачиваясь к двери, в шинели, Андрей повернулся к лакею и приложил к губам палец, напоминая, и тот снова закивал головой, стал креститься, шепча, что никогда и никому.

Расскажет. Непременно расскажет и непременно ей или ее горничной, улыбнулся Андрей, сбегая по ступенькам подъезда к саням, что уже ждали его. Усаживался в них, чувствуя на себе чей-то взгляд из окна, но посмотреть, откуда тот был — из хозяйских покоев или из окон голубой гостиной — себе не позволил.

Жаль, думал Андрей, пряча лицо в вороте шинели от снега из-под полозьев, пока ехали к станции. Безумно жаль, что так складывается. Безумно жаль, что многого, увы, он не может себе позволить. И снова перед глазами вставала та прощальная улыбка от дверей, те широко распахнутые глаза, полные слез, те губы, приоткрытые в приглашении...

Анна Михайловна... Анна... Аннет. И такое запретное сердцу — моя Анечка...

Отзвенели бубенцы на упряжи, унося сани от подъезда дома и далее по подъездной аллее, прочь от усадьбы и от имения Шепелевых. Скрылся среди темнеющих стволов аллеяных деревьев уезжающий к станции и далее по Смоленской дороге в Москву кавалергард, ушел из привычной жизни Анны, словно его и не было никогда. Анна не стала провожать его даже взглядом, занялась цветами — аккуратно расставляла те в вазах, что разнесли после по комнатам лакеи. Это пусть Катиш, трепетно влюбленная в ротмистра Оленина Катиш, любит им из окна, пытаюсь удержать слезы на глазах. Ей же то совсем не пристало.

Бледно-розовый бутон Глаша поместила в стеклянный широкий бокал по просьбе барышни, поставила его на ночной столик возле кровати, откуда Анна могла видеть этот цветок даже в скудном свете луны по ночам, положив под щеку ладонь, погружившись с головой в промелькнувшие дни и представляя то, что так и не сбылось. Она закрывала глаза и видела снова мысленно тот взгляд, которым провожал ее до дверей Оленин: пристальный, обволакивающий своей нежностью, своей теплотой. На такой взор хотелось ответить — преодолеть разделяющее их расстояние, смело шагнуть в протянутые руки, примкнуть к широкой груди и принять тот поцелуй, что обещали его глаза.

А потом вздыхала легко с самодовольной улыбкой на губах. Попался кавалергард, попался... А таким холодом обдавал! И она прятала в подушки свой тихий смех, радуясь тому, что снова получила желаемое. Как и всегда...

А что до пари, котором на следующее же утро после отъезда кавалергарда напомнил ей Петр — так до лета еще гость графини пожалует в Святогорское, как та сказала после утренней службы в канун Крещения вдруг смело спросившей о том Катеньке, ласково улыбаясь ей. Анну же она только окинула внимательным взглядом, чуть двинула уголками губ, словно желала сказать что-то, но только кивнула ей в приветствии. Ее воспитанница же не постеснялась обдать Анну холодом ненависти своих карих глаз, едва ли не толкнула ту плечом, когда проходила мимо барышни Шепелевой, следуя за графиней. O-la-la [\[122\]](#), подумала тогда Анна, а тихая и скромная Машенька оказывается совсем не так тиха, как кажется с виду. И это ныне — в канун святого праздника, усмехнулась, за что получила укоряющий взгляд отца, ведь ныне должно было выказывать только благость и смирение, только их.

Когда Шепелевы вернулись из церкви в усадьбу, дворецкий, Иван Фомич, доложил о неожиданном госте, что прибыл тотчас, как только господа уехали на службу, но в село не поехал, решил дожидаться хозяина.

— Говорит-с, Петра Михайловича знакомец хороший, да и вас, барин, в Москве имел честь знать, — приговаривал Иван Фомич, пока Михаил Львович скидывал тут же, в вестибюле шубу и шапку на руки лакея, а хозяйский комердин Лука поправлял чуть измявшийся галстук.

— Вы не говорили, mon cher fils [\[123\]](#), что у нас гости ожидаются на Крещение, — недовольно пробурчал Михаил Львович зашедшему в дом сыну. Тот задержался у подъезда — перебросился снегом с Анной, когда выходили из саней, а потом от души засыпал снежной россыпью подошедшую тут же к дому с прогулки Полин с подола салопа до лент, которыми был украшен ее капор. Та от души визжала от холода, которым тут же обдало

спину и шею, когда снег попал за ворот, так и вошла с легким криком возмущения в дом, отчего Михаил Львович недовольно поджал губы. Мадам Элиза тотчас одернула дочь: «*Raïx, mademoiselle Pauline!*» [\[124\]](#).

— Что вы скажете, Петр Михайлович? — спросил Шепелев-старший, а после напомнил дочери, что с легким смешком, совсем неподобающе барышне стала, перешагивая через ступени подниматься по лестнице в свои покои. — *Nous avons du monde, ma chere. Je vous prie* [\[125\]](#).

— Я слышу о визите впервые, *mon pere* [\[126\]](#), - ответил Петр, стряхивая с волос снег. Он старательно отводил взгляд от пытливых глаз отца, и Михаил Львович понял, что тот лжет.

— Кто сея персона, Иван Фомич? — обратился он к дворецкому. Тот тут же склонился в ответ.

— Его сиятельство князь Чаговский-Вольный Адам Романович, полковник лейб-гвардии Измайловского полка в отставке, — подал барину карточку из плотного картона, украшенного черной вязью по краям. — Проездом из своих земель в Москву, просит позволения остановиться в Милорадово на несколько дней.

— Не помню такого вовсе! — раздражено повел плечами Михаил Львович, потом заложил руки за спину и направился через анфиладу комнат первого этажа к малахитовой гостиной, куда провели гостя. Он злился на себя, что не смог сдержать своего дурного настроения в канун, на гостя, которого вовсе не планировал ныне развлекать своим присутствием. Михаил Львович обычно проводил этот день в образной дома, кладя поклоны и творя молитвы за тех, кто так рано ушел от него, за тех, кого он сам когда-нибудь оставит.

Как только перед баринном распахнули двери в малахитовую гостиную, что звалась так по цвету изразцов печи, покрытых муравой [\[127\]](#) да тканей, что использовались при отделке комнаты и обивки мебели, с софы у окна поднялся на ноги господин в сюртуке глубокого темно-синего цвета. Они тут же поклонились друг другу, приветствуя.

— Простите великодушно, князь, — Михаил Львович развел руками, показывая свою растерянность перед столь неожиданным визитом. Воспитанный в провинции, он никогда не склонял голову перед титулами, со всеми обходился по-простому любезно. — Простите великодушно, но, увы, не припоминаю чести иметь с вами знакомство.

Гость бросил взгляд на ступившего в гостиную вслед за отцом Петра, а потом снова взглянул на хозяина, что сел в кресло напротив него.

— Наше знакомство состоялось около четырех лет назад, в 1808 году, — напомнил он Михаилу Львовичу. — Не буду продолжать далее, опасаясь вызвать нелюбезные вашему сердцу воспоминания. А вот с Петром Михайловичем мы часто видимся в Москве, довольно хорошие знакомцы. Посему я имел вольность попросить вас оказать мне любезность и позволить мне остановиться у вас на пару дней во время моего путешествия. Умоляю простить мне подобное беспокойство для вас, мою вольность.

— Буду рад оказать вам гостеприимство, — проговорил Михаил Львович и встал из кресла. Тут же поднялся на ноги и князь. — Прошу простить меня, старика, но мы только прибыли... всю службу отстояли... Думаю, Петр Михайлович с удовольствием составит вам ныне компанию, станет за хозяина ныне, а меня, старика, извольте простить, князь.

Что-то в этом госте Михаила Львовича настораживало, что-то не давало покоя. Он так и не смог выкинуть из головы мысли об этом малороссийском князе, даже когда стоял на коленях перед святыми образами, сменив сюртук на шелковый шлафрок. И после, за

скоромным обедом, что подали в малой столовой, Михаил Львович то и дело возвращался глазами к гостю. Тот был предупредителен и вежлив, рассыпался в комплиментах дамам и даже Полин, которую все же позвали за стол, несмотря на присутствие князя в доме, не обидел в том. Но Шепелев подмечал каждый пусть редкий взгляд, брошенный гостем в сторону Анны, что, казалось, снова оживилась, впервые после отъезда из этих мест гусар, после того, как их дом опустел от гостей.

А потом Михаил Львович задумался на миг, представив князя в роли *demandeur en mariage* [\[128\]](#), как примерял эту роль невольно в последнее время на каждого достойного претендента, а этот же князь как-никак! Да, он слегка староват для Аннет — на вид не менее лет тридцати пяти-сорока, но все же статен, широк в плечах и выглядит неплохо для своего возраста. И довольно привлекателен лицом, несмотря на эти длинные темные баки, которые так не нравились Михаилу Львовичу в нынешней моде, да на невысокий широкий лоб, что так некрасиво открывал на обозрение князь, зачесывая волосы назад. Надо бы проведать у графини про этого гостя, написать к той, решил Михаил Львович, наблюдая, как князь в который раз бросил взор на Анну, как шевельнулись уголки губ того в улыбке, адресованной ей. Перед его глазами в Москве прошло столько новых лиц, что он до сих пор не мог вспомнить этого Чаговского-Вольного. А доверять Петру в таком щекотливом вопросе... Только человек, умудренный годами, мог подсказать Михаилу Львовичу, только такой.

Графиня, как оказалось, знала князя — перед праздничным молебном они столкнулись на церковном дворе и раскланялись, как старые знакомые, обменялись поздравлениями к празднику. Потому на следующий день, провожая Марью Афанасьевну из гостиной в столовую к Крещенскому ужину, что он давал для близких соседей, Михаил Львович не сумел удержаться и спросил ту о князе.

— А что, князь в *demandeur en mariage*? — переспросила та и оглянулась на князя, что вел в столовую Анну. — Что ж, Михаил Львович, коли в женихи он попросится, то достойная пара, скажу вам. Тысяч двести в год может позволить себе потратить без раздумий и сожалений.

— Такова доходность имущества?

— Не только. Про таких, как князь, говорят *enfant gâté de la Fortune* [\[129\]](#). Все ему в руки идет, что пожелает. Сколько раз его имя кляли в Англицком клубе да за ломберными столами. За глаза, разумеется, скажи ему в лицо то! Вдовец он, правда, не первый брак будет. Давно вдовствует, почитай, с 1801 года, — графиня задумалась на миг, а потом кивнула головой. — Да, верно, как Александр Павлович императором стал по воле Провидения, в тот же год и овдовел князь. Ранний брак то был. Не своей воле, по воле Павла Петровича покойного, отца нашего батюшки-императора. Зато и земли ему принес тот союз, и людей немало. Князь же из польского рода отросток, с малороссийских земель, что матушка Екатерина Алексеевна привчала да на невестах русских женила. Коли возраста да нрава не испугаешься, Михаил Львович, то смело согласие давай, много выгод брак с Чаговским принесет. Ну, это, *certainement* [\[130\]](#), ежели попросится в женихи. А до сей поры я бы глядела за Чаговским в оба глаза. Ох, и дурно же иметь дочерей с одной стороны! И женихов им ищи да выделяй к браку, и за ними смотри без усталости! А с другой — вон как глаз радуют красой своей...

Анна, действительно, была в тот вечер хороша: газовое платье опалового цвета удивительно шло ей, пара локонов, пущенных из узла на затылке свободно на спину, подчеркивали длину шеи, глаза блестели в свете свечей. Ей льстило внимание этого

светского льва, которого она тут же распознала каким-то женским чутьем в Адаме Романовиче. Нравилось, что его симпатия к ней, которую она чувствовала с его стороны, была не такой явной глазам, как привыкли показывать ту ее поклонники.

Лениво наблюдал князь за стороны за ней своими бледно-голубыми глазами, чуть улыбаясь уголками губ, но Анна видела, что эта ленивость обманчива, как и эта отстраненность на его лице. В нем было что-то опасно-притягательное, нечто пугающе темное, и это одновременно и интриговало ее, будоражило ее женский интерес к нему, и заставляло держаться от князя на расстоянии. Нет, определенно, увидеть его покоренным ее прелестью было отратно, но Анна только вздохнет с облегчением, когда князь наконец продолжит свой путь в Москву.

После ужина в тот вечер и Анна, и Катиш ушли рано, взбудораженные тем, что предстояло нынче в покоях Анны. Там их уже ждала Полин и Глаша, по приказу барышни подготовившая все необходимое для ворожбы. И пусть мадам Элиза поджимала губы недовольно, твердя, что верить нельзя подобному, что сие есть предрассудки только, но девушкам отчаянно хотелось хотя бы одним глазком подглядеть в скрытое от них будущее. Собрались, переменяв платья на сорочки и капоты, в чепцах, чуть бледные, взволнованные, стараясь не показывать своего предвкушения перед тем, что предстоит узнать ныне.

Сначала лили расплавленный воск в воду, что налила Глаша в тазик для умывания. Катиш показался цветок, «кривой и несуразный», как отметила Анна.

— Это к любви, — уверенно сказала Пантелеевна, что наблюдала за процедурой, кутаясь в шаль от сквозняка, который ей везде чудился. — К любви, Катерина Петровна, попомните мое слово.

— Разве цветок к любви? В прошлое Крещение ты мне твердила, что цветок к переменам добрым, — нахмурила Анна лоб. Но Пантелеевна твердо стояла на своем — тогда ромашка была, а это диковинная роза из сада, разве Анечка не видит того? Знать, Катерине Петровне любовь будет, и взаимная к тому же. Катиш покраснела лицом аж до оборок чепца, а Анна только фыркнула на это предсказание — глупости какие!

Следующей лила воск Полин, Анна уступила той свою очередь. Сначала долго не могли понять, что за фигура вышла, а потом, когда пригляделись, с ужасом распознали гроб с лежащим в нем покойником со свечой длинной в руках. Пантелеевна и Глаша стали судорожно креститься, Полин побледнела так, что казалось, сейчас хлопнется в обморок. Анна же, растерянная, покрутила фарфоровый тазик в разные стороны и решительно заявила, что это корабль, а не гроб.

— Ну, какой же это корабль? Это же точно гроб. Разве есть паруса? — взгляделась в пятно воска на воде Катиш, и Анна едва сдержалась, чтобы не залепить ей пощечину за глупость.

— Это корабль, — процедила она сквозь зубы и больно ущипнула тайком кузину. — К чему там корабль, Пантелеевна? Скажи-ка!

Сошлись в итоге, что вышел воском именно корабль, сулящий перемены в жизни или дальний путь той, что вылила его в воду.

— В Москву! — хлопнула в ладони Полин. Ее глаза заблестели, но уже не от страха или тревоги, а от едва сдерживаемой радости. Анна хотела спросить ту, отчего именно в Москву путь желает для себя Полин, но передумала. Останутся они вдвоем, тогда и расспросы будут. Ни к чему при *petite cousine* разговоры вести — тут же Вера Александровна в курсе происходящего будет, ведь Катиш соблюдала правило: грешно от маменьки тайны иметь!

Почти та же фигура восковая выпилась в воду и от руки Анны. Те же очертания лица покойника, свеча, что держал он в руках. Сжалось сердце в тревоге, похолодели руки. Что за напасть? Что за потерю сулит ей Провидение в этом году?

— Не буду боле воска лить! — Анна резко отодвинула от себя тазик, чуть расплескав воду на ковер, едва не уронив тот вовсе со столика. — Будем тянуть из-под шали. Пантелеевна, скрывай давай! Тянуть будем, как из будуара вернемся.

Пантелеевна быстро разложила на ковре свертки, что накрутила с Глашей недавно из кусков полотна, накрыла те шалью, чтобы случайно нельзя было разглядеть, что внутри каждого из свертков. Пуговица от старого мундира Петра — выйти замуж за военного, зерна хлебные — быть женой помещика на земле, а кольцо достать — тут уж точно титул. Остальные свертки были, увы, пусты. Их же и вытащили три девицы под свои недовольные возгласы.

— Вот уж ворожба ныне так ворожба! — заметила Анна, передергивая плечиками. Пантелеевна решила, что та замерзла в тонких сорочке и капоте, и накинула ей на плечи шаль. Анна тут же сбросила ее на пол, поджала губы.

— Как еще ворожить будем, Пантелеевна? — резко спросила у няньки. Та задумалась, припоминая. В прошлые Святки гадали с петухом, что загадил ковер в будуаре барышни, и вызвал тем самым гнев барина, ведь тот так и не оттерли.

— Можно имя поспрашать, — предложила она, но Анна отвергла эту затею, зная, что брат только и ждет, чтобы посмеяться над ворожащими девицами. — Аль башмак бросить. Аль псов послушать — с какой стороны лай, туда и замуж идти.

— Ну, лай в усадьбе может быть только со стороны псарни, — заметила Анна. — Да никто из нас и замуж-то в этом году не пойдет, чего башмак кидать-то?

Хотелось чего-то такого, что взбудоражило бы кровь в жилах, вдруг поняла она. Что достовернее будущее бы указало ей, открыло бы ей ответ на тот вопрос, что вот уже несколько дней не давал покоя голове.

— В зеркала глядеть желаю! — и улыбнулась торжествуя, когда ахнули все в спальне: и Полин с Катиш, и Пантелеевна, и Глаша, крестясь неистово. Все знали — в зеркала глядеть, черта дразнить, да только разве барышню переубедить ныне? Вон как подбородок вздернула высоко, не передумает.

Ворожить решили во флигеле, что стоял закрытым с лета в глубине парка. Кликнули лакея, которому строго-настрого запретили говорить кому-либо в доме, куда и зачем он проводит барышень Анну и Полин и Глашу, которая тряслась, как осиновый лист на ветру. Скоро собрали с собой узел: зеркало небольшое на ножках, свечи, салфетку на стол да приборы на двоих. Наспех оделись, путаясь от возбуждения в рукавах, не сразу застегивая пуговицы на салопе, небрежно надетом прямо на капоты.

— Застудишься! — качала головой Пантелеевна, едва скрывая свой страх не только за здоровье, но и за душу своенравной своей питомицы. — Ну, дурья же голова, прости Господи!

В последний момент Полин испугалась, засмотревшись на слезы Катиш, поддавшись ее истерике, отказалась идти. Тем лучше, подумала Анна, не будет мешать, да и *petite cousine* удержит в ее покоях, не даст открыться Вере Александровне в этой затее.

Во флигеле было жутковато — чуть ли не в передней едва не закричали в голос от страха от белых фигур, на деле оказавшихся мебелью под чехлами. Даже лакей, что нес в руке фонарь, задрожал от страха, но молчал, глядя, как бесстрашно шагнула барышня внутрь

дома, заспешила к лестнице на второй этаж.

— За мной ступайте! — резко приказала она, и ее провожатые поспешили следом, испуганно озираясь по сторонам, с трудом перебарывая желание перекреститься. В одну из трех спален второго этажа Анна направилась с умыслом — никто не заглянет в оконце, никто не испортит ворожбы. Там Глаша наспех, трясущимися руками расстелила на одном из столиков салфетку, расставила приборы и зеркало, зажгла свечи, что разогнали своим светом тени по углам, заставили те попрыгаться в укромных местечках.

Лакей поставил возле столика напротив зеркала стул с высокой спинкой, стянув с него чехол. Анна заняла положенное место, кивнула перепуганной дворне, отпуская их из спальни.

— Где ждать будете? — резко спросила она. Она видела по глазам тех, что они предпочли бы быть ныне, как можно дальше от флигеля, но лакей вызвался постоять с Глашей на крыльце. — Хорошо, милые. Сторожить будете. Коли барина молодого увидите, то тут же голос подайте.

Нельзя сказать, что ей было не боязно. Была легкая дрожь, что стала бить сначала в коленях, а после вдруг перешла выше на тело, вынуждая Анну обхватить себя руками в надежде обуздать свои эмоции.

— Суженый мой, ряженный мой, покажись мне, до ужина приди! — проговорила и сама вздрогнула невольно от звука своего голоса, что так громко прозвучал в тишине флигеля. Замолчала, пытаясь справиться с ознобом, что уже охватил все тело полностью. Даже зубы застучали мелко. Неужто снова хворь какую подхватила, подумала Анна, хмурясь невольно. Быть того не могло — с утра же ее окатили водой крещенской из ердани [\[131\]](#)забранной, чтобы снять грех ряжения в Святочные дни. А тот, кто крещенской водой окачен, тот весь год болеть не будет по примете.

Тишину флигеля вдруг разорвал отчетливый звук, и Анна резко выпрямилась на стуле. Затем он повторился снова и снова. Шаги. Тихие, но различимые. Явно кто-то поднимался по ступеням.

Это Петруша, попыталась успокоить сама себя Анна, с трудом сдерживаясь, чтобы не крикнуть в голос трижды «Чур меня!». Шаги стихли, будто кто-то переждал некоторое время, а после снова зазвучали, но уже по-иному — так шагают, когда больно ступать на ногу, калеченные. Или черт, подумала Анна, сжимая руки так сильно, что заболели суставы. Заставила себя поднять голову и взглянуть в зеркало, когда шаги стихли на пороге спальни. Едва сдержала крик, что рвал душу, заметив в дверях темный силуэт.

— Чур меня! Чур меня! Чур меня! — быстро зашептала она, а после стала читать «Отче наш» в голос, креститься, набрасывая на зеркало полотенце. Резко развернулась и выбежала из спальни, стараясь не смотреть в темные углы спальни, куда не доходил свет свечей. Ее била дрожь, она едва не упала с лестницы, запутавшись в подоле сорочки, ободрала руки о перила, когда заскользила по ступеням вниз. Распахнула дверь флигеля, отчего лакей и Глаша чуть не заорали в голос, перепугавшись.

— А, вот ведь пуганые! — рассмеялась Анна, стараясь не показать своего страха, выровнять дыхание. Запахнула салоп, чтобы укрыться от мороза, резко развернулась к дому, бросив лакею «Приберись там!». Глаша едва поспевала за барышней, спешащей вернуться в свой покой.

Слезы душили, мешали сделать вдох полной грудью. Не хотелось ни с кем говорить, а просто упасть в постель и выплакать этот комок, душачий ее ныне. А ведь и Полин, и Катиш

непременно будут выпрашивать, что она видела в зеркале, кто ей судьбой предназначен. Потому Анна даже обрадовалась, увидев в спальне только мадам Элизу, что сидела у окна и дожидалась ее возвращения.

— *Quel est ce folie, mademoiselle Annett?* ^[132] — начала мадам, но замолчала, заметив странное выражение лица Анны, отпустила Глашу и сама помогла барышне снять салоп, развязала шаль.

— *Что, ma chere?* — спросила после, и Анна бросилась в ее объятия, пытаясь найти в тех утешение, как привыкла с детских лет, расплакалась вдруг тихо.

— Я видела, мадам, видела суженого в зеркале, — призналась она. — Оттого и душу рвет мне нынче, что не он... не он... не мундир то был в зеркале. Не блестели пуговицы, не было эполет. Фрак темный с белым галстуком шелковым на шее, с белым жилетом... не он... не суждено! — а потом вдруг отстранилась от мадам Элизы, вывернулась из ее рук, заметалась по спальне. — Нет любви во мне. Нет ее! Не знаю я, что это, и знать не желаю! Боюсь приближать к себе, пускать в свою душу, боюсь разлюбить, остыть, как у ног увижу, как сердце отзовется. Оттого и ненадобно мне того, не надо теплоты и привязанности сердечной. Пусть лучше скажет «холодна», чем назовет ветреной. Пусть так! Да и к чему то ныне? Коли и не суждено... не суждено... Не суждено!

Анна еще долго плакала после, лежа в постели, прижавшись к мадам Элизе, что обнимала ее и успокаивала, ласково гладя по плечам, по спине, шептала ей всякие нежности, как когда-то в детстве, когда Анечка плакала от обид. Только, когда Анна тихо скользнула в сон, оставила ту, вышла из ее покоев, не прикрывая дверь, чтобы Глаша, спавшая в будуаре на диванчике, тут же услышала зов барышни.

В ту ночь, когда людям по поверьям приходят вещие сны, Анна снова вернулась во флигель в ту спальню, где ворожила с зеркалом, а вокруг ходили люди, знакомые и незнакомые. Мелькнула в светлом капоте Полин, улыбаясь, прижимая к груди какой-то сверток. Прошел, хмуря брови, Михаил Львович, погрозила ей в отражении пальцем сурово графиня. Взглянул из угла сквозь прищур глаз князь Чаговский-Вольный, скрестив руки на груди. Улыбнулась насмешливо и самодовольно поверх веера Маша, казавшаяся совсем незнакомой в атласном платье ярко-алого цвета.

— *Смотри,* — показал сидевший на кровати Петр ей свою обнову — ярко-красный высокий сапог, и она нахмурилась, недоумевая, для чего ему алые сапоги, ведь совсем не идут к мундиру гвардейскому ни по форме, ни по цвету.

А потом шагнул из тени одного из углов к ней Андрей в парадном красном мундире кавалергарда, блеснуло золото эполет в свете свечей, что стояли перед зеркалом. Он опустился на одно колено перед ней, сидящей на стуле, и она развернулась к нему, протянула руки, обхватила его лицо ладонями, как давеча в оранжерее он проделал то. Провела кончиками пальцев нежно по его скулам, а потом Андрей поймал их, перецеловал один за другим, вызывая странный трепет в ее душе не только прикосновениями губ, но и нежностью, которой светились его глаза.

— *Почему это был не ты?* — спросила Анна тихо, и его взгляд превратился из нежного в напряженно-грустный. Потускнели голубые глаза, были поджаты сурово губы. Он обхватил руками ее ладони, прижал их своему лицу, прячась в них от ее взгляда.словно уходя от ответа на ее вопрос, наполняя ее душу тоской, от которой хотелось плакать. — *Почему это был не ты...*

Анна проснулась поздно. Уже всюю играло солнце лучами по снежному полотну у

подножия деревьев в парке. Перекрикивались дворовые у подъезда, вычищая площадку от снега, что насыпало вдоволь за ночь.

Она долго лежала молча, не призывая к себе Глашу из будуара, пряча лицо в подушке от яркого солнечного света. Ей хотелось, чтобы сон продолжался — чтобы она так же сидела во флигеле возле Андрея, держала его лицо в своих руках, наслаждалась такой запретной интимностью. Ведь это ныне возможно только во сне. Не суждено им иначе...

После завтрака, который приказала себе подать в будуар, Анна спустилась в оранжерею, где долго бродила между цветущими растениями, словно пытаясь уловить отголосок того дня, когда как, ей показалось, что-то дрогнуло в ее душе. Бледно-розовые цветы на решетке раздражали своей прелестью, своим ароматом, словно легким флером того, что могло бы быть, но никогда не сбудется, не станет явью, и Анна с трудом удержалась, чтобы не сорвать эти бутоны, не раздавить их с силой, понимая, что цветы не виноваты.

— Pourquoi êtes-vous si triste? [\[133\]](#) — спросила Анну пришедшая к тому времени в оранжерею с рукоделием в руках Полин, глядя на нее с любопытством и странным пониманием в глазах.

— Mais non! [\[134\]](#) — пожала плечами Анна, а потом присела на канапе подле нее, заставляя отложить работу в сторону, видя, что Анна явно настроена поделиться чем-то.

— Ты веришь в судьбу, Полин? — спросила Анна, и когда та пожала плечами в ответ, вдруг разозлилась, поднялась с канапе, прошла до решетки. — Он чуть не поцеловал меня здесь, в оранжерее тогда. Я жалею, что этого не случилось. Уверена, что помнила бы о том всю жизнь. Это был бы первый мой поцелуй, — а потом поправила тут же. — Первый, подаренный от души, от сердца...

— О, ты бы определенно помнила его всю свою жизнь, этот поцелуй! — задумчиво сказала Полин, не отрывая взгляда от работы, и Анна снова вернулась к канапе, присела подле той, схватила за руки, заставляя взглянуть на себя:

— Как это понимать, mademoiselle Pauline? Ну же! Говори!

— О, Аннет! Ты даже себе не представляешь, какво это! — улыбнулась Полин, поворачиваясь к ней, радостно сверкая глазами. — C'est incomparable! [\[135\]](#). И каждый последующий...

— Последующий?! — едва не взвизгнула Анна, и шокированная, и заинтригованная услышанным. — Mademoiselle Pauline! Рассказывай тотчас! Кто это? Когда случилось? Каково это?

— На балу Рождественском, — покраснела Полин, прижимая пальцы к губам, словно только-только этот поцелуй сорвали с ее губ. — Это... это как будто солнцем тебя опалит горячо... сдавит в груди... захочется никогда-никогда не отрывать губ от губ...

— Да кто же сей счастливчик, дерзнувший украсть твой поцелуй под кровом моего папеньки? — спросила Анна, сжимая ладонь Полин, а потом вдруг выпрямилась резко, словно ударили ее наотмашь. Вспомнились обмены взглядами между Полин и Петром, их неловкие касания рук друг друга при возможности, тот романсе, что пел Петр на вечере у графини, когда приехали ряжеными:

Когда б я птичкой был,
Я к той бы полетел,
Котору полюбил,
И близко к ней бы сел;

Коль мог бы, я запел:
«Ты, Лиана, хороша,
Ты птичкина душа!»

Вот уж верно, птичкина душа! Хотя скорее — птичкин ум, такой же маленький! Анна резко поднялась с места, прошла вдоль оранжереи, пытаясь успокоить сердце, что так и колотилось в груди от злости на дурочку Полин. Неужто не думает та вовсе, что творит?

— Ты, верно, думаешь, что я глупа и безрассудна? — проговорила Полин, словно читая ее мысли, и Анна резко остановилась на месте, развернулась к ней.

— А разве нет? О, Полин, что ты творишь! Что ты творишь?!

— Я люблю его, — просто сказала Полин, не отводя взгляда от глаз Анны, что так и пронзали ее ныне. — Я люблю его с отрочества. И тот поцелуй на бале... он не первый. Первый был в парке во время игры в горелки. Два года назад.

— О! Ты ведь понимаешь... понимаешь... *où la chèvre est attachée, il faut qu'elle broute!* [136] — выпалила Анна, надеясь образумить ее, стереть это мечтательно-трогательное выражение с ее лица.

Петр Шепелев, сын знатного помещика Смоленской губернии, внук графа Туманина и Полин Моатье, дочь бежавшей от революции и Террора француженки, *riche-assiettes* [137] в их доме, нечто среднее между прислугой и знатной гостьей...? Немыслимо! *Il est impossible!* [138] И повторила снова французскую пословицу, понимая, что причиняет боль Полин, но зная, что не может иначе.

Полин медленно поднялась с канапе, бледная, как смерть, с ярко-горящими глазами, обожгла злым взглядом Анну.

— Тогда и ты подумай вот о чем: кавалергард, запутавшийся в долгах и без копейки за душой совсем не пара дочери Шепелева! *Où la chèvre est attachée, ma chere Annette!* И это не я придумала, нет! Это слова твоего брата, а значит, и мысли отца на сей счет. *Où la chèvre est attachée, ma chere Annette!*

Полин резко развернулась и, даже не взглянув на упавшую к ее ногам при том работу, убежала вон из оранжереи, желая скрыть слезы, что навернулись на глаза при жестоких, но таких правдивых словах Анны, в тишине своей спальни. Ее рукоделие подобрала с пола Анна, аккуратно положила на столик. Ее душа звала пойти вслед за Полин, утешить ее, но Анна не стала этого делать. Пришла пора всем взглянуть в глаза жестокой реальности, и в первую очередь это касалось именно Полин, как выходило по всему.

Анна долго смотрела в высокое окно оранжереи, наблюдала, как гуляют по парку Петр и князь Чаговский-Вольный, ступают аккуратно по скользким дорожкам, заложив руки за спину. Чуть прищурила глаза, когда блеснул на солнце камень в булавке галстука князя. Белом шелковом галстуке, что был повязан на его шее модным узлом по моде, пришедшей с туманного острова. На таком схожем с тем, что виделся в ворота фрака фигуры, стоявшей в дверях спальни флигеля, пришедшей на ужин, на который Анна звала своего суженного прошлым вечером...

А после поднялась к себе и долго смотрела на бледно-розовый цветок, что по-прежнему благоухал в стеклянном бокале, удивляя ее своей свежестью. Те розы, что она срезала в тот день, уже поникли своими цветными головками, стали сохнуть листья, а этот же наоборот — только распускал свои лепестки день ото дня.

Анна вдруг резко схватила бокал со столика и, размахнувшись, запустила им в дверь спальни. Разлетелось на осколки стекло, упал на паркет цветок.

— Что стряслось, барышня? — выглянула тут же Глаша из гардеробной, где проверяла платье хозяйки, складывала тонкие сорочки, что вернули после стирки.

— Ничего, — резко ответила Анна, глядя на эти осколки у двери, на цветок, что так и манил ее подойти и поднять его, бережно хранить, лелеять в памяти, как ласкала мужская рука его шелковые лепестки. — Прибери тут... вынеси прочь этот... этот сор!

Осколки стекла, что легли на пол возле двери, останки несчастного бокала, были аккуратно убраны Глашей и вынесены вон. Как и бледно-розовый цветок с шелковыми лепестками. Анна же упала в постель и долго лежала, глядя в балдахин кровати, словно пытаясь отыскать нечто в легкой воздушной ткани.

Чуть скрипнула дверь, а после кто-то прилег рядом с ней, свернулся калачиком, утыкаясь лицом Анне в бок, пряча слезы. Ей не надо было поворачивать голову, чтобы глянуть, кто нарушил ее уединение. Так обычно они лежали с Полин в постели еще с отрочества, когда нападала странная меланхолия, а на душе кошки скребли своими острыми коготками. Вдвоем пережить тоску было намного легче, чем в одиночестве.

Никто не говорил ни слова. Каждая думала о чем-то своем, не желая делиться мыслями с другой, опасаясь новой ссоры. Так и лежали в тишине, слушая редкие звуки, что доносились со двора и из глубины дома через распахнутую в спальню дверь: крики с парка, где расчищали снег с дорожек, стук дверей в анфиладе комнат, шаги по паркету. Через некоторое время пришла в спальню Глаша с вестью, что барин Петр Михайлович просят барышень к прогулке перед обедом спускаться. Пришлось подняться, поплескаться себе на лицо ледяной воды, чтобы скрыть следы былой грусти.

— Ну, и дурны мы с тобой, — заметила Анна, вглядываясь в отражение зеркала. А Полин только улыбнулась — нет, дурна только она: припухло лицо, покраснели глаза. А Анне былые слезы только блеска в глаза добавили, придали еще больше очарования ее лицу. Заметила не со злостью и не с завистью, так отмечают известный факт и только. А потом показала язык Анне и убежала к себе одеваться на прогулку, забыв про свои страхи, тревоги и тоску, терзавшую сердце. Ведь возле нее ныне будет Петр, разве мало ли для того, чтобы все дурное ушло прочь?

Оттого и не стала долго слушать Анну, которая остановила ее на лестнице, почти уже спустившись в переднюю.

— Полин, прошу, будь осторожна с Петрушей, — она прикусила губу, но все же продолжила, только шепотом, понимая, что говорит нехорошие и неприличные вещи ныне. — Помнишь, Лизе, дочь управителя? Ее отослали два года назад куда-то из имения, когда Петруша с ней так же был любезен, как с тобой. Я бы не желала, чтобы тебя тоже куда-то отослали от меня, *ma chere*.

— Не думай о том, Аннет, — улыбнулась Полин. — Я уже имела на сей счет разговор с *tata*, и она мне многое сказала. Да и к тому же, порой мне кажется, что я старше тебя годами лет на пяток, не меньше. Вижу и знаю многое, что даже не приходит в твою голову! Не думай о том, Аннет, не думай... Я понимаю, что делаю!

А потом легко сбежала вниз, пересекла вестибюль и выбежала из дома через заднюю дверь на террасу, где ее уже ждал Петр, улыбнулся ей, широко и радостно, склонился в шутливом поклоне, предлагая руку для прогулки по парку. Анне же, видимо, в спутники отведен был князь, которого она заметила подле Петра — стоял и ждал ее выхода, постукивая модной тросточкой по носку сапога, сбивая снег. Выходить к нему вовсе не хотелось. Внезапно снова за сердце взялась тоска, навалилась облаком, окутала с головой, призывая развернуться и убежать к себе, снова упасть в постель. Но вот князь что-то спросил у Полин, верно, о ней, Анне, и та кивнула на дом, отвечая. Пришлось ступить по ступеням

вниз, гордо вздернув подбородок вверх, напустил на себя равнодушный вид.

Гуляли до самого обеда, неспешно ступая по расчищенным дорожкам парка, любясь тому снежному наряду, в который зима облачила деревья, кустарники и даже дом — не только крышу, но и стены, укрыв белым покрывалом вьюны на шпалерах. Тихая зимняя благодать, свежий морозный воздух и чистое небо над головой цвета его глаз...

— Вы нынче удивительно молчаливы, — заметил князь, нарушив долгое молчание, что установилось меж ними во время это прогулки. В отличие от Петра и Полин, которые то бегали вдоль дорожек, дурачась, как малые дети, то шагали медленно, о чем том споря. — Я ни в коей мере не желаю сказать, что вы обычно говорливы, упаси Бог! Просто за этот дивный promenade вы не сказали мне и двух слов. Смею надеяться, что вам не столь неприятна моя персона, как мне думается невольно оттого.

— О, нет-нет, — поспешила заверить его Анна, понимая, каким грубым, должно быть, князю видится ныне ее молчание, ее редкие односложные ответы на его попытки завязать разговор. Только однажды она встрепенулась, вернулась из своих мыслей. Когда князь упомянул о комете [\[139\]](#), что все еще на ночном небе виднеется над Москвой, по крайней мере, осенью была определено, когда он уезжал, а это уже около полугода с момента первого появления. «Вестимо, быть войне», сказал князь, и сердце Анны сжалось. Князь тут же поспешил развеять ее страхи — доблестная армия Его Императорского Величества даже от границ империи не пустит Наполеона в страну, стал говорить о пустяках, а после и о причине ее молчания ныне осведомился.

— Я рад это слышать, — склонил голову князь, принимая ее слова на веру, и снова стукнул тростью по голенищу сапога, стряхивая налипший снег. — Действительно, рад.

Они снова замолчали, а потом князь вдруг остановился, вынуждая и Анну замедлить шаг, чуть развернул ее к себе лицом, чтобы заглянуть в эти глаза, скрытые от него тенью капора.

— Следующим утром я продолжу свой путь в Москву, — сказал Чаговский-Вольный, и Анна едва сдержалась, чтобы не показать, как ей по душе его слова, его предстоящий отъезд. — Анна Михайловна, ежели вам не столь тягостно мое общество, ежели моя персона не утомляет вас, не нагоняет скуку, то быть может, вы дадите мне свое позволение навестить вас этим летом. Я планирую в конце весны возвращаться в свое имение в Харьковской губернии, где проживаю до зимней поры. И думаю, что навестить эти земли проездом будет одно из самых моих горячих желаний.

— Вам так прихлись по душе эти виды? — Анна не могла не выпустить на волю Аннет, которая победно улыбнулась при словах князя. И этот пал на поле боя!

— О, эти виды — само великолепие натуры! Но главное украшение их, самая дорогая драгоценность их — здесь, передо мной. Москва многое потеряла, когда вы покинули ее, блеск звезд и свет солнца померк без вас, Анна Михайловна. Так вы позволите мне этот визит?

— Я не хозяйка этим землям, князь, — Анна отвела взгляд от его пристального взора, не в силах более глядеть ему в глаза, всей душой отвергая то, что он предлагал ей. — Вам следует спросить дозволения на то у Михаила Львовича, не у меня.

— Тогда я спрошу иначе, Анна Михайловна, — князь вдруг сжал ее пальчики чуть сильнее, чем требовалось, провел пальцем по тыльной стороне ее ладони. Она попыталась выдернуть руку из его цепких пальцев, но он не пустил. — Будет ли ваше желание на то? На мой визит этим летом в Милорадово?

Анна все же сумела освободить ладонь из его хватки, спрятала тут же обе руки за спину, словно опасаясь, что он тут же попробует взять ее опять за руку.

— Этот вопрос вне всяких приличий, князь, — холодно заметила она ему, и его бледно-голубые глаза опасно сверкнули в ответ на его холодность. — Не пристало у девицы спрашивать то. Даже для провинции это чересчур вольно. Прошу простить меня...

И резко развернувшись, зашагала к дому так широко, как только позволяла ширина юбок, совсем неподобающе барышне, желая как можно скорее скрыться с глаз князя, спрятаться в тишине и покое своих комнат от этого странного гостя. Она сослалась Михаилу Львовичу на внезапный приступ боли в горле, что разболелось после долгой прогулки по парку, заперлась у себя в покоях, села читать у окна первый же попавшийся в руку роман. Это оказалась «Кларисса» Ричардсона, роман о любви и пороке, уже неоднократно перечитанный Анной, оттого и тянулось медленно время до сумерек, когда вошел лакей и стал зажигать свечи, разгоняя темноту. Никого не желала видеть, даже заехавшего с визитом Павлишина с матерью не стала принимать, послала извиниться перед теми.

Вскоре за Анной послали к ужину спуститься, но она передала, что по-прежнему больна, что присутствовать на нем никак не может. Она не желала встречаться с князем, который вдруг перепугал ее нынче днем своей силой, а потом вспомнилось о том, что уж скоро совершеннолетие, а там папенька и разговор заведет о замужестве. Полин была права — князь, пусть даже пугающий ее до дрожи, был наиболее достойной партией для нее, чем ротмистр кавалергардского полка. Уж лучше не давать надежд никаких, чтобы не было желания на переговоры с ее отцом, уже лучше спрятаться от него в своих покоях, переждать, пока князь не покинет их кров. А летом... летом она непременно что-нибудь придумает!

Анна еще не спала, когда постучались в ее покои, и Глаша передала барышне, что ее желает видеть брат.

— Проси, конечно, — распорядилась она, удивляясь такому позднему визиту Петра — она точно расслышала, как тихонько прозвенели часы в ее будуаре одиннадцать раз. Не успела накинуть капот, как тот шагнул в спальню, пройдя сразу сюда, опустившись с размаху на стул у столика с зеркалом. Его мундир был расстегнут, галстук и завязки рубахи развязаны и свободно свисали на грудь, обтянутую шелком камзола [140]. Черты лица его обрюзгли несколько, веки набрякли. Анна сразу же поняла, что брат пьян и выпил немало, несмотря на верные шаги и прямую поступь, которыми он вошел в спальню. Ох, не приведи Господь, папенька увидит!

— Что ты, Петруша? — ласково обратилась она к нему. — Что ты? Спать иди, милый. Чего сюда пришел, ко мне?

— Пожелать тебе доброй ночи, *ma chere*, — проговорил Петр, ставя локоть на столик, опираясь подбородком на ладонь. Взглянул на сестру, что опустилась у его ног на ковер на колени. — Чтобы сны тебе только добрые приходили. Не как ко мне, *ma chere*. Давеча приснилось нечто дурное... страшное... за сердце прямо схватило от того сна. Поле снилось в тумане, простое поле, коих в России тьма. «Запомни, — сказал мне голос прямо в ухо. — Запомни его!»

— Петруша, лукавый тебя пугал не иначе, — ласково погладила его колени Анна. — Что худого в поле и тумане? Приятного мало, согласна, но и худого нет. Ты лучше б перед сном молитвы бы читал чаще, как Пантелеевна учила.

— Мои грехи никакими молитвами не отмолить, Анечка, — Петр вдруг дернул за чепец, стащил тот с головы сестры, кривясь. — Какая дурная вещица! Никогда их не любил!

Жене моей запрещаю носить эту гадость...

— Ты жениться надумал, Петруша? — спросила чуть тихо, а у самой даже сердце замерло в ожидании ответа. Вспомнила, как сияло ныне днем на прогулке лицо Полин. Сияло оно таким счастьем, таким теплом, что его хотелось коснуться, обогреть свою душу возле него.

— Ну, *ma chere*, от того никто не зарекается, — хохотнул Петр, взял косы сестры в ладони, перебросил со спины на ее грудь, глядя пальцем тугие переплетения прядей. — Ни я. И ни ты... Нам с тобой уже где-то предназначены супруги венчанные, ступают они по земле... Моя супруга — дивная юная прелестница по первости дней и вечно недовольное дворней, супругом, детьми и жизнью [\[141\]](#) существо после. Прелесть ее быстро завянет, ибо не бывает долговечной прелесть у таких жен, ибо не будет ей счастья подле меня, мота, волокиты и игрока. Как дядюшка наш покойный, что состояние тетушки промотал вконец. *Hélas!* [\[142\]](#) Но я не буду в обиде на судьбу на то, ведь далеко не ее прелесть и нрав станет залогом моего счастья, а то, что дадут за ней в приданое. А ты же, моя богиня, станешь супругой титулованного человека с состоянием, будешь порхать в свете, как воздушное Божье существо *papillon* [\[143\]](#), и одаривать всех видом своей дивной красоты, а в промежутках между сезонами — чадами своего мужа. Все будут завидовать его счастью (даже я!), твердить, что божественной женщины еще не рождала земля. Весь свет ляжет к твоим ногам с восторгом, даже клеветники и завистники перестанут злословить в благоговении перед твоей красотой и в страхе перед твоим супругом.

— Ты пьян, Петруша, ступай-ка спать! — Анна ласково ткнула брата в колено кулачком. — Невесть что говоришь ведь...

— Я тебе будущность предсказываю, — произнес уже более серьезным голосом Петр. Исчезла вмиг насмешка и легкость из него. — Твою и мою будущность, Анечка. Ибо нет иной судьбы для нас, чем та, что выбрана для нас.

— Я выберу иную! — отрезала Анна, резко поднимаясь на ноги с ковра, отталкивая руку брата, которую тот протянул ей в помощь. — Мне не нужна судьба, что ты мне заманил сюда в облике князя. Ведь его мне пророчишь ныне в супруги. Неужто думал, не пойму то?

— И потому ты его отвергла ныне. Он мне признался в том, — Петр погрозил ей пальцем. — Разбрасываешься женихами, *ma chere*. Не пристало то!

Последний раз Анне так говорили несколько лет назад в преддверии того падения, что перевернуло ее жизнь так неожиданно, так жестоко ударило. Оттого вспыхнула вмиг злость в душе, а еще возникло какое-то странное предчувствие. Словно что-то неотвратимое надвигается в их сторону, что-то, способное снова разрушить до основания ее маленький мирок, в котором она ныне так счастлива и покойна. Будь ее воля, так и жила бы далее — с папенькой да мадам, с баловником говорливым Петрушей, даже с теткой и *petite cousine*.

— А ведь он так не оставит тебя, этот Чаговский-Вольный. Раз в голову вошло мыслей, так и останется там, пока не получит желаемое, — Петр поднял мутный взгляд на сестру, стоящую у окна и глядевшую на него сурово, с укоризной в глазах. Да, все верно, *ma chere*, хотелось сказать ему. Кори меня, кори, ибо я грешен! Пред тобой грешен, пред отцом. — Он ведь приедет сюда летом, даже если не получит позволения папеньки остановится в доме. Будет ходить кругами, убеждать и очаровывать, он то умеет, *enfant gâté de la Fortune* [\[144\]](#). И я понимаю его, Аннет, я же мужчина... Твоя прелесть — она так и манит к себе, так и просит взяться руками да не выпускать никогда. Никогда! А еще норы твой! Павлишин слаб, вон

как быстро хмель его забрал нынче вечер! Тебе не таков нужен в супруги. Тебе нужен тот, кто сумеет в узде удержать твой нор, но не сломает тебя, не порвет твои хрупкие крылья. Главное, чтобы зима не пришла... ведь *parillon* гибнет от холода, от стужи...

— О чем ты, милый? — спросила Анна, а Петр уже прижал кулак ко рту, прикусил кожу, стараясь обуздать эмоции, что рвали ныне грудь демонами, пришедшими с хмелем. Она подошла к брату, обняла его, прижала к себе крепко. Не знала причины, но ясно чувствовала, насколько ему худо ныне, насколько тревожно. — Я кликну твоего Лешку, позволь? Тебе бы отдохнуть, с утра же в путь собрался.

— Кликни, Анечка, кликни, — поцеловал он ей руку благодарно, задумался о чем-то, когда сестра вышла в будуар, послала Глашу, чтобы поискали комердина Петра. Долго сидел, спрятав лицо в ладонях, не поднимая на нее взгляд, когда Анна вернулась в комнату, села напротив него на постель, кутаясь в шаль.

— Мы ведь с тобой *parillons*, Анечка, красивые, беспечные, легкомысленные... Каждый, кто не пленился, вызов для нас. Все должны нам, мы же — никому! Только боль несем и тоску... А так не бывает... не бывает! Тот, кто душу свою при себе желает, тот потеряет ее. Так в Писании?

— Нет, Петруша. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее [\[145\]](#), — поправила брата Анна. Тихо стукнула дверь в будуаре — пришел комердин брата, Лешка, о чем-то тихо зашептался с Глашей в соседней комнате.

— Истинно так! — кивнул Петр, а потом резко поднялся на ноги. — Слышу, Лешка мой пришел. Да и тебя, верно, утомил. Ну, покойной тебе ночи, *ma chere*. Завтрева выйдешь пожелать пути мне? Буду ждать, Аннет, буду ждать...

После этого странного визита, когда она увидела брата хмельным третий или второй раз за всю жизнь, Анна долго ворочалась в постели, не могла никак соскользнуть в ночной сон. Вспоминала каждую реплику, каждое слово из его речей и чувствовала, как сжимается сердце тревожно. Знать, снова стряслось что-то, не иначе. Как тогда, когда проигрался в пух и прах в Английском клубе, едва в службу вышел только-только. Приехал тогда Петр в повинной в Милорадово, умолял отца оплатить долги. Неужто снова за карты сел? Ведь божился отцу, что никогда не превысит двух-трех сотен в ставке!

Анна спросила о том шепотом у брата, когда следующим утром прощались в передней, но он только взглянул на нее удивленно.

— Странные мысли тебе в голову приходят с рассветом! — подмигнул лукаво, скрывая грусть, мелькнувшую в глубине серых глаз. — И запомни — никогда не слушай хмельного, мало ли что в дурную голову придет! Давай лучше руки разомкнем от пари нашего. Проигрыш признай за собой, и в ладах будем.

— Ну, уж нет! — рассмеялась тихонько Анна. — Не уговоришь!

Наконец простились, в последний раз благословили на дорогу, и Петр усаживается в сани подле Чаговского-Вольного — князь великодушно предложил разделить дорогу. Щелкнул кнутом кучер, звякнула упряжь на лошадях, и покатила тройка прочь от подъезда усадебного дома, увозя своих пассажиров. Теперь уж точно особняк погрузится в тишину до Пасхи, а то и до самого лета, когда вернутся из больших городов в свои имения знатные помещики, привыкшие проводить сезоны не в провинции, или когда приедет в короткий отпуск Петруша, если его отпустит генерал от себя летом.

Странно, но Анне по душе были эти тихие дни, когда она была предоставлена сама себе. Никаких визитов, никаких раутов, никаких приемов. Вставать рано поутру, когда еще

только-только сереет начинающийся день за окном, приводить себя в порядок да спускаться к завтраку, что сервируют в этот ранний час в малой столовой, если не воскресенье или день святой, когда до завтрака ездили на службу в церковь. Здесь, в столовой, соберутся все домашние: и Михаил Львович — по-домашнему, в шлафроке, уже принявший доклады дворецкого Ивана Фомича и деревенского старосты, и зевающая Вера Александровна в чепце и кацавейке [\[146\]](#) зимой или с шалью на плечах летом, и Катиш с Полин, и мадам Элиза, наблюдающая за всеми, будто курица над цыплятами.

Будут обсуждать сны, что привиделись ночью, говорить о приметах дня, а Михаил Львович непременно расскажет новости, что принесет ему староста или те, что почерпнет из газет, которые привозили ему из уезда. Если к завтраку будет приглашен после службы отец Иоанн, то не Михаил Львович будет главенствовать за столом в разговоре, а именно батюшка — властитель дум местных земель. Анна же будет разливать из самовара чай по парам и с улыбкой легкой наблюдать за собравшейся за столом компанией. Только одна-единственная тема была запрещена Михаилом Львовичем к обсуждению за трапезами с недавних пор — противостояние с Наполеоном и витающая в воздухе атмосфера приближающейся войны. По его словам, аппетит она была способна испортить надолго ему и всякому.

После завтрака разойдутся каждый по своим делам. Михаил Львович уйдет к себе в кабинет, где будет читать журналы до обеда, или вовсе уедет в уезд на весь день по делам и долгу положения. Вера Александровна сядет за пасьянсы, Катиш за свои акварели или за клавикорды «голос пробовать», а Полин за вышивки или кружева. Анне же на эти занятия еще с отрочества не хватало долготерпения: спустя час она начинала уже вертеться на месте, смотреть в окно, путать нитки, а после уходила, будто бы взять новые мотки да пропадала в кабинете отца, если тот пустовал, усевшись у окна в кресло с книгой или журналом. А когда снег сойдет с полей, будет пропадать из дома на верховых прогулках, дурача берейтора, от которого любила ускользать в лесу, уезжать, совсем не думая о том, каково ему, холопу, потерявшему барышню из вида.

Снова собирались вместе в столовой только на обед. Когда сидели в домашнем кругу, перемен было мало — три-четыре за обед, а если кто-то был приглашен, то тут уж минимум пять, чтобы не обидеть гостя скудностью стола. Тихо сновали лакеи из буфетной в столовую и обратно, стараясь двигаться почти беззвучно под присмотром Ивана Фомича, не звякнуть лишней раз приборами, аккуратно подать перемены.

После обеда наступало время отдыха. Михаил Львович особенно любил эти часы, оттого даже дворня стихала на это время, откладывала дела в сторону, если не особо срочные были. Анна с Полин либо читали, либо уходили на прогулку в парк, а то и далее — по лесным дорожкам, иногда заходя в земли соседнего Святогорского. Границы были совсем не видны глазу, оттого и определить, где закончился лес Шепелевых, и начался лес графини, было трудно. Михаил Львович все порывался поставить грани на стволах деревьев, да лесник был ленив, и так все и осталось без изменений.

Вечерами снова собирались вместе, но уже не в столовой, а в малой гостиной или в салоне после чая — если не ждали никого к ужину, то вместо плотной трапезы обычно пили чай с «заедками» — пышной сдобой, пирогами с различными начинками, вареньем. Вера Александровна садилась за неизменный пасьянс, девушки у клавикордов или за работой, Михаил Львович с умилением во взоре наблюдал за своим «цветником», как он любил называть своих домашних. Часто Шепелев просил принести ему ломберный столик или

шахматы из слоновой кости, подаренные на юбилей пару лет назад от дворянства уезда, играл с дочерью, проигрываясь той в пух и прах.

— Вы такой наивный, папенька, — смеялась Анна, целуя после очередного проигрыша Михаила Львовича. — Вас так легко обмануть лицом...

— Хотя бы раз позволила бы отцу выиграть, — шутливо корила ее мадам Элиза, поднимая глаза от рукоделия. Но Анна только качала головой, не соглашаясь с ней.

— Я не могу проиграть, мадам. Только не я!

Спустя несколько часов после того, как спускалась темнота на окрестности, расходились на ночной сон, если не принимали гостей. Расцеловывались тут же в салоне, желали друг другу покойной ночи, расходились по покоям. Последним по обычаю обходил весь дом Иван Фомич, лично проверяя, погашен ли огонь, заперты ли двери входные, а кое-где и ставни. После тишину нарушить могли только перекрикивания сторожей, стук их доски, лай собак да тихий смех из комнат Анны, ведь девицы часто устраивались вместе на ее широкой постели и долго перешептывались, не желая так рано уходить на ночной сон.

Анне часто казалось, что так же засыпает и имение Шепелевых с Рождества до начала лета, когда сплошным чередом идут праздники по случаю именин окрест — Шепелевы, Павлишины, Муромцевы, а потом и Иванов день с его неизменными ночными гуляниями, Троица. Снова начинали охотиться — гоняли зайцев и лис, теперь уже по зеленым равнинам и перелескам. Ставили качели в парке, играли в летние забавы, катались на лодке по реке или в пруду имения, выезжали на природу длинной вереницей открытых экипажей. О, Анна любила летнюю пору, не менее зимней! И не только потому, что ее день рождения был именно летом.

Но та весна была иной, не такой, как прежние. Словно пророчила им и другое лето, не то, которого с таким нетерпением ждала Анна. Началось все с письма Петра, прибывшего из Москвы незадолго до Великого Поста, в Прощенный день. «Ходят слухи, уже открытые толки, что весной ступят наши войска в поход. Вся Москва, аки рой мушиный, гудит, перелетают слова от дома к дому, от салона в салон... выйдет ли мой генерал? Того он сам не ведает, но в полк был передан приказ готовиться к переходу. После Масленичной недели будем знать *sans faute* [\[147\]](#). Цены на лошадей верховых уже подскочили...»

Анна видела, как хмурится Михаил Львович, читая эти вести, и сама тревожно сдвигала брови. В прошлый раз, когда Петр ходил поручиком в военной кампании во Фридланде, он был так опасно ранен в живот. Тогда они всем домом, даже дворня, целую седмицу провели на коленях перед образами, вымаливая жизнь брата. И снова вот как выходит... А потом вдруг вспомнила, как рассказывал Петр о кавалергардах, что почти все легли в Пруссии, под Аустерлицем. Сжалось сердце еще сильнее, побелела вдруг лицом, что даже Михаил Львович кинулся успокаивать, утешать.

А затем решила вдруг ехать к графине с визитом, мол, знали, что захворала та, а только записками и отделались. Михаил Львович не стал отговаривать, а наоборот, лишь был рад подобному желанию Анны, такому редкому для нее, ведь делать визиты она не особо любила, опасаясь отказа быть непринятой, пусть и по уважительным причинам. Вера Александровна вызвалась быть ее провожатой, взяли с собой Катиш, что снова вдруг стала краснеть лицом, будто надеялась встретить там племянника графини.

Почти два с четвертью месяца Анна старалась не думать о нем, не вспоминать его, но отчего-то ступая через анфиладу комнат к салону, где ждала визитеров графиня, вдруг вспомнила тот вечер с ряженными, его взгляд через всю комнату прямо в ее глаза, его

белеющий в полумраке мундир. Вдруг захотелось поскорее узнать вести о нем — как жив-здоров, вернется ли в Святогорское к началу лета. Оттого и злилась на Веру Александровну за пустую болтовню, что та развела, едва сели в салоне, поприветствовав графиню. А тетя не унималась — все говорила и говорила. О погоде, о здоровье в немолодом возрасте, о предстоящем говении, что считалось полезным при некоторых хворях, о поездке, что планировала вскоре совершить, чтобы приложиться к иконе Колочской Божьей Матери.

— Мы давеча письмо получили от Петра Михайловича, — вставила-таки Анна, когда Вера Александровна смолкла, переводя дух. Графиня тут же повернула голову к ней, взглянула из-под оборок чепца внимательно. — Пишет, что после Масленицы будет решено, выступают ли с квартир. А вы... вы получали вести... из Москвы?

Тут же подняла голову от рукоделия Маша, сидевшая у окна, так и впилась взглядом в Анну, словно пытаясь прожечь в ней дыру своими острыми глазенками. Анна же даже головы не повернула — смотрела на графиню, ловя каждое слово.

— А как же! Получали, Анна Михайловна. Андрей Павлович, мой певец по сестре Алевтине Афанасьевне Олениной в замужестве, пишет мне. Он в Московской губернии имение имеет, — она кивнула довольно, явно гордясь тем, как прозвучала эта фраза. — *La guerre! La guerre!* [148]. Все ждут ее ныне! Отплатить за Тильзит... Словно мальцы в детской, право слово! Пишет, что полк ждет приказа, что, скорее всего, пойдут в западные губернии уже весной, что отпуск уменьшили его в днях. Войне быть, помяните мое слово, — графиня даже пристукнула тростью об пол, будто доказывая сказанное. — Но никто не ведает, что стоит это нам, *les femmes* [149]!

— *O, vous avez raison!* [150] — вклинилась в речь графини Вера Александровна, и Марья Афанасьевна строго взглянула на нее.

— У вас был во Фридлянде кто? При Аустерлице? Прейсиш-Эйлау? — Вера Александровна только отрицательно помотала головой на эти вопросы. — Тогда вы не можете этого ведать, милая. Я будто сама была на тех полях вместе с ним... все это время, пока ждешь вести — жив ли, мертв, ранен... И вот сызнова! Сызнова!

— Тот орден с бантом, — Анна чуть склонилась к графине. — Это от тех сражений?

— От тех, *ma chere*, — кивнула та. И принялась рассказывать о том, как начинал свой путь по службе племянник — от простого солдата (пусть и шесть дней, но как положено было) до ротмистра, коим ныне ходит. О сущей бойне при Аустерлице, что чудом пережил — на память о том сражении у Оленина наградная шпага о золотых ножнах и шрам под глазом. Об ордене, что получил в петлицу, остановив заволновавшихся под артиллерийским напором французов солдат, подняв тех на атаку позиций неприятеля. О том, как был ранен после и был вынужден прервать поход, вернуться на радость Марьи Афанасьевны в столицу.

Анна вдруг краем глаза заметила, как заморожено слушает графиню Катиш (та даже чуть рот приоткрыла), и резко выпрямила спину, перепугавшись, что неволью выдала и собственный интерес к рассказу о кавалергарде. А потом вдруг перехватила брошенный в ее сторону взгляд Маши — напряженный, полный такой лютой ненависти, что Анна с трудом подавила желание перекреститься, защищаясь от этого глаза дурного. Тут только заметила, как красны ее глаза, будто та много плакала, как поджаты ее пухлые губы, как дрожат мелко пальцы, что тащили иглу от очередного стежка.

— Вера Александровна, у меня к вам просьба, — вдруг обратилась графиня к тете Анны, показала знаком, чтобы та присела ближе, что она тут же и сделала, пересев на

козетку подле графини. — Поедете часом в Гжатск вскоре в mercerizes [151] захватите с собой и Марью Алексеевну, je vous prie [152]. Сама бы поехала, да здравие не позволяет, а Вознесение придет, оглянуться не успеем. Помогите ей, милая Вера Александровна, кружев прикупить на платье венчальное, да и остального приданого пошить. Марья Алексеевна моя под венец пойдет после Вознесения, оттого и хлопочем. Доверяюсь вам в том, ma chere, как себе.

— О, bien sûr [153], Марья Афанасьевна! Позвольте мне поздравить вас с предстоящим торжеством в свою очередь, — проговорила польщенная ее просьбой Вера Александровна, а девицы тут же уставились на Машеньку, что отвела взгляд от их пытливых и любопытных взоров. Графиня и тетя Анны принялись обсуждать предстоящие покупки, а Анна не в силах сдержаться поднялась со своего места, приблизилась к Маше, что вышивала на пяльцах.

— Позвольте поздравить вас с обручением, Марья Алексеевна, — проговорила она, а потом отвела взгляд в окно, на аллею. Она боялась задать вопрос о том, кто нареченный воспитанницы графини, гоня от себя мысль, что та могла обручить Машу и своего племянника. No, il est impossible! [154] — Когда же назначен сей счастливый день для вас?

— Вы же слышали, Анна Михайловна, после дня Вознесения Господня, — отрезала Маша, даже не поблагодарив за поздравление, не отвлеклась от вышивки на подошедшую к ней Анну.

— О, madam la comtesse [155] поведала, что ваш жених влюбился в вас тут же, как увидел, — произнесла приблизившаяся к ним Катиш, восторженно сверкая глазами от услышанной истории о предложении, сделанном воспитаннице графини. Ну, и пусть, что он управитель графских владений! Зато, как сказала графиня, очень положительный и серьезный homme [156], благородного, но разорившегося вконец рода курляндской фамилии, оттого и в управителях.

Этот курляндец давно краснел при виде Маши, как юнец, когда приезжал к графине с докладами, не смел глаз поднять на ту лишний раз, вызывая улыбку на губах Марьи Афанасьевны. А тут еще она давеча заметила, как блестит глаз у самой Маши... Дурно блестит, ой как дурно! Потому и вывела курляндца, Ореста Карловича, на этот разговор о женитьбе, напоминая тому, что пора бы и жену ввести в тот дом в Петербурге, что курляндец прикупил недавно. А чем Маша не хороша? Всем хороша Маша ее.

Курляндец тогда, помнится, бухнулся на колени, стал целовать руки графини в благодарность, чем разочаровал ее несколько — такой деловитый, в летах, а тут вон как! Но согласие свое дала, назначила дату венчания сама же — после дня Вознесения. На что весна — красна, а и та на Вознесенье Христово за лето замуж выходит, грех девице не идти.

Маша, правда, убежала из кабинета в слезах, когда Марья Афанасьевна сказала ей о предстоящем замужестве. Да только графиня знала, что та согласится, никуда не денется. Так и вышло — на Сретенье и обручила ее с Орестом Карловичем. Теперь вот к венчальному дню готовится, приданое шьет. А то, что Маша ходит с кислой миной, так перед союзом венчальным полагается поплакать, чтобы счастливую долю в нем иметь!

— А после и Андрея Павловича сватать буду! — решительно сказала графиня, кивая в подтверждение своим мыслям. — Коли Бог даст лет мне, успею то.

— Непременно даст! — поддакнула Вера Александровна и улыбнулась, проследив за взглядом графини на девиц у окна. Да чего только улыбается она, раздраженно подумала графиня, поджав губы. По твердому убеждению Марьи Афанасьевны, ее Андре нужна жена

смирная и добрая да с приданным отменным, а ни одна девица у окна ее требованиям не подходила вовсе.

Меж тем романтично настроенная Катиш расспрашивала Машу о платье венчальном, о женихе, об ожидании, которое ныне, должно быть, томит ту. Машенька же хранила молчание, даже головы от рукоделия не поднимала, и Анне стало жаль ее.

— Оставь ее, Катиш, — прошептала в ухо кузине. — Неужто не видишь, что не по сердцу ей?

Анна еще долго помнила перед глазами эту скорбно опущенную к рукоделию темноволосую голову, эти покрасневшие от слез карие глаза и поджатые губы. Никак не могла выбросить из головы мысли о том, что и ее могут сосватать вот так — без ее желания, совсем не за того, кто по сердцу придется. Вспомнила фигуру в черном фраке, мелькнувшую силуэтом в зеркале при гадании на Крещении.

— Папенька, милый папенька, — плакала она в кабинете отца, перепугав этими неожиданными слезами Михаила Львовича. — Обещайтесь, что не отдадите без моей воли, без желания... обещайтесь...

— Ну, конечно, моя душенька, — обнимал он дочь, целовал в залитые слезами щечки. — Обещаю, моя хорошая...

Но этого Анне показалось мало. Томило душу что-то, тяготили мысли о приближающемся совершеннолетию. Кто знает, как повернется жизнь за эти год и половину, что остались до него? Кто ведает, не соблазнится ли Михаил Львович достоинствами *demandeur en mariage* настолько, что забудет об обещании? Оттого и молилась неистово в церкви во время Пасхальной службы о том, чтобы счастливой быть, чтобы получить то, что сердце желает. А потом, когда пошли со свечами вокруг храма во время хода, вдруг пришла в голову мысль, кольнуло сердце желанием: «Хочу быть только его... его!». Молила о том беззвучно и после крестного хода, и на последующих службах, что выстаивала в церкви, и перед ликами святыми образной, сама не понимая толком, чего именно просит.

На Благовещение ^[157]пришло очередное письмо от Петра, в котором тот писал, что уже на пути в Вильну находится вместе со своим генералом, следуя вместе с другими полками к западной границе империи. «On dit ^[158]в сей град вслед за императором потянулись не только те, кому положено быть там по приказу. On dit que Вильна вскоре станет вторым Петербургом по количеству титулованных и знатных на сажень. Опасаюсь, смотров и парадов множественных, думаю, ныне нашему полку их определенно не миновать в таком количестве, как маршируют по обыкновению в Стрельне. Но войне — быть, *mon pere*. Если не Français ^[159]придет к нам, то мы придем к Français! Таков ныне настрой в полках». А после Красной горки Петр уже писал о том, как квартируют они в Вильне: балы и рауты, что давались местными дворянами в честь императора, театральные действия, прогулки и праздники, охота с собаками.

— Балаган какой-то, а не войск лагеря! — ворчал Михаил Львович, читая его письма с привычными постскриптумами, содержащими просьбы о высылке денег. — Сущий балаган! Так и проэкосезить можно неприятеля. Эх, нет ныне Александра Васильевича ^[160], батюшки войска русского! И Петруша-то! *L'argent lui fond dans les mains!* ^[161]Беда моя, беда...

Но после долгих ворчаний Михаил Львович все же шел к себе в кабинет, открывал секретный ящичек орехового бюро и отсчитывал несколько ассигнаций, чтобы послать те с человеком в Вильну вместе с отеческим письмом и наставлениями.

В начале мая, как было принято, впервые за год выехали на прогулку в открытых экипажах. Было холодно, несмотря на весеннее солнце высоко в небе над головами, дул пронизывающий ветер, словно пытаюсь развернуть коляски обратно в имения. Да и не было военных, что стояли прошлым летом близ города, потому было несколько скучно.

— Все и говорят нынче, что о войне, — капризно сказала Анна, складывая кружевной зонтик под укоризненным взглядом мадам Элизы. Уж лучше получить легкий загар, чем и далее бороться с ветром, что так и вырывал зонт из рук, порвать кружево! — Ах, к чему она вообще?! C'est horriblement! [\[162\]](#)

— О, не тревожьтесь, Анна Михайловна! — воскликнул при ее словах верный рыцарь господин Павлишин, сопровождающий верхом ее коляску. — Я защищу вас от всех французов!

— Pour sûr [\[163\]](#), - с трудом удержалась от едкой реплики Анна под пристальным взглядом мадам Элизы, окидывая взглядом его худую фигуру и очки на бледном лице. Но все же не смогла не скрыть иронии, отчего бедный Павел Петрович вздрогнул, вспыхнул от ее злого яда.

Отчего я такая злая, думала Анна после, отчего так люблю терзать тех, кто слабость ко мне имеет? Вот и Павла Родионовича уже всего изранила своими шутками, своими злыми словами, своим поведением. Отчего это во мне? Словно проверяю, насколько сильны их чувства ко мне, что они сумеют стерпеть ради меня, какие муки вынести... Как избавиться от того?

Незаметно подступила летняя пора вместо холодной весны, что долго лежала снежным покровом в полях, не распускала почки на деревьях. Зашелестела листва в лесах и парке. Изумрудно-зеленым ковром растелилась трава с частыми вкраплениями ярких точек луговых цветов. Прогнулись под пышными гроздьями ветви сирени, склоняясь к земле под этим тяжелым великолепием. В доме чаще стали расставляться букеты в вазах, наполняя комнаты дивным ароматом приближающегося лета, все чащи распахивали окна, отчего легкие занавеси парусами, бывало, развивались от легкого ветерка.

В конце мая, сразу же после дня Вознесения Господня, Марья Алексеевна, воспитанница графини, ступила в храм нареченной, а вышла уже женой. Анна с отцом присутствовали на обряде и последующем обеде в честь молодоженов, что давала Марья Афанасьевна, видела, как грустны глаза невесты под цветами, что украсили ее голову в пышном венке, как она вздрагивает, когда жених, светловолосый курляндец лет сорока, ласково проводит рукой по ее локтю, обтянутому легкой тканью платья. Только раз оживилась Маша за обеденным столом, только раз загорелись ее глаза каким-то странным огнем — когда она встретила взглядом с Анной. Отчего та так ненавидит меня, подумала тут же Анна, которой явно неловко было от этого горящего взора. Словно это я выдала ее замуж за этого Арндта, словно я разрушила ее судьбу...

Анна думала, что вздохнет с облегчением, когда новоиспеченная госпожа Арндт покинет Святогорское, следуя за мужем в столицу, где у того, как была наслышана Анна, был собственный дом. Но нет — Марья Алексеевна не поехала с мужем, когда тот отбыл спустя три дня после венчания, уговорила графиню, как и прежде, оставить ее при себе, мол, муж в разъездах по делам графини постоянно, и самое главное счастье для Маши — быть подле ее любимой тетушки, как она называла Марью Афанасьевну. Да и что делать летом в Петербурге и одной?

— Знаю я, отчего она осталась! — резко сказала Анна, бросая очередную срезанную

лакеем ветку сирени в корзину. Раннее она еще искала особые цветочки «на желание» в этих лиловых и белых гроздьях, а нынче перестала — ведь сколько не жевала она их, ничего не менялось в соседнем имении, гостя так и не было. Петруша уже прислал ей две записки из Вильны — «Dans un mois!» и «Dans deux semaines»^[164], намекая на то, что установленный когда-то на балу срок подходил к концу. А будто она сама считать не умела!

— И отчего же? — спросила мадам Элиза, и Анна замешкалась чуть с ответом, вспоминая, о чем она говорила мадам до того. А потом пожала плечами, мол, пошутила, не знаю я, хотя отлично понимала, отчего осталась госпожа Арндт, и кого она ждет в Святогорском.

— Maman! Maman! Аннет! — крикнула им, приближаясь быстрым шагом Полин, относившая недавно одну из цветочных корзинок в дом. — Вас Михаил Львович кличут в гостиную малахитовую. Гости прибыли, — и стала перечислять, хитро поглядывая на замершую у сирени Анну. — Madam la comtesse, мадам Арндт, господин Павлишин с маменькой и кое-кто, кто не был в Милорадово с самой зимы!

Сердце подпрыгнуло в груди в невероятном кульбите. Вдруг задрожали ладони, и Анна даже спрятала их за спину от взгляда мадам Элизы, что переходил ныне с Полин на Анну, словно пытаясь что-то прочесть в их немом разговоре взорами.

— Поручик Бранов! Он проездом в полк и не мог не заехать с визитом к нам! — воскликнула Полин, радуясь тому, как провела Анну, и та едва не толкнула ее, раздосадованная. Только зашагала резко к дому, подхватив корзину, красная от злости на Полин, едва не плачущая от разочарования, что острой иглой кольнуло ее сейчас.

— Но не он один не был с зимы! — крикнула ей Полин в спину, уже жалея, что так зло пошутила над Анной. — И ротмистр Оленин, Аннет... он тоже в малахитовой гостиной...

— Posement, mademoiselle Annette, posement!^[165] — только и успела крикнуть в спину удаляющейся Анны мадам Элиза, прикусывая нижнюю губу. Она была готова поклясться, что даже успела заметить подошвы ее туфелек и белизну щиколоток, настолько та высоко подняла подол легкого летнего платья, чтобы не споткнуться об него при беге, в который пустилась Анна по парку к дому, белеющему впереди среди зелени. Только и подпрыгивала шляпка из соломки за спиной, только и падали на гравий дорожки ветки сирени из цветочной корзины...

Сердце колотилось в такт быстрым шагам так сильно, что Анне даже показалось, что вот-вот оно выпрыгнет из ее груди. И отчего она так разволновалась? Отчего так кровь прилила к лицу, вызывая опасения за собственный внешний вид? Анна едва влетела в вестибюль, как кинулась к одной из больших напольных ваз, пытаясь рассмотреть в глянце фарфора свое отражение. Задержалась немного у дверей в правое крыло дома, в анфиладу, что вела к гостиной, задумалась, не переменить ли платье на другое, свежее, не поправить ли прическу.

Но лакей уже распахнул створки дверей, выпуская навстречу Анне звук голосов и громкий смех гусара, заставивший ее вздрогнуть от неожиданности. И она пошла через анфиладу — медленно, едва ступая по паркету, как ей казалось тогда, пытаясь выровнять дыхание, чтобы не показать никому своего волнения.

Она тут же нашла его глазами, как только переступила порог гостиной. Андрей стоял у окна, от которого тут же развернулся, заслышав тихий шелест подола и шаги лакея, что следовал за Анной в гостиную. И она замерла на миг, поразившись тому, что увидела в его взгляде, том самом, которым он когда-то проводил ее из оранжереи — манящий к себе, теплый и нежный, от которого сердце тут же замерло в груди, а потом стало медленно-медленно гонять кровь по телу. Губы сами по себе раздвинулись в широкую и радостную улыбку, чуть померкнувшую, когда она заметила ответную усмешку. Отчего он усмехнулся, мелькнуло в голове, а потом поняла, что он смотрел, видно, в парк через окно, видел, как она выбежала на открытый партер ^[166] из аллея, как прикладывала к щекам и лбу ладонь, чтобы унять кровь, прилившую к лицу.

Замерла, чуть прикрыв глаза, чтобы не показать свою растерянность, свою мимолетную злость на себя за то, что была так открыта в этот миг, что так явно показала свои чувства. Скрыть, хотя бы чуть-чуть... И она, отведя взгляд от лица Андрея, с той же широкой счастливой улыбкой, протянула обе руки к спешащему к ней из глубины гостиной поручику Бранову:

— Здравствуйте-здоровствуйте, наш бравый поручик! Какими судьбами вы к нам на радость?

Анна краем глаза заметила, как взлетели вверх брови отца при ее жесте, как навела внимательно на нее тут же лорнет графиня. Поручик картинно упал на одно колено перед ней, целуя ее руки, и многие рассмеялись его порыву по-доброму. Следуя обычаю, Анна легко коснулась губами его лба под темно-каштановым чубом. Затем к ним приблизился и Павел Родионович, чуть отстранил поднявшегося на ноги гусара, тоже приложился к ее руке, пока Анна позволяла, получил ответный поцелуй в лоб. Кажется, он что-то спросил у нее, и она ответила, Анна не помнила после совсем. Потом к ней снова склонился лакей, стоявший за ее спиной, уже ближе, чем прежде, и шепнул в самое ухо: «Позвольте, барышня!». И она покраснела пуще прежнего, смутилась этой оплошности на глазах у всех, заметив, что тот следовал за ней, чтобы забрать из ее рук корзину с сиренью, о которой она совсем позабыла.

Когда же по ее мнению, пришло время поприветствовать Андрея, Анна повернулась в его сторону и успела заметить, как тот уходит на террасу через распахнутые французские окна гостиной, пропуская вперед мадам Арндт. Его проводила взглядом не только она:

графиня, поджав губы, долго смотрела вслед через лорнет, а после тоже заторопила остальных выйти на террасу, прогуляться в парке.

— Нынче такой прекрасный день! Грех сидеть в четырех стенах! — провозгласила она, опираясь на предложенную руку Михаила Львовича, поспешила в парк вслед за племянником. Но долго гулять не стала по дорожкам — попросила ей принести кресло, откуда зорко наблюдала через лорнет за происходящим в партере, за прогуливающимися молодыми.

Как и Анна, то и дело бросающая взгляды в сторону парочки — белый мундир с позолотой эполет и легкое платье глубокого сапфирового цвета отчетливо выделялись на фоне зелени газона и клумб. Ей что-то рассказывал Бранов, что шел подле нее уже четвертый круг вокруг клумбы с яркими красками барвинка, примул, поздних нарциссов, но она почти не слушала его. Косилась взглядом в сторону Андрея, уже сожалея о своем глупом поступке. Она впервые вдруг обратила внимание, насколько к лицу новоиспеченной мадам Арндт яркие расцветки, как блестят рыжиной на солнце ее локоны, спускающиеся игриво из-под шляпки, какие пухлые у нее губы.

— ... и потому мне дали на хлопоты несколько седмиц, пока не улажу дела семейные, — басил возле Анны Бранов, рассказывая о том, как ездил в Вязьму на похороны отчима, которого почти не знал, как устраивал дела матери и малолетних сестер.

— Вам, верно, его не хватает ныне, — заметила Анна, и Бранов нахмурился. Он ей уже неоднократно сказал, что толком не знал отчима — уехал на службу еще шестнадцатилетним юношей в Белорусский гусарский полк, а мать вышла за того через год после того, как поступил он в гусары. Теперь же она снова повторила эту фразу, будто и не слышала ни слова из его рассказа. И ее приветствие — с такой радостной улыбкой на устах, ее горящие глаза — видно было совсем не для него, как он решил сперва с замиранием сердца.

Но и не Павлишин, который с легкой грустинкой в глазах наблюдал за ними, сидя подле матери и графини под тентом, что натянули шустрые лакеи и уже несли к той тени и круглый стол, и салфетку, и сервиз, обустривая для господ место для чаепития на свежем воздухе.

Значит, это кавалергард, за руку которого так рьяно схватилась нынче мадам Арндт, бывшая воспитанница графини. Бранов прикусил ус с досадой. Между армией и гвардией всегда были натянутые отношения, но в очередной раз видеть некое преимущество кавалергардского мундира перед доломаном и ментиком больно кольнуло самолюбие. Но может ли то быть, подумал он, а потом тотчас получил ответ — может. Вон как губу Анна прикусила, когда мадам Арндт смахнула с эполет ротмистра листок, оторвавшийся с дерева ветром, зацепившийся за бахрому.

— Смею ли я надеяться на то, что вы подарите удовольствие провести вас в мазурке на празднике ее сиятельства? — спросил Бранов, пытаясь поймать ее задумчивый взгляд. Ему это удалось — услышав его вопрос, Анна взглянула на него.

— На празднике ее сиятельства? — переспросила она чуть удивленно, и он кивнул в ответ.

— Десятого числа сего месяца ее сиятельство дает праздник в честь собственных именин, как сказала этим днем. Я имел честь быть приглашенным на него нынче, — поспешил пояснить ей гусар. — Так смею ли я?

— О, *bien sûr* [\[167\]](#), - рассеянно ответила Анна и отошла от него, извинившись к столу

под тентом, где было все приготовлено к чаепитию — настала ее пора сесть у самовара и разливать по парам ароматный чай. Она старалась не поднимать глаз на того, кто принимал из ее рук очередную пару, смотрела только на пальцы, что обхватывали аккуратно блюдце, различая по перчаткам, кто забирает пару. У лакеев, что брали пары для дам, перчатки были из недорогой ткани, господин Павлишин был в тонкой лайке светло-бежевого цвета, у офицеров — лайка грязно-белого цвета.

Пальцы, обтянутые такой грязно-белой лайкой, взялись аккуратно за блюдце с другой стороны, но сильно потянули пару на себя, едва Анна только протянула ее подошедшему, явно вынуждая ее поднять глаза вверх. Она разозлилась на подобную вольность и уже готова была отчитать гусара, полагая, что это он осмелился на такое, но слова тут же вылетели из головы, как только ее глаза встретились с глазами Андрея.

— Pourquoi faire? [\[168\]](#) — тихо шепнул он. Анна прикусила губу, а потом ответила, скорее для остальных, взглянувших на них, чем для него:

— Возьмите пару, s'il vous plaît [\[169\]](#).

Анна недолго сумела высидеть за одним столом с ним во время чаепития, вскоре извинилась и ушла к себе в будуар, где села у окна, наблюдая, как тихо шелестит в листве ветвей теплый летний ветерок. Что именно он спрашивал? Отчего она на сразу подошла к нему? Да разве могла она — на глазах у всех? И так выставила себя полной sottise [\[170\]](#) для остальных, когда не сразу отдала корзину лакею, когда не замечала ее на сгибе локтя. Или Оленин не видел, как бежала она к дому со всех ног, совсем неподобающе для барышни образом?

Вскоре у подъезда послышались голоса — гости, отведав чаю, разъезжались. Но Анна стала наблюдать из-за занавеси не за Павлишиными, отнюдь, и не бравым гусаром, что резко вскочил в седло и, явно красуясь перед окнами, сделал круг вокруг круглого цветника у площадки перед домом. Она смотрела на графиню и ее protégée [\[171\]](#), которым помогал занять место в ландо Андрей, хотя признаться, скорее именно на него, чем на женщин. А потом едва не вскрикнула, когда поднимаясь в экипаж, Мария вдруг оперлась на плечо Андрея, провела по нему ладонью — легкий и мимолетный жест, но он так больно уколол Анну отчего-то. Она разглядела в том жесте то, что заметила нынче на прогулке — интерес Марии к кавалергарду.

Ранее Анна совсем не обращала внимания на воспитанницу графини, как редко кто из ее привычного окружения обращал внимание на Полин, сопровождающую порой ее на вечера к соседям. Да и к чему то было ей? А ныне она вдруг заметила, что волосы той красивого оттенка красного дерева, который только подчеркнули яркие краски платьев, позволительные по статусу замужней даме. И что-то было в ее глазах... что-то, что никак не давалось определению, и это несказанно злило Анну. А еще ее безмерно тревожил тот факт, что она живет под одной крышей с Олениным нынче, может видеть его гораздо чаще, чем она, Анна. Хорошо скоро у графини праздник в имении, и ненадобно предлогов для визита думать...

Правда, поездка к графине Завьяловой едва не расстроилась, как выяснилось в тот же вечер. Вере Александровне привез Андрей письмо из Москвы от дочери — та была в тягости первым ребенком, и срок был уже совсем близок. Как любая женщина, которой только предстоят первые роды, она была испуганна, просила мать приехать к ней на это время. Катиш же перспектива отъезда привела в ужас, заставила расплакаться прямо в гостиной на

неудовольствие Вере Александровне.

— *Raïx, Katish, raïx* ^[172], - поспешил успокоить ту Михаил Львович. — Смею уверить вас, *mademoiselle*, что сей отъезд ставит под угрозу визит к графине *en tout* ^[173].

Анна едва не подпрыгнула на месте от возмущения, услышав это. Отчего вдруг мадам Элиза стала неподходящей *patronne* ^[174]? Оттого, что так решила графиня и когда-то намекнула о том Михаилу Львовичу? Или из-за того, что тот не желает оставлять Полин в доме одну, отбывая на этот раут в имение Завьяловой? О, неужто из-за того?!

— Но, папенька, праздник у ее сиятельство поистине событие этого лета! — проговорила она, склоняясь к креслу отца и обнимая того за шею. — Разве можем мы пропустить его? Графиня впервые дает праздник в имении за минувшие два года пребывания в уезде, и мы решительно не можем отказаться от этого приглашения. И, *ma chere tantine*, умоляю, будьте снисходительнее к *ma bien-aimée petite cousine* ^[175]. Что может быть хуже лета, проведенного в пыльном и грязном городе? Что может сравниться с деревней в эту дивную пору? Оставьте *ma bien-aimée petite cousine* тут, в Милорадово, мне на радость. А то мне порой так одиноко! Умоляю вас, *ma chere tantine*! Уверена, что хворь *ma chere cousine Natalie* вскоре сойдет, и вы будете жалеть, что не оставили Катиш в Милорадово. А кстати, что за хворь одолела *ma chere cousine Natalie*? Вы так и не сказали нам *d'une manière détaillée* ^[176]. От чего нам молить нашу *cousine Natalie*?

Анна довольно улыбнулась, когда Вера Александровна вдруг густо покраснела всем лицом до оборок чепца. Она знала, что старшая кузина Натали скорее всего в тягости, судя по многозначительным взглядам, которыми обменялись Михаил Львович и ее тетя при чтении письма той. Ох, да неужто могло быть иначе? Анна уже знала, что после венчания у пары непременно возникают дети, видела это по дворовым и крепостным в деревне. И отчего об этом так умалчивают, так краснеют при упоминании? Зато это ей только на руку — тетя не пожелает ее вопросов на эту тему, быстро уступит ее просьбе оставить Катиш в Милорадово, а Михаил Львович не сумеет устоять перед умоляющими глазами *petite cousine*. Чувство вины перед родичем окажутся сильнее чувства вины перед Полин, она хорошо знала своего отца.

Так и вышло, как планировала Анна. Вера Александровна уступила ее просьбе и позволила Катиш с позволения Михаила Львовича остаться в Милорадово до конца лета. К тому же до Москвы было всего два-три дня езды, не так уже и далеко, утешала она себя, усаживаясь в карету, которую Шепелев снарядил для поездки родственницы.

— *Vous êtes sur ses gardes, madam* ^[177], - наставляла Вера Александровна мадам Элизу прежде, чем уехать. — Мы обе знаем, что Аннет... Аннет... а с Катиш в последнее время совсем спросу нет, стала несносна совсем. *Voici un exemple tout trouvé!* ^[178] И напишите мне после о том празднике *d'une manière détaillée*. А вы понимаете меня, надеюсь? Как мать, я должна знать.

Но свято место, как говорится, пусто не бывает. Не успела уехать Вера Александровна, как в Милорадово, будто ей на смену, прибыл Петр, получивший травму колена на охоте с собаками, что устроили подле Вильны офицеры его полка. Он приехал в вечер праздника у графини, когда девушки заканчивали свои туалеты в покоях Анны, уже выбирали веера и тонкие шали к платьям, закалывали непослушные локоны в прически.

— О, *à temps* ^[179]я, однако! — улыбнулся он удивленному его приездом отцу, когда ступил в салон, хромя на правую ногу, опираясь на трость, где тот ждал девушек и мадам

Элизу, чтобы ехать в Святогорское. Пришлось задержаться с выездом, пока Петр смоет дорожную грязь да наденет свежий мундир, приехать в числе последних припозднившихся гостей.

— Чего кусаешь губы? — шутливо склонился к уху сестры Петр в карете по дороге в Святогорское. — Пухлее не станут. Il est arrivé, vrai? [180] Сам Бог благоволит тебе, ma chere.

— Бог не может быть благосклонным в азарте, — отрезала тихо Анна. Петр улыбнулся хищной улыбкой, заметив ее волнение, коснулся пальцами одного из бледно-розовых маленьких цветов, которым она украсила ныне прическу, и Анна покраснела невольно, словно он мог угадать ее намек для того, кто способен понять, отчего она выбрала именно эти живые украшения на этот вечер. Знай о том Петр, тот бы не упустил случая пошутить над сестрой, пусть и не со зла, без иронии. О, отчего он тут, невольно подумала Анна. Совсем не вовремя и не к месту. Будто намеренно прибыл именно ныне в Милорадово по воле судьбы!

Шепелевы опоздали совсем — тихо, но отчетливо были слышны звуки «польского», когда они наконец-то переступили порог дома графини. А когда зашли в залу, Анна и вовсе вдруг пала духом, захотела вернуться к себе, забиться в постель, когда поймала на себе насмешливый взгляд Петра.

— Une rivale, ma chere? [181] — шепнул он ей на ухо, заметив поверх мужских голов и хорошеньких головок в тюрбанах, чепцах и плерезах, как ведет в полонезе Андрей госпожу Арндт. — Кто это, à propos? [182]

— C'est Marie, protégée de la comtesse [183], - и кивнула, поймав на себе удивленный взгляд Петра. Она и сама удивлялась ныне, как хороша та в атласном платье глубокого алого оттенка, с плерезом того же цвета, спускающемся на обнаженное плечо в глубоком вырезе платья. — Она вышла замуж за Ореста Карловича Арндта, главного управителя графини, этой весной.

— О, теперь мне ясно, — Петр снова взглянул таким взором на степенно ступающую под музыку полонеза Марию, что Анна едва удержалась, чтобы не стукнуть того веером от злости, бушующей в душе пожаром.

— Что тебе ясно? — переспросила только она, раскрывая веер и резко обмахиваясь им, словно ей было нечем дышать в этот момент. Петр только снова усмехнулся в ответ.

— После узнаешь, ma chere, после непременно узнаешь о том. Когда сама женою станешь...

Весь этот вечер Анна тихо страдала, пытаясь скрыть от всех, что творится в ее душе. Она с трудом подавила желание уйти в отведенную дамам комнату и там просидеть весь бал и ужин после. Никого не видеть, никого не слышать, не заставлять себя улыбаться через силу и смеяться тихо глупым и несмешным шуткам Павла Родионовича, снисходительно смотреть на поручика Бранова, что так явно расстроился, когда она вынуждена была отказать ему записаться трижды в ее карточку. Принимать благосклонно комплименты, кивать знакомым и приседать перед незнакомыми, говорить банальные любезности в разговорах. И наблюдать искоса или через кружево веера, как вьется вокруг Андрея эта мерзавка в алом платье, так беззастенчиво выставляя себя напоказ, проводя веером по его плечу, флиртуя, сжимая его пальцы во время кадрили.

— О, ma chere cousine, je suis triste! [184]) — проговорила явно огорченная Катиш. Кавалергард почти не танцевал в этот вечер, а только стоял подле одной из колонн залы и наблюдал со своего места за происходящим в зале.

Анна пожалала плечами, пытаясь сохранить хладнокровный вид при виде того, как улыбнулся, что-то говоря Марии Андрей, а та рассмеялась, чуть откинув голову назад, показывая свои белоснежные зубы. О мой Бог, подобное Анна видела в последний раз в московских залах! Такой откровенный, ничем неприкрытый флирт, который позволяли себе некоторые замужние дамы, такой явный интерес...

Перед ужином гостей позвали выйти через распахнутые французские окна в сад, чтобы полюбоваться иллюминацией, которую устроили для этого праздника. Анна же, в очередной раз ускользнув от своих поклонников в дамскую комнату, чуть замешкалась, помедлила и вышла в залу уже, когда все с восторгом наблюдали за действием. Но на террасу не пошла — встала в проеме одного из окон чуть поодаль от остальных, поглощенных зрелищем, нашла глазами яркое пятно платья Марии. Она стояла и слушала мужчину, что-то шепчущего ей на ухо, склонив к нему голову. И этим мужчиной на удивление Анны был ее брат Петр.

А затем вдруг стало тепло, несмотря на прохладу этого летнего вечера, стало вмиг так спокойно. Ей не надо было поворачивать голову, чтобы убедиться, кто именно занял место за ее плечом, кто встал за ее спиной. Тот взгляд, которым обожгла ее Мария, обернувшись рассеянно назад, на дом, сказал Анне о том лучше любых слов.

— *Ces fleurs exhalent une délicieuse odeur* [185], - произнес Андрей, словно намекая на розы в ее волосах, и Анна поспешила раскрыть веер, чтобы скрыть за ним свою счастливую улыбку, скользнувшую по ее губам помимо воли. Он встал возле нее в проеме, но она не повернула к нему головы, стала смотреть в сад, с шипением загорались шутихи, закружилось огненное колесо, рассыпая ворох искр.

— *Je vous remercie, mademoiselle Annette* [186], - тихо проговорил он, но она все же услышала его, замерла в ожидании продолжения. — Вы заставили меня понять одну простую истину. Мужчине никогда не стоит пытаться понять женщину умом, коли ее уже приняло его сердце.

Анна резко обернулась к нему, заглянула в его глаза, что так внимательно смотрели сейчас в ее лицо, будто пытаясь отыскать в нем что-то. С тихим шипением погасла в саду последняя шутиха, остановились, медленно гаснув, вертящиеся колеса. Гости, шумно переговариваясь, направились через французские окна с террасы в дом, чтобы после пройти за лакеями в столовую, где уже сервировали ужин, и Анне пришлось отвести взгляд от глаз Андрея, отступить в сторону от окна, к мадам Элизе, стоявшей неподалеку.

Подошел Павел Родионович и предложил ей руку, чтобы отвести на ужин в столовую. Анна оглянулась на Андрея, но того уже на прежнем месте не было. Только другие гости проходили перед ее взглядом, мундиры другого цвета, сюртуки и фраки...

Уже перед самыми дверями в столовую произошло то, что неминуемо когда-нибудь должно было случиться. Каким-то странным образом Анна столкнулась с Марией, что следовала в столовую в нарушение приличий одна, без спутника. Столкнулась в прямом смысле — задели плечами друг друга, когда Анну обгоняла быстрым шагом фигура в алом атласном платье. Анна не сумела сдержаться, издала из-за сомкнутых губ сдавленный протестующий звук, и Мария обернулась к ней, бросила на нее взгляд, полный едкого презрения, изогнула губы насмешливо.

— Вы зря стараетесь, *mademoiselle Annette!* Он, как и мадам графиня ведает, насколько вы недостойны его, — тихо, так чтобы ее услышала только Анна, прошептала Мария, кривя губы. Анна едва сдержалась, чтобы не ударить ее прямо по этим губам сложенным веером, но не ответить на этот выпад было совсем не в ее правилах.

— Но и вы, мадам, тоже, как оказалось, — отчеканила она в голос, ни от кого не таясь, заставляя обернуться впереди идущую пару. — Иначе бы носили совсем другую фамилию!

Сама того не ведая, Анна ударила в самое сердце ту, и Мария злобно прищурила глаза, пытаясь найти достойный ответ на эту реплику, от которой слезы подступили к глазам.

— Vous êtes... vous êtes detestable! Vilaine! ^[187] — выкрикнула Мария в лицо Анны. Позади сдавленно ахнула шокированная мадам Элиза, как-то сжался комично от этого скандала Павел Родионович, явно смущенный этой женской ссорой.

— Да как вы смеете! — бросила Анна в ответ, сжимая ручку веера. О, отчего она не мужчина?! — Да будь мы обе мужского пола, я бы заставила проглотить эти слова у барьера! Кровью бы вашей смыла, слышите?

— А я бы с большим удовольствием сделал это с вашим мужем или братом за это оскорбление, будь у вас таковые тут! — прогромыхал из-за спины Анны неслышно подошедший поручик Бранов, слышавший почти каждое слово из этого обмена любезностями. — У вас дурное воспитание, мадам! И отвечать за эту промашку ваших учителей пришлось бы защитнику вашему, будь он тут!

— А отчего вы решили, что в этом доме для Марии Алексеевны не найдется защитника? — раздался позади очередной голос. Андрей только приблизился к кружку, что образовался у дверей столовой и, услышав последние слова гусара, не мог не вмешаться. — Мария Алексеевна на попечении моей тетушки Марьи Афанасьевны, а стало быть, коли супруг ее не имеет возможности ответить вам, то вполне могу встать для ответа я.

— Ah, de grace, messieurs! ^[188] — Анна заметила, как мелькнула острая ненависть к кавалергарду во взгляде поручика, как упрямо сжал тот губы под усами, и как окаменели черты Андрея в ответ на это. Перепугалась до дрожи в руках той напряженности, что повисла в этот миг в проходной комнате. — Это просто недоразумение! Только и всего. К чему эти речи?

А Мария улыбнулась и приблизилась к Андрею неспешно, провела веером по его локтю.

— Merci bien, Андрей Павлович, je vous suis très reconnaissant ^[189]. Полагаю, поручик даже не предполагал, говоря то, что есть персона в силе достойно ответить ему на его слова.

Анна едва удержалась, чтобы не ударить ее от возмущения ее словам. Неужто она не видит, что только распаляет своими словами гусара, который даже ус прикусил, чтобы сдержаться и не нагрубить ей? Или ее тщеславие так жаждет той дуэли, тень которой ныне так и витала в воздухе над ними?

Поручик открыл рот, чтобы что-то сказать Андрею, по-прежнему не отводящему взгляда от его глаз, но Анна не дала ему такой возможности — схватилась за его локоть свободной рукой, потянула в сторону столовой, зашебетала без умолку:

— Ах, пойдете, милый Григорий Александрович, — впервые обращалась к нему по имени, и он отвлекся от кавалергарда, подчинился ее воле. — Пойдете же в столовую, на нас уже оборачиваются, дивясь нашей задержке! Вы сядете подле меня? Ах, я совсем позабыла, что обещала это место милому Павлу Родионовичу! Вы позволите, Павел Родионович? Я боюсь оставлять Григория Александровича — как бы снова не пришла ему в голову та шальная идея, что он всенепременно должен прогнать из своей головы!

Она и все время ужина отвлекала гусара глупой болтовней, которую ненавидела, злясь и на Бранова, что свирепо смотрел на Андрея наискось через стол, и на его оппонента по этим взорам, который явно забавлялся яростью поручика, подкидывая дров в ее огонь. Ах, эти мужчины, злилась Анна, замечая очередной обмен взглядами, неужто им так не терпится

поиграть с судьбой? Руки тряслись от волнения, она толком ничего и не ела за ужином, только лениво ковыряла в каждой перемене вилкой. Та радость, возникшая при тихих словах Андрея, то предвкушение чего-то особенного испарились ныне, оставив только рассеянность и тревогу, сжимающую грудь. Она попыталась и после ужина не отпустить от себя поручика, но тот вдруг вспыхнул, заметил ей резко:

— Я вам не юнец неразумный, Анна Михайловна! Не пекитесь так о моей судьбе! Я сам ее творец! — откланялся, передавая ее руку Петру, что сидел от нее за ужином по правую руку.

Конечно, Бранов просил прощения после, когда перешли в парадную гостиную для завершения званого ужина за маленькими чашечками кофе и холодным мороженым, щедро сдобренным фруктами из оранжереи имения. Но Анна только устало кивнула ему в ответ, хотя и протянула руку для пожатия ответного. Только ныне она поняла, что надобно было действовать через его противника, более хладнокровного и не столь вспыльчивого. Что она и попыталась сделать, когда гости стояли на крыльце дома в темноте летней ночи, ожидая, пока подадут экипажи, наслаждаясь прохладой после душных комнат.

— Андрей Павлович, могу ли я надеяться на ваше благоразумие...? — но он не дал ей договорить, поднял вверх ладонь, и она смолкла.

— *Soyez tranquille!* ^[190] Даже шнуры на ментике вашего гусара будут целы, это я вам обещаю, Анна Михайловна, — ответил он ей резко, и она вздрогнула от холода его голоса.

— *Bonne nuit!* ^[191] — присела вдруг стоявшая подле них Катиш, заметив знак Михаила Львовича, что их карету уже подали к подъезду. Андрей кивнул ей в ответ, после повернулся к Анне, чтобы и той кивнуть на прощание, но она вдруг протянула руку вперед, задержала его от того, положив сложенный веер на его локоть.

— Не сердитесь на меня, Андрей Павлович, *je vous prie* ^[192], — тихо проговорила Анна и смело встретила его взгляд. — Что бы вы ни думали, моя вина в той ссоре не столь велика, как могла бы быть. Я желала ее, не скрою, но не последствий... Это сущее безумие!

Он ничего не ответил на ее слова, только подал руку, чтобы проводить к карете, в обход лакея помог занять место в экипаже. Только, когда она уже сидела, легко пожал руку на прощание. Так же молча, без единого слова.

— Петухи вздыбили перья и готовы к драке, — заметил Петр шепотом только для Анны, растирая свою больную ногу, что тихо ныла от усталости и напряжения. Она резко повернула к нему голову.

— Ты думаешь?

— Наверняка. Хотя кто знает? По каменному лицу твоего кавалергарда ничего и не понять было, когда они вышли с балкона, где уединились после ужина. Это поручик будто лопался от злости, а вот Оленин — истинно *statue de marbre* ^[193]. Я даже порой сомневаюсь, бьется ли сердце под мундиром. Что ты натворила, *ma chere*? Отчего весь шум и гам?

— Я послужила причиной той ссоры, не скрою, но распалила этот огонь не я. Ты думаешь, будет... *duel*?

— Поживем-увидим, — пожал плечами ее брат, откидываясь на спинку сидения, закрывая глаза, в подражание отцу и мадам Элизе, что казалось, дремали, утомившись за время праздника. Катиш же смотрела в окно и обрывала лепестки цветов *boutonnière*, что на ленте были у нее на запястье.

— Ты думаешь, он влюблен в нее? — вдруг шепотом спросила она, перегнувшись через

Петра к Анне. Та вздрогнула от неожиданной прямоты и смелости подобного вопроса, которых вовсе не ждала от *petite cousine*, но не стала отвечать, только пожала плечами.

Сон той ночью совсем не шел к Анне. Она ложилась в постель, вставала, ходила по спальне и снова ложилась. Наконец сдалась и разбудила Глашу, спавшую на узком диванчике в будуаре, приказала привести к ней Дениску, внука Ивана Фомича, что служил в имении одним из казачков.

— Он же почивает, — не могла понять Глаша спросонья приказа барышни. — Ночь ведь!

— Почивает — разбуди! — резко ответила та, борясь с желанием взять за плечи девушку и хорошенько встряхнуть. Та кивнула в ответ, быстро отыскала под диваном туфли и выскользнула из покоев барышни. Вскоре вернулась с заспанным Дениской, веснушчатым мальчуганом лет десяти, который получил приказ от Анны бежать к границам Святогорского, последить за дорогой, что ведет к имению, а после вернуться и рассказать ей, что видел.

За окном уже светало, когда Дениска вернулся и, задыхаясь от быстрого бега, стал рассказывать:

— Все, как барышня сказала! И доктор поехал на луг графини, что у леса граничного, и гусар с коробкой у седла. Вот такая коробка была, — и он показал побелевшей лицом барышне размеры той коробки, что вез с собой Бранов. Анна тут же заметалась по комнате, не стала будить Глашу, снова тихо посапывающую в будуаре, бросилась сама в гардеробную. Платье схватила самое простое — из тонкого ситца английского, с пуговками впереди, которое могла бы надеть сама, без помощи. Но все же замешкалась, запуталась, одеваясь, в проемах рукавов, чуть не порвала ткань, ткнувшись резко в «фонарик».

Оттого и задержалась, несмотря на спешность, на бег, которым пустилась по залесной аллее [\[194\]](#), путаясь в подоле. Первый выстрел услышала уже в лесу, когда пробиралась по узкой тропинке в сторону Святогорского, цепляясь шалью за ветви деревьев и диких кустарников, которые тянулись к ней, словно пытаясь остановить. Анна тут же встала, как вкопанная, приложив ладонь к бешено колотящемуся сердцу. Мелькнуло перед глазами вдруг лицо Андрея, когда тот разворачивался от окна к ней, вошедшей в гостиную, пару дней назад. Задрожали колени, захотелось сесть прямо на эту тропу, не ходить далее, подчиняясь страху, разливавшемуся в груди, захватывающему ее с головой до пят.

Но она все же качнулась вперед, побежала по тропинке далее, свернула с нее у самого выхода на луг, что виднелся в просвете между деревьями. Она знала по описанию казачка, что Бранов остановился у трех сосен, стоявших на краю луга, чуть поодаль от лесной кромки. Значит, там все происходит.

И верно, они были у тех сосен. Мирно жевали траву привязанные к стволам лошади, приученные к звукам выстрелов, замер у одной из сосен уездный доктор, низенький и плотный немец Михель, резкими шагами ходил возле него незнакомый Анне офицер в армейском мундире. Стоял, высоко подняв голову, Бранов с одной рубашке и наброшенном на плечи ментике. Напротив него в двух десятках шагов — Андрей, тоже без мундира, в рубашке и камзоле, целясь в гусара из пистолета в вытянутой руке.

Анна прикрыла глаза на миг, облегченно выдыхая, прислоняясь к стволу деревца, что было подле. Значит, первый выстрел был поручика. И судя по тому, что на белоснежных камзоле и рубашке Андрея она не заметила ни единого кровавого пятна, этот выстрел не достиг своей цели. Можно было уйти тотчас, как поняла это, но она задержалась, обхватив

тонкий ствол руками, прижавшись к нему щекой.

Нет, она и не думала выходить на луг из своего лесного укрытия — riskовать своим именем ради гусара даже мысли не было в голове в этот миг. Но осталась, чтобы мысленной мольбой обратиться к Андрею на промах, как дал «пуделя» [\[195\]](#) гусар до того, не ранить и, упаси Бог, не убить поручика. Осталась, чтобы убедиться, что он таков, как она думала о нем. Господи, помоги, взмолилась Анна.

Резким движением рука Андрея ушла вверх, направляя пулю в небо. Вздрыгнул заметно всем телом гусар, за миг до выстрела закрывший глаза. Заплодировал поступку Андрея доктор, явно довольный, что дело обошлось без крови. Анна же тихо заплакала, выпуская то напряжение, что сковало ее тело до того момента.

— Благодарю тебя, Господи, — прошептала она, прижимаясь щекой еще плотнее к шершавой коре дерева. — Благодарю тебя, что он такой... *mon étonnant* [\[196\]](#)...

После последнего выстрела в воздух недавние противники сошлись на середине разделявшего их некогда расстояния, обнялись и трижды расцеловались, примирясь. Прощка, денщик Андрея, подал господам по рюмке водки, которую те должны были выпить за мир меж ними.

— Жаль, что я промахнулся, — упрямо мотнул головой Бранов, поправляя едва не соскользнувший с плеч ментик. — Я ведь вас не люблю, Андрей Павлович, очень не люблю. До глубины души! И отчего к вам так благоволит Фортуна? Но она, — он сделал некий упор при этом слове. — Она выбрала вас нынче, мне же остается только склонить голову пред ее выбором. И все же я понимаю, отчего был сделан этот выбор — по чести вашей и достоинству, по благородству вашей души. Я питаю к вам глубокое уважение, Андрей Петрович, за ваш поступок вдвойне. Но любить вас... Нет, любить вас никогда не буду!

— Ну, полноте! — Андрей кивнул на поднесенные Прощкой рюмки, взял одну из них. — Мне и уважение от вас по сердцу, Григорий Александрович. Раix! [\[197\]](#)

— Раix! — поднял ответно рюмку гусар. Опрокинули одним махом обжегшую горло и нутро водку, снова расцеловались троекратно. Бранов вдруг размахнулся и бросил рюмку в широкий ствол сосны, разбивая ту на осколки. — На примету! [\[198\]](#) Пусть будет так!

А потом насторожился, оглянулся к лесу, когда расслышал в тишине летнего утра тихий вскрик. Стал вглядываться в лесную кромку на северной стороне луга, пытаясь разглядеть за стволами и зеленью кустов, откуда звук этот был, кому принадлежит. Видно, девки деревенские в лесу собирают что. Хотя, нахмурился Бранов, рано по ягоды-то ходить, не пора еще. Отчего тогда по лесу ходят?

Андрей недолго смотрел в ту же сторону, покусывая лениво травинку, потом повернулся к Бранову, протянул ему руку для пожатия на английский манер.

— Ну, прощайте, Григорий Александрович. До завтрака надо бы мне вернуться в усадьбу, а то вопросы пойдут ненужные. Ни к чему они нам, верно?

— Прощайте, ротмистр, — краткое пожатие, и бывшие соперники и их секунданты разъехались, каждый в свою сторону.

Когда Анна почувствовала чужое присутствие в наполненном утренними лучами солнца лесу? Когда так ясно ощутила на своей спине чей-то взгляд? Она шла по тропинке, возвращаясь в Милорадово, кляня весь белый свет и частным образом — жгучее растение, в молодые заросли которого она имела неосторожность оступиться, наблюдая с удивлением, как расцеловываются недавние противники. Дивно, право, у этих мужчин, думала тогда она. Только желали друг другу смерти, только держали друг друга под дулами пистолетов, а уже обнимаются, как старые друзья. Да еще и пьют, расцеловываясь, скривилась она. А потом замерла на месте, уловив каким-то шестым чувством движение в густой зелени за своей спиной, оглянулась резко, пытаясь поймать его уже зрительно среди переплетения ветвей и неровных рядов стволов. Постояла недолго на тропе, вглядываясь — вдруг стало боязно, показалось, что даже лесные птицы смолкли в глубине леса, что померк солнечный свет.

Затем Анна пустилась быстрым шагом по едва различимой в траве лесной тропинке, ощущая за своей спиной чужое присутствие. Спустя миг уже сорвалась на бег, когда позади тихонько хрустнула сухая веточка, явно под чьим-то тяжелым шагом. Да, убеждала она сама себя, нет нужды бояться ей. Она ведь в землях отца, ничего худого случиться не должно.

Быть может, это кто-то вышел пострелять птиц или зайца с утра. Но тогда почему не слышно собаки? Разве ходят на охоту без борзых?

А потом в голову пришла мысль о том, как она выглядит ныне: толком непричесанная, в простом платье, которое уже успела испачкать в траве, намочить подол в утренней росе, оттого тот стал совсем темным от пыли с тропы, налипли сухие веточки к мокрой ткани. Эта-то мысль о собственной неопрятности гнала Анну вперед гораздо быстрее страха от чужого присутствия в лесу.

Она поняла, что это не охотник и не праздный гуляющий, когда расслышала, как тот, кто был позади, тоже ускорил шаги. Теперь ему таиться не было необходимости, теперь он уже открыто догонял ее и так быстро, что Анна едва сдерживала крик. Добежать бы скорее до залесной аллеи, в парке непременно будет кто-то из дворовых в этот час!

Уже впереди показался просвет, за которым должен был начаться ровный ряд лип и тополей, когда Анна была поймана, словно загнанный зверек. Мужская рука схватила ее за запястье, отчего Анна вскрикнула испуганно, и резко развернула к себе. Анна не устояла на ногах от такого рывка, упала на грудь своего преследователя, уже готовая кричать в голос, призывая к себе людей из парка. Должен же кто-то слышать ее крик! И пусть потом она будет наказана папенькой, пусть в этот раз он не будет снисходителен к ее безрассудству, пусть разносят по округе толки, что она бежит по лесу нечесаная и неприбранная!

Но даже легкого звука не сорвалось с губ Анны, когда она подняла голову, чтобы взглянуть в лицо своего преследователя. Рука, что упиралась ладонью в грудь, обтянутую шелком камзола, вдруг ясно различила быстрый стук сердца его обладателя, и словно по тонкой нити, эта бешеная гонка крови в жилах передалась и ей, заставляя замереть на месте, сдерживать крик, рвущийся из вздымающейся груди.

— Андрей..., - тихо прошептала Анна, когда, отпустив на волю ее запястье, он обхватил ладонями ее лицо, склонился над ним. Совсем не осознанно назвала его по имени, пульсирующему в ее голове сейчас, подражая стуку сердца. Он улыбнулся уголками губ в ответ на этот тихий шепот, а потом поцеловал ее.

Сначала легко, едва коснувшись губ, будто прося позволения на свою вольность. Отстранился на миг, заглянул в ее широко распахнутые глаза, в которых плескалось изумление и которые тут же стало заволакивать легкой дымкой, вмиг вскружившей ему голову, заставившей сделать свой последующий поцелуй более глубоким, более волнующим. Анна спустя миг положила свои пальчики на его ладони, и Андрей прервался, решив, что она хочет отстраниться от него. Но она всего лишь встала повыше на цыпочки, чтобы быть ближе к нему, к его губам, и он снова склонился к Анне, видя, как она тянется к нему.

Неужели Анна ранее думала, что никогда в своей жизни не позволит кому-либо так терзать ее рот, как когда-то это было на московском балу? Неужели желала запретить своему супругу даже мимолетно касаться ее губ некогда? О, какой глупенькой она была! Но разве могла она тогда подумать, что поцелуи могут быть такими схожими, но в то же время такими разными? Тот был злым, грубым, настойчивым, а этот... От этих поцелуев шла кругом голова, а мир вокруг, казалось, замирал, чтобы после засиять ярче, более глубокими насыщенными красками раскраситься вмиг. Хотелось, чтобы эти губы никогда не отстранялись, чтобы эти руки медленно и ласково гладили ее скулы и не останавливались ни на минуту.

— Почему не дышишь? — прошептал ей прямо в губы Андрей, и Анна едва сообразила, о чем он говорит, где они находятся, и кто вообще она такая. — Не надо... дыши, милая...

дыши...

И она попробовала сделать вдох и выдох во время поцелуя, как он сказал, с удивлением обнаруживая, что это возможно, что нет нужды таить дыхание, как она делала ранее. И тогда Андрей поцеловал ее по-иному, еще глубже. От этого поцелуя ноги вдруг стали ватными, захотелось прижаться к нему теснее, и она вдруг позволила это себе: обхватила руками его шею, запустила пальцы в его мягкие волосы.

— Моя милая, — прошептал Андрей ей прямо в губы, и она улыбнулась, чувствуя, как распирает грудь от счастья, вспыхнувшего в ней в тот миг, едва она увидела его голубые глаза. — Моя милая!

От этих простых слов, от его нежного шепота у Анны снова кругом пошла голова. Отчего, удивлялась она, отчего ей так хорошо, когда его руки легко гладят ее спину через ситец платья? Отчего ей так покойно ныне, когда он смотрит вот так ей в глаза?

— Простите мне мою вольность, — тихо проговорил Андрей позднее, выпуская ее из своих объятий, но не из рук — он не в силах был сейчас отпустить ее ладони, не в силах не целовать ее тонкие пальчики. — Я не должен был... не должен... Но я увидел вас там, понял, что вы пришли. Отчего вы пришли? Я позволил себе надеяться, что вы были там из-за моей скромной персоны, не из-за страха за поручика Бранова.

— Бранова? — воскликнула Анна с таким протестом, что Андрей не мог не улыбнуться, и она потупила глаза в смущении. — Вы правы, я пришла туда из-за... не из-за поручика. Отчего? Ну, отчего вы все же стрелялись? Ах, какое безрассудство! Что если бы...?

— Не может быть «что если бы», милая Анна Михайловна, — покачал головой Андрей, по-прежнему улыбаясь. Ему нравилось ее девичье смущение, ее растерянность, ее наивность. Перед ним ныне снова была та Анечка, которую он порой вспоминал в отъезде из этих мест. — Я всегда вижу все возможные риски, всегда пытаюсь увидеть финал дела.

— Все может знать только Господь Бог, — возразила Анна, а потом вдруг вздрогнула, когда до них донесся крик из парка — дворовые уже выходили на садовые работы, перекрикивались. Она оглянулась в сторону усадьбы, а потом с явным сожалением в глазах на Андрея. — Мне пора идти. Скоро меня хватятся в доме.

Она произнесла это, а сама молила отчего-то неслышно: «Задержи меня! Хоть на миг задержи подле себя!». И он услышал ее немой призыв — снова обнял, на этот раз приподняв с земли и поставив на поваленный ствол небольшой осины, упавшей еще зимой, не выдержавшей тяжелого снежного груза на своих ветвях. Теперь их лица были на одном уровне, и Анне не приходилось приподниматься на цыпочки, чтобы быть ближе к нему, подставляя губы. И снова мир заиграл другими красками, а птицы защибетали чуть приглушенно, но явно прекраснее, чем ранее.

— Всю жизнь! — Андрей целовал ее ладони, а она с улыбкой смотрела на него сверху вниз со своего места на возвышении. — Всю жизнь я бы провел с тобой вот так — в этой лесной тиши, под щебет птиц! Хотя нет... всей жизни будет мало, чтобы насладиться тобой, моя милая...

И сердце Анны пело в груди от счастья. О Боже, как же она жила ранее, не зная о том, как сладко может замирать сердце, как могут подгибаться ноги от легкого касания мужской руки, как может кругом идти голова! И он уже целует ее руки, вдруг мелькнуло в голове, заставляя вдруг вспомнить собственное тщеславие. Как она и пожелала когда-то...

— Я бы желал нынче же переговорить с вашим отцом, моя милая Анни, — проговорил Андрей, и Анна пошатнулась, едва не упала с бревна, на котором стояла от неожиданности

его слов. Они оба знали, о чем он говорит, и оба вдруг замерли от того, что сулит им будущее этим днем, какие перемены может принести.

А потом мелькнуло вдруг в голове Анны, что завтра аккурат выходит срок пари, и она не смогла сдержать торжествующей улыбки, скользнувшей на ее губы. Она всегда побеждала. Всегда получала желаемое. Всегда, n'est-ce pas? [199] Так и ныне вон вышло.

Андрей не мог не заметить этой насмешки, что всегда вызывала в нем глухую злость и раздражение. Снова вернулась Аннет на место той юной и наивной Анечки, что подставляла губы его губам, что так забавно не дышала по время их первых поцелуев. Что ж, он уже догадывался, что под этой красивой оболочкой скрываются сразу несколько образов Анны. Надо только найти подход, как научиться жить с тем, который явно не по сердцу ему, найти способ, как изгнать это высокомерие и тщеславие.

Но выносить вида этой усмешки он пока не мог — спрятал свое лицо в ее ладонях, словно пытаясь скрыться и от этой улыбки, и от осознания того, что он снова зависит от милости женщины, как бы ни отрицал подобное.

— Вы назвали меня Анни, — произнесла Анна, и ему пришлось поднять взгляд на ее лицо, чтобы понять, отчего она заговорила вдруг о том. Анна улыбалась, но уже по-иному: мягко и ласково, осветилось лицо светом, засверкали серые глаза. Нет, они у нее были не чистого серого оттенка, только ныне заметил он — смесь синего и серого, удивительное сочетание.

— Назвал. Вам не по нраву это имя?

— Непривычно, — смутилась Анна, но он видел по ее лицу, что она довольна этим ласковым обращением. — Меня еще никто не называл так, — и повторила, словно наслаждаясь его звучанием. — Анни... Анни...

Он не видел ее такой раньше, еще до момента, когда они прощались в оранжерее, потому надеялся, что только с ним Анна была такой — нежной, мягкой, юной и наивной девочкой, несмотря на свои годы. Потому она была для него Анни. Для всех она может быть и Аннет, и Анной Михайловной. Но для него и только для него она становилась Анни.

После Андрей с улыбкой наблюдал, как Анна удаляется от него, ступив на гравий залесной аллеи, в начало которой он проводил ее из леса, поглаживая нежно ее пальчики на сгибе своего локтя.

— Анни, — окликнул он ее тихонько. Она обернулась через плечо, взглянула лукаво. — Вы мне не дали ответа, моя милая. Так я приеду нынче днем к вашему папеньке с визитом?

— А разве вы не знаете мой ответ? — удивилась она несколько деланно. А потом вдруг закружилась по аллее, смеясь, оглянулась снова на него, обожгла счастливым взглядом из-под своих длинных ресниц. — Я буду считать каждую минуту до того, как рара позовет меня. И буду молиться о том, чтобы он понял, как нужно мне его согласие вам. Мой ответ — да! Да! Да! Разве может он быть иным?

И он не смог сдержаться — настиг Анну в три широких шага, подхватил на руки и закружил по аллее, чтобы она продолжала смеяться этим счастливым смехом, который ныне так грел его душу, оттаивавшую от наледи, заточившей ее на столь долгий срок. Впервые за эти годы он чувствовал себя так легко и свободно, впервые так часто улыбался. Эмоции, что плескались в душе, были и схожи, и в то же время так отличались от тех, которыми было переполнено его сердце тогда, несколько лет назад, когда он был готов идти за женщиной на край света, слепо закрыв глаза.

Да и Анна совсем не была похожа на юную Надин, думал Андрей, прислонясь к стволу

одной из лип аллеи, наблюдая, как удаляется от него тонкая фигурка в простеньком ситцевом платье и непокрытой головой, подставляя личико солнечным лучам, льющимся с неба. Загар удивительно был к лицу Анне, оттенял ее русые локоны, подчеркивал ее большие серо-голубые глаза. А потом вдруг понял, что вспоминая Надин, отчего-то видит перед собой лицо Анны. Дивно...

Андрей вернулся в Святогорское, когда уже засервировали для завтрака большой круглый стол на террасе — тетушка любила в летнюю солнечную пору трапезничать на свежем воздухе, утверждая, что вид залитого солнцем партера прогоняет прочь ее хандру. Носились за бабочками, заливисто лая, среди цветников маленькие болонки под тихий смех Марьи Афанасьевны. За ними спешили лакеи, зная, что если собачки убегут прочь с глаз графини, дворовых непременно накажут за это.

— Bonjour, ma tantine! ^[200] — Андрей склонился над сидящей тетушкой и троекратно расцеловал ту в обе щеки. Та же ответила ему поцелуем в лоб, пригладила растрепанные волосы, смахнула с мундира редкие травинки.

— Доброе-то оно, может, и доброе, — проворчала Марья Афанасьевна, проследила взглядом за Андреем, что обошел стол и склонился над рукой Марии, а потом занял свое привычное место. Взялась было за ложку, но отложила ее в сторону. — Куда катался так рано?

— На прогулку, ma tantine, — ответил Андрей и улыбнулся, заметив, как одна из болонок теткой ловко увернулась от рук ловящего ее лакея. — Утро отменное, скажу я вам. Прелесть что за утро!

Марья Афанасьевна чуть прищурила близорукие глаза, заметив эту улыбку.

— Слыхали, говорят, выстрелы поутру ранехонько со стороны луга, что у леса граничного, — не унималась она, а после сделала знак умолкнуть Марии, которая испуганно взглянула на ее племянника и открыла было рот, чтобы что-то сказать. — Не слышал часом?

— Стреляли, ma chere tantine, верно. Видно, на охоту кто вышел, — пожал плечами безмятежно Андрей. Марья Афанасьевна только губы поджала недовольно.

— Ну, лжешь-то кому, Andre? Мне ведь лжешь! Я ж вижу ясно то! Знаю, отчего стрельались, знаю! Ну, ладно бы гусар-то, шальная кровь! А ты-то что полез, Andre? — а потом снова шикнула на Машу, что снова попыталась что-то проговорить. — Душа моя, что с тобой? Не видишь, с Андреем говорю? Пожелаю тебя спросить — спрошу, а ныне будь любезна помолчать! Не думала, что скажу то, Andre, — снова повернулась графиня к племяннику, безмятежно поглощающему завтрак. — Не думала, что скажу, но мать твоя права — тебе бы жениться надобно. Надобно! И не будет тогда duel никаких из-за flirteuse blond cendré ^[201]. Ведь из-за того duel была, верно? Из-за этой особы!

— En voilà assez, Марья Афанасьевна! — вдруг отрывисто произнес Андрей, обращаясь к ней по имени, и графиня смолкла растерянно. Взглянула на него удивленно Мария, комкая лежащую на столе салфетку. — En voilà assez, je vous en prie ^[202]. В той стороне кто-то охотился и только. А коли слухи пойдут, то прошу вас: отвечайте всем любопытствующим именно так, пресекайте толки на самом корню.

— С чего это я должна делать это? — раздраженно ответила ему тетка, и он поднял взгляд на нее, долго смотрели друг другу в глаза через стол.

— Оттого, что я прошу вас о том, ma tantine, — тихо ответил он. — Оттого, что мне это важно, — а потом поманил к себе одного из лакеев, что чуть поодаль стояли. — Милейший, скажи, чтобы коляску заложили.

— O, il est impossible! [203] — прошептала едва слышно Мария, смятая салфетку, дергая на себя при том и скатерть. Задрожали бокалы с водой, стоявшие на столе, дернулась ваза с оранжерейными цветами, тихо брякнуло серебро о тарелки. Такие тихие, еле слышные уху звуки, в то время, как ее собственное сердце нынче расколосось на части так громко, что даже заложило в ушах. Нет, это невозможно, хотелось крикнуть ей, но Андрей все же говорил это, заставляя ее душу медленно каменеть.

— Я решил остепениться, *ma tantine*, как и твердила мне маменька устами Софи, как и повторяли мне вы. Но уж коли жениться *pour le profit de tout le monde* [204], так почему бы в это число персон не включить и себя? Моему глазу приятна внешность *mademoiselle* Шепелевой, а мое положение можно поправить за счет того приданого, что за ней даст *monsieur* Шепелев, по крайней мере, смею надеяться на это.

Снова задрожали бокалы и ваза, снова дернулась скатерть в руках Марии, но никто из сидящих за столом даже головы в ее сторону не повернул. Так и буравили взглядом друг друга тетка с племянником. А ее сердце рыдало в груди, билось, словно, пойманная птичка в силочку. Как это могло случиться? Когда? Или он, верно, делает предложение только из-за приданого? Из нужды, не по сердцу...

— Ты совершаешь ошибку, *Andre*, — глухо проговорила Марья Афанасьевна. — *Faute d'école* [205]. Опомнись! Одумайся! Вон Алевтина Афанасьевна писала ко мне, что есть на примете у нее...

— Я уже все решил, *ma tantine*, — коротко, но именно эта реплика, тон его голоса ясно сказала женщинам, что Андрея уже не переубедит ничто, никакие доводы рассудка.

— Что ж, — скривила губы графиня. — Езжай, пробуй убедить Михаила Львовича в достоинствах своей персоны в зятя его. Я же даже словечка не замолвлю за тебя в том, так и знай! Не думаю, что он распахнет для тебя отцовские объятия, скорее погонит вон, как сделала бы то я, будь я на его месте!

— Не думаю, что он сделает то, так сильно любя свою дочь. Ее выбор станет и его выбором, уверен в том. А что касается ее решения, то она его уже сделала.

— Думаешь, вскружил ей голову уже? Ну что ж! Что ж! — графиня недовольно отодвинула от себя и тарелку с кашей, и пару с кофе, который так любила пить по утрам, расплескав при том напиток на скатерть. — Отменное утро, отменное! Эй, там! Заложите скорее Андрею Павловичу коляску! Он же так спешит положить свою голову в удавку, что тянет себе сам на шею!

— *Excusez-moi!* [206] — Андрей поднялся на ноги, вышел вон из-за стола, зная, что вспыльчивая натура тетушки уже берет над благоразумностью верх, что скоро будет сказано то, что он с трудом сможет впоследствии ей простить и за что ей самой будет впоследствии стыдно и горько. Да и требовалось почистить мундир и запыхавшиеся сапоги для визита в соседнее Милорадово, привести себя в порядок. Но то настроение, с которым он возвращался в усадьбу нынче поутру, уже ушло. Снова ступила в душу прежняя тоска, словно словесная пощечина тетки привела его в чувство, вернуло столь привычное ему хладнокровие и некую отстраненность. То только к лучшему было — не стоило ехать к Шепелевым с эмоциями свойственными лишь глупой влюбленности.

А Марья Афанасьевна уже выплескивала свой гнев на окружающих, как обычно: разбранила лакеев, что по ее мнению, не слишком спешно прибирали безобразие на столе, помедлили заменить ей кофе, упустили одну из болонок в глубину парка, засмотревшись на

господскую ссору на террасе.

— Нет, тот ему откажет, — бубнила она себе под нос, зачем-то мешая ложечкой горячий кофе, совсем забыв про стакан холодной воды, что стоял рядом [207]. — Он ему откажет, ведь он понимает, что этот марьяж [208]... этот марьяж из ряда вон!

А потом вдруг затихла, задумалась. Неужто и правда откажет Андрею Шепелев? Неужто и вправду отвернет от дома ни с чем? Это ее-то Андрея? Пусть он не так красив, как могут быть красивы мужчины, вон как тот же братец Аннет, но зато вполне пригож и лицом, и статью, и вид его не так холоден и заносчив, как бывает у красавцев. Ведь недаром столько девиц вздыхало и вздыхает (да и к чему таить-то — будет вздыхать еще долго) по нему. Недаром вскружил голову этой красавице уезда, держащих своих воздыхателей на долгом поводке.

И пусть Андрей не богат, как этот князь Чаговский-Вольный, что мрачной тенью кружил над mademoiselle Шепелевой нынешней зимой. Но зато уж выкупил из двойного заклада одно имение и, Бог даст, выщарапает из опекунского совета второе. А там уж и ее к себе Господь приберет, тогда вовсе Андрей станет побогаче самого Шепелева. Пусть подумает Михаил Львович о том, пусть подумает!

Ох, и отчего только этот князь предложение не сделал зимой?! Да только вряд ли приняла бы его Анна Михайловна — Марья Афанасьевна давно заметила, как у той глаза горят, как сразу она находит взглядом Андрея... Ох, и дурно то, дурно! Рано еще, ой, как рано...!

— Я прошу вас! — вдруг тихо прошелестел шелк подле графини, и той пришлось очнуться от своих раздумий, взглянуть на Марию, которая бросилась на колени перед Марьей Афанасьевной, сжала ее руки с силой, аж поморщилась графиня. — Я прошу вас!

Слезы стояли в горле комком, душили ее ныне. Как ей пережить, если Андрей женится на этой холодной и высокомерной соседке графини? Пусть та забирает себе кого угодно в свои ручки, только не его! Она не стоит даже мизинца Андрея, только вывернет его душу, никогда не станет той женой, которую Маша желала бы ему. Эта мерзавка никогда не станет ею, Машей! Никогда не полюбит его, как любит она! Она пережила бы, если бы Андрей Павлович женился на невесте из Москвы или губернии, но только не она, не Аннет! Кто угодно!

— Я прошу вас, прошу вас, Марья Афанасьевна, — Маша горячо шептала, сбивалась в словах, пытаясь донести до графини причины, отчего ей стоит встать против этого брака. — Прощу вас — остановите его! Он не понимает... не понимает!

— Vous auriez avantage à vous taire [209], - холодно произнесла графиня, взирая с высоты на слезы своей подопечной, на ее вмиг опухшие глаза. Не стоит женщине использовать слезы, как оружие, коли становится так дурна!

— Вы не понимаете! — плакала Мария, сжимая ее ладони. Графиня высвободила из ее хватки руку, достала из рукава тонкий платок и подала ей со вздохом.

— Это вы не понимаете, мое дитя, — устало проговорила она. — Что толку лить слезы нынче, когда еще ничего не решено. Кто ведает, быть может, Михаил Львович и откажет Андрею Павловичу в его намерениях?

— Вы же знаете... знаете, что Андрей прав. Что monsieur Шепелев поступит согласно воле своей дочери, а она уже пожелала... она желает видеть его подле себя... у ног своих и только! — Мария не смогла договорить, захлебнулась слезами, пряча лицо в подоле платья графини, ища ту поддержку, что получила бы от матери. Будь ей графиня матерью, разве

погладила бы она только просто и ласково по аккуратно уложенным локонам, разве только проговорила бы мягко то, что сказала графиня?

— Моя душенька, мой тебе совет — забудь о том, что шепчет неразумное сердце, что оно требует. Я ныне ясно вижу, что совершила ошибку, позволив тебе остаться в деревне, поддавшись твоим уговорам не ехать с мужем. Не со мной ты желала остаться подле, его ты желала увидеть, Андрея Павловича, *n'est-ce pas*? Бедное мое дитя! Я думала, что ты только влюблена в него, а ты... Он не ответит на твои чувства, душа моя. Никогда! Оленины, коли любят, то сразу, будто в омут с головой. Уж поверь мне! Раз в душу не попала Андрею Павловичу тут же, то и ждать не стоит. Оттого и развести я пыталась вас, как могла. От греха подальше. Потому, если что и будет, то никак не любовь с его стороны, — графиня покачала головой, прикусывая нижнюю губу, снова погладила плачущую Машу по каштановым кудрям. — Да, падают-то Оленины в любовь быстро, а вот выпутываются из нее долго и мучительно...

— Но ведь все-таки забывают...? — подняла Мария взгляд, полный надежды, на графиню. Та только головой покачала — это ж надо, а ведь действительно любит...! А потом до них донеслись через распахнутые настежь окна едва слышные голоса из передней дома, и Маша вдруг одним рывком вскочила на ноги, бросилась прочь с террасы, сама не понимая, зачем бежит туда. Только одна мысль билась в ее голове: «Остановить! Остановить, пока не поздно!».

Она опоздала, запутавшись в длинном подоле платья, едва не порвав шелк. Едва она выбежала в переднюю, увидела, как затворяет двери швейцар графини, расслышала шум колес по гравии, которым была посыпана подъездная дорога. Опоздала! Мария медленно развернулась от удивленного швейцара и пошла через анфиладу комнат, не видя и не слыша ничего кругом. А потом тихо опустилась на пол в одной из них, разрыдалась, прижимая ладонь ко рту, закричала в голос, выпуская в этом крике ту боль, что рвала ей сердце ныне. Он все-таки уехал! Он все-таки сделает то, о чем говорил! Ну, отчего именно она?!

А Андрей даже не догадывался о той драме, что разыгралась по его вине в Святогорском. Нельзя было сказать, что он не замечал чувств Марии, но, как и его тетка, полагал, что это просто наивная девичья влюбленность, которая свойственна всем девицам в ее возрасте. Ее легкий флирт, ее игривость он пытался свести на более безопасную почву, чувствуя некоторую неловкость, что это происходит на глазах тетки. Нет, конечно, Мария была привлекательной юной особой, а замужество только разбудило в ней чувственность, позволило ей открыть те грани своей красоты, что были скрыты за девичьими нарядами и поведением. И будь они не в Святогорском, кто знает... кто знает...

Андрей ехал вдоль широкого луга с выглядывающими из зелени травы разноцветными головками полевых цветов и вспоминал, как несколько лет назад шел через схожий по краскам лета луг в соседнее имение с той же самой целью, с которой ехал ныне в Милорадово. До безумия, до дрожи в коленях влюбленный восемнадцатилетний юноша, едва-едва начавший брить лицо. Он шел к соседям просить руки их дочери Наденьки, в которую был влюблен вот уже год на тот день, шел и чувствовал, как сладко замирает сердце в предвкушении, как потеют от волнения ладони, как дрожат пальцы мелкой дрожью. Этого волнения, что тревожило его почти десять лет назад, ныне совсем не было. Словно с обычным визитом едет, отметил с удивлением Андрей, когда замелькали по обе стороны подъездной аллеи усадьбы темные стволы деревьев на фоне летней зелени.

Через распахнутые настежь окна усадебного дома доносился звук клавикордов и

девичий голос, старательно выводящий строки романса. Где-то в парке по правую руку от подъезда кто-то тихо смеялся, верно, дворовые за работой. Только эти звуки и разрывали тишину в этот летний солнечный полдень. Легкий ветерок пробежался по кронам деревьев, коснулся играючи занавесей в распахнутых окнах, ласково взлохматил волосы на непокрытой голове Андрея. Тот пригладил их рукой, спрыгнув на гравий подъездной площадки, взбежал по ступеням крыльца, без особых раздумий шагнул в распахнувшиеся перед ним двери дома.

— Я бы желал видеть Михаила Львовича, — проговорил он поклонившемуся лакею, и тот тут же шагнул за двери в правое крыло дома, торопясь найти хозяина. Швейцар же принял головной убор Андрея и угодливо склонился перед ним в очередной раз.

Где-то на втором этаже раздался тихий шорох, прямо над их головами, на лестнице, и Андрей обернулся, успел заметить светлое платье и аккуратно причесанную голову Анны прежде, чем она присела за балюстраду, скрылась из вида за одним из высоких вазонов. Дитя, сущее дитя, не мог не улыбнуться Андрей, чувствуя, как снова вспыхивает в душе то самое тепло, что грело его нынче утром.

— Михаил Львович готов принять вас, — привлек его внимание на себя вернувшийся лакей. — Прошу за мной-с.

Андрей снова улыбнулся, уже вверх, балюстраде, за которой, как он знал, пряталась от лишних взглядов Анна, а потом повернулся к лакею и по его знаку смело ступил в анфиладу комнат, что вели к кабинету хозяина дома.

Солнечный летний полдень. Ясное небо без единого даже самого маленького облачка над изумрудным простором парка. Хрупкие девичьи фигурки в летних светлых платьях и аккуратных шляпках из соломки, отличающиеся лишь цветами широких лент, высокие и темные силуэты мужчин через тонкую ткань эшарпа, что повязали ему на глаза.

— Ici! Venez ici! Ici! ^[210] — манили голоса, высокие и тонкие, грубые и низкие. — Ici!

Андрей замер на миг, а потом пошел в нужную ему сторону, расставив руки в стороны, чтобы сразу поймать шалуню, что вовлекла его в эту детскую забаву, пообещав ускользнуть от зорких глаз мадам Элизы в глубину парка позднее. Он ясно различал ее голос, ее тихий лукавый смех и даже, он готов был поклясться в том, шелест ее платья. Он видел, как она медленно отступает от него, направляя ее в сторону лип и широких кустов сирени, чтобы ей некуда было бежать от него, загонял ее в ловушку.

Хлопнул громко над ухом кто-то из мужчин, скорее всего, господин Павлишин, надеясь отвлечь Андрея от его цели, спасти свою Музу, но он даже не повернулся в его сторону. Мелькнул перед руками самым женский силуэт, словно пытался сам скользнуть в его руки. Андрей распознал по темному платью Марию, легко обогнул ее, делая вид, что резко поменял направление, а потом снова продолжил путь к своей цели.

— Я вас поймал, — сказал Андрей громко, чтобы слышали остальные, когда в его руках оказался тонкий стан, и тихо добавил для нее одной. — Анни.

— Pas possible?! ^[211] — раздался резкий ответ с коротким грубым хохотком. Андрей сдернул с глаз эшарп, чтобы взглянуть на нее, удивленный ее возгласом. Под его руками отчего-то была парковая обманка ^[212] — искусно разрисованная женщина в летнем платье и шляпке, украшенной цветами, с широким бантом под подбородком. Он хотел уж сказать Анне многое, что думает об этом глупом розыгрыше, но ее не было рядом. И в пределах его взгляда тоже не было. Как и остальных. Он был в парке совершенно один...

— Pas possible?! — снова прозвучало едко, чуть ли не в самом ухе, и Андрей проснулся резко, будто кто-то вырвал его из этого ночного морока этим громким возгласом. Но в комнате было тихо, только где-то вдалеке слышался лай собак, спущенных на ночь по периметру усадьбы, и раздавался храп Прошки, спавшего на топчане в соседней гардеробной.

Как Андрей ни вертелся на сбитых от беспокойного сна простынях, как ни пытался снова закрыть глаза и заснуть, ночной покой к нему так и не вернулся. Быть может, это было из-за духоты, стоявшей в последние ночи, или из-за неясного беспокойства, что вдруг вспыхнуло в душе отголоском этого странного сна. Спустя время ему пришлось оставить бесплодные попытки, подняться с постели, отдаваясь на милость своей нежданной гостьи — бессонницы. Андрей не стал будить Прошку, а сам плотно набил табаком трубку и медленно раскурил, наслаждаясь ароматом отменного товара английской лавки на Кузнецком мосту, встал у распахнутого в сад окна, с удовольствием подставляя обнаженные плечи ночной прохладе.

Андрей и сам бы не сумел объяснить себе причины того странного беспокойства, что ныне сдавило слегка сердце, тревожило голову. Причин для того ведь не было никаких. Визит к Михаилу Львовичу окончился именно так, как и предполагал Андрей: тот встретил его любезно, молча выслушал его краткую тираду, только кивнул в ответ коротко, прося

подождать, пока переговорит с дочерью.

— Простите меня, Андрей Павлович, — сказал Шепелев. — Станете отцом — поймете меня. Прежде чем дать вам ответ, мне надобно переговорить с Анной Михайловной.

Андрея провели в соседнюю библиотеку, плотно затворив двери в кабинет, куда, как он подозревал, тут же кликнули Анну. Он не стал прислушиваться к тому, что творилось ныне в кабинете, хотя и мог, подойдя к открытому окну. Подошел к полкам, взял одну из книг в синем бархатном переплете и только тут вдруг заметил, как дрожат пальцы, перелистывая страницы. Значит, не так хладнокровен, как пытаюсь казаться, усмехнулся Андрей.

Потом распахнул двери в кабинет лакей, склоняя вежливо голову, и Андрей повернулся, взглянул через проем внутрь комнаты, где, не скрывая своей радости, стояла Анна, ухватившись за спинку одного из кресел. Только ее сияющие глаза и видел он, когда шел в кабинет, с трудом заставил себя отвести взгляд от ее лица и посмотреть на улыбающегося Михаила Львовича.

— Я с большим удовольствием имею честь дать вам свое отеческое благословение на союз с моей дочерью, Андрей Павлович, — Шепелев взял руку Анны и вложил ее пальчики в широкую ладонь Оленина, снова широко улыбнулся, когда Андрей тут же поднес их к своим губам. Анна же смущалась, отводила глаза и от радостного отца, и от теперь уже жениха, что смотрел на нее так пристально. Покраснела, когда отец громко крикнул принести в кабинет бутылку шампанского и бокалы, сетуя, что Петр Михайлович уехал в Гжатск по делам, стал поздравлять их чересчур шумно по ее мнению.

А затем вдруг Анна нахмурилась, когда Андрей, отвечая на вопрос Шепелева о предполагаемой дате венчания, заявил категорично:

— На Рождество, полагаю, не позже.

— О, non! — запальчиво возразила она. Две тонкие полоски недовольства пролегли на ее лобике между изгибами тонких бровей. — Нет, папенька, только не Рождество! Не зима!

Михаил Львович взглянул растерянно на Андрея, умоляя своим взором уступить невесте, тому пришлось перенести дату.

— Тогда на Красную Горку, согласно обычаем.

— О нет, — покачала снова головой Анна, а потом резко поднялась с кресла по соседству с Андреем, подошла к отцу и положила ладони тому на плечи. — Я желала бы летнее венчание, когда сама природа в праздничном уборе, когда нет слякоти и бездорожья. На день моего рождения, *pas vrai, para* [\[213\]](#))?

— О том просить надо не меня, душа моя, — уклончиво ответил Михаил Львович, взглядом прося снова Андрея согласиться с его дочерью. — Андрея Павловича проси о том.

— Andre? — Анна резко распрямила спину, встала за спинкой кресла отца, словно проглотив кочергу. Он видел, как отчаянно она желает, чтобы он и в этот раз уступил ей. И он уступил: желает летнее венчание — пусть будет лето. Михаил Львович, словно почувствовав его недовольство, быстро заговорил о приготовлениях к свадьбе, о подготовке бумаг, о назначении встречи с поверенными. И о вечере, что надо бы дать в честь помолвки.

— Быть может, не *soirée en l'honneur de accordailles* [\[214\]](#), а скромный ужин нынче вечером? — предложил Андрей. — Тогда и огласить могли бы после завтрашней службы.

— Нет! — снова запальчиво возразила Анна. — Так не надо! Не надо! Мы не можем огласить о помолвке завтра, никак не можем. Еще не получено разрешение из полка Андрея Павловича. Покамест следует переждать. Как получим разрешение, так отец Иоанн и огласит о венчании с амвона.

Андрей прикрыл на миг глаза, чтобы скрыть от отца и дочери Шепелевых свою злость. Ему это слишком напоминало те дни, когда его помолвка Надин состоялась только на словах.

И Надин, и ее родители приняли тогда его предложение с радостью, ведь на их глазах открыто разворачивалась история любви Андрея и их дочери — взгляды украдкой, неловкие касания друг друга словно невзначай, прогулки и катания в лодке на местном озере. Ни для кого не было секретом, что когда влюбленным минет подходящий для брака возраст, об их предстоящем союзе объявят с амвона местного храма.

Но неожиданно захворала мать Надин, и оглашение отложили до дня ее выздоровления. А после пришло письмо от Марьи Афанасьевны, в котором та сообщала, что добилась зачисления Андрея в Кавалергардский полк. Пусть солдатом, как положено, но дворяне быстро получали звания в гвардии. «И думать медлить нельзя», убеждала она Андрея, и его родителей. Да и никто особо не был против этого зачисления — для Андрея, младшего сына московского дворянина, за счастье было такое начало службы. Даже Борис не сумел попасть в гвардию, служил в армейском полку в Петербурге.

Для вступления в брак отныне требовалось разрешение командира эскадрона, тот же отписал в ответ, что рекомендует Андрею прибыть к месту службы и только со временем решить этот вопрос. Да и запрещено было солдатам вступать в брак, коим был зачислен молодой Оленин в полк. «Получите офицерское звание», рекомендовал ротмистр.

Андрей уехал тогда в Петербург едва ли не плача от разочарования и собственного бессилия. Ему казалось, что неспроста совсем была отложена помолвка, как ни убеждали его в обратном родители Надин и его собственные, как ни успокаивала его сама Надин.

— Езжай, мое сердце, с покойной душой, — целовала она его в щеки и в лоб, приговаривая. — Подумать только — Петербург! Петербург, mon coeur! От такого разве можно отказ дать?

Он отслужил солдатом шесть дней, а после был переведен в унтер-офицеры и начал свой скорый путь вверх по служебной лестнице: из унтеров в юнкера через пару месяцев, в кампанию 1805 года ушел уже корнетом, стремясь, как можно скорее выслужить себе привилегию вступить в брак. И в то же время видел, как тают день от дня его надежды на скорое венчание с Надин.

Кавалергарды были самым привилегированным полком Петербурга, наиболее приближенным ко двору. Говорили офицеры даже меж собой только по-французски, частенько пренебрегая русским, от них требовалось неукоснительное знание придворных обычаев и этикета, отчего Андрею, воспитанному в деревне, пришлось помимо изучения строевой службы повторять когда-то заученные основы в перерывах между караулами, разъездами и, как ему казалось, бесконечными смотрами и парадными.

Обмундирование у офицеров полка было особое — с золотом эполет и пуговиц, с дорогим английским сукном мундиров. Перчатки из тончайшей лайки. Лошадей требовалось иметь минимум двух и только дорогих и породистых. Да и гуляли кавалергарды, в коих ходили в основном представители знатных фамилий империи, только с шиком, на широкую ногу. Если и трактир, а не модная только открывшая свои двери для посетителей ресторация, то не немецкий, как у армейских офицеров, а самый лучший — Демотов [\[215\]](#). Если девицы, то только худенькие модистки-француженки, а не полные немки, служанки трактиров и бюргеров слободы. Если и выходы в свет, то только в лучшие дома Петербурга. Если волокитство, то только за первыми красавицами столицы.

Все это требовало средств и немалых. Андрей уже отчетливо понимал, отчего в полках гвардии ходили негласные приказы, запрещающие младшим офицерам вступать в брак. Прожить на жалование и одному было невозможно, не говоря уже об аренде квартиры и остальном.

А привести Надин, его хрупкую Надин, в одну из душных комнат казарм подобно другим женатым офицерам он не мог позволить себе. И жить после только на милости тетки, оплачивающей его нужды в Петербурге, поспособствовавшей ему экипироваться для похода в Австрию, тоже не мог. Оставалось только писать письма Надин каждые три дня и просить подождать. «Самое большое год, *ma chere Nadine*», обещал он.

А потом наступил 1805 год и та провальная, по мнению многих офицеров гвардии и армии, кампания в Австрии. И Аустерлицкое сражение, в котором Андрей едва не лишился глаза, а то и жизни, и после которого не досчитался почти всех товарищей по полку — часть попала в плен к французам, многие навсегда остались на австрийском поле. Он возвращался в Россию уже поручиком с золотым наградным оружием и орденом в петлице. Возвращался Андрей, окрыленный обещанием своего командира о разрешении на брак, еще не зная, что оно ему уже вовсе ненадобно. Нет, отсрочки определенно не несли с собой ничего доброго!

— Когда же вы желаете огласить? — спросил Андрей Анну, с трудом скрывая свою злость на нее за подобные проволочки, которые та намеренно создавала отчего-то.

— Ах, к чему торопиться! — рассмеялась искусственно та, склонилась к отцу и ласково провела того по плечу. — Торопиться не стоит вовсе. Получите разрешение на брак, а еще благословение вашей матушки, тогда и будем думать об оглашении. Верно, я говорю, папенька?

— Полагаю, верно, моя разумница, — Михаил Львович ласково потрепал ее руку на своем плече. — Анна Михайловна права, Андрей Павлович. Вот получим разрешение и благословение вашей матушки, так и в храм пойдем.

Анна отвергла и предложение отца позвать домашних, чтобы рассказать им о предстоящем событии. Мол, Петра нет дома, а ей хотелось бы, чтобы он в числе первых узнал. Вот воротится из Гжатска, так сразу и объявим всем, улыбалась она, но Андрей видел ясно, как она сжимает в волнении руки, как чересчур старается убедить в своей правоте остальных. Да, по ее словам выходило все гладко и разумно, но отчего ему казалось, что что-то нечисто тут, неискренне? Отчего он вдруг стал подозревать за этой дивной улыбкой какой-то неведомый ему пока замысел? Оттого, что всегда знал, что под этим дивным лицом ангела может скрываться далеко не ангельская натура?

Андрей хотел расспросить ее о причинах подобной отсрочки, и они должны быть весьма серьезными, по его мнению, чтобы он мог понять и принять происходящее безропотно, не настаивал позднее на перемене этого решения. Но потом им позволили уйти на прогулку в парк в сопровождении старенькой нянечки, как потребовала капризно Анна, зная, что Пантелеевна не сможет так зорко наблюдать за ними, как делала бы это мадам. И они пошли по аллеям парка под руку — медленно и степенно, чтобы не отставала от них нянька, не теряла их из вида. Вроде бы и нареченные, а вроде бы и нет...

Скрывшись в тишине одной из отдаленных от дома аллей, Анна вдруг остановилась, с улыбкой взглянула на Андрея и, отпустив его локоть, вдруг вернулась назад, к няне.

— Посиди-ка на скамье, милая няня, — она подвела Пантелеевну за руку к мраморной скамье, тепло нагретой солнечными лучами, что без особого труда пробивались через крону стоявшего возле дерева. — Ты, верно, устала идти, отдохни. А мы с Андреем Павловичем тут

неподалеку постоим, вон там, на лужайке у женской фигуры.

Пантелеевна оглянулась за спинку скамьи, взглянула на статую, стоящую поодаль.

— За чубушником что ль? Нет, душенька моя, не позволю! С мужчиной да скрываться с глаз, слыхано ли? Ты чего это, срамоту разводить удумала?

— Ты бы язык придержала, Пантелеевна, — резко оборвала ее Анна, а потом улыбнулась вдруг. — Не с абы каким мужчиной, как ты скажешь. Сговорены мы с Андреем Павловичем. С этого дня и сговорены.

— Сговорены? — няня долго и внимательно смотрела в лицо Анны, а потом резко привлекла ее к себе, поцеловала в лоб. — Ох, душа моя, ох светик ты мой! Ну, иди тогда, что ж я не разумею? Но как крикну, так тут же воротаешься, поняла? Ведаю я, чего им надобно, мужчинам.

— И что им надобно? — переспросила Анна шутливо, но все же с любопытством в голосе, и нянька легонько стукнула ее по плечу.

— А ничего! Опосля сама проведаешь о том. И смотри у меня, душа моя, — для поцелуя только лоб и щеки подставляй, ясно?

Конечно же, Анна пообещала, скрещивая за складками подола пальцы. Ей так хотелось побыть хотя бы пару минут наедине с Андреем, что она пообещала бы ныне весь свет за это.

Андрей не сказал ни слова, когда она повернула его ступить с гравия аллеи на изумрудную зелень газона. Как молчал все это время, что они шли по парку. Анна знала, что он зол на нее, что ему не по душе отчего-то ее поведение, и вдруг испугалась, что он переменит свое решение, возьмет свое слово назад. Оттого и спросила, едва они остановились за чубушником:

— Вы... вы переменились ко мне, Андрей Павлович? — он не смог не взглянуть на нее недовольно. — Вы злы на меня. Отчего?

— Вы желаете стать моей женой, Анна? — последовал вопрос, и она улыбнулась ему, как улыбаются ребенку, сказавшему глупость, коснулась его щеки ладонью, лаская.

— *Bien sûr* ^[216], хочу стать вашей женой! Только вашей! Вашей!

И Андрей снова потерял голову от ее горячего шепота, от этих тонких пальчиков на своей щеке, от вкуса ее губ, которые Анна подставила ему, едва заметила, как он стал склоняться к ее лицу. В конце концов, он позднее сделает все, чтобы она переменяла свое решение о столь долгом ожидании дня их свадьбы. По крайней мере, оглашение должно состояться еще до его отъезда в Вильну в следующую пятницу. Так и будет!

— Мне не нравится эта медлительность с оглашением! — заявила графиня, едва Андрей рассказал той о своем визите к соседям, вернувшись из Милорадово. Она приняла его в своем будуаре, отослав всех девушек прочь. Марии с ней не было. — Не по нраву мне то совсем!

Она недовольно поджала губы, забывая, что еще недавно желала, чтобы этой свадьбы не было вовсе, чтобы Андрей получил отказ. Что это с Анной? Что с ее разумом? Странно все это!

— Будто и не торопится с тобой под венец, — заметила Марья Афанасьевна, озвучивая ту самую мысль, которую так настойчиво гнал от себя Андрей.

— Зато я туда спешу, *ma tantine*. Оттого и ей придется перемениться!

— Волоком что ль под венец потащишь, коли не так будет? — усмехнулась графиня.

— Понадобится — потащу! — и Марья Афанасьевна только ныне заметила, как он зол, как ходит желваки на его лице. Покачала головой удрученно.

— Отчего ты уперся, аки баран в ворота? Отчего, mon cher? Столько девиц кругом — любую выбирай. Нет, тебе же ту подавай, чтобы душу вывернула из груди! Ни одно ее имение в приданом не стоит того, что принесет тебе этот поспешный брак. Желаете ее получить — женись, но не скоро, подожди с венчанием. Год, два! Она еще взбалмошна и упряма, переменчива в своих предпочтениях, нет в ней покамест разумности, а ты... Ты, mon cher Andre, не умеешь прощать. Не умеешь того, не спорь даже! Ко мне Надин писала... плакалась...

Андрей резко поднялся с места, едва не опрокинув стул, на котором сидел. Отошел от тетки к окну, стал наблюдать за закатом, чьи ярко-розовые тона уже окрасили небосвод вдали над кронами парковых деревьев.

— Надеюсь, ma tante, вы не будете мне читать нотаций о том, как следует вести себя beau-frère [217] добропорядочному. Я не оставил ее после смерти брата, ей есть, где жить и на что. А то, что... я не обязан питать к ней чувств никаких. И не питаю. Она жаловалась на мой холод, c'est vrai [218]? Надин уже писала о том и к маменьке, совсем позабыв, что та клянет ее на все лады за смерть Бориса. И к Софи о том же. Та уже выговаривала мне, что я чересчур строг и холоден к pauvrete Nadine [219]. Но Надин забыла, что то тепло, которое было в моей душе к ней, она сама растратила когда-то. Да не вы ли когда-то с холодной были к ней? Отчего такое расположение ныне?

— Вот о чем и речь! Я могу простить тех, кто слаб, кто уже наказан судьбой за свои грехи. Ты же — нет! Не умеешь, — графиня снова покачала головой, а потом поспешила переменить тему разговора. — Когда о приданом речь вести будете? Я бы желала быть при том.

— Следующего дня, после полудня. Приедет поверенный Шепелевых из Гжатска и управитель-немец. Буду рад, коли составите мне компанию, — но графиня видела по его глазам, что его ничуть не заботит вопросы приданого, что дадут за невестой. Другие мысли ходят в его голове, совсем другие.

Они недолго говорили о том, что может дать за дочерью Шепелев. Разговор вскоре перешел на письма к матери и к полковнику за разрешением на брак.

— Карл Карлович [220] не откажет мне, — проговорил Андрей, хорошо зная нрав барона, стоявшего во главе полка. Позволил же тот ему задержаться на пару месяцев из отпуска. — Так что можно огласить и до получения письма от него. Эту проволочку я не потерплю.

— А что скажет твоя маменька, Андрей, на этот брак, хотела бы я знать, — задумчиво произнесла графиня, а тот только криво усмехнулся.

— Ничего не скажет. Вы же знаете, ma tante, моя мать не разговаривает со мной уже более двух лет. А не послушать слов, сказанных мне сестрой, пусть даже переданные из уст матери, я имею полное право. Или вы думаете иначе?

Нет, графиня так не думала. Она вообще была до крайности души огорчена этой неприятной ситуацией в семье, когда мать за столько лет не сказала ни слова сыну, ни строчки не написала в письме. Настанет день, и Алевтина Афанасьевна непременно пожалует о том, графиня была убеждена в этом. И очень жалела, что так рано ушел от них Павел Петрович, единственный кто сумел бы сдержать норы ее сестры. Ах, милый Поль, погрустнела она, милый Поль...

А потом снова завели разговоры об имениях и оброках, которые определил для своих крестьян Андрей, обсудили недавно введенный подушный налог, вызвавший столько

возмущения у помещиков, и графиня снова заговорила о возможном приданом:

— Ты слишком рано просил руки, mon Andre, — корила она, глядя спинку болонки, лежащей у нее на коленях. — Слишком рано. У меня вызывают беспокойство те траты, которые терпел господин Шепелев последние годы. Я доподлинно знаю персон, коих должность предводителя привела к финансовому краху. Все эти праздники, балы, рауты, базары да благие дела... И неизвестно, как там поживал в Москве Петр Михайлович. Я слыхала, он изрядный любитель азарта. Не проведал ничего, пока в Москве проездом был, о том?

— Я не собираю толки, ma tantine, — проговорил медленно Андрей. — И мне нет никакого дела до чужой азартности.

— Ты снова в обиде на меня, mon cher? — взглянула на него через лорнет Марья Афанасьевна. Он стоял в тени, что вползла в дом с летним вечером, лицо скрытно от нее глаз, что только раздосадовало ее. — Аль все за утро обиду держишь? Ну, прости за слова те меня, грешную. Знаешь, как горяча, как язык мой неудержим. Коли желаешь ступить под венец именно с Анной Михайловной, за тобой буду, подсоблю всем, чем сумею. Хоть и против я того... против!

— Благодарю вас, ma tantine, — Андрей шагнул из своего укромного угла к ней, склонился над ее рукой, обтянутой кружевом митенки. Графиня же только потрепала его светло-русые волосы, дернула легко, словно наказывая за этот неверный, по ее мнению, шаг, на который он решился.

После разговора тетушкой и последующего ужина, за которым обсуждали вероятность войны с Наполеоном и возможный срок размещения полка Андрея в Вильне, он долго не мог уснуть из-за странной смеси тоски и какого-то худого предчувствия, что заползли в душу. А имя Надин снова вернуло ворох воспоминаний, напомнило о давно минувших днях. Оттого и никак не мог выбросить из головы некое сходство своего прошлого с настоящим.

А затем пришел этот сон с «обманкой». Неужто снова в руках его совсем не то, что кажется? Неужто снова пустые надежды тешит, строит никогда не свершившиеся планы? Отчего так страшится Анна даже не венчания, а просто оглашения о предстоящем браке? Что ее так пугает?

Андрей до самого рассвета размышлял о том, как ему следует поступить ныне, что предстоит сделать за такой короткий срок — седмицу, чтобы переломить это глупое упрямство невесты, причины которого он, как ни силился, не мог понять. Оглашение должно быть еще до следующей воскресной службы. А еще лучше — обручение. Чтобы он с покойной душой и сердцем уехал в Вильну в свой полк. А там и война с Наполеоном, неминуемая гроза которой висела над страной последний год, не так страшна ему...

На следующий день после завтрака заложили коляску, чтобы ехать в Милорадово на встречу с Михаилом Львовичем. Но Андрей вдруг решительно отказался занять место в экипаже, сказал тетушке, что лучше прогуляется в этот погожий солнечный день. Ему вдруг захотелось пройти через тот самый лес, в котором еще вчера он был так уверен в происходящем, так уверен в ней, своей милой Анни.

Марья Афанасьевна не стала уговаривать его, даже слова не сказала. Только взяла с него обещание, что Андрей не задержится, что будет скоро в Милорадово, не заставит себя долго ждать. Он пообещал ей, помогая занять место в коляске, целуя на прощание руку, которая как обычно, наградила его мимолетной лаской, коснувшись щеки.

Как все любопытно складывается, думал Андрей, аккуратно ступая по лесной тропе, на

которой еще недавно догонял бежавшую от него Анну. Еще в прошлом году он даже подумать не мог о том, что настанет день, когда он будет готов обдумывать день своего венчания, представлять подле себя женщину. И даже тот тихий семейный быт, который так любили высмеивать холостые офицеры — «шляфрок и колпак на растрепанных кудрях, жена в капоте да чепце подле за кофеем и сдобой, орущие в мезонине дети», ныне отчего-то казался скорее раем, чем адом, от которого бежали в молодых годах, как черт от ладана. Лишь бы все свершилось. Хотя надо было отметить, что гораздо приятнее было представлять супружескую спальню, чем утреннюю трапезу. И то, как она будет замирать под его руками, как замирала в первый миг поцелуя... ее нежную кожу, ее губы... ее широко распахнутые глаза, подернутые дымкой желания...

В парке Милорадово, куда Андрей вскоре ступил из леса, уже ставшая привычной тишина тут же ушла. Где-то стучали молотками дворовые, ремонтируя покосившуюся за зиму беседку у пруда, а справа от залесной аллеи отчетливо слышались редкие выстрелы. Андрей на миг помедлил, а потом свернул в ту сторону, решив, что это Шепелев развлекается стрельбой в этот солнечный полдень, забыв о назначенной встрече.

Но это был не Михаил Львович, а его сын. Невысокий коренастый слуга, видно, ег денщик, стоял подле него и подбрасывал вверх щербатую тарелку, которую брал из стопки у своих ног. Петр же тут же вскидывал ружье и стрелял по мишени в воздухе. Он стоял к Андрею нынче боком и по его резким движениям, по недовольно поджатым губам и хмурому выражению лица Оленин понял, что тот не в духе. Он уже выходил из-за аккуратно постриженных кустов, которые отгораживали лужайку, выбранную для импровизированного тира, от аллей, как вдруг расслышал в звенящей тишине, установившейся после очередного выстрела, собственное имя. Тут же замер на месте непроизвольно, прислушался.

— ... сдался! Гляди ж ты, сдался! Даром я на него ставил, Лешка. Даром! И этот растаял, как снежная фигура, как только в очи ее глянул. Думал я, дольше протянет, а не нет — пала крепость, обвалилась без единого залпа! *Diable! Diable! Diable!* [221] Кто ж знал, что она выиграет это *pari stupide* [222]! Ну же! Бросай!

И снова полетела тарелка в воздух. И снова громкий выстрел, от которого на миг закладывает уши.

— *Merde alors* [223]! Ума не приложу, что нынче делать. Да и что за игра ведется! — Петр не мог не поморщиться недовольно. — Ведь согласие дала. Отчего? Зачем? Спрашиваю — только улыбается с загадкой в глазах. Поди, разгадай, что удумала!

— Знать, дела не будет? — спросил Лешка, и Петр задумался на миг, а потом тряхнул головой, словно мысли сбрасывал из нее дурные.

— Будет дело, будет! Я ж вижу по ней, что игра у нее своя. Знать, крепка ее обида за то, что творил тогда кавалергард. *La vengeance est un plat qui se mange froid* [224]. С мстью торопиться не стоит. Сказала, будет у ее ног ползать, вот и ползает голубчик... Бросай!

Фюить — полетела тарелка в воздух, и Петр резко вскинул ружье, но промахнулся, упустил мишень, отчего только крякнул раздосадовано.

— Вот поиграет с седмицу, полагаю, проводит Оленина в полк, а после после и отставку даст. Анна получила то, что хотела, выиграла наш спор. Потешит свое самолюбие, поводит за нос и вильнет в сторону. Кавалергард — знатная для нее добыча, особенно ныне, когда он тут для многих привлекателен. А Анна всегда получала самую лучшую, самую желанную для всех игрушку. Пусть и тешится ныне с ним. А мы с тобой, Лешка, подождем...

подождем...

— Можно было бы ротмистру про пари намекнуть, — проговорил денщик, и Петр на миг задумался. — Аль безымянную записку послать на сей счет. Мол, так и так... Не стерпит того он. На лбу писано, что не стерпит. Таков уж он!

— Ты забыл, с кем речи ведешь, Лешка! — вдруг вспыхнул Петр, ткнул в плечо денщика ружьем. — Твое дело тут ныне заряжать да тарелки бросать и только! А то речи какие завел. Запамятовал, что с господином говоришь, с офицером! Дело то не для меня. Само все решится! *Les paris sont ouverts* [\[225\]](#), помяни мое слово. Не понимаешь язык благородный, да? Бросай, говорю!

Андрей не помнил, как миновал аллеи парковые, как подошел к дому со стороны партера. По зеленому газону чуть поодаль от основного большого цветника бегали игроки в лапту с битами в руках. Что-то кричала, забывшись в азарте игры, Катиш возмущенно смущенному Павлишину, который не мог отвести глаз от хохочущей задорно Анны, пропуская свой ход.

Видимо, только-только она отбила мяч, потому что легко бежала по воображаемой площадке, размахивая битой. Ее волосы чуть выбились из узла на затылке, висели редкие пряди вдоль лица. Шляпка была опущена за спину, солнце освещало фигурку, не скрывая от взгляда линии хрупкой фигуры через тонкую ткань летнего платья с короткими рукавами.

— Ау, Павел Родионович, не зевайте! — задорно крикнула Анна, и только тогда Павлишин сумел оторвать от нее взгляд, побежал в сторону Андрея изо всех сил, стараясь не уронить в траву очки, так забавно подпрыгивающие на его переносице при каждом шаге. Анна же подпрыгивала на месте и хлопала в ладони, подбадривая неуклюжего бегуна, явно насмехаясь над ним.

Она запрокинула голову и задорно рассмеялась, когда Павлишин едва не упал, поскользнувшись подошвами туфель на траве, ей вторила Полин, прикрыв рот ладошкой, даже мадам Элиза, сидящая в кресле в тени, улыбнулась при виде этого. А потом Анна заметила стоявшего в отдалении Андрея, замерла на месте, прервала свой смех, будто распознав по его облику, какой огонь пылает ныне в его душе, сжигая дотла.

— О, *monsieur* Оленин! — в нескольких шагах от него остановился Павлишин. — Не будете ли любезны подать мне мяч?

Андрей проследил взглядом за его указующим жестом и увидел в траве мяч, в сажени от своих сапог. Он склонился и подобрал его, подбросил на ладони играючи, заметив, как устремились на него взгляды игроков и наблюдателей за игрой.

И она. Она тоже смотрела на него, приложив к глазам ладонь козырьком, поместив битую подмышку. Легкий ветерок трепал подол ее платья, русые локоны у такого прекрасного лица. Дивного лица ангела, под нежным обликом которого скрывалась такая дьявольская натура.

Mon mauvais ange [\[226\]](#), скривил губы Андрей, а потом размахнулся и бросил мяч через расстояние, разделяющее их, прямо через голову господина Павлишина. Мяч легко ударился о ноги Анны, упал в траву к носкам ее туфелек.

— Что вы себе позволяете?! — вскричал Павел Родионович, поправляя очки, так и норовившие соскользнуть с переносицы. Андрей же не обратил на него внимания, направился мимо него к дорожке, ведущей к дому. — Что вы себе позволяете?!

— *Il n'y a pas de mal* [\[227\]](#), Павел Родионович, — поспешила успокоить неожиданно вспыхнувшего Павлишина Анна, улыбаясь одними уголками губ. Бросок был совсем

несильным — мяч только скользнул по ткани платья, даже не ударившись о колени.

Но не этого броска вдруг испугалась Анна. Ныне, когда Оленин подошел ближе, она видела, что Андрей снова зол. Не просто зол — в бешенстве, судя по побелевшему шраму, так отчетливо выделяющемся ныне на слегка загорелом лице, судя по дернувшемуся на лице желвакам, когда он встал в паре шагов от нее на гравийной дорожке.

— Нет! Нет! Вы не правы, Анна Михайловна! — горячился Павел Родионович, подходя к ней. Анне даже пришлось чуть придержать его за рукав сюртука, испугавшись, что тот может наговорить лишнего. — Андрей Павлович, вестимо, забыл, кто стоит супротив него на игровой площадке. *La femme!* [\[228\]](#)

— Вы ошибаетесь, Павел Родионович. Это не я забылся. Это Анна Михайловна запомнила, против кого ступила играть! — Андрей взглянул в ее глаза таким взглядом, что Анне стало не по себе от него. Повеяло вдруг холодом, несмотря на духоту солнечного полудня. Она пыталась разгадать, есть ли подоплека под этими словами, чувствуя, как пробежала легкая дрожь вдоль позвоночника при воспоминании, как нынче утром обсуждала с братом свой выигрыш, радовалась успеху.

— *Le partie est termine*, Аннет, — проговорил Андрей, приветствуя ее коротким кивком и предлагая свою руку, для того, чтобы повести в дом, куда уже, верно, прибыла Марья Афанасьевна. Она долго смотрела в его глаза, тщетно пытаясь понять, есть ли скрытая подоплека в его словах, которая ей вдруг почудилась, или нет ее вовсе, вздрогнула невольно, когда он повторил холодно. — *Votre partie est termine ...* [\[229\]](#)

Анна несколько раз сложила и развернула кружевной веер, но обмахиваться не стала, несмотря на духоту, что стояла в спальне, как обычно в это время после заката. Просто смотрела на рисунок кружева с минуту и снова прятала его. А потом опять разворачивала и вглядывалась в переплетения тонких нитей. Как же ей нынче хотелось стукнуть этим веером! Какие усилия ей пришлось приложить, чтобы удержаться от этого!

С тихим шелестом веер снова сложился, пряча кружевной узор. Как и тогда, на вечере, когда она наблюдала за поведением того, кого уже считала своим. Разве так ведут себя женихи? Разве не должны они все время проводить со своими невестами — ухаживать за ними на раутах, развлекать беседами, приносить прохладительные напитки? Разве не должны все свое внимание уделять только своим невестам и никому кроме?

Андрей стал снова холодным и отстраненным, каким был в первые дни их знакомства, каким он ее злил — безмерно, до скрипа зубов. Она никак не могла взять в толк, отчего он стал так холоден с ней, отчего отвел ее ладони от своего лица, когда она попыталась уже привычно провести пальцами по его щеке, едва ступили в дом нынче днем из парка.

Анна знала, что лаской можно унять любое мужское недовольство, нежным словом и улыбкой снизить накал любой злости. Знала по мужчинам, что жили с ней в доме. Но Андрей убрал от своего лица ее руки тогда, не дал ей коснуться его, а только дальше повел к гостиной, где их уже ждали Михаил Львович и его тетушка. А после положенных случаю приветствий ее не попросили пройти в кабинет отца, а выслали, как маленького ребенка в парк, где продолжалась игра в лапту, не позволили присутствовать на обсуждении ее будущего. Это только разозлило Анну, а тот взгляд, которым наградил ее Андрей прежде, чем уйти вслед за лакеем, что провожал гостей к кабинету, только усилил ее тревогу.

Анна едва дождалась тогда, пока вернется из парка Петр, ушедший этим утром стрелять по мишеням, пока переменит платье к обеду и спустится вниз. Она отлично помнила, как вспыхнул Петр, когда отец сообщил ему о том событии, что предстоит вскоре в их семье, как вдруг подскочил с кресла, резко встал перед столом отца.

— Это невозможно, рара! Анна не может согласиться на этот брак! Это немислимо!

Анна уже говорила с братом до завтрака о том, что дело сделано, чтобы тот готов был платить по счету за проигрыш в пари. От души поддразнила его с улыбкой на губах, разозлившись его неверию своим словам. Но о том, что согласие дала, умолчала отчего-то, скрыла от Петра. Предоставила сообщить о том Михаилу Львовичу, когда тот позвал детей к себе в кабинет после завтрака.

— Анна уже дала свое согласие, Петр. Дело решено, — отозвался на его реплику Михаил Львович, явно недоумевая поведению сына. — Как только будет получено разрешение из полка и благословение мадам Олениной на этот брак, будет сделано соглашение. Отчего ты против сего, mon cher? Коли ведаешь нечто, от чего я должен отозвать свое согласие, так и скажи, а не маши мне тут кулаками со злости. Ведаешь что? Мот он? В азарте замечен? Или что похуже? Анна, выйди, душа моя, сделай милость.

— Ну, уж нет! Это и мое дело, разве нет? — Анна смело встретила взгляд Петра брошенный на нее через плечо. — Это мой нареченный, и я имею полное право знать, какие препоны могут встать на пути к тому, что уже решено, позвольте напомнить!

— Это переходит все границы! — вдруг и Михаил Львович вскочил со стула, встал,

упершись кулаками в стол. — Все границы мыслимые! Анна Михайловна, коли я прошу выйти вон, вы должны встать и последовать моим словам! А вам смею напомнить, Петр Михайлович, что мои решения, коли приняты, обсуждению подлежать не могут. А я таковое принял! Андрей Павлович вполне достойная персона, чтобы составить счастье твоей сестры, судя по тому, что я наслышан, и судя по тому, что вижу собственными глазами. Коли есть, что сказать — говори, а нет — поди-ка вон, милый! Вскорости прибудет Модест Иванович, и у меня нет времени досужего выслушивать возражения моим решениям.

— Вижу, жених так стремится получить вести о приданом, что получит, коли тут же управитель был вызван? — побледнев, едко спросил Петр. — Уже подсчитывает выгоды? Только глупец поверит, что человек в таком положении, как у Оленина, будет искать иные выгоды в браке.

— *Sortez!* ^[230]Немедля! Оба! — стукнул кулаком по столу Михаил Львович. Его крик был даже слышен за пределами кабинета, судя по тому, как обернулись к дому дворовые, подметавшие площадку подъезда. — А вы, Петр Михайлович, зайдите ко мне всенепременно после визита управителя! Полагаю, к тому времени я смогу вам многое сказать. О вашей просьбе отдать вам в пользование деревни под Москвой у *compris* ^[231]. И напомнить о том, как следует вести себя дворянину и офицеру! *Sortez! Sortez!* Оба! Немедля!

— Ты разозлил отца. Весьма, — заметила Анна брату, когда они вышли из кабинета. — Неужто забыл, что папенька не имел довольно средств, чтобы войти в семью *grand-père* ^[232]Александра Тимофеевича? Забыл, как свершился их брак с маменькой? Не думаю, что его влекли к ней деньги и земли *grand-père*.

— Зато ныне пользуемся ими от души, — ответил брат, и Анна не удержалась от едкой реплики:

— Ты в особенности, *mon cher!*

— А ты просто глупа, если думаешь, что твой случай схож с историей отца и матери! — не стал молчать Петр. — Ты просто дура, если полагаешь, что именно твоя красота поставила на колени Оленина.

Это был первый раз за этот день, когда Анна с трудом удержалась от того, чтобы не ударить. Залепить пощечину по этому холеному красивому лицу, по этой злой усмешке, искривившей губы. Это была первая ссора с братом за последние пять лет, и первый раз за всю жизнь, когда он оскорбил ее намеренно, задев своими словами до глубины души.

— Ты просто зол за проигрыш, только и всего. Что ж, пускай свои стрелы, *mon cher*, до моей вершины победителя они едва ли долетят! — она хотела развернуться и убежать прочь, чтобы наконец дать волю слезам, нахнувшемся на глаза, в тишине своей спальни, но Петр успел ухватить ее за руку.

— Ты серьезно намерена выйти замуж за Оленина? Или это просто игра, *ma chère*? Скажи мне, я поддержу тебя в ней, коли так решила, помогу выйти из того угла, куда ты так неаккуратно поставила себя этим поспешным решением.

Анна только улыбнулась в ответ на его слова, но даже головой не покачала, отрицая нелепость его слов. Петр должен был знать ее как никто иной, а предполагает подобное... И те слова, что он сказал ей...

Они разошлись в разные стороны, злясь и кляня друг друга последними словами, в то же время чувствуя в душе глубокое сожаление из-за сказанного друг другу, из-за жестокости, проявленной кровной крови. Впервые Петр ушел, прихрамывая, стрелять в парк один — обычно он брал с собой Анну, когда отец не мог составить ему компанию в этой забаве, и

они до обеда стреляли по тарелкам или старой обманке, несмотря на возражения мадам Элизы. Правда, потом ладони пахли порохом, а мышцы правой руки нещадно болела от нагрузки, но Анна обожала эти часы, эти легкие подтрунивания промахам и восторг при попадании в цель, когда она кидалась от радости на шею брату, а тот целовал ее в лоб.

В этот раз Петр даже не послал за ней, и Анна со злости порвала тонкий платок, рыдая от той ссоры, что вдруг так разделила их. Она долго сидела одна в своей спальне потом, размышляя, ища пути к примирению. Спустилась только, когда приехали с визитом соседи — Павлишины и Красновы с дочерьми. Затеяла игру в лапту, от души колотя битой по мячу, пуская тот так высоко и далеко, как было возможно, вымещая на нем свою снова вспыхнувшую при отдаленных звуках выстрелов злость.

Вскоре азарт от игры захватил Анну с головой, тем более их команда стала вести в счете, несмотря на то, что пришлось взять в нее лакея против Павла Родионовича у противников. Даже Катиш стала повышать голос и громко смеяться, окунувшись в игру с головой, забыв о своей скромности. Всем было так весело, так легко. Забылись тревоги. А потом из парка вышел Андрей...

Анна с легким щелчком снова разложила веер, покрутила им из стороны в сторону, спряталась за кружевом, глядя в собственное отражение в зеркале. Вспомнила выражение глаз жениха, когда он встал в паре шагов от нее на гравийной дорожке. Словно он сейчас свернет ей шею. И эти странные слова: «Votre partie est termine» [\[233\]](#). Что он хотел тем сказать? И она помнила, каким мимолетным огнем вспыхнули его глаза, когда Анна взглянула мимо него в ту сторону, откуда раздавались выстрелы. Неужто Петр настолько зол на нее, что мог...? Но тогда бы Оленин сказал не «partie», а «jeu» [\[234\]](#), разве нет?

Она не стала долго мучиться сомнениями, а решиться дожидаться, когда брат спустится в малую столовую к обеду, на который остались и прибывшие в то утро в Милорадово визитеры. Перехватила Петра, едва он только показался в ближней комнате, придержала за рукав сюртука.

— Ты сказал ему? — она не стала ходить кругами, спросила прямо, понимая, что у них так мало времени ныне на разговор. Петр сначала не понял, о чем она речь ведет, а потом вдруг стиснул зубы от злости, стряхнул ее пальцы со своего рукава.

— Tres bien! [\[235\]](#)Отменного ты обо мне мнения, милая! — он взглянул через двери столовой на Андрея, что наблюдал за братом и сестрой, а потом склонился к тетушке, уже занявшей место за столом и что-то спрашивающей у него. — Что, переменялся вмиг? Я же сказал тебе! Не во мне ищи причины его хладности. Я не видел его с третьего дня, когда у графини вечер был, не говорил с ним.

А после был этот бесконечный для Анны обед, за которым она тщетно пыталась разгадать причину перемены к ней со стороны Андрея. Только убедилась, что ее страхи и сомнения, из-за которых она не спала прошлой ночью, верны.

Этот человек, что сидел за противоположной стороной стола, за которым она наблюдала украдкой, был ей совсем незнакомым, чужим. Не поторопилась ли она дать ему свое согласие на замужество? Сколько она знает его, сколько встречала? Вот господина Павлишина Анна знает, как облупленного, знает, что может ожидать от него в какой момент, а Оленин... Андрей только доказал ей ныне своими поступками, своей отстраненностью, что она не ведает, что скрывается под его благородным обликом. Караташев имел располагающую к себе внешность, а как обманулась она жестоко в нем несколько лет назад!

И Анна ясно увидела снова, как заметила прошлым утром, что Андрей не способен быть таким мягким, как ее отец, как тот же Павел Родионович. Ее и привлекала эта сила, и в то же время отталкивала. Нет, она видела это и в князе, что гостил у них этой зимой — эту непоколебимость идти до конца, пока не получит желаемое. Но отчего-то ей показалось, что в Андрее эта решимость иная, что натура его мягче. Но нет, ныне она ясно видела, что ошибается, судя по тому, как сжимал тот крепко челюсти, каким огнем иногда вспыхивали его глаза, когда он ловил на себе ее взгляд. Разве это тот самый человек, что когда-то так нежно гладил лепестки розы? Что так ласково и нежно целовал ее? В присутствии того Андрея к ней приходил какой-то странный покой. Этот же заставлял волноваться, и это волнение ей совсем не нравилось. Как и его странная настойчивость.

— Я все же прошу вас переменить решение, Аннет, — завел Андрей разговор позднее, в тот же вечер. У Шепелевых еще за седмицу был запланирован музыкальный концерт, были разосланы приглашения, по которым после заката в Милорадово приехали соседи из окрестных земель. Она сидела, обмахиваясь веером от той духоты, что стояла в салоне от множества свечей и от дыхания собравшихся, а Андрей стоял аккуратно за ее креслом. Его рука, обтянутая лайкой, лежала на спинке кресла, вызывая в ней какой-то странный трепет и тревогу. Она боялась коснуться ненароком его пальцев обнаженной кожей спины в вырезе платья, оттого и сидела, гордо выпрямившись, словно палку проглотила.

— Вы знаете, что мне вскорости предстоит вернуться в полк, Аннет, — прошептал он, склонившись к ее уху под редкие любопытные взгляды гостей. Анна не могла не занервничать еще больше, заметив эти взгляды. Много было позволено жениху, но ведь из присутствующих только единицы знали, что Андрей имеет право вот так интимно что-то прошептать ей. — Я прошу вас, пусть огласят о предстоящем венчании после службы до моего отъезда.

— Отчего вы так спешите под венец, Андрей Павлович? — попыталась свести к шутке Анна, но улыбка при том вышла такая жалкая, такая искусственная, что самой стало неудобно.

— Оттого, что вы туда не особо торопитесь, как я погляжу.

Она хотела обернуться на него, чтобы убедиться, что он тоже шутит, на миг испугавшись тона его голоса, которым он произнес эти слова. Но в этот момент крепостная актриса закончила исполнение арии, и гости дружно зааплодировали, а некоторые даже встали со своих мест в восхищении. Андрей же выпрямился, аплодируя, и Анна не успела поймать его взгляд.

Зато потом вдоволь насмотрелась на него, когда сама стояла подле клавиководов и музыкантов, сидевших кругом у окна, когда сама пела перед гостями, уступив их настойчивым просьбам. Анна не заметила, как и когда к Андрею подошла Мария, будто только и выжидавшая, когда сама Анна оставит свое место рядом с ним. Она едва не сбилась с такта, когда заметила, как Андрей что-то шепчет Марии, отвечая на реплику в его сторону. А потом эти реплики стали чаще, разговор оживленнее.

Нет, не это явное пренебрежение, это невнимание к ее пению разозлило Анну. В конце концов, некоторые гости также перешептывались друг с другом, ей это было видно отменно со своего места у музыкантов. Ее разозлил тот свет, которым вдруг вспыхнули глаза Андрея на одну из реплик Марии, то, как смягчились черты его лица. И его смех... Он никогда не смеялся с ней, Анной, и видеть со стороны...

Тогда в Анне второй раз за день вспыхнуло горячее желание ударить. Ударить сильно,

чтобы хоть как-то унять ту обиду, что бушевала в душе. Наотмашь, сложенным веером, который держала в руке нынче. Ей — по полным губам, которые так красиво изгибались в улыбке. Ему — в лоб или тоже по губам, чтобы прекратить этот смех. О, теперь Анна понимала ревнивцев, о которых читала в романах! А потом снова едва не сбилась с такта, поймав себя на этой мысли...

— Что со мной творится? — спросила негромко Анна у своего отражения в зеркале, складывая веер. Прикусила губу, чтобы не заплакать снова при воспоминании о прошедшем вечере. О Господи, она за последние полгода столько слез выплакала, сколько не пролила за три года до того! Все плачет и плачет ныне, себе на злость. А потом вдруг улыбнулась, представив, что было бы, если бы она поддалась эмоциям и от души отхлестала бы своих обидчиков веером. Да уж, забавно!

— Toc-toc, la belle! Vous permettez? [\[236\]](#) — она вздрогнула и обернулась к двери спальни на брата, стоявшего на пороге. — В доме тишина, и оттого мои мысли стали такими ясными... не дают уснуть. И твоя обида на меня уснуть не дает.

— Я не в обиде, — покачала головой Анна и протянула брату руки, которые тот поднес к губам, улыбаясь их примирению. — Это ты меня прости. Я не должна была думать о тебе столь дурно. Не в твоих правилах низость, не по духу тебе.

— Не будем о том, — качнул головой Петр. — Я просто зашел пожелать тебе покойной ночи. И убедиться, что ты не злишься на меня, *ma chere*, — а потом тут же спросил, не давая ей времени на раздумья. — Отчего ты за него идешь, Анечка? Скажи мне. Мне надобно знать о том.

— Отчего иду за него? — переспросила Анна, а потом вдруг улыбнулась, вспоминая, как Андрей целовал ее в залитом солнечным светом лесу. — Мне с ним хорошо, мне с ним покойно, Петруша, — она попыталась найти слова, чтобы описать то чувство, которое вспыхивает в ней в присутствии Андрея, но не смогла, потому умолкла, улыбаясь.

— О mon Dieu, не хотел бы я, чтобы обо мне когда-нибудь сказала прехорошенькая особа, что ей со мной покойно! — пошутил Петр, но Анна заметила, что его глаза остались серьезными. — Странная причина, чтобы идти в жены, не находишь? Я думал, ты мне будешь говорить о горячей любви, вдруг ударившей тебя в самое сердце стрелой Амура.

— Я хочу жить подле него, — произнесла тогда Анна коротко. — Всю свою жизнь.

Петр кивнул задумчиво, а потом снова поцеловал ее ладони, погладил их ласково.

— Было бы отменно, коли и он чувствовал то же самое, что и ты ныне. От души желал бы того, от души желал быть уверенным в том, — он помолчал, а после сказал тихо. — Все же проще выбирать себе ровню по средствам. Только тогда ты можешь быть уверен в том, что брак вершится не по нужде, а по зову сердца. Только так!

Он отпустил ее ладони, видя, как она нахмурилась, замолчал, а потом развернулся к двери. Чуть поморщился, когда ступая от нее к двери спальни, неаккуратно наступил на большую ногу, неровно поставив трость, с которой ходил из-за своего временного увечья.

— Накликала ты мне своим сном вещим! — шутя, показал он на больное колено, уже стоя на пороге. — Сапогом тем. Неспроста виделся он тебе.

— Неспроста, — нахмурилась Анна. — Петруша, отчего папенька кричал на тебя давеча после обеда, когда все разъехались? Что стряслось? Из-за нынешнего разговора? Из-за него зол на тебя?

Петр только грустно улыбнулся ответ.

— Не думай о том, *ma chere*. Нет нужды ныне.

— Les dettes? [237] — не унималась Анна, догадываясь, что нащупала ту нить, что могла связывать князя, известного своим везением в карточные игры, и брата, азартного до невозможности. Тот даже на бег муравьев по лесной тропе готов был ставить, пытаясь потакать желанию испытать свою фортуна. А уж как входил в раж, играя с домашними в карты на палочки! И его странная просьба дать ему в отдельное пользование имения в Московской губернии, и тот разговор зимний о женитьбе с выгодой...

— Не думай о том, ma chere, — но видя ее упрямо вздернутый вверх подбородок, понял, что сестра не отпустит, пока не выведает все. А сказать ей ныне не мог, когда видел ее глаза — она светилась, едва вспоминала об этом ротмистре. Нет, он просто не мог, не имел права на это! — Я непременно откроюсь тебе. Но позднее, d'accord [238]? Обещаюсь в том. И никогда не говори мужчине, что тебе с ним покойно, Анечка... Это не то слово, которое ему будет приятно услышать от женщины. Покойной ночи, ma chere. Приятных сновидений.

— Покойной ночи, Петруша, — прошептала Анна, и брат чуть прикрыл дверь, вновь оставляя ее одну со своими мыслями. Постель совсем не манила ее, несмотря на поздний час, но Анна все решила лечь, памятуя о том, что хотела съездить с утра на службу в церковь. Она надумала переговорить со своим духовником, с отцом Иоанном, о своих сомнениях и страхах. Отчего-то не желала пока говорить о предстоящем замужестве ни с мадам Элизой, ни с кем другим.

Ох, и огорчится мадам позднее, нахмурилась Анна, что Пантелеевна скорее нее узнала о том! Будет обижаться непременно, что утаили от нее. И Полин. И Катиш... Но открыться пока им Анна не хотела. Хотя бы еще немножко подождать, потянуть с известием этим, пока у самой в душе все успокоится, уляжется этот ворох эмоций, что возникает при мысли, что ей предстоит уехать из любимого дома, жить совсем с непривычным ей человеком. Как же страшно даже думать о том!

А потом представила себе, как сидит за одним трапезным столом с Андреем, как тот улыбается ей — мягко и нежно, как там, в лесу, просит ее о чем-то через стол. Или как они вместе встречают гостей на бал, данный ими по случаю... по случаю, ну, какому-нибудь случаю. Он — в парадном мундире, с орденом в петлице. Она — в изумительном платье сапфирового оттенка, как был давеча на мадам Красновой на концерте, в роскошном гарнитуре из камней в тон платью. Хотя, вспомнила Анна, Петр говорил, что у Оленина финансовые проблемы. Тут уж не до собственных балов и раутов. Тогда она будет представлять себе, как они будут пить чай на террасе, наблюдая за летним закатом над вершинами парковых деревьев.

Мысли плавно перешли с чаепития на террасе усадебного дома на то, что произошло в лесу недавно. Вспомнились те поцелуи, от которых кругом шла голова, подгибались колени. Его широкая спина, такая твердая даже под шелком камзола. Его ладони, что жгли огнем через ткань сорочки и платья. Ах, отчего он переменялся? Отчего так пугал ее ныне?

Анна резко задула свечу, что стояла на столике перед зеркалом, но лечь сразу не стала, прошла по комнате и зачем-то плотно затворила дверь в будуар, где спала на диванчике Глаша. Через распахнутые окна доносился откуда-то из паркового сумрака плавное пение соловья, и Анна вдруг повернула к одному из окон, отодвинула занавесь, вдыхая свежесть летней ночи, ступившей на место душных сумерек.

Что мне делать, Господи, вдруг подумала Анна, поднимая глаза к загоравшимся на небосводе звездам. Как поступить? По верной ли дороге ступать решила? Но только тишина летней ночи была ей ныне ответом да трель соловьиная.

А затем что-то мелькнуло в тени деревьев, и она склонилась ниже к подоконнику, уловив это неясное движение, попыталась разглядеть, показалось ли ей или вправду заметила что-то. Но вот от дерева к дереву все ближе к дому передвинулось что-то светлое, и она еле удержалась, чтобы не вскрикнуть, поняв, что фигура эта чересчур велика для кошки. Еще миг — и светлое пятно уже появляется из-за кустов сирени, которые росли вдоль дорожки, огибающей усадебный дом.

Это был Андрей. Андрей! И Анна безвольно прислонилась к стене, не в силах оторвать взгляд от его фигуры, ужасаясь тому, что в любой миг могут появиться собаки, которых спускали на ночь в парк, или сторож заметит непрошеного гостя, поднимет тревогу. Но пока было все тихо, только соловей заливался трелями. И вот Андрей перебежал открытое пространство между кустами и стеной дома, вот ухватился за шпалеры, по которым вились розы, и в несколько резких движений, как кошка, забрался по стене. Мгновение — и он сидит на подоконнике, свесив ноги, с задорной улыбкой поднося к губам свою ладонь.

— Похоже, я был ранен, пока стремился на зов своего сердца, — проговорил он, глядя ей в глаза, и Анна моргнула удивленно, все еще не в силах поверить, что это явь, и он действительно сидит в окне ее спальни. — Милая дама не поможет мне с моей раной? Шип от красивого цветка все же шип, и болит от него нещадно.

Он протянул ладонь в ее сторону, и она кивнула, заметив в скудном свете летней ночи, шип, впившийся ему в кожу. Отошла от него к «бобику» [\[239\]](#), взяла из корзины с рукоделием иглу и, вернувшись к нему, без особого труда достала тонкую темную полоску из его ладони. Все это Анна проделала молча, не зная, что сказать, боясь, что дрожащий голос выдаст ее волнение в этот миг. Но странно — она совсем не боялась его присутствия в своей спальне, словно не было в том ничего предосудительного. Словно хотела видеть его здесь. Словно его присутствие было само собой разумеющимся в ее спальне в этот ночной час.

Когда шип был извлечен из кожи, Андрей забрал из пальцев Анны иглу и воткнул ее в стену [\[240\]](#), у самых штор. А потом обхватил ее лицо ладонями и заглянул в ее широко распахнутые глаза.

— Отчего ты молчишь? — прошептал он, почти касаясь губами ее губ, так низко склонился он над ее лицом. — Отчего ты молчишь?

— Это сон, верно? — прошептала она в ответ, совсем позабыв о том, что раздета, что на ней только сорочка без рукавов, капот же сброшен был, едва прикрыла дверь в будуар. Что и он толком не одет — в камзоле и рубахе, без мундира.

— Тогда нам снится один и тот же сон, милая, — снова мимолетное касание губ при этом шепоте, и она не смогла сдержаться, поддалась желанию, вспыхнувшему в ней. Сама поцеловала его, как он когда-то целовал ее в лесу — робко, вопросительно.

Его губы пахли вином и ягодами, и этот сладкий аромат закружил Анне голову. Андрей чуть качнулся, и она, испугавшись, что он не удержится на окне, упадет назад, на дорожку у дома, сжала его плечи, потянула на себя вглубь комнаты, не подозревая, как выглядит это движение со стороны. Он спустился с подоконника, даже не отрывая своих губ от ее рта, прижал ее к себе теснее, обхватив руками, и она поразилась тому жару, который шел от его тела ныне. Или это ей показалось в духоте ночи?

— Где твоя девка? — прошептал Андрей ей в губы, проводя руками по ее голым плечам и рукам, отчего кожа загорелась огнем, защипало в кончиках пальцев.

— В будуаре, — кивнула Анна на закрытую дверь, и он оставил ее, едва не вызвав у нее возглас протеста. Прошел к двери и запер ту на ключ, торчащий в замке.

— Что ты делаешь? — прошептала Анна, когда он вернулся к ней, снова положил ладони на ее обнаженные плечи. Странно, не ли она недавно боялась его? Ныне же никакого страха не было, только какой-то странный трепет в душе, легкая дрожь, бьющая тело.

— Тебе прохладно? — спросил Андрей, а потом взял ее руку и коснулся губами сгиба в том самом месте, где так отчаянно сейчас билась тонкая жилка. Но Анна только головой покачала, сама не понимая, что с ней творится, не понимая, жарко ли ей или холодно в этот момент. Что он здесь делает? Так нельзя, мелькнуло в ее голове, но тут он снова целовал ее. Сначала эти поцелуи были схожи с теми, которые он дарил ей там, на лесной тропе, а позднее они стали совсем иными, такими, от которых ушли все мысли до единой из головы. Только жар в теле остался, вкус его губ, тяжесть его рук на своем теле.

Анна вернулась из этого морока только дважды. Первый раз, когда почувствовала странный холод на своем теле и, оторвавшись от губ Андрея, прервав поцелуй, вдруг обнаружила, что уже лежит в постели, а ее сорочка спущена, обнажая грудь.

— Что...? — но он не дал ей договорить, снова стал целовать, касаясь ее обнаженной кожи, уже не через ткань сорочки, без преград, и она снова отдалась тому сбивающему с разума вихрю эмоций и чувств, который становился все сильнее с каждым прикосновением.

Его руки и его губы. Его горячая кожа под ее пальцами. Ей казалось, что она тает в его руках, таким обжигающим был огонь, пылающий в ее крови в те минуты. Каждое прикосновение, каждый поцелуй только распял этот жар, только обещал что-то. Она помнила, как Андрей смотрел на нее между поцелуями, лаская ее. Пристально, внимательно приглядываясь к каждой эмоции, что мелькали на ее лице, словно прислушивался к каждому вздоху, к каждому шепоту. Словно ждал от нее чего-то...

А Анна только смущенно улыбалась в ответ, отдаваясь целиком тому странному желанию, что становилось все сильнее и сильнее с каждым прикосновением губ и рук, ощущая, как сладко замирает сердце в груди при каждом его выходе в ее губы.

Второй раз она очнулась от этого странного наваждения, когда Андрей вдруг навалился на нее всей тяжестью своего тела, когда спустя миг ее тело пронзила острая боль. Он тут же положил ладонь на ее рот, приглушая легкий вскрик, помимо воли сорвавшийся с ее губ, отвел взгляд от ее потрясенного взора. Анна попыталась отстраниться от него и этой боли, вмиг стершей то наслаждение, что вскружило ей голову совсем недавно, дернулась вверх, но только уперлась головой в изголовье кровати.

Лишь теперь она ясно поняла, что случилось сейчас. Лишь теперь она ясно поняла, что случилось сейчас. «Порчена», говорила Пантелеевна, вздыхая, когда очередная дворовая шла под венец нежданно. Теперь Анна поняла, что имела в виду няня, когда шептала это себе под нос. Именно такой вдруг ощутила себя Анна ныне — порченной, словно что-то сломали в ней этой ночью. Теперь все увидят, поймут... Как ныне на люди показаться? Хотя разве у них с Андреем иная дорога? Разве не под венец они собирались? Но так скоро... так скоро...

Когда он откинулся на постель возле нее после, Анна хотела уйти, убежать прочь из кровати и из этой комнаты вообще, гадая, сможет ли шевельнуться сейчас, когда, как ей казалось, пульсирует болью все тело. Но Андрей успел задержать ее, придавил ладонью к постели.

— Тихо, тихо, милая, — начал целовать ее лицо, губами стирая слезы, катящиеся из ее глаз, гладил ее волосы, отводя упавшие на лоб и нос пряди. — Прости меня, прости...

Сначала Анна не поддавалась его рукам, отстранялась от его губ, помня о той боли, что он ей причинил, а потом расслабилась, обмякла, приникла к его груди, обхватив его руками.

— О Боже, Андрей, это было так больно! Это просто невыносимо! — рыдала она тихо, а он укачивал ее в своих руках, уже сожалея о том, что совершил.

Но иного выхода у него уже не было: забрать свое слово обратно он не мог, но и позволить ей посмеяться над ним, оставить его в дураках тоже. Анна дала свое слово стать его женой, и он не вернет ей его. Она станет мадам Олениной, как обещала. Пусть даже сама того не желая. Ее игра обернется против нее самой. Ее партия проиграна, как он и сказал ей нынче днем.

Вскоре Анна затихла, взглянула на него покрасневшими от слез глазами, и сердце его дрогнуло. Андрей легко коснулся губами ее лба, опасаясь, что иное вызовет у нее неприятие в этот момент, но она сама вдруг прижалась к нему, коснувшись губами плеча.

— Так будет не всегда, — прошептал он, зарываясь лицом в ее распущенные по плечам волосы, вдыхая их запах, мигом вскруживший ему голову. Как и тепло ее обнаженного тела так близко. — Не всегда, моя милая. Моя девочка... моя милая Анни...

Когда за окнами стал сереть рассвет, Андрей аккуратно переложил со своего плеча голову сладко спавшей Анны, выскользнул из постели, стараясь не потревожить ее сон. Но она все же открыла глаза, будто почувствовала одиночество и холод в своей постели. Села, наблюдая, как он одевается, только ныне со смущением разглядывая его тело. Он почувствовал ее взгляд, обернулся и, заметив, что она не спит, подошел к постели, сел корточками возле кровати, взяв ее ладони в свои. Улыбнулся, когда она поспешила натянуть покрывало на обнажившуюся грудь.

— Мне надо идти, — прошептал он, прижимая ее ладони к своим щекам. — Не надо, чтобы нас с тобой застали тут. Пусть никто не ведает о том, что случилось нынче ночью. Только надо с оглашением поторопиться, моя милая. Теперь уж нет нужды откладывать.

Анна окаменела, услышав эти слова, пусть и сказанные нежным и мягким голосом, распознала сталь в его голосе. Попробуй, откажи мне ныне, как отказывала ранее, казалось, читалось в нем.

— Знать, вот как, — произнесла она как-то тихо, и Андрей заглянул в ее глаза, пытаясь угадать, что за мысли у нее ныне в голове. — Вот зачем значит... Va-t'en! Hors d'ici! [\[241\]](#) Вон, покамест я не кликнула людей!

— Подожди, выслушай..., - но она уже открывала рот, чтобы крикнуть, злясь не на него в этот миг с такой силой, что кругом шла голова, и кровь стучала бешено в висках. На себя она злилась, на глупость свою, на наивность. О Господи, так обмануться...

Андрей вдруг повалил ее на постель, зажимая рот ладонью, чтобы ни звука не сорвалось с ее губ, и она уставилась на него с ненавистью в глазах, впрочем, не делая ни малейшей попытки освободиться от его хватки. Только лежала под ним, даже не делая попытки прикрыть обнажившуюся грудь, смотрела в его глаза. Потом мотнула головой, сбрасывая его ладонь со своих губ.

— Вы добились того, что так отчаянно желали, Андрей Павлович. Я выйду за вас замуж в любой день, какой назначите для того. Но знайте — вы получите только мое приданое, но не жену. Женой я никогда не буду для вас, никогда! — она уже шипела ему в лицо, извиваясь от той злости и ненависти к собственной слабости, что рвала сейчас душу. Но внешне на удивление нынче казалась такой спокойной, словно и не было внутри той истерики, что заставляла говорить то, что никогда не сказала бы, не от души говорила.

И Андрей не понял, что она не в себе ныне. Не стал удерживать ее долее — отпустил из своих рук, отошел от постели и продолжил одеваться, с трудом перебарывая желание

встряхнуть ее хорошенько, чтобы заставить умолкнуть ее. А Анна все не могла успокоиться, села в кровати, стала буравить его своим ненавидящим взглядом и продолжала свою тираду, стараясь, как могла, задеть, уколоть, ударить...

— И в Петербург за вами не поеду, слышите? Мне нет места отныне там, где вы! И не будет! Я ненавижу вас! Ненавижу! Я ведь спорила на то, что вы у ног моих будете! Оттого и привлекала вас, как могла. Как умею привлекать. Я ведь спорила и только! И отчего вам не отказала сразу? Отчего промедлила? Ведь думала же! Думала! Вы — это только пари! С Господи!

Она упала вдруг резко в подушки, расхохоталась в голос, и только тогда Андрей понял, что она в истерике, в два шага подошел к постели, сгреб ее в охапку и прижал к себе, невзирая на ее сопротивление. За окном уже занимался рассвет, стало светлее, но его не волновало, как он будет уходить из этого дома. Разве он мог оставить ее сейчас?

— *Laissez-moi partir!* ^[242] — вдруг резко сказала Анна, выпрямляясь в его руках, и Андрей понял, что истерика так же резко прошла, как и наступила. Она отстранилась от него, подняла с пола свою сорочку и быстро натянула через голову. Потом выбралась из постели с другой стороны, стараясь держаться от него как можно дальше, подняла капот со спинки стула, набросила на плечи.

В будуаре что-то стукнуло, видимо, проснулась Глаша, и Анна бросила взгляд на дверь, успокоилась, вспомнив, что та заперта. Потом резко подошла к окну, заметила на углу дома сторожа.

— Доброго утречка тебе, Платон! — крикнула, высунувшись из окна. Сторож оглянулся на ее крик, поспешил подойти ближе, низко поклонился барышне, сняв с вихрастой головы шапку. — Ты собак бы посадил на цепь. Я нынче рано проснулась, выйти хочу к пруду. Не встретиться бы с твоими цепными!

— Доброго утречка, барышня. Нынче же и сделаю. Нынче же и посажу.

Анна наблюдала из окна, как Платон свистом призывает собак, а потом аккуратно цепляет тех на цепь, что была намотана на его руку, как уходит с теми к псарне, у которой заведет тех в загоны. Потом повернулась к Андрею, что, уже полностью одевшись, наблюдал за ней из глубины комнаты, сидя на кровати.

— Я не уйду из этой комнаты, покамест мы не поговорим, — твердо сказал он, и Анна вздрогнула от решимости, которую распознала в его голосе.

— Я не желаю говорить с вами! — отрезала Анна, поднимая подбородок вверх, а потом едва сдержала вскрик, когда Андрей вдруг откинулся на постели, удобно устроился на подушках, запрокидывая руки за голову.

— Тогда я подожду, покамест у вас появится это желание, позволите? — проговорил он, и она стиснула пальцы от злости, расслышав насмешку в его голосе, а потом подбежала к кровати, бросилась на него, заколотила кулачками по его плечам и груди, пытаясь ударить в голову. Он ловко перевернулся, подмял ее под себя, перехватывая руки, лишая ее возможности двигаться.

— Я укушу, — предупредила Анна, когда заметила взгляд Андрея на ее губы, его улыбку, но он только прижался губами к ее рту, в два счета подавляя ее протест. Откуда у него такая власть над ней? И почему так слабеет ее воля, когда он так близко к ней, так быстро тает ее злость?

— Я вас ненавижу! — прошептала Анна, когда он на миг прервал поцелуй.

— Тогда я прокляну тот день, когда ты перестанешь меня ненавидеть, — усмехнулся

Андрей в ответ, и она вдруг тихо рассмеялась, удивляясь тому, как бьется сердце, когда он рядом. А потом оба замерли, когда в дверь спальни тихонько постучали, и голос мадам Элизы проговорил приглушенно из будуара: «Annette! Mademoiselle Annette! Il est temps de s'éveiller» [\[243\]](#)

Голос иерея разносился по периметру храма, уносился под расписные своды церкви, призывая прихожан вознести молитвы:

— ... о веси сей, всяком граде, стране и верою в ней живущих, Господу помолимся!

В едином порыве склонялись головы. Мужские — непокрытые, самые разномастные, от светлого блонда до иссиня-черных. Женские — в шляпках разного вида или эшарпах, аккуратно повязанных вокруг причесанных головок. Только у самого притвора стояли прихожанки в платах, не в господских уборах. Вскидывались дружно руки, совершая крестное знамение, а после так же едино склоняли головы или кланялись. Разносился ответный хор голосов по церкви: «Господи Помилуй!»

— ...О избавитесь нам от всякие скорби, гнева и нужды, Господу помолимся! — возвещал голос отца Иоанна, и снова проносилась волна единых действий по церкви, снова раздавался ответ прихожан. Многие думали в этот момент о той тени, что предвещала по поверьям огненная комета, так и не уходящая с неба России, напоминающая о пророчестве зловещем. И каждый второй возносил молитвы об избавлении от этой напасти, от того «Антихриста», что нацелился на страну.

Лишь единицы думали об ином: хмурил лоб, размахисто крестясь, Михаил Львович. получив давеча пренеприятнейшие известия от своего управителя, была задумчива некогда протестантка мадам Элиза, крещеная десять лет назад Елисаветой под этими самыми сводами, улыбалась уголками губ Анна, не в силах удержать улыбку. Она то и дело поворачивала слегка голову и косилась в ту сторону, в которой стояла графиня со своими домашними. Иногда она задерживала взгляд на светловолосой голове Андрея дольше положенного, но чаще быстро отводила глаза, встречаясь с его взглядом — теплым, словно обнимающим ее. Краснела, чего ранее за собой не замечала, дергала ленты шляпки в волнении, едва не развязав ту прямо во время службы.

Анна скосила взгляд на стоявшую чуть позади нее мадам Элизу, заметила, что та тоже смотрит на нее, что-то шепча одними губами, моля неслышно о чем-то Господа в этот миг. Вспомнилось, как перепугалась прошлым утром, заслышав ее голос в будуаре, увидев, как поворачивается дверная ручка.

— Тихо, милая, — шепнул ей Андрей, а потом заглянул в ее испуганные глаза. — Два пути. Один — открываем дверь бок о бок, каемся в содеянном перед твоим папенькой, венчаемся завтра после службы.

Но Анна только головой покачала. Первая ее мысль была о том, как зол будет отец. Ее не наказывали с отрочества — ни телесно, ни лишениями, но ныне этого будет определенно не избежать. Если только напомнить отцу, что сам когда-то умыкнул через окно этого самого дома девицу и тайно венчался с ней без родительского благословения. А потом кольнуло в сердце, когда вспомнила тихие шепотки за спиной в Москве про яблоню и яблоко. Все верно вышло, поддалась страстям, бушующим в душе, как и маменька, уступила мужчине, презрев честь.

А потом вдруг подумала, что не такого венчания желала бы — спешного, впопыхах устроенного, со скандалом, что непременно разразится в округе. Не будет толком подготовлен обед после таинства, не будет платья, о котором мечтала, едва заговорили о свадьбе, даже начертила набросок наряда, чтобы передать портнихе.

— Иной, — продолжил Андрей, видя по ее глазам, что первый вариант она не принимает. — Иной таков: я уйду ныне тайно, а после мы оглашаем с тобой о намерении обвенчаться. Я получаю разрешение в полку и возвращаюсь в Милорадово, мы обручаемся. Коли не будет... последствий, то я готов ждать до лета с таинством, как ты того желала.

— Mademoiselle Annette! — снова раздалось из-за двери, уже беспокойнее. После мадам Элиза что-то проговорила кому-то, видимо, Глаше.

— Я согласна. Иной, последний, — быстро прошептала Анна, и Андрей перекатился в постели, одним рывком поднялся, а затем помог встать на ноги ей. Уже сидя на окне, он вдруг привлек ее к себе и поцеловал — коротко, но глубоко, не в силах расстаться с ней ни ныне, ни когда-либо в будущем. А потом заглянул в ее глаза таким взглядом, что у Анны даже дыхание перехватило, сдавило в груди. Открыл рот, но ничего не произнес после, только головой кивнул. Стал спешно спускаться по шпалере вниз, обдирая ладони о шипы роз.

Анна наблюдала за ним, перегнувшись через подоконник, выпрямилась только, когда Андрей прочно стоял на земле обеими ногами, когда побежал через дорожку прочь от дома в парк. Прежде чем скрыться в кустах сирени, он вдруг остановился и оглянулся на нее, стоявшую в окне, по-прежнему не отрывающую от него своего взгляда.

Отчего то, что казалось в прошлые сумерки под винными парами единственно верным решением для него, нынче, когда светает, а голова трезва, наполняет его душу какой-то странной тоской и отвращением к себе? Андрей знал, что она ответит ему, поддастся соблазнам тела, видел это в ее глазах, когда целовал ее. Отчего только порывы тела и души не всегда бывают едины? Но ни одного сомнения в том, что он непременно должен заполучить эту бессердечную злую плутовку в жены до скончания своих дней, в Андрее не было, ему на удивление. Даже если бы у нее не было ни копейки, ни пяди земли в приданом, он взял бы ее ныне.

Она была нужна ему. Он понял это еще прошлым вечером, сидя на подоконнике и наблюдая, как она сражается с шипом в его ладони, тихонько дуя на рану, чтобы облегчить боль. Его милая и нежная Анни... Все-таки жаль, что она выбрала не первый путь. Но о том что не остановила его прошлой ночью, как он ждал до последнего момента, сожалений не было.

Анна убедилась, что он скрылся в парке, только тогда открыла дверь, пуская в комнату встревоженную мадам Элизу.

— Я заспалась и не слыхала стука, простите, — коротко ответила она на вопросительный взгляд мадам. А потом вдруг почувствовала себя такой усталой и разбитой, что захотелось упасть в постель и проспять до самых сумерек, спрятаться в сновидениях от всего, что случилось за последние дни. Что не думать, не вспоминать, не мечтать...

— Я следующего утра поеду в церковь, — продолжила Анна, приказав Глаше принести воды подогретой в кувшине. — Не ныне. Мигрень жуткая, будто и не почивала вовсе.

Мадам Элиза обеспокоенно взглянула на нее, пощупала лоб, а потом прошла к комоду с бельем, намереваясь достать платок и смочить тот в уксусе. Всем известно, что при мигрени надо было виски протереть этой пахучей жидкостью. А потом мадам бросила взгляд на смятую постель, на съехавшие с перины простыни. Замерла на месте, повернулась к Анне, потрясенная увиденным. Тогда и Анна заметила кровь на простынях, сама побледнела от ужаса, вспоминая ту боль, что пронзила ее тело этой ночью. О, он определенно поранил ее! А вдруг она теперь умрет? О Господи!

— Qui est-ce? Quand? O mon Dieu, Annette!^[244] — в голосе мадам Элизы звучал такой ужас, что Анна не выдержала и расплакалась. Тогда мадам Элиза быстро пересекла комнату и прижала воспитанницу к себе, борясь с желанием залепить той пощечину и ласково вытереть слезы одновременно. Она полагала, что следует в оба глаза следить за Полин с ее горячей и неразумной головой и Петром Михайловичем, совершенно упустила из вида Анну. Это только ее вина, только ее!

— Я теперь умру, да? — спросила сквозь слезы Анна, и мадам нахмурилась, не сразу понимая, о чем она речь ведет. А потом тихонько рассмеялась, поцеловала Анну в лоб.

— Нет, ma chère, от этого определенно не умирают. Но последствия за собой влечет. О, ma chère, я так расстроена твоим поступком, так растеряна! Кто? Это monsieur Olenin, vrai? — а потом сама же и кивнула себе в ответ — более никого в округе не было, кто способен был заставить ее девочку настолько потерять голову. — И что ныне? Он придет к твоему рара нынче днем? Ведь надобно устранить возможные последствия! O mon Dieu, Annette!

— Ему нет нужды ехать к рара нынче, — ответила Анна и, прежде чем мадам Элиза открыла рот для возмущенной тирады, поспешила продолжить. — Мы уже с ним помолвлены. Вот уже несколько дней, как он сделал мне предложение, и я приняла его.

— Têtes fêlées^[245]! Все порядочные люди сперва родителей ставят в известность!

— Так и есть, папеньку просил в тот же день, — и мадам Элиза поджала губы, явно недовольная, что от нее скрыли такое важное событие в жизни ее девочки. Она хотела спросить, кто еще ведал о сговоре том, но тут в спальню вошла Глаша с кувшином воды в руках, и мадам поспешила взять его из рук девушки, желая скрыть любые доказательства прошлой ночи от ненужных глаз.

— Ступай, Глаша, я сама за mademoiselle схожу.

Потом, когда Глаша ушла из спальни, мадам помогла Анне привести себя в порядок, одновременно рассказывая ей о том, что должна была поведать ранее, как Полин. Она не видела в Анне той страсти, того пыла, которые замечала в собственной дочери. Успокоилась, когда та стала держать своих поклонников на таком длинном поводке, забавляясь ими, но не увлекаясь, не отдавая свое сердце взамен. А этот кавалергард все же сумел пробиться через все преграды, которые возвела ее девочка. Вот только на благо то или на худо?

— Хорошо, что крови недавно были, — проговорила мадам Элиза, полагая, что последствий той ночи не будет. Старая травница, жившая в горах неподалеку от замка, где выросла Элиза, когда-то открыла ей, как связано с луной не только самочувствие, но и зачатие новой жизни. Жаль только, что Элиза не знала тогда о болезни, которая настигнет ее здесь, в этой стране, ставшей ее новым домом. Доктор Мантель, местный эскулап, ничем не мог помочь ей в приступах хвори и исцеление принести не мог. Она знала, что каждый из них отнимает медленно по кусочку ее жизни.

В церковь не поехали в то утро и к завтраку не спустились, остались в спальне Анны, сославшись на приступ мигрени барышни. Долго сидели, разговаривая о женских обязанностях, о брачном союзе, о мужчине и о той стороне жизни супругов, с которой познакомилась Анна, еще не ступив под венец.

К полудню в Милорадово приехал казачок из соседнего имения графини — Андрей прислал записку и корзину оранжерейных цветов барышне, чем привел ту в восторг помимо ее воли — первое подношение жениха. Все, таиться более не было нужды. И после обеда она

уже просила отца о возможности переговорить с ним наедине в тишине кабинета.

Служба подошла к концу. Анна даже губу прикусила от волнения, когда хор пропел многолетие императору Александру Павловичу и царствующей семье, знаменуя окончание литургии. Иерей приступил к оглашению имен тех, кто намеревался в будущем ступить под своды храма и соединить руки. Анна не могла удержаться, чтобы не взглянуть в сторону Андрея, но через фигуры прихожан, что разделяли домашних графини и Шепелевых, его не смогла разглядеть. Только алые перья на шляпке Марии заметила, ее косой взгляд в свою сторону. Но Анну более не волновала та неприязнь, которую подопечная графини питала к ней.

— Ротмистр Кавалергардского полка Ея Величества кавалер ордена Святого Георгия Оленин Андрей, сын Павлов и девица Шепелева Анна, дочь Михайлова первым браком имеют намерение сочетаться! — провозгласил их имена самыми первыми отец Иоанн, и по толпе прихожан словно волна прокатилась — зашептались, стали поворачиваться в сторону Анны, вытягивая шеи, выглядывая из-за соседей, чтобы получше разглядеть. Тихо вскрикнула Катиш, прижала руку ко рту тут же, краснея за то, что не сдержалась. Потрясенно взглянул Павлишин, сверкая стеклами очков в отблесках свечей.

— Анна Михайловна, — протянулась к ней ладонь, обтянутая перчаткой. Анна повернула голову в сторону Андрея и улыбнулась ему. Вложила свои дрожащие пальчики в его ладонь, чтобы он отвел ее через образовавшийся проход между прихожанами к отцу Иоанну, объявляющему уже другие имена — холопов из села и окрестностей. Андрей чуть улыбнулся ей, когда она взволнованно сжала его пальцы, но руки ее все же отпустил, когда получал благословение от иерея, когда целовал распятие. И она не стала освобождать свою ладонь из его пальцев, когда прикладывалась к кресту, получив благословение. Так и стояли перед тем, за руки держась, и разомкнули их, лишь выходя из церкви. И Анна тогда подумала с удивлением, как вдруг стало не хватать ей тепла и силы его ладони.

На церковном дворе и Шепелевых, и недовольную подобным вниманием графиню обступили, стали поздравлять, расспрашивать о деталях предстоящего события. Всем было любопытно, как и когда успели настолько сблизиться ротмистр и mademoiselle Шепелева. Михаил Львович предполагал подобное, потому громко пригласил присутствующих на оглашении на обед в Милорадово, о котором распорядился, уезжая в церковь.

— Это не званый обед, прошу простить меня. Вечер по случаю помолвки будет дан позднее всенепременно! Просто прошу разделить со мной нынешнюю радость мою и поднять бокалы за здоровье и счастье моей дочери и господина ротмистра.

И потянулись от храма в сторону имения Шепелевых коляски и ландо в сопровождении всадников, что предпочли прибыть на службу в седле, а не в экипаже. Андрей не стал ехать в арьергарде этого импровизированного поезда и не стал обгонять экипажи, а съехал с дороги и старался держаться вровень с ландо Шепелевых, если это было возможно. Анна наблюдала за ним, уже не скрывая своего интереса от остальных, любовалась его посадкой, его искусством наездника. Он даже ни разу не взглянул в ее сторону, но она знала, что неспроста Андрей удерживает коня на легкой рыси, не давая тому пуститься галопом, сминая летние травы на лугу. От его присутствия рядом на сердце пришел покой и какая-то странная благодать, захотелось приподняться в ландо и крикнуть в голос от наслаждения этим простором, теплыми солнечными лучами и ясным небом над головой. И от того, что отныне не надо было думать и гадать, как сложится отныне ее жизнь. Все уже было решено.

— Ты счастлива, — вдруг проговорил тихо Петр, сидевший подле Анны, склоняясь к ее

уху, когда ландо ехало по аллее к дому. Это был не вопрос, и не требовалось от нее подтверждения. Но она все же повернулась к нему, оставляя попытку разглядеть среди всадников в «хвосте» Андрея, вынужденного вернуться на дорогу при въезде в ворота имения. Кивнула брату, прикусывая губу, чтобы не снова не улыбнуться широко, показывая каждому любопытному свой восторг, распирающий грудь.

— О, Annette, береги свое счастье, ma chere, — прошептал он ей, пропуская между пальцев широкую ленту ее шляпки. — От всего береги, ибо счастье — такая хрупкая вещьца... А у тебя столько недоброжелателей этому счастью. Даже я...

— Que dites-vous? [\[246\]](#) — не расслышала его последних слов Анна. Ныне ее занимала только одна мысль — ладно остановилось на подъездной площадке, и ей бы очень хотелось, чтобы Андрей подал ей руку, помогая спуститься из экипажа. Она видела, что он уже спешился чуть в стороне от экипажей, заполонивших подъезд, и уже направлялся к прибывшим.

Но не к ней, увы. Андрей остановился у коляски Марьи Афанасьевны, подал руку наперед лакея сперва тетушке, а потом и Марии, на досаду Анны. Она поджала губы, сжала сильнее, чем требовалось пальцы лакея, помогавшего ей сойти из ландо. Что происходит? Оглашение состоялось, и ныне он может снова играть в ледяную персону?

— Катюша расстроена, — неслышно приблизилась к ней мадам Элиза, наблюдая, как убегает в дом девушка, даже не обращая внимания на гостей.

— Пусть. Мне нет до того дела, — пожалала плечами нервно Анна, наблюдая, как Андрей ведет к ним графиню и Марию. — Неужто она полагала, что он...? Quelle bêtise [\[247\]](#)! А впрочем, давай за ней Вера Александровна земли, кто знает, как повернулось бы? Нашему ротмистру нет дела, кого в жены брать, коли есть за душой той, что предложить ему.

Анна не стала дожидаться, пока к ней подойдут, ушла в дом, складывая зонтик. Тот все никак не поддавался ее усилиям, и ей пришлось сунуть его раздраженно швейцару в передней, чем изрядно удивила его, кланяющегося гостям, сбила с толку. У себя в покоях Анна упала в постель, твердо решив не спускаться вниз, но спустя пару минут к ней прибежала взволнованная Пантелеевна.

— Анечка, вставай, душенька. Прибирайся да ступай к чайной. Там закусничают покамест перед обедом, — она суетилась по спальне, подгоняла Глашу найти для Анны замену измятому уже платью. — Не мотай-то головой своей. Не мои слова то. И не мадамы твоей. Батюшка велели сказать, коли не сойдешь, он сам к тебе придет. Ой, не зли ты батюшку, душенька моя! Тот и так зол отчего-то, аки черт, прости Господи! Да и пред людьми-то стыдоба. Барышня ведь, а что удумала! Как дитя малое! Ну, чего ты слезоньки сызнава льешь-то, горюшко мое? Не пугай меня, старуху, не тревожь душу мою! Ох, что стряслось-то у голубушки моей? Прямо не ведаю! Все льешь слезоньки и льешь. Из-за него, чай?

Но Анна уже отводила от себя руки няньки, поднималась с кровати. Не надо ей жалости. И слез более не будет. Довольно слез! Ни одной слезы не прольет теперь. Пусть так, пусть на душе тоскливо. И пусть под венец ее поведет только из-за того, что отец предлагал в довесок! Пусть получит все, что желает, как вынудил ее ускорить оглашение. Желает венчание на Рождество? Будет оно на Рождество, согласится она. Как будет соглашаться отныне на все его слова. Но после... видит Бог, после ему уже придется делать это, не ей! И тогда он поймет, что соединил судьбу не с землями, а с человеком, она заставит его понять это. Правда, пока не знает, каким образом она осуществит задуманное, но сделает

непрерывно!

А пока Анна будет сама любезность с ним, будет делать вид, что покорна его воле. Спустилась в парк, переменяя измятое платье, где в большой открытой беседке любили пить чай в летнюю пору, а ныне сервировали легкие закуски и напитки, пока не накрыли к обеду. Гости помоложе прогуливались около цветников, а кое-кто и уединился в тенистых аллеях. Те, кто был постарше и степеннее, расселись в креслах в тени деревьев или в беседке, вели неспешные разговоры о том, что творится в свете или в столице, а теперь уже и в Вильне, где ныне был император и свет.

Анна не стала сразу подходить к гостям, среди которых стоял Андрей. Остановилась в десятке шагов от них, явно вынуждая жениха подойти и предложить свою руку, остановила взглядом парочку молодых соседей, что двинулись к ней. Андрей с улыбкой извинился перед своими собеседниками, склоняя голову, подошел к невесте неспешно.

— Анна Михайловна, — демонстративно предложил ей свою руку с легким поклоном. Анна не менее демонстративно приняла ее, улыбаясь настолько очаровательно ему, насколько могла. Гости с улыбкой на устах, с явным любопытством в глазах принялись наблюдать, как жених и невеста обходят приглашенных на обед к Шепелевым, здороваясь и обмениваясь вежливыми репликами, принимая положенные случаю поздравления.

Анна опиралась на руку Андрея явно крепче обычного, то и дело касалась в разговоре свободной рукой его плеча, и он тоже решил подыграть ей в этой явной демонстрации безмерного счастья — положил свои пальцы поверх ее пальчиков, иногда гладил их, сбивая ее порой с мысли, заставляя терять нить разговора на миг. Она могла обмануть кого угодно, но только не его, читающего по ее слишком невинному виду, что уже всюду ведется новая игра. Только вот что было целью для той, было для Андрея загадкой. Эта новая Анна — уже не холодная высокомерная Аннет, но еще и не его милая Анни — интриговала его, и он не мог не улыбаться, думая о стольких открытиях, что доведется ему совершить, когда они обвенчаются.

— А прогос [\[248\]](#), когда же состоится сие событие? — обратилась к жениху и невесте одна из дам в шляпке с длинной тульей, безвкусно украшенной множеством роз. — Когда вы ступите под венцы?

— Следующим летом, коли Бог даст, — мигом отозвался Андрей, памятуя о желании Анны венчаться в день своего рождения, и незаметно для остальных смутился, когда услышал одновременный ответ Анны, такой неожиданный для него:

— После Фиппова поста [\[249\]](#).

Дама в шляпке и остальные улыбнулись, понимающе переглянулись, и Анна покраснела слегка от той злости и досады, что вспыхнули в ее душе при этом обмене взглядами. Ужасно! Все было просто ужасно! Отныне все решат, что она торопится под венец, а ее жених совсем нет. Да к тому же ее нынешнее поведение, когда она так и светится подле него...

— К чему вы это сказали? — прошипела Анна, едва они отошли от очередной группки гостей. Андрей не повел ее к беседке, куда они должны были взять направление, а зашагал медленно в сторону одной из аллей. — К чему вы вдруг сказали про лето? Разве не вы так торопили меня под венец, что переступили через все правила приличия, через понятие чести? Разве не дали понять, что я должна смириться с вашим выбором?

— Жаль, что с образованием, которое вам дал Михаил Львович, вас не выучили иному, — резко ответил Андрей. — Например, обдумать каждое слово перед речью.

— Вы первый оскорбили меня. И не словом, а действием. Давеча. Запомнили?

— О, нет, моя милая, вы первой развязали войну, именно вы. Вспомните, еще на Рождество, у церкви, — не задержался с ответом Андрей, а потом вздохнул и уже мягче продолжил. — Хотя какая ныне суть в том, кто первый сделал залп? Я предлагаю вам мир, Анна. Я устал от злых слов и колкостей, устал держать оборону и совершать ответные атаки. Все, чего я желаю ныне — насладиться вашей близостью ко мне, той, которая ныне позволительна жениху. Так позвольте мне это, милая Анна, — он вдруг остановил ее, развернул к себе, не обращая внимания на любопытствующие взгляды проходящих мимо них гостей, с которыми мимолетно раскланялся тут же, принимая их поздравления. Короткий любезный разговор, и те отходят, а Андрей снова продолжил, выждав некоторое время, пока они удалятся на нужное расстояние.

— Позвольте мне, Анна, узнать вас. У вас столько ликов, что я порой теряюсь совершенно, какой из них принадлежит вам истинной, — Андрей взял ее руку в свои ладони, стал поглаживать большим пальцем через тонкое кружево перчаток, вызывая в ней какую-то странную дрожь. Или этот озноб у нее был вызван порывами холодного ветра, что неожиданно налетел со стороны леса, трепавшего перья на шляпках, кружево чепцов, подола платьев и волосы непокрытых мужских голов? — Я бы желал верить, что истинная Анна — та, что была со мной в лесу. Та, что давеча доверила мне слепо свою судьбу. Та, что улыбалась мне ныне в церкви и была так счастлива, когда оглашали наши имена. Станьте моим ангелом, моя милая...

Андрей поднес ее руку к губам после этих слов. Но коснулся не тыльной стороны ладони, не внутренней. Отодвинул край перчатки, поцеловал местечко на запястье, в тоненькие жилки, как ночью той целовал сгиб ее локтя. От этого простого касания губ Анна вдруг ощутила неудержимое желание, чтобы он увлек ее еще дальше в парк, скрываясь от лишних глаз, чтобы поцеловал так, как целовал той ночью, туманя рассудок. А еще ей хотелось запустить пальцы в его волосы, пропустить меж них эти мягкие пряди, а то вовсе самой склониться к его лицу и покрыть его короткими поцелуями. И шею. Поцеловать его в шею.

Глаза Андрея вспыхнули каким-то странным огнем, и Анна поспешила отвести взгляд от его лица, испугавшись, что он мог прочесть ее мысли. Такие странные, такие неприличные. Совсем неподобающие девице. Взглянула через негустую зелень ветвей чубушника на партер, где прогуливались гости, на беседку, на крыльцо которой вышел в этот момент Михаил Львович. Анна заметила растерянность на лице отца и проследила за его взглядом. Похолодела, когда заметила спешащего от дома Ивана Фомича. Дворецкий даже не шел быстрым шагом по гравийной дорожке, он бежал, и Анна встревожилась — чтобы степенный Иван Фомич, всегда сохраняющий важный и строгий вид, побежал, невзирая на почтенные годы и на то, что рискует потерять уже съехавший набор парик?

— О Господи! Что-то стряслось! — Анна потянула за собой к беседке Андрея, еле сдерживаясь, чтобы сорваться с места и не побежать, как бежал Иван Фомич. Что могло его подвигнуть на то? Чья-то смерть? Не иначе, из близких кто. Но кто? А потом испуганно вспомнила о Вере Александровне и Натали, что носила дитя, вспомнила, как опасны тягости для женщины. Спаси и сохрани, перекрестилась она трижды на ходу. Заметила вопросительный взгляд Андрея, едва не сказала ему о своих подозрениях, а потом смутилась, вспомнив, что тягость — не та тема, которую стоит обсуждать девице.

Они уже подошли торопливым шагом на достаточное расстояние к беседке, когда услышали возглас Ивана Фомича, споткнувшегося на дорожке и упавшего на колени в шагах

десяти от хозяина.

— Беда! Беда, батюшка Михаил Львович! — крикнул он, и Шепелев быстро сбежал к нему навстречу со ступенек беседки. Стали шумно переговариваться гости, торопились на этот крик из парка те, что ушли недавно на прогулку. — Антихрист! Антихрист, батюшка, на Россию-матушку нашу с тьмой своей пошел. Война, батюшка! Война!

Это слово прокатилось волной над партером и в беседке, передаваясь из уст в уста. Некоторые из женщин истерически закричали в голос. Одна из пожилых соседок лишилась духа, обмякла в кресле под причитания своей дочери, принявшей обмахивать мать веером, который так и норовил вырвать из ее рук ветер каждым своим порывом.

Анна обернулась на Андрея, придерживая шляпку, чтобы ее не сорвал с головы проказник-ветер. Показалось ли ей или нет, но небосвод посерел как-то, пробрало легким холодком аж до самых костей. Андрей только улыбнулся одними уголками губ, словно ничего худого и страшного вовсе, погладил пальцем ее запястье успокаивающе.

— Откуда ведаешь о том? — Михаил Львович в несколько шагов подошел к растерянному дворецкому, поднял того на ноги. — Кто вести принес?

— Так Прохора посылали в Гжатск за почтой нынче утром. Вот он и привез весть эту, — ответил Иван Фомич не только хозяину, но и обступившим его гостям. — Говорят, в среду еще реку граничную пересек. Уж почитай несколько дней, как нашу землю топчет, француз проклятый!

Михаил Львович оглядел растерянных женщин, помрачневших лицом мужчин, взбудораженную этим известием молодежь мужского пола, которую весть о войне привела в состояние едва ли не восторга — доведется и им послужить императору и России с честью! Андрей переглянулся с отставным полковником в армейском мундире скептически этому настрою юнцов. Они-то уж знали, что война далеко не такова, какой представляется в юношеских грезах о славе воинской и ратных подвигах.

— Messieurs-dames! Le temps se brouille ... [250], - начал Михаил Львович, но осекся вдруг, решил продолжить на русском языке. — Пожалуйте в дом, господа, дамы. Укроемся от непогоды, а там и к обеду призовут.

После его слов, после того, как сам хозяин, предложив руку графине, то и дело бросающей встревоженные взгляды на племянника, направился к дому, парами потянулись и остальные гости, переговариваясь, строя возможные варианты событий в связи с вторжением войск Наполеона. Даже предполагали, было ли тут же дано сражение доблестной армией императора Александра Павловича, или покамест не случилось боя.

В салоне, куда проводили лакеи гостей, зажигали свечи, разносили на подносах напитки и закуски тем, кто не успел вкушать их в беседке. Беседы не прекращались, даже наоборот стали оживленнее, шумнее. То и дело раздавался чей-то мужской смех — это молодые соседи Шепелевых уже всю обсудили, как наконец-таки щелкнут по носу Наполеона русское воинство. Слыхано ли — все же осмелился пойти войной!

— Александра Васильича, увы, нет на свете этом. Тот-то показал бы Буонапарте, погнал бы аки черта назад, — качали головами пожилые соседи. — Способен ли немец защитить Россию? Слыхали ведь? Одни немцы во главе армии и гвардии нашей! Будто и нет крови русской достойных генералов!

— Ну, почему же? — отвечал отставной полковник. — Разве князь Багратион — немец? Аль граф Тормасов [251]?

Анна вздохнула — сейчас непременно к разговору этому присоединится Михаил

Львович, противник того, что генералы армейские и гвардейские были не русских фамилий, ярый поклонник графа Суворова и его школы. Ее тронул кто-то за локоть.

— Не видали ли вы Полин? Или Петра Михайловича? — мадам Элиза была бледна и растеряна, но не переход армией Наполеона границ империи был тому виной. — Все уж вернулись в дом, их же нет...

Но Анна только головой покачала, только сейчас заметив, как яростно что-то втолковывает графиня склонившемуся Андрею над ней, сидящей в кресле она, в которое так и бился ветер. Даже перья на ее тюрбане качались резко в такт резким движениям ее головы. Потом она поймала на себе взгляд Анны и сделала той знак рукой приблизиться.

— Полюбуйтесь на своего нареченного, Анна. Все торопится вон, будто без него прогонят Наполеона вон из страны! Удумал ехать нынче же! В грозу! Глянь в окно, Andre, гроза ведь идет. Все мы заперты тут непогодой до вечера, вестимо, — графиня недовольно поджала губы. Андрей смотрел в окно, сложив руки на груди, и только сейчас Анна разглядела, насколько очерчен его подбородок. Черта упрямца, как говорила Пантелеевна.

— Мне продлили отпуск, *ma tantine*, исключительно, когда никому и не дают его. Разве что по причине нездоровья, как Петру Михайловичу. Я обязан тут же вернуться в полк. Тут же! Я все решил. Уже отбыл в Святогорское человек с наказом для Прохора готовиться в поход. Мне надобно ехать тотчас, умоляю, поймите меня, — Андрей ни разу не взглянул на Анну с тех пор, как та по знаку графини подошла к ним, даже мельком. Старательно отводил глаза, как ни пыталась она поймать его взгляд, растерянная, все еще до конца не понимающая того, что случилось.

Война была для нее чем-то дальним, незнакомым, хотя и давали Шепелевы благотворительные балы в пользу госпитальных домов и инвалидов войн с Францией и Турцией, что велись в последние десять лет. Но все эти сражения были далеко, за сотни верст от нее, она видела только награды на груди офицеров за них, а страшная рана Петра затянулась задолго до того, как он вернулся в Милорадово. Оттого и казалось все таким — отдаленным, не стоящим внимания, нереальным...

— Я еду нынче же, *c'est décidé* ^[252]. А вам я запрещаю, *ma tantine*, ехать со мной до Святогорского ныне. Дождитесь ясности в небе, — твердо сказал Андрей. И только потом поднял на Анну взгляд.

— Мне бы с Михаилом Львовичем бы переговорить, — поманив к себе лакея, проговорила графиня, устало прикрыла глаза. Андрей же в два шага подошел к Анне, взял ее под локоть и отвел к окну, создавая некую видимость уединения на глазах у остальных.

— Ее сиятельство права: ехать в такую непогоду — сущее безумие, — но он только головой покачал.

— Не стоит о том. Времени совсем нет. Вы не понимаете, Анна, мой долг вернуться в полк как можно скорее. Я и задерживаться здесь не имел намерения так долго. Пара дней, не больше. И это оглашение... Не имел я права так поступать. Ни малейшего права, — он смолк на минуту, собираясь с мыслями, чтобы найти слова, призванные убедить ее в его правоте. Андрей действительно считал, что не имел ни малейшего права так приближаться, а уж тем паче заявлять о намерении вступить в брак ныне — когда над ним тяготеет долг перед императором и Россией. Как офицер, он обязан был думать прежде об этом долге в эти дни, когда в воздухе так и ощущалось скорое приближение войны, когда ее ждали все: от крестьянина до светлейшего дворянина. Сущим безумием было не ехать тотчас в полк, невзирая на непогоду, а настолько поддаться чувствам, как позволил себе он.

Анна вдруг подняла вверх ладонь, призывая его замолчать, отвернулась от него к окну, стала наблюдать, как ветер треплет листву деревьев, как раскачивает ветви. Андрей не стал продолжать, лишь попросил:

— Вы позволите... позволите иметь от вас что-нибудь в память?

Анна даже головы не повернула к нему, задавая встречный вопрос, неожиданно пришедший в голову, ища опровержение своим худым мыслям:

— Та роза... Разве она не будет вам служить напоминанием?

— У меня ее нет, — пришлось признаться Андрею. У него действительно не было того цветка из оранжереи и довольно давно, еще с зимы. Обронил где-то в дороге, как ни прятал его тщательно за полой мундира, а обнаружил это, лишь устраиваясь на ночлег на почтовой станции. Тогда он решил, что это только на благо. Нет памяти — быстрее забудет...

— А ваша? — спросил он, и она резко повернулась к нему от окна. — Ваша роза?

— Я недолго хранила ее, — пожалала Анна плечами, раздосадованная, что он ведает про то, как она приказала забрать из оранжереи оброненный цветок. Глупый лакей! Не только ей поведал о том, что Андрей забрал с собой розу, но и Андрею рассказал зачем-то о ее желании иметь схожий цветок в память. — К чему хранить увядшие цветы? Вас манит к себе Марья Афанасьевна, — Анна легким кивком показала в сторону графини, которой помогал подниматься с кресла лакей. — Вам надобно идти.

Она хотела отойти от него, потакая желанию скрыться от всех в тишине своей спальни и выплакать ту боль, что свернулась клубком в груди при его словах. Она знала... знала, но зачем-то все же надеялась, верила, как хотела верить его словам, его глазам и ласковым рукам. Не надо было открывать даже мельком свою душу, не получила бы боль обиды и горечь разочарования.

Но Андрей не позволил Анне этого. Вдруг схватил за локоть, развернул к себе лицом резко, даже не заботясь о том, как это действие будет выглядеть в глазах присутствующих в салоне, в глазах тетушки, что наблюдала за ними и нахмурилась тут же.

— Вы не позволите себе так проститься со мной. Я не позволю вам! — она видела, как он разъярен, как снова побелел шрам на фоне легкого загара, который он приобрел в деревне. Отчего-то осознание его ярости принесло ей мимолетное облегчение мукам, терзавшим ее собственное сердце. — Я уезжаю, Анна. Неужто вы не можете того понять? Неужто не найдете слов на дорогу мне?

— Ну, отчего же? — улыбнулась Анна, как привыкла улыбаться за эти годы — очаровательно и вежливо, без единого чувства. Она аккуратно выпростала руку из его хватки, после обхватила его голову ладонями и, приподнявшись на цыпочки, легко поцеловала его в лоб, краем глаза замечая, как смотрят на них все, кто был в салоне. — Прощайте, Андрей Павлович. И да хранит вас Спаситель!

Она видела, отстранившись, как похолодели его глаза, как сжались губы, но он ничего не сказал ей. Только склонил голову, отвечая кивком на ее прощальный поцелуй. И Анна развернулась от него, пошла к выходу из салона, с трудом удерживая себя от того, чтобы не развернуться к нему, чтобы снова не взглянуть, но уже иначе — выражая те самые чувства, которые питала к нему против своей воли. Сердце умоляло, но гордыня запретила это делать, заставила высоко поднять подбородок, распрямить спину.

Когда она проходила мимо графини, та вдруг протянула в ее сторону руку, словно пытаясь остановить. Но ничего не сказала отчего-то, махнула только ладонью, мол, иди мимо, и Анна последовала этому жесту — ушла из салона, сделав неглубокий реверанс у

дверей, прощаясь с гостями. А потом побежала через анфиладу комнат, через вестибюль, пробежала по лестнице, шагая через две ступени, лишь бы скорее спрятаться, укрыться в покоях своих.

— Быстрее! Быстрее! Развяжи! — она растолкала Пантелеевну, что спала, полусидя на диванчике в будуаре. Глаши как назло не было. Нянька долго не могла сообразить со сна, что Анна хочет от нее, с трудом поднялась на ноги, охая и растирая затекшую от неудобной позы спину.

— Что это на дворе? Гроза что ль идет? — спросила няня, потирая глаза. Анна нетерпеливо постукивала носком туфельки по полу, с трудом сдерживаясь, чтобы не прикрикнуть на медлительную старуху. — Что это ты платье менять удумала? К обеду?

— Нет, лечь хочу, — отрезала Анна, и няня удивленно замерла, взявшись за завязки шнуровки.

— А как же обед? Что папенька скажет? И как жених-то твой? Вот ведь шальная, так и просишь розги ныне!

— Ах, Пантелеевна, развязывай же! Что встала столбом? — Анне не терпелось скинуть платье и спрятаться в подушках от всех и вся. И не думать, не сожалеть, не вспоминать. — Жениха на обеде не будет. Ему ныне совсем не до меня. Уезжает он.

— Куда это он уезжает, душенька моя? Как же? А обед? Негоже то, — качала головой Пантелеевна, аккуратно расправляя шнуровку. А потом донесся от подъезда стук копыт, смягченный гравием, и Анна дернулась от няньки к окну, выглянула, чтобы заметить, как уезжает Андрей по аллее.

— От погнал-то коня! Чем его допекла-то, что так резво из дома нашего? — хохотнула беззлобно Пантелеевна, выглядывая из-за плеча Анны в окно. И замерла, когда та тихо ответила:

— В полк уезжает. Война, милая. Говорят, Наполеон границы империи нашей перешел с войском своим.

— Ох ты, Господи! — возопила Пантелеевна, а потом бросилась к образу на полке в углу спальни Анны, бухнулась на колени. — Заступница! Что ж творится-то? Мать Всеблагая, Заступница наша!

Анна молча наблюдала за поклонами няньки, с трудом разбирала бормотание той себе под нос, ее мольбы об избавлении от напасти, от судьбины лихой, а потом вдруг замерла на месте, расслышав слово «гибель». Вдруг вспомнилось, как беззвучно и оттого так страшно плакал отец в кабинете, получив весть о ранении Петра, как только и смог сказать, что опасна та пуля для него. «Он может не вернуться к нам, душа моя! На все воля Божья, к нему обратимся с мольбами», только и сказал тогда.

До того ей казалось, что отъезд Андрея сродни его отсутствию этой весной. «Неужто вы не можете понять?», спросил он недавно ее в салоне, и она действительно не понимала той тени, что висела над ним, над его отъездом. Забыла о том страхе, что витал в доме, пока не получили вести от Петра.

«Он может не вернуться к нам, душа моя!», промелькнули снова в голове слова отца, тихие, полные скорби, и Анна сорвалась с места. Быстро нашла в шкатулке у зеркала то, что искала, набросила плащ, висевший в гардеробной, выскользнула из покоев на лестницу для слуг, по которой даже не сбежала — слетела вниз, перепрыгивая через ступеньки, рискуя наступить на подол платья и свалиться, свернув себе шею.

Ветер уже вошел в раж, чувствуя свою силу, рвал ветви деревьев, пытался выбить из рук

лакеев ставни, которые те спешили закрыть, спасая стекло окон от разбушевавшейся стихии. Из-за парковых деревьев надвигала на Милорадово темнота грозовой тучи, погрозила Анне раскатом грома, от которого та даже присела в ужасе.

Она с самого детства боялась гроз. До истерики, до дрожи. Но остановиться ныне не могла. Сжав пальцы так, что побелели костяшки, побежала быстро прочь от дома, скрылась в залесной аллее. Андрею необходимо было совершить круг почти в четыре версты, прежде чем он достигнет границ Святогорского. Анна же намеревалась пройти до земель графини через граничный лес — верста или чуть более. Да, он едет верхом, но если она побежит... И она побежала.

Ветер неистовствовал, гнул верхушки деревьев вниз с такой силой, что Анна даже боялась глаз поднять лишней раз — все казалось ей, что сейчас вот-вот он повалит ее на тропинку, по которой она бежала. Редкие раскаты грома заставляли ее сердце биться с удвоенной силой о ребра. Порой она даже вскрикивала от ужаса при особо громких угрозах наступающей грозы, чуть приседала на бегу, словно прячась от небесного гнева. В такие моменты лучше бы сидеть за надежными стенами дома, укрываясь от своих страхов в теплых объятиях Пантелеевны, а не спешить по неровностям лесной тропинки, уворачиваясь от ветвей, цепляющихся за плащ. Один раз даже пришла мысль повернуть назад, отказаться от своей затеи. Неужто нельзя решить это недоразумение иначе? Написать в письме свои извинения, к примеру. Но быстро отмела эту мысль, понимая, что на бумаге едва ли можно решить то, что так запуталось в разговоре.

Анна опоздала. Когда она выбежала из леса на тропу, шедшую по краю луга к дороге на Святогорское, Андрея еще не было видно, и она остановилась на миг, переводя дыхание, сбившееся от быстрого бега. Снова раскатисто громыхнул гром, уже ближе и намного громче, чем прежде, и Анна завизжала от ужаса, вспоминая тут же истории, рассказанные Пантелеевной о путниках, которых гроза застала вне убежища. И их страшную кончину. Присела на тропинке, словно высокая, еще не скошенная трава на этом краю луга, могла укрыть ее.

А потом снова установилась звенящая тишина, какая бывает только перед разгулом стихии. Сначала Анна даже не поняла, что за тихий ритмичный звук доносится до нее через ладони, которыми она закрыла голову при громовом раскате. Только потом осознала, что это мерный стук копыт по пыльной дороге, резко вскочила на ноги. Так и есть. Всадник в светлом мундире уже миновал пересечение тропкой того места дороги, где она планировала остановить его, удалялся под темнеющим небом в сторону усадьбы графини.

— Нет! — прошептала Анна тихо, а потом подобрала юбки, как можно выше, чтобы не запутаться в них, не упасть ненароком, побежала по тропе, путаясь в траве. И хотя до конца тропы было всего четыре десятка шагов, не больше, она выбежала на дорогу, когда Андрей уже отъехал на приличное расстояние, когда и для крика было уже далеко. Но она все же крикнула — совсем неподобающе для девицы громко, замахала рукой, надеясь привлечь к себе внимание. Очередной раскат грома заглушил ее крик, оглушил на миг ее своим громким звуком, но в этот раз Анна не взвизгнула и даже не шелохнулась, замерев на дороге, наблюдая, как уезжает от нее Андрей все дальше и дальше.

На щеку упала тяжелая капля, покатила вниз к уголку рта, сливаясь на пути с другой — маленькой, что сорвалась с ресниц, когда Анна моргнула невольно, вздрогнув от неожиданного начала дождя, готовящегося пролиться плотной стеной из темноты туч у нее над головой. Она стерла обе эти капли пальцами с лица, а потом подняла глаза и с удивлением заметила, как всадник движется уже не от нее по дороге, а наоборот — развернулся и взял обратное направление, к Милорадово. И она не стала ждать, пока Андрей приблизится к ней, побежала ему навстречу, даже не замечая капель, что чаще и чаще стали падать на ее непокрытую голову, на ее счастливое лицо.

— О, мой Бог! Анна! — Андрей спрыгнул с седла, осадив коня в нескольких шагах от Анны, подбежал к ней, схватил за плечи. — Что вы тут делаете?

А она только молчала и смотрела на него, все еще не веря, что он услышал ее, вернулся.

— Diable! — не удержался он, когда капли стали падать все чаще, когда дождь стал набирать силу, спеша упасть на землю крупными каплями. Набросил Anne капюшон плаща на голову, стараясь хоть как-то укрыть ее от начинающегося ливня, поймал узду коня, нервно перебирающего ногами, недовольного непогодой.

— Тут есть сарай в том краю луга, — Анну вернул на грешную землю холод дождя. Она показала рукой куда-то в сторону. — Для сена... Прямо по той тропе, что у леса надобно пройти. Я не знаю...

Но Андрей не дал ей договорить, легко подхватил на руки и усадил в седло, приказав крепко держаться за луку. Сам же быстрым шагом повел по тропе коня, разглядев вдали у края леса темный силуэт какого-то строения.

Сарай, склоченный из грубых широких досок, конечно, был неказист, и, Андрей был готов поклясться в том — скорее всего, протекала крыша во многих местах. Но выбирать уже не приходилось — едва они достигли цели своего назначения, как небеса разверзлись, и на землю вместо редких капель хлынул ливень плотной стеной, заставляя коня снова нервно дернуться на привязи, прижаться к стене строения боком, стараясь укрыться от воды под нешироким навесом. Людям же было гораздо комфортнее — они спрятались от дождя внутри сарая.

Пахло сеном, которым только-только начали закрывать земляной пол, травами луговыми, что в вязанках висели на веревке, протянутой в одном из углов. Тихо стучали капли дождя по крыше, да изредка звенели о доски изогнутые лезвия горбуш [\[253\]](#), развешанные на стене. Андрей встал в проеме двери, не обращая внимания на капли, что долетали до него иногда под порывами ветра, даже головы не повернул к Anne ни единого раза за первое время, что они провели в этом укрытии. Как провел Анну к охапкам сена в глубине сарая, предложив присесть, так и замолчал. И она несколько стусевалась от этого молчания, чувствуя его злость по переплетенным на груди рукам, по сурово поджатым губам. Но все же набралась смелости, поднялась с сена, на котором сидела, и подошла к Андрею, остановившись лишь в паре шагов от двери, стала смотреть на его профиль.

— Vous êtes en colère [\[254\]](#), - проговорила она первое, что пришло в голову, чтобы завязать разговор, но Андрей даже головы не повернул в ее сторону. Так и смотрел в непроницаемую пелену дождя, под напором которой сейчас клонились луговые травы к земле. Тогда она шагнула еще ближе к нему, на расстояние вытянутой руки, легко провела пальчиками по рукаву его мундира — от края эполет до сгиба локтя. — Ваш мундир промок...

Но и легкий флирт, ранее помогавший ей ступить на первую ступень к прощению, не помог, и она прикусила губу. А потом почувствовала пальцами то, ради чего она так бежала сюда — его близость, вспомнила свое отчаянье, достигшее ее в спальне.

— Vous êtes en colère, è я понимаю вас. Я порой бываю совершенно несносной. Словно границы проверяю, за которые могу ступить в своем отношении к другим. И особенно я становлюсь жестока к тем, кто..., - Анна запнулась. Могла ли она отнести к этой категории Андрея, она не знала. Поймет ли он ее или нет, но она все же продолжила. — Становлюсь особенно жестока к тем, кто питает ко мне слабость. Я словно пытаюсь найти некие доказательства того расположения ко мне, о котором они говорят, проверяю их слова, их чувства. Я верю им и не верю. Моя беда в том, признаю. Я никому не верю. Никому, кроме папеньки и Петра. Они никогда не причинят боли, не обманут, не предадут. А другие

могут... могут! Потому и стараюсь ударить прежде, чем ударят меня...

Андрей продолжал смотреть в дождь, но Анна заметила, как дрогнул уголок губ мимолетно, как шевельнулись его пальцы, еще крепче обхватывая локоть.

— А вы... К вам несколько иное, Андрей Павлович. Я мучаю тех, не чувствуя ничего, кроме последующего за тем легкого сожаления о содеянном. А вас... вас я мучаю, мучаясь сама. Я не ведаю, что творится со мной. Когда вы подле меня, я хочу и убежать из комнаты, и остаться рядом, с вами. Когда вы говорите со мной, я забываю о своем неверии, а вспоминая, злюсь на вас, на саму себя за то. Я хочу вам верить, Андрей Павлович, и в то же время не желаю этого, памятуя о том, чем обернулась моя вера в прошлый раз, когда я была так открыта, так доверчива. Я знаю, что равнять вас и... вашего товарища по полку немислимо, но не могу не делать того. Оттого вдвойне желаю оттолкнуть вас от себя. Из-за того, что вы носите тот же мундир. И тогда, в церкви. Я сперва увидела не вас, а мундир. И только после разглядела... только после.

Анне вдруг безумно захотелось, чтобы он все же повернулся к ней, обнял, крепко прижимая к себе, внося в ее душу тот покой, который она ощущала только в его присутствии. Но Андрей даже не шевельнулся, так же без единого ответного слова слушая ее речь, и тогда она сама, забывая обо всем, кроме того, что он так рядом, что он так нужен ей ныне, шагнула и уткнулась лбом в его руку, чуть ниже бахромы эполет.

— Почему вы молчите, Андрей Павлович? — прошептала она с надрывом. — Не молчите, умоляю вас. Я не знаю, почему рассказала вам о том. Никому прежде я не говорила об этом. Пусть лучше думают, что я такая... такая злая, гадкая... И я такая отчасти. Вы сами говорили, что у меня много ликов, *voilà comme je suis* [\[255\]](#), не спорю, — а потом замолчала, осознав, что сейчас убедит его не в том, чтобы простить ее, а совсем в ином, замолчала, собираясь с мыслями.

— Вы доводите меня до бешенства, Анна, — вдруг заговорил Андрей, но она не подняла головы, боясь взглянуть на него отчего-то. — Такой ярости я до того еще не испытывал в присутствии женщины. Мне порой хочется придушить вас или встряхнуть с силой, чтобы в этой очаровательной головке появилось некое осознание своих деяний и слов. Вы пробуждаете во мне самые животные чувства, какие только есть в человеке — гнев, ненависть, жестокость, страсть. Вы правы — вы злы, злы до невозможности, и в то же время в вашем сердце живет доброта. Вы искушены в провинциальных интригах, творите свои собственные, но в то же время вы так наивны. Вы — сущее дитя, Анна, в жизни. Вы сладкий дурман, приносящий горькое похмелье после момента очарования. Вы ангел, Анна, но злой ангел. Само зло в невинном облике прелести. Вами лучше любоваться издали, не попадая под ваши колкие ядовитые шипы. Но сладость, которую вы дарите, заставляет забыть об уколах. Вы сами создали себя такой, но... мой Бог, неужто вы, верно, такая?

Анна даже застыла от ужаса, слушая, как он говорит о ней — резко, отрывисто, зло. А потом он вдруг чуть отстранился от нее, но не совсем: просто поднял ту руку, к которой она прижималась лбом, обнял ее за плечи, привлекая к своей груди. И она заплакала тихо от этого нежного жеста, вцепилась в сукно его мундира, словно боясь, что он сейчас оттолкнет ее.

— *Qu'est-ce que j'ai fait au bon Dieu?* [\[256\]](#) Ведь я уже отравлен ядом. Твой яд уже в моей крови, в моем сердце, пусть и помимо моей воли. И этого, видно, не переменить ныне...

Анна подняла голову, удивленно взглянула на его лицо, и он нежно улыбнулся ей, коснулся губами ее лба.

— Ты вспыхиваешь, будто порох от огня. Но так же быстро сгораешь. Только думай отныне о том, что порох опасен, что он может разрушить даже камень, моя милая. Когда так часто указываешь на дверь персоне, ты должна быть готова к тому, что настанет день, и ты уже не сумеешь повернуть ее от порога, — проговорил Андрей, и она кивнула, соглашаясь с его словами. Он ласково провел пальцами по ее щеке, заправил за ее ушко, выбившуюся прядь. — Ты так переменчива, Анни... словно лед на солнце. Его блеск меняет свое положение под его лучами. Так и ты. То блистаешь, как дивный камень, то темна и холодна, как лед. Но я верю, милая моя, что растопив его... что в тех глубинах...

Он обхватил пальцами ее подбородок и коснулся губами ее губ. Сперва легко и нежно, углубляя поцелуй с каждым мгновением. Анна обняла его за талию, прижалась к нему всем телом, ощущая, как снова в груди разрастается то неясное ей чувство, захватывает ее в плен целиком. Отступили мысли и тревожные, и благие. Даже дождь стал тише стучать по крыше, словно боясь помешать им в этот миг.

— Прощу..., - тихо прошептала Анна, когда Андрей на миг прервал поцелуй. Как бы ни было ей хорошо от его поцелуев и спокойно от его объятий, в теле проснулось странная жажда чего-то большего. Снова почувствовать прикосновение горячей кожи к собственной коже. Коснуться губами его шеи, как она хотела тогда, нынче в парке. Он покачал головой, и она сама прижалась губами к его рту, прерывая слова возражения, прижалась всем телом к нему, едва не сбивая его с ног, запустила пальцы в волосы.

Только так она чувствовала себя любимой им, ощущала, как необходима ему. Только тогда поверила ему — не словам, а именно рукам и губам. Так нельзя солгать, нельзя обмануть...

— Ты не понимаешь... Я не могу... не ныне.

— Тогда поцелуйте меня еще... Прощу вас... Только поцелуйте.

И тогда он поднял ее на руки, отнес на сено, лежавшее в глубине сарая, укрывая от ветра, что так и рвался в сарай через распахнутые двери, в проеме которых они стояли. Он целовал ее снова и снова, глядя ее растрепавшиеся волосы, ее лицо, ее шею, часть груди в распущенном вороте платья, что сползло с плеч, не удержавшись без тугой шнуровки. Запоминая, вбирая в уголки памяти каждый кусочек ее кожи, мягкость ее губ, запах ее волос.

От дождя волосы Анны, так тщательно завиваемые, распрямились, и она не могла не смутиться, когда Андрей пропустил меж пальцев длинную прядь, выбившуюся из прически, наблюдая, как медленно рассыпаются они на его ладони.

— У меня не такие вьющиеся локоны, как у Полин. Прямые... Приходится много над ними трудиться, чтобы добиться... чтобы по моде...

И он улыбнулся, в который раз дивясь ее трогательной наивности, стал снова целовать ее.

— Пусть такие, как есть... Я люблю в тебе все, даже твои невьющиеся в укор моде волосы!

А потом оба замерли при его словах, взглянули друг другу в глаза. Андрей ждал, что она скажет хоть что-нибудь в ответ на его признание. Пусть даже какую-нибудь нелепицу или отшутится. Пусть даже солжет, пусть! Но Анна только легко оттолкнула его, чтобы теперь уже он перекатился на спину, склонилась над ним и после долгого и пристального взгляда в глаза поцеловала его в шею, открытую в расстегнутом вороте мундира, медленно провела губами от самого уха вниз до рубахи. Именно тогда он совсем потерял голову, забыл обо всех доводах рассудка.

Андрей будет после вспоминать, какой обжигающе горячей была кожа Анны, каким тихим был ее шепот, когда Анна молила его после каждого прикосновения рук или губ, цепляясь с силой в его плечи: «Прошу тебя... прошу тебя... Андрей», сама не понимая, о чем просит его. Он полагал остановиться в течение всего времени, когда ласкал ее. Знал, что не может позволить себе сделать то, о чем так настойчиво требовало собственное тело, о чем тихо умоляла Анна, лежащая под ним. Но когда она просунула ладони под его рубашку, коснувшись кожи, когда стала сама целовать его плечи, растянув ворот, он не сумел ее оттолкнуть, как следовало.

— Ты не должна... я не должен..., - шептал Андрей, только распаляя желание Анны добиться своего. Он был слаб. Слаб во всем, что касалось этого дивного русоволосого ангела, как бы ни отрицал очевидное.

— Это из-за...м-м-м... conséquences [\[257\]](#)? — спросила Анна, облизывая пересохшие отчего-то губы, удивляясь собственной смелости, разгоревшейся в ней с огнем в крови. Только Андрей придавал ей этой смелости и никто иной. — Мадам Элиза поведала мне о многом в то утро, когда мне пришлось открыться ей. И невольно подсказала... Седмица. Семь дней после... после... sans conséquence [\[258\]](#). Нынче — пятый.

Все. После этих слов он сдался на ее милость. Анна заметила это вдруг по его глазам, что затуманились, как тогда, в спальне. Она улыбнулась и провела пальцами по его лицу, вниз вдоль шеи, по плечу и вниз по руке, дивясь контрасту мягкости кожи и твердости мускулов под ней.

— Поцелуй меня...

Пусть даже после придется выдержать снова то, что он делал тогда. Но она помнила и то дивное наслаждение, предваряющее эту боль, наслаждение, от которого даже кожа горела огнем, а сердце билось в груди, как птичка в силке. Она так хотела забыть обо всем, что разделяло их, об их ссорах и разногласиях, о той разлуке, что предстоит им вскоре, поджидающей их за порогом этого строения под дождем. И о войне, что пришла так не вовремя, обо всем, что могла она принести с собой...

И Анна забылась, как и хотела, даже пропустив тот момент, которого она так страшилась. Взглянула на него так удивленно, что Андрей не смог не улыбнуться, уткнулся лицом в местечко между шеей и тонкой ключицей, боясь, что она обидится его улыбке, тому торжеству, что он невольно ощущал в душе при виде выражения ее лица, тому восторгу, что плескался ныне в душе.

— Ныне я понимаю, — проговорила она, пряча свое краснеющее лицо у него на груди после. — Ныне я понимаю, отчего улыбалась мадам Элиза, когда я твердила, что ни за что и никогда не смогу лежать, когда... когда... Это как с поцелуем.

— Что с поцелуем? — переспросил Андрей, глядя ее волосы. И она рассказала ему, смущаясь, о своем решении, принятом еще тогда, несколько лет назад, что никто и никогда не будет так целовать.

— Так забавно, так глупо я думала ранее, — хихикнула она слегка нервно, все еще смущаясь его и своей наготы, этой близости, что была меж ними сейчас. — Так наивно...

Андрей легко поцеловал ее в кончик носа, улыбаясь мысли о том, какая она все-таки еще девочка. Вроде бы и женщина с виду, а по сути — дитя и только.

— Мы с тобой обвенчаемся в первый же мой отпуск, — говорил он, и она кивнула, не стала спорить. Андрей не стал добавлять, что этот отпуск, скорее всего, будет дан по ранению, предпочел умолчать о том, не желая нарушать очарования их нежданного

уединения. Потом поднялся с плаща, на котором они лежали, расстелив тот на сене, вышел из сарая к коню, снял седельную суму.

— Дай мне руку, — попросил Андрей, вернувшись, и Анна, по-прежнему не глядя на него, отводя глаза в сторону от его обнаженного тела, пусть и с трудом преодолевая любопытство, протянула ладонь в его сторону. Скользнуло по пальцу холодом металла, и она взглянула на руку. Тонкий ободок серебра и три граната — один большой по центру и два поменьше по бокам.

— Это кольцо моей прабабушки по линии отца. По преданию, оно было заказано мастеру ювелирных дел, когда прадедушка был вынужден покинуть Петербург по воле императрицы Анны Иоанновны из-за близкого знакомства с семейством Долгоруких. Они с моей прабабкой тогда только помолвились, и эта ссылка должна была стать концом их союза. По семейному преданию, прадед в отчаянье бродил по столице, пока не зашел в один из трактиров у Московской заставы, где встретил цыганку. Она-то и подсказала ему, как должно уберечь свое счастье и свою любовь — перстень с гранатом поможет ему в том. Пока перстень на руке у той, кому отдано сердце, любовь не уйдет из союза. Так и вышло. Прадед хоть и отбыл в ссылку, да недолго один жил в своем имении на Рязанщине. Прабабка сумела убедить своего отца и позволить ей обвенчаться с тем, кого выбрала сердцем. Пусть и ушло на это три долгих года. С тех пор Оленины передают это кольцо по старшей линии своим нареченным.

Андрей замолчал на миг, невольно вспомнив Надин. Она была единственной из невест Олениных, что не надела на руку при помолвке это кольцо неведомо по какой причине. Андрей знал только, что Борис отдал тогда невесте материнское кольцо с яхонтом и жемчугом, невзирая на приметы и семейное предание. Оттого-то Андрей не сразу понял тогда, что Надин уже не его невеста, чужая...

— Оно дивное, — Анна пошевелила пальчиками, и гранаты тускло блеснули в скудном свете, что шел из дверного проема. Этот блеск вернул Андрея из воспоминаний. Он поймал эти тонкие пальчики, прижался к ним губам.

— Я возвращался, чтобы отдать его тебе. Думал, на обеде сделать это, да только не сложилось. А потом... потом и о нем забыл со злости.

— Прости меня, — Анна провела ладонью по его щеке, а потом тоже протянула ему кольцо, что сняла с одного из пальцев, пока он выходил. — Вот. Я шла к тебе не только для того, чтобы сказать, как я сожалею о том, что сделала. Для того чтобы отдать тебе это. В память обо мне.

Четыре камня на серебре — по числу букв ее имени. Дивное сочетание двух аметистов и двух нефритов. Ее имя, созданное руками ювелирных дел мастера по существовавшей в то время моде творить себе именные талисманы-кольца по первой букве камней в обрамлении драгоценных металлов.

Кольцо было Андрею мало. Не налезло даже на мизинец к разочарованию Анны. Она-то думала, что этот талисман не только будет служить в память, но и непременно сохранит его от всего худого. В его имени ведь тоже есть эти буквы — А и Н.

— Повешу на шнурок на шею, — решил Андрей, убирая кольцо в седельную суму. А потом навис над ней, прижал к сену, крепко поцеловал в губы. — Отныне мы и обручены с тобой, милая моя. Обменялись же перстнями, пусть и не под сводами церковными...

И снова только тишина дождя раздавалась в сарае, когда мужчина и женщина скрепили свой союз, переплетая руки, тесно прижимаясь телами, обжигая поцелуями. О, если б только

можно было всю жизнь провести в этом сарае, думала Анна, слушая, как бьется сердце Андрея под ее ухом позднее. Она бы согласилась на то, не раздумывая, невзирая на то, что больно колется порой сухая трава даже через ткань плаща.

И эта война... Она водила пальцем по его обнаженной груди, выписывая букву А, словно ставя на нем свой собственный знак защиты, отводя от него и пулю, и острое лезвие сабли, и штык. Он должен вернуться. Он скоро вернется. Только это повторяла мысленно как мантру, слушая, как шелестит по траве уже стихающий дождь, наслаждаясь теплотой его дыхания у своего виска, поглаживанием его ладони по своей спине. Только с ним ей было хорошо. Господи, не лишай меня этого... и пусть этот дождь льет до скончания веков!

— Я ни о чем не жалею, — прошептала Анна после, прижимая к себе платье, не решаясь начать одеваться, словно пытаюсь отдалить этот момент, когда им придется покинуть это временное пристанище. Увы, дождь уже закончился, и небо просветлело. Нужды укрываться от всего мира в этом неказистом сарае с прохудившейся кое-где крышей более не было. Каждый должен был вернуться в свой мир — она к себе в усадьбу, а он в полк, что непременно когда-нибудь ступит на ратное поле.

Оттого так хотелось плакать, наблюдая, как он натягивает рубаху, как заправляет ее в панталоны. По его лицу она уже видела, что мыслями Андрей уже не с ней, уже там, в тех днях, что предстоит ему пережить в будущем.

— Что с тобой? — замер Андрей, натягивая один из сапог, и она не смогла сдержаться — протянула в его сторону руки, умоляя взглядом обнять ее. Он тут же отбросил сапог, шагнул к ней и прижал ее к себе.

— Мне страшно, — прошептала она, цепляясь за него, хватаясь словно утопающий, за его плечи и руки, прижимаясь к нему теснее. — Мне страшно...

Ей действительно было страшно. Она боялась и того будущего, что сулило одно только слово — «война», и того одиночества, что настигнет ее, когда он уедет. И самое основное — она боялась, что то, что было между ними здесь, исчезнет, испарится, едва они уйдут из этого сарая, закроют грубо сколоченную дверь, словно отсекая от своей жизни то, что случилось здесь, словно этого никогда и не было.

Андрей легко целовал ее веки, щеки и нос, успокаивая, шепча ей что-то, пока ее дрожь не прошла, пока не ушли прочь все страхи. Но и после, уже затягивая шнуровку ее платья, он то и дело касался губами ее шеи или ушка, словно и сам не мог никак оторваться от нее, насладиться ее присутствием подле себя. Ему казалось это таким жестоким — получить этот дивный дар в свои руки и тут же расстаться с ним, выпустить из своих ладоней.

Они возвращались через лес в Милорадово, то и дело переглядываясь, вспоминая тот самый день, когда впервые сказали друг другу «ты», когда впервые стали так близки друг другу. На залесной аллее Андрею пришлось взять Анну на руки, чтобы перенести через широкую лужу, да так и не выпустил ее после, нес по аллее, пока не подошли к партеру. Только там поставил ее на ноги, обнял молча, пряча лицо в ее растрепанных волосах. И Анна обхватила его руками, царапала сукно мундира, борясь со слезами, навернувшимися на глаза в этот миг.

— Я напишу. Тут же, с первой же станции, — проговорил он, и она кивнула, поднимая на него глаза. — Ты не жалеешь, милая?

— Не жалею, — прошептала она в ответ. Быть может, она должна ныне страдать от того, что уступила ему снова, забыв о девичьей чести, но этого не было. Повернись время вспять, она бы не изменила бы ни этот день, ни ту ночь. — Ни о единой минуте не жалею.

— Ты напиши мне, коли будет... Я изыщу возможность, Анни, приеду тотчас. Обещаешь?

Она обещала, отчего-то уверенная, что того, о чем он говорит, не будет, вцепилась в его руки, не в силах разжать пальцы, развернуться и уйти в дом, в окна которого мелькали огоньки свечей. Лакеи, переходя от одного оконного проема к другому, снимали ставни, еще недавно защищающие стекло от порывов ветра и тяжелых капель. Но даже поверни те головы в сторону парка, не заметили бы стоявших в залесной аллее Андрея и Анну, настолько надежно их укрывала тень деревьев и сумрак приближающегося вечера.

— Ты должна идти, милая. Как бы ни хватились, — напомнил Андрей, прижимаясь лбом к ее лбу, заглядывая в ее глаза. Он обещал себе еще минуту назад, что выпустит ее из своих рук, поспешит к коню, которого оставил на привязи у сарая. — Ты должна идти, милая..., - а сам уже целовал в губы, запуская пальцы в ее волосы и прижимая ее голову еще теснее к своим губам.

Они трижды размыкали руки, расходились в стороны, но Андрей так и не мог уйти из аллеи, а Анна все возвращалась, сделав несколько шагов от него прочь.

— Обещай мне, — прошептала она запальчиво, намереваясь уйти непременно в последний раз, как сказала ему до того, прижималась щекой к его груди, слушая мерный стук сердца — Обещай мне, что вернешься! Обещай, что вернешься! Я прошу тебя! Только вернись!

И только получив тихое «Обещаю!», смогла расцепить пальцы, выпуская его ладони, развернулась к дому, побежала по краю партера, скрываясь у кустарников от лишних глаз, что могли наблюдать за ней из окна дома. Андрей не ушел тут же, как говорил ей, а остался на месте, наблюдал со своего места, как она пересекла партер и подбежала к дому. Там Анна остановилась на миг, обернулась к парковым аллеям, словно ища его взглядом, и он поспешил укрыться за зеленью аккуратно постриженного куста сирени.

— Я люблю тебя, ma Anni, — прошептал Андрей, только ныне выпуская на волю эти слова, что жгли ему душу, ныне, когда она не могла услышать их. Слишком рано говорить их ей, считал он. Быть может, позднее, когда он вернется сюда в Милорадово. А он вернется сюда. Непременно вернется! Иначе и быть не может.

Анна долго сидела в темноте черной лестницы на самой нижней ступени, на которую опустилась, едва шагнула сюда из вестибюля. Ее никто не заметил — ни зевающий швейцар, ни лакей, с которым тот о чем-то говорил тихо. Оставалось только подняться по лестнице и проскользнуть в свои комнаты, а там уже спрятаться в постели, укрыться с головой покрывалом и лежать, вспоминая каждый миг, каждый поцелуй, каждый взгляд. Она покрутила на пальце кольцо, которое надел на ее руку Андрей, поцеловала его камни, улыбаясь, и только потом побежала вверх по лестнице.

В будуаре никого не было — ни Глаши, ни Пантелеевны, и Анна поспешила пройти в спальню, довольная, что ее возвращение осталось незамеченным. Скорее всего, и та, и другая уже решили, как скрыть ее долгое отсутствие в доме. А уже в спальне она встала, как вкопанная, разглядев в полумраке комнаты мужской силуэт на фоне светлого пятна окна.

— O-la-la! Regardez voir! ^[259] Кто почтил своим присутствием нас? Mademoiselle Annette! Или она уже не mademoiselle ^[260]? — Петр вдруг в два шага преодолел расстояние от окна, которого стоял до сестры, схватил ту за руку и развернул спиной. А потом резко повернул лицом к себе. — Как понимать, моя любезная, что твое платье в идеальном порядке, когда вышла ты вон из спальни несколько часов назад не в подобающем девице виде? Неужто

какую справную горничную отыскала, бродя по лесам в грозу?

— Петр, пожалуйста..., - начала Анна. Пантелеевна, знать, открылась ему. Более никто не знал о том, что она уходила из дома в платье с полураспушенной шнуровкой.

— Петр, пожалуйста, — передразнил брат Анну, а потом поймал и ее вторую руку, больно сжал предплечья. — Как ты могла? Как ты могла сделать это? Ты! Как ты могла?! Неужто не понимаешь, что теперь все изменится? Как ты могла так поступить?

— Я люблю его, — вдруг сорвалось с губ Анны, и брат и сестра уставились друг на друга, явно удивленные теми словами, что были произнесены сейчас. А потом она повторила, медленно, словно пробуя эти слова на вкус. — Я люблю его. И я хотела с ним быть, понимаешь? Только с ним.

— Нет, не понимаю, — покачал головой Петр. — Не понимаю. Ты подумала о том, что впереди не просто дивные летние денечки для полков? Что неизвестно, что ожидает его через седмицу, через месяц? Кто ведает, вернется ли он. *Mort au champ d'honneur* [261]. И что тогда?

— Он вернется, он обещал, — ответила Анна. — *Cela suffit* [262]. Я не желаю думать о том ныне.

— А ты вообще думала о чем-либо? — едко спросил Петр, по-прежнему не пуская ее рук. — Думала, когда давала свое согласие на этот брак? Что за выгода тебе от этого союза? Ротмистр совсем не тот, каков тебе нужен. Отчего ни ты, ни rara не видите того?

— Да отчего ты не видишь иного? — вскипела Анна. — Отчего ты так против него? Быть может, у тебя кто другой на примете? Не князь Чаговский-Вольный ли часом? И что за долг у тебя пред ним, что ты так печешься о его персоне уж столько времени?

Она вовсе не имела в виду никаких долгов, особенно денежных, просто к слову пришлось. Замерла, удивленная, когда Петр вдруг побледнел заметно даже в полумраке спальни.

— Это он сказал тебе? — прошипел он вдруг, сжимая ее предплечья с силой. — Оленин поведал о том?

— Отпусти! Ты делаешь мне больно! — Анна с трудом вырвалась из цепкой хватки брата, отступила от него на пару шагов, перепуганная его видом. Его лицо было блее полотна, глаза казались совсем темными на фоне бледности лица, ноздри раздувались.

— Это Оленин, *est-ce vrai* [263]? Только он! Он и никто иной! Ведь он недавно из Москвы...

— Прекрати! Андрей ничего не говорил мне о тебе. Никогда. Ни единого слова! Как ты можешь оскорблять его подобными подозрениями? Он слишком благороден для того, — отрезала Анна резко и нахмурилась, когда Петр вдруг зло расхохотался в голос.

— *Un coup frappé droit au but, ma chere!* [264] — а потом зааплодировал, ставя ее в тупик своими словами и резким злым смехом. — Слыхала бы ты, что за толки ходят о нем, *ma chere*, и слова бы ни говорила о его благородстве.

— Я не желаю ничего слушать! — выкрикнула Анна, но Петр уже говорил о том, что узнал, что подслушал в офицерских кружках в Москве и Вильне, собирая сведения об Оленине.

— Ведала ли ты, что наш бравый ротмистр обожает вот таких невинных девиц, как ты, судя по тем сплетням, что ходили о нем в столице? Совсем недавно, еще прошлой осенью его имя было у всех на устах, когда его брат погиб якобы от неосторожного выстрела на

охоте. И ведаешь, о чем говорили? О нем и о его belle bru ^[265], madam Nadine, прекрасные глаза и дивный стан которой как-то отметил сам император комплиментом на одном из балов. И ведаешь, о чем сии толки ходили? Что невинности была лишена madam Nadine в объятиях младшего брата, а женился на ней старший, видно, прикрывая грех. Что дочь madam Nadine от того, кого должна бы та называть «mon oncle» ^[266]. И что навещал порой свою belle bru наш благородный кавалергард далеко не по-родственному, видимо, в память о прошлых днях.

— Que c'est saleté! ^[267] — проговорила презрительно Анна, глядя на брата так, словно только заметила его в комнате, изгибая губы в злой усмешке. — А ты смотрию, не службу в Москве несешь, а отменно собираешь всю мерзость, как старый злобный rotinier ^[268]! Достоинно, Петр!

И тут случилось то, чего они оба никак не ожидали. Петр размахнулся и наотмашь ударил сестру ладонью по щеке, и снова оба замерли, потрясенно глядя друг на друга.

— De grâce, Annette ^[269]..., - Петр притянул к себе застывшую на месте без единого движения сестру, коснулся губами ее лба, будто стремясь стереть этим нежным поцелуем тот удар, что нанес ей. Анна же не шевелилась, позволила ему это, как и провести после ласково ладонью по ее щеке, краснеющей от пощечины. — Прости меня, Анечка. Сам не ведаю, что на меня нашло...

— Уходи, — глухо сказала Анна, и его рука упала. — Оставь меня.

— Выслушай меня, Анна, — попросил он, но она только отступила от него в сторону, уворачиваясь от протянутых рук. — Только выслушай. Я все тебе скажу... все!

— Уходи! — повторила она, поворачиваясь к нему спиной, чтобы не показать ему своего потрясения от его поступка, своей боли, разрывающей сердце. Этот человек, стоящий за ее спиной, человек, которого она звала своим братом... Она поняла, что совсем не знает его настоящего, что он не тот, образ которого хранила в своем сердце, которого обожала.

— Ты разбиваешь мне сердце своими словами, — глухо произнес Петр из-за спины, и она поняла, что сказала последнее вслух. Он положил руки на плечи Анны, попытался удержать ее, заставить выслушать, но она скинула его ладони, отошла к гардеробной, намереваясь укрыться от него там, если он не оставит ее в покое, если и далее будет пытаться заставить остановиться, задержаться возле него, внимая его словам.

— Ne vous en faites donc pas ^[270], говорил ты мне, помнишь? Не принимай все близко к сердцу. И никто тогда не разобьет тебе его, — напомнила Петру когда-то сказанные ей слова. — Вспомни свои слова, mon cher. Ne vous en faites donc pas... И еще — помнишь о моем выигрыше? Желание, pas ^[271]? Так вот, — только ныне она повернулась к нему, взглянула на него привычным ей уже отстраненно-вежливым взглядом. — Я желаю, чтобы ты держался подальше от Полин. Боюсь, она не разделяет nos principes, mon cher ^[272], а я бы не хотела, чтобы ее сердце было разбито. Un peu plus loin ^[273], Петруша, запомни.

Петр кивнул, не говоря ни слова в ответ. Нынче он бы на все пошел, чтобы Анна только простила ему ту вспыльчивость, ту ярость, что захлестнула его с головой, пока он ждал ее и представлял в деталях, что происходит ныне где-то за пеленой дождя, как исчезает единственная возможность поправить свои дела. Только Анна могла помочь ему в том. Но как ему может помочь эта Анна?

А потом поймал прядь ее волос, выбившуюся из узла на затылке, и с радостью отметил, что она не стала отстраняться от него на этот раз, заправил его нежным движением за ухо,

легко шелкнул по носу, как делал это в детстве, и она улыбалась в ответ. Но ныне Анна не улыбнулась, только смотрела пристально в лицо брата, скрывая свои мысли от него, словно за непроницаемой стеной.

— Прости меня, Анечка, милая, — Петр вдруг обнял ее мимолетно, крепко прижимая ее к себе. Он был готов отрубить себе ладонь, что оставила уже едва заметный след на ее левой щеке. А ее слова, что он не тот человек, которого она обожала некогда, жгли его словно огнем ныне. — Прости меня, милая... прости... Прошу тебя.

— *Ne vous en faites donc pas*, — улыбнулась Анна. Очаровательно-вежливо, как обычно. С пустотой в глазах. А потом обхватила его голову ладонями и коснулась безжизненными губами его лба. — А ныне я хотела бы лечь в постель, устала. *Bonne nuit, mon cher frère, bonne nuit!* [\[274\]](#)

Всю ночь до самого рассвета лил дождь, тихо шурша за открытым окном спальни. Анна не спала, слушала этот тихий шелест и прикусывала губу, надеясь в душе, что Андрей не едет где-то в этот ливень, кутаясь от холодных капель в плащ, а остановился на постой на станции или в избе какой по пути к западной границе империи, где был ныне его полк. Вспоминала его глаза, такие светлые, как ей казалось ныне отчего-то, его нежный взгляд, его руки. И тот тихий шепот вспоминала, настолько ей чудился он ей в шуршании дождя по траве: «Моя милая... милая моя...»

Думать же о тех словах, что бросил в этой самой комнате Петр, Анна не хотела, как не хотела позволить запачкать свои воспоминания, их волшебный свет, что так сладко грел душу, этой грязью, этой мерзостью. Пришло на миг воспоминание о том, как отвердел подбородок, и погасли на миг глаза, когда Андрей смотрел на кольцо с гранатами на ее пальце, и она поспешила отогнать его прочь. Не будет она думать ни о той, на чьем пальце это кольцо было несколько лет, ни о том, что могло связывать ее с Андреем. Впервые Анна чувствовала себя слабой и в то же время такой защищенной в кольце его рук, в тепле его присутствия. И размышлять о том, не обманчиво ли это ощущение, не зря ли она так открылась, было страшно.

Она не может обмануться в нем. Только не в нем, кому настолько доверилась. Кому подарила не только свое тело, но и свое сердце, вверила свою душу, несмотря на настойчивое требование разума снова выставить некую стену для защиты, отгородиться.

А после вспомнила о той пощечине, которая разделила брата и сестру, внесла в холод в ту теплоту, что была меж ними всегда, невзирая на поступки и слова. Анна всегда прощала ему все. Его насмешки и уколы, его жестокие и злые шутки, его излишнюю резкость по отношению к себе. Петр всегда затем старался сгладить последствия своего поведения лаской и нежностью, и она прощала, как может прощать слепо любящий человек. Но ныне она не могла простить, как ни пытался разум найти очередное оправдание брату.

Он проигрался князю, это было очевидно. Недаром просил папеньку выделить ему в личное пользование землю под Москвой, чтобы иметь отдельные доходы. Недаром Михаил Львович ссорился с сыном в тот день, повысив на Петра голос, что позволял себе довольно редко. И, видимо, сумма проигрыша была велика, раз Петр чувствует себя так неудобно, раз так раздражен ныне. У него и ранее были проигрыши, как шепталась иногда Пантелеевна с Глашей о молодом барине, не замечая интереса Анны к их словам, но никогда те долги настолько беспокоили его.

Он в ловушке. У него были глаза загнанного зверя, когда после Петр пытался объясниться с ней, Анна помнила то хорошо. Такой взгляд она не раз на охоте видела у лис и зайцев, когда те, выбиваясь из сил, припадали к земле, зная, что в следующий миг в них вцепятся острые зубы собак. Но почему Петр так печется о кандидатуре Чаговского-Вольного, всячески намекая о преимуществах его, как мужа? Неужто тот попросил Петра похлопотать в семье о том? Или какое другое условие было поставлено брату в возмещение долга?

Анна совсем не помнила среди своих московских знакомых князя, как ни силилась вспомнить. Где и когда он был представлен ей? И отчего пожелал именно ее видеть своей супругой, если ход ее мыслей верен? Она не могла найти ответов на эти вопросы. Но

определенно знала одно — Чаговский-Вольный никогда не станет ее мужем по ее воле. Для того надо было бы притащить ее волоком в церковь и поставить по венцу, а это, слава Богу, невозможно. Ее выбор был сделан. И даже трудности Петра не заставят ее переменить свое решение. Быть может, если бы еще зимой, когда князь был в Милорадово, а она не была так привязана невидимыми нитями к Андрею, все могло быть иначе. Попроси ее Петр, умоли ее на коленях, и она могла бы согласиться... ужасно, но ради того брата, которого она так слепо любила, Анна пошла бы на это. Но ныне, когда она поняла, насколько изворотливым и злым может быть Петр, насколько она ошибалась в нем... Пусть ее после назовут *égoïste* [275], быть может, она и верно такая. Но ступить под венцы, соединить на века свою руку она бы хотела ныне только с Андреем.

Анна заснула только под утро, когда дождь уже успокаивался. Ей привиделась та самая дорога вдоль луга, что вела от Милорадово к имению графини. Она снова была там, на том месте, где встретила Андрея прошлым днем, а над головой, накрытой капюшоном плаща, ходили темные тучи грозы. Ветер рвал плащ на ее плечах, раздувал подол платья и волосы. Сердце колотилось учащенно от страха, но она никуда не уходила, зная, что вот-вот на дороге должен показаться Андрей, что сейчас он подъедет к ней, как подъехал нынче днем. И действительно, впереди показался всадник, и она не удержалась на месте, побежала ему навстречу, улыбаясь, зная, что как только они встретятся, ей будет уже не страшна ни гроза, ни этот злой и сильный ветер, едва ли не сбивающий ее с ног. Ничто в это мире не будет страшно для нее в его руках.

А потом Анна вдруг встала как вкопанная, разглядев, что на всаднике, что гнал к ней коня галопом по пыльной дороге, не белый мундир кавалергарда. Темный фрак, поняла вдруг она и замерла на миг, а после резко свернула в сторону, в высокие травы луга, намереваясь спрятаться, переждать, пока проедет этот пугающий ее ныне всадник. Не попасться в его руки...

Идти было тяжело — подол пугался в травах, а те цеплялись за него, словно пытаясь остановить, обвивали ступни. Но Анна упрямо шла вперед, стараясь убежать, скрыться от темного фрака, который она видела в зеркале в вечер гадания. Ей бы остановиться уже, сесть в траву, та бы надежно упрятала ее от взоров чужих, но Анна упрямо шла вперед, словно ее манило что-то на том конце луга.

А затем вдруг она вышла на какое-то поле, в удивлении подняла голову от своего пути через травы, зная, что за этим самым лугом не должно быть никакого поля, только лес. Едва сдержала крик, оглядывая картину, что открылась ее взгляду на этом открытом пространстве.

Тела. Десятки, сотни, тысячи тел. Ужасающее разноцветье мундиров: зеленые, белые, красные, синие. В самых причудливых позах. С оружием в руках или без оно. Калеченные или целые, но все — застывшие, мертвые. Трупы лошадей, разбитые орудия, некогда сияющие золотом в солнечных лучах штандарты, ныне перепачканные грязью и кровью.

Анна в ужасе замерла на миг, а потом двинулась по этому полю, аккуратно ступая между телами. Она сама не понимала, отчего не повернула тут же назад, в зелень луга, отчего не вернулась туда, где нет смерти и крови, где нет этой страшной картины перед глазами. Шла упрямо вперед, аккуратно ступая между лежащими на земле, теми, кто принял смерть в том сражении, что развернулось здесь недавно. А потом Анна заметила среди тел белый мундир и светлые волосы, перепачканные кровью. Склонилась к убитому офицеру, с облегчением не признавая в нем того, кого так страшилась отыскать здесь. Незнакомое ей

лицо, совсем незнакомое. И она, прошептав короткую упокойную и перекрестившись, двинулась далее, с трудом перебарывая страх и желание двинуться назад, пусть даже к тому мужчине во фраке, что ехал за ней по дороге, чьи приближающиеся шаги она различала неким чутьем за своей спиной.

Так и шла по этому полю, шепча про себя слова молитвы, всякий раз склоняясь к очередному убитому в светлом мундире, страшась встретить невидящий взгляд темно-голубых глаз. Господи, умоляю тебя, — шептали в перерыве между молитвами на упокой ее губы. Он не должен быть здесь. Он не должен...

Но он был. Анна узнала его скорее сердцем, чем глазами, хотя и не видела лица. Он лежал спиной вверх, словно умирая, куда-то полз, цепляясь пальцами в рыхлую землю. На его мундире не было совсем крови, только грязь, и она медленно пошла к нему, отчаянно надеясь на то, что он жив, он непременно должен быть жив! Но офицер был мертв — слишком холодна была рука, которой коснулась дрожащими пальцами Анна, присев подле убитого. А потом она увидела то, что пытался тот сжать перед смертью в ладони, словно пытаясь спрятать от мародеров самое драгоценное, что у него было, унести с собой с могилу, коли таковая будет для него. Черный шнурок и серебряный широкий ободок на том шнурке, с аметистами и нефритами. Кольцо, которое когда-то она дала ему в защиту, и которое так и не сумело сберечь его для нее... Не уберегло!

Анна проснулась от собственного крика. Кричала долго, перепугав прибежавшую к ней тут же из будуара Глашу, отбивалась от ее рук, не понимая, где находится, все еще видя перед глазами побелевшую мужскую ладонь, перепачканную землей. Кричала, пока ее не дернула больно за волосы Пантелеевна, как делала это в детстве, прекращая истерику, а потом прижала ее к себе — смолкшую, перепуганную, дрожащую.

— Что, милочка моя? — гладила Анну по перепутанным за время сна волосам няня. — Сон, чай, дурной Дрема принесла?

— Дурной, няня, сон, недобрый совсем, — прошептала Анна, прижимаясь к ней всем телом, цепляясь за нее. — Убили его... отняли... у меня его отняли!

— Ох, душенька, нынче ж не пятый день седмицы, чтоб в вещий сон верить. Не в руку он был, не в руку, — утешала ее Пантелеевна, целуя в макушку. — Коли видится не на пятый день мертвяком во сне ночном, то и думать нечего — только к долголетию его тот сон, не иначе.

— Ты уверена в том, милая? — подняла на нянюшку залитое слезами лицо Анна. Та кивнула, вытирая мягкой ладонью эти слезы, а после целуя свою питомицу в лоб.

— Коли нет покоя после слов моих, то перед образами постой. Попроси защиты у Царицы Небесной. Та всех слышит, всем подмогает.

Анна послушалась няню — быстро облачилась в платье и умылась холодной водой, спустилась вниз в образную домашнюю, где в полумраке комнаты мягко горели лампы, освещая святые лики. Долго стояла на коленях перед родовой иконой Богоматери, по преданию хранившейся в семье Туманиных еще со времен царя Ивана IV. Умоляла, тихо роняя слезы, сберечь от смерти, сохранить для нее, вернуть в Милорадово Андрея живым. А потом вспомнила о Петре, который уезжал нынче после завтрака, несмотря на то, что нога еще болела. Тоже рвался в полк, не желая подлечиться, лишь бы быть там. Для чего эта война, Господи? За что кара эта на головы наши?

Анна молилась до тех пор, пока на ее плечо не легла ладонь брата. Петр ласково сжал плечо сестры, а после опустил с трудом, чуть скривившись от боли на колени подле нее.

Значит, завтрак окончен, поняла Анна, пришло время проводов, и все домашние пришли в образную, чтобы помолиться за уезжающего на войну молодого барина.

Так и есть. Опустился на колени по другую сторону от Анны отец, сурово поджимая губы, пряча от всех блестящие тревогой глаза. Прошелестели за спиной подола юбок и платьев, когда не только мадам и барышни присоединились к молитве Шепелевых, но и домашние слуги встали на колени, скромно заняв место в задних рядах. Кряхтя, встал на колени Иван Фомич, подле него тихо плакала Пантелеевна. Даже лакеи и домашние девушки хмурились, крестясь.

После окончания общей молитвы Михаил Львович снял родовую икону и повернулся к сыну, единственному, кто не поднялся на ноги в этот момент.

— Святая Мать, заступница и защитница наша, да убережет тебя, мой сын, — проговорил он тихо, трижды крестя его иконой, потом протянул ее для целования Петру. — И да защитит тебя Спаситель наш. Ступай с Богом, Петр Михайлович.

Михаил Львович перекрестил сына после этих слов и с трудом удержался от того, чтобы не показать свои эмоции, когда сын порывисто поцеловал его благословляющую ладонь. Коснулся губами его лба, умоляя мысленно святых уберечь его Петра от доли лихой.

Прощались не в доме, вышли на подъездную площадку, провожая Петра в неизвестное и оттого пугающее многих будущее. Даже дворовые побросали свои дела и пришли к дому, чтобы проводить молодого барина. Сперва Петр расцеловался с отцом, по-прежнему кусающим нервно нижнюю губу, чтобы сдержаться и не показать бушующих в груди чувств. Петруша был его первенцем, а Анна — последним дитем из всех, что послал им с покойной женой Господь и что оставил им в живых, не забрал к себе ангелами небесными. Оттого и любил их Михаил Львович слепо, всей душой, не раздумывая, положил бы жизнь за них. Сам-то знал, какова она на самом деле, война кровавая, каковы бои ратные, помнила душа еще о том ранении, которое едва не отняло у него наследника единственного.

— Береги себя, Петруша, — только и прошептал в ухо сына, отстраняясь, хотя хотелось столько всего сказать. Ведь как бы он ни злился на сына, как бы ни корил за его пороки, Петр всегда будет в его сердце и в душе.

Анна же повесила на шею Петра ладанку, которую приобрела в прошлую поездку к иконе Богородицы в монастырь, перекрестив наскоро. Не убрала руку из пальцев Петра, когда тот поймал ее в конце благословения, прижал ее пальцы к своим губам.

— Скажи, что простила меня, Анечка, за все, что творил я давеча, — прошептал он так тихо, чтобы расслышала только она. — Скажи, что по-прежнему любишь меня. Чтобы душа моя была покойна на сей счет. Ведь поговорить нам так и не случилось.

— *Bien sûr* ^[276], я простила тебя, Петруша, — проговорила Анна, целуя его в лоб на прощание. И она действительно не держала на него зла, но вот сумеет ли она забыть о том совсем, она не знала. — И я не могу не любить тебя, *mon cher*. Как можно не любить свою родную кровь? Езжай с покойной душой. Мои молитвы будут хранить тебя...

Полин не спустилась проводить Петра, с удивлением обнаружила Анна, отступив от брата. Только, когда Петр, уже в сидя седле, оглянулся на дом, она заметила ее, проследив за взглядом брата. Полин стояла в окне, зажав занавесь в руке, сминая ту в комок. Лицо ее было такое белое на фоне рыжих локонов, что казалось, она сейчас лишится чувств. Она подняла руку, заметив взгляд Петра, и тут же опустила ее, когда тот отвернулся без единой эмоции на лице. Будто не на нее глядел, не ее искал взглядом, а с домом родным прощался перед дорогой дальней.

Прости меня, мысленно обратилась Анна, когда Полин вдруг разрыдалась беззвучно, отворачивая лицо, пряча свои слезы в занавеси. Прости меня, *ma chere Pauline*, за эту холодность, что ныне видишь. То только к лучшей доле для тебя...

Полин тогда ушла к себе в комнату и не выходила целых три дня, отказываясь присоединяться к домашним даже на совместные трапезы. Михаил Львович не терпел подобного пренебрежения обычно, но в этот раз даже слова не велел передать той, никак не показал недовольства, погруженный в свои мысли.

Эта странная молчаливость барина только и выделяла те летние дни от привычных. Все так же вставали рано и ехали в церковь, или молились в образной (правда, долее обычного кладя поклоны и творя молитвы за тех, кто был не подле них), так же завтракали и после расходились по своим делам, чтобы снова встретиться за общим столом лишь за обедом и ужином. Казалось, ничего не переменилось, хотя на самом деле уже изменилось многое.

Михаил Львович стал чаще выезжать в город да к соседям, узнавая последние вести, обсуждая возможные варианты событий, привозя порой с собой письма, что приходили в Милорадово с западных земель или из Москвы от обеспокоенной Веры Александровны. Анна встречала отца у самого подъезда из этих поездок, и дело было не только в том, чтобы порадовать его своей встречей, но и в том заветном для нее письме с восковой печатью, запаянной перстнем с буквой «О» — фамильным перстнем Олениных. Она едва ли сдерживала себя, чтобы не выхватить его из рук улыбающегося отца и не убежать в парк сломя голову, чтобы там, в уединении беседки у пруда прочитывать строки, написанные резким отрывистым почерком, чтобы каждое слово запомнить и повторить после, когда будет лежать в постели, готовясь к ночному покою.

Письма Андрея были коротки, обороты речи уступали тем речам, что говорил ей Павел Родионович, известный стихотворитель в уезде. Но для нее эти письма были самыми лучшими, самыми нежными, самыми желанными.

«*La femme de mes rêves, ma ange, ma chere mademoiselle Anni*» ^[277], писал он к ней, и ее сердце замирало в груди, а потом билось учащенно с каждой новой строчкой. Он просил ее не беспокоиться о нем, писал, что его полк намеренно берегут от стычек с французами, придерживают в резерве. «Только Бог ведает, когда это время резерва подойдет к концу!», горячился он в своих письмах, желая наконец-то вступить в бой с французами, а Анна только благодарила Господа за эту отсрочку, вспоминая свой страшный сон.

«...Вы приходите ко мне во сне, каждую ночь, и если бы вы только знали, как порой не желаю открывать глаза утром, ведь вы ускользнете от меня в сей же миг...»

«...стояли биваком на этом лугу, и запах трав дурманил мне голову, вернул меня в тот день, когда я еще мог воочию видеть ваши дивные глаза, *mademoiselle Anni*. О, как бы я желал лишь на миг, на короткий миг снова оказаться на том лугу, подле вас...»

«...душа страдает не скорого сражения с супротивником. Все мысли только о том, чтобы снова шагнуть на подъезд вашего дома, чтобы снова быть в той оранжерее, где растут те дивные цветы, имеющиеся счастье ныне быть к вам ближе, нежели я...»

Анна зачитывалась этими строками, представляя себе порой, что слышит голос Андрея, что видит его подле себя, шепчущим те слова, что не успел сказать ей вслух, будучи здесь, а сумел доверить ныне бумаге. Она, как послушная дочь и воспитанница, пересказывала отцу и мадам Элизе содержание писем жениха, но только то, что могло быть сказано им, опуская многие моменты. И непременно сперва говорила им о передвижении полка Андрея, что уже оставили к моменту его прибытия земли Виленской губернии, отступая, и ныне стремились

объединиться с армией Багратиона, шедшей к Витебску. Оттого, что знала Анна, как перехватит нить разговора тут же Михаил Львович, недовольный этим отступлением армии, что забудется за его монологом, полным негодования, первоначальная причина беседы — письмо Андрея.

Но, увы, написать в ответ то, что она действительно хотела бы донести до Андрея, Анна не могла. Каждое ее письмо просматривала мадам Элиза, оттого и приходилось писать о том, что происходило в такой обыденной жизни имения. Анна обычно садилась за письма в оранжерее за «бобиком» под внимательным взглядом мадам Элизы и напряженно-злым взглядом Катиш. Сначала писала Петру, а потом уже Андрею, обдумывая каждую строку по несколько минут, старательно выводя каждое слово.

Как же Анне хотелось написать ему, что она тоже помнит все из того времени, что было отпущено им свыше! Каждый миг, каждый взгляд, каждое слово и касание. Но вместо этого Анна отстраненно писала о том, как взволнован уезд отступлением армии, как собирается согласно манифесту императора ополчение, какие пожертвования и вклады делаются на нужды армии. О том, что ее отец не остался в стороне, подал пример остальным — первым снарядил пятьдесят мужиков для будущего ополчения и пожертвовал деньгами, а вскоре планировал отдать скот и первое зерно с полей. А сама она и *mesdemoiselles* Полин и Катиш тоже трудятся на благо доблестной армии — готовят корпию для перевязок раненым, как и большинство дам уезда.

Писала и о том, что Михаил Львович заказал из Москвы большую карту империи, расстелил ее на полу в парадном салоне и тщательно отслеживает по ней каждое передвижение войск не только русских, но и неприятельских согласно полученным вестям. Правда, о том, как ругает при том отец генералов армий и особенно костерит «этого чертового немца Барклая» при каждом удобном случае, предпочла умолчать.

Но, несмотря на строгий контроль за этой перепиской со стороны мадам Элизы, Анна все же ухитрялась порой писать между строк о том, что так желала сказать Андрею. В одном из писем она вставила строки о летних травах, аромат которых «такой дивный, что дурманит голову до сих пор. Я не могу не думать о них, когда порой выезжаю на прогулки и минуя луг в имении вашей тетушки, что за граничным лесом. Эти цветы — истинный дар небес, а этот луг для меня — истинный *le paradis sur la terre*» [\[278\]](#).

А в начале второй половины июля она умудрилась дать ответ на тот скрытый между строк вопрос, пришедший с последним письмом Андрея из земель под Витебском: «В летнюю пору часто бывают грозы, которых я боюсь до глубины души, к стыду своему смею вам признаться. Последнюю грозу Господь послал мне на радость и покой души только в июне третьей недели. *Dieu merci*, она была *sans conséquence* [\[279\]](#) — ни хлебов в поле не побила, ни деревьев в парке не поломала...»

И только в конце каждого письма Анна смело могла писать: «Я неустанно молю Господа, Его Матерь-заступницу и святого, имя которого вы носите с честью, о вашем скором и благополучном возвращении в эти земли». И после подписывалась: «*Recevez mes plus affectueuses pensées, chaque jour y pour toujours* [\[280\]](#), Анна Шепелева».

В конце июля, спустя всего несколько дней после дня рождения Анны, пришло последнее письмо от Андрея. В доме Шепелевых уже знали о том, что русская армия все ближе и ближе отходила к Смоленску, к городу, у которого, как говорил Михаил Львович, все будет решено.

— Коли Смоленск падет, как пали города западных губерний, то и до Москвы французы

дойдут, — он проводил грифелем тонкую линию вдоль Смоленского тракта и хмурился, глядя на нее, понимая, как близко уже неприятель к Москве, а уж тем паче, к Гжати. — Эх, только бы не замкнул где Наполеон князя Багратиона! Тогда и град бы отстояли, и до Москвы бы не пустили неприятеля.

Анна же только скользнула взглядом по карте, расстеленной на полу салона, по которой, хмурясь, ползал на коленях совсем неподобающе возрасту и положению ее отец. Вместе с вестями посыльный привез и письмо от Андрея, которое так жгло ладонь ей сейчас. Но вскрыть его Анна желала одна, не в салоне, где за ней наблюдали внимательно глаза Катиш. La petite cousine переменилась за эти дни по мнению Анны. Она была так же молчалива и всякий раз опускала глаза в пол, когда встречала на себе чей-то взгляд, но если с остальными домашними она могла завести разговор (скорее поддержать его), Анну она не достаивала и словом. И она понимала, отчего petite cousine так ведет себя. Она бы тоже таила обиду на ту, что отняла у нее мечту. А в то, что Катиш мечтала о кавалергарде до оглашения, казалось, знал даже последний дворовый в их имении.

Но Анна не особо тревожилась о поведении Катиш. Между ними никогда не было особой привязанности, как между Анной и Полин, оттого и старалась не обращать внимания на нарочитое пренебрежение кузины. C'est la vie [\[281\]](#), пожимала плечами Анна, думая о Катиш. Кто-то получает желаемое, кто-то нет. C'est la vie, только и всего.

Потому и поспешила уйти из салона, наконец-то получив на то разрешение, не обращая внимания на тяжелый взгляд кузины и встревоженный взгляд отца, убежала к себе в комнаты, чтобы там, в тишине наедине со своими мыслями прочитывать строки, которых так ждала последнюю седмицу.

Она разрешила знакомую ей печать, быстро развернула бумагу. Тут же упали на ковер несколько маленьких бутонов кустовых роз того же тона, что когда-то сорвал Андрей в оранжерее Милорадово, и так схожие с теми, которыми она украсила локоны на празднике графини. Теперь стало ясно, отчего таким толстым показалось ей на ощупь это послание.

Анна с улыбкой собрала бутоны в ладонь, а потом вернулась к письму, быстро читая строки. Это позднее она перечтет его не один раз, а ныне же торопилась получить очередное подтверждение тому, что то, что случилось меж ней и Андреем, вовсе не дивный сон.

«Ma chere mademoiselle Anni, не передать словами, какое сожаление охватывает меня при мысли о том, что в день вашего появления на свет Божий, я не смогу лично поздравить вас на этом празднике. Не смогу лично передать благодарность Михаилу Львовичу за тот дивный цветок, что он заботливо взрастил. Этот дивный цветок — вы, ma chere mademoiselle Anni...»

«Я не мог не вспомнить, глядя из окна в сад на эти розы, блеск ваших волос в свете свечей, ваши глаза, когда вы обернулись на меня от действия иллюминации. Я не желал бы никогда столько думать о вас, как думаю ныне, и так томиться по тем дням, когда вы были так близки ко мне, но и так далеки. Уж лучше так, думается ныне, чем быть разделенными расстояниями и обстоятельствами. Уж лучше быть хорошим знакомцем с вашим презрением или хладностью, но лишь бы знать, что следующего дня я непременно увижу ваш облик, услышу шелест вашего платья и ваш голос...»

Это письмо было настолько пропитано тем чувством, в объятия которого Анна была заключена тогда, в том деревянном сарае на лугу, что она даже расплакалась от той нежности, которой была дышала каждая строка этого письма. О, как же она тосковала по нему! Никто того не ведает, никто. Как же ей хотелось увидеть его хотя бы мимолетно, хотя

бы один только миг снова ступить в его сильные объятия!

А потом рассмеялась тихонько, падая в постель, прижимая к груди письмо, заставляя удивленно обернуться к ней Пантелеевну, что раскладывала белье, полученное от прачек, в ящиках комода.

— Что ты, душа моя? От него что ль? — хитро прищурила глаза старушка, и Анна кивнула, улыбаясь, а потом проговорила нараспев:

— Как я счастлива... я счастлива, нянечка! Так и обняла бы весь мир нынче, так и расцеловала бы его!

— Ох, кабы не сглаз бы на себя накликала, милочка ты моя, — заметила няня, всплеснув руками. — Это ж кто о счастье да в голос-то? Счастье свое берегут аки ока зеницу. От всех берегут. Счастье-то, милая, это ж, словно птица какая. Чем надежнее прячешь, чем крепче держишь, тем долее оно тебя греет, душенька. Да и Господа-то не гневилась бы! Война ведь клятая! Она, говорят, совсем у наших земель хранцуз этот окаянный. Незнамо еще, что далече-то.

Позднее Анна думала о том дне и размышляла, не права ли была тогда няня. Не сама ли она сглазила судьбу свою, свое счастье, что птицей упорхнуло из рук. Или это Пантелеевна невольно накликала своими словами то, что произошло в следующие дни.

На второй седмице августа пришли вести о том, что русская армия оставила Смоленск французам и отступила к Дорогобужу. Михаила Львовича едва не хватил удар при этом известии. Срочно послали к доктору, невзирая на все отговорки господина Шепелева, который все больше и больше багровея лицом, утверждал, что он абсолютно здоров. Он тут же заперся у себя в кабинете, разослав посыльных с записками, отдавая приказания Ивану Фомичу и старосте сельскому, которого тут же вызвал к себе.

Весь дом последующие несколько дней напоминал пчелиный улей, по мнению Анны. Или муравейник, судя по тому трудолюбию и неутомимости, с которыми трудились слуги. Они снимали со стены картины, заворачивали в ткань дорогой фарфор, чтобы позднее заколотить его в деревянных ящиках. Послали в подмосковные имения за лошадьми, которых катастрофически не хватало в имении — Михаил Львович отдал большую часть собственной конюшни в патриотическом порыве на нужды армии, не подозревая, что придет тот день, когда он будет сильно удручен своей недалёковидностью.

— Главное, есть лошади для того, чтобы вы отбыли, мои милые, — проговорил он как-то за завтраком. Перемены уже витали в воздухе, наполняя всех какой-то странной нервозностью, оттого разговоры за столом велись в более резком тоне, чем обычно. — Ежели пустят далее Дорогобужа француза по тракту, тут же надобно уезжать. Иначе... даже думать не желаю, что будет иначе.

После завтрака Михаил Львович неожиданно позвал Анну прогуляться с ним по парку. дождался терпеливо, пока той принесут из покоев шляпку и зонтик от солнца, что разгулялось нынче с самого рассвета. Они долго шли молча, наслаждаясь яркими красками, которыми были полны цветники усадьбы, солнечными лучами, что дарило безоблачное небо от души, прохладой тенистых аллей. Война, что напоминала о себе только редкими вестями с западной стороны, ныне казалась чьей-то дурной шуткой, если бы в Гжатск уже не прибывали раненые.

Михаил Львович только поглаживал пальчики дочери, лежащие на сгибе локтя, поглядывал украдкой на кроваво-красные камни в перстне под тонким кружевом митенок. На ее день рождения он приобрел такого же цвета гранатовый кулон на тонкой серебряной

цепочке, поддаваясь суевериям, надеясь, что этот камень сохранит тот настрой Анны, в котором она пребывала ныне, тот свет, что лился из ее глаз. Этот свет и тепло, что появились в его дочери, были связаны с тем чувством, что вызывал в ней Оленин, и Михаил Львович от души желал, чтобы у молодых все сложилось, чтобы его Анечка осталась такой же нежной и мягкой, какой он видел ее сейчас.

— Послушай меня, душа моя, — вдруг обратился Михаил Львович, когда они дошли до конца одной из боковых аллей и повернули обратно. — Послушай и прими то, что я скажу без возражений. Армия отступает к Дорогобужу и, я полагаю, что будет взята Вязьма, а там, душа моя, и до Гжати рукой подать. Вам надобно уезжать с девочками и мадам Полин.

— Нам? — Анна даже остановилась, растерянно взглянув на отца. Тот ответил ей нежным, но в то же время твердым взглядом.

— Вам, душа моя. Нам на благо то, хотя и дурно говорить, но мадам графиня приболела в последние седмицы, не сумела уехать, как планировала в конце прошлого месяца. Она станет вам спутницей до Москвы, передаст Вере Александровне на попечение. Я с тобой к тетушке твоей напишу. В Москве задерживаться ненадобно, до Москвы от Гжати пара переходов всего.

— Господь с вами, папенька! Прошлым же вечером говорили, что благо то для армии и России, коли князь Кутузов во главе встал. Что спасена наша земля с назначением Михаила Илларионовича на сей пост главнокомандующего. А ныне...? Москва...?

— Михаил Илларионович хоть и ученик великого Александра Васильевича, а все же человек только, — грустно ответил Шепелев. — Не удержаться ему в Гжати, не зацепиться. Дай Бог, коли Москву удержит. Но Москва и Гжать еще не вся Россия, милая. Я так думаю... А ехать надобно! Всенепременно! Жаль, я так и не удосужился на тульских землях выстроить дом усадебный, остановиться там и негде. Только разве что у старосты али соседи приютят.

— Приютят? — Анна все еще не могла поверить, что отец не шутит, что действительно отправляет ее прочь из Милорадово и к тому же одну. — Прошу вас, папенька, я не могу ехать без вас. Как я буду без вас?!

— Душа моя, нужда то отправляет тебя, не я, — проговорил в ответ твердо Михаил Львович и похлопал ее по руке успокаивающе. — Ну, не принимай на сердце так, душа моя! Вот увидишь, время быстрехонько пройдет, и мы все будем вместе — ты, душа моя, Петруша наш и я. И жених твой вернется, а там и свадебку твою сыграем. Такой пир закатим! Такое платье пошьем! Лучшего шелка из английских колоний прикупим для него, блондов прикупим. Все для тебя, душа моя, ты же ведаешь, ничего мне для тебя не жаль.

— Тогда отчего оставляете меня одну? — недоумевала Анна. — Отчего бы не поехать со мной? С нами? Из-за наказа grand-père [\[282\]](#) усадьбу родовую беречь?

— Нет, милая, не из-за стен я останусь в этих землях. Есть у меня иные обязательства. Не только перед землей этой, перед стенами и родом Туманиных. Перед людьми нашими. И прежде чем ты огорчишь меня своими словами, что, вижу, так и рвутся ныне с губ, скажу тебе так даже. Эти люди, что во власти нашей, словно дети для нас должны быть. Мы их должны наставлять, помогать им в горестях и хворях, как учила тебя мадам Элиза, но и оберегать их тоже должны. И уезд. Могу ли я, выбранный дворянством, оставить тех, кому некуда бежать из этих земель? Тех, кто решил остаться в родной стороне?

— Je n'entends... je n'entends rien [\[283\]](#), — не удержалась Анна, кусая губы, чтобы не расплакаться. Михаил Львович снова грустно улыбнулся, заметив это, привлек к себе дочь и

крепко обнял. Замерли в тени аллеи оба, чуть покачиваясь.

— Когда-нибудь ты поймешь, душа моя, — прошептал он ей в ухо и повторил снова. — Когда-нибудь ты поймешь меня. Не плачь, моя хорошая, не рви мне душу. Я и так едва отпускаю тебя от себя. Умом понимаю, что выхода иного нет. А душа болит...

— Я уеду, папенька, — пообещала Анна, прижимаясь к отцу. — Только позвольте уехать из Милорадово после прибытия князя в армию. Там-то и решится, будет ли он за Гжать биться с французом или отступит, как вы предрекаете.

— Не я предрекаю, а здравый смысл, — поправил Шепелев, но все же позволил ей остаться еще на пару дней, не зная, что вскоре будет корить себя за это решение.

На третьей седмице августа в Гжатск прибыл князь Михаил Илларионович Кутузов. Казалось, его вышли встречать все жители Гжати, надеясь на то, что он защитит их дома и жизни, как рассказывал позднее Анне заехавший с прощальным визитом Павел Родионович.

— Представляете, Анна Михайловна, ликующая молодежь распрягла его коляску и сама встала на место лошадей, повезла его в город прямо к дому городского главы [\[284\]](#). Сам же хозяин встречал его на крыльце по исконно русскому обычаю. Правда, его сиятельство торопился к армии и на обеде задержался только на пару часов. Но заверил, что приложит все усилия, чтобы отстоять земли русские от француза, — оживленно говорил Павлишин.

Павел Родионович не мог, по его словам, сидеть в усадьбе, пока решается судьба его родной земли, оттого и ехал добровольцем бить француза. Анна с легкой улыбкой глядела на него, повествующего о последних событиях в Гжатске — постоянно сползающие на носочки, его худую нескладную фигуру, но только сказала вслух тепло: «Берегите себя, Павел Родионович» ему на радость и смущение, спрятала свою иронию в глубине души.

А после разговоров о прибытии в Гжатск проездом главнокомандующего тут же пришли иные вести в Милорадово: армия снова снялась с места и двинулась в сторону Москвы. Следующим же утром у подъезда усадебного дома Шепелевых стояли в ожидании путников две дорожные кареты-дормезы, в нетерпении перебирали ногами кони стремянных, что ехали охранниками, оберегая женщин в пути до Москвы. Одна из карет с гербом Завьяловых на дверце принадлежала графине, что сидела в полумраке кареты, откинувшись на спинку сидения ныне и, поглаживая одну из своих болонок, ждала, пока простятся стоявшие на крыльце.

— До свидания, мои хорошие, — поцеловал Михаил Львович на прощание руку мадам Элизе. После ласково коснулся губами лбов перепуганных барышень Катиш и Полин, которым казалось, что уже доносится издали отдаленный грохот пушек, что вот-вот шагнут в имение французы. А потом Шепелев повернулся к бледной растерянной Анне, рассеянно теребившей оборку рукава жакета.

— Ну, простимся, душа моя, до поры-до времени и только! — Михаил Львович обнял дочь, прижал к себе чуть крепче, чем следовало, пытаясь не показать своего страха за нее. Она казалась ныне ему такой юной, словно девочка перепуганная стояла перед ним, а не невеста в поре. — Скоро прогонят француза из страны, и ты снова будешь здесь, в Милорадово. Помнишь? Шелка англицких колоний, блонды... И твое венчание. Оно непременно будет здесь, в Милорадово, душа моя, как же иначе-то? Храни тебя Господь и Богоматерь, моя хорошая, — благословил Михаил Львович на дорогу дочь, и та поцеловала его руку после, обжигая кожу своими слезами.

— И вас, папенька. Да сохранит Господь вас!

Когда карета уже отъезжала от дома, скрываясь в тени липовой аллеи, Анна вдруг

поднялась с места и, опустив стекло окна, высунулась наружу, взглянула на отца, стоявшего на крыльце, на плачущих дворовых и Пантелеевну, что опустилась на ступени устало, вытирая слезы подолом юбки.

— Я люблю вас, — прошептала Анна, хотя душа требовала крикнуть им это в голос, нарушая приличия. — Я люблю вас всех, мои хорошие...

А потом откинулась резко назад, в полумрак кареты, разрыдалась в голос, выплескивая страхи и тревоги, переполняющие ее душу ныне. Графиня сунула болонку в руки сидевшей напротив Марии, а сама неожиданно для всех склонилась над плачущей Анной, стала гладить легонько ее по плечу. Достала из ридикюля платок и принялась вытирать слезы с ее лица, приговаривая, что они даже до Москвы не успеют доехать, как придется поворачивать обратно, что они так скоро вернуться в эти земли, что Анна даже не успеет заметить тоски по отцу и родным и местам.

Если бы графиня тогда знала, насколько пророческими окажутся ее слова, и до Москвы их маленькому поезду так и не суждено будет доехать...

Садилось солнце за край поля, окрашивая небо кроваво-алыми оттенками, словно предрекая, что сражение завтрашнее станет последним для многих, кто на первый взгляд совершенно невозмутимо занимался своими делами. Насыпались последние горсти земли на батареи, развозили и устанавливали по местам орудия, солдаты острили штыки.

Андрей вышел от позиций своего полка на это поле, чтобы взглянуть на него еще до того, как придется выехать сюда в ходе сражения. Подле него ступал аккуратно по разбитой, изъезженной колесами земле, штаб-ротмистр Римский-Корсаков, знаменитый в полку и даже за его пределами своим ростом и физической силой, его давний друг и сослуживец. Они долго стояли молча и смотрели на это поле, совсем недавно еще заботливо обрабатываемое крестьянами из ближайших деревень имения Давыдовых, которому предстояло стать ареной для генерального сражения двух армий. В том, что оно будет таковым, уже не сомневался даже последний солдат в русской армии. Все ждали его. Все — от генерала до простого рядового, устав отступать, огрызаясь силами арьергарда на частые атаки французов, если те подходили чересчур близко.

Недавнее назначение главнокомандующим армии светлейшего князя Кутузова внесло в войска некую искру, разбудившую в душах огонь, медленно гаснущий с каждым днем отступления к Москве. Особенно пали духом, когда пришлось оставить Смоленск, этот «ключ к земле русской», как звали город меж собой. Андрей помнил, как открывали лавки купцы для офицеров, предлагая по самым низким ценам отменные вина, а то и вовсе даром, как суетились на улочках те, кто оставлял свои дома и нажитое добро, уходя в никуда. «Уж лучше вам, чем французам достанется», говорили тогда купцы, и было нечто в их голосах, что заставляло сердце больно сжиматься, опускать глаза, чтобы не видеть их растерянных лиц. Уже было известно, что город отдадут, что удержать его главнокомандующий (тогда еще генерал Барклай) не желает, а решительно придерживался намерения отступить далее, пока к Дорогобужу.

И еще Андрей помнил ту надпись на одном из домов города, писанную, верно, женской рукой, настолько ровным был почерк. «Прости нас, град!» Эта фраза еще долго крутилась в голове, когда уходили от Смоленска в полном безмолвии, только топот копыт по пыльной дороге да бряцание амуниции и сбруи. Прости нас, град, пылающий за спиной пожарищем, от которого ночь вдруг превратилась в день, гложущий от раскатов канонад орудий!

От Дриссы, где Андрей снова встал во главе своего эскадрона, до Витебска, а после из Витебских земель до Смоленщины. Утомительные переходы длиною в световой день. Короткие перестрелки и только. Никаких серьезных боев. В основном, отступали, поднимая с дороги пыль копытами лошадей, шагом пеших солдат и колесами повозок и орудий настолько, что видно было в этих пыльных тучах только спину впереди едущего всадника. На несколько верст вперед и назад не было возможности разглядеть ничего, кроме этих пыльных туч, вздымающихся до самого неба. Дышать этой пылью было тяжело, даже не спасал эшарп, закрывающий нижнюю часть лица, что повязали многие офицеры, пытаясь укрыться от этой напасти, разъедающей легкие и вызывающей неудержимый кашель. Оттого к ночи, когда становились биваками, лица и часть шеи, незакрытая высоким воротом, были едва ли не черны от пыли и пота, а мундир серым. С наслаждением скидывал тогда Андрей запыленный мундир, подставляя ночной прохладе утомленное дневным зноем тело. Проща

лил на его руки порой драгоценную в эти дни воду, чтобы он хоть как-то смыл с себя следы перехода.

Некоторые офицеры настолько уставали за день, что наскоро перекусив, валились у костров или в наспех поставленных палатках наземь тут же, едва проверив своих людей, даже не приводя себя в порядок, зная, что следующим днем снова в спутниках будут пыль и летний зной. Остальные собирались у огня костра или в одной из офицерских палаток, разговаривали, куря трубки, играя в карты, распивая остатки вина, что по случайности находилось среди чьих-нибудь запасов. Но предположений уже не высказывали после дня, как оставили Смоленск, опасаясь сказать вслух то, что уже и так было ясно многим, отчего так тревожно сжимались сердца. Все ближе и ближе к первопрестольной... все ближе и ближе к Гжатским землям, добавлял мысленно Андрей.

Он еще от Витебска, когда уходили, написал всем своим родным, чтобы ехали за Москву, так было бы ему спокойнее за них. Просил мать проявить милость и взять с собой в дорогу Надин с дочерью, открыто уже говоря, что родную кровь не должно оставлять в беде, какие бы чувства не разделяли их. Он осознавал, что ныне, когда он так далеко, только мать сможет заставить невестку уехать в деревню. Ответ ему писала, по обыкновению, сестра Софи, что маменька и она вняли наставлениям Андрея и уехали в имение в окрестностях Коломны, что Алевтина Афанасьевна все же позволила Надин и ее дочери ехать с ними в карете, но жить та будет у родителей, в соседнем имении «для всеобщего лада и покоя». Пусть даже так, лишь бы увезли маленькую Ташу подальше от наступления французов, пусть лучше будет поболее верст меж ними и армиями, что с нетерпением ждут боя.

А вот тетушка предостережениям Андрея не вняла и еще в начале августа была в Святогорском. Сперва, как она писала, отправляла все ценности из имения в столичный дом, потом нежданно прихватил ее приступ камчуги, уложившей ее в постель на несколько дней. «Dieu merci [\[285\]](#), подле меня Маша, этот ангел, что помогает мне нынче, снимает мои тревоги и сомнения своим щебетанием, унимает печаль от нашей разлуки с тобой, mon cher, своим присутствием», писала Марья Афанасьевна.

Отчего-то тем, кто был на землях позади армии русской, казалось, что война не ступит к ним, не коснется своей дланью. Потому и были так спокойны на бумаге слова, не чувствовалось страха или сомнений в том, что француз продвинется так далеко. Зато Андрей видел, как бросали они после дома и нажитое добро, как торопились уйти вместе с армией, оставляя позади прежнюю жизнь. Видел их слезы, когда они смотрели с тоской назад. Нет, такой судьбы для своей тетушки он бы не желал, а уж тем паче, остаться в тылу французской армии, как случилось то со многими жителями Смоленщины, попавшими в западню, настолько скоро французы шли по пятам русской армии.

Андрей же видел выжженные поля и уничтоженные деревни, что лежали на одну-две версты вдоль трактов, ведущих к Москве от западных земель. Да, это было оправданной тактикой лишить неприятеля фуража, но в то же время он понимал, как нелегко придется тем, кто еще недавно не знал подобной горести — быть оставленным своими же солдатами на милость противника. Эта мысль преследовала не только его, ее обсуждали почти каждый вечер офицеры перед тем, как разойтись по своим местам ночлега. А после Смоленска, когда уже шли по исконно русским землям, совсем пали духом перед этим натиском неприятеля. После того, как видели лица мирных жителей, оставлявших свой город, после того, как наблюдали зарево пожарища за своими спинами...

Когда встали за менее чем с десяток верст от Дорогобужа, Андрей снова написал к

Марье Афанасьевне, уже открыто умоляя ту срочно уехать прочь с Гжати, если та все еще оставалась в Святогорском. И просил узнать, что думают по поводу отъезда Шепелевы. Его душу наполняло невероятной тревогой, что последнее полученное им письмо от Анны было отправлено из Милорадово по-прежнему. Он знал по письмам тетушки, что Михаил Львович вооружил своих крестьян, что намерен, если потребуете дать отпор неприятелю, «ежели тот будет землю его топтать своим сапогом французским», и опасался оттого, что Анна может остаться в тылу у француза.

«Безумие, принимая во внимание, что у того полон дом девиц!», горячилась в письме к Андрею Марья Афанасьевна. «Еще живы в Гжати те дни, когда холопы поднимались на своих хозяев [286], неужто запамятовал он? Не ровен час, обернут сие лезвие супротив него самого, как супротив барина. Давать оружие холопам категорически невозможно! Такова моя убежденность!» Сама графиня вооружать своих холопов против французов не желала. Считала, что в случае нужды те сумеют укрыться от супостата в лесах. Раз голова есть на плечах, то, верно, придумают, как им поступить, если французы ступят в окрестности Святогорского. И хотя Андрей пытался убедить ее в ином, Марья Афанасьевна вообще была уверена в том, что ее земли должна пройти стороной французская армия, ведь они были совсем не близко к трактам, по которым двигался неприятель, рвавший к Москве.

За тревогами о судьбах тетушки и невесты, что были неизвестны ему еще со Смоленска, Андрей почти не спал с ночи, проведенной близ Дорогобужа. Хотя сам Господь явно благоволил к уставшим кавалергардам в тот момент — встали на ночлег не в поле или на лугу, как часто бывало, чтобы позднее проснуться в одеждах, пропахших дымом костров. Повезло занять избы небольшой деревеньки, расположились с комфортом, если судить в сравнении с прошлыми ночевками. Такой ночлег редко выпадал, в последний раз останавливались в имении одного помещика под Витебском, откуда и послал Анне тогда Андрей свой маленький подарок ко дню ее рождения.

Тот помещик приехал сам в бивак, на который по воле судьбы расположились полки на принадлежащем ему лугу, пригласил офицеров к себе в усадьбу на ужин и ночлег, обещая отменно накормить. Он жил один — жена умерла от сухотной [287] за два года до того, дочери вышли замуж и покинули имение отца. Оттого и не желал уходить, да и бежать, по словам помещика, ему было некуда совершенно — кроме этой земли и деревеньки ближайшей у него за душой ничего не было.

— Уходите, знать, — тихо проговорил этот невысокий пожилой мужчина в сюртуке с потертостями на локтях. Он сидел во главе стола и смотрел в окно, не желая показывать своего разочарования и грусти своим гостям. В столовой было накурено — раз не было дам, чувствовали себя свободно и по разрешению хозяина раскурили трубки, пряча от того свои виноватые глаза.

— Вот увидите, сударь, — запальчиво сказал тогда молоденький корнет их полка, сверкая красными от усталости глазами. — Вот увидите! Погоним вскорости неприятеля прочь с наших земель! Вскорости сызнава встретимся с вами за этим столом и будем пить за здоровье императора всея России Александра Павловича!

Офицеры постарше промолчали, не зная, что сказать на то. Еще седмицу назад они бы тут же вскочили бы со стульев, горячо заверяя хозяина, что армия Наполеона будет разбита к концу лета. Ныне же, после отступления от Витебска, когда за плечами уже маячил Смоленск, они не знали, что сказать ему. Тронул кто-то струны семиструнки, которую принесли по просьбе одного из офицеров, тихо запел в тишине летней ночи, дурманящей

головы ароматами цветов, что доносился через распахнутые в сад окна столовой.

— Я вас любить не должен, я не смею. Но воли нет, и слабость в том моя, — первые же пропетые строки подхватили Андрея и, закружив голову, вернули помимо его желания в Милорадово. Он не хотел вспоминать, не время было вовсе для того. Но неизменно возвращался мыслями на каждом ночлеге в прошлое, воскрешая в памяти все от самого начала до момента их расставания. Поворот головы в серой шляпке, дерзкая надменная улыбка, ее взгляд во время экосеза на Рождественском балу, ее дрожащие пальчики на своих плечах, обжигающие его кожу через тонкое полотно рубахи, когда он целовал ее в лесу. И та ночь и тот грозовой день, дурманящие его голову до сих пор. Казалось, его пальцы помнят мягкость ее кожи и шелковистость ее русых локонов, разметавшихся на его плече.

Это чувство, что росло с каждой подобной ночью воспоминаний в груди Андрея, было сильнее и глубже того, что было у него некогда к Надин. И это пугало, да, он признавал это! Пугало, ибо он помнил, как жестоко был обманут тогда, когда думал, что он уже получил все, о чем смел только мечтать. Анна легкомысленна, ветрена, разве нет? Кто ведает, насколько глубокими окажутся ее чувства. И не путает ли она сама себя, свой разум, ведь сама шептала ему, что не знает, что такое любовь, что не умеет любить, боится этого чувства.

А потом Андрей заметил в глубине сада кустовые розы, от которых и шел этот дивный аромат, наполняющий ночь, спрыгнул с окна, на котором сидел, прямо в сад. Он думал весь дневной переход о том, что у Анны в конце июля день рождения, а пред тем и тезоименитство справят. И о том, какой бы подарок сделал бы невесте, если бы не случилось войны. И ныне, когда перед глазами возникло ее восторженное лицо в момент, когда Анна наблюдала за иллюминацией, что развернулась в саду его тетушки, отблеск свечей в ее локонах, украшенными такими же маленькими бутонами нежно-розового цвета, он не мог не коснуться этих крохотных роз, не сорвать одну из них с тонких веточек. А потом вдруг решил послать несколько бутонов этих цветов с письмом в Милорадово. Как дар к ее празднику и как знак того, что он помнит. И, надо уже признать, вряд ли забудет так легко и скоро...

— Уже собираются верно, Andre. Пора к полку возвращаться, — тронул за плечо Андрея штаб-ротмистр, возвращая из воспоминаний на грешную землю. Медленно пошли бок о бок, возвращаясь к расположению полка. Мимо мирно беседующих солдат, сидящих кружком на земле, мимо тех, кто внимательно осматривал нательное белье, словно желал на следующий день ступить исключительно в чистом, как предстают перед Создателем. В чистом белье и с чистой душой. Ведь грехи уже были отпущены всем заранее еще днем — в полдень совершили на поле молебствование с мольбой о даровании победы завтра войску русскому, пронесли по войскам икону Смоленской Божьей Матери, что ехала от самого «ключа земли русской» вместе с артиллеристами. В едином порыве склоняли головы перед ней и генералы, и офицеры, и низшие чины, и солдаты, и ополченцы, что прибыли на подмогу русской армии из ближних губерний. Правда, их силы Кутузов не желал применять в битве с французами, попросил их отойти, стоять в резерве.

Как и полк Андрея. Снова в резерв! Ему казалось, что так и война пройдет, а кавалергарды так и простоят резервным полком. Жаль, не довелось ему попасть в корпус генерала Витгенштейна [\[288\]](#), которому довелось уже побывать в боях на землях близ Двины. Хотя кто ведает, чем обернется это сражение, что состоится завтра?

После молебна войска объехал сам главнокомандующий, подбадривая войска, находя

слова даже для простых солдат, с которыми подчас беседовал даже дольше, чем с их командирами. Позднее офицеров собирали в свою очередь командиры корпусов, чтобы передать последние распоряжения Кутузова. В основном, речь шла об обыденностях боя: все виды войск должны действовать слаженно, помогая друг другу, чтобы не было пустот в строю из-за того, что несколько здоровых уносят раненого, чтобы избегали напрасной стрельбы, и уж тем паче, излишней бравады. И чтобы резервы терпеливо ждали исключительно его приказа вступить на поле боя.

— Доведется ли вступить в бой завтра? — спросил Павел Андрея, когда возвращались к своим позициям. Замерли на миг, заслышав глухой рокот, прокатившийся над закатным полем. Это французы приветствовали своего императора, объезжающего войска.

— Доведется, Павел Александрович, даже не думай! — ответил Андрей, щуря глаза, когда один из последних солнечных лучей попал на его лицо. Он снова оглянулся на поле, размышляя, не найти ли молодого Шепелева, но после качнул головой, передумав. Хотелось думать, что сам скажет то, что так хотелось сказать его сестре.

Снова сжалось сердце в тревоге при воспоминании об Анне. Когда проходили Гжать, Андрей упросил барона, ведущего полк, дать ему пару часов заехать в имения родственницы и невесты, совсем рядом ведь проезжали. Гнал коня, как бешеный, даже ехавшие с ним в отряде с трудом поспевали за ним. Но повернул не к Святогорскому, решив заехать в то по пути к Смоленской дороге, а в Милорадово, что находилось ближе к нему в тот момент. Знакомая до боли тенистая аллея из лип, ведущая к дому, усыпанный гравием подъезд и все тот же швейцар, что испуганно выскочил из дома навстречу его небольшому отряду.

— Господин ротмистр, — так и расплылся в улыбке, когда признал черты Андрея в грязном лице под запыленной каской. А потом поманил лакея из глубины дома, чтобы сказали о приезде хозяину. Андрей спрыгнул с седла, бросил поводья подбежавшему мальчику из дворовых, быстро взбежал по ступенькам крыльца, всего на миг задержавшись, чтобы бросить взгляд на то самое окно, которое вспоминал часто. Уже в передней его встретил взволнованный Шепелев, одетый по-домашнему в шлафрок поверх рубахи.

— Андрей Павлович! Эка неожиданность! — воскликнул Михаил Львович, а потом помрачнел лицом. — Вы, вестимо, проездом в Милорадово? До Москвы, вестимо, да галопом? *Vive l'etat militaire qui promet a nos souhaits les retraites en temps de guerre, les parades en temps de paix!* [\[289\]](#)

Андрей прикусил губу только при этом горьком упреке. Офицеры понимали всю неказистость положения, сами стонали в глубине души, что вынуждены отступить, когда сердце так и зовет к бою, к возмещению за то, что французы шагают по земле русской.

— Куда Наполеона пустить надумали, не слышно в армии? — спросил Михаил Львович, подавая знак принести прохладительные в переднюю, раз уж кавалергарды не желают идти в дом, сетуя на нехватку времени. — До Тулы удержите? Далее ехать моим некуда уже.

— Анна Михайловна уехала? — переспросил тут же Андрей, чувствуя одновременно и облегчение, что она в безопасности ныне, и разочарование, что лишен возможности увидеть ее.

— Отбыли. С вашей тетушкой Марьей Афанасьевной и отбыли, — кивнул Михаил Львович. Иван Фомич сам лично принес в переднюю поднос с бокалами и кувшином холодной воды, как просили прибывшие, подал каждому, вынес во двор тем, кто не желал спешиться. Андрей жадно пил эту удивительно вкусную родниковую воду, не обращая внимания на то, что залил и ворот, и верх мундира, что намокла рубаха под тем. — На

Тульщину отправил я мой цветник. Пусть там переждут лихое время. Сам же здесь буду. Вы часом, Андрей Павлович, Петра Михайловича моего не встречали? А то последнее письмо аж две седмицы назад получил от него, да и сердце ноет что-то. Непокойно ему, сердцу моему. А может, что и поле сожгли давеча... Целое поле зерновых. Подчистую.... в золу.... в пепел...

Андрей только промолчал в ответ, передал бокал тут же шагнувшему к нему Ивану Фомичу, отводя взгляд от лица Михаила Львовича. Снова ширилось в груди чувство вины, словно это лично он, Андрей, был виноват в том, что сожжено целое поле зерновых, лишая Шепелева хорошего урожая, что вскоре приедут в эти земли французы, и неизвестно, какая судьба ждет самого помещика этого имения с этим приходом.

— Она будет жалеть, что не увидела вас, — прошептал вдруг в ухо Андрея Михаил Львович, когда на крыльце обнимал на прощание будущего зятя, благословив перед отъездом. И от этого тихого шепота сердце Андрея вдруг прыгнуло в груди высоко, а потом забилось учащенно. Он не мог не взглянуть снова на окна спальни Анны, а потом проговорил тихо в ответ:

— То только к благу ныне. Пусть будет столь далече от этого места, сколь возможно.

В ночь перед сражением Андрею не спалось. Он долго ворочался сбоку на бок, пытаюсь уснуть, но вскоре оставил эти попытки, стал просто лежать, запрокинув руки за голову, прислушиваясь к редким звукам, что долетали до его уха.

— Не спишь? — спросил из темноты голос Римского-Корсакова, который, видимо, тоже безуспешно пытался провалиться в сон.

— Не сплю, — подтвердил Андрей, доставая из-под рубахи кольцо, что висело на шее на толстом шнурке. Он часто гладил пальцем эти камни, и от этого простого движения в душу приходило какое-то странное спокойствие.

— Как жаль, — вдруг произнес голос Павла. — Как жаль, что многое не сделано до сих пор. Вот лежу и думаю, сказал бы кто — Павел Александрович, год до войны, ну пусть полгода... многое бы переменял, ко многому по-иному бы...

— Что это ты, Павел Александрович, разговор какой дурной заговорил, — заметил Андрей, в то же время ощущая в душе то же сожаление, что снадало ныне штаб-ротмистра. И отчего он тогда не стал ухаживать за Анной ранее, еще той зимой? Отчего не сделал ничего, чтобы переменить судьбу еще тогда, на Рождество? Отчего даже не станцевал с Анной ни единого танца, потакая своей гордыне и обманчивому взгляду на нее? Ни единого танца...

Андрей закрыл глаза и представил залу в доме Шепелевых с множеством зеркал, в которых отражались мундиры и фраки, легкие и воздушные платья, многочисленные огоньки свеч в люстрах. Пусть будет бал. И пусть будет лето, что будет кружить головы своим неповторимым ароматом цветов сада, доносящимся до гостей через распахнутые окна. И пусть будет новый танец — вальс, такой интимный, такой волнующий кровь... Глаза в глаза. Рука в руке. Его вторая рука крепко сжимает ее тонкий стан через тонкую ткань бального платья, ощущая жар ее тела. И они кружатся по паркету легко, словно парят над ним, над этой залой и над гостями. А он тонет в этих удивительных глазах серо-голубого оттенка, тонет, словно в омуте, с головой.... И отчего они так ни разу и не станцевали? Как же жаль...

То утро началось для обеих армий с канонады из пушек, гаубиц и единорогов [\[290\]](#). Выстрелы были так часты, что не было даже короткого промежутка тишины в этих раскатах, подобным громовым. Поле вскоре заволкло дымом, затрудняя обзор происходящего,

заставляя нервничать от подобной неизвестности. Этот дым поднимался к небу, заполняя все пространство, заслоняя собой солнце, которое снова показалось Андрею нынче кроваво-красным, словно отражая ту кровь, льющуюся под ним, словно алея от ужаса при виде той жестокости и ярости, что творилась под ним.

Томительное ожидание сводило с ума. Проходил час за часом, а полк все ждал приказа выдвинуться из резерва. Снова стали уже думать, что так и простоят, пока на поле отчаянно дерутся пехота и артиллерия, отбивая частые атаки французов. Наконец, когда солнце уже перешло по небосводу, показывая, что минул полдень, был дан сигнал выезжать на позицию рысью. «Ура!», прокатилось по цепочке по полку, «Ура!» громыхнул где-то возле Андрея голос Павла, и тут же, едва коснувшись мимолетно распятий у себя на груди, наспех сотворив святой крест, поскакали рысью к центральной батарее [\[291\]](#), замерли на перекрестии дорог, почти прямо за позицией Раевского.

Оттуда было хорошо видно поле сражения перед ней. То наступала, то возвращалась на свои позиции французская конница, укрываясь от шквального огня которым покрывала батарея пространство перед собой. Шли навстречу друг другу пехотные части, чтобы схлестнуться, а после распасться, опрокинуться наземь или отступить, оставив на земле убитых, назад, чтобы сомкнув ряды, снова идти вперед.

Странно, но видя это безумство огня и смерти, что творилось перед его глазами, Андрей совершенно ничего не испытывал, словно душа испуганно замерла внутри, затаилась на время, пряча все человеческое — эмоции и чувства. Только сигнала ждал, удерживая на месте твердой рукой переступающего с ноги на ногу коня, и чувствовал, как бежит тонкая струйка пота по виску из-под каски.

Снова бросилась в атаку кавалерия неприятеля после того, как французская пехота легла на поле, сраженная залпами картечи, уже подбираясь почти вплотную к батарее. Тут же раздался сигнал от командира полка Левенвольде приказ атаковать неприятельскую конницу, и кавалергарды двинулись на поле боя. Пришел их черед бить француза впервые за столько месяцев, и в каждой груди под кавалергардской кирасой билось сердце в предвкушении тех мгновений.

Смешались всего на миг, сбившись с рыси, когда первая потеря вдруг случилась в самом начале атаки, едва только выезжали навстречу перестроившейся при виде кавалергардов конницы французов. Грянул в сторону эскадронов залп картечи, и упал с лошади командир, барон Левенвольде, славный Карл Карлович, прошедший с полком всю австрийскую кампанию. Мертв или ранен, пронеслось в голове Андрея в долю секунды, а потом времени для размышлений не осталось — кавалерия уже полностью выстроилась для атаки на неожиданно появившихся русских всадников в черных кирасах. Переглянулись всего на миг с Римским-Корсаковым, встретились взглядами и тут же разъехались, выбрав каждый для себя ту точку, с которой будет рубить неприятеля.

Все дальнейшее для Андрея представлялось лишь какими-то отдельными картинками, мелькающими перед глазами, короткими, но такими яркими эпизодами. Он рубил остервенело направо и налево, уворачиваясь от ударов, что сыпались, казалось со всех сторон. Кто-то падал с криком или даже не успев издать и звука, а на его место уже спешил другой и снова противоборство лезвий палашей и сабель.

А вокруг этой свалки летала картечь, порой поражая противника Андрея до того, как тот успел ударить. В один из таких залпов левую руку обожгло огнем, оттого замешкался на миг, пропустил удар по спине, благодарение Богу, лишь скользнувшему по кирасе, но все же

отдавшемся в спине, а после и в левом плече. Этого француза, уже занесшего лезвие для очередного удара, зарубил юный корнет, обещавший витебскому помещику скорое избавление от длани Наполеона, спасая Андрея. Но тут же сам он был сбит страшным ударом со стороны, упал под копыта безумных от этой смертельной давки лошадей.

Андрей в свою очередь выбил из седла того, кто ударил корнета, борясь с таким не ко времени и месту ныне желанием взглянуть, жив ли юноша. Да только как тут глянешь, когда так и насаждают со всех сторон? И велики ли шансы выжить даже раненому под копытами коней, топчущихся на месте?

«Уланы! Уланы! Поляки!», крикнул кто-то слева от Андрея. Действительно, на помощь коннице, что уже сминали кавалергарды, теснили от центральной батареи, выезжали польские уланы, в числе прочих войск сражавшиеся в армии Наполеона. Уланы разворачивались, пытаясь обойти русских всадников с фланга, но тут на них обрушилась конная гвардия, опрокидывая их обратно к позициям, срывая их маневр.

Казалось, прошел день, пока кавалергарды рубили и стреляли, тесня французов прочь от батареи, которой командовал генерал Раевский, хотя на деле, конечно, это было не так. Наконец конница неприятеля повернула назад, к своим позициям по сигналу отхода, спасаясь как было можно от острых клинков палашей кавалергардов, что бросились преследовать их в «рассыпной» [\[292\]](#). Через дым, грохот канонады и свист картечи долетел до уха Андрея звук полковой трубы, выведивший «Аппеля» [\[293\]](#).

— Аппель! Аппель! — крикнул он, придерживая коня, отдавая своим людям приказы занять места в шеренге, чтобы возвращаться к штабдарту, где должен был собираться полк по этому сигналу.

Но не все услышали звук трубы. Около сотни всадников в черных кирасах и светлых мундирах по-прежнему преследовали неприятеля, словно желая и на позициях бить француза. При том они разделились — большая часть преследовала французскую кавалерию, а несколько вдруг врезались в позиции поляков. Замелькали синие мундиры, спасаясь от острых палашей. В самом крепком кавалергарде даже со своего места Андрей узнал Павла, который остервенело рубил направо и налево, отбивая редкие нападения на него.

— Аппель же, Павел Александрович! — с горечью прошептал Андрей, понимая, что теперь уж вряд ли дадут поляки уехать Римскому-Корсакову. Эх, коли б он мог пересечь расстояние, разделявшее ныне, чтобы встать плечо к плечу, помочь тому ныне! Но это было невозможно — его люди уже направлялись по сигналу к месту сбора.

Он помедлил всего миг, оглянувшись на могучего штаб-ротмистра, но порой даже один-единственный миг играет в нашей жизни решающую роль, определяет дальнейший вектор нашего жизненного пути. Андрей сперва услышал какой-то тихий свист, а потом мир перевернулся вокруг него, закружилось перед глазами разноцветье, сменившееся чернотой, когда он стал заваливаться на бок вместе с конем. Только боль в левой руке, ударившая его при падении аккуратно на эту сторону так остро, что он даже взвыл, не дала лишиться духа. Казалось, он оглох — вмиг опустилась удивительная тишина на поле, хотя Андрей видел сквозь дымку перед глазами и всадников, и дымок из жерл орудий, что следовал выстрелу. Не лежать, надо встать, отдал он приказ себе, стал выпутываться из стремян даже в своем неясном сознании, понимая, отчего обездвижен конь, принявший на себя многочисленные осколки гранаты, разорвавшейся подле них.

Поднялся на ноги с трудом, борясь со слабостью и дурнотой, что навалились вдруг. Голова отчего-то стала такая тяжелая, словно весила целый пуд. Упав, Андрей потерял

каска, и теперь чувствовал, как неприятно холодит ветерок по волосам. Он коснулся мельком прядей, чувствуя пальцами, что они влажные. Задело голову, знать, если это не пот.

Андрей бы долго приходил в ясное сознание, если бы не та картина, что он увидел, повернувшись растерянно в сторону позиций поляков. Все еще отчаянно рубил улан штаб-ротмистр без устали, оставшись совсем один — остальных уложили. Но вот кто-то из поляков, наконец сообразив, как можно остановить этого разбушевавшегося русского великана, вскинул карабин. Андрей не слышал выстрела и собственного крика, когда Павел вдруг дрогнул всем телом и упал с коня в тот же миг.

«...Как жаль, что многое не сделано до сих пор...», вспомнил Андрей слова, произнесенные прошлой ночью. «Как жаль...»

Тут же в сознание снова проникли звуки боя: грохот канонады, ржание лошадей, людские крики, звук полковой трубы, все еще подававшей кавалергардам сигнал отходить. Кто-то ткнул Андрея в бок, и он повернулся тут же, готовый дать отпор. Но это был всего лишь солдат, который собирал раненых товарищей на поле и относил подальше от шквального огня.

— Контужены, ваше благородие? Ранены? — прокричал тот прямо чуть ли не в ухо Андрею. — Уходите отседова, коли можете. Вона как палят!

Андрей быстро забрал седельную сумку с убитого коня, с трудом управляясь второй раненой рукой, и хотел уже последовать совету солдата, уже склонившегося над лежащими рядом воинами, как горячая волна ударила в спину с такой силой, что он перелетел через конский труп, на этот раз все же проваливаясь в темноту.

Он открыл глаза и снова поразился той тишине, что стояла над полем. Контужен, решил Андрей, пытаясь тряхнуть головой, чтобы сфокусировать взгляд и вернуть слух. Но вот где-то раздался одиночный выстрел орудия, за ним последовал еще один, и Андрей понял, что слуха он не лишен, что в полном сознании. Значит, ныне и верно летний сумрак спускался, в вихри дыма и смрада порохового, что все еще стелились над полем. То и дело в воздухе проносился чей-то стон или крик на русском и французском, реже — на польском и других языках, умоляя помочь им.

Голова нещадно болела. Казалось, что в ней сидят несколько кузнецов и бьют своими молотами изнутри со всей силой, на которую только были способны.

Эк, его выбило из сознания, подумал Андрей, аккуратно шевеля ногами и руками, пытаясь определить, насколько целы его члены. Уже окончен бой, судя по всему, а он так и пролежал здесь, укрывшись за бок убитого коня, который и после смерти спасал его жизнь. Лицо было липким на ощупь, от крови, как понял Андрей, горела огнем левая рука. В остальном, он вроде бы был цел, хотя и выглядел неважно, судя по всему, раз его не подобрали, отступая.

Андрей собирался с силами, чтобы, невзирая на боль, разрывающую голову и руку, подняться из своего укрытия и вернуться в расположение армии. Вспоминал эпизоды сегодняшнего сражения полка, какого же кровопролитного, по его мнению, как и битва под Прейсиш-Эйлау. Он снова видел, как упал корнет под копыта русской и французской конницы, как сбили выстрелом из карабина Павла, сжимал землю в кулаке, думая о том, скольких сослуживцев не досчитается после этого боя.

А потом услышал вдруг французскую речь. Совсем рядом, в нескольких шагах от места, где он лежал. Сначала решил, что это опять раненые переговариваются, но разговор становился всегромче и громче, что свидетельствовало о том, что французы перемещались

по полю.

— Eh bien? — спросил один вполголоса. Ему спустя время ответил другой, не скрывая своего превосходства:

— Une montre de gousset!

— Veinard! — в ответе ясно прозвучала зависть к новому обладателю часов, найденных у одного из убитых в сражении.

— Et toi?

— Tout croix pectoral. Mais argent pur. [\[294\]](#)

Мародеры, замер на месте Андрей, размышляя, как ему стоит поступить ныне. Если он сейчас поднимется со своего места, то ничего не помешает французам, ходившим по полю между убитыми, выстрелить ему в спину. Если же останется здесь и притворится убитым, есть вероятность, что они заберут ценности и уйдут прочь. Можно было еще и напасть на них, когда они склонятся к нему, но Андрей сомневался, что в своем нынешнем состоянии, когда так плохо работает левая рука, он будет способен дать достойный отпор. Да и оружия под рукой не было никакого — палаша он так не заметил подле, как ни вглядывался, а седельная сума с пистолетами лежала по другую сторону убитого коня. Мародеры попросту заколют его штыками или забьют прикладами, если он атакует их голыми руками.

Оленин с сожалением взглянул на кольцо на среднем пальце правой руки — широкий фамильный перстень с искусно вырезанной буквой «О» в черном камне. Отдать его в руки французов непозволительно. Он быстро снял с пальца перстень и спрятал его под бок убитого коня. Бог даст, мародеры не заметят.

А потом стал рвать застёжки ворота мундира, стараясь не делать при том резких движений, чтобы не быть замеченным приближающимися французами. Резко дернул шнурок, на котором висело кольцо с аметистами и нефритами, срывая его с шеи. При этом движении его голова качнулась, кузнецы в ней заработали молотами чаще, едва не заставив его вскрикнуть от боли, пронзившей виски и затылок. Замер, пережидая, пока утихнет боль, уткнувшись лицом в землю, тяжело дыша. Оттого и не слышал, как к нему приблизились эти два француза, склонились над ним.

— Qu'est ici? [\[295\]](#) — раздался голос чуть ли не над ухом Андрея, и он затаил дыхание, притворяясь умершим, при этом незаметно зажимая в ладони кольцо. Тускло блеснули аметисты, прячась в его руке, и он закрыл глаза, вспоминая глаза Анны, когда она лежала под ним в том сарае, когда широко распахнула их, удивленная тем, что творилось в ее теле, тем вихрем эмоций, что захлестнул тогда ее душу. Он до сих пор помнил запах ее кожи, ее волосы под своими пальцами, когда он прятал от взгляда Анны свою довольную улыбку в местечке между ее шеей и плечом, прямо у тонкой косточки.

— Le officier de cuirassiers [\[296\]](#), - ответил другой голос. Чьи-то руки пробежались по спине Андрея, проверяя убит ли он, а после перевернули его, чтобы прощупать обшлаг мундира и грудь. Нашли и сорвали тонкий шнурок с золотым распятием. После Андрея пнули больно в бок носком сапога, снова переворачивая, явно разочаровавшись в добыче. Все, нынче осталось только еще переждать, подумал Андрей, сжимая крепче кольцо, чувствуя, как впиваются в кожу камни. Он кусал губы, уткнувшись лицом в землю, сожалея о потере распятия, которое никогда не снимал с шеи с тех пор, как оно было надето на него еще в младенчестве.

— Attends! [\[297\]](#) — вдруг раздалось после очередного оружейного выстрела. Кольцо в

ладони Андрея шевельнулось, и он приоткрыл глаза, чтобы сквозь прищур взглянуть, отчего оно дернулось. Из его сжатого кулака торчал черный шнурок, привлечший внимание мародера, который пытался проверить, что же такое спрятано в ладони русского офицера, схватился за шнурок и дергал с силой. А после, бросив короткое «Merde!» [298] и вовсе принялся разжимать пальцы, которые изо всех пытался сжать Андрей, не отдавая кольцо. Тогда мародер стал бить стопой по его руке, пытаясь разбить носком сапога хватку, и эти удары отдавались в голове Андрея безумной болью. Он не сумел сдержаться и застонал тихонько, сквозь зубы, когда сапог француза со всего маху опустился на его кулак, разбивая пальцы в кровь, заставляя разжать ладонь. Мародер ловко выхватил шнурок и победно вскрикнул, когда блеснули аметисты, когда увидел кольцо с камнями, а потом взглянул на Андрея, все же расслышав его стон.

— Il semble qu'il est vive! — резко выпрямился мародер, а после испуганно воскликнул, когда лежавший еще недавно у его ног без единого движения русский офицер вдруг бросился на него, вцепился в его горло с невиданной силой для раненого. — Luis! [299]

Андрей планировал повалить француза наземь, а после перекатить того на себя, чтобы второй не мог ударить прикладом или штыком его незащищенную спину и шею. И ему бы это удалось непременно, будь он невредим или просто ранен в руку. Но тут от приложенных при этой атаке усилий кровь прилила к голове, и та немедленно взорвалась невыносимым стуком кузнечных молотов, лишая на миг Андрея сознания.

Француз сумел вырваться из его хватки, оттолкнул от себя, и Андрей упал на колени, пытаясь вернуться в сознание из той дымки, что ныне была в его голове, мешая ясно думать и реагировать.

— Tues lui, Luis! Tues! [300] — хрипел француз своему товарищу, хватаясь за горло, что нещадно болело нынче. Тот не стал себя долго упрашивать — занес над головой ничего не соображающего ныне Андрея приклад карабина, готовый проломить ему череп.

— Ma Anni... mon ange... — прошептал тот, вдруг увидев перед собой в дымке кружащуюся в мазурке Анну. Таковую, какой увидел на Рождественском балу в Милорадово. Развевался подол легкого платья, беззвучно скользили туфельки по паркету. Будто крылья ангела, летели за ее спиной концы газовой шали. Ее лицо было таким счастливым, а глаза так и светились радостью. Губы раздвинуты в широкую улыбку. Казалось, еще миг, и она засмеется в голос, чуть запрокинув назад свою хорошенькую русоволосую головку, немножко обнажая зубы.

— Моя милая, — улыбнулся Андрей легко. А потом вспышка в голове ослепила его, прогоняя прочь образ Анны, парившей в танце, скрывая его в черноте, что окружила его своей пеленой. И не будет больше боли, не будет мучений. Не будет ничего в этой черноте... ничего...

...Как жаль, что многое не сделано до сих пор... как же жаль...

В душном дормезе Анне не спалось. Быть может, из-за неудобной позы полусидя или из-за дневного зноя, который разморил остальных. А может, из-за тихого похрапывания графини и болонок, что лежали на подушках на полу кареты. Или из-за качания кареты по неровностям пути, убаюкавшего всех пассажиров, кроме нее. Или из-за страхов, что терзали душу сейчас. Страхов из-за неизвестности, из-за того положения, в котором оказались они ныне, и из-за того сна, что снова привиделся ей в прошлую ночь, первую в дороге.

Поле в тумане. Разноцветье мундиров на утопанной, залитой кровью земле. Следы свершившегося сражения повсюду, куда только не кинь взгляд. И знакомый ей уже маршрут к офицеру в светлом мундире, лежащему лицом к земле, с кроваво-грязными прядями светлых волос. Только в этот раз Анна просто села на землю подле него, но так и не смогла коснуться холодной белой кожи. Только сидела рядом, обхватив колени, и наблюдала, как медленно рассеивается туман над полем. словно вечный сон своего любимого сторожила.

Мадам Элиза, которой Анна рассказала о ночном видении поутру, когда приводили себя в порядок прежде чем снова двинуться в путь, успокоила ее, заверив, что это увиденное днем не оставляет на покой ночью, что страхи и тревоги дня настигают ее даже во сне.

А страшиться днем было чего. Едва подъехали к Гжастку, как встали в бесконечную очередь из желающих покинуть город и выехать на дорогу к Москве. Сделать это можно было, переправившись через речку Гжать по деревянному мосту в городе, подъезды к которому были запружены с самого рассвета. Казались, жители всех окрестных земель пустились в путь, спасаясь от французов. Продвигались дормезы от этого скопления людей, животных и экипажей медленно, заставляя пассажиров нервничать. Летела пыль из-под колес и ног пеших путников, проникала через опущенные окна в карету, вызывая кашель и неприятное першение в горле. А если поднимали стекла вверх, то изнывали от духоты и жары, что тут же наполняли дормез.

Яростно лаяли болонки графини на каждого, кто мелькал в проеме окна, этот лай раздражал, злил даже графиню, которая не выдержала и вскоре отдала собак своей горничной, ехавшей позади господских карет в коляске вместе с Глашей, сидя подле барского багажа.

— *Juste Dieu!* ^[301] — не выдержала графиня, когда возле окон дормеза протиснулись по обочине дороги очередные путники, неся на руках малых детей и ведя за собой на поводу единственное свое богатство — тревожно мычащую корову. От животного духа, наполнившего карету, мигом закружилась голова, даже дурнота нахлынула, отчего женщины тут же приложили платки, пропитанные духами к лицу, спасаясь от дурного запаха.

Марья Афанасьевна схватила трость и постучала ею в стенку кареты, зовя к себе кого-нибудь из сопровождающих слуг. Вскоре в проеме окна показалась голова пожилого лакея в напудренном парике с тонкой косицей, комкающего головной убор в руках.

— Это, по-твоему, мы едем, Григорий? Это невыносимо! Нельзя ли что-нибудь сделать? — раздраженно обратилась она к нему, с каждым произнесенным предложением постукивая тростью о пол кареты. — Неужто нельзя проехать никак? Я графиня Завьялова! Я вдова кавалера с лентой через плечо ^[302]! Героя турецкой войны! Григорий, мы так и до Судного дня стоим здесь! Уж полдень минул, а мы и на десяток верст не удалились от развилки с дорогой к Святогорскому. Что хочешь делай, но чтоб с места двинулись! Аль

думаешь пешим ходом идти твои बारे должны?

Голова Григория скрылась из вида, и графиня откинулась на подушки, подав знак Марии, чтобы та подала ей веер, которым тут же принялась яростно обмахиваться. Анна же только снова вернулась к своему занятию — чтению одного из старых выпусков журналов, что взяла с собой из библиотеки отца, чтобы занять себя в дороге, стала медленно перелистывать страницы.

— Что там, милая моя, пишут? Не о politique ли часом? Не пристало девицам про то очи свои портить, — заметила слегка раздраженно графиня и, получив от Анны на удивление кроткий ответ, что только стихи читает да сказы, проговорила. — Уважьте старость, душенька, прочтите и мне, что там поэты сотворили. Отвлеку свой взор от того, что кругом нас, и мысли...

Марья Афанасьевна умолкла, прикусила губу, только знак подала Анне приступать, и та не посмела не быть послушной ей, перевернула страницу и принялась читать вслух, громко и с выражением, как учили декламации крепостных актеров в Милорадово. От тех даже читку пьес требовалось проводить так, чтобы с первых же минут поверить в творчество автора.

— Где ты, милый? Что с тобою? ^[303] — и с первых же строк сжалось сердце у Анны, чуть дрогнул голос, выдавая ее чувства. Но ее спутницы тоже вдруг замерли на месте при этих строках, отвели взгляды в сторону, пытаясь скрыть мысли, что возникли в голове.

Стенала в голос Людмила, получив известие о гибели витязя: «полно жить; сердцу дважды не любить». И каждое слово из ее плача падало в самое сердце чтицы, заставляло вспомнить тот дурной сон, что виделся в прошлом — застывшее тело, окровавленная светловолосая голова, перепачканные землей пальцы, сжимающее кольцо.

— Милый друг, всему конец; что прошло — невозвратно, небо к нам неумолимо...

Читала и не могла не думать, не вспоминать. Уже не слышала, как за стенкой кареты проходят пешие путники, шумят животные, плачут младенцы в голос. Только отчего-то его лицо видела перед собой. Тогда, когда смотрел на нее, уходящую из оранжереи, тем самым взглядом — нежным, светлым, обволакивающим своим теплом.

— Барыня! Барыня! — в окошке кареты вдруг снова показалась голова в парике с косицей. Женщины, каждая погруженная в свои мысли, вздрогнули при этом появлении от неожиданности. Графиня пристукнула тут об пол тростью, досадуя на свой мимолетный страх и дурные мысли, что полезли в голову при прочтенных строках.

— Что ты орешь, окаянный? Аль я глуха? — резко бросила она лакею, и тот потупил взгляд, сразу же забормотал слова раскаянья в том, что повысил голос. — Ну доле! Доле! Что там решили, Григорий?

— Я, ваше сиятельство, человека нашел, — сбивчиво и торопясь, стал говорить Григорий. — Он знает путь от Гжатска до Можайска иной, не по тракту. Брод знает, где у Гжати. По лужку, потом по лесу, через деревни, через брод да на Новую Смоленскую выедем еще до Можайска. Обьедем всех, кто на Москву идет. А со Смоленки уезжать надобно — скоро, люди говорят, армия на дорогу ступит. Погонят нас всех с тракта-то, покамест войска не пройдут. Голову армии уже заприметили люди...

— Авангард показался? — нахмурилась графиня. То, что уже показались первые полки русской армии, говорило о том, что французы ближе, чем она думала. — Вот, что Григорий покажи-ка мне этого человека. Я по физии его пойму, что за душой у него на сей счет. По добру помогать решил аль по худому умыслу.

Марья Афанасьевна долго вглядывалась в грязного низкого человека, что стоял перед

распахнутой дверцей кареты, потупив взгляд в землю и смятая шапку из войлока в руках.

— Из чьих будешь? — сурово спросила она, и человек ссутулился еще больше, словно пытаясь скрыться с вида ее пронзительных глаз.

— Я не холоп, барыня любезнейшая, я земельный крестьянин, — тихо проговорил тот, не поднимая глаз. — Посевы мои близ тракта. Их пехом уходящие вытоптали вчистую, а телеги разбили землю вконец. А у меня ребятишек пятеро да жена брюхатая, — при этих словах графиня шикнула на него, покосившись на Анну, и крестьянин еще больше сжался. — Мне бы монет аль бумажных раздобыть хоть как. Вот и вызвался... чего ж, думаю, Федор Потапович, хорошим людям не подсобить-то?

— Получишь, Федор Потапович, серебром, коли все будет так, как обещался. Коли проведешь до Можайска путем окольным без хлопот. А коли нет! Пулю получишь!

Крестьянин испуганно закивал головой и стал креститься, клянясь именем Божьим и спасением своей души, что не обманет барыню, но графиня уже откинулась назад, в глубину кареты, подавая знак стремянному оттолкнуть того и закрыть дверцу дормеза.

— Ну, с Богом, мои милые, — прошептала она своим спутницам, когда карета тронулась с места, раскачиваясь из стороны в сторону, стала разворачиваться, чтобы съехать с тракта. За ней повернул и другой дормез, и коляска с багажом. Поскакали стремянные, разделившись — часть в голове поезда, часть позади замыкающими, а несколько — сбоку от карет, если позволял путь на то.

Ехали, по мнению графини, очень медленно, о чем она ругала беспрестанно кучера в голос, стучала ему в стенку кареты тростью, грозила выпороть нынче ж вечером, если не прибавят лошади. А тот и поделать ничего не мог — дорога, по которой вел крестьянин, была неразъезженной, заросшей травой, вся в неровностях. Ехать по ней во всю прыть — означало переломать оси, задержаться в этих местах, неизвестно насколько оттого.

Марья Афанасьевна, разумеется, понимала это, но, когда встали на ночной отдых, от души побранила кучера за нерасторопность и медлительность, даже ударила пару раз по спине тростью, выпуская свой гнев и тревогу таким образом. Она ясно слышала отдаленные раскаты грозы вдалеке, что доносились с той стороны, откуда они выехали, и опасалась, что это вовсе не природа бушует над Гжатском и окрестностями.

Едва стали опускаться сумерки, как небеса разверзлись, и на землю и путников пролился стеной холодный ливень, заставляя стремянных и кучеров кутаться плотнее в плащи, пытаться укрыться от дождя в наспех сложенном шалаше из еловых лап, которые они нарубили в ближайшем лесу. Несмотря на то, что графиня все время, пока устраивались на ночлег, ворчала недовольно, возмущаясь близкой стоянкой к лесу, а значит, и к зверям лесным, возмущаясь непогодой и холодом, который та принесла, заснула она самой первой, согрившись в кацавейке на вате и под толстым одеялом. Спустя некоторое время тихо засопела Мария в своем уголке, рядом с Анной, некрасиво приоткрыв рот.

Анне не спалось. Она прислушивалась к шуму дождя, к тихим разговорам холопов. Мысленно все повторяла и повторяла фразу, прочитанную ныне в журнале, да так и не ушедшую из головы, когда тот был закрыт и отложен в сторону. «Сердцу дважды не любить... сердцу дважды не любить...»

Справилась ли Людмила со своей болью от потери любимого витязя? Прислушалась ли к словам матери и перестала роптать на судьбу, принесшую ей такое горе? Как скоро забыла о нем? Анна бы прочитала далее, но графиня настойчиво попросила ее закрыть журнал и развлекать ее разговором в пути. Говорила, что по таким неровностям, по которым ехали,

свернув с дороги, и глаза растрясти недолго, но промолчала о том, как бледна стала Анна и белела лицом с каждой последующей строкой страданий Людмилы. А ныне было слишком темно для чтения, оттого и оставалось только мучиться от неизвестности и гнать от себя мысли о том, что суровая реальность может принести и ей, Анне, схожую судьбу. Она тихонько вздохнула и написала на стекле, запотевшем от дыхания пассажиров кареты: «Andre». А потом стерла ладонью надпись и долго смотрела на постепенно очищающееся от темных туч небо, снова вспоминая те дни, когда она была так счастлива...

— Тпрууууу! Стой, стой, окаянные! — вдруг громко крикнул кучер, когда Анна только-только сомкнула глаза в который раз, пытаясь скользнуть в дневной сон. Дормез резко трянуло вперед, а после он склонился немного вправо. Залаяли собаки, закричала испуганно Мария, еще толком не выскользнув из объятий дремы. Даже графиня вскрикнула, широко распахивая глаза, цепляясь за ткань, которой были обиты стенки дормеза изнутри. Анна едва сумела удержаться на месте, ухватившись за дверцу, благо стекло окна было опущено вниз, чтобы пассажиров обдувало легким ветерком, прогоняя жару летнего дня.

— Что там, Григорий? Что там? — высунулась Марья Афанасьевна в окно, толкая при этом намеренно локтем Марию, чтобы смолкла, не кричала в голос. Карета въехала в мелкую реку шириной около десяти сажень, не более, встала на расстоянии несколько шагов от песчаного берега. Вода плескалась почти у самого низа кузова дормеза, наполняя душу графини тревогой за сохранность туфель пассажиров.

— Ты чай, барыню утопить надумал, Григорий? — крикнула она лакею, обернувшись с козел на хозяйку. — Куда завезли, окаянные?

— Вечор же лило, аки из ведра, ваше сиятельство, — лакей, озабоченно хмурясь, оглядел и реку, и противоположный берег, и тот, что за спиной остался, на котором остановились другие экипажи из маленького поезда. — Залило вот брод-то.... вода вверх пошла.

— Мне нет дела до того! — резко ответила графиня. — Давай выезжать отсель и другой переход искать!

Но карета плотно увязла высокими колесами в иле, не желала двигаться, несмотря на все усилия стремянных по знаку барыни, полезших в воду, и на недовольство графини этой задержкой. Она даже колотила по спинам холопом тростью, если доставала до них, стоя в проеме дверцы, распахнув ту настесь. Только выдохлась сама в итоге да лошадей взволновала своими криками. Вернулась на свое место, когда уставшие холопы выбрались на берег и расселись на песке, чтобы отдышаться. Ее тут же принялась обмахивать веером Мария, подавала ей взвара ягодного, который взяли с собой для утоления жажды.

— Ироды окаянные! Дурни! Олухи! — горячилась графиня, а потом шикнула на лающих болонок, четко уловивших злость хозяйки, недовольно взглянула на Анну, что тихонько сидела в углу кареты, наблюдая за птахами на зарослях орешника на том берегу. — Вижу, вы нисколько не взволнованы этим происшествием? Может, ведаете, как выбраться нам из него, милая?

— Ежели вы желаете совета..., - начала Анна, и графиня оборвала ее своим резким: «Желала бы!». Потому пришлось продолжить. — Для начала нам бы стоило выйти на берег, полагаю. Вполне возможно, что тогда и вытянут из ила дормез столь малым числом.

Но этому замыслу не суждено было случиться так, как думала о том Анна. Не успела графиня кивнуть, соглашаясь с ее словами, как тишина летнего дня была нарушена криками и плеском воды, когда с противоположного берега в речку с размаха въехали стремянные,

посланные барыней поглядеть.

— Барыня! Барыня! Хранцузы! — от этого крика все в дормезе переглянулись тревожно. Мария вжалась в стенку кареты, будто пытаясь слиться с ней, а Анна схватила графиню за руку, словно только та могла спасти ее. Зарыдали в голос стоявшие на берегу горничные, что-то крикнула мадам Элиза (как оказалось позднее, заметив, что Катиш упала в обморок от страха при этих словах).

— Хранцузы, барыня! — подъехал к окошку кареты один из стремянных. Рядом встал верный графине Григорий, вот уже двадцать три года сопровождающий свою хозяйку в поездках, готовый даже жизнь отдать ныне, если она прикажет. — Не счесть их, барыня!

— Сотня что ли? Аль меньше будет? — спросила Марья Афанасьевна, уже раздумывая, что следует делать ныне, всплыла, когда стремянной растерянно взглянул на нее, услышав вопрос. — Вот напасть-то! Думала я вас счету учить, да толку-то и нет! Тогда как спрощу — более их числом, чем людей у нас?

— Более, барыня, более, ваше сиятельство! — закивал головой стремянной, и графиня нахмурилась. А потом поманила к себе Григория, что тут же оттолкнул холопа и встал у окна.

— Вот что, Григорий! Дормез второй и коляску в лес надобно отвезть, покамест француз к реке не выехал. С барышней Катериной Петровной и остальными пяток людей отправишь на всякий случай. Пусть тотчас же отправляются! И холоп земельный с ними пусть идет. А то завел сюда, не выехать самим-то. Анна Михайловна, верхом уедешь, коли нужда на то будет? — обратилась графиня к Анне. Та тут же кивнула, несмотря на то, что была совсем в неподходящем платье для езды. — Мария с тобой поедет. И стремянных возьмите пару с собой. Нынче ж вас на берег перенесут. Распорядись, Григорий!

Тот тут же скрылся из вида, криком отдавая распоряжения графини. Заскрипели колеса дормеза на берегу, который быстро разворачивали в сторону леса в трети версты от реки. Заржали лошади, когда тех стегнул кучер, вынуждая перейти на быструю рысь, чтобы поскорее укрыться в тени деревьев от неожиданной встречи.

— Барышня, — снова возник в проеме дверцы Григорий, но Анна только мотнула головой в сторону заплаканной Марии, которая и рада была выйти первой из душной кареты. Ее тут же втащил к себе за спину стремянной, и она прижалась к нему всем телом, обхватила руками.

— Пошла! — громкий крик, и стремянной рванул с места, обдавая брызгами женщин в карете, едва не сбивая с ног Григория, что удержался за дверцу дормеза.

— Et vous? [\[304\]](#) — Анна в тревоге взглянула на Марью Афанасьевну, которая ныне выглядела такой спокойной. Сидела, откинувшись на стенку дормеза устало, медленно поглаживая болонку, пытаясь успокоить ту при это шуме, что стоял вокруг. — Как же вы?

— Ne vous en faites pas, ma chere [\[305\]](#), - ответила графиня, улыбаясь одними уголками губ. — Что могут сделать старухе? Ровным счетом ничего. Но я никогда не прощу себе, коли что-то худое свершится с вами. И он.... Он тоже не простит мне того! Allez [\[306\]](#), все уже готово для вашего отъезда!

Анна порывисто склонилась к Марье Афанасьевне и коснулась губами ее морщинистой руки, пытаясь скрыть слезы, что навернулись на глаза в тот миг.

— Au revoir, Марья Афанасьевна!

— A bientôt, ma fillette! — ёасково пробежалась по русоволосым локонам рука графини,

прощаясь. — A bientôt! [307] Ну же! Идите, не то поздно будет укрываться!

Анна уже стояла в проеме дверцы, когда на противоположном берегу показались всадники в красно-синих мундирах и высоких шапках-конфедератках. Развевались под порывами летнего ветерка бело-красные флюгерки пик, что были в руках всадников, плюмажи на головных уборах. Всадники задержались всего на миг, оглядывая окрестности, а после пустили коней на пересечение реки по знаку своего капитана, едущего во главе отряда.

Анна отшатнулась резко назад, в глубину дормеза, опустилась на сидение подле графини, что взглянула в проем поверх ее головы, на едущих к ним воинов. «Tranquille, ma chere, tranquille» [308], прошептала та Анне, а после сбросила с колен болонку, аккуратно пробралась к проему и выглянула из кареты, раздумывая, что ей следует делать ныне. Всадников было около трех десятков, а людей ее ныне не более десятка. Тут только на милость и благородство капитана оставалось надеяться, который уже был в пятке шагов от дормеза.

— Вот олухи-то! — вдруг воскликнула тихо графиня, когда до нее донеслась короткие переговоры между всадниками. — Это ж надо так напутать! Французскую речь со славянской!

И уже совсем по-иному взглянула на подъехавшего к карете капитана, даже взглянула него с некой теплотой в глазах, что редко позволяла себе. Это были польские уланы. Значит, они заехали близко к расположению русской армии. Но успокоилась только, когда капитан улан представился:

— Пан Влодзимир Лозинский из фольварка Бельцы, что под Гродно.

— Dieu merci [309], - графиня протянула капитану руку, которую тот учтиво поцеловал. Ей довелось встречаться с полковником Гродненских гусар, потому и доли опасения не возникло в ее голове в этот момент. — Графиня Завьялова Мария Афанасьевна. Мои люди приняли вас за французов, чем вызвали переполох и панику! Едва сердца не разорвались от страха такого...

Она заметила, как капитан взглянул поверх ее плеча, расслышав тихий шелест в глубине кареты, увидела, как чуть расширились его темно-карие глаза, и дрогнули уголки губ. Короткие мимолетные признаки того, что поляк заметил Анну за ее спиной.

— Смею просить вас о помощи, сударь, — проговорила Марья Афанасьевна, снова привлекая внимание капитана. — Мы совершенным образом застряли в этой реке! Быть может, ваши люди могли бы при участии моих холопов сдвинуть дормез с места? Я уже оставила надежду перебраться на тот берег и с радостью встала бы на этом!

— Avec un grand plaisir [310], - произнес поляк, возвращаясь на миг взглядом к Анне, а после отступил в сторону, подавая знак своим людям, что прислушивались к разговору. — Стефан и Лодзь помогут вам переправиться на берег, пани графиня, а остальные толкнут карету из воды.

Уланы проехали к берегу, часть из них оставила пики и лошадей и вернулась в воду на ногах, чтобы помочь людям графини вытащить дормез. Двое из них, сложив руки таким образом, чтобы Марья Афанасьевна ступила на них будто на площадку, приблизились к карете.

— Но..., - нахмурилась графиня, не желая оставлять Анну наедине с капитаном, что по-прежнему держался близи кареты верхом. Но тот только поторопил ее: «Быстрее, пани

графиня, быстрее! Мы не можем стоять тут долго! Вы должны понимать наше положение», и она смело ступила на эту импровизированную площадку из переплетенья рук, позволяя отнести себя на берег, то и дело оглядываясь назад.

Капитан склонился к проему каретной дверцы, улыбнулся, пытаясь успокоить взволнованно сжимающую руки Анну.

— Панне ненадобно тревожиться. Ей никто не причинит вреда. Пан Влодзимир жизни положит за то.

Он был красив, этот уланский капитан. Красивее даже, чем ее брат, вынуждена была признать Анна. Тонкие благородные черты лица, чуть тронутая загаром кожа, темные глаза под козырьком конфедератки. Анна разгадала тут же натуру поляка: красивый и мужественный, он явно был избалован женским вниманием и быстро получал плоды от своих благородных поступков в сторону девиц.

— Панна может выходить из возка. Я отвезу панну на берег, — продолжил поляк, удерживая коня возле кареты. Ах, вот что он удумал, этот хитрый пан, не могла удержать губы от легкой ироничной улыбки Анна. Что ж, хочет быть спасителем душ — пусть им будет!

Она подняла болонок с пола кареты, взяв каждую подмышку, шагнула к проему.

— Ах, как это мило! Как это удивительно благородно с вашей стороны прийти на помощь в нашей беде! Вы — истинный спаситель! — пропела она мелодично, как всегда обращалась к тем, кого хотела очаровать своей красотой, улыбнулась очаровательно и... сунула поляку в руки двух болонок графини, а сама махнула рукой Григорию, что ухмыляясь, стоял поблизости, прыгнула крепкому, хотя и пожилому лакею на руки. Капитану только и оставалось, что пустить коня следом за лакеем, несущим барышню к берегу, пытаясь изо всех управиться с маленькими злыми созданиями в руках под крик графини: «O, mes bébés! Avec précaution, monsieur!» [\[311\]](#). Он был готов поклясться, что помимо деланной тревоги в ее голосе слышался смех.

Но как же красива была эта русоволосая нимфа, которую он отыскал среди этих речных вод! Какой же обворожительной была ее улыбка! Каким светом светились глаза! Жаль, что она — русская, с легкой горечью подумал капитан, передавая на берегу собак в руки графини. И как жаль, что столь многое разделяет их ныне...

— Благодарим от всей души, сударь, за вашу помощь. Вы часом не ведаете ли переправы поблизости через эту реку? — спросила его графиня, пока выталкивали дормез из плена речного ила и вывозили его на берег. Владимир снял конфедератку с головы, поправил тут же растрепавшиеся на ветру волосы, украдкой наблюдая за панной. — Хотелось бы до вечера на тот берег перейти.

— Увы нет, пани графиня, — ответил ей капитан, спешиваясь, согласно правилам хорошего тона. Вдруг повернулась к нему панна, спросила тихо:

— Не встречали вы, сударь, кавалергардский полк?

И снова поляк покачал головой, только тут понимая ошибку женщин, ощущая какое-то странное сожаление при последних словах панны. Он очень хотел бы надеяться, что она спрашивает, движимая тревогой о брате или ином родственнике. Но Анна взяла одну болонок из рук графини, видя, что той тяжело справляться с двумя собаками одновременно. Сверкнули в солнечных лучах кроваво-красные камни в кольце на одном из ее пальцев. На котором носят по обыкновению обручальное кольцо.

— Мне не доводилось встречаться с кавалергардами, панна, — честно ответил

Владимир. Он еще и сам не знал, что вскоре ему придется столкнуться с ними лицом к лицу. Через считанные дни, ведь менее седмицы оставалось до того кровопролитного сражения, что состоится на поле близ деревеньки Бородино. Но пока же о том, что уготовано судьбой для русской и французских армий не ведал еще никто из тех, кто стоял на этом песчаном берегу неширокой реки, наслаждаясь теплотой солнечных лучей и дивным светло-голубым небом без единого облачка.

— Вы не ведаете, как далеко ныне француз? — спросила графиня, и Владимир повернулся к ней, с трудом отводя взгляд от лица панны, освещенного солнечным светом. Она была без шляпки, простоволоса, и лучи блеском разливались в ее туго завитых локонах, отражались в серых глазах. Пришло время развеять тот флер, которым был так полон воздух вокруг них ныне, указать им на допущенную ошибку и потерять то расположение, которое столь дорого вдруг стало ему сейчас. Тем более что и дормез уже вывели из реки, и тот стоял в ожидании своих пассажиров.

— До свидания, милая панна, — с легкой грустью проговорил Владимир и завладел рукой Анны, той самой, с кольцом на пальце. Поднес к губам, прижимаясь пусть мимолетно, но так горячо к этим хрупким пальчикам под удивленными взглядами графини и девушки. При этом блеснула в солнечном луче «погоня» [\[312\]](#) на конфедератке капитана, и Марья Афанасьевна не могла не взглянуть на нее, побледнела, заметив кокарду возле плюмажа.

— Annette, approchez-vous de me [\[313\]](#), — проговорила медленно графиня, и Анна нахмурилась встревожено, чувствуя, как холоден вдруг стал голос Марьи Афанасьевны. Тут же выпрямился резко капитан, грустно улыбаясь, но ее пальцев не выпуская из своей руки.

— Вам не стоит ехать за тот берег реки, пани графиня, — проговорил Владимир медленно. — Коли не желаете попасть в руки авангарда армии Наполеона. Гжатск был сдан прошлого дня русской армией, что отступила далее к Можайску. Возвращайтесь в имение, пани. Нынче опасно ездить окрест, вы сильно рискуете...

Быстро испарилось тепло из глаз панны, сменяясь презрительным холодом, отнюдь не удивившим его. Где ей понять, этой русской, отчего он носит ныне на своем кивере трехцветную кокарду Наполеона? Анна так резко вырвала пальцы из хватки поляка, что даже шатнулась назад, едва не упала, отступившись. Но остановила его взглядом, когда он попытался удержать ее, не дать ей упасть. Отныне им не нужна его помощь, верно, усмехнулся Владимир, надевая кивер.

— Езжайте в имение свое, полагаю, оно где-то поблизости, послушайте моих слов, пани. И примите благосклонно новую судьбу, которую уготовило для России Провидение. Лес не всегда способен уберечь слабых и незащищенных, — проговорил он, намекая на то, что видел, как прятали в ближайшем лесу и карету, и коляску с багажом.

— Которое и толкнуло вас на предательство, полагаю? — едко произнесла панна, презрительно кривя губы в своей привычной улыбке. О, она определенно была схожа по темпераменту с гордыми уроженками его стороны, чем с северной надменностью и холодом!

— Annette, taisez-vous! [\[314\]](#) — вскрикнула перепуганная дерзостью Анны графиня, в душе одобряя каждое слово из сказанного в лицо тому, кто еще недавно был подданным российского императора, а ныне носил кокарду цветов Наполеона на головном уборе.

— Вы удивительно безрассудны, панна, — усмехнулся Владимир, а потом в одном резком движении занял место в седле. Снова взглянул на нее свысока. — Безрассудны и смелы. Вашу бы смелость русской армии, что так спешно бежит от границ к самому сердцу

своей страны! Так к концу месяца мы будем салютовать в честь победы над Александром возле стен Кремля.

Теперь уже злились обе, он ясно видел это со своего места и улыбнулся этой злости, с трудом спрятанной за маской вежливого презрения. Приложил ладонь к киверу, отдавая честь, прощаясь с пани, отъехал к своим людям, все еще стоявшим у дормеза рядом с людьми путешественниц, приказал тем готовиться к отъезду.

— Откуда едете, добрый человек? — обратился Владимир к усталому кучеру.

— Вы про кого, ваше благородие? Ежели про барыню, то из Святогорского мы. Ежели про барышень, то из Милорадово, что подле, всего в пятке верст, — проговорил тот, похлопывая по боку лошадей, а потом вдруг прикусил язык, заподозрив, что сболтнул ненароком лишку. Вон как ослабился офицер, глядя шею своего коня. Но думать долго о том не стал — его тут же кликнул Григорий, сказав, что барыня приказывает поворачивать в обратную дорогу, и он послушно взял за узду передних лошадей в упряжи, стараясь аккуратно подставить большой дормез на новый путь. Когда поляки скрылись из видимости, а дормез графини доехал до окраины леса, соединились с остальными путниками.

— Это был неприятель, — коротко сообщила графиня, и женщины ахнули, кто в страхе, кто тревожно. А потом все, даже холопы, тихо заплакали, когда Марья Афанасьевна проговорила то, во что сама верила с трудом. — Гжатск сдан французу. Господь оставил наши земли своей милостью — армия отступила к Можайску.

Все время, что заняла обратная дорога, хранили молчание. Даже кучера редко прикрикивали на лошадей, подгоняя тех в пути. И собаки притихли, жались отчего-то к графине, словно боясь чего-то. Тихо рыдала в платок Мария в страхе перед неизвестностью, плакала беззвучно, даже не утирая слез, Анна, не понимая, как могло случиться, что французы продвинулись так далеко. Где же ныне Андрей, где ее брат? Живы ли? О, об этом даже страшно было подумать!

С неудержимой силой гнало вперед путников желание оказаться в собственных землях, укрыться от всего худого за родными стенами, словно они могли защитить. Оттого даже на ночь не стали становиться, опасаясь появления французов. Странно, но первые солдаты неприятеля встретились их маленькому поезду, только когда уже выехали на Смоленскую дорогу, на которой была сооружена импровизированная застава в нескольких верстах при въезде в Гжатск.

С ними общалась мадам Элиза, которой пришлось вспомнить диалект родной провинции, ведь солдаты, что остановили их, были из земель северного Прованса, где она родилась и жила до того, как сожгли и разграбили их родовой замок в период Революции. С болью в сердце за эту землю, что стала ей уже родной, за будущее, что ждало ее девочек, испуганно застывших за шторками на каретных оконцах, она улыбалась своим землякам, чтобы те пропустили их ехать далее без лишних проволочек. Солдаты только заглянули в кареты и внимательно осмотрели сопровождающих поезд стремянных, которые косились на них недобро, хотя и старались этого не делать. Но махнули рукой, пропуская их маленький поезд, хотя до того недавно взяли небольшую «плату» за проезд с каждого, кто миновал их пост, совсем не опасаясь близкого присутствия императора, что остановился в Гжатске. Недаром перед съездом на большую дорогу графиня приказала оторвать с дверец дормеза графские гербы, что везла с собой, спрятав тот в подушках, недаром приказала своим спутницам снять любые украшения, а лица прятать за эшарпами, наброшенными на головы. Даже с ливрей своих людей приказала оторвать шнуры с серебряными нитями, чтобы не

привлекать внимания к своему статусу.

Уже на закате, за несколько верст до поворота на дорогу, что вела в сторону имений, Анна все же осмелилась выглянуть в оконце, чтобы посмотреть, как изменилась земля с приходом французов. Странно, но все было практически как обычно, за исключением того, что обочины тракта заметно расширились, утопанные неисчислимым количеством ног и разъезженные колесами повозок и орудий. А спустя некоторое время Анна вдруг заметила телегу, полную соломы и сена, которой правил сутулившийся крестьянин в шапке, сплетенной из лыка. Но не возница привлек ее внимание настолько, что она даже высунулась в окно, откинув занавеси, невзирая на гневное замечание графини.

На сене ярким пятном бросился в глаза ярко-красный гусарский ментик, выброшенный на раненого, которого везла эта медленная колесница. Густые усы, некогда гордость своего хозяина, казались иссиня-черными на белом как мел лице.

— Остановите! Остановите! Прикажете остановить! — вдруг закричала Анна, а потом так посмотрела на графиню, что та резко застучала в потолок кареты тростью. Анна выскочила из дормеза, не дожидаясь, пока лакеи спрыгнут наземь и откроют ей дверцу, откинут ступеньку. Побежала к телеге, от которой уже отъехали на приличное расстояние, путалась в юбках, едва не упала, но даже шага не замедлила, несмотря на удивленные вскрики и взгляды, которыми ее сопровождали.

Возница резко остановил телегу, когда заметил побежавшую к ней барышню, но раненый даже звука не издал, только поморщился, кусая нижнюю губу. Анна, привстав на цыпочки, перегнувшись через борт телеги, протянула руку и коснулась мужских пальцев поверх ментика. Раненый медленно открыл глаза, и Анна с тревогой заметила темные тени под его глазами, мертвенную бледность его лица и ладоней.

— Я умер, верно... и ныне... в небесах...

— Нет, Григорий Александрович, вы живы, — Анна прикусила губу, стараясь не расплакаться. Бранов выглядел совсем неважно: его руки были так холодны, что казалось, она касается мертвого, а не живого. Из-под ментика виднелись бинты — кроваво-красные, как сукно обмундирования, под стать камням, что блеснули в закатном луче на ее руке.

— Вы... fiancée [\[315\]](#)... Ротмистр — счастливчик! Пусть... будет им и далее... Я же... конечно!

— Не говорите так, не надобно, — а после спросила у возницы, видя, как тяжело Бранову говорить при его ранении. — Куда везешь господина офицера?

— Куда попросили, барышня, в Вязьму! Сказали, к родному дому умирать, — ответил возница, сплевывая травинку, что жевал в дороге. — Да не доедем мы до Вязьмы. Постое понаставили антихристовы, еждому дай на лапу! А чем давать-то? Рубаху что ль снять? Аль шнуры оторвать с одежды офицерской? Говорю ему, нешто он понимает то? Все в мореке лежит...

— Il n'en a pour longtemps [\[316\]](#), — тихо проговорила, чтобы не услышал ее раненый, графиня неслышно подошедшая со спины к Анне. Она уже видела, как заострились черты гусара, видела тени под его глазами. — До Вязьмы не доедет.

— Нет, — покачала головой Анна, отказываясь в это верить. Бранов снова распахнул глаза, и то, что она заметила в их глубине, вдруг заставило ее душу сжаться от боли. — Нет, мы отвезем его в Милорадово. Доктор Мантель поставит его на ноги. Непременно поставит!

— Господин Мантель всего лишь эскулап, а не апостол! — бросила графиня, не желая, чтобы Анна питала напрасных надежд, но та уже не слышала ее — склонилась к раненому

еще ниже и стала уговаривать его поехать с ними в Милорадово, где ему окажут помощь.

— Куда угодно... коли вы просите... Только после... после... непременно в Вязьму меня... к матери... к родному дому... под тополь на погосте, — Бранов из последних сил напряг руку и пожал ее пальцы, лежащие на его ладони поверх ментика. — Так даже благоднее... уйти подле ангела... подле вас...

Для Бранова освободили один из дормезов, куда его аккуратно перенесли лакеи. С раненым вызвалась ехать мадам Элиза, а графиня, Мария и Анна перешли во вторую карету. Пришлось рассестись теснее и ехать почти плечо к плечу к имениям. Но никто даже слова не произнес по поводу неудобств, кроме Марии, заметившей, что из-за доброты Анны вынуждены страдать все остальные.

— Ты удивляешь меня, душенька, — резко заметила ей графиня, в то же время с силой сжимая руку Анны, сидевшей подле, явно не желая ссор ныне. — Неужто я так и не сумела взрастить в тебе милосердие христово?

Далее ехали в полном молчании, которое только однажды было нарушено Анной. Она долго не могла понять, что не так в пейзаже, который медленно двигался за окном по ходу кареты, а потом вскрикнула глухо:

— О, мадам графиня, где же шпиль бельведера [\[317\]](#) в Святогорском?

Все тут же склонились к окну, стали всматриваться вдаль, где обычно виднелся поверх верхушек лесных деревьев, блестя в лучах солнца, золоченный шпиль бельведера усадебного дома имения графини. Нынче же его не было.

Когда въехали в липовую аллею, ведущую к дому Шепелевых, Анна вдруг заплакала и никак не могла успокоиться. Слезы катились и катились из глаз, и когда дормез выехал из тени лип, останавливаясь у подъезда, и когда выскочила навстречу бледному отцу, выбежавшему на крыльцо, бросилась тому на шею. Но сумела все же справиться с истерикой, рвавшей грудь, потянула его за руку к одному из дормезов, где уже распахнула дверцу мадам Элиза.

— О папенька! Скорее! Надобно послать к господину доктору! Скорее!

— Ненадобно беспокоить доктора, Михаил Львович, — остановила их мадам Элиза, вытирая уголки глаз платком. — Господин поручик... il s'en est allé [\[318\]](#).

Зелень листвы в аллее вдруг превратилась в луговую зелень трав. Два противника друг против друга. Белеет полотно рубах на фоне этой изумрудной красоты. И ярко-красный ментик на плече одного из них. Ярко-красный, как кровь на бинтах поверх груди смертельно раненого под Гжатском гусара, который среди прочих пытался задержать неприятеля на переправе через мост в городе, не пустить того так скоро пройти дальше.

Анна протиснулась к карете мимо мадам Элизы, взглянула на белое лицо поручика, коснулась холодных пальцев, сложенных на груди.

— Григорий Александрович, — позвала его тихонько, вспоминая, как частенько дразнила его, как забавы над ним разыгрывала, заставляя его нервничать и чуть краснеть лицом. Он так злился смешно — только кончик носа алел. Вспомнила его громкий смех, будто раскаты грома в тишине комнат, звон его шпор, когда он шел своей неизменно спешной и резкой поступью. Бас его голоса, когда они пели дуэтом. «...Люби ты меня, как я люблю тебя!»

И вот он мертв... мертв... Как был мертв Андрей в том страшном сне.

Тихо шелестела над головами зелень, раскачиваясь в танце с легким ветерком. Где-то в парке перекрикивались дворовые. Алело небо закатными лучами солнца. Приближалась

ночь, уже не теплая, как обычно летом, когда можно было не закрывать окон, а засыпать, вдыхая ароматы цветов сада. Холодная ночь августа. Слово символ того, что, несмотря на жару, стоящую днем, природа уже обещала осень с наступлением темноты. Осень, уже неспешно шагающую к Милорадово все ближе и ближе с каждым днем...

Смерть, что случилась почти на пороге усадебного дома в Милорадово, казалось, отразилась в душах всех его обитателей. Домашние слуги и дворовые ходили с какими-то странными чуть испуганными лицами, словно ждали появления из каждого угла комнат чего-то худого. Катиш, бледная и испуганная, заперлась в своей спальне и наотрез отказалась выходить около двух седмиц после, даже в церковь не ходила со всеми и к трапезам не спускалась. Она так плакала в первые несколько дней после возвращения, что доктор Мантель выписал ей успокоительных капель и немного опиумной настойки на ночь для спокойного и глубокого сна.

— Нервы. Нервная болезнь у барышни, — говорил он обеспокоенному Михаилу Львовичу, закрывая свой неизменный саквояж. Анне даже казалось, что тот родился с ним, как данью некой своей фамилии [\[319\]](#). — И это не дивно, учитывая, что творится вокруг!

Но не только Катиш стала пациенткой господина Мантеля в то время. В день приезда графиня слегла, получив известия, расстроившие ее до глубины души. Ее милое, дивное Святогорское, каждый уголок которого она успела полюбить за дни, прожитые в этом провинциальном уезде, было разорено мародерами. Усадебный дом разграблен и почти полностью сожжен.

— Кто-то наговорил, не иначе, — качал тогда головой Михаил Львович, рассказывая графине о случившемся. — Знали, что в имении нет хозяев, что отпора достойного не получают, вот и пошли на Святогорское. Покамест до нас дошла весть о том, что творится по соседству, покамест увидели дым пожарища, успели-таки растащить да попортить то, что не смогли унести. Люди ваши дворовые не все примеру худому последовали — некоторое число их отпор пытались дать нападению этому, да куда им? Вот коли б какое оружие у них было, Марья Афанасьевна... А так только у сторожей карабины. И что самое худое — свои же, не французы то творили, прости Господи грехи им эти тяжкие!

Марья Афанасьевна выслушала молча соседа, даже бровью не повела, узнав о том, что случилось. Только крепче сжала набалдашник трости пальцами, да губы поджала. Тут же попросила заложить коляску, чтобы взглянуть своими глазами на тот ущерб, что сотворили в Святогорском. С ней вызвался ехать спутником Михаил Львович, желая помочь, если графине вдруг станет плохо с сердцем при виде того, во что превратилась усадьба. Все-таки дама в возрасте, мало ли что. Но на его удивление она и на пожарище была спокойна, ходила, тяжело опираясь на трость, по дорожке вдоль останков дома, лавируя между разбросанной повсюду разбитой мебели — стульев, ящиков бюро, маленьких столиков.

— Вот ведь ироды! — устало сказала Марья Афанасьевна, отводя взгляд от обвалившихся и закопченных черной сажой стен первого этажа, что только и остался от большого дома с башней бельведера над основным зданием. — Тут даже и не поправить ныне. Ну, награбили бы, чего хотели, так чего палить дом-то? И гляжу, оранжерею мою побили, поломали растения. Все стекла вон! Все выворочено! Ироды! Чтобы у них руки поотсохли за деяния их пакостные! Хорошо хоть вывезла ценное в столицу. Успела сохранить-таки! А что дворня-то моя, Михаил Львович? Разбежались все?

— Пафнутий Иванович ваш был ранен в том действе, когда отпор пытались дать. Ныне у меня в людском флигеле лежит. И несколько лакеев живы. Девушки многие, те в лес убежали. Не ведаю, вернутся ли. Тут за эти дни кто только не прошел — и французы, и

мародеры, что из русских. Много худых людей-то, — Михаил Львович покачал головой раздосадовано. Он пытался искать девиц, люди ходили по лесу и звали тех в голос, да только никто к тем не вышел. — Остальные, Марья Афанасьевна, кто на погосте ныне, а кто в бега подался. И девицы, и мужики. Даже деревенские люди в сим числе.

— Ироды! Ироды! — качала головой Марья Афанасьевна, ходя возле руин усадебного дома. — Окаянные! Наказание будет им по грехам им! Кара Господня на головы их!

Только вернувшись в Милорадово, где ей и ее людям предоставил приют сосед, да после встречи в деревне своей с растерянными и перепуганными холопами, упавшими ей в ноги, умоляя о заступничестве от напастей, что на головы их Господь прислал, Марья Афанасьевна вдруг занемогла. Заколело сердце, как это обычно бывало у нее после тревог и волнений сильных. В тот же вечер послали за господином Мантелем, которого насилу отыскали в одном из имений уезда, куда тот уехал от греха подальше из Гжатска. Он видел, как силой сгоняли жителей города приветствовать французского императора по русскому обычаю — с хлебом и солью, видел, как грубы солдаты и офицеры в стремлении угодить Наполеону. Потому и решил скрыться из города на время, понимая, что первого его погонят французы, как человека всем известного и уважаемого в уезде.

— Я вернусь в Гжатск только после отъезда Буонапарта, — говорил он за ужином в один из своих визитов в Милорадово своим слушателям, внимательно ловящим каждое его слово. — Сильно думаю, что снова пройдет волна грабежей и огня по городу, как в день отхода нашей армии.

Обычно при его оговорках в речи, как человека, не рожденного на этой земле, у Анны не раз улыбка возникала на устах, но только не ныне, когда голова была полна тревожных мыслей, когда в одной из комнат дома готовили в последний путь в родную сторону поручика, некогда бывавшего здесь гостем. Ныне она даже рассказ доктора слушала рассеянно, с трудом вынуждая себя съесть хоть что-то за ужином, а не отбросить вилку в сторону и не разрыдаться в голос. Но разве пристало то барышне, когда и мадам Элиза сидит спокойно, бледная и молчаливая?

— Грабежи были ужасные! Люди обезумели совершенным образом! Лишились всех человеческих качеств в сей же день, — продолжал доктор. — Пылали дома и иные постройки. Суета, как обыкновенно, при огне бывает. Толкотня и крики! Сущий ад, прямо вам скажу! И все от моста, что подожгли казаки, отступая. Многие погорели в тот день. Я своими руками сбивал пламя.... И ведаете, кто помог город от огня спасти? Французы! Verwunderlich [\[320\]](#)!

— Еще бы они не уберегли Гжатск! — заметил Михаил Львович, подавая незаметный знак для дворецкого, чтобы несли следующую перемену да обновили вино в бокалах. — Гжатск им нужен в целостности! Где ж им размещаться-то? На какие казармы вставать, занимая град? Скажите, господин Мантель, а приходилось ли видеть вам самого Буонапарте? Говорили, три дня стоял он в Гжатске. Аль слышали что о нем? Каков он, сея угроза для Европы?

— Признаться, я не дождался его прибытия, — ответил доктор, с удовольствием глотая отменное французское вино. Шепелев с недавних пор приказал выставлять на стол только лучшие вина его погребов, желая выпить те самому, а не отдать солдатам той страны, откуда эти дивные напитки из винограда прибыли. В том, что вскорости непременно доберутся и до Милорадово, сомнений у Михаила Львовича не было — дошли слухи, что уже навевывались в ближайшие к тракту имения французы, требуя от владельцев лошадей и пропитание. —

Прошел толк по городу, что будут уважаемых горожан для встречи императора брать, а после составлять из тех некий совет для службы. Служить французам? Я не желал бы того, скажу напрямик, оттого и уехал скрытно из Гжатска к уважаемому Петру Дмитриевичу Аргонину и пробыл в его имении, не устану хвалить его милость и доброту, пару дней. Вы уже ведаете о том, я говорил вам.

Михаил Львович тогда предложил господину Мантелю остаться в Милорадово на ночь, и они еще долго сидели с бокалами бренди на террасе, где доктор курил трубку. Анна видела их силуэты в полумраке летней ночи, когда уходила из образной далеко за полночь, где и провела время после ужина, стоя на коленях перед святыми ликами, умоляя защитить всех, кто жил в ее сердце.

— От пули и от сабли, от штыка солдатского, от иной напасти, что в сражении может быть, — шептала она, глядя на тонкий огонек, бьющийся в лампадке. А перед глазами стояло лицо Андрея, его глаза... Смерть поручика, что случилась тем днем, внесла страх в ее душу, и даже молитвы отчего-то не могли его унять.

Так сложилось, что доктору, ставшему столь частым гостем в Милорадово той осенью, довелось и панихиду посетить, что провел отец Иоанн над гробом Бранова согласно обычаю перед тем, как тело несчастного отправили в Вязьму.

— Удивительно здравый телом человек, — не смог удержаться, чтобы не прошептать соседу по панихиде доктор. — Это я как эскулап говорю, глаз верный на то. И вот такая кончина... ранняя. Знать, Богу то было угодно!

Анна смотрела в тот день на заострившиеся черты гусара, на его сомкнутые на груди руки, с трудом сдерживая слезы. Ей совсем не верилось, что этот высокий и крепкий телом человек с громким смехом и басовитым голосом вот-вот скроется из ее жизни. Подойдет к концу панихида, закроют гроб крышкой, вынесут его на подводу, что ждет в церковном дворе. Увезет эта телега Бранова в Вязьму, где будет рыдать над телом несчастная мать, схоронившая в этом году супруга, кляня год, принесший ей такие потери.

На удивление многих рыдала тихо на панихиде Мария, пряча свое некрасиво покрасневшее от слез лицо в конце тонкого газового эшарпа. Для Анны это было странным: она знала как никто, какие натянутые отношения были у гусара и Марии в последние дни перед его отъездом, помнила ту ссору на празднике графини, что привела к дуэли. И видеть это неподдельное горе.... Мария единственная прислонилась лбом к крышке гроба перед тем, как тот двинулся в телеге прочь с церковного двора. Остальные же только на миг задерживались, прощаясь с Брановым, и лишь Анна тронула ладонью крышку, прощаясь.

— Мне очень жаль.... Мне жаль, — прошептала Мария, чувствуя невероятную вину и за свои слова, сказанные давеча, и за мысли, что были в ее голове тогда. «...Ну, не помрет же он, и далее едя на телеге...». Жестокие, худые мысли. И вот он мертв. — Простите меня...

При виде горя Марии у многих сердца словно в тисках сжимались. И каждый, кто стоял тогда во дворе храма, думал о том, не доведется ли и ему вот так рыдать над гробом, провожая в последний путь воина русской армии. Оттого и Анна не поехала вместе со всеми к дому, а вернулась после в храм, проводив взглядом телегу, увозившую гусара в последний путь к родной земле. Поставила тонкие свечи перед многими ликами, снова и снова прося сохранить, убереечь, вернуть ей.... вернуть в Милорадово.... Просила, поднимая заплаканное лицо к росписи под куполом храма, опустившись на колени перед святым распятием. Просила, еще не зная, что до сражения на поле близ деревеньки Бородино осталось всего несколько дней...

В ночь после сражения (она после высчитает, запомнив это видение) Анна вдруг пробудилась и долго лежала без сна, глядя в ткань балдахина над собой. А потом вдруг увидела его, стоящего в полупрозрачных занавесях окна. Он снова был в ее спальне. Как тогда.

Анна резко села в постели и протянула в его сторону руки в приглашающем жесте, даже не раздумывая. Ей было все равно, что в соседней комнате чутко спит няня, заявляющая, что хранит сон барышни, ставшим таким беспокойным в последние дни, что их могут застать в совсем неподобающее время и месте.

Андрей тут же шагнул к ней от окна, присел на край постели, мягко принимая ее руки в свои ладони, глядя пальцами ее нежную кожу. А потом он легко пробежался вверх по ее обнаженным рукам — от ладоней до плеч, вызывая в ней какую-то странную дрожь, легко смахнул бретели сорочки, оголяя грудь. В этот раз не было смущения, когда он окинул ее горящим взором, не появилось желания прикрыть свою наготу. Анна подняла руки, но для того лишь, чтобы обнять его за шею, запустить пальцы в его волосы. Прижалась к нему всем телом заглядывая в его голубые глаза.

— Моя милая, — прошептал Андрей, прежде чем поцеловать ее вначале нежно и легко, а потом страстно и даже чуть грубо. И было что-то в этом шепоте, от чего голова тут же пошла кругом, а сердце забилось, словно птица в силках.

— Я люблю тебя, — шептала Анна, перемежая слова с поцелуями, покрывая теми и шею, и плечи Андрея, и грудь, и его сильные руки. Шептала то, что так хотела сказать ему ныне, то, о чем умолчала, когда они расставались столько седмиц назад. — Я люблю тебя...

Сердце после разрывалось от любви, захлестнувшей ее в тот миг с головой, а тело будто таяло от сладкой истомы, пришедшей на смену вспышке наслаждения, сотрясшей тело. Она вцепилась в него, обхватила ногами и руками, прижимая к себе, не желая даже на миг отпустить от себя, оставаться снова одной.

— Это сон, верно? — прошептала она в его ухо, и он поднял голову, заглянул ей в глаза. Улыбнулся нежно и коснулся ласково губами сперва ее лба, а после век.

— Тогда нам снится один и тот же сон, милая, — был нежный шепотом ей ответом.

Анна боялась закрывать глаза, зная отчего-то, что как только сделает это, Андрей исчезнет из этой комнаты, растворится утренней дымкой из ее рук. Потому лежала рядом и смотрела, как он дремлет, с трудом борясь с желанием снова зацеловать его, прижаться к нему всем телом.

— Ты только живи, слышишь? — вдруг проговорила Анна, вспоминая мертвенно-белое лицо Бранова, лежащего в гробу во время панихиды, ощущая запах ладана церковного. — Только живи! Я умру в тот же миг, как тебя не станет!

Андрей открыл глаза и взглянул на нее, стер пальцем слезинку, что сорвалась с ее длинных ресниц и побежала по ее щеке, грозя упасть обжигающей кожу каплей на его плечо. Но все же остальных поймать не успел — они упали на его лицо, заставляя удивленно моргнуть.

— Ты только живи! — Анна чувствовала, как ее захлестывает страх, сметая остальные эмоции на своем пути, приводя с собой истерику, вставшую комком в горле. — Живи!

Крикнула и сама проснулась от своего крика. А потом зашлась в плаче, когда обнаружила, что лежит в постели совсем одна, что это был всего лишь сон, от которого по-прежнему билось бешено сердце, а тело чуть ослабело в неге. Ах, отчего сны не длятся вечно?!

Именно от доктора Мантеля и узнали после в Милорадово о том кровопролитном сражении, что состоялось недалеко от Гжатских земель. Доктор взволнованно рассказал Михаилу Львовичу о том, сколько раненых французов прибыло в госпиталь, устроенный в Гжатске, и о том, что поведали ему те, кому довелось пережить этот бой, длившийся целый день до самых сумерек.

Да, как ни опасался господин Мантель, а пришлось ему пойти на поклон к французам — к коменданту, что встал во главе города после отъезда Наполеона. Близ Гжатска французы разбили лагерь для пленных, которых довелось им взять по мере продвижения к Москве. Доктор умолил коменданта позволить ему навещать русских и помогать тем по мере возможностей, питая жалость к тем, которым даже никакой помощи не оказали, которых и не кормили толком.

— Natürlich [\[321\]](#), мне позволено это только с тем условием, что я окажу помощь в случае нужды и французам в госпитале. Их доктора и операторы не справляются с таким числом калеченных и раненных, — доктор стыдливо отвел глаза в сторону, словно ему было стыдно за то, что он делает. — И корпия... Мы должны отдавать часть корпии и полотна, что привезу в лагерь, в госпиталь французов. Не окажете ли мне помощь в том, gnädiges Fräulein [\[322\]](#)? Вот, объезжаю ныне дома, чтобы просить и о том, и о еде для тех, кто имел несчастье попасть в руки неприятеля. Французы, знаете ли, дурно их кормят...

— Бог с вами, Марк Оттович, всенепременно поможем, — заверил его Михаил Львович отвечая за дочь, что была явно растеряна ныне, и доктор кивнул в ответ. — Вы бы поведали о сражении том? К кому виктория в руки пришла в тот день? Обманул ли хитрая лиса Кутузов Буонапарте?

— На этот счет я принес неутешительные вести. Французы говорят, что победа была на их стороне, что русская армия почти полностью уничтожена, оттого и вынуждена отступить к Москве. Прошу простить меня за сии известия...

И только тишина ему была ответом, за исключением женских вскриков особо впечатлительных особ, как и в других домах, куда он приносил эту весть, сам не в восторге от того, что является гонцом худых известий. И снова видит потрясенные, мрачные лица, тонкие пальцы, комкающие платки, трясущиеся от волнения губы, к которым прижимают тонкое полотно, чтобы унять плач. У каждого почти в уезде ушли мужчины, повинувшись долгу защитить собственные семьи и земли от неприятеля, и оттого в каждом доме его весть наполняла тревогой и страхом сердца и дурными мыслями головы.

Но разве что-то он мог поделать? Разве мог он утаить и другую весть, что пришла позднее, в самом начале осени? Москва была сдана неприятелю, Бонапарт поселился в Кремле. Стольный град по слухам, что доходили в их сторону, была почти полностью уничтожена огнем.

— Об этой вести лучше умолчать Марье Афанасьевне, — предупредил господин Мантель всех присутствующих в гостиной, таких хмурых и потрясенных услышанными вестями, а особенно плачущую Марию, что тут же закивала, соглашаясь. — Ей не пристало сердце волновать нынче. Пусть лучше не знает о том.

— К тому же, — заметил Михаил Львович, подходя к дочери, сидевшей на канапе подле Полин, и кладя ладонь на ее хрупкое плечико в знак поддержки. — Мы достоверно ничего не знаем. Негоже доверять неприятелю в том. Мы будем верить только своему сердцу. К примеру, мое говорит, что не все потеряно для России, что живы и в целостности те, кого мы ждем в этом доме.

— Вы и вправду так думаете, папенька? — спросила Анна задумчивого отца после того, как разошлись из гостиной остальные. — Что по-прежнему еще не все потеряно? Что погонят француза еще прочь?

— Погонят, *ma chere*, непременно погонят прочь, — проговорил Михаил Львович и привлек к себе дочь, обнял ее, и она прижалась к нему, как когда-то прижималась в детстве, когда была перепугана чем-то. — Господь не допустит, чтобы подобное творилось на земле русской! Где видано то, чтобы из храмов Божьих лазареты творили? Чтобы святыни портили? Настигнет тех осквернителей кара Господня в виде русской длани, я твердо верю в то.

Анна почувствовала, как напряглись руки отца, как тверд стал его голос, окрепнув впервые после известия о сожжении Москвы. Распознала в его тоне какую-то странную решимость, отчего сжалось на миг сердце. Она ясно видела, как заметно уменьшилось число дворовых — не хватало лакеев и работников скотного двора, исчезли из вида мастеровые и псари. В основном, только пожилые остались и девушки. Сперва Анна думала, что это оттого, что работы стало в доме намного меньше, чем ранее — закрыли нежилые половины, оставив только пару гостиных для редких визитеров. Но это в доме, а что же до хозяйственных дворов?

А после вспомнилось, как однажды ночью видела, что приехал к ним в Милорадово доктор в сопровождении двух человек, как прошли они быстро, кутаясь в плащи, в дом. Анна тогда перепугалась — решила, что кому-то стало плохо, раз вызвали ночью врача. Побежала по покоям, наскоро набросив капот на сорочку. Но нет — тихо спала Катиш в своей постели, мадам Элиза похрапывала, что-то тихо бормоча себе под нос, а горничная графини заверила, что хозяйка чувствует себя не так уж худо, чтобы звать доктора. И только отец был не в своей спальне, как обнаружила Анна. Она спустилась неслышно по лестнице вниз, полная решимости узнать, что происходит и отчего приехал господин Мانتель, единственный вестник для них ныне. Но ее заметил Иван Фомич, стоявший в темном вестибюле вместе с швейцара, что удивило ее, развернул Анну в ее покои, угрожая рассказать о ночных вылазках барышни.

— Но это не с вестями о Петруше? — спросила она тогда, обеспокоенная, и дворецкий ее заверил, что по-прежнему о молодом барине ничего не знают, что лучше бы барышня в образную пошла да попросила бы за брата Господа и всех святых. Но все же странным показался ей тот визит ночной, тем паче, что уезжал доктор из Милорадово в одиночестве, как заметила Анна после из окна своих покоев. А никаких гостей, никаких новых лиц следующим утром в усадьбе не было.

— Папенька, папенька.... Мне страшно, — вдруг прошептала Анна отцу, сама толком не понимая, чего именно боится. Страх стал извечным спутником в последнее время, а тревоги, казалось, даже ночами не покидали ее душу. Боялась всего — и худых вестей, и появления французов в имении. До них еще только слухи доходили, как ездили отряды по окрестным землям, выкупая у помещиков продовольствие для армии и лошадей. Кто-то соглашался и продавал, кто-то отказывался, и в этом случае только от воли командира фуражиров зависело, чем обернется этот отказ.

А еще Анна помнила, как более седмицы назад приезжал к ним один из дворян уезда, что, как позднее узнали домашние, вошел в образованный французами муниципальный совет, который после буквально выбежал на крыльцо, на ходу поправляя ворот сюртука, приглаживая чуть растрепанные волосы. Ему следовал крик Михаила Львовича, который

приказывал лакеям «гнать в шею предателя», призывал «выкинуть за ворота усадьбы с позором». Тогда только ленивый не выглянул в окна на этот крик, даже Марья Афанасьевна подошла с помощью Марии, чтобы взглянуть, что происходит во дворе, и отчего такой шум в усадьбе.

— Вы не понимаете, Михаил Львович.... Раз так сложились обстоятельства..., растерянно говорил член новообразованного муниципалитета. — Если быть по-хорошему с ними... *on vous épargne* [323]...

— Уезжайте, Христа ради, покамест я на грех не решился! — горячился Михаил Львович. Он уже стоял на крыльце и грозил кулаком в сторону перепуганного дворянина, что спешно спрятался при его появлении за широкую спину кучера. — Служить неприятелю! Мне?! Тому, кто едва жизнь не положил в младости лет за императрицу Екатерину-матушку и Россию! Я не боюсь живота положить за землю свою и не трясусь за мощну или стены.

— *Arrangez-vous comme vous pourrez* [324], - отозвался его оппонент из-за спины своего холопа. — Только я бы на вашем месте призадумался о судьбе тех, кто не готов положить живот ради пустой ныне бравады. О девицах бы подумали, Михаил Львович! Нам ныне с близких думать, коли не сумел император своих детей от супостата защитить!

— Вон! — завопил Михаил Львович и, вырвав метлу из рук дворника, что подметал листья с крыльца, подбежал к коню, запряженному в коляску и ударил того по боку. Еле отпрыгнул в сторону, когда тот резко рванул с места, увозя от дома коляску. — Вон с моих земель!

Михаил Львович промолчал о том происшествии за последующим обедом, на котором его так и буравили любопытными взглядами домашние, но молчали, уважая волю хозяина не говорить о том. Успокоились вскоре, забыли о том, а Марья Афанасьевна даже похвалила соседа при разговоре с Анной, говоря, что только сильный духом способен ныне не поддаться соблазнам, кои всегда ходят подле души человеческой.

— Все будет хорошо, душа моя, — ответил Михаил Львович на ее тихий шепот, пытаясь своей лаской унять ее страхи, разогнать прочь тревоги, и Анна попыталась отогнать прочь и дурные мысли, и неприятные воспоминания. Она была приучена думать, что отец как глава семьи ведает, что делает, что его действия негоже обдумывать и уже тем паче говорить о тех. Потому не стала спрашивать ни о странных визитерах, которых видела в одну из ночей, ни об отсутствии холопов в селе и в усадьбе.

Все, что ее, как хозяйку имения, должно волновать ныне — подготовка запасов к зимней поре, только это. Правда, рук рабочих не хватало на многое, и ей порой приходилось даже самой в кухню и коптильни ходить, чтобы разумно расставить дворовых на работы. Прибавилось хлопот и от того, что Михаил Львович отдал распоряжение пустить в этот раз большую часть голов на скотном дворе под нож, чем обычно. И, бывало, Анна с ног валилась от усталости вечерами после целого дня хлопот. К тому же барышни, как и обещали доктору Мантелю, усердно готовили корпию для раненых пленных, разрезали старое постельное на полосы для перевязки.

К тому же помимо болезни Марьи Афанасьевны, от которой та с трудом оправлялась ныне, хворь уложила в постель и мадам Элизу, лишая Анну помощницы в хозяйских делах. С трудом справлялись ныне с Иваном Фомичом на заготовках, даже казачков усадили резать капусту и перебирать садовые плоды и поздние ягоды. Нет, определенно думать в ту пору о том, кто иногда приезжает ночами в Милорадово, и отчего внезапно вспыхнул сарай с заготовленным сеном на дальнем лугу, а после сгорел и амбар с частью обмолотого зерна, не

было ни желания, ни сил. Так и заявила она одному из членов муниципального совета, из купцов Гжатска, что прибыл следующим же утром после пожара в Милорадово вместе с отрядом французских фуражиров. Ее в тот день позвали из кухни, когда она наблюдала за засолкой капусты. Позвали спешно — даже не успела поправить платье да заправить в узел на затылке, выбившиеся локоны.

— Знать, не ведаете ровным счетом ничего о том происшествии, барышня? И не видали никого из незнакомцев окрест? — хитро щуря глаза, говорил купец, поглаживая широкую бороду. Он-то приучен годами торговли читать ложь или недоговорку какую в словах своих собеседников и ныне ясно видел, что и отец, и дочь лгут ему. — И отчего только амбар запыхал огнем, как только тот был отдан в распоряжение муниципалитета? Отчего именно в сей момент?

— Ведать того не могу, — пожал плечами Михаил Львович. — Я согласно приказу муниципалитета подготовил то зерно и корм для лошадей в ваше пользование. Все по требованию совета, подчинился приказу тотчас как получил его давеча. Кто уж не доглядел за амбаром да сараем тем, не моего ума дело... У меня нынче столько людей в леса в страхе перед французами убежали, что только с Божьей помощью смогу с урожаем завершить в этом году. О себе должен думать ныне, уже простите меня за то. О себе! Чем свой скот кормить буду зимой этой? Я ведь не имел намерения и других персон взваливать на плечи свои. Вы ведь торговый человек — знаете, что везде аккуратный счет нужен. [Planification \[325\]](#)!

При этом слове поднял вверх указательный палец Михаил Львович, и у купца отчего-то сложилось впечатление, что вид глуповатого на вид помещика лишь обманка и только. Он поерзал в кресле, взглянул в окно на французов, что стояли возле лошадей, спешившись у подъезда дома, а потом снова взглянул на помещика и его дочь.

— Нешто мы нехристи какие? Договор ведь с французами есть платить за взятое у населения, — тихо проговорил купец. — Отчего не пожалели добро-то свое? Деньгу бы получили хорошую.

— Я пожалел, — коротко ответил Михаил Львович. — Я пожалел. А вот за иног отвечать не могу, права на то не имею. Говорят, ездят по лесам люди какие-то да спуска французу в этих местах не дают. Вот с них и спрос ныне, а я честно отдал и зерно, и сено муниципалитету. Даже имя мое стоит в бумагах. Мне скрывать нечего. Даже вон дочь позволил спросить о том, хотя мог бы и запретить вам сей допрос.

— Помилуйте, — поднял ладони вверх купец, снова хитро щуря глаза. Он знал не понаслышке, что Шепелев был предводителем уездного дворянства до прихода французов, и что многие окрест могут последовать его примеру. Оттого и понимал, насколько важно именно с него получить хотя пуд. Чтобы и остальные знали о том. Хотя бы шерсти клочок с паршивой овцы, чтобы другие в отаре были покойны, когда будет стрижка.

— Помилуйте, какой допрос! Верю вам, ведая вашу честную и благородную натуру по словам знакомцев ваших. Выдайте мешок зерна и полтелеги сена сверх того, что требовалось от вас, господин Шепелев, и разойдемся по мировой. До конца месяца не увидите фуражиров, слово купеческое в том!

Мешок зерна и полтелеги сена было малой ценой за некую видимость свободы от неприятеля, решил Михаил Львович, даже не догадываясь о тех козырях, что держит в руках купец ныне. Он повернулся к Ивану Фомичу, стоявшему в дверях соседней комнаты анфилады и напряженно вслушивающемуся в разговор между хозяином и купцом. Тот

кивнул еле заметно, заметив вопрошающий взгляд хозяина. Оба знали, что им не нужны были французы поблизости, что и так ходят ныне по лезвию.

— А к слову-то! — уже уходя, вдруг сказал купец, когда французам передали обещанное. — Чуть не запамятовал! Тут у нас в совете приказ получен от коменданта. О раненых французских. Негоже ж офицерам в лазарете исцеление получать. Не желают-с подле французского холопья! Да и переполнены лазареты после дней последних, верно, сами ведаете. Велено разместить по квартирам, а тех в Гжатске и так недовольно числом для того, сами понимаете, пожары были. Определим мы к вам на излечение и постой офицера, сие не наше решение, а токмо свыше — по уезду их разместить, по усадьбам.

— Помилуйте, любезный! — возразил ему запальчиво Михаил Львович. — У меня в доме девицы! Пристало ли стороннему мужчине на постой сюда?

— Вот оттого и пришлю сюда токмо одного офицера. Для покойствия вашего да в селении вашем. Сами не ведаете, какая удача вам, что далеко от тракта лежат ваши земли, — купец устало прикрыл глаза ладонью, словно ему вдруг резанул яркий свет глаза. А может, просто пытался скрыть, как ему тяжело ныне — быть между местными и французом-комендантом, пытаться угодить последнему, но, прежде всего, первым, нивелировать те последствия, что могут нести решения французов для них. — А еще игру затеяли с французом... И вы, в седирах, да малой войной?

— Будет ли он молчать? — встревожилась Анна, наблюдая через полупрозрачную занавесь, как купец выходит на крыльцо дома, как занимает место в седле и подает знак отряду выезжать. Зашуршал гравий под копытами лошадей и колесами груженых телег. — Он же догадался...

— Как и ты, душа моя, — заметил Михаил Львович хмуро. — Что проведала ненароком, о том забудь, слышишь? Да и как только разгадала, душа моя?

— Масло. Я знаю, каждую бочку из запасов. А тут пропало аккурат перед ночью. Люди из лесов не проникнут в усадьбу незамеченными, — Анна грустно улыбнулась отцу и коснулась губами его лба. — Умоляю, папенька, будьте предельно осторожны в затее вашей. Я надеюсь на ваше благоразумие. Тем паче, ныне, когда в доме будет сторонний человек. Неприятель.

— Соглядатай! Шпион французский! — резко бросил раздраженный Михаил Львович, а потом провел ладонью по растрепанным волосам дочери, ласково улыбнулся, тронутый ее неподдельной заботой и тревогой. — Я обещаю — буду осторожен, душа моя. Моя роль — малая, что бы ты ни думала о том. Стар я по лесам сидеть да французов гонять в шею.

Под вечер приехала коляска, привезшая в Милорадово раненого французского офицера. Вместе с ним, на неудовольствие Ивана Фомича, которому предстояло заняться размещением и довольствием новопривывших солдат, приехали несколько верховых. Об этом Анне, переодевающейся к ужину, сообщила Глаша, застегивая барышне платье.

— Хрунцуз-то тот ладный какой, барышня! Те, что были того у нас, то ростом низкие, то с ногами кривыми аль зубами, аль щербатые. А этот же справен! Даром что офицер! — приговаривала она.

— Ты что это, Глаша? — резко одернула ее Анна. — Неужто как актеры голову потеряла? Гляди, Ивану Фомичу пожалуюсь, тот мигом вернет ту на плечи!

— Что вы, барышня?! Да разве ж я...? — обиделась Глаша. Крепостные актрисы всегда были на особом положении в усадьбе — и грамоте их учили и языкам нерусским, и работы у них толком-то не было, кроме как за платьями театральными следить. Да еще лицом

выбирали в театр самых пригожих, статных фигурами. Оттого и не любили среди дворовых их. А когда несколько актрис сбежало в Гжатск, пользуясь временным отсутствием хозяина в имении, и вовсе житья остальным не стало. Как проведали, что те в городе с французами спутались, так и вовсе люто возненавидели холопок театральных. Не смогли те выдержать, что отныне помогать посильно тех принудили по дому. Вот уж барышнями себя возомнили, фыркнула Глаша. По дому работать — это не на скотном дворе и не на птичнике! Белоручки!

Собирались в малой гостиной, чтобы идти к ужину, с каким-то тревожным молчанием. Даже Полин, обычно развлекающая Михаила Львовича разговорами, понимая, как тяжело это будет делать Анне, уставшей от бесед с холопами и Иваном Фомичом за день, была на удивление малословна. У всех читался в глазах единственный вопрос — чего им ждать от того, кого разместили в одной из гостевых спален, что принесет в Милорадово этот неожиданный «гость». Потому и затихли, когда в отдалении послышались шаги, замерли, едва дыша, косясь на дверь.

Мгновение, и створки дверей распахиваются настезь под руками Ивана Фомича, частенько выполняющего обязанности лакеев ныне, что ушли в лес в отряды. Он тут же отступил в сторону, открывая взглядам собравшихся в гостиной того, кто будет отныне разделять с ними трапезы, о чем просил хозяина еще по прибытии.

Первое, что заметила Анна со своего места — темно-зеленую ткань фрака глубокого бутылочного цвета, что был на офицере. Издали этот оттенок показался ей черным, особенно на фоне белоснежной перевязи, на которой уютно устроилась ныне правая рука офицера, и она поднялась с кресла, с трудом сдерживая дрожь в руках и ногах, когда ей тут же вспомнилось видение в зеркале этой зимой.

— Что с тобой, душа моя? — тихо обратился к ней Михаил Львович, намеренно игнорируя вошедшего, что шагнул в гостиную и поклонился собравшимся в ней хозяину и дамам. Анна даже голову в его сторону не повернула, все глядела расширившимися глазами на офицера.

— Je suis en retard, pardonnez-moi ^[326], - проговорил тот, улыбаясь извинительной улыбкой, стараясь сделать ее при том привычно очаровательной, чтобы появились маленькие мочки на щеках, которые, как он знал, так нравились в его улыбке женщинам. Он уже заметил, как невольно потеплели от этой улыбки глаза и женщины, которую он видел только издали в тот день, и кудрявой рыженькой девицы, что была ему незнакома на лицо. — И прошу простить мне не совсем подобающий для скромного ужина вид...

Он прошел в середину комнаты и отдельными кивками поприветствовал каждую из дам и хозяина, которому поспешил представиться:

— Пан Влодзимир Лозинский из фольварка Бельцы, что под Гродно, капитан 2-го эскадрона 12-го полка польских улан Его Императорского Величества, vive le empereur! Благодарю вас, сударь, за оказанное мне гостеприимство.

Михаил Львович тоже не сумел сдержать презрительного холода, как когда-то его дочь, позволил тому мимолетно скользнуть в его серых глазах, прежде чем спрятать тот за маской холодной вежливости.

— Шепелев Михаил Львович, — не мог не ответить он. А потом прибавил. — Не могу сказать, что очень рад оказывать сие гостеприимство вам.

Владимир только усмехнулся мимолетно при этих словах. Теперь ему стало ясно, в кого уродилась с таким горячим норовом эта русоволосая панна, что так побледнела, едва он ступил в комнату. Значит, она помнила его, как он хранил в памяти все это время ее дивный

образ! Значит, не забыла ту встречу на реке, когда сама судьба свела их. Именно судьба! Недаром же он попал в Гжатск, а не в Можайск после ранений при сражении у Бородино, недаром уговорил коменданта дать ему квартиру на время выздоровления именно в Милорадово, название которого так врезалось в память.

Тем временем Владимиру коротко представили женщин: мадам Марию — миленькую на лицо женщину в темно-синем шелковом платье, Полин — девицу с рыжими кудряшками, скорее всего, какую-то бедную родственницу или воспитанницу, судя по простоте наряда, мадам Элизу — мать рыжеволосой, сходство было очевидно. И Анну. Дивную прелестницу, речную нимфу, что являлась к нему в грезах ночной порой. Ему казалось, он может утонуть в ее серо-голубых глазах, настолько те были схожи с бездонными омутами... Такими равнодушными ныне, что он не мог не заметить:

— Nous nous sommes déjà vus, mademoiselle [\[327\]](#). Не припоминаете, на реке в один дивный летний день, — а сердце замерло, когда хозяин дома, представляя дочь, заявил о ее незамужнем статусе. Быть может, кольцо и означало помолвку, но помолвка — это еще не венчание!

— Господин капитан помог нам как-то в пути, — проговорила Анна, видя удивленный взгляд отца. — Дормез застрял в речном иле при переправе. Я говорила вам о том, папенька, как-то.

— А где же пани графиня? Где же ваша тетушка? Надеюсь, она в добром здравии? — осведомился Владимир.

— La tantine de mon fiancé [\[328\]](#), - заметила Анна, спеша расставить тут же акценты, осведомляя о своем положении невесты. Выставляя преграды, отметил Владимир про себя, с трудом сдерживая довольную улыбку. — Она захворала пару седмиц назад по возвращении. Ее имение, что по соседству с нами, за время отсутствия было разграблено и сожжено. Неудивительно, vu que [\[329\]](#)кого в нынешнее время должна выносить русская земля.

— Прошу в столовую! — громко возвестил Иван Фомич по знаку барина, явно обеспокоенного тем разговором, что велся ныне в гостиной. Владимир поклонился Анне и предложил ей руку, чтобы провести к столу, но Михаил Львович сам взял ладонь своей дочери и положил к себе на сгиб локтя, показывая поляку взглядом, чтобы и смотреть не думал даже в сторону его дочери. За ними медленно потянулись из гостиной женщины, аккуратно проскальзывая мимо Владимира, не поднимая на него глаз, вызвав у него легкую усмешку.

Он был враг здесь. Его ненавидели. Это было ясно как день еще по его прибытии сюда. Но видит Бог, разве не интереснее игра при таких условиях? Покорить не только Россию, о чем мечтал с самого отрочества, ведь ненависть к этой стране-хищнице в нем пестовали едва ли не малолетства. Но и само олицетворение этой земли — русоволосую гордячку с синесерыми глазами, так яростно сверкающими при свете свечей в ответ на каждый его взгляд. И так будет! Или он не Владзимир Лозинский!

Он определенно нервировал ее, нельзя было не признать этого. Этот поляк преследовал ее везде, куда бы Анна ни пошла. Была ли она на хозяйском дворе, он шел к псарням. Садилась ли с работой в доме — щипала ли корпию или резала полотно для госпиталя, он был тут как тут: присаживался в свободное кресло или стул, предлагал женщинам беседу на разные темы.

Обычно пан Лозинский говорил о своей родной земле и фольварке, что оставил в Литве. Об ивах над прудами, что были в его землях, о старом замке, от которого осталось в целостности только основное здание жилое, части стен и брама с выбитым в камне родовым гербом, о просторах полей и топях болот, о длинноногих птицах, что вили гнезда на холопских крышах из дранки. Рассказывал об истории рода Лозинский, об их гербе. Любил истории не только о славных предках своих, но и о мистических происшествиях, которых было немало в таком старом и почти разрушенном ныне замке, как его родной дом.

Эти таинственные рассказы для Анны были более привлекательны, чем повествования о той доблести, которой отличались предки пана улана, и тех ратных подвигах, что те совершили. Мыслей о крови и сражениях ей хватало и без историй о прошлом некогда славного шляхетского рода. И так с трудом засыпала вечерами, проводя долгое время перед образами.

Зато история о привидениях Белой Паненки и Темного шляхтича в старомодном ныне жупане ей нравилась гораздо больше. Анна была готова слушать ее снова и снова, несмотря на печальный конец: Белая Паненка, будучи юной невестой, не дождалась своего суженного с войны времен Потопа, — он умер на нее руках от полученных ран, испуская последний вдох на пороге замка, где она ждала его. Панна зачахла от тоски спустя год после его погребения и была схоронена в подвенечном наряде, как просила. Чтобы за той чертой все же пойти под венец. И, как говорил пан Лозинский, ей это удалось — она появляется на стенах замка часто, но только раз в несколько месяцев ее ведет по привычному пути к замковой часовне Темный шляхтич в жупане и кунтуше с длинными рукавами.

Но эта трагичная история всякий раз напоминала Анне о том, как далеко от нее ныне Андрей, как неизвестна для нее судьба его. Жив ли он? Здрав ли? Оставалось только гадать о том. И она откладывала в сторону работу вскоре и уходила, извинившись, в сад, если не лил промозглый дождь, чтобы снова пройти той самой дорогой, столь памятной для нее. До самой лесной тропинки, уходящей в буйство красок осеннего леса и далее — до заветного луга с покосившимся сараем на нем.

У края леса Анна обычно останавливалась и шла обратно к дому, стараясь не замечать поляка, тенью идущего за ней. Его присутствие почти не ощущалось подле нее — расстояние между ними было довольно приличным, да и попыток сблизиться он совсем не предпринимал. Только наблюдал за ней издали, словно примеряясь с какой стороны к ней подойти, обогнув преграды, что она так тщательно выставляла меж ними.

Но все же Анна чувствовала его помимо воли. Учащался пульс в присутствии этого поляка на злость Анне, нервы обострялись, будто в ожидании подвоха. И ей это совсем не нравилось...

— Вы так часто стали меня навещать в последнее время в моем заточении, — стала замечать Марья Афанасьевна, не желавшая выходить из отведенных ей покоев, дабы и

мельком не встречаться с нежеланными для нее соседями по дому. Даже прогулки совершала отдельно от остальных, чтобы ненароком не встретить улана. Каким бы любезным ни был молодой темноглазый поляк, для нее он был тем человеком, что мог пустить пулю или задеть пикой ее Андрея. И даже его помощь в том досадном происшествии не помогла Марье Афанасьевне принять Лозинского, когда тот просил ее о вежливом визите в ее будуар.

Темноглазая шельма, негодовала графиня, замечая, как тот следует на прогулках за Анной в парк. Уж слишком пытался прийтись по нраву всем живущим в усадьбе! Не любила Марья Афанасьевна таких изворотливых. И ей не нравилось, как краснеет Анна, когда Мария упоминала в разговоре имя раненого улана. Очень уж это не нравилось! Уж слишком схоже было то с ее историей, слишком известны подобные ошибки и их последствия!

— Я рада, что вы находите время для визита ко мне, *ma chere*, — хлопала она ласково по руке Анну, гадая, стоит ли ей поведать о том, по какому краю та ходит ныне. И о своем так и не сложившемся счастье. — Я даже рада в какой-то мере, что хлопоты заготовок уже закончены, а значит, вы сможете уделять мне поболее минут, чем прежде. Мы же родственницы в будущем, а так мало я ведаю о вас, Анна. Непозволительно то...

— Вы думаете о нем? — вдруг спросила Анна, едва не поставив Марью Афанасьевну своим вопросом и его интимностью в тупик. Ее глаза так блестели странно в скудном свете осеннего дня, и графиня распознала в этом блеске невыплаканные слезы, сжала ладонь девушки в ободряющем жесте.

— Каждый Божий день, моя милая Анна, — тихо ответила девушке, ничего не скрывая. — И молюсь неустанно за него. Не станет его, и мне нет места боле на этом свете. Вы молоды и красивы, еще сумеете устроить свое счастье. А мне мое уже не получить боле в случае...

— Нет-нет, — горячилась Анна, цепляясь в волнении за руки графини. — И я не смогу без него! Я так люблю его! Ах, если бы знали! Так люблю! Не корите меня за открытость мою, но ни с кем другим я не могу говорить о нем, кроме вас. А мне это так надобно! Так надобно!

И Марья Афанасьевна легко угадывала страх за этими словами, сказанными так бурно и запальчиво. Страх, что забудется, сотрется из памяти облик и слова, страх, что ныне начинает нравиться другой мужчина. Глупая девочка, улыбалась графиня, глядя болонки, лежащих подле нее в кресле. Пока не знает границы между влюбленностью и истинной любовью, пока не умеет читать сердца, и уж тем паче, свое собственное. Разрывалась Марья Афанасьевна ныне: стоит ли ей отпустить судьбу на волю, позволить нити вертеться, как та желает, или все же попытаться удержать Анну возле себя, бережно храня и подпитывая своими воспоминаниями чувства Анны?

И она рассказывала той о детстве Андрея и его юности, о его семье, впрочем, аккуратно обходя скользкие темы, которые есть в любом роде, в любой фамилии, даже в царской, ведь человеческая натура так слаба и уязвима. Говорила и любовалась тем светом, которым озарялись глаза Анны при упоминании имени Андрея. И за этот свет графиня была готова даже полюбить эту девушку, ставшую ныне ей такой незнакомой, совсем не той кокеткой и злой насмешницей, которой царила в уезде еще несколько месяцев назад. Люди ошибаются, и теперь Марья Афанасьевна была готова признать, что Андрей оказался гораздо пронизательнее ее самой, умудренной годами.

— Мой вам совет, моя милая, — пыталась графиня оградить Анну от общества улана,

как могла. — Держитесь подальше от поляка. Нельзя усидеть на двух стульях. Подумайте о том.

— Он не поляк, он литвин, — рассеянно отвечала Анна, глядя, как бьется тонкими струйками в стекло окна осенний дождь. Проговорила, совсем не подумав, помня, как яростно повторял это Лозинский всякий раз, когда его называли поляком. Нахмурилась невольно графиня при ее словах, улыбнулась мимолетно Мария, сидящая за пядьцами.

— Да по мне хоть сам черт! — резко заметила Марья Афанасьевна, а потом сбросила с колен болонки, раздосадованная своими подозрениями. Надобно уже выходить из покоев своих, выезжать с Анной даже в церковь. Чем ближе она будет к той, тем дальше сумеет удержать поляка. Было бы только ради кого творить это, грустно вздохнула графиня, коря себя тут же за худые мысли.

В то воскресенье поехали в церковь на службу впервые все вместе в двух колясках. От души отвечали положенными по ходу службы «Господи Помилуй!» отцу Иоанну на молитву, каждое слово из которой падало в самое сердце.

— ...О плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их Господу помолимся... О избавитися нам от всякия скорби, гнева и нужды Господу помолимся... Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию...

Каждый из тех, кто стоял под расписным куполом храма, молил от всего сердца Создателя о скором избавлении от французов, об освобождении земель русских от армий неприятельских, о возвращении в дома тех, что ныне с оружием бился за это где-то в сотнях верст от Гжати. А что это так и есть, хотелось верить ныне любому — от барина до простого холопа. Верить, несмотря на то, что Наполеон по-прежнему сидел в Кремле на пепелище уничтоженной им первопрестольной.

— Заступи, спаси, помилуй, сохрани, — шептала Анна, крестясь и склоняя голову. Только в церкви и в покоях графини за ней не маячила тень поляка, только в этих местах она могла думать только об Андрее, а душа ее не металась в сомнениях и тревогах. Снова проснулось женское тщеславие, требовавшее не только поддерживать интерес улана, но и не дать ему угаснуть. К чему ей это, корила Анна себя, а потом сама же себя уверяла, что лишь для того, чтобы и думать тот не мог об остальном, что происходило в имении.

Лозинский, как обычно, встречал ее коляску у крыльца, чтобы помочь сойти из экипажа, опередив медлительного из-за возраста швейцара. Чуть погладил пальцем ее ладонь при том, заставляя Анну сдвинуть брови недовольно — такая вольность! Хорошо, что Михаил Львович чем-то явно расстроен вот уже пару дней, не обратил внимания на них. И хорошо, что Марья Афанасьевна осталась на исповедь, уж она-то непременно заметила бы!

— Вы забываетесь, — только и сказала Анна тихо, вынимая пальцы из широкой мужской ладони. Владимир только улыбнулся ей в ответ своей привычной улыбкой, от которой образовывались ямочки на щеках, щелкнул каблуками, склоняя голову в поклоне. Хитрец! Нисколько ему не было стыдно за свой проступок, каким бы виноватым не выглядел в эту минуту.

Анна ясно видела, что этот невинный вид, который принимал так часто Лозинский, обманчив. Он очаровывал как мог, как умел, и часто — довольно удачно, ему нравилось прельщать, нравилось получать сердца в свои руки, распорядиться чужими чувствами. Как когда-то самой Анне, вернее, той хладнокровной и насмешливой Аннет. И он видел в Аннет достойную пару себе, ему была близка эта ее сторона. Но это всего лишь часть природы Анны, маска, личина, под которой ей так спокойно. Видел ли Лозинский ее истинную, во всех

гранях, как разглядел ее Андрей? Анна сомневалась в том.

Может быть, от того, что она вспомнила Андрея, ей стало видаться всякое. Определенно так и было. Но на груди одной из девушек, что ранее пела в хоре на сцене крепостного театра ее отца, в узком проеме расстегнутого ворота простенького ситцевого платья Анна вдруг заприметила краем глаза блеск камня, когда холопка тщательно натирала мраморные балясины лестницы. Камня, так похожего на аметист или сапфир. Хотя откуда у холопки он?

Анна уже миновала несколько ступеней, удаляясь от полирующих мрамор девушек, как неожиданно для себя самой вернулась к той холопке и резко схватила за тонкую нить шерсти, на которой висело то, что прятала под сорочкой и платьем крепостная. Холопка резко вскрикнула от страха, когда на ладонь барышни скользнуло серебряное кольцо, подняла на нее виновато-испуганные глаза. Но Анна не смотрела на нее, только на кольцо на своей руке. Четыре камня в серебре. Два аметиста и два нефрита по числу букв в имени Анна...

— Где ты взяла его? — прошептала глухо Анна холопке, и та упала на колени, стала плакать в голос, предчувствуя кару за то, что позволила себе иметь такую дорогую вещь. — Где ты взяла его? Где? У кого?

На крик барышни и рыдания холопки вернулся в вестибюль Иван Фомич, застыли, бросив работу, остальные, стали перешептываться, со страхом и любопытством глядя на картину, что видели перед собой.

— Где ты взяла это кольцо? — Анна вцепилась свободной рукой в плечо холопки, намеренно причиняя ей боль, стала трясти ее с силой. А внутри груди уже сворачивались тугие кольца вокруг сердца, сжимаясь с каждой минутой все теснее и теснее.

— Лодзь! Лях... что с сударем офицером приехал... подарил...,- сумела только и выдать холопка, и Анна отпустила ее плечо. Резко сорвала с ее груди кольцо, побежала, перепрыгивая через ступени, к покоям, отведенным улану, толком ничего не соображая в этот момент, чувствуя, как жжет огнем ладонь, сжимающую серебро. Толкнула дверь в спальню поляка, развернулась резко, поняв, что та пуста. В дверях ее и поймал за плечи Владимир, недоумевая, что ей понадобилось в его покоях.

— Где ваш денщик? — спросила Анна. Ее глаза ныне казались темно-синими, так побледнело лицо, резко обозначились скулы, словно она вот-вот разрыдается.

— У подъезда, — ответил Лозинский. Лодзь действительно был в парке, где чистил мундир и сапоги своего пана, даже не догадываясь, что скоро будет атакован русской барышней, что сбежала по ступеням вниз, едва не упала на скользком мраморном полу вестибюля.

— Лодзь! — крикнула в голос, забывая о приличиях, сжимая до боли в ладони кольцо с камнями. Следом за ней спешил Лозинский, гадая, что могло понадобиться Анне от его денщика, и отчего она так бледна ныне.

— Тугай я! — ответили откуда-то справа. Лодзь сидел чуть поодаль от подъезда на низком табурете, чистил сапог. Он совсем не ожидал, что ему под нос сунут спустя миг серебряное кольцо, замер удивленно, а потом посмотрел на пана своего, что глядел на происходящее через плечико панны.

— Где взял его? Кольцо! Где взял? Откуда оно у тебя?! — едва ли не кричала Анна, протягивая кольцо поляку.

— Тише, панна, тише, — коснулся ее локтя Лозинский, но она стряхнула его пальцы, словно надоедливое насекомое. — Лодзь дурно понимает по-русски.

Владимир, видя по глазам денщика, что он толком не понимает, что от него хочет барышня, поспешил перевести вопрос. Тем более что в крике Анны, который привлекал к происходящему у подъезда любопытных, уже ясно слышались истерические нотки.

— Он говорит, что выиграл в карты у солдата пехотного полка. Что игра была честной, а своим имуществом он может распоряжаться, как пожелает, — перевел ответную речь денщика Лозинский. — Лодзь просит не винить девушку и не наказывать ее за то, что... что она приняла его подарок.

Анна сжала губы и закрыла на миг глаза, пытаясь обуздать эмоции, рвущие душу, и Владимир продолжил расспросы денщика, желая разгадать, что за кольцо у нее в руках, и отчего она так открыто показала свои чувства ныне.

— Француз снял его с убитого кирасира, пан Влодзимир, — проговорил Лодзь. — С офицера, как он сказал. Стало быть, тот офицер..., - и он смолк, кивнул на бледную Анну, что поняла только несколько слов из его речи. Что такое — «забитый» по-польски? Раненый...? О Господи, пусть будет «раненый»!

— Полагаю, так и есть, — кивнул Владимир, а потом взглянул на Анну, заметив надежду в ее глазах, устремленных на него. Жестокая правда, которая пойдет ему только на благо. Поддержать в горе — отменный шанс стать ей ближе, чем ныне. Падет столь возводимая преграда, когда истерзанная душа будет стонать молчаливо от потери, что случилась.

— Тот француз снял его с убитого офицера кирасирского полка в ночь после сражения у Бородино.

Вмиг потускнели глаза Анны, и он даже сперва решил, что она вот-вот лишится духа, потянулся к ней.

— Нет, — покачала она головой, и Владимир замер, не понимая, то ли она не верит в услышанное, то ли отвергает его помощь. А потом перевела взгляд на Лодзя, глядящего внимательно на нее снизу вверх, заметила, как покачал головой сочувственно, проговорил ей на польском: «Мне жаль, панна...».

Глухо ударилось о гравий аллеи подъездной кольцо, которое выпало из ставших такими безвольными пальцев, но Анна даже не взглянула на свою потерю. Оно ей было уже не нужно. К чему оно ей ныне? Она желала, чтобы это кольцо с ее именем уберегло Андрея... К чему оно ей ныне?!

Его светловолосая голова поверх остальных на той службе на Рождество. Его пристальный и внимательный взгляд среди других устремленных на нее на той мазурке, которую Анна танцевала с братом. Его улыбка, чуть трогавшая уголки губ, от которой становилось так тепло на душе. Его руки на ее коже, его губы на ее губах, запах его кожи, его тихий шепот:

— Моя милая... моя девочка... моя милая Анни... Анни...

Калейдоскопом воспоминания перед глазами мелькали. Такие дивные, такие приятные и по-летнему теплые. От счастья, разрывающего грудь, от горячих губ, от сладости поцелуев.

— Нет, — снова покачала головой Анна, отказываясь верить в происходящее. — Нет...

А потом развернулась медленно и пошла по аллее прочь от дома, не обращая внимания ни на оклик Ивана Фомича, ни на зов Лозинского, который зашагал следом за ней. Шла, не обращая внимания на легкую боль от острых камушков гравия, терзающую ступни через тонкую кожу подошвы туфельек. Что значила та боль по сравнению с той, что рвала ныне сердце, сжималась обручами железными вокруг него, мешая дышать полной грудью?

Анна вдруг остановилась, подняла глаза на ветви, шуршащие над головой пожелтевшей листвой, словно пыталась найти что-то в этом переплетении ветвей над аллеей. Хотелось крикнуть вверх, прямо в небо тому, кто вершит судьбы людские, что она не верит. Не верит, ибо разве может быть он так жесток?!

Но только какой-то странный писк сорвался с губ вместо крика, словно ее лишили голоса в том миг, дабы избежать ее обвинений. Обручи все сжимались и сжимались на сердце, поплыло все перед глазами, смешались краски. Мужские пальцы сомкнулись у нее на запястье, и она невольно качнулась назад, желая, чтобы ее утешили, спрятали от горя и боли, что терзали ее.

— Мне очень жаль, — произнес Лозинский мягко, когда она развернулась назад и прижалась лбом к его плечу, борясь с истерикой. Изо всех сил старался, чтобы в голосе прозвучало сочувствие к ее потере. — Мне очень жаль...

На самом деле, разумеется, это было не так. Жалости к убитому не было вовсе. Это судьба, отмерившая тому такой короткий срок жизни. Это только судьба. Каждый идет своим путем, что написан кем-то свыше, и который не под силу переменить человеку. Тем более, этого кирасира он совсем не знал. Для него тот был одной из тех размытых фигур, обезличенных, на поле сражения, когда он рубил и колот без единого сожаления в душе.

А потом Анна вдруг подняла голову, взглянула в лицо Лозинского с каким-то странным выражением в глазах, которое он, как ни пытался, так и не сумел разгадать.

— Мне очень жаль, — повторил он, и она покачала головой.

— Он жив...

— Вы же слышали Лодзя, панна. Кольцо было отнято...

— Он жив! — резко оборвала она его слова, и он был вынужден замолчать, заметив, как блестят ее подозрительно сухие глаза, и как высок ее голос. Надо бы вернуть ее в дом, прежде чем случится истерика. А потом вдруг ударила его в грудь сомкнутыми кулачками, чего он никак не ожидал. — Он жив!

— Да-да, вы правы, — поспешил ответить Лозинский и положил ладонь на ее плечо, сжал, пытаясь успокоить. Но она вдруг снова ударила его в грудь кулаком, уже сильнее, попадая прямо по ранам на груди, задевая его перевязь, отчего вспышка боли пробежалась по покалеченной руке вверх к плечу, заставляя его стиснуть зубы. Владимир сумел ухватить свободной рукой тонкую шею Анны, сжал ее слегка, чтобы вернуть ее в чувство, пока она не потревожила его раны, пока те не стали снова кровить.

— Анна! Анна! — встряхнул он ее, вынуждая взглянуть на себя. А потом крикнул дворовым, стоявшим чуть поодаль от них у подъезда, не решающимся приблизиться к ним. — Принесите воды! Панне дурно!

— *Laissez-moi* ^[330], - такой неожиданный холодный и равнодушный тон голоса после тех истеричных выкриков ошеломил Лозинского. Анна смотрела на него ясным взглядом, будто и не было той мимолетной вспышки истерики, что он наблюдал несколько секунд назад. — И уберите руку!

Но Лозинский не так последовал ее приказанию, как бы ей хотелось ныне: медленно скользнул пальцами по ее шее, схватил локон, что спускался на спину, пропустил тот между пальцами в такой мимолетной интимной ласке, намеренно не отводя глаз от ее бледного лица.

— Анна Михайловна! — проговорил женский голос, и от холода, что прозвучал в нем, можно было тут же замерзнуть, настолько ледяным тот был. Анна, вздрогнув, повернулась к

Марье Афанасьевне, стоявшей подле них и наблюдающей за ними внимательно, а потом опустила глаза виновато, понимая, что ее застали отнюдь в неподобающем положении для барышни. Откуда взялась эта графиня, мелькнуло в голове Лозинского, будто черт из табакерки выскочила! И так неслышно, незаметно подошла... С любопытством взглянула из-за спины Марьи Афанасьевны ее компаньонка, спешно отвернулась от его взгляда кузина Анны, краснея, что ненароком выдала свое любопытство к происходящему.

Графиня же подняла трость и вынудила Лозинского отступить от Анны на шаг назад, хлопнув полированным деревом по его груди, вынуждая его снова стиснуть зубы от боли, пронзившей тело. Старая ведьма, едва сдержался он. Знает о его ранах, оттого и ударила его, наслаждаясь его болью. Ничего, скоро это выражение исчезнет из ее глаз, скоро заплачет старуха, узнав о смерти своего племянника.

— Tenez vous à l'écart, monsieur lancier! ^[331] — проговорила графиня, поджимая губы, а Анне только кивнула, призывая знаком встать подле нее, взять под руку и повести далее к дому, продолжая прогулку. Она уже жалела, что решила выйти из коляски в начале подъездной аллеи и пройти пешком до дома. От сцены, что увидела еще вдалеке, до сих пор тряслись руки, колело в сердце, а ведь только поднялась с постели! Effrontée! Étourdie! ^[332] А она-то...! И ведь поверила!

А потом заметила, как покраснели белки глаз Анны, разглядела бледность ее лица и встревожилась тут же. Вдруг что стряслось худое? Вдруг в доме что? Тогда и ошибочны могут быть скорые суждения ее о той сцене. Да и зрение у нее не то, что ранее, а Мария разве будет объективна, коли спросить о том?

— Qu'y a-t-il? ^[333] — спросила и мельком заметила, как усмехнулся поляк. Злой, кривой усмешкой. Перевела взгляд на Анну, и они миг смотрели пристально друг на друга. «Помогите мне, Марья Афанасьевна», молила ее мысленно Анна, «скажите, что это не может быть правдой, заверьте меня, что он жив! Только вы можете сделать это!». А потом вспомнила тихие слова графини, сказанные как-то: «...Не станет его, и мне нет места боле на этом свете...», вспомнила о болезни пожилой женщины, о сердечном недуге.

Оттого только пожалала плечами безразлично и взяла под руку графиню, улыбаясь своей прежней вежливо-очаровательной улыбкой.

— Поднимается ветер, Марья Афанасьевна, пойдете в дом, — а потом заговорила, защебетала, спрашивая графиню о том, как та возвращалась из церкви, кого видела, с кем говорила по пути. Легкая болтовня. Искусственная улыбка на устах. Пустые глаза. Прежняя Анна, так раздражавшая Марью Афанасьевну прежде. А еще графиня заметила скрытый знак, что подала Анна поляку, следовавшему за ними на расстоянии пару шагов. Знак хранить молчание... Effrontée, etourdie, поджала губы Марья Афанасьевна недовольно.

И за последующим обедом, что сервировали в малой столовой, именно Анна царила за столом — заводила беседы, вовлекая в них обедающих, шутила, обменивалась взглядами с поляком, что с какой-то странной улыбкой наблюдал за ней. Все тут же оживились со временем, вскоре зазвучал за столом смех — искренний, легкий — впервые с конца августа, появились улыбки, разрумянились лица барышень. Даже Михаил Львович вдруг стал любезен с нежеланным для себя гостем — предложил тому раскурить трубки в кабинете, пока дамы завершат трапезу и перейдут после в салон. И именно Михаил Львович предложил после позвать на ужин соседей, чтобы хотя бы на один вечер забыть о том, что творится вокруг. Тут же разослали приглашения в ближайшие имения.

Впервые за несколько месяцев сервировали большую столовую, как только спустились

сумерки. Принесли и вскрыли заколоченные ящики с фарфором и серебром. Расставили цветы в вазах, что срезали в оранжерее — наполняющие комнаты дивным ароматом бледно-розовые букеты роз. Зажгли свечи в серебряных жирандолях — впервые такое множество восковых свечей, которые старались экономить в последнее время. Дамы надели шелковые и газовые платья, блестели в огоньках камни и благородные металлы. Мужчины облачились в парадные сюртуки и фраки, повязали шелковые галстуки, пряча их концы за парчовые жилеты. Даже присутствие улана не могло испортить особого настроения, что царило у всех в этот вечер. Казалось, что все решили дружно сделать вид, что этот красно-синий с серебром мундир — форма офицера польских улан русской армии, забыть, что где-то за стенами этого дома идет война, так жестоко разделившая их жизни на «прежде» и «ныне».

Марья Афанасьевна весь вечер наблюдала за Анной, такой безмятежно улыбающейся, такой очаровательной для всех — и старого, и малого. Снова за ней увивались мужчины — подсел доктор Мантель, с которым она так долго о чем-то беседовала, кружились пятнадцатилетние близнецы Красновых. И, конечно, капитан, что так и норовил поймать улыбку той или взгляд.

— *Effrontée, etourdie*, — повторяла графиня, яростно обмахиваясь веером, злясь на всех, кто попадался под взгляд. И на Михаила Львовича — за этот праздник во время войны, и на Марию — за нерасторопность и какой-то странный обмен взглядами с Лозинским, и на Катиш — за ее угрюмую молчаливость, наводившую ныне на графиню тоску, и на остальных. И особенно на Анну. Глупую по молодости, легкомысленную Анну, которая, видно, решила, что красоте позволительно и простительно все. Увы, это не так, графиня знала этот урок отменно!

А Анна была занята своими мыслями, ей было совсем не до того, что о ней можно подумать ныне. И с доктором она говорила совсем не на те темы, которые пристало обсуждать в разговорах девицам — выпрашивала его аккуратно о том сражении, которое состоялось близ земель Гжати. Но, увы, тот мало, что мог прибавить к тому, что уже поведал всем.

— Я только слышал от французов, что много людей осталось на том поле, — говорил доктор Мантель Анне осторожно, подбирая каждое слово, опасаясь, что она может упасть в обморок от тяжелой правды. — Тысячи и тысячи убитых, да простите мне такие подробности *gnädiges Fräulein* ^[334]! Говорят, все поле было сплошь покрыто телами обеих наций. И раненых было не меньше.... Один из операторов-французов сказал мне, что они с трудом управлялись с теми, такое несчетное число их было. А над полем только стоны стояли.... А еще, — он склонился чуть ближе к ней, чтобы их ненароком не услышали посторонние уши. — А еще он сказал мне, что наши санитары недолго собирали раненых на поле у своих позиций. Свернулись ночью и спешно отошли к Москве, тайно и беззвучно. Бросили умирать тех несчастных, кому не повезло в тот вечер быть подобранным санитарам... Но разве можно поверить в то? Тем паче, французу! Я не верю и вам того не советую, *gnädiges Fräulein*.

— В прошлый раз вы сказали, что весь цвет русской армии остался на том поле, — заметила Анна, в волнении складывая веер медленно, с силой сжимая рукоять из кости.

— Так мне сказал раненый пехотинец, что попал в плен по контузии, — ответил доктор, припомнив эту фразу, сказанную им когда-то.

— Что бы это значило, как полагаете? — и даже дыхание затаила в ожидании ответа.

— Полагаю, что мы потеряли гвардейские полки, — проговорил медленно господин

Мантель. — Хотя кто ведает, что он хотел тем сказать? Быть может и иное что-то. Не думайте о том, gnädiges Fräulein, мой вам совет. Надейтесь только на лучшее!

Нет, она не будет надеяться, покачала тогда головой Анна. Она точно знает, что Господь услышит ее молитвы, что Андрей непременно вернется. Снова и снова прокручивала в голове тот момент, когда поляк произносит те страшные слова для нее, пока Глаша расстегивала платье, развязывала ленты, которыми была украшена прическа.

— Где ты, милый? Что с тобою? — прошептала Анна, когда осталась у зеркала в полном одиночестве, когда Глаша ушла на ночь в будуар. Она слышала, как та шепчется о чем-то в соседней комнате с Пантелеевной, устраиваясь на сон.

Знакомые слова, до боли знакомые. Уже заученные наизусть, как и все творение Жуковского. А потом заметила кольцо, лежащее на том самом журнале, о котором подумала в тот миг. Серебро с аметистами и нефритами. Символ ее несбывшихся надежд, ее горя и боли. Смахнула его с обложки журнала на пол, злясь на дуру-холопку, что принесла его сюда. Анна уже встала, чтобы кликнуть Глашу да расспросить, кто и когда принес его сюда, но передумала. Не стоит привлекать лишнего внимания к нему, этому кольцу. Лозинский обещал ей нынче вечером, что будет молчать о своих «подозрениях», как подчеркнула она в разговоре с ним.

— Это кольцо ведь ваше, верно? — настойчиво выпрашивал Владимир тогда. — Это ваше кольцо, которое вы отдали жениху. И вы станете обманывать всех и себя, панна? Станете отрицать очевидное? Сколь долго? Сколь долго мы будем сообщниками в вашем обмане?

Она только пожала плечами в ответ, как поступала всегда, желая уйти от ответа. Да и что она могла сказать ему? Говорить с ним совсем не хотела о том...

Анна подняла с ворса ковра серебряное кольцо, покрутила в пальцах, любуясь холодным блеском камней. И вспоминая, как протянула его на ладони Андрею, каким маленьким оно виделось тогда на его руке. Его глаза, когда он прижал ее к сени своим крепким телом, его губы, дарящие удивительную сладость, заставляющие потерять саму себя, забыться от его жара.

— ... Отныне мы и обручены с тобой, милая моя. Обменялись же перстнями, пусть и не под сводами церковными..., - вспомнила его слова Анна, сжимая кольцо с силой в ладони. Это кольцо не будет принадлежать никому. И у нее оно тоже не должно остаться. Оно должно было быть знаком ее любви, а не напоминать ей о том, что.... Нет, этого нет! «Ах! родная, миновалось! Сердце верить отказалось!...» [\[335\]](#)

Анна дождалась, пока установится тишина в соседнем будуаре, прерываемая только похрапыванием Пантелеевны, которой Глаша уступила диван, расположившись на матрасе на полу. Убедилась, что те спят сладким сном, и, накинув плащ, скользнула за порог, пошла аккуратными шажками по коридору, спустилась по лестнице в вестибюль и вышла из дома, погруженного полностью в темноту в этот поздний час. Пошла к хозяйственным постройкам, к колодцу, что стоял на дворе. Там Анна перегнулась через край и долго смотрела в темную воду, в которой отражались тусклые звезды, еле видневшиеся в черноте колодца. Под плащ, наброшенный на тонкую сорочку, быстро забрался холод, но Анна совсем не чувствовала его сейчас, не обращала внимания на дрожь, бившую тело. Все происходящее ныне ей виделось каким-то странным сном. Словно она нынче поутру так и не просыпалась, так и длился ночной покой, что приносил эти видения.

А потом Анна медленно разжала ладонь, роняя кольцо с аметистами в черноту колодца,

навсегда вычеркивая из памяти этот день. Тихий всплеск, и снова тишина вокруг нее. Только собаки лают в отдалении, за стенками псарни.

И снова в обратный путь. По хозяйственному двору, мимо построек и людского флигеля, мимо кухни и коптилен, через задние двери в дом и далее по широкой мраморной лестнице, минуя спящего швейцара. По темному коридору почти на ощупь к своим покоям. Показалось ли ей или действительно в темноте коридора раздавалось еще чье-то дыхание, помимо ее собственного, тяжелого и учащенного? Анна не стала вглядываться в черноту осенней ночи. Быстро нащупала ручку на дверях в своих покои и скользнула внутрь, прячась за створкой от чужого взгляда, который явственно почувствовала на себе в этот миг.

— Ох, барынька, — сказала Настасья, любимая горничная Марьи Афанасьевны, служившая ей чуть ли не с младых лет той, посвятившая своей хозяйке свою молодость, свои лучшие годы. Сказала, мешая ложечкой травы в маленьком фарфоровом чайнике, которые заварила в кухне, а после налила ароматный горячий напиток в пару, чуть подсластила по вкусу графини смородиновым вареньем. Поставила пару на поднос, чтобы подать Марье Афанасьевне в постель. Та снова мучилась бессонницей, вот и заварила ей Настасья травяного чая, чтобы нервы успокоить.

— Ох, барынька, — повторила она, поглядывая лукаво на хозяйку. — Что видала-то я нонче в коридоре-то!

— И что ты видала, Настасья? Сызнова тень какую? Аль домового углядела? — пошутила над суеверной горничной графиня, с наслаждением отпивая горячий напиток из пары. Кивнула Марии, сидевшей у постели, чтобы продолжала читать сентиментальный роман про рыцаря и его даму, написанный каким-то немцем в прошлые века, что принесла ей Анна из библиотеки Милорадово.

— Нет, барынька моя, человека живого. Просили вы, барынька, за молодицей приглядеть меня, а тут и глядеть не надоть даже! — прошептала графине Настасья, и Мария тут же напрягла слух, делая вид, что поглощена чтением.

— Что проведала? — так же тихо спросила Марья Афанасьевна, раздумывая, не уснуть ли прочь Марию. Но все же сделала знак Настасье продолжать. Та и зашептала громко:

— Иду, знать, с кухни, а барышня по коридору-то крадется, аки вор. А откуда может тайком идти барышня в такой час-то? Да еще с гостевой стороны-то.... С амура-то, не иначе!

Марья Афанасьевна нахмурилась, отставила на поднос пару, поманила к себе Настасью склониться ближе.

— Ты часом не пила настойки своей? Не опозналась ли? Точно барышня Анна Михайловна видалась?

— Вот вам крест святой! — перекрестилась горничная тут же. Графиня некоторое время сидела и молчала, размышляя, вспоминая, что видала ныне днем. Только голос Марии звучал в тишине комнаты в этот ночной час, и графиня вдруг обратилась к той, прерывая чтение.

— Ma chere, — и когда та подняла на нее взгляд, умолкнув тут же, продолжила после паузы. — Ne parlons pas de cela [\[336\]](#). И вы будете молчать! Ради моей любви к вам, ради моего расположения и ради вашего будущего подле меня. И ради него... Никто не произнесет ни слова о том, что открылось этой ночью. Ни единого слова! Comprenez vous? [\[337\]](#)

— Oui, bien sûr, — погласилась Мария, а потом добавила, опуская взгляд, словно прятала свое огорчение от глаз графини. — Учитывая то, что было в прошлом...

— Le passé... c'est du passé [\[338\]](#), - пожала равнодушно плечами Марья Афанасьевна, но они обе знали, что это не так, что тени прошлого еще не забыты, что витают невидимые подле, оказывая влияние не только на настоящие дни, но и на будущие.

— Мы оба знаем, ma tantine, что есть то, что я никогда не прощу. Jamais de la vie! [\[339\]](#)— сказал Андрей тогда в разговоре, в котором графиня неосторожно коснулась прошлого. Они обе слышали этот ответ: одна присутствуя при той беседе, другая — тайно, притаившись у дверей. И обе знали, что он будет тверд в своем решении, что слова, произнесенные тогда, были сказаны вовсе не для красного словца.

— ...есть то, что я никогда не прощу. Jamais de la vie!.. — будто сам проговорил ей в ухо ныне.

— Oui, bien sûr, — йнова прошептала Мария, возвращаясь к чтению.

Все началось с одного единственного слова. «Rêve» ^[340]. Такое до боли знакомое слово, всколыхнувшее в памяти шквальную волну, затуманившую разум, который страстно желал обмануться, забыться, уйти от тревожной и такой печальной действительности, приносящей только боль. Острую боль. Таковую, что и не вдохнуть полной грудью, не избавиться от обручей на сердце, что мешали это сделать. И Анна позволила себе обмануться. Чтобы забыть об этой боли, чтобы больше не кричала криком ее душа, а сама она не стонала бессонными ночами, не задыхалась от слез.

Не зря же она не поверила ни единой минуты в сказанные поляком слова. Вот же, истинное доказательство того, что он жив — письмо, написанное пусть и странным, незнакомым почерком, но с такими знакомыми словами. Ведь только он мог написать ей их.

Анна нашла это письмо, вернувшись с прогулки по парку, где она долго бродила по аллеям под руку с Полин, в полном молчании, вдыхая прохладный дух осени. Лето сдало свои позиции этой золотой красавице, отступило, унося с собой тепло солнца и зелень травы и листвы деревьев, уступая место ярким краскам самых разнообразных оттенков осени. Анна любила бы эту пору за эту россыпь золота и багрянца, если б от листвы под ногами, что ныне не успевал сметать с дорожек единственный дворник в усадьбе, не промокали туфельки и подол платья, если б дни не были такими дождливыми, а небо таким мрачным и тяжелым над головой. Даже Полин, казалось, заразилась осенней мрачностью — не было привычного румянца на щеках, не стало заразительной улыбки, что делала из нее премиленькую особу, тягостное молчание сковало ее уста. Только морщинки на лбу от тревоги да странный блеск глаз. Облик сомнений и страхов, что мучили Анну последние несколько дней. Ведь о Петре не было вестей с тех самых пор, как попали эти земли под власть французов.

Оттого и была рада Анна, когда заморосивший дождь прервал их прогулку, полную угрюмого молчания и тоски, ушла к себе тут же, не желая идти в малахитовую гостиную, одну из тех комнат, что только и решили топить в эту холодную пору и где собирались домашние. Не пошла к остальным, потому что хотела остаться одна, чтобы упасть в постель и долго смотреть на гранаты в кольце на своем пальце, снова и снова возвращаясь в те короткие мгновения счастья, что были отведены ей судьбой. И встала, как вкопанная, едва ступила на порог своих покоев.

В будуаре на столе стояла ваза с пышным букетом из желтых осенних цветов. Циннии. «Я вспоминаю о тебе каждый день», говорил он этими круглыми цветочными головками. И белый прямоугольник письма, прислоненный к тонкому фарфору вазы.

Анна развернула его с легким раздражением, готовая порвать письмо тут же. А потом заметила это слово в ровных строчках, и ноги стали такими слабыми вмиг, что пришлось сесть на стул, иначе бы упала. Она не стала заострять внимание на обращении, быстро пробежалась глазами по первым строкам, которые просили о прощении за дерзость писать к ней о чувствах. Ее интересовали только эти фразы, такие знакомые и в то же время совсем незнакомые.

«... Я вижу вас во сне. Каждую ночь. Еще с той самой первой встречи, когда вы взглянули на меня так насмешливо, а после с холодным презрением в ваших дивных глазах, прекраснее которых я не встречал доселе. Не ваша насмешка ранила меня, не это презрение,

а ваша красота, о, божественный ангел, которому Господь позволил ступить на грешную землю для того, чтобы одним взглядом дарить мне неопишное счастье и благодать. Ранила в самое сердце...»

И Анна вспоминала при этих строках, как впервые увидела Андрея в церкви — строгий отстраненный взгляд, красный виц-мундир кавалергарда, светлая короткая челка над голубыми глазами. И то неприятия, едва не дошедшее до вражды, что установилось тогда между ними.

«... как бы я хотел быть ближе к вам, чем позволяет то судьба ныне! Коснуться губами нежных ваших рук, припасть к вашим ногам, обнять колени! Я благодарен Господу за тот дар, что мне был послан свыше, за счастье узнать вас...». Читала строки и едва дышала от радости, вспыхнувшей в душе, от теплоты, разливающейся по телу до самых кончиков пальцев, при воспоминании о взгляде Андрея. Словно он сам посмотрел на нее, будто в одеяло, укутывая в нежность. И тут же стало так спокойно в душе, так благостно.

Разум приказал сжечь письмо при прочтении, а сердце тихо шепнуло: «Вот видишь? Все они ошибались, а я было право — он жив. Он просто был ранен в тот день. Оттого и почерк иной, чужой, такой кривой и неровный. Он просто ранен...». Разве осмелился бы писать к ней такое кто-то иной? Разве пристало писать эти интимности кому-то, кроме жениха? Даже подпись не поставил, зная, что она тут же разгадает его слова и его чувства между строк.

В тот вечер Анна впервые за несколько дней, что прошли с того раута, устроенного в Милорадово, спустилась к ужину, чем несказанно обрадовала отца. Он был встревожен не на шутку ее поведением с тех пор: она не выходила из своей комнаты первые два дня вообще и отказывалась впускать к себе даже Глашу. Только плакала горько в голос, что-то приговаривая, как говорили ему люди, посланные послушать под дверьми покоев барышни.

На третий день она впустила горничную и даже немного поела, но Глаша не замедлила рассказать после, что барышня снова всю ночь не спала и беззвучно роняла слезы над журналом одним. Когда Анна все же вышла в сопровождении Полин на прогулку, Михаил Львович приказал принести ему этот выпуск, и тут же сжег его в камине, поразившись тому, что прочитал.

— Видит труп оцепенелый. Прям, недвижим, посинелый, длинным саваном обвит, — произнес он вслух первые попавшиеся на глаза строки из поэмы, что была напечатана на шершавой от когда-то пролитых и уже высохших слез странице, и вздрогнул, представив эту картину. Судорожно стала креститься Пантелеевна, стоявшая возле его кресла.

— Что это, батюшка? — спросила она побледневшими губами.

— Сущий страх! — теперь Михаил Львович понимал, отчего Анна так дурно спит ночами. Заснешь тут, читая подобные мерзости и ужасы! В огонь! Только в огонь!

И вот результат перед ним его поступка! Не стало этого журнала, так будоражащего нервы Анне, и вернулась та к жизни, словно расцвела, как цветочек по весне. Румянец легкий на щеках, блеск вернулся в глаза, улыбка на губы. И ей так было к лицу это платье светло-канареечного цвета с длинными рукавами из газа! Даже желтую циннию приколола к корсажу, душенька его, модница его! И Михаил Львович улыбался, глядя на мечтательный взгляд Анны, устремленный поверх свечей в канделябре через стол в темноту осеннего вечера, радуясь ее приподнятому настроению, мечтательному выражению ее глаз, снова наполненных тем самым светом.

Марья Афанасьевна же кривила губы, глядя на лицо Анны и ее легкую улыбку, на

циннию, приколотую к корсажу платья. Уж ей-то уже сказали, кто просил сорвать в цветнике парка букет. И пальцы Анны, перепачканные чернилами. Писать ныне было не к кому, значит... И она косилась на капитана, который уж чересчур долго задерживал взгляд на Анне, пряча под полуопущенными веками некое лукавство. Он был притягателен, этот поляк, нельзя было не признать. Его мужская красота так и манила к себе. Но эта красота была холодной, опасной... несмотря на обманчивую мягкость улыбки. Такой пойдет через все, не пожалеет, переступит без раздумий, если нужда придет.

Она наблюдала за ними несколько последующих дней, твердо уверенная узнать достоверно о том, что же все-таки связывает этих двоих. Поляк с каждым днем становился все улыбчивее и улыбчивее, и эта улыбка кота, слизавшего сливок с крынки у зазевавшейся холопки, нервировала Марью Афанасьевну донельзя. А еще то, что она никак не могла взять в толк, что же происходит. Анна была предельно вежлива с Лозинским, но было заметно, что она уже не сторонится его, не отталкивает, не вычеркивает из общения. Охотнее подает руку, когда идут в столовую, порой переговаривается с ним, идущим чуть позади, на прогулках по парку. Но того блеска в глазах, что отличает влюбленную девушку, Марья Афанасьевна так и не замечала во взорах, обращенных к Лозинскому. Как не могла взять в толк, отчего так доволен улан. Не только же от того, что принимает цветы от него!

Ночных свиданий более не было — Настасья ручалась в том головой. И днем Анна не позволяла себе оставаться с Лозинским наедине. Только раз Марья Афанасьевна заметила их в библиотеке одних, но Анна тут же вышла спешно, не замечая, что за ней наблюдает графиня из соседней комнаты.

— Пишут друг к другу! — отметила графиня после нескольких дней наблюдения, в который раз заметив чуть перепачканные чернилами пальцы Анны и перевязь улана. Решила перехватить хотя бы одно из писем той переписки, но так и не смогла понять, как же те совершают этот обмен.

Цветы же носили служанки в покои, божившиеся, что это распоряжение Ивана Фомича. Да и Настасья видела, как дворецкий передавал вазу с цветами девкам. Знать, и тот под дудку барышни тайком от Шепелева прыгает! Но тот отдавал только вазы с цветами, никакого письма, Настасья зорко следила за тем. А нет письма, знать, и нет повода обвинять — мало ли отчего цветами комнаты барышни решили украсить. Спросить напрямую Ивана Фомича? Не графини-то дело, а ее холопов он предпочитал игнорировать, питая какую-то странную ревность к их присутствию в доме Шепелевых, особенно к графскому дворецкому, уже вставшему на ноги после ранения и наблюдающего за работами в усадьбе со стороны.

Обвинять же огульно графиня не стала — дело тонкое, не имея доказательств явных можно было только вреда нанести. Да и Анну ей было отчего-то жаль. Не понимает еще, в какие игры стала играть, не понимает... Но хитра, этого не отнять! Раз графиня до сих пор не может вывести ее на чистую воду. Или и нет ничего...? Ох, ты Боже мой, как же понять?! И Марья Афанасьевна злилась от собственного бессилия, от того, что оттолкнула от себя Анну своей холодностью после того вечера.

Но ведь и та вдруг стала сторониться графини, будто боялась ее отчего-то, не могла не отмечать Марья Афанасьевна. А чего Анне бояться от нее, если только не разоблачения...? И снова дурные мысли заползали в голову, а подозрения терзали душу. Ох, не простит Андрей, коли все так, как видится, качала головой графиня, думая о том перед сном. Как не сумел простить он. И тогда Марья Афанасьевна доставала из-под ткани сорочки медальон, который носила вместе с распятием, никогда не снимая, открывала крышку и долго

смотрела на знакомые черты, гладила светлый локон.

— Завтрева же! Завтрева же переговорю, — шептала она, планируя рассказать Анне о тех последствиях, что ждут девиц, чересчур забывающихся. Но наступал новый день, и приходили новые заботы — то мелкие, не особо значимые, а то и худые, тревожащие сердце, как, например, сожжение французами имения кого-то из знакомцев по уезду или очередной бой между неприятелем и теми, кто бил их из леса, все ближе и ближе к Милорадово. И Марья Афанасьевна откладывала разговор, понимая, что не сможет пока быть откровенной с Анной, не может открыть ей собственное прошлое, а значит, и душу. Злясь при том до безумия, когда видела снова и снова улана возле невесты ее племянника. И отчего Анна не прогонит того от себя? Effrontée! Étourdie...! [\[341\]](#)

А Анна совсем не замечала тревог Марьи Афанасьевны. Отплакав первые дни, когда рвалась от боли душа, а слезы не приносили ничего, кроме головной боли и першения в горле, Анна получила возможность погрузиться в свой придуманный мир, в котором не было душевной боли и тревог. И письма, что она получала таинственным образом, когда обнаруживала их всякий раз в своих покоях, поднимаясь к себе, приходили от Андрея. Разве мог кто-то писать о любви к ней так? Теми же почти словами, описывая только им известные события. Про аромат цветов, который дурманит голову, напоминая запах ее волос. Про те страдания, что терзают его вдали от нее. Про то, как желает он хотя бы кончиков ее пальцев коснуться губами.

И Анна писала ему в ответ. На каждое полученное письмо. Писала, как тоскует, не имея возможности коснуться его, как прежде. Что каждую ночь и каждый Божий день думает о нем и о том будущем, что их ждет. Что, что бы ни случилось в их жизни в дальнейшем, она стремится только к нему, будет ждать его терпеливо, сколько потребуется — только бы он вернулся к ней, в ее объятия.

«... ныне я понимаю, что спала. Спала беспробудным сном, скучным сном. Но вот в моей жизни появились вы, и я проснулась. Заиграл красками весь мир вокруг, словно некий творец взял кисть и принялся за новые яркие оттенки, даже птахи садовые стали петь по-иному — их трели стали дивной усладой для ушей. Я не любила до вас. И только ныне мое сердце бьется. Бьется ради вас, только ради вас...»

С каждым новым письмом смелая в словах и выражениях, открыто говоря то, что так хотела бы сказать ему, глядя в глаза. Анна представляла, как он будет читать эти строки, и рука сама выводила то, что шептало сердце. А потом сворачивала бумагу и прятала в потайной ящичек бюро, туда, где уже лежала стопка писем, ответы на которые она так заботливо хранила. Андрей вернется, и она покажет Андрею каждое письмо из тех, что написала ему. А быть может, прочитает вслух их, когда они поженятся. Он вернется! Он непременно вернется, разве может быть иначе?

Но как обычно обман не может длиться долго, пусть даже он и создан своими руками. Настал тот день, когда иллюзорный мир Анны, которым она окружила себя, будто защитной стеной, рухнул. Это непременно должно было случиться.

Лозинский недоумевал, отчего она принимает его признания и цветы, но все, к чему он смог продвинуться за прошедшие дни — только легкие улыбки да вежливые беседы на отвлеченные темы. Он смелел с каждым последующим письмом, а последнем даже решился на такое интимное «Ты» и «Той» [\[342\]](#), но отношение к нему не переменилось. Даже гнева не было, которого он ожидал, обращаясь к ней столь близко. Что-то было не так, он чувствовал это печенкой. Любое женское сердце давно бы дрогнуло от этих слов, тем более, она

разузнал у своей союзницы о том, каков по натуре был жених Анны — предельно вежливый, выученный службой при дворе скрывать свои чувства, если вовсе не холодный сердцем.

— Отчего вы так со мной? — вдруг не сдержался он, когда по обыкновению сопровождал ее на прогулке по парку. Владзимир быстро пересек расстояние, разделяющее их, схватил ее за запястье, чтобы удержать возле себя, не дать ей уйти от его вопросов, как она обычно делала это. — Вы желали помучить меня, заставить томиться неизвестностью, чтобы показать, кто сильнее из нас? Мне говорили, что вы истинная мастерица кружить головы, и ныне я вижу, что эти слова правдивы.

— Я не понимаю вас, — сердце Анны подскочило в груди от этой неожиданной атаки. Или от обжигающего прикосновения крепких мужских пальцев к своей руке.

— Довольно, панна Аннеля, — мягко произнес Лозинский, как обращался к ней в письмах, и она вздрогнула, услышав это имя. И от пальцев, что поймали выбившуюся из-под шляпки прядь, заправили ту за ухо, коснувшись мимолетно кожи шеи. — Если бы ты знала, как я жалею, что приехал сюда, в эту усадьбу. Что вообще узнал тебя. Ступая на эти земли, я желал покорить, но никак не... Что за игру ты ведешь со мной?

— Вам не пристало так говорить со мной, — ответила только Анна, резко разворачиваясь, чтобы уйти, но он не позволил ей это — схватил сильнее за запястье, потащил в сторону с дорожки, чтобы скрыться с глаз сопровождающего лакея. — Что вы делаете? Я кричу!

— Кричи! — бросил ей Владзимир, но она не открыла рта, просто размахнулась и ударила его в большое плечо, зная, что рана до сих пор причиняет ему боль. Он только втянул в себя воздух, прижал ее к дереву, больно ударив спиной о ствол, прижал подол платья коленом, лишая ее возможности двигаться.

— Отчего ты не кричишь? — спросил после, презрительно кривя губы, и Анна тут же обожгла его взглядом.

— Вы знаете прекрасно. Коли крикну, прибежит лакей. Тот скажет после отцу, и он выкинет вас за порог усадьбы, невзирая на опасность, что повлечет за собой это действие. Довольно же французы пожгли кругом. Подобной судьбы для Милорадово я не желаю.

— Неужто только от того? А отчего та дрожь, что бьет ныне? И не лги мне, что нет ее вовсе, я ощущаю ее пальцами. Ты просто боишься признать. И мне, и самой себе сперва, — произнес Владзимир, и Анна заглянула в его глаза, растерянная, сбитая с толку его словами и теми ощущениями, что вызывало в ней помимо воли его столь близкое присутствие ныне. Оттого, что смотрела ему в лицо, успела увернуться, когда тот склонился к ее рту, уклонилась от поцелуя. Губы Лозинского только по щеке скользнули, а после раздвинулись в улыбке.

— Мне по нраву твоя горячность, — прошептал он ей в ухо, обжигая нежную кожу своим горячим дыханием. — И твоя необузданность... Что дал бы тебе твой жених? Сумел бы понять и почувствовать тот огонь, что бежит в этих тонких жилках?

Они снова взглянули друг на друга — серо-голубые глаза схлестнулись с карими в яростной схватке, и Лозинский вдруг побледнел слегка, когда невольно прочитал то, что хотела сказать ему взглядом Анна, не имея возможности выразить это словами.

— Не смейте говорить о нем в подобном тоне, слышите? Андрей стоит сотни таких, как вы!

— И верно — *de mortuis aut bene aut nihil* ^[343], - скривил губы Владзимир. — Что на вашем языке означает, никогда не говорите дурно о мертвых...

И улыбнулся довольно, когда она едва ли не зашипела, как змея в лицо, при этих словах, дернулась так, что он едва удержал ее у дерева. Пришлось применить всю силу, что имелась, для того. Но не сумел устоять, когда она размахнулась и обожгла его щеку пощечиной, оставляя яркое пятно удара на коже.

— Не смейте говорить мне «ты»! — а потом толкнула его сильнее, заметив, как отшатнулся Лозинский от ее удара, ослабил давление коленом на подол платья и ладонью здоровой руки на ее плечо. Вывернулась из его хватки и побежала прочь — к дорожке, на которой растерянно ходил пожилой лакей, потерявший из вида барышню, и далее по той прямо к дому, подобрав подол платья, чтобы было удобнее делать широкие спешные шаги.

— В беседе личной или в письмах? — не удержался, чтобы не крикнуть ей вслед с иронией Лозинский, выходя на дорожку. Анна даже не оглянулась, только ускорила шаг. Бледный от страха лакей, уверенный, что ему непременно достанется за то, что упустил пусть и на миг барышню, с трудом поспевал за той.

Какова! Лозинский не мог не улыбнуться, потирая горящую от удара щеку. Тем интереснее ныне, тем желаннее заполучить ее. И ныне для него это уже был не приз за удачно проведенную кампанию. Ныне хотелось не только получить ее расположение, ее привязанность, но и чтобы она так же яростно защищала его, как пыталась отстоять память своего жениха. Хотелось, чтобы и вероятность его потери вызывала в ней ту боль, которую он отчетливо читал в ее глазах. Чтобы он стал ей дорог, а не просто желанен, чтобы он был в ее сердце...

Анна же быстро прошла к себе, едва ступила на порог дома, даже не обращая внимания на грязь, которую оставляла от своих шагов. В будуаре спешно нажала на скрытый механизм, чтобы распахнулась дверца потайного ящичка, достала пачку писем, которые получала последнюю седмицу. «Ma chere Аннеля... милая панна... Аннуля... Ануся... Аннеля»... Анна резко отбросила от себя письма, и те белоснежным ворохом рассыпались по ковру будуара. При это закричала, закрывая лицо ладонями, словно скрываясь от этих строчек, от осознания того, как обманула сама себя.

На крик прибежала Глаша из спальни, принялась собирать с пола письма, решив, что барышня нечаянно уронила те. Но Анна только оттолкнула протянутую руку с первым аккуратно сложенным письмом.

— Убери их прочь с глаз моих! — процедила сквозь зубы, борясь с желанием разорвать каждое из этих писем в клочки, выплескивая свою злость на себя, на Лозинского, что посмел ей писать. А потом ушла в спальню, снова упала на постель, пряча свои слезы в подушках, пытаясь проглотить горечь, образовавшуюся во рту. Глаша тем временем собрала все письма до единого, сложила их в стопку и, перевязав лентой, что лежала на бюро, спрятала те в одном из ящичков. Потом ее кликнула из спальни Анна, приказала полить на руки холодной воды, чтобы смыть следы былых слез.

Сызнова, не могла не покачать головой Глаша. Как и тогда — в начале лета, когда настроение барышни так переменчиво было: то плакала, то смеялась, то бранила Глашу, то ласково привечала снова. Но тогда-то, Пантелеевна сказала то, аккуратно Анна Михайловна влюбилась в жениха своего, а нынче-то что? Но свои соображения оставила при себе, как впрочем, всегда. Только с Пантелеевной и могла обсудить свои догадки, да та прихворала нынче, а во флигель как пойдешь ныне? Вон барышня едва лицо ополоснула, за огнем велела идти — писать надумала. Уже ж Заревница ^[344] на дворе — день не куриными шагами уходит, а скоком лошадиным, принося темноту вечернюю на хвосте. Ох, сплошные хлопоты!

— Отнесешь это к покоям Лозинского, — приказала после Анна, заворачивая аккуратно записку, которую сочиняла остаток дня и почти весь вечер, даже на ужин не спустилась в малую столовую. Не дать невольно надежды какой, а только поставить на место, прекратить его любые шаги в его сторону, не допустить ухаживаний подобных — было целью той записки, окончательный вариант которой и был отдан Глаше в руки. — И чтоб более цветов в моих комнатах не было! Те, что принесут, выкидывай прочь, поняла, Глаша? Только я могу сюда цветы носить и никто иной!

Но в покоях поляка было пусто — ни его самого, ни денщика его не было видно, и Глаша пошла в «черную» кухню [345]. Так и есть: Лодзь был там и хлебал шумно ароматные щи, от которых шел такой аппетитный аромат, что у Глаше даже в животе забурчало от голода. Он сидел вольготно за одной стороной стола, остальные же едоки из дворовых теснились на другой половине, не желая сидеть подле «ворога» и «злыдня». Оттого и усталились на Глашу тут же, когда она подошла к Лодзю и положила ладонь на его плечо, вынуждая повернуться к ней.

— Чего хочешь, уroda [346]моя? — буркнул он ей, и Глаша обиженно поджала губы, с трудом сдерживаясь, чтобы не ударить рукой или ответить ему в тон. Громко расхохотались при том дворовые, аж до слез, которые вытирали рукавом одежд. Особенно старался один из конюхов, Федор, которому Глаша отказала в сватовстве, полагая, что совсем не пара конюх горничной барышне. И Мелаша, повариха «черная», с которой Глаша дружила, смеялась в голос. Только старуха графини даже не улыбнулась, смотрела на Глашу как-то странно.

Сам ты урод, проговорила мысленно поляку Глаша, а вслух только шепнула ему тихо:

— Пойдем-ка в сторонку, лях, — поманила за собой к дверям, где тайком сунула ему в руку записку. — От барышни твоему капитану.

— От панны до капитана? — переспросил Лодзь, и Глаша не могла не оглянуться назад, на ужинающих за столом, чтобы посмотреть не услышал ли кто его. Но все были заняты едой, лишь Настасья снова взглянула на них и быстро отвела взгляд в сторону. Глаше очень хотелось остаться и поесть с остальными, но знала, как важно барышне узнать, передала ли она послание или нет, потому девушка только вздохнула и поспешила вернуться в покои Анны. Те были пусты, Анну Глаша нашла в образной, где та, молилась, стоя перед домашним образом Богородицы.

Анна не спросила ни слова, только взглянула на горничную, что бухнулась на колени позади нее, размашисто крестясь, и, получив короткий кивок, вернулась к молитве. Вскоре Глаша ушла, подчиняясь молчаливому знаку Михаила Львовича, который зашел в образную после ужина. Приближался день, в который подарил ему Господь его первенца, его Петрушу, и он не мог не зайти нынче перед тем, как уйти к себе на ночной покой, не попросить Спасителя о сыне.

Отец и дочь долго стояли на коленях, каждый прося о чем-то своем и в то же время пересекаясь в чем-то в своих просьбах. Только едва слышно шептал что-то Михаил Львович, да тихо шелестела шаль, когда крестилась Анна. Мигали тонкие огоньки в лампадках перед образами, освещая скудным светом тонкие черты, глядящие с легкой печалью и пониманием в глазах на молящихся.

Потом, прочитав уже вместе и в один голос «Отче наш», медленно поднялись с колен.

— Ох-хо-хо, — вздохнул Михаил Львович насмешливо, но в то же время с грустью в возгласе. — Это я должен руку тебе подавать, а не ты мне, душа моя... Но что поделывать-то? Годы! J'ai déjà passé l'âge de... [347]

— Не говорите так, папенька! — возразила ему Анна, беря его под руку, ласково сжимая его локоть через ткань сюртука. — Вы не юнец, но и не старец.

— Милочка моя! — Михаил Львович поцеловал ее быстро в лоб, пригладил чуть растрепавшиеся локоны. — Ты душенька у меня, право слово. Позволь, провожу тебя до покоев твоих, одеяло тебе подоткну, как ранее, когда ты была совсем младенчиком у меня. Ох, годы-годы!

Они шли медленно по дому, в сопровождении лакея, что ожидал их подле дверей образной и ныне освещал путь, и вспоминали оба отчего-то прошлый год, когда готовились к Покрову. Анна тогда вышла золотом облачение на престол, украсила тот мелким жемчугом. Весь год работала, преодолевая собственное нетерпение, усердно творила дар для местного храма к празднику святому. Михаил Львович тогда так был горд своей дочерью перед соседями, что собрались тогда со всех окрестных земель, что отец Иоанн не мог не пожурить его в том.

— Проси у Богородицы нареченного справного! — твердила тогда Пантелеевна Анне, которую прибирала Глаша на службу. — Скажи перед образом: «Покров — Пресвятая Богородица, покрой мою головку кокошником из жемчугов»...

— Ох, какой кокошник, родимая! Какие жемчуга! — смеялась тогда Анна, но все же повторила эти слова в церкви, суеверно надеясь на то, что слова нянечки сбудутся, и Богородица пошлет ей жениха, о котором мечтала втайне от всех. Чтобы любил горячо! Чтобы жить не мог без нее! И она... чтобы она полюбила!

А спустя три месяца обернулась в церкви, заметив интерес *petite cousine*, и сама потерялась в тех глазах, что смотрели тогда так сурово из-под светлой челки. Но они могут смотреть и иначе, она знала это ныне, помнила!

— Как вы перенесли ее кончину? — спросила Анна, когда они ступали по картинной, задержались у одного из портретов, изображающих даму в пышном платье прошлого века и припудренном парике. Лукаво смотрели глаза с портрета, изгибались в таинственной улыбке пухлые губы, пальчики теребили длинный локон, спускающийся на грудь, стянутую узким корсажем шелкового платья. Красавица, что предпочла положение жены провинциального военного, статусу супруги титулованного и состоятельного человека, дочь, не убоившаяся пойти наперекор суровому отцу ради любви, вскружившей ей голову. Мать Анны, которую она знала только по портретам и рассказам отца, тетушки и слуг.

Михаил Львович долго смотрел на любимые черты, а потом улыбнулся Анне грустно:

— Едва пережил, душа моя. Коли б не было детей, то и греха не убоился бы. Она была всем для меня: моей душой, моим светом, моим дыханием. Господь подарил на время мне прелесть рая, а после так жестоко отобрал... Не роптать, сказал мне тогда отец Иоанн, принять Его волю. Столько прошло, а я так и не сумел этого сделать... Отчего ты спросила вдруг?

Но Анна только плечами пожала. А потом долго стояли молча перед портретом, вглядываясь в черты, любуясь красотой женщины, изображенной на нем.

— Ты вся в мать, душа моя, — ласково погладил пальчики дочери Михаил Львович, уводя Анну далее по холодной анфиладе комнат, к домашним половинам. — Но норы все же мой. Хотя упрямство от нее, голубы моей... это не моя черта...

— Что это, папенька? Слышите? — вдруг остановилась Анна. Испуганно оглянулся лакей на хозяев, тоже ясно расслышавший шум на подъездной аллее, крики, громкое ржание лошадей. Михаил Львович тут же поспешил в вестибюль, буквально таща за собой

вцепившуюся в его руку Анну. Она наотрез отказалась уходить к себе одна, но и отпускать отца без сопровождения вниз, в вестибюль не желала.

В переднем уже открывал двери перепуганный швейцар. Михаил Львович сделал знак Анне оставаться наверху у начала лестницы, а сам торопливо спустился к буквально ввалившимся в дом людям в крестьянских армяках и овчинных тулупах, с бородатыми грязными лицами. Некоторые тащили под руки тех, кто даже ногами шевелить не мог самостоятельно.

— Михаил Львович, милый! — обратился к нему один крестьянин, с образком Николая Угодника поверх армяка, прямо под короткой бородой. Анна удивилась, услышав правильную четкую речь его. — Помогите в который раз, Христа ради! Нарвались на разъезд неприятеля, под пулями едва ушли, разделившись. Часть ушла к Можайску, часть к Займищу. А нас вон ныне гонят уж с заката самого. Гонят, как зверя на охоте. Схороните да помогите раненым людям моим. Задели вон Архипа да Николая Петровича.

Михаил Львович кивнул рассеянно, а потом взглянул на Анну, притаившуюся на лестнице. Человек в крестьянском армяке перевел взгляд, следуя за его взором, вверх на девушку, и тут же поклонился, с таким достоинством, будто на балу повстречались или на другом достойном собрании.

— Анна Михайловна, *pardonnez-moi*, не имел чести и удовольствия быть представленным вам, — а потом заторопил по знаку хозяина своих людей пройти через вестибюль в парк, откуда можно было скоро уйти в лес. Преследователям пришлось бы объезжать имение вокруг, давая беглецам преимущество во времени. Но это в случае, если не обнаружат их следов в парке, а иначе...

Раненых же понесли в мезонин, чтобы укрыть в нежилых помещениях, между сундуками и коробками. В одном из них, которых совсем повис на руках товарищей, Анна узнала сына Ивана Фомича, Архипа, по тому, как прижался на миг к его груди дворецкий, как побледнел лицом, что даже в скудном свете пары свечей было заметно. Его единственного поспешили унести из дома и спрятать в парке на время. Ему уже было все равно — пуля оборвала его жизнь, пробив легкое.

За единый миг опустел вестибюль. Только-только был полон людей, суесящихся, переговаривающихся резким шепотом, и вот нет никого, кроме бледного Ивана Фомича, прислонившегося к стене, Михаила Львовича, задумчиво вслушивающегося в перестук копыт за окном, пары лакеев и швейцара, мнущего в руках фуражку, Анны, по-прежнему стоящей на лестнице, вцепившейся в холодные перила. Она тоже слышала шум приближающегося к дому отряда, только и успела вскрикнуть: «Папенька!», как в двери снова заколотили кулаками, застучали в окна, заглянув в вестибюль и заметив находящихся в нем людей.

Швейцар натянул фуражку и по знаку хозяина открыл дверь. Шагнувший в вестибюль офицер, не стал снимать с головы каску, проигнорировав правила приличия, быстро огляделся, а потом обратился к Михаилу Львовичу:

— Добрый вечер, месье. Лейтенант 5-го уланского полка Его Императорского Величества Лажье Анри-Мария. Смею обратиться к вам, как к честному и благородному господину, с вопросом и надеюсь получить на него достоверный ответ. И прошу вас, месье, обойдемся без лишних слов в этот поздний час. И мы разойдемся с вами ныне в довольстве друг от др

, - а потом тут же сменил тон голоса, перейдя в тот же миг, от вежливой и вкрадчивой манеры к резкой и холодной. — Где люди, что заехали совсем недавно в ваши земли? Не

имеет смысла лгать мне. Я превосходный стрелок, месье, и издали различаю даже в темноте.

— Добрый вечер и вам, лейтенант, — ответил Михаил Львович, кладя руку на рукав перепуганного лакея и тут же убрал ее после легкого пожатия. Тот тут же успокоился немного — погасил страх, вспыхнувший в душе при резкой непонятной ему речи француза. — Я прощаю вас за вторжение в мой дом, хотя вы и не просили его. В свою очередь, смею вас уверить, что единственными людьми, которых я видел ныне вечером, были мои слуги и мои домашние. Понятия не имею, о каких иных людях вы ведете речь, лейтенант.

— Значит, не имеете? — переспросил француз, а потом снова оглядел бледные лица слуг и хладнокровное лицо Шепелева. — А следы, что ведут сюда? Откуда они? И отчего так перепуганы слуги? И почему вы тут в сей поздний час? Только не говорите, что вышли сюда, услышав наше приближение.

Француз вдруг шагнул в сторону темной анфилады комнат в правом крыле, склонил голову и щелкнул каблуками.

— Лейтенант 5-го уланского полка Его Императорского Величества Лажье Анри-Мария. Преследую людей, подозреваемых в нападении на фуражирский обоз, следующий к Москве, для снабжения армии императора.

— Влодзимир Лозинский, капитан 12-го полка польских улан Его Императорского Величества! — ответил ему из тени комнаты голос поляка, которого до сих пор никто — ни она сама, ни отец, ни слуги не заметили в соседней темной комнате.

Анна ахнула, не сдержавшись. О Господи, сколько там Лозинский стоит, притаившись в темноте? И видел ли тот беглецов? Француз резко обернулся на ее тихий вскрик, положив тут же руку на рукоять сабли, а потом улыбнулся, заметив Анну, склонил голову уже галантно, сняв с головы каску, обнажая темно-русую голову.

— Знать, вы шевележер, — поспешил выйти в вестибюль Влодзимир, вынуждая француза снова взглянуть на него. Он был только в рубашке, небрежно наброшен на плечи уланский мундир, в здоровой руке зажата книга в зеленом бархатном переплете. В библиотеке был, поняла Анна, прислоняясь бедром к балюстраде лестницы, чувствуя слабость в коленях. Теперь только от Лозинского зависели их судьбы, она поняла, что и отец осознал это, тщетно пытаюсь разгадать по лицу поляка, что за мысли у того ныне в голове.

— Имею честь состоять в сих доблестных восках Его Императорского Величества, — снова склонил голову француз. — Вы, смею полагать, бывали при битве Бородино? Ваш полк отличился, отбив атаки русской конницы, как слышал.

— Да-да, — поспешил прервать его Влодзимир, чтобы тот ненароком не сболтнул, что именно его полк бился против кирасиров русской армии в тот день. — А вы, значит, на защите нашего тыла ныне?

— Вы прекрасно ведаете, господин капитан, что ныне самая горячая пора не там, близ Москвы, а здесь, в этих проклятых Богом лесах и болотах. Эти нелюди совсем не желают понимать политику императора, никак не последуют правилу Божьему — смирению перед силой! — горячился француз. — Клянусь своей саблей! Я бывал и в Испании, и в Пруссии но только русские крестьяне предпочтут быть убитыми, чем получить все выгоды от торговли с императорскими фуражирскими войсками. Они не соблюдают правила военной науки, благородство боя! Нападают из леса, тайком или заманивают в деревни, а далее... Впрочем, это не для дамских ушей сии истории. Мой отряд напал на след, мы едва не поймали смутьянов. Человек, что выдал их расположение, клялся, что в их числе есть тот самый Давыдофф. За его голову назначена награда, слышали, господин капитан?

— Увы, увy, господин лейтенант! — покачал головой Лозинский. — Награды вам, видно, не получить ныне. Те люди, о которых вы ведете речь, даже если и побывали на землях этого хозяина, но в усадьбе не появлялись. Да и было бы сущей глупостью для господина Шепелева укрывать их, зная, что в доме капитан французской армии. Вы же не думаете, что он настолько глуп, чтобы идти мне наперекор?

— Позвольте! — возмутился Михаил Львович, но поляк только остановил его тяжелым взглядом. И Анна с удивлением увидела, как подчинился этому взгляду вдруг отец, смолк, отступил в сторону, позволяя Лозинскому и далее вести разговор с французом. Лейтенант же усмехнулся, а потом надел каску на голову, намереваясь выйти из дома прочь и ехать далее прочесывать ближайшие леса и осмотреть дома в селе. Но помедлил, подавшись сомнениям, снова вспоминая, как видел темные силуэты всадников, скрывшиеся за поворотом в эту сторону.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Уверен ли господин капитан в том, что поблизости дома никого не было? — не мог не спросить он поляка, и тот вдруг вскинулся, процедил сквозь зубы.

— Господин лейтенант полагает, что я лгу? Или что я слеп и глух? У меня задеты рука и

грудь, но глаза и уши в полном порядке. Контужен я не был, так что обманываться не могу.

— Прошу простить меня, господин капитан, — пошел тут же на попятную француз, кивнул солдатам, что гуськом прошли к дверям и направились к лошадям, стоявшим у подъезда, готовые по сигналу тронуться в путь. — Господин капитан, сударь, сударыня, — кивнул на прощание каждому француз.

Лозинский ответным кивком принял его вежливый жест и направился к лестнице. Холодно попрощался с лейтенантом Михаил Львович, поклонились низко слуги и Иван Фомич, кусая губы. Анна же предпочла проигнорировать кивок француза — стояла, гордо распрямив спину, стараясь не показать своего облегчения его отъезду.

— О, момент! — вдруг замер на месте француз, а потом резко склонился к полу, вглядываясь в рисунок мрамора. — Это же кровь!

— Езжайте с Богом, мой друг, — резко ответил ему Лозинский от лестницы, разворачиваясь к нему. — Ищите ваших смутьянов и уже тем паче вашего Давыдова в ином месте. Эта кровь моя...

Он переложил аккуратно книгу из здоровой левой руки в правую и продемонстрировал французам глубокий порез на ладони, из которого действительно текла кровь тонкой, едва заметной струйкой.

— Чертовы страницы! ^[348]С ними совсем не управиться, когда ранена действующая рука!

— Простите мне мои подозрения, господин капитан. Я..., - но француз решил все же ничего не объяснять и, снова кивнув на прощание каждому из господ, кто наблюдал за ним ныне, развернулся и вышел вон. Только когда стук копыт по гравию затих, Лозинский бросил книгу с глухим стуком на пол вестибюля и резко сказал Михаилу Львовичу:

— Вам повезло, что аллея усыпана гравием! Следов на аллее подъездной нет — знать, и нет беглецов близ дома! Но, Господи, неужто вы не могли подумать прежде о тех, кто живет под этим кровом прежде, чем бросать их на растерзание шевележерам?

А потом, не слушая Михаила Львовича, который что-то начал говорить ему в спину, поднялся по ступеням и встал возле Анны. Она смотрела в его лицо, все еще не веря, что все закончилось, что угроза над их домом миновала, и все благодаря ему, тому, от кого она вовсе и не ждала помощи.

— Не окажете ли любезность осмотреть мою руку, панна? — проговорил Влодзимир, протягивая в ее сторону порезанную ладонь. — Глубоко прорезал, думаю, кровь так и течет.

Анна посмотрела на кровь на его ладони, потом снова в его глаза заглянула и вдруг качнулась, чувствуя, как ноги отказываются держать тело. Влодзимир успел подставить свое плечо, в которое она уткнулась как тогда, в аллее, сдерживая слезы. Страх, свернувшийся в груди спиралью, когда она заметила еще прежде француза маленькие капли крови на полу, стал раскручиваться с невероятной скоростью, повел голову кругом.

— Вы нарочно порезали руку? Видели ведь? — прошептала она.

— И ныне жалею о том, панна. Ведь похоже, что мне суждено истечь кровью, пока вы мне поможете с моей раной, — пошутил Лозинский, и Анна улыбнулась. Под ее лбом была горячая кожа, тонкая ткань рубахи совсем не скрывала жар, идущий от его тела, и ее вдруг стал бить озноб от этого тепла, тепла его тела так близко ныне...

— Ступайте, сударь, к себе в покои, — вмешался Михаил Львович, разрываясь в этот миг между гневом на вольность улана по отношению к его дочери и благодарностью за спасение. — Иван Фомич позаботится о вас... Иван Фомич?

Но дворецкого не было в вестибюле. Впервые он не стал дожидаться приказов барина, стоя, как всегда, в пределах видимости и слышимости. Ушел в парк, чтобы найти спрятанное в куче опавшей листвы тело сына, сгинувшего в этой проклятой войне. Архип был его единственным сыном, только дочери в остатке ныне. И тем ответственнее за судьбу внука, Дениса, что был казачком в усадьбе.

— Не беспокойтесь о руке капитана, Михаил Львович, — решила наконец подать голос Марья Афанасьевна. Она слышала крики и шум, и оттого и пришла из своих покоев сюда, да заробела при виде французов, не стала выходить на свет, только выглядывала из дверей на втором этаже, что вели в жилые половины. И мадам Элизу не пустила даже к Анне подойти, пока те не ушли. Только сейчас вышли они к лестнице, еще пока без румянца на лице, со страхом в душе.

— Мадам Элиза позаботится о нашем спасителе, — долго смотрела в глаза обернувшейся к ней тут же Анне, а потом развернулась и зашагала к себе, тяжело опираясь на трость.

Мадам Элиза глазами показала своей воспитаннице, что следует удалиться ныне, и Анна поспешила отступить от капитана, на прощание прошептав тихо: «Je vous remercie» [349], убежать мелкими шажками прочь. Но не к себе — вдруг неожиданно для самой себя повернула к комнатам графини, тихо стукнула костяшками пальцев в двери.

Марья Афанасьевна уже ложилась снова в постель, кряхтя от боли в колене, крестясь опять на образа в углу спальни, когда Настасья провела к ней Анну.

— A quoi dois-je l'avantage de votre visite? [350] — слегка раздраженно произнесла графиня, уже жалея, что позволила той войти к себе. Знать явное расположение поляка к Анне было досадно, но еще досаднее было видеть, что она отвечает ему — то письмо, которое девка Анны передала человеку поляка, и та близость непозволительная между ними на лестнице. Марья Афанасьевна и ненавидела Анну за то, что явно выставляет Андрея в дураках, и жалела ее отчего-то, понимая, какую ошибку та ныне совершает.

— Я давно не навещала вас, Марья Афанасьевна, — произнесла в ответ Анна, удивленная слегка подобной встречей.

— Знать, было чем занять себя, что времени не находилось для того, — проговорила Марья Афанасьевна, поджимая недовольно губы, когда Анна чуть покраснела, выдавая себя с головой. А потом поманила к себе рукой, и девушка шагнула к постели, опустилась в кресло, стоявшее подле кровати. — Коли не спешишь лечь на покой ночной, сделай милость, почитай старухе письмо последнее от Андрея Павловича. Там тайн нет для глаз сторонних, только любезности да вести. Я его часто на ночь читаю, в голове держу, будто новое пришло от него. Настасья! Подай барышне письмецо-то! Вот только его прочтешь, и разойдемся с тобой на покой ночной. Час уж за полночь, позднее время-то. А с утра-то в церковь!

Анна читала письмо Андрея и чувствовала легкую дрожь, что была ее тело при том, колотилось учащенно сердце в груди. Такой знакомый почерк, уверенная твердая рука. И знакомый слог. И обеим стало казаться, что сам Андрей ступил в комнату, встал, прислонясь к стене, обитой штофом, и тихо говорит с ними о том, как отступили они к Дорогобужу, и как тревожатся войска подобным отступлением. Какими холодными для лета стали ночи, и как он благодарен тетушке за то, что она настояла, чтобы взял лишние одеяла из чистой шерсти с собой. Описывал в письме свое желание пройтись по Святогорскому — по усадебному парку и далее в лес, вдохнуть дивный аромат хвои и трав.

— Нет более Святогорского, — вздохнула Марья Афанасьевна, и Анна прервала чтение,

расслышав слезы в ее голосе. — «Мой дивный уголок...». Как же красиво он написал... Все! Довольно! Уж дважды пробило, слышала? Пожелайте старухе покойной ночи и расстанемся до утра, милая моя.

Но Анна еще долго не могла уснуть в ту ночь. Мысли путались в голове, мешали погрузиться в сон. Она вспоминала, как взглянул на нее Лозинский тогда, на лестнице, его поступок, удививший ее. Он был врагом, он сражался за французского императора против тех, кто яростно боролся за свободу ее страны от узурпатора Европы. Но он пошел наперекор своему долгу, лишь бы спасти всех, кто находился под этой крышей.

Долго лежала в темноте, глядя в балдахин кровати. Впервые за последнее время Анне было одиноко в этой широкой постели, хотелось прижаться к крепкому телу, коснуться губами плеча, как делала это в своих снах. Как она могла обмануться? Никто не может заменить Андрея, даже в письмах — ныне она это так ясно понимала. Оттого и было так горько, снова сдавило в груди при воспоминании, как на ладонь скользнуло серебро кольца, как блеснули камни, разбивая ее надежды на осколки. И снова плакала до рассвета, уткнувшись лицом в подушки, чтобы заглушить тот вой, что рвался изнутри, из израненной души...

Утром Анна не поехала с домашними в церковь, сославшись на головную боль. Она не лукавила в том — на смену ночных рыданий пришла ужасной силы мигрень, ломившая виски. Любой звук причинял острую боль, а свет резал глаза. Навестивший ее отец встревожился, хотел послать за доктором Мантелем, но Анна отговорила его, мол, сон и соли помогут снять приступ.

— Перепугалась давеча, моя милая? — спросил тихо Михаил Львович, глядя ее ладони. — Прости меня за то, прости. Как подумаю, что могло случиться, коли поляк тогда выдай нас...

— Не думайте о том, папенька. Ушли ли беглецы, не ведаете ли? И как бедный Иван Фомич?

— Ушли, душа моя, ушли. Мне о том сказал проводник их, что через болота увел их окружным путем от французов. А Иван Фомич... Я дал ему седмицу на устройство всех дел. Как подумаю о его потере, сердце рвет мне. Не приведи Господь такой беды...

Домашние уехали в церковь, и Анна тут же заснула под звуки отъезжающих экипажей, словно в яму провалилась в сон, но спала недолго. Лучи солнца, столь редкого в эту пору, скользнули сквозь щель между неплотно задернутых плотных занавесей и разбудили ее, не дали отдыхать в пригожий сентябрьский день. Глаша быстро сбегала в кухню, где барышне собрали завтрак на поднос, но вернулась не только с хлебом, ветчиной и вареными яйцами. На подносе стояла высокая ваза с букетом из ветвей рябины.

— Что это? — удивилась Анна, даже застыла на миг, кутаясь в шаль, чтобы укрыть голые плечи от легкого холода, уже скользившего по комнатам усадебного дома.

— Это все наш гость, — краснея, проговорила Глаша. — У дверей меня поймал, когда за завтраком шла. Цветы вам просил передать. Я ему и сказала, что вы не примете, что выбрасывать велели тут же. Ушел, не сказав ни слова. Воротаюсь, а он уже с рябиной в руках! Прикажете унести?

— Нет, пожалуй, оставь, — Анна распорядилась поставить эти ветви с ярко-желтыми листьями и спелыми крупными ягодами на столик у зеркала. Да и как можно было отослать этот дар, памятуя о том, что сделал для них давеча капитан? А еще Анна решила лично поблагодарить его за тот благородный поступок, попросила Глашу передать ему, что хочет

переговорить с ним в малом салоне.

Лозинский уже ждал ее там, стоя у окна подле клавиатур, когда Анна спустилась вниз, робея от того, что осмелилась остаться с ним наедине по своей воле.

— Comment allez-vous? ^[351] — он протянул к ней руки, едва она ступила в салон, коснулся губами ее ладоней, приветствуя. — Monsieur votre père ^[352] сказал, что вам нездоровится. Это все из-за того, что случилось прошлой ночью?

— Не совсем, — Анна отошла от него к козетке, указала Лозинскому на кресло поблизости, но он проигнорировал ее жест, отошел к окну и стал наблюдать, как дворовые собирают граблями опавшие листья, сжигают те, наполняя осенний день запахом дыма. Они долго молчали, а потом Анна все же решила нарушить эту тишину, зная, что скоро вернутся в дом домашние из церкви, и у нее не будет более возможности сказать ему то, что она хотела.

— Я бы хотела поблагодарить вас за то, что вы сделали вчера. Ваш поступок... он... нарушить долг...

— Прежде чем вы припишете мне то, что нет и в помине у меня за душой, — прервал ее резко Лозинский. — Я бы желал сказать вам, что я не делал того, о чем вы говорите ныне. Я хочу, чтобы вы взглянули в мою душу, увидели всю мою сущность. Оттого буду честен ныне. У меня нет долга перед Наполеоном. Был, когда я шел за ним, веря, что он вернет Литве утраченную некогда свободу, вернет ее в былые границы. Ныне же я вижу, что это была всего лишь игра, чтобы шляхта пошла на поводу собственных иллюзий и встала под его знамена. Я лил кровь за обманку... за сладкую ложь. Ему наплевать на Литву, его гонят собственные амбиции наперекор обещаниям, что Бонапарт так щедро раздал. Потому у меня нет долга перед Наполеоном отныне. Да и сидением в Москве он загнал себя в угол. Армию русскую надо было давить после Бородино, не давая ей передышку, когда она была так слаба! Он упустил момент, и вот результат — не сегодня-завтра будет сражение, что решит исход всей этой кампании. И боюсь, не в пользу Бонапарта, — с горечью заключил он, заставляя Анну вскрикнуть от волнения.

— Вы думаете...? — даже дышать боялась нынче, ожидая его ответа, смотрела в его затылок, на напряженную спину и белую полосу перевязи на вороте мундира.

— Я в этом убежден, панна Аннеля, — ответил Лозинский. А потом резко отошел от окна, опустился на одно колено перед ней, сидящей на козетке, в волнении теребившей бахрому шали, взял ее руку в свои ладони.

— Вот таков я, панна Аннеля, — проговорил он тихо. — Мои раны еще долго будут заживать, отменно порубили русские сабли в том сражении. Не будь вас в этом доме, я уехал бы в Литву, в свой фольварк и переждал бы там, чем закончится то, что так славно начиналось этим летом. Ах, как должно быть ныне хорошо в Бельцах! Тенистые аллеи в парке, пруд под ивами возле замка... Я люблю свою землю до безумия! Каждый камень в замке и башнях, каждую пядь земли! Я думал, что французский бульдог сумеет повалить русского медведя, чтобы моя сторона стала как прежде свободной, чтобы поднялась из-под пяты России. Нет, не говорите ничего, панна! Никто и никогда не переубедит меня в ином, даже вы! Оттого вы — мое наказание свыше, кара для меня! Я не должен был... Вы благодарите меня за спасение домашних, а мне ведь наплевать на каждого из них. Наплевать на всех, на эту землю, на этих людей. Нет дела, что будет с ними. С ними, но не с вами! Ваш отец, потакая слепому стремлению своему, принял смутьянов на порог, а потом этот отряд... Я даже подумать толком не успел ни о чем, кроме того, как мало у меня ныне людей в

усадьбе — всего-то пять вместе с Лодзем. И это против четырех десятков шевележеров! Сущее безумство! Как и то, что я говорю вам о том, что в душе моей.... Потерять вас или остаться верным клятве императору, уже единожды предавшего меня и мою землю? Выбор стал таким очевидным в тот момент.... Вы молчите?

— Я не знаю, что ответить вам, — сказала Анна. — Кроме слов благодарности, не нахожу, что сказать вам ныне. И не желаю...

— Мне не нужна ваша благодарность! — запальчиво воскликнул Лозинский, сжимая ее ладонь. — И благодарности ваших домашних тоже! Я сделал то, что сделал не ради них, а только исключительно себе в пользу. Ведь давеча мне открылась истина — не станет вас, и... Вы качаете головой. Отчего?

— Я не желаю слышать того, что вы скажете далее, — проговорила Анна. — Я уже писала к вам и ныне готова повторить каждое слово из того письма, что вы получили давеча. Я безмерно благодарна вам за ваш поступок, но более мне предложить вам нечего.

— Тогда предложите мне помимо благодарности и ваше доверие, ваше расположение ко мне. Более просить не стану, — Лозинский дождался ее кивка, а потом снова коснулся губами ее дрожащих пальчиков.

— Вы должны уходить из салона. С минуты на минуту воротятся из церкви. Не должно, чтобы нас видели наедине, — напомнила Анна, и он кивнул, соглашаясь. Не стоило быть настойчивым ныне, когда его позиции настолько упрочились в этом доме. Теперь они все зависели от него. Все, до последнего холопа в усадьбе!

Потому и ни слова не сказал Михаил Львович против просьбы Влодимира не помогать отныне тем, кто ведет «малую» войну против французов. Только кивал хмуро, соглашаясь с каждым доводом поляка, который доказывал, какой опасности тот подвергает женщин в усадьбе.

— Я понимаю ваши чувства, пан Шепелев. Сам бы встал, коли б на землю родную напал неприятель. Но оставьте сии опасные дела молодым. Это их война, не ваша! У вас удивительной красоты и ума дочь, истинный цветок этой земли. Вы ведь не желаете, чтобы огонь войны поглотил и ее? Подумайте над этим, пан, прошу вас. Ибо я твердо намерен спасти от подобной участи вашу дочь. И пойду для того любыми путями! Если б мог, увез бы ее отсюда! Позвольте мне сделать это, пан Шепелев! Отдайте за меня панну Анну!

— Вы просите руки моей дочери? — удивленно вскинул брови Михаил Львович, не ожидавший подобного поворота в их разговоре.

— Прошу! — резко ответил Влодзимир, сам удивляясь собственным словам, вырвавшимся помимо воли. — Отдайте за меня панну. Я не богат и не имею титула. Но обладаю парой сотен десятин пахотной и луговой земли. И замок Лозинских будет не менее усадебного дома вашего. И мне ничего за ней не надо! Да и что с вас брать ныне? Только она. Отдайте мне Анну, пан Шепелев.

— Анна уже обещана, милостивый сударь, — покачал головой Михаил Львович. — И что она сама? Благоволит ли в том к вам? Бог ты мой, возможно ли?! Нет, определенно нет! Это немыслимо! Прошу простить меня, сударь, но покамест мы связаны словом, и я не в силах нарушить его. Простите меня, но вынужден ответить вам отказом.

— В таком случае, прошу вас сохранить сей разговор в тайне от сторонних ушей. Дайте слово благородного человека, что никто не узнает о том. Поверьте, у меня есть на то причины, — Лозинский с трудом скрывал ныне горечь и разочарование, что захлестнули его при этом отказе, сдержал злость, распирающую грудь. Нет, нельзя сказать, что он ожидал

согласия, но и немедленный отказ был для него неожиданным. Он полагал, что Шепелев попросит время на раздумья. Увы, какими бы достоинствами ни обладал бы он, какие бы поступки ни творил, подобным путем не заслужить того, чего так страждет его душа и тело ныне! Но видит Бог, он попытался...!

В последующие дни в Милорадово снова установилось тихое спокойствие и благодать осени. Собирали рябину с ветвей, чтобы сделать запасы ягоды на зиму, старались успеть до первых снегов, что могли выпасть на Покров, до первых морозов. Убрали в омшаники улья с пасеки усадебной, спрятали до весны от холодов зимних.

Михаил Львович был обеспокоен объемами заготовок дров на зиму. Мужиков было мало осенью в селе, наполнять дровяные сараи было почти никому. И так едва управились до Замолоток [\[353\]](#) с зерновыми — рабочих рук было чуть ли не впятеро меньше, чем обычно. Но дней барщины Шепелев не стал увеличивать, видел, как нелегко приходится тем, кто остался без мужиков в семье.

Оттого в доме топили только покои личные, столовую малую и кабинет Михаила Львовича. Для собрания домашних отвели только малый салон, где можно было и помузицировать, и с шитьем сесть, и в игры настольные сыграть, если желание было такое. Да и все перед глазами, на виду. Остальные комнаты были закрыты, подоткнули щели под дверьми, чтобы не ходил сквозняк, не холодил неприятно ноги и руки.

И рассаживались обычно поближе к печи или огню камина. Ближе всего постоянно мерзнувшая Марья Афанасьевна в кресле, положив ноги на скамеечку, укутав колени вязаным покрывалом, с неизменной болонкой под рукой, подле нее Мария на стуле с книгой или журналом в руке. Напротив — дремлющий под чтение воспитанницы графини Михаил Львович. На козетке бок о бок с рукоделием в руках Полин и Катищ, обе молчаливые и неулыбчивые, погруженные каждая в свои мысли. Первая волновалась об офицере армии, вторая о судьбе матери и сестры, что были еще летом в Москве. Мадам Элиза садилась обычно на стул возле них, тоже вышивала или плела кружева, но чаще посматривала в сторону Анны и Лозинского, играющих в шахматы, так сосредоточенно обдумывающих каждый ход, словно от выигрыша или проигрыша в партию зависела чья-то судьба.

Пробовали и играть в карты, но скоро забросили эту затею после ссоры графини и поляка, когда тот выиграл в очередной партии в штос, сгреб к себе деньги, что были поставлены.

— Недаром плутовской народ! — бросила карты на стол она тогда раздраженно. Лозинский только взглядом ответил, при этом едва скрывая неприязнь к ней под полуопущенными веками. Между ними настолько ощутима была ненависть друг к другу, что даже Михаилу Львовичу стало не по себе. Оттого ломберный стол и карты приносили в салон только для пасьянса, который раскладывала Марья Афанасьевна, а иногда и Анна, загадывая желанья. Правда, чаще всего тот не сходиллся, и Анна сбрасывала карты со столика на пол в раздражении под ироничной усмешкой Лозинского.

На Покров снова Анна просила у Богородицы, протиснувшись через толпу прихожан к образу после службы, поставила тонкие свечи перед ликом святым. Одну — за брата, о котором к своему стыду думала меньше ныне, чем должна была. Вторую — за Андрея, нареченного, которого Богородица дала ей в прошлом году.

— Знак. Всего один только знак, — прошептала Анна, глядя в понимающие глаза лика, придерживая тонкий эшарп на русых локонах. А потом вдруг вспомнила, как мелькнула в зеркале темная фигура с белым пятном галстука под шеей, вспомнила холод серебра на

ладони, побледнела вмиг. — Защити, сохрани, убереги... умоляю!

По возвращении Анна не пошла в дом, как остальные, что торопились обогреться у огня, замерзнув по дороге из села. День выдался необычно ветреным и холодным — даже пар показывался изо рта при разговоре, оттого и не задерживались, выходя из кареты, спешили зайти внутрь, за стены, прячась от лихого проказника, раздувающего подолы платьев, так и норовящего сорвать шляпки и мужские уборы с голов.

— Я пойду к Фудре, — сказала отцу Анна, вдруг разворачиваясь от дверей в дом. — Давно не была у нее, не навещала.

Поездки верхом, которые она так любила, были строжайше запрещены ныне, и Анна не роптала по этому поводу. Только с грустью наблюдала, когда выводили ее белоснежную красавицу, чтобы провести шагом по кругу заднего двора, не давая ей застояться в стойле. Анна старалась навещать свою любимицу, как можно чаще, вот и ныне пошла к конюшне, стала угощать яблоком из нового урожая, глядя по шее и морде Фудру. Та ткнулась ей в плечо, словно говоря, как соскучилась по хозяйке, по тем дням, когда выезжали вместе, и Анна грустно улыбнулась. Вдруг вспомнила, как гнала Фудру по снегу, торопясь увидеть охотников. И его, в пышной лисьей шапке и охотничьем казакине темно-синего цвета.

— Она истосковалась по хорошей скачке, — раздался голос из-за спины. Анне не надо было оборачиваться, чтобы взглянуть, кто нарушил ее уединение. Иногда ей даже казалось, что Лозинский стал ее тенью, так часто она видела его возле себя.

— Быть может, когда-нибудь она и будет, эта скачка. Когда чужие уйдут с земель этих, и ненадобно будет опасаться собственного леса, — ответила Анна и, коснувшись в последний раз морды Фудры, направилась вон из конюшни — оставаться наедине с Лозинским, особенно после его недавних признаний она не желала. А на пороге конюшни вдруг замерла на миг, чтобы потом, тихо рассмеявшись, сделать шаг из-под укрытия под медленно падающие с небес белые хлопья, подняла ладони вверх, закружилась на месте, не обращая внимания на соскользнувший с волос эшарп.

Снег. С серого осеннего неба падал первый в этом году снег. И она подставила лицо этим хлопьям, закрыла глаза, мысленно благодаря Богородицу за знак, о котором она так молила ее ныне в церкви. Лозинский же глаз не мог отвести от ее лица, такого одухотворенного, такого прекрасного в этот миг. И ему до боли хотелось, чтобы сейчас она думала о нем. С такой счастливой улыбкой на губах, с этим дивным светом в глазах, которым Анна обогрела его в этот холодный осенний день, взглянув на него, прежде чем убежала в дом. Там она взбежала по лестнице и буквально ворвалась в покои графини, прибирающейся к обеду.

— Марья Афанасьевна, милая, — Анна бросилась вдруг на колени перед той, сидящей в кресле, пока Настасья заправляла ей пряди волос под край чепца, отороченного кружевом. Спрятала счастливые глаза в подоле платья графини, обняла ее ноги.

— Qu'avez-vous, ma chere? [\[354\]](#) — удивилась та, коснулась локонов Анны, в которых в огоньках свечей блестели капельки воды, в которые превратились снежные хлопья. — Что стряслось?

— Снег! — подняла на ту взгляд Анна, не скрывая своей радости. — Снег на Покров!

Вот оно что, не могла не улыбнуться Марья Афанасьевна, заразившись восторгом Анны, так и гладила ту по волосам, улыбаясь. Снег на Покров. Счастливое предзнаменование для обрученных. Знак от Богородицы, что та благословляет их союз.

— Это действительно добрый знак, — прошептала графиня, а потом не могла не

коснуться кончиками пальцев гранатов в кольце Анны, когда та вложила свои ладони в ее руки. Взглянула после в окно на белые редкие хлопья, медленно падающие на землю. Ранний снег, знать, ранняя зима будет в этом году. Скоро уже и шубы доставать надобно будет, и другие зимние одежды, и шляпки, подбитые мехом пушистым и мягким, и муфты. Скоро будет сковывать воду в прудах тонким первым льдом — успеть бы бочки с солениями на дно поместить до того.

Тяжко будет вести войну в это время холоднее, коли на квартиры не в избе вставать, а прямо в поле или в лесу, как довелось Андрею этим летом и в прошлые годы в Австрии. Эдак, и до воспаления грудины недалеко, упаси Господи!

— Вам по сердцу этот усач лихой, — сказала позднее Анне Марья Афанасьевна, когда они сидели в ее покоях, поднявшись сюда после обеда, и смотрели, как лижет широкие поленья огонь, наполняя комнату теплом. В стекло окон рвался ветер, словно просил выпустить его погреться, завывал от горя и тоски, что не допущен внутрь.

— Лозинский? — Анна вдруг смущенно рассмеялась, опуская глаза от пристального взгляда графини. Но спустя миг смело подняла на нее взгляд. — Не буду скрывать, он любой девице придется по нраву. Он пригож лицом и статен телом. Он благородного нрава, раз укрыл нас в ту ночь перед французами. Он мог бы завоевать мое сердце, не спорю. Мог, коли б то было у меня в руках. Но оно не у меня, так как я могу отдать его? Улан мне по нраву, это правда. Но мне может нравиться и виноград, однако ягоды вишневые я люблю гораздо больше. Не знай я вкуса сладости вишни, могла бы полюбить и кислоту винограда.

— Девица поступает необдуманно, оставаясь уверенной в собственном превосходстве над чувством своим, — заметила Марья Афанасьевна. — И даже из простого интереса может родиться нечто большее. Нет, я не корю вас, Аннет, просто предупредить желаю. Женскому сердцу могут быть по нраву многие, но в нем будет жить только один-единственный мужчина. А глаза и тело... они могут предать, толкнуть к неверным решениям и поступкам. Я ведаю, что говорю, сама была почти в вашем положении. Да-да, не смотрите на меня так удивленно! В это трудно поверить ныне, но когда-то я была молода и красива. За мной волочились, как за вами, даже дрались на дуэлях, во времена Екатерины их было поболее числом, чем ныне. И мне было по нраву, что вокруг столько поклонников... я любила внимание, их обожание и соперничество. Столица вскружила голову, затмила блеском балов и маскарадов. Забыла я о некогда данном слове, забыла, что мой девичий восторг от собственной пленительности может быть не по нраву тому, кому хотела отдать свою руку, как отдала свое сердце.

«Два года», — сказал отец, когда мы встали перед ним на колени с моим любимым, прося благословить нас, «Пусть Марии сровняется осьмнадцать, тогда и будем говорить об *accordailles* ^[355]открыто». И я порхала как бабочка по балам, думая, что все уж решено, и что могу насладиться возможностями девичества в полной мере. А потом вернулся из Пизанских земель мой супруг, граф Завьялов. Он был старше меня на два десятка лет, опытнее, знал, как вскружить голову девице. Мой любимый был далеко в те дни, а внимание такого мужчины, как граф, льстило самолюбию. И я забыла об осторожности, позволила себя поцеловать... Всего один поцелуй, но он перечеркнул все! Спустя пару седмиц после того ко мне вернулись мои письма вместе с короткой запиской, что я свободна ныне от данного мною слова. А я, потакающая своей гордыне, не стала объясняться в причинах, а отправила любимому его послания ко мне, всю переписку и приняла предложение графа. Кандидатура его была предпочтительнее для моих родителей, чем нетитулованный дворянин из земель близ

Коломны, и те тут же обручили нас. Я думала, он остановит меня! Думала, одумается и вернется, тогда я тут же порву с графом и стану его женой. Только его! До самого последнего дня ждала...

Марья Афанасьевна вздохнула, достала из-за ворота платя платок и промокнула глаза. Столько лет прошло, а рана в сердце так и не зажила, предательство родных людей так и не забыто!

— Мое сердце плакало кровавыми слезами, когда я шла к аналою под руку с Завьяловым. Ведь за седмицу до того моя сестра вышла из храма в Коломне женой. Женой моего любимого! Да, Анна, люди жестоки даже к родной крови! Она писала к нему тайком, в деталях повествуя о моем столичном житье, о поцелуе, который видела тайком, о моем влечении к графу, о котором я сама открылась ей. Она была уже в годах — двадцать годов сравнялось к тому времени, засиделась в девицах из-за оспин, которыми наградила ее зараза в младенчестве. Единственный путь стать женой был..., - Марья Афанасьевна вдруг запнулась, косо взглянула на Анну, слушающую каждое ее слово. Продолжила свою речь медленнее, словно подбирая слова. — У нее был единственный путь выйти замуж, и она отменно по нему пошла. Рассорить сестру с тем, на кого сама положила глаз, стать доверительницей, стать для него слушательницей внимательной, заботливым другом, а после... после... У них довольно скоро после венчания родился сын. Борис в честь отца нашего батюшки. На него она перенесла всю свою любовь, которую так и не принял тот, кому она предназначалась. О Боже, как я ненавидела их, сестру и своего супруга! Он стал жесток и груб после венчания, совсем не таким, каким я видела его, когда слепо ступила к нему в объятия. То была страсть, не любовь, а только влечение... Я увлеклась, и я ошиблась. Горькая расплата за дни обмана!

— Этот человек... это Оленин-отец? — спросила удивленная услышанным рассказом Анна. Марья Афанасьевна улыбнулась грустно, видя ее лицо.

— Да, Анна, это Павел Оленин, — она полезла за ворот платя, извлекла на свет свечей золотой овальный медальон. Распахнулась с легким щелчком крышка, и графиня протянула Анне его, показывая портрет молодого человека в темно-зеленом мундире Семеновского полка. Он был так схож лицом с Андреем, что у Анны даже дыхание перехватило. Только родимое пятнышко маленькое на левой щеке показывало различие между отцом и сыном. Да и Оленин старший был в парике, когда как Андрея Анна помнила светловолосым, с прической à la Titus [\[356\]](#), а не при пудре.

Марья Афанасьевна провела кончиками пальцев по локону, закрепленному в крышке медальона, а потом закрыла его, спрятала обратно под платя и сорочку, к самому сердцу.

— Мы обменялись локонами, когда дали друг другу клятву быть вместе, — сказала она. — Я носила его прядь волос в этом медальоне. Надежно прятала его все годы, пока был жив муж. Завьялов бы лютовал, коли бы проведал о моей тайне. А Павел прятал мой локон в кольце. И в гроб с ним лег, — графиня прикрыла на миг глаза, вспоминая, как стояла в храме и смотрела только на любимые черты, пока отпевали покойника. И поцелуй в холодные губы, который позволила себе тогда, не обращая внимания на тех, что был на отпевании. Первый за долгие годы и последний. Плевать ей на толки и сплетни! Она бы и в гроб легла, чтобы ее закопали с ним, лишь бы быть с ним!

Тридцать с лишним лет врозь телами, вместе сердцами и душами. Лежать с другими, чужими в постелях и представлять, что не он или она подле тебя. Крестить его ребенка, представляя, что это их совместное дитя, растить после этого мальчика и думать, что это их

сын. Бояться ненароком коснуться друг друга, чтобы не выдать себя после взглядами.

«Прости меня, — напишет Павел ей в последней предсмертной записке, которую после графине отдаст его комердин. — Я не должен был потакать своей гордыне и ревности слепой, а слушать только свое сердце. Своими руками вымостил и тебе, и себе, и им, нашим супругам, дорогу в ад. Ведь я любил всегда только тебя... до последнего вдоха...»

— Слушайте всегда свое сердце, *ma chere*, — проговорила медленно Марья Афанасьевна, глядя руку Анны. — Только сердце скажет правду, более никто, даже разум обмануть может. Тот единственный поцелуй, сломавший мне жизнь, не был сладок, как те, что дарил мне Павел, а горечь от него я ощущаю до сего дня....

Анна просидела в покоях Марьи Афанасьевны почти весь остаток дня, ушла к себе только, чтобы переменить платье к ужину. Они долго молчали после рассказа о прошлом графини, и это молчание нарушила именно Марья Афанасьевна, указывая на кольцо на руке Анны.

— Я все это время никак не могу взять в толк, откуда оно у вас, — тихо проговорила она. — Я готова поклясться, что Андрей не давал его вам до своего отъезда из Милорадово в тот день. Да и расстались вы тогда далеко не как невеста с женихом. Как чужие ведь простились, — не смогла сдержать укора, и Анна отвела взгляд в огонь, пытаясь скрыть от нее волнение при воспоминаниях, нахлынувших в тот же миг.

— Я... мы виделись после... тогда и отдал мне...

— Как это безрассудно! — вдруг стукнула тростью об пол Марья Афанасьевна. — Ох, попался бы ныне под руку! Вот ведь стервец! Ведь была же ошибка прежде... и сызнова...

И Анна резко повернулась к графине, заслышав, как резко прервала та свою реплику, вспомнив спустя миг слова брата, сказанные в тот вечер: «...невинности была лишена madam Nadine в объятиях младшего брата, а женился на ней старший, видно, прикрывая грех...». Она не думала о них с тех самых пор, а тут словно ударил кто-то этими словами, ударил больно, наотмашь. Невольно взглянула на кольцо на своем пальце. Носила ли та этот перстень с гранатами, как символ будущего брака с Олениным? Старшим или... или все-таки младшим? И раз истинно, что говорил тогда Петр о браке со старшим братом Олениным после неких отношений с младшим, то вдруг и остальное — правда? Набраться бы смелости ныне да спросить графиню, когда та стала откровенна с ней. Но девице не пристало спрашивать о подобных вещах, думать о них нельзя было, и Анна снова отвела взор на всполохи огня в камине, смущенная и тем, что невольно выдала свое тайное свидание с Андреем в день отъезда.

— Ах, разве ж корить вас, молодых, ныне, когда уж все решено за вас? — Марья Афанасьевна вздохнула. — Но голову-то надобно на плечах иметь. Корю за слабость, за страсть не корю... Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait! [\[357\]](#) Но все же! Сущее безрассудство! Allons, ne pleurez! [\[358\]](#) Не стоит. Вытрите слезы, я не люблю излишнюю мокроту! Никто не должен ведать о том, что стряслось, о свидании en tête-à-tête [\[359\]](#)... благо, что все чинно! Возьмите мой платок! И более не будем даже говорить о том, чтоб не сердить меня! У девицы голова должна быть на плечах, и только у нее! Мужчины не думают о последствиях таких свиданий в большинстве своем, это женская доля. Ах, это так ... provincial! Остались бы вы наедине в столице с мужчиной, пусть даже вашим женихом! Тут же записали бы вас, тут же! Вот уж побраню я этого garnement [\[360\]](#)! Дай Господь только сию оказию! — и перекрестилась тут же, мысленно прося о таком случае.

Она смотрела, как вытирает слезы на щеках Анна, и думала с тоской о том, как могло бы сложиться у ее племянника и этой девушки, если б не эта война. И что теперь у нее вдвойне будет тревог при мысли, что в доме сторонний мужчина да еще положивший глаз на Анну. И что ему надобно, этому поляку? Чего ходит за Анной по пятам? И эта деланная скромность, когда графиня поблагодарила его за то, что скрыл помощь Шепелева тем беглецам. Словно только и ждет, когда ему предъявить счет за содеянное.

— Вы говорили про ошибку Андрея Павловича... в прошлом, — аккуратно проговорила

Анна, делая вид, что ей вовсе неинтересен ответ графини, складывала сосредоточенно платок на коленях в маленький квадрат. Марья Афанасьевна снова стукнула об пол тростью, и Анна вздрогнула, подняла на ту испуганный взгляд, опасаясь гнева графини за ее смелость и дерзость.

— То дело не наше, нам и не говорить о нем, — сурово заметила графиня. — Бог даст, сам все скажет, коли решит. А не решит, знать, не должно знать о том! Даже вам, *ma chere*.

И Анна только уверилась, услышав эти слова, что даже если сплетни и несут в себе выдумку разумов людских, ложь, приплетенную для красного словца, то и истина все же есть в них. Пусть и зернышко маленькое, но все-таки. И отчего тогда Петра все же не выслушала? А потом вдруг Глаша случайно дернула больно ее за локон, закалывая те над ушами, и Анна словно очнулась от морока, затуманившего ей голову. О чем она думает? Как может? Гадкая она, гадкая! Любил ли он прежде или нет, ныне о другом надобно — думать лишь бы вернулся!

— Что Иван Фомич? Он так дурно выглядит ныне, так постарел лицом, — спросила Анна, пытаясь отвлечься от ненужных сейчас ей мыслей, от неуместных тревог и завязать разговор. Пантелеевна только вздохнула, набрасывая ей на плечи вязаную из тонкой пушистой шерсти шаль с яркими узорами под цвет ленты в волосах Анны.

— Постареешь тут! Тут и разрыву сердечную получить недолга! — проговорила тихо няня. — Его Дарья-то померла на прошлой седмице.

— Как померла? — замерла ошарашенная вестью Анна. Дарья была одной из швей в усадьбе, «золотые руки», как звала ее Пантелеевна. Самая искусная из всех мастериц в починке платьев из тонкой воздушной ткани. Прошлой осенью Иван Фомич отдал ее, свою младшую дочь, за деревщика усадебного, совсем не предполагая, что ее мужу предстоит сделать той такой страшный подарок, едва минет их первая годовщина свадьбы — гроб из сосновых досок.

— Так и померла, — ответила Пантелеевна, крестясь и шепча под нос короткую упокойную. — Не сумела ей помочь наша Тимофеевна, забрал к себе Господь и младенчика, и мать.

— Ох, недаром же..., - вдруг вступила в разговор Глаша, поправляя один из локонов Анны, но замолчала, когда на нее тут же шикнула нянечка. Анна же насторожилась, заметив, как та сделала знак горничной молчать.

— Что — недаром? Ну же! Говори! Коли приступила, имей смелость закончить! Или тебе Пантелеевна барыня здесь? Говори!

И Глаше волей-неволей пришлось рассказать барышне то, о чем уже давно шепчутся в людском флигеле. Что смерть пришла в Милорадово и собирает свой урожай седмицу от седмицы. И костлявую эту старуху именно она, Анна Михайловна, привела с собой в усадьбу, настояв на том, чтобы гусара того сюда привезли. Все видели на панихиде, что у господина того глаза приоткрыты — знать, не ушел совсем на тот свет он, знать, искал, кто следом пойдет.

— Глупость! Совершеннейшая глупость! — вспыхнула Анна, а сама украдкой скрестила пальцы, отгоняя невидимое глазу зло. — Не успели вовремя глаза прикрыть, вот и не до конца... Ах, что за глупости! — а у самой сердце сжалось, вспомнила, как кольцо выскользнуло на ладонь из-под холстины сорочки девицы дворовой, расплакалась тихонько.

— Ну, дура ты, Глашка! — рассердилась Пантелеевна, прижала к себе Анну, погладила, успокаивая по спине. — Только барышню огорчила болтовней своей! Вот я тебе-то по губам-

то дам ужо! Не слушай ее, милочка моя, глупая она, ты верно, душенька моя, сказала то...

Но Анна уже не могла не думать об этих словах. Вспоминала, верно, ли у Бранова были глаза полуоткрыты или все наговаривают суеверные холопы. Но так и не могла вернуться в тот день, когда прощалась с ним в церкви. Только общие черты какие-то вспоминались: треск свечей, запах ладана, размерный голос отца Иоанна и ладони, сложенные на груди, такие белые на фоне ярко-красного ментика.

А спустя несколько дней вдруг увидела Бранова во сне. Тот казался живым и что-то рассказывал ей, ведя по саду, словно и не было этой войны, и не было французов окрест. Словно все были рядом: и Петр, прохаживающийся по аллее вдаль под руку с Полин, и Павлишин, что-то декламирующий кружку дам, сидевших полукругом в тени тента, натянутого над их креслами. И Андрей, идущий к ним с Брановым из парка, которому гусар передал ее ладонь, напоследок коснувшись их губами и прошептал еле слышно: «Вынужден оставить вас...»

Она проснулась тогда среди ночи с бешено колотящимся сердцем в груди, перепуганная, едва соображающая, где находится. Сама бы не смогла объяснить, что именно ее напугало в этом сне, но чувствовала, как бьется в груди страх, словно птица в клетке. Оттого и решила ехать на следующий день в село вместе с отцом — тот ехал к отцу Иоанну обсудить вопросы десятины, которую каждую осень отдавал священнику. Захотела зайти в храм (пономарь, горбатый Алексей, открыл бы только для нее церковь), поставить свечи перед образами, помолиться на коленях перед распятием святым.

Странно, но коляску вдруг решил сопроводить до села верхом и Лозинский, утверждая, что довольно окреп, чтобы попробовать выехать в седле. Михаил Львович нахмурился, явно недовольный этим неожиданно вызвавшимся в сопровождающие поляком. Он косо посматривал на того почти все время пути, постукивая тонкой тросточкой по голенищу сапога. Глубокие складки на лбу ясно свидетельствовали о том, что он был огорчен. И не только поляком, что красовался ныне перед Анной, с трудом управляясь с поводьями, которые был вынужден держать одной рукой. Он был раздосадован и интересом дочери, которая выглядывала на улана из коляски, оглядывалась на него, если тот отставал, пропуская коляску вперед.

— Не даешь ли ему, часом, душа моя, надежд каких? — вдруг открыто спросил Михаил Львович, вспомнив о предложении улана. — Не должно то вовсе, когда другому слово дала. Вот заберешь свое слово назад, тогда и смотри такими взглядами. А ныне ж....!

Но смолк, заметив, как обиженно взглянула на него дочь, как вспыхнула и покачала головой, отрицая его слова.

— Вы ошибаетесь, папенька, — только и сказала Анна. — Если со стороны и кажется, что я даю надежды господину капитану, то заверяю вас, без умысла с моей стороны. Не имела и имею подобного намерения.

— Надеюсь на то, — пробурчал Михаил Львович, бросая на улана в который раз недовольный взгляд. Убрался бы тот куда-нибудь поскорее! Шепелев и за его здравие просил Богородицу в каждой молитве, что творил, надеясь, что улан, восстановив силы, наконец-то уедет из Милорадово. Да, поляк спас в ту ночь и его самого, и его домашних от той кары, что неминуемо бы пала на их головы, коли французы прознали о его помощи и расположении к тем, кто трепет отряды неприятеля набегами из лесов. Но быть обязанным этому человеку, без зазрения совести предавшего сперва императора Александра, а после и Наполеона...?! Клятвопреступнику? Нет, Михаил Львович определенно того не желал!

Лозинский, будто почувствовав его недовольство, вдруг оставил их — свернул при подъезде к селу, заявив, что желает прокатиться по лесной дороге, и Шепелев вздохнул с облегчением. Кроме десятины, он намеревался обсудить с отцом Иоанном расположение потайных ям, в которых прятали от французов и овес, и хлеба, и даже сено умудрились сохранить. Часть содержимого из этих тайников Михаил Львович хотел отдать тем, кто сражается против неприятеля малой войной — фуража не хватало порой и им. Через отца Иоанна можно был передать вести о месторасположении ям по назначению с помощью крестьян, что оставили село в конце лета, примыкая к созданному Шепелевым отряду. Изредка, но те выходили из лесов к своим семьям, оттого и донести до главы отряда его записку о фураже могли без особого труда. Лозинскому при том разговоре, что планировал Михаил Львович нынче иметь с отцом Иоанном лучше бы быть подальше...

В церковном дворе отец и дочь разделились: Шепелев пошел к дому отца Иоанна, а Анна прошла под своды храма, двери которого для нее распахнул пономарь, кланяясь.

— Доброго здравия барышне и домашним всем ее, — и Анна сунула в его руку копейку в ответ на пожелания горбатого Алексия. Ей всегда было жаль его — врожденное уродство не позволило ему стать полноценным работником. В крестьянской семье за это принижало обычно, но Михаил Львович не оставил несчастного на волю судьбы, позволил тому и свой вклад приносить, несмотря на ущербность тела — едва минуло Алексею десять, как его определили работать в храме. Сперва просто прислужником, а ныне вот и пономарем...

Анна услышала первые выстрелы, стоя на коленях перед святым распятием. Сначала не разобралась, что это за звуки такие — частые, едва слышные через толщину стен храма. Только потом поняла, что слышит залпы из ружей, быстро поднялась на ноги, спешно завершив молитву. Но из храма не вышла — у самых дверей ее остановил Алексей, толкнул с удивительной для юнца силой за створку двери, спрятав ее от взглядов французов, что уже въезжали во двор церкви. Анна в щель увидела, как к ним торопятся отец и иерей, недовольные подобным осквернением святого места.

— Что вам угодно, сударь? — обратился к командиру отряда, подъехавшему вплотную к нему, Шепелев, уворачиваясь от лошади, которую направили на него, желая сбить с ног. Из села доносились выстрелы и редкие крики, улюлюканье французов, крик скота и птицы. Теперь и до них дошли фуражиры с подкреплением в виде отряда шевележеров, теперь и Милорадово досталась участь многих сел и деревень в округе, с легким испугом за судьбы домашних подумал Михаил Львович, в отчаянье прикусывая губу от собственного бессилия.

— Мне угодно взглянуть в ваши лживые глаза, — ответил ему лейтенант Лажье, снова направляя в его сторону лошадь, заставляя отступить на пару шагов назад. — И, возможно, отрезать ваш лживый язык, сударь!

— По какому праву вы позволяете себе говорить со мной в подобном тоне? — холодно спросил в ответ на это Михаил Львович, стараясь не показать этому наглому улану ни единого чувства из тех, что металась в его душе ныне. И не смотреть в темноту церкви через распахнутые двери, кляня себя за то, что взял Анну с собой.

— Полагаю, что по праву победителя, — Лажье снова толкнул Шепелева лошадью. — И по праву обманутого вами.

По знаку лейтенанта к ногам Михаила Львовича два улана подтащили за руки женщину без платья, только в сорочке и корсете, дрожащую от холода и страха, бросили наземь, прямо в октябрьскую холодную грязь. Отец Иоанн бросился к несчастной, склонился над ней, и та прижалась к нему, целуя его руки, прося о прощении вполголоса.

— Ваша, полагаю? — изогнул бровь Лажье, указывая на женщину. — Из ваших людей. Вы отменно выучили ее нашему языку, мое почтение вам за то. Она-то и рассказала и об отряде, который вы снарядили против Великой армии, и о продовольствии, которое отдаете им. Вы — изменник, сударь! А с изменниками, как вы знаете, разговор короток!

— Простите меня, барин, — метнулась к Шепелеву женщина, некогда одна из ведущих актрис его театра, сбежавшая при наступлении французов из усадьбы, а ныне просто несчастная, брошенная на произвол судьбы тем, кому доверила не только свое сердце и тело. Она думала заслужить расположение офицера, доказать свою любовь ему, а он предал ее, привез сюда, стремясь совершить свою личную месть и выслужиться перед начальством.

— Простите меня, — целовала она руки своему хозяину, побелевшему лицом при словах француза и тех криках, что доносились из села. Не успели уйти в леса, не скрылись от сабель и пуль французских женщины и дети...

— Обыскать их! — отдал короткий приказ Лажье, и те самые два улана тут же принялись за его выполнение, несмотря на сопротивление священника и Шепелева. Анна зажала ладонью рот, когда заметила, как ударили отца Иоанна рукоятью сабли, чтобы унять его сопротивление, сорвали с него серебряное распятие. Крепостная актриса, пользуясь суматохой, отползла в сторону, чтобы после скрыться от французов в храме, пробежала мимо пономаря и Анны, не обратив на них внимания, и бросилась с размаху на колени перед Святым Крестом.

— Что здесь происходит? — раздался громкий голос, и Анна едва не упала от облегчения, нахлынувшего на нее при этих словах. Лозинский! Он непременно поможет, как сделал это более седмицы назад. О, только бы он помог! Анна с такой силой сжала руки, что даже костяшки побелели от напряжения.

— Что за бойня творится в селе? Вы потеряли разум, господин лейтенант? На какое расположение населения вы надеетесь после? — Лозинский знал о правилах схизмы, потому оставил коня за оградой, подошел пешком, встал на равном расстоянии от француза и от Шепелева, напрасно ловившего взгляд его ныне, стараясь умолить глазами на защиту той, что пряталась ныне в церкви.

— А, господин капитан! — спешил и Лажье, встал подле Лозинского, разворачивая бумагу, что нашли у священника. — Нет нужды в его расположении более. Ибо изменников не терпят за своей спиной! Вот поглядите, сделайте милость, что творилось в этих землях. И, позволю себе заметить, прямо у вас перед глазами! Черт меня побери, если это не тайники! — а потом вдруг замер, глядя на одну из строчек письма с начертанным в нем планом расположения хлебных ям, полез в седельную суму и развернул иную бумагу, уже перепачканную и изрядно помятую. — Я так и знал! Так и знал! Каналья! Он был у меня в руках! В руках! Денис Давыдофф! Смотрите, капитан, смотрите... вот оно очередное свидетельство измены! И откровенной лжи, позволю себе заметить, сударь, — почти прошипел в конце своей речи француз, разъяренный той неудачной охотой на знаменитого предводителя одного из отрядов, что орудовали в тылу французской армии. За его голову была назначена неслыханная награда золотом, и она была почти у него, Анри-Марии Лажье, в руках тогда!

То, что случилось потом, для Анны промелькнуло в один миг. Вот улан вдруг достает саблю из ножен на поясе, лезвие которой так красиво блеснуло в редком луче осеннего солнца. Вот он делает замах, а ее отец как-то странно поднимает голову, обжигая француза презрительным взглядом. Руку француза перехватывает правой по привычке, раненой

рукой Лозинский, морщась от боли, тут же ударившей в плечо, но не удерживает ее, и сабля опускается на грудь и плечо Шепелева. И Михаил Львович падает в грязь, даже возгласа не издав.

Анна даже не поняла, как оказалась там, на церковном дворе. Только-только стояла за створкой двери, и вот уже ее держит, обхватив за талию, Лозинский, оттаскивая от Лажье, что-то кричащего в лицо ей, воющей в голос, выставившей в его сторону руки со скрюченными пальцами, будто когти птицы.

— Я убью вас! Я клянусь! Убью! — громко рычал почти ей в ухо Влодзимир, пытаюсь отгородить Анну, спрятать за спину от наступающего на них француза, сломить ее сопротивление, унять ее невиданную для женщины силу. Закричал тонким голосом Алексей, бросившийся следом за Анной на лейтенанта, и смолк тут же, упав наземь, когда острая сабля рубанула его по голове.

А потом и вовсе все смешалось для Анны — звуки, видения перед глазами. Громко звучали выстрелы карабинов, крики и женский визг, тонкий пороховой дымок наполнил двор церкви. Люди в мундирах и крестьянских армяках отчаянно бились в этой туманной пелене саблями, прикладами ружей, серпами и вилами, а то и просто рогатинами. И их было столько, что у Анны даже замелькало все перед глазами, закружилась голова. А Лозинский все тащил ее, кричащую, в сторону церкви, желая укрыться там, в ее темноте, от того побоища, что творилось в тот момент на храмовом дворе. И только распростертое тело на земле, которое, как мог, укрывал своей спиной отец Иоанн, словно крылами накрыв его руками рясы, видела ныне Анна, только его...

Оттого и вырвалась из рук Лозинского тут же, как смогла выровнять дыхание, как смогла унять тот вой, что рвал ныне душу с силой, давил на ребра. Тот не удержал ее, пошатнулся, выпустил из рук, и она выбежала из притвора во двор под его отчаянный крик.

— Аннеля! Аннеля! — звал Влодзимир, но она даже не обернулась, легко перескочила через ступени церкви, с размаху бросилась на колени подле отца, чувствуя холод в душе при виде того, каким белым было его лицо с закрытыми, словно у мертвеца, глазами. Она не обращала внимания на то, что происходило вокруг после боя, так же неожиданно завершившегося, как и начавшегося: ни на крестьян, добывающих раненых французов, ни на женщин, склоняющихся над теми, кому нужна была помощь. Только лицо отца видела, только его руку сжала с силой, борясь с истерикой.

— Он дышит, Анна Михайловна, — подле отца опустился на колени тот самый знакомый ей уже бородатый мужчина в овчинном тулупе, которого она видела в ту ночь в вестибюле дома. Прощупал пульс на шее и стал распахивать, отрывая пуговицы, сюртук и жилет Шепелева, желая взглянуть на рану. При этом он коротко отдавал приказы человеку, явно его помощнику, который стоял позади него. — Тела убрать из села и закопать, чтобы и следа не было. Кровь забросать песком и листьями. Раненых уносим с собой. Оставлять нельзя, сюда приедут проверять, куда делся отряд. Пленных не брать. Увы, нет сией возможности... «Белую рубаху» им [\[361\]](#). Только подальше отсель, не у церкви. И тела тоже... как и другие. Пошлите человека Шепелевых за доктором. Анна Михайловна, qu'avez-vous? [\[362\]](#) Вы слышите меня? — и, получив ее растерянный кивок, пожал ей руку, сжимающую ладонь отца. — Вот увидите, Михаил Львович скоро встанет на ноги. Рана неглубока вовсе, что странно. Будто только задели мимоходом...

И Анна вдруг ясно увидела снова ту картину, как бьет француз, а Лозинский пытается перехватить удар. Оглянулась на церковь и заметила, как его выводят из храма —

растрепанного, потерявшего где-то перевязь и придерживающего ладонью раненую руку. Они на миг встретились глазами, и Анну вдруг словно ледяной водой окатили, когда она заметила, как он смотрит на нее. Прощание, грусть и странная теплота... Лозинского толкнули в спину, мол, пошевеливайся, и он, улыбнувшись ей уголками губ, отвернулся, зашагал к воротам церковного двора в сопровождении своего конвоира.

— *Où va-t-il?* [363] — Анна коснулась руки своего собеседника, уже запахивающего полы сюртука на груди ее отца, подложив полотно на кровоточащую рану. Он поднял голову и взглянул на поляка, а потом пожал плечами безразлично, поднялся на ноги.

— Полагаю, к окраине села. Не волнуйтесь, Анна Михайловна, вам боле не будет досаждать неприятель. В усадьбе есть еще люди чужие?

— Его убьют? — прошептала Анна, и сердце сжалось от этого шепота.

— Как и любого другого неприятеля, — медленно ответил ей предводитель отряда. — Мы не можем позволить себе ныне взять пленных. Так будет лучше всего.

Он уже отходил к воротам церковной ограды, когда Анна вдруг окликнула его:

— *Attendez! Je vous prie, attendez!* [364] — а потом заговорила громко и быстро, будто боялась передумать, боялась остановиться. — Вы человек благородной души и достоинства, я вижу это ясно. Потому от души надеюсь на понимание... умоляю... прошу... не его... не его! Он... он...

А потом вдруг разрыдалась, прижимая ладонь ко рту, не отводя глаз от того, от кого зависела судьба Лозинского. Так и не сказала, что улан когда-то спас ее и ее отца, причем не единожды, как выяснилось ныне. Замерли растерянно крестьяне и те, кто пришел с отрядом на двор, как-то криво улыбнулся предводитель отряда, ощущая странную тоску в душе при виде ее горя, при виде ее слез и отчаянья. Все мы люди, сказал он себе мысленно. Все ходим под Богом, и только в Его власти соединять несоединимое по людским канонам. Знать, такова у Него воля!

— *J'entends!* [365] — бросил он, задумчиво погладив бороду, к которой так и не сумел привыкнуть за это время. Военный в нем просил выполнения приказа, а душа шепнула, что не стоит разбивать сердце этой рыдающей прелестнице с дивными глазами. — Склоняю голову перед силой любви..., — прошептал он и вышел за ворота, кивнув на прощание барышне Шепелевой, размышляя о превратностях судьбы. Еще не зная, что его роль в этой истории далеко не закончена.

А Михаила Львовича быстро перевезли на телеге в усадебный дом, где тут же отнесли в покои. Он приходил в сознание всего пару разза это время, искал руку дочери, сидевшей возле него на соломе, сжимающей его ладонь успокаивающе.

— *Annette... pardonne-moi, ma chere... ma fillette, pardonne-moi* [366], — шептал он еле слышно, и она склонялась над ним тут же, гладила его лоб и волосы, целовала пальцы. На Владимира, идущего медленно за телегой, она даже ни разу не подняла взгляда, как тот ни пытался поймать его. Ушла сразу же в спальню отца, где его спешно осматривала мадам Элиза, промывая рану, а потом и доктор Мантель, приехавший под сумерки, получив вести из Милорадово. Тот зашил неглубокий порез, соединяя края раны, приказал дать раненому несколько капель лауданума для покойного сна и обезболивания.

— Рана неопасна для жизни, — проговорил он после домашним, что толпились в соседней к спальне комнате покоев Михаила Львовича. — Промывайте ее почаще да повязки меняйте. Постель. Легкая пища. Никаких тревог, — а потом добавил тихо. — У него слабос

сердце... опасна не рана, опасна эта слабость...

А потом отвел в сторону провожающую его до входных дверей в вестибюле Анну, растерянную, бледную от тревоги и страха за здоровье отца, прошептал ей тихо, оглядевшись по сторонам:

— Отчего вы спасли его, gnädiges Fräulein ^[367]? Ненадобно было оставлять тех, кто видел, кто может открыть правду французам. Те скоры на расправу, и коли не поверят, что отряд тот пропал по дороге к Милорадово... Да и слух уже, словно Fliege ^[368]... полетит по домам, не удержишь. К чему вам то, gnädiges Fräulein?

Но Анна только промолчала в ответ, и доктор, поцеловав ее холодную руку на прощание, уехал прочь, не остался на ночь в усадьбе, притихшей, словно в скорби по покойнику замершей. Анна же прошла к себе, переменяла платье, в котором днем выехала из дома, приказала Глаше сжечь его, чтобы не видеть засохших пятен крови на подоле и корсаже. Словно память об этом дне уничтожить... стереть тот страх, что сидел в душе с той самой минуты, как увидела падающего наземь отца. Долго сидела после перед зеркалом, то заплетая, то расплетая косу, в которую скрутила ее волосы Глаша перед тем, как уйти спать в будуар. Смотрела на отражение в скудном свете свечи, старясь не думать о том, что случилось днем, не вспоминать.

— Где ты? — прошептала Анна зеркалу, пытаясь разглядеть в тенях, наполнивших углы комнаты, широкоплечую фигуру, обтянутую светлым мундиром. — Где ты? Ты мне так нужен...

Долго плакала беззвучно, положив голову на сомкнутые ладони на столике, не обращая внимания на тихие шепотки в будуаре и стук в двери ее покоев. Она приказала горничной всех отправлять прочь, даже Полин, не желая никого видеть.

О Господи, как же Анне хотелось, чтобы время повернулось вспять! Вернуться снова в те дни, когда не было ни тревог, ни забот, ни страхов. Единственное беспокойство было по поводу выбора платья и аксессуаров на вечер и только. Беззаботность, легкость бытия... защищенность от тревог и напастей... Самые худшие дни в ее жизни ныне!

Анна тихо шла по темным комнатам, обходя чернеющие силуэты мебели, не чувствуя холода, медленно пробирающегося через тонкую ткань и вызывающую легкий озноб в теле. Даже кашемировая шаль, наброшенная на плечи, не спасала от сквозняка и прохлады осенней ночи, наполнившей плохо отопленный дом. Потом Анна спустилась медленно по лестнице, едва касаясь пальцами холодного мрамора перил, прошла через темный вестибюль, испугавшись в первый миг храпа швейцара, что доносился из каморки под лестницей, направилась через анфиладу комнат к оранжерее. Вдохнуть снова аромат тех цветов, коснуться пальцами их дивных лепестков...

А затем замерла на месте, когда вдруг заметила, что одна из комнат освещена скудным светом от догорающих поленьев в камине, увидела Лозинского в рубахе и небрежно наброшенном на плечи мундире, что сидел в кресле перед огнем, опустив голову в ладони. Он будто почувствовал ее присутствие — вдруг поднял голову и взглянул прямо на нее, стоящую посередине комнаты. Белый силуэт сорочки, толстая коса через плечо, широко распахнутые глаза. Дивное видение, шагнувшее сюда прямиком из его мыслей.

Анна не отступила, когда он поднялся с кресла, уронив с плеч мундир, и шагнул к ней. Только смотрела на него, подняв голову, заглядывая в его глаза, казавшиеся черными в скудном свете камина. «Бойся черного ока», говорила Пантелеевна постоянно, «худой глаз только худо и несет!». Вспомнились вдруг Анне эти слова, когда она встретила взгляд

Влодзимира.

— Аннеля, — прошептал он, а потом что-то заговорил на польском языке, обхватив ладонями ее лицо, глядя в ее широко распахнутые глаза. — Аннеля...

В его присутствии, от ощущения силы, что шло от него, страх вдруг исчез, сменяясь каким-то неясным беспокойством и предчувствием чего-то неотвратимого. Она нахмурилась, и он вдруг коснулся губами этих тонких полосок, пересекших ее лоб. А потом стал целовать ее лицо — лоб, нос, щеки — тихо приговаривая при том:

— Аннеля... m'amour... Ты спасла меня... разве не чудо? Разве не знак это, m'amour? vous aimez ... vous aimez ... vous aimez moi... [369]

Анна же стояла, не шевелясь, даже дышать, казалось, перестала. Неужто она не любит более Андрея, подумала и ужаснулась этой мысли. Сдавило тут же в горле при ней. Но ведь прикосновения Влодзимира совсем ей не противны, как когда-то вызвали отвращение и отторжение мимолетные ласки Караташева. Ушли страхи и тревоги, что мучили ее остаток дня, отступили прочь за пределы этой комнаты, уступая силе мужчине, который привлек ее к себе, гладил ее волосы, ее косу, ее плечи, не в силах отвести глаз от ее лица.

— Ты послана мне свыше, Аннеля, — шептал он, медленно проводя кончиками пальцев по ее лицу, повторяя его черты. — Ты дар небес для меня. Ты само воплощение страсти. Ты — сила, ты — огонь, что пожирает без остатка, без пощады. Стань моей, Аннеля... Позволь увезти тебя в Бельцы моей пани... Только моей... Моей!

И она сама качнулась вдруг к нему, обхватила его стан, обтянутый рубахой, прижалась всем телом, позволяя коснуться губами своих губ. Только сердце подскажет, решила она, только сердце...

Его губы были такими теплыми, слегка шершавыми от ветра, что бил этим утром ему прямо в лицо на конной прогулке. Тихо треснуло полено в камине, догорая. Тиканье часов в соседней комнате на каминной полке. Завывание ветра за стеклом окна.

Время не замедлило свое течение. Мир не заиграл иными красками, не наполнил душу тем восторгом, который она познала когда-то в иных объятиях, в других руках...

— Я не люблю вас, — прошептала Анна тихо, когда Лозинский прервал на миг поцелуй. Теперь она знала это без всяких сомнений. Она не любила его, как ни обманывалась она обстоятельствами, чужими словами, трепетом тела, биением крови в жилах в его присутствии.

Но Влодзимир не услышал ее. Или сделал вид, что не услышал. Снова завладел ее губами, делая поцелуй еще глубже, выплескивая в поцелуе весь тот жар, что терзал ныне его тело. Обхватил ее крепче, прижимая к себе здоровой рукой, отрывая от пола под ее возмущенный вскрик, подавленный его губами. Шагнул назад, к козетке, уложил Анну на нее, прижимая весом своего тела, не давая даже шевельнуться. Ни она, ни он не заметили черной фигуры, что быстро развернулась и вышла прочь из соседней комнаты, едва они скрылись из видимости.

— Прошу вас... не надо..., - прошептала она, когда его губы скользнули от ее рта вниз по шее к вырезу сорочки, в котором белела при свете огня камина нежная кожа. Уперлась ладонями в его плечи, стараясь все же не повредить его рану, отстраняла от себя с усилием. — Не надо...

Но Влодзимир целовал и целовал ее — шею, плечи, грудь, чуть прикрытую тонким полотном сорочки, шептал подчиниться ему, не сопротивляться его напору, отдаться его страсти. И принять его любовь, о которой вдруг заговорил, заглянув ей в глаза.

— Я прежде не ощущал такой потребности ... словно глаза открылись ныне, — говорил он тихо, глядя ее волосы, ее лицо, по-прежнему придавливая своим телом в узкую козетку. — Такой жажды в ответном чувстве, в касаниях и поцелуях. Ты для меня вода в колодце в полуденный зной. Ты солнце для меня... Я снова ощутил тот страх, как и в ту ночь. Потерять тебя... Мыслимо ли? И как жить после? Не отпускать тебя из рук своих. Никогда. Всю жизнь быть подле...

— Finissez! laissez-moi, finissez... s'il vous plaît [\[370\]](#), — уже резко сказала Анна, уже готовая ударить его, как ударила когда-то в парке. А потом вдруг расплакалась, ненавидя себя за эти слезы. И вмиг обезоруживая его, подавляя его волю ими. Владзимир резко отстранился от нее, поднялся с козетки и прошелся по комнате от камина к окнам и обратно, вцепившись ладонью в растрепанные волосы.

— После того, что случилось ныне днем, сюда непременно придут с проверкой, вы понимаете это? — глухо проговорил он, задержавшись на миг у окна, вглядываясь в темноту за стеклом. На самом деле, он смотрел на нее, поправляющую сорочку, соскользнувшую с плеча, кутающуюся в шаль. Заметил, как она взглянула на него, замерла на месте, сжимая ладони.

— Сюда придут с проверкой, куда делся целый отряд фуражиров и шевележеров, — повторил Лозинский, любуясь ее красотой в отражении на стекла, ее стройной фигуркой, которая совсем недавно была в его руках. Ему казалось тогда, он держит в ладонях весь мир, пока она не сказала ту злополучную фразу. — И только я могу заверить их в том, что те так и не прибыли сюда, а пропали по пути от Гжатска. Только я. Comprenez-vous? [\[371\]](#) Те, кто твердили вам, что вы зря оставили мне жизнь — уверен, такие нашлись! — были правы. Вам следовало позволить тем лесным расстрелять меня...

— Господь велел нам явить милосердие, — коротко и тихо ответила Анна, пряча ступни под подолом сорочки, стараясь не выдать своей тревоги, что вспыхнула в душе при его словах. Она не хотела думать о нем по-иному, чем до этой минуты.

— Милосердие! — фыркнул Лозинский и на миг закрыл глаза, стараясь отогнать от себя те чувства, что жгли огнем его душу. Желание покорить ее, заставить полюбить себя, как она любила эту бесплотную тень. И ненависть к тому, кто забрал ее сердце...

— Только от меня зависят судьбы тех, кто живет в этих землях, comprenez-vous? — снова сказал он, ненавидя и ее отчего-то в этот момент, наслаждаясь ее испуганным взглядом, пусть она и позволила только на миг показать свои эмоции.

— Qu'entendez-vous par là? [\[372\]](#) — бросила Анна холодно ему в спину, выпрямляясь на козетке гордо, и он оглянулся на нее от окна, смело встретил ее взгляд. О, как же она будоражила его кровь — сильная духом, неприступная, гордая, когда надо было бы молить о пощаде и... милосердии! Они долго смотрели в глаза друг другу через всю комнату, а потом он медленно проговорил:

— Ступайте в свои комнаты, пока кто-то не хватился вас... пока не увидели, — а потом, когда она уже была в дверях, снова заговорил, заставляя ее замереть на пороге. — Я не смирюсь, Аннеля, слышишь? Ты все едино уедешь со мной. Моей! Рано или поздно. Ainsi soit-il! [\[373\]](#)

Анна открыла рот, чтобы ответить, да так и замерла на месте, расслышав какой-то звук, донесшийся со стороны передней. Владзимир тут же бросился к окну, распознав стук во входную дверь, выглянул на подъезд, скрываясь за занавесью.

— Это не французы, — коротко сказал он испуганной Анне. — И не лесные обитатели. Телега. Ее возница, видно, в двери стучит...

И Анна вдруг вспомнила, как возвращались в Милорадово в конце лета, как встретили на дороге одинокую телегу, везущую раненого. Кровь на бинте под цвет ментика. Белая кожа рук и лица. Отчего стучат к ним? Кого привезла на этот раз к ним на двор телега?

И она побежала со всех ног к передней, чувствуя, как колотится сердце в груди, как медленно слабеют колени при мысли о том, кого она увидит среди намокшего от морозящего дождя сена. А потом вдруг подумала, а вдруг это Андрей, и с трудом сдержала крик, и радуясь тому, что возможно увидит его спустя столько дней разлуки, и пугаясь, что он может быть смертельно ранен. Как Бранов тогда...

Заспанный швейцар вглядывался в лицо, прильнувшее к стеклу с той стороны, пытаясь понять, кого принесла нелегкая в эту непогоду да такой поздний час. Анна толкнула его к двери от окна, распознав в этом белом пятне лицо денщика брата. Петр. Не Андрей. Она замерла только на миг, а потом выбежала прямо под дождь к телеге, что стояла у подъезда, не обращая внимания на морось дождя, на то, что домашние туфли промокли вмиг, на то, что потеряла еще в передней шаль.

— Петруша! Петруша! — со всхлипом протянула руки через борта телеги к приподнявшемуся в ней брату. Тот тут же привлек к себе ее, обнял крепко, слегка приподняв с земли, обжигая жесткой щетиной нежную кожу лица, стал целовать, отвечая на ее поцелуи.

— Господи, Петруша! Хвала Богородице! — Анна никак не могла наглядеться на брата, гладила его плечи, хватала и отпускала его ладони. — Ты вернулся! Ты живой! Хвала Богородице!

— Надобно бы в дом, — проговорил брат хрипло, и она нахмурилась — не хворает ли? Но нет — ладони и лоб были холодные, горячки не было. — Застудишься, Анечка...

— Пойдем, — потянула она его за руку за собой, отступая в сторону дома, и он вдруг вырвал свою руку из ее ладони, заставляя замереть удивленно на месте. Лешка, денщик брата, тронул ее за плечо.

— Позвольте, Анна Михайловна, подсобить барину, — с этими словами он откинул попону, что укрывала Петра от дождя, помог тому развернуться, чтобы слезть с телеги. Анна смотрела на брата, который так же не отрывал взгляда от ее лица. В свете фонаря, что зажег швейцар, суесящийся вокруг них, она видела, как брат поджал губы, как бело его лицо от напряжения и... ожидания? А потом перевела взгляд ниже на борт телеги, через который тот перекинул ноги. Вернее, одну ногу — правая половина его панталон была завязана узлом в месте колена, висела безвольно.

Анна тут же задохнулась от волны слез и потрясения, поднявшейся откуда-то из груди, оставившей ослепляющую боль по своему следу. Ударил вмиг озноб от осознания. Протянула в его сторону руки, желая обнять, утешить, прижать к себе, как он прижимал ее в детстве, когда она жаловалась ему на что-то.

Но Петр успел заметить в ее глазах жалость, прежде чем она укрыла ее за веками, прикрыв на миг глаза, оттолкнул ее руки грубо.

— Оставь меня ныне! Я устал! — сказал он резко, цепляясь за денщика, который с трудом удержал его, помог встать на единственную ногу, подал костыли из телеги. Так поковылял к дому мимо сестры, замершей под дождем, что уже не стала скрывать своих слез, разрыдалась в голос.

— Вы простите барина, — прошептал Лешка, прежде чем уйти в дом за Петром, помочь

тому преодолеть ступени крыльца. — Худо ему ныне совсем...

— Тише, тише, Аннеля, — на ее плечи набросили шаль, потерянную в вестибюле, укрывая ее тело от осеннего холода и дождливой мороси. Крепкие руки обхватили ее, обняли, и она прижалась к мужскому телу на миг, желая хоть как-то унять эту боль, разделить ее с кем-то, чтобы эта ноша не придавила ее к земле, не раздавила ее своей невероятной тяжестью.

Где ты, думала Анна, поднимая лицо к небу, затянутому чернотой туч. Где ты? Ты мне так нужен, мне так плохо без тебя! Вернись, как обещал когда-то в парке. Только вернись! Ибо мне без тебя...

Анна все же сумела взять себя в руки, едва услышала громкий раздраженный голос Петра, доносящийся из вестибюля. Скинула ладони Лозинского со своих плеч, ушла в дом, кутаясь от промозглого холода октября в шаль. Когда ступила в переднюю, Петр уже молчал, устало опустив лицо в ладони. Он сидел на нижних ступенях лестницы, уронив костыли к ногам. Рядом на корточках примостился его денщик и что-то тихо говорил тому. Бледный швейцар топтался с ногу на ногу чуть поодаль. Он же и шепнул Анне, что барин едва не упал, ступив на мраморный пол передней, и только вмешательство Лешки уберегло его от подобного конфуза.

— Ступай, разбуди лакеев, что есть в людской ныне, — проговорила тихо Анна, но Петр все же услышал ее и резким «Нет!» остановил слугу.

— Нет, — повторил брат, поднимая взгляд на Анну. — Я не желаю, чтобы...

Он смолк, прикусив губу, стал подниматься, отталкивая от себя руки денщика, словно желая доказать, что он достаточно силен, чтобы самому идти вверх по лестнице. Но на первых же ступенях опасно пошатнулся под испуганный вскрик Анны, бросил с размаху костыль, едва не задев при том денщика, следующего по пятам.

— Петр, пожалуйста, — взмолилась Анна, поднимаясь по ступеням к брату. — Не надобно идти в твои покои. К чему? — и поспешила добавить, заметив его свирепый взгляд. — Там ведь не топлено, холодно. Устройся пока внизу. Там аккуратно топили нынче днем. Лешка устроит тебе постель. Прощу тебя...

Она уже заготовила дополнительные аргументы в пользу того, чтобы он остался внизу, уже открыла рот, чтобы их высказать, как вдруг Петр коротко кивнул, склонив голову. Анна отступила в сторону, давая ему возможность спуститься вниз по ступеням.

— Принеси одеял и подушку, — проговорила Анна Лешке. — И дров пусть принесут поболее. Догорает огонь уже. Я пошлю, чтобы разбудили Татьяну, повариху, пусть соберет вам ужин холодный.

— Я не голоден, — отрезал Петр. — Пусть спит далее.

— Тогда только постель, — тихо кивнула Лешке Анна. — Ступай, я сама провожу Петра Михайловича.

Тихий стук по паркету костылей какой-то странной тревогой отдавался в душе Анны, пока она шла впереди брата, указывая ему путь в ту самую комнату, где недавно еще лежала на козетке в объятиях Лозинского. При воспоминании об этом вспыхнула, неожиданно для самой себя краснея под внимательным взглядом брата, удобно устраивающегося в кресле перед огнем в камине, бросающего костыли с таким тягостным ныне для слуха стуком на пол.

— Qui êtes-vous? [\[374\]](#) — вдруг резко спросил Петр, и Анна обернулась, проследив за его взглядом к дверям, на пороге которых замер Лозинский. Она совсем забыла о том, что он рядом.

Влодзимир представился, и Петр скривил губы, словно съел что-то кислое. Анна видела, как он вцепился пальцами в ручки кресла, как нервно двинул ногой.

— Très bien! [\[375\]](#) Надеюсь на ваше понимание, сударь, но попрошу вас покинуть эту комнату. Я бы желал отдохнуть с дороги. Сами понимаете, верно, она была далеко не из легких и приятных, — холодно проговорил он поляку. Лозинский только кивнул в ответ,

поднял с пола под внимательным взглядом Петра свой мундир, лежащий возле кресла. Потом он поклонился коротко в ответ и, так и не поймав взгляд Анны, который искал глазами, вышел вон.

— Très bien! — повторил Петр, глядя куда-то в пол, словно что-то нашел интересное в узоре ковра у козетки. А потом поднял взгляд на сестру и сжал губы недовольно, сделал упреждающий знак, когда она вдруг рванулась к нему, желая обнять. — Прощу тебя, Анна... не надо...

— Отчего? — она встала резко, широко распахнув глаза, блестящие от слез в свете огня в камине. Он долго смотрел на ее заплаканное лицо, на побледневшие губы, но не говорил ни слова. Лишь когда отвернулся к камину, снова скользнув взглядом по рисунку ковра на полу, спросил:

— Отчего ты не спросишь о своем нареченном, ma chère? Отчего не спросишь? Я бы сказал тебе.

— Ты знаешь о нем? — у Анны даже дыхание перехватило от волнения, сдавило в груди в ожидании вестей. Судорожно скомкала край шали, сжала пальцами с силой, подавляя крик. Потому что взгляд Петра, снова обращенный к ней, был угрюм.

— Кавалергарды бились у центральной батареи. Я видел только издали тот бой. Более половины осталась там, на поле, когда трубили «аппеля», — и после секундного молчания, как приговор. — Андрея Павловича не было среди вернувшихся. Мне сказал о том в тот же вечер раненый штаб-ротмистр его полка, когда я лежал в палатке лазарета, ожидая, когда освободится оператор. Без вести сгинувший, ma chère. Без единой вести...

Анна вдруг вспомнила в который раз холод серебра, скользнувшего на ладонь, и тихий плеск, когда кольцо с нефритами и аметистами скрылось в черноте колодца. А потом перед глазами возникло лицо Андрея в тот миг, когда он обернулся к ней от окна, вернувшись в Милорадово этим летом после долгого отсутствия. Его голубые глаза, его лицо, что озарилось таким светом и нежностью при ее появлении в дверях.

— Но это ведь не означает... не означает, что он мертв, — проговорила Анна тихо, и Петр вдруг прикрыл на миг глаза, распознав в ее тихом голосе боль, ударившую стрелой при его словах. Он с трудом поборол желание протянуть руку и привлечь ее к себе, утешить, прошептать в ухо, что все будет непременно хорошо, что ротмистр мог вернуться с поля и после того, как Петр покинул палатку операторов в тот вечер. Но тонкая ленточка из нежно-розового атласа, лежащая на ковре у козетки, снова попала на глаза, замораживая его порыв. Ленточка из ворота ее сорочки, который ныне то и дело сползал ей на плечо. Он видел ясно, что это именно ее ленточка. Ведь точно такая же лента шла в оборке рукавов и по подолу.

— Спроси лучше о том бое у улана, — отрезал Петр, откидываясь на спинку кресла и закрывая глаза. — Ведь и поляки отменно порубили наших кирасиров в той атаке. Кто ведает, не приветила ли ты убийцу своего нареченного в нашем доме? Надо только узнать, где же получил свою рану наш доблестный улан...

Анна вскрикнула, прижимая ко рту конец шали, пошатнулась, словно он ударил ее своими последними словами. А потом развернулась и выбежала вон из комнаты, с трудом сдерживая плач. В темном вестибюле ее перехватил Лозинский — придержал за кисть, не дал убежать вверх по лестнице.

— Аннеля...

— Ваши раны... Вы шли против кирасиров в том бою? — а потом уже громче, видя, что

он опустил глаза, будто прячась от ее пытливого взгляда. — Отвечайте же!

— Да! — резко ответил он ей, зная, что рано или поздно этот момент истины непременно настал бы. Не удержать воды в решете. Так и правда всегда выходит наружу, как ни скрывай ее под покровом недомолвок или обмана. — Да, я бился против кирасиров в том сражении! Да!

И она закричала, ничуть не заботясь, что может потревожить домашних своим криком. От неожиданности он ослабил хватку, и она вырвала руку, бросилась вверх по лестнице и после, по темным коридорам, к себе в покои, натыкаясь на стены, на мебель, ничего не видя из-за слез, которые лились из глаз. Упала перед образами на колени в спальне, но прочитать молитвы так и не смогла. Не понимала, что ей нужно делать ныне: молить ли о спасении и защите Андрея или о прощении просить. За то предательство, что совершила нынче ночью. Ведь губы и кожа горели ныне огнем, напоминая о том. Как она могла забыть, что Лозинский — враг? Как могла забыть, что он мог направить оружие в сражении против ее брата, против Андрея, против просто знакомцев ее, против русского человека, в конце концов? Нет, отныне ей стоит держать как можно дальше от себя поляка, особенно после его слов, что он намерен любой ценой добиться ее расположения. Следовало помнить еще по Москве, как могут быть опасны люди, имеющие намерение дойти до конца в своих стремлениях и желаниях.

Рано поутру, еще до того, как посветлело за окном, Анна пришла в спальню отца, сменяя у его кровати мадам Элизу, вызвавшуюся быть сиделкой при Михаиле Львовиче. Тот уже не спал, лежал в постели и слушал, как та читает ему один из старых выпусков «Петербургских ведомостей».

— Рада видеть вас, папенька, таким бодрым и румяным, — произнесла Анна, опускаясь на колени возле кровати отца, целуя его руку. Правда, она несколько лукавила при этом — Михаил Львович был по-прежнему бледен, как и вчера, губы казались тонкими бесцветными ниточками на его лице, на фоне белого белья подушек. — Давеча вы так напугали нас...

— Давеча, признаться, душа моя, и я сам был напуган не меньше твоего. На кого оставил бы тебя и всех моих дам? — улыбнулся Михаил Львович. А потом резко посерьезнел вмиг, сжал ее ладонь. — Что там с крестьянами, не ведаешь часом? И как там в селе — тихо? Ты бы ко мне старосту бы кликнула, Микулича бы позвала.

— Нет, папенька, — покачала головой Анна. — Не буду пока Микулича звать. Сама все разужнаю, да вам расскажу, что и как есть. Пока на ноги не встанете, господин Мانتель запретил вас визитами беспокоить.

А потом вспомнила, что Петр приехал прошлой ночью. Теперь ему предстояло сменить отца во всех его заботах и тревогах об имении. Да только могла ли она сказать ныне отцу о том возвращении? Вдруг растревожится? Да еще о том несчастье, что постигло брата...

— Душа моя, прошлой ночью, как мне сказали, приехали к нам, — проговорил вдруг Михаил Львович, сжимая снова ее ладонь. — Кто-то из знакомцев? Или... или Петр? Не Петр ли вернулся? Сказали мне, что на Петрушин голос схоже было.

Анна резко обернулась на мадам Элизу, но та только плечами пожала, показывая, что ей ничего неизвестно о том. Не она выходила из спальни Михаила Львовича, не она принесла эти вести, которые и сама бы утаила с превеликим удовольствием. Только смотрела на Анну с каким-то напряжением и тревогой в глазах. И с вопросом — он ли вернулся или показалось тому, кто вести принес.

— Папенька, — Анна погладила по растрепанным волосам отца, поражаясь вдруг

сколько серебряных нитей появилось за последние годы в некогда темно-каштановых прядях. Раньше она и не замечала, что он так постарел. — Папенька, не обманули вас. Петруша приехал...

И Михаил Львович отвернулся к образам в углу, у которых тускло горела лампадка, перекрестился дрожащей от слабости рукой, благодаря Господа и Богородицу за возвращение сына живым в эти стены.

— Отчего ко мне не идет? — потом спросил у дочери, и та прикусила губу, раздумывая, что ей следует сказать ныне отцу. — Шибко ли ранен? Смертельно...?

— Нет, папенька, нет! — поспешила она заверить побелевшего Михаила Львовича. — Он в здравии ныне, и ничего его не беспокоит... угрозы нет никакой для жизни его. Правда, он... он..., — она смешалась, не зная, как сказать ему, что Петр лишился ноги. На ее удивление Михаил Львович коротко кивнул ей, подбадривая, снова чуть сильнее прежнего сжимая ладони.

— Увечье, *pas vrai* [\[376\]](#)? — тихо проговорил он, и Анна взглянула на него изумленно, пораженная его догадкой. — *Ma chere*, Петр здоров, по твоим словам. Он не в действующей армии, значит, все же что-то с ним случилось, покамест он был в ее рядах. Остается увечье, что мешало бы занять прежнее место в войсках. Я прав?

И Анна склонилась к руке отца, пряча свои слезы от него, коротко кивнула и прошептала тихо: «*La jambe*» [\[377\]](#). Тихо ахнула за спиной Анны мадам Элиза, зажимая себе рот, чтобы не расплакаться в голос, не показать своего горя и потрясения от услышанной вести. Едва уловимо вздохнул Михаил Львович, стараясь не показать той боли, что острой иглой кольнула в сердце.

— Ну, нога — не голова, — улыбнулся он и погладил дочь по волосам. — Пусть кликнут его ко мне, коли отдохнул с дороги. Скажи, видеть его желаю, обнять.

И Анна побежала из спальни отца вниз, в крыло первого этажа, в ту комнату, где ночью спал Петр, остановилась перед закрытыми створками дверей и тихонько стукнула костяшками пальцев. Двери чуть приоткрылись спустя некоторое время, и в щели показалось лицо Лешки.

— Доброго утра барышне, — проговорил он, чуть кланяясь, насколько позволяла полуоткрытая створка двери.

— Доброе утро, Лешка. Петруша уже пробудился? — спросила Анна. Тихий звук, в котором она распознала по слуху шелест страниц книжных, подсказал ей, что брат не спит уже. — Я бы желала видеть его.

— Прошу покорнейше простить меня, Анна Михайловна, но Петр Михайлович не готов покамест к визитам, — ответил денщик брата, отводя глаза в сторону, словно ему было не по себе, когда он смотрел на разочарованное лицо Анны. Она смирилась с решением брата, как бы ни желала видеть его в тот момент. Только передала просьбу отца, развернулась от дверей, что тут же закрылись, отгораживая от нее брата, пошла через анфиладу, решив вернуться к отцу.

В одной из комнат столкнулась с Полин. Разрумяненная, взволнованная, та спешила туда, откуда только что прогнали Анну, и она задержала ее за рукав платья, остановила, чтобы предупредить, что брат никого не желает видеть. Полин только кивнула в ответ, но свой путь продолжила, извинительно улыбнувшись Анне.

— *Qui est là?* [\[378\]](#) — спросили на этот раз из-за двери голосом Петра, когда Полин тихонько стукнула в закрытые створки. Анна порывалась уйти, не смотреть и не слышать,

боясь, что брат не желает отчего-то видеть именно ее. Но осталась. Чтобы увидеть, как на тихий ответ Полин: «C'est Pauline», створки распахнутся, пропуская ту туда, куда Анне, как оказалось, хода не было.

Она не спустилась к завтраку (позднее выяснилось, что стол напрасно сервировали — все предпочли трапезничать в своих покоях), осталась возле отца, кормя того с ложечки мелко толченной разваренной овсянкой. Для нее было в радость ухаживать за отцом: кормить его, вытирать аккуратно лицо салфеткой, поправлять подушки, чтобы ему было удобно. С того утра она решила, что это будет ее предназначением — стать сиделкой возле раненного отца, невзирая на протесты мадам Элизы. Кроме того, в этом она видела и личную выгоду — не будет отныне возможностей увидеться с Лозинским, которого она твердо решила избегать с этих пор.

— Петруша какие вести привез? — спросил у Анны после завтрака отец, но она только покачала головой, призналась, что не знает, чем вызвала удивленный взгляд отца.

— Мне он сказал только об Андрее Павловиче, — тихо ответила она, стараясь не смотреть на Михаила Львовича в этот момент. Благо передавала поднос с посудой лакею. — Сказал, что не видел его с того сражения близ местечка Бородино. И что он... без вести... на тот вечер...

— Без вести еще не значит, что мертв, — заметил отец, и она улыбнулась ему в ответ, счастливая от этого короткого замечания. Как же было отрадно все-таки, что кто-то подтвердил ее надежды! Словно от этого они тут же стали явью.

Петр пришел к отцу, едва вышел лакей, уносящий поднос в кухню, столкнулся с тем в дверях и, чертыхаясь от того, что чуть не потерял равновесие при этом, прошел в покои, стуча костылями по паркету.

— Mon fils ^[379], - улыбнулся ему Михаил Львович, глядя только в глаза сына, шагнувшему к его постели на костылях. Тот медленно опустился в подставленное сопровождающим его Лешкой кресло возле постели отца, взял его морщинистую ладонь в свои руки и поднес к дрожащим губам.

— Petit père ^[380], - только и сумел проговорить, а потом уткнулся отцу в бок, накрытый покрывалом, цепляясь в простыни, комкая те пальцами, сжимая в кулаки. Михаил Львович тут же положил ладонь на его голову, стал гладить светлые волосы и плечи сына, приговаривая что-то-то тихонько. Все, кто был в спальне барина, предпочли тихонько выскользнуть из его покоев, предоставляя возможность отцу и сыну побыть наедине, сказать друг другу то, что желали бы.

Анна ушла в образную, где долго стояла на коленях перед образами. Нет, не молилась. Отчего-то мысли даже не шли в голову, а слова не слетали с губ. Просто стояла и смотрела на печальные лики, внимательно наблюдающие за ней с образов. Она смотрела на домашний образ Богородицы — глаза в глаза, на дитя в руках той, и впервые пожалела, что не стала женой и матерью до того, как случилась эта страшная война. До того, как ее жизнь так перевернулась с ног на голову.

Каким было бы дитя от Андрея? Анна видела мало младенцев за свои двадцать лет — только крестьянских туго спеленатых или неровно шагающих в просторных рубашонках, когда выезжала на прогулку и миновала поля, на которых работали крестьяне. Удивлялась всегда, насколько те маленькие. А ныне вдруг самой захотелось сидеть как Богородица, прижимая к себе кроху, находя в его личике знакомые черты. Так было бы легче ждать. Так было легче перенести... Нет, думать о том она себе запрещала!

Так и прошло несколько дней. Анна почти не выходила из своих комнат, где либо писала что-то, сидя за «бобиком» у окна, ловя скудный свет осеннего дня, либо читала книги, которые приносила ей Глаша из библиотеки, выбирая те по толщине переплета и цвету обложки. К отцу ходила реже, чем желала бы — там был Петр, а холод между ними уже был виден невооруженным взглядом, по мнению Анны. Расстраивать отца неожиданной размолвкой с братом ей не хотелось.

Особенно явным это охлаждение стало после того, как Петр вернулся из церкви, где по его просьбе служили молебен о здравии всех тех, кто в армии был ныне, о скором избавлении земли губернии от напасти. В тот день в храм в имении Шепелевых съехались почти со всех округи, желая присоединить свои голоса к этим просьбам. Анна же не поехала на эту службу, осталась подле отца, пользуясь редкой возможностью побыть с тем наедине. И следуя своей решимости избегать Лозинского, который не преминул бы сопровождать их коляску в церковь. Кроме того, она знала, что по просьбе Михаила Львовича этот же молебен отслужит отец Иоанн и в образной усадебного дома тем же вечером. К чему было тогда выезжать?

— Вам не стоило оставаться в доме, *ma chere*, — говорила Анне Марья Афанасьевна после. Она зашла к той в покои, прервав одиночество Анны. — Все злые толки и взгляды надобно встречать в лицо, а не слушать их отголоски за спиной. К чему это вынужденное затворничество, Анна? Для чего вы заточили себя в этих стенах? Взгляните-ка, — она чуть подтолкнула Анну к столику с зеркалом. — Взгляните на себя. Вы бледны, осунулись... Ваша краса вянет с каждым днем. Andre не признает вас, когда вернется.

— Вы полагаете...? — тут же вскинула голову Анна, уверенная, что графиня уже наверняка слышала те вести об Оленине, что привез с собой Петр. И та вдруг рассмеялась легко.

— Неужто вы поверили словам о без вести сгинувшем? И это Андрей-то! *Ma chere*, он выжил при сражении в Аустерлице, когда от всего полка осталось только пара десятков человек! Выжил при Прейсиш-Эйлау, как он сам назвал ту битву — самой кровавой жатве, что когда-то собирала смерть! Не замерз в Австрии, когда умирали от холода и болезней те, кто сумел уберечься от пули или ядра. И вы думаете, на родной земле он сгинет?! Нет, не бывать тому!

— В тот день, когда... когда он уезжал, — вдруг решила Анна рассказать о возвращении к ней подаренного ею кольца. — Я отдала ему взамен свое кольцо. Именно. Оно вернулось в Милорадово несколько седмиц назад...

Графиня резко обернулась к Анне, но ничего не сказала. Присела в кресло, подала знак продолжать то, что начала говорить.

— Денщик Лозинского привез его. Сказал, что выиграл его в карты у французского солдата. А тот... тот снял его с убитого кирасира, — Анна с трудом сдержалась, чтобы не всхлипнуть при этом, на миг вспомнив тот страшный сон, что как-то привиделся ей. Поле, покрытое туманом. Тела в разноцветных мундирах на взрытой копытами и ядрами земле. Кровь на светлых волосах и белом мундире.

Графиня некоторое время молчала, глядя набалдашник своей трости задумчиво, а потом потрянула головой, словно отгоняя дурные мысли, легко улыбнулась Анне, протягивая в ее сторону руку. Та тут же опустилась на ковер у ее ног, сжимая ладонь Марьи Афанасьевны, словно вбирая через это прикосновение ту уверенность, с которой графиня заявила:

— *Cela n'est rien!* [\[381\]](#) Поляки — известные плуты. Особенно этот, с хитрющими глазами

и дурными замыслами, что носит в своей голове. Уж я-то вижу это ясно! — снова кивнула она головой, качая кружевными оборками своего чепца. — Кто ведает не солгал ли он о том, лишь сбить вас с толку, *ma chere*? Я не верю... и вы не верьте! Надобно только дожждаться... Вон Петр Михайлович вести привез, что ушел из первопрестольной Буонапарте еще в начале месяца. Знать, вскоре и решится все. Надобно только верить, Анна. Верить в благой исход и молить о нем.

Известие об оставлении Москвы подтвердил и Лозинский, что пришел неожиданно для Анны в ее покои. Она только и успела закрыть дверь спальни на ключ, заслышав, как открылась дверь будуара и тяжелую мужскую поступь по паркету. Никто из лакеев не смел к ней войти без позволения на то, а ответа на этот стук она дать не успела — только набросила капот, поднимаясь с постели. И Петруша... звук был бы иной — тяжелый стук костылей о пол. И она, даже толком не думая, по какому-то наитию скорее, бросилась к двери из будуара и заперла ее, повернув ключ на два оборота.

Такой же резкий, но тихий и осторожный стук в дверь. А после дернулась ручка, словно тот, кто был с другой стороны, планировал так же ступить и в ее спальню. Нагло. Без позволения. Пользуясь явно тем, что ее близкие не столь сильны ныне для отпора. Явно зная, что Глаша ушла в «черную» кухню на ужин, оставив барышню одну в покоях. Пантелеевна же, мучаясь болями в спине, уже несколько дней не приходила, пережидая приступ хвори, приходящей к ней с холодами.

Анна растерянно огляделась, размышляя, как ей следует поступить ныне. Колокольчик для прислуги остался на столе в будуаре. Число лакеев в доме резко сократилось в сравнении с довоенным временем, на втором этаже у покоев почти не дежурили, значит, кричать бесполезно. И окон не открыть, чтобы крикнуть дворовым или докричаться до швейцара в передней — рамы заколочены крепко как обычно на зиму.

И снова стук в дверь. На этот раз еще тише, чем прежде. И оклик из-за створок, подтверждающий подозрения Анны:

— Аннеля!

— *Qu'est-que vous voulez de moi?* [\[382\]](#) — ответила она громко, стараясь не выдать голосом своего отчаянья и растерянности. Домашние, скорее всего, сейчас внизу, в столовой, куда спустились на легкий ужин. Она одна... совсем одна...

— Откройте дверь, Аннеля, — попросил Лозинский, проводя с той стороны ладонью по дереву двери. Словно желая коснуться ее через створку, представляя ее тонкую фигурку позади той. Он успел забыть, как она красива, за то время, что не видел ее. Пару дней он пробыл в Гжатске, куда уехал, планируя разузнать, что известно об исчезновении того отряда, что был перебит в Милорадово. И узнать, каково положение Великой армии, что слышно о ходе военных действий, о планах императора. Услышанное настораживало, а письмо, полученное от кузена, служившего в Почетной гвардии Наполеона, дошедшее через несколько рук из какого-то незнакомого русского местечка, толкало к действиям.

«...Император удручен и растерян, это видно каждому, кто знает его, кто привык видеть его совсем иным... Все предложения о мире не имели отклика, русский император малодушно, по мнению генералов Наполеона, решил хранить молчание. Но уже ясно, что именно он будет отныне диктовать условия.... Командующий русской армией тоже отклоняет все попытки сговориться... Влодзимеж, пишу, как есть, как вижу, как знаю — ныне уже определено. Кампания императора проиграна после этого боя близ Винково [\[383\]](#)... Убиты два генерала Мюрата, потеряны несколько десятков орудий, и снова тысячи

убитых... Русские хоть также потеряли многое и при Бородино, и при этом бое, но еще сильны. Наши же войска тают на глазах. Бражничество, разбой, дезертирство — о, это уже не Великая армия, это жалкая насмешка!.. Идем к Калуге, но уже видно, что это попытка потерпит крах, если сумеем прорваться через русских, и тогда только один путь — по выжженной Смоленской земле, пожинать плоды содеянного. И уже не будет марша по тракту, будет только уничтожение того, что еще не разрушено, не разграблено, не побито, вымещение злости, разочарования от неудач и несбывшихся надежд...»

И вот он здесь, под ее дверьми в бессмысленной попытке убедить ее разум, если не сумел достучаться до ее сердца. «Я не люблю вас...», эти четыре слова до сих пор жгли его, мешали уснуть по ночам, вызывая в душе какую-то странную тоску и сожаление.

— Аннеля, — тихо позвал Влодзимир, но она не открыла ему, только проговорила из-за двери, в волнении пройдясь до окон и обратно, к кровати:

— Зачем? Зачем вы здесь? Неужто не понимаете...?

— Вы избегаете меня, я лишен иной возможности увидеть вас, поговорить. Оттого рискнул прийти сюда.

— Задумались вы, отчего я не даю подобной возможности вам? — она устало опустила на постель, обхватывая плечи руками, кусая губы в волнении. Что ж, быть может, и к лучшему, что поговорят ныне. Вскроются карты. Все до единой! — Я не желаю ни видеть вас, ни говорить с вами. Никогда!

— Вы лжете! — резко ответил из-за дверей Лозинский, сжимая пальцы в кулак. — Лжете!

— Помилуйте, пощадите меня... Вы ведь губите меня. Губите! Отчего вы тут? Разве не ведаете, чем может обернуться для меня этот ваш визит в мои покои?

— Тем лучше, — твердо сказал Влодзимир. — Тем лучше. И для меня, и для вас. Выслушайте меня, Аннеля, позвольте высказаться до конца, пока не вернулась ваша девушка, или кто иной не прервал наш разговор. Я ни единого слова лжи не произнес в ту ночь. Ни единого! Вы нужны мне. Я желаю видеть вас подле себя каждый миг из этой жизни. Ни одна женщина не слышала этих слов от меня, только вы. Только вы вызвали во мне эту бурю.... И потому я прошу вас — уедemте со мной! Моей панной, моей супругой! Наполеон покинул Москву на первой седмице, оставил град. Будет иное сражение. И коли он проиграет его, то прежняя Фортуна оставит его, а вся кампания потерпит крах. Русские будут пытаться толкнуть его на ту же дорогу, по которой он пришел, ибо то, что не сделают картечь и сабли, отменно довершит голод. На версты вокруг тракта все выжжено и разорено. И тогда в поисках довольствия французы повернут вглубь от тракта. А это значит...

Он замолчал, не стал расписывать ту картину, которую уже видел перед глазами. Но Анна поняла то, о чем Влодзимир промолчал. Снова прольется кровь, если не успеют крестьяне скрыться в лесу. Снова грабежи и насилие. Только на этот раз не будет поблизости отряда из леса. А плохо обученные сражаться крестьяне не смогут дать достойный отпор тем, кто привык убивать, тем, кто превосходно вооружен и зол от голода, холода и неудач, преследующих по пятам с самой Москвы.

— Я прошу вас, уедemте, — говорил из-за двери Влодзимир. — Вы не понимаете, что здесь будет твориться, если Наполеон повернет на Смоленский тракт. Вы видели лишь часть той громады... часть армии. Уедemте в Бельцы. Я рассказывал вам про мой родной фольварк?

И он завел рассказ о том, как красив вид с замковых стен, какие залы с большими

каминами внутри самого замка. И пусть с потолка кое-где уже начала отваливаться штукатурка или лопаться краски на росписи. Пусть меж плитками замковой площадки стала прорастать трава, а некоторые стены ограждения замка постепенно разрушались. Все потому, что не было давно хозяина в том месте — родители Влодимира предпочитали жить в большом городском доме, более удобном для комфорта, а сам Влодзимир не находил времени на обустройство и ремонт замка.

— Ранее я не думал о Бельцах, как о том месте, куда желал бы привести свою жену, но ныне... Вам бы понравилось там. Вишневые деревья близ замковых стен в саду. Пруд в версте от замка с красавицами-ивами, склонившимися к самой воде. Изумительный вид на окрестности с высоты единственной сохранившейся до наших дней башне. Тишина и покой. Дивный край родной... Позвольте мне показать его вам.

— Вы потеряли разум, — только и ответила на это из-за двери Анна. — Вы ведь знаете, что это невозможно. Я сговорена, я связана словом... и связана иными путями, более крепкими, чем просто обещание стать супругой.

— Никогда и никто не любил вас так, как вы того достойны! — запальчиво воскликнул на это Лозинский, с трудом перебарывая желание ударить кулаком в эти деревянные створки, ударить ногой в место замка, открывая ту. — Вы обманываете саму себя! Даже если ваша призрачная тень жива и здрава где-то близ Москвы, вспомните, отчего он руки вашей просил. А раз не помните, то спросите графиню. Хотя не уверен, что она скажет вам правду — уж слишком трясется, как наседка, лишь бы удержать вас при себе да подальше от меня.

— Вы не можете этого знать! — резко проговорила Анна тут же, но ухо Влодимира уловило неуверенность в ее голосе. Он понял, что нащупал то самое место, давя на которое, сумеет выиграть в итоге.

— Мне сказала о том известная нам обоим персоне. Она была при том разговоре и запомнила каждое слово из сказанного тогда. Ваш жених стеснен в средствах. Отчего бы не поправить свое положение, да если к тому же невеста пригожа лицом? Именно эти слова и были сказаны графине, когда она пыталась отговорить своего родича от женитьбы на вас, Аннеля. Клянусь Крестом Господним, что истину говорю! Вы можете спросить о том у графини, скажу снова, — а потом стал говорить уже тише и медленнее, пытаясь достучаться до сердца, заверить разум. — Я прошу вас уехать со мной и оставить все здесь, на этой земле. Мне не нужны за вами ни земли, ни ассигнации, ни иные богатства, кроме тех, что в душе вашей есть, которыми одарила вас мать-природа. Я люблю вас оттого, что вы — это вы, а не потому, что именно будет прописано в вашем приданом. Позвольте мне заботиться и оберегать вас, как делал то доньне. Позвольте мне... только позвольте!

— Как вы планируете вернуться в ваши земли, если Наполеон покинет Россию, хотела бы я знать? — Анна проговорила эти слова с насмешкой, намекая на то, что Лозинскому вряд ли проститься его пособничество французам, его служба в армии неприятеля. А ведь его фольварк был аккурат в землях русского императора... Лозинский же не расслышал этой усмешки, принял этот вопрос за некий интерес к тому будущему, что он предлагал для нее.

— Мой кузен служит в Почетной гвардии французского императора. Он на хорошем счету у своего генерала и у самого Наполеона. Он поможет нам устроиться во Франции. А после... после я непременно найду путь, как вернуться в Бельцы. Подумайте об этом, Аннеля. Что здесь вас здесь? Я не смогу защитить вас уже, увы. Что ждет вас? Разорение отчаянье, одиночество... Да-да, одиночество, Анна. Потому что даже если он вернется, то

будете ли вы ему нужна без того обещанного приданого? Сможет ли ваш отец предложить ему таковое, когда его земли будут лежать в руинах, а холопы убиты или покалечены? Подумайте, Аннеля!

Анна молчала в ответ. Говорить не хотелось ныне с Лозинским после того, как тот необдуманно (а может, все же по воле своей и целенаправленно) ставил под удар ее будущее, находясь в ее покоях. Пусть он не в спальне, пусть в будуаре, но он все же был посторонним мужчиной, и подле не было никого, кто мог бы создать видимость приличий. Второй раз ее загоняли в ловушку.

Она прикрыла глаза на миг, вдруг воскрешая в памяти ту летнюю душную ночь. Жар кожи, сладость поцелуев. Его глаза так близко к ее лицу, внимательно ловящие каждое изменение в нем, каждую эмоцию. Его утешающие руки на своем теле, его нежный шепот, успокаивающий ее слезы после.

Анна откинулась назад, на кровать, не слушая Лозинского, который что-то продолжал говорить из-за двери, что-то доказывать ей. Его слова слились в один монотонный звук голоса в ее голове. Анна протянула руку и схватила одну из подушек, прижалась к ней лицом. Вспомнилось, как лежал, уже одевшийся, на этой самой постели Андрей, заложив руки за голову, наблюдая с завидным спокойствием на лице за ее истерикой и злостью. И тот поцелуй после. И ее слова, в которых она выразила тогда всю ярость, что испытывала в тот момент на себя и на свою слабость перед ним. Когда хотелось сказать совсем иное. То, что плескалось в сердце, наполняя его каким-то странным восторгом, теплотой и предчувствием чего-то такого прекрасного...

«... - Я вас ненавижу!

— Тогда я прокляну тот день, когда ты перестанешь меня ненавидеть...»

Анна вдруг вспомнила свой шепот, едва слышный на фоне шума дождевых капель, барабаниющих по крыше сарая, пригибающих травы к земле с тихим шелестом.

— Я боюсь того, что творится ныне в моей душе. Я так открыта ныне... так незащищена...

— Нет нужды бояться, — отвечал ей Андрей, глядя ее волосы, рассыпавшиеся по суну под ними, заглядывая в ее серо-голубые глаза, так по-детски широко распахнутые. — Я никогда не обижу тебя...никогда...

— Только не предавай меня! Не обмани! Я не переживу этого, не перенесу этой ноши! — порывисто шепчет она в ответ. И тогда он склоняется над ней, поцелуем успокаивая, скрепляя обещание, которое прошептал ей в самое ухо перед этим поцелуем.

Громкий стук в дверь спальни вырвал ее из потока воспоминаний. Уже стучал не так тихо, как прежде, словно таясь от тех, кто случайно мог идти мимо покоев. Стучали костяшками пальцев, раздраженно, резко. А потом громко — уже кулаком, что дернулась дверь, и звякнул ключ в замочной скважине.

— Qu'est-que vous voulez de moi? Nous n'avons rien à nous dire! ^[384] — крикнула Анна, поднимая голову от подушки, уже перепуганная тем натиском, с которой вдруг стали ломиться в ее спальню. Что ей делать? Кричать? Звать на помощь слуг? О Господи, Лозинский совсем лишился разума, если решил поступить таким образом!

— Открой немедленно! — раздался из-за двери голос брата. Потом в дверь снова ударили кулаком. — Открой немедленно и найди в себе смелость объяснить мне!

Петр ушел только спустя пару часов из покоев Анны после разговора, обнажившего душу, умиротворенный. Потому что спал с души камень, давивший с силой на грудь уже несколько дней, стало свободно дышать. Та лента, подобранная им в салоне, словно границей легла между сестрой и братом, разделила прошлое и настоящее. Он доставал эту полоску нежно-розового атласа порой вечерами и думал о том, как могла сестра уступить натиску капитана польских улан, как могла забыть о том, что эти самые руки, которые обнимали и ласкали ее, еще недавно проливали русскую кровь. Уж кому-то, а Петру это было известно доподлинно! Он своими глазами наблюдал в тот проклятый день сражение близ Бородино. Как картечь выкашивает целые ряды пехоты. Как рвутся гранаты, сея свои смертоносные семена-осколки на несколько шагов вокруг, разрывая плоть, забирая жизни.

Одна из таких гранат разорвалась подле, когда он подавал своему генералу трубу для обзора поля. Упали, как скошенные, адъютанты и генерал, офицеры, что еще ждали вывода своих расположений на поле брани и прибыли по зову командующего полком. Генерал и пара офицеров уже не поднялись. Офицерам попало в грудь, в самое сердце, а сорокасемилетнему генералу одним из осколков повредило глаз, тот самый, не прикрытый трубой. Он умер в лазарете спустя пару часов, так и не приходя в сознание.

Петр сначала думал, что его сохранил Господь от страшной участи быть задетым этими смертоносными жалами, разлетающимися при взрыве. Оглушенный, он не увидел крови на черном сапоге и сперва думал, что целехонек остался. Но когда его стали поднимать на ноги, когда ударила дикая, оглушающая и ослепляющая боль в правой ноге, чуть ниже колена, он вдруг понял, что дела далеко не так хороши, как ему казалось в первый миг.

— Раздроблены кости голени, — с легкой грустью в глазах взглянул на Петра оператор, когда дошла его очередь быть осмотренным одним из эскулапов, что без устали принимали раненых в палатке полевого лазарета. То, что было потом, Петр не забудет никогда — наскоро плеснули обжигающей небо водки в горло, а после... о Боже! После...

И первой мыслью, когда он пришел в себя ночью, когда над ним медленно проплывали тусклые точки звезд, когда его везли на одной из телег, было: «Отчего я не умер от той раздирающей тело боли? Отчего не разорвало меня от крика, который не сумел сдержать, несмотря на ту палочку из крепкой древесины, что стискивал зубами? Отчего я жив? И для чего...?»

— Петруша, — прошелестело в тишине спальни, и тонкие девичьи руки обняли его со спины, смыкая ладони у него на груди. И только тогда он понял, что рассказал Анне то, что смог открыть лишь отцу. Ее трясло. Он чувствовал спиной дрожь ее тела, ее рыдания, и к его горлу тоже подкатил комок слез. Странно, ему казалось, что он выплакал их все, когда лежал в темной и холодной комнате *maison à louer* ^[385] на Маросейке, принадлежащего его семье.

Ему было худо тогда. Так худо, как никогда ранее. Он был бы в голос, если бы за окнами, занавешенными одеялами, не ходили по улицам Москвы французы в поисках наживы или шпионов, которые мнились тем на каждом углу, особенно после пожара, бушевавшего несколько дней. Но тем самым он выдал бы себя, оттого приходилось лишь стискивать зубами уголок покрывала, под которым Петр лежал на матрасе, и давить в себе этот вой.

Сперва он совсем не хотел жить. Совсем. Ехал в Москву на той самой телеге,

равнодушно глядя в небо над собой. Серое — днем, чернильно-черное — ночью. Только морщился от каждой колдобины на дороге, каждой ямы, в которую проваливалось колесо телеги, отчего тело сотряс приступ безумной боли, вспышкой ударяющей от того места, где еще недавно была его нога.

А потом апатию сменила ненависть. К тем, кто здоров, кто цел, кто может ходить и бегать, сжимать коленями бока лошади, проезжая мимо его печального «экипажа». Эта ненависть затмила все в душе Петра. Оттого ни единой эмоции не промелькнуло на лице, когда выбежавший навстречу телеге, въехавшей во двор особняка Шепелевых на Тверской улице, дворецкий сообщил, что барышня в Москве так и не появилась.

— Что нам делать, барин? Все здесь в доме. Никто не смел даже с места двинуться, — говорил он, пока Петра выносили лакеи из телеги и аккуратно несли в дом. — Вся Москва уходит, а мы тут. Как получили письмо из Милорадово, что барышню ждать надо, так и ждем. Говорят, ханцуз уж близко... Барин, Петр Михайлович, что делать-то?

Дворецкий снова прислушался к звукам, идущим с улицы, запруженной экипажами и телегами, пешими путниками и яростно ревушим, мычащим и блеющим скотом. Ему до смерти хотелось влиться в их ряды, спасаясь от Антихриста, что шел на город с полчищем войск. Но бросить дом и хозяйства, бросить оставленное ему имущество (пусть и малую часть — остальное успели увезти на подводах к Туле) он не мог. Барин же молодой ничего не сказал, словно и не слышал его. Даже не обеспокоился о сестре, так неожиданно сгинувшей по пути в Москву. Только рукой махнул, прогоняя всех прочь из своей спальни.

К вечеру Петр напился, стремясь укрыться за пеленой алкогольной эйфории от страшного настоящего, которое не давало ему даже вздохнуть без слез, без распирающей тело боли, как физической, так и душевной. Он очнулся лишь спустя время. С удивлением заметил, что находится совсем в другой комнате, не в своей спальне со стенами, обитыми багровым шелком, а лежит не на своей широкой кровати с мягкой периной, а на жестком матрасе, набитом, судя по комкам под его спиной, соломой, матрасе, на котором обычно спали дворовые. А за окном все еще стояло яркое зарево пожара, бушевавшего над Москвой несколько дней, уничтожившего почти весь город.

Шагнувший тут же к нему из темного угла Лешка рассказал, что не чаял увидеть барина живым — такая горячка мучила его тело последние несколько дней. Что в Москве вот уже седмицу стоят французы. Что город сожжен почти полностью. Что пожар так разозлил французов, что тех хватают любого, кого увидят на пустынных улицах.

— Отчего мы здесь? — спросил Петр, с благодарностью принимая из рук денщика ковш, полный прохладной воды. И пусть на зубах скрипел песок, пусть она была далеко не так чиста, но для него она ныне стала сущей амброзией. Как и сухой хлеб, и потрескавшийся от времени сыр, которые протянул ему Лешка после.

— Ну так, дом на Тверской-то того... сначала мы вас на чердак унесли от греха подальше, когда французы в дом ступили, когда выносили то, что под руку попадалось, — Лешка замолчал на миг, вспоминая, как налетели на богатый особняк солдаты, как тащили все, что глянулось, даже шелк от стен отрывали в некоторых комнатах, отдирали позолоты с люстр и стенных украшений. И, как гоняли девок дворовых, помнил. — А потом пожар тот. Вроде и каменный дом был, а осталась-то от него самая малость! Часть людей зарубили при грабеже, часть в огне сгинула. Ну, кто-то, верно, в бега подался в суматохе-то. А я вот и Семен, конюхом который на Тверской был, вас, Петр Михайлович, и вынесли...

Лешка только потом расскажет ему, как сильно рисковали они с Семеном, пробираясь

через пожарища, охватившие в Москву, пытаясь найти пристанище, где можно было укрыть раненого барина. Сначала прятались на каком-то дворе, в погребе, но холодное и сырое место только усугубило болезнь молодого Шепелева. Вспомнили тогда об этом доме на Маросейке. Он тоже пострадал от пожарища, но не так сильно, как особняк Шепелевых. Только мезонин выгорел да часть левого крыла. А в правом еще можно было укрываться. И от неприятеля, который не стал занимать полуразрушенный дом, и от непогоды, что вскоре установилась в Москве.

С каждым днем становилось все холоднее — боялись разжигать огонь, не желая привлечь к себе лишнего внимания. И голоднее — найти что-то из снеди в разоренной Москве было сродни чуду. И не только из-за отсутствия таковой, но и из-за патрулей, что прочесывали руины, в которые превратились улицы, хватая всех без разбору. Вот так однажды ушел и не вернулся Семен. Петр и Лешка остались одни. И оттого-то всякий раз молодой Шепелев сходил с ума от ожидания его возвращения из очередной вылазки. Без денщика он совсем беспомощный, без него ему не выжить. Ведь даже крысы не боялись того калеки, в которого он превратился ныне. Умереть — единственная мысль, которая приходила столь часто, что стала для Петра в то время привычной спутницей в его вынужденном одиночестве.

— Что было после? — тихо спросила из-за спины Анна, еще крепче прижимаясь к брату.

А дальше он рассказал, как учился ходить по комнате на костылях, как пытался привыкнуть жить со своим увечьем. И о том, как удалось однажды уехать из Москвы, минуя бесконечную череду патрулей и застав на дорогах, пробраться в Милорадово, куда его так звало сердце. Благо, что за время, проведенное в Москве, он стал похож на крестьянина или купца-неудачника — худой, с усами и бородой, с волосами длиннее обычного, в грязной рваной одежде и заляпанном пятнами от дорожной грязи тулупе.

Казалось, что вернувшись в родной дом, он забудет обо всех своих тревогах и печалях. Усадебный дом с подъездом о пяти колоннах стал для Петра неким символом. Жаль, что ничего не изменилось. Ну, разве что за исключением присутствия родных и его *petie étoile* [386] Pauline... Но об этом Петр не стал говорить Анне — мало ли ей слез ныне. Но о том, что видел, пока пробирался тайком в Смоленские земли из Москвы, рассказал, совсем не щадя ее. Чтобы она знала, каковы на самом деле те, кто пришел в русскую землю с Великой армией. Чтобы помнила о многом, когда позволяла себе принимать знаки внимания от того, кто был так ненавистен Петру ныне.

Рассказал о том пожарище, в которое превратилась первопрестольная, разграбленная и разоренная. После более месяца пребывания в Москве Великая армия отступила, оставляя в городе пепелище, руины некогда пышных домов, пустоту на том месте, где еще недавно высились купола-луковки с позолоченными крестами. И трупы. Трупы лошадей и людей. Людей, повешенных и расстрелянных из-за подозрений в поджогах, уничтоживших город почти полностью. Петр до сих пор видел перед глазами эту картину, слышал ту тишину, которая установилась в городе, когда отгремели последние звуки отхода Великой армии в сторону Калуги.

О тех виселицах, что стояли вдоль тракта в местах французских застав, на которых под порывами ветра колыхались тела несчастных. О черных местах на месте, где некогда стояли села и деревни. Об увечьях, которые видел, о калекках — старики, женщины, дети. О трупах раненых возле дорог, по которым вели в лагерь для пленных, взятых в полон из-за ранения

или контузии русских солдат и офицеров, да и просто крестьян и мещан, которым не повезло попасть в руки французов. Те были слишком слабы от болезней, голода и холода, оттого и убивали их конвоиры, эту обузу, что задерживала весь караван в пути.

— Мне посчастливилось миновать благополучно все посты и разъезды, та ссере, иначе был бы в том лагере среди тех несчастных, — а потом добавил, стараясь не обращать внимания на бледность лица Анны, присевшей аккуратно напротив него в кресло, на ее потрясенные широко распахнутые глаза. — Если бы дошел до лагеря...

Рассказал о том, как изменился Гжатск за время пребывания там французов, и том страхе, котором пропитаны стены домов, как поруган и осквернен храм со святыней городской — образом Богоматери. Рассказал обо всем этом, чтобы ее чувства, которые она могла питать к поляку, сменились отвращением и презрением. Чтобы поняла, что творит, потакая своему сердцу.

— О Господи! — рассмеялась Анна нервно, когда Петр произнес эти фразы вслух, завершая свой рассказ. Она резко встала с кресла и прошлась по комнате. Концы шали, в которую она пряталась от сквозняка, так и мелькали за ее спиной. — Мои чувства к Лозинскому! Чувства! Если они и были когда-то, то не более того, что я могла питать к тому, кто преклоняется перед моей красотой. Ты же знаешь! Помнить должен!

— Даже если и так, то ты заигралась, Анна! — ответил ей Петр, сжимая пальцы в кулак, подавляя ярость, которая снова вспыхнула в нем при воспоминании о том, как столкнулся с Лозинским едва ли не в дверях покоев сестры. — Поклонника не привечают в своих покоях. Поклонника не закрывают своим телом от смерти. Поклоннику не обещают и не дарят того, что должен получить только муж. Ты заигралась, и ныне я даже не знаю, как поправить все твои промахи. Все внутри меня восстает при мысли о том, что я могу быть связан родственному с этим уланом. Связан, как beau-frère [\[387\]](#).

— И во мне тоже! — возразила ему Анна. — О Боже святой, как ты мог поверить всем этим сплетням и толкам? Ты же ведаешь, как не любят меня кумушки уезда. Им бы только малейший повод очернить меня! И вот он есть. Я не закрывала своим телом Лозинского от гибели. Что за чушь? Я только просила о том Давыдова. Только это! Как ответный долг за то, что поляк спас от гибели отца и меня. Дважды.

Петр смотрел на нее пристально, и было что-то такое в его взгляде, что Анна не могла не признаться.

— D'accord [\[388\]](#), признаю, что питала к нему некую слабость сердечную, Петр, — сказала тихо и закрыла на миг глаза, чтобы не видеть, как вздрогнул брат. — Но она была легка и мимолетна, словно первый снег. Ты сотни раз питал схожие чувства к хористкам в домашнем театре, к дворовым девушкам, к барышням на балу. Я видела, ведаю о том, слыхала, как толкуют о тебе. Ты любил их глазами, но не сердцем. Так и я...

А потом смолкла, когда Петр бросил к ее ногам тонкую ленту из атласа, кривя губы, словно сейчас заплачет от досады.

— Ты вольна говорить о том своему нареченному, когда будешь оправдание искать! А мне же — прекрати! Лгать прекрати! Что ты позволила ему? Что?! Как ты могла?

— Есть только один человек, кого я пушу к себе так близко. И я позволила ему это, ты сам ведаешь о том, — медленно ответила Анна, с трудом шевеля побелевшими губами. — Этот человек — Андрей... и так и будет! Так и будет, слышишь?

Они долго молчали, буравя друг друга напряженными злыми взглядами, а потом Петр тихо проговорил:

— На образах, Анна. Только так поверю. Не сделаешь того — блудницей нареку. Ибо только блудница будет тебе именем в том случае.

Анна резко шагнула к святым ликам, что наблюдали с легким укором в глазах за ссорой брата и сестры из угла, сняла с полки образ Христов и коснулась того губами, крестясь другой рукой, четко выговаривая каждое слово из своей клятвы брату. Внутри все горело от обиды и злости, слезы комком стояли в горле. Но она сдержала свой гнев, понимая, насколько сама виновата в том, что ныне происходит в ее жизни.

— Ты заигралась, Анечка, — уже тише и мягче произнес Петр после, отводя глаза от ее обиженного взгляда. — Пусть даже он сам преследует тебя, но только ты виновата в том. Забылась, что уже не то время, когда легко и без вины можно флиртовать с женщиной, что восхищение в его глазах может и иное принести. Не только слепое обожание твоей красоты... Прости меня, — добавил еще тише. — Прости за слова мои злые, за то, что выслушать пришлось. За подозрения прости и за обиды нанесенные.

Она ничего не ответила. Вернула образ на полку, снова перекрестилась перед святыми ликами, освещенными скудным светом лампадки, а потом шагнула вдруг к брату, опустилась подле него на ковер, обняла его единственную ногу.

— J'ai peur, mon cher [\[389\]](#), - прошептала Анна, и он, как прежде, стал ласково гладить ее по волосам, неприкрытым чепцом. — Мне так страшно. Мне мнится все происходящее страшным сном, что никак не кончится... Я утра жду как манны, а оно все нейдет. Все нет рассвета, не луча первого солнца... Лозинский сказал, что французы могут идти обратно к границам по Смоленской дороге. Что непременно будут тут, в Милорадово, по пути, грабя и убивая... j'ai peur... что будет, коли придут сюда войска?

— Je vous dis que non [\[390\]](#), не случится того, — твердо сказал Петр. — Милорадово так далеко от тракта. В стольких верстах. На наши земли и не выйти ненароком, лишь дорогу зная сюда. Так что не думай о том, Анечка, не тревожься...

Они сидели молча некоторое время, а после Анна вдруг спросила, поднимая взгляд, полный надежды, глядя на Петра напряженно:

— Папенька сказал, что без вести сгинувший — еще не значит погибший. Что скажешь ты, Петруша, милый...?

Что он мог сказать? Только плечами пожать в ответ, мол, все бывает, надежно храня от нее истину. Потому что он знал, доподлинно знал о судьбе Оленина. По крайней мере, на начало осени. Да, он не солгал, говоря об одном из кавалергардов, встреченных в походном лазарете. Тот действительно сказал ему, что Оленин не возвращался вместе с остальными на позиции, и что судьба его неизвестна на тот миг. «C'est dommage» [\[391\]](#), - подумал тогда Петр, прикусывая губу. А после только глаза прикрыл, ожидая, когда приступят к осмотру его раненой ноги операторы. Такова судьба, увы! И смерть Оленина на поле боя только на руку ему, только на руку...

Но после Оленин вдруг снова появился на жизненном пути молодого Шепелева. Он сам не видел его, оттого и клясться может вольно в том. Лешка сказал ему в первый же вечер, когда горячка отступила от Петра, оставляя его в мире живых. Ротмистр был в их особняке на Тверской в тот день, когда русская армия проходила через первопрестольную, оставляя ту на милость неприятеля. Левая рука на перевязи. Грязный запыленный мундир. Встревоженный вестью, что Анны не было в особняке на Тверской уже более нескольких лет, он быстро ушел прочь. Но он был в Москве после того боя при Бородино. Оленин был жив!

Но к чему говорить о том, что Анна ныне, уговаривая свою совесть Петра. Впереди у русской армии столько сражений да и после того дня было, по крайней мере, одно. Кто ведает, будет ли милостива судьба к ротмистру и далее, благоволя ему в ратных делах? Так что он не будет покамест поправлять те слова, что сказал в ту ночь, желая обидеть, причинить сестре боль. Промолчит, выжидая. Ведь кто ведает, что может случиться далее. К чему обнадеживать ранее срока Анну? Оттого и промолчал, не сказал того, что знает. Поспешно ушел после из покоев Анны, боясь ненароком выдать себя. Ведь они так отменно знали натуры друг друга...

Спустя несколько дней в Милорадово прибыл французский офицер в сопровождении отряда кирасиров. Он привез, как позже выяснилось, приказ Лозинскому следовать в Гжатск, где всем офицерам велено было дожидаться императора. Это означало только одно — Наполеон оставлял Россию, частично разоренную и разграбленную, лишенную своего сердца — давней столицы, но несломленной, непокоренной.

Тем же вечером Анна впервые получила записку от Лозинского. Он умолял ее о встрече, пусть даже при свидетелях — слугах, но она отказала, несмотря на свое сожаление, что ей не удастся увидеть его в последний раз. Влодзимир стал близок ей, следовало признать это. И ее по-прежнему отчего-то влекло к нему. Но она понимала, что это совсем не то чувство, которое может связывать сердца, оттого и ответила отказом.

Вскоре Глаша передала ей очередную записку, удивившую Анну до глубины души, заставившую забыть о том неосторожном визите в ее покои, том нахальном поведении. Он смирился. «Вы не желаете этой встречи, и я бессилён изменить вашу волю», писал он к ней и более не умолял в последний раз «коснуться лишь кончиков ее пальчиков, дабы сохранить это прикосновение в ларце своей памяти». Лишь просил отдать ему вместо этого касания какой-нибудь предмет, чтобы он помнил о ней, «своей душе, оставленной навеки позади».

Лозинский уезжал ранним утром, на рассвете, и у Анны было довольно времени обдумать, как ей следует поступить. Разум умолял не идти на поводу у тихого шепота сердца, которое твердило о том, сколь много сделал Влодзимир для нее и для ее семьи. Как он рисковал собой, чтобы защитить их, идя на поводу своих чувств. Она разрывалась на две половины: одна требовала забыть о Влодзимире, и даже в окно не глядеть на его отъезд, другая же не менее настойчиво настаивала на своем. Кроме того, Анна и сама вдруг подумала, что ей было бы приятно подарить что-нибудь в память Лозинскому. Дарила же она цветы иногда и ленты со шляпки, когда были скачки в уезде или просто в знак признательности. Да и кто проведает о том даре, убеждала она сама себя, страшась признаться, что ей хочется отдать что-то в память Лозинскому о ней и о том, что могло бы быть, но так и не случилось.

Она вышла на крыльцо, когда Лозинский уже садился в седло, с тоской отводя взгляд от окон ее покоев. Только-только занимался рассвет, окрашивая бледно-серыми красками небо на верхушках парковых деревьев. В доме еще спали, и Анна знала, что вряд ли об ее поступке прознают — Глаша проверила, где находятся домашние в этот ранний час.

— Аннеля! — Влодзимир тут же взбежал на крыльцо, но остановился в шаге от нее, взглядом предупреждающей о том. Ему так много хотелось сказать ей ныне, но слова отчего-то не шли в голову. Впервые он смутился в присутствии женщины, и это только раздосадовало его. Как и осознание того, что Анна ускользает ныне от него словно рассветная дымка.

— Adieu, monsieur capitaine [\[392\]](#), — тихо проговорила Анна, глядя в его лицо, словно

запоминая черты. Он тоже смотрел на нее пристально, будто вбирая в память ее облик — тонкий стан, обтянутый бархатом пальто, волосы, заплетенные в одну толстую косу, перекинутую со спины на плечо, белый газовый эшарп на голове.

— Возьмите, — она протянула ему ладони, в которых лежало нечто завернутое в тонкую ткань. — Вы просили некую вещь в память обо мне. В благодарность за вашу благосклонность и доброту к моей семье я дарю вам ее.

Влодзимир не мог не поморщиться при ее словах. Анна намеренно говорила те слова, что он не желал слышать, намеренно указывала ему на причину, которые привели ее на крыльцо. Намеренно делала больно.

Но бережно принял в свою ладонь из ее рук тяжелую вещицу, а потом поймал одну из тонких кистей, принудил Анну ступить к нему ближе, подойти почти вплотную и заглянуть в его глаза, глядящие на нее с какой-то странной тоской из-под кивера.

— Я принимаю эту вещь в знак того, что вы будете помнить обо мне, — тихо проговорил он. — Как и я буду помнить о вас. Аннеля...

Но она не позволила ему высказать ту мольбу, что рвала ему ныне сердце. Положила тонкие пальчики на его губы, запрещая говорить то, что он желал, запрещая портить момент расставания. Она хотела запомнить его таким — смиренным, благородным, уважающим ее решение, несмотря на свой нрав.

— Adieu, monsieur capitaine! — твердо сказала Анна и улыбнулась ему на прощание так, какой он всегда желал видеть ее улыбку — тепло и благосклонно. Влодзимир успел коснуться губами ее пальчиков прежде, чем она убрала руку от его рта, а потом проводил ее взглядом, когда она развернулась и пошла к дверям.

— Au revoir ^[393], Аннеля! — проговорил Влодзимир тихо, сжимая ее дар, наблюдая, как она скрывается в передней, как проворно затворяет за ней двери ее девушка. Она не оглянулась, не посмотрела на него в последний раз, уходя в дом, как ни молил он мысленно ее о том. Словно уже и не думала, что они увидятся вновь. А это непременно случится! Недаром он Влодзимир Лозинский из фольварка Бельцы!

Последующие два дня Анна даже не запомнила толком, так быстро те промелькнули. И дело не в том, что они были коротки, как обычно по осенней поре. Просто они были столь наполнены для нее делами и событиями, что показались такими короткими. Не было в доме чужих. Не было Лозинского, кого она сторонилась, и Анна вышла из своего добровольного заточения.

Да и сам дом, казалось, ожил. Стали спускаться к трапезам, снова наполняя малую столовую звуками голосов и тихим смехом. Все знали — раз французы собирают войска, значит, близок тот день, когда пройдут они до самой границы, покидая Россию, когда настанет избавление от страхов и тревог, когда ненадобно будет вздрагивать при каждом стороннем звуке со двора.

Анна в те дни побывала везде, куда успела сходить в свободное время от совместных трапез, когда отец спал, набираясь сил, и сидеть подле него не было смысла, сторожа его сон, как одна из дворовых холопок.

Она посидела немного в кухне, где Татьяна, «белая» повариха, ставила тесто для пирожков с капустой, которой уродилось в этом году более обычного. Она любила в детстве бывать в этой кухне с побеленными стенами, с развешанными на них медными сковородами и горшками. Тихо трещал огонь в большой печи. Толстые руки поварихи мяли тесто. Татьяна что-то пела себе под нос, и от этого «мурлыканья» Анна впадала в сон, с трудом

перебарывала дрему, тяжелевшую веки.

Ходила в оранжерею, где от души нарезала роз, чтобы расставить те в общие комнаты, которые топили: в салон и гостиную, в малую столовую, и в покои отца, брата и Марьи Афанасьевны. В эти комнаты она срезала белых и желтых роз, а свою спальню украсила букетом из бледно-розовых, столь памятных ей цветов. И засыпая, вдыхая их аромат, она не могла не думать о том, кто когда-то заставил ее полюбить эти дивные цветы оттенка *cuisse de nymphe effrayée* [\[394\]](#).

Неудивительно, что Андрей приснился ей в ту ночь. О, этот сон, остатки которого Анна безуспешно пыталась поймать, когда осеннее утро наполнило светом ее спальню! Они были в бальной зале Милорадово. Они танцевали в кругу приглашенных гостей на их торжество. Дивный аромат белоснежных роз, которые украшали залу, кружил голову. Или от его столь близкого присутствия у нее сбивалось дыхание?

Андрей был в виц-мундире, который так красиво обтягивал его стан и широкие плечи. Сверкала в отблесках огоньков свеч в люстрах и напольных канделябрах позолота его эполет. Он смотрел в ее глаза, и она даже дыхание затаила, словно в реку окунаясь в ту нежность, что видела в его взгляде. Он кружил ее в *valse*, танце, пришедшем из Франции, который тетя запрещала Анне танцевать в Москве, утверждая о его «*indécence*» [\[395\]](#). Его ладонь, лежащая на ее талии, приводила ее в трепет, ведь она помнила, какие ласки та может дарить, помнила, как приятно ее касание к обнаженной коже.

Как бы не сбиться с шага, подумала Анна, еще крепче сжимая пальцами тяжелый шелк шлейфа ее платья. Легко сжала плечо Андрея другой ладонью и улыбнулась в ответ на его улыбку. О, как же она любила, когда он улыбался! Это так меняло его лицо, вмиг превращая холодного и отстраненного мужчину в *ее* Андрея.

— *Mon Andre*, — прошептала Анна, наслаждаясь каждым словом из этой короткой фразы. *Mon Andre...*

— Моя Анни, — прошептал Андрей, склоняясь ближе, чем следовало к ее лицу, словно вот-вот поцелует ее. Вздымая своим дыханием локоны у ее уха до самого кружева фаты, обжигая ее кожу теплом, от которого по телу пошли «мурашки». — Моя милая... моя милая...

Анна думала об этом сне весь день. Словно бусины в ожерелье жемчужном, перебирала каждый момент ее ночного видения и улыбалась тому теплу, что разливался в груди. Ушла в парк после завтрака, чтобы никому не отвечать, отчего она так радостна ныне, отчего так горят глаза. Довольно с нее и Пантелеевны, что вцепилась в нее будто клещ, когда Анна собиралась к завтраку, глядя на то, как снова и снова ее барышня раздвигает губы в улыбке, словно не в силах сдержать ту.

Она долго бродила по аллеям, аккуратно ступая по покрытым тонким снегом опавшим листьям и гравию дорожек. Трогала ветви кустарников, сбрасывая на землю снежинки, покрывшие те за ночь, любовалась дивным белоснежным нарядом, в которые те надели за ночь снегопада. И вспоминала, как целовала Андрея, скрываясь за этими самыми кустами сирени, прощаясь.

Вернулась только, когда громко стала звать ее Пантелеевна, опасавшаяся, что барышня застудится, гуляя так долго по снегу. Опоздала на обед, который прошел без нее.

— Ну, что ты, моя хорошая, — пеняла ее, смеясь, Анна. — Я ведь обула сапожки, не легкие туфельки. Сама же глядела соколом!

— Да, верно! Но лишь-ка глянь, как ножки-то сыроваты, беда моя! — причитала

старушка, когда Глаша расшнуровывала Анне сапожки, закрывающие почти всю голень до колена, спасая ногу от холода и снега. — Ох, буде сызнава мучиться горлом милочка моя! Вот чую то! Буде сызнава молоко горячее пить да ромашкой хворь гнать...

А потом замерли, когда распахнулась дверь в покои Анны, когда застучали костыли по паркету будуара. Лицо Петра, появившегося на пороге, было таким же белым, как снег на ветвях, что стряхивала Анна на прогулке. И, как с тревогой отметила она, мелко тряслись руки, это было заметно глазу. Он устало прислонился к косяку и быстро заговорил:

— Ты должна уходить из дома. Немедля! Глаша, шнуруй снова! Быстро! — а потом когда горничная Анны тут же принялась за дело, от волнения и страха, вдруг вспыхнувшего в душе, едва делая то так быстро, как следовало, продолжил. — Микулич прислал паренька из села. На дороге к Милорадово показались французы. И их много... явно не эскадрон. Ты должна уходить! И Полин, и Катиш. Уйдете с мадам Элизой в сторожку лесника. Французам туда не дойти. Это решение папеньки, так что не спорь, а следуй ему немедленно!

— Петруша, а как же..., - даже спросить было страшно, и Анна смолкла на миг. Пантелеевна подала пальто, подбитое мехом, с причитанием тихим стала застегивать непослушными пальцами петли, пока Глаша доставала из коробки один из зимних капоров на беличьем меху. Значит, надолго их отправляют прочь, раз потеплее приказано одеть барышню, с тревогой отметила Анна.

— Не переживай за меня и папеньку. Я на рожон лезть не буду. Только при нужде за оружие возьмусь, — проговорил брат, и Анна едва удержалась, чтобы не возразить ему. Какой отпор? Еле на ногах стоит! А потом заплакала беззвучно, прижалась к брату, прочитав в его глазах твердую решимость. Он коснулся губами ее лба, провел ласково по спине.

— Ты должна идти. Не думаю, что их влечет сюда село, — и добавил, заметив, как она взглянула на него вопросительно. — Не только французы. Поляки. И ведет их Лозинский. Его узнали дозорные. Ты должна уходить. И еще..., - он обернулся на Лешку, стоявшего в будуаре с коробкой в руке. — Тут два пистоля. Они заряжены. Тебе отдаю на крайний случай. Ты поняла — на крайний! Возьми, покамест не передумал. Я даже подумать боюсь, что тебе придется их применить. Бог даст, все обойдется... Иди же! Или упустите возможность уйти...

Уходили только девицы и мадам Элиза. Марья Афанасьевна наотрез отказалась, опасаясь замедлить тех на пути в лес, ведь ее больное колено едва ли позволяло ей даже ходить. Мария оставалась с ней, на удивление Анны, ответила ей гордым, но испуганным взглядом, поддерживая графиню, когда та шла проститься к Анне.

— Храни вас Господь, — она размашисто перекрестила ее, заменяя в том Михаила Львовича, прикованного к постели, проклиная свою беспомощность и поляка, которого когда-то разместили в их доме.

Анна едва заставила себя спуститься со ступенек террасы позади дома, чтобы далее через парк и залесную аллею уйти вглубь леса, где стояла сторожка лесника. Дорога к ней была опасна болотами, что начинались после второй просеки, и, не зная пути, можно было легко сгинуть в топи. Оттого и сочли, что жилище лесника станет самым безопасным местом для девиц усадьбы.

— Поторапливайтесь, поторапливайтесь! — суетился Титович. Он обычно редко говорил, слыл нелюдимым бирюком. Оттого на фоне его привычной молчаливости эти слова так встревожили Анну. Она обернулась на дом, уже ступив на залесную аллею, взглянула на несколько освещенных окон, желтеющих в надвигающихся сумерках, на темную фигуру

брата, который провожал взглядом беглецов. В голове снова прозвучали слова Петра, сказанные на прощание:

— Схорони себя, прошу! — а потом тихо добавил. — И ее сохрани. Для меня... прошу!

Полин бежала почти вровень с Анной ныне, словно не желая покидать дом, бросать его обитателей на произвол судьбы. «Так оно и было», с тоской подумала Анна, когда та снова обернулась в сторону дома, уже невидимого даже через голые ветви деревьев и кустарников.

— Vite! Allons, vite! ^[396] — прикрикнула на них мадам Элиза, таща за собой Катиш, что едва ли передвигала ноги в том полуобморочном состоянии, в какое впала от страха. Снова обернулся Титович, сурово взглянул из-под околыша меховой шапки: «Поторапливайтесь, барышни! Поторапливайтесь!».

Анна с Полин завизжали в голос, когда услышали звуки выстрелов, разорвавшие тишину сумерек. Катиш упала на руки мадам Элизе, которая стала тормозить ее тут же, трясти с силой, пытаясь привести в чувство.

— Титович, помоги! — Анна кивнула на кузину, и лесник, словно пушинку, подхватил ту на руки. Продолжили путь по залесной аллее, уже почти сворачивали в лес, когда до их ушей донесся очередной звук со стороны дома. Крик между звуками выстрелов и каким-то странным гулом. Мужской голос, в котором Анна без труда признала Лозинского.

— Аннеля! Аннеля! — звал он ее, и она испуганно отметила, что с каждым разом голос и странный гул звучат все ближе. Лозинский знал, что они будут пытаться скрыться от французов через парк позади дома, как убежали от преследователей в конце прошлого месяца партизаны во главе с Давыдовым. И теперь он шел по следам беглецов, таким явным даже в сумерках на фоне белого полотна снега. Шел не один — Титович хмуро сказал, что не менее десятка всадников идут за ними по аллее.

Решение пришло неожиданно. И Анна отстала от их небольшой группки, затерялась среди кустарников, не стала обращать внимания на крики мадам Элизы. Предварительно сунула в руку Полин один из пистолетов, быстро прошептав, что курок следует взвести дважды прежде, чем стрелять.

— Я не могу вывести поляков на вас, — прошептала ей прежде, чем убежать в лес. — Идите одни. Вы ведь ни в чем не виноваты... мне он не причинит вреда... защитит... вы же...! — и умолкла, вспоминая слова Влодимира, сказанные когда-то ей: «...мне ведь наплевать на каждого из них. Наплевать на всех, на эту землю, на этих людей. Нет дела, что будет с ними. С ними, но не с вами!»

Как же быстро темнело! Как больно били в лицо ветви кустарников и еловые лапы! Анна крикнула дважды, отводя за собой Лозинского, не давая ему идти в ту сторону, куда ушли остальные. Замолчала только тогда, когда убедилась, что свернули именно по ее следам.

Лес не давал Анне идти вперед без усилий, но всадникам за ее спиной пришлось гораздо хуже. Скоро они будут вынуждены спешиться и вести коней на поводу. Это даст ей некое преимущество. Как и темнота осеннего вечера, который опускался на земли медленно.

Поляки за спиной Анны не знали этого леса в отличие от нее, знавшей в этом граничном лесу едва ли не каждую поляну. Она плутала между деревьев, дважды обходила их, стараясь держаться на приличном расстоянии. Лозинский звал ее, уговаривал выйти, что-то еще кричал через сгущающуюся над лесом темноту, но она не слушала его, сосредоточившись на том, что запутать следы прежде, чем выйти к убежищу, где планировала некоторое время переждать. Никто не будет искать ее здесь, в этом

покосившемся сарае, где хранили сено с летних покосов. Да, она рисковала, идя сюда через открытое пространство луга, но предпочла рискнуть, отдаваясь на волю вечерней темноты.

В сарае все было по-прежнему, так, как она запомнила. Охапки сена на земляном полу, кое-где покрытые легкой порошей снега, проникшего сюда вместе с ветром через щели в крыше. Вязанки трав на стенах, едва заметные лезвия горбуш на досках. Анна огляделась, переводя дыхание, возвращаясь мысленно в тот день, когда за этими тонкими стенами бушевала гроза.

— Vous êtes en colère [\[397\]](#), - донесся тихий девичий голос до уха Анны, а потом мужской голос медленно произнес:

— Qu'est-ce que j'ai fait au bon Dieu? [\[398\]](#) Ведь я уже отравлен ядом. Твой яд уже в моей крови, в моем сердце, пусть и помимо моей воли. И этого, видно, не переменить ныне... Отныне мы и обручены с тобой, милая моя. Обменялись же перстнями, пусть и не под сводами церковными...

— Мне страшно, — прошептала Анна, трогая камни подаренного ей тогда кольца, повторяя эту фразу за тенью той Анны, которая все еще была в этом сарае в летний день, переживая грозу, кожа которой еще горела от горячих ласк и поцелуев любимого. — Мне страшно, Андрей...

И к ней шагнула тень Андрея от двери, как когда-то он шагнул в тот день, заключил в свои объятия, прижал к своему горячему телу, наполняя душу уверенностью, что они сумеют преодолеть все, что бы ни разлучило их. Анна вздрогнула, когда откуда-то из-за стен сарая до ее уха донеслось «Аннеляяяя!». Этот крик был еле слышен, но он разрушил чары — она стояла одна посреди сарая, наполненного не ясным светом летнего дня, а темнотой осенней ночи. Она была одна, и, увы, некому было развеять в это миг ее страхи, захлестнувшие ее, закружившие голову. Анна быстро пересекла сарай и пробралась по мокрому от стега сену в самый дальний и самый темный угол. Прижалась к стене, положив подле себя пистолет, взвев курок в первый раз. А потом закрыла глаза, воскрешая в памяти голубые глаза и ласковую улыбку, озаряющую лицо таким дивным светом, от которого у нее каждый раз замирало сердце. Она убьет Лозинского, если он попробует вытащить ее из этого угла! Или не убьет...? О Господи!

— Аннеляяяя! — донеслось до уха Анны снова, и она сильнее зажмурила глаза, вспоминая тот сон, что видела этой ночью. Их первый танец — valse. Зала, полная ароматов цветов и света свечей. Белый шелк ее платья и кружево фаты. Его глаза, светящиеся тем самым огнем.

Только ныне она поняла, что этому сну не суждено стать явью. Никогда. Ведь среди гостей стоял и улыбался Петр, радуясь счастьем сестры. Стоял на обеих ногах...

— Аннеляяяя! — раздался крик, полный отчаянья и злости, в который раз. Показалось ей или он был уже ближе к ее укрытию, чем раньше? И она взвела курок во второй раз...

Сентябрь 1812, Коломенский уезд

Нещадно болела голова. Просто раскалывалась на части, ломило в висках и в затылке. Выписанные доктором порошки совсем не помогали от этой боли.

— Никаких тревог и волнений, — предупредил тогда тот, аккуратно пересыпая порошок из мешочка, что достал из своего саквояжа, в другой, тот, что останется на руках у его пациента. — Доктор лазарета был прав — рана неопасна. Опасны следствия от этой раны...

— Когда я могу вернуться в полк? — спросил Андрей, натягивая на плечи рубаху, аккуратно управляясь еще не до конца восстановившейся левой рукой.

— Какой же вы нетерпеливый, батенька мой! — покачал седой головой доктор. Он наблюдал Оленина с малолетства, потому мог позволить подобную фамильярность по отношению к офицеру. — Рука еще только-только окрепла! Боли головные да кружения! Что за воин то будет? Тут же к французам в руки-то и падете! Даже в седле не усидеть ныне. Вот окрепните доволь, поправите здоровье, тогда я сам провожу вас на ратные подвиги. А ныне же — даже не думайте!

Никаких тревог и волнений, сказал доктор тогда. Но как тут без них, когда неизвестность сжигает душу, а собственное бессилие что-либо изменить не дает ни на миг вдохнуть полной грудью? Андрей свернул с аллеи дорожки, прислонился плечом к стволу раскидистой ивы, что росла на берегу небольшого усадебного пруда, стал задумчиво смотреть, как легкий ветерок гонит рябь по темной воде. И снова в голову полезли мысли, не оставлявшие его ни на миг в последний месяц. Где Анна ныне? Что с ней? Здрава ли?... жива...?

Андрей всякий раз повторял мысленно все, что знал на тот момент. Вспоминал разговор с Михаилом Львовичем в Милорадово и его слова, что уехали домашние на Тульщину, спасаясь от наступающей армии неприятеля. И его визит в московский дом Шепелевых, когда перепуганный и белый от страха дворецкий, прислушиваясь к звукам марша проходящей через город армии и убегающих от опасности жителей, запинаясь, проговорил, что барышня не появлялась в столичном граде, что сами дворовые встревожены этим обстоятельством.

Эти слова тогда ударили Андрея с силой прямо в солнечное сплетение. Стало тяжело дышать, и тут же заломило в висках, заволкло туманом перед глазами, угрожая обмороком ему, еще толком не отошедшему от своих ран, от слабости, охватившей тело и не желающей выпускать из своих рук. Он ушел своевольно из лазаретного обоза, вырываясь из рук одного из ходивших за ранеными солдат, едва ступили в город, миновав заставу. Как он мог быть в Москве и не получить ни единой вестки, чтобы успокоить вдруг заколовшее сердце, когда узнал об оставлении неприятелю первопрестольной? Когда узнал, как быстро вошел в Гжать Наполеон, отрезая путь многим беглецам, стремившимся ускользнуть от армии противника.

Но оставалась еще надежда, что тетушка повезла Анну и девиц в свой особняк, не заезжала к Шепелевым на двор. Андрей понимал абсурдность этого предположения, но надежда гнала его к дому графини Завьяловой. Через плотные ряды уходящих из города людей, не вслушиваясь в крики и плач, стоявший над городом, не обращая внимания на боль во вправленной после вывиха руке, которую то и дело задевали путники, и на стук, стоявший в висках, становившийся все громче и громче с каждым шагом.

Вот и заветная кованая ограда с графским гербом на закрытых воротах. Светлая штукатурка стен и белоснежные балюстрады балконов и парадной лестницы. Ворота были заперты, и Андрею пришлось долго колотить в них — сперва кулаком, а после ногой, с трудом удерживаясь на ногах при очередном наплыве беглецов, идущих по улице, цепляясь за ковку ворот, чтобы устоять при очередном толчке в спину. На стук вышел к воротам хмурый высокий детина в овчинном жилете с карабином в руках, но тут же заулыбался, заметив Андрея, бросился отворять, растолкал прохожих, что едва не сбили барина наземь в очередной раз.

— Ох, Андрей Павлович! Слава Богородице, что уберегла вас на ратном поле, — детина улыбался, искренне радуясь, что молодой барин остался жив, пусть и задело его, судя по перевязи. — Люди молвили, много наших молодцов легло под Москвой. Мы уж столько поклонов клали за ваше благородие, столько клали!

— Погоди, Семен, погоди! — Андрей не пошел в дому, заметив плотно затворенные ставни, означающие, что хозяйки в особняке нет. Он устало сел на траву, сойдя с аллеи, ведущей к дому от ворот через парк, опустил голову, надеясь, что стук крови в висках утихнет от этого. Голова кружилась, руки и ноги дрожали, словно он только-только от горячки очнулся. Обратно в лазаретный обоз одному не вернуться, а своего Прохора он послал в Тульские земли, еще когда от Бородино отходили.

— Барыня была здесь? Приезжала со Смоленщины? — спросил Андрей, собирая остатки сил, и Семен снова нахмурился, покачал головой.

— Не было барыни-то, ваше благородие. Ох ты, святые угодники, неужто осталась под супостатом?! — воскликнул Семен. Эти слова были последними, что слышал Андрей прежде, чем упасть на спину в коротко покошенную траву и лишиться духа.

Он очнулся от холодных капель, падающих на лицо и всякий раз отдающихся при том падении каким-то неясным шумом в голове. Шел мелкий дождь, словно темно-серые небеса оплакивали оставление Москвы, от которой уже на приличное расстояние отъехала коляска тетушки, снаряженная ее дворовыми и увозившая его в Агапилово — имение Олениных под Коломной, которое Андрей отписал матери и сестре этой весной, откупив из обязательств.

Андрей смотрел в это свинцовое небо, слушал, как переговариваются идущие возле коляски беглецы из оставленного города, слушал стук копыт по дороге, скрип колес и звон упряжей и думал. Ведь он не мог не думать о той, кто оставалась с каждым шагом лошадей все дальше и дальше от него. Надобно, говорил он себе твердо, надобно надежду питать, что графиня увезла его невесту в Тульщину, что Прошка привезет вести, а возможно, и заветное письмо, написанное таким знакомым и таким милым глазу аккуратным почерком. Но разумом он ясно понимал, что эта надежда беспочвенна — при пути непременно бы заехали в Москву поменять лошадей, град не миновать по дороге к Туле. И сердце больно сжималось, как его ладонь сжималась в кулак так, что ногти впивались в кожу тыльной стороны ладони.

И он смотрел в это серое небо над головой и мог думать только об одном — лишь бы все миновало... лишь бы миновало... И молил, чтобы Господь дал возможность погнать обратно французов с русской земли. Чтобы снова вернуться в тот лес, в тот дом с белыми колоннами и шпалерами, увитыми розами. Вернуться к тем рукам и губам. К своему сердцу. И снова как молитву ввысь, в серое небо, плачущее дождем — убереги, сохрани, защити. Ибо я не могу...

На подъезде к Агапилово коляску Андрея встретила ватага деревенских мальчуганов.

Взметая пыль босыми ногами, они побежали вдоль дороги, обгоняя лошадь, идущую медленной рысью (лишь бы галопом снова не вызвать приступа мигрени у барина) — ведь барышня Софья Павловна обещала копеечку, если те поспешат принести вести о брате. А пара мальчуганов свернула в иную сторону — к Гребнево, где схожих вестей ждала молодая вдова, поселившаяся на время войны в доме родителей в соседней усадьбе.

Софи ждала брата на крыльце. Чересчур высокая для женщины по общепринятым меркам, широкоплечая (про таких обычно говорят — крепко сбитая). Она стыдилась своего телосложения, оттого и движения ее часто бывали угловаты, неуклюжи. Алевтина Афанасьевна сразу же поняла, что дочь долго будет сидеть в девках, и только лишних толков добавит к имени Олениных. Оттого и решила, что вывозить ее на светские приемы и балы не будет — и средства сэкономит, и шепотков за спиной избежит. Андрей безуспешно пытался переубедить мать в том решении. Но что он мог сделать, когда и сама Софи, уступая в очередной раз матери, покоряясь ее воле, отказалась от выездов? Отныне ей была суждена роль сиделки и вечной компаньонки при матери. И роль некоего парламентаря между братом и Алевтиной Афанасьевной.

Софи стояла, приложив руку ко лбу козырьком, кутаясь в кашемировую шаль от холодного ветра, срывающего пожелтевшую листву с берез, растущих возле усадебного дома. Она прикусила губу, когда Андрей с трудом выбрался из коляски, когда шагнул к крыльцу. Сбежала по ступеням прямо в его распахнутые объятия и разрыдалась, прижимаясь мокрым от слез лицом к его плечу.

— О, мой cher! Ты жив! Ты жив! — она еще крепче прижалась к нему, и он ласково коснулся губами ее кудряшек, заколотых вверх на затылке, погладил по спине, пытаясь успокоить. — Когда до нас дошли вести о том сражении... Бородино... сколько павших там! Сколько павших! — и она снова разрыдалась, пугая брата своими бурными эмоциями, так несвойственными ей обычно.

— Неужто Прощка письма не завез? — спросил Андрей, подхватывая шаль сестры и заботливо кутая ее плечи от ветра. А потом взял ее за руку и повел в дом, чтобы укрыть ее от осеннего холода, не дать подхватить простуду. Заглянул в глаза с тревогой, заметив, как она бледна лицом, как потемнели серые глаза.

— Завез. Было письмо, но, мой cher, ты ведь чрез Москву... а стольная ныне... после того сражения, — и Софи снова заплакала, прижимая к губам платок.

В передней старый сгорбленный лакей подхватил с плеч Андрея плащ, стряхнул с сапог дорожную грязь прежде, чем тот ступит в жилые половины дома. А Софи уже тянула за собой брата, в гостиную, где у окна сидела в кресле Алевтина Афанасьевна, гордо выпрямив спину и неотрывно глядя в окно, в сад, где дворовые сгребали опавшую листву, собирали упавшие от ветра сухие ветви. Она не взглянула на ступившего на порог сына, даже головы не повернула. И руки не подала, потому Андрею пришлось самому опуститься на колени перед ее креслом и взять ее сухую ладонь в свою руку, поднести к губам.

— Рад видеть вас в добром здравии, маменька, — помимо воли голос чуть дрогнул от волнения, когда Алевтина Афанасьевна перевела взгляд от окна на него, мельком оглядела с головы до пят его, чуть задерживаясь на перевязи. Но ничего не сказала, даже не кивнула в ответ. Только смотрела на него и молчала. Как обычно.

И как обычно вступила Софи. Стала рассказывать о том, как они переживали за Андрея, как с нетерпением ждали весточки от него. Спросила, не голоден ли он, не устал ли с дороги, и Андрей ответил, что подождет обеда, не будет нарушать распорядок дня,

заведенный в доме матерью, зная, как та не любит этого. И к себе не пойдет отдыхать, посидит до обеда в гостиной с матерью и сестрой, наслаждаясь их присутствием, слушая треск горящих поленьев в камине.

Софи подложила брату под голову небольшую диванную подушку, чтобы ему было удобно опираться на высокую спинку, села после подле, взяв его за руку, переплетя пальцы с его пальцами. Она всегда была близка с Андреем. Ведь они выросли здесь, в Агапилово, бок о бок, с самого малолетства. Это Бориса отдали в корпус в столице на обучение, надеясь на то, что тот сделает после отменную карьеру в армии. А Андрея и Софью Алевтина Афанасьевна оставила в Агапилово, полагая, что с них довольно и того, что дает гувернер — высокий и худой француз.

Они вместе здесь вошли в пору юности. И оба здесь влюбились. И брат, и сестра. Оба е обитателей Гребнево. Андрей потерял голову от прелестницы Надин, а Софья отдала свое сердце ее кузену, приезжавшему погостить на лето из московского пансиона. Она встречала его неоднократно позднее и в Москве и любовалась им украдкой. Так к лицу тому был темно-зеленый мундир с черным воротом и петлицами артиллерийского полка, треугольная шляпа с черными петушиными перьями. И так сверкали его глаза, когда они случайно встречались взглядами. Она была ему по сердцу, она видела это в его глазах. Удивлялась, что он разглядел в ней, ведь только Andre считает ее привлекательной и то — исключительно из любви к ней, вестимо. Она видела в отражении зеркала, что ее нос чересчур широк, а скулы так и выпирают. Что губы не так красиво изогнуты, как у Надин, а пухлая нижняя только больше привлекает внимания к некрасивым чертам. Андрей со схожими чертами был все же привлекателен по-своему, она же — дурнушка дурнушкой!

Но мыслимо ли, что сей офицер артиллерии все же мог ступить к ним в дом с предложением после того скандала, что надолго, если не навсегда отворотил Алевтину Афанасьевну от семьи соседей? Мать даже слышать после той ссоры не желала ни о невестке ни о ее родителях, ни о других близких. Не раскланивалась с ними даже на церковном дворе, будучи в Агапилово с наездами, забывая о заповедях Господних, о всепрощении и милости. Оттого и отказала кузену Надин, когда он приезжал в московский дом Олениных прошлой зимой свататься к Софье.

О, Софи думала тогда, что ее сердце разорвется от горя! Столько слез он тогда выплакала, столько ночей не спала! Алевтина Афанасьевна отныне даже в церкви наблюдала за дочерью, чтобы та лишней раз не взглянула на офицера артиллерии.

— Мыслимо ли? С Мухановым племенем сызнова спутаться! Не бывать тому! Не бывать! — твердила она дочери. — Вот положишь меня в гроб и ступай к своему Муханову. А покамест — не смей! Что ж за кара мне, Господи? Отчего детей мне подарил таких неслухов? Только на боль сердешную да на маяту одну! Это ж гляди-ка — Муханов!

Софи надеялась, что судьба переменится. Что Андрей, который всегда был благосклонен к ней, даст ей совет, как поступить в этой ситуации. Но когда тот приехал в Агапилово к Пасхе, завершив дела в Москве, отчего-то не смогла рассказать о своей незавидной доле, промолчала. Да и брат был не расположен для разговоров, как ей казалось тогда. Только хмурился и курил частенько, плотно затворившись в библиотеке.

Кто бы знал, что Софи видит своего любимого в тот день последний раз в жизни, когда тот спускался по ступеням дома, получив отказ в сватовстве? Кто знал, что ей суждено будет навсегда запомнить его именно таким — хмурым и расстроенным, с побелевшим лицом над воротом шинели, под темной треуголкой с черными перьями? Он взглянул тогда на нее от

саней, ожидающих его у подъезда, посмотрел на окно, у которого она стояла, и улыбнулся. Словно прощался. Тогда Софи решила, что он отказывается от нее, что вскоре узнает о его венчании с другой.

Так и вышло. Почти. Он действительно больше никогда не вернется к ней. Пришел этот страшный день, и Надин написала ей, что ее кузен отныне никогда не ступит более на порог дома Олениных. Ибо в сражении близ Бородино капитан артиллерии Муханов был убит в схватке у своего орудия, сойдясь в рукопашной с французской кавалерией, атаковавшей его позиции...

Софи смотрела на Андрея и сжимала его руку, вспоминая о том дне, который отнял у нее надежду стать счастливой и едва не отнял брата. И снова не смогла сдержать слез, которые так и полились из глаз одна за другой.

— Довольно лить слезы! — резко заметила мать от окна, поджимая губы. — Андрей Павлович жив и цел телом, чего еще оплакиваешь? Спроси-ка лучше Андрея Павловича, есть ли у него вести о Марье Афанасьевне? Что-то давненько вестей не слала ко мне. Как с ней размолвились о *candidature de épouser* [399], так и смолкла. Что там сестрица моя? Как здоровье ее? Куда отправилась ныне, в столицу аль аж под Тамбов [400] уехала от француза?

И Андрей снова помрачнел лицом. Нет, не от того, что мать не обратилась к нему напрямую, предпочтя игнорировать его по-прежнему. Оттого, что снова сжала сердце ледяная рука страха и неизвестности.

— Я получал вести от тетушки в последний раз, когда были у Дорогобужа, — ответил Андрей матери. — И последнее, что узнал — она выехала в конце августа из гжатского имения в сторону Москвы. Но в престольной так и не появилась...

Алевтина Афанасьевна немного помолчала, а потом сказала громко:

— Скажи Софи своему брату, что нет нужды тревожиться о судьбе графини. *Rien n'a de prise sur la!* [401] Уж я — то знаю, пусть поверит мне... А что нареченная Андрея Павловича? Земли-то ее, вестимо, под французом ныне. И московские, и гжатские... А сама-то?

— Анна Михайловна выехала совместно с графиней. Более о ней ничего мне неведомо, — произнес Андрей. На его удивление, мать промолчала, не стала отвечать резко, как он ожидал. Ей пришлось не по нраву его выбор жены, о чем она и написала через Софи в ответ на его письмо о том, что ныне связан словом с *mademoiselle* Шепелевой.

«...*La étourdie* [402], кокетка, истинно так, по словам, что донесли до меня! Но вестимо, Андрею Павловичу по нраву женские персоны подобного склада, раз второй раз на ту же рану сыпет соли... Воля Господа покарать в той же степени того, кто так жестоко поступил с родным братом! Изведать Андрею Павловичу той же муки, что *mon pauvre Boris* испытал... *se mariage est pour lui reine!* [403] Таковы мои слова на сей счет. И коли в нем осталась хоть капля разума, он откажется от своего намерения и уступит моему выбору...»

Андрей написал тогда в ответ, что остается при своем решении. Он женится на Анне Михайловне Шепелевой, и, коли нужда придет, даже без материнского одобрения. И такова его воля!

Более слов от матери он не получал. Писала только Софи, в конце каждого письма, ставя неизменное «*Maman* шлет вам, *mon cher frère* [404], свое благословение материнское». Но они оба знали, что эта приписка делалась только по доброте душевной Софи, что Алевтина Афанасьевна никогда не передавала этих слов сыну, которого вычеркнула из своей жизни.

Порой Андрей за эти дни, проведенные в Агапилово при восстановлении здоровья, хотел упасть на колени перед матерью, прошептать, что он солгал, обманул их всех, спасая Надин, спасая брата от той дуэли, которая свершилась все же позднее. Он сам себя загнал в ловушку, пытаясь уберечь то, что нельзя было сохранить в целостности. Судьба уже запустила маятник, отсчитывающий дни до трагедии, унесшей жизнь брата, а Андрей только отстрочил ее, но не устранил той опасности, что висела над их семьей. Думал, что смог, но, увы...

Но потом он видел холодные глаза матери, ее поджатые губы. Вспоминал, как она была нежна с Борисом и скупа на ласки к нему, Андрею, как всегда выделяла старшего перед младшим. И понимал, что ничто уже не переменит ее отношения к нему. Для нее он виновен. И даже его оправдания не помогут снять той вины или уменьшить ее груз. Только усилит ненависть матери к Надин, неприязнь к маленькой Тате, которую та незаслуженно считала прижитой не от Бориса. Кто ведает, на что толкнет эта ненависть его мать? Ведь Андрей знал, какова она по натуре — мстительная, злая на язык, жестокая. Но он любил ее и такой... Матерей не выбирают, и даже тех, кто ненавидит всем сердцем, любят от души, до темноты в глазах, до слез на глазах от несправедливости. Любил и прощал ее ненависть и ее равнодушие к его ранам, к его боли, к его мукам, которые он испытывал ныне, запертый волею судьбы в стенах усадебного дома в Агапилово.

Вестимо ли это, усмехнулся Андрей, бросая сорванный с ветви ивы длинный желтый листок в пруд и наблюдая, как расходятся круги по воде при этом. Порой ему даже казалось, что мать волнуется больше целостность московского дома после того зарева, что было видно несколько ночей в небе со стороны первопрестольной, чем целостность его костей.

Позади него раздался шорох опавших листьев, и он резко обернулся. Аккуратно ступая по сухой листве, приподнимая подол бархатного пальто и платья, шла Надин. Она на миг остановилась, заметив, что Андрей увидел ее, но путь свой продолжила и вскоре заняла место возле него на берегу пруда.

Долго молчали, глядя в темные воды, на поверхности которых плавали ярко-желтые листья, упавшие с близстоящих деревьев, наблюдая за этими «корабликами», которых куда-то гнал ветер. Потом Андрей повернулся к ней и взглянул на нее, напряженную, бледную.

— Мне сказала Софи, ты через три дня в полк? — спросила она тихо, и он кивнул, помимо воли оглянувшись в сторону дома. Ему не хотелось, чтобы мать увидела его и Надин в этом невольном уединении возле ив. Не ради себя и не ради спокойствия матери, и даже не ради самой Надин, которой все-таки следовало быть осторожнее со свекровью. Ради Таты, которая до сих пор не могла взять в толк, отчего с ней так холодна бабушка по отцу, которая так быстро подрастала и скоро будет многое подмечать, о многом думать.

Ранее Надин приезжала в Агапилово всегда с Татой, этой маленькой шалуньей и егозой, так похожей на брата, особенно, когда ей что-то было по не нраву, и она поджимала обиженно губы. Андрей отчего-то привязался к племяннице гораздо крепче, чем бывало обычно в семьях их круга, потому мать и стала зло обвинять его в том, что кровь в Тате не Бориса, а его кровь. *C'est absurdité!* Он не касался Надин ни разу с того дня, как вернулся в Агапилово в 1806 году после похода в Австрию, и того самого вечера, когда он едва не потерял голову год спустя...

Хотя, надо признать, что мать имела право думать так. Учитывая то, что, как ей казалось, она знала достоверно.

— Ты толком не здоров еще, — произнесла Надин и взмахнула ресницами, как только

она умела это делать — очаровывая глубиной своих карих глаз, озорством, что светилось в глазах. Флирт был у нее в крови, как понял Андрей позднее. Она не могла не очаровывать любого, кто стоял перед ней — будь это простой офицер или сам император. А очаровав, можно было вертеть на свой лад дело. Когда тот, кого так манили к себе эти глаза и эти изогнутые в улыбку губы, уже был готов на все ради этой красоты.

— Ты толком не здоров, я справлялась, — продолжила она. — Что тогда? Что тянет тебя вернуться туда?

— Ты забываешь о долге офицера, — мягко сказал Андрей. — А он аккурат в том, чтобы занять место в рядах и так уже поредевшего полка. И пока неприятель на этой земле, разве может ли быть иначе, Надин?

Да, полк их снова заметно поредел. Конечно, не так, как тогда, при Аустерлице, но все же потери были весьма ощутимы. Погиб командир полка, барон Левенвольде, сгинул на позициях неприятеля застреленный уланом Римский-Корсаков, а кроме них не досчитались убитыми еще трех офицеров, не считая нижних чинов. Около четырех офицеров, включая его самого, выбыли из-за ранений, двое пропали без вести. Как мог он, зная это, оставаться здесь, под Коломной, наслаждаясь этой видимостью прежней мирной жизни? И зная, что она там, за той чертой, разделившей ныне страну на части?

— Рука уже действует, а голова... я сражаюсь все же не головой, — усмехнулся Андрей. Надин нахмурила носик недовольно.

— Я ведаю, отчего ты желаешь вернуться в полк так скоро. Говорят, что планируют дать еще одно большое сражение Наполеону, как только он отступит от Москвы. И ты желаешь быть именно там, горячая голова, — а потом добавила тут же, едва сделав паузу. — И вести желаешь получить из первых рук. Ведь только отказы приходят, верно?

Она смотрела на него внимательно, не отводя взгляда, стремясь прочитать по его лицу, о ком более тревоги у него в душе — о тетушке ли, о которой ничего неизвестно доньше, или о невесте, что выехала вместе с той из Смоленщины. Андрей тоже молчал, думая о своем.

Прошка вернулся пару седмиц назад, привезя известие, что в тульской деревне барышни Шепелевой так и не было. Тетка Анны, уехавшая вместе с семейством старшей дочери, в калужские земли, спасаясь от француза, тоже ничего не знала о судьбах Катиш и Анны и просила тотчас уведомить ее, если Андрей проведаст о тех хотя бы что-то. И из имений графини почти каждые три дня приходили письма от управителей и старост, что барыня в тех не появлялась. Последним пришло письмо из столицы от главного управляющего, господина Арндта, в котором тот говорил, что графиня из Гжатска в Петербург не приезжала. Он тоже был обеспокоен судьбой жены, которая осталась при Марье Афанасьевне, и умолял его написать к нему последние вести о судьбе графини Завьяловой и ее подопечной, госпоже Арндт.

Никто ничего не знал. И эта неизвестность сводила с ума Андрея, мешала уснуть ночами, когда он думал и вспоминал, как жесток может быть неприятель на захваченных территориях. «Убереги», просил он мысленно, когда крестился на службах в церкви, глядя на лики святых. «Убереги ее, раз я не сумел...»

В Агапилово со всей округи приезжали с визитами, чтобы взглянуть своими глазами на выжившего в том знаменитом уже сражении Оленина, послушать, как проходило сражение из первых уст, как атаквали кавалергарды кавалерию, защищая батарею, на которой сражался генерал Раевский. И как был контужен упавшей подле гранатой, когда уже отошел полк к своим позициям.

— Если бы не егеря, что случайно заметили меня и тех мародеров на поле, не сидеть бы мне здесь, — говорил Андрей в который раз любопытным гостям. Мужчины хмурили лбы и крутили усы, барышни же томно вздыхали и бледнели лицом, пытаясь представить то, о чем рассказывал Оленин. — Одного француза уложили на месте метким выстрелом, другой сумел убежать. Благо, все это до того, как удар прикладом лишил бы меня жизни. Но этого я не видел — признаюсь честно, лишился духа прежде. Очнулся только в лазаретной телеге, подле других раненых. Мне после сказали, что я удачлив, вестимо. Ведь уже снимались с места, и только случай привел егерей на поле бывшего тем днем сражения.

Что тот случай был банальное мародерство, Оленин решил умолчать. Все-таки те спасли ему жизнь. Стоило ли осуждать причины, которые привели к тому? Тем паче, к нему вернулось кольцо с черным камнем, то самое фамильное, которое он прятал под бок лошади. Оказалось, в полубреду все же указал на свой схрон, умоляя забрать ценность семьи. А вот кольцо, подаренное Анной, ушло в небытие. И словно та тонкая нить, что связывала его с невестой, оборвалась, будто не стало ее, той связи меж ними, которая натянулась между ними в тот день, когда над землями Гжати бушевала гроза. На сердце ныне стало так холодно и так тревожно. И снова его душа замерла, но так как раньше — когда он совсем не чувствовал ее, когда она была мертва. Ныне она ныла тихонько, не давая покоя сердцу и разуму.

Особенно, когда до него доходили известия со стороны, где ныне стояла армия. Ведь частые визитеры привозили с собой в Агапилово и последние вести и толки о положении дел в империи. Говорили, что Кутузов снова уходит от сражения, но ныне именно Наполеон загнан в угол, а не русский полководец. Что повсеместно действуют «малой войной» на территориях, что под французами ныне, и крестьяне, и некоторые офицеры армейские, налетающие отрядами на неприятеля. И все твердили с каждым днем все увереннее и увереннее, что дни Наполеона в России сочтены, что вскоре подпишут государи мировую. Дни складывались в седмицы, и вот уже к концу подошел первый месяц осени, а мир так и не был подписан. Поговаривали, что император и хотел бы, да Кутузов просит выждать время, не дать отступить Бонапарту с высоко поднятой головой.

— Желают гнать, аки пса с поджатым хвостом, — шутили соседи, когда сидели в библиотеке за бокалом рябиновки, которую отменно гнала ключница Агапилово. — И пусть так и гонят! А то!

Но Андрей не в полной мере разделял их веселье, их радость по этому поводу. Для всех них, собравшихся здесь после обеда у камина в уединении от дам, что беседовали в гостиной, война толком и не была. Только у двоих были ранены родные, остальные лишь отдали в ополчение крепостных. И страх испытали в дни, когда горела Москва, когда зарево напугало многих настолько, что они были готовы бросать свои усадьбы и добро и бежать за Калугу и дальше. В остальном все осталось прежним для них: размеренный распорядок дня типичного для усадьбы, поездки на церковные службы, визиты, чаепития и скромные обеды на десяток персон, после музицирование в гостиной и карточные игры за ломберным столом, тихий смех и плавно текущие беседы. Для Андрея же эта война перевернула мир с ног на голову, и он чувствовал каким-то внутренним чутьем, что никогда уже не будет этот мир тем, что был ранее.

— Я удивлена, что ты остался тут тотчас, — вдруг произнесла Надин, и он вернулся мыслями из прежних дней сюда, к пруду и к ней, стоявшей возле него, обрывающей задумчиво листья с гибкой ветви ивовой. — Думала, что уйдешь, едва увидишь меня. Как

делал это ранее... Ведь со мной нет ныне Таты, я рисковала, что ты прогонишь меня. Как прогонял в Москве. И гнал этой весной.... Ты ведь ненавидишь меня, верно? Как Алевтина Афанасьевна.

— Во мне нет ненависти к тебе, Надин, — устало проговорил Андрей. — Но и любви к тебе тоже нет. Ни положенной приличиями, ни иной.

— Жестоко, но правдиво, — прикусила губу она, сжала руки, словно собираясь с силами. — Мне очень жаль, что так вышло, Андрей. Обо всем жалею ныне, веришь? О том, что Борисом увлеклась, как после увлеклась... ах, впрочем, не будем даже имени его упоминать! Я верила ему, а он сломал мою жизнь... Я так верила ему! И эти толки, что разошлись между офицерами, — она достала из перчатки платок и промокнула сухие глаза. — Вся моя жизнь... вот так... не надо было с Борисом под венец... Я так виновата перед тобой, Андрей! Так виновата... Надобно было в то же день, когда мы... когда мы были... надобно было сказать Борису, что я не могу стать его женой, вернуть кольцо. Но мысли тогда пугались... Петербург... собственный дом... Я была так молода и так глупа!

Надин вдруг подошла к нему ближе, коснулась рукава его сюртука, призывая его заглянуть в ее глаза, убедиться, что она ничуть не лукавит ныне, а говорит от самого сердца. Впервые за последние годы она была так близка к Андрею без посторонних, и не воспользоваться этой возможностью она не могла.

— Я так жалела после. Каждый Божий день, — прошептала Надин, отводя глаза в сторону, на пруд, не желая смотреть на него, когда будет говорить то, что желала сказать ему. — Он был ласков только до свадьбы, оставил меня, когда... когда я носила Таточку. Мне порой даже казалось, что он женился на мне только для того, чтобы отнять у тебя. Мы были чужими. Незнакомцами жили в одном доме и делили постель. Оттого и случилась та связь... Я любви хотела, понимаешь? Любви! Той, что была у меня. Той, что я потеряла. Ощутить ту нежность, то тепло... Как раньше. И как в тот день, когда ты вернулся осенью, в год Тильзита [\[405\]](#).

Андрей прикрыл глаза на миг, не желая вспоминать тот день, после которого едва не возненавидел себя за ту слабость, что была у него в душе в те дни. Ныне он ясно понимал, что излечился полностью от той болезни сердечной, мучившей его несколько лет, отголоски которой порой заставляли держаться на расстоянии от Надин. Ныне он понимал, что нужды в том и нет. Прошлое осталось в прошлом, в тех днях, когда он бежал, сломя голову через луг, через высокие травы, чтобы встретить ее около леса, на поляне с тонкими белыми березками, от запаха листвы которых кругом шла голова. Или это было от их поцелуев? Наивные и такие юные...

— Я должна была признаться еще в тот день, — меж тем говорила Надин. — Когда эта злобная преданная собачонка твоей матери, эта горничная, принесла кушак в столовую. Я должна была возразить, когда ты заговорил... а я испугалась, промолчала. Позволила тебе принять всю вину на себя, спасти меня. Ах, Андрей! Они так возненавидели тебя после этого...! И Алевтина Афанасьевна... твоя мать! Как она могла говорить то! Как может ныне...

— Я прошу тебя, — прервал ее Андрей, не желая продолжать этот разговор. — Ненадобно о том. Тем паче, что..., - и он замолчал. Мог ли он сказать ей, что Борис знал правду? Что он понял истину, когда утих гнев, затмевающий разум, заставивший перевернуть вверх дном столовую и выгнать младшего брата вон из дома. Он пришел позднее в казармы Кавалергардского полка, где Андрей снова стал жить на квартирах, попросил пойти вместе с

ним в один из трактиров, где в отдельном кабинете за второй бутылкой цимлянского рассказал, что знает, чей кушак нашла горничная матери в спальне его жены.

— Я знаю, почему ты назвал этот кушак своим, знаю, — говорил тогда пьяный Борис брату, шутливо грозя тому пальцем. — Ты ведь опасался дуэли с другим, кто смело выстрелит в меня, *n'est ce pas?* Опасался, по глазам вижу. Так вот ведь, *mon petit frère* [406], подставлять свою голову из-за того, что жена кого приветила, я не намерен. Можешь меня презирать... можешь осуждать... но себя я люблю поболее. Коли не ведает никто об *adultère* [407], то и нет его для меня. А узнал — то не обессудь! Во всем виновата женщина, ей и ответ держать. А мужчина... мужчина слабое существо, падкое до греха. Вот как-то! Коли еще раз поймаю ее, не обессудь — накажу пуще прежнего и в деревню вышлю, покамест не переменю решения. А грех ее ты зря прикрыл. Мать не простит тебе этого. Даже если покаешься... Никогда не простит! Ей твое благородство отца шибко напоминает. А ты сам понимаешь, ей такая память поперек горла...

Сказать ли Надин, что Борис знал о ее связи с тем армейским офицером? Знал и молчал. И только когда по каким-то причинам в свете поползли слухи об этой связи, а самому Борису несколько раз приходили анонимные насмешливые письма, тот решил дело так, как его требовала совесть и честь семьи.

— Вы такие разные, — сказала Надин, снова касаясь ладонью рукава его сюртука. — Будто от разных родителей прижитые, будто и не родные вовсе. Борис — не плохой человек, но все же... Я ошибалась, думая, что лучше жить в достатке и без любви, чем с любовью в сердце и с пустым кошельком. Я скажу твоей матери, что не ты...

— Не смей! — он поймал ее пальцы на своей руке и сжал их несильно. — Не смей, слышишь? Не испортить жизнь Таты тем самым! Мама думает, что Тата ее кровь, пусть полагает не от Бориса, но все же Оленина. Скажешь ей, что был другой, она отвергнет Тату, даже видя явное сходство, и кто ведает..., — он замолчал, не желая говорить плохо о матери, пусть и ни слова лжи не было в его словах. — Ты должна молчать. Ради Таты, Надин. Ради Таты!

— И тебя не тревожит, что скажут твоей будущей жене о Тате? Обо мне? Ведь толки...

— Моя будущая жена должна верить мне, а не толкам, — отрезал Андрей. — И оставь прошлое прошлому. Мы живем настоящими днями, а не минувшими...

— Вот значит как, — растерянно проговорила Надин, глядя в его глаза. — Значит, Софи правду сказала? Ты отстоял право жениться на этой девице из Смоленщины перед матерью. Ведь мадам Оленина была против этой *candidature de épouser*. Ты мог бы тем самым расположить к себе мать, коли выбрал бы выбранную ею персону.

— Ты уже пошла под венец с тем, с кем родители сказали. Много ли счастья? — отрезал холодно Андрей. — А с Анной Михайловной жить мне суждено, а не матери. И выбирать мне.

— Много ли за ней дают? Позволишь интерес проявить как родственнице? — едко спросила Надин, вырывая ладонь из его руки, кусая губы от недовольства. — И что останется от ее приданого после того, как французы пройдут по Смоленщине?

— Даже если и ни нитки и ни копейки не останется, мое слово у нее, Надин. А своему слову я верен, — ответил Андрей твердо.

Да, то, что Андрей верен своему слову, своему долгу, привитому отцом с малолетства, своей чести Надин знала не понаслышке. Лишь раз на ее памяти он отступил от своих правил. Когда она встретила его в той самой березовой рощице после долгой разлуки, после

его возвращения из Австрии. Она провожала в Москву юношу, а вернулся мужчина, при взгляде на которого у нее перехватывало дыхание, и бешено билось сердце. Отчего она не побоялась тогда пойти до конца с ним среди тех самых берез, но испугалась отменить свадьбу, разорвать узы помолвки, оглашенной с амвона? Отчего так перечеркнула свою жизнь? И даже если она свободна ныне, то ей никогда уже не обнять его так, как она желала бы. Ведь церковные запреты встали между ними невидимой стеной. А ныне вот и та, незнакомая ей, при воспоминании о которой в глазах Андрея вспыхивал свет нежности...

— Прости меня, — тихо сказала Надин, снова касаясь его плеча. Она не могла не дотрагиваться до него, находясь рядом с ним. Даже пальцы кололо тонкими иголками от этого желания. Будто убедиться, что он рядом, что говорит с ней, а не отсылает прочь, не принимая с визитом. Или не награждает вежливым холодом, когда они случайно встречаются в гостиных у знакомых. — Прости меня. За все, что я сделала. И тот... другой... это был всего лишь раз, что бы ты ни думал. Только тебе говорю, потому что хочу, чтобы ты знал. Хочу, чтобы ты знал!

— Я простил, — ответил Андрей. — Время уже в дом идти. Не хватало лишних глаз ныне — не оберемся толков. Ни тебе, ни мне они вовсе не надобны, сама понимаешь. Да и мигрень так ломит виски, прости за прямоту мою...

Но она видела по его глазам, слышала в его голосе, что он лжет ей. Не простил. Просто принял то, что она сделала, но простить так и не сумел. Андрей был слишком прямолинеен, слишком упрям в своих убеждениях. А жизнь — это не прямая линия, на ней столько бывает кривых и неожиданных поворотов. И для того, чтобы простить, необходимо понимание, а понять то, что было против его правил и убеждений, Андрей, увы, не мог.

Пусть она предала его, пусть невольно подставила его семью под такой удар судьбы, неужто в его сердце нет милосердия, чтобы простить ту слабость, которая привела к таким последствиям? Стало горько во рту от осознания того. А еще потому, что она потеряла все, ныне она понимала это. Раньше у Надин была надежда, что его сердце по-прежнему у нее в руках, а теперь от этого чаяния не осталось и следа. Нет, не прежнее чувство двигает Андреем помогать ее маленькой семье, участвовать пусть и издалека в их жизнях. Лишь чувство долга и его натура, благородство, приобретенное с кровью Павла Петровича...

Надин опустила взгляд на листву под ногами, на великолепие осенних красок, что стелилось по саду ярким ковром, прикрыла на миг глаза, собираясь с мыслями, пытаясь совладать с собой и не расплакаться прямо перед ним. Но все же не сумела сдержать слез, когда Андрей легко коснулся ее плеча, обтянутого бархатом пальто, и тихо сказал:

— Береги Тату, Надин, от души прошу. Коли что случится со мной, то только ты встанешь за нее. Ермолино — ваше, я отписал его в случае моей кончины. Часть обязательств выкуплена у совета опекунского. Это всего лишь часть, но все же... И себя береги, Надин... Не тревожься боле о прошлом, не томи душу. Отпусти, как страшное видение ночное. Ничего не поправить, так к чему душу терзать? Где ты оставила коляску? У ворот усадебных? Или в саду остановилась? Я провожу тебя.

Андрей проводил ее до въезда в Агапилово, где Надин ожидал кучер, лениво дремлющий под редкими лучами осеннего солнца, проглядывающим из-за бежавших по небу облаков. Там он снял со своего локтя ее дрожащие пальчики и поднес к губам на прощание, после помог подняться в коляску и долго смотрел в ее бледное лицо снизу вверх.

— Езжай с Богом! И ни о чем боле не думай, — он улыбнулся ей одними уголками губ успокаивающе, а потом кивнул кучеру, который тут же стегнул лошадей, трогая те с места.

Надин быстро склонилась из коляски и коснулась мимолетно кончиками пальцев щеки Андрея, потакая желанию, разливающему в груди горячей волной. Или это слезы так больно жгли изнутри?

— Храни тебя Господь, Andre! — прошептала она. — Я буду молить всех святых за тебя... храни тебя Господь...

И долго смотрела на него, оглянувшись из отъезжающей коляски, кусая губы, позволяя слезам катиться по щекам.

Через три дня, как и говорил ей в саду Андрей, он отбыл в полк, уехал в Калужскую губернию, где в те дни стояла лагерем русская армия в ожидании момента, когда Наполеон решится на дальнейшие военные действия. Надин об этом прислала записку Софи, проводившая брата до границ имения, с трудом разорвавшая объятия и выпустившая из пальцев его мундир, в который цеплялась изо всех сил.

Они обе будут приезжать после в церковь Успения Богородицы местного прихода и подолгу стоять у святых ликов и распятия. Обе будут ставить свечи за здравие тому, кому все еще предстояло биться с французом, и за упокой того, кто уже нашел вечный покой на кладбище одного из монастырей Москвы, где был похоронен по воле семьи. Обе будут с тревогой ждать вестей с той стороны московских земель, где обеим армиям предстояло окончательно выяснить судьбу этой кампании Наполеона, так блестяще начавшейся летом и которой так бесславно предстояло завершиться этой зимой.

И обе будут даже не догадываться при этом, что их молитвы и их тревоги не одиноки, что часто в темноте осенней ночи стоит на коленях перед образами Алевтина Афанасьевна и просит Всевышнего отвести от ее единственного ныне сына и пулю, и саблю, и осколки ядра, и иную напасть. Отвести беду любую от его светловолосой головы.

И даровать ей милосердия в сердце. Ведь без него ей никак не забыть тот страшный день, когда предательство младшего сына разделило ее семью пополам, никак не забыть, что он сделал, как преступил через законы морали. А еще просила Господа дать ей возможность забыть. Забыть и о том проступке сына и невестки, и о том, что сама разрушила его счастье, уговорив Бориса посвататься к приглянувшейся соседке, несмотря на негласный сговор ее с Андреем.

— Нет объявления — нет и помолвки, — говорила она тогда старшему сыну, глядя его плечи, шептала в ухо, что Надин глупа и покладиста, что ее красота поможет ему в свете и в карьере, что ее тщеславие легко толкнет Надин в его объятия. Да и видано ли, что младший брат о помолвке ранее старшего объявляет? И жена Андрею ныне совсем ни к чему, и содержать ее не на что. И если Борису по нраву прелестница Муханова, то и думать не стоит...

Забыть и о том, как потемнело лицо Андрея, когда ему объявили в гостиной Агапилово о предстоящем браке, как дрогнули губы. Как он страдал всякий раз, выходя к семейным трапезам, отводя глаза в сторону от той, кто могла бы быть ему женой, а стала невесткой. Кому Алевтина Афанасьевна так старалась сделать больно в те дни — младшему сыну, которого любила по долгу, а не по зову сердца, или сестре, привязавшейся к Андрею сильнее, чем родная мать? Или его отцу, на которого Андрей так был похож, как горошина из одного стручка? Такой же непримиримый, такой же гордый и благородный, такой же своенравный. И такой же отдаленный от нее, не подчиняющийся ее воле, не прислушивающийся к ней, как Борис. Ненависть, в которую превратилась с годами любовь к Павлу Оленину, перешла на его копию, на его сына. И Алевтина Афанасьевна ничего не

могла с этим поделаться сама, а Господь не слышал ее молитв и покаяний, не мог помочь ей выпустить из души этот яд, разъедающий ее.

И только ночами, когда на дом опускалась тишина, а в спальню Алевтины Афанасьевны входила бессонница, ее душу томила тоска и сожаление. Захлестывало раскаяние. Нет, в том, что она не терпит Надин, эту Иезавель, ненавидит ту всей душой, она не каялась. Приходили лишь мысли о том, как держала когда-то Алевтина Афанасьевна младенчика на руках, как хватал он ее своими тонкими пальчиками за палец и смотрел на нее своими голубыми глазенками. Сжималось больно сердце, когда вспоминала голубые глаза, полные боли и непонимания, почему она так непримирима к нему. И при мысли о том, что творится где-то там, за Москвой, о смерти, которая ныне собирает щедрый урожай по России.

Алевтина Афанасьевна тогда становилась на колени перед образами, читала молитвы и плакала беззвучно, со слезами выплескивая свою ненависть и боль. Отчего она может любить сына только тогда, когда он так далеко от нее, когда она не видит его глаз и черт лица, таких схожих с теми, которые безуспешно пыталась забыть? Отчего, Господи...?

— Нет, нет и еще раз нет! Не позволяю! — горячился генерал-майор ^[408]. Он прошелся по избе из одного угла в другой, недолго задержавшись перед образами, где с минуту смотрел в лик Спасителя, тускло освещенный лампадкой. Потом снова вернулся к столу, у которого стоял, распрямив плечи и спину, Андрей, прижимая локтем каску к телу, с трудом скрывая злость, охватившую его при отказе командира. Хотелось стукнуть кулаком по грубо сколоченному столу, выплескивая весь свой гнев от бессилия и разочарования.

В третий раз он получает отказ на свой рапорт. В третий раз! Это означало, что он по-прежнему останется в Тарутинском лагере, страдая от невольного безделья, которому предавались здесь в ожидании приказа выступать. Даже начинало казаться, что не война идет, а учения — столько времени выжидали, расположившись в теплых избах на квартирах. Эти избы были разобраны в близлежащих к лагерю деревеньках и перенесены на новое место, чтобы стать жилищем для офицеров полков, расставленных в несколько линий, заграждая Калужскую дорогу от неприятеля, закрывая пути к Туле и Брянску, где были расположены оружейные заводы.

За более чем седмицу, что стояли войска на этом месте, здесь образовался небольшой городок — избы, палатки, землянки, в которых жили солдаты, бани и даже организованный рынок, на котором бойко шла торговля не только продуктами, но и скарбом, захваченным у французов или утащенным воровски из оставленных хозяевами имений. Нет, нельзя было сказать, что в лагере не наблюдалось настроений, присущих военному времени. Шли полным ходом тренировки рекрутов, набранных для восполнения людских потерь при сражении в Бородино. Объезжали лошадей, присланных для кавалерии. Обсуждались возможные ходы, что предпримет в дальнейшем князь Кутузов, что редко выходил из отведенной ему «главной» избы, следуя легенде, придуманной для французов о «немощном и больном полководце».

Но в воздухе витал и какой-то странный дух, он явственно ощущался. По лагерю свободно ходили крестьянки и мещанки — кто искал мужей, отцов или сыновей, а кто просто прибился, в надежде заработать копейку на стирке, готовке или услугах иного рода. Часто отмечали пьянство солдат, а то и дезертирство. Реже, но бывало — наказывали плетью за грабежи у местного населения, за мародерство и разбой. Роптали на столь длительные стоянки без особого дела офицеры, собираясь в избах, как только на землю опускались сумерки. Они за чаркой вина или трубкой ароматного табака повторяли друг другу толки, что ходили по лагерю — о разногласиях в «главной» избе, о спорах в командовании, о доносах, что шли в Петербург на каждого из тех, кто заседал на военных советах за столом Кутузова. Не было согласия среди командования, и эти тихие шепотки, эти тени недовольства и подозрений пошли в армию, с каждым днем распространяясь все шире и шире.

Андрей редко засиживался на таких офицерских собраниях за полночь. Его отчего-то тяготила эта атмосфера вынужденного отдыха, будто на учениях были, а не на поле военном, эти пьяные разговоры, а шутки и скабрёзности ныне вызывали не смех, а раздражение. Он понимал, что это все — шумные разговоры и громкий смех, пьяные посиделки и непристойные песенки под семиструнку только оттого, чтобы уйти от реальности насущного дня, от страха, который поселился в каком-то маленьком уголке сердца каждого. Страх

быть убитым, покалеченным или того хуже — быть оставленным на поле бывшего сражения, как оставили при Бородино часть раненых, по некоторым рассказам. И надо отдать должное — доля истины в них все же была. Война жестока, война не знает пощады, потому что это война.

Но война не должна касаться тех, кто слабее и нежнее, не должна никак касаться тех, кто не воин, кто не может ответить ударом на удар. Андрей видел раненых или калеченных французами крестьянских девушек и детей, что искали помощи у докторов армии, приходя тайком со стороны неприятеля, и понимал, что эта война все же иного характера, чем была в Австрии. Французы стали более жестоки, озлобясь все больше и больше от каждого действия русских отрядов, пущенных действовать в тылу врага. И русские ожесточались в ответ, видя эти зверства, и по новому кругу творились бесчинства, лилась человеческая кровь вне поля сражений между армиями.

И подумать о том, что творится там, в тех землях, где ходят отряды Давыдова, было страшно. Хотелось запрокинуть голову вверх и крикнуть в эти тусклые звезды, в это ночное небо. «Где ты? Что с тобой?» Эти две короткие фразы стучали вместе с шумом крови в висках в ночную пору, когда он устраивался спать на узкой лавке, кутаясь в шерстяное одеяло. Он думал, что ему позволят поехать к Давыдову или в другой отряд, действующий в тылу неприятеля возле Гжатска или Можайска. Такое назначение было бы благом. Что ему несколько десятков верст и даже сотня, коли к ней будет пробираться лесами при случае? Или хотя бы скажут, что там ныне, в Милорадово и в соседнем Святогорском.

Но каждый раз получал один ответ — «сия оказия исключительно для войск гусарских или иных армейских, не для офицера кавалергардской гвардии». Его дело было ныне пестовать новых солдат, что были набраны из рекрутов согласно требованиям на место выбывшей сотни из числа низших чинов. Многие из них попали в его эскадрон, во главе которого Андрей снова встал, прибыв в Тарутино. Тут же ждали его не только новые лица в подчинении, но и повышение в звании на чин, и... «Анна» — орден святой Анны с алмазами [409], полученный за атаку при Бородино по представлению командира полка.

Андрей тогда держал этот орден в руках, смотрел на рисунок, нанесенный на эмаль, и не мог не вспоминать при взгляде на этот тонкий, еле угадываемый женский силуэт другой, тот, что еще этим летом он держал в своих руках.

— Вот нам бы еще Владимира бы в придачу к Анне! — говорил Прошка, натирая до блеска орден Георгия и крест за битву при Прейсиш-Эйлау, прикрепленные к мундиру хозяина. Его лицо сияло при этом, как начищенный пятак, и один из ротмистров полка Андрея, деливший с ним избу, даже пошутил при том, что его денщик рад награде поболее самого Оленина.

Наверное, так оно и было, думал позднее Андрей, наблюдая, как садится солнце за край леса вдаль, за полем, говоря тем самым, что очередной день ожидания в Тарутино подошел к концу. Наверное, он был бы рад больше Анне из плоти и крови более чем этому холодному на ощупь кресту. Греховные, дурные мысли для офицера, но все же...

На первой неделе октября по армейскому лагерю пронеслась долгожданная весть об оставлении Наполеоном Москвы и о том, что вскоре армии предстоит сниматься с места и двигаться в сторону движения войск Наполеона. И аккурат в тот день Андрей, проходя через пришедший при этом известии переполох и суету среди войск, случайно заметил знакомое лицо среди солдат ополчения в крестьянских тулупах. Он быстро пробрался через егерей, что собирались в путь, проверяя сумки, затягивая подпруги, и схватил за ворот крестьянина,

что тут же испуганно вжал голову в плечи, признавая барина.

— Здравия вам пусть пошлет Господь, Андрей Павлович, — проговорил он, растерянно трогая левое ухо, и только по этой привычке, так раздражавшей в холопе тетушку, что даже планировала убрать того из дома прочь, Андрей признал в нем одного из лакеев, что служил в Святогорском.

— Как ты тут? Давно ли из Святогорского? — Андрей с силой сжал плечо перепуганного холопа, озирающего на товарищей, словно надеясь у тех найти помощь в своем незавидном положении.

— Я, ваше высокоблагородие, с летней поры при дохторах-то в армии, — быстро заговорил бывший лакей. — Как Святогорское пожгли, а людей побили шибко, то долго по лесам скитался, голодая и нужды терпя, а ныне вот на благо земли родной тружусь при дохторах.

— Святогорское сожгли? — отшатнулся на миг от него Андрей, а потом еще сильнее сжал его плечо, тряхнул. — А Марья Афанасьевна? Барыня-то что?

— Так барыня-то уехали с усадьбы-то. Как уехали, так и люди лихие пришли в усадьбу... ой, погромы-то какие были! А барыни не было, нет! Уехали же они! — затараторил холоп и на дальнейшие расспросы Андрея испуганно отвечал, что ничего более не ведает, что столько лишений перенес за время, что шел к людям русским из болот Гжати, где прятался до того. И что не в побеге он, а только по нужде земли родной, по службе. Пусть барин не думает о нем худо — он же вернется, как супостата прогонят взащей.

Но Андрей не слушал его уже, отпустил его плечо, отстранился, когда тот бросился целовать его руку, а потом и вовсе скрылся между солдатами, спеша к своему эскадрону. В голове билась мысль, что Святогорского более нет, разрушено и сожжено одно из крупных имений тети, которое она так успела полюбить за последние годы, что провела там. И нет более этих комнат, этих зал и салонов, террас и светлой балюстрады балконов.

Вспомнил, пока возвращался к своим кирасирам, как стоял в дверях, распахнутых на террасу, как смотрел на лицо Анны, освещенное всполохами шутих и других фейерверков. Ловил каждое движение ее губ, ее восторг, читающийся в глазах тому действию, что было перед ней в тот миг. В тот вечер Андрей вдруг вспомнил, как горяча кровь в его жилах, осознал, как восторгалась душа при виде именно этой улыбки и этих сверкающих глаз, когда она обернулась на него от иллюминации в саду, когда взглянула через плечико, оглядываясь после его слов. О, тогда он сдался... сдался в плен, устав бороться с собственной душой, которая так оживала возле нее, впервые за долгие годы распирала грудь! Только бы и далее жить возле нее! Только бы она, его Анни, жила!

Оттого и не скрывал своего приподнятого настроения Андрей, когда наконец-таки снялись с места и потянулись в сторону Леташовки и Спасского, уходя все далее и далее в сторону границы от Москвы. Оттого и бросался на следующий день в битве в Малоярославце, в которой все же позволили кирасирам принять участие под конец дня, выведя тех из резервов, в самую гущу боя, отключая сознание от происходящего, рубя и коля направо и налево, с трудом удерживая коня на скользкой от крови земле.

Ведь каждый миг этого сражения, этих бесконечных атак на уже руины домов и слабое подобие улочек, а не город, каким тот был еще на рассвете, на этот огненный ад, приближал его к тому заветному для Андрея моменту. Моменту, когда он ступит на гравий той тенистой липовой аллеи, ведущей к усадебному дому, когда откроет перед ним входную дверь пожилой швейцар, и сбежит по мраморным ступеням вниз Анна, едва касаясь перил.

А еще он понимал, что уступи русская армия Наполеону дорогу на Калужский тракт, то под неприятелем окажутся и юго-западные земли от Москвы, а значит, и его мать, сестра, маленькая Тата. И другие, что сражались бок о бок в тот день, понимали всю важность того, чтобы не пропустить французов из разрушенного Малоярославца, не дать ринуться в земли за спинами русской армии. Потому и сражались все отчаянно, забыв об усталости и ранах, об обжигающем лица и накаляющем оружие и амуницию пламени, в который превратился город, полыхающий пожарами.

«... восемь раз град переходил из рук в руки, та chere», писал Андрей позднее письмо сестре в Агапилово, разложив лист бумаги на днище перевернутой телеги, пока Прошка промывал его рану на щеке, с трудом управляясь с пером слегка обожженными в тот день пальцами. «Потери неисчислимы. Раненых много. Но и французская армия, должно быть, поредела ныне настолько, что у Буонапарте не останется иного пути, как повернуть от Калуги. А после и вовсе уйти из империи нашей. Со дня на день сызнава будет сражение, это ясно, как день...»

Но сражение, что ждали многие и во французской, и в русской армии, не состоялось. Кутузов приказал отступать к Детчину, слушая ропот и возражения не только в рядах солдат и офицеров, но даже в собственном штабе, генералы которого требовали дать еще одну битву и захватить-таки в плен Наполеона. И только спустя пару дней, когда гонец от Милорадовича привез вести об уходе Великой армии из Малоярославца к Боровску, двинулись по пути отступающего Бонапарта.

Это было началом освобождения родной земли от неприятеля. Каждый, кто слышал известие о том, что Наполеон ступил на дорогу к Смоленским землям, едва сдерживал чувства, не скрывал душевного подъема и радости. Свершилось! После долгих месяцев войны, после нескольких кровопролитных сражений, после стольких потерь! И даже холодные дни поздней осени, что установились в то время, не смогли бы погасить тот огонь, что разгорался с каждым переходом русской армии, следующей по пятам того, что был виновен в сожжении «сердца России», кто едва не разрушил Кремль.

В один из таких дней, уже под вечер, когда встали у Полотняных Заводов биваком на ночлег, Андрею передали приказ от командира дивизии срочно прибыть в палатку генерал-майора. Удивляясь столь неожиданному призыву, Оленин даже подумать не мог, откидывая полотняный полог, какой сюрприз ждет его внутри. Усталый генерал сидел на раскладной кровати, растирая спину, разболевшуюся с осеннего холода и от проведенного дневного перехода в седле, его денщик грел в жаровне камни, чтобы позднее переложить те на постель. Адьютантов уже отпустили на ночной отдых, ведь с рассветом армия снова должна была тронуться в путь, преодолевая маршем полуторный переход, стремясь загнать Бонапарта в ловушку, перехватить того у Смоленска.

— Вы просили меня позволить вам поехать к отрядам, что ходят в тылу у неприятеля близ Гжати, — проговорил Депрерадович после приветствий, внимательно глядя на вспыхнувшее тут же легким румянцем лицо полковника. Или это с легкого вечернего морозца, с которого тот шагнул в палатку, чуть заалели скулы? — Я понимаю vos circonstances [\[410\]](#). Понимаю, каково вам ныне. И понимаю ваши тревоги. Тяжко бить врага, когда душа непокойна, — Он вздохнул, а потом заговорил уже тверже и решительнее. — В тыл к неприятелю в земли Вязьмы отправляется на подмогу Давыдову два полка казаков по распоряжению Его Высокопревосходительства Михаила Илларионовича. Вы можете ехать с их авангардом, что повезет пакет, и дожидаться нашего подхода в тех местах. Бог даст, коли

продолжим тем же маршем, то через пару-тройку дней и снова встанете во главе эскадрона вашего. Полк ваш сызнова в резерв отправлен до особых распоряжений на сей счет, потому покамест позволяю выехать с казаками, входя в ваше положение... но только в виде исключения пред вашими заслугами!

— Je vous remercie, Votre Excellence! [\[411\]](#) — склонил голову Оленин, чувствуя, как в груди стало намного горячее, несмотря на холод осени, что легко пробирался под мундир и суконную шинель.

— J'espère qu'on se reverra bientôt [\[412\]](#), Андрей Павлович. Путь через земли неприятеля нелегок и сулит много опасностей. Тем паче, ныне, когда француз бит, и бит отменно! Езжайте с Божьей помощью! И надеюсь, вы найдете ваших родных в добром здравии. От души надеюсь на то.

Оба замолчали на миг, думая о том, какой предстоит им увидеть оставленную на милость врага землю, по которой армия скоро пойдет, гоня Наполеона до самого Немана. Потом Андрей склонил голову на прощание, щелкнул каблуками сапог и вышел вон из палатки. Времени было в обрез — как он узнал, казаки выезжали тотчас, надеясь в короткие сроки обогнать армию Наполеона, везя приказ Давыдову и его людям «щипать» ту по мере продвижения по Смоленской дороге от Гжатска до Вязьмы. Аналогичные распоряжения получили и отряды Фигнера, Сеславина и другие, каждый из которых действовал на своем участке тракта.

— Ваше высокоблагородье, шинельку бы позапахнули бы! — обратился к нему, хмуря густые брови, усатый казацкий офицер — глава небольшого отряда, что должен первым привезти к Давыдову распоряжения светлейшего. — Мундир-то в сумерках ясно так видать!

Более они почти не общались за те дни, что ехали к Давыдову, пробираясь по невысокому редкому снегу, через бездорожье и грязь, обходя французов за версту и более, взрывая едва вставший тонкий лед на узких речках, что встречались на их пути. Да и времени для того не было вовсе — торопились доехать до Давыдова наперед армии Бонапарта, в глубине души все же надеясь, что вдруг и им может так повезти, как тем казакам, что едва не прихватили Наполеона у Городни.

Холодный ветер бил в лицо, леденил губы, которые вскоре растрескались. Руки мерзли даже в перчатках, а холодок неприятно трогал тело под шинелью, полы которой так и развеивались на ветру от той бешеной скачки, что задавали, стараясь успеть прибыть к сроку, опередить французов, направляющихся в сторону западной границы. И у каждого этот холод пробрался в самое сердце, едва замечали на краю земли вдалеке, то сбоку, то спереди от себя, черную завесу дыма, говорящую о том, что неприятель уничтожает то, что не успел разрушить и сжечь на пути к Москве.

Давыдова отыскивали в одном из сел в десятке верст или более от Юхнова, к которому его отряд возвращался после очередной схватки с французами. При этом казаков и Андрея едва не сбили с лошадей охранявшие подъезды вооруженные ружьями, пиками и вилами крестьяне, приняв в сумерках за неприятеля. Только отборная брань, православные нательные кресты да тот факт, что французы редко теперь забирались так глубоко от расположения войск, боясь партизан, убедили, что к Давыдову пожаловали именно из армии с пакетом от светлейшего князя. Поспешили проводить к избе, где тот встал на ночлег, извиняясь перед офицерами, идущими вслед за ними, за ту «оказию», что едва не случилась в лесу.

Направляясь за двумя мужиками с топорами за поясами поверх тулупов, Андрей не мог

не взглянуть на лошадь светлой масти, стоящую одиноко на привязи чуть поодаль от остальных. Она еле держалась на ногах, это было заметно даже в сумерках осенних, что опускались на село, бока судорожно вздымались при каждом вдохе.

— Падет-таки, — сплюнул через зубы один из провожатых, и второй кивнул, соглашаясь:

— Не животное, а маята одна!

Андрей сперва не узнал Давыдова, хотя они были знакомы еще со времен австрийской кампании, смутился, когда не сразу узнал, оттого замешкался протянуть руку в ответ на приветствие вставшему со скамьи под образами бородатому мужику в крестьянском армяке. Видимо, для Дениса Васильевича подобное было не впервой, он только улыбнулся и сам схватил Андрея за ладонь, встряхнул ту легко.

— Здравствуйте-здравствуйте, mon cher ami [\[413\]](#)! Надеюсь, дорога в мой скромный приют на эту ночь была для вас не особо трудной. Соседи наши не хватили по пути ненароком, не доставили хлопот? Они у меня суетливые! — засмеялся Давыдов, снова возвращаясь на место, знаками показывая прибывшим занять за столом места напротив него и его офицеров. — Ну-с, с какими вестями вы в мою обитель? И какими судьбами?

Андрей предоставил казацкому офицеру доложить до Давыдова суть дела [\[414\]](#) и передать пакет от светлейшего, который тут же вскрыл и наскоро ознакомился с распоряжениями, отложив в сторону письма друзей и родных, доставленные вместе с теми. Сам же откинулся спиной назад, на бревенчатую стену избы, едва борясь с дремой, что навалилась вместе с теплом натопленной горницы и ароматами свежего хлеба. Усталость все же взяла свое, и он незаметно для себя соскользнул под тихие голоса в сон, в котором видел зеленый луг в Святогорском, вдыхал запахи свежескошенного сена и наблюдал, как идет среди высоких трав легким аллюром белая лошадка, неся на своей спине всадницу в жакете василькового цвета. Развевался на ветру газовый шарф, повязанный на туге женской шляпки. Будто крылья ангела за ее спиной...

— Andre! Andre! — звали издалека его. А после какой-то странный тихий плач раздался за спиной, будто кутята скулят в псарне, лежа подле только родившей их гончей.

Фудра! Андрей резко открыл глаза и выпрямился на скамье. Та лошадь во дворе — неужто Фудра?! Обернулся к нему тотчас от письма, которое читал в скудном свете свечи в плошке, Давыдов. В горнице уже было тихо — спали на лавках и на полу вповалку офицеры, ушла в другую комнату хозяйка.

— Разбудил-таки вас мальчишка? Все никак в толк не возьмет, что нет нужды бояться, — Давыдов кивнул головой в сторону темного угла, где Андрей с трудом различил очертания худенького тела, свернувшегося калачиком на овчинном зипуне на полу подле печи. Именно оттуда и доносилось тихий плач. — Страшно ему сердешному! Не думал, что война — это не в солдатики подле юбки няньки играть.

— Проще, панове! — раздалось тут же из угла. — Проще! Казали мне... Не моя вина, не моя! Я не забил никого! Никого! Я — трэбач... Проще, не забийте мене! Проще! До дома бы мене...

— А ну цыц! Пора для сна ныне! — шикнул на поляка Давыдов, а после повернулся к Андрею, который принялся за ужин, оставленный для него под рушником заботливой хозяйкой. — Возвращались мы с Угры, уходя от французской кавалерии, и наткнулись на обоз в одном из лесов окрест. Французы быстро в стороны разошлись, а вот поляки еще долгонько отстреливались из-за телег, только со временем в лес ушли, побросав добро, а

некоторые и лошадей. Я узнал одного. Еще удивился, что он оставил этого мальчика в обозе, думал, это она. Стрелять боялся отчего-то в тот обоз, как заприметил, — Давыдов протянул руку и вдруг взял со скамьи семиструнку в руки, тронул струны задумчиво, а потом также неожиданно положил руку на струны, обрывая мелодичные звуки. — Сердечные дела — такая тьма для чужих глаз. А уж женское сердце — сущий омут, ничего не разглядеть в той темени. И не понять...

— Откуда у вас лошадь во дворе? Белой масти, — спросил его Андрей, не желая говорить в этот ночной час — время романтики или скорби и тоски — о женщинах и их сердцах. — Схожа с одной, что я видал как-то в имении в этих краях.

— Милорадово? — переспросил Давыдов, и он замер на месте, ожидая, что тот добавит к своей короткой реплике. — Скорее всего, Милорадово. Лошадь из обоза того. С той стороны шли. Жаль ее — загнали, полагаю, не жилица... Красивое создание.

— Есть ли вести с тех земель у вас? Быть может, мимо когда проходили? — а потом осекся, осознав смысл последних слов Давыдова. Французы и поляки шли от имения. Кто ведаёт, что они оставили после своего нашествия на имение?

— Спросите прямо — я отвечу, — Давыдов вдруг прищурил глаза, словно раздумывая над чем-то, а потом протянул руку и что-то схватил со стола, что лежало подле бумаг. Будто пряча от взгляда Андрея. — Я слышал, ваша тетушка, графиня Завьялова, гостила в той усадьбе. Сам ее не видел, по словам чужим говорю. И не могу сказать вам, каково положение дел там ныне, после...

— Я должен ехать туда! — Андрей так резко поднялся с места, что застучало в висках. Совсем как ранее, в первые дни болезни. Пришлось даже прикрыть на миг глаза, выровнять вдруг сбившееся дыхание. На его удивление Давыдов ничего не сказал, только кивнул задумчиво.

— Окрест французов нет, но будьте все же осторожны. Держитесь подальше от дорог и селений. Людей в сопровождение дать не могу.

— У меня есть, — Андрей уже прошел к двери в сени, накидывал на плечи шинель, от волнения не сразу попадая в рукава. — Мой денщик и пара человек из полка. Мне довольно того.

— Я буду проходить к Вязьме. Ищите меня и моих людей в тех землях. А там и армия подойдет, коли таким маршем по следу двинулась, — Давыдов задумался на миг, а потом все же достал из-за спины то, что до того скрывал от взгляда Андрея. — Тут есть кое-что для девицы Шепелевой. Я надеюсь на ваше известное благородство, что вы сохраните чужую тайну, и передадите ей то, что должно быть лишь в ее руках, коли ушло из других.

Андрей сам не мог объяснить, зачем сбросил половинку платка, закрывающего от его обзора дар для Анны от Давыдова, невзирая на то, что сердце замерло тревожно в тот миг, когда в его руку легла эта тяжесть. У него в ладони лежал небольшой портрет-гравюра в изящной рамке из серебра. На Андрея с гравюры смотрела Анна с легкой улыбкой на губах, прижимая к корсажу платья розу на длинном стебле. Мастер искусно передал каждую черту ее прелестного лица, каждую линию тела, угадываемую под тонкой тканью платья.

Этот портрет был украден. Он должен был быть украден вместе с остальными ценностями из Милорадово. Разве может быть иначе? Но портрет лежал на тонкой подложке из писем, и тем же самым почерком было выведено в нижнем углу: «Ma bien-aimé Aniela» [\[415\]](#).

— Коли Анна Михайловна спросит... коли спросит о нем, — прошептал Давыдов. — То

слову своему я верен. Она просила за него, и я не мог... отпустил живым. Ее глаза так и стоят перед мной, когда она просила. Оттого и не сумел выстрелить... отпустил и в этот раз... Только обещайте, что будете молчать о том. Сами понимаете — честь девицы! Иному бы и не доверил. Только вам, зная вашу натуру...

Андрей хотел сперва спросить подробности этой истории, узнать, о чем толкует Давыдов, хотя очевидность ее так и жгла руку ныне, когда он заворачивал в платок портрет и чужие письма. Письма, которые были адресованы той, кого он считал своей. Ее портрет, отданный другому. Нет, этого быть не может! Андрей сжал крепче сверток. Так, что края рамки больно впились в кожу ладони.

Морозный осенний воздух ударил в лицо, когда он вышел из темных сеней на залитый лунным светом двор. Знакомые звезды, которых он так часто спрашивал о судьбе Анны, молча подмигивали ему с высоты ночного неба. Словно смеялись над ним, над его болью, свернувшейся клубком прямо под ребрами.

Маленький отряд Андрея уже был готов выехать из села, когда легкий шум, донесший до его уха от привязи, заставил его задержаться. Маленькая хрупкая лошадка упала на пожухлые листья и редкий снег, дышала с шумом, с явным усилием хватаясь за ускользящую из ее тела жизнь.

— Надоть бы прибить, — покачал головой знакомый Андрею мужик, проводивший его сюда, в это село. Андрей же молча смотрел с высоты своего роста на умирающую Фудру. Подошедший неслышно от коней Прошка вложил в ладонь его заряженный пистолет.

— Надоть бы прибить, — снова повторил крестьянин, кусая ус, пытаясь скрыть свою горечь от того, что лошадка все же не сумела выправиться, не выдержало ее маленькое сердечко.

Андрей смотрел в глаза Фудре поверх дула пистолета, но видел только белоснежное поле в Милорадово, тонкую фигурку в васильковом жакете и такого же цвета шляпке с длинным газовым шарфом на высокой тулье, подол амазонки, развевающийся на ветру. Самое начало... зима этого года, когда он так неосторожно позволил себе пробиться к своему сердцу, а потом и вовсе взять в маленькие ладошки.

Он не смог этого сделать. Не смог нажать на курок самому себе на удивление. Отдал пистолет Прохору и отошел к своему коню, вздрогнув, когда ночную тишину разорвал звук выстрела. Все было кончено... Tout est fini! ^[416]Кончено!

Но после, когда ехали легким шагом через лес или пускали рысью коней на открытом поле, Андрей уже стал сомневаться в том, что узнал. Он вспоминал каждый миг, каждый жест, каждое слово. Рождественский бал, а потом и Святки, когда приезжали ряженые. Аккуратную родинку между хрупкими лопатками и обтянутый тонким шелком стан, каждый изгиб которого помнили его пальцы. Ее глаза, когда она стояла напротив него в оранжерее, блестящие от невыплаканных слез. Ее губы, которые она подставляла так смело тогда в лесу, после той дуэли с гусаром. Ее кожу, теплоту и бархатистость которой он помнил так явственно.

Андрей воскрешал в памяти раз за разом все их разговоры, каждое слово, что сорвалось с ее губ, и понимал, что среди нет самого главного для него. Анна никогда не говорила ему, что любит. Никогда. Даже в те моменты, когда, казалось бы, они должны рваться с губ, от самого сердца идти. Никогда не говорила...

Но разве можно так касаться и так целовать и не любить? Разве можно отдать самое дорогое, что есть у девицы, если только не во имя любви? А потом хмурился, вспоминая, что

не по своей воле Анна отдала свою невинность, что сам заставил ее принять свою руку и сердце, закрыв ей все пути к отступлению. Нет, говорил он себе, понукая коня идти быстрее по заметенному редким снегом лугу, нет, лучше не думать покамест о том. Не думать покамест...

На рассвете въехали в знакомые до боли места, поехали вдоль дороги, ведущей к тракту от земель Голицына, Шепелевых, Павлишиных и его тетушки. Оставшиеся версты преодолели едва ли не галопом, опасаясь попасться на глаза французам. Хотя за все расстояние, что они миновали за ночь и часть утра, ни единой души не довелось встретить. Только пустые деревни порой да трупы людские или скота на обочине дорог.

Андрей выдохнул с облегчением, когда завернув на знакомую ему аллею, вскоре разглядел дом между темными стволами лип. Не почерневший от пожара, не разрушенный артиллерией, а целый на вид, белеющий издалика толстыми колоннами на крыльце. Только перевернутая телега на въезде в аллею с дороги, ведущей от ворот имения, говорила о том, что здесь недавно было неспокойно, и от этого вида снова стала закручиваться в груди змейка страха. Ее кольца сжали сильнее, когда подъехав еще ближе к подъездной площадке, Андрей заметил разбитые стекла в оранжерее, пристроенной к дому, покосившиеся ставни на некоторых окнах второго этажа, листву на крыльце дома и на подъездной площадке, которую давно не сметала метла дворника.

Никто не вышел на громкое ржание коней, которых остановили у крыльца, никто не выглянул в окна передней. Андрей с тревогой оглядывал усадебный дом, поражаясь той мертвой тишине, что стояла вокруг него. Не было слышно дворовых даже с заднего двора, где те определенно должны были быть в этот час, не лаяли собаки, не убирали с аллеи и дорожек листву, не сметали осеннюю грязь. Оттого казалось, что усадьба неживой в этом странном безмолвии, и змея все туже сдавливала сердце в груди Андрея.

Прошка первым взбежал по крыльцу, постучался в дверь, а после заглянул в окна передней, стремясь разглядеть любое движение внутри, в темноте вестибюля. За ним следовал Андрей, когда он уже поднялся по ступеням к двери, та приоткрылась, являя прибывшим в Милорадово бледное старческое лицо поверх пухового платка, в которое дворецкий кутал озябшие плечи.

— Господь и его святые! Господин Оленин! Ваше высокоблагородие! — вскрикнул Иван Фомич и открыл дверь пошире, пропуская внутрь дома Андрея и его спутников. — Вот то-то обрадуется ее сиятельство! И Анна Михайловна...

— Они... они здоровы, верно? — Андрею даже пришлось прислониться плечом к стене передней, чтобы не упасть — настолько вдруг ослабели ноги в ожидании ответа.

— Здоровы, здоровы! — замахал руками старик. — И тетушка ваша, и барышни, и мадам Арндт. Все тут, в усадьбе. Все здоровы. Только вот барин наш, Михаил Львович, рану имеет в грудь, все в постели нонче. Благодарение небесам, не сурьезное ранение. Позвольте, я покамест провожу вас в гостиную, а сам распоряджусь насчет позднего завтрака для вас и ваших людей. Их в кухню, с вашего позволения, проводит Денис мой, — и по знаку деда мальчик лет двенадцати увел спутников Андрея из передней, а сам дворецкий поманил Оленина в правое крыло дома.

Андрей с тоской оглядел переднюю с разбитым кое-где мрамором балюстрад, с поврежденными позолоченными рамами панелей. Не стало тех больших вазонов, что украшали когда-то вестибюль, за одним из которых пряталась от его взгляда на лестничной площадке второго этажа Анна в тот день, когда Андрей приехал в этот дом просить ее руки.

Нет, разрушение и разорение дома было не явным, но угадывалось легко по некоторым деталям. Например, по темным силуэтам на стенах, где некогда висели пасторальные пейзажи и изумительных красок натюрморты, по отсутствию фарфоровых безделушек, которыми так любили украшать комнаты, и по пустующим резным столикам, на которых уже не стояли канделябры с высокими тонкими свечами.

— Аки саранча налетели, — качал головой Иван Фомич, ступая впереди Андрея в единственную натопленную комнату в этом крыле, кутаясь в пуховый платок от сквозняка, что ходил по дому из-за разбитых окон. Даже ставни не спасали порой от ветра, который так и норовил пробраться в дом, даже плотно затворенные двери и подоткнутые в их щели суконные одеяла. — Все тащили, что под руку попадалось. И серебро, и безделицы хвархоровые, и посуду. Даже белье постельное и, прости Господи, одежды барышень! Аки саранча! А то, что не унесли, то побили, черти окаянные. Чтоб руки у них, эти загребущие, поотсыхали! А особливо тут поляки лютовали... Пригрели мы на груди своей змею подкодную! Пуще всех тут лютовал! Девочек вона помяли. Лошадей всех увели. Собак из псарни — к чему-то они им? Скот весь перерезали. Это что за дела-то такие, Андрей Павлович, коли вот так-то? Аки звери... Вы уж там им за это покажите раков-то! Чертям этим окаянным!

Андрей прикрыл глаза, представляя то, что творилось в этом доме в тот момент. Змея сдавливала все туже и туже сердце, мешая дышать. Он уже почти не слышал дворецкого, видя ту картину, что стояла перед глазами, иллюстрируя слова старого слуги, ощущая вину за то, что это все же свершилось в этих землях, за то, что не смог предотвратить это, как русский офицер, оставил на разорение и гибель, когда отступал вместе с войсками. Снова вспомнилась та горечь, с которой уходили от Витебска, Минска, Смоленска...

— Но вы покойны будьте на счет барышень. В лес их барин отправил загодя, укрывая от охальников всяких, — поспешил заверить Иван Фомич, заметив, как бледен кавалергард под стать своему цвету своего мундира. — Там-то они и переждали, покамест не ушли те. Сперва хранцусы, а потом и поляки клятые. Ну, мы тем напоследок и ударили в спину... Не было сил терпеть окаянщину ту! Много тогда полегло тут. Но и поляков мы побили все ж! Пяток их и сняли. Михаил Львович и тот стрелял из оконца. Сам на ногах стоит от раны своей, а тоже — по ним! И Петр Михайлович... Его тогда побили шибко, барина нашего молодого. На капитана тот навалился, едва не придушил. Ах, жаль, что не сгубил! Чую, не все зло тот еще принес нам. Ох, разговорился я! Вы уж простите старика. Вона почти седмица прошла, а я все перед глазами вижу, аки тотчас все вершится... Вот, располагайтесь здесь, будьте милостивы, — Иван Фомич поправил подушки на софе с низкой спинкой, стряхнул с обивки только его глазу видимую пыль. — Я распоряжусь о завтраке. Уж не обессудьте, чем сможем... В последние дни скудно у нас. И Анну Михайловну прикажу кликнуть. Она нонче у Татьяны в кухне, там нонче теплее всех покоев в доме. И ее сиятельство пошлю уведомить. Вот радость-то для них! Вот радость!

— Нет! — вдруг остановил его Андрей, кладя на низкий столик у софы сверток, что достал из седельной сумы, который ныне так жег ему ладонь. При этом платок снова развернулся — упавшая тонкая ткань обнажила портрет. Анна с гравюры взглянула на Андрея, улыбаясь той самой ненавистной для него улыбкой собственного превосходства. — Не говорите покамест о моем прибытии.... повремените хотя бы несколько минут...

Всю дорогу Андрей размышлял, кто из домашних в доме Шепелевых сможет открыть ему правду о том, что творилось в этих землях. И только сейчас в голову пришло решение.

Только один человек расскажет ему все беспристрастно и объективно. Только один будет честен с ним. Именно эту персону и попросил он удивленного Ивана Фомича позвать сюда, в эту диванную, чтобы узнать истинно ли то, что сказал ему Давыдов. Сперва он выслушает стороннего наблюдателя, чтобы узнать доподлинно, что тут произошло, а после спросит ее, Анну. Даст ей возможность объясниться, ответить... И пусть она даже солжет. О, пусть она солжет!

Но сперва все же иная персона скажет ему. И он ждал ее, с трудом обуздывая яростные порывы, то и дело вспыхивающие в душе. А в голове говорили на разный лад, возвращая его в прошлое, шептали в самые уши вкрадчиво голоса:

«... ходит Афродитой тут, на Гжатчине, а не в Москве или в столице, что с лишком всего. А спеси и самолюбования тем паче! Гляди же, mon cher, не попади в силок.... Попадешь в силок и сам не заметишь того, а там и в ошип!...»

«...Она еще взбалмошна и упряма, переменчива в своих предпочтениях, нет в ней покамест разумности...»

«...Я ж вижу по ней, что игра у нее своя. Знать, крепка ее обида за то, что творил тогда кавалергард. *La vengeance est un plat qui se mange froid* ^[417]. С мезтью торопиться не стоит. Сказала, будет у ее ног ползать, вот и ползает голубчик...»

«...Вы добились того, что так отчаянно желали, Андрей Павлович. Я выйду за вас замуж... Женой я никогда не буду для вас, никогда! Мне нет места отныне там, где вы! И не будет! Я ненавижу вас! Ненавижу...!»

Тихонько стукнули двери диванной, пропуская персону, что он ждал, и Андрей поднялся с софы ей навстречу, сказал ей после коротких приветствий и расспросов о его здравии:

— Вы, должно быть, удивлены моей просьбой, но... *Il n'y a personne à qui m'adresser* ^[418], - он помолчал с миг, а потом продолжил. — *Ma bien-aimé Aniela* — это что-то говорит вам? Я же вижу по вашему лицу, что говорит, что вы ведаете о том! О, *je vous prie!* Скажите же! *Vous n'allez pas me tromper!* ^[419] Только вы! Скажите же мне правду. Без жалости! *Racontez tout sans rien cacher* ^[420], я хочу знать все!

И спустя минуту колебаний и сомнений его собеседник заговорил, отводя глаза в сторону от его внимательного взгляда, будто стыдясь того, что Андрею предстояло выслушать...

Анна ходила между цветниками партера позади дома до тех пор, пока не замерзли ноги в тонких ботиночках, не стали ледяными от осеннего холода ладони, которые она безуспешно прятала в рукавах пальто. Она боялась отходить от дома далеко, уходить глубже по аллеям парка, но все же сошла сегодня на одну из аллей, прошла на пару десятков шагов вглубь и быстро вернулась, тяжело дыша. Еще был жив страх. Слишком живо еще было воспоминание о том, как бежала в сумерках по аллее залесной, как металась между деревьями в лесу. До сих пор ныло все тело, а синяки на руках и ногах еще не сошли, несмотря на все хлопоты над ними Пантелеевны, на все ее холодные примочки.

И рану на скуле неприятно охлаждал легкий ветер, играющий ныне с прядями ее волос, выбившихся из узла на затылке. Она ушла из кухни на прогулку, не заходя к себе в покои. Только накинула тонкое бархатное пальто, что принесла спешно Глаша вниз, набросила на плечи кашемировую шаль. Хотя надо было бы ее повязать, как эшарп, на голову, подумала Анна, снова вздрагивая при очередном порыве ветра.

Но в дом идти не хотелось. Даже с этого холода. В доме снова будут эти взгляды — сочувствующие, тревожные, подозрительные. Провести девице ночь вне приглядывающих за ней глаз, особенно когда лес и окрестности были полны чужих, тех, кто пришел сюда с явно недобрыми намерениями... Разве это могло остаться без внимания, без расспросов и лишних подозрений?

Потому и предпочитала ныне Анна чаще оставаться в своих покоях, скрываться от остальных в тишине своих комнат. И не стала отныне спускаться на совместное времяпровождение в комнатах первого этажа, и свое место за столом в малой столовой не занимала с тех пор, как ушли чужие из Милорадово. Потому что Анна не могла выносить этих взглядов, что порой устремлялись на нее домашними украдкой.

Даже отец не поверил ей, когда она сказала, что была в сарае всю ночь одна, провалившись в сон только под утро. Оттого и вышла к сторожке только после полудня следующего дня.

— А отчего рана на лице, душа моя? — спрашивал нежно и как-то чересчур мягко отец слабым голосом, трогая ее локоны. — Отчего синяки на руках и ногах? Платье порвано было...

— Я поранилась в лесу. А синяки от того, что падала, покамест бежала от поляков. А что до платья... разве можно по лесу пройти через ветви и не попортить его? — отвечала Анна.

— *Bien, très bien* ^[421], - успокаивающим голосом говорил, соглашаясь с ней, Михаил Львович, но в глазах отца ясно видела Анна неверие. Как и в глазах остальных. Да, они говорили, как удачливо было Анне уйти и укрыться от преследователей, как хорошо, что не попала в руки и осталась цела, ведь все так волновались за нее. Но их глаза говорили иное. Нет-нет, да и мелькало в них сомнение и жалость к ней, на злость Анне, душившую ее изнутри.

Потому и уходила она чаще в кухню, когда не хотела быть в одиночестве. Там никто не смотрел на нее ни с подозрениями, ни с жалостью в глазах. Никто не сомневался в ней. Для дворовых она осталась прежней барышней, той самой Анной, которую они знали. Потому и уходила от разговоров, пряталась от домашних, как могла.

Анна все же сняла шаль с плеч и набросила на голову, скрываясь от порывов ветра, неприятно холодившего уши и шею. А потом направилась по дорожке вдоль дома, обходя тот к крыльцу, чтобы пройтись по подъездной аллее немного вдаль и только затем вернуться в дом, где, скорее всего, уже подавали обед. Быть может, подняться к папеньке после прогулки и посидеть у его постели? Смотреть, как он спит — такой бледный, такой похудевший за последние недели.

Иван Фомич после рассказал Анне, что отец долго лежал в постели в тот вечер, закусил губу, пока громили его дом и гоняли с криками дворовых. Только, когда отходили от дома следующим утром, поднялся на ноги, слабый от болезни, и приказал принести ему пистолеты, которые хранил в потайном ящичке в гардеробной.

Ему повезло, как и графине, — их комнаты, уважая седины, французы не стали обыскивать, только попросили сдать самому ценное, что было. Комердин Михаила Львовича тут же по кивку хозяина отдал и запонки, и булавки для галстуков, и несколько брегетов, и даже тонкие шелковые рубахи по требованию одного из солдат. А Настасья, горничная графини, безропотно отдала небольшой саквояж с украшениями хозяйки по ее распоряжению.

— *C'est trop peu!* ^[422] — недовольно сказал кирасир, но Марья Афанасьевна только плечами пожала, мол, все что есть. Французы смирились. Только разворошили девичьи покои, в поисках скудных украшений, перевернули вверх дном комнаты Анны, разбили бюро в ее будуаре, прошлись по парадным комнатам и залам.

Зато поляки, вернувшись в темноте ночи в усадебный дом, не церемонились так. Белый от злости Лозинский позволил своим людям забирать все, что глянется глазам, а что не глянется, то разбивать, как «наши мечты разбились ныне». Он приказал всем спуститься вниз, только для Шепелева сделал исключение, поднявшись после к тому в спальню лично.

Сначала он был сама любезность, а голос был тих и спокоен. Отменно скрывал свою злость и разочарование:

— *Pardonnez-moi, je vous ai bien donné de la peine* ^[423], - говорил Лозинский, улыбаясь, словно с визитом прибыл в этот дом, а люди, сидящие напротив него на канапе и в креслах, приняли его радушно. — Но в вашей воле остановить все. Только в вашей воле. Не смотрите на меня, как на неприятеля, прошу вас. Я вам не враг. И я могу прекратить сей *excès* ^[424] в любой миг по вашему знаку. Смотрите на меня, как на того, кто пришел в этот дом, как на претендента на сердце и руку панны Анны. Ведь именно этого я и ищу, только и всего.

— Отдать вам сестру? Вы потеряли рассудок! — вспыхнул Петр, бросая на Лозинского яростный взгляд. — Вам уже было сказано, что ваша персона недостойна даже порога этого дома переступать! Не то, что искать расположения Анны Михайловны!

— Что ж, воля ваша, — вздохнул Лозинский притворно разочарованно. — Я желал быть с вами добрым и любезным, как и полагается будущему родственнику. А *l'impossible nul n'est tenu* ^[425]. Вы сами сделали сей выбор, — он поднялся на ноги, замер, словно прислушиваясь к звукам, доносящимся из комнат и со второго этажа — грохоту выворачиваемых ящиков, звону битого стекла, треску, с которым отдирали панели в поисках тайников. — Что ж, позвольте за сим откланяться. Мне предстоит в поиски выехать. Я знаю, что ваши девицы где-то подле усадьбы, труда не составит отыскать их. Только зря вы так, *monsieur* Шепелев. Анна ведь не одна скрывается, с ней определено и остальные паненки. Увы, все, что станет с ними, когда их отыщут мои уланы, не моя забота. А ведь могло быть бы иначе,

коли б иначе и со мной. За сим оставляю вас, monsieur, mesdames. Приятной вам ночи!

Лозинский не успел выпрямиться из поклона, в который склонился перед ними с хищной улыбкой на губах, как Петр вдруг прыгнул на него, вцепился в горло капитана, пытаясь задушить того прежде, чем тот выдвинется на поиски в окрестные земли. Завизжала Мария, вскакивая на ноги, когда на молодого Шепелева тут же навалился один уланов, стал бить того с силой, сжимать шею, угрожая свернуть ту. Лозинскому удалось сбросить с себя Петра, оттолкнуть на пол, подняться с трудом, вдыхая воздух ртом, обжигая каждым вздохом горло, что горело огнем в этот миг.

— Arrêtez! Arrêtez lui! [\[426\]](#) — Марья Афанасьевна не могла смотреть, как улан бьет Шепелева, стукнула тростью об пол. — Как можно так? Он же немощен! И вы думаете, Анна Михайловна будет благосклонна к вам после всего? Вы сильно заблуждаетесь!

— Premièrement [\[427\]](#), не думаю, что она проведает о том, — отрезал Лозинский холодно и жестко. — И после... неужто вы думаете, у нее будет иной выбор?

С этим словами он поклонился и вышел вон из комнаты. Непримирымый и злой хищник, отправившийся по следу своей добычи, которую он наметил на эту ночь. Более его не видели — он так и не вернулся в дом, только прислал около полудня человека сообщить своим людям, чтобы выдвигались вон из усадьбы. Лозинский заставил и своих людей, и французов поторопиться, понимая, как мало времени у них осталось, не разворачиваться обратно, когда в спину раздались выстрелы из окна второго этажа. «Un vieux sot!» [\[428\]](#), проговорил он зло себе под нос, с трудом сдерживаясь, чтобы самому не взять ружье и не убрать этого безумного стрелка, так заметного на фоне оконного проема.

И в доме замерли после отхода неприятеля, что быстрым шагом догоняли кирасиров, не желая идти по этим землях в одиночку до Гжатска, куда уже вскоре прибудет проездом Наполеон. Замерли до самого вечера, когда посланный в сторожку лесника Денис не привел молчаливых перепуганных барышень и мадам Элизу. Только Анна выглядела спокойной и усталой, ушла проведать отца, не желая говорить ни с кем. И мадам Элиза снова заплакала, пряча лицо в тонком полотне платка, вызывая тем самым в графине смутные подозрения. А на следующий день в доме узнали, что Анна провела последние сутки вовсе не в сторожке лесника...

Анна вдруг остановилась, обогнув угол дома, заметив у крыльца лошадей, которых обтирали после долгой скачки солдаты. Она замерла, чувствуя, как сердце прыгнуло в груди от испуга. Неужто снова французы пришли в Милорадово? Но вот один из них что-то сказал другому, и она разобрала русскую речь. Теперь сердце стало биться совсем по-иному, а губы не могли не раздвинуться в улыбке. Русские! Господи, русские солдаты!

— Анна Михайловна! Барышня! — позвал ее с крыльца Иван Фомич, махая ей рукой мол, скорее идите сюда. И она направилась быстрым шагом к дому, подобрав мокрый подол пальто, на ходу кивнув с улыбкой поклонившимся ей солдатам. — Где вы гуляли, барышня? Я и в кухне, и в покоях ваших... и в парк бегали за вами... Вас разыскивают битый час, уж поболее далее!

— Я подле дома была, — коротко ответила она, расстегивая пальто, чтобы передать ему в передней, оставить для просушки. — Что за солдаты? Армия близко? Откуда они тут?

— Ну, так я о чем вам хочу толковать-то, — Иван Фомич даже тронул ее за рукав платья, придерживая, чтобы она не пошла вверх по лестнице, куда направилась переменить обувь. — Андрей Павлович, барышня..., - и Анна окаменела, ступив на первую ступеньку. Вспомнила, как тут же на этом месте смотрела на кольцо с аметистами и нефритами на

своей ладони. — Он в диванной... ждет вас уж столько-то времени!

Как же она не почувствовала? Почему сердце не встрепенулось в груди при виде светлых мундиров солдат, что ходили за лошадьми у подъезда? Анна попыталась выровнять дыхание, успокоить сердце, что пустилось в какую-то бешеную пляску при словах старого дворецкого. Протянула ему шаль, которую сняла с головы и отпустила ранее, чем тот взял, позволяя тонкому кашемиру соскользнуть на пол. А потом, затаив дыхание, пошла мелкими шажками через анфиладу холодных комнат к диванной, где чуть помедлила у дверей, боясь распахнуть те и увидеть, что она пуста.

Но Андрей был там. Спал, полулежа на софе, склонив голову на правое плечо, вытянув ноги в забрызганных грязью сапогах. Видимо, сон сморил его сразу же после позднего завтрака, потому что на столике перед софой стоял поднос с остатками трапезы.

Анна, казалось, забыла, как дышать, заметив его. Весь мир замер для нее в тот миг, когда ступила на порог диванной и пошла, аккуратно ступая по ковру, стараясь не разбудить его, не потревожить сон, который, как она догадывалась, был таким редким гостем для Андрея в последнее время.

Но ей не удалось подойти неслышно, как бы тихо и медленно ни ступала она, с трудом сдерживаясь, чтобы не сорваться с места и не броситься к нему на грудь. Андрей вдруг открыл глаза, словно почувствовал чужое присутствие рядом, повернул голову в ее сторону, выпрямляясь резко, замер, глядя на нее. И Анна встала на полпути к нему, вдруг смутилась отчего-то, покраснела, сама ненавидя себя за эту неожиданную робость.

Андрей тут же вскочил на ноги, медленно поклонился ей, отвечая на ее вежливый медленный реверанс. Она протянула руку для поцелуя, и ему пришлось шагнуть ближе, чтобы взять ее ладонь в свою руку.

— Андрей Павлович, рада видеть вас в здравии, — такая короткая вежливая реплика, когда грудь буквально распирало обнять его, прижаться к нему всем телом. Вздрыгнула, когда он взял кончики пальцев в свою ладонь и поднес к губам в легком приветственном поцелуе.

— Я рад не менее, что вы и ваши родные живы и невредимы. Тем паче, ныне, в настоящие дни, — ответил Андрей. Отстраненно и коротко, в тон ее реплике. Как ранее, в самом начале знакомства. Анна едва сдержалась, чтобы не скривить губы, пытаясь не показать своего недовольства, своего разочарования этой встречей. Она думала, все будет совсем не так, иначе представляла себе их свидание после долгой разлуки. Не так — в напряженном молчании, на расстоянии друг от друга, в предельной вежливости, будто незнакомцы, будто и не было прошлых дней... того самого дня. Сама отчего-то стала холодна с ним, растерялась от его присутствия так близко к ней.

— Вы, должно быть, замерзли на прогулке. У вас ладони будто лед. Так холодны, — вдруг сказал Андрей, и она подняла на него взгляд, заметила, как вдруг изменилось его лицо — стали смягчаться черты лица, дрогнули уголки губ. — И пятнышко мучное... вот здесь...

Помимо воли его рука протянулась вперед, и большой палец провел по скуле Анны, стирая с нежной кожи белое пятно.

— О, я... в кухне... это когда тесто... оттого и пятно, — запуталась в словах, покраснела, потупила взгляд и, сбросив маску холодной вежливости, стала вновь той прежней наивной и юной девочкой, которая так доверчиво открылась ему когда-то. От ее вида, от ее сияющих глаз в груди разливалась теплота, а губы помимо воли раздвигались в улыбку. Ту самую, которая так нравилась Анне, которую так часто вспоминала.

А потом вдруг Андрей потянулся к ней всем телом, обхватил ее руками, прижимая к себе в крепком объятии, вдыхая запах ее кожи и волос, чувствуя, как от тепла ее тела и ее дыхания разворачиваются кольца, сжимающие сердце в последние часы, ослабевает их хватка.

— Милая моя... моя милая..., - и сердце Анны таяло от этого шепота, который так часто слышала она во сне, захотелось вдруг плакать от счастья, захватившего душу в тот миг. Он здесь! Он рядом! Это его руки обнимают ее, прижимают к его крепкому телу. Пришлось ухватиться за его плечи, ведь ноги вдруг стали такими мягкими, а тело совершенно безвольным. А после он повернул голову и заглянул ей в глаза. Так близко было его лицо, что Анна даже собственное отражение в его зрачках могла разглядеть.

— Когда я узнал, что ты не сумела вырваться, осталась за чертой войск Наполеона, душа застыла, — прошептал Андрей, глядя ей в глаза. — Я сходил с ума, не зная, где ты, что с тобой... жива ли, цела... в сохранности ли... Все думал и думал о том. И сердце рвалось сюда, в этот дом, к тебе, моя милая. Где ты была, милая, столь долго? Тебя искали, сказали, что нет ни в доме, ни в парке. Думал, буду ждать до последнего. Не уеду, покамест не увижу.

— Я была сперва в кухне, а после на задний двор ходила, к конюшням... затем в парке, — мысли путались в голове, сбивалась речь от того взгляда, каким он смотрел на нее, от того, как близко были их тела. И от мягкости его волос, до которых она дотронулась, проведя по краю ворота мундира кончиками пальцев. — Надолго в Милорадово? — и сердце замерло, когда он покачал головой.

Будь это в его власти, он бы остался здесь на всю жизнь. Здесь, возле нее. Но и тетушка, и Петр, спустившиеся к нему в диванную, сказали, что, по слухам, Наполеон был в Гжатске прошлого дня и оставил город, уходя далее на запад. Эту весть привез доктор Мانتель своими глазами провожавший одинокую карету в сопровождении верных гвардейцев для защиты от казаков, которые после неожиданного появления у Городни прямо у него под носом, ныне везде мерещились французскому императору. Карета была без гербов и иных знаков, охрана — в темных шинелях и без плюмажей на шляпах, чтобы не быть узнаваемыми ненароком, чтобы без особых трудностей проследовать к Смоленску и далее, до Немана. Довести бы до сведения Давыдова... Но и без этих известий Андрей не мог задержаться в Милорадово долее, чем на несколько часов, увы. Он не принадлежал себе полностью ныне, как бы ни хотел этого. И эти оставшиеся до отъезда часы он провел не с ней, увы...

Андрей смотрел на Анну и не мог налюбоваться ею. Ее волосы не были завиты в привычные его взгляду тугие кудряшки, которые проще всего подкалывать в прически, прямые пряди были просто заколоты в узел на затылке. Оттого казалась Анна ныне другой, не той, что запомнил, чей образ сохранил в своем сердце. «У меня не такие вьющиеся локоны, как у Полин. Прямые... Приходится много над ними трудиться, чтобы добиться... чтобы по моде...», вспомнился наивный шепот под тихий шелест дождя, и Андрей не мог не улыбнуться снова, не коснуться ее волос, не провести по ее макушке ладонью, заправив по пути за ее ушко, выбившуюся из узла длинную прядь темно-русых волос.

— Моя Анни, — прошептал он и снова обнял ее крепко. А затем провел губами по щеке до самых губ и коснулся тех — несмело, будто вопрошающе. При этом случайно тронул пальцами ее скулы, задел ее ссадину, еще незажившую с того самого дня, когда та была получена.

Анна отшатнулась от него в тот же миг, кривясь от боли, вдруг все же легко стрельнувшей в лицо. Наткнулась на столик, отступая, сдвинула поднос с остатками

позднего завтрака, а уже тот сбил на пол нечто тяжелое, с глухим стуком упавшее на ковер. Любопытство не могло не заставить Анну повернуть голову и взглянуть в ту сторону, проверить, что это было.

Андрей все еще наблюдал за ней, когда Анна заметила портрет на полу диванной. Пусть был виден ей не полностью, только угол. Но разве не признала бы она изогнутое серебро рамки, не признала бы собственное изображение, которое сотворил заезжий в Милорадово мастер? И побледнела под взглядом Андрея, выпросталась из его рук, присела к упавшей гравюре, чтобы убедиться, что глаза не обманывают, что это действительно ее портрет. И он только втянул в себя неслышно воздух, вспоминая о том, что узнал за последние сутки, о том, как говорила тихонько тетушка, сидя недавно в этой комнате.

— Ты должен быть снисходительным к ее слабости, Andre. От слабостей человеческих все беды и только! Ничего худого не стряслось, я тому порука! Глазами зацепилась, а разум все же охолодил, — твердила Марья Афанасьевна, а он только молча смотрел, как огонь лижет поленья в камине. Но не прерывал ее, уважая ее годы, как бы ни хотелось этого. Чтобы более не слышать ничего. И не знать. — Увлелась, но удержалась от ошибки, что жизнь переменяла бы! А просила за поляка по доброте душевной. Да, сама бы удивилась я год назад, что говорю то, но так и есть. Удержалась от слабости она! Да и как иначе, коли я в этих стенах за ней следила? Мое слово — порука! Andre, да слышишь ли ты меня?

Нет, он не слышал. Он бы давно бы уже поднялся с этого канапе и вышел бы вон в парк, где, по словам одного из оставшихся при хозяевах Милорадово лакея, прогуливалась Анна. Да разминуться боялся в длинных аллеях усадебного парка. Жестоко, быть так близко к ней и не иметь возможности увидеть. И где она только ходит?! Сказали ли ей, что он здесь, в Милорадово? И тиканье часов с уже отколотым ухом у пастушка, украшавшего их, сводившее его с ума. Еле уловимое в тишине на слух, но отчетливо распознаваемое сердцем. Отсчитывающее минуты и часы, которые ему остались до момента отъезда...

Уже ушла к себе тетушка, решив оставить Андрея одного. Уже стрелка часовая сдвинулась еще на одно деление, показывая, что время неумолимо к его желаниям. И несколько раз уже заглядывал в диванную Иван Фомич, всякий раз что-то предлагая — отдохнуть, освежиться, «а может, барину еще чаю подать?». А Анны все не было, словно она не желала видеть его...

И Андрей буквально на миг закрыл глаза, стараясь не думать об усталости, которая гнала его вверх, в предложенные покои, и заснуть, а все же дожидаться появления Анны. И не думать о том, что томило душу. Закрыл глаза на миг и все же провалился в сон. А потом увидел ее в диванной, словно продолжение сна. Вмиг забыл обо всем — о собственной усталости, о том, как мало времени на отдых осталось ныне, о проклятом портрете и поляке, что крутился подле нее в Милорадово и о связи с которым говорил чуть ли не каждый, с кем говорил он ныне. Обо всем позабыл вмиг, кроме этих сияющих от радости глаз, этих рук и этих губ.

Анна подняла портрет с ковра, а потом взглянула вопрошающе на отошедшего к камину Андрея, что ныне стал шевелить кочергой догорающие поленья, вздымая ворох ослепительных искр. Он перехватил ее взгляд, сжалось сердце при том подозрительном блеске глаз, но вида не подал, развернулся от огня уже собранным, хладнокровным, хотя на самом деле кровь бешено стучала в висках.

— Позвольте мне сказать то, что вам велел передать Давыдов, слово в слово. Поляк жив, ведь Денис Васильевич все еще помнит, как вы просили за него. Оттого и не стал стрелять е

тот момент, позволил ему уйти в лес, — и тут же вопрос, не давая отойти от услышанного, затаив дыхание в ожидании ответа. — Вам по душе слышать это?

Анна не могла не вздрогнуть при этом вопросе. Он знает! Знает уже... Но что? Что именно? О, как же она боялась этого момента ранее! Сколько ночей не спала, раздумывая, как посмотрит ему в глаза, зная о том, что случилось. Когда губы еще горели огнем, напоминая о том предательстве, что она совершила. Где найти слова, чтобы донести до него, отчего она поступила так, отчего переступила клятвы и пошла навстречу другому мужчине? Способно ли слабостью тела оправдаться перед ним? Или он все же осудит ее и... оставит? Возможно ли это?!

— Любому, что чтит заповеди Господни, в котором живо человеколюбие и милосердие, будет отрадно слышать, что кто-то избежал смерти, — осторожно ответила Анна, кладя портрет на столик. Глаз тут же заприметил письма, веером рассыпавшиеся по столу от ее неаккуратного движения, от которого упала гравюра. И она узнала свой собственный почерк на одном из них.

Значит, все кончено. Она даже пошатнулась, отступила от столика, едва не запутавшись в подоле. Все кончено! Только по этой причине привозят с собой письма, что она писала. Чтобы отдать, расставаясь, забирая взамен свои собственные послания и свое слово.

— Вы ведь ведаете уже все! — резко выкрикнула ему. Голова пошла кругом от волнения, а сердце сжалось больно, чтобы после заколотиться учащенно в груди, разгоняя кровь, путая мысли своим громким стуком. — К чему эти хождения вокруг да около? Ну же! Вы ведь знаете! Вам, должно быть, сказали уже!

— Я жду только одних слов о том! — так же резко ответил ей Андрей. — И эти слова — ваши!

— Мои? Вы ждете моих слов? Разве вы уже не вынесли суждения обо мне? Разве не готовы покарать за то предательство, что я совершила? — и она только вдохнула с едва слышным для уха всхлипом, когда заметила острую, ничем не прикрытую боль в его глазах. А потом снова на его лицо опустилась завеса отстраненности и холода. Снова вернулся прежний Андрей, который был непонятен ей.

Андрей в два шага вдруг рванулся к ней от камина, схватил за плечи, заставляя взглянуть в глаза, в побледневшее за эти минуты лицо. Анна взглянула на него снизу вверх, замирая от тех эмоций, что распирали грудь ныне, на части разрывая ее. Смесь жалости, нежелания разрушить то дивное тепло и нежность, что она помнила, что почувствовала всего миг назад, когда он обнимал ее. Те самые, от которых так сладко замирало сердце, чтобы после пуститься в бешеной пляске в груди. И ослепляющую ярость от того, что снова попала в ловушку собственных чувств, что доверилась и снова будет отвергнута. Как тогда...

«Ударь первой, чтобы не показать своей боли, своего страха», шептала прежняя Анна, так боявшаяся быть оставленной, тщеславная, потекающая своей гордыне. И тихо плакала другая, та, что знала силу этих рук, знала сладость этих губ. Та, что любила и готова была презреть гордость ради того, чтобы и далее быть с этим мужчиной. Молча плакала, ибо понимала, что нет иного расклада в этом пасьянсе. Не сложился он. Не легли карты так, как она желала.

— Прости меня, — прошептала вслух вторая Анна, вырвав несколько мгновений у той, что готова была искривить губы и шипеть, как змея, от злости. «Ударить словами, отвергнуть первой!». Анна подняла руку и коснулась пальцами его щеки, провела аккуратно по шраму, так отчетливо выделяющему ныне на фоне кожи лица. В последний раз

почувствовать кончиками пальцев тепло и мягкость его кожи, коснуться его... в последний раз...

— Прости меня. Мне вернули кольцо именно... сказали, что ты мертв... Я знаю, это не оправдывает меня ни в коей мере. Но... О Боже, прости меня...

И Андрей отпустил ее из рук, не в силах смотреть в эти глаза, не желая показать той боли, ударившей в сердце, от которой стало так тяжело дышать. Он отошел к окну, стал наблюдать, как медленно стекают вниз по стеклу капли дождя, неслышно проливающегося на пару с редкими снежинками на подъезд усадебного дома, на липы, роняющие последние желтые листья на землю. словно само небо выплакивало его слезы, которые он не смел показать, которые не мог позволить себе ныне.

Анна же осталась стоять на месте, прикрыв глаза, пытаясь справиться с истерикой, поднимающейся откуда-то из груди. Все напряжение последних дней вдруг стало искать выхода, словно не в силах более копиться в ее душе, терзать ее ночами. Поднялась гордо голова, расправилась спина. Пальцы сжались в маленькие кулачки. Я — Аннет Шепелева. Я — Annett, я не Анечка, та доверчивая дурочка, что была когда-то. Более не позволю никогда обидеть себя ничем... ничем! Первой! Только первой ударить! Чтобы потом не сказали, что это ее оставили...!

— Вам нет нужды тревожиться о том, как сия история коснется вас и вашего имени, — холодно и резко, но твердо сказала в напряженную спину, обтянутую сукном светлого мундира. — Я не желаю более, чтобы нас с вами связывали обязательства. Мы не были обручены кольцами под сводами храма, не давали друг другу клятв у анаоя. Господь не дал свершиться той ошибке, уберег вас и меня от нее. Разъединил, невзирая на все усилия...

Андрей даже не повернулся к ней, и Анна разозлилась еще больше, уже буквально задыхалась от злых слов, которые так и срывались с губ, слез, что встали комком в горле.

— Вы свободны от своих обязательств передо мной, Андрей Павлович. Я желаю вам самого лучшего, что Господь только может ниспослать человеку. Более мне сказать вам нечего! Adieu!

Чувствуя, как рвется из горла плач, как уступает ее хладнокровие истерике, мешающей дышать свободно, Анна хотела уйти прочь из диванной, оставляя за этими дверями все свои мечты и надежды, свое разбитое сердце. Но Андрей не дал ей этого сделать — перехватил за руку, когда она быстро пробегала мимо него, резко развернул к себе.

— Pourquoi faire? [\[429\]](#) — тихо шепнул он, не глядя на нее сперва, только после этого тихого шепота, взглянувшего в ее спокойное лицо. И Анна, услышав эти слова, вернулась невольно в тот летний день, когда так восторгалась душа при известии о его приезде в Милорадово, когда от радости так билось сердце. Кто знал, что пройдет несколько месяцев, и от того времени останутся лишь воспоминания? Скривила губы в попытке удержать слезы, так и норовившие пролиться из глаз, и это движение тут же напомнило Андрею о той усмешке злой и презрительной, которую он так не любил в ней.

— Вы забываете одну единственную вещь, Анна Михайловна, — сказал Андрей тихо, выпуская ее локоть из своих пальцев. — Ни вы, ни я не вправе разорвать обязательства, связывающие нас. Ибо есть нечто, что соединило нас крепче оглашения. Та самая ночь... вы понимаете, о чем я веду речь.

И верно, как Анна могла забыть? Такой человек, как Андрей, даже по собственному желанию не пойдет наперекор своему слову, своей чести, не запятнает ее таким поступком — сперва лишит невинности, а после оставить. Хотя... разве не об обратном говорил ей

некогда Петр? Ныне же она ясно видела, насколько беспочвенны оказались те слухи, и насколько правдивы уверения графини, говорившей еще вчера Анне, что ей нет нужды тревожиться о своей судьбе, что бы ни произошло в ту страшную ночь, когда пряталась в сарае на лугу. Чем вызвала в той только злость от подобных разговоров.

— Неужто вы не поняли? — взъярилась она при этом воспоминании, отходя от Андрея подальше, отводя глаза от пытливого взгляда. Словно прячась от него. — Я не желаю! Я решила!

— Я уже сказал вам, что, невзирая на желания или нежелания, обязательства не могут быть разорваны. Вы — моя невеста, — как ударил этими словами, зло, наотмашь, отчеканив те, выделив каждое из них. — Вы — моя невеста. И только смерть сможет сие исправить! Хотя, быть может, вам в этом повезет, Анна Михайловна, ведь война еще не окончена. Кто ведает, исполнит ли Господь ваше желание? — они долго смотрели друг другу в глаза, скрещивая взгляды в немом поединке, а после Андрей произнес именно те слова, что вдруг выбили ее из столь тщательно удерживаемого спокойствия. — За этим позвольте мне откланяться, сударыня. Je vous laisse [\[430\]](#).

Анна потом будет недоумевать, что на нее нашло в тот день, отчего она вдруг сорвалась, словно потеряла рассудок. Это те слова так подействовали на нее? Или это спокойный и холодный тон Андрея сделал свое дело? Ни один мускул не дрогнул на его лице, пока они вели ту беседу, призванную разорвать те слабые узы, которыми с лета они были связаны. Будто ему и дела нет до того, что она говорит ему. И что она была неверна ему, предала его, целовала другого и позволяла тому... О, отчего она только позволила то! Она ждала всего, но только не такого хладнокровия, словно и не рушились судьбы ныне. Хотя быть может, и не судьбы, а только одна-единственная жизнь. Ее жизнь. Ее будущее.

И она вдруг налетела на него, ударила по щеке с силой, размахнувшись. Чтобы ему было больно, как было больно ей ныне. Пусть боль будет иная, физическая, но все же... Андрей же даже не шелохнулся в ответ, не притронулся к месту удара. Только склонил голову и щелкнул каблуками, прощаясь.

— Уходите! — прошипела Анна тогда, разъярясь еще больше прежнего от этого спокойствия и безразличия, задыхаясь от собственной злости. — Я не желаю видеть вас! Jamais! Jamais de la vie! [\[431\]](#) Я! Я так решила и только!

Андрей скрылся за дверьми, плотно затворив створки, и она упала на пол, не в силах стоять более на ногах, уже не сдерживая плача, рыдая в голос. «Что вы можете принести ему ныне? — всплыл в голове голос из недавних дней. — В приданом вашем лишь позор и багаж толков и грязных сплетен. Какой мужчина будет рад тому? Подумайте сами! Пожалейте его будущее, его жизнь, его честь, наконец. Если вы любите его, то поймете меня... Любящий человек пойдет на любые жертвы ради счастья того, кому отдано сердце...». И это самое сердце, еще недавно певшее в голос от того, что он рядом, что он жив, стонало ныне в голос, и этот стон срывался с губ полувоем-полуплачем.

Этот стон отдавался в самом сердце мужчины, стоявшего за плотно затворенными створками диванной, не в силах сделать еще несколько шагов прочь от них. Прислонился лбом к дереву, сжал руки в кулаки, борясь с желанием, толкнуть эти створки и шагнуть в диванную. Схватить ее за плечи и...

И что, спросил он сам себя. И что тогда? Трясти до тех пор, пока к ней не вернется благоразумие? Или до тех пор, пока не скажет, отчего отвергает его? Он до сих пор не понимал, было ли это вызвано чувством к тому темноволосому красавцу-улану, что был

здесь постоем на время ранения, или чем-то другим.

«...Я никому не верю. Никому, кроме папеньки и Петра. Они никогда не причинят боли, не обманут, не предадут. А другие могут... могут! Потому и стараюсь ударить прежде, чем ударят меня...». Еще живы в памяти были эти слова, заставляющие сомневаться в том, что услышал от Анны. Вспомнил, как она взглянула на него там, в диванной, когда он открыл глаза. Но тут же вспомнил, как отшатнулась от его губ, ушла от его поцелуя.

— Mon mauvais ange... [432]

— Que s'est-il passé? [433] — тронула вдруг плечо Андрея морщинистая рука тетушки. Он резко развернулся и увидел, что она стоит за его спиной, хмуря лоб под оборками чепцами. А потом обвел глазами стоявших позади графини Марию и Катиш, тут же отведших глаза от его взгляда, словно не желая встречать его в этот миг. — Que s'est-il passé? Что за крик? O mon Dieu, Andre! Неужто ты все-таки ...

— Помилуйте, ma tantine! — возразил ей Андрей, отходя от двери, стараясь не слышать того плача, что доносился из-за нее. — Это я нынче получил, сам того не ожидая, adieu la valise [434]! Но будьте покойны — Анна Михайловна все еще моя нареченная, желает она того или нет. Ныне не то время, чтобы выяснять... Вот Наполеона прогоним из страны, тогда и будем. Эй! Подготовьте мои шинель и шляпу! — крикнул после через анфиладу комнат, показавшемуся там Ивану Фомичу. Тот кивнул и быстро поспешил в переднюю.

— Прощайте, ma tantine, — Андрей склонился над рукой растерянной Марьи Афанасьевны. — Более меня в этом доме ничто не держит, и чем скорее, я покину эти стены, тем лучше! Меньше ее ошибок... меньше боли..., - последнее он прошептал ей, только ей, и графиня взглянула на него сквозь слезы, разгадав, что творится в душе племянника ныне.

— O mon cher, ты, верно, что-то не понял! — она сжала легко плечо, не давая ему отойти. — Она так ждала тебя... тебя, mon cher! Уверяла меня, что... помилуй Бог, разве лгут в том? Я пойду и спрошу ее! Как она смеет?! Отвергнуть тебя! Кто ныне станет...

— Я прошу вас! — теперь уже Андрей положил руки на хрупкие плечики тетушки, удерживая ту, не давая шагнуть к дверям диванной. — Я прошу вас, оставьте покамест ее одну. Не нынче! Вы же сами понимаете, слышите сами, что ей нынче не до того. Если желаете, то позже, спустя время. И скажите ей... скажите ей... Нет, впрочем не стоит! Я сам к ней напишу. И вы... прошу вас, берегите ее. Как берегли до того. Будьте к ней милостивы и добры, ma tantine. Она сама не ведает ныне, что творит. По крайней мере, надеюсь на то.

Марья Афанасьевна кивнула, уступая ему, что делала редко, а потом вдруг кинулась к нему на грудь, прижалась крепко.

— Mon cher, будь осторожен, прошу тебя! Будь осторожен! Сердце мое не вынесет..., - она едва не разрыдалась, но сумела взять себя в руки, выправилась, опираясь на неизменную трость свою, перекрестила племянника. — Благослови тебя Господь, mon cher, и сохрани тебя в любых напастях и опасностях, что будут на пути твоём жизненном! Храни тебя Богоматерь! Я буду просить ее неустанно о тебе...

Андрей снова уходил из этого дома в неизвестность, как когда-то летом, когда на Милорадово напоздали темные тучи грозы, когда шелестели при каждом порыве ветра зеленые ветви деревьев в парке и подъездной аллеи, когда гнулась до земли высокая луговая трава. Ныне же за окном стучал осенний дождь со снегом, а небосвод уже давно не дарил ярких солнечных лучей, пряча те за привычной тому времени серостью. Ветви деревьев так же шевелились от ветра, но уже были совсем голыми, без листвы, а трава пожухла,

почернела местами под редким тонким снегом — первым вестником приближающихся морозов зимы.

Но и тогда, и ныне в душе Андрея не было покоя, который так важен тому, кто уходит, не оборачиваясь, уходит туда, откуда, возможно, не суждено будет вернуться. Тот покой, который наполняет сердце от осознания, что его будут ждать здесь, всегда и что бы ни случилось. И будут плакать по нему, коли не будет так удачлив на поле сражения. Будут помнить...

Но, по крайней мере, в тот летний день его не провожали виноватые и растерянные взгляды, никто не отводил глаз в сторону, когда он проходил мимо. Не смотрели на него прямо ни Мария, ни Катиш, тут же отвели взгляд, пожелав ему счастливого пути. Петр, отступил, давая ему дорогу через анфилады комнат к передней. И он, и Полин, придерживающая Петра за локоть, опустили глаза в пол, когда Андрей взглянул на них. Мадам Элиза вспыхнула румянцем стыда и вины, когда они столкнулись в дверях одной из комнат, тихо прошептала слова прощания, а после заторопилась к диванной, успокоить Анну, которая, как она думала, рыдает от такого быстрого отъезда жениха.

Только мадам Павлишина, спускающаяся по мраморной лестнице вниз со второго этажа, взглянула на него с любопытством, шуря близорукие глаза.

— О, господин ротмистр! — она протянула ему ладонь, которую он поднес к губам. Не стал поправлять ее ошибку в своем звании. — Вы, видимо, только из армии? Не доводилось ли встречать вам моего Павла Родионовича? Он при обеспечении состоит, тоже в армии ныне. Душа непокойна за него. Последнее письмо — до Успения довелось только получить, и боле ни строки. Даже не ведает, что имение-то наше едва по доскам не разнесли... оттого я тут, по милости Михаила Львовича, даруй ему Господь долгих лет и здравия!

Нет, господина Павлишина Андрею, увы, не довелось встречать. Нет, заверил он прислушивающуюся к шуму из анфилады комнат правого крыла мадам Павлишину, ничего худого не стряслось. Просто Анна Михайловна расстроена его отъездом только и всего. Женские нервы, сами понимаете, говорил он, помня, как отзывалась о мадам Павлишиной его тетушка — *la vieille potinière* ^[435]. Довелось же ей ныне быть в Милорадово!

Андрей уже надел с помощью старого дворецкого шинель, уже надевал шляпу, готовясь ступить под холодный осенний дождь, как откуда-то из глубины комнат правого крыла раздалась торопливая поступь, редкие крики. Он оглянулся и успел заметить Анну, замершую в проеме двери, глядящую на него едва ли не безумным взглядом.

— Вы меня не слышали! — бросила она ему резко. Мадам Павлишина тут же выпрямилась, чувствуя скандал, замерла в ожидании продолжения.

— Я все сказал вам, Анна Михайловна, — ответил спокойно Андрей, подходя к ней, стараясь утаить от чужих ушей их разговор. — Более прибавить нечего к тому.

— Это я сказала вам. Отчего вы не слышите меня?

— А отчего я должен подчиниться вашему решению? — вспыхнул Андрей, процедил ей через стиснутые зубы. — Оттого, что вы так привыкли? Что все падают ниц и выполняют ваши приказы? Нет, не будет того! Ступайте к себе, отдохните. Последние дни и месяцы выдались отнюдь нелегкими... Я бы и далее вел с вами эту беседу, да только к чему она приведет нас с вами? Так что позвольте уехать. Я вернусь, и тогда вы скажете мне все. Только тогда. Когда пройдет немало времени на раздумья. И осторожнее со словами, *ma chere*, впредь. Есть иные, после которых возврата не бывает...

Мадам Элиза, красная от негодования и стыда за свою подопечную, стоявшая позади

Анны, попыталась схватить ту за руки и увести наконец-то в спальню, дать ей успокоительных капель, видя ясно, что эта истерика так схожа с теми редкими, что были прежде в этом доме. Когда Анна добивалась своего любыми средствами. В том числе теми, за которые ей приходилось позднее каяться.

Она пыталась еще у диванной найти помощь у Петра Михайловича, просила задержать вдруг вырвавшуюся из ее рук Анну, бросившуюся бегом через анфиладу в переднюю. Но тот только взглянул на нее как-то странно и прошептал: «*Tout est pour le mieux, madam Elise!* [436] Позвольте ей сделать то, желает ныне».

Мадам Элиза отвлеклась только на миг, вспоминая эту реплику, но и этого мига хватило Анне сделать то, о чем она будет сожалеть долгие годы в дальнейшем. Еле стоящая на ногах от злости, распирающей грудь, мешающей дышать, готовая уже добиться своего, во что бы то ни стало, Анна вдруг поймала кроваво-красный отблеск, мелькнувший на пальце руки. Решение пришло мгновенно. И она стянула это кольцо, которое не снимала даже на ночь, любуясь им в лунном свете или при огоньках свечей, с которым не рассталась бы прежде ни за что. Стянула и, прежде чем мадам Элиза сумела перехватить ее руку, бросила прямо в спину отходящему Андрею. Попала аккурат между лопаток.

Тихо ахнули за ее спиной. С шумом втянула воздух в себя мадам Павлишина, выпучившая глаза от увиденного. Замер ошарашенный Иван Фомич, подавая перчатки Андрею в этот момент. Звякнуло, упав на мраморный пол, серебряное кольцо с тремя кроваво-красными гранатами, символами вечной любви.

Только полы шинели взметнулись, когда Оленин резко развернулся и в один шаг подошел к Анне, схватил за плечи, больно вдавливая пальцы в тонкую ткань. Она видела, как побелел шрам под его глазом, как раздуваются ноздри его носа, и ее решимость, ее стремление добиться своего вдруг испарилось при этом взгляде, оставляя взамен только страх перед его силой.

Андрей всего лишь миг смотрел в ее глаза, словно пытался прочесть в них что-то, отыскать в них хотя бы искорку, хотя бы проблеск. А потом отпустил ее, развернулся, вырвал из пальцев Ивана Фомича перчатки и вышел вон под дождь со снегом, не закрывая за собой двери.

— Что вы натворили, девчонка? — проговорила откуда-то из-за спины Анны разъяренная графиня. — Я находила вас не такой, какую славу вы получили в этих местах! А ныне вижу — вы такая! Истинно такая! Злая, дерзкая, самолюбивая, бессердечная! Что за каприз? Что за вздор в вашей головке толкнул вас на этот поступок? О, будь вы мужчиной, а ваш брат — здоров и цел! *Quelle honte! O mon Dieu, quelle honte! Vous!* [437] — она ткнула в сторону мадам Павлишиной тростью. — *Vous!* Скажете хотя бы полслова! В ваших интересах, мадам — *bouche close* [438]!

Анна не слышала этих слов. Словно через вату доносились до ее ушей возникшие в передней и за ее спиной разговоры. А заговорили все разом: что-то говорила графиня яростно и зло, тихо и испуганно отзывалась мадам Павлишина, что-то сердито втолковывала мадам Элиза, дергая Анну за рукав платья.

Через распахнутые двери, к которым, опомнившись, направился Иван Фомич, кутаясь в платок, вдруг влетел порыв холодного ветра, пронесся по передней. Заиграл подолами платьев, взметнул локоны и шали, в которые прятали ныне хрупкие женские плечи. Ударил холодом и сыростью в лицо Анне, отрезвляя ее, выводя из того морока, в котором была в последнее время. И она вдруг двинулась с места — сперва мелкими шажками, а потом

сорвалась на легкий бег, дошла до дверей и взгляделась в смутные силуэты, что еле были видны ныне через пелену дождя.

«...Я люблю в тебе все... люблю в тебе все», легкий шепот, донесшийся из далекого ныне прошлого, заставил ее шагнуть под протестующие крики мадам Элизы прямо под дождь, под эти холодные капли и мокрый снег, падающие на землю ныне. Почему он оставил ее? Почему привез к ней ее письма, если не желал разрывать помолвку? И отчего она не дала ему шанса сказать о том? Отчего позволила дурной стороне своей натуры взять вверх над собой?

— Andre! Andre! — закричала Анна, сбегая по ступеням крыльца, едва не поскользнувшись на скользком от воды камне. Спираль злости и внутреннего напряжения, копившегося последние дни в ней, развернулась резко ныне, ударяя ее саму, разрушая ее жизнь. — Andreeeee!

На последней ступени она все же не удержалась на ногах, упала в гравий, больно царапая ладони о маленькие острые камушки. В ее руки кто-то вцепился, потащили обратно в дом под причитания мадам Элизы, удерживая с трудом, так она вырывалась из этой хватки чужих пальцев.

— Laissez-moi! Laissez-moi faire! Laissez-moi!^[439] — билась Анна в этих руках, упираясь ногами, путаясь в подоле платья, а ее тащили и тащили в дом из-под дождя и снега.

Отпустите, и я все исправлю! Ведь так уже было. Было! Я совершила ошибку, я должна ее исправить... Плевать на чужие слова и толки! На косые взгляды! Я хочу быть только с ним, если он простит меня, простит все мои проступки и злые слова. Я скажу ему правду, и он непременно простит меня, как прощал меня ранее. Если он хочет быть со мной, я готова вынести все, все выдержу. Лишь бы подле... лишь бы рядом! Пустите, и я все исправлю! Я смогу!

Но Анну не пустили, удержали в доме, привязали простынями за руки и за ноги к изголовью и спинке кровати в спальне, видя, что истерика не утихает, что она не желает принимать лекарств, принесенных мадам Элизой. Она билась пару часов, не в силах порвать эти путы, умоляя отпустить ее в непогоду, бушующую за окном.

Тихо плакала, стоя на коленях перед образами, Пантелеевна, кладя поклоны, умоляя вернуть рассудок ее «милочке», ее «душеньке». Роняла слезы мадам Элиза в платок, отгоняя от спальни отчего-то рвущуюся яростно к Анне Полин.

Плакала, сидя на подоконнике в своей спальне, и Катиш, — громко и навзрыд, прижимая ладони к груди. Молча сидел у камина в диванной Петр с бокалом хереса в руке, пару бочонков которого сумели спрятать от французов. Сидел, положив ногу на стол, возле писем поляка и одного-единственного письма Анны, отодвинув те подальше от себя.

В своих покоях гневно руководила Настасьей, собирающей одежды в дорожные сундуки, графиня, сжимающая яростно трость и то и дело косившаяся на спокойную и безмятежную Марию, что улыбалась падающему с неба снегу. Ведь дождь со снегом сменился к сумеркам полноценным снегопадом, который шел за стеклом такой плотной стеной, что каждому становилось ясно — этот так просто не растает, не исчезнет следующим днем, а ляжет на поля и луга высоким слоем, укутает ветви парковых деревьев в белоснежный наряд.

Анна затихла вскоре, наблюдая, как падают белые хлопья на землю. Время было безвозвратно потеряно, к чему ныне биться в припадке? Покорно выпила опиумной настойки, поданной мадам Элизой, и плавно соскользнула в сон без сновидений, глядя на этот белоснежный танец за окном, в котором кружились снежинки. Соскользнула в темноту,

где нет боли и сожалений, где не душат слезы, и не стоят перед взглядом глаза Андрея, полные муки.

А те еще долго падали наземь — на луга и поля, на крытые соломой и дранкой крыши изб в селе, на высокие «луковички» церкви, на парк и аллеи дорожки, на дом и бледно-розовые розы в оранжерее, проникая внутрь через разбитые стекла. На розы, которым вскоре будет суждено умереть от мороза.

В Милорадово пришла зима...

Снежинки медленно падали наземь, двигаясь в красивом танце, движения которого знали только они. Снегопад продолжался несколько дней почти беспрерывно, покрывая землю белоснежным покрывалом, словно готовя природу к тому длительному сну, в который та погрузится вскоре. Все стало белым — деревья, кусты, дорожки. Все стало единым — прекрасным, волшебным видением, искрящимся в редких лучах солнца россыпью огоньков. Спрятала природа то, что творил человек за летние и осенние дни, укрыла от глаз. А снег все падал так плотно, что даже небеса ныне казались совсем светлыми, почти под стать пейзажу за окном.

Анна отпустила штору, позволяя той скользнуть на прежнее место, плотнее запахнула шаль и двинулась далее через анфиладу комнат, к проходу, что соединял цветочную оранжерею и усадебный дом. Это было одно из тех памятных ей мест, в котором хотелось просто стоять и слушать тишину, погружаясь целиком в прошлое. Ибо прошлое — это все, что осталось ей ныне.

Тихо стучали по паркету низкие каблуки домашних туфель без задника. Стукнула дверь, ведущая из дома в переход, с тихим шумом отодвинулась ткань, предохраняющая от сквозняка внутренние покои дома. Теперь Анну пробрал легкий озноб, ведь в переходе ныне было намного холоднее, чем обычно в это же время года — стекла в широких и высоких окнах длинного коридора были разбиты, пропуская легкий морозец, что пришел недавно в эти земли. Как и в оранжерее, куда она ступила, отворив двери.

Перевернутые горшки и сломанные жардиньерки, рассыпанная кое-где земля, поникшие головки цветов. И белая россыпь снега на зелени листов или бутонах, на лепестках самых разных цветов, чуть потускневших уже из-за мороза. Невыносимые глазу свидетельства разрушения...

Анна вспомнила, как проводили мужские пальцы по тонким лепесткам розы, родной сестры тех, кто поник головками, погибнув от холода, пришедшего в оранжерею через разбитые стекла окон. И его глаза, полные нежности.

Слез больше не было. Ей казалось, что она выплакала их за последние дни полностью. За седмицу она прошла все этапы — от безудержных рыданий до слепой ярости и обвиняющих в случившемся окружающих и самого Андрея криков, пока не поняла, что иных виновных, кроме нее самой нет. Она сама сняла кольцо с пальца и бросила едва ли не в лицо ему, намеренно нанося оскорбление. Она сама довела до такого финала. Да, домашние не позволили Анне исправить то, что совершила, но только она виновата в том, что вообще дошло до той ужасной сцены в передней. Все же надо было бы остановиться вовремя, не надеясь на то, что после можно будет вымолить прощение, ссылаясь на свой несносный нрав, на горячую кровь. «... Когда так часто указываешь на дверь персоне, ты должна быть готова к тому, что настанет день, и ты уже не сумеешь повернуть ее от порога», сказал в тот, самый памятный для нее отныне, день Андрей, словно предупреждая. Но разве она когда-то прислушивалась к чужим словам...?

Из глубины перехода раздался тихий размеренный стук, и Анна развернулась резко к дверям, распрямляя спину. Она давно искала этой встречи, этого разговора, но вдруг отчего-то заробела, задрожали мелко руки, и ей пришлось спрятать их под шалью, чтобы не показать своей растерянности и своего страха той, кто вскоре ступит на порог оранжереи.

Когда прошли слезы, когда ушла злость, а на их место ступило раскаяние в содеянном и безуспешные попытки найти то самое верное решение, что поможет Анне исправить то, что она натворила, она попыталась переговорить с графиней. Ведь только Марья Афанасьевна знала Андрея, только она могла подсказать ей, что делать. Только она могла стать проводником меж ней и отвергнутым женихом, стать неким третейским судьей, что способен либо свести, либо навсегда разлучить. Но графиня несколько дней присылала ответ, что не может принять Анну. Причины были разные: недомогания, что уложили графиню в постель, подготовка к предстоящему отъезду, который та планировала в ближайшие дни после отхода арьергардных войск из Гжатска.

А в последний раз и вовсе отказ в разговоре был совсем иным — письмо, написанное рукой графини и переданное через ее горничную.

«Нельзя сказать, что я была удивлена чрезмерно вашим поступком. Но и сказать, что я ожидала его нельзя. Я знала, чувствовала, что вы причините ему боль, оттого была против вашего союза с Андреем Павловичем. И его боль, его муки не дают мне покамест выслушать вас без предубеждения, чего я желала бы не менее, чем вы того разговора, о котором просите. Оттого и прошу вас — время. Я непременно повидаюсь с вами перед отъездом, слово мое вам в том. Но не ныне... не ныне, когда в памяти еще живо воспоминание...», писала к Анне в записке графиня. Ее тон был вежливым и выдержанным, а от бывшего расположения не осталось и следа, но все же не было того холода, того презрительного обращения, которого страшилась Анна прочесть, разворачивая это письмо.

Анна, конечно, разозлилась помимо воли на подобную отсрочку. Ей казалось, что каждый прожитый день в этой размолвке, когда толком и непонятно, в каких отношениях они ныне с Олениным, в каком статусе сама Анна сейчас, все более и более разделяет их с Андреем. Не по себе было зависеть от воли иного человека, не по себе было, когда твоя собственная судьба была в чужих руках, в чужой воле. Но спустя одну очередную ночь без сна, полную раздумий, Анна признала правоту Марьи Афанасьевны, смогла примириться с ее решением и стала покорно ждать, составляя в уме ту беседу, что будет вести с ней.

Отгремели вдалеке за лесом разрывы, что были знаками сражений двух армий под Гжатском, отгорело зарево пожаров на краю неба. Прошел через город сначала авангард русской армии, а потом и замыкающие полки, почти наступая на пятки уходящим французам, спешащим к Неману по дорогам Смоленщины. Анна вспомнила, как приказала распахнуть окно в мезонине, как смотрела, напряженно вцепившись в раму, на яркое зарево, такое отчетливое на темном осеннем небе, как слушала грохот взрывов и молилась, чуть шевеля губами. В голове постоянно слышались те жестокие слова Андрея: «...только смерть сможет сие исправить! Хотя, быть может, вам в этом повезет, Анна Михайловна...». Отчего нельзя отмотать время и события, словно нити на клубок? Сколько бы она поправила, сколько слов бы удержала на языке!

Тихо скрипнула створка двери. В холодную оранжерею шагнула графиня, тяжело опираясь на трость. Она тут же нашла глазами Анну в полумраке приближающихся сумерек, кивнула ей и зашагала к канапе, на который опустилась медленно, устраивая поудобнее больную ногу. Огляделась по сторонам, с явным сожалением в глазах сопоставляя в уме прежний вид оранжереи с той картинкой, что была перед глазами ныне.

— Жесток человек, как зверь, — проговорила графиня медленно, вздохнула, а после развязала ленты капора, подбитого мехом. Уж чересчур туго завязала те Настасья, когда Марья Афанасьевна отправлялась на прогулку в свое имение, чтобы в последний раз

взглянуть на то, что некогда было богатой усадьбой. Теперь, когда эти земли покинула французская армия, и уже у Красного сражались русские полки, в деревни и села стали возвращаться те, кто предпочел переждать лихое время в укрытии лесной чащи. Постепенно заполнялись те избы, что уцелели от огня, который любили пускать фуражиры, уходя из ограбленных селений. Но графиня видела, что поднять эти земли до прежнего уровня возможно лишь за годы, а восстановление усадьбы требовало больших вложений.

— Как ваше здоровье ныне, ваше сиятельство? — по знаку, позволяющему вступить в разговор, спросила Анна, подходя ближе к канапе. Марья Афанасьевна положила ладонь на сидение подле себя и быстро убрала, принуждая молчаливо Анну занять место рядом, что и сделала та.

— Здоровье, конечно, не то, что ранее, но все же я в состоянии совершить путешествие. Григорий наконец-то разыскал лошадей. Пусть и четвериком поеду, не по статусу, но все же по нынешним-то временам и недурственно вполне, — проговорила графиня, не глядя на Анну, а прямо перед собой, словно что-то разглядывая на другом краю оранжереи, среди перевернутых кадок с лимонными и мандариновыми деревьями. — И Катерину Петровну с собой забираю, уже переговорила о том с вашим батюшкой. Не к месту она тут и не ко времени ныне. Вашим бы домашним самим пережить до урожая без трудностей больших. А я ее к Вере Александровне. Им-то все будет лучше так.

Верно, кивнула, соглашаясь с ее словами, Анна, *petite cousine* будет лучше при матери, особенно ныне, когда старшая дочь Веры Александровны нежданно для самой себя стала вдруг женой состоятельного человека — родственник супруга скончался от удара, узнав об оставлении и последующем разорении Москвы. Тем самым, тетушка Анны невольно добилась своей цели — пусть и через дочь, но вновь поднялась на ту ступень, что занимала ранее, когда сама была хозяйкой своей судьбы.

— Святогорское не отстроить заново. Увы! Только полностью разрушив то, что осталось, а средств на то да на постройку уйдет немало. Сердце едва не разорвалось на куски, когда смотрела на то, что ранее было домом моим, — медленно проговорила Марья Афанасьевна, и Анна едва удержалась, чтобы не вскрикнуть — сбывалось то, о чем она страшилась даже подумать. — Так что, коли и приеду в эти земли сызнова, лишь гостем.

Графиня повернула голову и взглянула на побледневшую Анну, сжала рукоять трости, поджала губы, вспомнив, какой горечью были пропитаны те редкие строки писем Андрея. Она писала ему длинные послания, а он в ответ ограничивался лишь скухими ответами, совсем непохожими на те, что когда получала она от него.

— Отчего, *mon Dieu*, отчего вы поступили так? — вдруг сорвалось с ее губ взволнованно. — Вы вольны не отвечать, но... я полагала, что вы всем сердцем стремились к тому, чтобы стать его супругой, так ждали дня, когда увидите его. И такое! Кто бы мог подумать! Я тоже была молода и безрассудна, а кровь играла в жилах, но вот так! *Mon Dieu!* Он полагает, что вы могли полюбить и боитесь сами себе признаться в том. Ведь тот улан — враг! Но это ведь неверно, я знаю то! Или верно...?

— Ах, Марья Афанасьевна! — Анна порывисто встала со своего места и стала шагать в волнении подле канапе, кутаясь в шаль и в то же время совсем не чувствуя холода в этот миг. — Если б я ведала сама, что за помутнение разума было! Если бы вы знали, в каком отчаянье я была... Я думала, он приехал разорвать обязательства, думала, он оставит меня. Ведь там были письма! Вернее, одно письмо. Мое письмо! А оказалось, это письма вовсе не мои...

И видя явное непонимание на лице Марьи Афанасьевны, поспешила рассказать ей обо всем. Как недавно открыла душу мадам Элизе — впервые за несколько месяцев позволила себе поведать обо всем, что творилось в душе, выплакать ту боль и то горе, что тяготили ее. Теперь она знала, что подобный разговор принесет некое облегчение, снимет часть ноши с сердца и памяти. Не будет осуждения — разве могут близкие люди осудить? А жалость... иногда даже легче, когда кто-то жалеет тебя — нежно обнимает, вытирает твои слезы, целует в макушку...

— Он уже знал обо всем. Я ясно поняла это по его глазам, — проговорила Анна скрывая свои подозрения о персоне, которая была тому причиной, и рассказала, как подумала, что он решил оставить ее, назвала причину тому — собственное письмо, лежащее поверх остальных на столике. Только потом она узнает, что это послание было одним из тех, что она писала в Милорадово в никуда и складывала в бюро, надежно закрывая потайной ящичек. Судя по всему, во время того разграбления, которому подвергся дом, письмо оказалось в руках Лозинского, попало в стопку его собственных посланий, что он писал к Анне, надеясь когда-либо переправить те до адресата. Да, она ошиблась, горячилась Анна, с трудом сдерживая слезы. Она невольно последовала своему стремлению защититься от любых нападков, атакая самой, как привыкла. Причинить боль первой, чтобы не было больно самой. А потом... потом какое-то затмение нашло. Стало вдруг важно любой ценой сделать так, как она желала, как она решила. И случилось то, что случилось...

— Andre никогда не оставил бы вас, — проговорила графиня, когда Анна замолчала, остановившись у поникших роз, уже едва держащихся на решетке, стала стряхивать редкие снежинки с их бутонов. — И не потому, что так велит ему совесть, его внутренний голос. В то утро, когда он приехал в ваш дом с *demande en mariage* [\[440\]](#), мы имели с ним разговор о его намерениях. Не скрою, я никогда не была расположена к вам, Анна. Для тех, кого вы держите на расстоянии да еще лицом перед своей маской, тяжело принять вас сердцем и понять умом. В то утро мы ссорились. Он защищал вас. Впервые за годы я услышала резкость и холод в его голосе, ту решимость, что так роднит его с отцом, в глазах. Да, он говорил мне, что он действует рассудком в своем стремлении жениться на вас, но это ложь! Я видела, что не доводы разума манят его сюда, а сердечные склонности. И тот свет в его глазах... Подле вас он становился иным, Анна. Подле вас он становился живым, он улыбался, смеялся...

И после этих слов Анна не сдержала слез — опустила на пол, разрыдалась тихонько, закрывая ладонью рот. Графиня тут же поднялась с канапе и подошла к ней, положила руку на ее вздрагивающее от рыданий плечико.

— O, ma chere, все образуется! — тихо проговорила она, сжимая пальцами ее плечо в знак поддержки. — Только наперед помните, что не все может оказаться так, как видят глаза. Мы тоже видели в этом доме многое, да только что истиной оказалось? Взять хотя бы те дни после нашествия шевележеров. Вы были одна ночью в сарае, когда кругами ходили подле него те люди, вернулись в рваном платье и с ранами на лице и руках. И никого не подпускали к себе, ни с кем не говорили, скрывались от взглядов. Что можно было подумать о том? Так и вы ошиблись, увидев совсем не то, что на самом деле есть! Как же не хватает молодости этого умения зрелости — говорить и слушать! Все образуется, ma chere... и поднимайтесь с пола, сделайте милость старухе. Не хватало подхватить горячку!

— Только вы можете помочь мне! — воскликнула Анна, когда они с Марьей Афанасьевной под руку возвращались в натопленные комнаты дома. Сжала в волнении ее локоть, за который поддерживала графиню. — Вы — моя надежда на то, что эта размолвка

завершится...

— Нет, *ma chère*, поверьте мне, я только могу поспособствовать, чтобы Андрей склонился к вам, чтобы выслушал вас без предубеждения, что ныне, вестимо, имеет, — покачала головой Марья Афанасьевна. — Но вашу ошибку вы можете поправить только сами. Только вы можете довершить то, что начну я. Мой вам совет, Аннет, напишите к нему! Он ныне под Дорогобужем. Письмо быстро дойдет.

— Под Дорогобужем? Вы получали от него вести? — спросила Анна, с трудом сдерживаясь, чтобы не забросать графиню вопросами. Сердце забилося сильнее в груди. Как он? Благополучно ли соединился с полками? Не ранен ли под Вязьмой, куда намеревался ехать, вести о сражении под которой они недавно получили?

— Он в здравии, благодарствие Царице Небесной. Соединился с армией под Вязьмой и сызнова стоит в арьергарде, в резервах, ему на огорчение, горячей голове, — тихонько рассмеялась Марья Афанасьевна, а потом посерьезнела, взглянула на Анну. — По глазам вижу, спросить желаете, есть ли о вас в тех посланиях строки? Есть, да только не те, что вы бы хотели знать. Лишь о здравии вашем и семейства вашего справляется. Более ничего. Оттого и говорю, что именно вы писать к нему должны.

— Да как можно, право, — смутилась Анна вдруг. — Писать к нему? Не знаю, могу ли я ныне, когда положение так неясно...

— О приличиях задумались? — усмехнулась графиня. — Что-то не думали вы о них, когда устроили тот скандал, когда кольцо в спину бросили Andre! — и тут же пожалела о своей несдержанности, когда заметила боль в глазах своей *vis-a-vis*, укорила себя за злой язык. К чему было беспокоить рану, которая еще даже не начала затягиваться? Но вслух более ничего не сказала, только похлопала легонько по руке Анны, понудила идти далее по анфиладе комнат, через нетопленные покои, стремясь поскорее выйти к теплу и согреть больное колено.

Более они не говорили о том. Графиня не желала настаивать, решив, что Анна сама должна решиться, что ей следует делать дальше, по-прежнему уверенная в том, что именно та обязан идти на примирение первой. Свою правоту в чужую голову не вложить, вспомнила Марья Афанасьевна поговорку и уступила ее истине, что было редкостью для нее. А от кольца, что желала отдать ей Анна, сняв его с шеи, где носила его с некоторых пор на шнурке, держа у самого сердца, графиня отказалась.

— Помилуйте, Анна! Не я давала вам его, не мне и забирать из ваших рук. Уберите, Христа ради, покамест сызнова не прогневалась! — она тряхнула резко головой. — Уберите тотчас! Это ж надо! Удумала!

— Простите меня, — Анна потупила взгляд, прикусила губу, пытаясь не показать свою обиду резкой отповеди, что прозвучала сейчас. Графиня же коснулась ее руки ласково.

— Прости и вы меня за резкость. Я до сего дня сама не своя от того, что случилось, — она взглянула на Анну и вдруг улыбнулась с легкой грустью в глазах. — Бог милостив, все образуется... Вы только напишите к нему. Все, что сказали мне. Все до единого слова. *Faute avouée à demi pardonnée* [\[441\]](#), помните о том. И о времени помните, о его коварстве, *ma chère*. *Il n'y a pas de temps à perdre* [\[442\]](#), — она помолчала немного, вспоминая, как когда-то сама упустила тот самый нужный момент, который мог повернуть жизнь в иную сторону, а потом добавила. — И оно так обманчиво. Кажется, что ты все успеешь совершить, что все в твоих руках, а на деле все может быть далеко не так. Да и мужчины...

— Что — мужчины? — переспросила Анна, когда графиня смолкла, покачала головой.

Но та все же не стала продолжать, только улыбнулась ей снова печально. Может ли она сказать этой девочке, какие ошибки могут совершить мужчины, полагая, что все кончено, что ныне остался лишь один путь — забыть прошлое любой ценой, отпустить его? Этой наивной еще, многого не понимающей, уверенной, что весь мир покорится ей по ее желанию, девочке с широко распахнутыми глазами, которая еще не научилась думать толком, и даже сейчас не до конца понимала всю серьезность своего поступка, как виделось Марье Афанасьевне. Молодость совершает ошибки. Жаль, что зрелость за них плачет порой горькими слезами. Дай Бог, чтобы Анну обошла стороной эта истина!

Уезжали из Милорадово с первыми рассветными лучами, торопясь миновать как можно больше верст по разоренной земле, зная, что остановится, скорее всего, будет негде, и ночевать будут под открытым небом, давая отдых тем единственным лошадям, что сумел раздобыть Григорий для путешествия своей хозяйки.

Марья Афанасьевна была молчалива, только чуть сурово наблюдала с крыльца за последними приготовлениями к отъезду. Катиш плакала тихонько в платок, вспоминая все тревоги, которые довелось испытать в последнем путешествии к Москве, все страхи, что сопровождали их тогда. Только радость от того, что вскоре встретит маменьку, что скоро обнимет ее, поддерживала в ней силы, не давала лишиться духа совсем. И лишь Мария была довольна предстоящим отъездом, первая забралась в дормез по знаку графини после отчета Григория, что все готово к отъезду. Ей тогда казалось, что она уезжает из этой земли, разоренной и сожженной, в новую, иную жизнь, оттого и радовалась душа, а не горевала от разлуки с теми, кто вышел проводить отъезжающих в путь.

Уже когда карета трогалась с места, Анна вдруг сбежала по ступеням, потянувшись протянутой из оконца руке графини и коснувшись ее губами.

— Благодарю вас, Марья Афанасьевна, — прошептала она, поднимая на ту взгляд, полный надежды. — Благодарю за вашу помощь.

— Вы обещались написать, — напомнила графиня, ласково отводя со лба Анны выбившиеся из прически пряди волос. — Напишите непременно. А я уж руку тоже приложу, похлопочу за вас. Le t...s! Помните о нем! — а потом шепнула тихонько, чтобы не слышали ее спутницы. — Не бойтесь писать... Il vous aime tant [\[443\]](#), поверьте мне, он простит...

Анна кивнула и, получив неожиданно для себя самой прощальный поцелуй в лоб, отступила от кареты, позволяя наконец той тронуться с места и качаясь, вдавливаясь колесами в снег, покатить по подъездной аллее от усадебного дома. Странно, думала Анна, глядя вслед отъезжающему маленькому поезду и всадникам, что ехали в охране от лихих людей и иных напастей, которые могли ждать путников в дороге. Странно, но мне уже не хватает отчего-то этой надменной, подчас резкой и жестокой женщины. Словно за те дни, что им довелось провести бок о бок под этой крышей соединили их крепче, чем будущее, пока еще неясное родство через брак с ее племянником.

Потому и села Анна за «бобик» тем же вечером, держа в руке перо, намереваясь выполнить обещание данное нынче утром. Да только строки не ложились на бумагу, и мысли путались. Она писала, потом комкала бумагу и бросала те комки на пол у своих ног, снова писала, пока не закончились чистые листы. Уронила голову на скрещенные ладони и долго смотрела на пламя свечи, собираясь с мыслями. Как можно доверить бумаге свои чувства и эмоции? Как передать скухими словами, насколько ныне изранена ее душа? Как можно выразить сожаление своему поступку? Она смотрела, как медленно течет воск по тонкой свече, будто слеза бежит вниз. Как же сложно молить о прощении... как сложно

каяться в своих грехах бумаге, а не глазам. А вдруг не поверит? Вдруг отложит письмо в сторону и не будет вовсе читать?

И решила отложить до завтра написание этого послания, от которого будет зависеть ее будущее, уступая своим сомнениям, заверяя себя, что следующим днем ее мысли будут более ясными и четкими, а не такими путанными, как ныне. Что может измениться за ночь, говорила Анна себе, отгоняя прочь последние наставления графини и смутное ощущение, что совершает очередную ошибку. Что может измениться за несколько, говорила себе позднее, когда мысли по-прежнему пугались в голове, а на бумагу никак не желали ложиться строки. Ничего, ровным счетом ничего не может измениться. И старалась не думать о том страхе, что терзал душу, когда под Гжатском шли бои, не думать, что по-прежнему где-то вдалеке свистят лезвия сабель и с грохотом вылетает из темных жерл орудий смертельный рой картечи.

Жгла раз за разом в огне голландской печи в будуаре неудачные черновики письма, наблюдая, как жадно пожирает пламя строчки, написанные ровным аккуратным почерком. Как и письма, что писала осенью в дурмане собственного обмана, и которые сыграли такую злую роль в ее судьбе. Когда разбили бюро в будуаре Анны, ища тайник, в котором могли быть ценности, письма выбросили из ящичка, и они россыпью лежали по всей комнате, пока Глаша не собрала те, не сложила аккуратно стопкой на столике. Именно тогда, как думала Анна, Лозинский и забрал ее письмо, но для чего? Более допустить таких промахов Анна не желала, оттого и горели письма, написанные Андрею, так смело выражающие ее чувства и ее тоску, в ярком пламени. Не хватало лишь трех посланий. Видимо, потерялись где-то в суматохе, что творилась здесь в тот день. Или остались по-прежнему у Лозинского... Нет, думать о Лозинском она определенно не хотела, а потому и мысли о тех недостающих письмах гнала от себя прочь.

Как же все-таки Анне не хватало присутствия графини в доме, думала она порой, откинувшись на спинку кресла и забыв о книге, лежащей на коленях. Ей так хотелось поговорить об Андрее, в который раз услышать, что все в итоге придет к благополучному финалу, что все ее сомнения и страхи должны отступить. И самые верные слова для заветного письма, которые так и не шли в голову, она бы подсказала. А так... с кем говорить ныне? Мадам Элиза, с которой Анна вновь сблизилась после того тягостного для обеих разговора как-то ночью, более была озабочена сейчас близостью дочери к Петру. А еще будущим, которое сулил им день освобождения империи от врага. Конечно, она говорила Анне, что размолвка может завершиться миром, но в то же время она аккуратно напоминала, что бросить мужчине кольцо — оскорбление, которое не каждый сможет снести и забыть так быстро. Слышать это Анне было неприятно, заставляло вернуться стыд и сожаление, что не давали спать ночами, усиливали ее страхи. Да и сказать, что она собирается первой написать мужчине, было не по себе — она боялась, что мадам отговорит ее в угоду правилам и негласным канонам поведения.

Пантелеевна только слушала, кивая головой, за своим вязанием чулок, которым только и разминала свои больные пальцы. А порой и вовсе засыпала под тихий рассказ Анны, чем несказанно ее досадовала. А Полин, ее единственная подруга, от которой только в этом году появились первые секреты и недомолвки, стала такой далекой и закрытой для нее. Пожалуй, Полин Анна смогла бы открыться насчет письма, и та непременно сказала бы нужные слова для него. Но Полин стала добровольной сиделкой при Петруше, его неизменной спутницей при прогулках в парке и при совместных посиделках по вечерам в салоне в неясном свете

свечей во всего лишь одном жирандоле. Только Полин и иногда Лешке удавалось гасить частые вспышки ярости Петра, его агрессию по отношению не только к слугам, но и к домашним. Брат и сестра поменялись ролями, казалось, с недавних пор — отныне Петр стал капризным, не сдерживал своих порывов, настаивал на выполнении желаний. «J'ai pris le parti!» [444], стало его постоянной репликой.

Положение усугублялось еще тем, что в виду болезни отца Петру пришлось стать во главе семьи, принять на себя все решения и хлопоты по имуществу. И поддержку в том получить от Михаила Львовича было невозможно, следуя наставлениям доктора. А власти над людьми и положением кружит слабые головы, что и заявила брату Анна во время бурной ссоры, снова разделившей их, вбившей между ними некий клин.

— Суп был вполне неплох, — как-то заметила Анна, когда за обедом тот распорядился отослать перемену обратно в кухню, утверждая, что та уже недостаточно горяча для подачи. — И ты забываешь, что ныне у нас не столько лакеев, как ранее...

— Было бы, коли не отдали бы полсотни в ополчение из имения! — огрызнулся Петр вдруг на сестру. — Весьма мудрое решение — отдать по десяти с каждой сотни, когда прочие в губернии, да что там! — по всей империи отдавали по одному, два человека. Сколько вы отдали по манифесту [445], мадам? — обратился к мадам Павлишиной, вмиг покрасневшей как рак.

— Вы же сами понимаете, Петр Михайлович, мое имение совсем плохонькое... души в большинстве женские, неподсчетные, — смущенно проговорила она. — Более чем трех человек и не сумела бы поставить в ополчение. Да и снабжать-то их тягостно...

— А моя дорогая сестра даже не думает о том, что помимо того, что отдали в ополчение десятую часть душ, мы отдали поболее трех тысяч на их обмундирование да еще снабжать их должны, покамест не вернутся те.

— Вы забываете, Петр, что это было решение, принятое..., - попыталась возразить Анна, но Петр прервал ее, шокировав своими словами не только ее, но и остальных сидящих за столом:

— Значит, это было неверное решение! И село... оно разорено почти полностью. Из трех десятков домов осталось только треть в целости. И люди! Как их ныне искать по лесам? И кто поручится, что они вернутся из той воли, что получили с этой войной?

Анна промолчала тогда за столом, не стала перечить брату перед мадам Павлишиной, обмахивающейся веером и подносящей к носу флакон с сухими ароматами, что носила на шнурке на запястье. Лишь после, когда тот ушел в кабинет, где некогда проводил послеобеденное время отец, решилась высказать свои мысли.

— Ты потерял рассудок, Петруша? Qu'est-ce manie de critique? [446] Это были решения отца, и ты не в праве...

— Это ты не в праве высказываться в подобном тоне! — оборвал ее Петр снова, как тогда, в столовой, заставив поморщиться. — Я здесь отныне за хозяина, слышишь? И я многое вижу, что ныне скрыто от глаз твоих! Родителей не судят, я ведаю то. Но Анна! Неужто ты не видишь, что он был неправ?! Из-за этих неверных решений имение почти разорено.

— Это вовсе не вина отца! — запальчиво возразила Анна. — Это все французы!

— Нет, ma chere, раз уж заговорили о виноватых в том, запиши туда поляков смело в этот лист. А за поляками добавь в тот список и улана! А раз добавили улана, то и свою особу туда же запиши! Вот первопричина этих бед!

Анна ахнула, отпрянула от брата, потрясенная его словами, побледнела, как полотно.

— О Боже, прости меня, — протянул к ней руку Петр, внезапно поняв, что невольно сказал вслух то, о чем запрещал себе даже думать. Но она увернулась от его протянутой руки, шагнула в сторону.

— Я прикажу принести тебе солей. У тебя кругом голова пошла от той власти, что ты получил ныне из-за немощи папа, — едко процедила она, стараясь обидеть брата, как он обидел ее. А потом развернулась и пошла к дверям из кабинета.

— Подожди, — попытался остановить ее Петр. — Остановись, послушай меня. Стой тотчас же! Стой, говорю кому?!

Но она только створками дверей хлопнула, уходя из кабинета. Хотела еще бросить через зубы напоследок «Догони меня и останови!», но вовремя одумалась, даже голова закружилась от страха и тревоги, когда подумала о том, что едва не сорвалось с губ, и как это могло ранить брата.

— Какая же я гадкая! Злая и гадкая, — плакала после в своей спальне, уткнувшись лицом в подушки. Невыносимо! Это было просто невыносимо! Отчего все так переменялось? Все стало совсем не таким, как прежде?

Зато этот конфликт помог ей найти те самые слова, которые вдруг захотелось сказать Андрею, пусть даже и в письме, а не наяву. Эмоции, давившие на грудь, заставили вспомнить сожаление от других сказанных слов, от иного поступка, и она села за «бобик», схватив лист бумаги и перо с чернильницей.

«... нет во всем мире тех слов, что я могла бы найти в свое оправдание, в оправдание своему поступку. Потому что ему нет оправдания, да я и не ищу его... Нельзя бить того, кого любишь. Недопустимо это, ибо боль, причиняемая тому, кем живо твое сердце, рвет собственное на куски из-за того. Боль возвращается к тебе же, усиленная стократ. И от нее нет спасения. Даже сны не приносят забвения от этой боли. Потому что во снах то, что могло быть у меня в руках, и было так бездумно мною упущено. По моему недоразумению, по моей горячности...

Я никогда не говорила вам то, что распирает мне сердце ныне, то, что порой кружит голову и от чего иногда так отрадно на душе, а иногда совсем тягостно. Я вас люблю. Я люблю вас, верно, с того самого мига, как вы взглянули на меня в церкви. Потому что именно с того дня мое сердце стучит в груди по-иному. Я узнала тогда, точно узнала. Будто кто-то шепнул мне: вот он! То верно была моя душа, что так страждет ныне. Каждый день, проведенный вдали от вас — мука и боль. День же, проведенный в понимании того, что вы можете не простить мне того проступка, за который неустанно корю себя — мука и боль вдвойне!..

Я гадкая, я злая, я жестокая! Я знаю, я недостойна прощения, и я вовсе не та, что могла бы составить ваше полное счастье. Но видит Бог, я бы желала стать совершеннейшей для вас, сущим ангелом, как звали вы меня прежде в том шепоте, что мнится мне ночами без сна. Я бы желала стать той самой женой, что вы желали бы видеть подле себя, вашей подругой, хранительницей ваших дум, помощницей в ваших тревогах. Позвольте мне это, Андрей Павлович, проявите снисхождение к моей горячности, к моему норову, ибо в тот день не моя любовь к вам говорила моими устами, а исключительно мой несносный характер, что вы так ругали тогда...

Мне страшно подумать о том, но ежели вы не простите меня, ежели не сумеете позабыть ту обиду, что я нанесла вам и за которую смиренно каюсь... что будет тогда? Мое

сердце будет биться так же, как бьется сейчас, а грудь ровно вздыматься с каждым вдохом. Но мир уже не будет так ярок и полон красками и запахами, ибо когда вы не подле, нет целостности мира для меня отныне и не будет никогда. Но все же я буду до конца своих дней просить Господа даровать вам счастье. Потому как ваше счастье сделает и меня наисчастливейшей на этой земле, пусть при тусклом небе над головой. Молитесь о вас, любите вас, знать, что вы здоровы и довольны — это ли не счастье...? Я вас люблю. Люблю сильно. Люблю, как только душа может любить. В вашей власти вершить мою судьбу. Она только в ваших руках. И не потому, что так решил Господь, или нас свела воедино та ночь, связав крепче узами. А потому что я люблю вас...»

Анна не стала перечитывать письмо, опасаясь, что снова отбросить его в сторону, как неподходящее. А еще ей было страшно прочитать на бумаге то, что, казалось, горело огнем в голове, стучало в висках в том ритме, в котором билось сердце в груди. Она нащупала пальцами кольцо с гранатами, которое не смела отныне носить на пальце после того, что сделала, и шероховатости камней, что ощущала ныне, вселили в нее вдруг какую-то странную уверенность. Вспомнила, как скользнуло серебро по ее пальцу, когда Андрей одевал перстень. А потом сложила резкими движениями бумагу, склонила одну из свечей над ней, капая воск, запечатывая письмо, положила послание после в одну из книг на ночном столике возле кровати, намереваясь передать до адресата при первой же возможности.

Этот случай представился Анне на следующее утро, когда распахнули двери передней, пропуская в вестибюль высокого и нескладного Павла Родионовича в мундире и в кивере с крестом ополчения и вензелем императора. Он прибыл с квитанциями в город на предоставление провианта, который предстояло получить для арьергардных войск, уже продвинувшихся к Дорогобужу, а заодно решил навестить родное имение. В усадьбе, в которой силами дворовых и крестьян, отрабатывающих барщину, производился ремонт дома, ему сообщили, что мать временно разместилась у соседей, пока дом не будет готов для проживания. И вот он поспешил в Милорадово, «предстать перед глазами любезной матушки моей и соседей наших, благородно не оставивших ее своей милостью».

Он был также нескладен, как и ранее, также неуклюж. Казалось, даже мундир был ему не по плечу — чуть коротковаты рукава для его длинных рук. Те же стекла очков на его лице. Но Анна ясно видела, что он переменялся за те месяцы, что они не виделись. Изменилось выражение глаз, залегли складки у рта.

— Вам к лицу мундир, я была не права в те дни, — проговорила Анна, когда они позднее вышли из дома на короткую прогулку по заснеженному парку. Шли неспешно впереди мадам Павлишиной, степенно шагающей в сопровождении своей горничной. — Простите меня за те злые слова, Павел Родионович...

— Я позабыл их в тот же вечер, — улыбнулся Павлишин. — Так что вам нет нужды просить.

Они некоторое время шли молча. Каждый думал о своем, каждый смотрел в сторону, будто опасаясь взглянуть на своего компаньона по прогулке. Когда у мадам Павлишиной замерзли ноги, и она крикнула им, что нужно возвращаться в дом, только тогда Анна вдруг решилась, сжимая в глубине муфты бумагу.

— Вы ведь после в Дорогобуж едете, верно? — тихо спросила она. — В арьергардных войсках будете?

— Буду, — подтвердил Павлишин и взглянул на нее через стекла очков внимательно, а

потом сказал так же тихо, как она до того. — Располагайте мною смело, Анна Михайловна. Вы ведь ведаете — я целиком и полностью в вашей власти. Все сделаю, коли попросите.

Она вдруг поняла, что он знает о той размолвке, которая случилась между ней и ее женихом. Да и как не знать — Анна была уверена, что мадам Павлишиной непременно захочется с кем-нибудь рано или поздно поделиться историей, свидетелем которой невольно стала. Трудно удержать язык за зубами, когда знаешь такое.

Оттого и смутилась, опустила Анна взгляд от прямого взора Павла Родионовича, сжала снова письмо, спрятанное в муфте.

— У меня есть письмо для Андрея Павловича, — быстро сказала она, словно боясь передумать. — Его полк ныне в арьергарде сызнова, как я наслышана. Прошу вас, найдите его и передайте мое послание. От того... от того зависит вся моя судьба, ныне она в ваших руках, милый Павел Родионович.

Из муфты тонкие пальчики извлекли письмо и одним быстрым движением протянули Павлишину. Тот также быстро взял его и спрятал за полу шинели. Анна прикусила губу, пытаясь совладать с волнением, что вспыхнуло в душе тут же, спрятала дрожащие пальцы в глубине муфты. А потом вдруг коснулась кончиками пальцев шинели Павлишина, заставляя тем самым взглянуть на себя.

— Павел Родионович... mon ami... прошу вас. Прежде... прежде бы... нужно ли оно ему, — она вдруг запнулась, но все же проговорила. — В этом письме — вся моя судьба. Оно может и погубить меня, и вознести к небесам, как наисчастливейшую особу. Прошу вас... если он будет настроен против меня после той истории... если категорически против... вы вернете?

— Я верну письмо вам, — ответил Павлишин, зная, как ныне ей тяжело вынести борьбу сердечных чувств с гордостью, переступить через себя. Через ту, которую он так хорошо знал.

— Je vous remercie, mon cher ami ^[447], - улыбнулась уже более смело Анна. Той улыбкой, которую он так отменно помнил, которую так любил. Открыто, довольно, без той грусти, что он видел в ее глазах с момента приезда. Павлишин принял в свою руку ее пальчики, чуть тронутые холодом, коснулся их губами, а после проводил ее взглядом, когда она вдруг легкими шажками побежала к дому, подобрав юбки. Убегала, боясь потребовать себе послание обратно.

Он шел в бой при Бородино с ее именем на губах и образом в сердце. Отбивал атаки французов на обоз, при котором состоял, видя ее улыбку перед глазами. Анна была для него прекрасной недосыгаемой звездой, он знал это. И он сделает для нее все, что она пожелает. Он сделает все для ее счастья!

В морозном воздухе явственно ощущался запах дыма, такой непривычный в эту пору, после того, как завершили с уборкой листвы с дорожек и аллей. Шел он к парку и усадебному дому со стороны овинов, где просушивали немолотые снопы зерновых, что извлекли из потайных ям, в которые те надежно были укрыты от фуражиров. Очень многое не успели сделать из-за стремительного наступления неприятеля на эти земли, оттого и овес, и пшеницу, и рожь прятали сразу снопами, надеясь после извлечь и вымолотить, предварительно просушив. А еще была надежда, что фуражиры не тронут необработанные зерновые, к чему им оно в таком виде, если только не для лошадей?

Вот и сушили ныне в овинах, аккуратно расправляя снопы, чтобы оставить и солому на корм скотине, и не потерять такие драгоценные теперь зерна, не подкоптить зерновых. А потом спускали в сараи после просушки, где цепями молотили зерно, ссыпали в мешки, стараясь не потерять даже пригоршни, и относили к столу старосты, пристально наблюдающего за всем процессом и ставящего очередную галочку на бумаге за каждый мешок.

Иногда подле стола старосты становился стул с высокой спинкой, принесенный одним из лакеев из усадебного дома. На этот стул усаживался молодой барин и внимательно следил за работой крестьян. И если от взгляда старосты еще могло ускользнуть, что кто-то накроет немножко зерна соломой, чтобы после унести к себе в закрома, то от цепкого глаза барина это было не скрыть. Да и трудиться приходилось в полную силу, иначе тот тут же показывал знаком старосте, кто получит дополнительные часы работ. От молодого ничего нельзя было скрыть! Да на расправу уж больно крут тот был — бывало, сам мог приложить костылем, если что было не по нему, не по его воле.

Даже солому аккуратно складывали в мешки, пытаясь сохранить все, что осталось после молотбы. Позднее она пойдет на подстилки тем животным, что вернули в усадьбу из лесов с Божьей помощью. Поляки увели с собой много скотины, а что не увели — то порезали, забирая с собой целые туши, не желая оставлять ничего тем, кого оставляли в Милорадово. Да только толи не справились с таким количеством скота, толи еще что, но пришел спустя время в усадьбу Титович и сообщил, что в лесах окружных много бесхозяйственных голов. По распоряжению Петра крестьяне отыскивали и пригнали на двор найденных коров, овец, свиней, даже тех, на ком не было клейма скотного двора Шепелевых, привели несколько лошадей. Тут же поверх старых чужих отметин поставили новые, со знаком усадьбы. Время такое, разве ж можно иначе?

А потом, на удивление обитателям усадьбы, в парке поймали пару лошадей с местной конюшни, вернулись разогнанные по округе собаки псарни. Анне тогда казалось, что Петр рад был больше видеть именно гончих и борзых, сумевших прожить в лесу около седмицы, чем скот, суливший неголодную зиму, которая могла грозить им.

С тех пор Петр и пропадал из дома с раннего утра до самых сумерек. То в овинах да в амбарах работы наблюдает, то пойдет в конюшни проверить, как за лошадьми ходят, то на псарне задержится, наблюдая за собаками.

Анна же, по обыкновению, держалась подальше от заднего двора и хозяйственных построек, где шли работы. Ее любимая Фудра пропала, не вернулась среди прочих, и даже заходить на конюшенный двор для нее было мучительно. Ее маленькая белая лошадка,

которую несколько лет назад преподнес в дар к дню рождения отец... Где она ныне? Под чьим седлом ходит? Да и ходит ли — Фудра была не крепким конем, предназначенным для долгих переходов и тяжелых седоков. Думать о той потере было больно.

Потому отказалась Анна от выездов, что предложил ей Петр, только по парку прогуливалась, сбивая с тонких веточек кустарников снежинки или наблюдая, как девушки собирают рябину, уже тронутую морозом, сладкую. Крупные ягоды, которые те срывали с ветвей и клали в туеса на ремнях через шею, заставляли иногда вспоминать о темноволосом поляке, что когда-то принес в дар букет из ветвей с осенними желтыми листьями и яркими гроздьями. А вслед за этим воспоминанием шло иное — о той ошибке, что совершила, о своем проступке. И о том, что от Оленина не было писем...

Уже миновало около двух седмиц, как уехал к Дорогобужу и далее по следу армии к Красному, у которого в те дни шли сражения, Павлишин, увозя с собой письмо Анны. Тринадцать дней миновало. Тринадцать долгих ночей беспокойного сна. Уже обеспокоенная мадам Элиза нынче утром спросила тихонько, не стоит ли доктору Мантелю рассказать о том, не начать ли принимать капле для сна перед ночным покоем.

Тринадцать дней, вздохнула Анна и развернулась к дому, аккуратно ступая по тонкой тропке, что проложил дворник, расчищая дорожки для гуляния барышне. За этот срок в Милорадово трижды привозили почту, и она даже получила пару писем. Но они были от графини. Не от Андрея. Со стороны западных земель только единожды пришло письмо, и то оно было для Петра — от сослуживца по полку, пишущего последние вести. Уже был взят Красный, отбит от неприятеля Минск, затем снова возвращена Орша. Продвигались русские войска к границе империи, отесняя французов, гоня их вон из родных земель. Уже всем было ясно, что Наполеон потерпел поражение в этой войне, что именно русскому императору и его армии предстоит ныне стать освободителями Европы от власти самодовольного *parvenu* ^[448], как заметил, получив эти известия, Петр за одним из обедов.

— Вот увидишь, *ma chere*, — говорил он Анне, сжимая ее руку в волнении. — Увидишь, имя нашего императора войдет в историю как избавителя от этой чумы, что разнес за пределы Франции Наполеон. О, верится с трудом, что он разбит! Что не знавший поражения полководец бежит, как заяц, из так и непокоренной страны! О мой Бог! Подумать только о том было невозможно еще этой весной!

Он выглядел радостным, улыбался, заставляя Полин не скрывать своих счастливых глаз от домашних, впервые за долгие недели видя его в таком приподнятом настроении. Только после стало понятно и Анне, и ей, что эта радость была короткой — уже удалившись в кабинет после обеда, Петр помрачнел и долго сидел у окна с бокалом в руке, из которого так и не отпил ни глотка.

Mon pauvre frère ^[449], думала Анна, идя по расчищенной от снега дорожке к дому. Как перевернула их жизни война с французом! Петр был рожден носить мундир и гарцевать на коне на парадах и смотрах подле своего генерала, ловить восхищенные и влюбленные взгляды барышень, открыто флиртовать, пить цымлянское или более дорогое французское, кружить своих партнерш в вальсе или мазурке. И ныне он бы гнал француза прочь из родной земли, был бы смел и удал на поле сражения, как не страшился ничего при Бородино — ни разрывов, ни свиста пуль и гранат. И он вошел бы в Париж (а Париж будет непременно взят, ныне не было даже тени сомнений в том!), вернулся бы в родной имение не калекой, а героем... А ныне ж!

— Анна Михайловна! Анна Михайловна! — позвали ее от дома, и она поспешила на

этот зов, подобрав подол пальто, придерживая рукой капор, ленты которого развязала во время прогулки. Ей отчего-то подумалось, что наконец пришло то самое письмо, которое она ждала вот уже две седмицы. Потому и едва ли не бежала, с трудом удерживая равновесие на скользкой дорожке.

— Письмо, vгаі? Почта мне? — спросила у Ивана Фомича, ожидающего ее на заднем крыльце, за несколько шагов, с трудом выкрикивая фразу из-за сбившегося дыхания. Но тут же помрачнела, когда тот покачал головой, протянул руку, чтобы помочь ей подняться по ступеням.

— Господин управитель вас просили-с разыскать, барышня, — проговорил дворецкий, распахивая перед ней двери, пропуская ее в дом, а потом ступая следом за ней и принимая капор и пальто из ее рук. — Модест Иванович к вам просьбу имеет, по словам его.

Заинтригованная Анна прошла быстрым шагом в салон, где тут же при ее появлении на пороге на ноги вскочил с кресла управитель Шепелевых, худощавый немец, некогда приехавший в Россию из одного из многочисленных герцогств Германии дабы попытаться счастья и вот уже более десяти лет служивший у Шепелевых — сперва управляющим в Милорадово, а последние семь лет главным управителем.

— Модест Иванович, — Анна вежливо кивнула управителю. Тот ответил поклоном. — Рада видеть вас в здравии. Как поживает ваша супруга? И Аделина Модестовна? Как вы пережили последние месяцы и тот пожар, о котором ныне говорит, вестимо, вся империя?

Управитель проживал с некоторых пор в Москве, в отдельном доме, который сумел приобрести позапрошлой зимой не без помощи Михаила Львовича. Анна только обрывки разговоров среди прислуги слышала на этот счет. Говорили, что дом был куплен не просто так, не за службу долговременную, а потому, что молодой барин был замечен за волокитством за дочерью управителя.

— Благодаря Спасителю нашему, все благополучно, — кивнул Модест Иванович. — До нашей стороны огонь так и не дошел, так что по возвращении из Калуги, куда отъезжали всем семейством, спасаясь от француза, мы нашли его в целости и на удивление в некоторой сохранности. Жаль, что не могу сказать того же самого о многих других владениях города.

— Наш дом на Тверской...? — Анна не могла не вздохнуть горько после того, как получила ответ, что московский особняк был почти полностью уничтожен огнем. Она недолго жила в том доме, но успела запомнить высокие потолки с лепниной, удивительную роспись стен, широкие подоконники в библиотеке, обитые бархатом для мягкости.

— Я была удивлена услышать, что вы желаете видеть меня, а Петра Михайловича, — переменяла она тему, не желая думать о потерях, которые понесла ее семья из-за этой войны.

— Именно вас, Анна Михайловна, — управитель потер ладони, явно волнуясь. — Я бы желал испросить позволения увидеть господина Шепелева, Михаила Львовича.

— Михаил Львович не принимает визитеров по состоянию здоровья, — покачала головой Анна. — И я бы первая отказала вам — отец не может обсуждать текущее положение и дела хозяйственные. Петр Михайлович, как вам сообщали, временно принял сии обязательства на себя.

— Простите, Анна Михайловна, великодушно меня, но я вынужден настоять на своем. Видите ли, я бы считал себя неблагодарнейшим существом, коли б не повидался с господином Шепелевым ныне. Дело в том, что это мой последний визит в Милорадово...

— Как? — Анна не смогла скрыть своего удивления этим словам, а после не сдержала

легкий упрек, который так сорвался с губ. — Неужто вы оставляете нас? И это ныне... ныне, когда...?

— Помилуйте, Анна Михайловна, — Модест Иванович чуть скривился, когда услышал, как дрогнул ее голос в конце реплики. — Исключительно по принуждению, не по воле своей! Даже после... после того, что случилось, я был всем сердцем и душой предан вашему батюшке и вашей фамилии, но... Так уж сложилось. Молодой господин вправе ныне решать сам, от кого ему принимать помощь и советы. Мои же ему не в надобности с сих пор, я этим утром получил полный расчет и передал книги [\[450\]](#). Я не ропщу и не жалуясь, упаси Господь! Но и уехать, не повидав Михаила Львовича, не могу. Столько лет! Не волнуйтесь, я не скажу ему ни слова ни о делах, ни о моем уходе. Буду нем на сей счет. Вы сами понимаете, верно, отчего я прошу вас позволить мне сию встречу. Не буду таить — Петр Михайлович был бы недоволен этим свиданием. Так что я смиренно приму ваш отказ, коли вы так решите. Но столько лет был подле...! И уехать без слова! Прошу вас!

Анна молча прошла до дверей и, распахнув их, крикнула в анфиладу Ивана Фомича или лакея, что мог быть рядом в тот миг.

— Проводите господина управителя, — коротко сказала поспешившему на ее зов одному из лакеев. — Проводите в покои Михаила Львовича. Но только прежде поглядите, не почивает ли тот, — а потом повернулась к взволнованному управителю, который шагнул к ней и схватил ее за руку в порыве благодарности. — Только ни слова ни о делах, ни о вашем деле. Его нельзя волновать. О вас же я похлопочу перед братом нынче же.

— Не стоит сие ваших хлопот, Анна Михайловна, — ответил управитель. — Я несомненно буду рад служить вашей семье, но мой разум ныне говорит мне, что сии хлопоты не увенчаются успехом, как бы ни желал я иного... тем паче, ныне, когда состояние дел вашей семьи...

Но договаривать не стал, только испросил позволения поцеловать ее руку в благодарность, а после удалился, извинившись, пожелав ей на прощание всех благ, явно от души говоря слова, от самого сердца. Модест Иванович ушел, а Анна долго стояла в салоне, задумавшись, вспоминая недавний разговор и обрывки бесед дворовых, что слышала ныне. «Новая метла по-новому метет», сказала кухарка Татьяна двум девушкам из прислуги, перебирая гречиху, чтобы подать к обеду одной из перемен крупеник, не видя, что в ее обитель уже ступила Анна, неслышно перейдя порог. Несомненно, речь шла о брате, молодом барине, что с недавних пор стал за хозяина, взяв в свои руки бразды правления. Анна тогда резко оборвала дворовых за сплетни о хозяевах, сделала выговор Ивану Фомичу. А сейчас вот насторожилась, узнав об увольнении управителя за спиной Михаила Львовича. Это не дворовыми делами заниматься да по хозяйству решать. Это совсем иное...

Петр приехал только, когда солнце опустилось за верхушки парковых деревьев, вернулся от овинов и амбаров, где завершали работы с зерном, подсчитывали общее количество мешков, что в запас легли под замок. Анна наблюдала за ним из окна салона, едва дыша — у нее всегда перехватывало дыхание, когда она видела Петра верхом. Ей казалась в его положении езда в седле такой опасной для него. Но разумеется, она никогда и ничего не скажет брату на этот счет, понимая, насколько важно для него эта маленькая победа — начать выезжать верхом, как и прежде. Он несколько дней ездил по двору возле конюшен, привыкая управлять и держаться в седле по-новому. Потом ездил до села, и только недавно стал выезжать на прогулки в поля и ближайший лес.

Анна закусила губу, когда Петр пошатнулся, спешившись с помощью широкоплечего

лакея, едва не стукнулась лбом о стекло, когда машинально дернулась вперед, желая убедиться, что брат все же устоял, не упал на снег, а двинулся к крыльцу, аккуратно ступая по утопанному снегу. Улыбнулась с гордостью, радуясь успеху Петра. Жизнь налаживалась. Разве этому нельзя было не радоваться?

Оттого буквально вбежала в малую столовую, где накрыли к чаю, подбежала к брату и ласково поцеловала его в макушку. Кивнула с улыбкой мадам и Полин, сидящим за столом.

— М-м-м, к чему такие мне почести? — улыбнулся Петр, намазывая на булку яблочное повидло. Анна только подмигнула ему в ответ, занимая свое место возле самовара, чтобы выполнить привычные ей обязанности. Неспешно подносил к ней фарфоровые пары лакей, с тихим плеском лился в чашки горячий чай. После в него добавят по вкусу каждый свое: Полин — пару ложек вишневого варенья на меду, Петр — молока, мадам Элиза бросит в чашку ароматную специю гвоздику. Михаилу Львовичу унесут отдельный чайничек — он любит пить чай с мятой. Как и Марья Афанасьевна, вспомнила Анна.

Словно прочитав ее мысли, к ней обратился Петр вдруг:

— Анна у меня для тебя есть письмо. Из Москвы. Вестимо, от графини. Хофманн привез из первопрестольной, просил передать при okazji. Я письмо это наверх передал, к тебе в покои.

Видит Бог, она хотела сдержаться, хотела промолчать о том, что узнала нынче днем. Но воспоминание о словах управителя несколько затмили радость от получения письма от Марьи Афанасьевны.

— Жаль, что не могу передать с Модестом Ивановичем ответное письмо. Не представляю даже, что ты сказал тому, раз он даже не решился остаться к чаю. Уехал тотчас, как навестил отца.

— Он виделся с отцом? Кто позволил ему? Ты ведь знаешь, что отцу нельзя!

— Я позволила, — коротко ответила Анна, глядя в побледневшее лицо брата смело. — Или ты опасался, что господин Хофманн может что-то занятное поведать отцу?

— В кабинет, — резко бросил Петр, отодвигаясь от стола, отдавая знак прислуживающему за столом лакею принести его костыли. — Тотчас же! Слышишь меня?! В кабинет!

— Mais..., - начала было мадам Элиза, желая напомнить ему, что трапеза только начата, желая погасить ссору между братом и сестрой еще до ее начала. Но Петр бросил на нее такой злой взгляд, что она даже растерялась на миг. За эту минуту и молодой Шепелев, и Анна, обменявшись сердитыми взглядами, скрылись из столовой.

— Quelle exécration caractère! [\[451\]](#) — сверкнула глазами мадам Элиза, аккуратно, стараясь не задеть фарфор, кладя ложечку, которой мешала чай, на блюдце.

— Peter? Pas du tout! — возразила ей тут же Полин запальчиво, как обычно, когда при ней мать начинала ругать молодого Шепелева. — Vous detestez lui, c'est tout dire. Il est injuste, maman! [\[452\]](#)

— Injuste?! О, Pauline, tu fais des fautes! Je vous prie... [\[453\]](#)

— Non! Non et non! — Полин резко отодвинула стул прежде, чем ей помог лакей, поднялась на ноги. — De rien! C'est ma vie. Ma vie, maman! Et il avait besoin de moi aujourd'hui tant...No priez, no priez, s'il vous plait! [\[454\]](#)

Салфетка брошена на стол. Уже вовсе не до чайной трапезы и не до тихих бесед за чаем. Мадам Элиза только горько вздохнула, когда Полин вышла из столовой, предварительно

извинившись, согласно правилам этикета. Лакей вторил ей тихим вздохом от своего места у столика у двери, с сожалением глядя на опустевшие стулья, опустил глаза от ее взора, когда она взглянула на него.

Как же все переменялось ныне, с горечью думала мадам Элиза, в одиночестве завершая трапезу. Как же все переменялось! Вроде бы все как прежде — мягкий свет свечей, фарфоровые пары на столе, самовар, мерцающий бликами в отблесках огоньков свеч, светлая скатерть из тонкого полотна, обшитая по краю кружевом искусным руками девиц. Да только не все пары на столе из единого сервиза, приборы не серебряные, а снесь скуднее, чем бывало раннее, и лакей только один в услужении в столовой, а за буфетчика ныне Иван Фомич стоит в буфетной. И люди, что сидели недавно за этим столом уже совсем не те, что прежде, и никогда уже не будут иными!

— Ты так переменялся! — говорила в эти же минуты Анна брату, стоящему у окна и вглядывающемуся в темноту за стеклом, на темные силуэты дворника, что убирал снег с подъезда к дому. — Я будто заново тебя узнаю...

— Тогда позволь представиться — новоявленный Петр Михайлович Шепелев! — иронично поклонился ей от окна брат. — Все ныне ж по-новому, по-другому. И я тоже другой! Уволил Хофмана? Да! Дал расчет. Он мне ни к чему. Мне ни к чему человек, что говорит безмолвно всем своим видом — вы, сударь, глупец, вы, сударь, не смыслите ни к черту! Надобно выправлять все, а он лишь только возражает! Московский дом, чтобы ты ведала — руины ныне! Maison à louer ^[455] — только первый этаж в целости, требует больших работ! Московские земли наши — пепелище да пустошь! Сперва наша армия прошла, отступая, после француз, и сызнова наши солдаты. Одна только Тульщина осталась нетронутой, да только оттуда многое число холопов побежало, заслышав, что Наполеон им волю даст. Заранее побежали, стервецы! Гжатские земли... О, ты же сама видишь! Видишь же! Надобны средства, а Хофман против повышения оброка. Надобно поправлять то, что порушено, а Хофман против увеличения барщины. Говорит, после. После!

— Ты увеличил барщину и оброк? И это ныне?

— Именно — ныне! — Петр даже костылем стукнул об пол, будто в подтверждение правоты своих действий. — Ты не понимаешь. Совсем не понимаешь! Я бы и вовсе перевел бы и Милорадово, и ближайшие наши деревни на оброк, да только кому в поля по весне выходить? Кто будет пахать?

— Для того чтобы кто-то вышел в поля по весне, надобно бы и помочь им самим! — запальчиво воскликнула Анна. Пришел миг, когда она может высказать брату все, о чем думала за часы, что ждала его возвращения. И что узнала за это время. — Это правда, что ты не позволяешь им рубить лес, чтобы править избы? Что крестьяне, у которых сожжены жилища, вынуждены жить в вырытых ямах? Это правда?

— С чего вдруг тебя стало интересоваться житье холопское? — переспросил Петр, нападая в ответ, стараясь защитить свои решения, убедить сестру в их правоте. — Ранее ты не особо пеклась о них!

— Ранее? Ранее мне не приходилось видеть, как они на защиту отца встают! — сказала и снова вспомнила тот день, когда на дворе церкви шло побоище, когда старались крестьяне сбить французов до того, как те сумеют подойти к раненому барину. — Они спасли тогда жизни мне и отцу, уберегли от гибели. Как забыть о том? Как можно забыть о том?

— Быть может, им еще и стрелять разрешить в лесу? И кормить с барского стола? — ехидно спросил брат, но Анна только выше подбородок подняла, готовая отстаивать свою

просьбу.

— D'accord! Коли ты так просишь за них, я дам им возможность получить дерево для их изб. Вскоре будем рубить дальний лес, тогда и получат холопы свои срубы, — холодно проговорил Петр после минутного молчания, скрещивая руки на груди, словно отгораживаясь от сестры ледяной стеной. — И не спрашивай про лес. Я так решил. Вскорости будут город отстраивать — лес в цене подскочит. Нам средства надобны. Большие средства!

— Скажи мне еще одно, — не унималась Анна, готовая выяснить ныне все до конца, открыть все карты, которые, как она подозревала, Петр держал скрытыми от ее глаз. — Ты велел почту тебе приносить наперед. Всю почту. Для чего?

— Не смотри на меня так! — выкрикнул брат, видя в глазах Анны явное обвинение. — Не смотри, будто я вор или злодей какой! Если нет письма, не моя вина. И думать не смей, слышишь! Даже думать не смей! Смела стала чрез меры! Отец много позволил тебе, как я погляжу. Не твоего ума дело, сестрица, вопросы хозяйские. И не лезь в них боле! И не по тебе вопросы задавать о решениях моих, спорить о них. Твое дело сесть за работы да за домом следить, только то!

Анна промолчала в ответ, не стала даже рта открывать, боясь, что снова сорвутся с губ злые обидные слова. Она отступила к дверям, готовая убежать из кабинета, но все же развернулась от створок, не в силах не задать вопроса, который помимо воли возник в голове еще днем, когда только-только узнала правду обо всем, что творил Петр, войдя в роль хозяина.

— Что ты скажешь отцу обо всех своих деяниях? Что скажешь, когда он встанет с постели и будет готов снова стать за хозяина у своих земель? — спросила тихо, пытаясь подметить каждое движение черт лица, каждое шевеление губ.

Горькие складки легли у рта. Сдвинулись брови под светлой прядью волос, что упала недавно на лоб, когда брат качал головой в пылу ссоры. Мелькнула тень в серых глазах.

— Если встанет с постели, — поправил он Анну мягко, и она пошатнулась, ахнула, осознав смысл этой фразы. А потом мелкими шажками пересекла кабинет и бросилась в распахнутые объятия брата, прижалась к нему всем телом, как когда-то делала это в детстве, спрятала лицо на его широком плече. — Доктор Мантель говорит, что кровопускания не помогают отцу. Кровь не очищается, а значит, о поправлении здоровья не может быть речи. Ты же сама видишь, какой он стал!

Да, она видела. Отец за последние седмицы сильно похудел, осунулось лицо. Стала видна ныне каждая жилка на руках, с тревогой подмечала она всякий раз, беря ладонь его в свои руки. Ушел давно румянец со щек, лицо по цвету равнялось белоснежному полотну постельного белья. Доктор Мантель, опасаясь простуды, велел топить в покоях Михаила Львовича жарче, чем обычно топили. Но даже то тепло, что было в его комнатах, не помогало: он был так же бледен, а ладони и ступни холодны.

— Il se meurt [\[456\]](#), - прошептал Петр то, что она страшилась даже в мыслях сказать себе. Но знала, она знала, что отец плох, несмотря на все усилия доктора, на заботливый уход и на молитвы домашних и службы, что творил отец Иоанн. Анна видела, как заострились за время болезни черты лица отца, его слабость после кровопусканий, когда он даже руки поднять не мог, а только лежал с закрытыми глазами и слушал ее голос, облекающий написанные в журнале строки в слова. «Длань черной старухи», говорила Пантелеевна о тех, кто постепенно высыхал день от дня, теряя следы былой жизни в этом немощном худом

теле. «Длань черной старухи на челе уже видна. Скоро и она сама пожалует...»

— Il se meurt, — повторил Петр, обнимая крепко плачущую сестру. — Остается только молиться, чтобы его уход был не ранее следующей зимы, как обещал доктор Мантель, — а потом добавил совсем тихо, так что она не услышала его. — И чтобы его уход был под этим кровом... в этих стенах...

Они стояли, обнявшись, еще долго — уже успели прогореть поленья в камине и обрушиться с тихим треском, возвращая этим звуком брата и сестру на грешную землю из мыслей, таких разных, но одинаково тревожных. Отпуская из своих рук, Петр коснулся губами ее лба, погладил по плечу, когда она отходила от него. Еще не время было говорить о том, что томило его душу. Позже, он скажет ей обо всем позже. Многое ведь зависело от того, какие вести принесло сестре письмо от графини, написанное чужим, незнакомым почерком. Кто ведает, что там внутри, какие строчки?

Письмо действительно, на удивление Анны, было написано чужим почерком, не узкие строчки, слегка наклоненные вправо. Она спешно развернула его, придвинув ближе свечу, глянула вниз, на подпись, торопясь узнать, чья рука выводила эту крупную аккуратную пропись с тщательно выписанными буквами, украшая строки завитушками, столь свойственными девицам, с частыми ошибками в правописании.

Анна не ошиблась. «Писано со слов Марьи Афанасьевны Завьяловой рукой Софии Павловны Олениной двенадцатого ноября в год от Рождества Христова 1812». Эта подпись настораживала, отчего-то вселила тревогу в душу, и без того беспокойную. И Анна поторопилась пробежать глазами по строчкам с самого начала письма.

Последнее письмо от графини пришло датированным за неделю до указанного дня, и за это время здоровье Марьи Афанасьевны резко ухудшилось. Как написала в кратком *post scriptum* сестра Андрея, графиню неожиданно свалил очередной приступ сердечного недуга. Да такой сильный, что доктор настоял на том, чтобы к одру больной приехали родственники ближайшие. Что именно послужило тому причиной, Софи не писала, но уверяла Анну, что болезнь, приковавшая к постели Марью Афанасьевну, не связана «никоим образом со здоровьем особы нам обеим хорошо известной, за которую мы неустанно молимся, которая живет в наших сердцах».

«...Вы обещались написать, — говорила графиня в письме. — Вы обещались и не последовали моей просьбе. Отчего? Я не корю вас. Лишь желала бы узнать, что послужило причиной тому. Ужели те слова, что некогда вы говорили мне, для вас ныне пусты? Ужели вы изменили им? Коли так, то я первая найду в себе силы благословить вас на тот путь, что вы выбрали, хотя и буду недовольна им. Ведь он не отвечает моим чаяниям, моим грезам, моим желаниям. Но все же я благословлю...»

...Я говорила вам о времени. Оно не знает жалости. Не позволяет возврата к тому, что хотелось бы переменить. Оттого и забывать о нем не стоит. Вы позабыли мои слова. O, cercle vicieux! ironie du sort! ^[457] Все то же — в точности, до единого мига, мне на злость! Только у вас еще есть возможность переменить свою судьбу, не стать на тот путь, что выбрала я некогда. Та дорога была в никуда, в пустоту — жизни, души, бытия. Заклинаю, найдите в себе силы переменить ее. Чтобы уходя, как буду уходить я, не сожалеть о многом, не проклинать тот единственный день, когда я своими руками превратила свою жизнь в руины. Порой стоит переступить чрез все, чем жил ранее, ради будущих дней, *ma chere*. Запомните эти слова...»

Анна несколько раз перечитала полученное письмо, пытаясь понять написанное, но

строки казались ныне несвязными, неясными, какими-то разрозненными намеками. Быть может, болезнь повлияла не только на тело Марьи Афанасьевны, но и на ясность ее мыслей, оттого и письмо такое странное? Единственное, что поняла Анна — послание, переданное с Павлишиным, до адресата не дошло или... или не было им принято, а она сама отвергнута? Иначе отчего Марья Афанасьевна не ведаёт о том, что дело сделано? Анна полагала, тетушке первой напишет Андрей о переменах.

И что это значит — «*cercle vicieux*»? Марья Афанасьевна так часто напоминала в письме о той давней истории, что приключилась в ее жизни, ссылаясь на нее, что Анна невольно задумалась, проводя возможные аналогии с той. Неужто Андрей не простил ее проступка, как некогда это сделал его отец, отвергнув невесту? Но нет же! Сестра его иначе не писала бы к ней о брате так — «особа, что живет в наших сердцах», не подписалась бы после *post scriptum* как «*votre Sophie, sœur de future*» [\[458\]](#).

Выходило, что та ссора, что случилась в Милорадово несколько седмиц назад, так и осталась скрытой от тех, кто не стал ее свидетелями. А она сама по-прежнему была невестой в глазах родни Андрея. Или нет? Анна вспомнила, с какой яростью в глазах на нее смотрел тогда Андрей. Как искривился его рот, словно он сейчас скажет ей нечто злое, жестокое, убивающее наповал, как это сделала она. Вспомнила, как больно сжимал он пальцами ее плечи. Ей тогда показалось, что он вот-вот поднимет руки и свернет ей шею за то оскорбление, что Анна нанесла.

— Прости меня, — прошептала Анна в тишину вечера, снова чувствуя, как сжимается сердце, при воспоминании о той тоске и боли, что наполнили глаза Андрея, сменяя в них ярость. Как резко он отпустил ее, оставил одну и ушел прочь. — Прости меня...

В тот вечер Анна написала ответные письма в Москву, чтобы пустить их далее по почтовому пути с самого утра, послав одного из конюхов в город. К Марье Афанасьевне, в котором осторожно намекала, что данное ею обещание выполнено, что об итогах этого она просит смиренно узнать саму графиню из первых уст. Писала, что будет молить Господа и святых не только о сохранности Андрея, но и о скорейшем выздоровлении графини.

К Софи написала, надеясь узнать о семье и родных Андрея больше, наладить с ними добрые отношения, пусть и «пользуясь таким печальным поводом», как Анна упомянула в послании к той. И к тетушке, как просил ее недавно брат, памятуя о переменившемся положении той.

— В нашем нынешнем положении, Аннет, родственниками никак не можно пренебрегать, сама понимаешь, — говорил он ей тогда. — Пиши ей, о чем пожелает душа твоя, хотя бы о пустяках всяких. Лишь бы помнила о нас и о той милости, что когда-то получила в этом доме.

Анна бы еще с большим удовольствием написала к Павлу Родионовичу, чтобы развеять неизвестность, висевшую над ней темной тучей, разогнать тревоги и подозрения. Но писать к мужчине... разве смела она? Пришлось осмелиться спустя время пойти с этой просьбой к Петру, когда тот вернулся с хозяйственного двора к вечеру.

— Писать к Павлишину? — поднял тот удивленно брови, отложил бумаги в сторону, которые просматривал на тот момент. — К Павлу Родионовичу? К чему мне то?

— Вести узнать из первых уст о ходе армии, — ответила Анна уже заранее заготовленной репликой. — Мы же с большой задержкой те узнаем. Покамест в столицу дойдет, а после и до нас! А так бы сразу... из первых уст!

— Мне есть, у кого узнать и без Павлишина о том, — отказался Петр. — Пара хороших

товарищей осталась в строю. Они и пишут. Обо всем.

Он так странно выделил в речи последние два слова, что Анна не могла не насторожиться невольно, обратилась вся во внимание, пытаясь разгадать то, что имел в виду брат.

— А даже если буду писать к Павлишину, — спросил он, устремляя на нее внимательный взгляд. — Что мне написать от тебя? Ты ведь за тем тут хвостом метешь, как лисица. Что узнать у Павлишина?

— О его здравии, благополучно ли тот служит ныне, — и ввернула между делом, пытаясь выглядеть равнодушной. — Передал ли тот до адресата, что обещался.

Петр вдруг улыбнулся широко и доволью, удивляя ее, потом протянул руку через стол и коснулся ее ладони.

— Ты верно поступила, *ma chere*. Конечно, он мог бы стать ныне после кончины графини самой лучшей партией, что мы могли бы желать. Но все же! *Tout est pour le mieux* [459]. Да и кто ведает, сколько графиня задержалась бы на этом свете до того?

Анна отшатнулась назад, потрясенная его словами, не понимая, о чем он ведет речь.

— Что ты говоришь, Петруша? Ты полагаешь, я вернула кольцо через Павлишина? — переспросила она, и улыбка исчезла с лица брата вмиг. — И как можно говорить такое?! О смерти...

— Тогда что именно ты передала через него? — Петр вдруг посерьезнел, нахмурил лоб. — И для чего? *Mon Dieu, Annette!* Что ты снова натворила? Я думал после того, что ты сделала, меж вами все кончено. Да разве можно иначе после того?

— Я хочу вернуть все! Слышишь? — Анна вырвала руку из пальцев брата, вскочила с места и заходила взволнованно по кабинету, сжимая руки. — Коли б ты был им, простил бы мне? Коли б я покаялась? Упала в ноги? Заверяла в любви, просила о прощении? Ты бы простил?

Она так резко повернулась к брату, что подол платья хлестнул по ногам, замерла, ожидая его ответа. И побледнела, когда он ответил «*Je ne sais*» [460], а потом поманил ее к себе, прося тем самым подойти ближе, встать подле него. А затем Петр развернул Анну к окну.

— Что ты видишь, *ma chere*? — тихо спросил он, и она вгляделась в темноту за окном.

— Снег падает. И только, — пожалала плечами она, сдаваясь спустя минуту после того, как тщетно напрягала зрение, пытаясь увидеть то, что видел Петр в окне.

— Не смотри за окно. Смотри в стекло, — сказал он, и Анна взглянула в отражение, которое виднелось в окне на фоне темноты вечера поздней осени.

Петр, сидящий в кресле — усталый, хмурый, в расстегнутом сюртуке и с развязанным галстуком. С растрепанными волосами, в которые он запускал пальцы еще недавно, пытаясь увидеть в бумагах желанные цифры, да только не сходилась, никак не сходилась. Она сама — чуть похудевшая за минувшую осень, в простеньком хлопковом платье с длинными рукавами, с косами, уложенными кольцами на затылке. Растерянная, встревоженная, испуганная... Такой беззащитной ныне вдруг увиделась сама себе в отражении, такой слабой.

— Что я должна увидеть? — пожалала плечами Анна, не понимая, к чему клонит брат. Взглянула на него сверху вниз, хмурия лоб в недоумении.

— Единственное богатство Шепелевых ныне, *ma petite sœur* [461], — ответил тихо Петр, а потом вдруг схватил ее ладони, сжал их легко. — Иногда следует отпустить прошлое, чтобы

иметь будущее. Не только собственное будущее, *ma chère*...

Они долго смотрели друг другу в глаза, будто каждый пытался что-то отыскать во взгляде своего *vis-a-vis*. А потом Анна покачала головой медленно, отказывая брату в той мольбе, что прочитала в его взоре.

— *Je ne veux pas!* [\[462\]](#)

— *On n'échappe pas à son destin, ma petite sœur. Hélas!* [\[463\]](#)

Вести о смерти графини Завьяловой пришли в Милорадово только спустя седмицу после ее похорон в склепе на монастырском дворе в подмосковных землях, некогда принадлежащих ее покойному супругу, а ныне перешедших под руку ее племянника. Как и земли под Петербургом, Псковом, Тверью, Рязанью, Гжатском вместе с людьми и всем, что находилось на них. Дома в Москве и столице, мануфактуры и заводы, что приносили немалый постоянный доход. Все это сделало в один день ее наследника весьма богатым человеком, позволяя никогда более не тревожиться о хлебе насущном и следующем дне.

Эти известия привезли в Милорадово с очередным пакетом почты, которую доставили одним ранним ноябрьским утром.

— Вот ведь повезло Оленину! — шелкнул языком Петр, когда дочитал последние строки некролога в «Санкт-Петербургских ведомостях», в которых перечислялись заслуги покойного супруга усопшей перед империей. — Хотя к тому все и шло.

— Аннет будет огорчена, — ахнула Полин, поднимая голову от акварели, которую рисовала, сидя у окна, оглянувшись в сторону двери, словно вот-вот в салон должна будет войти сестра Петра. — Она так сблизилась с ее сиятельством, пока та гостила в Милорадово. Упокой Господи рабу твою Марию, — перекрестилась спешно, чуть неуклюже.

— Придержи эту весть, *ma petite amie* ^[464], при себе покамест, прошу тебя, — они оба оглянулись от окна вглубь комнаты, где сидя в кресле у камина, дремала мадам Элиза, склонив набок голову в пышном чепце и некрасиво приоткрыв рот. Петр — опасаясь, что мадам могла услышать вести о смерти графини. Полин же — явно недовольная его обращением к ней.

— Ты разума лишился! Я же просила — не называй меня так! — прошептала она, а Петр только рассмеялся тихонько и, склонившись к ней, провел кончиком пальца по ее скуле.

— Ты так красива, когда злишься, — проговорил он тихо. Она же улыбнулась ласково в ответ, жалея, что не может ныне встать и обнять его, не скрываясь ни от кого, как могла бы это сделать, будучи его женой.

— Значит, Оленин становится единственным обладателем состояния графини? Вот видишь, судьба все же благосклонна к тебе, Peter. Через брак Анны ты можешь разрешить все свои трудности, *n'est ce pas?* Да и она будет счастлива... Не неволь ее, одно лишь мое желание.

Но Петр отчего-то промолчал в ответ, только отложил газету в сторону и поднялся с кресла, опираясь на костыли, одним-единственным взглядом заставив Полин остаться на месте, а не броситься к нему на помощь.

— Я поднимусь к Аннет, — коротко проговорил он Полин, с трудом заставляя себя не коснуться ее рыжих кудряшек, заколотых на затылке шпильками. Его маленькое солнышко в эти серые безрадостные дни! Только она готова принимать его любим — добрым или злым, благородным или полным подлости. Только она была готова простить ему все. И лишь ей он мог открыть свою душу, рассказать обо всем, что творилось в его жизни.

Но о том вечере Петр не сказал Полин. Том самом вечере, когда он поторопился окончательно развести в разные стороны сестру и Оленина. Необдуманно, так неосмотрительно! Он снова поставил все на кон, и в который раз выпадала не та карта, что он ждал. Как и ранее...

Петр опять взглянул на Полин, отвернувшуюся к окну, принявшуюся короткими мазками вырисовывать белоснежное покрывало на зимнем пейзаже, который планировала закончить к Рождеству. Не смог удержаться — склонился к ее аккуратно причесанной головке, коснулся губами ее кудряшек. И тут же резко выпрямился, заметив краем глаза движение в дверях, повернулся к побледневшему лакею, который безуспешно пытался скрыться в соседней комнате, делая вид, что ничего не видел.

— Что ты? — грубо окликнул его Петр, и ему все же пришлось ступить в салон, низко кланяясь. Обернулась Полин от акварели испуганно, резко выпрямилась в кресле мадам Элиза, пробуждаясь от полуденной дремы. — Что нужно тебе?

— Письмо-с для барина Петра Михайловича, — снова поклонился лакей, протягивая на подносе послание, которое только доставили в Милорадово с личным стремянным в форменной шинели. Он так хотел выслужиться перед молодым хозяином, так хотел получить его расположение, зная, как тот отличен в своем отношении к людям подневольным от своего отца. Это не старый барин, снисходительный к проступкам легким. Этот же крут и скор на расправу за любой промах.

Козлы в конюшнях не пустовали ни единого дня — секли то дворовых, то крестьян, возвращающихся из лесов в родные места. Сразу же после отхода арьергарда русской армии, Петр распорядился, чтобы несколько служб подряд отец Иоанн зачитывал приказ молодого барина. «Всякий, кто воротится под барскую руку из лесов до дня Филипа, получит полное прощение. Тот же, кто будет позже, хотя и бы по воле своей, будет бит плетями», гласил тот. Но перепуганные крестьяне, те, кто убежал, спасаясь от француза в леса и жил ныне с семьями в шалашах и землянках, не спешили возвращаться в села и деревеньки. Слишком силен был страх перед Антихристом, как звали Наполеона они, страх смерти оказался сильнее страха быть битым на конюшенном дворе. Так и не пустовали козлы уже две седмицы после Филипова дня...

Потому и побледнел лакей еще больше, когда Петр, взяв письмо с подноса, склонился ближе к нему и прошептал тихонько:

— Коли что услышу из того, что видел тут — влеплю плетей два десятка, а после в скотники сошлю из дома! Ты меня понял?

Лакей быстро кивнул головой и, когда Петр взял с подноса письмо, поспешил отступить от хозяина, а после скоро вышел вон, получив позволение на то.

— Malediction! ^[465] — процедил он, развернув письмо и пробежав глазами по первым строчкам. Полин взглядом спросила тут же: «От него?», и он кивнул, стискивая зубы. А потом развернулся и зашагал к передней, чтобы после медленно подняться в покои сестры.

Обложил! Как зверя красного обложил! Куда ни сунься — везде его рука! Петр вдруг зашатался, почувствовав, как вдруг ослабело тело. Пришлось прислониться к стене, чтобы не упасть.

Как же ему хотелось снова вернуться в тот проклятый день, когда он переступил порог Английского клуба в качестве гостя одного из своих знакомцев! Он так стремился попасть в клуб, стать его членом, иметь полное право бывать здесь не по приглашению чужому, а по собственному желанию. Он был так очарован этими стенами, этой атмосферой, доступной лишь избранным. И теми играми, что велись в «инфернальной» ^[466], где ставились на кон огромные суммы и крупные именная, где игра была вовсе не такой, к какой Петр сам привык в кругу своих товарищей по полку.

И Чаговский-Вольный, слава которого как игрока, который в редких случаях не

выигрывает, за что бы ни брался — карточная игра, пари или иное предприятие... Петр даже сам не понял, как рискнул сесть с тем за один стол, памятуя о его репутации. Но в тот вечер он неожиданно для всех выиграл у князя. Сумма была малой для Чаговского-Вольного — тысяча рублей, но Петру она казалась тогда огромной. И они вместе пили после шампанское в честь его выигрыша, и тогда князь казался таким приятным для общения человеком, ведь именно он оплатил в итоге эту небольшую пирушку, бросив небрежно через плечо одному из прислуживающих им людей: «На мой счет!»

— У вашего отца истинное сокровище в руках, — проговорил вдруг Адам Романович когда уже разъезжались с первыми лучами солнца из ресторации, куда князь позвал продолжать гулять. Петр тогда уже был под хмелем и даже не понял, о чем тот ведет речь. И тогда князь, казавшийся таким трезвым, несмотря на выпитое ими за ночь, произнес:

— Mademoiselle votre sœur ^[467]. Чистый облик совершенной красоты, — и Петр тогда, помнится, был страшно горд, как всякий раз, когда говорили комплименты его сестре.

— Она удивительная девица, другой такой нет, — подтвердил он, кивая растрепанной головой.

— Vraiment ^[468], - проговорил князь. — Вы должны представить меня вашей семье.

Петр обещался и даже исполнил свое обещание. Но аккуратно после того вечера случилась та пренеприятная история, что заставила Анну уехать из Москвы, и князю продолжить свое знакомство не удалось — Шепелевы никого не принимали целый год.

— Вы должны убедить отца принять меня. Я буду проездом через ваши земли вскорости, — говорил князь, и Петр обещал снова, но так уж складывалось, что забывалось это обещание за теми днями, насыщенными донельзя, за бесконечными балами и театральными постановками, за кутежами и гуляниями. Он стыдился, но говорил князю полуправду: что отец наотрез отказался принимать кого-либо в доме, только хороших ему знакомцев, что Анна сама не расположена ныне к новым лицам и уже заведомо относится к тем с предубеждением. Все так и было. Только Петр знал, что мог бы переубедить и отца, и сестру, да только желал ли он того?

Князь, безусловно, был богат и недурен собой, знатен и из давнего рода. Да только не такого супруга в то время желал Петр сестре. Он был молод, он был тогда безумно влюблен и желал, чтобы и у Анны был брак только по сердечной склонности и никак иначе.

А потом все надежды и радужные грезы рассыпались в прах. В сватовстве Петру было отказано родителями предмета его воздыханий. Слишком уж состоятелен — куда семейству девицы, что владеют лишь десятком душ, до Шепелевых. Слишком красив — знать, не будет покоя в семейном счастье у их дочери. Слишком, всего-всего слишком...

Девица венчалась спустя несколько месяцев с другим, уж торопились отдать родители, покамест не переменяла решения. Петр же ударился в загул: вино и водка мужицкая в трактирах и последних для дворянина кабаках, отчаянные пари, порой с риском для жизни. А потом бесконечная череда любовниц, чтобы вытеснить даже малейшее воспоминание. Именно тогда — в дурмане хмеля, который ничуть не гасил приступы злости и не умалял стонов задетого самолюбия, именно тогда Петр проигрался князю впервые. Десять тысяч. Первые десять тысяч, проигранные Чаговскому-Вольному...

Анна сидела у окна в будуаре и вышивала полотно, кладя стежок к стежку, даже не повернув головы в сторону вошедшего брата. Дело плохо, понял тот. Обычно Анне не хватало терпения на подобное занятие, надолго приковывавшее по ее мнению к месту. Та Анна, что тогда себе на хворь приказала оседлать лошадь, та, что ускакала прочь от дома

сломя голову да с огнем, даже не дожидаясь пока ее стремянные будут готовы выезжать — именно та Анна была хорошо знакома Петру. Не эта, сосредоточенная, молчаливая, медленно работающая над полотном, кладущая аккуратные стежки друг возле друга.

Он подошел ближе к сестре, опустился в подставленное сопровождающим его лакеем кресло и жестом руки отпустил и Глашу, и лакея прочь, желая переговорить с сестрой наедине. Та обрезала маленькими ножничками нить цвета первой зелени, а после заправила кроваво-красный шелк в ушко игольное, приступила к очередному фрагменту вышивки. Все так же не поворачивая головы в сторону брата.

— Анечка, — проговорил тихо Петр, и она подняла голову от работы, но посмотрела не на него, а в окно, на белоснежные ветви лип за стеклом, переливающиеся блеском в солнечных лучах. Смотреть на брата не могла, тут же вспоминала их разговор.

... - Отчего я должна делать то, что не желаю? А я не желаю этого! Не желаю!

— Ты забыла наш разговор? Помнится, когда-то ты была согласна с тем, что тебе суждено стать женой того, кто может обеспечить тебе ту жизнь, которой ты достойна!

— Быть может, все переменялось с тех пор, — не унималась Анна в тот вечер. — Я переменялась, Петруша. Я люблю. И желаю стать женой только того, кого люблю. И кем любима.

— Любима! — фыркнул Петр. — Любима! Коли так любят! Мужчина, когда любит, не поступает так, что...

А потом осекся, заметив, как резко обернулась от окна Анна, как прищурила глаза. Только ныне понял, что едва не сболтнул лишнего. То, что намеревался утаить, несмотря на то, что это только сыграло бы ему на руку. Ведь это определенно разбило бы ей сердце. Пусть бы и далее думала, что сама разорвала помолвку. И отчего это только не так?! Отчего она писала к нему, унижаясь, умоляя о прощении?

— Поступает — как? — переспросила Анна, приближаясь к нему медленно. — Как?

— Я как-то говорил тебе, что Оленин вовсе не та персона, к которой надобно склоняться, — сердито ответил Петр, злясь на поворот в их беседе. Он не планировал говорить ей то, что узнал, думал, что она уже смирилась с тем, что более не связана с кавалергардом. Но нет, все по-прежнему — и блеск в глазах, и странные нотки в голосе, когда говорила о нем, и переписка с графиней, видимо, в надежде удержать то, что ускользало из рук. Постепенно все сошло бы само на нет. А ныне — попробуй, извернись из той ловушки, куда сам себя загнал. Быть тем, кто откроет ей истину... стать тем, кого она будет ненавидеть за это...

— Он совсем не та персона, — повторил Петр. — Все эти толки... ты ведь ведаешь, хотя бы крупница, да бывает правда в слухах. *C'est connu de vieille date* [\[469\]](#). Та пренеприятнейшая история... Неужто ничего тебе не сказала о нем?

— Оставь прошлое прошлому, — коротко ответила Анна. Она смотрела в глаза брата, а внутренний голос умолял прекратить этот разговор, уйти от него. Не слышать того, что тот может сказать, что знает, как она читала по его глазам. — Даже если и было нечто худое, я готова простить...

— Готова простить былое? — вдруг вскинулся брат, сжал руку в кулак на подлокотнике. — А готова ли ты простить настоящее? Готова?! И готова ли прощать в будущем?

Уходи, крикнуло сердце. Уходи немедленно! Не слушай! А рука сама потянулась к листку бумаги, что бросил Петр на стол, достав из ящика для писем, кривя некрасиво губы, словно

был недоволен самим собой.

— Наш доблестный кавалергард вовсе и не так скромн, каким кажется на первый взгляд, — тихо проговорил он. — Или это способ показать, насколько ему безразлично, что ты будешь думать о нем. Или же просто своего рода месть за поруганную честь, за твое вероломство.

«... что до твоей просьбы, *mon ami*, то я все же справился о той персоне, невзирая на мое удивление ей. Причем, самолично, заметь, посему требую от тебя по возвращении бутылку французского за свои хлопоты, которую намерен распить с тобой, *mon ami*, за победу нашего императора и нашей доблестной армии! Полковник сей выбыл на время из строя по причине нездоровья. Его прехорошенькая *compagne* ^[470] даже не пустила меня на порог избы, где тот был постоем. А уж как разъярилась, услышав твое имя! Признайся, чем же ты насолить сумел этой рыжеволосой *furie* ^[471]?...»

— Анна! — раздалось откуда-то издалека, и она поняла, что едва не упала тут же в кабинете, подле стола, держа по-прежнему в руках это злосчастное письмо от сослуживца брата, что писал ему из окрестностей Красного еще в начале месяца. Петр уже поднялся с кресла и, прислонившись бедром к столу, протягивал к ней руки, пытаясь удержать от падения.

— Он не полковник. Он же не полковник! — она выпрямилась, бросила письмо на стол, а потом ускользнула от рук брата, не давая коснуться себя, отошла к камину, словно огонь, пылающий в нем, мог согреть ее от того холода, что медленно шел от сердца, захватывая с каждым мигом новый кусочек тела. — Это все ложь!

— Бородино принесло ему новый чин, *ma chere*, — мягко ответил Петр, решив, что раз уж стал вскрывать нарыв, то лучше сразу и до конца, а не касаться его легко, причиняя минутную боль. — Оленин ныне полковник, и это о нем справлялись по моей просьбе...

— Я тебе не верю, — сказала Анна, переводя взгляд со всполохов огня в глаза брата. Сказала твердо и холодно, ранив пребольно в самое сердце. Его маленькая сестричка, его лисичка, как он звал ее за детскую хитрость, его *bonbonnière* ^[472]. — Я тебе не верю.

— Твое право, — согласился Петр. — Я не желал тебе говорить. Думал, ты уже отболела этой хворью, к чему тогда? А ты письмо... к чему? Эти извинения...

— Молчи! Заклинаю тебя, молчи! — крикнула она и выбежала вон, даже не прикрыв дверей за собой. Убежала к себе в покои, где закрылась в спальне, опасаясь, что брат последует за ней. Встала, как вкопанная, посреди спальни, закрыла глаза, пытаясь выровнять дыхание, унять то странное чувство в груди, которое образовалось внутри при чтении тех строк. Будто у нее вырвали сердце... Нет, приложила Анна руку к груди, вот же оно. Стучит, разгоняя кровь по жилам. По-прежнему в груди, на своем месте. Только молчит...

— *C'est mensonge* ^[473], — прошептала тихо, нащупывая через ткань платья кольцо с гранатами. Да разве может быть иначе? Разве можно иначе...?

Следующим же утром, несмотря на все возражения Петра, из Милорадово выехал гонец с твердым наказом разыскать в арьергардных войсках, что были нынче в могилевских землях, господина Павлишина и передать ему послание. Разумеется, автором этого письма значился Петр, но писано оно было именно ею. Всю ночь Анна сидела над этим посланием, размышляя, как изложить свою просьбу. В конце концов, рука вывела только несколько строк. Всего несколько строк, от которых зависела ее судьба.

Последующие дни, что прошли в ожидании ответа из армии, Анна и Петр сторонились

друг друга, будто незнакомцы, вынужденные волею случая жить под одной крышей, несмотря на попытки Полин сгладить то напряжение, что установилось меж ними. Отстранилась от всех снова, лелея свое деланное равнодушие, потакая льду, что сковал сердце. Но это днем. Ночами же лежала без сна, перечитывая письма, вспоминая каждый миг из тех коротких дней, что довелось провести подле Андрея. Это ложь, говорила себе. Это никак не может быть правдой.

Откуда женщины в армии? Что за *compagne*? Что это означает? Рыжеволосая фурия, всплывали в голове строки из письма того, и память услужливо подсказывала, как сверкали яркими бликами волосы Марии в свете свечей, когда она склоняла свою головку ближе к Андрею, что-то шепча тому на ухо. Мыслимо ли, одергивала себя тут же. А потом вспоминала, как та ставила свечи после службы подле свечей Анны у образа Андрея Первозванного. И как яростно шептала когда-то, застав Анну одну на прогулке возле дома:

— Если вы любите его, то оставьте его... Оставьте его! Оставьте! Подумайте о его будущем, о его чести! Оставьте его...

И как выкрикнула в ответ на холодное Анны: «Что вам за дело до того?»:

— Я люблю его, слышите? Люблю, как только женщина может любить мужчину. Я отдам все ради его благополучия, ради него самого. Как смиренно приняла его выбор, когда он назвал вас своей нареченной. Вот какой должна быть любовь! Способна ли ваша любовь на жертвы? Или вы и далее готовы мучить его, как мучили до сих пор? Разве он заслуживает того?

Анна тогда кусала уголок наволочки, сдерживая слова злости, которые услужливо подсказывал разум. Нехорошие слова, совсем негодные для барышни. Мыслимо ли, что именно о Марии шла речь в письме? И отчего не она писала в Милорадово от имени графини, как ее компаньонка? Вестимо, ее наконец-то забрал к себе супруг. Да-да, именно так!

А потом вернулся посланный к Павлишину стремянной и привез с собой пакет. В том было письмо для матери, которое тот просил передать в соседнее имение, почта от сослуживцев для Петра и записка для Анны. И ее собственное письмо, которое она узнала тотчас, как принесли поднос с бумагами в салон, где она читала мадам Элизе и Полин новый выпуск журнала «Сын Отечества».

«Простите меня, что я не выполнил вашу просьбу, — извинялся Павлишин в записке. — Но вы сами обязали меня не делать того. Я не нашел в себе сил передать ваше послание господину полковнику. Вы сами уже ведаете по какой причине. Простите меня. Я бы отдал все, лишь бы написать к вам иное».

— Я хочу выехать, — коротко сказала Ивану Фомичу Анна, бросая записку в огонь голландской печи. Письмо же спрятала за корсаж, едва не запутав при том шнурок, на котором висело кольцо. — Оседлайте мне тотчас же!

— *Annette, ma chere*, за окном темнеет уже, — заметила мадам Элиза, встревожившись при блеске ее глаз, видя ее поджатые губы. — Покамест будешь платье менять, сумерки станут.

Но Анна даже слышала ее, прошла в переднюю, где Глаша помогла ей надеть спенсер из тонкой шерсти, подбитый для тепла мехом зайца, едва успела застегнуть тот, настолько спешила Анна выйти из дома. В лицо ударил мороз, но огня, полыхавшего в ее душе, не сумел даже на немного охладить. Она вскочила резко в седло, почти не опираясь на поданные руки лакеев, стегнула хлыстом коня, пуская его рысью, а после в галоп, не

опасаясь даже, что тот может поскользнуться на разъезженной аллее.

— Возьмите огня! — только крикнула одному из стремянных, что ехали в сопровождении, и один из них вернулся в усадьбу за лампой, полагая, что барышня собралась к соседям. Но выехав на дорогу, повернули в сторону разоренного Святогорского, что заставило стремянных переглядываться. Куда же собралась барышня? Далее ведь с десятков верст до имения Павлишиных.

Удивление их возросло, когда Анна повернула коня на нетронутое снежное полотно на лугу, направилась к одинокой сараюшке, что казалась ныне совсем крохотной среди занесенного снегом пространства. У сарая и остановились. Прежде чем стремянной успел спешиться и помочь Анне, она сама соскользнула по боку коня, провалилась в снег по щиколотку, но даже от холода не поежилась, что неприятно скользнул под подол платья.

— Огня! — и в протянутую руку подали лампу, которую с трудом удержала, даже дрогнул локоть. Но удержала все же, а после приподняла другой рукой юбки, чтобы удобнее было идти по снегу, ступила в темноту сарая, скользнув через щель полуоткрытой двери.

Он так часто снился ей, этот сарай. Запах сена она ощущала будто наяву, шершавость сухих трав, так больно порой колющих ее тонкую кожу. И помнила, как целовал Андрей эти уколы нежно, удобнее устраивая ее на своей широкой груди, переворачивая из-под себя. До сих пор помнила эти легкие прикосновения губ к своей коже. Чувствовала тяжесть его тела. И его шепот слышала... «Моя Анни... моя милая...»

А потом размахнулась и бросила лампу в стену над охапкой уже пожухлого сена, где когда-то лежала в его объятиях. Тихо шикнуло масло, когда лампа опрокинулась на травы на земляном полу. Обрадовано скользнул по тем яркий огонек, все быстрее и быстрее захватывая новые территории под свою власть, лизнул масло растекшееся. А потом неожиданно вдруг вспыхнул ярче и горячее, прыгнув в лужицу масла, начав поглощать сено, продвигаясь к Анне, стоявшей в центре сарая.

— Барышня! Барышня! — в сарай протиснулись стремянные, почуяв запах гари, разглядев между щелями в стенах сарая яркий огонь. Один ухватил ее, вытащил наружу, другой попытался затоптать огонь, радостно треща захватывающий новые территории под свою власть. Через распахнутую дверь ворвался поток воздуха, от которого огонь только вошел в раж, стал набирать силу. И когда Анна стояла у сарая, удерживаемая за плечи, одним из стремянных, охватил уже не только сено на полу, но и часть задней и боковых стен, пробираясь к крыше.

Стремянные что-то кричали друг другу, решая, как следует поступить ныне: попытаться забросать снегом огонь или увозить барышню прочь да на подмогу звать кого. Анна же не слышала их, наблюдала с довольством в глазах, как лижет огонь стены из досок. Дотла! В пепелище! Как и ее жизнь ныне...

— Ненавижу! — прошептала, едва шевельнув губами. Она действительно была переполнена ослепляющей ненавистью в этот момент. На Андрея — за то, что посмел целовать и ласкать другую. На неизвестную ей рыжеволосую — за то, что принимала эти ласки и дарила ответные. На себя — за то, что сама сделала так, чтобы это произошло...

Стремянной сдавил ее плечи сильнее, чем должно, причиняя ей боль, и она резко развернулась, ударила его хлыстом наотмашь. А потом коротко сказала: «Домой!», с помощью слуг заняла место в седле и направила перепуганного огнем коня по лугу к дороге. А там уже остановились сани, из которых выглядывала испуганно мадам Павлишина, наблюдая, как пылает сарай посреди белого простора. Именно она и привезла потерявшую

сознание Анну в Милорадово. Та ей нежданно чуть ли не в руки свалилась на дороге.

— Что это творится? Пожар никак, Анна Михайловна? — вглядывалась в огонь, пылающий вдалеке мадам Павлишина. — А я-то к вечерне еду. А тут этот огонь... и вы... пожар никак? Что горит-то, не ведаете?

— Прошое, — проговорила тихо Анна, прежде чем пошатнулась. — Прошое выгорает...

Всю последующую неделю Анна провела из-за своей болезни в стенах своих покоев под причитания тихие Пантелеевны и хлопоты мадам Элизы. Она с детства была слаба горлом, вот и ныне на место горячки, свалившей ее на дороге к Милорадово, пришла эта хворь. Пропал голос, стало больно глотать и даже говорить. Вот и погрузила себя Анна в полное молчание, изредка общаясь с мадам и Полин записками. Отца не навещала, боясь передать ему свою простуду, а Петра... Петра не принимала, а если приходил сам в покои навестить, без позволения заходил, не поворачивала к нему головы, продолжая свое занятие — либо читала, либо вышивала. Так и ныне — долго сидели в полном молчании, пока свеча, что зажгли и поставили для лучшего освещения работы барышне на подоконник, не прогорела наполовину.

— Какова сумма долга твоего князю? — вдруг холодно спросила Анна. В тишине комнаты ее голос, чуть хриплый после болезни, прозвучал так неожиданно, что Петр вздрогнул. А потом едва сдержала вскрик, услышав ответ.

— Восемьдесят семь тысяч по векселям и заемным письмам, — Петр так тихо говорил, что пришлось напрягать слух, чтобы разобрать его речь. — Первоначальный долг был меньше. Он скупил все мои обязательства у других заемщиков.

— O mon Dieu! O mon Dieu! — Анна вцепилась в рамку пялец в волнении. — Это ж огромная сумма! Как это случилось? Как это могло случиться?

— Карты. Два года игры. Сперва я пытался отыгаться у него, но безуспешно. Недаром же он — *enfant gâté de la Fortune* ^[474]! Я только все больше и больше в долги влезал... Векселей раздал на тысячи! А потом и с остальными... Каждый бал московский, где только ставили ломберные столы. Нет, ты не думай, я не только проигрывал. Бывало, и выигрывал, чтобы снова после ставить, следующим же вечером. Думал, раз удача улыбнулась мне, то надолго! Но нет, коварная плутовка только мимолетно улыбалась мне. Последний раз в Вильне этой весной, когда я сумел выиграть около пяти тысяч. Благо, что выслал их тотчас же с нарочным к князю.

— Отец знал? — Анна до сих пор с трудом верила в то, что слышала, глядя на брата, белого лицом, с трясущимися руками, в которых тот вертел сейчас перо для письма. Странно, он был так жалок ныне, но в ее сердце не было жалости к нему. Словно оно настолько промерзло тем вечером, что никаких чувств более не могло испытывать.

— Отец? — переспросил Петр. — Думаю, догадывался. Зато о моих долгах определенно знал Оленин. Он был в клубе этой зимой, когда я в очередной раз пытался отыграть свои векселя у князя. Я полагал, что он и рассказал тебе про мои долги. Всякий в клубе знал о них.

— Андрей не таков, я уже говорила тебе о том, — произнесла Анна, и Петр скривился раздраженно.

— О да! Он же слишком благороден для того! — проговорил издевательски, а потом уронил лицо в ладони, скрываясь от прямого взгляда Анны. Как хорошо же, что она не понимает до конца смысла этих слов! Оленин знал о крупном долге, что оставил сын у

Шепелева, но все равно сватался к его дочери.

— Чаговский-Вольный предложил мне сделку перед Рождеством, — сказал глухо, не показывая своего лица, стыдясь того, что должен был сказать ей сейчас. — Он был готов простить мне долг. Но только как beau-frère [\[475\]](#). И я принял это предложение. Ты была свободна от склонностей сердечных, ты шутя играла своими поклонниками, не выделяя никого. Я знал, что ты никого и никогда не подпустишь к себе столь близко, не отдашь свое сердце. Князь был бы наилучшей партией для тебя, я бы склонил и тебя, и отца к тому без особых усилий. Но появился Оленин, черт его принес на Рождество! Появился Оленин, и все пошло прахом!

— Отец никогда не говорил мне о князе, — заметила Анна, и Петр устало улыбнулся, по-прежнему пряча от нее лицо в ладонях.

— Я не стал этого делать. Не смог. Не сумел. Понимал, что нужда меня едино заставит рано или поздно, но не мог. Говорил себе — позднее, позднее... А после этот спор. Ты словно сама вручала мне свою судьбу в руки. Думал, вот оно! Судьба сама мне потакает ныне. Но Оленин поддался твоим чарам... и ты ответила согласием... Я думал тогда, что все не так, что ты по-прежнему играешь. А потом увидел, как ты смотришь на него. Словно он для тебя все насущное. Словно не станет его, и тотчас не будет тебя следом. Я мог бы разрушить все только одним словом, но видит Бог, разве ж хотел я того? Я думал, пусть идет своим чередом, что я пути не найду из западни, в которой сижу? Женюсь на отменном приданном, заложу имения под Москвой, что отец обещался отписать. Выпутаясь со временем из долговых пут. А потом война... Война, будь она неладна! И все так переменялось... Ныне я уже и не могу собой располагать...

— Только мной, vгаі? — усмехнулась Анна, отводя взгляд от брата, снова возвращаясь к работе. — И вот мне цена — восемьдесят семь тысяч.

— Прошу тебя! — схватил вдруг за руку ее Петр. — Прошу тебя, не надобно. Нет более жестокого укорителя для меня ныне, чем я сам. Думаешь, я не думал о том? Каждый Божий день! Каждый! Утром с этими мыслями поднимаюсь с постели, а вечером ложусь в нее с ними. Если бы я мог! Если бы мог! Но, увы — имения разорены, число холопов менее чем половина по сравнению с минувшим годом, долги кругом. И я далеко не тот, что прежде. Кому нужен такой, как я ныне? Увечный!

— Я не пойду за Чаговского-Вольного, — упрямо сказала Анна, глядя брату в глаза, и не смогла скрыть удивления, когда он кивнул в ответ.

— Принимаю твое желание. Неволить тебя мне и самому не по сердцу, — он немного помолчал, а потом продолжил. — Когда ты была больна, когда лежала в постели в горячке, я вдруг понял, что не могу так поступить с тобой. Не простил бы себе после... Все думал и думал, как бы выйти из положения. И полагаю, что нашел путь.

— Каков он? — поинтересовалась Анна. Она тоже думала пару последних дней о том положении, в котором оказался брат и вся семья из-за этих долгов, что ныне висели над их головами Дамокловым мечом. Но помимо продажи собственности в голову не пришло ничего путного. Или заклад. А еще были драгоценности, ее личные и принадлежавшие фамилии несколько поколений. О господи, даже подумать было страшно!

— Дома в Москве, — проговорил Петр, глядя в глаза Анне, наблюдая за ее реакцией на его слова. Она только слабо улыбнулась уголками губ и добавила:

— И земли в Тульщине. Пусть у иных голова болит насчет беглых.

Петр взял ее за руку порывисто и коснулся губами ладони, благодаря за понимание и

поддержку, которую он и не надеялся получить от сестры ныне.

— Но как это сделать без ведома отца? — нахмурилась Анна. — Я плохо понимаю в имущественных делах, но разве без согласия владельца позволительно то?

— Тут два пути есть только, *ma petite sœur*, — мрачно проговорил Петр, сжимая ее ладонь. — Либо мы говорим отцу о долгах и получаем его позволение на продажу, либо... творим это втайне от него. Мне тоже не по нутру это. Но подумай сама — не убьет ли его известие о положении дел существующем да о тех векселях, что на руках у князя? Да, согласен, мне надо было думать обо всем ранее, но... Я буду каяться за те два года еще не один десяток лет, поверь мне! И нет мне прощения за то, к какой пропасти я привел нашу семью... Прости меня, Анечка, ради Бога, прости меня! Если б мог — на коленях молил бы с том!

— Бог простит, Петруша, — снова улыбнулась мягко Анна. — А коли он простит, то разве можно мне обиды таить?

Петр склонился снова к ее рукам, стал целовать ее ладони, а она ласково коснулась губами его холодного лба, прямо под волосами, а после обняла, как когда-то ранее.

— Прости еще за то, что так сложилось с Олениным, — глухо проговорил Петр. — Я не должен был говорить тебе. Я не хотел того...

— То воля Андрея Павловича и только. И моя вина, — она отвернулась к окну, не желая показывать брату, насколько глубока рана в ее сердце, насколько больно ей даже думать о том, что происходит где-то в данную минуту. Когда-то она писала, что будет счастлива, если даже он отыщет свое счастье в другой. Ныне же понимала, что лгала самой себе. По крайней мере, сейчас она не была готова думать о том, что он с кем-то без ревности и злости, пожирающей изнутри ледяным огнем.

— Есть ли возможность все исправить? — тихо спросил Петр. — Быть может, я скажу нечто обидное для тебя, нечто непристойное, но порой мужчины... они так поступают не из сердечного влечения, из иных причин. Обида, ревность, желание позабыть, месть... их много. Сердцем же...

— Оставь! — Анна резко качнула головой, показывая, что не желает его слушать. — Оставь, прошу тебя! Не ныне. Не хочу! — а потом повернулась к нему, уже спокойная, собранная, готовая к иному разговору. Предстояло обсудить, как расплачиваться по письмам и векселям, узнать каковы проценты за минувшее время.

— В мезонине полно сундуков со всяким скарбом. Ни французы, ни поляки не добрались туда. Быть может, что ценное есть там, — предположила Анна и кивнула на короткое распоряжение брата: «Погляди тогда!». Петр же напомнил, что в тайнике отца остались некоторые облигации и ассигнации, но малое число. И взять из них он бы желал только малую часть — предстояли еще расходы по восстановлению местных земель. Да и отец Иоанн всякий раз напоминал Петру, что надобно бы возместить церковные потери, что случились при грабеже недавно, а восстановление утвари и облачений — дело не из дешевых. Разумеется, из епархии пришел ответ на прошение, что деньги будут выделены, но их было недостаточно, остальное покрытие должен был сделать сам приход.

— Анна, выслушай меня, — вдруг сказал Петр, уже когда собирались спускаться вниз, в малую столовую, к чайной трапезе. Взял ее ладони в свои руки, заглянул в глаза, и она поняла, что он снова заведет речь о чем-то неприятном для нее. — Я не могу продать дом на Маросейке, *ma chère*, без одного действия, что непременно затронет твою будущность, твое положение. Коли помнишь, к нам приезжали нынешним летом в имение и управитель, и

поверенные с обеих сторон. Был составлен брачный договор...

И она поняла тут же, что желал сказать брат. Пока собственность закреплена брачным договором на переход к Ленину после венчания, не может быть и речи о продаже дома. И если ранее ей казалось, что только надо переждать эти неприятные дни, и все как-то само по себе сложится, без ее участия, без ее решений, которые она страшилась принимать, опасаясь снова совершить ошибку, то ныне... Ныне настал момент, когда она должна окончательно решить, какой будет ее дальнейшая жизнь. Ни Петр, ни сам Андрей, ни отец, никто иной, а только сама. Только теперь без горячности, так свойственной ей, на трезвую голову и холодным сердцем, каким оно стало с недавних пор.

Расторгнуть договор означало разорвать ту единственную нить, что связывала до сих пор ее и Андрея, убить своими руками надежду на возможное совместное будущее. «...Я уже сказал вам, что, невзирая на желания или нежелания, обязательства не могут быть разорваны. Вы — моя невеста!..», всплыл в голове голос, решительный, твердый, подчеркивающий каждое слово в последней фразе.

Взгляд упал на белый прямоугольник письма, лежащий на столе, которое вернулось к ней в знак того, что ее извинения уже не нужны, уже совсем не к месту. И на кольцо с гранатами, которое сняла с шеи, когда лежала в постели в горячке, порвав шнурок, плача тихонько. Не смогли камни сохранить любовь, не сумели... И прикусывала тогда губу от боли, только ныне понимая, каково Андрею было узнать о ее предательстве. «Око за око», говорилось в Библии, так неужто то и свершилось? Отчего он так поступил с ней? Отомстил? Намеренно сделал больно?

А потом перевела взор в распахнутую в спальню дверь, через которую был виден угол кровати под расшитым покрывалом. Тут же вспомнилось, как горяча была кожа под ее пальцами, как тверды мускулы, как широка спина — с трудом обхватить в объятие. Запах его кожи, теплота и сладость губ. Его шепот.

«..Его прехорошенькая *compagne*... прехорошенькая *compagne*», строки из письма ударили больно жестокой памятью. Увидела вдруг мысленно, как его ладонь скользит по чужому телу, а губы прижимаются к чужим губам. Навернулись слезы на глаза, перехватило дыхание, а сердце снова кольнуло ледяной иглой острой боли. Захотелось вскочить на ноги и крушить все вокруг — перевернуть пяльцы, порвать полотно, разбросать нити, разорвать бумагу на бюро, сорвать занавеси. Бить, ломать, рвать, превращая все в руины, в которую ныне превратилась ее жизнь.

— Понимаешь, Анечка, Ленин наследник значительного состояния, — говорил тихо Петр. — И мы знаем, как плоха графиня. Не сегодня-завтра приберет ее к себе Господь. Ты могла бы не разрывать помолвку, оставить все как есть. Я убежден, что сия история в армии всего лишь эпизод. Месть за то, что ты совершила, и только. Мужчине порой это необходимо. Для своей сущности, понимаешь? — он замолчал, собираясь с мыслями, подбирая слова, ведь не все скажешь девице. — Ты могла бы получить его, коли так желаешь. Ты ведь можешь, я знаю. Единожды пустив тебя в свое сердце, едва ли кто забудет тебя... Что скажешь, *ma chere*?

— Езжай в Москву, Петруша, — ответила сестра, поднимаясь со своего места у окна, задержалась на миг подле брата, отвела пряди волос со лба ласково. — Поступай как должно, как нудят к тому обстоятельства. Реши все с поверенными Лениных. Все было уже кончено меж нами более месяца назад, когда я... *tout est fini!* ^[476] Еще тогда. Только я не поняла того...

Анна прошла к бюро и взяла тонкий ободок серебра с кроваво-красными камнями, недолго смотрела на кольцо, а потом вместе с письмом, что когда-то писала ночью в этой самой комнате, выплескивая свою душу словами на бумагу, убрала в потайной ящичек. Никогда более она не наденет его на палец...никогда более! Ничего не осталось от той любви, что захватила ее тогда так неожиданно, обожгла душу пожаром. Только пепелище, как те черные остатки сарая для сена, что только и были после того пожара ныне. Прах и пепелище. Но Господи, как позабыть мне то лето, те руки и губы? Как не думать о том, что могло бы быть...?

Петр уехал в Москву в последних числах ноября, аккуратно в Сойкин день, как звала его Пантелеевна, верившая во все приметы, что когда-то рассказывала ей еще бабушка в темной избе, прядя кудель.

— Сойка-вещунья летает нынче, — говорила она, помогая Анне с платьем, застегивая ряд маленьких пуговок на спине той. — К чьему окошку прилетит, тому и доля выпадет счастливая! Прикажи окошко-то отворить, просыпем пшена-то. Приманим до себя соечку...

— Не хочу, — покачала головой Анна. — Не хочу ни сойки, ни доли счастливой. Все едино ныне стало.

Знала ведь, что нельзя думать о худом, но все же отчего-то казалось, что не будет им более добра, не войдет в этот дом снова счастье. Не отпустит так просто из своих рук Петра князь, не позволит платить в рассрочку. А еще Анна до полусмерти боялась, что брат едет ныне почти один — только пара гайдуков помимо кучера при карете. Деньги-то немалые повезет по разоренной дороге от Москвы. Поговаривали, что лихих людей в эти дни развелось — не сосчитать по пальцам.

Или такое настроение пришло в ответ на громкие рыдания Полин, что вдруг расплакалась в передней, когда провожали Петра. В голос расплакалась. Как по покойнику завывла, неожиданно подумала Анна и перекрестилась тут же, гоня прочь подобные мысли.

— Не переменяла решения своего? — спросил Петр, когда уже стояли на крыльце, ожидая пока подготовят в возке место для путника, положат горячие кирпичи, поставят погребец со снедью, что собрала Татьяна в дорогу для барина. Он положил Анне ладони на плечи, заставил взглянуть в глаза. — Еще есть время, подумай! Еще можно все поправить, *ma chere*... еще можно. Если пожелаешь, он сумеет простить...

— А я? Я смогу ли простить? — резко спросила она. — Поступай, как решили. Обратной дороги ныне нет. С Богом, *mon cher*, езжай с Богом! — она расцеловала его в щеки, а после размашисто перекрестила. Долго стояла на крыльце, кутаясь в шаль, глядя вслед отъезжающему возку. И боролась изо всех сил с желанием послать кого-нибудь вдогонку брату, сказать, что переменяла решение, что не желает расторгать договор. Пусть лучше будут проданы земли под Москвой! Но не остановила, не крикнула, никого не послала вслед. Ушла в дом, ожидая пока подадут к крыльцу сани, чтобы в церковь ехать.

В храме было тихо, только иногда потрескивало пламя тонких свечей, что горели перед образами, лишившихся своих богатых окладов. Отец Иоанн, приезжая служить в образную усадьбы, часто жаловался на то, как пограбили церковь, и ныне Анна, впервые за долгое время ступившая под эти расписные своды, увидела, как скудно стало в той. Светильники и подсвечники, облачения церковные, покровы и хоругви, оклады с образов — все унесли с собой, прельстившись богатством драгоценных металлов и украшений. Покойные предки Анны и Петра, схороненные тут же, подле церкви, немало вложили средств на убранство, а ныне именно им предстояло восстановить украденное и побитое.

Анна долго стояла перед образом Андрея Первозванного, вглядываясь в черты лица апостола, словно ища некий ответ на множество вопросов, что кружились у нее в голове. Но ни образ, ни отец Иоанн, который принял ее исповедь после, и совета у которого она просила, не смогли ей помочь в этом.

— Бог милостив, и нам велит быть таковыми, — напомнил ей иерей, потирая замершие

ладони. — Велел прощать...

Прощать... А как простить, когда не может никак улечься злоба и ненависть в груди? Когда иногда приходят сны, словно она своими глазами его предательство видит? И пусть сама оттолкнула его, пусть отвергла, обидела. Так ведь гоня, совсем не думала, что он может действительно уйти. И если бы любил, то разве ушел бы, разве так скоро открыл бы свои объятия для другой, чужой, ненавистной? Оттого не было благодати даже под сводами храма, не было того покоя, что обычно приходит перед образами в душу. Поспешила уйти скорее, предварительно наказав отцу Иоанну отслужить поминовение сорокодневное за упокой души Марьи Афанасьевны.

Медленно, одна за одной, обрывались нити, связывающие ее с Андреем, с тем прошлым и будущим, что могло бы быть, да так и не сложилось. Ушла графиня, что могла перевернуть все одним махом, помочь Анне все вернуть на круги не своя. Хотя в смерть Марьи Афанасьевны верилось с трудом. Казалось, уехала она в Москву или в Петербург, да так занята, что и не пишет Анне. Или просто разочаровалась в ней, в ее решимости, ее возможности все исправить, не дать прежней истории повториться.

И был разорван брачный договор, о чем ей удивленно писала из Москвы Софи, послание от которой доставили вместе с остальной почтой спустя несколько дней после отъезда Петра:

«...Представьте себе наше удивление, когда прислали к нам записку от поверенного, уведомляя о том. Надеюсь то доверие, что установилось меж нами, то радушие, с которым писали мы друг другу, позволят мне задать вам вопрос о причинах разрыва договоренности былой. Ах, отчего...?»

Отчего? Написать бы отчего, да только разве положено девицам даже думать о том. И Анна вежливо и холодно писала в ответ, что такова ее воля, что время, проведенное в разлуке с женихом, окончательно убедило ее в невозможности такого союза. Она понимала, что тоном, заданным в письме, оттолкнет от себя ту намечающуюся еще недавно подругу по переписке, но приближать к себе кого-либо из окружения Андрея... Рвать так все разом, обрывать все нити до единой. И потому совсем не удивилась, когда в ответ пришла лишь такая же вежливая сухая благодарность за принесенные Анной соболезнования по поводу кончины графини.

Оставалась только одна вещь, которая не могла не возвращать Анну в прошлое — серебро с гранатами, что даже через ореховые стенки бюро виделось ей, манило ее снова коснуться. Кольцо было необходимо вернуть, и Анна снова села стол в будуаре, взяла в руки перо. На удивление, слова пришли сразу — предельно вежливые и отстраненные, как когда-то сама была с ним.

«...Полагаю, вы уже осведомлены о том, что обязательств меж нами никаких нет отныне и быть не может. Брачные договоренности, заключенные меж нашими семьями, расторгнуты. Осталось дело совсем за малым — я не вправе, не смею держать при себе перстень, принадлежащий вашей семье. Не должно ныне. Прошу вас прислать ваше слово о том, как мне следует поступить ныне с тем...»

— Отчего ты так грустна, моя душа? — спросил отец, когда она пришла после к нему, села у постели за вышивку пелены на престол, которую обещалась сотворить в храм в скором времени. Он так внимательно вглядывался в ее лицо, что Анна даже испугалась — вот-вот прочтает ее мысли, как книгу открытую, узнает обо всем, что они делали с Петром за его спиной. Расторгнутая помолвка, продажа собственности, расстроены дела, долги брата...

О, это определенно убило бы отца, коли б дознался! И как она перепугалась, когда Михаил Львович как-то потом попросил ее позвать к нему Петра для разговора!

— Петра нет в имени, папенька, — поспешила ответить, как можно равнодушнее, склоняясь над отцом, поправляя ему подушки. — Петр, папенька, в город уехал по делам.

— По делам? По каким это делам, душа моя? — нахмурился Михаил Львович. Анна видела, что отец чем-то встревожен, и тут же подумала, не сказал ли кто о том, что творилось ныне в доме, какие тревоги ходят в этих стенах. Да только кто? Ни она, ни Полин не делали того, а более никто и не знал о том. Тогда отчего так хмур и встревожен отец?

— Не ведаю, *mon petit père*. Верно, хлопоты по хозяйству. Вы ведь ведаете, как поредел наш птичник и скотный двор. А отчего спрашиваете? Случилось что-то?

— Да нет, душа моя, ничего не стряслось. Просто непокойно на душе что-то какой день, — ответил отец, глядя ее ладонь. — Ну раз ничего худого и нет, то быть может, за чтение возьмешься для меня? Давненько мне не читала, давно не навещала меня... Болела ведь, моя душенька. Похудела вся, побледнела лицом. Как-то жених? Узнает по приезде-то?

Отец хотел пошутить, улыбнулся уголками губ, и Анна принудила себя ответить легкой улыбкой на его шутку, пожала руку в ответ на его ласковое пожатие. Тут же вспомнился совсем иной вечер и иная собеседница. И как она ждала появления Андрея в те дни. А ныне... чего же ей ждать ныне? Кругом сплошная ложь, тревоги и заботы... Разве о такой жизни она грезила когда-то?

— Простите меня, папенька, — коснулась губами его руки, уходя из его спальни, пытаясь удержать слезы, навернувшиеся на глаза. — Простите меня за все, что я делаю, что буду делать...

— Бог простит, — по обычаю ответил ей Михаил Львович, целуя в лоб.

Петр вернулся под Никонов день. Но поехал отчего-то не в усадьбу, а в село, к церкви. Там и заметила его Анна, направляющаяся к отцу Иоанну на двор, чтобы передать работы — повседневную пелену на алтарь, над которой сама трудилась, и плат для причащения, который вышили девицы дворовые. Он сидел на лавке, прислонившись спиной к церковной ограде, вытянув вперед единственную ногу. Будто спал, сидя под этим легким снегопадом, не обращая внимания на то, что снег уже изрядно запорошил и его непокрытую голову, и шинель.

— Ступай в дом отче, — Анна кивнула Глаше, сопровождающей ее на избу иерея, что стояла за церковью, а сама ступила на двор церковный, перекрестившись перед образом на воротах, пошла к брату, присела подле него на лавку.

— Петруша, милый, — тронула за плечо, пугаясь пустоте его глаз, когда он взглянул на нее. — Что ты здесь? Отчего не в дом поехал? Непогода-то какая! Так недолго и горячку схватить...

— Я отцу Иоанну привез потир и дискос [\[477\]](#), - каким-то глухим голосом произнес Петр. — А покойная графиня по воле своей последней передала несколько тысяч для восстановления убранства. Все ему отдал, пусть сам...

— Конечно, сам, — кивнула Анна, кладя ладонь на холодную щеку брата. — Что с делом нашим? Как сложилось? Мне писала *mademoiselle* Оленина, что договор расторгнут. Ты продал дома и тульские земли? И что князь? Согласен ли частями долг получить?

— Он согласен на единовременную половину долга тут же и частями по десять тысяч ежегодно, покамест и проценты, и долг не будут погашены, — тихо ответил брат, отводя от нее взгляд на небо, на сером пространстве которого темнел крест на куполе церкви. —

Продал я и дом на Маросейке, и землю на Тверской, и тульские деревни продал. Поверенный наш московский не желал идти на то, все от отца бумаги требовал, не слушал меня. Пришлось все самому, — он закрыл глаза, скривился, словно острая боль вдруг кольнула тело.

— Что с тобой, милый? Что с тобой, Петруша? — Анна встревожилась не на шутку заметив и бледность на его лице, и это выражение лица мимолетное. — Рана былая беспокоит?

Вместо ответа он вдруг взял ее за руку и вложил пачку ассигнаций, несколько из которых вырвались из ее маленькой ладони, рассыпались по снегу. Анна вскрикнула, хотела вскочить на ноги, броситься собрать эти бумажки, от каждой из которых зависела их судьба ныне. Но Петр удержал ее, схватив за запястья, не дал подняться с лавки.

— Не трудись, *ma petite sœur*, не стоит, — проговорил он устало. — Это всего лишь бумага.

— Бумага? — взвизгнула Анна, с трудом понимая, что он имеет в виду, с отчаяньем наблюдая, как, кувыркаясь, бегут ассигнации по снегу прочь от них. Петр достал из-за полы шинели пакет и, вскрыв его, протянул одну из сторублевых ассигнаций ей, ткнул пальцем в бумагу. Это была подделка. Не настоящая ассигнация, а фальшивка, пусть и схожая на удивление с оригиналом настолько, что перепутать можно было те без особого труда. Лишь маленькая ошибка отделяла ту от настоящей сторублевой ассигнации — буква «Л» вместо буквы «Д» в слове «ходячею».

— Сколько у нас таких? — тихо спросила у Петра, выпуская из руки фальшивки, что по-прежнему держала зажатыми в кулаке, и те тихо зашелестели по снегу.

— Денег у нас с тобой, *ma chère*, ныне только двадцать девять тысяч, — ответил брат. — И бумаги этой на семнадцать — вся плата дом на Маросейке. По закону я его продал, отдал купчую ведь. А тот, кому продавал, в свою очередь передал купчую новому хозяину, какому-то купцу колониальному [478]. Быстро дело обстряпал свое худое. Ищи теперь лиходейца по всем московским землям! Вот такой я скудоумный оказался! Надобно бы с нашим поверенным дело иметь, а не искать иного. Испугался, что отцу тот все отпишет, да недаром... Тот весьма заинтересовался, отчего стали вдруг продавать земли. Желает отца повидать, письмо к нему передал со мной... я вскрыл его... сжег на станции... *rien à faire!* [479]

— Поедем домой, Петруша, — Анна потянула брата за собой, оглянулась в поисках Лешки, который всегда сопровождал брата. — Где твой возок? Я сани-то отпустила, думала, пройдусь после. Пойдем, а совсем промерз. И Полин заждалась...

— Ты знаешь? — взглянул на нее брат снизу вверх, вглядываясь в ее лицо через снежинки, что медленно падали с серого неба. Анна лишь улыбнулась в ответ и кивнула. Конечно, она знала. С того самого дня, как открылась ей Полин в оранжерее.

Оттого и не была удивлена, когда первой, кто встретился им в передней, была именно Полин, вдруг схватившая за руку Петра, ничуть не стыдясь ни Ивана Фомича, ни Лешки, что помогал Петру снять шинель, ни самой Анны. И Анна даже пропустила легкий укол в сердце, глядя на то, какими взглядами обменялись брат и Полин, как он легко погладил пальцем ладонь той, прежде чем отпустить. Зависть к их счастью, к их любви, за которую она после покается в образной отцу Иоанну.

С недавних пор она предпочитала не ездить в церковь на службы, а молиться здесь, в домашней образной, перед семейной иконой, глядящей на нее с пониманием. Здесь не было

косых взглядов, которые сопровождали ее, и к которым она пока не была готова. Словно любовь сняла с нее покровы, в которые Анна укрывалась от всех, сорвала маску, сделала такой беспомощной и незащитной. Оттого и сторонилась людей, боялась увидеть сочувствие в глазах, услышать шепотки за спиной, как тогда в Москве. Ведь и венечная память [480] была признана утратившей силу вследствие разрыва обязательств, о чем весть не могла не разойтись по округе, а там уж и мадам Павлишина не смогла умолчать — намеками давала понять, что знает причину разрыва между Олениным и девицей Шепелевой, предоставляя своим собеседницам додумывать самим ее. И снова сплетни покатались из дома в дом, из усадьбы в усадьбу...

Хорошо хоть вскоре пришло негласное известие о том, что французы покинули границы империи, что западные земли перешли снова под руку русского императора, вытесняя из разговоров любые другие толки. Война была окончена для тех, кто жил в России, оттого и палили в каждом усадебном дворе в воздух из ружей, обнимались дворовые, не скрывали своей радости даже чопорные старухи.

Наполеон изгнан из России, отброшен за границы! Благая весть для всех! И хотя до издания официального манифеста было еще две недели [481], но уже всюду звонили колокола церковные на смоленской земле, узнавшей первой о том, служили благодарственные молебны, славя императора и фельдмаршала.

В тот же день Анна получила письмо от Андрея. Тот стоял уже в Вильне постоем вместе со своим полком, собираясь перейти с остальными войсками границу, чтобы и далее преследовать Наполеона уже на чужой земле, гоня до самого Парижа, как решил Александр I, пожелав себе славу освободителя всей Европы.

До боли знакомый почерк. Анна представила, как тот сидит за столом и в свете единственной свечи водит пером по листу бумаги, выводя вежливые холодные слова, что ныне она читала, спрятавшись от всех за широкой занавесью на подоконнике в своей спальне. Он без мундира, только в рубахе. Голубые глаза из-под русой челки глядят на бумагу, на которой перо выводит строки.

«...Нет срочности в том, чтобы передавать кольцо в мою семью. Покамест обручений, при коих оно могло бы быть в нужде, не предвидится у нашей фамилии. Я пришлю своего человека за ним, когда сия оказия случится...». Одно только упоминание о возможной его помолвке с другой, о чем Анна даже помыслить не могла ранее, вдруг заставило замереть на месте, а сердце больно удариться о ребра. Совсем не этих слов она ждала, даже страшась признаться себе в том, когда писала ему письмо.

«... Что бы ни случилось меж нами и нашими фамилиями, я смею позволить себе написать к вам следующее: вы можете по-прежнему располагать мною смело, как вашим отменным знакомцем, как другом, как человеком, который поможет вам и вашей семье в любом несчастье, протянет руку, когда сие потребно будет...»

Эти же строки, как выяснилось тем же вечером, Андрей написал и Михаилу Львовичу письмо к которому так и не попало в руки. Его принесли Петру вместе с остальной почтой, и оно было вскрыто именно им.

— *Tant de paroles!* [482] — воскликнул Петр, складывая аккуратно письмо. — А самых истинных и нет. Об основном умолчал наш кавалергард.

— О чем? — обернулась к нему от окна Анна. В последнее время у них с братом вошло в привычку проводить вечера наедине в тишине кабинета, под тихое тиканье часов и треск поленьев в камине. Сообщники, хранители общей тайны и партнеры в нежеланной лжи...

— О том, что помолвку не желает расторгать. Что ты по-прежнему дорога ему, *ma chere*.

— Ох, Петруша, — горько рассмеялась она. — Ты влюблен, а влюбленность застит глаза! Доле о том! Слышать больше не хочу!

— Но подумай сама — сколько трудностей мы бы решили, коли б согласилась ты хотя бы знак подать Оленину, что не все потеряно! — Петр не мог не думать о долге перед князем, об обязательствах, что когда-то ему дал. Чаговский-Вольный не принял те тридцать четыре тысячи в облигациях и ассигнациях, что передал с нарочным Петр. Вернул все до рубля обратно с запиской, что «сие никак не по договору заключенному» и с намеком на «лифостротон» [483], промелькнувшим между строк.

— Подумай, *ma chere*, — говорил он. — Ты ведь и сама когда-то желала стать его супругой, наперекор всему. Выбрала именно его! А что до того, что случилось там, в армии... Ну, так ведь и ты далеко не так чиста пред ним, — и Анна вздрогнула от жестокой правды его слов, но ничего не возразила в ответ, понимая, что оправдаться тут не сможет. Но легче от того не стало — все та же тяжесть в сердце, тот же холод.

— Я тебе уже ответила. Решение принято, — коротко сказала брату. — Да и как ныне все повернуть вспять? Когда его семья уже знает обо всем. Когда вся округа слышала, что более нет у нас обязательств друг перед другом. Что скажут люди?

— Люди? А! Тебя вот так заботит это? Люди... Люди имеют слабости. Каждый из них, тех, кто так рьяно чешет языками по округе. Каждый! И право слово, сколь мы несвободны из-за тех людских толков, что могут быть... будто крепостные, — он снова глотнул вина из бокала, не обращая внимания на выразительный взгляд Анны. Той начинало казаться, что Петр в последнее время стал чаще откупоривать бутылки с вином. За вечер, что проводили они вместе, обычно выпивал не менее одной, на огорчение Анны. Вот и ныне сидел за столом, на котором на салфетке стояла бутылка темного, как кровь, крепкого вина, и то и дело подливал в свой бокал.

— Толки! Все боятся их. Этих языков чужих, этих шепотков за спиной. Даже отец боится. Нет, не спорь! Дай мне сказать! — взмахнул Петр рукой, видя, что Анна хочет возразить ему. — Оттого и продолжал давать балы, как предводитель дворянства, все эти праздники и вечера. Невзирая на расходы, что влекло то за собой. Ну как же! Предводитель же! Не пристало не давать те. И я... я ведь тоже боюсь этих шепотков. Этого марания в дегте на виду у всех! И ты... себе ж в ущерб, себе во вред... нам всем во вред... Люди! Что скажут люди!

— Позволь мне позвонить, чтоб унесли вино, — заметила Анна мягко. — Похоже, кто-то хлебнул лишку.

— *Je n'en puis plus mais* [484], - с явным отчаяньем в голосе произнес Петр, и она застыла на месте, не взяла колокольчик в руки со стола. — Я словно в паутине — чем более верчусь, тем более запутываюсь... во лжи, в предательстве, в подлости! И тебя в это впутываю, *ma rapillon* [485], в подлости свои впутываю. Это ведь подло, что делаем ныне... Подло, а делаю я. Потому как иначе не могу. Не могу, как бы ни желал того! Ты знаешь, что такое «лифостротон»?

— Место суда, верно? — ответила Анна, и Петр кивнул.

— Местечко в клубе. Голгофа для таких, как я. Кто не в состоянии выплатить то, что требуется по чести. На доску запишут имя, и всякий будет знать, что вот он, тот, кто не по чести живет. Ибо долг карточный — долг чести, и не отдать его... Лифостротон! — он хлопнул рукой по колену, даже не поморщившись от боли, которую сам же себе причинил.

Долго сидел, глядя в никуда. Сохраняя молчание, что повисло в комнате. Только после заговорил, по-прежнему не глядя на сестру.

— Я часто думаю в последнее время, отчего я жив? Отчего не умер там, на поле от гранаты? Или в лазарете. Отчего пережил то, отчего многие сходят с ума — дичайшую боль, когда резали плоть и ломали кость? Все было бы проще всем ныне. Всем в этом доме! С мертвецов не взыскивают долг. Мертвецам все едино... Вам бы было проще. Разве ж обездолил бы князь старика и девицу? И честь бы Шепелевых была сохранена, и никто не глядел на это имя на черной доске... Все за грехи мои. А их не перечесть, *ma chère*. Ты ведаешь, что у меня был ребенок? Девочка. Маленькая кроха, которую я никогда не видел. Аделина, дочь Модеста Ивановича, была ей матерью. Я только ныне стал понимать, что погубил ту девицу ради минутной прихоти. Не должно детям рождаться не по любви, из каприза. Я был жесток тогда. Поиграл тогда и отбросил в сторону, словно неудобного ныне для игр солдата. Отец тогда им дом купил в Москве. А меня хлыстом... по лицу и хлыстом! Я ведь тогда худые вещи говорил и об Аделине, и о ребенке. А ныне вот спать не могу — все думаю о ней, той крохе, какой она была...

— Была? — переспросила Анна, удивленная услышанным. — Где она ныне?

— Умерла. Сгорела от скарлатины в несколько дней, — отрывисто произнес Петр. — Словно и не было. Я совсем не знал ее. Будто и не было ее в моей жизни. Аделина, верно, проклинала меня за содеянное. Я ведь не добрый, *ma petite sœur*, я злой! Столько грехов — будто камни в мешке на шее. Все тянут куда-то. Я давеча у отца Иоанна спрашивал, отчего так карает меня Господь, не довольно ли? А он мне в ответ — только Ему и известно, доле или нет. А чрез меня и на вас кара пала... словно проклял кто... *plutôt mourir... plutôt* [\[486\]](#)... нет станет и проклятия того!

— Петечка! — метнулась вдруг к нему Анна, испуганная выражением его лица, монотонностью его голоса. Он так ныне напомнил ей тот день, когда он сидел на лавке возле церкви, что стало страшно. Схватила его за руки, опускаясь подле него на колени, сжала в волнении. — Петечка! Что ты! Что ты, мой хороший?! — и растерялась совсем, когда увидела, что он плачет. Две одинокие слезинки, но их вид ударил в самое сердце.

— Ты что, *ma bonbonnière* [\[487\]](#)? — встревожился он, глядя на нее с нежностью в глазах, вытер ее слезы пальцами, как она недавно стерла его собственные. *Ma bonbonnière*, так Петр называл ее в детстве, когда она была еще совсем маленькой, когда любила таскать украдкой шоколад из коробок, что привозили из Москвы. И она прижалась к нему, обняла его ногу.

— Ну, что ты, *ma bonbonnière*, не плачь. Неужто мы не придумаем чего? Непременно придумаем, — уверял ее Петр. — Не допустим поверенного к отцу, когда тот придет в Милорадово. Вообще не пустим его даже к границе земель! Продадим земли московские, — а сам уже говорил себе — и что тогда? Выручить еще пару десятков тысяч за пустую землю, в которую превратились некогда богатые деревеньки и пара сел? Что дальше?

— Я выжил ради вас, мои хорошие, — проговорил он, успокаивая ее. — Ради отца, ради тебя и ради Полин. Да-да, ради моего дружочка рыженького! — он тихо рассмеялся, вспоминая мягкие кудряшки Полин, которые он так любил ласкать. — О ней думал, пока в доме московском лежал на тюфяке, а за стенами французы ходили. Вспоминал ее Коломбину, что была нынешним Рождеством, помнишь? Будто заново ее увидел — не ту девочку, что росла подле тебя, женщину увидел. Будто сердцем наконец разглядел среди прочих. Ах, это Рождество! Как же справно мы рядились! Помнишь, Анечка? Помнишь? И мазурку нашу помнишь? Как ты порхала! Словно бабочка на лугу... помнишь то Рождество,

та bonbonnière? — стал мурлыкать тихонько мазурку, постукивая в ритм пальцами по подлокотнику кресла. И Анна тоже вспомнила тот Рождественский бал, улыбнулась невольно. Та Анна, что порхала бабочкой на том балу, что долго хранила перчатку в ящике комода, казалась ныне такой далекой, такой чужой. Как и тот мир, в котором она жила некогда... Юная, беззаботная бабочка...

— Мадам бы желала, чтобы Полин ступил в обитель невестой Христа, — вдруг сказал Петр, и Анна вернулась в полутемный кабинет из ярко освещенной бальной залы второго этажа, из экосеза, который снова танцевала в памяти своей, от того прикосновения рук, которое обожгло тогда и оставило ожоги, невидные глазу, на всю оставшуюся жизнь.

— Что? Полин и — в черницы? — она бы рассмеялась, если бы не увидела, насколько серьезен Петр.

— В черницы. Давеча отца просила, через меня, знать, через голову мою. Знала, что откажу, не пойду на то, — Петр сжал руку в кулак. — Отец же согласился. Отошлют ее после Рождества. И я не смогу даже поперек! Поперек воли отцовой. Иногда я даже думаю, быть может, так лучше для нее. Не знать горя, не знать лишения, не знать того позора, что на головы свалится ей вместе с рукой моей... Не встречать меня никогда, не знать меня. Я ведь все порчу... всем жизни наперекосяк! — а потом взглянул на Анну устало, погладил по макушке ладонью, как в детстве, улыбнулся с грустинкой в глазах, тронутых дымкой хмеля. — Ступай к себе. Уж поздно... Завтра переговорим обо всем. С завтрава, та bonbonnière ... Покойной тебе ночи, родная моя, душенька моя... только лучшего тебе, Анечка...

Анна кивнула, соглашаясь, поднялась на ноги и, коснувшись в последний раз ладонью руки брата, пошла к дверям. У самого выхода вдруг обернулась на него, сидящего в кресле у огня, такого усталого, такого поникшего. И вспомнила, как на Рождество смеялись без умолку вместе, как танцевали посередине залы мазурку, как кружил он ее вокруг себя. Через пару седмиц настанет Рождество, первое Рождество, когда они не пойдут в мазурке по зале под восторженными взглядами зрителей. Как же все переменялось...

Анна не спала почти всю ночь, все ворочалась в боку на бок под толстым пуховым одеялом, которое вскоре откинула от себя. За день спальню протопили так, что ныне было душно, оттого и не спалось. Или из-за мыслей, что кругами ходили в голове. Как отдать этот долг чести? Как расплатиться с князем? Где взять средства? Ах, если б Петр доверился поверенному, если бы тот помог ему в продаже московских домов, то не было бы и потери такой от мошенничества! Что же делать ныне? И как продолжать обман отца? Как смотреть ему в глаза каждый раз, когда она была у его постели, как лгать ему в лицо...? Но и ведь и открыть правду... Как можно было то?

За завтраком Петра не было — как сообщил Иван Фомич, тот уехал с самого рассвета. Странно, подумала Анна, раньше после таких долгих посиделок за полночь (а как ей сообщила Глаша, уже разузнавшая у челяди домашней, Петр ушел к себе далеко за полночь) брат даже утреннюю трапезу пропускал, только к обеду выходил.

Она сама уснула только под утро, когда за окном ночную тьму сменила тусклая серость рассвета. И пробудилась спустя несколько часов, когда усадьба приступила к привычному рабочему дню: зашумел дворники, счищая снег, заговорили в доме девушки, полируя мебель, вытирая пыль, засуетился комердин Михаила Львовича, спеша в кухню за подносом для барина и за горячей водой для умывания и бритья. Из-за короткого сна, что не принес даже толики отдыха, нещадно разболелась голова, и Анна предпочла молчать за завтраком, не

поддержала попыток мадам Элизы развеять тишину в малой столовой. И Полин молчала, опустив красные от недавних слез глаза, гоняла по тарелке кусок ветчины под недовольные взгляды матери искоса.

Анна вспомнила, о чем говорил Петр прошлым вечером, решила переговорить с Полин о решении отца и мадам Элизы, но та не дала ей такой возможности — ушла к себе, так ничего не съев, заперлась в своей комнате от всех, из-за двери отвечая после, что не желает никого видеть. Пришлось Анне спуститься в диванную, которую натопили в этот день для хозяев, разделить одиночество мадам Элизы, чинившей кружевной воротничок.

— Я желала бы спросить, мадам, — проговорила Анна и, дождавшись позволения, продолжила. — Истинно ли толки о том, какую судьбу готовят Полин?

— Достойно ли барышне толки слушать? — ответила вопросом на вопрос мадам Элиза, но в этот раз Анна не потупила взгляда, как обычно, когда слышала подобный тон голоса своей мадам. Смотрела прямо в глаза той, заставляя капитулировать и ответить на вопрос. Причем, она первая отвела взгляд, опустила глаза к работе своей, продолжила править кружево.

— Мужчина имеет многие и различные назначения в жизни своей. Женщина лишь два — найти свое счастье в замужестве или покой душевный в обители Христовой. Полин не имеет ныне ни малейшего шанса стать женой, Аннет. Вы должны понимать это. Какова еще доля остается ей? Принять постриг и достойно, и верно в ее положении. *Monsieur votre père* [\[488\]](#) согласен в том со мной. И это уберезет от многих ошибок...

— Полин? Или...

— Их обоих, — отрезала мадам Элиза. — Не уверена, что *monsieur Peter* понимает в полной мере, что творит. А Полин не понимает, к чему это может привести. Не к позору, нет. Гораздо хуже. Любовь мужчины несет ей смерть... Та болезнь, что приковывает меня к постели, что отнимает мои силы. Она передается в нашем роду от матери к дочери. Ребенок мужского пола не получает ее. Только женщина. И каждый раз, вынашивая дитя, женщина нашего рода рискует не увидеть, как он растет, не услышать его первых слов, его первого смеха. У меня в стороне говорили, что это проклятье, павшее на голову одной моей прародительницы. Знахарка, что спасла мне жизнь, считала, что это хворь, а не проклятье. Я хочу, чтобы моя дочь жила, Аннет, — уже тише сказала мадам Элиза, по-прежнему не поднимая глаз от работы. — Хочу видеть ее живой и здоровой, а не наблюдать, как он умрет от кровопотери, давая жизнь. Ведь травницы из Эльзаса здесь нет.

— Полин ведает о ... об этой болезни? — тихо спросила Анна, и мадам Элиза кивнула в ответ, грустно улыбаясь.

— Мне пришлось ей сказать о том, едва она ступила в пору. Да только голова ныне у нее не думает о своей особе вовсе. Только о нем, о брате вашем!

Анна долго смотрела в окно через морозные узоры на стекле, думая обо всем, что узнала ныне. Как странно устроена жизнь — давая что-то, она забирает порой взамен, словно оплату! Она слышала краем уха, что женщина может и умереть, став женой и матерью, но никогда не задумывалась о том ранее. И даже растерялась от подобной откровенности мадам Элизы. Будто не с девицей та говорила сейчас, как с женщиной.

Ничего не ответила тогда Анна мадам Элизе. Так и сидели молча до самого обеда — одна за починкой кружева, другая — в раздумьях у окна, пока не вошел важно Иван Фомич, подражая прошлым временам и не пригласил в малую столовую, где уже накрыли стол. Когда подали первую перемену — постные щи, два сервированных места за столом так и

остались пустовать.

— Mademoiselle Pauline прислала свои извинения — у нее мигрень нынче с утра разыгралась, — склонился к уху Анны Иван Фомич, поймав ее вопрошающий взгляд. — А Петр Михайлович как с утра-с уехали так и не вернулись.

— Куда барин уехал? — встревожилась Анна впервые за этот день отсутствию брата. — Не говорил часом? Что-то долго нет его...

— Не говорили-с. Как уехал на рассвете из имения, так и нет его. С ружьем уехали. Видно, стрелять кого будут.

Ну уж нет, Анна не могла успокоить свою тревогу, вспыхнувшую при этих словах. И Иван Фомич, и она сама знали, что ныне стоит пост, грешно Божью тварь жизни лишать. Не поехал бы Петр на охоту до Рождества. Но для чего тогда выехал?

И после обеда потому не находила себе места. Все ходила по диванной от двери до двери, от камина к окнам, выглядывала, не прибыл ли кто, прислушивалась в тревоге — не хлопнули ли двери в передней. К чему ружье взял с собой? «...словно проклял кто... plutôt mourir... plutôt ... íет станет и проклятия того!..», возникали в голове слова брата, сказанные прошлым вечером, и Анна заламывала руки в отчаянье. С трудом сдерживала себя, чтобы не подняться наверх, в покои отдыхающего после дневной трапезы отца, не броситься к нему на грудь и не выплакать свои страхи, не разделить с ним свои тревоги. Но нельзя... нельзя!

Когда часы в соседнем салоне пробили четыре раза, а на дворе стали сгущаться сумерки, в диванную прибежал Иван Фомич, взволнованный и белый от тревоги под стать своим бакам: на задние дворы усадьбы пришел мерин, на котором уехал на рассвете молодой барин. Пришел конь один, без седока.

— Поднимайте людей! Всех! Всех — и дворовых, и из села! Пусть ищут! Барин же сам не сумеет вернуться, понимаете, — приказывала побледневшая Анна. — В доме не шуметь! Крика не поднимать... Плетей прикажу тому, из-за кого отец проведает о том, что случилось.

Она и сама бы поехала с одним из отрядов, что вышли из усадьбы с факелами и лампами в руках, да только мадам Элиза удержала, не позволила то. Так и осталась — ждать в диванной, меряя в очередной раз комнату шагами.

Как-то узнала Полин, спустилась в диванную и разрыдалась в голос, хватая Анну за руки, умоляя сказать, что ничего худого не стряслось. Анна и сама была на грани истерики, и видя эти слезы, слыша эти крики, с трудом держалась, чтобы не упасть на пол самой да не биться в рыданиях. Убежала от Полин и успокаивающей ее мадам Элизы в образную, бухнулась на колени перед ликами, а в голове так и ходили мысли нехорошие. Зачем он взял ружье? Зачем?! А потом поклоны клала в исступлении — не допусти, не допусти... Пусть мерин сбросил Петра где-то в поле или на лугу заснеженном, пусть он лежит обездвиженный и ждет, покамест кто-то на помощь придет.

— Я сделаю все тогда... все для него... пусть вернется, — шептала Анна, боясь даже подумать о страшном. — Все! Все для его спасения...

Только к вечеру, когда за окном уже стояла непроглядная темень, в которой даже на несколько шагов было не видно ничего, показались на аллее подъездной огоньки факелов. Тут же тихо засуетились в доме, зашептались тревожно, пытаясь угадать, что же приближается к дому из тьмы ночной — худо ли, добро. Анна выбежала на мороз как была — в простом хлопковом платье, потеряв по пути где-то шаль, соскользнувшую с плеч, бросилась к телеге, которая подъезжала к дому, расталкивая столпившихся на крыльце девок

из прислуги, крестьян, что вернулись из поисков.

— Барышня..., - тронул ее по пути за руку Иван Фомич, но она стряхнула его ладонь, подбежала к телеге, в которой заметила в свете факелов лежащего брата. Его волосы были в снегу, и казакин, и даже лицо, с которого она стряхнула аккуратно тонкие снежинки. Провела кончиками пальцев по закрытым векам, носу и скулам, удивляясь, отчего так холодна его кожа.

— Его отыскиали за отъезжим полем, — сказал кто-то из-за спины. — Куда красного зверя гоним на охоте. Видать, мерин взбрыкнул и сбросил прямо в обрыв. При такой-то высоте да живым остаться никак не можно... даже снег не смягчил...

А Анна все стирала и стирала с лица брата снежинки, прикладывала ладони к холодному лицу, словно пытаюсь согреть его, придать хоть каких красок белому лицу и губам. Только тогда очнулась, когда за спиной расслышала плач девок дворовых. Обвела взглядом крестьян, что стояли подле телеги, стянув шапки с голов, дворовых людей, что столпились у подъезда, Ивана Фомича хмурого.

— В кабинет отнесите. Там пусть все необходимое сделают. И за отцом Иоанном пошлите, — сказала и поразилась тому, как спокоен голос ныне. Даже не дрогнул. А потом развернулась к дому, когда комердин отца позвал от дверей, передав, что отец приказал разузнать, что за суматоха у подъезда. И так же медленно и отстраненно пошла в переднюю и далее — вверх по лестнице, по плохо освещенным коридорам, шагнула к отцу в спальню. Тот лежал в подушках, такой же бледный, как Петр на сене в телеге, и она на миг даже дышать перестала.

— Что там, душа моя? Стряслось что-то? — поманил к себе Анну отец, и она двинулась к нему, благодарная, что в комнате мало света, что он не видит в полумраке ее лица.

— Ничего не стряслось. Просто мерин сбросил Петрушу в полях нынче. Насилу отыскивали животину.

— Что с Петрушей? — отец даже приподнялся в подушках, опираясь на дрожащие от напряжения руки.

— С Петром-то? Что может статься с Петрушей? Пара ссадин да попранное самолюбие, — даже улыбку умудрилась вставить себе на удивление, увеличивая сонм своих грехов, умножая ложь, в которой погрязла за прошлые дни. — Вы же ведаете, каков Петр, папенька! Ложитесь, — она уложила отца обратно в постель, поправила подушки и одеяло, погладила его ладони. — Не почитать ли вам, *mon petit père*? Для покойного сна вам...

Схватила за одну из книг, что лежали на столике возле кровати, лишь бы отвлечь его от той суеты, что будет твориться на первом этаже всю ночь, от приезда отца Иоанна из села. Только раз отец открыл глаза и прислушался к происходящему внизу. Когда спустя пару минут после начала чтения, раздался долгий протяжный женский крик, полный отчаянья и боли.

— Кто это? — встревожился Михаил Львович. — Никак Полин наша?

— Полин, — согласилась Анна, снова кладя отцу ладонь на грудь, пытаюсь успокоить его, отвлечь. — Мадам мне только нынче сказала о вашем решении в черницы ее отдать. А она ведь к Петруше... Вы ведь знаете... Отныне ей с Петрушей порознь быть. Так уж суждено. Только сказали, вестимо. Такое так просто не принять. Спите, *mon petit père*, спите покойно...

— Птички со зверьками не живут, не пара они, — устало и, как показалось Анне — оправдываясь, сказал отец, закрывая глаза. Анна же только губу прикусила на миг, пытаюсь

выровнять дыхание, открыла книгу на той странице, на которой прервали чтение вчера, стараясь, чтобы голос звучал как можно ровнее.

Она настолько сосредоточилась на чтении, совсем не вникая в смысл произносимых слов, не понимая перипетии сюжета, что не сразу заметила, как дыхание отца стало ровным и тихим, как он заснул. И только тогда она позволила себе тихонько заплакать, уткнувшись лицом в одеяло, которым был накрыт отец, зажимая себе рот ладонью, чтобы не потревожить спящего своим тихим воем.

Петра хоронили в непогоду. С утра было солнечно — так и блестело в лучах снежное полотно разноцветьем искр, но только вынесли гроб из передней, как небо заволокло нежданно пришедшей откуда-то из-за парка серой тучей, посыпалась мелкая морось, больно и неприятно холодившая лицо. Люди кутались в эшарпы, поднимали вороты шинелей и рединготов, пряча лица от снега. Тихо пели церковные певчие, которых позвали проводить молодого барина из дома, не сбиваясь ни в едином слове, как ни пытался ветер подвигнуть их на то. Оттого и оставалось ему только полотнищами хоругвей играть, с которыми провожали молодого Шепелева к церкви.

Анна же шла за гробом, не замечая ни снега, ни ветра, что стал играть с креповой вуалью на ее шляпке. Она словно облаком была окутана каким-то странным спокойствием, ни одна черта ее лица не дрогнула за эти три дня, что читали над телом псалтырь.

— ...верию, надежду и любовь упокой Господи раба Твоего Петра, — произносила нараспев специально позванная в читательницы дьячиха, не отрывая глаз от открытого перед ней псалтыря, который по обычаю читали над усопшим три дня. А Анна не слышала ее, только смотрела на брата, лежащего на столе [\[489\]](#), на черты его лица, становившиеся с каждым днем все острее, на сомкнутые на груди руки, державшие образ Спасителя. Ей хотелось склониться над ним, заглянуть в его лицо и прошептать: «Отчего? Как так могло случиться, что ты ушел от нас? Почему? И как мне быть? Как мне теперь одной быть?». Схватить за ворот мундира и трясти, выплескивая свою злость, кричать до тех пор, пока он не откроет глаза.

Но Анна тихонько сидела в уголке, выпрямив спину, не замечая неудобств этого положения. В черном платье с высоким воротом, в тонком газовом эшарпе, прикрывающем голову, одетая по правилам строгого траура. Почти не шевелилась за эти три дня на этом месте, только изредка выходила вон из дома глотнуть чистого морозного воздуха, ведь в комнате было жарко и душно от горящих свечей, пахло еловым ароматом смолки и сладким запахом фимиама. Дважды падала оттого в обморок Полин, и ее уносили лакеи под тихое причитание мадам Элизы. Она больше не рыдала и билась в приступе истерики, как это было в первый день, когда она рвалась в комнату, где обмывали тело, и мешала этому, цепляя за руки покойного, твердя в исступлении, что Петр только спит, чтобы его оставили в покое.

— Дайте ей опия! — не выдержала этого крика Анна тогда, опасаясь, что он заставит волноваться отца. — Дайте опия и запирайте в покоях! Разве ж должно то?

Потому и боялась Анна присутствия Полин на отпевании в церкви и на погребении — пристало ли так убиваться? Даже жене стыдно так голосить по мужу усопшему. Была готова даже отдать приказ, чтобы Полин не пускали из дома в тот день, не допустили к панихиде и погребению. Но на удивление Анны, Полин, шатаясь, сошла вниз в это утро хладнокровная и спокойная, встала в уголке комнаты, где собирались соседи посидеть немного у гроба, прощаясь с покойным. А заплакала она тихонько в платок только тогда, когда подняли гроб на руки, когда понесли к выходу и далее с крыльца, когда запели певчие тихо и печально «Святой Боже, Святой Крепкий». Так и роняла слезы в комок тонкого полотна, прижимая его к лицу, не обращая внимания на то, как стали украдкой коситься на нее окружающие.

За то время, что были в церкви, непогода еще только усилилась, Анна видела это, когда

поднимала глаза к окнам. Ветер швырял снег с силой в высокие узкие переплеты, словно злился, что его не пускают внутрь. И снова, глядя на лицо Петра, такое спокойное ныне, такое одухотворенное, Анна почувствовала приступ злости и боли. Почему? Почему так случилось? Почему ты ушел? По своей воле ли оставил ты нас, или роковая случайность оборвала твою жизнь? Для чего ты брал с собой ружье, которое после нашли у обрыва заряженным? Кто даст ответы на эти вопросы?

Анна вдруг встретилась взглядом над гробом с отцом Иоанном, что тут же отвел глаза от ее взора. Она не могла не вспомнить тотчас, как отводил он так же взгляд, когда завел разговор о погребении, попросив ее выйти в комнату, соседнюю той, где лежал усопший.

— Что за странный вопрос? — у Анны даже не было сил повысить голос на иерея в возмущении от услышанных слов. — Где хоронить барина... как это?

— Вполне достойный вопрос при таких неясных обстоятельствах..., - начал издали отец Иоанн. — Люди говорят многое. У барина молодого долги были, говорят. Оттого многие, прости Господи, решают за Него, по плечу ли им ноша или нет. Тут определится надобно бы — к пращурам ли усопшего али и вовсе... на иную землю... и служба поминальная. Что с ней-то?

Как она удержалась тогда, чтобы не закричать в голос, не сорваться в громкий плач или не сбросить с ближайшего столика канделябр, переворачивая тот на пол вместе с горящими свечами? Не топнуть ногой, визжа в полную силу? Где только силы нашлись, удивлялась Анна потом. Ничего она не сделала, даже голоса не повысила — все тем же спокойным и размеренным тоном ответила:

— Не вы ли давеча говорили мне, что слушать толки не должно? Так вот, я повторю вам ваши же слова — не должно слушать толки! То, что... случилось, есть несчастье и только. Мой брат ни за что и никогда не лишил бы себя жизни!

Каждое слово отчеканила твердо, сама не зная, кого убеждает в том, что говорила — отца Иоанна или себя. Глаза сверкали огнем злости, руки сжаты, а сама поза выражала убежденность и превосходство, словно напоминала, что иерей всего лишь служит при церкви, которая стоит на землях отца. Но в этот раз отец Иоанн не отвел глаза, смело встретил ее взгляд.

— Коли вы, Анна Михайловна, убеждены в том... но вы должны понимать. Коли есть такой грех, коли смертоубийство... Надо бы в епархию отписать...

— Греха нет! — отрезала Анна. — Я распоряжусь насчет могилы, а дьякон пусть место укажет, где ее должно разместить, — а потом добавила, видя его неуверенность. — Петр Михайлович обещался помочь в восстановлении убранства церковного. После скажите мне, в чем нужда есть по-прежнему. Я помогу в том. Просите смело!

После минутного размышления отец Иоанн кивнул, соглашаясь, отступил в сторону, позволяя ей вернуться в комнату, где чтица тихо произносила слова псалтыря. Хотя попросил, чтобы барина отчитывали именно в доме, не в церкви, упирая на то, чтобы из дома уходил усопший в последний путь. Анна не стала спорить, согласилась с ним, понимая, что едва ли он поверил ей в ненамеренную смерть. Да и едва она ступила обратно в комнату, где лежал Петр, ее уверенность в собственных словах, что поддерживала в том коротком противостоянии, куда-то испарилась. Снова в голове закружились в хороводе вопросы, сомнения и страхи, снова стали вспоминаться слова Петра, сказанные накануне.

Как и сейчас, когда Анна под тихий хор певчих стояла возле гроба, не обращая внимания, что воск с тонкой свечи, которую держала в руках, каплями несколько раз упал на

тыльную сторону ладони. Права ли она была в том споре со священником, права ли была, когда запретила хотя бы малейшее следствие чинить по этому делу, опасаясь получить совсем не тот результат, который устроил бы ее семью? Даже подумать было страшно и больно о том, что Петр мог убить себя сам, как слышала Анна, делали некоторые должники не в силах расплатиться по векселям и заемным письмам. Ведь это означало, что из-за собственного упорства Анна довела брата к тому краю... Девушки часто выходят замуж без особого расположения, что уж говорить о сердечной склонности. Могла бы она хотя бы раз забыть о собственном самолюбии ради семьи, ради брата. Хотя бы раз в жизни переступить через свою гордыню, через свое «Я».

— Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшим рабом Твоим Петром и сотвори им вечную память! — завершили панихиду. Отец Иоанн подал знак, что можно прощаться с усопшим. Певчие тихо запели «Вечную память». Кто-то громко всхлипнул не в силах сдержать эмоций, тяжело вздохнули позади Анны.

Анна первой — по положению и родству — шагнула к гробу, погасив свечу, склонилась над Петром, но замешкалась с прощанием, взглянула в любимые черты, в глаза с сомкнутыми веками, которые более никогда не распахнутся. Тяжело было проститься и отпустить его. Отпустить, не зная, не винит ли он ее за то, что она не смогла помочь ему, как могла бы.

— Прости меня, — прошептала она, целуя его в холодный лоб, прямо над венчиком. С трудом удержалась от того, чтобы не вцепиться в стенки гроба, не задержать с прощанием. Коснулась в последний раз ладонью его груди, обтянутой мундиром. Ее обаятельный Петруша, солнце на балах и обедах в Милорадово, огонек, что заражал всегда своей жизнерадостностью окружающих.

Анна думала, что не выдержит, когда лицо брата закроют белым покровом, а на гроб опустят крышку, навсегда отгораживая Петра от живых. Но ошиблась — сумела устоять на ногах, даже не качнулась. Только глаза закрыла, когда забивали гвозди с таким ужасающим стуком молотка по дереву. Открыла тогда, когда ахнули за спиной ее, засуетились вокруг упавшей в обморок Полин, не вынесшей напряжения прощания.

— О, как она сочувствует вашей семье! — прошептал Анне чей-то женский голос, и она обернулась к говорившей, распознав в голосе той нотки яда, бросила на нее холодный презрительный взгляд, который заставил ту спрятаться среди остальных соседей. Но разве можно было закрыть чужие рты, прервать те толки, что непременно покатаются после из дома в дом, из имения в имение? «Чужой рот не мешок», говорила Пантелеевна порой, «разве ж зашьешь по воле своей?»

Анна смотрела на людей, сидящих за столом за поминальным обедом, и думала, что же они будут говорить после друг другу, возвращаясь попарно домой в санях или возках или встречаясь после при случае. Как будут обсуждать горе, что постигло Шепелевых. И как будут долго обсуждать весть, что их состояние уже не то, что прежде, и более никогда не будет ни балов в этом доме, ни блестящих музыкальных вечеров или театральных представлений. Ведь несмотря на роскошь обеда, не скрыть от взгляда скудность обстановки в доме, малое число людей при комнатах.

Кто-то тихонько засмеялся на другом конце стола, и Анна вздрогнула от этого смеха, затряслись руки. Уж видимо, забыли они, по какой причине сидят за этим столом, для которого Татьяна старалась с самой ночи, столько перемен подготовила, как в былое время! Этот обед едва ли отличался бы от иных — те же довольные едой лица, те же неспешные

беседы и даже тихий смех, если б не темных оттенков платья и чепцы дам и не траурные повязки на рукавах мужских сюртуков. И если бы Анна не понимала, отчего они все тут, за этим столом...

Ах, поскорей бы все они удалились! Поскорей бы окончить этот обед! Анна уже хотела подать знак Ивану Фомичу, чтобы подавали кисель с сытою [490], да только заметила, как он сам вдруг направился к ней, склонился и прошептал:

— Анна Михайловна, прибыла Вера Александровна, тетушка ваша. В гостиной синей ждут-с. Прикажете проводить сюда или изволите встретить самолично?

— Сама выйду, — решила Анна, благодарная возможности выйти из столовой, от этих людей и лиц, что тут же и сделала, извинившись предварительно перед гостями. Удивительно, но Вера Александровна действительно была в синей гостиной, грела изрядно закованные за время путешествия ноги у печки, покрытой сине-белыми изразцами. Она поднялась с кресла, когда Анна вошла в комнату, распахнула ей объятия, в которые та тут же ступила, благодарная за этот жест.

— *Quel malheur, ma chere, quel malheur!* [491] — проговорила, погладив Анну по плечам и спине. — Кто бы мог подумать, что такое возможное... Петр и сие происшествие... Мы провели только в уезде о том! Но дом в трауре... О бедный Петр!

— Увы! Откуда вы, *ma tantine*? Так неожиданно! Так дивно видеть вас ныне! О благодарение небесам за подобный визит! — Анна расслышала за своей спиной тихий шорох и резко обернулась на этот звук. Замерла в руках тетушки, заметив того, кого не увидела сразу, ступив в гостиную. У окна стоял князь Чаговский-Вольный, который не решался до этого момента напомнить о своем присутствии, молча наблюдал за встречей родственниц, такой интимной для чужих глаз. Теперь же, когда Анна увидела его, отступила от растерянной ее видом Веры Александровны, он поспешил приблизиться, чтобы поприветствовать девушку.

— О нет, *ma chere*, благодарите не только небо, но и иную персону. Полагаю, вы знакомы с Адамом Романовичем, *ma chere*, — проговорила тетка Анны, когда он подошел к ним. — Он был так любезен, что пригласил меня стать его спутницей в дороге в Милорадово. Вы ведь знаете, как нынче непокойно в местах, где побывал француз.

— Анна Михайловна, мое почтение. Примите мои глубочайшие соболезнования, — Чаговский-Вольный протянул руку Анне, чтобы принять ее ладонь для поцелуя, но та ее не подала, переплела пальцы, намеренно показывая, что не желает приветствовать князя. Вера Александровна ахнула тихонько подобной демонстрации неуважения, поспешила извиниться перед ничуть не удивившимся такому приему Чаговским-Вольным.

— Простите ее, Адам Романович, Анна ныне не в себе. Сами понимаете, такое горе пережить...

— Я отдаю отчет своим поступкам, нет нужды извиняться за меня, Вера Александровна, — холодно произнесла Анна. Мадам Элиза, в этот момент входившая в гостиную, даже растерялась на миг от подобного тона своей подопечной, замерла на пороге. А Вера Александровна снова попыталась растопить лед, который явственно ощущался ныне между племянницей и тем, кого она с таким удовольствием видела уже в своих родственниках через брак.

— Помилуйте, Анна, разве ж так должно поступать с визитером в такой день? В день погребения даже самых заклятых врагов принято пускать в дом! Адам Романович проделал такой путь! Он был так любезен проводить меня, так добр! Вы должны быть благодарны

ему...

— А как быть с тем, за что я никак не могу отблагодарить князя? — Анна испугалась взгляда темных глаз Чаговского-Вольного, которым тот вдруг наградил ее, этого огня, который вспыхнул в тех, но все же не отвела своего взора. — И позвольте мне поинтересоваться, с какой целью князь посетил сей дом? Не только дабы принести свои соболезнования, *n'est ce pas*?

— Полагаю, Анна Михайловна ведет речь о неких обязательствах, что были у покойного передо мною. Смеею ответить на это, что ныне не время для того, чтобы говорить на подобные темы, — обманчиво мягко проговорил князь.

— Ранее вас не волновали обстоятельства, князь, — заметила Анна.

— Увольте, Анна Михайловна, не говорите обо мне, будто у меня нет души. Коли б ведал, что с Петром Михайловичем такое ранение случилось..., - но ему не дала договорить Анна. Под удивленные вскрики мадам и тетушки прервала его на полуслове, резко бросила в лицо:

— И что тогда? Что было бы тогда?

— Я никогда не стою против слабых в полной мере, — ответил ей Чаговский-Вольный. И Анна не сдержалась от неожиданного приступа ярости, который скрутил при этих словах ее тело, застучал в висках горячей кровью. Хотела шагнуть вперед к нему, вцепиться в его сюртук, сорвать траурную повязку с рукава. Ведь притворство то, лишь притворство! Как и у тех, что в столовой остались. Да только вдруг потемнело в глазах при первом же резком шаге, а ноги стали слабыми.

— *O mon Dieu!* Адам Романович! Мадам! Человек! — привала на помощь всех, кто был в комнате Вера Александровна, когда Анна пошатнулась, стала оседать. Чаговский-Вольный добежал до Анны скорее, чем лакей, подхватил на руки, не допустив падения. Но был вынужден передать свою ношу подошедшему лакею, который и отнес барышню в ее покои в сопровождении мадам Элизы. Вера Александровна под руку с князем поспешила в столовую к гостям, перед которыми была вынуждена извиниться за отсутствие хозяйки дома.

— Вы сами понимаете ее состояние, потому, смеею надеяться, извините ее, — говорила она. — Такое несчастье не под силу перенести легко... Ах! *Quel malheur, quel malheur!*

Она же провожала после обеда гостей, принимая слова соболезнования, поражаясь тому, как поредели ряды в дворянском круге уезда. Тут были только те, кто оставался в этих землях под неприятелем, и те, кто успел вернуться из-под Москвы, куда бежали от француза. Как и в Москве, с грустью подумала Вера Александровна, вздыхая.

Затем она распорядилась Ивану Фомичу насчет размещения Чаговского-Вольного и его слуг, поднялась к Михаилу Львовичу. Но комердин впустил ее только в передние комнаты покоев, попросил ее зайти попозже — барин спал. Оттого Вера Александровна поспешила в покои Анны, где та спала, выпив успокоительных капель.

— Как она, *rauvrette* ^[492]? — спросила, войдя в спальню Анны, у мадам Элизы, сидевшей в кресле у окна. Склонилась над спавшей Анной, отвела упавший на лицо локон, выбившийся из прически. — Бедняжка! Столько несчастий за минувшие полгода! Да и с нашей стороны вести не особо хорошие. Муж моей Натали, упокой Господи его душу, преставился в конце сентября. От гнилой горячки ^[493]сгорел в лазарете... Дите свое так и не увидел, не довелось. Не будет знать сын отца, так уж сошлось... Год-то какой страшный, мадам! Уж на что и високосный! Сколько семей потеряло родных и близких! Сколько семей разорено! Мы в Москву прибыли, а в городе одни руины вместо бывших улиц. Наш-то дом, что

достался Натали от родственника по мужу, на Поварской, целехонек, слава Богу. Даже дворня на месте. А сколько ведь погорело? Долгорукова дворец на Никитской, говорят, полностью выгорел. Собрание погорело. И театр на площади Арбатской... Пуста Москва ныне. Только обгорелые стены остались да церкви кое-где. Но многим повезло, как Натали, не скрою. Те дома, где стоял неприятель постоем, целы — только пограблены сильно да разбиты. Нескоро возродится былая первопрестольная из того пожарища, нескоро...

Вера Александровна оглянулась на постель, проверяя, спит ли по-прежнему Анна, а потом продолжила уже тише, чем прежде, спеша поделиться тем, что знала:

— Мы ведь в землях близ Коломны имение получили по воле во владение. А оно недалече от имения Олениных, Агапилово. Заезжали с визитом к тем, как к будущим родственникам, перед тем, как отбыть в Москву, проведать дом. Говорили в свете про мадам Оленину — *tyran familial* [494], то сущая правда, скажу я вам! А Софи Павловна уж в летах да лицом некрасива, это тоже верно. Там-то, в Агапилово, и прослышали от разрыве помолвки... Что стряслось меж ними-то, мадам? Думалось, уже определено все, и тут такая оказия... Мадам Оленина показалась мне весьма довольной сим разрывом. Но глаза ее злые были, холодные глаза. Шибко она зла на Аннет за сей выпад. Вот ведь — не уведомив предварительно, *en l'absence* [495]. В дурном свете выставила и жениха, и семью его тем. Да еще мадам Оленина после прознала о том, как Анна с полковником объяснилась, — Вера Александровна предпочла умолчать, что вести эти дошли к Алевтине Афанасьевне через Софи, а та узнала от Катиш, рассказавшей, что видела в тот день в Милорадово. — Это же надо удумать! Я всегда знала, что подобное свободное воспитание Михаила Львовича ничего хорошего не принесет. Уж разум потеряла, не иначе, такое-то вытворять! И этот капитан... Уж голова-то где была? Вот и ныне. На князя волком глядит, когда он к ней так расположен! Только о ней и выпрашивал меня, когда в Москве с ним повстречались, уговорил меня ехать сюда, в Милорадово, с визитом. Все свидетельство тому, что князю по сердцу Анна еще с зимы той, когда с визитом был. А она? Что нос-то воротит? Кто еще свататься к ней будет после всех толков, что пустила в гостиные? Кого ждет все?

— Анне не по нраву его сиятельство, увы, — ответила мадам Элиза, опуская взгляд к вышивке, лежащей у нее на коленях. Лучше уж работать, чем так явно видеть в глазах осуждение и явное неприятие той, о ком вели речь. А потом, сперва оглянувшись на постель, на лежащую Анну, вдруг неожиданно для самой себя поинтересовалась. — Вы заезжали к Олениным... скажите, вы ведь, должно быть, ведаете о полковнике Оленине?

— Ведаю, — недовольно поджала губы Вера Александровна. — И Анна недалека умом коли из-за *frasque* [496] обычной разворот Оленину от дома дала. Это ведь, верно, из-за того случилось? Ах, нет такого мужчины, какой бы проказы на стороне не имел! Такова уж сущность его. А жены назначение — сносить терпеливо все, что натура мужская требует. Но тут уж как вышло-то. Бедная графиня! Пригреть такую змею на груди своей. А она ведь и кормила, и одевала ее, как дочь родную! А мадам Арндт вон как хвостом своим вильнула, бесстыжая! Как письмо получили из полка, так и убежала от графини. Благо хоть с ней Катиш была моя в те дни в дороге, не оставила старуху! Немудрено, что не вынесла графиня... и племянника хворь, и предательство воспитанницы — все сразу ведь свалилось! Вот и привело к разрыве сердечной, как доктора сказали после. Мадам Арндт же так и осталась при полковнике в армии, так и следует за ним *compagne* на позор супружнику своему. Благое дело сделала — выходила полковника-то, да только ныне-то что творит! Позор! Какой позор!

— Андрей Павлович был нездоров? — переспросила мадам Элиза, хмурясь, косясь на постель, с которой по-прежнему не доносилось ни шороха. Вера Александровна с готовностью кивнула, заговорила тихонько, чтобы не разбудить Анну:

— В конце октября, как сказала мадам Оленина, подхватил грудную. Да дело-то какое! В полях в палатках на ночлег становятся, у тепла-то и не бывают особо. Да еще и погода не радовала теплом. Вот так и вышло! Едва не сгинул, вы ведаете верно, как грудная-то опасна. Был бы старше годами, ни в жизнь бы не выправился. А что до того, что после случилось, то я так скажу — при его нынешних капиталах да землях он может себе позволить любую *frasque*, — чуть назидательным тоном проговорила Вера Александровна. — Анна еще не раз пожалеет, помяните мое слово! Да поздно уж! После такого возврата не бывает! Как мы давеча читали с Катиш в книге одной французской — честь у мужчины одна, а возлюбленных может быть много!

И Анна с трудом удержалась, чтобы не закрыть ладонями уши, не повернуться к ним, не подать знака, что не спит уже. Только еще сильнее прикусила кружево подушки, продолжила вслушиваться в тихий рассказ тетки, изредка прерываемый редкими и короткими репликами мадам Элизы. Слушала, как, по словам тетки, пришлось по нраву мадам Олениной тихая и скромная Катиш, которую та весь вечер продержала подле себя, как теть надеется на то, что возможно, Оленины и их род все же породнятся, пусть и через другую невесту.

Он был болен, думала Анна потом, когда Вера Александровна заговорила о знакомцах общих, когда тихая беседа у окна ее спальни больше не интересовала ее. Он был между жизнью и смертью, а она даже не ведала о том. Другая спасла его, удержала на этом свете. Другая вымолила его жизнь у Господа. И как же завидовала Анна ныне той, другой — что это она, а не Анна вытирала пот со лба Андрея, что подавала ему лекарства или просто сидела возле его постели! Что она просто была с ним, рядом, могла коснуться его... И как же Анна ненавидела ее за это!

Анна не сразу спустилась к ужину в столовую, когда стемнело за окном, и все домашние, за исключением отца и Полин, собрались к трапезе. Зашла в холодную образную, где опустилась на колени перед ликами, не обращая внимания на то, насколько промерз деревянный пол. С легкой грустью в глазах и пониманием смотрела на нее Богородица с семейного образа, тускло освещенного светом лампадки.

— Благодарю тебя, что хранишь его. Благодарю, что он жив и здоров. Пусть он будет счастлив, прошу... и пусть вернется! Умоляю, пусть вернется! — шептала она в исступлении, раскачиваясь, сдерживая плач, что рвался изнутри. — Пусть только вернется!

Смотрела на лик, а видела только его лицо. Такое разное в зависимости от обстоятельств — то вежливо-отстраненное, то злое, с яростью в глазах, то с улыбкой на устах. И такое любимое, такое родное... Каждая черточка лица. Каждый поворот головы. Его глаза, улыбку...

— *Vous venez trop tard, Annette* ^[497], - заметила Вера Александровна шепотом, поджимая губы, когда Анна заняла место подле нее за столом. — Это непозволительно. Прошу вас помнить о манерах, *ma chere!*

Но Анна пропустила ее слова мимо ушей, только деланно кротко произнесла: «*Pardonnez-moi!*», принялась за легкий ужин, ко второй перемене которого присоединилась к сидящим за столом. Она толком не участвовала в разговоре, что завели князь и тетья о предстоящем походе русской армии за границы империи и о возможных действиях бывших союзников. Только отметила, что Чаговский-Вольный уезжает вслед за армией и намерен

следовать за ней.

— Спешите получить свою долю славы? — спросила Анна, не удержавшись, чтобы не задеть князя, но, казалось, тот вовсе не обиделся. Только улыбнулся ей, как несмышленому ребенку.

— Ну, что вы, Анна Михайловна, какая слава может быть у того, кто не в первых рядах? Исключительно по доброй воле буду помогать нашим brave воинам, чем в силах моих. Но все возможно — глядишь, к славе всеобщей примкну за благие дела свои. Орден, быть может, выпрошу. Ваша правда, чего зря труды свои творить?

И Анна снова опустила взгляд к тарелке, впрочем, ничуть не сожалея о сказанных словах, как бы ни делала обратного вида. После в беседе не участвовала и спешила побыстрее уйти к себе, ссылаясь на усталость. Да только остановили ее тут же, как только приподнялась со стула.

— Прошу, Вера Александровна, вашего дозволения переговорить с Анной Михайловной наедине, — произнес вдруг князь, тоже поднимаясь из-за стола согласно правилам, и Анна замерла на месте, пытаясь скрыть свою растерянность, взглянула на мадам, а потом на тетю, умоляя взглядом не давать подобного разрешения. Но мадам ныне уступала Вере Александровне свое старшинство, а та так обрадовалась этой просьбе, так просияла лицом, что было ясно, каков будет ее ответ. Конечно же, она позволила.

Прошли для разговора в синюю гостиную, где еще нынче во время обеда Анна столкнулась лицом к лицу с неожиданным гостем. Вера Александровна же встала у окна в соседней комнате так, чтобы видеть через распахнутые двери князя и Анну, соблюдая приличия и в то же время создавая видимость уединения.

— Анна Михайловна..., - начал князь, но она тут же покачала головой под неодобрительный взгляд своей тетки из соседней комнаты.

— Прежде чем вы скажете что-то, я должна уведомить вас, что у меня нет ни малейшего желания обсуждать с вами иные обязательства, чем долговые. Мы так и не сумели внести первоначальный платеж, как вы выставили в своем требовании к Петру. Но, возможно, если вы позволите уменьшить его сумму до тридцати тысяч, то я могла бы расплатиться с вами нынче же. Оставшуюся сумму вы непременно получите впоследствии, слово Шепелевых в том. Отчего вы так улыбаетесь? — возмутилась она, заметив легкую улыбку на его губах.

— Забавно обсуждать подобные вопросы с девицей, — честно ответил он. — Да и потом — я уже обговорил все детали по выплате долга с Михаилом Львовичем.

При этой короткой реплике Анна едва устояла на ногах, настолько велико было потрясение, обрушившееся на нее при этих словах.

— О Бог мой! Вы сказали ему! Вы сказали ему...! Что вы сказали ему?! Неужто не понимаете, что эти вести убьют его? — Анна хотела развернуться и бежать в покои отца, но князь не позволил ей этого, удержал возле себя, обхватив пальцами ее локоть.

— Отчего вы так взволновались? Не оттого ли, что у вас некие тайны от вашего отца? К примеру, что вы более не связаны обязательствами с Лениным. Ваш отец, судя по всему, единственный, кто не ведает истинное положение дел о том. Но отчего вы так уверены, что это известие убьет его? Мало ли что случается — люди иногда онимают, что не желают связывать себя узами. Что с того?

— Вы не понимаете, не можете понять! Его здоровье... его сердце такое слабое, что он не вынесет вестей о долге... о долгах Петруши... о его кончине, — ее голова шла кругом, руки дрожали. Если бы князь не удерживал ее, Анна была уверена, что упала бы в этот

момент.

— С чего вы взяли, что Михаил Львович не осведомлен о долгах сына? — нахмурился недоуменно князь, глядя в ее глаза, в которых плескалась паника и страх. — Он знает о том, и ныне мы обсудили размеры выплат и сроки погашения. И о том, что стал основным должником за смертью сына, знает. И это не я просил его о встрече, не думайте то, он сам позвал меня нынче после обеда. Послушайте меня, Анна, — чуть встряхнул он ее руку, когда отвела взгляд от его лица в темноту зимнего вечера за окном. Явное неверие без особого труда читалось на ее лице. — Послушайте! Я действительно не знал ни об увечье, что случилось с вашим братом, ни о чем ином. И о смерти его я узнал лишь, когда прибыли с вашей тетужкой в Гжатск! Je vous assure que je ne le savais pas! [\[498\]](#)

— Прошу вас.... Я должна идти к отцу... тотчас! — в лице Анны не было ни кровинки, когда она взглянула на него, и князь отступил, выпустил ее руку из своих пальцев. В конце концов, впереди еще было много времени, а как сказал один французский писатель — кто выиграл время, тот выиграл в итоге.

— Я хочу, чтобы вы знали, Анна Михайловна, — вдруг произнес он твердо. — Я не готов отступить от того, что намечено. И рано или поздно мы непременно переговорим о будущих днях и о том, что сулят они нам. Та девица, что прельстила мой взор в Москве... она стала иной. И эта иная стала приятна не только взгляду, но и сердцу...

— О, je vous prie [\[499\]](#), - с сарказмом, не свойственным девице, проговорила Анна. — Только не говорите, что влюблены в меня! Ибо в это поверить...

— Нет, я не влюблен, упаси Боже! — проговорил князь. — Тот глупец, кто доверит самое сокровенное свое чужому человеку. А я не глуп. Вы привлекаете меня. Вы изумляете меня... Я видел в вас еще тогда в Москве то, что ныне открывается, как бутон цветочный. Вы были прекрасны и девочкой. Но женщина, что рождается на свет... Подобной еще не видели мои глаза. Что может быть волнительнее, чем обладание ею?

Внезапно при последних словах в темных глазах князя вдруг вспыхнул огонь, перепугавший Анну, заставивший ее отступить от него на пару шагов. Чаговский-Вольный заметил это, поспешил снова вернуть на лицо выражение холодного спокойствия.

— Я задержу вас, Анна Михайловна, только на пару минут. Чтобы сказать вам, что эта женщина, в которую превращаетесь вы, это удивительное создание природы, не должна влачить жалкое существование. Она должна жить той жизнью, которая ей предназначена от рождения. Именно жить! Позвольте мне подарить вам все то, что вы обязаны иметь... позвольте вернуть вам прежнюю жизнь. Ибо война разрушила многие судьбы, разоряя, уничтожая, разрушая. И ныне вы ступили на путь, о котором даже не помышляли еще этой зимой. В нищету, в прозябание, в годы сожалений и воспоминаний. Судя по всему, ваш отец твердо намерен продать или отдать в заклад последнее, что имеет. Прямой путь к разорению, будем честными. Позвольте мне предотвратить сие, позвольте помочь вам, Анна Михайловна. Позвольте мне...

— Благодарю за ваше предложение, князь, — Анна сделала быстрый реверанс, не силах более слушать его слов. Страшась их правоты. И той тени, что вдруг вошла в комнату вместе с ними и встала возле ее плеча. Тени ее мрачного будущего. — Позвольте же мне удалиться к отцу.

Князь склонил голову в коротком поклоне, но не мог не заметить ей, когда она уже уходила из гостиной:

— Я могу помочь вам во всем, Анна Михайловна. И я готов это сделать. Обещайте

подумать надо всем, что ныне сказано в этой гостиной.

Потому что есть только два пути, и один из них слишком страшен для той, кто не привыкла еще к своему новому положению. И верно, никогда не сможет привыкнуть. Они оба подумали об этом и прочитали мысли друг друга, заглянув в глаза. А потом Анна еще раз присела в реверансе и вышла вон, пытаясь унять бешено колотящее сердце в груди.

Ей открыли двери покоев отца по первому же стуку, словно ждали именно ее. И она шагнула через порог, едва дыша от волнения перед тем, что ей предстояло услышать. Отец все знал. Чаговский-Вольный не обманул ее. Задражали колени от этого взгляда, брошенного через всю спальню от окна, у которого Шепелев полулежал в кресле, обложенный подушками и укрытый по грудь плотным покрывалом.

— Mon pere ^[500], - Анна с трудом разомкнула пересохшие губы. Отец подал ладонью знак приблизиться, и она не смела послушаться, хотя вдруг испугалась того, какими резкими вдруг показались ей ныне черты лица отца. Она опустила на колени подле кресла, хотела коснуться губами сухой ладони отца, но тот вдруг резко поднял руку с подлокотника. Вдруг замахнулся, и Анна невольно прикрыла глаза в ожидании пощечины.

— Вы поступили как последняя... как лживая..., - спустя минуту раздался голос отца, и Анна поняла, что тот так и не решился поднять на нее руку. Открыла глаза и увидела, что тот отвернулся от нее к окну, не в силах смотреть на дочь, так жестоко обманувшую его. — Я не имею слов, чтобы описать свои чувства. Скрыть от отца смерть сына! Подумать только! И когда бы, скажите на милость, вы бы сообщили мне о том? На Рождество подарком? Или далее скрывали бы от меня? Я всегда полагал, что воспитал детей, для которых честь и совесть это не просто слова. Я ошибался. Я ожидал многого от Петра, прости Господи мне слова нынешние и мысли худые, но вы! Вы, mademoiselle! Одно дело творить за моей спиной не пойми что, совсем иное — укрыть то, что никак не должно от отца держать в тайне! Как можно? Как вам позволила совесть?

— Я лишь пеклась о вашем здравии..., - Анна попыталась снова взять ладонь отца, но тот отодвинул руку, а потом и вовсе спрятал под покрывало, уходя от ее прикосновения. И не глядя на нее, потому что один только взгляд на ее слезы мог растопить его злость. А он не хотел этого сейчас. Никак не хотел. И забывать пока не желал.

— L'enfer est pavé de bonnes intention ^[501]. Странно, что вы забыли эту простую истину, mademoiselle! Меня больше убивает осознание того, какой я ныне знаю вас, чем то, что вы скрывали от меня. И что за demande en mariage ^[502]? Вы совсем потеряли свою честь? Что вы могли сделать такого, что князь решился просить у меня руки вашей при женихе-то живом?! Оставьте ваше кокетство, Анна, оно принесет вам немало бед, коли не оставите! Я вас не узнаю... не узнаю...

Шепелев замолчал, закрывая глаза, пряча за опущенными веками свою боль и свое разочарование в детях, которое познал на склоне лет. Они должны были стать его утешением. Должны были бы. А они лгали ему, проворачивали худые дела за его спиной, привели к тому краху, который он переживал ныне. И эта смерть... Даже думать не хотелось о ней!

— В ваших же интересах ныне думать о своем слове, некогда данном Оленину! Я предупреждаю вас, Анна! — голос отца был резок, хлестал кнутом, заставляя сжаться в комок от стыда и осознания того непоправимого, что ныне случилось. Впервые за свою жизнь она обманула отца. Не слукавила игриво, шутя, а обманула! Не смогла открыть рта в этот момент, чтобы признаться еще в одной лжи, которую видимо, так еще и не открыл

никто Михаилу Львовичу. — Сделка меж нами — моя единственная возможность на расплату по векселям и заемным Петра. Я отдаю ему в залог Милорадово и земли. При моей кончине он станет полновластным владельцем здесь в усадьбе и окрест. Достойная сделка — так будут объединены два крупных имения... как и ваши судьбы в будущем, Анна. Ему все резоны дать мне согласие на эту сделку, что я предлагаю ему. Так что сделай милость — никаких более твоих штучек и вывертов! Твой дед по матери, упокой Господи его душу, в гробу перевернется, коли Милорадово станет кому принадлежать чужому по крови. Помни о том! Хоть помру в покое, что честь соблюдена Шепелевых... что нет грехов на Петре, нет пятен на имени его...

Разве могла Анна, слыша горечь и боль в голосе отца, видя его повлажневшие глаза, сказать иное, чем покорно согласиться на его слова? Разве могла признаться, что нет у отца возможности расплатиться по долгам и сохранить при том семейное имение за кровью покойного графа Туманина, земли, которыми владела фамилия того еще с давних времен? О, Господи, думала она позднее в тишине своей спальни, сидя в постели и слушая, как тихо стучится метель в стекло мелким снегом. О Господи, какой же я стала!

Тихо стукнула дверь в будуаре. Светлая фигура метнулась из соседней комнаты к кровати Анны, и та подвинулась, освобождая место подле себя. Полин быстро юркнула в теплоту постели, под пуховое одеяло, как раньше, в прежние ночи, когда они вот так лежали рядышком и шептались по-девичьи. Легли и сейчас на соседние подушки, лицом друг к другу, скорее памятью, чем глазами видя черты соседки в скудном свете луны, льющемся в комнату через стекло.

— Он мне не снится, — тихо сказала Полин. — Я так хочу увидеть его, а он не приходит... а обещался мне. Сказал когда-то, что будет рядом, даже когда между нами будут версты и годы. Через ночные грезы придет ко мне. Обманул, верно...

Анна не знала, что сказать ей в ответ на это. Она чувствовала себя ныне такой неуклюжей в словах и в поступках, во всем. Ведь что бы она ни творила, все становилось только хуже!

— Он не делал этого! Ты ведь знаешь, да? Знаешь? Они все думают, что он сам. Даже отец Иоанн... Я ведь слышала ваш разговор. И даже Михаил Львович... Но Петруша не сам... не мог. Мы ведь венчаться хотели после Рождества. Чтобы никто и никогда не встал меж нами... Не верь поэтому. И знай, что он не мог сам... не мог! Ты ведь знаешь, какой он!

Полин вдруг заплакала, пряча лицо в подушке, и Анна коснулась легко ее головы через тонкую ткань чепца, провела пальцами по ее плечу.

— Как мы будем жить дальше? — глухо проговорила Полин в подушку, и Анна скривилась, пытаясь сдержать слезы, готовые пролиться из глаз при этом вопросе. Потому что он волновал ее сейчас, как никакой иной. Как они все будут жить дальше? Как, на что и где...

— Помнишь, — Полин вдруг повернула к ней заплаканное лицо. Тускло сверкнули в свете луны глаза. — Помнишь, то гадание? О mon Dieu! У нас у обеих выпало одно — гроб, помнишь? Ты еще говорила, что корабль был то. Нет! Нет же! Отчего мы не поняли этого? Отчего не остановили его?

— О чем ты говоришь, ma petite amie ^[503]? Разве ж можно предугадать...? Разве же можно поменять судьбу? — говорила и вспоминала бледный воск на воде в фарфоровом тазу. Высокие стенки гроба и профиль в нем. Теперь уже ей казалось, что тогда тот был так схож с профилем брата. Неужто, Полин права, и судьба давала ей подсказку? Еще в те дни,

когда весь мир, как ей казалось, был у ее ног, когда все осуществлялось только по ее желанию... Давала ей возможность перемениться, стать более жертвенной, слушать нужды и желания другого человека и понимать их. Неужто она могла бы все исправить, разгадать тогда этот намек со стороны Провидения?

А потом Анна вспомнила, как сидела перед зеркалом в пустой и темной спальне флигеля. Тяжелая немерная поступь на ступенях лестницы. И в отражении зеркала мужской силуэт в темном фраке с белизной галстука прямо под шеей. Ее суженый, пришедший на ее просьбу отужинать вместе, посланный самой судьбой в ту ночь подсказок, в ночь крещенского гадания.

Полин уже спала, выплакав частичку боли и горя, что ныне томили ее душу, мешали вольно дышать, когда Анна выскользнула из-под одеяла. Холодный пол неприятно прохолодил ступни, когда она медленно, стараясь не толкнуть ничего из мебели, чтобы не разбудить подругу, пошла в будуар. Тихо посапывала простуженная на сквозняках, ходивших в доме, Глаша, положив ладонь под щеку, свернувшись клубком на нешироком диване. Она даже не шевельнулась на тихий скрип крышки бюро, когда Анна открыла то, оглянувшись испуганно на спящую девушку.

Кольцо мигнуло ей из глубины бюро. Она готова была поклясться, что оно действительно мигнуло в свете луны. Мистика, ведь никакого отблеска и быть не могло — небо было ясное, несмотря на мелкую крупу снега, что сыпало с вышины, луну ничто не могло закрыть даже на миг.

Анна протянула руку и аккуратно взяла пальцами холодный ободок серебра. Вихрь воспоминаний помимо воли закружил голову, заставил вернуться в прошлое. Ее взгляд через прихожан на него в церкви. Их совместные фигуры в экосезе на балу следующим вечером и огонь его касания даже через шелк перчатки. Присутствие за ее креслом на святочных ряженьях, которое она ощущала затылком и спиной, и та нервная дрожь, которую он вызывал тем самым в ее теле. Их разговор в оранжерее, короткая ласка мужских пальцев мягких лепестков светло-розового цветка. Те поцелуи в лесу при свете начинающегося дня, когда солнце так мягко обнимало их своими лучами, пробиравшимися через густые кроны деревьев. Его объятия и ласки, от которых по жилам бежал жидкий огонь, и кругом шла голова. Сладость его поцелуев, тепло его рук, запах его кожи, нежность его глаз... Она будет хранить это в памяти вечно, перебирая те по одному в тишине будущих ночей. Она будет помнить. Но простит ли его, простит ли его предательство и ту боль, которую оно причинило ей? Едва ли...

— Милый друг, всему конец; что прошло — невосвратимо, небо к нам неумолимо...

Анна долго сидела за столом перед пустым листом бумаги. То брала, то откладывала перо в сторону, чтобы после схватиться за него снова, замереть на миг над бумагой, склонив голову. Тонко трещал фитилек свечи, едва слышно сыпалась с небес белая крупа за окном, застилая окрестности еще одним покрывалом из снега, надежно укрывая темно-зеленый от ветвей ели свежий холм, выросший на церковном погосте фамилии Шепелевых. Сопела Глаша, приоткрыв рот, а иногда редко вздыхала в спальне Полин — тяжело, с надрывом, будто на груди у нее лежал огромный камень.

— Милый друг, всему конец; что прошло — невосвратимо, небо к нам неумолимо...

Когда небо стало сереть за стеклом окон будуара, строки легли на бумагу ровными рядами чернильных полосок. Потом бумага была аккуратно свернута, а послание надежно запечатано воском, который надежно скроет написанное от чужого взгляда, доверив это

только адресату, которого указали на обороте. После белый прямоугольник письма лег на поднос для корреспонденции, стоявший на столике, чтобы поутру его нашла Глаша и, спустившись вниз, передала далее по назначению. До самого адресата...

В последний раз Анна взглянула на гранаты на своем пальце, поднеся руку поближе к кругу света, что дарила догорающая свеча. О, как же тяжело было снимать кольцо с руки! И как же тяжело будет расстаться с ним после, хороня свои надежды и мечты!

— On n'échappe pas à son destin [\[504\]](#), - прошептала она, укрывая кольцо снова за орехом бюро, закрывая крышку. Отныне она не будет следовать только своим желаниям. Отныне она должна думать о тех, кто рядом, кто так близок ей и дорог. Судьба давала ей очередную возможность, вдруг неожиданно даровав такой подарок этой ночью, открыв глаза на многое... И она сделает все, чтобы сохранить его, чтобы более не было несчастий и бед в этой семье. Она сделает для этого все, даже хороня свое будущее, то, которое могло бы быть, но так и не случится отныне...

Недалеко от Парижа, весна 1814 года

— Au plus vite ^[505], - поторопила Мария человека, что запрягал ее коляску на постоялом дворе в нескольких десятках верст от расположений русской армии под Парижем. Она уже несколько раз прошла от порога станции до ворот и обратно, сторонясь грязную старуху, что каждый раз с надеждой поднимала голову от своей кружки и смотрела в ее глаза. Мария уже подавала ей («S'il vous plait, madam, ayez la bonté de vieille femme et pauvre orpheline de père et de mère» ^[506], тронутая скорее не ее старостью, а перепачканным личиком, что выглядывало с любопытством из-за юбок старухи. Она насмотрелась немало на калеченных и убогих, на сырых и обездоленных, пока следовала по пути русской, а потом и союзной армии от Вильны до этого места. Отчего-то чем ближе к Парижу, тем их становилось все больше и больше — несчастных французов, разоренных бесконечными наполеоновскими войнами, оставившими сиротами столько детей.

Но эта сиротка на постоялом дворе... Ее голубые глаза, такие ясные на этом перепачканном грязью лице, словно обожгли душу. Снова вспомнила то, что потеряла более полугода назад. Кого носила она тогда под сердцем — мальчика или такую же кроху-девочку? Теперь она вряд ли узнает это, с грустью думала Мария, когда коляска наконец тронулась в путь по дороге, ведущей к предместью Парижа. Все-таки надо было послушать Андрея и оставить армию, вернуться в Россию или переждать в арендованном домике близ Дрездена. Она бы, верно, сейчас ходила последние дни тягости, а быть может, уже держала на руках свое дитя.

Но у нее не стало бы Андрея. В том нет никаких сомнений. Мария не смогла бы так долго удерживать его подле себя, не будь с ним так часто, не будь так близко к нему. И не сделай то, что она сделала. Нет, вздохнула Мария, поправляя перчатку, пурпурно-бордовую, в тон рединготу и перьям на капоре, не стоит жалеть о потере. Все только к лучшему, тем паче, то печальное событие так сблизило ее и Андрея. А значит, все только к лучшему.

Последний раз Мария исповедовалась еще в Польше, худому суровому иерею с широкой, как у купца, бородой. Она смотрела на эту бороду и отчего-то вспоминала Москву, где они жили с Марьей Афанасьевной короткие два месяца до переезда в Милорадово. И вспоминала дворника в городском доме. У него была такая же широкая борода, которой, по слухам среди дворни, он очень гордился, как и блеском позолоты на гербе ворот, что протирал тряпкой каждый Божий день.

Марья Афанасьевна... единственное сожаление, единственный укор совести Марии. Только за то, что она бросила графиню в деревеньке на полпути до Москвы, где, видно, сама судьба подарила им встречу с тем посланцем, каялась тогда Мария в Польше от души. Он шел едва ли не по следу графини, этот гонец, и само Небо было на стороне Марии, что глупые дворовые в Милорадово не стали расспрашивать, отчего тот ищет ее сиятельство, а послали по следу уехавших женщин.

Она до сих пор помнила, как ступил в темную горницу высокий человек в заметной снегом шинели, как бухнулся в ноги оторопевшей графине, полулежавшей на перине, принесенной из дормеза, протянул ей письмо. Они все — и Марья Афанасьевна, и Мария, накидывающая шаль на плечи графини, и Катиш, устраивавшаяся на ночлег в другом углу горницы — замерли в каком-то странном напряжении, заметив эту бумагу и печать на нем.

— Он жив? — только и спросила графиня, а потом, когда человек кивнул, вырвала из его пальцев письмо, прогнала легким пинком прочь. — Ну же! Читать! Немедля! — и Мария спешно развернула поданное ей письмо, поднесла к огню свечи в плошке.

— Ах! — после только и упала назад на перину графиня, рванув завязки сорочки у горла. Катиш тихонько заскулила в своем уголке, спрятавшись под одеяло и так и не высунувшись из-под него до самого утра. Мария же даже думать не стала. Сперва, правда, склонилась над графией, пощупала, бьется ли жилка на запястье и как скоро. Потом набросала несколько строк на бумаге, что оставила на столе, а потом быстро склонилась к сундучку, что стоял под лавкой, возле перины Марьи Афанасьевны, повернула в замке ключ маленький, который сняла с шеи. В этом коробе из толстого дерева хранила графиня документы и деньги, что брала с собой в дорогу. Сейчас там было мало — довольно потрясли французы и поляки в Милорадово, но и этих ассигнаций хватило бы добраться до окраин неведомого Марии Красного, где умирал Андрей, как говорил полковой писарь в послании к графине.

— Мария Алексеевна! — окликнули ее от дверей, и она резко выпрямилась, гневно взглянула на Григория, стоявшего в темном проеме, ведущем в холодные сени.

— Что ты холод-то пускаешь? Ее сиятельство застудить желаешь? — прошипела ему Мария, кладя ключ на стол, пряча свернутые в рулон ассигнации в рукаве платья. Она еще не ложилась, замешкалась, оттого ей оставалось только спрятать в суму пару платьев своих и рубаш, накинуть редингот, подбитый мехом для тепла, и выйти вон из избы. Посланец торопился обратно в полк, и она твердо решила ехать вместе с ним.

Оттолкнула Григория в сени, заглянула в темные глаза старого лакея, так и горевшие огнем подозрения.

— Марья Афанасьевна в обмороке. Прикажи воды студеной принести чистой — виски б ей обтереть, — сумела распорядиться твердым голосом, устраняя последнее препятствие на своем пути. — И пусть капле сердечных Настасья принесет из дормеза. Я же посланцу передам письмо и тотчас прослежу за всем. Не стой тут столбом! Пошел!

Посланцу хватило пяти рублей, чтобы он взял ее в спутницы, усадив позади себя и наказав держаться как можно крепче. При этой посадке так неприлично задралась юбка, скривилась Мария, а потом обняла человека как можно сильнее, когда он пустил коня по еле видной в свете молодого месяца дороге. Закрыла глаза, но все равно из-под век текла влага, застывая на ночном морозе. Подожди меня, мой милый, плакало ее сердце, подожди меня... только не уходи...

Она так боялась не успеть тогда, что была готова сама вмешиваться в споры насчет свежих лошадей на замену, когда не пожелали им те подавать в деревнях и на былых станциях у тракта. Бумаги в ее рукаве имели силу, и она готова была раздать их все, лишь бы скорее достичь места назначения. Особенно проведя более полудня в одной из разоренных деревень, ожидая, пока лошади отдохнут с долгого пути. Каждая задержка в пути, каждый такой отдых сводили ее с ума, ей казалось, что она не успеет, не приедет вовремя. И тогда все зря...

Но снова ей помог кто-то свыше — через три дня пути Марию и ее молчаливого спутника нагнали сани, в которых ехал... господин Павлишин, торопящийся вернуться в полк. Именно он и привез ее в ту самую деревеньку, где в одной из изб медленно сгорал в болезни Андрей.

— Je vous remercie. Pour tout! [\[507\]](#), - Мария была готова расцеловать этого нескладного

мужчину в очках, но не стала задерживаться — почти выпрыгнула из саней, когда те замедляли ход, торопясь ступить в ту избу, которую описал им один из солдат поста возле деревни. Оттолкнула Прошку, вышедшего на стук двери в темные сени, вбежала в горницу, где на перине лежал Андрей, мечущийся в горячке.

— O mon Dieu! Andre! — тут же бросилась Мария к его постели, на ходу расстегивая заметенный снегом редингот, развязывая бант шляпки. Он неожиданно открыл глаза на ее голос, захрипел что-то и тут же зашелся кашлем, перепугавшим ее — настолько хриплым тот был, настолько душачим его. Склонилась над ним, когда он застонал от боли в груди после этого приступа кашля, схватив из миски на столе мокрую тряпицу, стала стирать пот с его лица.

Позади нее скрипнула дверь из сеней, и она распорядилась Прошке голосом, не терпящим возражений, даже не оборачиваясь:

— Принесите чистой воды холодной. И полотна! Надобно бы сбить жар, — и уже ласково и тихо Андрею, глядящему на нее каким-то странным взглядом, словно он вошел из тьмы на свет. — Vous êtes tout en sueur. Je vous aiderai, je ferai tout mon possible ... [508]

— Cela est trop beau pour être vrai [509], - прошептал вдруг Андрей, трогая ее растрепанный локон, выбившийся из-под капора, скользнув пальцами в мимолетной ласке по ее щеке. — Я писал тебе... но не сумел отправить... но ты здесь... милая... милая... мой ангел...

И она поймала его руку, прижала к губам под улыбку Андрея, пряча свои слезы от его невидящего взгляда, направленного в ту реальность, которую видел только он. Даже умирая, он думал о ней. О той, другой! О, он никогда не достанется Шепелевой, поклялась неожиданно для самой себя в тот миг.

А после обернулась на тихий шелест за ее спиной, заметила только спину, обтянутую сукном шинели, прежде чем дверь в сени затворилась. Кто-то видел и слезы Марии, и эти ласки, кто-то слышал интимный шепот, встревожилась Мария, а потом вдруг ее охватило какое-то странное облегчение. Все едино отныне. Пусть будут толки, пусть бросят в нее камни, как в последнюю грешницу, но она выходит его, вернет его из тех видений на эту землю.

Андрей почти весь день до сумерек был в каком-то странном забытии. То открывал глаза, то метался с сомкнутыми веками. То что-то шептал себе под нос, то громко кричал «Апель! Апель!», скача снова по полю Бородина в своем мороке хвори. Каждое это движение, каждый крик и шепот резали Марию сильнее ножа. Ведь она видела, какие муки он переживает там, куда никогда не проникнуть ей.

Она никогда не лечила прежде. Никогда. Только капли подавала графине при приступах да компрессы для нее готовила. Но интуитивно почувствовала, что полковой лекарь скорее убивает Андрея, чем лечит.

— Как он хрипит, — она хмурилась, когда заметила, что тот только проверил пульс больного зрачки. — Отчего он хрипит так? И этот кашель... Он душит его!

— Вестимо, отчего, — лекарь кивнул сам себе. — Все холода эти, будь неладны. Все время верхом и в снег, и в дождь, в любую непогоду. Тут не грех простудную ухватить, а простудная за собой и свою пособницу тащит — грудную. Грудь болит, вот и хрипит.

— Так отчего же тогда на грудь лед, коли она болит?

— Надо же горячку сбить, — покачал головой доктор, поражаясь неосведомленности этой женщины, бледной и растерянной. — Всем вестимо, в аккурат восьмой день после того,

как грудная хватилась, кризис наступает. Коли сбить жар, больной на поправку пойдет. Коли нет... увы, мадам! Следующей ночью аккурат будет кризис сей. Давайте полковнику средство мое по-прежнему на ночь и поутру. Бог даст, выживет...

Но Мария не стала ни средства из толченной скорлупы давать Андрею, ни класть завернутый в полотно лед на грудь. Приказала Прошке привести ей кого из деревни, желательно бабу в летах, а сама принялась обтирать лицо, руки и ноги холодным полотном. Благо, Андрей утих на тот момент, заснул.

Крестьянка была в грязном платке и в рваных лаптях и вызвала сперва в Марии только желание прогнать ту прочь из-за скотного запаха, который вошел в горницу вместе с женщиной. Но спустя несколько дней Прошка снова разыскал ту бабу, передал ей серебряное кольцо с маленьким камушком от Марии — в благодарность за помощь. Средства, что знала крестьянка от бабки — тепло на грудь и спину, сок из редьки, отвар из молока и овса, настой на листьях малины — сделали свое дело. Кризисную ночь Андрей, правда, метался в постели под действием жара, пожирающего его изнутри. Но на утро вдруг открыл глаза, впервые взглянул на Марию, сидящую у его постели, не остекленевшим взглядом.

— Мария Алексеевна... что вы...? — тихо проговорил он, и она впервые за все время рассмеялась вдруг, заметив удивление в его глазах. А потом смолкла, прочитав в его глазах то, что знала сама. Едва он выяснит, что Мария здесь одна, без компаньонки, будет настаивать на том, чтобы она уехала, не была возле него. И пусть он не забудет то, что она сделала для него, но даже благодарность не заставит Андрея переменить решения. Но пока он слаб, как котенок, после болезни, у нее есть карты в руках, которые она должна разыграть во имя собственного будущего. Того, которое так хотела для себя, о котором давно мечтала. Само Провидение помогало ей в том, разве нет?

Эти письмо от графини, что попало именно ей в руки, пока Андрей спал, восстанавливая силы, спустя день после кризиса. Видимо, написано оно было в те же дни, как Мария уехала из Московской губернии, торопясь в эту деревеньку близ Красного. Она вскрыла это письмо, над паром чайника, что принес с огня Прошка, собираясь заваривать чай, аккуратно поддела край бумаги.

«...Andre, mon fils [\[510\]](#), заклинаю вас, выполните волю старухи... mademoiselle Annette... вспомните о ваших обязательствах по отношению к этой девочке, если не можете воскресить хотя бы толику вашего бывшего чувства к ней. Ибо вам хватит и толики вашей при том пожаре, что пылает в ее сердце.... Она вас любит, Andre, любит! Будьте стойки к яду, коим готовы отравить вашу душу. Иного сказать на сей счет не могу... Нет нужды напоминать вам, что madam Arndt не должна находиться подле вас ради своего же доброго имени. Заверьте ее, что я готова уладить все возможные недоразумения, все препоны для ее возвращения к foyer domestique [\[511\]](#)...»

Вернуться к старику Арндту? Когда она ныне знала, как может быть привлекательно мужское тело, при касании к которому кровь так и кипит в жилах? Когда она была так близко к тому, кем жило ее сердце? Только безумный пойдет на это! И Мария сожгла это письмо в печи, больно обжегшись притом о заслонку. Успокоилась только тогда, когда оно превратилось в пепел.

И не пустила на порог никого, кто так рвался в избу полковника Оленина, пользуясь своей неограниченной властью. Скоро встанет на ноги Андрей, и тогда ей придет конец, но ныне... ныне Мария выходила из сеней к тем офицерам и посыльным, что стучались к ним, узнавала, что те желают, ссылаясь на болезнь полковника, а после на слабость после той.

Особенно Павлишина, этого petite ami ^[512]Шепелевой. Хорошо, что Андрей разгадал ее хитрости не так быстро, хотя и скорее чем она планировала, как была вынуждена признать в итоге.

— Вы не должны здесь оставаться без компаньонки, — твердо сказал Андрей Марии в первый же день, вызывая в ней глухую ярость. — Прохор позаботился об отдельном жилье для вас в соседней избе.

— Вы позволите мне остаться без защиты? — деланно вскидывала брови она. — Мало кто приедет в деревеньку эту. Да и солдаты...

— Помилуйте, никто не тронет вас, Мария Алексеевна! Здесь вы под защитой моего имени. Но неужто вы не понимаете, как губите свое собственное, оставаясь под одним кровом со мной? Вы обязаны перейти в соседнюю избу. И написать ее сиятельству, как это сделал я.

— Вы писали Марье Афанасьевне? — Мария даже пошатнулась на миг, пытаясь изо всех сил сохранить самообладание. Как? Когда? Отчего она не видела? Она думала, он слаб и не может самостоятельно держать перо, думала, попросит ее об этой услуге.

— Она пришет сюда людей и дормез, и вы уедете, Мария Алексеевна, — хотя и был он по-прежнему слаб, Мария без труда поняла, что он намерен сделать так, как пожелает. У него не было лишних средств нанять сани или дормез, чтобы отправить ее обратно, оттого и просил тетку о помощи. Покамест та выполнит его просьбу, пройдет седмица или более. Так мало, но в то же время довольно для того, чтобы заставить его переменить свое решение, как она надеялась.

— Я безмерно благодарен вам, — голос Андрея уже смягчился, глаза потеплели. — Безмерно. Я буду до конца своих дней возносить молитвы о вашем здравии. Но поймите меня, милая Мария Алексеевна, вы обязаны подумать о себе...

— Я уже подумала. Я хорошо подумала. Полагаю, что мой муж уже получил письмо, в котором я сообщаю о разрыве с ним. Я никогда не хотела этого брака, вы знаете. Все, чего я хочу...

— ...mon Dieu!

И Мария только улыбалась, когда он откидывался на подушки, бледнея от злости и собственного временного бессилия. Пусть она и теряла власть над ним день ото дня, но пока они все же были на равных! Да, она согласилась перейти в соседнюю избу, стала ночевать там, отдельно от Андрея, и приняла в качестве компаньонки какую-то офицерскую вдову, что привезли из Красного по просьбе полковника. Но проигравшей себя совсем не чувствовала. Делала все, чтобы он привык к той заботе и теплу, которыми она окружала его. И ей, верно, помогал Всевышний в эти дни...

— Беса сии творения. Токмо бесы блуду благоволят, — сурово прервал Марию тогда на исповеди в польском храме иерей, и она не стала с ним спорить. Но все равно осталась при своем мнении. Разве не Небо помогло ей, когда спустя седмицу в деревеньку привезли письмо из Москвы?

Аккурат тогда, когда Андрей, еще толком не отошедший от болезни, собирался нагонять свой полк, ушедший за эти дни к Борису. Она тогда смотрела на него, на размах широких плеч, обтянутых светлым сукном, на его холодное, похудевшее за долгие дни болезни лицо, и понимала, что проиграла. Вот-вот придут от графини лакеи, что затолкают ее в дормез и увезут к ненавистному ей мужу. Андрей только и задержался здесь, чтобы передать ее из рук в руки.

За корсажем жгло кожу огнем то, что Мария приберегла в качестве козыря на последний розыгрыш. Не позволит она никогда, чтобы он сделал то, что она ясно читала в его глазах ныне.

— Неужто и верно, вы вернетесь к ней? — глухо произнесла, откидываясь на спинку стула. — После всего, что было. После всего, чему она позволила случиться. И особенно после того дня, когда...

— Не стоит, — тихо проговорил в ответ Андрей. Ее компаньонка, что разделяла с ними обеденную трапезу, напряглась, расслышав странные нотки в этой короткой фразе.

— *Pourriez-vous, s'il vous plaît, laissez-nous seul à seul?* [513] — обратилась Мария к той, не желая говорить то, что намеревалась при свидетелях. Та сначала взглянула на Андрея и, только получив его короткий кивок, вышла из избы, закутавшись с головой в шерстяной платок.

— Но это ведь правда. И вы, и я знаем, что она была неверна вам. Сколько могло быть *rendez-vous amoureux* [514]? У пана улана были все к тому возможности! Подумать только!

— Я бы не хотел, чтобы бы вы продолжали подобный разговор о моей невесте!

— Невесте? Невесте?! — она не скрывала своего удивления. Неужто? Неужто он действительно намерен простить той все ее проступки, простить то оскорбление, что она нанесла ему?

Мария уже кожей чувствовала приближение людей графини, она готова была поклясться в том. Оттого и не стала скрывать ныне ничего из того, что на душе было. Довольно с нее молчать! Довольно быть тихой безмолвной тенью, к которой все привыкли в доме графини! Она будет биться руками и ногами за свою долю, вгрызаться зубами. Даже с ним будет биться...

— А помните, Андрей Павлович, как вы спасли моего котенка с яблони в петербургском доме ее сиятельства? Нет, верно, не помните, ведь столько лет прошло. Я же помню! Каждое мгновение из того дня. Вы прибыли тогда с маневров. Вы выглядели таким довольным, так улыбались. А я плакала, потому что мой котенок убежал и залез на яблоню. Лакеи тогда принимали подводы из деревни и были заняты. «Attendez!», сказала тогда графиня, и я ждала. Плакала и ждала. Я чувствовала себя такой одинокой, ведь я толком никого не знала в том доме, только седмицу прожила под кровом графини. И пришли вы. Такой светлый, такой красивый... И пошли со мной в сад, так легко подтянулись на ветках, так быстро избавили Божью тварь от невольного плена, а меня от слез. Именно тогда я полюбила вас. Вы ведь знаете, что я люблю вас...

Мария с грустной улыбкой наблюдала, как Андрей медленно встает со своего места за столом, идет к ней и опускается на корточки подле нее. О, как теплы его ладони! Как хорошо же на душе, когда он вот так целует ее руку!

— Машенька, — прошептал он тихо, и ее сердце дрогнуло в груди. Он называл ее так в те дни. Именно так. Значит, он помнит. — Позвольте мне так назвать вас ныне. Чтобы вы слышали меня... Я прошу вас. Вас, ту милую девочку, которую я знал, которую я помню, которой безмерно благодарен за все, что она сделала для меня. Я уже говорил вам, что никогда не забуду этого. Но я не могу полюбить вас той самой любовью, которой достойна любая женщина, тем паче вы. Пожалейте себя, не терзайте себя более... не губите свою жизнь. Я люблю вас, как близкого мне человека, но никогда не сумею полюбить так, как было бы довольно вам. И я бы не желал, чтобы вы губили себя ради призрачных надежд...

— Тогда вы поймете меня. И простите, — Мария одним движением достала из-за

корсажа платья тонкую стопку писем, перевязанную ленточкой. Положила на уголок стола, так аккуратно, словно в любой момент письма могли вспыхнуть огнем в ее руках. Хотя, по сути, так и было — ей казалось, что они настолько обжигающе горячи, что отогни она корсаж платья, то увидит красные пятна на нежной коже груди.

— Что это? — холодно спросил Андрей, хотя сам в тот же миг понял, из чьей переписки бумаги ныне легли на стол. Она вдруг испугалась тона его голоса, но сумела взять себя в руки и выровнять дыхание, чуть успокоить бешено колотящееся сердце в груди.

— Это письма *mademoiselle votre fiancée* ^[515] и господина капитана. Полагаю, вам стоит все же взглянуть на это. Чтобы не было более иллюзий касательно того, что случилось тогда в Милорадово. Чтобы вы не обманывались более...

— Мне отрадна подобная забота о моей персоне, мадам, — глухо проговорил Андрей с легкой иронией, отпуская ее руку. Тут же ушло тепло, которое она ощущала от его прикосновения. словно солнце зашло за тучи. — Но, увы, я не могу позволить себе читать писем, адресованных не мне.

Потом он встал и отошел от нее к печи, встал, оперся ладонями о теплую глину. Она видела по этой напряженной позе, что посеяла бурю в его душе сейчас, но и остановиться не могла, не хотела. Всего в шаге от того, чтобы навсегда разорвать те нити, которые могли привести его обратно к Шепелевой.

— Вы не читаете, а я себе позволяю подобное. Вот, извольте, — Мария развернула одно из писем, написанное резким мужским почерком, стала быстро читать фразы, что заучила почти наизусть за те дни, что хранила у себя эти письма, подобранные среди прочих на полу будуара в покоях Шепелевой.

«...Я не могу не думать о том, что случилось вчера ночью. Держать вас в своих объятиях, чувствовать трепет вашего тела, несмелую дрожь ваших губ — это ли не счастье? До конца своих дней я буду помнить запах вашей кожи и волос, ее тепло под моими губами. Вы скажете, что я безумен писать вам об этом? Да, я безумец! Безумец, лишившийся души и сердца, ибо они в ваших руках! Вы моя, Аннеля! Моя! И я готов крикнуть о том всему миру вокруг...»

Мария увидела, как сжались ладони в кулаки. Теперь Андрей уперся еще и лбом о побеленную глину печи, плечи напряглись так, что казалось, мундир лопнет по швам. Она видела, как ему больно, и сама страдала сейчас вместе с ним. Но разве могла она остановиться? Гниль надо выжечь, как выжигают, вырывают больные розовые кусты усадебные садовники в парке, чтобы на их месте посадить новые, здоровые, что расцветут пышным цветом со временем.

— Вы можете не верить мне. Но эти *rendez-vous amoureux*... они были! Тайком, ночью! Спросите у вашей тетушки. Ее сиятельство была осведомлена о том. С самого начала, с той ночи, как *mademoiselle votre fiancée* застали торопящейся вернуть в свои покои. С меня взяли слово молчать... и я молчала. Потому что думала, что вы увидели тогда, какова она на самом деле, оттого и разорвали... а ныне вижу — нет. Вы еще в ее власти, вы готовы простить ей оскорбление, что она вам нанесла, простить все те шепотки о вашем имени. Так вот это правда, как видите, все те шепотки и толки! Она была неверна вам и слову своему! ...с тем поляком! — она задыхалась от слез, вдруг полившихся из глаз разом — одной за другой.

— Прошу вас, оставьте меня, — тихо проговорил Андрей, по-прежнему не поворачиваясь к ней. Пальцы уже жгло теплом, идущим от глиняной печи, но он не отрывал их. Разве этот огонь мог сравниться с тем, которым горело до сих пор то место между

лопатов, куда более месяца назад Анна метко попала брошенным кольцом?

А потом Мария снова развернула очередное послание, но он не услышал ее голоса. В горницу, освещенную скудным светом, идущим через маленькие оконца, ступила незримая Анна и заговорила, зашептала слова, написанные в письме, больно ударяя каждым в самое сердце.

«... ныне я понимаю, что спала. Спала беспробудным сном, скучным сном. Но вот в моей жизни появились вы, и я проснулась. Заиграл красками весь мир вокруг, словно некий творец взял кисть и принялся за новые яркие оттенки, даже птахи садовые стали петь по-иному — их трели стали дивной усладой для ушей. Я не любила до вас. И только ныне мое сердце бьется. Бьется ради вас, только ради вас...»

Андрей так резко развернулся к ней от печи, что Мария вздрогнула, прервала чтение письма. Она вдруг испугалась выражения его лица, аккуратно положила письмо поверх остальных и медленно встала, словно перед диким зверем была, боясь его потревожить.

— Андрей Павлович..., - но не договорила — он поднял руку, призывая ее молчать, и она подчинилась этому немому приказу.

— Я прошу вас, Мария Алексеевна, оставьте меня одного.

— Оставлю, коли дадите слово, что переговорите со мной после, — сказала она, едва переводя дыхание от страха перед его гневом.

— Неужто вы еще что имеете мне сказать? — едко проговорил Андрей. — Неужто еще что припрятано вами? Выйдите же! Слышите? Оставьте меня одного!

И она поспешила выйти в прохладные сени, но не ушла из избы, а осталась в темноте наблюдать за тем, что происходит в горнице через щель незакрытой до конца двери. Видела, как Андрей недолго постоял у печи, глядя на письма на столе таким взглядом, словно хотел испепелить те. Потом резко подошел и поднял то самое, что она читала последним.

Мария даже испугалась на миг — так вдруг смягчились черты лица Андрея, когда он узнал почерк и манеру письма. А потом он перевел взгляд на дату, стоящую под написанным, и снова помрачнел, бросил письмо на стол. Закрыв глаза и так стоял, пока не стукнула дверь избы, ведущая в сени. Мария едва успела укрыться за развешанными на крючках травами, как мимо нее прошли двое — Прошка, денщик Андрея, и... Григорий, верный лакей графини.

Ах, зажала себе рот ладонью Мария, недаром она чувствовала, что времени совсем не осталось! Увезут ее от Андрея, увезут! Она быстро прокралась к двери и снова приоткрыла ее, чтобы видеть и слышать, что происходит в горнице.

— ... день и ночь, чтобы уведомить вас... передать... раба Божья..., - бубнил тихо усталый с дороги Григорий, и Мария не поняла сперва, о чем он говорит Андрею. А потом вдруг едва не села прямо на холодный пол, внезапно поняв, что случилось там, в далекой от этих мест Москве, когда трое мужчин повернулись к образам в углу горницы, перекрестились. «Упокой Господе рабу Твою Марию», перекрестилась сама, отступая спешно в свое укрытие, когда Прохор с Григорием выходили из избы.

А после хотела зайти в горницу, чтобы разделить с Андреем то горе, что свалилось на него неожиданно. Единственный родной по крови человек, кроме сестры, который принимал и понимал его, который любил его без оговорок и условностей, ушел ныне навсегда из его жизни. И именно ныне он узнал о том, когда Мария без раздумий так жестоко разрушила его мнение о другом. Том, кого он впервые за долгие годы пустил в душу.

Но не зашла, замерла на пороге, так до конца и не отворив дверь. Потому что Андрей

вдруг взревел глухо и, схватившись за край скатерти, дернул ту со стола, сбрасывая на пол и посуду с неоконченным обедом, и приборы, и письма, с тихим шелестом упавшие на сотканые хозяйкой избы нитяные половики. А потом закрыл лицо руками и долго стоял посреди избы, не шевелясь, словно уснул стоя. Не убрал ладони от лица, ни когда услышал тихий шелест платья в горнице, ни когда ее пальцы легли на его плечо.

— О Боже мой, какая потеря! Позвольте мне выразить вам мое сожаление и сочувствие вашей утрате, — прошептала Мария. Он даже не шевельнулся при эти словах. Но и руку ее не стряхнул, и она осмелела — прижалась на миг лбом к его широкой спине, с трудом сдерживая желание обхватить его руками в крепкое объятие, прижаться к нему щекой, наслаждаясь его столь близким присутствием.

Я утолю твою боль, говорила она ему мысленно. Я исцелю твою душу, как исцелила недавно тело. Только позволь мне быть рядом...

— Ваше высокоблагородие, — раздалось вдруг в тишине. Это Прохор вернулся в горницу и стоял у двери в сени, не зная, как поступить ему ныне, удивляясь тому беспорядку, что наблюдал, и той сцены, свидетелем которой стал.

Андрей только тогда убрал ладони от лица, такого спокойного, будто ничего и не стряслось за последние полчаса.

— Приберись тут. И будь готов выезжать со временем в полк. На сборы тебе час.

— В ночь что ль поедем? — спросил Прохор и едва не сжался от взгляда Оленина, брошенного вскользь. Торопливо стал выполнять приказ.

— Куда вы едете? — Мария с тревогой наблюдала, как Андрей прошелся от маленьких окошек к печи и обратно. — Вы же не совсем выправились от болезни.

— Бог даст — не помру! — резко ответил тот. — А если помру — знать, судьба такая. Григорий вас отвезет, куда пожелаете.

— Мне иной дороги, кроме как с вами, Андрей Павлович, неужто не понимаете того? Супруг не примет меня — бояться ему ныне некого. Куда мне деваться? Мне нет пути назад...

— Я дам вам денег, вы сможете снять квартиру в Петербурге или ином месте по желанию, если не желаете просить супруга о возвращении. А после непременно позабочусь о вас, обещаю. В армии вам не место. Да и кто позволит вам, Мария Алексеевна, при армии быть? Вестимо ли?

— Тогда я поеду за армией! Ехать по тем же местам мне никто не может запретить! — резко ответила Мария. Она никак не могла отпустить его. Не могла! Пусть и боялась того холода и той отстраненности, что слышала в его голосе. Он никогда ранее не говорил с ней так...

Андрей взглянул на нее впервые за это время, и Мария замерла на миг, поразившись пустоте, что видела в его глазах. Ни боли, ни тепла, ни сочувствия... ничего... Она добила, чего хотела — выжгла дотла его душу, уничтожая те ростки, которые считала сорняками. Но почему-то впервые испугалась того, что натворила.

— Воля ваша, Мария Алексеевна. Желаете ехать за армией — езжайте, — в его тоне ясно слышалось, насколько ему безразлично происходящее ныне. — Хотите сунуть голову в петлю — воля ваша. Но я бы действительно просил вас уехать... действительно! avec votre permission! [\[516\]](#)

Андрей тогда вышел вон из горницы, оставляя ее одну, несколько растерянную и перепуганную тем, что произошло за этот день. Она бросилась к оконцу и сквозь морозные

узоры наблюдала за ним, стоящим во дворе избу у плетня. Разве могла она уехать от него в те дни? Когда в душе еще была надежда, что на том пепелище, в которое она тогда превратила его душу, можно было вырастить нечто новое и не менее чудесное, чем было? Разве могла она оставить его? И она осталась...

— А ну, стоять! Стоять, кому говорю, хрэнцузина! — Мария вздрогнула от этого резкого оклика. Солдат в мундире пехотинца остановил лошадей, запряженных в ее коляску. Другой уже шел, чтобы взглянуть на пассажиров.

— До Парижу, мадамы? — проговорил он, улыбаясь ртом с неровными рядами редких пожелтевших зубов. Мария вмиг презрительно подняла голову повыше, качнув перьями на шляпке. Неужто дурень этот не видит по ее наряду, что она далеко не простая француженка, приехавшая в столицу из окрестностей полюбоваться на офицеров союзной армии? Она молча подала знак своей компаньонке, той самой вдове из-под Красного, и та поспешила достать из сумочки бумаги, протянула их солдату. Тот замер подозрительно, узнав русскую грамоту, которой были написаны бумаги, но все же стер улыбку с лица, чуть поклонился пассажиркам, прежде чем отойти к своему офицеру.

Бумаги к ним вернулись не с солдатом. Их уже поднес офицер, молоденький поручик, отдал с легким поклоном.

— Мадам Арндт. Спешите разделить вместе с кузеном радость от взятия Парижа?

— Как? Уже? Я даже не слыхала о том! — воскликнула Мария обрадовано. — Последнее, что слышала — о битве при Фер-Шампенуазе... [\[517\]](#) потому и рискнула ехать. Чтобы первой узнать все вести о кузене. Не слыхали часом?

— Не доводилось, увы. Вы можете ехать, — а потом коротко объяснил Марии, как проехать к расположению гвардейских войск русской армии. — Вы сильно рисковали... сражение за Париж только давеча окончено было. Зато завтрашнего дня разделите с нами радость от торжественного въезда в Париж. С вашего позволения, мадам.

Коляска тронулась в дальнейший путь. Все чаще и чаще стали попадаться солдатские биваки, в которых вместе с заходом солнца все ярче разгорались огоньки костров. Отовсюду летела речь, громкий смех, звуки музыки и песен, треск ломаемых на дрова ставень и дверей домов соседнего селения, оставленного жителями с приходом армий. Сновали туда-сюда маркитантки в перепачканных передниках и с большими корзинами в руках, торгуя вином и прочими напитками, что расходились тут же между солдатами и нижними чинами.

Проезжали верхом адъютанты и посыльные, торопясь по своим делам, проходили мимо офицеры, пробираясь через толчею. Они искали своих знакомцев по полкам, имея наконец возможность разузнать об их судьбе. Знакомые и незнакомые останавливали друг друга, расцеловывались как в Светлое Воскресенье Христово, поздравляя с миром, которого так ждали. Многие из них шли сюда, под Париж, от самой Москвы, сожженной и разрушенной, многие знали горечь отступления и потери товарищей.

— Мадам! Мадам Арндт! — окликнул кто-то из того мельтешения лиц Марию. Спустя несколько мгновений на подножку коляски вскочил офицер в мундире лейб-гвардии Конного полка, знакомец Андрея, ротмистр Бурмин. — Вы здесь? Мои поздравления, мадам, с долгожданным миром, что непременно вскорости будет! Разгромили мы-таки Наполеона, мадам!

Он пожал ее ладонь, хотя она ясно видела по его глазам, что он предпочел бы коснуться губами нежной кожи. Она ему нравилась, и эта симпатия льстила ей, ласкала ее самолюбие. Как и другие, которые Мария сумела завоевать за это время. Она изменилась, она видела это

сама в отражении зеркала. Больше не было той скромной девочки, что пыталась быть незаметной и тихой. Теперь она стала иной — привлекательной, яркой, обворожительной.

Бурмин лично сопровождал Марию до расположения Кавалергардского полка, до самой палатки Оленина, где с сожалением был вынужден ее оставить, следуя ее просьбе. Зато Прошка, чистивший сапоги у входа в палатку, был явно не так рад увидеть Марию, как были рады ее приветствовать знакомые офицеры, пока ее коляска пробиралась по лагерям.

— Его высокоблагородия нету, — коротко проговорил он, а потом пригласил ее войти внутрь, чтобы скрыться от посторонних глаз. — Он вас не ждет, мадам, ныне. Он же не писал. Что ж вы?! Сами-то... да еще в биваки! Его высокоблагородие недоволен будет.

Мария с трудом сдержалась, чтобы не крикнуть на денщика. Какое его дело, в конце-то концов! Что он позволяет себе?! Но промолчала все же о том, только попросила подать им поесть и приготовить место, где может отдохнуть ее компаньонка. Они ехали с самого утра и притомились. Прохор, вздохнув, поспешил ей послужить — накрыл холодный ужин на узком раскладном столе, сложив все бумаги в стопку на правый угол от салфетки, разложил перины, отгородив импровизированную спальню для женщин от остального помещения широким куском полотна. А потом вышел вон, мол, ему почистить сапоги и одежду полковника надо к завтрашнему параду. Но Мария знала, что он тотчас же пошлет кого из солдат на поиски Андрея.

Что ж, то только к лучшему! Поскорее увидятся после более чем двухмесячной разлуки, на протяжении которой она едва не сошла с ума от тоски по нему. И от странных мыслей, что одолевали ее в последнее время, и которые она безуспешно гнала прочь.

Вдова улеглась спать, наскоро перекусив стоя (присесть в палатке можно было только на курульское кресло, и его заняла Мария), а вот Мария осталась ждать прихода Андрея. Полотно палатки плохо скрывало звуки лагеря, но тех самых шагов у полога, которых она так долго ждала, все не было. Отчего он так долго не идет? Пусть даже будет недоволен ее приездом сюда, в армию, пусть даже будет зол! «Как можно *мнесохранить* то, что *вы* сами же разрушаете?», горячился он когда-то. Но что ей до толков и косых взглядов, когда он рядом?

А потом заметила письмо, лежащее среди остальных бумаг на столе. Почерк нового управителя, который взял дела после того, как господин Арндт оставил службу. Того самого, кто ранее служил у Шепелевых. Очередное напоминание о том прошлом, из пут которого Мария безуспешно пыталась вырвать Андрея. Ведь каждое такое письмо содержало вести о той, кого она так ненавидела. И она была уверена, что ответное послание Андрея содержало хотя бы несколько строк об Анне. Ах, если б те можно было прочесть, как она порой делала то с письмами управителя. А потом попыталась утешить себя мыслью, что о мадам Надин он так же печется, чувствуя некую ответственность за ее судьбу. Быть может, это то же самое? Это должно быть то же самое!

Она уже почти ухватила кончиками пальцев за краешек листа, чтобы достать письмо немца из стопки бумаг, как полог палатки внезапно был отведен в сторону мужской рукой. Андрей успел заметить, как она, краснея от собственной неосторожности, отдернула руку, и усмехнулся.

— Мари, — кивнул он ей, и она поспешно поднялась с кресла, едва отыскав одну из туфелек, что сбросила со ступни недавно, качая ногой от скуки. Она, затаив дыхание, наблюдала, как он подходит к ней, стягивая с рук уже запачканные перчатки, а потом берет ее ладони в свои большие и крепкие, подносит к губам.

Короткий и скорее вежливый поцелуй. И она была уверена, что его кровь не струится от

этого прикосновения по жилам так же быстро, как и ее. Ведь в голубых глазах, что взглянули на нее, была все та же пустота, что и в деревеньке в смоленских землях империи близ Красного. Ничего не выросло на том пепелище, что устроила Мария когда-то, ни единого ростка...

— ...проделали чертовски длинный путь, господа, но эти версты преодолены, — взобравшись на перевернутую бочку, говорил уже порядком захмелевший штаб-ротмистр в мундире гвардейской кавалерии. — Виват, господа! Виват виктории, что мы одержали под Парижем! Вот она — дань нашей сожженной первопрестольной!

Он покачнулся и едва не упал со своей импровизированной ораторской тумбы, не удержав его вовремя товарищи под дружный смех и шутки над его неуклюжестью.

— Виват! — прогремел ответный хор голосов офицеров, что были в палатке в тот час, отмечая перемирие, заключенное уже прошлым днем, судя по тускло сияющим на темном небосводе звездам. Поднялись вверх кубки, а то и простые глиняные кружки, но с дорогим французским вином, что отыскалось в окрестностях для победителей. Поднял свой бокал и Андрей, присоединяясь к этой короткой, но такой эмоциональной речи.

— Улыбнулись бы, Андрей Павлович, а то от вашего лица так тоскливо становится на душе, — усмехнулся стоявший рядом с ним офицер-конногвардеец (Т. е. офицер лейб-гвардии Конного полка). — Будто и не мир получили вовсе.

— Вы бы лучше, чем лицом моим любоваться, придержали бы своего штаб-ротмистра, Александр Иванович, а то поутру выступать парадом, — отозвался Андрей, отпивая вина из бокала. — Какой уж тут ему будет парад! Ему отдохнуть бы...

— Да заснешь в такую ночь! Андрей! Андрей, ты понимаешь, что сие знаменует? — Кузаков приобнял его за плечи, сжал с силой пальцы, дернув при том эполет. — Наполеону скоро конец! Понимаешь? Войне — конец! Домой! Вскорости — домой!

— Я понимаю, — они сдвинули бокалы, тихонько звякнув толстым стеклом. — Пустишь к себе на ночь?

— О чем разговор? Коли тебе по душе моя компания, то добро пожаловать к моему скромному очагу! — ответил ему Кузаков, ротмистр гвардейского Конного полка. Они были знакомы еще со времен похода австрийского похода, ходили в одни атаки при Аустерлице и Фридлянде. Потом в России, правда, их пути несколько разошлись — Андрей вышел в долгосрочный отпуск, а Александр остался в Петербурге, лишь изредка обменивались письмами. И в начале войны снова не довелось увидеться — Кузаков был серьезно ранен под Смоленском и отбыл в свое имение под Ростовом Великим залечивать раны. Потом им довелось встретиться только в Саксонии, куда тот прибыл в свой полк после поправки. И снова пошли бок о бок через сражения к той виктории, что уже так ясно виднелась на горизонте и особенным светом засияла под стенами Парижа.

— Только вот мои условия не таковы, как твои, *mon ami*, мне приходится делить ночлег с офицерами полка, — Кузаков отпил вина, сосредоточенно глядя на собеседника. — Что, *mon ami*? Слышал я, твоя кузина почтила нас своим присутствием. Снова будешь жить у меня? *Noblesse oblige, n'est-ce pas?* (Дословно, как и желает передать Кузаков — благородство обязывает, не правда ли? (фр.)) Я всегда тебе говорил, даже еще тогда в Петербурге — требования твоей души заведут тебя не той дорогой.

— *Laissez, je vous prie* (Оставь, прошу тебя (фр.)). Над дураками грешно смеяться, а я везде в дураках, — усмехнулся Андрей.

— Именно! — чуть стукнул его в плечо кулаком Кузаков. — Не пойти в адъютанты, надо же! Ездил бы со штабом нынче. Порох нравится нюхать, верно?

Нет, дело было вовсе не в том, но Андрей не стал возражать своему собеседнику, только улыбнулся уголками губ. Уйти в адъютанты, пусть и в штаб армии? Нет уж. По-прежнему быть среди своих солдат, чувствовать бешеный бег крови в очередной атаке, когда еще неясно, насколько благосклонной будет к нему судьба в тот миг — это ли не лучше для офицера?

— Все равно в полку тебе не остаться, *mon ami*, — продолжил Кузаков. — Слышал я давеча от моего знакомца из адъютантов Витгенштейна, что на тебя представление готовят в генерал-майоры. А далее кто ведает, как оно повернется?

— *C'est ça, mon ami* (Ёменно, мой друг! (фр.))! Фортуна имеет переменчивый нрав, как и любая женщина. Никто не ведает, чего она пожелает для тебя следующим днем.

Ему ли не знать того, как никому другому, вдруг подумалось Андрею. Он думал, что все уже определено, что ничего не переменится для его судьбы, которую он выбрал себе. И в который раз судьба посмеялась над его планами и стремлениями. «*La fortune et l'humeur gouvernent le monde. При чем, une humeur de femme*» (Судьба и прихоть (каприз) управляют миром.... Прихоть (каприз) женщины (фр.)), вспомнились ему собственные слова. Все верно, все так и вышло...

Где-то в кружке офицеров у широкого стола (хотя по чести будет сказать, что это была просто дверь, снятая с петель в доме ближайшего селения и положенная на козлы) дрогнули струны семиструнки. А потом до уха Андрея донеслись первые звуки музыки, заставившие крепче стиснуть свой бокал. Он возненавидел этот романс тут же, как услышал в саксонских землях. Каждую его строку, каждое слово...

В первый раз, когда он выслушал его с начала до конца, он думал, сердце все-таки разорвется от той боли, что терзала тогда, мешала дышать. Только вино могло принести облегчение. И другие объятия. Но это был неверный путь. Путь в бездну, в которую Андрей все летел и летел еще с позапрошлой осени, надеясь поскорее удариться о дно и расшибиться насмерть. А дна все не было.

— Пойду проверю готовность солдат к завтрашнему дню, — он спешил уйти отсюда, от собравшихся здесь офицеров гвардии, чтобы не слышать тех слов, что вскоре будет петь мужской голос. И не рвать себе душу, которая и так за эти годы превратилась в лохмотья. Боль уже была не так остра, но все же была. Сидела где-то внутри, в глубине сердца и тихо ныла, когда память услужливо подкидывала очередной жестокий дар. Успел выйти вон до того, как вывели первую строку: «Несчастливым я родился...»

Небо было на удивление безоблачным, мигало с высоты бесконечным множеством звезд — малых и больших. Этому подмигиванию в ответ с земли раздавался то тут, то там трепет огней в биваках, словно зеркальное отражение небес. Лагерь уже притихли — кто-то спал, кто-то готовился к завтрашнему вхождению в Париж, начищая сапоги и оружие, выбивая из мундиров пыль и грязь долгих переходов и кровопролитных сражений. Андрей недолго проверял своих людей — те уже были готовы к входу в город, даже раздобыли где-то мел, которым зачистили пятна на светлых мундирах, придавая им видимость новых. Делать было более нечего — разве что возвращаться к гвардейским офицерам, которые, видно, решили не ложиться этой ночью вовсе или идти к палатке Кузакова, чтобы лечь в раскладную кровать и вертеться несколько часов на этом неудобном ложе.

Оттого Андрей двинулся снова по лагерю, совершенно без цели, пока не вышел за его пределы на высоту, с которой на ладони был виден город, лежащий в низине. Город, к которому русская армия шла от руин Москвы.

Андрей присел у одного деревьев прямо на холодную землю, прислонившись спиной к стволу. Тихо звякнули на груди ордена и медали — памятная медаль о сражениях 1812 года (Медаль «В память отечественной войны 1812 г.», награждение которой производилось с 1813 года) тихонько ударилась об орден святого Владимира, которого он получил за отвагу в боях на полях Саксонии. Жестокая насмешка судьбы — Анна и Владимир друг подле друга у него в рядах наград, в его руках. Словно некое напоминание. Хотя для чего оно? Будто он мог забыть!

Первое письмо от Анны догнало его в Вильне, когда они встали временно на квартиры в возвращенном из рук неприятеля городе, задержавшись в ожидании, пока прибудет император Александр и цесаревич Константин Павлович. При вести о том вернулось в дома окрестное дворянство, и Вильна тут же снова наполнилась огнями и праздничным шумом.

Андрей помнил, как забилося сердце в груди, едва он узнал знакомый почерк на бумаге. Пусть это даже будет дань правилам этикета, пусть будет обыкновенное письмо с соболезнованиями по случаю смерти Марьи Афанасьевны. Но она написала к нему! И он не стал даже злиться тогда на Марию за то, что все же ослушалась его наказов и прибыла в Вильну вслед за полком. Только распорядился Прохору помочь ей и ее компаньонке с квартирой, а сам быстро развернул послание из Милорадово.

Первый удар. Первое свидетельство, что она не желает иметь с ним ничего общего, несмотря на то положение, в котором оказалась поневоле. Анна твердо желала вернуть кольцо, окончательно разрывая те узы, что связывали их когда-то, завершая то, что начала в Милорадово. Значит, это был не истерический выпад тогда, как он все же надеялся, свойственный ей порой. И не порыв благородства освободить его от любых обязательств по отношению к ней, не дать сплетням коснуться и его имени из-за истории, что случилась меж ней и тем проклятым поляком.

«...Я не любила до вас. И только ныне мое сердце бьется. Бьется ради вас, только ради вас...», снова и снова повторялись в голове строки того письма, хотя он был бы рад забыть о них. Андрей вспомнил, как говорил Анне когда-то, что она лед, который он непременно растопит (разве не может растопить тем жаром, что горел в его груди?). Он только забыл, что лед превращается в воду при том, а кто мог удержать воду в своих ладонях долго? Она просачивается сквозь пальцы, как ни сжимай, все равно ускользает. Так и Анна ускользнула из его рук, как ни пытался он сжать ладони...

Андрей тогда сидел до самого рассвета в одиночестве пустой и темной комнаты на втором этаже одного из трактиров Вильны, слушая, как гуляют офицеры в зале под ним, наблюдая за ярким освещением города, празднующего который день избавление от неприятеля. Только под утро он зажег фитиль свечи и стал писать ответное письмо. Нет, он не стал ей писать о том, как болит его сердце, или что в очередной раз умерла частичка его души с ее письмом, как и тогда, в Милорадово, когда сильнее пули ударило в спину кольцо. Только предельно вежливое письмо в тон ее посланию.

Хотя так много хотелось сказать пусть даже через бумагу. Пусть кольцо будет у нее, у Анны! Пусть лежит в ее доме, так близко к ней! И быть может, когда-нибудь старое пророчество цыганки все же явит свою сущность... Хотя как можно сохранить то, чего нет...? Так пусть хотя бы сохранится та незримая глазу нить, что связывала их донныне — обязательства, заключенные летом в Милорадово между их семьями. И пусть все так и останется, думал Андрей в то время. Пока она связана с ним, хотя бы и не по своему желанию, у него еще есть возможность все переменить по возвращении из этого проклятого

похода за французским беглецом и славой освободителей Европы.

В день своего рождения, который был с пышностью отпразднован в Вильно, император Александр великодушно объявил о всеобщей амнистии для жителей литовских и малороссийских губерний, что служили Наполеону во время войны. Тем самым, он позволил вернуться в родные земли военным и гражданским лицам, бежавшим вместе с армией Бонапарта за Неман, на разочарование и огорчение Оленину. Оттого Андрей ничуть не был удивлен, когда прочитал из письма сестры, полученного через пару седмиц после перехода в земли Варшавского герцогства, что Анна спешно разорвала брачный договор между их семьями. Нельзя сказать, что он не ожидал этого, узнав о прощении бывших поданных, ставших врагами на полях сражений. Знать, верно, сильны ее чувства к тому, кто пришел с Наполеоном в Россию.

Но вот ожидать, что ее возможное соединение с Лозинским принесет такую острую боль, никак не мог. От этой боли не было спасения. Представлять, что Анна будет с другим... нет, не думать о том! Днем еще удавалось кое-как занимать голову совсем иным — переходы по рыхлому снегу для кавалерии давались нелегко, хлопоты по размещению на квартиры или разбитию биваков. Но ночами мысли наваливались, душили, давили на грудь тяжелым камнем. Он хотел бы забыть о ней, как когда-то сумел вытеснить из своей груди чувство к Надин. Но в этот раз все было иначе, совсем иначе. Мелькнет ли среди публики на балу светловолосая женская макушка, донесется ли его обоняния схожий запах духов, грянет ли мазурка, призывая офицеров закружить в танце прелестных паненок. И тут же снова кажется, что сжимается теснее ворот мундира, затрудняя дыхание, а потолок и стены давят, вынуждая выйти вон на свежий воздух прочь из залы.

«C'est châtiment de Dieu!» (Это кара Божья! (фр.)), написала тогда к Андрею мать, впервые за несколько лет напрямую обращаясь к нему. «Возмездие на вашу голову, Андрей Павлович, за то, что вы творили с судьбой единоутробного брата! Боль — за ту боль, что чинили вы своим бесстыдством. Вот вам кара за деяния ваши!..» Иного, впрочем, он не ожидал, разворачивая тогда послание от матери. Но не оно ударило так, что он совершил тогда непоправимый, перевернувший все с ног на голову окончательно, как он знал ныне, поступок. Когда самовольно шагнул в те сети, что ставила без устали Мари, следуя за полком Андрея от города к городу, от местечка к местечку, как и обещала когда-то.

Второе письмо от Анны нагнало Андрея у Варшавы. Как и иное неожиданное послание из прошлого, пришедшее вместе со свертком из Петербурга, который прежде он бы так ждал. Ему пришлось тогда перечитать письмо Анны несколько раз. Он совсем не понимал смысл написанного, да к тому же каждый раз сбивался на одной и той же строчке: «...до дня, когда я уеду из этого места, чтобы пойти под венец. Полагаю, сие случится до конца 1813 года». Он читал эти слова и не верил тому, что видели его глаза, не хотел верить.

«Прошу вас, заклинаю, пойдите навстречу в воле моего батюшки, не выказав положенного по сему случаю изумления его решением. В вашей же выгоде получить то, что он предлагает вам. Я же никаких претензий по сему не имею к вам и в будущие дни обещаюсь не иметь.... Памятуя о благородстве души вашей, прошу вас позволить отцу моему провести остаток жизни в месте, к которому принадлежит его сердце. Мне же дозволейте после его кончины, коея предсказывается в ближайшие месяцы господином Мантелем, разместиться во флигеле жилком, что в парке стоит в полуверсте от дома усадебного ровно до дня, когда я уеду из этого места, чтобы пойти под венец...»

Странное письмо, возбуждавшее в Андрее смутные предчувствия и неясную тревогу. А

потом пришло следом еще одно письмо из Милорадово, задержавшееся где-то на почтовых путях, и стало ясно, что имела в виду Анна под строками в завершении своего послания, умоляющими скрыть правду, пойти наперекор своей совести. Михаил Львович, отчего-то по-прежнему считая Андрея своим будущим gendre (Зять (фр.)), описывал положение, в котором оказалась его семья из-за военных действий и по необходимости выплаты обязательств покойного ныне сына. Именно из его письма и узнал Оленин обо все, что произошло в последние месяцы после его отъезда из Милорадово.

«Ныне мы с вами поменялись положениями, Андрей Павлович. Вот ведь как повернулось...», писал Михаил Львович, предлагая Андрею взять последнее, что останется после продажи подмосковных земель у Шепелевых — Милорадово и окрестные земли. Предполагалось, что происходит передача под залог, но оба понимали — и автор, и получатель письма, что выплата суммы, которую отдаст Андрей Шепелеву, никогда не осуществится. Это означало, что Андрей станет владельцем усадьбы и земель, в которые, наверное, никогда бы уже не вернулся по своей воле после венчания Анны.

Эта зала, где он наблюдал ту мазурку, когда Анна ангелом порхала над паркетом. Эти комнаты, где они встречались взглядами. Та самая спальня, где Анна была его, пусть даже только на короткий миг, а не на всю жизнь, как он предполагал. И тот парк... тот лес... тот сарай. Явные свидетельства того, что могло бы быть. Воспоминания, которые никогда не отпустят.

Андрей тогда долго сидел над листом бумаги и смотрел на него так, словно тот мог дать ему совет, как поступить. Совесть говорила, что он не имеет права обманывать Шепелева, ожидающего, что имение останется все же семье, пусть и будет отдано таким образом. Сердце шептало, что он не может написать отказ старику, читая между строк, как тому больно отдавать Милорадово, вспоминая отчаянье последних слов письма Анны.

Ему претила ложь и недосказанность, но все же перо вывело несколько строк на белоснежном полотне бумаги. Он согласен на условия Михаила Львовича. Он берет в заклад Милорадово и окрестные земли, но сумма залога будет больше, чем просит Шепелев, и пусть тот не возражает своему будущему gendre — Милорадово стоит этих денег. В качестве ответной услуги господин Шепелев мог бы посоветовать Андрею преданного человека, кто сумел принять дела у главного управителя графини, уходящего с этого поста.

Потом Андрей долго стоял у окна, распахнутого в непривычно теплую зимнюю ночь, вдыхая воздух так, словно ему никак не надышаться было. Хорошо, что господин Арндт не будет отговаривать его от этой сделки, как сделал бы любой разумный человек. Отдать более денег, чем стоило разоренное поместье, требующее немалых вложений на ремонт — сущее безумие. Еще большее безумие самому обеспечить хоть какое-то приданое той, кто так спешила стать, увы, не его супругой... пусть идет не без средств за этого поляка проклятого, неизвестно, где у того земли и есть ли они вообще. Он же видел ясно, ступая по польским землям, сколько среди них тех, кто не имея даже десятины за душой, мнит себя важным паном.

Андрей думал, что тогда отпустил прошлое. Именно в ту ночь у распахнутого окна, глядя на звезды в чернильной вышине неба. Но, как оказалось, нет, не сумел... не отпустил. Зимние поля с редким снегом сменялись залитыми лучами весеннего солнца просторами. Набухали и распускались почки, превращаясь в изумрудно-зеленую листву. Пробивались тонкие ростки трав на лугах, что проходил его полк переходом, или топтал при очередном бое с французом, поливая обильно кровью и вгрызаясь в них картечью.

Андрей бросался тогда в самые яростные атаки при сражениях на полях герцогства и далее — на землях Саксонии, смело шел под пули и россыпь картечи, не уклонялся от сабли. Словно смерти искал и не находил. Словно кто-то уводил его от опасностей и ранений. Именно тогда, летом 1813 года, он отказался от предложения перейти в штаб армии — завидная должность, уводящая его подальше от поля сражения.

Мария узнала об этом от новых знакомцев в гвардии, которых успела приобрести за несколько месяцев своего путешествия по землям Польши и Саксонии, и была очень расстроена. Она по-прежнему следовала за армией, то отставая от нее на время столкновений с французами, то снова догоняла, когда полк становился на временные квартиры в городах или близ них.

Мари задержалась только после Вильны на пару месяцев, выправляя бумаги, но в дальнейшем старалась держаться недалеко от пути армии. Кузина Андрея, представлялась она его сослуживцам и знакомым, следует на воды в Богемию, благо ныне это возможно. После, правда, она сказала о перемене пути назначения на одном из раутов, что давался в честь русской армии дворянином из местной знати. Мол, войдет вместе с ними в Париж, разве можно упустить такую возможность, говорила, флиртуя, с офицерами. Те тогда кричали «Виват!» и поднимали здравицы в честь «живого символа нашей виктории», а она только смотрела на Андрея поверх веера и улыбалась глазами, пытаясь пробудить в нем хотя бы толику ревности.

Рыжая лиса, не мог тогда не усмехнуться в ответ Андрей, салютуя ей издалека бокалом. Он уже не был удивлен той женщине, что видел перед собой ныне. Привлекательная лицом и фигурой, яркая и оживленная, она легко кружила головы офицеров на балах и ужинах, пытаясь показать, какой стала та девочка, бывшая вечно в тени в дом графини.

— Разве я недостойна любви? — шептала Мари как-то раз ему на балконе одного из панских усадебных домов, куда он вышел подышать из душной залы. — Взгляните на меня! Взгляните на меня не как на Машеньку, а как на Мари... посмотрите же на меня! Они все без ума от меня... так почему же вы... почему же вы нет?

— Я недостойн вашей любви, Мари, — ответил он ей тогда. — Потому что только тот, кто способен ответить на ваши чувства, достоин тех жертв, что вы приносите ныне, что вы уже принесли...

Именно Мария позаботилась о его походном быте, убедив его в необходимости многих покупок — ему бы и в голову не пришло приобрести, например, то же курульское кресло, которое он со временем так полюбил. Именно она приезжала спешно после сражений, надеясь позаботиться о его ранах, чего он ей не позволял каждый раз. Он видел, как она пытается войти в его жизнь и захватить ее полностью, отвоевывая кусочек за кусочком. Она любила его, Андрей видел это в ее глазах. И от той любви, что светилась, в них становилось и горько, и тоскливо одновременно. Почему все не так, как желаешь ты сам? Почему все в жизни обязательно наперекор твоим чаяниям? Почему не отпугивает прочь ни холод, ни отстранение?

Он полагал, что устоит против этой приманки, против эти чар и хитро расставленных силков, которые он видел загодя. Он был твердо уверен в том. Но летом 1813 года Андрей впервые за долгое время вдруг сорвался в этот омут карих глаз, позволив себе сознательно то, чего не менее сознательно избегал все эти месяцы.

Два дня назад был день ее рождения, вспоминал Андрей отчего-то, глядя из своего привычного места чуть поодаль от всех на привлекательную саксонку, что флиртвала с

ротмистром его эскадрона. Саксонка была светловолосой, черты ее лица были схожи с теми, что Андрей помнил до сих пор, спустя год. Она обмахивалась веером из пышных перьев дымчато-розового цвета под цвет платья и эспри (Украшение из пышных перьев для прически или шляпы) в ее волосах. То и дело смеялась, чуть запрокидывая голову назад, показывая белоснежные зубы без притворной застенчивости и без жеманности. Как и Анна... Она так напоминала ему Анну, видит Бог, что он сидел бы здесь, в этом углу залы, целую вечность, любуясь ею, той, которую видел не глазами, а сердцем.

Только этим утром Андрей получил третье послание из России. И как полагал он, оно станет последним. Потому что так хотела она, отсекая последнюю для него возможность лелеять надежду, что меж ними по-прежнему есть некая призрачная связующая нить. Письмо было датировано весной этого года, оно долго искало своего адресата по землям Саксонии.

«Батюшка скончался под утро дня 14 апреля сего года», писала ему Анна, и его сердце сжалось от тревоги и боли за нее, оставшейся совсем одной где-то там, в смоленских землях. «Ныне вы понимаете, что более вам нет нужды писать к нам, господин полковник. К тому же, это было бы сверх всяких приличий. Я безмерно благодарна за все, что вы сделали для нашего семейства, но прошу вас прекратить вашу корреспонденцию. И прошу вас вернуть мне при случае мои письма. Вы сами понимаете, в сложившихся обстоятельствах вы не можете держать их при себе, коли вы человек чести. Прощайте, господин полковник».

Надо отпустить. Только выпустить из души, как сумел отпустить из рук когда-то, расставаясь в тенистом парке. Было больно тогда, словно от себя что-то важное отрываешь, но он все же сумел тогда уйти. Но письма, ее письма, наполненные пустяковыми происшествиями и легким флером той прежней жизни... отдать их, выпустить из рук означало признать, что все кончено. А потом поймал себя на мысли — разве не было еще кончено еще тогда, прошлым летом, когда она так ясно дала понять, что не желает быть связанной с ним? Просто он до сих пор надеялся на что-то. Например, на то, что пока жив старик Шепелев никакой свадьбы с Лозинским и быть не может, пока русская армия не вернется из заграничного похода. И вот Шепелев мертв... и все кончено.

И он смотрел сейчас, как открыто флиртует саксонка с офицерами, как смеется, как трогает веером рукава мундиров своих собеседников, и намеренно воскрешал в памяти ту Анну, которая была знакома ему по первым дням знакомства, пытаясь распалить в себе огонь злости, что когда-то горел в его груди. К пустой и горделивой кокетке, какой она ему тогда показалась. Но ничего не выходило. Ненависти не было, была лишь боль. Потому что Анна была иная, не такая... совсем не такая.

Андрей тогда ушел гулять по городу с офицерами и кутил почти всю ночь, пытаясь погасить свою горечь сладостью вина. Он отчего-то не хмелел, так и сидел, выпивая одну кружку за другой, наблюдая, как веселятся вокруг. А потом вдруг кто-то взял семиструнку в руки, и его сердце остановилось, пропуская очередной удар.

Несчастливым я родился, и в чем здесь вина?

В одну я влюбился, а та неверна.

В одну я влюбился, и та неверна.

Вечор обманула, ко мне не пришла.

Как зорька прекрасна она на лицо.

Надела на палец она мне кольцо.

Надевши, сказала: «Златое оно.
Златое, литое — на память дано!
Носи ты колечко, носи, не теряй.
Пока кольцо носишь, своей называй».
Кольцо утерялось, а дева моя
С другим убежала в чужие края.

Тишина, что стояла в зале трактира, пока пел мужской голос, с последними словами песни вдруг взорвалась снова громким хохотом и голосами, тихо тренькнули струны в последний раз. Но Андрей уже этого не слышал.

Как-то в начале мая этого года в сражении под Бауценом (сражение 8–9 мая (ст. стиль) 1813 года между армией Наполеона и объединённой русско-прусской армией под командованием российского генерала Витгенштейна (на землях Рейнского союза, Саксонии)) возле него упала граната. Он смотрел тогда на снаряд, с облегчением отчего-то подумав, что вот все и кончено для него — слишком уж близко она тогда была к нему. Но ничего не произошло, отчего-то ровным счетом ничего. Граната не взорвалась, не рассыпала смертоносные осколки, неся с собой смерть или страшные рваные раны. Тишина длилась несколько мгновений, а потом шум боя и крики снова ворвались в сознание, как и чья-то занесенная над его плечом рука с саблей. Включились сперва животные инстинкты — делать все, чтобы сохранить себе жизнь, а потом уже и сознание вернулось, жизнь вокруг потекла обычным чередом.

И вот ныне Андрею вдруг отчего-то казалось, что он снова перед этой гранатой, которая шипела в траве змеей. До сих пор он старался не думать, почему в письме Лозинского тот пишет про ночь, запах кожи и родимое пятнышко, едва видимое глазу. Видно о том самом, на спине, которое когда-то целовал сам Андрей, проводя губами от шеи низ вдоль линии позвонков, в тот день, когда получил то самое злополучное кольцо. Или под сгибом колена, где Анна боялась прикосновений и, смеясь, оттолкнула тогда его руку...

Он словно оглох сейчас — не слышал ни голосов, ни прочего шума трактира. Медленно поднялся на ноги, шатаясь. В висках бешено стучала кровь, темнело с каждым ударом пульса в глазах. Мгновение, и вот он у себя в комнате, сидит на постели и отчего-то не шевелится. Просто сидит, словно примерз к кровати. Кто-то снимает с него сапоги. С трудом. Дергая с силой его ноги. Ему хочется сказать, чтобы Прошка так не дергал, потому что с каждым таким движением у Андрея в желудке опасно подпрыгивает все выпитое за этот бесконечно длинный вечер.

А потом этот кто-то поднял голову, и Андрей заметил в свете луны, что лился через распахнутое окно комнаты карие глаза и пухлые губы Мари.

— Что ты здесь делаешь? Как ты сюда попала? — глухо прошептал он, а она тихонько рассмеялась в ответ, отбрасывая сапог в сторону.

— Не скажу, — прошептала она игриво, вдруг поднимаясь на ноги и склоняясь над ним. Легко куснула за ухо, пробежала рукой по груди под полой расстегнутого мундира. Он ее отстранил тут же, заглянул в глаза, держа на расстоянии вытянутых рук.

— ... так не должно..., - он отчетливо помнил, что сказал это тогда. А Мари только рассмеялась в ответ, снова тихонько и чуть горько, стала целовать его шею, заставляя тело не подчиняться разуму, жить своей жизнью. — Ты должна уйти...

— Хорошо, — согласилась она, и Андрей закрыл глаза, как ему показалось, только на миг, отдаваясь этим рукам и губам, желая стереть из памяти иные прикосновения и поцелуи.

А когда снова открыл, над ним уже был темный потолок с полосками лунного света. Эти полоски двигались, или ему только мнилось это сейчас? А потом Андрей вдруг понял, что это не лунный свет над ним, а колыхание легкой ткани балдахина над кроватью. Как он попал в кровать с балдахином, нахмурился он. У него над кроватью темный полог... в Святогорском темный полог над кроватью. А почему он должен быть в Святогорском? Мысли путались, во рту пересохло, он совсем растерялся, глядя на эти светлые полосы, качающиеся над его головой. А потом вдруг вспомнил, где видел светлую ткань балдахина, и тут же в голову снова пришел вопрос, который мучил его на протяжении всех последних суток. Как пошли бы события, открой он тогда ту чертову дверь, в которую стучались поутру? Как бы все повернулось тогда? И он смотрел на эти лунные полосы на темном потолке до тех пор, пока Морфей окончательно не заключил его в свои объятия, пока сон не сморил его в ту ночь, даря временное успокоение израненной душе.

— Андрей Павлович, ваше высокоблагородие, — тронули Андрея за плечо неожиданно, и он даже вздрогнул, настолько неожиданным было это прикосновение. За то время, что он мысленно возвращался в прошлое, небо над Парижем посветлело, погасли огоньки на улицах города и в окнах домов. На землю спустилось утро, в которое союзной армии предстояло ступить парадом в город, лежащий в низине, пройти ровными рядами по улочкам.

— Ваше высокоблагородие, — снова позвал его Прошка, и Андрей повернул голову к тому. — Пора бы уже собираться до параду-то, успеть бы награды прикрепить... да и вам... Я там воды согрел. Мадам Мари вас ищет. Прознала, что вы в палатке у господина ротмистра не ночевали. Приказала вас искать тотчас же, проведать, где вы!

Андрей уже поднимался с холодной земли, отряхивая налипшие тонкие веточки и травинки, усмехаясь недовольству в голосе Прохора, которое тот так и не сумел скрыть. Он уже заранее представлял, с каким ядом в голосе встретит его «кузина». Нет, упреками его осыпать Мари не станет. Только будет метать на него гневные взгляды, не скрывая своей ярости и своей ревности.

Так и вышло. Едва переступил порог палатки, как она вышла к нему — бледная, непричесанная, в рединготе, надетом прямо поверх сорочки.

— Bonjour, Marie, — кивнул Андрей, и она задержалась на миг, откидывая полотно, отделяющее спальное место женщин от остального пространства палатки. Но все же вышла, встала возле него, сложив руки на груди то ли пытаясь согреться на утренней прохладе, то ли показывая свое недовольство. Стала смотреть на него через зеркало, которое Прохор установил на столике, прислонив то к стопке книг, а сам уже наносил мыльную воду на щеки Андрея, готовясь убрать трехдневную щетину с его лица.

— Вы были у Александра Ивановича, Андрей? — тихо спросила она, прекрасно зная, что его не было этой ночью в палатке у Кузакова.

— Не могли бы мы обсудить это после, ma cousine, после того как я закончу с туалетом? — спросил в ответ Андрей, отводя от лица руку Прохора с лезвием. — Вы, должно быть, забыли, но это довольно интимный процесс. Или мне стоит выйти из палатки, дабы не смущать вас этим действием?

И снова этот взгляд в зеркало — обвиняющий и отчаянный. И снова он начинал ненавидеть себя за все, что произошло в последний год, за то, чему позволил когда-то случиться прошлым летом. Осознавая, насколько виноват перед ней за ту единственную

ночь, которая дала ей надежду, привязала ее к нему еще крепче, чем было. А его — к Мари, потому что разве мог он оставить ее среди чужих земель, одну, без знакомств и связей. Тем паче, когда Европу сотрясали кровопролитные сражения.

— Вы снова получили вести из России? — Андрей давно ждал этого вопроса. Еще вчера вечером, когда заметил, что она в который раз читает письма, адресованные ему. Значит, снова ему предстояло выслушать речи, которые он уже успел узнать столь хорошо.

Ранее каждое слово причиняло ему острую боль, вызывало в нем горечь разочарования и потери, от которой долгое время не мог избавиться. Ранее эти слова вызывали в нем бурю эмоций, ранее он отвечал на них, пытаясь заставить ее замолчать, прекратить свои речи, и его ответы тянули за собой яростные ссоры на повышенных тонах голосов. Заканчивалось все тем, что Мария падала ему в ноги или хваталась за руки, пытаясь удержать, не дать оставить себя именно так — злым на нее, ненавидящим ее за каждое слово, что она позволила себе выкрикнуть в пылу ссоры. Мари плакала, а Андрей в первые их ссоры успокаивал ее, а после — равнодушно переживал, пока прекратится истерика или вовсе уходил прочь, понимая, что именно его присутствие рядом разжигает огонь этого безумства, с трудом сдерживая собственную ярость, готовую выплеснуться на нее.

Со временем эти чувства, что вспыхивали в груди Андрея при ее зло жалищих словах, притупились, как ушла и их новизна. Потому и ныне стоял спокойно, облачаясь в мундир для парада и парадные сапоги, ни одна мышца на лице дрогнула во время монолога Марии.

— Сущее безумие держать ее так близко к себе! К чему вы позволяете себе это? И ей! Отчего она по-прежнему в Милорадово, в вашем имении, позвольте заметить! Отчего не уедет к своей тетке, ведь такая возможность? Вы помогаете ей... а думаете, она оценит ваши усилия по достоинству? Думаете, это поспособствует тому, что она отринет от себя былое, забудет обо всем? Вы же сами понимаете, как глупо выглядите ныне! Неужто не понимаете?! Все будут говорить о вас в уезде, как о глупце, коли проведает обо всем. Будут потешаться над вами... шептаться за спиной, как потешались тогда — соси (рогоносец (фр.))! И она! Мало ей толков было! Все множит их и множит! Или она надеется, что по возвращении вы пойдете на спасение того, что когда-то было украдено у нее? А вы ведь пойдете на то! Вы говорили, что никогда не позволите себе взять супруги разведенную женщину... а падшую? Падшую взяли бы?! Взяли! Ее бы — взяли! Отчего вы молчите? Скажите хотя бы слово Только не молчите!

Но Андрей молчал, понимая, что любое сказанное в этот момент слово в ответ только распалит ее, заставит вконец потерять голову от злости. Потому и не говорил ничего, ждал, пока она переведет дух, когда вспышка ярости сменится очередным раскаянием. И оно вскоре пришло, когда он уже был практически готов к выходу, а Прохор помогал прицепить к поясу ножны со шпагой.

— Простите меня, — произнесла Мария уже тише и спокойно. Ревность к той неизвестной, что снова могла быть с Андреем в эту ночь, превратилась за время бессонной ночи в приступ ненависти к той, что осталась в России, что по-прежнему стояла незримой тенью за спиной Андрея. И ныне этот приступ постепенно стихал в ее душе. Она ведь знала ответ на свой вопрос, знала, что он никогда не простит Шепелевой это предательство, как не сумел простить Надин. А помогал он той... что ж, свою невестку он тоже поддерживал ныне. Иначе он не мог. И разве не за это Мари его так любила?

— Простите меня, — повторила она, и Андрей кивнул ей в ответ. — Усталость с дороги и бессонная ночь... так шумели в биваках..., - и только потом спохватилась. Зачем она

сказала это? Теперь у него в который раз появилась возможность напомнить ей, что он запрещал ей появляться в лагерях. Но Андрей промолчал на этот счет. Только заметил коротко:

— Вам следует поторопиться, коли желаете парад увидеть. Вскорости выступать будем уже из лагерей. Если желаете отдохнуть, то не торопитесь — здесь остается Прохор. Нынче на квартиры в городе становиться будем. Посему у него хлопот в лагере множество.

— Я поеду. Да разве ж могу не поехать? Я так желала увидеть Париж, — напомнила она ему, улыбаясь так широко, словно и не было той ужасной сцены недавно. — Вы же помните...

— Да, — согласился Андрей, кивая головой. Он помнил все доводы, которые Мари приводила, каждый раз возвращаясь обратно, когда он отправлял ее в Россию. — Помню, *ma cousine*...

Он снова напомнил ей о правилах, согласившись на которые она получила право снова быть рядом с ним пусть и на расстоянии. Выправив бумаги, назвавшись его кузиной, она сама себя загнала тогда в ловушку, из которой не знала доньше, как выбраться. А этой ночью вдруг вспомнила ту осень в Саксонии и нежданно для самой себя поняла, как следует поступить ей сейчас, когда война так близка к завершению, когда у нее так мало времени осталось.

Ребенок. Ей нужен ребенок. Как тогда, когда она едва не получила Андрея в свои руки так, как желала. Это самое верное средство.

— Я буду на параде всенепременно, — снова улыбнулась Мари. — Разве могу я пропустить ваш триумф? Это ли не счастье для меня — видеть вас здоровым и целым при параде победителей в столице Франции!

Андрей замер на миг, обернулся к ней, словно услышал что-то странное в ее словах, но ничего не сказал в ответ на это. Только усмехнулся криво, а после вышел из палатки, отогнув полог. Тускло блеснули первые лучи солнца на массивном золотом перстне на левой руке Андрея — на широком квадрате с двумя парами небольших камней нежно-зеленого и красно-фиолетового цвета.

Под первыми лучами по-весеннему теплого солнца русское воинство медленно двигалось едиными рядами, входя через ворота Сен-Мартен в город, завоевание которого еще несколько месяцев назад казалось невозможным. Ведь тот, кто стоял над Францией, а после и над обширными территориями завоеванных государств казался непобедимым, особенно при его неожиданной для союзников победе в Саксонии, заметно замедлившей продвижение союзных войск.

Но ныне, в это весеннее утро, русская армия, прошедшая путь от сожженной Москвы по разоренной Смоленской дороге, по польским, саксонским и французским землям, проливая кровь, терпя нужды и тягости тяжелых переходов, все же входила в Париж. В ритм барабанного боя стучали сердца под сукном мундиров — волнительно, все быстрее и быстрее разгоняя кровь по жилам.

По бульварам и улицам продвигались войска по направлению к самому сердцу Парижа, осторожно пробираясь через толпу, собравшуюся посмотреть на союзников, разгромивших Наполеона. Сверкали в лучах солнца позолота и серебро эполет и отделки мундиров, колыхались пышные султаны шляп и киверов. Слаженно чуть ли не в единый шаг двигались лошади, неся в седле героев сражений при Бородино, Тарутино, Малоярославце, Бауцене, Дрездене, Лейпциге, Кульме, Фер-Шампенуазе. Разноцветье мундиров, стать и разворот плеч всадников, слава их отваге в виде медалей и орденов на груди у большинства.

Сначала двигались под редкие крики из толпы, но чем дальше удалялись от ворот и чем глубже продвигались в город, чем громче и смелее становились крики, тем больше напирала толпа. «Vive imperator Alexander!», крикнул чей-то голос из толпы, когда вступили на широкий бульвар, словно давая сигнал остальным зашуметь, закричать приветствия ведущему свою армию победителей в Париж русскому императору. И тут же потянулись руки, стараясь хотя бы кончиками пальцев коснуться сбруи или сапога тех, кто шествовал по бульвару, замахали руками, привлекая внимание воинов. Взметнулись кое-где в воздух платки, зашевелились быстро, будто на ветру, движимые ручками прелестниц. Vive Alexander! Vive William! Vive Russe! Vive!

Андрею из толпы неожиданно прилетел небольшой букет маргариток. Он едва успел удержать его, прежде чем тот упал под копыта его коня. Поприветствовал быстрым движением руки девицу, что улыбнулась ему в ответ из окна второго этажа дома, мимо которого следовали маршем.

— Разве это не сущий восторг? — громко воскликнул едущий возле него ротмистр. — Подумать только! Мы в Париже, господа!

Чувства, которые невозможно было описать словами, разрывали грудь. Поверить в то, что подковы коня цокают по камням парижского бульвара, было действительно невероятно. После всего пережитого, после двух лет сражений и крови, грязи и невероятной усталости из-за длительных переходов они все же ступили сюда, все же идут ровным шагом, гордо выпрямив спину. Идут по площади мимо своего императора, глаза которого слезятся едва ли от легкого ветерка, что колышет султаны и развеивает дамские шали и белые простыни, которые вывесили парижане из окон домов в знак приветствия союзной армии.

И эти чувства только множились далее с каждым часом, кружили голову. Заставляли то и дело смеяться в голос, когда после парада стояли на площади, решая, что будут делать в

городе вечером и в последующие дни.

— Ну, кто как, а я в Пале-Рояль всенепременно следующим днем! — заявил Кузаков, нашедший Андрея после четырехчасового парада. — Пале-Рояль, господа! Средоточие всего, что нужно нашего брату нынче. Вы заметили, какие нимфы улыбаются нам, покамест мы двигались по бульварам?

— Сперва людей надо бы разместить на казармы, а после уже думать о нимфах, — спустил его с небес на землю Оленин, улыбаясь.

— Вечно вы, Андрей Павлович, со своим дегтем в мой мед! — шутливо укорил его Кузаков, а Бурмин заметил вслед за этой репликой:

— Простительна, господа, такая холодность, когда перед глазами так часто не нимфа, а богиня! Да разве ж сравнима красота наша русская с той, что тут по бульварам ходит?

— Сравнима или нет, но отдать должное француженкам все же стоит, — подмигнул Кузаков. — Тогда прощаемся до вечера, господа. А нынче ж ночью гуляем!

Странная была для Андрея пирушка в одном из трактиров Парижа в ту ночь. В этот зал они переместились из роскошного особняка одного из французских герцогов, что дал в тот вечер прием в честь правителей, возглавляющих союзные войска. Там было все чинно — тихие разговоры, плавные и мелодичные звуки скрипок и клавикордов, мерные движения полонеза, которым открыли танцы. За время, проведенное в походах и у костров биваков, офицеры успели отвыкнуть от подобного, потому с гораздо большим удовольствием расположились на узких скамьях здесь, в зале трактира, где то и дело раздавался громкий хохот, где можно было смело расстегнуть ворот мундира и курить трубку, пуская кольца дыма в потолок.

Андрей смотрел на улыбающиеся лица и не мог не вспоминать схожие пирушки в трактирах Петербурга, когда гуляли почти той же компанией, что собралась ныне здесь. Только все же были те, кто больше никогда не поднимут бокалы с вином в очередную здравицу, те, кто остался там, в России или землях, по которым проходили походами. И не мог не вспомнить грозного на вид великана Римского-Корсакова, не увидеть снова, как падает он, сраженный выстрелом на французских позициях. И надо же... коли уцелели те, кто был тогда там, кто уворачивался от клинка русского кавалергарда, должно быть прощены милостью императора, вернулись в свои земли, как ни в чем не бывало!

— Ты снова от нас удалился, *mon ami*, — присел рядом с ним на лавку Кузаков. — Куда на этот раз увели твои думы? Снова в Россию?

— На поле близ Бородино, — честно ответил Андрей, и все, кто был поблизости и услышал эти слова, мигом как-то притихли, а Александр вдруг сжал его локоть. — Не могу никак забыть, как ни пытаюсь, — и уже тише сказал только для Кузакова. — Вот ведь как вышло — поляки дважды мне личную обиду нанесли. Сперва там, у Бородино, убив Корсакова, а после...

— Что будешь делать по возвращении? — Кузаков по привычке сменил тему разговора, не давая Андрею думать о том, что было. Не стоила девица, предательство которой было столь велико (подумать только, ради неприятеля предала того, кому обещалась) даже минутного сожаления, по его мнению. Раз Бог отвел, знать, то должно!

— Не знаю, Александр Иванович, видит Бог, не знаю, — покачал головой Андрей. — Маман рукой Софи требует думать о женитьбе. Мол, полно холостым ходить. Лег бы где в землях заграничных, сгинула бы фамилия, разве ж должно?

— И то верно, жениться бы надобно. Помнишь, как говорили когда-то — шлафрок и

колпак на растрепанных кудрях, жена в капоте да чепце подле за кофеем и сдобой...

— ...и оружие в мезонине дети, — продолжил Андрей, и оба тихонько рассмеялись. То, что раньше казалось двадцатилетним корнетам сущим адом, ныне виделось идеальной картинкой, которую сам бы себе желал, словно в пику тем увиденным ранее на полях сражений.

— Кстати, о женитьбе. Бурмин настолько увлечен твоей кузиной, что спрашивал меня, не будешь ли ты, Андрей Павлович, против, коли он попросит Марию Алексеевну за себя. Да-да, как слышал, так и говорю, не смотри на меня так! Она ведь вдова?

— Нет, mon ami, Мария Алексеевна не вдовая, — ответил тихо Андрей, в душе ругая себя за то, как закрутилась ныне ситуация. Никогда не поднималась в разговорах тема положения Мари, и вот к чему это привело. И смешно, и грустно, ей-богу... Очередное напоминание, что необходимо что-то менять в той ситуации, в которой они оказались. Так более продолжаться не может. Надобно было что-то решать и до возвращения домой.

В ту ночь он захмелел, потому не стал возвращаться в квартиры, что удалось снять на Северном бульваре Прохору нынче днем («Весь второй этаж в нашем распоряжении, Андрей Павлович, восемь комнат, истинный дворец!»), а остался у Кузакова, как обычно в подобные ночи. Пришел только под утро привести себя в порядок перед встречей с генералом Ершовым, на которую тот собирал офицеров полка около полудня, чтобы донести до их сведения распоряжения императора касательно поведения войск в городе и окрестностях.

Мари уже была на ногах, хотя еще только-только рассвело. Сидела за накрытым к завтраку столом в столовой, куда он вышел, освежившись. От горячего ароматного напитка — настоящий кофе, а не цикорий! — шел удивительный аромат, булочки были настолько свежими и мягкими, что завтрак показался сущей амброзией. Тем паче, что Мари на удивление Андрея была любезна и мила. Она ни слова не сказала о том, что ждала его до самого утра и не ложилась, как обычно упрекала его в подобные утра, ничуть не стесняясь компаньонки, разделяющей с ними трапезу. Только говорила о том, как великолепен был парад давешний, как красив был император, как несколько разочаровал ее город.

— Одна надежда, что нынешняя прогулка развеет мое первоначальное неприятие. Вы ведь помните о ней, Андрей Павлович? — спросила, улыбаясь легко, хотя в душе ее пылал огонь ярости. — Вы обещались мне давеча на приеме.

Хотелось взять эту чашку с кофе и запустить в него, пачкая его светлый мундир темными пятнами. Ее служанка, полячка, что взяла Мари к себе в услужение еще в землях Варшавского герцогства, уже успела рассказать ей, что от одежд полковника по возвращении шел слабый аромат женских духов.

Нет, вряд ли бы не выветрился флер туалетной воды тех женщин, с которыми на прошлом приеме танцевал Андрей. Да и как можно было пропахнуть настолько за время вальсов, в которых он кружил этих некрасивых носатых *mesdemoiselles* и *mesdames*, что так и кружили вокруг русских офицеров. Ах, как же это по-прежнему больно — понимать, что другая целовала эти губы, гладила его широкие плечи и спину, получала то удовольствие, которое Мари до сих пор помнила каждой клеточкой своего тела!

— Разумеется, я помню, — кивнул он. — Будьте готовы после первого часа. И одна просьба к вам, Мари. Вы позволите?

Она была готова на все, что угодно ради него, конечно же, она позволила.

— Прошу вас, дайте понять Василию Андреевичу свое несвободное положение. Иначе может выйти конфуз, а разве надобен он вам, Мари? Он полагает, что вы не замужем.

Непозволительное заблуждение для него.

— Я тоже полагаю себя свободной от обязательств по отношению к господину Арндту, — не могла не заметить Мари. — Я вольна располагать собой по своему разумению.

— Вы понимаете, Мари, о чем я веду речь, — отрезал Андрей. — Вы вольны полагать с себе, что вашей душе угодно, но перед Господом вы по-прежнему принадлежите господину Арндту. Если вы позволите мне, я бы сам развеял заблуждение ротмистра.

— Мне это безразлично, — пожала плечами Мари. — Вы же понимаете...

А потом поспешила переменить тему разговора, видя, как Андрей сдвигает брови, как набегают тень недовольства на его лицо. Снова заговорила об отвлеченном — о предстоящем выходе в магазинчики и лавки, в кофейни, в сады Тюильри, в музей. Вела себя совсем как тогда, когда носила под сердцем его ребенка, и они точно так же завтракали вместе, беседуя, словно женаты уже не первый год. Когда не заканчивался каждый разговор ссорой, когда он более тепло и с заботой относился к ней. Когда он был к ней привязан узами более крепкими, чем чувство долга по отношению к той девочке, которую он по-прежнему видел в ней.

И первые дни в Париже все так и было. Словно оба затаились на время, внимательно наблюдая друг за другом и старательно сохраняя нейтралитет.

Как и обещал Андрей, они вместе посетили сады Тюильри, были в Лувре, где осматривали картины и статуи, те, что собственным рескриптом защитил Александр, великодушно сохраняя все богатства города французам, не допуская разграбления. О, как же она любила те моменты, когда она, опираясь на его локоть, шла по дорожкам великолепного рая ранней зелени в Тюильри или когда сидела в двуколке плечом плечу к нему! На него часто смотрели француженки, кто-то искоса, пряча взгляд за веером или за краешком эшарпа, кто-то прямо и смело, но, несмотря на то, что Андрей отвечал некоторым вежливым кивком, она радовалась тому, что именно с ней он идет под руку. Он ее!

Мари, как могла, хранила это хрупкое равновесие, что установилось меж ними в те дни. Но все же позволила себе короткую шпильку, уколующую его. Они были в Музее натуральной истории [\[518\]](#) в тот день, осматривали различных животных в знаменитом в Париже зверинце. У загонов со львом и львицей смотритель зверинца поспешил рассказать русским посетителям удивительную историю, случившуюся в этих стенах.

— ...львица, неизвестно от чего, совершенно ослепла и несколько лет никакими лекарствами не могли ей помочь. В сие время нечаянным каким-то случаем вбежала к ней в перегородку здешнего смотрителя собака и бросилась тотчас лизать ей глаза, да представят себе это господа офицеры! — говорил смотритель внимательным слушателям. — Думали мы, львица порвет животное, но нет! Сие произвело такое чудесное действие, что львица через несколько суток открыла глаза и получила прежнее зрение! С того времени благодарная львица не отпускает от себя ни на шаг собаку и прежде ничего не начинает есть, пока собака на глазах ее не насытится. Несколько уже раз покушались разлучить их, но ужаснейший ее рев принуждал оставить при ней собаку. Истина в каждом слове, господа офицеры. В каждом слове!

— Удивительно! — восхитился ротмистр Бурмин. — Такая признательность и преданность!

— Увы, — едко заметила Мари, старательно не глядя на Андрея. — Людям не свойственно то даже в меньшей мере. Особенно женской половине...

— Ужели вы так о собственной персоне отзываетесь нелестно, — усмехнулся Кузаков

тут же. Андрей же молчал, только напряглась рука, на которой лежали пальцы Мари.

— Оттого и отзываюсь, что ведаю сама о том. Кто бы сказал правду, как не тот, кто лучше всего ведаёт её? — и Кузаков с легким поклоном улыбается какой-то странной улыбкой её словам, а Бурмин тут же принимается спорить, утверждая, что очаровательным созданиям можно простить все.

— И даже предательство? Даже если эта очаровательная особа растопчет вашу душу, обманет и предаст вас, когда предпочтёт ласки другого? — подняла брови, якобы удивляясь его словам Мари. — И тогда — простить? А вы, Андрей Павлович, что думаете вы? Простить ли особе за её очарование и красоту измену и коварство? Довольно ли этих даров, чтобы забыть обо всем, что составляет сущное мужчины? Честь, имя, достоинство...

— Мы неоднократно обсуждали, *ma cousine*, с вами этот вопрос, если вы припоминаете, — ответил Андрей равнодушно. — И вы осведомлены о том, что я думаю по этому поводу. Когда от чаши откалывается кусок, его уже никак не прикрепить обратно. Нет такого средства, увы...

— Ну, как же, Андрей Павлович, — возразил ему Бурмин. — А как же чинят сие неприятности? Как-то же правят, бывает, я сам видел то.

— Бывает, — не стал спорить Андрей. — Но трещина, господа... трещину уже никак не скрыть. И даже если нанести слой краски поверх, пытаясь скрыть недоразумение, всякий раз глядя на этот предмет, ты будешь думать, что под тем все та же трещина... она не видна глазу, но она там. Никуда не делась, увы. И удовольствия от вида будет порчено. *Voilà tout* [519].

В Пале-Рояле, правда, Марии не так понравилось, как она предполагала. Да, сад был прекрасен, как и описывала ей мадам Элиза в разговоре о Париже — аллеи из раскидистых каштанов, великолепные красочные цветники. Да, лавки в рядах торговых поражали разнообразием товаров, расцветками тканей и удивительной красотой аксессуаров. И она вольна была пользоваться добротой Андрея, который вместе с ней заходил в лавки и сдержанно скучал, пока выбирала что-то, отбивая у нее своим видом — равнодушный и явно скучающий — охоту к покупкам. Бурмин, старающийся следовать за полковником и его кузиной на прогулках по Парижу, пытался унять ее недовольство, замечая это, но к чему были ей комплименты и угодливая болтовня конногвардейца?

— Быть может, вы завершите покупки вместе с мадам вашей компаньонкой? — предложил Андрей уже в третьей лавке. — Полагаю, что наша компания не подходит для сего действия.

Мари уже было открыла рот, чтобы сказать, что она пойдет с ними, что ее не интересует в таком случае великолепные образчики шляпного мастерства, предлагаемые в лавке, но промолчала, поблуднев под цвет белоснежных перьев на своей шляпке. Даже на миг дар речи потеряла, когда заметила человека, застывшего возле витрины и напряженно вглядывающегося в офицеров, что были с ней в лавке, в эполеты на их плечах.

Это был Лозинский. Она бы едва узнала его не в мундире, не спустись он тогда, в первый вечер в Милорадово, во фраке к ужину. Это был тот самый капитан польских уланов, здесь, в Париже, в Пале-Рояле, по ту сторону стекла окна, разделяющего ныне их.

Он довольно улыбнулся, когда заметил, что она его узнала. А потом развернулся и пошел прочь от лавки, оставляя Мари дрожать от волнения и страха, который неожиданно охватил ее. Она сама не понимала, чего боится, но не могла никак успокоиться, выровнять дыхание. Сказать ли Андрею, что только что видела поляка? Или промолчать? К чему ему

знать? К чему ему вообще встречаться с тем? Такая встреча вряд ли будет носить мирный характер...

— Мари? — и она только сейчас взглянула ему в глаза, сообразив, что Андрей уже давно обращается к ней, вглядываясь в ее лицо. Застыл удивленно за ее спиной Бурмин, замолчал Кузаков, что-то рассказывающий до того ротмистру кавалергардов, что был в их компании.

— Я задумалась, прошу прощения, — улыбнулась она, бросая мимолетный взгляд на витрину лавки. Нет, никого нет. Только прогуливающиеся дамы и офицеры союзной армии да мужчины в статском платье.

Что ей делать сейчас? Лозинский так явно проследил взглядом по каждому мужчине в светлом мундире, которые были в лавке вместе с ней, что она поняла, кого он может искать. Пять офицеров в белых мундирах, различающихся только отделкой, но только трое из них русоволосы. И двое из тех — ротмистры. Вряд ли он выделил из них именно Андрея, это просто невозможно. Так что же ей делать? Как скрыть то, что она так желала бы ныне утаить?

— Господа, я предлагаю вам вспомнить о тех, кто остался в России. О дамах, господа, которым будет по душе ваш подарок, привезенный из самого Парижа. Ваши сестры и матери. Неужто не пожелаете порадовать их? — ей надо было, чтобы они так и были все вместе, чтобы невозможно было выделить Оленина среди прочих офицеров.

Ей явно благоволило Небо снова. Разумеется, у каждого нашлась та, которой следовало бы привезти что-нибудь — сестра, мать, жена. И она прошлась с ними по лавкам, подбирая каждой подарок — шали, шляпки, украшения, эспри и прочие дамские мелочи. Даже в Андрее проснулся интерес к предлагаемым товарам, и он сам подбирал презенты для матери, сестры и маленькой племянницы. Правда, он все равно косился на нее как-то странно, всякий раз, когда она оглядывалась на окна лавок или вдруг стала брать под руку разных мужчин, когда переходили из лавки в лавку, а его оставила на это время вовсе одного.

И потом не мог не задуматься, когда Мари наотрез отказалась обедать в ресторации и умоляла их поехать на квартиру всем вместе, говоря, что в ресторации вряд ли смогут подать обед в соответствии с постом, который держали русские в те дни.

— Прохор Андрея Павловича просто волшебник. Он сумел нанять изумительную кухарку, — без умолку говорила она, ослепительно улыбаясь мужчинам. — Клодин творит поистине чудеса, а не блюда. Поедьте к нам, господа!

— И верно, поедемте, господа, — сказал ротмистр кавалергардов. — В Пале-Рояль мы можем вернуться и с сумерками...

Мари настолько была увлечена розыском среди лиц, окружающих их небольшую группу, Лозинского, что пропустила этот намек на ночную жизнь Парижа, не услышала его, даже головы в сторону Андрея не повернула. И снова показалось странным ему.

По пути встретили коляску, в которой ехали знакомцы из гвардейской пехоты. Позвали и их, и такой вот шумной компанией приехали на Северный бульвар. Отдав все необходимые распоряжения кухарке и Прохору, Мари ушла к себе, извинившись перед мужчинами, которых оставляла на время одних в гостинной. Но не платье менять, а успокоиться. Потому что ее буквально била дрожь от какого-то странного волнения и страха, которые до сих пор не отпустили ее с той самой минуты, как узнала поляка через стекло лавки.

Она надеялась, что у того будет довольно ума держаться подальше от Андрея.

Неизвестно, как отреагирует Оленин на появление того, кто причинил ему столько горестей, кто послужил причиной того, что Анна более не принадлежала ему. Снова и снова в голове мелькал вопрос — что делать? А потом вдруг разозлилась на Лозинского — и отчего тот в Париже и именно ныне? Отчего дошел до Франции, а не сгинул в полях сражений или на холоде русской зимы? И что ему понадобилось от них?

Спустя какое-то время к ней постучалась ее служанка, сообщила, что накрывают на стол. Пора было менять платье к обеду. Пришлось выходить из своего временного укрытия, где она могла не скрывать своих эмоций.

Когда Мари вошла в столовую, офицеры уже сидели за столом в ожидании первой перемены. Дружно поднялись на ноги, когда она ступила в комнату, в платье цвета глубокого сапфира, которое так выгодно оттеняло цвет ее волос, с черным плерезом, спускающимся на белое плечо, открытое вырезом платья.

— Богиня! Богиня! — Ротмистр Бурмин быстро шагнул ей навстречу, принял ее пальцы на свою ладонь и провел до ее места за столом по правую руку от Андрея. — Как же очаровательна ваша кухня, Андрей Павлович! Она бы и солнце затмила своей прелестью...

— Ах, право, Василий Андреевич, — Мари сделала вид, что смущена, усаживаясь на свое место. Тут же, как по команде, мужчины снова заняли свои места за столом, и приступили к обеду — уже вносили первую перемену.

За трапезой много говорили и шутили, обсуждали то, что уже видели в Париже, и то, что еще только предстояло увидеть. От такой привычной уже атмосферы Мария забылась, выкинула из головы неожиданно встреченного Лозинского, стала смеяться шуткам и участвовать в застольной беседе.

За третьей переменой офицеры гвардейской пехоты упомянули один из игорных домов, что был недалеко от Вандомской площади, и жену хозяина этого дома, которая слыла известной прелестницей в городе. Разумеется, о той говорилось вскользь, тонкими намеками, ведь за столом царила совсем другая богиня. Но Мария поняла эти намеки и не на шутку разозлилась на Кузакова, который вдруг стал настаивать на визите в этот дом, и если не поучаствовать в игре, то хотя бы понаблюдать за ней, вкусить невольно атмосферы азарта и страстей.

— Гоже ли страстей аромат вдыхать в пост? — изогнула она деланно брови, бросая на Кузакова холодный взгляд. Она-то планировала удержать любой ценой офицеров в стенах квартиры, не допустить, чтобы Лозинский ненароком повстречался с Андреем. Ночью она бы обдумала, как этого избежать в дальнейшем, и непременно придумала бы что-то. Но вот как убедить самого Андрея, что затея с выходом в этот вечер неудачна? Да разве он будет ее слушать? Все шло совсем не так, как она желала, как грезила частенько... совсем не так...

Разумеется, мужчины ее не послушали, засобирались после обеда в игорный дом, напоследок выкурив трубку за затворенными стенами кабинета, где они могли спокойно расстегнуть вороты мундиров и свободно говорить на те темы, которые были под запретом за столом из-за ее присутствия. Когда же вышли в переднюю, застали там Марию и ее полячку-служанку, которая завязывала на хозяйке меховой палантин, что надежно скрыл бы от ветра и мартовского вечернего холода обнаженные плечи женщины.

— Вы настолько расхвалили сей дом, господа, — очаровательно улыбнулась она офицерам. — Что во мне вдруг проснулся азарт. Вы ведь позвольте мне, Андрей Павлович, сделать ставки?

— Avec grand plaisir [\[520\]](#), Мария Алексеевна, — склонился в коротком поклоне тот в

ответ с легкой иронией в глазах. — Я отменно осведомлен о вашей склонности к риску, оттого даже не сомневался в вашем решении даровать нам счастье почтить нашу скромную компанию вашим присутствием.

Иногда Мария ненавидела Андрея. За выражение его глаз, как ныне. За холод в его голосе, за ту иронию, что она легко распознавала в нем. За ту отстраненность, что держал он с ней, и за те улыбки, что дарил другим дамам, поворачивающим в его сторону головы, приветствующим его, улыбающимся ему, флиртующим с ним.

— Ах, мы даже предположить не могли, что вы, русские, таковы, — улыбалась француженка, сидящая за игровым столом через два игрока от Андрея. Она игриво склонила голову вбок, отчего перья ее плереза шаловливо скользнули с плеча к груди, едва прикрытом блестящим в свете свечей шелке. Конечно же, взгляды мужчин невольно последовали за концами перьев к глубокой ложбинке, и Мария сжала с силой костяную ручку веера, когда заметила улыбку Андрея при этом намеренном движении головой своей собеседницы. Игра началась и вне стола, но вряд ли Мария позволит ей зайти далеко! Недаром же она здесь!

— Мы ждали сущих дикарей, — продолжала француженка. — А видим перед собой истинное воплощение Марса во множестве лиц.

— Тогда вы понимаете, какие счастливицы мы, русские дамы, — улыбнулась холодно Мария и провела украдкой сложенным веером по плечу Андрея, за спиной которого стояла, наблюдая игру. Мол, держись подальше, дорогая, место явно несвободно подле него.

— И какие же счастливицы ныне француженки! — парировала француженка, и Мария только стиснула зубы от злости. Офицеры же рассыпались в ответных комплиментах, а кто-то даже поцеловал француженке руку, опустившись на колено возле ее кресла. Улыбался бы так же Андрей этой даме в палевом шелке, если бы за его плечом стояла Шепелева, вдруг с тоской подумала Мария. Отчего он так явно показывает флирт ей? Ранее такого не было. Ранее она только догадывалась о том, что происходит на таких вечерах, а позже — под покровом темноты. А как пересекли границу Франции, как они встретились после того, как она оставила земли Рейнского союза, чтобы следовать за ним, чтобы не было подле него вот таких вот дамочек в платьях с низким вырезом, то все стало из ряда вон плохо. Что мне делать, думала она, совсем не слыша разговоры, смех, тихий бег шарика по рулетке, за столом с которой сидели игроки. Что мне делать? Я его совсем потеряла. И никак не могу вернуть назад. А ведь скоро подпишут мир, так говорят офицеры. Наполеон загнан в тупик, у него почти не осталось армии, а столица его империи взята. И тогда конец... конец всему — ее надеждам, ее мечтам. И ей придется оставить его, разве ж удержит она Андрея в России?

От внезапно нахлынувшего волной отчаянья и страха перед будущностью у Марии даже голова закружилась. А потом она заметила среди стоявших за спинами игроков за другим концом стола Лозинского и даже пошатнулась, едва не уступая наплыву дурноты, вдруг закружившей голову.

— Qu'y a-t-il? [\[521\]](#) — плечо Андрея под ее ладонью, которую она опустила в поисках опоры, напряглось. Он взглянул на нее, чуть повернув голову, заметил ее бледность, переспросил тихо по-русски. — Что с вами, Мари?

— Я покину вас на пару минут, Андрей Павлович, — так же тихо ответила она, а потом кивнула расступившимся офицерам, зашагала от них прочь, жестом остановив вдову, направившуюся вслед ней. Казалось, Лозинский ждал ее — он уже отошел от стола с рулеткой, выбрался из толпы наблюдателей за игрой.

— Я польщен, что вы все же уделите мне время и решили поприветствовать старого

знакомца, — поклонился он ей, поднося ее руку к губам. А потом окинул взглядом ее с края подола до рыжих локонов, украшенных плерезом, улыбнулся. — Вы очаровательны, мадам Арндт. Ваша прелесть только умножилась за те дни, что я не видел вас.

— Я подошла к вам не комплименты слушать, господин улан, — отрезала Мари, оглаживаясь назад, пытаясь рассмотреть через толпу у стола игроков. — Или вы уже не улан? Ведь Великая армия канула в Лету, кажется. Удивлена увидеть вас здесь... Что вам понадобилось?

— В Париже? — деланно удивившись, переспросил Лозинский.

— Нет, не в Париже. Что вам понадобилось именно здесь? И ненужно говорить, что это прихоть судьбы — ваше нахождение в тех местах, где бываем мы.

— Мы? Вижу, вам удалось добиться, чего вы так отчаянно желали в те дни, — проговорил Лозинский так же, как и она недавно, оглядываясь в сторону офицеров в светлых мундирах гвардии, скрытых ныне за рядами наблюдателей.

— А вам, как я осведомлена, не удалось! Ах, отчего вы тогда не увезли ее?! — Мария не смогла сдержаться, стала яростно обмахиваться веером, чтобы хоть как-то унять ту злость, когда она вспомнила тот день, когда рухнули ее надежды на избавление от Шепелевой. — Я же ясно дала понять, где следовало ее искать, указала дорогу, которой они бежали из усадьбы. Отчего вы не увезли ее? Поддались ее слезам?

Лозинский на миг прикрыл глаза, пытаясь обуздать тот вихрь эмоций, что захлестнул его при воспоминании о том дне, когда от него отвернулась удача. Который он так пытался выбросить из головы. Как и Анну. Как оказалось, удача покинула тогда его навсегда. По крайней мере, все его надежды, все его устремления, едва не став реальностью, рассыпались в прах, и не было ни малейшей надежды на их повторное воплощение.

— Я не нашел ее. Коли б нашел, не отпустил бы ни в жизнь, — процедил он сквозь зубы, а потом едва сдержал себя, когда Мария вдруг рассмеялась его признанию. Зло рассмеялась, издевательски.

— Вы не отыскиали ее? О мой Бог, все было так очевидно! Она была в сарае за лесом на ближнем лугу! А я-то все время полагала, что вы... что вы ее...

— В сарае?! — Очередная насмешка судьбы над ним! Лозинский вместе с людьми несколько раз проезжал тот луг вдоль и поперек, но даже мысли не возникло, что в той покосившейся на один бок развалюхе может кто-то укрываться. Сущее безумие было искать убежища в сарае, стоящем на открытом пространстве луга! А на деле вышло, что именно эта развалюха с широкими щелями в стенах так надежно укрыла Анну от него, что только и оставалось, что скрежетать зубами от злости. Тем более, когда так смеялась над ним мадам Арндт...

— Где вы остановились в Париже? — спросила Мари, вырывая его из вихря воспоминаний, и он ответил коротко, а потом добавил, видя, как она скривила губы:

— Да уж, это не Северный бульвар. Мне богатой жены не досталось от судьбы, в отличие от вашего *objet d'amour* ^[522]. Живу скромными средствами, что только и остались в кошеле.

— Они не женаты, не довелось. Так что средства, на которые живет Андрей Павлович, его собственные! А теперь уходите, — Мари схватила его за руку, видя, что он желает еще что-то спросить у нее. — Уходите отсюда! А я приду к вам следующего дня после полудня. Тогда и поговорим обо всем.

— Очередные планы кампаний в вашей очаровательной головке? — усмехнулся

Влодзимир, глядя, как она взволнована, как то и дело оборачивается назад, к столу, от которого к ним уже идет ротмистр в белом мундире. Уйти сейчас, когда он так близко? Когда он сам идет к нему?

— Мария Алексеевна, — Бурмин настороженно взглянул на Лозинского, приблизившись к ним, заметил, как взволнованно крутит ручку веера Мария, как она встревожена. — Вы говорили, уходите на миг, а, кажется, прошла вечность. Я не мог не последовать за вами. Сударь?

По правилам Мария должна была бы представить мужчин друг другу, но назвала по имени только Бурмина, видя, каким огнем вдруг вспыхнули глаза Лозинского при виде офицера. О поляке же она сказала только «мой давний знакомец». Хотела еще придумать имя, да только растерялась, запнулась. Оттого и осталось только взять Бурмина под локоть и увести прочь от Лозинского.

— Помните же — я непременно нанесу вам визит следующего дня, сударь, — проговорила Мария, отходя. Ее глаза так и говорили Лозинскому: «Держитесь подальше до моего визита! Держитесь подальше!», хотя губы сложились в вежливую располагающую улыбку.

Но Лозинский снова ступил в ряды наблюдателей, но уже ближе к офицерам русской гвардии, так встал у стола, чтобы слышать их разговоры, и понять кто именно из тех, чьи эполеты сверкают в свете свечей, тот, кого он ищет с тех самых пор, как армии союзников ступили в Париж. По правде говоря, он надеялся, что Оленин сгинул на полях сражений, по которым пришлось пройти русской армии, если действительно не погиб тогда, на Бородино, как говорил французский солдат Лодзю. Но, как оказалось, тому удалось благополучно миновать все опасности, выжить в аду кровопролития и ступить в Париж победителем. Победителем!

О, как же крутило Влодзимиру в тот день душу от ненависти к ним, этим офицерам, ровными рядами едущим по парижским бульварам и улицам! Он смотрел тогда из толпы на их лица, слушал приветственные крики парижан и думал, что весь мир перевернулся. Хотя нет, мир для него перевернулся еще ранее, когда отступали по дорогам Смоленщины остатки Великой армии. Когда приходилось отбиваться от казаков, налетающих неожиданно со спины, когда, проходя по лесным дорогам, с опаской смотрели на каждый куст в ожидании появления крестьян, вооруженных топорами и вилами. Когда боялись даже скопления собственных солдат, озверевших от голода и холода после оставления Смоленска, в котором планировали найти теплые квартиры и пропитание, а нашли только выжженные дома и пустые амбары.

От деревни к деревне Влодзимир терял людей, оставляя их тела вдоль проклятых русских дорог. От того места недалеко от Милорадово, когда он оставил одного из кузенов, служившим трубачом при его полку, до Березины, где погиб Лодзь, защитивший своего хозяина ценой собственной жизни, заслонивший его от тех, кто хотел сбросить Влодзимира с наспех построенного моста через реку.

Переправа у Березины. Это место еще долго снилось Влодзимиру ночами. Да и как забыть тот момент, когда люди превратились в зверей, когда потеряли человеческую сущность, пытаясь выжить в том аду холода и льда? Мог ли он когда-то подумать, что ступит на польскую землю таким — в грязном и рваном мундире, кутаясь в плащ с чужого плеча, без сумы и без верного своего коня, которого пришлось бросить на том проклятом берегу. Что от его эскадрона останется только горстка людей. Что все они почти лягут в той

ненавистной ему стране. Что его душа медленно умрет с каждым шагом, что удалял его от того дома и той липовой аллеи, от тех дивных глаз, что порой снились ему ночами. Его удача, не оставлявшая его с самых первых дней войны, перешла другому. Его прекрасная панна доставалась другому, оставаясь за спиной. Даже ее дар остался лежать на той земле, когда сорвалась с седла сума, не удержавшись при той бешеной скачке, в которую пустились уланы, бросая награбленное, уходя от отряда партизан, нежданно свалившихся на них из леса.

— Андрей! — окликнули по имени одного из офицеров, и Влодзимир вернулся из своих мыслей на грешную землю. Именно так звали жениха Анны. Анджей, Андрей. Он прочитал это в письмах, что подобрал в ее покоях. Его письма к ней, полные воспоминаний и нежности, за которую Влодзимир ненавидел его так, как никогда не ненавидел ранее. Этот русский получил все, что должно быть у него, Влодзимира! Честь и славу победителей и прекрасную панну, что боролась с ним до последнего, лишь бы остаться с этим светловолосым полковником.

Это был именно полковник, не ротмистр, как он искал ранее. С орденами и медалями на груди за каждое из сражений, что вели к поражению Великой армий, к поражению и позору Влодзимира. Это был тот самый человек, которого Влодзимир безуспешно искал вот уже несколько дней в Париже. И если бы не Мария, которую он сразу же узнал в той лавке, едва ли нашел бы.

«...Андрей стоит сотни таких, как вы!», когда-то сказала ему Анна. И он прочитал тогда в ее глазах, что она целиком и полностью принадлежала, и что она всегда будет принадлежать этому русскому. Что бы Влодзимир не сделал... и что бы она ему невольно не позволила. Он сумел тронуть ее тело, он умел это делать. Но вот сердце... Сердце так и осталось в руках Оленина. Влодзимир смотрел сейчас на эти руки в грязно-белых перчатках, лежащие на зеленом сукне игорного стола, и вдруг представил, как они ласкали его Анну, как эти пальцы скользили по нежной коже. Кровь снова закипела в жилах огнем ненависти, подчиняющей себе разум. Оленин вернется в Россию победителем, вернется в Милорадово, где его ждет Анна. И она снова будет под его руками и губами... в его постели... в его жизни. Проклятье!

— Вам везет, господин полковник, — очаровательно улыбнулась француженка в палевом шелке, когда в который раз число Андрея принесло ему выигрыш.

— О, — донеслось до Влодзимира. Это Александр Кузаков чуть склонился над столом, чтобы его лучше было слышно. — Немудрено, мадам. Наш господин полковник будто заговорен на удачу. Во всем ему она улыбается — и в игре, и на поле боя.

— А в любви? — прищурила хитро глазки француженка. — Убеждена, что и в любви господину полковнику улыбается Фортуна.

Андрей как-то криво улыбнулся в ответ француженке, и Влодзимир не понравилась эта улыбка. Разве можно так открыто показывать свою любовницу, когда истинное сокровище ждет тебя в родной стороне? Разве можно флиртовать с француженками, как это делал Оленин ныне с этой блондинкой? Влодзимир будто угадал, когда говорил, что Оленин недостойн любви и преданности панны. Он не встанет подле нее под венцы, Влодзимир никогда не позволит тому случиться. Оленин не вернется в Россию... никогда не вернется!

— О, господин полковник, вам снова улыбнулась удача! — захлопала в ладони француженка, уже поднявшаяся со своего места за игорным столом и занявшая место среди зрителей, но поближе к Андрею. Мария же, отдавшись на волю своих мыслей, даже не

заметила этого маневра. Казалось, она внимательно слушает Бурмина, что-то говорившего ей вполголоса, кивая ему в ответ, но на самом деле, она пыталась найти в хаосе мыслей то самое верное решение, которое ей может помочь предотвратить то, что она явственно ощущала в воздухе ныне, а также что-то сделать в отношении Шепелевой. Той было не место в имении Андрея, когда тот вернется в Россию. Она должна была уехать из Милорадово прочь, уйти наконец из жизни Оленина. И Лозинский может помочь ей в этом, разве нет? Если только не спугает карты для розыгрыша очередной партии до начала игры...

— Жаль, что удача так не улыбалась полковнику ранее, — раздалось вдруг среди зрителей, и тут же повисла странная тишина за этим концом игорного стола. Все повернулись к темноволосому мужчине в бархатном сюртуке бутылочного цвета. Кто-то с удивлением, кто-то — с любопытством, выжидая, чем закончит свою речь этот странный человек. Мария — с таким явным ужасом на лице, что Кузаков невольно приподнялся со своего места за столом. Лишь Андрей даже бровью не повел, а только перевел взгляд с поля стола на говорившего, чуть прищурив глаза.

— Жаль, что полковнику не улыбалась удача ранее, — повторил Лозинский. — Когда полковник в числе остальных бежал к Москве, как заяц, в числе же прочих оставляя самое дорогое, что у него было. Для милостей врага, полагаю... для милостей и прочего...

— Позвольте, сударь...! — вскинулись тут же офицеры, распознавая в реплике не только оскорбление лично Оленина, но и всей армии в целом. Отступили тут же от Лозинского те, кто стоял возле него, образуя вокруг него некое свободное пространство. Андрей придержал одного из ротмистров своего полка, покачал головой, показывая, чтобы тот отступил.

Это было его дело. Он распознал мягкий акцент в русской речи говорившего. Поляк. Это был поляк, и Андрей едва принудил себя успокоить свое сердце, едва не выскочившее из груди при осознании того, кем мог быть этот поляк, выровнять дыхание. Со стороны казалось, он даже бровью не повел, хотя внутри был раздираем на части вмиг вспыхнувшими эмоциями.

— Полагаю, что вы ждете именно моего ответа, господин...

— Пан Владзимир Лозинский из фольварка Бе..., — но договорить Лозинский, шагнувший ближе к краю стола, за которым сидел Андрей не успел. Тот вдруг резко поднялся на ноги, не отрывая взгляда от поляка.

— Какого черта вы здесь делаете, Лозинский? — вдруг тихо спросил Андрей, на миг ставя Владзимира в тупик. — Когда император даровал милостью своей вам возможность вернуться в его подданство...

— В его подданство? — переспросил Владзимир таким тоном, что офицеры зашумели снова, переговариваясь, а французы и офицеры союзных войск, не понимающие ни слова из русской речи, отступили еще дальше от поляка.

— Даже ради нее...? — еще тише проговорил Андрей, чтобы его слышал только Лозинский. Тот в ответ только скривился невольно, полагая, что русский смеется над ним. Да разве и может быть иначе сейчас, когда он, Владзимир, кругом в проигрыше, а полковник в победителях даже за игорным столом? Кровь настолько громко застучала в ушах, что Владзимир пропустил тот момент, когда Андрей резко размахнулся и ударил его, как простого холопа, еще больше распаляя ненависть, бурлящую в поляке. Рот наполнился соленым привкусом крови из лопнувшей губы, а сердце горечью оттого, что русский сумел ударить первым. До того, как нанес удар сам Владзимир.

Он поднял руку и бросил Андрею перчатку, которую успел стянуть с руки, пока стоял в числе зрителей еще мгновение назад, движимый желанием кинуть ту прямо в это лицо, столь ненавистное ему сейчас. Нанести оскорбление, от которого не будет больше шага назад. Только к барьеру, только к смерти одного из них. Потому что Влодзимир желал смерти этого русского. Только его кровь могла принести хоть какое-то облегчение его израненной за последние годы душе. За то, что оставил поневоле в русских землях, за свое потерянное счастье, за свою запятнанную честь, за то, что оставлял своих раненых людей среди Смоленщины, за то, что убегал, как загнанный зверь, из России, пытаясь спастись от плена.

Но даже в его вызове удача изменила Влодзимиру. Он целился в лицо Андрея, но попал в грудь — перчатка скользнула по мундиру, задев ордена на груди полковника, упала на пол. О, как же ненавидел в тот момент Лозинский этого русского! Ему казалось, его душу разорвет на куски от этой ненависти.

— Благодарю вас за эту услугу, — улыбнулся уголками рта Андрей, намекая на вызов.

— Не стоит, право! — бросил в ответ Влодзимир. — Пистолеты. Завтра на рассвете. За Адовой заставой [\[523\]](#) — самое место для того, что отправить вас на тот свет, не находите?

— Постарайтесь дожить до рассвета, сударь, с вашим-то норовом, — усмехнулся в ответ Андрей. — Дабы не лишиться меня удовольствия увидеть вас под прицелом. Господа, кто окажет мне честь быть моим секундантом на завтрашнем деле? Только помните, господа, что мира еще не было... Что у вас, сударь? Ваши секунданты?

Но у Лозинского не было знакомцев в Париже — кузен ушел с гвардией, решившей сражаться и умереть вместе с Наполеоном, и тогда Кузакову по просьбе Андрея пришлось взять на себя эту роль после долгих уговоров. Себе же Андрей взял в секунданты ротмистра своего полка.

— Я намерен убить вас, господин полковник, — сказал на прощание Лозинский, разозленный хладнокровным видом Андрея. Словно ему завтра предстояла не дуэль, а легкая прогулка близ Катакомб. — Вы не сможете уйти завтра от Адовой заставы, клянусь честью!

— Этим вы окажете мне услугу вдвойне, — поклонился ему Андрей, намеренно зля своего противника, забавляясь яростью, которую без труда читал в его глазах. А потом взял под руку белую от тревоги и страха Марию, которая вцепилась в его мундир, словно тонущая, и вышел вон, даже не взглянув напоследок на того, кого был намерен завтра убить. Ибо он тоже разделял полностью мнение Лозинского, что от заставы уйдет только один из них. Только один...

Ночное небо было таким ясным, что было видно каждую тусклую точку на темном фоне, каждую звезду, пусть даже совсем маленькую. Половинка луны, висевшей над спящим городом, дарила достаточно света, чтобы видеть самые дальние от Северного бульвара крыши. Жаль только не ту заставу, к которой вскоре предстояло выезжать...

Тихо похрапывал в соседней комнате Кузаков, заснувший сидя в кресле, неудобно склонив голову к груди. Когда пробудится, будет болеть шея от такого положения, подумал невольно Андрей, поднимаясь со своего места за столом и пускаясь снова в путь до окна, распахнутого в теплую парижскую ночь. Хотелось курить, но будить Прохора не стал. Тот и так только недавно ушел к себе, напоследок так вычистив ордена и медали, что они поблескивали в свете луны из полумрака комнаты. Потому Андрей просто встал у окна, упершись ладонями в оконную раму, подставляя лицо легкому ветерку, ласково пробежавшемуся по его волосам.

Он совсем забыл звезды над Россией, вдруг подумал Андрей, глядя в темноту неба над крышами домов. Были ли они схожи с этими яркими точками или нет? Или все же были другие, чужие...? Как и земля, на которой завтра ему, возможно, предстоит умереть. Но быть погребенным он желал только в родной стороне, это было его твердое пожелание к Кузакову, которому были даны последние наказы.

— Не распорядишься о том, *mon ami*, буду приходить к тебе ночами, обещаю, — говорил Андрей, когда они, вернувшись из игорного дома, расположились с трубками и бутылкой вина в одной из комнат. — Пусть схоронят в родной земле. Даже у самой границы... но только там!

Александр обещался, как когда-то еще в Саксонии поклялся отдать письмо бывшей невесте Оленина. Оно хранилось среди его бумаг, надежно скрепленное отпечатком кольца Андрея. Написанное на случай смерти автора, оно долго путешествовало в сумках Кузакова, и видит Бог, тот искренне надеялся, что и в этот раз оно не покинет своего укромного места.

Как она будет читать эти строки, подумал Андрей. Мелькнет ли хотя бы капля сожаления, когда услышит о его гибели? Помянет ли? Он вдруг вцепился сильнее пальцами в раму и закрыл глаза, пытаясь прогнать воспоминания, что нахлынули волной при одном только имени, мелькнувшем в голове. Сколько прошло дней и месяцев, а он до сих пор помнил. Движения, жесты, лицо, облик в целом, ее голос. И ее слезы...

Быть может, так и должно быть? Быть может, ему было бы лучше быть убитым на этой земле, чем вернуться в Россию? Андрей еще помнил то время, когда Надин поменяла место в его жизни. Была невестой, а стала женой брата. Помнил, как было тяжело даже в одной с ней комнате находиться, как больно осознавать, что вежливый и короткий поцелуй руки и братский поцелуй в щеку — это все, что ему было позволительно ныне. И знать, что она недоступна для него. И ненавидеть ее за это и за то чувство, что вспыхивало в груди, едва он слышал ее голос и видел ее лицо.

В тишине ночи вдруг раздался цокот копыт по каменной мостовой. Возле двери дома остановился экипаж, из которого спешно выскользнула тень, сунув быстро в руку вознице монеты. А потом тень вдруг взглянула вверх, прямо в окно, в котором стоял Андрей. Он совсем не удивился, узнав Марию. Она уехала еще пару часов назад, полагая, что скроет свой ночной визит от посторонних глаз, но ошиблась.

Интересно, что сказал ей Лозинский, подумал Андрей, когда у порога комнаты раздался тихий шелест платья, когда аккуратно ступая в ночной тишине дома, шагнула к нему Мария. Ведь это именно к поляку ездила она в эту ночь, пытаясь уговорить того отказаться от дуэли, услышав, чем грозит она Ленину.

— Виселица! Ты понимаешь это, mon ami? — горячился по пути к Северному бульвару Кузаков. — Мира еще нет. Мы на военном положении. Ты понимаешь это?

— Полноте, Александр Иванович, вы запугали своими словами Марию Алексеевну, — пытался остановить его возмущение Андрей. — Да и потом — qu'y puis-je ^[524]Поляк оскорбил не только меня лично. Он нанес оскорбление моему полку, всей армии в целом. Тут ничего не поделать.

— Знать бы, как тот в стрельбе, — недовольно проворчал Кузаков, не желая показывать, что он признает правоту Андрея. — Что ждет-то тебя завтрашнего утра?

— Полагаю, что стреляет тот недурственно, иначе не выбрал бы пистолеты. В любом случае, завтра и узнаем ответы на наши вопросы.

— Поражаюсь тебе, mon ami, такое хладнокровие... А ведь и верно тут только одна тебе дорога, как бы ни выстрелил завтрашним утром. Все торопишься на тот свет? Или на талисман свой надежду питаешь, как обычно?

Андрей ничего не ответил на эту реплику, только плечами пожал, покрутив на пальце перстень с аметистами и нефритами. В полку полагали, что это кольцо — некий талисман Оленина, хранящий его от любых напастей. И никто, даже Кузаков, не догадывался, отчего на его пальце этот перстень.

Да и сам бы Андрей, верно, не ответил на этот вопрос. Сначала носил, чтобы помнить, уверяя себя, что предмет памяти не та, чье имя скрыто в золоте, а женское коварство. Хотя всякий раз, когда глаза замечали блеск маленьких камней, он вспоминал не тот проклятый день и ожог между лопатками от брошенного кольца. Вспоминал сарай и тихий шелест дождя по крыше, запах трав и ее смущенную улыбку на счастливом лице.

Он пытался снять с руки этот перстень, твердо решив забыть. Несколько раз прятал в суму, а потом спустя время доставал и одевал на палец. Потому что было пусто без этого перстня, без этого блеска камней. Потому что становилось тут же не по себе, словно какой-то частички его не хватало.

Анна... Где же была та поворотная точка, после которой все пошло совсем не так? Где судьба переплела нить судьбы твоей с той, другой, отрезав безжалостно нить Андрея? Разве мог он подумать, уезжая тогда из Милорадово или ожидая заветного письма, написанного до боли знакомым почти детским почерком, что все так повернется?

Тонкие пальчики легли на его плечо, и Андрей повернулся от окна к Марии, вглядывающейся в его лицо со странным напряжением в глазах. Некоторое время они молчали, только смотрели друг другу в глаза, а потом она произнесла тихо:

— Я прошу вас...

— Это невозможно, — прервал он ее, понимая, о чем именно та просит. Примириться с Лозинским. Не стреляться завтрашним утром. — Это невозможно. Вы же слышали мои слова, поляк оскорбил не только меня, но и весь полк. Такого не снести! Только кровь...

— Кровь! — истерично воскликнула Мария. В соседней комнате от ее громкого возгласа, видимо, пробудился Кузаков, тихонько скрипнуло кресло. — Кровь! Какие вы, право! Разве ж должно так рисковать своей жизнью? Разве ж должно пытаться судьбу всякий раз? От смерти нет возврата... это конец... а потом...

Она смолкла, зажала рот ладонью, боясь разрыдаться в голос прямо перед ним. К чему лить слезы? Они никогда не трогали Андрея, она знала это отменно. Он бы только стал раздраженным, ушел бы прочь от нее, и она не сказала бы то, что намеревалась.

Какие глупцы эти мужчины! Как это дурно рисковать собственной шеей! Неужто не понимают, какую боль они приносят своими глупыми играми со смертью им, женщинам? Матерям и любимым. Неужто не понимают, что рвут им сердце всякий раз, когда ангел смерти становится им за плечо, неважно в поле ли сражения или в месте дуэли? Мария пыталась умиловить Лозинского, напоминая тому о матери, что осталась где-то в польских землях у того. Владзимир был единственным сыном, неужто не понимает, какие последствия будет иметь эта дуэль, если его убьют?

— Мадам Арндт забывает, что я стреляю первым, — насмешливо отвечал тогда поляк, и Мария на миг поняла, какая жажда крови пылала огнем в жилах мужчин сейчас. Потому что будь у нее в руках тот нож, которым Лозинский срезал с яблока кожуру, она бы тотчас вонзила тот прямо в сердце поляка, не задумавшись ни на секунду. — Я должен поблагодарить мадам. Без ее помощи мне бы ни в жизнь не отыскать в Париже господина полковника. Мадам всегда играла за моей половиной стола, *n'est ce pas?*

Это было истинной правдой, и от этого Марии становилось так больно и горько, что перехватывало дыхание. А ненависть к той, из-за которой и случилась эта ссора в игорном доме, только множилась. Все из-за нее, из-за Шепелевой!

— Ах, Бог мой, как же вы глупы, Лозинский! — пустила в ход Мария последнюю карту, что могла разыграть в этой полутемной комнате одного из постоянных дворов предместья Сен-Мартен. Смягчился голос, засверкали насмешливо глаза, из которых вмиг исчезли злость и страх.

— Осторожнее со словами, *ma chere amie*, — криво улыбнулся Лозинский, отправляя в рот очередной кусочек яблока. — Этакое вам дружеское предупреждение...

— Вы глупы, — снова подчеркнула Мария тогда, поднимаясь с места, с этого грубо сколоченного кресла, так грациозно, что Лозинский не мог не отвлечься от своего яблока, замер на миг. Тем более, она прошлась к нему, склонилась к уху, положив пальчики на его плечи. Зашептала тихо, хитрая бестия, прямо в ухо вкрадчиво. — Неужто вы не думали, отчего Оленин со мной? Отчего так волен в своем обращении с дамами? Оленин из той породы, что слово данное держит даже перед самим собой, *mon cher ami*. Он свободен от всяких обязательств. Она сама отказала ему в них, едва он прибыл в Милорадово по осени того года.

Лозинский одним мимолетным движением вдруг поднял руку и сжал больно одно из ее запястий, заставив ее поморщиться.

— Это правда? — глухо спросил он, ощущая, как глухо забилося сердце в груди, про которое он совсем забыл за последние месяцы, полагая, что оно мертво.

— Истинная, — даже голосом не подала вида, как болит запястье. — Анна Михайловна расторгла помолвку. Я не была при том, но шептались, что она поступила так, потому что не могла быть более связанной узами с ним. Вы понимаете, что это означает? Едва взглянув на него, она поняла, что не может с ним провести жизнь, что не он может составить ее счастье. Я готова поклясться в том, коли вы мне не верите, что все так и было. С осени 1812-го года расторгнута помолвка. Теперь вы понимаете, насколько бессмысленно то, что случится завтрашнего утра? Анна по-прежнему в Милорадово. Чего она так ждет, не покидая тех мест, когда должна бы уехать к своей тетке в Москву по смерти отца? Или кого она так ждет,

боясь, что тетка выдаст ее спешно замуж?

Мария увидела на лице Лозинского сомнение и поспешила договорить то, что намеревалась сказать, идя сюда, в этот жалкий трактир, рискуя быть ограбленной на этих глухих и грязных улочках.

— Она так и не связала себя ни с кем обязательствами за это время, а Ленину возвратила слово и его письма к ней. Хотя благоразумнее было бы стать его женой при ее нынешнем бедственном положении и его богатстве, доставшемся от тетки. Вы должны ехать в Россию, в Смоленщину, Лозинский, иначе снова упустите то, что должно быть у вас в руках. Тотчас же! Прежде чем вернется в Россию Ленин. Он так и не смирился, он непременно навестит ее по возвращении. И кто знает, как все обернется ныне, когда он будет не связан обязательствами полковника одной из сторон, что покамест не в мире?

— Она от меня убежала в тот день! — как ни пытался скрыть свою боль Владзимир, она все же вырвалась на волю откуда-то из глубины души, куда он надежно спрятал ту, ясно прозвучала в голосе при этих словах.

— Таковы мы, женщины, — улыбнулась лукаво Мария. — Отчего-то всегда говорим вам, мужчинам, «Нет», когда сердце готово сказать «Да». И только потом сожалеем о сказанном...

— Я не могу отозвать свой вызов, — упрямо повторил Лозинский, и она кивнула, соглашаясь.

— Я понимаю. Потому и не прошу о том. Не убивайте его, — она изо всех сил постаралась, чтобы голос не дрогнул при этих словах, а лицо не выдало, как ей страшно сейчас. — Стреляйте, коли потребует. Если желаете крови, то нанесите легкую рану... Будьте милостивы к тому, у кого отняли желанное, кто потерял все...

— У меня нет выбора. Он убьет меня, коли я оставлю его в живых.

— Нет, не убьет. Я позабочусь о том, — они взглянули друг другу в глаза и долго не отводили взглядов. — Я обещаю... Верьте мне. Разве я когда-либо предавала вас?

— Упаси Христос иметь вас в своих врагах, мадам, — поцеловал ей руку тогда Лозинский, улыбаясь. — И избави от вашей ненависти...

И вот ныне Мария продолжала вести свою игру. Партия с поляком была разыграна так, как она полагала, но вот Андрей... Она смотрела в его глаза и в который раз поражалась пустоте тех. Или это просто ей была неподвластна его душа, не видна совсем?

— Вы не можете убить Лозинского, — твердо сказала она, сумев наконец-таки взять себя в руки. Провела пальцами по его руке, скрытой тонком полотном рубахи, наслаждаясь этим запретным с прошлого года прикосновением, теплом его кожи и твердостью мускулов под кончиками пальцев.

— Отчего же? — осведомился Андрей холодно. — Неужто он намерен принести извинения? Тогда вам удалось невозможное, мадам.

— Он будет стреляться. Но вы не убьете его, — и, заметив, как он вопросительно поднял брови, продолжила, скрестив пальцы второй руки на удачу в складках платья. — Вы забыли обо одном, Андрей Павлович. Не грешно убивать во время войны, но грешно отнимать жизнь по прихоти. Тем паче, в Великий Пост. Ни один духовник не отпустит такого греха, — а потом, сделав паузу, ударила. — И она не простит его. Никогда...

Он научился скрывать от нее свои эмоции, загораживался от нее стеной хладнокровия, но в этот раз не получилось. Чуть дернулся уголок рта, опустились на миг веки. Мимолетно, но она успела заметить, ощущая одновременно при этом и боль при виде его страдания, и

удовлетворение, что попала в цель своими словами.

Прости меня, Господи, произнесла про себя, удерживая Андрея за рукав, когда он хотел отойти от нее, не слушать ее более, опасаясь узнать то, что она могла проведать у Лозинского. Прости меня, Господи, ибо я слаба рядом с ним. Он моя слабость и боль... только он.

— Ему не по своей воле пришлось уехать из России. Как и вас, его гнал из империи долг. Ныне, когда Наполеон потерпел крах, он наконец-то свободен вернуться туда, где его ждут. Не задумывались ли вы, Андрей Павлович, отчего она не едет прочь из Милорадово ныне? Она не может уехать, потому что...

— Довольно! — Андрей вырвал руку из хватки ее пальцев, отошел к столу, на котором лежал футляр с новыми пистолетами, которые по требованию Лозинского были куплены у одного из местных оружейников. Провел пальцами по полированному дереву рукоятки, а потом достал один из пистолетов, примерился, как тот лежит на ладони, старательно гоня от себя все мысли, что ныне разрывали голову на части. Он не хотел думать ни о чем, кроме того, что ушло. И понимать, что оно ушло, тоже не хотел ныне.

— Вы не убьете его, потому что она проклянет вас в том случае за его кровь, как я бы прокляла поляка, — проговорила Мария, глядя на блеск металла в его руке. Она ничуть не лгала при том. Она бы прокляла Лозинского, призывая все кары небесные на его голову. И на свою. На свою голову она тоже призывала кары, потому что и она виновна в том, что случится в большей степени, чем другие. Ах, разве ж отыскал бы так скоро Оленина поляк?!

— Отчего тогда такая ненависть ко мне? Так не ненавидят, коли счастливы, обладая, — спросил Андрей, по-прежнему глядя в картину, в которую целился сейчас из пистолета, и только потому не заметил, как она растерялась на миг, не зная, что ответить.

— А вы не ненавидели его, если бы были на его месте? — отчего-то ответила именно этим вопросом Мария, и Андрей сжал зубы, вспоминая тот летний вечер, когда украл то, что должно принадлежать лишь мужу. Да, он бы так же, верно, ненавидел, поменяйся они местами с поляком! Разве ж было иначе?

Оставшийся до выезда час промелькнул для Марии словно минута. Вот Андрей складывает аккуратно пистолет в бархат, закрывает крышку коробки. Теперь та будет открыта только у Адовой заставы одним из секундантов, что будет заряжать пистолеты. Не глядя на нее, выходит вон из комнаты, отсекая ей возможность идти за ним по пятам с уговорами и увещеваниями, закрывая на ключ двери комнаты. Она тогда билась в эти створки, как зверь, разбивая кулаки до ссадин, крича криком и рыдая. О, она бы непременно бросилась ему в ноги, но не пустила бы к той заставе! Она же знала, чувствовала, что Лозинский ее обманет! Она бы сама закрыла Оленина от той пули, будь у нее такая возможность.

Но ее заперли, и Андрей настрого запретил слугам, остававшимся в доме, открывать двери до того, как пробьет семь раз на часах в гостиной. Кузаков то и дело косился в сторону квартиры, откуда шел женский плач, перебирая перчатки в руках. Вот ведь какая! Этакая не преминула бы и к Катакомбам приехать, коли б возможность имела. Разве ж должно то?

— Сколько страсти, mon ami! — не мог не заметить он, когда со стороны запертой комнаты донесся глухой удар, а после с тихим звуком упали на пол осколки фарфора. — Она тебя любит... madam votre cousine. Любит тебя так, как любой бы желал.

— Ты ошибаешься, mon cher ami, — покачал головой в ответ Андрей. Прохор уже надел на него мундир, расправлял тот на свежей накрахмаленной рубашке, стараясь, чтобы тот сел

идеально. — Такая любовь не приносит счастья, коли одно сердце задето Амуром. И ей мучение, и мне... Моя вина, мой грех в том. Что ж, кто ведает, быть может, вскорости ее ждет избавление от того мучения. И я от мук своих всех одним махом...

— Типун тебе, mon ami, — нахмурился Кузаков. Правда, он понимал, что при любом раскладе, что случится ныне, хорошего ждать не приходилось.

Когда уезжали, Андрей вдруг оглянулся, выходя из дома на окна комнаты, где запер Марию, расслышав странную тишину, установившуюся в доме. Она смотрела на него сверху вниз, заплаканная, растрепанная, совсем не похожая на ту женщину, что была все эти годы возле него. Та Машенька, которой он когда-то снял с дерева котенка, к которой был так внимателен в свои редкие визиты, ощущая ее одиночество в доме тетушки, смотрела на него из окна. И он улыбнулся этой Машеньке, пытаясь хоть как-то подбодрить ее ныне, смягчить ее боль, поклонился ей. И она склонила голову в ответ, а потом подняла руку и благословила его на прощание, пытаясь подавить тот ужас, что разрастался в ее душе.

Он уедет в двуколке, хмурый, но спокойный, чтобы встретить рассвет под дулом пистолета в южном предместье Парижа, а она будет смотреть вслед экипажу, ловя последние звуки цокота копыт по мостовой. Потом опустится на колени перед окном и станет ждать рассвета, умоляя всех известных ей святых сохранить жизнь Андрея, коря себя за то, что последовала за ним из Польши и далее. Это она привела Лозинского к нему, это она будет виновата, если тот все же выпустит пулю, что отнимет жизнь. И она будет виновата, если жизнь Андрея будет сломана из-за этой проклятой дуэли, уцелей он у Адовой заставы...

Мария открыла глаза, только когда первые лучи солнца, поднимающегося над Парижем, коснулись ласково ее лица. Все решалось ныне. И именно в тот миг она дала себе тот самый зарок, вспоминая заветы иерея, данным ей в православной церкви в Варшавском герцогстве, уступая их правоте.

Андрей тоже в тот момент смотрел на поднимающееся солнце, заливающее яркими красками небосвод. Он стоял, как и было положено по кодексу, подняв пистолет дулом вверх, чуть полубоком к Лозинскому, что был напротив него в десяти шагах, ожидающему команды стрелять. Чуть поодаль держались секунданты этой дуэли и полковой доктор, который все же настоял на том, что именно он будет присутствовать здесь, а не «парижский шарлатан».

— Господа, вы воспользовались вашим правом отказа примириться, — говорил громко Александр, следуя процедуре, но Андрей почти не слышал его, наблюдая за подъемом солнца. — Вам известны условия дуэли, вы дали слово их соблюдать. Я напоминаю вам, что, когда я отдам вам пистолеты, честь обязывает вас не делать никаких движений до моей команды.

Диск поднимающегося солнца показался сейчас настолько ослепительно ярким в этот миг, что Андрей не мог не закрыть глаза на короткое мгновение, ощущая какое-то странное спокойствие от этого тепла. Вспомнился тут же иной рассвет, когда солнце заливало своими лучами лесную тропинку, пробиваясь через сплетения ветвей. Тонкий дрожащий толи от волнения, толи от утренней прохлады стан под своими ладонями, сладость губ, которая огнем разливалась по всему телу, ее дыхание под его ртом...

... - Андрей..., - донеслось вместе с очередным порывом легкого ветерка до него из того летнего утра. Пахнуло в лицо прохладой леса. Мелькнул перед глазами поворот русоволосой непокрытой головы, обожгла взглядом серо-голубых глаз, наполнила восторгом душу своей

дивной улыбкой...

— Стреляйте! — коротко произнес Кузаков, подчиняясь правилам, и Андрей тут же открыл глаза, возвращаясь в парижское утро и к людям, что окружали его ныне. Громко громыхнул выстрел, вылетела пуля из темного жерла дула, пущенная нажатием курка темноволосым мужчиной. Легко миновала расстояние в десять шагов и вонзилась в стоящего напротив человека, разрывая сукно, вгрызаясь в плоть и дробя кость.

— Андрей! — крикнул Кузаков, что-то воскликнул секундант Андрея. Оба побежали к пошатнувшемуся Ленину. Боль казалась невыносимой, но разум все же удержал его в сознании, а мысль, тревожащая сейчас наравне с диким огнем в ране, не дала лишиться духа. Если он сейчас упадет, потеряет право выстрела.

— Нет! Не подходить! — крикнул он метнувшимся к нему офицерам, и те замерли на месте. Лозинский же прищурил глаза, пытаясь скрыть свое раздражение и разочарование. А быть может, и тот трепет, что пробежал по телу при виде взгляда, которым окинул его полковник кавалергардов. — Выстрел мой!

Лозинский поднял пистолет дулом вверх и встал полубоком, как до того стоял Ленин. Проклятье, подумал он, видя, как тот все-таки поднимает пистолет для выстрела. Надо же было так промахнуться! Он целился в живот Ленину, чтобы смерть того была долгой и мучительной, чтобы тот сотни раз вспомнил того, кто причинил ему эти муки. Он хотел не только крови этого русского, но и его мук, горше которых нет и быть не может.

Ни на миг не поверил Влодзимир этой ночью Марии, что Анна ждет его в России. Он не знал, по какой причине она отказала жениху, но сразу же усомнился в тех словах, что касались его самого. Ну и пусть, решил он в ту ночь. Он убьет полковника, а потом найдет возможность упасть в ноги императору Александру и просить о позволении вернуться в империю, в собственные земли. «Даже ради нее...?», спросил тогда Ленин, и только ночью Влодзимир понял, что безумно желает получить еще один шанс увезти Анну в Бельцы. Пусть для этого даже надо будет снова принести ложные клятвы. И теперь он отыщет ее везде, куда бы она ни спряталась от него. Но сперва... сперва он убьет того, кто всегда будет мешать ему получить сердце и душу светловолосой панны.

Солнце-предатель вдруг скользнуло лучами по руке русского в момент, когда прозвучала команда на выстрел, блеснуло золото, привлекая внимание Лозинского к четырем камням, вправленным в перстень. Аметисты и нефриты. Как и на том кольце, что когда-то передали Анне. Ее дар своему жениху, именно кольцо, призванное хранить его владельца и напоминать о дарительнице.

Оттого дрогнула рука, и пуля пошла не в живот, как Лозинский изначально целился, а в колено. Но тоже неплохо, подумал он зло, если раздроблены кости, то полковнику не ходить на обеих ногах никогда, а может, и Антонов огонь довершит то, что начала пуля, кто ведает. Отменный дар от Лозинского за все, что тому довелось испытать — стать калекой от его руки.

Андрей качнулся, с трудом сохраняя равновесие на одной опорной ноге, и Влодзимир улыбнулся еле заметно взгляду. Пусть же упадет, пусть лишится права выстрела. И тогда...

— Время! — проговорил Кузаков, словно говоря, что вот-вот та минута, что дана раненому на выстрел, истечет. И сцепив зубы, пытаясь забыть о пульсации в ноге, отдающей острой болью во всем теле, Андрей снова прицелился в поляка. Нет, он не дарует тому возможность уйти отсюда целым, выстрелив в воздух, как бы ни напоминал голос Марии, звучащий в голове: «Вы не убьете его, потому что она проклянет вас в том

случае за его кровь!» Собственный же голос шептал: «Убей его... прямо в сердце выстрелом! Убей за всю боль, что довелось испытать. За то, что она выбрала его... Убей! Убей же! Ну же!»

И он нажал на курок, тут же после выстрела падая наземь без сил, уступая настойчивым мольбам тела облегчить боль, не наступая на раненую ногу. Подал лекаря, что бросился к нему, знак подойти первому к Лозинскому, который получил рану в грудь.

— Ранение неопасно. Пуля в теле, — объявил эскулап, бегло осмотрев того, упавшего на землю на бок, тяжело дыша. — Полковник был милостив к вам, сударь. Чуть ниже, и задето было бы легкое. Ищите отменного цирюльника, пусть извлечет пулю.

— Ему просто повезло, вашему полковнику, — процедил сквозь зубы Лозинский, морщась от боли, отталкивая руку лекаря со сложенным полотном, которое тот хотел приложить к ране поляка.

— Как пожелаете, — пожал плечами лекарь, убирая полотно. — По мне — хоть помрите тут от кровотечения. И полковник редко когда промахивается. Мне ли не знать того... я при полку уж поболее полутора десятка лет. С вашего позволения, сударь, — и лекарь поспешил к экипажу, которому уносили потерявшего сознание Андрея, аккуратно придерживая раненую ногу.

В доме на Северном бульваре их уже ждали со свежим полотном, корпией и подогретой водой. Годы, проведенные вблизи армии, научили Марию быть готовой после каждого подобного дня, когда может пролиться кровь, обработать раны, помочь остановить кровь. Она была рядом все время, пока извлекали пулю и осколки кости из раны, белая, как полотно рубахи Андрея, но решительно выпрямившая спину — пусть только попробует кто-то увести ее из этой комнаты. Только кусала до крови губу при каждом стоне или возгласе боли Андрея, пока лекарь совершал необходимые манипуляции над раной.

Она же была рядом и после, когда уже после обработки раны, Оленина оставили в покое, напоив опиум для унятия боли. Промокала пот на его лбу, гладила и целовала его руки, пока он спал глубоким сном, орошая их своими слезами.

— Молитесь! Молитесь, чтобы миновал господина полковника «огонь», свойственный ране такого толка, — сказал на прощание Марии лекарь. — Я всегда за сохранение конечностей, да против природы не пойти. Коли что не так пойдет, придется ногу отнять... да разве ж даст он? Скорее помереть пожелает, чем калекой остаться... Молитесь, мадам.

И она молилась. Молилась так, как не молилась, наверное, даже тогда в дни его болезни. Потому что видела Петра, абсолютно беспомощного калеку, которым он стал после сражения близ Бородино, понимала, что Андрей не даст отнять ногу в твердом уме и памяти, а она сама вряд ли поддержит такое решение, как ближайшая родственница.

К вечеру дня дуэли раненого взяли под арест. Мария знала, что так и будет, ничуть не удивилась, когда увидела солдат, посланных на Северный бульвар. Пришедший с ними офицер за шпагой Андрея, когда-то представленный Марии еще в дни временного перемирия [\[525\]](#) на водах, куда она ездила в то время, сообщил ей, что вскоре будет собран трибунал по этому делу. Именно ему предстояло решить судьбу полковника.

— Да уж, и не выбрать, что хуже — разжалование [\[526\]](#) или смерть, — горько сказал офицер. — Его Императорское Величество проведал о дуэли, как на грех, едва ли не сразу после оной. И откуда только? И это ныне, когда так строго стало к войскам нашим, что постоем в городе стоят. Только чудо спасет ныне полковника, мадам, только чудо.

И она молилась и об этом чуде. «Сохрани и убереги», просила, кладя поклоны перед

образом, что возил с собой Андрей, некогда подаренным ему Марьей Афанасьевной. «Сохрани и убереги», шептала, когда началась горячка, и лекарь стал подозревать, что рана все же воспалилась. И допускала себе снова греховные мысли, вспоминая о своем зароке, вспоминая о той сделке, что когда-то предложила тому, кто взирает за ними с небес.

Через пару дней в дом на Северном бульваре пришел взволнованный Бурмин, который и рассказал Марии, что за день до дуэли Андрея с поляком Наполеон, понуждаемый своими собственными маршалами, подписал акт отречения от престола, устраняя тем самым последнюю препону к миру между воюющими сторонами.

— Может статься, и явит свою милость император наш к провинившимся по сему случаю, — говорил ротмистр взволнованной Марии, и та не могла не улыбнуться с надеждой впервые за эти дни. По крайней мере, одна из опасностей, висящих над Лениным, может быть устранена. Она так порывисто протянула руки Бурмину, благодарная за вести, которые он принес, что тот не мог не упасть на колени перед ней, не прижаться к ее ладоням горячими губами.

Ах, Боже мой, думала позднее Мария, глядя из окна, как удаляется от дома по бульвару Бурмин, как он меня любит! Чем я, такая грешная и гадкая, заслужила его любовь? Как он может любить меня ныне, зная, что я безнадежно и давно люблю того, кого он считает моим кузенком, что я живу отдельно от мужа?

Ротмистр был прав. Император смилостивился к дуэлянту и его секундантам, также посаженным под замок и лишенным оружия. Тех понижали в звании и возвращали в полк. Ленину же предстояло выйти в отставку в чине полковника. Его выдвижение в генерал-майоры и награждение золотой шпагой с алмазами за храбрость при битве при Фер-Шампенуазе были отменены. Впрочем, отставка была дана с правом ношения мундира, что было довольно неплохо при нынешних обстоятельствах, уверял Марию Кузаков, сразу же после ареста прибывший в дом на Северном бульваре.

— Это все равно ранит его, — сказала Мария, и Александр помрачнел. Верно, Ленину будет тягостно узнать об этом решении, но все же должен он понимать, что отставка лучше разжалования. Или смерти.

Молитвами Марии горячка миновала Андрея без особых последствий. Опасность «Антонова огня» ушла вслед за жаром, что ушел от раненого, оставляя взамен слабость недавней хвори. И снова она выхаживала Андрея, как тогда, в Смоленщине, стала при нем сиделкой и компаньонкой в часы одиночества. Для Марии тогда снова были самые прекрасные дни в ее жизни — те, когда он так нуждался в ней, те, когда он был так слаб и беспомощен.

Наполеон был сослан на неизвестную Марии Эльбу (говорили, что это остров), но она не поднимала бокал вина за избавление от Бонапарта наравне с остальными, а сидела у постели Андрея, недавно узнавшего о решении императора, и уговаривала его, как тому повезло, повторяя слова Кузакова.

— Знать, в Россию воротимся ранее срока. Разве ж худо? Разве не этого вы так желали? На могилу к ее сиятельству надобно бы съездить, *madam votre mere* ^[527]навестить в Агапилово. От ваших родных, между прочим, давеча письмо прибыло, — обговаривая все эти планы, она тщательно обходила тему своего будущего, которое ждало ее в России. И тему визита в Милорадово. Мария знала, что Андрей посылал разведать о Лозинском, но тот так же внезапно исчез, как и появился неожиданно более седмицы назад в их жизни. Ей очень хотелось верить, что тот уже на пути в Смоленщину, что тот все же изыщет

возможности увезти Шепелеву из Милорадово к моменту возвращения Андрея из Франции. Большого ей не надо было. Только знать, что он не с ней, той, при мысли о которой поднималась волна неприятия в груди. Уж лучше с кем угодно, но не с ней!

Иногда Марию начинало беспокоить безразличное ко всему отношение Андрея, которое установилось в первые дни после горячки. Она пыталась его отвлечь: просила выносить его в кресле в небольшой сад позади дома или на широкий балкон, читала ему вслух новинки книг, что приносили к ним в дом визитеры. Но казалось, та пустота, которую она видела в его глазах ранее, только разрасталась день ото дня. Он улыбался и смеялся шуткам, а глаза не менялись... словно последнее, что могло случиться худого в его жизни — увечье и отставка из армии — убрали некие остатки, что были в его душе до того.

К концу мая, когда Париж готовился отпраздновать долгожданное заключение мира, что давал конец столь долгой и кровопролитной войне с Наполеоном, стало ясно, что кости срастаются, и Андрей все же будет сгибать ногу в будущем, но с усилием, не так легко, как прежде. Это несказанно обрадовало Марию, опасавшуюся, что Оленин не сможет ходить вообще в будущем.

— Конечно, вы, господин полковник, — называя по привычке Андрея по званию, как прежде, произнес лекарь полка. — Уже не станете известным мастером в танцевальном искусстве, не поразите всех в танцах. И колено будет донимать вас по погоде, это уж определено. Но все же это лучше, полагаю, чем остаться вовсе без ноги, верно ведь? Советую вам податься на воды в Богемию. Все лучше для здоровья будет. Долгие прогулки пешком. Целебный воздух и вода курортов. Глядишь, и сможете ходить так же, как ранее. А там и в бег пуститесь, кто ведает... на все воля Божья!

Потому в начале июня засобирались в Богемию, а оттуда уже планировали возвращаться в Россию. Перед отъездом был устроен прощальный обед для знакомцев, которые провожали их отъезд. Армия еще оставалась в Париже, ожидая, пока государи стран-союзников определят дальнейшую судьбу побежденной Франции.

— Вы слышали? — спрашивал кто-то за столом. — Государь наш настаивает на сохранении конституции французскому народу.

— Как это благородно! — отвечали ему. — Похоже, господа, нас ждут перемены по возвращении в Россию. Судя по всему, государь выполнит обещания, что когда-то давал при вступлении на престол. Быть России с конституцией, господа!

Обсуждали и слухи о возможной попытке Наполеона отравиться, дабы избежать позора ссылки на тот дальний остров, и возможную судьбу Франции и всей Европы в частности. Говорили о России, о домах, что оставили более двух лет назад, о родных и близких. Пили за тех, кто выжил в сражениях, и за тех, кто остался на полях.

Бурмин только смотрел с неприкрытой тоской на Марию, сидевшую напротив него за обедом, на ее покатые плечи, обтянутые шелком темно-синего цвета, на ее кудри, украшенные яркими красками полуввета [\[528\]](#), на маленький букетик этих цветов, приколотый у левого плеча. Знак верности по азбуке цветов. О том, кому предназначался этот знак, Бурмину думать не хотелось вовсе.

Он просил ее писать к ней, она лишь улыбалась в ответ, молчала, чуть склоняя голову набок, разглядывая его из-под ресниц. Будто раздумывала, согласиться ей или нет. К концу вечера так и не ответила. Только дольше обычного задержала свою руку в его ладони, когда прощалась с офицерами, когда уходила на свою половину.

— Не забудьте, mon cher, выезжаем на рассвете, — напомнила Мария, улыбаясь,

Андрею. И Бурмин даже позавидовал за то счастье, которое доступно тому — быть подле нее. Как она смотрит на него! Как грустно дернулись уголки ее рта, когда она, желая кузену покойной ночи, вдруг поцеловала того в лоб! Как же все-таки жаль...

— Эх, как же жаль, что так вышло! — вдруг положил на плечо Андрея ладонь уже захмелевший Кузаков, когда они сидели в кругу офицеров в кабинете после обеда. — А ходил бы нынче генералом... зато славу обрел среди французов и союзников и в нашей армии романтического характера. Не только ведь свою честь отстоял, полка и армии! Но что вышло-то в итоге? Только душу себе растравил, вижу ведь! Не приносит кровь чужая покоя в душу, как бы ни желалось того. От тоски не избавляет...

— Оставь, не будем о том, — устало произнес Андрей, поглаживая толком незажившее колено, разболевшееся за время обеда. — Зато я уезжаю ныне домой, а вы остаетесь в Париже...

— Твоя правда! Ох, и устал я от Франции, слово даю! Домой бы... в родное имение под Ростовом, — Кузаков на миг прикрыл глаза, представляя знакомые земли. — В сад бы яблоневый подле дома. Там беседка под густыми ветвями, где чаевничает семья моя. Ах, как же прекрасны были те дни! А я-то только об армии да чинах помышлял. Думал по отрочеству, жизнь мимо пройдет, коли под яблонями теми сидеть останусь. А нынче вот — желаннее места для меня нет, кроме сада усадебного...

Тихо запел в другом углу кабинета под звуки семиструнки кто-то из офицеров, заставляя прочих чуть потише вести беседу, а то и вовсе замолчать, слушать романс, что выводил мужской голос.

Вид прелестный, милы взоры,
Вы скрываетесь из глаз,
Реки, и леса, и горы
Разлучат надолго нас.
Сладко было спознаваться
Мне, любезная, с тобой,
Горько, горько расставаться,
Горько, — будто бы с душой.

— Поедешь ли на Смоленщину, когда от границы ехать будешь? — вдруг спросил Кузаков, заставляя Андрея отвлечься от романса, повернуть к тому голову. — Поглядишь на владения свои новые или минуешь те?

— Еще не решил, — честно ответил Андрей. — Ты же знаешь, последняя воля тетушки моей — быть мне в Смоленщине, восстанавливая Святогорское. Да к чему только то ныне, когда есть и дом усадебный, и земли управитель достойно держит? Да и не знаю, смогу ли вернуться в те места, зная, что... этот дом... эти земли... как кость ныне в горле мне то имение — и не болит да дышать тягостно!

Андрей замолчал. Молчал и Кузаков, не решаясь сказать свою просьбу, видя, насколько не по себе тому от одного упоминания о том месте, о Гжатчине. Но спустя очередной куплет романса все же решился — полез за полу мундира, достал тонкий сверток бумажный.

— Коли будешь в Гжатске, то не обессудь, навести дом один. Купца Медведева, что в ростовщичестве дело ведет. Ему передай. Скажи, для сына перед Богом ротмистра Кузакова,

Александра Ивановича.

— У тебя есть сын? — едва ли иная весть могла бы удивить Андрея сильнее, чем эта.

— Говорю же — перед Богом. Восприемником стал летом прошлым, когда в полк возвращался. Как друга прошу, mon ami, поверни в Гжатск с дороги своей, уважь товарища. Верно, говорят — «с кем соль-хлеб...» [\[529\]](#). От тебя, вестимо, заразу ту принял — обо всех печься, аки о родных по крови. Вот и даю часть жалованья крестнику своему. Как говорят, «на зубок». Поспособствуешь?

— Что не сделаешь ради тебя, Александр Иванович, — покачал шутливо головой Андрей, принимая сверток из рук Кузакова. Теперь, когда у него было это обязательство по отношению к другу, разве мог он не поехать в гжатские земли, говорил он себе мысленно. И разве мог, будучи в тех местах не завернуть в Милорадово, чтобы взглянуть своими глазами, как был сделан ремонт дома усадебного, как дела ведутся в имении?

И неожиданно вдруг взволновала мысль — не достигнет его где в землях Богемии или Варшавского герцогства письмо от управителя, что Анна Михайловна неожиданно отбыла из Милорадово в неизвестном направлении. И он сам не мог себе ответить на вопрос, отчего ему так хочется, чтобы она была там, в тех землях, когда приедет в имение. Просто чтобы была там. Пусть только будет, чтобы раз взглянуть на нее, чтобы вспомнить, как она красива, и сохранить этот образ в сердце, заменяя тот, который он невольно стал забывать вследствие столь долгой разлуки.

И Андрей вдруг вспомнил, как впервые увидел Анну на рождественской службе: кокетливый поворот головы, мимолетный взгляд из-под ресниц и ту презрительную улыбку собственного превосходства, которую так хотелось стереть пальцами.

О, mon mauvais ange [\[530\]](#), отпустишь ли ты когда-нибудь мою душу на волю..?

Осень 1814 года, Милорадово

Анна аккуратно, стараясь не запачкать подол платья и редингот, присела возле могильной плиты. Смахнула с холодного камня желтые пожухлые листья, проводя кончиками пальцев по выбитым буквам и цифрам так легко и нежно, будто боясь те повредить. Она больше не плакала. И боли больше не было в груди. Осталась только грусть и сожаление, а еще чувство вины за то, что так и не призналась, так и не открыла правды отцу. Она от всей души надеялась, что где бы ни был тот сейчас, он не таил на нее зла за это.

Букет ярких поздних цветов лег на каменную плиту, прямо под надписью: «Милостивейшему и благороднейшему мужу и благодетелю, любящему отцу дочери Анны и сына Петра, ушедшему до радостного утра». Потом точно такой же букет Анна положит на соседнюю плиту, и точно так же проведет ладонью по холодному камню, сбрасывая листву, что упала со стоявшей за церковной оградой березы. Под этой могилой, совсем рядом к отцу и матери, лежал Петр, занявший это место за несколько месяцев до смерти отца. Самому же Михаилу Львовичу Господь даровал возможность встретить весну прошлого года, отнял его у Анны в апреле 1813 года. А за ним и Полин ушла. Прошлым летом умерла эта рыженькая птичка, как называли ее в доме. Смерти одна за другой. Тут поневоле задумаешься о проклятии, о котором до сих пор шептались крепостные. О том самом, что привела Анна за собой, когда-то привезя в Милорадово умирающего гусара.

Анна поднялась на ноги, отряхнула ладони от земли и травинки. Перчатки следовало беречь по нынешним временам, когда после войны все еще были высоки цены не только на продовольствие, но и на другие предметы, необходимые каждому благородному человеку. Иногда, сидя за счетами от купцов Гжатска, что доставляли с нарочными барышне Шепелевой, она даже жалела, что когда-то отказалась от той части денег, оставшейся после уплаты долга князю и после осуществимых в имении трат.

Отец тогда был сильно удивлен полученным сверх запрашиваемой суммы средствам, решил, что это будущий зять так выказывает заботу о родственниках, понимая их бедственное положение. Сначала хотел отказаться даже, но после подумал, что негоже делить что-то меж теми, кто вскоре будет связан семейными узами. Пустил эти деньги на текущий ремонт крыши усадебного дома, что наметил на весну, и на восстановление усадьбы. Купили тогда дорогие стекла в разбитые окна, кровельные материалы, а еще заказали в Петербурге каменную плиту на могилу Петра и небольшой памятник — невысокую стелу с крестом на вершине, который обнимает пухлощекий ангел.

Его установили уже после смерти отца, Михаилу Львовичу так и не довелось его увидеть. Зато его очень полюбила Полин, он словно притягивал ее сюда, к церковному погосту, пока она могла выходить из дома, не опасаясь чужих взглядов. Анна же не приходила на этот погост до прошлой осени. Боль была настолько сильна, что даже в церковь было тяжело ходить на службы, ведь за ее оградой лежали почти все те, кого она так сильно любила. Оттого и стала затворницей в собственном имении, лелеяла свое горе в темноте комнатных стен, редко даже выходила в парк. Пыталась спрятаться от боли и горя, которые свалились на нее так неожиданно в последние два года. На множественные толки и шепотки за спиной. Нет, никто открыто не говорил, и не строились более предположения, когда обсуждали то положение, в котором оказалась барышня Шепелева ныне, но Анна

знала... Знала!

Краем глаза Анна заметила темный силуэт и обернулась к подходящему к ней Павлишину. Как всегда тот смущенно опустил глаза в пожухлую траву, стал теревить шляпу в руках в волнении. Единственный человек в уезде среди дворянства, который говорил с ней без лукавого огонька в глазах или без плохо скрытого превосходства. Один из тех редких людей, наносящих ей визиты в ее нынешнем скромном жилище.

— Павел Родионович, — протянула Анна для пожатия ему обе руки, и он обхватил ее ладошки одной рукой, ласково пожал их. Мадам Павлишина, стоявшая чуть поодаль за низкой оградой на церковном дворе, явно недовольно кивнула Анне. Она не могла принять это расположение сына к Шепелевой ныне, когда та потеряла бывшее положение, когда та стала притчей в языцах (да, конечно, и она, мадам, была тому виной, но разве сама Шепелева не виновна в том более?). Ах, ворожит она что ли, эта русоволосая девица? Хотя девица ли...?

Меж тем, Анна, опираясь на предложенный локоть Павлишина, входила с погоста на двор, чтобы после коротких поклонов и вежливых улыбок со знакомцами, приехавшими в церковь на службу, пройти в темноту и прохладу храма.

— Я думала, у вас нынче заседание в Гжатске, — напомнила она тихонько Павлишину перед ступенями церкви. Тот вышел в отставку еще весной 1813 года, когда ополчение было распущено на границах империи, вернулся в родные земли и занял место в уездном суде, которое когда-то выхлопотал ему Михаил Львович. — Помните, вы говорили о нем?

— Вы запомнили то? — улыбнулся смущенно Павлишин, поправляя очки на носу. — Я маменьку привез к службе и не мог не увидеть вас, Анна Михайловна. Быть может, вы позволите мне быть завтра у вас к чаю? Маменьке не терпится угостить вареньем на меду, который наша Акулина смастерила по новой рецептуре.

Анна улыбнулась Павлишину, скрывая грусть, которую вдруг почувствовала при этих словах. Ранее она бы и мысли не допустила о том, какие споры пришлось преодолеть Павлу Родионовичу, чтобы мадам Павлишина поехала с визитом в дом Анны. Теперь же, когда количество визитеров сократилось в разы, когда поднос для карточек постоянно пустовал (да Анна уже и не ставила его), она сразу почувствовала при первых же словах, насколько не по душе мадам Павлишиной будет этот визит. И не она сама предложила его, а сын настоял на том, вне всяких сомнений.

— Вы должны были нас дождаться, Анна Михайловна, — легко упрекнул Анну Павлишин, недовольный тем, что она ушла к церкви пешком через лес, не поехала с ними в старенькой карете. Они часто подвозили ее на службу и в уезд, следуя долгу соседскому. Пользоваться же добротой управителя Милорадово, который предложил ей свободно распоряжаться лошадьми и экипажами каретного сарая имения в отсутствие хозяина, Анна не смела и не хотела.

— Я желала пройтись, — ответила она, расправляя перчатку, которую спешно натянула на ладонь, выходя за ограду погоста. — Нынче сухо, можно и прогуляться. Доктор Мانتель говорит, это весьма полезно для здоровья. Вам, верно, пора? — спросила она, заметив, каким взглядом Павлишин взглянул на циферблат часов. — Благодарю вас, что привезли в церковь моих домашних.

— Для меня сущее удовольствие служить вам, — тихо ответил Павел Родионович, поднося на прощание ее ладонь к губам. Пусть даже через ткань перчатки, но только бы коснуться ее руки! — Вы же ведаете то. Надеюсь, когда-нибудь вы все же позволите мне

повторить мою просьбу и...

— Je vous prie! ^[531]— Анна с легкой грустинкой в глазах улыбнулась, сглаживая этой улыбкой резкость, с которой она прервала его. — Прошу вас, ненадобно. Мы оба знаем, что это невозможно...

— Ошибаетесь, Анна Михайловна, — покачал с головой Павлишин. — Когда-то и избавление от Наполеона казалось невозможным, а ныне ж... Нет в мире невозможного. Только бы желание наше было на действие и только.

Ах, если бы было так, думала после стоя на службе Анна. Если бы все осуществлялось только по нашему желанию, что от самого сердца идет! Нет, бедный Павел Родионович совсем не прав. А потом подумала, что он все-таки несколько обижен на нее за отказ на предложение, которое Павлишин сделал ей прошлым летом, запинаясь едва ли не на каждом втором слове своей речи. И забавно краснея до самых ушей.

Но разве могла она согласиться, думала Анна, совсем не вслушиваясь ныне в слова, читаемые отцом Иоанном под треск свечей и тихие вздохи прихожан, крестясь только вслед остальным. Разве могла она пойти под венец с Павлом Родионовичем? Вручить ему в руки судьбы своих домашних, когда он и так бился изо всех сил, пытаясь поправить дела после войны, когда на его небольшое жалование он кормил не только мать, но и дворню, что была в его усадьбе. И мадам Павлишина явно не пожелала бы такой невестки себе: с приданным из скудного гардероба и нескольких человек на прокорм, со шлейфом слухов за спиной и маленьким дитем на руках впоследствии. Будь ее воля, она бы и порога не переступила нынешнего дома Анны, как и многие остальные, забывшие ее, словно и не было никогда знакомства.

Конечно, все было бы по-иному, согласись тогда Анна стать женой князя, не могла не подумать она. Перед княгиней Чаговской-Вольной снова бы склонялись головы подобострастно и делались низкие реверансы. За внимание княгини бы боролись, визиты в ее дом никогда не прекращались. И княгиня никогда бы не считала, насколько ей хватит средств, если она приобретет дров на несколько месяцев — с ноября по март. Княгиня бы не чинила перчатки для прогулок, а выбрасывала их без жалости при малейшем пятне на мягкой ткани. Совсем как Анна делала раньше...

Анна сжала сильнее свечу в руке. Будь проклята эта война, безжалостно разрушившая ее прежний мир! Превратившая ее жизнь в жалкое подобие той, которую она хотела бы вести. А потом вдруг взглянула на суровый лик святого, что глядел на нее с росписи стены, и устыдилась своих неподобающих мыслей, постаралась сосредоточиться на словах отца Иоанна. Но все же не смогла — отчего-то мысли снова вползли в голову одна за другой, заставили снова забыть о том, где находится она, когда Анна взглянула на огоньки свечей.

Дрова. Ныне дрова надобно было покупать, а не пользоваться добротой Модеста Ивановича. Ему и так верно беспокойно за то, что он творит с барским добром, что так вольно распоряжается им. И крышу во флигеле им этим летом справил новую, утверждая, что остались материалы от ремонта основного усадебного дома, и стены оштукатурил и утеплил, чтобы они не мерзли как прошлой зимой. Вольготно же им жилось, пока барин был в Европе, пока не на его глазах творились такие растраты на тех, кто жил во флигеле. И с огородов им урожай, бывало, приносили в корзинах, и с садов и теплиц местных, и с заднего двора приносили яйца, молоко да мясо. Анна всякий раз стыдилась брать эти подношения из рук тех, кто еще недавно называл ее хозяйкой, стыдилась, когда приходил к ней во флигель Модест Иванович и спрашивал, надобно ли чего еще барышне и людям ее.

— Отчего вы так добры ко мне? — спросила как-то Анна. — Отчего так рискуете своим положением? Или... или вы с ведома барина делаете то?

Но Модест Иванович разрушил тогда ее наивные мечты, что, возможно, это именно Андрей так исподволь заботится о ней и ее судьбе. Глупо, право, было так думать!

— Это не составляет для меня труда, Анна Михайловна, — слегка краснея, ответил тогда управитель. — Барин ведь в Европе нынче. Да и коли все делать по уму, то и опасности нет никакой...

— Пообещайте мне, — твердо сказала тогда Анна. — Обещайте, что как только господин Оленин вернется в империю, вы не станете так рисковать своим местом. Не стоит право. Мое положение не так бедственно, поверьте мне, чтобы вы пострадали из-за него.

Как Модест Иванович обещал ей тогда, при возвращении Андрея в Россию, она стала предоставлена сама себе. Обеспечение домашних отныне было только в ее руках. Мадам Элиза, снова захворавшая с наступлением осени, Иван Фомич с внуком Дениской, старая Пантелеевна, Глаша и младенец, которому, слава Богу, более не было нужды оплачивать кормилицу из села. Крестьянка, правда, тогда отказывалась, краснея от денег, что каждый раз вручал ей Иван Фомич от имени барышни, но не заплатить ей Анна не могла.

— Блажени плачущии, яко тии утешатся, — расслышала она знакомые слова, которые произносил отец Иоанн. Когда, вдруг подумала Анна, когда же воздастся за все слезы, что выплакала она за эти годы? Только бед прибавлялось на ее голову и только. А потом тут же поправила себя, снова кляня за греховные мысли во время литургии, что так и лезли в голову. Разве ж только горе было за эти дни? А Сашенька? Ее мальчик Сашенька с его детским запахом, который она так любила вдыхать, касаясь кончиком носа его макушки, едва покрытой волосенками. Его широко распахнутые глазенки, так доверчиво глядящие на окружающий его мир. Его пухленькие пальчики, обхватившие ее палец в первые минуты после появления на свет — такое простое касание, надежно взявшее в плен ее сердце. Ее дружок Сашенька...

В утешение, не иначе, Анне был послан этот мальчик, при виде которого ее всякий раз захватывал такой приступ любви и нежности к младенчику, что даже дыхание сбивалось. Разве можно променять ныне на что-то его смех, на его первую улыбку, его первые несмелые шаги из рук Пантелеевны до кресла в гостиной флигеля, его первое «Ма!», обращенное к ней? Разве можно желать повернуть все по иному пути, когда такой дар был дан ей взамен всех потерь, что случились в ее жизни?

А потом... Анна сама не поняла, отчего так вдруг ударилось резко сердце в груди и после заколотилось сильнее прежнего, заставляя кровь прилить к голове, ударить в висках. Она по уже устоявшейся привычке стояла чуть поодаль от остальных прихожан в храме, словно на дистанции от всех, у самой стены храма, низко опустив голову. Потому видела всех будто на ладони, потому тотчас заметила, как стали поворачиваться головы, как волна тихих шепотков пробежала вдруг по пространству храма, и даже отец Иоанн чуть нахмурился от этого волнения, недовольный поведением прихожан. Повысил голос, произнося слова просительной ектении.

— Не думаю, что господин Оленин прибудет в Милорадово ранее весны, — сказал Анне в свой предпоследний визит во флигель Модест Иванович. — Я не жду его прежде этого срока, судя по тому, что писал он ко мне. Так что быть может, вы все же позволите мне позаботиться о запасах ваших, помочь вам в подготовке к зимней поре...

Анна и сама знала, что Андрей вряд ли приедет в эти земли, ей писала о том Вера

Александровна, поддерживающая близкое знакомство с семейством Олениных. Но не мечтать о его приезде в Милорадово не могла, представляла себе их встречу в красках, когда лежала в постели в ночной темноте. И злилась на себя за эти мечты, на свое глупое сердце, которое пускалось вскачь при одной только мысли об этой встрече или при воспоминании о былом. Злилась, потому что не понимала, как можно мечтать о том, кто так предал, кто так обманул ее надежды, кто причинил столько боли. Разве так легко ступил бы в другие объятия тот, кто любил? Разве так быстро отринул бы былое?

Анна попыталась убедить себя сейчас, глядя на это волнение в храме, что это кто-то иной ступил под своды храма, быть может, даже князь Голицын, приезда которого ждали на днях в свои земли из Петербурга, как гласили слухи. Но знала, сердцем уже угадала, кто именно стоит в проеме, ведущем в залу храма из притвора церковного, чей взгляд вдруг наполнил ее душу таким теплом, стер из головы все дурные тревожные мысли. И так страшилась обернуться сейчас — не ошиблась ли... о, не приведи Господь! Пусть не ошиблась, Господи! Только бы взглянуть. Хотя бы раз! И вдруг обернулась резко, когда все склонили головы при очередном крестном знамении и коротком ответе «Аминь!» на слова молитвы отца Иоанна.

Андрей. Именно Андрей стоял в проеме и смотрел на нее поверх голов прихожан. И было что-то в его взгляде, отчего у нее навернулись слезы на глаза, сдавило в груди. Она смотрела на него, и вихрем в голове мелькали моменты, которые хотела бы забыть. И не только ее память хранила печать былого, но и губы, и руки, и все ее тело помнили его, этого мужчину. Захлестнуло душу вдруг желанием двинуться с места, лавируя между разделяющими их прихожанами, приблизиться к нему и прижаться к его груди, крепко-крепко обхватив руками талию, уткнуться в его плечо, забывая обо всем. Он здесь. Он прошел через огонь сражений, избежал смерти и увечья, что превратили в калек каждого третьего воина армии русской, он вернулся. Он здесь!

Анна едва успела отвернуться прежде, чем из глаз полились слезы, обжигая щеки, настолько горячими они ей показались ныне. Хорошо, что на ней вуаль, сперва мелькнуло в голове, что никто не видит ее слез. А потом подумала, что все едино, пусть даже смотрят. Впервые за эти годы она плакала, когда ее душа была полна какой-то странной благодати, когда внутри все буквально трепетало от счастья, захлестнувшего с головой.

— Тебе, Господи! — прошептала вслед остальным, вознося к небесам благодарность, что все ее молитвы, творимые за того, кем по-прежнему живо было сердце, были услышаны. Он вернулся...

— Барышня, — тронули ее за локоть, когда потянулись нестройной вереницей на причащение. Анна резко обернулась к Глаше, державшей на руках Сашеньку, уже тянувшего к ней ручки, прося, чтобы именно его «ма» взяла его. Его принесли в храм для причастия — последнюю неделю у мальчика прорезывался очередной зубик, и Пантелеевна настояла на принятии святых даров, утверждая, что это облегчит его муки и подарит немного часов покоя и тишины домашним.

Принимая мальчика, Анна не могла не взглянуть на Андрея, по-прежнему стоявшего в проеме, пытаясь угадать его мысли при виде нее с младенцем на руках, лицом столь схожим с ее чертами. Даже сердце замедлило свой постоянный ход, словно выжидая вместе с ней. А потом ухнуло куда-то вниз, когда Андрей прикрыл на миг глаза, чуть скривившись, будто от омерзения. Равно как и ее тетя, когда Анна впервые вынесла Сашеньку из комнат второго этажа, чтобы показать той младенца. Вмиг заледенела снова душа при виде этого.

— O mon Dieu! — воскликнула за ее спиной мадам Элиза. — Monsieur Оленин! Анна Это же...

— Пусть! — Анна крепче прижала к себе мальчика, отводя взгляд от Андрея. — Что за дело нам до него, мадам? Разве есть оно?

Благодарение небесам, Сашенька в этот раз покорно глотнул из чаши на причащении и спокойно сидел на руках Глаши, пока литургия не подошла к концу и после многолетия и целования креста прихожане не потянулись вереницей из храма, чтобы после разъехаться по имениям своим или разойтись по дворам. Анна увидела Андрея только на церковном дворе — он сидел на низкой лавке, прислонившись спиной к церковной ограде. Едва он заметил ее среди прочих прихожан, тут же поднялся на ноги и направился к ней, с каждым шагом наполняя ее душу паникой и странной злобой, распирающей грудь. Она вспомнила, как он поморщился, едва увидел Сашу у нее в руках, и вдруг схватила младенца у Глаши, прижала к себе. Ах, лучше бы она не видела его! Лучше бы по-прежнему в ней была жива слабая надежда, что все может вернуться на круги своя... если, конечно, она бы простила ему ту боль, что порой жалила ее ночами при воспоминаниях.

— Mademoiselle Шепелева, мадам, — Андрей остановился в шаге от их маленькой компании, поклонился, приветствуя их. Анна лишь кивнула в ответ, с трудом удерживая на руке Сашеньку. И когда он успел стать таким тяжелым, этот маленький медвежонок?!

— Monsieur Оленин, — тихо проговорила, едва сдержав порыв протянуть ему руку, чтобы снова ощутить прикосновение его пальцев к своей ладони. Или даже короткий вежливый поцелуй. Отвела взгляд на ерзающего в ее руках Сашеньку не в силах смотреть в глаза Андрея, чувствуя, как откуда-то из глубины поднимается волна душастых слез.

— Не ожидали вас увидеть в местных землях, — проговорила мадам Элиза, наблюдая со стороны, как тяжело этим двоим начать даже простой вежливый разговор, дань признанным правилам поведения. — Ваш управитель говорил, что вы напрямик к Москве проедете, минуя имение.

Анна прикусила губу, услышав эту реплику. Превосходно! Теперь Андрей будет знать, что она спрашивала о нем у Модеста Ивановича, теперь ее интерес к нему так открыт!

— Мой друг попросил меня об одном одолжении, а обстоятельства его дела привели в эти земли. При том глупо было бы не взглянуть, как поправили усадьбу, — ответил Андрей, и Анна не могла не взглянуть на него. Хорошо, что он смотрел на мадам Элизу и не заметил, как дрогнули ее руки в этот миг, как блеснули глаза.

— Позвольте мне снова выразить мои соболезнования вашей утрате, Анна Михайловна, — обратился на этот раз к Анне Оленин. — Мне было безмерно горько получить вести о кончине вашего батюшки. Истинный дворянин. И ваш брат... Армия и Отечество потеряло славного офицера в его лице.

— Я должна бы поблагодарить вас, monsieur Оленин, за вашу доброту, — произнесла отстраненно и резко Анна, возводя между ними преграду своим предельно вежливым обращением. И видя удивление, мелькнувшее в его глазах, пояснила. — За то убранство, которое ныне на могиле батюшки. Самой бы мне и не сподобиться на то.

— Это было честью для меня, — поклонился ей в ответ Андрей. В этот момент Сашенька снова заерзал в руках Анны и капризно захныкал, выражая свое недовольство. Ему хотелось вернуться поскорее в теплый дом, поесть жидкой каши из протертой гречихи, которой с прибаутками кормила его нянюшка, хотелось в свою колыбель.

— Александр Шепелев, — произнесла Анна, заметив, каким вопросительным взглядом

снова посмотрел Андрей сначала на ребенка, а потом на нее. И добавила зло и резко. — Mon fils [\[532\]](#). Простите, monsieur Оленин, нам самое время ехать. Нынче не та погода, чтобы дитя столь долго держать не в тепле. Еще раз простите...

— Bien entendu [\[533\]](#), - склонил голову Андрей каким-то странным тоном. А потом вдруг протянул ладонь в ее сторону, и она не могла проигнорировать этот жест, как ни хотела в этот момент. Помимо воли вложила пальцы левой руки в его руку, и он легонько сжал их в прощальном жесте. А потом скользнул большим пальцем вдоль ее пальчиков, обтянутых тонким бархатом — от самых кончиков до костяшек, и Анна едва не задохнулась от того наплыва чувств, что вмиг закружили ее. Снова захотелось качнуться в его сторону, упереться лбом в его широкое плечо. Чтобы он снова вернул в ее жизнь тот покой и благодать, которые она чувствовала только в его присутствии. Чтобы жизнь переменилась...

Но только кивнула на прощание и убрала пальцы из его ладони, зашагала прочь со двора церковного, прижимая к себе хныкающего Сашеньку и едва не плача сама отчего-то. Андрей смотрел ей вслед, она ощущала на себе его взгляд, оттого и держала гордо голову. Ведь гордость — это все, что у нее осталось ныне. Только гордость.

Именно она помогала Анне переносить стойко то, что происходило ныне в ее жизни и не показывать окружающим, как ей больно, горько и страшно перед будущими днями, как не по душе настоящие дни и явное пренебрежение соседей. Вон и мадам Павлишина, еще пару лет назад так заискивающая перед Михаилом Львовичем в хлопотах о судьбе сына, ныне держит себя с Анной свысока, показывая порой какое одолжение она делает, помогая той, кто так опозорена в глазах всего уездного общества. И теперь она намеренно прикрывала глаза, показывая, что устала и не расположена вести бесед, пока карета медленно пробирается по распутице дороги к имению, некогда принадлежавшему Шепелевым. Анна с трудом терпела эти вынужденные совместные поездки с Павлишиной, но разве ныне у нее был выбор?

Но зато в том было и некое преимущество, что они были в карете не одни с мадам Элизой, и та не может выговаривать ей за поведение у церкви. Анна видела, как округлился рот у мадам, когда она представила Сашеньку, видела, какие яростные взгляды мадам сейчас кидает на нее, сидя подле Павлишиной. Хорошо, что та не видит их, иначе бы тут же стала строить предположения и догадки, чтобы позднее обсудить те в соседских гостиных и салонах. Хотя и без того почва для обсуждения была богата — это ж надо же, вернулся в Милорадово Оленин, бывший жених девицы Шепелевой. Анна представила, как будут переговариваться в гостиных и салонах имений.

— ... Да-да, той самой девицы, что живет теперь во флигеле усадебном с дитем, неясно от кого прижитым. Certes [\[534\]](#), наслышаны мы о том, что дите брата Шепелевой и дочери мадам, но тут так все неясно до сего дня... И дочь мадам, и девица Шепелева столько не появлялись в те дни, поди разберись, кто был в тягости-то. А ведь о последней столько толков было! Только вспомните! И недаром же помолвка расторгнута... On dit [\[535\]](#), аккуратно из-за истории с тем уланом французской армии. Как? Вы не слышали? Тогда слушайте...

И снова пойдут толки по округе, снова проснутся кумушки и сплетницы. Снова за каждым шагом Анны будут наблюдать десятки глаз и в Гжатске, куда та ездила по делам изредка, и в храме, где бывала на службах. Она думала, что уже привыкла к этим толкам, но нет, даже воспоминание о них вызывало горечь. Как же жестоки люди порой! Особенно к тем, кто когда-то был выше их и нежданно упал вниз. А потом вдруг подумала — разве сама не была жестока к тем, кого считала ниже себя когда-то?

Уже в доме, доверив Сашеньку Пантелеевне, Анна поспешно убежала к себе, едва не запутавшись в подоле платья и редингота, перепрыгивая совсем неподобающим для девицы образом через ступени лестницы. Напрасно ей крикнула в спину мадам Элиза что-то. Слушать ее замечания и спорить с ней у Анны не было сейчас сил. Упала в постель, зарывшись лицом в подушки, кусая тонкое полотно зубами, чтобы не дать сорваться с губ ни единому вскрику или всхлипу. Долго лежала, прислушиваясь к звукам, что доносились до ее уха.

Тихо стучали топором во дворе — это старый Иван Фомич рубил сухие ветви, которые принес из леса Денис. Шумно передвинули стол в большой комнате первого этажа, служившей теперь и гостиной, и столовой, видно, сервировали к обеду. Тяжело вздыхала за стенкой в своей комнате мадам Элиза — она только выправлялась от последнего приступа хвори, потому сильно уставала. А еще от горя, что снова будет выплакивать этой ночью, как плакала обычно после поездки в церковь и на ближайший к ней погост, где лежала Полин под резным деревянным крестом, который справил деревщик Милорадово. Прошло уже более года, как не стало этой рыжеволосой птички, но для матери разве есть срок?

Такие привычные звуки. Обыкновенный день, так похожий на другие дни, которые медленно проходили в стенах этого дома. И в то же время для Анны снова все поменялось бесповоротно. Потому что где в полуверсте от этих стен был он. Потому что он вернулся...

Анна поднялась с постели, стала развязывать ленты шляпки, а потом вдруг шагнула к окну, отодвинула занавесь в сторону. Оно аккуратно смотрело в сторону усадебного дома, где мог быть сейчас Андрей. Что он делает в этот миг, подумала Анна, пытаясь рассмотреть через сплетения голых ветвей парковых деревьев стены дома. Где он в этот миг — в которой из гостиных или салонов? Или он в одной из спален? Которые покои выбрал себе?

Она приложила ладонь к холодному стеклу, раздвинув пальцы в стороны. Что ей теперь делать? Как она сможет жить здесь, зная, что он так близко к ней — в пяти минутах ходьбы, не более. Как сможет находиться рядом с ним, когда ее так тянет к нему? Анна прислонилась лбом к стеклу, желая унять тот жар, что сейчас горел в ее теле. А потом закрыла глаза и подумала, что было бы ныне, если бы все осталось, как прежде? Какой была бы их встреча? Верно, такой, как виделась ей иногда во сне — вот они встречаются взглядами, и она едва не задыхается от радости, что охватывает ее при виде Андрея. А потом она бежит к нему, не обращая внимания на окружающих, забывая о правилах приличия. Бросается к нему, и Андрей обнимает ее крепко-крепко, что даже больно в ребрах, а она плачет и тихонько шепчет ему: «Как же я тебя ждала...» Или покрывает поцелуями его лицо и шепчет. Или ничего вообще не шепчет, потому что он ее целует глубоко и горячо, как тогда, в лесу или в парке. Или в том сарае...

Ах, как прекрасно было бы, если бы все было иначе! Если бы не было того, что ныне. И если бы не было Сашеньки, она бы жила совсем иначе и могла бы...

А потом вдруг сорвалась с места, выбежала вон из спальни, спустилась вниз, в одну из комнат, где жила Пантелеевна с маленьким Сашей. Бросилась к его колыбельке, тронула пальцами его мягкие волосики, с трудом сдерживаясь, чтобы не достать его из постели, не прижать к себе, не зацеловать эти пухленькие щечки, коря себя, что впервые за это время допустила такую страшную мысль.

Но только погладила подушечкой пальца его щечку, коснулась сжатых в кулачок пальчиков, улыбаясь сквозь слезы его сну. Разве можно обменять собственное благополучие на этого ангела? Потому и осталась здесь, в Гжати, вместе с мадам Элизой и горсткой

бывших дворовых, отпущенных на волю покойным отцом (хотя нет, не всех — Глашу отпустил уже Оленин, на удивление и радость Анны). Не оставила на произвол судьбы тех, кого считала такими родными и такими близкими себе, как ни увещевала и ни грозила ей Вера Александровна. И дитя, что тогда только заявило о своем будущем появлении на свет, не смогла оставить.

«Схорони себя, прошу! И ее сохрани. Для меня... прошу!», сказал когда-то Анне брат о Полин, и в ее голове постоянно звучали именно эти слова всякий раз, когда тетя расписывала ее будущее, если племянница не уедет с ней в Москву.

— Оставим в сторону тему средств и прочего благоденствия, — говорила тогда, недовольно поджимая губы, Вера Александровна. — Подумай о renommée. Остаться в одном доме с порченной девицей! Это неслыханно!

— Я не могу оставить их сейчас, — упрямо твердила Анна, вспоминая, как перепугана Полин, как тяжело она носит дитя, как пополнила за эти дни. Ее ноги распухали порой так, что она даже не могла ходить. И стала так часто беспокоить головная боль, от которой даже укусы и капли не помогали, что Анна не могла не тревожиться за нее. — Не сейчас, Вера Александровна. Покамест мы можем с позволения господина полковника жить во флигеле, а после... после того, как дитя появится на свет...

— Ты до того нанесешь себе урон, Анна! Подумай о том! — почти кричала тетя. Но разве Анна могла оставить Полин, когда та еще утром так плакала горько, сжимая ее ладонь? Ее волосы потускнели, а лицо побледнело так, что на нем без особого труда можно было разглядеть мелкие пятнышки, усыпающие нос и лоб. Живот был почти незаметен в складках платья на фоне неожиданной полноты.

— Я останусь до того самого дня, — решила тогда Анна, намекая на день родов. — Я не могу уехать ранее, она так боится...

— Тогда постарайтесь скрыть ее положение, как только это возможно, Анна! — Вера Александровна не скрывала своей злости. — Ради своего же блага! И ради имени нашей семьи. Ты и так уже натворила вдоволь, так будь же благоразумна ныне. До того дня и ни более!

Но и после родов Анна не уехала из Милорадово. Да и могла ли, когда случилось то, чего они так боялись? Роды начались неожиданно, еще до срока. Ребенок решил появиться на свет почти за два месяца до срока, что предполагали, и это не могло не вселять ужас в Анну, мечущуюся в гостиной флигеля из угла в угол. Она могла только догадываться о том, что происходит в спальне наверху по крикам и тихим голосам, доносящимся оттуда, по редким и безудержным рыданиям мадам Элизы.

В те дни, помнится, будто небеса разверзлись над землей — плотной стеной шел ливень, размывая дороги окрест, затрудняя видимость на несколько шагов вперед. Суеверная Пантелеевна без устали крестилась, утверждая, что это, видимо, «хляби небесные разверзлись, топя грешников, как о том в Библии писано», внося сумятицу в и без того растревоженную душу Анны.

Доктор Мانتель тогда не отходил от Полин ни на шаг целые сутки, только раз спустился вниз, к перепуганной Анне, сидевшей в летних сумерках, не зажигая свечей.

— Пошлите за отцом Иоанном, — хмуро произнес он, не глядя Анне в лицо, вытирая старательно полотенцем чистые ладони. — Успеть бы обряд крещения сотворить...

— Дитя...? — спросила тихонько Анна, прислушиваясь к странным мяукающим звукам на втором этаже.

— Мальчик, — коротко ответил доктор, и Анна чуть улыбнулась сквозь слезы. У Петра родился сын. А потом побежала быстро в спальню к Полин, чтобы взглянуть на того, кто появился на свет.

Он был таким маленьким, ее Сашенька, что глаза казались огромными на его личике. Голубые, разрезом так схожие с глазами брата или ее собственными. А когда дитя захватило в плен ее палец, которым Анна робко коснулась его маленькой ладошки, в ее душе словно какая-то дверца распахнулась, выпуская на свет нечто огромное и светлое, окутавшее ее облаком. Всю ее любовь к этому маленькому человечку.

Анна стала его крестной матерью, когда отец Иоанн спешно проводил обряд крещения, торопясь завершить тот, чтобы младенчик не ушел безымянным ангелом на небеса. Нет, думала тогда Анна, прижимая к себе мальчика, он не уйдет от нее, она никогда не допустит этого. И она всегда будет рядом с ним. Всегда! В ту ночь, когда совершали обряд в редком свете свечей гостиной под шелест дождя, она видела только его глаза, слышала только его плач, когда на его лысую макушку лилась вода при крещении. Как и в последующие ночи, что провела подле его колыбели, заменяя ушедшую от Саши мать.

Полин умерла через несколько дней, когда того совсем не ждали, когда даже жара родильной горячки не было у нее. Анна тогда сидела возле ее постели, укачивая колыбель с Сашенькой, который никак не желал засыпать, а Полин говорила, как счастлив бы был Петр, коли довелось бы увидеть сына. Все произошло в один миг. Вот Полин улыбается Анне, чуть морщась (ее по-прежнему мучили головные боли), а потом вдруг уставилась в одну точку, не видя ничего. Дернулись веки, дрогнула мелко линия рта, будто ее тик вдруг ударил. Откинулась голова назад в подушки, затряслись в судороге конечности. Анна до сих пор помнила свой крик, когда подскочила на ноги, выхватив из колыбели Сашеньку. И как билась в постели Полин, постепенно замирая, отходя в иной мир. Она прожила после того удара всего несколько часов и тихо ушла к Петру. Очередная смерть в Милорадово. Очередная потеря Анны...

— Ты должна оставить этого ребенка, Анна! — прибывшая спустя седмицу тетя была тверда в своем убеждении. Она даже не взглянула на этого незаконнорожденного, когда Анна вынесла его в гостиную. — Ты должна понимать, что тебе никак нельзя быть при нем. Оставь его. О нем есть, кому позаботиться. Ты же должна думать о себе в сложившемся положении. Иначе упустишь возможности устроить свою судьбу! А иного пути как замуж тебе нет ныне. Даже мещанин трижды подумает о том, чтобы взять в жены девицу с таким пятном, что уж говорить о человеке нашего круга! Ты должна оставить этого ребенка!

— Я не могу, — тихо прошептала Анна, сидя у колыбели племянника, глядя, как тот спит, приоткрыв маленький ротик.

— Ты потеряешь все. У тебя еще есть возможность устроить свою жизнь. Ради чего ты ее губишь? — тетя непонимающе качала головой. — Поедем со мной в Москву, Аннет. Москва ныне — как прежде, с балами и раутами. У тебя нет приданого, кроме твоей красоты и ума, но и того будет довольно, я уверена. Подумай о себе!

О себе? Разве не дала она зарок еще в ту ночь, когда узнала о тягости Полин, что отныне будет думать о тех, кто дорог ей, прежде самой себя? Пусть даже в ущерб собственный. И Анна упрямылась, а Вера Александровна теряла остатки терпения. Не была бы Анна в совершеннолети, то увезла бы ту силком, а ныне ж! Вот воспитали чертовку себе на голову!

— Я расскажу тебе, позволь, что тебя ждет, милочка! — прошипела тогда она. —

Останешься при этом незаконнорожденном, и жизни былой никогда не будет. Ты без средств к существованию, без крыши над головой. Да, Оленин позволил тебе остаться здесь, в Милорадово, но что будет после, когда он вернется из Европы? Насколько хватит его благородства, чтобы держать тебя на своих землях? И на что ты будешь жить и содержать людей, что в доме ныне? Продавать то, что французы не нашли? Так недолго тебе хватит содержимого ларцов фамильных, по нынешним-то временам, когда каждый второй в заклад существует?! И что после? Нищета и голод? Да и потом — тебе не будет более хода в дома приличные. Все отвернутся от тебя, затворят двери. Ты этого желаешь?

— Пусть так, — проговорила тихо Анна, обжигая тетку взглядом. Упрямство светилось в ее глазах, и Вера Александровна поняла, что проиграла, что ей не переубедить племянницу. Что ж, то, что не сможет сделать она, отменно сотворит время! Пройдет год-два, и Анна поймет, кто был прав.

— От тебя все отвернутся, Анна, — глухо сказала Вера Александровна. — И даже я с дочерьми буду вынуждена отрицать любую связь с тобой. Ради собственного имени... у меня же дочь на выданье, Анна! Я не смогу... Анна, прошу тебя! Ради себя же, подумай!

— C'est décidé. Pardonnez-moi, ma tantine ... [\[536\]](#)

Анна знала, что тетушка права, что ее решение принесет неотвратимые изменения в ее судьбу, навсегда переменит ее жизнь. И была готова ко многому, даже к тому, что стала *persona non grata* [\[537\]](#) для большинства в уезде. Но оказалась совсем не готова к тому, что Андрей так скривится, как сделал это в церкви, глядя на ребенка на ее руках... Видит Бог, совсем не готова. Как и к его приезду, снова всколыхнувшему в ней волну, казалось, уже позабытых со временем эмоций и чувств.

— И как же мне ныне, Сашенька, дружочек? — прошептала Анна тихо, поправляя одеяльце на груди мальчика. — Как же мне ныне быть?

Полночи металась в постели, будто в горячке, сбивая простынь. В комнату к тому же без стеснения заглядывала в ту ночь полная луна, разливая щедро свои лучи, мешая своим светом крепкому сну. Впрочем, Анна понимала, что не только небесное светило виновато в ее бессоннице. Мысли не давали покоя, тревожили голову и душу, тянуло каким-то странным сожалением на сердце.

Быть может, мадам Элиза права? Быть может, не стоило ей говорить, что Сашенька ее сын? Хотя разве обманула ли она Оленина? Она ведь младенчику мать, пусть и названная, пусть и перед Господом. А потом вспоминала, как он скривился в церкви при виде дитя у нее на руках, и сердце в очередной раз сжалось.

— Почему меня нельзя принять такой? — горячилась еще прошлым днем Анна за легким ужином, когда мадам Элиза высказала ей недовольно все, что думала по поводу поведения у церкви. — Почему нельзя принять с дитем, коли любовь? Чтоб было, если бы тогда в сарае я... меня... чтоб было? Неужто не принять?

— Человек должен быть исключительных душевных качеств..., - начала мадам Элиза, но Анна прервала ее.

— Он должен именно любить! Ведь коли любишь, примешь любого — сирого и убогого, калеченного и здорового. И даже с дитем примешь, коли есть чувство в груди! А если нет чувства, то и не надобно...

А потом умолкла, переводя дыхание, сбившееся от приступа острой боли, что кольнула сердце. Она думала, что привыкла к взглядам искоса, к ледяной вежливости, к взглядам, которыми одаривают порой исподтишка маленького Сашеньку. Но привыкнуть к презрению со стороны Андрея... нет, привыкнуть к этому она не сможет никогда, видимо. И это причиняло боль. Боль, от которой, как она думала, Анна избавилась еще полгода назад, когда сожгла полученные в пакете из Европы письма, написанные собственным по-детски округлым почерком. И которая вспыхнула обжигающим огнем и горела один-единственный день, когда в этой самой комнате она получила подтверждение своим опасениям, своим мыслям, что так тщательно гнала от себя прочь все эти годы.

И тут же реплика от мадам Элизы, словно та мысли Анны прочла о той встрече, против которой всегда была и которая послужила причиной их трехдневной размолвки.

— Ты говоришь о понимании и прощении, когда сама...

— Что толку говорить о том ныне? — Анна второй раз нарушила правила приличия, прервав мадам Элизу, за что и удостоилась укоризненного взгляда той. Но продолжать разговор она явно не желала — едва закончила трапезу, как села за клавикорды, которые поставили во флигеле еще прошлым летом по настоянию Модеста Ивановича.

Пальцы легко бегали по клавишам, звуки музыки наполнили дом, заставляя прислушиваться не только мадам Элизу, тяжело опустившуюся в кресло у окна, но и Ивана Фомича, занятого в кухне починкой тулупа, и Пантелеевну, качающую на руках маленького Сашеньку, и Глашу, аккуратно перекладывающую из огня в корзину горячие кирпичи для согревания холодной постели барышни. Каждый из них думал о тех днях, которые уже никогда не возвратятся вновь. Каждый погружался в прошлое под тихие звуки музыки и шелест дождя со снегом, стучащегося в окна их небольшого домика.

Анна же играла и смотрела на расписную крышку клавикордов, на пасторальных

пастушек, держащих в руках свои маленькие посохи, на белых овечек на зеленых просторах лугов, на парочку, что примостилась на узкой дощечке качелей. Они казались такими живыми и такими влюбленными в потрагивающем свете свечи, стоящей на клавикордах, что вдруг разозлилась Анна этой миленькой картинке влюбленных. Ей показалась пастушка, подставляющая щеку для поцелуя, такой глупой, что даже хотелось зубы стиснуть от ее глупости и наивности. Вон как улыбается безобразник, позволивший себе вольность! Совсем скоро он будет качать на качелях совсем другую пастушку из числа тех, что стояли в правом углу росписи, а эта будет плакать, глотая горькие слезы. Не потому ли так горестно склонила голову к правому плечу одинокая девица в левом углу росписи крышки клавикордов? Не потому ли, что уже когда-то качалась на этих качелях? Не потому, что ныне на них совсем другая девица...?

— Le diable soit de lui! [\[538\]](#) — а потом сама же испугалась своего шепота, своих мыслей, убежала из комнаты к себе, где, не обращая внимания на испуганную ее внезапным вторжением в тишину спальни Глашу, упала на колени перед единственным образом, который забрала из молельной усадьбы. И снова с укоризной смотрела на Анну Богородица, улыбаясь таинственной улыбкой. И снова она молилась до того самого момента, когда в доме гас последний огонь, когда он погрузился в ночной сон.

Только теперь просила уже об обратном у Божьей матери. Не вернуть в Милорадово Андрея, а увести его из этих земель. Потому что сердце снова заныло тихонько. Совсем позабытое ею до сего дня сердце снова начинало биться в груди не так, как обычно. Уж лучше пустота, чем боль. Уж лучше не видеть его вовсе, чем замечать холод или равнодушие в его глазах. Или что еще хуже — презрение...

А еще она снова и снова вспоминала той ночью каждое слово, что говорила нежданная гостя в тот летний день, гордо подняв голову в модной шляпке. При виде ее платья, этой самой шляпки с пышными перьями и расшитого бисером ридикюля на длинном шнуре как никогда Анна ощутила безысходность положения, в котором оказалась с недавних пор. Уже не по моде длинноватое платье из простого ситца, кружево косынки на плечах с незаметными взгляду следами починки, как и на черных тонких митенках, почти протертая подошва туфелек. И выбившиеся тонкие пряди из заколотых на затылке волос на фоне гладкого узла рыжих волос, скрытого под шляпкой. Темный траур и невзрачность Анны на фоне яркого и насыщенного бордо и великолепия Марии.

— Зачем вы принимали эту женщину? — горячилась тогда мадам Элиза, как всегда на «вы», когда злилась на свою своенравную подопечную. — Мало ли себе на голову уже толков получили?

Зачем? Анна и сама не знала. Ей просто вдруг захотелось увидеть ту, что все-таки добилась своего, получила самое желанное для Анны ныне — пусть не любовь Андрея, но его страсть, нежность. Они долго обменивались с мадам Арндт холодными любезностями тогда, будто примеряясь друг к другу, выискивая места защиты и нападения. Но так и не сошлись, не скрестили лезвия невидимых шпаг.

В стоявшей у распахнутого в сад окна колыбели, скрытой от взгляда гостя креслом, захныкал тихонько Сашенька, пробуждаясь от дневного сна, заворочался, сбрасывая одеяльце, и Анна поспешила взять его на руки, не давая плачу стать громче и настойчивее.

— У вас дитя! Дитя! — ахнула за ее спиной Мария, прижимая ко рту ладонь. Анна, как ни пыталась, так и не смогла разгадать эмоции, отражение которых мелькало в глазах гостя. Странная смесь неприкрытого горя, злобы и какого-то злорадства. Остальное так и

осталось тайной для Анны, потому что Мария быстро сумела выправиться, вернуть лицу выражение холодной вежливости.

— А мне не довелось стать матерью, — тихо сказала она, как-то странно глядя на Сашеньку, уставившегося на незнакомую ему женщину во все глазенки. — Не позволил Господь доносить до срока дитя, скинула... А было бы такое же, верно... Я бы девочку желала.

А потом вдруг как-то повысила голос, зазвучали резче слова. Это было так неожиданно, что Анна не успела сообразить — вот-вот в этот же миг ударит словами наотмашь.

— Я постоянно думаю о ней. Какой бы она была, с чьим лицом схожей — Andre или моим? Ваш младенчик так схож с вами, — Анна не могла при этих словах не уткнуться лицом в шейку Сашеньки, пряча на миг повлажневшие глаза от гостьи, которой была бы приятна ее боль. — Господь подарил вам дитя, а мне... мне не довелось!

Анна выпрямилась и взглянула на Марию только, когда услышала шелест платья — та уже отходила к дверям, в которых вдруг задержалась и обернулась к ней.

— Его волокитство тому виной! Вы счастливица, что сей участи были лишены — видеть своими глазами... чувствовать эту боль! Вы удивлены? Полагали, как и многие знакомцы, что он иной? О нет! Не таков он, каким видится чужими глазами. Коли б ведали, что и в семье... в собственной же семье!

«...Слыхала бы ты, что за толки ходят о нем, ma chere, и слова бы ни говорила о его благородстве», зашептал в тот же миг в голове Анны гадкий и злой шепот брата. «...ведала ли ты, что наш бравый ротмистр обожает вот таких невинных девиц, как ты? ...о нем и о его belle bru [\[539\]](#), madam Nadine... дочь madam Nadine от того, кого должна бы та называть „mon oncle“ [\[540\]](#)... навещал ту далеко не по-родственному».

— Подите же вон! — тихо ответила Анна, прикасаясь губами к затылку Сашеньки, обтянутому ситцем чепца, будто пытаясь в его тепле, в его дивном младенческом запахе укрыться от остального мира, так жестоко вторгшегося ныне в ее мирок вместе с этой женщиной в дорожном платье цвета бордо. Ее столь лелеемый покой так безжалостно нарушен. Как и ныне, когда вернулся тот, кого она и ждала с замиранием сердца, и в то же время так не хотела видеть...

Вечерние молитвы Анны дошли до адресата скорее, чем она полагала. Уже на следующий день, когда расселись за столом в гостиной флигеля за чайной трапезой, мадам Павлишина произнесла имя Оленина. Анна в тот день не ждала гостей, понадеялась, что не приедут к чаю, глядя в окно на снегопад, начавшийся на рассвете и до сих пор заметавший землю белой пеленой. Но ошиблась — к трем часам старенькая карета на широких полозьях все же подъехала к крыльцу, а ее пассажиры, торопясь вернуться от ветра и снежных хлопьев, быстро прошли в дом.

— Ну, и метет метелью нынче! — качала головой мадам Павлишина, с наслаждением отпивая горячего чая с ромашкой из пары. — Упаси Господь в дальнюю дорогу пускаться в сей час — накроет так, что мало не будет казаться! Так и пропасть недолго. И что только гонит соседа вашего в непогоду нынешнюю? Аки черт его из дома погнал...

— Соседа? — удивилась сперва Анна, все еще по привычке думая о хозяевах приграничных к Милорадово земель. Только потом сообразила, о ком речь ведет мадам Павлишина, цепко вглядывающаяся своими подслеповатыми глазками в ее лицо. Оттого и попыталась сохранить спокойствие, не позволила ни единому мускулу лица шевельнуться. Только пара, которую в тот миг передавала Павлу Родионовичу, чуть дрогнула, расплескался

чай на блюде из тонкого фарфора под внимательным взглядом того.

— *Votre voisin* [541], Оленин. Мы повстречались, когда к флигелю поворачивали. Не могли не остановиться, чтобы поздороваться. *C'est à n'y rien comprendre* [542], он едва ли нас удостоил парой фраз! Торопился отбыть, будто куда опаздывать мог, — покачала недовольно головой мадам Павлишина, а потом чуть назидательно произнесла. — Но то только к лучшему, моя милая Анна Михайловна! Подумать только — жить едва ли не бок о бок с *garçon* [543] вам можно ли? Вот кабы был бы женат да с супругой с вами соседство делил, то иное дело. А так никак не можно девице в таком близком соседстве! Вот воротится с Москвы с супругой — то-то и оно будет...

Анна не могла не думать об этих словах, так и просидела, не участвуя в общем разговоре за трапезой чайной. Только рецептуру варенья спросила у мадам Павлишиной вежливо да о погоде пару реплик вставила, уже совсем по-иному глядя на метель за стеклом. Где-то там, через эти белые вихри пробирается карета, увозящая Оленина прочь из этих земель и от нее. Как она и просила прошлым вечером. Но разве ж желала такого быстрого отъезда? Без разговора, пусть даже вежливого и о сущих пустяках. Пусть даже в кругу многих персон. Лишь бы снова увидеть...

Долго стояла после того, как проводила Павлишиных у окна, наблюдая за их отъездом, а скорее глядя в никуда, на этот танец белоснежных пушистых танцовщиц, что к сумеркам стал более плавным. Лишь руку подняла на прощание, когда Павел Родионович вдруг обернулся на нее, стоящую в окне, взглянул как-то странно через запотевшие стекла. Он казался таким странным среди белого пространства, окутавшего окрестности, таким нескладным, что Анна не могла не улыбнуться ему на прощание. Бедный Павел Родионович, отчего подумала, когда карета, дернувшись с места, покатила прочь от флигеля, увозя своих пассажиров. А потом — «*prenez de moi!*» [544] — прислоняясь лбом к холодному стеклу, касаясь ладонью его, словно желая через этих белых танцовщиц коснуться совсем иного, не такого холодного.

Толи этот визит на чай разбередил душу Анны, толи еще не улеглись с ночи тревоги и волнения, мучившие ее до рассвета, но она после отъезда Павлишиных вдруг стала суетной, не находила себе места. То садилась за клавикорды и принималась наигрывать мелодию, то отстранялась от инструмента. То принималась за рукоделие, то швыряла его прочь на столик подле кресла. И даже игра с Сашенькой не успокоила ее.

— Куда это ты? — встревожилась мадам Элиза, когда спустя время Анна приказала Глаше подать ей редингот и шляпку на меху. За окном уже почти стемнело, и пусть метель улеглась, но снег все падал, кружась в замысловатом медленном танце.

— До дома усадебного, — ответила Анна. — Возвращу книги, покамест возможность для того есть. Пафнутий Иванович был столь добр, когда позволил мне пользоваться библиотекой, негоже его под барский гнев подводить. Вдруг приметит Оленин, что романов нет на местах? А так... покамест нет его... А может, что возьму с полок. Чего вы желаете, мадам? Расина? Мольера?

— Я бы желала, чтобы ты в такую непогоду тут была, при мне! — твердо ответила мадам Элиза, но знала, что ее слова так и не будут услышаны — уж слишком блестят глаза, слишком сильно поджаты губы Анны. — Хотя бы провожатого возьми. Вон Дениску пусть кликнут! По темноте-то ходить... *ah voilà!* [545]

Снег охладил пылающее лицо, приятно коснулся холодной влагой тающих на лице

снежинок, и Анна вдруг почувствовала, что незря вышла из дома в сгущающуюся вечернюю темноту. Чуть замедлило бег сердце, успокоилась кровь, не ныла странно душа, будто примерзла на холоде ноябрьского вечера.

Но при виде светлеющей громады дома среди черноты парковых деревьев все же заколотилось в груди, перехватило дыхание, будто от быстрой ходьбы. Хотя может, так оно и было, подумала Анна, когда Дениска с трудом распахнул перед ней входную дверь в темный вестибюль. Может, просто от ходьбы быстрой так сердце колотится, и только! Глупое сердце! Вон как темно в доме, как тихо... Разве ж так бывает, когда барин в усадьбе? И не питай надежды никакой, мое глупое сердце...

Как же были знакомы все повороты и все проходы через анфилады! Каждое очертание мебели (хотя нет — в большинстве комнат появилась и новая), каждый силуэт статуэток и ваз. Анна тихо шла через темные комнаты, прижимая к себе книги, стараясь не вспоминать, как когда-то выглядели эти комнаты при свете, не вспоминать голоса, которые звучали в них. Она наблюдала за восстановлением усадебного дома со стороны эти два года, заходила с молчаливого позволения Пафнутия Ивановича, занявшего пост дворецкого в Милорадово, в комнаты и залы, будто заново открывая их. Как и бальную залу на втором этаже.

Анна не могла не улыбнуться грустно, когда вспомнила о том. Снова сверкала позолота светильников и лепнины стен даже при тусклом дневном свете, играли красками росписи, блестел начищенный паркет. Ни единого следа, которые оставили на память о разграблении варвары. Будто и не было ничего — ни войны и грабежа, ни разрухи и бедности. Ни того расставания... Она прошлась тогда в экосезе по этому навощенному паркету, улыбаясь толпящимся в дверях лакеям и горничным, что поднялись взглянуть на барышню, дворецкому и мадам Элизе. И в то же время плача в душе тихонько. Ведь вдруг вернулась на годы назад, на Рождественский бал, на котором во время экосеза ее руку так обожгло простое касание пальцев. И его глаза... Она готова была поклясться, что до сих пор помнит выражение глаз Андрея, когда он смотрел на нее во время совместных фигур того танца.

В библиотеке было довольно светло, даже можно было, напрягая зрение, прочитать названия романов на толстых и тонких переплетах, стоящих на полках высоких шкафов. Сначала Анна даже обрадовалась этому — не надо было звать Пафнутия Ивановича или лакеев, чтобы подали свет, побыть одной в тишине комнаты, погрузившись в воспоминания. А потом нахмурилась. Отчего свет? Шторы-то бархатные опущены, не от луны, значит.

Анна обернулась резко и заметила, что свет идет от свечей в канделябре на столе кабинета, дверь в который была распахнута настежь. На салфетке подле канделябра тарелка с тонко нарезанными кусками ветчины и сыра, уже явно использованные приборы — крест накрест. Темная бутылка вина и стопка книг. Скомканные листы бумаги на столе и полу, небрежно брошенные перья, одно из которых было сломано.

Анна стала отступать аккуратно к выходу из библиотеки, лишь теперь встревожившись не столько от увиденного беспорядка в кабинете, но и от отсутствия слуг в крыле. Никого. Во всей половине — никого! Не побеспокоить бы того, кто в кабинете, невидимый до сих пор ей, раз даже слуги опасаются попасться на глаза. О, Бог мой, отчего она сразу пошла сюда, отчего не кликнула никого?! А потом задержалась на миг, вдруг потакая внезапной мысли, обжегшей ее — не глянуть ли тайком из-за двери в кабинет? Не поглядеть ли на него, пока он не знает, что она рядом? Только раз, а потом тут же уйти.

Вмиг вспотели ладони, прижимающие к груди стопку книг. Сердце заколотилось так, будто вот-вот выпрыгнет из груди и пустится вскачь наперед нее в кабинет. После недолгих

раздумий Анна сделала шаг, потом другой, и сама не заметила, как оказалась возле дверей в кабинет. Аккуратно отодвинула бархат занавеси и осмотрела комнату, а потом едва сдержала возглас разочарования. Пусто, в кабинете было пусто...

А после не смогла не вскрикнуть, когда развернулась от дверей и заметила фигуру в библиотеке, отступила назад, в кабинет, выставив дрожащими руками перед собой книги, словно щит.

— Vous êtes justement la personne qu'il me faut! [\[546\]](#) — произнес Андрей, входя следом за ней в кабинет. Анна распахнула глаза при этой реплике, ошарашенная не только его появлением, но и видом: без сюртука или мундира, в одной рубахе, через ворот которой она могла видеть обнаженную шею и часть груди. Он вдруг качнулся, щурясь от яркого света за ее спиной, ударившего в глаза, прислонился к косяку двери.

— Que? [\[547\]](#) — переспросила Анна, и он тоже повторил за ней, словно не расслышав ее реплики: «Que?», протянул руку и коснулся пальцами уголка переплета ближайшей к нему книги, выставленной щитом. А потом резко прищурил глаза и спросил:

— Что вы здесь делаете? Кто вас пустил? Где ваша мадам?

Анна испугалась его тону отчего-то — резкому и холодному и разозлилась тут же на саму себя и за этот страх, и за собственную глупость, поставившую ее ныне в такое неловкое положение. Интересно, видел ли он, как она кралась к кабинету? А потом тут же подумала — конечно же, видел!

— Я принесла книги. Они из библиотеки домашней. Прошу простить меня за вольность взять их без вашего на то позволения, — а потом добавила резко, кладя книги на край стола. — Более не стану!

— Fi donc! [\[548\]](#) С места да в галоп съездова! — Андрей сделал пару шагов к столу, поднял одну из книг, а потом как-то неуклюже опустился в развалку в кресло, и только тут Анна поняла, что он пьян и выпил немало, судя по всему. Как и ее брат — только по отдельным движениям да выражению глаз можно было понять, что тот пьян. Вот и ныне не сразу поняла, а осознав, отчего-то даже не шевельнулась с места, глядела, как он листает книгу, хотя одна ее половина настойчиво твердила уходить прочь. Другая же шепнула, маня остаться, что под хмелем обычно выбалтывают то, что так тщательно хранят за душой, когда трезвы.

Хотя тут же пожалела, что осталась, когда Андрей продекламировал по-французски, четко выговаривая каждое слово, как-то странно опустив уголки рта, словно ему было не по себе читать эти строки:

— Перед тобой — гордец, наказанный примерно.

Я, тот, кто отклонял любовь высокомерно,

Не признавал ее началом всех начал,

Я, кто ее рабов надменно презирал,

Кто с жалостью глядел на тонущие души

В час бури, думая, что сам стоит на суше, —

Был сломлен, подчинен всеобщей был судьбе.

В смятенье изменил я самому себе. [\[549\]](#)

Он смеется над ней, не иначе, прикусила губу Анна. Вот ведь усмешка судьбы — она

сама долго сидела над этими строками, поражаясь их горькой правоте. Как часто она смеялась над любовью иных, пока сама любовь не посмеялась над ней. И продолжала смеяться ныне в лице этого мужчины, который продолжал отчего-то мучить ее, карать за то, что посмела когда-то унижить его глупым спором. Не от того ли он так жесток с ней сейчас?

— Да, я поступала жестоко ранее с теми, кто был в меня влюблен! — шагнула Анна к столу и вырывала из его пальцев книгу, бросила на стол ту так резко, что порыв ветерка взметнул прядь волос Андрея, упавшую на лоб. — Да, я была такой! И ныне сломлена... потому что когда-то имела несчастье полюбить. Слышите вы! Полюбить!

Он долго смотрел на нее молча некоторое время, а потом усмехнулся, подняв уголок рта.

— Как же все-таки вы самолюбивы, Анна! Каждое слово — тут же на свой счет...

И она тут же вскинулась, уязвленная его словами.

— А вы? Что вы...? Мой брат был прав. Прав в каждом слове, когда говорил о вас! Вы подлец! Вы... вы... в вас нет ничего, что должно иметь благородному мужчине...

Анна отшатнулась, когда он вдруг резко поднялся с места и направился в ее сторону, перепуганная выражением его глаз. Вдруг вспомнила, как он смотрел на нее в вестибюле, когда она швырнула ему в спину кольцо — с такой горячей яростью, что казалось, он порвет ее на клочки, не будь они не одни. Но ныне, в библиотеке, они были наедине, и их уединение Анна прочувствовала сейчас как ни на минуту ранее. А потом Андрей так же неожиданно остановился у стола, оперся об него, чуть присев на краешек, скрестив руки на груди. Вновь на лице появились равнодушие и вежливая отстраненность.

— Неужто? — переспросил он, и Анна кивнула, обманутая его деланным спокойствием. — Быть может, вы найдете в себе смелость продолжить? Мне стало крайне прелюбопытно, что за толки вы так внимательно слушали, дабы составить суждение о моей скромной персоне.

— Я не слушаю толки, коли не верю в их истинность, — отрезала холодно Анна. — Возразите же мне, коли я не права, но разве может человек с честью так поступать, как вы? Вы берете и бросаете без жалости, губите, соблазняете, а после оставляете... О Боже, если бы вы знали, как я ненавижу себя за то, что позволила вам! Я думала, вы совсем иной... Я так защищала вас перед братом тогда. А ныне... это все правда! И ваша *brü ...*, - Анна заметила, как он чуть прищурил глаза, когда она произнесла это, и сердце сжалось. Значит, все правда. А она до последнего, до этой самой минуты не верила...! — И Мари. Она тоже погублена и оставлена вами. Кто еще? Я многое узнала ныне на ваш счет. Весьма!

— Неужто? — снова поднялся вверх уголок рта в усмешке, снова это выражение лица так злившее Анну. — Неужто про всех проведали? Про тех, кто был в Варшавском герцогстве? И про...

Анна не дала ему договорить — в два быстрых шага пересекла расстояние, разделяющее их, и ударила со всей силы по левой щеке. Так ударила, что сама едва не ахнула от боли, пронзившей ладонь от этого удара. Но как и тогда, в то лето, когда она бросила ему в спину кольцо с гранатами, Андрей только дернулся от удара, а потом снова взглянул на нее тем же взглядом — вежливо-холодным, чуть любопытствующим, словно ее поведение интриговало его. Даже легкая тень улыбки скользнула по губам ей на злость. И тогда она ударила его снова — уже левой рукой по правой щеке, точно так же со всей силы, чтобы заболела собственная ладонь. Ударила за всю боль, что испытывала за эти годы, что сейчас колола в груди острой иглой. За то, что он сделал, и за то, что не сделал.

Анна не успела даже ахнуть, когда Андрей почти неуловимыми глазу движениями вдруг схватил ее запястья и резко дернул на себя. Они всего мгновение смотрели друг другу в глаза, а потом... Анна даже не поняла, как случилось то, что произошло потом. Я хотела его укусить, уговаривала она себя после, лежа в темноте своей спальни и вспоминая то, что случилось в кабинете. Я всего лишь хотела его укусить, причинить боль зубами, когда не могла ударить... Укусить за эту пухлую нижнюю губу... пухлую нижнюю губу...

Она успела забыть за эти годы, как может кругом идти голова от поцелуя. От тепла губ и от запаха вина, которое Андрей недавно пил. Тонкая и короткая щетина приятно колола кожу вокруг рта, но Анна только после заметит следы, что та оставит на ее лице, выдавая с головой его обладательницу.

Она толком ничего не соображала в те моменты. Будто разум затих, заснул под воздействием дурмана, что влился в ее кровь с поцелуем, который она вдохнула вместе с запахом кожи Андрея и его волос. Руки, казалось, не принадлежали ей и жили своей жизнью — взметнулись вверх, стали гладить плечи, после пальцами зарылись в пряди его волос, скользнули, набравшись смелости, под тонкое полотно рубахи на такую горячую кожу, что даже обжигало подушечки пальцев. Теснее, теснее... Как можно ближе к нему. Чтобы раствориться в нем без остатка, чтобы слиться с ним в единое целое и более никогда не разделяться!

Губы Андрея скользнули по ее щеке и вниз — к шее и вырезу платья, который он уже успел расстегнуть за эти мгновения. От этих прикосновений кровь наполнялась огнем, распирала вены, стучала в висках. От этих прикосновений хотелось урчать, как довольной кошке. И она не сдержалась — с тихим полувздохом-полувозгласом запрокинула голову назад, подставляя его губам шею, выгибаясь в его руках от непонятных, но таких знакомых ощущений в теле. С тихим стуком на пол упала шляпка, ленты которой Анна так и не завязала, уходя из дома, но ни он, ни она даже ни на миг не прервали своего занятия. Даже если бы кто-то принялся палить под окном из ружей, Анна не обратила бы в тот момент внимания на эти звуки, поняла она после.

О Господи, со стыдом думала Анна позднее, пряча горевшее от стыда лицо в подушках, она бы отдалась ему, как и прочие, прямо там, на сукне письменного стола когда-то принадлежавшего ее отцу. Как и прочие...! Именно эта мысль и отрезвила вкупе с холодом, который скользнул по внутренней поверхности ее бедра, опережая мужскую руку, скользнувшую под подол платья.

— Salement..., - Анна застыла на миг в руках Андрея, под его губами, а потом вспыхнула от стыда, злости на себя и ужаса от крайней непристойности ситуации, в которой оказалась, поддавшись эмоциям. — C'est salement! Salement! laissez-moi... je vous prie, laissez-moi! [\[550\]](#)

И замерла от неожиданного холода, когда он оставил ее, чуть помедлив, отступил на шаг, наблюдая, как она поправляет платье, соскочив со стола — ярко пунцовая от стыда, даже кончики ушей горели огнем.

— Милая..., - мягко произнес Андрей, протягивая в ее сторону руку, но Анна оттолкнула ее, опасаясь, что сейчас снова дрогнет ее сердце от этого шепота, а ее тело — от прикосновения. И тогда ей будет все едино — станет ли она одной в чередке любовниц, которых прошли через его постель, и сколько их вообще было, этих женщин, воспоминание о которых так больно жгло грудь ныне.

— Я вас ненавижу! — прошипела она, прежде чем выбежать вон из кабинета. — Слышите? Я вас ненавижу! Ненавижу...! За все ненавижу!

Он потом наблюдал в окно, как убегает прочь от дома маленькая темная на фоне белого полотна снега фигурка, как стремительно она удаляется от него, пытаясь побыстрее скрыться из вида, что даже мальчик сопровождения едва ли успевает следом. И чувствовал странную горечь во рту, которая пришла на место сладости поцелуев и объятий, а ее последние слова так и стучали в висках, и он знал, что вряд ли забудет их скоро.

Зря он пил этим вечером, вернувшись с половины пути в Гжатск, куда отправлялся выполнить поручение Кузакова. Не пил бы, не потерял бы свое столь лелеемое ныне хладнокровие, не довел бы ситуацию до того, что случилось. Но все же признался себе, что хотя крупица желанного была и в том, крупица того, о чем он никогда не будет жалеть. Держать ее в своих руках, чувствовать ее губы под своими губами... В такие моменты забываешь обо всем на свете. И о том, что Анна уже давно не принадлежит ему, и что во флигеле подрастает мальчик — дитя проклятого поляка, на которого он не сможет смотреть и не вспоминать былое...

Андрей не сразу поверил письму Марии, которое получил в Польше, возвращаясь в империю из Европы. «... ныне, когда перед глазами вашими будет свидетельство ее падения, вы убедитесь, что каждое слово, сказанное мной в стремлении удержать вас от величайшей ошибки, каждое слово — верно... быть может, ныне вы поймете истину — она никогда не принадлежала вам, а только ему!...» Письмо, полное злорадства, которым была пропитана каждая строка. Письмо, которое он сжег там же на постоялом дворе и долго смотрел на черный пепел, оставшийся после него, и которое тут же вспомнил, когда увидел дитя у Анны на руках.

Ее разрез глаз. Ее аккуратный носик и овал лица. Это дитя было столь схоже с ее чертами, что последние сомнения в материнстве отпали сами собой. Дитя Анны и Лозинского... И тут же больно кольнуло но не в сердце, а в покалеченной ноге, которую поляк прострелил в Париже.

Раны затянулись, подумал Андрея, прислоняясь лбом к холоду стекла, пытаясь унять внезапное головокружение, что охватило его. Но остались шрамы, навсегда напоминающие о них. На искалеченном колене и на разбитом вдребезги сердце.

Он не стал тогда ни у кого спрашивать о том ребенке. Только Анна имела право сказать ему правду, и только от нее Андрей хотел слышать эту правду. «Mon fills», сказала она на церковном дворе под куполами с крестами, где не должно быть лжи, и он почувствовал, что это правда. Но не поверил — пошел смотреть приходскую книгу, и лишь, когда дьяк вдруг при этой просьбе взглянуть на запись о ребенке Шепелеве бухнулся в ноги неожиданно, впервые подумал, что она не солгала ему с болью.

— Признаю, бес меня попутал, барин! — верещал дьяк. — Не губи, барин, не губи! Положу в казну церковную ровно столько рублей, сколько у барышни взял... она так плакала, барин. Просила записать... я и записал... бес попутал, барин! Не губи ты меня и сирот моих!

Андрей тогда мельком взглянул на запись, интересуясь только именами родителей и датой крещения дитя. Петр и Полин Шепелевы (и когда только те обвенчаться успели?), июнь 1813 года. Июнь! Зачато, знать, было дитя до октября, до того момента, когда молодой Шепелев в Милорадово вернулся...

Андрей прошел к шляпке, все еще лежащей одиноко на ковре в том месте, куда упала с русоволосой головки хозяйки, поднял это творение талантливых рук модистки — черный креп, кружево и мех черно-бурой лисы. И тут же уловил тонкий аромат, шедший от шляпки

— цветочный аромат волос Анны, вернувший его в лето, когда они были сговорены, и, казалось, вся жизнь уже узнана наперед.

Анна стала такой хрупкой, такой воздушной по истечении тех лет, что он не видел ее. Он тогда в церкви никак не мог оторвать взгляд от ее тонкой шеи под бархатом шляпки в высоком вороте расстегнутого редингота. Черный цвет траура, который она носила, только подчеркивал ее хрупкую красоту. Дивный ангел. Темный ангел. *Mauvais ange de moi...pour toujours!* [\[551\]](#)

Андрей бросил шляпку на кушетку, а после позвонил, вызывая к себе дворецкого.

— Положите шляпку в коробку, — приказал он прибывшему на его зов Пафнутию Ивановичу. — Ее, видимо, обронила мадемуазель Шепелева при посещении библиотеки. Надобно бы вернуть. С завтрашнего же дня и сделайте это.

— Если барин дозволит мне сказать..., - начал Пафнутий Иванович, видя, как разозлен Андрей, полагая, что это злость вызвана этими посещениями усадебного дома прежней хозяйкой без его на то позволения.

— Не позволю! — оборвал его барин, усаживаясь в кресло, закинув ногу на ногу. — Мне нет нужды слушать то, что ты намерен сказать. Коли есть у соседей наших желание библиотекой пользоваться, их право в том отныне делать это не скрытно. Мешать тем самым мне они не могут отныне. Прикажи заложить — с завтрашнего рассвета в Москву поеду. И до лета... нет, быть может, даже до зимы следующего года не ждите. А может, и вообще...

Он не стал продолжать, махом руки отпустил Пафнутия Ивановича, а сам открыл задумчиво книгу, пролистал несколько страниц, пока не нашел нужные ему строки, которые он когда-то давно читал еще в Агапилово, не до конца понимая смысл их. Ныне же они проходили через самое сердце...

... живу я со стрелой в груди,

Напрасно от нее избавиться мечтая.

Ты здесь — бегу я прочь; коль нет — ищу тебя я.

Куда б я ни пошел, ты следуешь за мной...

О визите доложили тотчас после завтрака, когда Глаша неспешно собирала со стола посуду. Анна замерла на миг, приложив руку к закрытому высоким воротом платья горлу, растерянно взглянула на мадам Элизу, аккуратно расправляющую салфетку на столе, потом снова на Ивана Фомича.

— Мадам? — повернулась к своей воспитательнице, а ныне компаньонке, бледная и растерянная, в надежде, что та примет за нее решение, принимать ли нежданного визитера или нет. Та миг смотрела внимательно на Анну, а потом коротко бросила Ивану Фомичу:

— Попросите подождать пару минут с извинения за задержку, — и уже Глаше, заставляя ту поторопиться. — Поскорее, chere, поскорее. Негоже господину в передней столько томиться!

И не могла не подумать при этом с тоской, что ранее вовсе не надо было суетиться с подносом и двигать мебель, чтобы принять нежданный визит. Ранее бы просто перешли в гостиную или салон, где и встретили бы нежданного гостя. Да только ныне комнат было — пальцев рук хватит пересчитать, оттого и требовалось спешно прибираться в этой гостиной, а Ивану Фомичу на пару с Дениской передвигать нелегкий круглый стол из центра комнаты в угол, предварительно смахнув со скатерти крошки. Но по той гордой осанке, с которой Иван Фомич проводил из передней Оленина, разве можно было догадаться о том, каких усилий ему недавно стоило привести комнату в надлежащий вид с его-то больной спиной?

— Господин Оленин, Андрей Павлович, — важно объявил он, пропустив вперед прибывшего, а потом тихо прикрыл створки дверей, поклонившись напоследок господам в гостиной.

Мадам не могла не подметить со своего привычного места, которое занимала с рукоделием в руках после завтрака, как тот бледен и как-то странно сжимает ладони, будто волнуясь. После перевела взгляд на Анну, стоявшую за спинкой стула, словно прячась за тем от визитера. O-la-la, подумала мадам Элиза, вспоминая откровения, которые услышала из уст своей воспитанницы этой ночью. Что-то намечается, не иначе. И кто ведает, чем окончен будет этот разговор, если бы только Анна не глядела так сурово на Оленина и не прятала так руки за спину, явно показывая, что не намерена подавать для поцелуя ладонь.

Ее уверенность только окрепла, когда Андрей, после приветствий и короткого обмена любезными и вежливыми репликами о погоде и здравии присутствующих, обратился сперва именно к ней:

— Мадам Элиза, могу ли я просить вас о некой вольности, которую заранее прошу простить мне? — и когда она обратила на него внимательный взгляд, сопровождая его легкой подбадривающей улыбкой, продолжил. — Могу ли просить вас о возможности переговорить с Анной Михайловной наедине?

Конечно, мадам Элиза не должна была позволять этого. В свете слухов, которые и по сей день не могли не затрагивать имени Анны, это могло стать серьезной ошибкой. Да и сама Анна бросила на мадам такой говорящий взгляд, что сомнений быть не могло — разговаривать с Олениным она не желает. Но мадам после минутного раздумья поднялась с кресла, оставив рукоделие на сидении.

— Полагаюсь на ваше благородство и благоразумность, — сказала мадам Элиза, обращаясь ни к кому конкретно, но в тоже время к обоим, и вышла, оставив двери комнаты

приоткрытыми, стараясь не обращать внимания на тихий возглас от окна при ее словах.

Анна же не знала теперь, что ей делать. Она совсем не ждала, что мадам выйдет вон, учитывая поведение Андрея прошлой ночью. Оставить их наедине, зная о том, что было вчера, что едва не случилось! Сущее безумие! И она еще крепче сжала спинку стула, стоявшего перед ней, будто преграда. Андрей не мог не заметить этого жеста, нахмурился.

— Анна Михайловна, прошу вас, не надобно так смотреть на меня, будто я..., - начал он, а потом после короткого молчания, когда она так и не смягчила взгляд, устремленный на него, продолжил, пытаясь извиниться за то, что могло ее обидеть. — Вечор мое поведение...

— ...было непозволительным! — прервала его Анна, чувствуя, как у нее отчего-то дрожат ноги. Ей бы присесть сейчас, да только опасалась, что тем самым выдаст свою слабость, а казаться слабой ныне совсем не хотелось. Ее душу, как и вчера, рвали на части два желания — безумно хотелось убежать прочь, не слушать ни слова из тех речей, что Андрей намеревался произнести, и не менее горячо хотелось остаться, чтобы только в очередной раз взглянуть на него, услышать звук его голоса. И это злило... злило так, что хотелось визжать в голос от собственной слабости. Он был ее слабостью. Именно в его присутствии она становилась такой беззащитной и уязвимой, чего страшилась больше всего.

Андрей же только покорно кивнул, соглашаясь с ее словами, чувствуя невероятную вину перед ней за то, что позволил себе вчера.

— Вы вправе корить меня, я с тем не спорю. Не смею делать того. Я согласен с вашими словами. Вечор я допустил то, что не должен был. Оттого я ныне здесь. Чтобы просить вас смиренно простить меня, мою вольность по отношению к вам. Мы — ныне с вами соседи, и мне бы хотелось, чтобы мы...

— Надеюсь, вы ныне не произнесете, что мы отныне можем стать добрыми соседями? — Анна снова перебила его, нарушая негласные правила. Еще крепче сжала пальцами полированное дерево, скользнув ногтями по обивке. — Потому что мы никогда не будем с вами добрыми соседями, Андрей Павлович. И я убеждена, что нам и соседство ни к чему отныне. У меня уже был разговор с мадам Элизой, и было решено, что мы уедем из Милорадово, как только представится сия возможность. Сами понимаете, соседство с вами в вашем положении... в моем положении... оно невозможно совершеннейшим образом!

— Не беспокойтесь по поводу положения, — Андрей ясно видел, что дело совсем не идет, как он надеялся, а разговор снова переходит в ту колею, которая вскоре приведет к очередной ссоре. Зря он поддался желанию увидеть Анну перед отъездом, подумал невольно, зря завернул к флигелю, пользуясь правом прощального визита, а также возможностью передать шляпку, оброненную вчера в библиотеке. Он думал, что гнев, увиденный вчера в ее глазах, та ненависть уйдут поутру, но нет же — этот гнев лишь затаился в глубине ее глаз, которые так и леденили от окна, у которого она стояла. Ничего не изменилось, с какой-то странной горечью подумал он. Ни для него, ни для нее...

— Не извольте беспокоиться по этому поводу. Я уже неоднократно говорил вам, что вы вольны жить в Милорадово сколько вам угодно на то. Нет нужды беспокоиться. Тем паче..., - он не хотел этого говорить. Но не мог удержаться и не попытаться выведать, что у них с Лозинским ныне, пишет ли он к ней, ждет ли она поляка, как ждала все эти годы. А потом вдруг замолчал — хотел ли он слышать это, действительно ли хотел?

— Тем паче...? — Андрей видел, что Анна насторожилась при его последних словах, и не мог не продолжать после этого короткого вопроса, требующего ответа.

— Тем паче, что вскорости, я полагаю, прибудет ваш жених из Европы, верно? Вы ведь

писали мне как-то, что собираетесь к венцу, еще прошлого года. А ваш нареченный... я видел его в Париже.

Анна попыталась вспомнить, что именно писала Андрею о своем предполагаемом замужестве. Неужто так открыто написала? Неужто Андрей говорил с Чаговским-Вольным? А потом не могла не смутиться, подумав, каким должен был быть тот разговор двух так и несостоявшихся кандидатов в ее супруги. Первый открыто носил этот статус в течение нескольких месяцев, второй был таковым несколько часов в ее уме, когда она твердо решила выйти замуж за князя в ту ночь. Именно тогда, узнав, что Полин тяжела, осознавая положение, в котором находились в то время ее домашние, разве Анна могла поступить иначе?

Всю ночь и первые часы утра, пробуждающегося за окном, Анна убеждала себя, что это было бы наилучшим вариантом для всех, что этот брак вернет многое на круги своя. И почти убедила себя да только за завтраком передумала. Она наблюдала тогда украдкой, как князь медленно поглощает завтрак, как аккуратно зачерпывает серебряной ложкой вязкую кашу, как разрезает хлеб тонким ножом. Его длинные пальцы, его тонкие губы... Анна представила, как они будут касаться ее тела, как это делал когда-то Андрей, и ей стало дурно. Нет, решила она тогда, качая головой, нет, ни один мужчина не коснется ее более! Ни один, кроме того, чье имя ныне под запретом для нее!

Через несколько дней князь уезжал в Европу вслед армии, планирующей перейти границы империи. Он еще раз повторил свое предложение перед отъездом, и Анна снова отказала ему.

— Что ж, — пожал тогда плечами под толстым мехом шубы Чаговский-Вольный. — Я вернусь в империю через год-иной и сызнава навещу вас, Анна Михайловна. И сызнава повторю те же самые слова, что говорил вам. Надеюсь, время откроет для вас все перспективы данного союза, поможет вам понять, что я не такой уж худой человек, каковой вам видится ныне моя скромная персона.

Он действительно не был плохим человеком. Худой человек не будет тратить собственные средства и время, помогая армии медикаментами, оснащая походные лазареты необходимым для раненых. Об этом Анна узнала от всезнающей мадам Павлишиной, которая узнала обо всем из вестей с полей Европы от знакомцев сына, оставшихся в армии.

— Говорят, что его младший брат от второго брака отца погиб от Антонова огня, получив ранение в самом начале войны, — как всегда, медленно и вкрадчиво говорила та Вере Александровне, сидя на поминальном обеде после похорон Михаила Львовича подле Анны. — В первом же бое у границ был задет. И мог бы выжить, как сказал позднее князю полковой лекарь, коли б было вдоволь корпии и бинтов свежих... а так... увы, увы! В то лето Господь прибрал к себе столько душ... столько душ!

Кто бы мог подумать, думала Анна тогда, впервые на миг пожалев, что была так груба с Чаговским-Вольным, что высмеивала его желание ехать за армией в надежде «урвать кусочек славы». Кто бы мог подумать, что за этой пугающей внешностью бьется сердце, способное сострадать. А она-то полагала, что князь совсем бездушный и злой человек. Но никогда не признается в этом никому, даже собственной тете, которую одернула на замечание, что мол, вон каков князь.

— Что мне до жизней, спасенных им где-то? — она тогда даже не попыталась скрыть своей злости, говорить тихо и степенно, как подобает девице. — Что мне до них, когда он сгубил одну-единственную дорогу мне!

Андрей по-прежнему ждал ее ответа, и Анне пришлось вернуться обратно из своих воспоминаний. О чем они говорили, коли видалась, думала она, наблюдая за его лицом, пытаясь угадать мысли, что ходили сейчас скрытыми от нее в его голове. Говорили ли, какая она жестокосердная кокетка, что за ее душой нет ничего истинно девичьего? Или быть может, говорили, что она довольно наказана свыше за свои былые проступки, за те муки, что причинила им обоим? Отвергнутые подчас бывают жестоки в своих суждениях. По крайней мере, она точно знала то по себе.

— Не ведала, что вы имели честь знакомства с князем, — проговорила Анна, наконец выстроив в голове возможные пути отступления от этой скользкой для нее темы. Пусть лучше думает, что она по-прежнему желанна, что в ее жизни все более-менее достойно. Чтобы не было жалости... жалости она бы не вынесла. — Да, он ныне в Европе, насколько мне известно. И коли войне конец, коли уже давно подписано перемирие, то, стало быть, вскорости и ему суждено прибыть в империю.

— Князь? — явно удивился Андрей. — Не знал того...

— Странно, — пожалала плечами Анна, стараясь не выдать своего волнения, когда он вдруг сделал несколько шагов, когда приблизился к центру комнаты. И к ней. Оттого и голос дрогнул от волнения, внезапно охрип, что только разозлило ее, ведь этой мимолетной слабости Андрей не мог не заметить ныне. — Вы виделись с ним?

— В Париже, — кивнул Андрей, недовольный и тем, что затеял разговор о Лозинском, и тем, что прочитал на ее лице в последнее мгновение. Нещадно вдруг разболелось колено, будто вспомнив о том самом утре. Нужно было присесть, дать отдыха больной ноге, иначе нельзя. И от того он решился спросить, понимая, как грубо прозвучит его вопрос, когда сама хозяйка не предложила этого. — Не желаете ли присесть...?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но Анна даже не шевельнулась, полная решимости идти до конца в своем стремлении показать, как ей неприятен этот визит. Осталась стоять, понимая, что и он не сядет в нарушение правил этикета. И вздрогнула, когда он вдруг пересек быстрым шагом гостиную, направляясь к стулу, за спинку которого она держалась, испугалась этого внезапного приближения. Тут же вспомнила вчерашний вечер и покраснела, досадуя на себя за эту краску, залившую, как она чувствовала, лицо и шею.

— Что вы...? — только и успела Анна выдать из себя, полагая, что он сейчас схватит ее, как вчера, быстро отошла подальше от стула, к самому окну. И покраснела еще сильнее, заметив, что Андрей и не думал ее касаться, а только оперся на спинку стула с безмятежным видом. Неужто сделал намеренно это? Неужто смеется над ней?

Анна отвернулась к окну, пытаясь выровнять дыхание, унять жар, опаливший щеки и шею. О, поскорей бы он ушел! Ей невыносимо быть рядом с ним... невыносимо! И будто услышав ее мысли, Андрей произнес едва слышно:

— Я не могу, Анна... слышите, я не могу находиться подле вас! Вам нет нужды опасаться меня, бояться моего присутствия. Я нынче же уеду в Москву и не вернусь в Милорадово, дабы не угрожать ничем вашему покою и вашему имени.

— Вы, безусловно, правы, — отозвалась от окна Анна невпопад, не поворачивая к нему головы, вынуждая его обращаться в ее затылку, украшенному русыми локонами, к ее шее, такой белоснежной на фоне черных кружев ворота. Андрей смотрел на эту шею, на эту гордо выпрямленную спину, на ее тонкую талию, которая так и манила его обвить ее руками. О, если бы можно было сделать этот шаг до окна, обхватить ее руками, уткнуться лицом в эти

локоны! О, если б можно было забыть обо всем! О тех годах, что они провели врозь, о том, что она предала его, о незримой тени Лозинского, которая вдруг вошла в комнату вместе с болью в колене...

— Анни, — позвал Андрей ту девушку из прошлого, которой когда-то она была. Ту, которую он целовал на лесной тропинке в утренней летней дымке, ту, которая наблюдала из окна, как он ловко заползает по решетке в ее спальню. Ведь она была когда-то, его Анни, он не мог обмануться... Во рту вдруг стало так горько, будто объелся редьки. И того, что вспомнилось, и от настоящего, и от той печали, которой свидетельством был весь ее облик сейчас.

— Я прошу вас, — долетело тихо до Андрея. — Я прошу вас...

А спина уже не была так гордо выпрямлена, поникли тонкие худые плечики. Спряталось лицо в ладони, словно ей было невыносимо слышать его, даря ему вдруг надежду, вспыхнувшую тотчас огнем в груди. Толкая на импульсивные, столь несвойственные ему поступки, как и тот, что привел его этим утром сюда, во флигель.

— Только уйти от вас нельзя, Анна Михайловна. Невозможно! Вы же в крови... вы как яд проникли в жилы в то самое лето и отравили мою душу. Помните, я говорил вам, что вы подобны самой горькой отраве? Отчего только она не убивает, та отравка? Только на муки обрекает изо дня в день. Ведь жить так... о, жить так истинной муке подобно! Тем паче, когда вы рядом... в Европе было легче, а ныне... каждая комната, каждый угол в доме хранят незримый след ваш. Нет! Нет, молчите, ради Бога! — прервал он Анну, едва только она попыталась ответить. — Молчите! Каждое ваше слово — будто очередной выстрел... очередная рана мне. Я знал, что так и будет. Знал, едва увидел вас там, у церкви в то Рождество. Вот она, та, от которой лучше держаться на расстоянии со всей ее прелестью, подумал я тогда! И видит Бог, я не желал того, что случилось позднее. Ваши взгляды, ваши слезы при смерти Эвридики в опере, ваш смех, ваша родинка... Боже мой, все это будто сеть опутывало, из которой никак не выбраться было! Не выбраться и не разорвать! Я думал, я сильнее духом... а я слаб. Слаб перед вами! Даже ложь, которая не по нутру мне... даже ложь от вас — истинное счастье, когда ты сам готов обманываться. Вы ведь ясно дали мне понять, что я для вас... к чему тогда я погубил? К чему пытался переиграть в игре, в которой невозможно быть победителем? Молчите! В кои-то веки, Анна Михайловна, позвольте мне договорить, даже ежели нет желания выслушать! Вы своенравны и самолюбивы, вы жестоки. Вы, играючи, разбиваете сердца, не думая о чужой боли. В вас больше колючек, чем прелести и аромата... но эти раны... видит Бог! Я этим ранам даже рад, коли именно вы после пролили б на них бальзам. Как тогда... Вы мне нужны, как воздух, как свет дневной. Я не могу без вас...

Анна вдруг резко повернулась от окна, и только тогда он заметил ее беззвучные слезы, что катились по щекам. Дрогнув тут же голос при виде этих дорожек на щеках, едва заметных на фоне бледной кожи, пали последние преграды, которые он столько времени возводил на своем сердце при виде ее незащитности и уязвимости.

— Вы плачете? Отчего? От жалости к моей беде? Верно, плачьте. Я бы и сам поплакал ныне вдоволь, коли б мог. А беда моя велика, Анна, велика. Ведь я вас люблю, — произнес Андрей, и сердце Анны даже замерло на миг в груди. — Я вас люблю так, как никогда и никого не любил ранее до вас. Эти годы врозь только доказательством были тому. Вы проникли в меня так глубоко, что стали частью меня. Я будто калека без вас...

А потом замер, когда в тишине комнаты упало это слово — «калека», снова позволяя

ступить в эту комнату призраку Лозинского. Таким, каким запомнил его Андрей тогда, на той дуэли — ухмыляющимся самодовольно, гордо поднявшим голову. И снова в память вторгся весенний Париж, жестокие слова Мари в тишине крестьянской избы, бьющие прямо наотмашь, знакомый почерк, выведший на бумаге слова любви...

И Анна застыла, глядя в его лицо, потому что ясно слышала, как где-то в комнатах второго этажа капризно плачет Сашенька, мучаясь от боли в деснах, в которые нянечка безуспешно втирала гвоздичное масло в надежде облегчить его муки. Резался последний зуб, как говорила знающая Пантелеевна, обещающая скорый покой и тишину в доме, когда этот зубик покажется из распухшей десны.

Вспыхнувшая при его признании радость в душе постепенно таяла, словно утренняя дымка, от этого затянувшегося молчания, при виде этого напряженного лица, при каком-то странном блеске глаз. А потом Андрей вдруг прислушался к детскому плачу и отвел взгляд от ее пристального взора, опустил на ладони, сжимающие спинку стула, как недавно это делала она, и она прикусила губу, чтобы не видеть тени боли, мелькнувшей на его лице.

Они оба молчали, а потом Андрей поднял голову, заглянул ей в глаза, и она с трудом удержалась от того, чтобы не отречься от последних дней, не отказаться от всего ради него. И только этот плач, отдававшийся в сердце какой-то странной тоской, удержал слова, что едва не сорвались с языка.

— Сашенька... вы слышите, это Сашенька, — Анна внимательно смотрела в голубые глаза, ловя каждый отблеск, каждую мелькнувшую в их глубине эмоцию. — Это плачет Сашенька, мой маленький дружочек...

— Я слышу, — ровным голосом без единой эмоции ответил Андрей, ощущая невыносимую боль в напряженном колене. Зря он оставил трость в возке, зря решил казаться всем и самому себе по-прежнему здоровым, отрицая собственное увечье, подумал он, цепляясь пальцами в спинку стула, пытаясь перенести тяжесть на здоровую ногу. И от того, что он читал во взгляде Анны, становилось только хуже — потому что боль, распространяясь от колена, отчего-то охватывала с каждой минутой все тело, проникала в каждую клеточку.

Дитя... то самое дитя, увиденное впервые под церковным куполом, столь похожее на нее. Дитя человека, которого он ненавидел так, как только возможно ненавидеть. Вечный символ предательства, символ краха его надежд, его жизни, символ обманутых иллюзий... Плод греховной страсти, плод запретной любви, вдруг подумал Андрей, ненавидя себя в этот короткий миг за малодушие и ее — за то, что совершила тогда, пусть даже поддавшись порыву.

Он мог, он был готов в этот момент взять на себя все ее тревоги и печали, все заботы, все ее горести, как пытался это делать незаметно до этого, предлагая Анне помощь через управителя. Но жить подле этого ребенка... решительным образом не смог бы. Никогда! И обманывать ее не смог бы в том. Она требовала невозможного своими прекрасными глазами, которые он так часто видел во сне, умоляя его о том, что он никогда не сумел бы дать. Его гордость вопила во весь голос, пытаясь перекричать сердце, и этого незримого спора внутри него, даже перехватило больно дыхание в груди. Неужто не достойно то, что он кладет к ее ногам — свою любовь, свое имя, свою честь, жертвы и с ее стороны? Да, все знают этого дитя как ее племянника, неважно верят ли или нет, но Андрей... Андрей же знает его как дитя Лозинского, и именно как дитя Лозинского он никогда не сможет принять его. Не только калеченное колено будет напоминать о себе при взгляде на это дитя, но и услужливая память, и то самое место между лопаток, куда Анна так метко бросила когда-то кольцо,

будет гореть огнем. И так будет всегда. Он не сможет забыть, а если не сможет забыть, то и простить никогда не сможет. Как не простил до сих пор Надин тот самый проклятый кушак...

Мальчик ведь может жить отдельно, тут во флигеле, даже в одном имении с ним — Андрей перетерпит время до отправки того в учебное заведение, но под одной крышей... Это немисливо! Забота и попечительство — это все, что он может предложить этому ребенку. Неужто будущее без огласки, без горестей и нужды, будущее, полное его любви, не станет достойной заменой этому ребенку, рожденному вне брака?

Анна вдруг двинулась с места и прошла мимо него, даже не повернув головы, и Андрей сперва не понял, что это означает — окончание визита или временная передышка от столь тягостного им обоим зрительного контакта? А после тут же понял и едва не задохнулся от боли, сжавшей ледяной рукой сердце, когда Анна протянула ему на ладони серебряный ободок с гранатами, тускло блеснувшими при свете дня.

— Вы писали мне, как выдаться оказия, вернуть вам кольцо. Я возвращаю его, — голос ее был хриплым, чуть дрожал, и ему вдруг впервые увиделось то, чего он так слепо не понял ранее. Анне было больно. И боль эту причинял ей именно он, Андрей. O mon Dieu, верно ли что хранит в памяти каждое мгновение, как он...?

— Pourquoi faire? [\[552\]](#) — намеренно так спросил, возвращая их обоих в один из прежних летних дней. Анна вздрогнула, он ясно видел это, а после потупила взгляд, поспешила отвернуться от него к окну.

— Я вдруг поняла, что судьбу не переменить. Никак нельзя, как ни пытайся, — проговорила Анна, снова удаляясь от него, закрываясь. — Как-то мы — я, Полин, Катиш — гадали в Рождество. В то самое Рождество. И мне были даны многие ответы. В том числе — кто станет подле меня на жизненном пути. Я не поняла тогда, что судьбы не переменить, думала, все может быть иначе, что человек волен сам править свой путь. А ныне ясно вижу — никак нельзя ему, коли кто-то свыше против. Есть нечто, что никак не простить, Андрей Павлович. Даже тому, кого любишь, не простишь. Так и я — не прошу вам... не смогу. Ни того, что было в вашей жизни, ни того, что могло бы быть... И я никогда не прошу вам, никогда! Меж нами ничего возможного нет и быть не может, кроме препон, что ставит судьба всякий раз. Мне очень жаль, но я никогда не смогу стать вашей...

— Анна, — позвал Андрей ее, но она подняла руку, призывая его молчать, изо всех сил борясь с истерикой, рвущейся из груди.

— Тотчас я прошу вас помолчать! Вы скажете мне, что мы должны... можем... ради будущего, которое возможно. Но мы оба знаем, что всякий раз глядя друг другу в глаза, мы будем вспоминать о том прошлом... и вы никогда..., - тут она не смогла удержаться и развернулась к нему, надеясь уловить хотя бы тень того, что она ошибается, что все еще возможно. — Вы никогда не сможете принять Сашеньку, как я того хочу, верно?

Андрей с минуту молчал, а потом коротко кивнул ей, хороня ее надежды и глупые мечты последних дней.

— Я не буду лгать вам и говорить, что я готов стать этому дитя отцом, — глухо ответил он. — Я просто не сумею... но быть может, со временем... однажды... Дайте лишь возможность, лишь надежду...

— Мне очень жаль, — повторила Анна, отворачиваясь от него к окну. На этот раз голос не дрогнул. Все было решено окончательно. — Я более не принадлежу себе. Я поняла это однажды и ныне не могу изменить ровным счетом ничего. Простите меня, что вынуждена

ответить вам отказом. Быть может, когда-нибудь и я прошу себе.... Но по-иному... существенно невозможно. Отныне моя жизнь и вся моя сущность принадлежат лишь одному существу, и это мой мальчик. Только он...

Андрей сильнее сжал ладонь, чувствуя, как больно впиваются в кожу камни на перстне, некогда хранившем для мужчин его рода любовь. Видно, покончено с тем чародейством еще до того, как попало оно ему в руки. Иначе судьба была иная у Лениных — и у отца, и сыновей.

— Прощу вас, уходите! — слезы душили, мешали дышать полной грудью, но показать их Анна не желала. Как и не хотела, чтобы он оставался тут еще хотя бы на миг, которого будет довольно, чтобы она переменялась и предала ради того чувства, что было в ее душе, что умоляло остановиться и передумать. — Уходите же!

Но он не ушел. Вернее, не сразу последовал ее отчаянной просьбе. Сперва положил ладонь на ее плечо, заставляя замереть от сладко-горькой муки, развернул ее к себе лицом и заглянул в ее глаза, полные невыплаканных слез. А потом вдруг взял одну из ее ладоней и приложил к своему лицу, касаясь обжигающе горячо губами и своим дыханием ее кожи. И только после этого мимолетного, но такого долгого для них обоих касания вышел вон, стараясь не споткнуться, не сбиться с шага из-за больной ноги.

Стукнула дверь в передней, после закричал кучер, сидящий на козлах возка. Коротко заржали потревоженные внезапно лошади, и звякнули бубенцы на упряжи. Андрей уезжал из Милорадово. Уходил от нее. И оба знали, что более никогда он не придет сюда с теми же словами. Это был конец. Не тогда они попрощались, военной осенью, в вестибюле усадебного дома, а именно ныне. Ведь тогда у обоих была надежда, а сегодня они оба схоронили ее, бросив собственными руками по горсти земли на ее могилу.

Анна стояла, прислушиваясь, как затихают звуки на дворе перед флигелем. Словно и не было возка перед домом и этого визита, который одновременно поднял ее на небывалую высоту и резко опустил вниз. Как на качелях, которые вешали в парке у тополиной аллеи, и на которых она так любила прежде качаться, так высоко поднимаясь вверх, что у самой перехватывало дыхание, а Пантелеевна и девушки, ходившие за ней, визжали от страха.

— Allons? — тронула ее за плечо встревоженная мадам Элиза. — Что, ma chere? demande en mariage, pas? [\[553\]](#)

— C'est tout le contraire [\[554\]](#), - прошептала Анна в ответ, и мадам нахмурилась, недоумевающая, что бы это могло означать.

— Я полагала, Андрей Павлович достаточно благородный человек, чтобы делать... э... иного рода, — аккуратно начала мадам Элиза, пытаясь понять, что произошло в этой гостиной. Если бы Анна снова поддалась порыву и снова прогнала Оленина против желаний своего сердца, то уже давно бы выбежала на крыльцо, значит, тут совсем иное. Не мог же он...? О mon Dieu! Не мог же он оскорбить ее девочку недостойным человека чести предложением?!

— Нет, мадам, он все тот же, что и ранее, — ответила устало Анна. — И в то же время не таков, как я полагала. Я думала, он сможет... я надеялась, я помнила его иным. А он не сумел... не понял!

— О mon Dieu, Annette! — воскликнула мадам, хватая ее за плечи, разворачивая, чтобы заглянуть в ее бледное на фоне темного бархата платья лицо. — Неужто...?! Ты сызнова поддалась своей идее о том, что...? Ты не сказала ему про Alexander? O! Quelle bêtise! [\[555\]](#) Ведь ты могла бы...

— Простить? Забыть о том, что случилось? Сделать вид, будто и не было ничего в его жизни? Будто не было той боли? — взвилась тут же Анна, как бывало обычно, едва они касались этой темы. Но в этот раз мадам крепче сжала ее локоть, не давая сорваться с места и убежать к себе, закрыться в тиши спальни, чтобы лелеять свое горе и свою обиду в одиночестве.

— Если вы не позволяете себе простить и принять прошлое, — проговорила четко каждое слово мадам Элиза, больно вдавливая пальцы через бархат платья, но не только этим касанием причиняя боль Анне. — Если вы не желаете этого для себя, отвергаете... tout ne [556], так отчего же ждете от Андрея Павловича иного?

— L'amour pardonne plus tout! [557] — воскликнула Анна, повторяя фразу, которую вычитала как-то в одном из французских романов, и которая так легла ей на душу.

— Почаще говорите эту фразу самой себе, — резко ответила мадам, выпуская на волю из своей хватки ее локоть. — Быть может, тогда вы поймете смысл этих слов... И Анна... не я ли повторяла вам, что не все верно, что пишут в романах? Жизнь — не роман. Она не так красива и так хороша. Ее не перечтешь заново, как книгу. А еще — как бы ни желал того, не вырвешь страниц неугодных. Когда-нибудь ты поймешь это, — проговорила она уже в пустой комнате, крепче запахивая шаль на плечах. — Когда-нибудь ты поймешь...

А Анна уже шла быстрым шагом в спальню Пантелеевны, где та качала Сашеньку на коленях, глядя по спинке, успокаивая плач и отвлекая от боли, мучившей того. Буквально вырвала его из рук нянечки, пытаясь снова найти покой своему израненному сердцу в его детском запахе, утыкаясь носом в его маленькие ладошки.

— Ма! — воскликнул Сашенька, но почему-то сейчас это короткое младенческое слово не принесло благодати, а только растревожило Анну. И как она ни прижимала к себе мальчика, так и не успокоилась, все дрожала отчего-то мелко, будто захворавшая. Не было впервые прежней радости, которая вспыхивала в ней при этом коротком возгласе, ушла уверенность в верности своих поступков. И только этот визит неожиданный был тому виной. И те слова, произнесенные в тишине гостиной. Те самые, которых она так долго ждала...

Анна долго стояла после у колыбельки младенца, наблюдая его дневной сон, внимательно глядя на каждое движение век или носика. А потом отошла к окну, взглянула на занесенный снегом парк за стеклом и представила, как медленно рассекают белоснежное полотно дороги полозья возка, в котором уезжает Андрей.

Думает ли он о ней в этот миг? О, ей хотелось, чтобы думал! Чтобы каждый раз, когда он будет смотреть на кольцо с гранатами, которое она буквально от сердца оторвала своего нынче утром, Андрей вспоминал тот день в сарае. Каждый миг их короткого счастья.

Что, если она ошиблась, мелькнула мысль в голове. Что, если следовало уступить сердцу, которое кричало принять все, что предлагал Андрей этим утром? Открыть ему правду о происхождении Сашеньки, смириться с тем, что он никогда бы не принял ее с иным дитем... чужим дитем.

И снова кольнуло сердце обидой. А потом вдруг вспомнила, как едва не заплакала прямо там, в гостиной, едва услышала, что у Андрея мог быть ребенок от другой. И впервые за это время усомнилась в своей правоте, которую так тщательно лелеяла, которую взрастила, позволяя мечтам закружить себе голову.

Ах, если бы не было бы войны, подумала Анна, закрывая глаза. Если б ее не случилось, какая жизнь была бы тогда! И она мысленно увидела перед собой то, о чем так часто думала в тишине ночи без сна. Она бы была уже замужем, вестимо, за Андреем, еще на Рождество

обвенчались бы в местной церкви (уж она-то настояла бы на том!). И папенькино здоровье не ухудшилось бы так резко, и Петруша, ее милый Петруша, был бы жив и здоров, все так же кружил бы головы девушкам... Ах, если б не было войны!

И где-то там, посередине заснеженных просторов с редкими темными проплешинами полей, что лежали вдоль Смоленской дороги, Андрей думал о том же самом, трясаясь на неровностях пути в возке. Ах, если бы не было войны и этой проклятой разлуки, столь отменно разрушившей то, что они едва начали выстраивать по кирпичику. Если б не было проклятого поляка, что пусть и мимолетно, как выходило, но вскружил голову Анне!

Нет, он более не корил ее за измену собственному слову, как делал это еще некоторое время назад. Минутные порывы порой несут вслед горечь долгого раскаяния, уж кому бы и не знать, как не ему! И знал, что мог бы ныне, когда в ее глазах мелькала тень привязанности к нему, некой сердечной склонности, что по-прежнему держала их судьбы связанными друг с другом, он мог бы сделать так, чтобы Анна простила те ошибки, совершенные им. Но за этим вслед тянулось иное — принятие ее дитя... а этого...

Этого Андрей не мог сделать, как ни пытался заставить себя принять хотя бы мысленно будущее, которое сулили ему в этом случае небеса. Как же жестока судьба, как смеется она над ним, давая в руки наижеланнейшее при том самом условии, которое Андрей никак не мог принять! Андрей закрыл глаза, пытаясь погрузиться в дрему, хотя бы как отвлечься от мыслей, терзавших голову на части. И ему это даже удалось — убаюканный легкой тряской по снежной дороге, он заснул, откинув голову на бархат сидения.

Андрею снилось, что он снова в городском доме, который брат арендовал в Петербурге на Луговой улице [\[558\]](#), сидит за завтраком в столовой, но на месте Бориса во главе стола. По правую руку от него сидит мать в легком капоте поверх утреннего платья и чепце с палевыми атласными лентами. Напротив, за дальним от него концом стола — Анна в кружевном утреннем платье с широкими рукавами. Она улыбается ему поверх чашки, и он не может не ответить ей тем же, ощущая восторг при виде этой чинной картины завтрака, солнечного света, заливающего комнату и ее присутствия рядом.

А потом в столовую входит горничная матери — сухая и высокая, с остреньким носиком, оттого так напоминающая ему крысу. Как и тогда, несколько лет назад, она несет кушак. И уланский кивер с литовским знаком на тулье. И он видит, как гаснет улыбка на губах Анны, как вскидывает торжествующе мать голову в чепце с длинными оборками.

— Иезавель! Débauchée! C'est châtiment de Dieu, Andre! [\[559\]](#) — слышится голос Алевтины Афанасьевны словно издалека. А он только смотрит на лицо Анны, на страх и раскаянье, что читается в ее глазах без труда. И при виде этого ему самому вдруг хочется вскочить с места и закричать в голос, как сделал тогда его брат. И плакать. От той тоски, что охватила его душу, хочется обхватить голову руками и заплакать, завывать в голос, словно волк.

— ... лошадей...! — раздалось едва ли не над ухом, и Андрей проснулся так же внезапно, как провалился в сон. За заметенным снегом, что летел из-под полозьев, смутно угадывались очертания станции в сгущающихся сумерках.

Андрей с легким стоном распрямил калеченную ногу, а потом распахнул дверцу возка, призывая к себе Прошку, с озабоченным видом напиравшего на пару с кучером на зрителя.

— Говорит, лошадей нет, барин. Одну еще найдет, но четверик точно нет, — доложил хозяину денщик. — На ночь, говорит, встать придется.

— Дай ему червонец [\[560\]](#), мигом найдет, — бросил Андрей, и прижимистый, еще пару

лет назад приученный экономить каждую копейку, оттого недовольный решением барина Прошка, насупившись, полез за пазуху, доставая кошель с дорожными деньгами.

— И рубля бы хватило... да бумажкой, — пробубнил он себе под нос, отдавая смотрителю золотой. Тот быстро схватил ее, спрятал в пятерне. Стал кланяться этому хмурому господину, сидящему в возке, предлагая не только лошадей свежих, но и горячего сбитня, и пирогов «только с печи» со скоромными начинками. Но барин только рукой махнул, выбираясь из возка размять затекшие от долгого сидения ноги.

Заметив, как пошатнулся Андрей при этом, Прошка тут же подставил плечо, чтобы тот оперся, а потом подал трость — неизменную ныне спутницу Андрея, столь ненавистную ему. Тот сперва хотел было отказаться, но все же принял, а потом опираясь на трость, пошагал прочь от станции, к дороге, словно желал взглянуть на темнеющее над широкими просторами небо.

Под вечер стало еще морознее — так и холодило лицо и руки. Поблескивал в редком свете, долетающем со станции, снег редкими разноцветными искрами. Андрей закрыл на миг глаза, слушая окружающие его звуки, наслаждаясь тем самым необъяснимым ощущением, что он дома, в России. Через день пути он приедет в Москву, а оттуда двинется в Агапилово, чтобы после долгой разлуки встретиться со своими родными. А потом снова в Москву в доставшийся от тетки большой дом с парком, в конце Филиппова поста, когда в город съезжался свет к началу сезона. И жизнь постепенно войдет в колею, пусть несколько новую, но более-менее знакомую ему, схожую с прежней. Но такой как ранее уже никогда не будет...

— Барин! Готовы к выезду! — донеслось до Андрея со стороны станции, и он открыл глаза. Над ним зажигались медленно звезды, пока еле заметные на фоне темно-серого неба. Внезапно одна из них, так до конца и не вспыхнув яркой точкой, вдруг сорвалась вниз и упала куда-то за темнеющий вдалеке лес. Андрей даже подумать не успел, только вспомнил, что надо бы желание загадать. А потом подумал, что то единственное желание, которое он ныне загадал бы, никогда не станет явью. Потому что прошлое воротить вспять, дабы переиграть, никак нельзя. Его можно ли принять, либо отвергнуть. И только так! Такой простой и в то же время такой тягостный выбор...

Весна, 1815 год

Анна с легким вздохом захлопнула небольшой ларец, в котором хранила ассигнации и редкие золотые монеты, что оставались в распоряжении ее маленького семейства. Потом закрыла на два оборота замок, спрятала ключ в другой ларец, побольше размерами, в котором хранились драгоценности, некогда принадлежавшие ее матери. И немного тех, которые сама некогда получала в дар и надевала когда-то на балы и рауты, на ужины и на выезды. Думать о том, что их количество постепенно уменьшается, было неприятно. Еще более неприятно было осознавать, что вести хозяйство самой, без сторонней помощи не так уж легко, как ей казалось ранее.

Анна положила перед собой тетрадь с ровным столбиком расходов, которые с недавних пор стала тщательно отслеживать, снова стала проверять каждую строку, водя кончиком пера сверху вниз, стараясь выглядеть спокойной, без единой морщинки тревоги на лице. Ведь мадам Элиза уже отложила в сторону свою работу и наблюдала за ней внимательно.

Как же раньше Анна не замечала, что так дорого жечь восковые свечи долгими темными вечерами? И дрова... Разве могла она подумать, что их столько потребуется, чтобы протопить флигель? Даже страшно было подумать, сколько свечей и дров уходило на большой усадебный дом! Или визиты доктора... О господи, десять рублей за визит! Надо же! Да и лекарства, что делали для мадам Элизы по рецептуре доктора в Гжатске, совсем недешевы. Ох, как же это дорого болеть нынче, подумала Анна, благодарная Провидению, что за минувшую зиму даже ни разу не кашлянула. Хотя прежде помнится, так мучилась горлом. Да, хворать по нынешним делам совсем непозволительно для нее.

— Comment ça va? [\[561\]](#) — спросила мадам Элиза, и Анна не могла не поднять голову от колонок с цифрами.

— Недурственно, — ответила та, быстро захлопывая тетрадь. От этих цифр у нее всегда болела голова к вечеру, а тратить настойку на такую малость — головную боль из-за пустяков — Анне вовсе не хотелось. Лекарство еще пригодится при очередном приступе мадам, когда та будет мучиться от боли, и только сон сможет помочь ей забыть о приступе. — Хотя свечи почти все вышли. И сахара осталось менее двух фунтов.

— Надо было взять меда, — проговорила ворчливо Пантелеевна, возившаяся тут же на ковре с маленьким барчуком. — Сахар-то нынче аки золото. Мед-то все лучше. И вкуснее, и полезнее!

— А что дрова? — спросила мадам Элиза, кутаясь в вязаную шаль от привычного уже легкого холодка в комнате. Они уже давно заперли комнаты первого этажа, даже трапезничали в своих спальнях, пытаясь экономить на растопке. Да и Ивану Фомичу с его-то больной спиной было тяжело топить столько комнат. Оттого редко бывали в гостиной — самой большой и плохо отапливаемой комнате флигеля, никого не принимали с визитами.

Анна сама предпочла бы, конечно, трапезничать в кухне — самом теплом помещении дома, но мадам Элиза от этого предложения пришла в ужас.

— Нет, конечно же, нет! В кухню барышне хода нет, я же тебя учила! Нужна кухарка — к себе зови, а в кухню спускаться для барышни...

Хорошо, что мадам Элиза не знает о ее прежних визитах в белую кухню усадебного дома, подумала тогда Анна. Интересно, какое наказание она бы получила в те дни? И снова

вспоминала о прошлом, когда можно было жечь свечей столько, сколько душе угодно, когда не думали вовсе о том, хватит ли чая до конца месяца или придется закупать, когда не чинили белье и одежды по нескольку раз и не думали, надолго ли хватит починки.

Анна поймала внимательный взгляд Ивана Фомича, подкладывающего в печь дрова, принесенные со двора. В который раз он как-то странно смотрел на нее, бросая поленья в пламя, и этот взгляд еще недавно зародил в ней смутные подозрения. Анна поманила к себе его, когда он, кряхтя, выпрямился и уже направился к выходу.

— Сколько дров осталось, Иван Фомич, на дворе? Сколько вязанок? — и только глаза прищурила, когда тот отчего-то покраснел. А потом зашипела как кошка, которой прищемили хвост. — Глупцы! Глупцы! Вы ж нынче вольные с Дениской. Подадут жалобу за воровство, и далее что? Грешно же, Иван Фомич! Где рубите? Хоть подальше от усадьбы?

— За дальней просекой, — виновато опустил голову Иван Фомич, комкая в ладони край овчинного жилета, что носил в эту холодную пору в доме. — Нам Титович подсобил. Несколько деревьев всего. Коли Титович не проговорится, а он человек-надежа, то и не проведает никто.

— Этот лес принадлежит Оленину Андрею Павловичу, и то, что ты его рубишь... пусть даже несколько деревьев, — у Анны даже голова кругом пошла от минутного страха. Сначала Дениска с его силками на птицу и мелкого зверья, а теперь вот и дрова. Управителю Милорадово уже довольно, что предъявить им, коли все вскрыется. Да ладно Модест Иванович, не прознал бы Оленин о проделках ее слуг!

А потом снова тот самый укол в сердце короткий, словно кто-то решил всякий раз именно так напоминать ей о нем — через мимолетную, но такую острую боль в груди при упоминании его имени. Анна не могла оттого читать без перерывов письма от тетушки, что доставляли из Москвы, но и ждала те с таким нетерпением, какого даже не подозревала за собой. Хотя бы весточку получить, что жив-здоров, ведь только из письма, датированного началом декабря 1814 года Анна узнала об увечье Андрея. Она помнит, как покраснела тогда от стыда за свое поведение в то утро визита, когда он, нарушив правила этикета, просил ее присесть, понимая, что не может этого сделать, пока она на ногах. А Анна стояла. И он молчал, терпя физическую боль, ничего не сказал ей, не объяснил.

И о том, что он не выделяет никого из привезенных в Москву девиц, желала знать, опасаясь прочесть обратное. Она знала, что Андрей редко бывает в Собрании и на частных балах и никогда не принимает участия в танцах по причине увечья. Но уже успел получить славу одного из желанных холостяков Москвы («что немудрено на фоне отсутствия в России многих офицеров армии», как подмечала Анна, отчего-то злясь, читая эти строки). Прочитала Анна, что очень часто вокруг него собирается небольшой кружок из мамаш и их девиц, которых те пытаются хоть как показать лицом, раз не могут продемонстрировать это на паркете бальной залы. Удивительно, но желая похвастать тем фактом, что по старому знакомству Катиш всегда подле Оленина в этом круге, Вера Александровна, как казалось Анне, совсем забылась, кому она пишет эти строки.

— Мы часто бываем с визитом у Олениных и порой делим с ними ложу в театре. Madam Olenina благоволит к Катиш по-прежнему, несмотря на явную неприязнь, которую питает к нашей фамилии с того самого случая. Когда она забывает о том, становится вполне любезной и приятной особой, — читала тогда Анна, и мадам Элиза морщилась недовольно. Какая бестактность писать об этом Анне! Словно не помнит о том, как были связаны когда-то семейства Шепелевых и Олениных!

Мадам Элиза только раз озвучила свои мысли Анне, но та только головой покачала в ответ. Пусть вспоминать об Андрее и прошлом было очень больно, но и не знать она не желала. А Анне было очень важно знать, что он в здравии... и что по-прежнему никого не выделяет из сонма юных прелестниц, свезенных в Москву на сезон.

— Видите, мадам, — пыталась пошутить Анна. — Что Господь не делает, все к лучшему. Не останься я в деревне, эта мадам Оленина изрядно заледенила бы меня своей неприязнью. И упаси Боже, такую в *belle-mère* [\[562\]](#)заполучить, верно?

— Аннет! — поднимала недовольно брови мадам Элиза, показывая тем самым, что Анна ведет себя неподобающе, что переходит границы в своем злословии. А сама едва сдерживалась, чтобы не притянуть к себе ее и не поцеловать в веки, стирая из глаз ту боль, которую та так и не сумела скрыть при реплике. Бедная ее девочка! Она всю ночь тогда проплакала после отъезда Оленина в Москву, уверяя толи мадам Элизу, вытирающую ее слезы, толи саму себя, что так и должно, что ей совсем не больно уже.

— Зачем ты отвергла его? — спросила в ту ночь Анну мадам Элиза. — Ведь так желала услышать то, что он сказал. Что любил тебя, *ma petite*, любит ныне!

— Чтобы не возненавидеть его после. Я не хочу... я бы не снесла, чтобы моя любовь к нему умерла... чтобы переродилась в ненависть при виде его неприятия Сашеньки и при осознании того, что истинно моего ребенка он бы отверг *tout net*. Я бы постоянно думала, что не столь крепка его любовь ко мне, раз он может отвергнуть частицу меня. Если позволяет моей кровиночке быть в отдалении от меня, в разлуке со мной... Любовь ли это тогда? И я не хочу ненавидеть его, мадам... не могу... Кого угодно, но только не его! Быть может, я выйду замуж все же. Не отрицаю, что это возможно, учитывая наше нынешнее положение. И верно, вы правы, супруг непременно отошлет прочь Сашеньку. И я буду ненавидеть и проклинать его за то... но Андрей... я не могу... я просто не смогу! Только не кто! Уж лучше любить его вот так, издали и молча, чем ненавидеть и проклинать...лучше так...

Они после никогда не говорили об Оленине, словно и не было такого человека в жизни Анны, того эпизода, который переменял бы ее жизнь. Тот визит, на который мадам Элиза возлагала такие надежды, вдруг стал для них последним, некой точкой, которую оба поставили в тот день.

Потому и волновалась мадам не так, как обычно, когда вдруг через пару седмиц после Рождества во флигель прибыл очередной неожиданный гость, скинувший шубу на руки Ивана Фомича и скептически оглядевший скромную гостиную. Ведь тут же в голове возник разговор месячной давности о возможном браке Анны, как о единственной возможности уладить столь сильно пошатнувшиеся дела.

— *Mademoiselle Annette, madam*, — прикоснулся холодными губами к их ладоням князь, справившийся уже с удивлением, которое охватило его, когда развернули его возок от парадного подъезда Милорадово к этому скромному флигелю. Разумеется, до него доходили некие слухи о бедственном положении Шепелевой, но подобного он не ожидал. Читая письма Веры Александровны, что Анна предпочла остаться в деревне за воспитанием племянника, он думал, что она в Милорадово, в самой усадьбе. Но не так, как ныне — в скромном флигеле, на положении приживалки и кого?! Подумать только!

Гостю предложили чай, тот согласился, и мадам с легкой тревогой наблюдала, с каким странным оживлением и блеском в глазах Анна вдруг стала вести беседу с Чаговским-Вольным за столом. Как улыбалась слегка, чуть показывая зубы, игриво склоняя голову. С удивлением распознала знакомые прежде нотки кокетства в голосе своей воспитанницы. Та

даже приняла «скромные дары Европы», как князь выразился, когда Иван Фомич внес в гостиную большую коробку, перевязанную бечевкой.

— Французские романы. Те, которых не сыскать на Кузнецком мосту даже с огнем! И новинку среди сладостей, какой не делают и во Франции покамест! Это из местности, близ империи Наполеона, откуда родом воспитатель нашего государя [563]. Твердый шоколад. Чуть горьковат на вкус, как и напиток известный, но весьма недурственен. Et, bien sûr — praline! [564]. проговорил князь, довольный, что Анна благосклонно отнеслась к его визиту и подаркам, что приняла те, по негласным правилам давая ему знак, что его присутствие под этой крышей приятно хозяевам.

Он смотрел на нее, не в силах оторвать взгляда от ее фигурки в траурном платье. Адам Романович чувствовал себя каким-то иным сейчас, подле нее, и это удивляло. Анна была схожа с подснежником, который цвел среди холода снегов на проталине. И она по-прежнему привлекала его. Особенно ныне, когда была так слаба. И в то же время столь сильна перед всем светом и всем миром. И пусть Анна не принесет ему ничего в приданом, пусть за ее плечами лишь нужда да еще непонятного рода толки. Но почему-то ему хотелось, чтобы окружающие смотрели на Анну и знали, что она носит его имя. Странное желание собственника, вспыхнувшее когда-то и не погасшее за минувшие годы.

— Ужасно, как люди могут быть жестоки, — говорил князь позднее, когда они стояли у окна гостиной в обманчивом уединении на глазах у мадам. — Раня не только на поле боя, а нанося боль иным оружием. Отчего ваша тетушка оставила вас здесь? Одну перед всеми...

— Я прошу вас, — Анна сделала предостерегающий жест, но он не дал ей договорить — поймал ее руку и легонько пожал ее, заставляя ее смутиться интимности этого жеста.

— Если бы вы предоставили мне такую возможность, то я бы защитил вас от всех языков, от всего, — произнес князь, и Анна не могла не отвести взгляда от его пугающего пристального взора.

Он был охотником, а она загнанной ланью, она знала это. А также ныне ясно видела, что тропа, по которой она бежит ланью, ведет к обрыву. И тогда будет только два пути — либо в обрыв, либо на милость охотника. На его триумф, который так плохо был скрыт ныне под веками, опустившимися чуть медленнее на миг, когда Анна приняла романы, поддаваясь мимолетной прихоти. Но князь мог понадобиться ей в будущем. Тетушка совершенно права, написав в письме под Рождество, что ей стоит удержать интерес князя к своей персоне за неимением иных кандидатов на руку. «Тебе надобно думать о грядущем дне, а не только о текущем времени», уверяла она племянницу в том письме. «Не желаешь быть благосклонной к его сиятельству, будь с тем в рамках политеса по крайности. Кто ведает, как еще повернется Проведение!»

И Анна была с князем вежливой и любезной в тот визит, стараясь держать в памяти только ларец с ассигнациями и колонки цифр, которые ясно говорили, как дорого нынче жить. И возможное будущее Сашеньки — одной ей ни в жизнь не пристроить того в поре, а Вера Александровна и кузины едва ли помощницами станут в том. Оттого ей был нужен супруг. С именем, со связями, с состоянием. Уж коли продаваться, то отчего бы не подороже? И сама ужаснулась этой мысли, обжегшей тогда горячее пламени. Князь что-то говорил ей, а Анна не слышала его. Только смотрела на морозные узоры на стекле, поражаясь собственным мыслям.

— Вы позволите мне напомнить вам то, о чем мы говорили, когда я уезжал из Милорадово в те дни? — тихо произнес Чаговский-Вольный, и Анна напряглась невольно,

едва удерживая себя на месте подле него. Взглянула на него, но не смогла даже кивнуть, как ни призывал ее к этому разум. Больше не будет шепотков за спиной, уверял ее внутренний голос. Больше не будет тревожных мыслей о том, что отдать в заклад из ларца, уже заранее зная, что выкупить эту вещь никогда не удастся. Или о том, сколько осталось в кладовой сахара, муки, круп или не размякнет ли до лета нехитрый урожай в холщевых мешках в погребе. Больше не надо будет чинить перчатки и пытаться так сложить в троеперстие пальцы на службах, чтобы не было видно следов этой починки.

Будет несколько перемен блюд за ежедневной трапезой, а в сервировке стола серебро и тонкое стекло. А голова будет занята с тех пор не сведением бесконечных счетов, а только выбором наряда да меню к предстоящему званому ужину. И снова будут балы, ужины и обеды, театральные представления и музыкальные рауты. И будут шелка, кружева, эспри и плерезы. Анна снова полетит по жизни, как легкая бабочка, не раздумывая о завтрашнем дне, потому что к тому нет особой нужды. Совсем как раньше...

«...А ты же, моя богиня, станешь супругой титулованного человека с состоянием, будешь порхать в свете, как воздушное Божье существо papillon [\[565\]](#)... Все будут завидовать его счастью... Весь свет ляжет к твоим ногам с восторгом, даже клеветники и завистники перестанут злословить в благоговении перед твоей красотой и в страхе перед твоим супругом», вспомнились слова брата. Анне ведь была уготована именно такая судьба, вдруг поняла она сейчас, стоя возле князя под его пристальным и таким пугающим ее взглядом. Ведь не случись тогда приезда в соседнее Святогорское Андрея, не повстречай она его, то непременно вышла бы замуж за Чаговского-Вольного, уж Петруша бы определенно поспособствовал тому. Михаил Львович не стал бы против этого сватовства, тем паче, и она бы склонилась к нему, как ни пугал бы ее вид предполагаемого жениха, подчиняясь доводам брата и тщеславию собственной натуры.

Но все было. Тот самый взгляд в церкви, и то лето, навсегда переменившее ее, заставившее ее сбросить привычные маски. И разве она могла ныне принять судьбу той, другой Анны? Да еще при возможности столкнуться лицом к лицу с Андреем в статусе княгини, ведь это непременно случится. И как тогда...? О, Господи, как тогда?!

— Вы позволите...? — снова повторил князь, явно встревоженный молчанием Анны, возвращая ее из вороха мыслей, что захлестнули ее в этот момент. И она вдруг поддалась слабости сердца, идя наперекор разуму. Хотя и попыталась не сжигать сразу мост, по которому рано или поздно все же придется перейти.

— Прощу вас, не ныне. Я не имею права дать вам прямой ответ ныне, — Анна пустила в собственный голос тех самых ноток, что ранее позволяли ей склонить к собственному решению. И даже испугалась сперва, что уже успела утратить этот навык за минувшие дни. Но вот выражение глаз князя несколько смягчилось, и она даже позволила себе коротко улыбнуться ему.

— Как вы видите, я все еще в трауре по папеньке. Таков мой обет — строгий траур по всем правилам. В апреле истекает его срок. И полагаю, к апрелю я смогу получить письмо от своей тетушки на сей счет. Девица не имеет права решать свою судьбу, вы же ведаете то.

— Не лукавьте, Анна Михайловна, только не со мной, — уголки его губ дрогнули, словно ему было забавно слышать ее явно надуманные объяснения. — Я буду возвращаться из Петербурга в Малороссию через Гжать этим летом. Надеюсь, к тому времени все будет решено меж нами. Более всего на свете я ненавижу неясность и ходить в дураках... более всего! Но иногда итог дела стоит того. Надеюсь, вы простите мне, коли я нынче же

откланяюсь. До сумерек хотелось бы миновать не один десяток столбов [566]. Надеюсь, на ваше благоразумие и на убедительность вашей тетушки.

Ее кокетство на него не действовало, Анна видела это, ее красота не имела над ним никакой власти. И отчего-то ей вдруг стало страшно, когда она наблюдала, отодвинув в сторону занавесь за его отъездом.

Большой возок с княжескими гербами на дверцах, украшенный искусной резьбой и позолотой. Шестерик отменных лошадей и золото ливрей множества выездных лакеев, их напудренные парики под треуголкой и красные от мороза уши. Князь ехал поездом, от которого за версту веяло богатством и властью. Он мог взять любую девицу на выданье, а отчего-то желал только ее. Чтобы так же показывать ее всем желающим, как трофей, который долго не шел в руки, а после сам свалился, как спелый плод, горько усмехнулась Анна, отходя от окна. Князь любил, когда желали то, что принадлежит ему. И любил, чтобы все было только по его желанию. И оттого-то было так тревожно на душе.

Она должна была дать единственно верный ответ на его предложение. Анна знала, что другого выбора у нее нет — вряд ли появится более подходящая для брака кандидатура в будущем. Но разве могла она ответить согласием, когда в ушах по-прежнему звучал совсем иной голос и совсем иные слова? Потому и снова увильнула от ответа так малодушно.

Анна прикусила кончик пера, вспоминая о том визите, снова ощущая ту странную тревогу, что была в ее душе всякий раз, как она думала о необходимости предстоящего брака.

Пенсии брата, которую выхлопотала ей тетушка, не хватало. Семейные же драгоценности отдавать в заклад было больно, словно с кожей отрывала с ладоней, когда клала на сукно стола ростовщика бархатные футляры. Собственные, подаренные когда-то папенькой или братом, правда, отдавала намного проще. Но все равно было безумно больно смотреть на блеск камней и искусные работы ювелирных дел мастеров, когда в последний раз открывали эти футляры перед тем, как спрятать те в ящики под замок и отсчитать ассигнации.

— Помилуйте, — спорила Анна, кусая губы под креповой вуалью, сторяя от стыда о присутствия в этой лавке ростовщика. — Двадцать пять рублей за серьги с изумрудом! Имейте совесть!

— Не имел бы, не положил бы ныне лишнюю бумажку-с, — отвечал лысоватый ростовщик, пряча ключ от ящиков в карман жилета. — Исключительно-с из уважения к вашей особе, барышня. Нынче ж вон какие времена! Драгоценности не в такой цене, как ранее. Многие с рук-с отдают в заклад. Дела у многих шибко-с пошатнулись вследствие войны с французом. Особенно в наших местах, сами понимаете.

— Но двадцать пять рублей! *C'est brigandage!* [567] — вторила ей мадам Элиза, горячась, и Анна сжимала локоть мадам, пытаясь успокоить ту. Нервы несли вслед приступ болезни и далее визит доктора Мантеля, а это лишние расходы, которые были вовсе ни к чему ныне, когда требовалось приобрести столько всего для хозяйства.

Обе горячились от души уже после, в стенах флигеля, вернувшись из Гжатска, но обе знали, что настанет срок, и все равно они поедут в город, в эту лавку, чтобы отдать в заклад очередную вещицу из ларца.

Потому и как-то сжалась мадам Элиза, когда Анна произнесла, прогнав от себя Ивана Фомича:

— Надобно бы мадам Павлишиной писать. Не собирается ли та в город и когда.

Именно мадам Павлишина милостиво подвозила их до Гжатска, куда нечасто, но ездила

— то в собор глянуть, не завершили ли ремонт, поправляя деяния французов, то по лавкам пройтись, а то и просто навестить знакомую, проживающую в городе. Иногда их сопровождал и Павел Родионович, от которого Анне с таким трудом удавалось ускользнуть на городских улочках. Ведь признаваться, что она бывает в лавке ростовщика, было невероятно стыдно.

Мадам Палившина прислала в ответ записку, что собирается в уезд в субботу, и что будет рада разделить с ними часы пути до города, выражая надежду, что снег еще продержится, не будет рыхлым, затрудняя проезд. И снова Анна придвинула к себе бобик, писать список необходимых покупок в городе. Без многого не обойтись совсем — приближалась Страстная неделя, время подготовки к празднику святому, к первому за последние седмицы не скоромному столу.

Анна раньше любила это суету предпраздничную. К Пасхе начинали готовиться загодя — выбирали тщательно окорок и молочных поросят для столов. Ставили творог для изумительно нежных «пасх» со всевозможными специями, изюмом, цукатами и орехами. Но особенно суетились в пятницу, когда приносили из погребца пасхи, когда выпекали куличи, старательно отделяя господские от холопских, красили яйца сандалом, шелухой луковой, а то и просто завернув в шелковые лоскутки. Как же любила Анна еще с детства наблюдать за этим волшебством, что творила Татьяна в больших медных кастрюлях, кладя в них белые яйца, а вынимая разноцветные! А ныне ж... Ныне все было не так.

И в ту субботу все пошло не так. Небо явно не благоволило к путникам. День выдался довольно теплым, и снег стал рыхлым, а кое-где на дороге даже образовалась распутица. Карета ехала из-за того так медленно, что Анне начало казаться, никогда они не въедут в Гжатск. Вдобавок ко всему мадам Павлишину нещадно укачало — она уже с середины пути жаловалась на мигрень и дурноту, то и дело доставала из сумочки соли, распространяющие в узком пространстве кареты такой едкий запах, что Анна с трудом удерживалась, чтобы не выскочить вон.

Но с другой стороны в нездоровье мадам Павлишиной было и некое преимущество. В прошлый раз, когда они ездили в уезд, та говорила либо об Оленине всю дорогу и о том, какой ныне будет жизнь соседей Милорадово, когда хозяином стал он, либо о проезде через эти места князя Чаговского-Вольного, который обсуждали аж две седмицы после.

Несчастья преследовали Анну и в городе, в который прибыли намного позже, чем планировали. Она при первых же шагах по улицам промочила ноги — видно, прохудилась подошва сапожек. После изрядно запачкала подол платья, пока шли к лавке ростовщика, где пришлось забыть о впитываемых с детства манерах и правилах поведения и спорить с хозяином под удивленным взглядом мадам Элизы, отчаявшись получить за заклад столько, сколько планировала.

— Видано ли? — горячилась после Анна, когда они выбирали с мадам Элизой ниток для шитья в лавке галантерейщика. — Видано ли, чтобы столько давали за такую тонкую работу? Когда-то уплачено за нее было в Москве впятеро больше! Он просто грабит меня, этот....animal (Животное, скотина (руг. фр.)!)

— Аннет! — протестующе шипела мадам, краснея при словах Анны, косясь по сторонам — не слышал ли кто. А сама Анна вдруг замерла на месте, глядя на кружево, спускающееся дивным полотном по искусственным локонам на демонстрационной голове на витрине галантерейщика. И не могла отчего-то не думать о ней позднее, когда со свертками в руках медленно бродили по торговым рядам, прицениваясь к необходимым в их

маленьком хозяйстве вещам.

Наконец по списку все было куплено, а цены на то, что могло понадобиться в дальнейшем, узнаны. Можно было отправляться к Казанской церкви, одному из немногих зданий, оставшихся неповрежденным после ухода французов, где по договоренности ждала их карета мадам Павлишиной. Удивительно, но даже спустя почти три года после войны город все никак не мог подобно птице Фениксу воспрянуть из руин и пожарищ, в которые превратили его французы при отступлении, совсем медленно отстраивался заново. Как и ее жизнь, подумала Анна, аккуратно обходя по мосткам жигу, которая образовалась в низине улицы под полозьями карет и саней, под копытами лошадей.

Карета мадам Павлишиной уже была на месте, дверца распахнута настежь, а сама мадам Павлишина раздраженно обмахивалась концом шали, словно ей вдруг стало жарко в этот пасмурный весенний день. По ее лицу было заметно, как она недовольна, и эти поджатые раздраженно губы заставили Анну нахмуриться в ожидании чего-то худого. И это не заставило себя ждать.

— Увы, судя по всему, нам придется остаться в городе на эту ночь, — проговорила мадам Павлишина, пытаясь изо всех сил скрыть свое раздражение сложившимся обстоятельством. — У одной из пары потерялась подкова. Насилу отыскали трезвого и готового работать кузнечных дел мастера. Слыхано ли? Я все понимаю, но это мужичье бражничество...! Подкова будет готова к утру. Ах, коли б Василий был глазастее, то заметил бы, что хромает животное! — и кучер, гладивший морды лошадей, даже как-то сжался весь от этого раздраженного тона хозяйки, уже заранее чувствуя, как пройдет по его спине розга по возвращении в имение.

— Остаться в уезде на ночь? — Анна даже замерла от ужасающей перспективы. — Это невозможно!

— Но так и выходит, милочка моя, — мадам Павлишина взглянула на нее. — Мне по всему выгода у знакомцев на ночлег проситься, чем на станции лошадь брать. Да и потом возвращай ее, ту животину. И на руку надобно дать смотрителю, чтобы хотя бы клячу нашел... Я понимаю ваше положение, Анна Михайловна, но посудите сами, что я могу в такой пренеприятнейшей ситуации? Разумеется, я похлопочу перед знакомцами и о вашем удобстве на эту ночь.

Остаться в уезде? Сердце тревожно сжалось. Оставить Сашеньку одного столь надолго? Пантелеевна, конечно, приглядит, но она так стара уже. Да и Иван Фомич немолод. Глаша же, скорее всего, снова упорхнет из дома с сумерками, торопясь в людской флигель Милорадово к своему ухажеру — одному из домашних лакеев. Нет, решительно негоже ей оставаться в Гжатске на ночь! Да и потом — смущать людей своим присутствием, своим неожиданным визитом?

— Я не могу остаться в уезде, — произнесла Анна, пытаясь определить в уме, сколько она может позволить себе отдать за наемный экипаж до Милорадово. — Прошу вас, пошлите человека на станцию узнать, не мог ли кто отвезти меня до усадьбы и за сколько. Быть может, Господь будет милостив, кто проездом минует...

Мадам Павлишина недовольно поджала губы, но все же послала одного из сопровождающих ее людей к станции.

— Вы решительно не в своем уме, милочка моя, — и Анна едва сдержалась, чтобы не поморщиться, когда ее в который раз неприятно кольнуло это обращение. — Ехать неизвестно с кем да еще в ночь. Я настаиваю на правах старшинства на том, чтобы вы

остались подле меня! Мадам, неужто не можете вразумить мадемуазель Аннет? Этот поступок...

Мадам Павлишина говорила и говорила, но Анна уже не слушала ее. Она еще в детстве научилась одному трюку, когда ее отчитывал отец или мадам Элиза. Надо смотреть прямо в лицо говорившему, периодически опуская взгляд вниз, показывая тем самым смирение и покорность. И можно не слушать ни слова из негодующих речей, отвлекаясь на собственные думы. И Анна поступила нынче в точности, как и в детстве, стала мысленно прикидывать расходы, что предстоят ей, если найдут экипаж или сани до усадьбы, а потом мысленно взмолилась, понимая, что не может себе позволить подобную трату. Только бы проезжий кто, Господи! Только бы взял бы ее в спутники, дав честное дворянское слово доставить до дома!

Тихо стукнули в стекло запотевшего оконца, и мадам Павлишина приоткрыла дверцу, выпуская холодный воздух, неприятно скользнувший по ногам через мокрый подол платья. Склонилась ниже к вернувшемуся от станции человеку, слушая внимательно его слова. Потом резко выпрямилась и скользнула несколько злорадным взглядом по Анне, сидевшей напротив.

— Есть проезжий дворянин, Анна Михайловна. Да боюсь, вы не поедете с тем! — и прежде чем Анна успела даже подумать, кто бы это мог быть, добавила чуть торжествующе. — Оленин Андрей Павлович проездом из Москвы до имения своего с маменькой и сестрицей.

Сердце Анны так подпрыгнуло в груди, а пальцы помимо воли переплелись с силой под довольную улыбку мадам Павлишиной и удивленно-восторженным взглядом мадам Элизы.

— Я поеду, — ответила Анна. Желание увидеть его пересилило страх встретиться лицом к лицу с его матерью, которая, по словам тетушки, ненавидела даже имя Анны. И боясь передумать, уступить доводам разума, говорившим о том, что лучше бы ей последовать совету мадам Павлишиной и остаться в уезде, подобрала юбки и спрыгнула из кареты, не дожидаясь помощи от сопровождающего человека.

И тут же замерла, заметив Андрея, подходившего к карете мадам Павлишиной, вспыхнула краской, словно юная девица на первом балу. Тот отвел взор, будто избегая ее взгляда, только приподнял шляпу, кланяясь ей, а затем и женщинам, сидевшим в карете. Он подошел и завел разговор с мадам Павлишиной, не удостоив Анну даже парой слов, и она не могла не пожалеть о своем поспешном решении. И о своем намерении проводить своих неожиданных спутниц до станции он почему-то сообщил, не поворачивая к ней головы, именно мадам Павлишиной, кивнувшей ему одобрительно.

После коротких минут вежливого прощания и коротких поклонов их маленькая компания (Андрей, мадам Элиза, Анна и лакей, несший покупки, совершенные нынче днем) двинулась к станции, аккуратно обходя слякоть и грязную жижу, в которую неизменно превращались улицы по весне. Благо, что к вечеру стало чуть подмораживать, как заметила мадам Элиза, заводя разговор, пытаясь хоть как-то смягчить тот лед, что образовывался не только на жидкой грязи и редких лужах улиц. Андрей отвечал скупое, чувствуя, как напряжена ладонь Анны, лежащая на его локте, как она максимально отстранилась от него в их коротком пути до места, где стоял в ожидании поезд Олениных.

Алевтина Афанасьевна была недовольна и даже не прилагала никаких усилий, чтобы скрыть свое недовольство согласно правилам этикета. Она даже не стала дожидаться, пока Андрей и его спутницы приблизятся к ней, спряталась в глубине кареты, словно уходя от

нежеланного для нее знакомства. Да и сама Анна не испытывала никакого желания быть представленной тем, кто сидел в карете, но разве она могла воспротивиться, когда Андрей подвел ее к карете матери?

— Мaman, Софи, позвольте представить вам — mademoiselle Шепелева, — и уже Анне и мадам Элизе, стоявшей в шаге от них. — Моя мать, Алевтина Афанасьевна Оленина, и моя сестра, Софья Павловна.

Если некрасивая на первый взгляд Анны сестра Андрея еще попыталась придать их знакомству хотя бы нотку любезности, коротко кивнув головой и произнеся тихо подобающую случаю вежливую реплику, то мать Андрея не соизволила даже бровью повести в ответ на полагающийся случаю книксен Анны.

— Ma chere fille, не могли бы вы поинтересоваться у вашего брата, сколь долго мы намерены стоять здесь? — обратилась она к сестре Андрея, и Анна с трудом удержалась, чтобы не показать своего удивления этой реплике. Андрей же, казалось, не обратил на нее ровным счетом никакого внимания, даже не дрогнул ни один мускул на лице.

— Мы ждали только mademoiselle. Тотчас же и тронемся, — ответил он.

— Ах, mademoiselle! — вдруг повернулась к Анне Алевтина Афанасьевна, улыбаясь, и эта улыбка несколько насторожила девушку. — Убеждена, что вы стали бы весьма приятной спутницей в пути до имения моего сына, но — увы! К моему величайшему огорчению, в экипаже, в котором ехала моя девушка, что-то с колесом... Я не могу оставить несчастную вместе с багажом на станции, можно ли то?! Хотела послать к вам, чтобы вы не утруждали себя прогулкой до станции, да вы скорее подошли. Какая незадача... надеюсь, вы простите нам этот маленький конфуз? И рады были бы вам помочь, да чем можем ныне? Я слыхала, есть возможность для вас остаться в уезде с ..., - и она повернула голову в сторону дочери, ожидая о той подсказки, как обычно, когда не утруждала себя запоминанием имени. Та поспешила подсказать, и Алевтина Афанасьевна продолжила. — С мадам Павлишиной. Иного нет пути, не обессудьте. Надеюсь, вы простите нас за эту маленькую неприятность?

Андрей заглянул в карету, окинул быстрым взглядом испуганную горничную, что вжалась в стенку сейчас, боясь даже подолом платья коснуться ненароком барыни, сидящей напротив. Потом взглянул на лакеев, стоявших чуть поодаль от господ, что тут же потупили взор.

— Что ж, раз в вашей карете нет места, то, пожалуй, я предложу Анне Михайловне с ее позволения разделить версты, что остались до Милорадово в моей компании.

— Помилуй Бог! — воскликнула Алевтина Афанасьевна. — Софи! Напомните Андрек Павловичу, что существуют нормы поведения, которые запрещают подобное! Mademoiselle Шепелева будет не согласна.

— Tout au contraire [\[568\]](#), - ответила тихо, но твердо Анна, разозленная таким открытым пренебрежением со стороны Алевтины Афанасьевны. — Мне необходимо вернуться в Милорадово нынче же до темноты, и я с благодарностью приму предложение Андрея Павловича.

— Но приличия... Хотя должно ли говорить о них ныне? — Анна улыбнулась в ответ на эту реплику, наполненную до краев ядом, отпущенную под короткий протестующий отклик Андрея опустила в книксене, завершая разговор одной короткой репликой.

— Vous avez raison, madam [\[569\]](#).

Этот ответ, подобающий по смыслу, был произнесен таким странным тоном, что у Алевтины Афанасьевны испортилось настроение напрочь. Финал всей этой неприятной

истории остался не за ней, возможно ли то? Пусть и казалось со стороны, что это не так, но все, видит Бог, все свидетели этого обмена репликами, вплоть до горничной и лакеев, поняли, что она проиграла. Особенно, когда на нее так посмотрел сын прежде, чем подать знак лакею прикрыть дверцу кареты, словно отгораживая мать от этой девицы.

— Я приношу вам извинения за поведение своей матери, — произнес Андрей, помогая Анне занять место в карете, в которой путешествовал он от Москвы.

Анна только коротко кивнула в ответ, занимая место у противоположной дверцы, занятая мыслями о том, как близко он будет к ней ныне в таком небольшом пространстве дормеза. Она даже ощущала запах его воды, знакомый ей уже аромат eau de Cologne [570], которую доставляли из-за границы купцы Кузнецкого моста. Оттого и нервы были натянуты как струна, оттого и вскрикнула протестующе, когда мадам Элиза, забираясь вслед за ней в карету, вдруг уселась на сидение напротив.

— Что...? А как же..? — удивилась Анна.

— О, позвольте мне сей *petite caprice* [571], - почему-то мадам Элиза обратилась к удивленно взглянувшему на это сознательное нарушение правил [572] Андрею. — Кроме того, большего вреда от того уже не может быть. *Vous permettez?*

О, Боже мой, Анна даже к окошку отвернулась, чтобы не видеть, как Андрей занимает место подле нее на сидение в дормезе. О, Боже мой! Совсем одно сидеть напротив него, соприкасаясь иногда ступнями, но иное — подле, так близко к нему, едва ли не плечом к плечу. И как выдержать эти часы, что проведут они в дороге? Эту муку для нее, сущую муку...

Мадам Элиза закрыла глаза, то ли делая вид, что спит, то ли действительно задремав, едва только тронулись в путь, а Анна даже повернуть голову в сторону Андрея отчего-то боялась, злясь на свою спутницу за ее выходку. Она понимала, что та намеренно села напротив, невольно приближая Анну к Оленину, и намеренно отгородилась от остальных, закрывая глаза, показывая им, чтобы не рассчитывали на нее в дорожной беседе, вынуждая Анну все же обратиться к соседу. Потому что молчать было глупо и невежливо, как учили ту с детства. А еще — потому что хотелось услышать его голос, хотя она никогда не признается в том никому.

— Вы едете из Москвы? — спросила Анна после получаса пути в молчании, понимая, что именно ей предоставили возможность нарушить его. А потом покраснела при этом промахе, вспомнив, как Оленин говорил мадам Павлишиной в ее присутствии о своем путешествии.

— Из Москвы, — подтвердил Андрей. Она так и не смогла взглянуть на него, начиная разговор, так и сидела, повернув к нему на обозрение затылок в черной шляпке, обтянутой бархатом. Только вуаль откинула с лица, позволяя видеть ему неровное отражение в стекле окна.

— У меня, à propos, письмо к вам от вашей тетушки. Просила передать при okazji.

— Вы виделись с моей тетушкой? — задала очередной глупый вопрос Анна, за который тут же обругала себя мысленно.

— Довольно часто приходилось. Все ваши в полном здравии — и тетушка, и ваши кузины, и сын кузины вашей Натали. Просили кланяться вам. Катерина Петровна так переменялась за те годы, что миновали с того лета. Я едва ли признал ее при встрече.

— Мы все меняемся со временем, — заметила Анна чуть резче, чем хотела, пытаясь унять приступ неприязни, который всегда ощущала, когда имя *petite cousine* связывали с

именем Андрея. А слышать о той из его уст отчего-то было еще неприятнее.

— В этом вы совершенно правы, — откликнулся Андрей. Анна в этот момент решила переменить неудобную позу — откинулась на спинку дормеза, давая отдых напряженным мышцам спины, потому успела краем глаза заметить, как Андрей коснулся мимолетно и легко большого колена. Тут же вспомнила о своем промахе в тот последний визит.

— Простите меня, Андрей Павлович, за мое поведение в тот день, когда... когда... Я не знала о вашем..., - и смешалась, не зная, какое слово назвать. «Увечье»? Но оно ранило ее саму это грубое слово, потому и замолчала, надеясь, что он поймет.

— Простите меня, Анна Михайловна, — ответил Андрей ей в тон как-то глухо. — Но я бы не желал говорить о том. Я принимаю ваши извинения, и будет об этом.

И снова в дормезе повисло тяжелое молчание. Говорить обоим было тяжело, но не менее — молчать, когда сидели едва ли не плечом к плечу, когда можно было чуть скосить глаза и заметить ладонь, лежащую на колене своего спутника. Анна смотрела на пальцы Андрея, обтянутые тонкой кожей перчатки, и внутри становилось все горячее от желания коснуться их, переплести свои пальчики, ощутить тепло его руки. То самое, которое до сих пор помнила, несмотря на прошедшие годы.

Забыть обо всем и сомкнуть руки, как когда-то их ладони соприкоснулись в церкви на оглашении предстоящего венчания. Переплести пальцы, чтобы никогда не размыкать их больше. Ведь только с ним, только так близко к нему Анна хотела быть, она так явственно почувствовала это желание, что даже слезы на глаза навернулись. И еще от того наполняющего ее до самых краев чувства покоя и какой-то странной благодати, что неизменно приносило его присутствие. Без Андрея она не жива, вдруг пришло осознание, до сей поры надежно спрятанное где-то в самом уголке души. Раньше еще как-то удавалось обмануть себя — ожиданием его возвращения, вынужденной разлукой, а вот сейчас не получилось. Это горькое и одновременно такое сладкое понимание выступило на свет, показываясь во всей красе, полное силы бороться с призрачными обманными уверениями, что придумывал разум. Нет, она не жива без него... и мир так не светел, как ныне, несмотря на сумерки, опускающиеся на еще снежные просторы вдоль дороги.

Анна закрыла глаза, стараясь не думать о том, что поняла сейчас, сцепила пальцы крепче, борясь с желанием коснуться рядом сидящего. Попыталась занять себя иными мыслями, ухватилась за спасительную уловку обдумать нынешнее положение ее маленькой семьи, шаткость своего маленького мирка, который до поры был спасением для нее. Хотя нет, и об этом думать она не желала. Только не ныне, когда не хотелось пускать даже мимолетно тревогу в душу. Попыталась и эти мысли прогнать прочь, стала думать о предстоящих хлопотах на следующей седмице. И верно — за мысленным погружением в приготовления к Светлому воскресенью она настолько отвлеклась на некоторое время от своих дум и тревог, что забылась. Именно забылась — задремала, как обнаружила с удивлением, когда дормез чуть качнулся на неровности дороги, и голова Анны склонилась на плечо Андрея.

От этого прикосновения шляпка чуть съехала вбок, а сама Анна резко распахнула глаза, на миг удивившись происходящему и смутившись. А потом тут же закрыла их, боясь, что Андрей может ненароком заметить ее пробуждение, поймет, что она вернулась из объятий дремы. И краснея до самых ушей от своей вольности — она должна бы тут же с извинениями отстраниться от мужчины, сидящего рядом. Должна, но разве могла?

Потому и осталась в том же положении, чувствуя под щекой не только бархат края

шляпки, съехавшей куда-то вбок, но и мягкую ткань редингота Андрея. Ах, отчего ныне не зима, когда неожиданный снегопад мог бы удлинить путь до Милорадово?! Так и хотелось ехать и ехать без остановки и без прибытия, слушая эту дивную тишину в дормезе и скрип колес, упиваясь этим украденным у судьбы прикосновением к Андрею. Анна даже глаза боялась открыть, ощущая щекой каждое редкое движение, которое только и позволял себе Оленин, боявшийся неосторожно разбудить ту, что по его убеждению спала на его плече.

Вскоре мелькнули в начинающейся темноте весеннего вечера светлые мраморные опоры въездных ворот Милорадово, а спустя несколько минут небольшой поезд Лениных остановился на площадке перед небольшим флигелем. Волей-неволей, но пришлось Анне выпрямиться, пытаясь придать лицу удивленный и одновременно смущенный вид. Но пока она искала слова извинения, дверца дормеза распахнулась, и Андрей вышел вон.

— Сам Господь послал нам Андрея Павловича, *n'est ce pas?* — произнесла мадам Элиза, будто говоря о прошедшем дне. Но Анна видела в ее глазах истинное значение этих слов, и не могла не согласиться с ними, кладя свою чуть дрожащую (от вечернего холода, вестимо) ладонь в руку Андрея, спускаясь со ступенек дормеза с его помощью.

— Истинно так, — прошептала в ответ Анна, сама не понимая, кому говорит это — мадам Элизе, выбирающейся из кареты, или Андрею, с каким-то странным выражением в глазах взглянувшему на нее сейчас.

Непривычный после нескольких по-весеннему теплых вечеров холодок проникал под платье и бархатное пальто, неприятно касался тела. Но Анна так и не могла заставить себя уйти ныне в манящее тепло дома, дверь которого уже распахнул Иван Фомич, встречая прибывших. Так и стояла, зная, что и Андрей не сможет удалиться, пока она не попрощается с ним первой. Не желая даже на минуту отпустить те эмоции, которыми была полна ее душа на протяжении всего пути в Милорадово. И его не желая отпустить от себя.

— Вы надолго в Милорадово? — вдруг спросила Анна, понимая, что сейчас совсем не время для светских бесед. Но в то же время желая услышать, что он останется здесь не коротким визитом. А лучше — навсегда, чтобы она имела возможность хотя бы мельком в церкви видеть его или на прогулках в парке. Потому что поняла нынче, как ей важно, чтобы он был просто рядом.

— Я покамест не могу дать ответа, Анна Михайловна. Полагаю, пробыть здесь на время сева, а далее..., - он пожал плечами, но она вдруг каким-то шестым чувством осознала, что он останется здесь и долее. — Я понимаю, что составлю вам неудобство своим нахождением в Милорадово, но присутствие *papa* и сестры должно *réduire à rien* [573]... Быть может, вы позволите нам навестить вас на днях?

И что-то было в его голосе или в его лице, что подсказало Анне в тот миг странную, но такую желанную для нее мысль: он по-прежнему расположен к ней, несмотря на сонм московских девиц, крутившихся вокруг него, по словам Веры Александровны. А она-то на какую долю минуты даже испугалась тогда, увидев его в Гжатске, что он вернулся, потому что сумел позабыть ее, сумел побороть тягу к ней, о которой сказал Анне, уезжая из Милорадово прошлой осенью.

— Я буду рада принять ваш визит, — проговорила Анна, с удивлением отмечая в голосе мягкие кокетливые нотки. — И с удовольствием нанесу сама визит вашим *papa* и сестрице. Если вы считаете, что это возможно... И, *bien sûr* [574], благодарю вас за вашу доброту ко мне нынче.

Протянула Андрею ладонь на прощание, заметив краем глаза, как ежится от холода

мадам Элиза, пытаюсь спрятаться от этого легкого морозца, как она переступила с ноги на ногу, ожидая, пока они простятся, и Анна поспешит в дом. И только потом подумала, что надо было стянуть перчатку с руки, пока прятала ладони в муфте, обнажить ладонь, вынуждая его коснуться губами ее. Увы, не успела, а потому только попрощались легким пожатием у крыльца, о чем не могла не сожалеть позднее Анна. Что такое короткое пожатие? Что может сказать оно? А вот поцелуй ладони...

И долго горели огнем щеки, «с холода», как пояснила Анна хитро улыбающейся Пантелеевне, встретившей прибывших в передней. А вот свою непривычную рассеянность так и не смогла объяснить, потому ушла к себе, едва стала ловить себя на той, боясь, что ее заметят другие. Стояла у окна, как в тот день, когда Андрей вернулся из Европы, пытаюсь высмотреть свет окон усадебного дома в темноте вечера.

Он снова был в Милорадово. Он вернулся, думала Анна, уже лежа в постели, глядя через стекло окна, как ветер качает деревья в парке. Он не в Москве, он далеко от этих девиц, которые, скорее всего, кокетничали напропалую или исподтишка бросали неловкие и скромные улыбки, пытаюсь заинтересовать его своей особой. Об остальном думать Анна сейчас не хотела, боясь спугнуть то странное чувство, что пришло в ее душу при появлении Андрея. Ведь так по-иному билось ныне сердце, словно напоминая ей о том, что оно есть, что оно все еще живо. И так спокойно было на душе отчего-то — впервые за последнее время, в которое она так часто мучилась бессонницей, не в силах забыть тревоги и напасти текущих дней. Быть может, потому Анна быстро и совсем незаметно для себя соскользнула в сон, в котором она бежала по знакомой лесной тропинке, залитой лучами летнего солнца. И знала, что он уже совсем рядом с ней, за ее спиной, что вот-вот ляжет на ее плечико мужская широкая ладонь, останавливая этот бег...

Утро было поистине весенним — солнце так и норовило заглянуть в окна яркими лучами, с крыш звонко капали маленькие брильянты, и уже всем становилось ясно, что скоро в эти края ступит пора первой зелени и цветов. Удивительно, но в Москве еще лежал снег, а тут же он стремительно таял, показывая черноту земли, убегая в темноту лесов, где еще можно было схорониться под густыми ветвями ельника от солнечных лучей, несущих гибель. Звонко защебетали воробьи на дворе, перелетая с ветки на ветки, приветствовали приближение весны. Пасхальное воскресенье, по обыкновению, принесло с собой быструю смену сезона — еще недавно везде лежал снег, а погляди-ка, пара-тройка дней, и его как ни бывало, а в поле всюду уже бороздят, вспарывая сохами черноту земли, щедро напоенными первыми водами.

Казалось бы, предчувствие весны вместе с лучами солнца, скользнувшими через прозрачные занавеси в малую столовую дома, должно было коснуться и сидящих за столом людей, заразить их той радостью, с которой даже дворовые, суется на заднем дворе, поднимали лица к солнцу. Но этого не случилось. И мужчина во главе стола, молча пьющий горячий темный кофе, не запивая холодной водой — привычка, приобретенная в Европе, и девушка, склонившая низко голову к тарелке, чтобы не встретить ненароком взгляд матери, сидящей напротив, не улыбались. Они едва ли замечали, как благостно ныне этим весенним утром, как радостно встречает природа субботу Светлой недели [\[575\]](#).

Как обычно за семейными трапезами царила гнетущая тишина, прерываемая только еле слышными шагами лакеев, звяканьем приборов да редкими репликами, которые отпускала Алевтина Афанасьевна. Редкими, потому что ныне никто не стремился отвечать ей, как бывало прежде: Андрей за эти годы, что отсутствовал, потерял уважение к матери, по ее мнению, и даже из вежливости отвечал ей коротко и как-то нехотя, а Софи, почувствовав присутствие брата, стала подражать тому во всем. Даже редко ныне бывала с Алевтиной Афанасьевной, все с Андреем. Знала она, о чем они там беседуют наедине! Тот все ей голову морочит, что она должна жизнь свою устроить. А ее жизнь тут, подле Алевтины Афанасьевны?! Да и кому будет нужна девица в летах? И это ныне-то, после войны и похода в Европу, когда женихов справных на всех девиц не хватает?

— На Красную горку свадьбы в селе будут, — проговорил Андрей, напоминая матери и сестре, что придут за благословением и к усадебному дому по обычаю, заведенному прежним хозяином, который Андрей был намерен поддерживать и далее. — Не возьмете ли на себя, татап, подготовить подношения для молодых?

Крепостных молодоженов следовало не только благословить добрым словом, но и поднести тем по кубку крепкого вина, разделяя вместе с барином тост за будущую жизнь, а еще одарить тех деньгой. Андрей уже подготовил по золотому рублю для каждой пары, что придет на следующей неделе к парадному подъезду усадебного дома.

— Не могла бы я...? — Софи любила домашние хлопоты, которые предоставила ей вести мать в Агапилово и в московском доме, потому и осмелилась предложить свою помощь. Но была тут же прервана недовольной репликой матери:

— Не могла бы! Андрей Павлович должен о том просить буфетчика своего, коли нет той, кто занялась бы тем поправу. Коли супруги нет! Пора бы уж подумать о том вашему брату. Не юнец давно, — а потом вздохнула деланно тягостно, показывая свое

недовольство. — Но нет! Вашему брату надо было ехать на сев через бездорожье весеннее вон из Москвы. Там ему было не по нутру, вестимо, раз выехал, когда все благоразумные люди по домам сидят.

Алевтина Афанасьевна до сих пор не могла забыть, как едва приступ сердечной у нее не случился, когда за похожим на этот завтрак в московском доме Андрей сообщил, что намерен ехать на Пасху в гжатские земли. И она ясно понимала, что тянет его туда, и это вовсе не забота о посевных работах.

Сперва хотела разыграть болезнь, чтобы удержать сына от этого шага. Было время — несколько лет назад, эта уловка так помогла ей, когда нашла в Агапилово письмо от этой кокетки Надин. Когда узнала, что та может оставить одного брата ради другого, как сделала это некогда. Ну, уж нет, всплыла тогда Алевтина Афанасьевна. Что бы ее Бориса да с носом оставили! И кто — собственный брат! *Quelle scandale!*

И она тогда писала в Петербург, куда уехали за покупками к свадьбе Надин с родителями и Борис: «*Mon cher fils, mon couer* [\[576\]](#), вы должны немедля повести под венец свою нареченную, покамест не потеряли то, что считаете своим. Доверьтесь татап, венчайтесь тотчас, как получите от меня иную записку с вестью о моей хвори, ссылайтесь на то, что я на одре заклинаю тому свершиться...». Ее Боренька так сильно желал эту темноволосую вертихвостку. Разве она могла поступить иначе? Потому и легла в постель в тот же вечер, разыгрывая приступы боли, призывая к себе местного иерея для «последней исповеди». Андрей не оставил ее тогда — смиренно сидел у постели, как она просила, являлся по первому зову в спальню. Она удерживала его при себе ровно до того момента, как получила вести, что дело свершилось, а Борис венчался с Надин в одной из церквей столицы. Когда Андрей не успел бы помешать тому, что должно было случиться.

Нельзя сказать, что Алевтина Афанасьевна не жалела обманутого в своих ожиданиях младшего сына. Конечно же, ей было больно, как и ему, когда он прочитал письмо Бориса. И его глаза... При его взгляде даже сердце сжалось на миг. Но выбор между Боренькой и Андреем был сделан. И, наверное, сделан еще тогда, когда ей показывали младенчиков при рождении — Андрей и Софья были вылитые отец на лицо, а вот Боренька был ее породы. Боренька был ее мальчиком. Всегда.

Боренька... Борис ни за что ни поступал бы нынче, как Андрей. Он не позволил бы себе не замечать реплик матери, как делает это младший сын с тех самых пор, как она встретила его по возвращении из Европы. И уж определенно не прислал бы в ответ на сообщение о болезни матери слова, что до Милорадово около двух дней пути, и он успеет прибыть в Москву по первому ее зову. *Quelle impertinence!* [\[577\]](#) Нет, Алевтина Афанасьевна тогда твердо решила, что не позволит Андрею осуществить задуманное, а уж она-то видела, куда дует ныне ветер. Эта наглая девчонка, позволившая себе так унижить фамилию Олениных! Хорошо еще, что не все знакомцы были осведомлены об обручении — война помешала тому. Покарана она по заслугам, за заносчивость свою, за то, что позволила себе подобную выходку. Ах, отчего только та по-прежнему в девицах?! И отчего Андрей не забыл о том, сколько неприятностей ему доставила эта Шепелева, а все печется и печется о ее благополучии? И вот этот отъезд в преддверии Пасхи в гжатские земли...

Алевтина Афанасьевна не была бы самой собой, коли б не заметила, как менялось лицо сына в присутствии этой девицы — как удивительно оно смягчалось, будто с него какая маска падала вмиг. И как он смотрел на ту на службе пасхальной поверх огоньков свечей, видела. Нет, не бывать Шепелевой подле ее семьи никогда! Никогда! Надобно бы

убирать ее из имени да чем скорее, тем лучше!

— Je suis curieux de savoir... [578], - начала Алевтина Афанасьевна по-французски, но передумала, решила продолжить так, чтобы и слуги слышали каждое слово из сказанного. Как делала это ранее, больно коля словами, хлеща обвинениями. Знала, что гораздо неприятнее, когда о твоём промахе тебе замечают при слугах.

А еще надеясь, что по старой памяти кто-то донесет до ушей Шепелевой разговор за столом. Уж она бы не преминула выведать о том, что говорят в семье Олениных, будь на месте Анны!

— Хотела бы я знать, сколь долго угодно вашему брату, моя дорогая, быть благодетелем? И для чего? Чтобы в очередной раз стать предметом насмешек всего уезда, когда mademoiselle станет madam princesse? Или madam Polonaise? [579] Она в который раз попользует вашего брата, помяните мое слово, так и будет! Как это мило со стороны вашего брата предоставить ей кров и прочие блага! О, c'est une bonne farce! [580] Пойти в церковь под венец из-под крова прежнего жениха! Какова! А быть может, он втайне все еще питает надежду на переменчивость mademoiselle Шепелевой в выборе, на то, чтобы ее благосклонность снова обратилась на его персону?

— Вы сегодня удивительно красноречивы, мадам, — заметил Андрей будто бы безразлично, но по его голосу Алевтина Афанасьевна поняла, что попала в цель — задела его за живое. С трудом удержалась, чтобы не улыбнуться торжествуя. Злость и ревность способны многое разрушить, она знала, как никто иной, насколько острое это оружие.

— Смею ли я надеяться, что ваше здравие идет на лад? — казалось бы, невинный вопрос сына к матери, но даже лакеи отчего-то резко выпрямили спины, старались стать невидимыми в этот момент, когда несмотря на солнечные лучи, согревающие комнаты, воздух заледенел. — Раз вы столь многословны ныне.

— Это неслыханно! Это переходит все мыслимые границы, разве можно не понимать того? Что за бесстыдство? — Алевтина Афанасьевна не желала уступать, убежденная в своей правоте, будто не слышала его. — Мадам Крапицкой следовало бы последить за своей piéce [581]. Мало того, что живет девицей в одном доме с дитем, прижитым невесть кем...

— C'est neveu [582], смею вам напомнить, — сухо заметил Андрей, и Алевтина Афанасьевна с готовностью кивнула, по-прежнему не глядя на сына, словно разговаривала сама с собой.

— Neveu... знаем мы таких сродственников! Уж кому ли знать, как не нашей семье, о тех!

— Madam! — в этот раз Андрей резко поднялся из-за стола, перепугав резкостью своего движения лакея, прибирающего его посуду на поднос. — Sois poli si vous n'es pas joli! [583]

Но Алевтину Афанасьевну разве можно было напугать холодным и сухим тоном? Она уже привыкла слышать точно такой же за долгие годы своего брака, встречать такой же предостерегающий взгляд, когда она пыталась изо всех сил хотя бы в разговорах принизить ту, о которой даже думать без гнева и ревности не могла. И как же Алевтина Афанасьевна ненавидела этот голос и эти глаза Павла, так и буравившие ее!

— Ma chere fille, будь добра, передай своему любезному брату, что мужчинам неведомо, как быстро попадается зверь в силоч, коли тот расставлен с умом. А ныне у девицы Шепелевой не то положение, чтобы их не ставить! Оглянуться не успеет, как уж сызнова попадет под очарование этой Венеры provincial, положит свое имя к ее ногам на

растоптание. Она улыбнется, взмахнет ресницами, прелестью поманит, и твой брат тут же позабудет обо всем. Ей ведь нынче даже проще — он и под боком, и состоятелен, и без раздумий особых отдастся в ее руки. А ей того и надо, по нынешнему-то положению ..., — и не договорила, вдруг испуганно замерла, когда Андрей резко прошагал к ней, склонился к самому уху, скрытому тонким полотном чепца.

— J'en ai assez! — медленно выговаривая каждое слово, произнес он, давя с силой на спинку стула матери. — Assez! [\[584\]](#) Вы можете говорить, что угодно о моей персоне, мадам, но более, прошу вас, ни слова под этой крышей об Анне Михайловне. Под крышей моего дома, мадам. Assez! Ни слова более против Таты также. И еще — коли желаете что-то сказать мне, то обращайтесь ко мне. Иначе, мадам, я не слышу отныне ни единого слова. Вы слышите? Ни единого! Avec votre permission! [\[585\]](#)

Алевтина Афанасьевна опомнилась, только когда сын вышел вон, и за ним закрыли двери лакеи, делая вид, что не слышали ни единого слова из этой беседы, не видели ни единого жеста.

— Ah, je me sens mal! [\[586\]](#) Votre frère, Софи, убивает меня! Истинно так! — Алевтина Афанасьевна разрыдалась, прикладывая руку ко рту, словно пытаюсь спрятать плач за ней. — Как же он, ваш брат, Софи! Как он мог...! Ах, как он мог! Он стал совсем иным! Он не жалеет меня!

По знаку к мадам Олениной шагнула личная горничная, стоявшая тут же в уголке комнаты в ожидании приказаний барыни. Алевтина Афанасьевна оперлась на подставленный локоть девушки и удалилась к себе, не завершив завтрака. Но уже не стонала в платок тихонько, демонстрируя, как болит ее сердце и душа. На сына, к ее удивлению, это более не действовало. И это не могло не злить ее еще больше.

— Он стал таким же, как ваш отец, Софи, — выговаривала Алевтина Афанасьевна позднее дочери, изливая на ту свое недовольство поведением сына. — Черствый и жесткий. Злой. И если ваш отец мог быть таким, я допускаю то вполне, то Andre должен помнить, кто перед ним. Мать! Мать перед ним! Грешник ваш брат. И глупец, прости Господи... Ah, face-à-main! [\[587\]](#) Ну же! Ну, что с тобой, дорогуша? — ущипнула с досады горничную за руку, когда та замешкалась подать лорнет. — Ты спишь у меня тут? А ну!

И быстро приблизила лицо к стеклу окна, когда в парке мелькнуло цветное пятно среди деревьев, пытаюсь через лорнет разглядеть, не барышня ли из флигеля на прогулку вышла. Или это кто из дворни прошел по одной из дорожек парка? Ох, уж эти годы! Совсем не те глаза что ранее. Не разглядеть даже с помощью стекла, кто именно привлек ее взгляд.

— Где Андрей Павлович нынче? В доме ли? — спросила Алевтина Афанасьевна и нахмурилась, когда услышала тихий ответ горничной, что барин вышел с собаками в лес.

— Mal, — проговорила рассеянно Алевтина Афанасьевна, ощущая горечь очередного поражения. — De mal en pis! [\[588\]](#)

Послать ли за сыном тотчас под мнимым предлогом? Призвать к себе, ограждая от встречи, которая способна изменить судьбу ее семьи? Так не пойдет же нынче! Алевтина Афанасьевна поджала губы в раздражении. Во всем виноваты покойники — муж и сестрица — воспитали в Andre невероятного упряма, потакая его желаниям. Особенно Павел, выделявший младшего сына перед старшим в свои короткие визиты в имение, где постоянно жила семья. Нет, это делалось неявно, не так открыто, но Алевтина Афанасьевна видела, как тот радуется успехам Андрея, в которых отчитывался престарелый немец, взятый учителем в

дом Олениных по рекомендации графини Завьяловой, как светятся гордостью за младшего глаза мужа. И как в спорах тот чаще прислушивается к Андрею, а не к Борису, в отличие от нее самой. Будто в пику ей, не иначе!

И она всегда знала... С тех самых пор, как поймала в церкви ту встречу взглядов поверх кружев крестильной пеленки, когда Марья посмотрела на Павла, поднимая взор от личика младенца, и муж незаметно для остальных улыбнулся сестре уголками губ. Андрей родился с лицом супруга Алевтины и с глазами ее собственной сестры. Словно это было их общее дитя, словно не она сама выносила его под сердцем столько месяцев, принеся в этот свет в муках, едва не отдав Богу душу. Она нарочно просила сестру стать восприемницей младшего сына, потакая странному желанию приблизить мужа и сестру в который раз. Приблизить, чтобы как никогда ранее они оба не почувствовали, как далеки друг от друга, словно мстя им обоим за то, что разрушила сама — за свое так и не сложившееся семейное счастье. Хотя бы на миг почувствовать облегчение своей боли, видя, что и им так же несладко, как и ей самой, что им гораздо хуже. Ведь свое утешение Алевтина Афанасьевна нашла в Бореньке, ее мальчике так схожим с ней внешне и по нраву, а у сестры и мужа не было даже того.

Ах, зачем она позвала сестру в крестные матери Андрею? Теперь Алевтина Афанасьевна понимала свою ошибку. Кто ведает, не привяжись так сестра к младенчику, не охладела бы к нему сама мать? Ведь чем больше Марья Афанасьевна любила Андрея, чем чаще дарил ему свою ласку Павел, Алевтина все чаще отвергала сына. Сначала, правда, находила себе оправдание привычным равнодушием первого времени после разрешения от бремени, а потом... потом перестала искать себе оправдание. В конце концов, к дочери, появившейся на свет пятью годами позже, она тоже осталась равнодушна, впустив в свое сердце только первенца, зачатого в ночь надежды на счастливый удел.

— Ты думаешь, душенька, что я из нелюбви пытаюсь оградить Andre от mademoiselle Шепелевой? — внезапно прервала Алевтина Афанасьевна чтение дочери, и та смолкла на полуслове, подняла взгляд от страницы на мать, задумчиво глядящую куда-то вдаль весеннего парка. — Pas du tout! ^[589] Коли б так, то позволила ему без единого возражения, а после только взирала на его муки, которые он несомненно получит в том браке. Что сей союз несет ему? Ровным счетом ни единого блага. Ни единого! Я ошиблась, давая согласие на брак Борису Павловичу. Горька была расплата за ту ошибку. И я ошиблась, когда решала твою судьбу, моя милая, готова признать это. Господин Муханов... он так любил тебя. Он мне сказал о том, прося твоей руки. Но я не смогла отпустить тебя от себя, побоялась остаться одна. Ведь в те дни, когда мы потеряли Бореньку, ты стала моим утешением, моя милая... Ошибка, горькая ошибка! Простишь ли ее мне когда-нибудь?

Софи не сдержалась, глухо вскрикнула, не в силах сдержать чувств, волной всколыхнувшихся в груди при словах матери, при воспоминаниях, вихрем пронесшихся перед глазами. Бледное лицо над высоким воротом шинели. Грустная прощальная улыбка.

А потом порывисто поднялась со своего места, бросив книгу на пол, приблизилась к матери по легкому знаку той, опустилась на колени у ног той, пытаясь удержать слезы, навернувшиеся на глаза. Неужто день, о котором Софи так молила Бога наконец настал? Неужто татап осознала свою неправоту...? Мать смотрела на нее с таким участием в глазах, что Софи не могла не схватить ту за руку, не прижать эту уже морщинистую сухонькую ладонь к губам, показывая матери тем самым, что не держит на нее зла.

— Посему позволить себе ошибиться ныне не могу, не имею права. Коли так ошибалась прежде, — произнесла Алевтина Афанасьевна мягко, еле слышно, ласково проводя ладонью

по аккуратно причесанной голове дочери, утешая ее. — Ах, Софи! Любишь ли ты, душенька, своего брата? Вручила бы его сердце женщине, которая не обладает ни единым достоинством для того? Столько горя и душевных мук принесшей ему? Унизившей славное имя нашей семьи? Та, что была бы достойна, молила бы Господа ежечасно о спасении Андрея в те дни, когда мы могли потерять его, как были лишены Бориса. А не пятнала бы свое имя и имя нареченного кокетством с врагом Отечества нашего. С тем, кто мог бы отнять жизнь твоего брата на поле брани, кто мог пролить его кровь. И не притворялась бы отменно тебе сестрой и другом, нося в уме совсем иное.

— Но вы, должно быть, помните, маменька, что Марья Афанасьевна тогда говорила...

— Она ошибалась! — отрезала Алевтина Афанасьевна, на короткий миг теряя из голоса и взгляда непривычную ей мягкость. — Душа моя, Сонечка, милая моя... мы все подвержены этому недугу, все ошибаемся. Тем паче, когда так обманчивы речи и прекрасен лик сущей Венеры, а сердце питает слабость. Коварно существо — женщина, и только иной женщине под силу разглядеть это коварство... мужчине не дано. Тем паче, когда душа его слаба, не дает разглядеть истину. Мужчина должен принимать решения, потакая не сердца порывам, а доводам разума. Помогите мне, дитя мое, Сонечка. Не в почет матери, а только во имя любви к брату. Он ныне в смятении, не ведает, каков путь верный, а каков ведет к доле несчастной...

Алевтина Афанасьевна была бы удивлена безмерно, если бы узнала, насколько правдива была эта фраза, слетевшая с ее уст. Андрей действительно был в некоторой растерянности, а душа его раздражаема на части совершенно разными чувствами, порой даже противоположными друг другу. Совсем как тогда, несколько лет назад, когда похожее состояние погнало его прочь из этих мест. Только вот слишком поздно он уехал той зимой — уже упало то самое зерно, которое дало не только пышные всходы, но и пустившее такие длинные корни в самое его нутро, что и не выгащить ныне, не выкорчевать. Пусть и выжжена душа полностью, как некогда были уничтожены в этой стороне земли врагом, прокатившимся до Москвы и обратно, да только под толщей пепла остались они, эти корни. Обугленные, страшные своей чернотой, словно тисками, оплетшие его душу. Оттого не дышалось даже здесь свободно — на свежем воздухе, наполненном ароматами пробуждающейся природы: березовыми почками, вспаханной землей, ранней травой и цветущей вербой.

Он не мог быть в ином месте, а не в Милорадово. Мысли постоянно возвращались сюда. в эти земли, требуя от тела того же самого. И он не мог находиться здесь. Совершенно не мог. Андрей отчетливо понимал это, ступая через лес, стараясь не отставать от бегущих впереди собак, которых взял с собой на прогулку. Этот дом, в котором многие комнаты по-прежнему хранят воспоминание о ее присутствии. Оранжерея, которую управитель полностью восстановил в прежнем виде, до того, как Андрей успел напомнить о том, чтобы ни в доме, ни в саду не было роз светло-розового оттенка. Парк, аллеи которого так знакомы, которые до сих пор хранят воспоминание об их прощании. И эта тропинка лесная, ведущая от парковых аллей в лес и далее, на которой он впервые поцеловал Анну, нагнав ее в утро дуэли.

Сердце тогда, казалось, стало таким огромным в груди после того, как смерть снова обошла стороной, не позволила пуле гусара даже капли крови пролиться. И как всегда после того, как побывал на самом краю, остро чувствовалось все кругом: ослепительный свет солнца, ароматы леса, чувство, пробудившее душу после долгого сна. Он помнил, как шел по ее следу, петляя среди стволов, отводя ветви от лица. Не в силах отвести взгляда от

русоволосого затылка, неприкрытого шляпкой, от хрупкой шеи над круглым воротом легкого платья, от края шали, скользящего по мокрой от росы траве. И он знал еще тогда, когда ступил в лес, заметив девичий силуэт среди зелени, распознав сердцем, а не слухом ее тихий вскрик, знал, что не отпустит ее от себя, пока не коснется губами ее губ. Мысль об этом так настойчиво и громко билась в голове в ритм стуку сердца, затмевая все доводы рассудка.

Андрей обернулся к парку буквально за какую-то долю секунды до звонкого лая борзых, чей игривый бег между деревьев лесных был потревожен появлением чужого. Собаки быстро выбежали из леса на дорожку и, словно соревнуясь друг с другом по-прежнему, побежали к двум женским фигурам, чтобы узнать, чего ждать от тех, но повинувшись резкому оклику хозяина, вернулись к его ногам.

— Вам не стоит бояться их, — произнес Андрей, успокаивая женщин, после обмена короткими приветствиями, когда приблизился к ним, стоявшим у самого начала залесной аллеи. — Они не злобливы совсем. Зазря зубы не покажут.

— Я знаю, — улыбнулась легко Анна, касаясь кончиками пальцев затылка одной из борзой. — Медор — лучший из всей своры отца...

А потом вдруг смутилась, поняв, что ее фраза могла быть воспринята, как намек и укор, что Андрей пользуется не только собаками, некогда принадлежавшими ее семье, замолчала, ощущая неловкость. Впрочем, эту самую неловкость она несла в себе еще от флигеля, понимая, как может быть расценено ее смелое поведение нынче.

— Но вы правы, — она опустила взгляд на собак, переступающих с лапы на лапу нетерпеливо у сапог хозяина, а потом не могла не взглянуть на сильную руку, удерживающую тех подле себя. — Я действительно побаиваюсь собак. Хотя и люблю охоту. Меня еще в малолетстве прикусила играючи одна из собак своры. Даже не собака, щенок... С тех пор не могу без опаски быть подле них. Перепугалась тогда сильно.

Андрей тут же махнул рукой, подзывая к себе одного из дворовых, что возились в этот солнечный день в парке, убирая пожухлую траву и обрезая старые сухие ветви с кустарников, передал тому собак, чтобы тех отвели на задний двор на псарню. И Анна склонила голову в коротком благодарственном поклоне.

— Прошу простить меня за то, что нарушила уединение ваше, — проговорила она и направилась по аллее, делая вид, что продолжает то, ради чего и оказалась здесь в парке, далеко от флигеля — притворяясь, что просто прогуливается.

Андрей позволил ей отойти на несколько десятков шагов, так далеко, что Анна даже испугалась, что ошиблась в своих расчетах, и он не пойдет за ней. Но потом расслышала, как тихо зашуршал гравий под сапогом, когда он нагнал, а после пошел подле нее. Они так и ступали далее — на расстоянии шага друг от друга по залесной аллее, прочь от леса и той самой тропки, на которую каждому из них хотелось обернуться, а потом взглянуть на своего спутника по прогулке. Чтобы убедиться, что тот все еще помнит и то лесное утро, и тот первый поцелуй.

Но все шли и шли по аллее, не оглядываясь, молча, впервые за время наслаждаясь теплом весеннего дня и солнечными лучами. На виду у работающих в парке дворовых, в сопровождении Глаши, ступающей в нескольких шагах позади. Но в то же время — будто наедине друг с другом.

— Как здоровье мадам Элизы? — первым прервал молчание Андрей, стараясь не косить глаза на пряди у ее лица, на эти тонкие русые волны, в которых так красиво играл солнечный луч. — Надеюсь, есть изменения?

— Благодарю вас, доктор Мантель обещался, что к концу месяца она выправится полностью, — небольшая ложь, прибавленная к тому обману, в котором, как ей уже начинало казаться, она скоро утонет, как топи болотной.

Нет, мадам Элиза действительно простудилась в то памятное путешествие из Гжатска в Милорадово, отчего они не принимали никого до самой Пасхи. Даже Андрею, пришедшему к порогу флигеля на следующее утро после приезда в Милорадово, пришлось отказать. Анна тогда наблюдала за тем, как он медленно уходит прочь от дома, аккуратно вышагивая по дорожке, и пыталась унять свое неудержимое сердце, заколотившееся в груди при одном только упоминании имени Оленина.

То чувство, проснувшееся в ней при одном только взгляде на него тогда, в Гжатске, не желало никак уходить, как она ни пыталась задавить его, как обычно пыталась забыть ночные грезы при первых лучах утреннего солнца. Даже цепкие пальчики Сашеньки, вцепившиеся в подол ее платья, даже его нескладная пока речь и неловкая игра с деревянными лошадками и солдатиками, не заставили забыть о том сожалении, что терзало душу теперь. Она поступила верно тогда, уговаривала себя мысленно Анна, наблюдая, как Пантелеевна с прибаутками пытается накормить своего питомца кашей. Ее жизнь должна быть посвящена только Сашеньке, и никому иному, даже о себе она должна позабыть ради его счастья.

Но отчего так больно было наблюдать, как проходит по самой дальней аллее парка Оленин к лесу на прогулку с собаками? Злясь и на него за этот крюк, удлиняющей изрядно его путь до лесной тропы, и на себя — за то, что ждала его появления, стоя у окна. Отчего так хотелось порой придвинуть к себе «бобик» и выплеснуть на бумагу то, что терзало ее душу сейчас? А потом послать Дениску к усадебному дому и не вернуть его от самого порога, позволяя донести до адресата послание. Или отдать то самое неотправленное письмо, которое столько раз перечитывала за эти годы, жалея, что вернула его письма.

— Помоги мне, — шептала Анна, когда все остальные слушали в благоговении и радости от Святого праздника слова пасхальной службы, разлетающиеся по всему периметру храма. — Поддержи... подскажи, как поступить...

«Помоги остаться верной долгу, переступая через свои желания. Помоги не отринуть кровь брата, не отказаться от нее ради своих чаяний, ради своего счастья...». Но Бог остался глух к ее мольбам, вестимо. Иначе разве позволил бы Оленину приблизиться к ней через толпу прихожан, медленно расходящихся с церковного двора после службы, а после коснуться троекратно губами ее кожи, обжигая этими положенными по неизменному ритуалу поцелуями? Тепло его щеки, скользнувшей по ее щеке, запах его кожи и кельнской воды... И снова слабеет воля, умоляя уступить, сделать шаг навстречу ему. Он был нужен ей. Несмотря на то, что принес ей столько боли, несмотря, что сердце по-прежнему кровоточит при мысли о его неверности.

Он был ей нужен. Он был ее слабостью, которой, как ей казалось, уже нет в ее жизни и в ее сердце. Он напомнил ей, что она жива. Ведь именно появление Андрея вдруг заставил вспомнить о собственной внешности. Следующим утром в Светлый понедельник, взглянув на свое отражение в зеркале, когда Глаша застегивала очередное черное платье, она поразилась, насколько не похожа сейчас на ту, что когда-то прельстила Андрея. Жалкое подобие! Оттого и бросилась к мадам с вопросом — не пора ли ей снять строгий траур? Нет, сразу облачаться в светлые девичьи тона Анна еще не была готова, но почему не носить лиловые и жемчужно-серые, которые можно приукрасить кружевом? И даже душа запела,

когда переменяла мрачные одежды, когда заметила, что не потеряла былого очарования, а ее улыбка все та же — способная привлекать взгляды. А еще проснулся забытый интерес к выбору наряда на очередной день, к кудрям, в которые стали завивать ее прямые волосы на papillotes.

— Совсем как раненько, — с улыбкой говорила в кухне Глаша Пантелеевне, месившей тесто на пироги, а та только радостно кивала в ответ.

— Весна! — говорила она. — Вот и наша барышня расцветать принялась. Солнышко-то ее наконец-то подле нее, цветочка нашего. Грех тут не цвести-то!

Вот даже нынче поутру, торопясь выйти из дома, чтобы поскорее переговорить с Олениным, Анна не могла не задержаться, чтобы выбрать более подходящую к ее наряду шаль и шляпку, чтобы не окинуть себя внимательным взглядом в отражении.

— Полагаю, весь уезд ныне надеется, что здоровье *madam votre maman* поправится к началу мая, когда настанет время «маевок», — проговорила Анна после того, так справилась в ответ о здоровье матери Андрея. Едва только мадам Оленина прибыла в Милорадово, как сказалась больной, чтобы избежать нежеланных визитов. Даже полагающийся по случаю пасхальный завтрак, на который в Милорадово собиралась до войны вся округа после службы, и который, как предполагали в уезде, будет устроен Олениным, как новым хозяином усадьбы, не состоялся. Анна понимала, отчего так происходит — в такой манере показывали ей, что ее присутствие совершенно нестерпимо. И тогда она попыталась хоть как-то сохранить лицо при этом — распространила весть, что сама не может ни делать визиты, ни принимать те из-за болезни мадам Элизы. Очередная безрассудная ложь в ее копилку...

— «Маевок»? — переспросил Андрей, и она пояснила ему, вспомнив, что тот совершенно не знаком с местным образом жизни. Немудрено — он рос близ Москвы, если не в самом городе, служил после в столице, ходил с походами в Европу. Что мог он знать о том, житель города?

— В начале мая мы обычно начинаем прогулки и вечера. Наш маленький сезон, только летний, — Анна не могла не улыбнуться, вспоминая май прошлых лет. — Выезжаем кататься в колясках или верхом, обедаем на природе, вечера в парке под иллюминацию свечей. Папа часто давал рауты, он ведь был предводителем, вы помните. Порой не в душной зале, а именно здесь, под деревьями наши театральные давали концерты... Возродите ли вы «маевки», Андрей Павлович? Полагаю, от вас этого многие ждут ныне.

— А вы бы этого желали, Анна Михайловна? — ответил он вопросом на ее вопрос, и она на мгновение растерялась, не зная, что ответить ему. Разве могла она посещать все эти выезды и вечера ныне, когда у нее ни сопровождения для того достойного, ни средств, а только лишь желание? Сидеть по милости в чужих колясках, в последних рядах стульев на концертах, стоять у стен вовремя танцев, как это происходило ранее с теми, кто был по рангу дворянскому вхож в дом ее отца, но имел имущественное положение едва ли не ниже, чем у простого мещанина?

— Я думаю, Софье Павловне весьма по душе пришлись бы наши развлечения, — аккуратно подобрав слова, произнесла Анна, уходя от ответа. — Ведь иных здесь нет.

— Может статься, что Софья Павловна не останется до мая, — заметил Андрей с легкой иронией в голосе, по-прежнему не глядя на нее, а куда-то вдаль в галерею стволов липовой аллеи. — Здешний воздух, как оказалось, вреден моей матери. Может так сложиться, что Софье Павловне придется уехать из этих мест, сопровождая Алевтину Афанасьевну.

И Анна с трудом удержалась от того, чтобы не взглянуть на него тотчас слегка

испуганно, сбилась с мерного шага, едва не оступившись на гравии аллеи. Она совсем не ожидала, что визит Олениных может быть так короток, забыла, что Милорадово могло и не стать именем для постоянного проживания. Отчего-то решила, что Андрей приехал в эти земли надолго, по крайней мере, точно до осени. Что у нее есть время снова расположить его к себе, вернуть то, что было меж ними на ту самую точку, с которой и началось разрушение столь заботливо выстроенной в мечтах жизни. И если в Андрее осталась хотя бы частичка бывшего чувства (а она осталась, Анна часто воскрешала в памяти каждое слово из сказанного когда-то в гостиной флигеля), то так и случится со временем... непременно случится.

Но неужто уедет вскорости? И она забыла о том, что планировала держаться с ним отстраненно и вежливо, как должна бы сперва, постепенно смягчая отношение к нему — ее самая привычная тактика в той прежней жизни, задала вопрос, крутившийся в уме.

— А вы, Андрей Павлович? — он даже замедлил шаг вдруг, распознав перемену в ее голосе, остановился, как и Анна, взглянул в ее лицо, полускрытое тенью от полей шляпки от его взора, пытаясь разгадать, что скрывается в глубине ее глаз сейчас. — Вы тоже уедете из Милорадово до мая?

— Я не знаю, — честно ответил он после минутного молчания. Андрей действительно не знал, насколько долго сможет остаться здесь. Так близко и в то же время так далеко от нее. — Мое присутствие здесь не столь важно... Усадьбу поправили, село восстановлено. И потом — как мне быть здесь, когда уедут мать и сестра? Вы же сами понимаете — все эти толки, шепотки, пересуды. Я бы не хотел, чтобы даже одно худое слово коснулось вашего имени...

Она не могла не улыбнуться ему после этих слов, коснулась кокетливо кончиками пальцев рукава его редингота, скользнула ими по ткани. Все-таки не подвело ее внутреннее чутье, когда помогавшее определить, кто и как расположен к ней. Значит, еще помнит сердце то, как когда-то билось для нее. Значит, все еще возможно — вернуть то, что еще недавно казалось потерянным, то что сама так часто отвергала.

Но Анне не понравилось, как Андрей вдруг нахмурился отчего-то при виде этой улыбки, а потом и вовсе отошел от нее на пару шагов. Словно пряча лицо от ее взгляда. Или не желая видеть ее...?

— Я искала вас, Андрей Павлович, — проговорила она медленно, будто подбирая каждое слово. И как же плохо не видеть его лица! Не знать отклика на свои слова. — Искала, чтобы поблагодарить за то, что вы распорядились отпустить Дениску, не передали о его проступке уряднику в уезд для дальнейшего хода. А ведь он вольный...

Денис был пойман три дня назад в лесу одним из сельских десятских ^[590], когда пробовал ставить силки на мелкого зверя. Десятский был из тех крестьян, что не любили дворовых, считали, что у тех доля легче, чем у тех, кто на земле свою повинность нес. Не пожалел, не отпустил, и привел не к старосте, а сразу на усадебный двор, под суд барина. И был удивлен, когда мальчика отпустили прочь, отмерив в качестве наказания пяток ударов розгами по толстому тулупу. Разве ж то наказание...?

— Я хотела поблагодарить за все, что вы делали и делаете для меня, — продолжила Анна, стараясь, чтобы голос звучал немножко иначе — как ранее, когда хотела обольстить своей красой. «Voix de sirène» ^[591], называл эти нотки Петр когда-то, забавляясь тому, как оправдывает название тот — и стар, и млад тут же, сами того не замечая, прельщались сестрой.

— Кто бы вам что ни сказал, он обманул вас, — ответил Андрей, пнув сапогом гравий с дорожки, наблюдая после за коротким путем маленького камешка вдоль обочины в намечающейся зелени травы. — Я не делал ровным счетом ничего, за что меня надобно благодарить.

— В таком случае меня обманули мои глаза. И мой разум, — а потом добавила лукаво, играя, зная, что следующей репликой загонит его в угол, ведь и далее обвинять во лжи означало оскорбить эту персону. А Андрей вряд ли бы решился на это, что означало капитуляцию. Неминуемую и бесповоротную. А далее Анна сумела бы вывести его на нужную тему разговора. Заставить первого признаться в чувствах, снова повторить то, что он когда-то говорил в гостиной флигеля. И ей останется только протянуть ему руки и, улыбнувшись, признаться в ответ.

— И моя собственная тетушка, которая писала ко мне, как дурно с моей стороны столь злоупотреблять вашим гостеприимством. И вашей добротой и благородством натуры. Тогда мне следует поблагодарить вас...

Андрей обернулся к ней, шурясь от лучей солнца, бивших ныне ему прямо в лицо, как-то странно взглянул в ее сторону. И Анна невольно встревожилась, заметив выражение его лица. То самое, которое было когда-то в церкви на Рождество. Словно он видит перед собой что-то не по душе и скрывает это за знакомой Анне отстраненностью.

— *Bien!* Раз уж так... То, что я делаю по отношению к вам, Анна Михайловна, вовсе не из чаяния получить взамен вашу благодарность или ваше расположение ко мне. Я уже писал вам, помнится, что вы можете располагать мною. Я не могу принять, чтобы нужда толкала вас к каким-либо решениям по поводу вашей будущности, тем, что вам не по нутру. И буду подле вас всегда. Потому что чувство вины не дает мне покоя ни на минуту в этих стенах, на этих землях. Я обманул вашего отца. И я не имею права ныне оставить вас без защиты и покровительства, под которую, как тот думал, отдает вас мне. У меня долг пред ним, пред его памятью за то. Надеюсь, вас не тяготит мое опекунство, потому что я не смею ныне поступать иначе.

Долг. Опекунство. Разве эти слова Анна желала слышать в эту минуту? И в миг вспыхнула в ней как прежде злость на то, что происходящее вовсе не шло тем ходом, каким она предполагала его, ступая в аллеи парка. Все должно быть по-иному, совсем не так!

— Я не желаю, что вы были моим названным опекуном! И не желаю таковой заботы и попечительства...! Я желаю... желаю..., - и сбилась, испугавшись, что вот-вот выдаст себя с головой, вырвутся слова, которые она предполагала сказать только после его признания, после его капитуляции.

Они смотрели друг другу в глаза так пристально и внимательно, будто пытались каждый найти что-то в лице стоявшего напротив. Нечто, что тут же развеяло весь флер ошибок прошлого, разочарования, недосказанности. Что устранило бы все препоны, стоявшие меж ними, разрушило бы все стены, так тщательно возводимые.

Но взгляду порой не под силу сделать то, на что способны всего лишь несколько слов, всего лишь несколько коротких фраз, увы, Анна поймет это слишком поздно. Но она молчала. Для нее было совершенно невозможным первой сказать то, что должно, признаться и покаяться в своих ошибках и лжи. Первым начинать разговор, первым предлагать перемирие после долгой размолвки — огромный риск...

Она с трудом сдержит удивленный возглас, когда Андрей первым решит уйти. Короткий поклон, тихо проговорив: «*Excusez-moi, je vous prie*» [\[592\]](#), а после развернется от нее и

зашагает прочь по аллее. Только полы редингота развеваются от резких шагов, соединены руки за спиной в резком и злом пожатии.

И только тогда, глядя в его спину, Анна вдруг забыла обо всем, что удерживало ее прежде от тех слов, которые она выкрикнула ему вслед. Они вырвались под влиянием страха потерять окончательно, оттолкнуть себя в желании вернуть, не поправ ни на миг свою гордость. Единственное, что, как она полагала, способно вернуть Андрея к ней:

— Сашенька — не мой сын!

В комнате было невыносимо душно, несмотря на то, что Иван Фомич еще с утра выбил гвозди из рамы и приоткрыл оконные створки. Легкий ветер ласково пробежал по еще голым, лишь с маленькими зелеными точками наметившейся листве ветвям, но заглядывать в темноту флигеля явно не спешил.

Так было всегда — чуть стоило солнцу дарить ласково земле свои лучи с утра до самого заката, деревянный флигель быстро наполнялся теплом, которое к полудню превращалось в жару, заставляя обитателей дома мучиться от духоты. Только с сумерками во флигель заходила прохлада, а ночной весенний холод прогонял прочь духоту, остужал стены. Летом же, когда ночи бывали так теплы, приходилось даже развешивать мокрые простыни, пытаясь хоть как-то развеять одуряющую духоту.

То ли дело каменный усадебный дом, подумала с легкой грустью мадам Элиза. В том было и зимой тепло, когда топили отменно, и летом не жарко и душно. Да к чему вспоминать о том сейчас? Только сердце свое тревожить, ведь воспоминания о былом несли с собой очередное напоминание о том, кого она потеряла — ее Pauline, ее *petite oiseau* [\[593\]](#). И даже любовь к собственному внуку не сумела занять то опустевшее место в душе, которое до конца жизни будет принадлежать дочери. Отчего только та не послушала матери, отчего пошла навстречу своей судьбе и своей гибели? Мадам Элиза полагала, что любовь к хозяйскому сыну только обожжет крылья ее *petite oiseau*, а не спалит ту в своем огне, оставив только воспоминания взамен.

А потом пришли мысли о мальчишке, этом рыжеволосом проказнике, который едва став на ноги, уже всюю обследовал комнаты, открывал ящики шкафов и даже пару раз уже ронял горшки с комнатными цветами на пол с полок жардиньерки в гостиной. Так мало в его лице черт матери, так мало он взял от ее покойного нрава. Истинный Петр Шепелев! Тяжко будет ему, если действительно в отца уродился, ой, тяжело, вздыхала мадам Элиза. При нынешних-то обстоятельствах...

Иногда ей казалось, не совершила ли она ошибки, позволив Анне остаться после смерти отца возле ребенка. Не стоило бы мадам Элизе уехать, увезти прочь мальчишка от молодой тетушки? И снова понимала, что не смогла бы иначе. Ее тело подводило все чаще и чаще с каждым прожитым годом. Постоянные приступы отнимали силы телесные и душевные, сводили с ума. Она попросту не смогла бы ныне, как когда-то, пару десятков лет назад, когда бежала из опьяненной пролитыми реками крови Франции, когда после недолгого пребывания в Лондоне решила ехать в далекую и неизвестную Россию. Да, тогда у нее тоже был младенец на руках — ее *petite oiseau*, но силы в те времена были иные, и здоровье еще не так часто подводило как теперь.

И мадам Элиза не нашла в себе сил настаивать на том, чтобы Анна оставила их в Милорадово, а сама ехала в Москву с Верой Александровной. Потому что без расположения к нему Анны у маленького Alexander нет будущего, и мадам Элиза превосходно понимала это. И мучилась невыносимым чувством вины всякий раз, понимая, что поставила собственным малодушным поступком девушку в неприглядное положение, если не сломала ее судьбу.

Но нет, закрыла глаза мадам Элиза, пряча взгляд от лучей яркого солнца, заливающих комнату. Нет, лучше думать, что ныне, когда Оленин и Анна так близко друг от друга, что

все еще возможно исправить... все ошибки, некогда совершенные в прошлом...

В передней громко хлопнула дверь, заставляя мадам Элизу резко выпрямиться в кресле, в котором она полулежала у приоткрытого окна. После застучали каблуки ботинок Анны по деревянному полу, закрипела одна из ступеней лестницы под весом девушки. Мадам в напряжении сжала подлокотники кресла — она видела, как сперва в сторону леса привычным маршрутом прошел Оленин с собаками, а спустя время из дома в ту же сторону выскользнула Анна в сопровождении Глаши, предварительно почти все утро проведя перед зеркалом. С какой вестью идет ныне так спешно Аннет? Но не успела мадам рассмотреть лица девушки, чтобы понять это по глазам, по мимике. Та так спешно так вдруг бросилась к мадам Элизе от двери, опустилась перед ее креслом на колени, спрятала лицо в складках покрывала, которым та спасалась от возможного сквозняка из-за опаски очередного приступа хвори. Плечи и руки мелко тряслись, оттого невозможно было понять, плачет ли Анна или смеется. Мадам только и осталось, что погладить ту по ладони, пытаясь лаской успокоить свою подопечную, как это обычно бывало.

Спустя пару минут Анна подняла голову. Ее лицо было бледным, но на удивление спокойным, будто и не было никакого волнения в душе девушки еще минутой назад. Она смотрела куда-то в окно мимо мадам Элизы, и что-то в ее глазах было такое, отчего сердце мадам Элизы сжалось тревожно.

— Петруша был прав, мадам Элиза. Был прав во всем. Я заигралась... И не только тогда, с тем поляком. Я заигралась и позже, когда уже давно было пора открыть все карты. И вот эта игра обернулась против меня...

— О чем ты, та chere? — обеспокоилась мадам Элиза, ласково проводя ладонями по ее щекам и лбу, приглаживая ее растрепанные локоны.

— Я сказала Андрею о Сашеньке. Я сказала правду, — глухо проговорила Анна, вспоминая, как сорвались с губ те слова, брошенные в спину уходящему от нее Оленину. А потом повторила их, уже громче и тверже, когда он остановился, расслышав их:

— Я не мать этому ребенку...

Андрей тогда обернулся на нее с каким-то странным выражением в глазах, и она, не сумев распознать его, вдруг отчего-то затараторила быстро, боясь, что Андрей не поверит ей, когда она так предательски открыта душой:

— Я не мать. Я этому дитя вовсе не мать. Как можно...? — и зная по какому-то наитию, что только одно может быть козырем в этом разговоре, доказательством того, что она ни в чем не виновата перед ним, добавила, смело и решительно. И в то же время пускаясь красными пятнами волнения, как обычно бывало с ней. Потому что пыталась очередной ложью выправить то, что на ее глазах разрушалось все больше и больше. — Как можно, ведь никто, кроме вас никогда не касался меня... Вы и только вы были в моей жизни. Так близко, как никто. Это вы были той персоной, которая переменяла весь мир для меня...

Она, кажется, говорила что-то еще, Анна в волнении не запомнила. Что-то, что откуда-то из прошлого, до боли знакомые слова. Словно она когда-то уже говорила их ему, и теперь он точно должен понять. Понять и простить ее, все ее грехи. И тогда она простит ему все проступки, всю боль, что Андрей причинил ей когда-то ими.

А потом замолчала, когда он в два широких шага преодолел разделяющее их расстояние и взял ее ладони в свои руки. И она улыбнулась тогда довольно, понимая, что наконец-то все разрешилось, что теперь будет все так, как она хочет...

— Молчите, умоляю вас, молчите! — резко произнес Андрей, ошеломляя Анну этими

словами. — Прошу, не говорите более ни слова!

Затем обхватил ладонями ее лицо, заставил впервые за все время, что она произносила свой путанный, сбивчивый монолог, посмотреть в его глаза, в его лицо. Не отводя взгляда.

— Когда вам хорошо на душе, Анна, когда вам весело, ваши глаза сияют удивительным светом, а ваша улыбка становится совсем не похожей на те, что вы привыкли дарить окружающим. Кажется, словно то счастье, что переполняет вас в тот момент, вы делите с другими через этот свет, — голос Андрея был так мягок и нежен в эту минуту, что Анна не могла снова не улыбнуться ему. — Вот как нынче. Когда же меж ваших бровей появляются несколько маленьких морщинок, совсем незаметных глазу, когда вы шурите при том глаза слегка и морщите носик, значит, вы чем-то огорчены или озабочены. А когда вы лжете, Анна, — при этих словах из голоса его вдруг ушла мягкость, и Анна невольно напряглась в его руках. — Когда вы лжете, вы отводите взгляд во время разговора. Будто что-то заметили слева от вас. То на собеседника — долго, то мимолетно — влево... И у вас краснеют кончики ушей, — при этом воспоминании он как-то нервно улыбнулся. — Когда я увидел вас в церкви тогда, прошлой осенью, с младенчиком на руках, вы привиделись мне Мадонной, которую ваяют заграничные мастера мраморных дел. Вы так смело и открыто ступили на защиту его, вы сразу же открыли то, чему я предпочел бы в тот день даже самую неправдоподобную ложь. Но узнав правду от вас, а после получив отказ, я понял, что вы и не могли иначе. Потому что вы такова, какая есть, какой я увидел вас за вашими уловками и увертками, за вашим кокетством. Вы не такая... вы вовсе не такая... Не надо, не говорите более!

И вдруг выпустил ее лицо из своих ладоней. Отступил на шаг назад, снова захватывая руки за спиной, будто боялся не удержать те, дать им волю. И словно холодом обожгло в этот солнечный день. Ведь тепло его ладоней больше не грело ее.

— Я вас прошу, ненадобно более тех слов, что вы говорили мне. Смею вас уверить, что я готов помочь вам всем, чем располагаю. Вы можете смело просить меня обо всем, что угодно. Я все сделаю для вас. Все! Но ради Бога, никогда не говорите тех слов сызнова! Настанет день, и вы когда-нибудь пожалеете, что отказывались от него... Можно отрицать от себя все, что угодно, но только не это! Только не дитя!

— Вы мне не верите?! — Анна едва сумела сдержать недовольство и злость, вспыхнувшие в ней в тот момент. Как можно? Как можно не верить ей, когда она сейчас открыла все, что так бережно хранила в самой глубине своей души? — Неужто чужие слова значат для вас более моих?

— Нет, Анна! Я сам знаком не понаслышке, как может погубить одно неосторожно сказанное слово, как на чужом языке до невероятных размеров вырастает из мелкого зерна оплошности целое поле тяжкого проступка. И разве вы не сами сказали первая об этом дитя? Разве не вы позволили мне думать, что вы его мать? Тогда отчего? Отчего вы молчали все эти месяцы, отчего скрывали правду и отчего солгали мне там, на пороге церкви?

Что она могла ответить на этот вопрос, когда и сама с трудом находила ответ на него для самой себя? Как объяснить те эмоции, что толкнули на ошибку, как оправдать гордыню, которая помешала признаться в собственном обмане? Да и гордыня ли это?

— Я прошу вас, Анна, скажите мне правду, — Андрей сделал шаг в ее сторону, но по-прежнему держал руки за спиной. Боясь ее коснуться, потому что до сих пор чувствовал тепло и мягкий бархат ее кожи на своих ладонях. Словно прикосновение к ней обожгло до самой кости — так пылали они в этот момент.

— Я не мать Сашеньке. Польский улан, живший в нашем доме, никогда не касался меня, — повторила Анна, вспоминая одно из правил брата — «*Pieux mensonge n'est mensonge*» [594]. При этом пытаюсь не отводить взгляда от глаз Андрея, внимательно глядящих на нее. Особенно в левую сторону. — Вам грешно верить чужим наветам. Даже если они идут и с моих уст тоже. Вы же сами когда-то говорили, что мужчине никогда не стоит пытаться понять женщину умом, коли ее уже приняло его сердце. А вы мне давеча... сами же... и если бы не... то было бы возможно...

— Довольно, — он сказал это еле слышно, но Анна замолчала, услышав эту короткую реплику. — Довольно! Я был неправ, не имел права говорить то, что сказал тогда. Потому что невольно ввел вас в заблуждение. Вы оказались правы, отказывая мне. Я понимаю ныне, что получив ваше согласие, получив вашу руку, я бы не сумел сделать вас счастливой. Какое счастье можно построить на фундаменте, который мы оба выкладываем ныне?

— Я вас не понимаю...,- растерянно произнесла Анна, с трудом вникая в смысл его слов, понимая только одно — ничего не вышло отчего-то. Даже правда, которую она открыла, поддаваясь убеждениям мадам Элизы, не принесла ничего. — Я не понимаю...

А потом вспомнила, как долго ей не верил собственный брат, человек, знавший ее с самого рождения, распознающий шутя все ее уловки и увертки. Вспомнила, как клялась Петруше на образах, что осталась чиста, пусть и поддалась на миг соблазну, который вскружил ей голову. Что, если она поклянется на нательном кресте, вдруг мелькнула шальная мысль в голове. И Анна стала рвать пуговицы спенсера, пытаюсь расстегнуть тот, извлечь из-под платья и сорочки распятие.

Андрей не сразу разгадал ее порыв, но тотчас остановил Анну, задержав ее за локоть, не позволяя достать на свет нательный крест. Он видел, каким ярким огнем горят ее глаза, словно она, непривыкшая отступать перед чем-либо, уже забылась, словно была готова любой ценой добиться своего. Только цель эта ужасала, заставляла голову идти кругом, вызывала некое отторжение, холодную неприязнь.

— Кому вы писали в начале осени двенадцатого года? — спросил он, ощущая странную горечь во рту. Он не хотел говорить Анне об этих проклятых письмах. И никогда бы не сказал при иных обстоятельствах. Как не сказал бы никогда о тех словах, которые разорвали в ключья его сердце еще тогда, тем летом двенадцатого года. «...однажды ночью я видела их вместе... Он целовал ее, как... как любовник, прямо в губы, долго и страстно. А потом поляк подхватил ее на руки и...», и только его резкое, но тихой «Довольно!» прервало тот рассказ.

О, эти письма, от которых таким огнем горели руки, и болело сердце! Сперва про них удалось забыть — они лежали завернутыми в полотно на дне его дорожного сундука, который денщик перевозил за ним в путешествии. И только в Милорадово были извлечены на свет, оставлены среди прочих бумаг в кабинете. Андрей всю ночь тогда думал, что с ними делать. Отдать их Анне означало унижить ее этим свидетельством предательства, ее греха. Оставить у себя — низко и подло, а кроме того, для чего? Он так и не сумел прочитать эти письма. Послания поляка были сразу же отложены в сторону, он не мог даже касаться их. А вот те, что были с ровными строчками, выведенными таким знакомым почерком...

Он ненавидел в тот вечер себя за эту слабость, за мерзость своего поступка (впоследствии, попытается оправдаться, что был пьян), но развернул одно из них. И первые же строки выбьют его из спокойствия, к которому он так привык за прошедшие месяцы, которое так тщательно возводил день от дня, пытаюсь забыть. Короткая дата внизу... месяц, когда русская армия была отброшена волею судеб далеко от гжатских земель, когда он сам

приходил в себя после ранения, полученного от руки неприятеля. И когда она вспоминала чужие руки, свидание с другим...

Андрей сжег их все до одного, превращая доказательства ее измены в пепел и золу, надеясь, что время точно также сотрет из ее головы любое воспоминание о том. Но бумага сгорела быстро на серебряном подносе, оставляя только черные следы копоти. А память по-прежнему была жива, больно раня своей настойчивостью и когда-то услышанными словами того рассказа и писем, которые ему зачитали в деревеньке под Красным...

— Кому вы писали, Анна? — короткий вопрос, заставивший ее испуганно замереть. Будто ледяной водой окатили, взятой из крещенской иордани. И снова в голове мелькнули вихрем воспоминания, о которых она бы предпочла забыть, заставляя приложить невероятные усилия, чтобы по-прежнему смотреть в глаза Андрея. Стараясь не краснеть, думая о том, как позволяла себя целовать, как чужая мужская рука касалась ее груди...

Андрей желал знать ответ на этот вопрос, ведь именно он способен был раз и навсегда помочь выпутаться из той нелегкой ситуации, в которую она сама загнала себя. Но как ему ответить ныне правду? Когда сама понимала, как это будет выглядеть со стороны.

«...Мне сказали, что ты мертв, погиб на поле Бородина в тот день августа. А тут письма от поляка со словами, так похожими, что ты писал мне когда-то. И я решила, что это ты. И письма эти с признаниями были только для тебя. Все эти письма — тебе...»

Она быстро пришла в себя, подавив мимолетный приступ испуга. Андрей ясно видел это по ее лицу, которое вскоре прояснилось, убежали прочь морщинки между бровей. Уголки губ чуть двинулись вверх, словно она пыталась улыбнуться ему, снова пустить в ход свое очарование, которое так расточала с самого первого момента их прогулки. О, как же ему хотелось не знать ее настолько! Не понимать, что означает этот короткий взгляд налево и снова в его глаза. И он усмехнулся горько, понимая, что она снова солжет ему сейчас. Как лгала, когда говорила, что поляк никогда не касался ее...

Но Анна все же сумела его удивить. Когда вдруг шатнулась в его сторону, обхватила его лицо ладонями, как когда-то касался ее Андрей, а потом прижалась лбом к его подбородку, к его губам. И спустя миг сорвалась с места, побежала прочь по аллее, роняя на гравий дорожки шаль, путаясь в юбках.

— ...я бежала, мадам, бежала и понимала, что все это бессмысленно, — горько закончила Анна свой рассказ. — Я так тщательно плела свою паутину, что сама же в ней и запуталась с головой, связала себя по рукам и ногам. Я привыкла играть. Вынуждать всех поступать так, как мне угодно. И вот дважды случилось не так, как обычно. Андрей и тот поляк, Лозинский. Я думала, я знаю наперед... могу предугадать... А все было против меня. Все! О, Господи, как же раньше все было иначе! Совсем иначе! И так просто...

— Ранее ты сама была ребенком, Аннет, — мягко произнесла мадам Элиза, развязывая ленты шляпки Анны. — Ранее не думала о том, что каждый шаг влечет за собой последствия определенного рода, а каждое слово имеет вес. Потому что тебя не заботило это вовсе. Ныне же все по-иному, верно?

Мадам Элиза поправила локоны Анны, сняв шляпку с ее головы, а после ласково привлекла к себе, обняла за хрупкие плечики.

— О, ma ravvrette! ^[595]Моя вина в том, что происходит ныне. Моя и твоего отца. Разве ж мы могли подумать, что привьем тебе совсем не те качества? Я должна была бороться с твоей гордыней, тщеславием, вспыльчивостью, а сумела искоренить только лень и равнодушие к слабым. О, Annette! А ведь именно они — причины всех твоих ошибок, ma

chere...

— Как вы правы, мадам! — горько улыбнулась Анна, пряча лицо на плече у той. — А я вас не слушала... ни вас, ни тетушку, ни папа. Никого не слушала. Помните, мы когда-то читали Мольера? Красавице дозволено все, писал он. И мы тогда еще спорили, помните? Я всегда думала, что обратное утверждают только те, кого Бог не миловал красотой. Я думала, что всегда будет так, как я захочу. Пожелаю — прогоню, пожелаю — приближу снова. И даже здесь... с ним... Отдалилась, верно, сама, но всегда думала, что верну, когда того пожелаю. Ведь в глазах его, мадам, тоска... я вижу ее. И боль. И хотела бы злиться на него за то, что не верит мне ныне, не понимает, а не могу. Потому что будь я не я, а он, не поверила бы. Я хотела бы злиться на него, а понимаю, что он лучше меня... Вы знали, что местная снедь в кладовой из амбаров и ледников усадьбы? А я-то удивлялась — мука у нас расходуется скорее сахара! Даже думала худое, хотя и ругала себя за то. И дрова. Ивану Фомичу с его больной спиной не то, что дерево повалить, он и поленьев-то не сможет колоть. А у нас поленица всегда полная. И ведь лгали мне, что дерево в лесу рубят... Все он. Он! А что мне делать, мадам? Что мне теперь делать?

Мадам Элиза даже вздрогнула от той запальчивости, с которой Анна сжала вдруг ее руки. Ее глаза были полны какого-то странного огня, а на лице без особых усилий читался страх. Впервые мадам Элиза видела Анну такой перепуганной, такой встревоженной, и сама вдруг отчего-то почувствовала легкий озноб испуга, пробежавший по телу.

— Что мне делать теперь, мадам? Вы советовали открыть ему правду о Сашеньке, и я сделала это! Да только... только совсем не то случилось... Он знает! Знает, да не все! Но и этого достаточно, чтобы думать..., — и вдруг, словно прорвало природную плотину на реке, вырвалось у Анны признание о том, в чем она каялась только брату. И рассказала бледнеющей с каждым словом мадам Элизе все: как встретила поляка, как флиртowała с ним еще там, у Гжати, как невольно поддерживала его интерес. Про его письма к ней и про ее неотправленные, так неосмотрительно написанные. Про ту ночь, о которой до сих пор не могла вспоминать без стыда и какого-то странного чувства, смеси сожаления и непонимания собственной слабости в тот час. Про свой прощальный подарок и про то, каким образом тот вернулся снова к ней. Вместе с письмами. И о том, как сама разрушила собственное счастье, не сделав ни единой попытки все поправить. Только сейчас, пересказывая события прошлых лет, Анна понимала, сколько возможностей у нее было вернуть все на круги своя. Сколько путей примирения были открыты Андреем для нее...

«...Когда так часто указываешь на дверь персоне, ты должна быть готова к тому, что настанет день, и ты уже не сумеешь повернуть ее от порога...», сказал он ей когда-то, но до сих пор она так и не поверила в истинность этих слов.

— Что мне делать, мадам? — спросила Анна в конце своего сбивчивого рассказа. — Как мне все вернуть? Подскажите...

А мадам Элиза только гладила ее щеки, стирая с нежной кожи горячие слезы, ласково гладила ее волосы и молчала. Потому что у нее не было ответа на этот вопрос. Впервые она не знала, что сказать Анне, холодея в душе от осознания, насколько была слепа в те дни. Так и сидели до самых сумерек в полном молчании, пока не стукнула в дверь Глаша, спрашивая, не зажечь ли ей свечей, и когда подавать холодный ужин.

— Лучше бы я тогда позволила открыть ту чертову дверь! — только и сказала Анна горько, вспоминая то летнее утро, когда ее судьба могла пойти совсем по иному пути. И мадам Элиза не сделала ей замечания за грубое слово и непозволительно-резкий тон, только

руку сжала чуть сильнее, когда Анна поднималась на ноги, собираясь идти сменить платье к ужину.

— Все обойдется, *ma petite!* — прошептала мадам Элиза, и Анна кивнула в ответ, не веря в эти слова. И за ужином, и после, когда сели у камина за рукоделье, она не могла не думать о разговоре, что случился нынче днем, о том крахе, к которому тот привел. И о том, что Андрей знает, именно знает, что она была неверна ему. Нарушила обязательство, данное под сводами церковными. И не только о письмах и легком флирте, но и о том, что не могла себе никак позволить невеста, принявшая на руку кольцо.

В ту ночь Анна многое вспоминала, пытаясь забыть о собственных эмоциях, которые окрашивали события в несколько иной оттенок. Старалась взглянуть со стороны на все, что произошло за эти несколько лет. Оттого и обрадовалась, как никогда, неожиданному визиту Павлишиных следующим днем. Ведь именно Павел Родионович мог пролить свет на некоторые обстоятельства, на которые в ночь раздумий она вдруг взглянула совсем иначе, чем до этого момента.

— Я готов вам ответить на все ваши вопросы, Анна Михайловна, — ответил на ее завуалированную просьбу вспомнить некие события в прошлом. — Вы же знаете, нет ничего, что я мог бы скрыть от вас. Моя душа — словно открытая книга для вас.

— Осень двенадцатого года, Павел Родионович, — произнесла Анна, не поднимая на него взгляда от вышивки, которую аккуратно заполняла маленькими стежками. — Помните, вы приезжали к Андрею Павловичу на его квартиру близ Красного, кажется? Вы еще имели от меня поручение, помните?

Павел Родионович покраснел вдруг, поправил очки. И его ничем не прикрытая внезапная нервозность вдруг передалась и ей — дрогнули пальцы, ведущие иглу сквозь полотно. Как же страшно узнать ответ! Как страшно понять, что могла ошибиться...

— Расскажите мне... как вы встретили тогда его... их... Отчего вы решились последовать моим словам не... делать того, о чем просила вас? — и подняла удивленный взгляд на Павлишина, когда тот вдруг начал свой рассказ со слов раскаяния.

— Простите меня... простите... ведь это я привез мадам Арндт! — и продолжил говорить, как встретил Марию и как, повинувшись долгу воспитания, согласился довести ее до полковых квартир. И о том, что увидел и услышал в избе, которую занимал полковник Оленин, тоже рассказал, хотя и обещал сам себе никогда не повторять при Анне этих слов.

— Мой ангел? — на миг закрыла глаза Анна, и Павел Родионович едва удержал руку, чтобы не коснуться ее, полагая, что ей больно слышать эти ласковые слова. — Он ведь был болен, вы знали о том? Едва не сгинул от грудной. А это непростая простуда... Как вы полагаете — мог ли он... мог ли он быть нездоров именно в тот момент? Быть... полностью во власти недуга?

Сначала Павел Родионович не понял ее вопроса. Она увидела недоумение в его глазах, вскоре сменившееся пониманием, а после и вовсе — сожалением. И тогда они оба отвели взгляды друг от друга, каждый думая о своей собственной ошибке, которую невольно допустил. Так и не смогли более говорить о пустяках, беседа о которых неспешно велась до сих пор — ни о «маевках», ни о новостях уезда. Только раз сумел Павлишин нарушить это неловкое молчание. Когда тихо проговорил:

— Простите меня, Анна Михайловна... я вовсе не думал...

— Ради Бога, не говорите более ни слова об этом! — прервала она его, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не расплакаться. Как глупо! Боже мой, как глупо! Почему никто не

подсказал ей...? Не указал на возможность и такого хода событий?

После отъезда Павлишиных Анна ушла к себе, где долго ходила из угла в угол, пытаясь успокоиться и забыть о том, что узнала. Уверяла себя, что это еще не известно полностью, что вполне могло быть, что Мария ехала к нему по его просьбе. И сама же противоречила себе, разбивала доводы против без особого труда. Осознавать свои ошибки было больно. Так больно, что не удалось сдержать горьких рыданий, звуки которых Анна прятала в подушки ночью. Раз за разом воскрешала в памяти те короткие моменты, которые подарила им с Андреем судьба, а потом вспоминала, как отчаянно обрубала сама нити, соединяющие их судьбы.

Что ей теперь делать? Что делать? Только этот вопрос возникал в голове, и только о нем она могла думать сейчас. Как опровергнуть те горы лжи, старательно нагроможденные ею за это время и задавившие ее в итоге? «...Faute avouée à demi pardonnée [596], помните о том. И о времени помните, о его коварстве, ma chere. Il n'y a pas de temps à perdre ... [597]», шептала Анне память голосом Марьи Афанасьевны, уже тогда предвидевшей итог всего. Отчего Анна не послушала и графиню, ведь та сама знала, какие последствия могут быть у неосторожных поступков и слов? Как же ей ныне не хватает этой старой мудрой женщины! Анне отчего-то думалось, что уж она бы сейчас разрешила бы все без особого труда, дала бы советы, какие слова найти для разговора и как тот повести. Сама же она так и не сумела ничего придумать и то решалась снова вызвать Андрея на разговор, то пугалась этой встречи. Перечитывала последнее письмо тетушки, пытаясь понять, не будет ли верным поступить так, как настаивала та, увещевая «перестать дурить» и принять предложение, как «приняла подношения, давая надежды».

«... Приняв в доме без моего ведома князя с визитом, как холостого мужчину без присутствия patron или patronne [598] нашего круга, к тому же позволив себе подношения от него, вы поставили себя в не то положение, при котором стоит медлить с принятием решения о своей будущности. Особенно принимая во внимание ваше нынешнее положение. Доколе продлится доброе расположение к вам господина Оленина? Доколе вы позволите пользоваться его благородством и добротой, забывая о приличиях. ...Вы ставите и себя, моя душа, и Андрея Павловича в неудобное положение, оставаясь в поместье. И вам, и ему в особенности будет гораздо лучше, когда вы поймете, что гостеприимство при известных нам всем обстоятельствах совершенно невозможно...», писала Вера Александровна.

Уехать из Милорадово, а значит, от Андрея? Снова быть разделенной с ним расстояниями, снова быть вдали от него? Нет, она решительно не могла уехать. Здесь, в родной усадьбе, она рядом с ним, пусть и в паре сотен шагов друг от друга. Она может видеть его издали, когда он выезжает на прогулки верхом или проходит в лес с собаками. Она встречает его в церкви каждую службу и, пока читают молитвы, может украдкой смотреть на него из-за полей шляпки. Уехать означало для Анны ныне признать поражение, а к этому она еще не была готова. Нет, они еще разорвали те незримые нити, которые опутали их в то лето. И видит Бог, она не даст им порваться! Она еще не знает, каким образом, но решительно не допустит этого!

Где-то в доме снова раздался громкий протестующий крик ребенка, когда ему не позволили в очередной раз открыть ящик комода и разбросать по комнате столовое белье. И Анна вдруг впервые за все время почувствовала раздражение от этого крика, от этого плача, которым было наполнено это утро и часть предыдущего дня.

— Пантелеевна! Пантелеевна! — крикнула она, перегнувшись через перила лестницы,

вниз. От бесконечных вопросов, которые кружили ее эти дни и ночи вдруг случилась мигрень, и эти крики и плач были для нее сущим мучением. — Не могла бы ты сделать что-нибудь с ним? У меня головные боли, а от крика они только хуже терзают. Прошу тебя!

— Ох ты, Богородица! — показалась из дверей комнаты первого этажа старая няня, держащая на руках плачущего мальчика, выгибающегося от крика. — Прямо и не ведаю, чего это он так. И зубки-то вроде не являются, и не ушибся...

— А жара нет? Вдруг хворь какая? — тут же встревожилась Анна, уже собираясь спуститься вниз, когда няня покачала головой.

— Нету жара. Не недужит он. Нам не по душе что-то просто, да, миленочек мой? — Пантелеевна с трудом держала на руках тяжелого уже для нее Сашеньку, но спустить на пол того было нельзя — сразу же плач усиливался во сто крат. — А чего это ты, моя милочка? Голова, говоришь, мучает? Ты бы у мадамы капелек взяла бы и полежала бы, окна попрятав от света. А может, тебе Глашу прислать? Полотенчишко холодное на лобик приложить бы! Я туточки Сашеньку укачаю, и к тебе после поднимусь, душенька моя...

— Не надо, нянечка, — ответила Анна. — Лучше с Сашенькой побудь. А я капель выпью и посплю до обеда...

Анна так и поступила — выпила лаудановых капель, которые взяла со столика мадам Элизы. Лауданум порой только и спасал ту от регулярных приступов ее болезни, которые приходили раз в месяц, укладывая ту в постель. Вот и ныне мадам Элиза спала, потому Анна ходила по ее комнате, стараясь не шуметь. К ней же сон пришел не сразу, только спустя час, каждые десять минут которого она отмеряла по циферблату, который отменно видела со своего места в кровати. Может, тому виной был яркий солнечный свет, который пробивался через щели неплотно зашторенных занавесей. А может, и звуки домашнего быта — стук поленьев, которые Дениска складывал возле флигеля, стук скалки из приспешной [\[599\]](#), громкий плач Сашеньки с первого этажа.

Анна попыталась укрыться от тех в подушках, закрыв уши и спрятав лицо в них. И от мыслей своих неутешительных спрятаться, укрыться под покрывалом сна, который все не шел к ней. «Ах, как было бы просто, если бы не было Сашеньки!», подумала она вдруг перед тем, как соскользнуть в темноту дремы, «Тогда бы непременно все было совсем иначе...». Заснула, чтобы проснуться к сумеркам и обнаружить, что ее невольное злое желание стало реальностью.

Занимался дождь, следуя вслед за яркими зарницами, блеснувшими над парковыми деревьями. Редкие капли падали медленно с неба на ветви, на нежно-зеленые листья и крышу дома, скользили по стеклу замысловатыми ручейками. Когда-то тоже был дождь, и так же он наблюдал это плавное падение вдоль гладкой поверхности стекла. И если бы тогда она решилась бы на ту ложь, в которой пыталась так убедить его...

Андрей криво улыбнулся, провожая глазами очередную слезу дождя, даже не слыша грохота грома, что ударил в свой барабан прямо над домом. Если бы тогда, а не теперь она бы выбрала путь лжи, он бы принял его, пошел вслед за ней по этой дороге. И, пожалуй, это был бы лучший вариант для истории, в которой они оба стали главными героями, будто в каком-то французском романе, а не наяву. Тогда он бы принял эту ложь с готовностью, отгораживаясь от всего, что указывало бы на обратное, оставаясь глухим к доводам рассудка. Ныне это было совершенно невозможно... эти письма, эти признания и то живое напоминание о том, что произошло. От которого она попыталась отказаться...

Он снова втянул в себя ароматный дым, а потом медленно выпустил, запрокинув голову на спинку кресла и переводя взгляд в потолок кабинета. Чтобы не смотреть через эти тонкие струи воды в парк, стараясь разглядеть через черноту стволов силуэт двухэтажного флигеля. За окном совсем потемнело, и в комнату вползли тени, прячась по углам или у шкафов с книгами, под столом, но звонить, чтобы подали света, совсем не хотелось. Андрей знал, что за дверью уже караулит один из лакеев, чтобы передать краткий приказ матери пройти в гостиную или диванную, где принимали очередного визитера. Они просто роем слетелись в дом после того, как Алевтина Афанасьевна приняла пару дней назад мадам Павлишину, «les oreilles et yeux de district» [\[600\]](#), как метко назвала ее Софи. А у него сейчас было лишь одно желание — остаться одному, чтобы никто беспокоил ни советами, ни оправданиями, ни досужими и пустыми разговорами.

Андрей выдвинул один из ящиков стола, тронул пальцами бархат небольших коробочек, а потом открыл одну из них, извлекая на свет одно из украшений. Тонкая золотая цепочка легко скользнула между пальцев, позволяя жемчужине занять удобное место прямо в центре ладони, приятно холодя кожу. Он поднял руку и повертел ладонью слегка, ловя отблески первой весенней грозы на гладкую поверхность кулона, будто наслаждаясь его игрой блеска на том.

Андрей прекрасно помнил это небольшое скромное украшение на белой коже в декольте бального платья и тут же узнал его, когда увидел у ростовщика, к которому заезжал по поручению Кузакова в очередной раз. Потому и купил тотчас же, не торгуясь, даже понимая, что переплачивает втридорога. Чтобы никто не иной не смог этого сделать, ведь ростовщик уже выставил на продажу украшение. И остальные наборы и отдельные предметы тоже выкупил, поддаваясь какому-то неясному порыву. Сам не зная, зачем это делает и к чему они ему, эти украшения. Теперь они для Андрея стали очередными цепями, надежно приковавшими к прошлому. Отдать от себя он их не сумеет ни в чьи руки, а хранить... хранить означало снова и снова возвращаться назад, к тому, что уже давно следовало забыть...

Жемчужина снова тускло блеснула в очередном всполохе яркого света, словно напоминая о себе и той, кому она когда-то принадлежала, и Андрей сжал пальцы в кулак,

пряча ее от своего взгляда.

«..Ты, mon cher Andre, не умеешь прощать...», когда-то говорила ему тетушка, отговаривая от брака с Анной, и он был вынужден признать, что Марья Афанасьевна во многом оказалась права. Нет, не умел он прощать. Потому что простить — означало для него понять и принять. Он чувствовал себя последним подлецом на всем белом свете, особенно в тот день, слушая, как Анна произносит те слова о сыне. Подлецом, потому что вынудил ее на этот шаг, понимая, что только от необходимости угодить ему Анна отрекается от дитя, устраняя препятствие к их возможному браку, неважно какие причины ее толкнули на тот.

Но и иначе... видит Бог! Иначе он тоже не мог! Постоянно помнить о том, что она была с другим... любила другого. И те слова, что сказала Андрею в парке, уверяя в собственной невинности перед ним, даже те слова она уже когда-то говорила в письмах другому. Он слушал их тогда, и ему казалось, что в нем медленно сплетаются два чувства, совсем как ранее. Любовь и ненависть. Желание прикоснуться к ней, к ее коже, ее волосам или убежать прочь от этой злой и расчетливой красоты, которая так открыто и смело пользовалась своим очарованием. Заставить Анну замолчать, закрыв ей рот своей ладонью, или так же молча слушать далее, пытаясь изо всех сил не думать о том дне, когда он слышал схожие слова. Слова из письма другому...

Мог ли Андрей закрыть на глаза на эту ложь и принять оливковую ветвь перемирия? Мог ли впоследствии уподобиться ли брату и жить в браке, притворяясь, что не видишь уловок и лжи собственной супруги, что не замечаешь ее обманчиво-невинных взглядов? Нет, он решительно не смог бы так. Плохой из него притворщик. Только тот, кому нет никакого дела, может притворяться так искусно. Он бы определенно не сумел и, в конце концов, сделал бы и ее, и себя несчастными, ненавидящими друг друга за поломанные судьбы, как ненавидела отца его мать.

И надо бы позволить ей стать женой Чаговского-Вольного, которого, как Андрей был наслышан, Анна привечала так радушно еще этой зимой. Пусть стала бы княгиней, как задумала, давая князю надежды на нечто большее, чем просто знакомство! А потом сам же себя одергивал — за Чаговского она определенно пойдет из нужды, от отчаянья... а Андрей хотел, чтобы она была счастлива. Глупо! Господи, как же глупо! И еще глупее убеждать самого себя, что он делает все это исключительно из долга да по чувству вины перед ней. За ту ночь под этой крышей, за схожую грозу...

«...- Прости меня. Мне вернули кольцо именное... сказали, что ты мертв... Я знаю, это не оправдывает меня ни в коей мере. Но... О Боже, прости меня...»

В дверь кабинета трижды стукнули — один раз длинно и два раза коротко. Это Софи решила нарушить его уединение, и Андрей быстро убрал украшение в коробку, а после задвинул ящик, бросив короткое: «Entrez!» [\[601\]](#).

— О, как здесь... дымно! — удивилась сестра, входя в кабинет. — Скоро из-под двери дым пойдет, и к тебе прибегут с баграми и водой.

Андрей улыбнулся ее шутке, чуть двинув уголки губ, а потом подошел к окну и приоткрыл створки, впуская холодный воздух и яростный ветер грозы. Капли дождя тут же ворвались внутрь, попали на его руки и лицо, и он закрыл на миг глаза, позволяя тем охладить его кожу.

— Мaman прислала за тобой. Скоро будут подавать ужин, Andre. А на него остаются Красновы с дочерьми, желают продолжить с тобой знакомство, — проговорила Софи, запахивая шаль от ветра, пробежавшегося по кабинету, зябко поведя плечами. —

Оказывается, ты тут головы изрядно кружил на Рождество одиннадцатого года, mon cher! И в экосезе одну из девиц Красновых вел...

— Не помню, — коротко ответил Андрей. Он действительно не помнил сейчас ни своей партнерши по танцу на том балу, ни само семейство Красновых. И желания выходить и вести пустые светские беседы за ужином у него вовсе не было.

— Я сказала, что ты вряд ли составишь нам компанию по причине твоего нездоровья, — сестра ласково коснулась его плеча, а после прислонилась виском к его спине, подойдя к нему, все еще стоявшему у окна. — Что тебя беспокоит твоя рана, как обычно по смурной погоде. А прогос [\[602\]](#), как твоя нога?

— Как обычно, — усмехнулся Андрей, беря в свою широкую ладонь маленькую ладошку сестры и глядя ее пальцами.

— Я велю затопить баню. Тепло должно унять твою боль. И окно прикрой, mon cher. Что за безумие под бурю лицо подставлять? Эдак и до простуды недалеко, — тихо проговорила она, а потом обеспокоенно взглянула на Андрея. — Быть может, мы зря сюда приехали, mon cher? К чему все это? Разве же будет что-то, когда все вот так ...? Давеча ты вернулся после прогулки такой... словно...

— Я прошу тебя! — произнес Андрей резко, прерывая Софи на полуслове. Говорить сейчас об Анне вовсе не хотелось. Даже с Софи. — Прошу тебя, не будем.

— А может, нет нужды держать все в душе своей так скрытно? — отчего-то не унималась та, все настаивала на откровенном разговоре. — Может статься, легче станет. Или я что подскажу.

— Ты, моя душа? — не мог не улыбнуться Андрей, а потом закрыл плотно окно, отгораживаясь от разбушевавшейся стихии и развернулся к сестре, чтобы заглянуть в ее встревоженное личико. Коснулся губами ее лба, благодаря этим коротким поцелуем за ту поддержку, которую та всегда оказывала ему. Даже тогда, когда семья отвернулась от него, Софи единственная поддерживала с ним отношения. Софи и его тетушка...

— Отчего бы и нет? Думаешь, я ничего не понимаю? — проговорила сестра. — Понимаю. И вижу все ясно, mon cher frère. Она сызнова отвергла тебя? Так отчего ты не оставишь ее? Я полагала, годы рознь вылечат твое сердце. Я не понимаю...

— Признаться, я и сам себя не понимаю, Софи, — с какой-то странной горечью произнес Андрей. — Я на перекрестье ныне и знаю только одно — совершенно не желаю принимать ни одной из сторон. Потому, в какую бы ни двинулся сторону, везде не то. Что будет хорошо сердцу, то не примет разум, а что по разуму, то совсем худо для сердца.

— Andre, — мягко произнесла Софи и провела ладонью по щеке брата. Он тут же поймал ее руку и коснулся губами тыльной стороны ее ладони. Ее взгляд невольно упал на сукно стола, на котором лежали стопкой ассигнации и монеты, оставленные после отчетности буфетчиком, ездившим в Гжатск восполнять запасы со стороны. — Помнишь, ты рассказывал мне, что тебя привела в Милорадово сама судьба, когда в орлянку сыграл? И тапан, и я убеждены, что тебе не стоит оставаться здесь. Сущее безумие остаться тут на лето... Поедем в Агапилово, где выросли. Или в подмосковное имение тетушки, что к тебе перешло. Что толку быть здесь? Я же говорила тебе не раз, что, судя по всему, княгиней ей стать, не Олениной вовсе. Так не привечают, так не дают надежд иначе, сам понимаешь. А не можешь решить сам — спроси снова у судьбы. Fiez les caprices du destin, mon cher [\[603\]](#). Бросим монету?

— Не довольно ли с меня ее капризов? — усмехнулся Андрей. Но все же взял со стола

одну из монет, уступая странному желанию решить все в один миг. За один бросок монеты. Как когда-то зимней порой, когда остановил сани на развилке дорог. — «Решка» — едем из Милорадово. «Орел»...

Он не стал договаривать. Легко бросил монету вверх, а потом поймал на лету, уже не глядя не нее, а куда-то в сторону, в черноту грозы за стеклом. И Софи перевела взгляд в том же направлении, заметив тревогу, мелькнувшую в его глазах, и то, как вдруг застыло лицо. Где-то вдалеке, чуть справа, как она помнила, должен стоять флигель двухэтажный, в котором жила Шепелева со своими домочадцами и вольными слугами. Именно в той стороне то вспыхивали, то гасли маленькие, но такие яркие ныне по этой темноте огоньки.

— Qu'y a-t-il? ^[604] — спросила Софи, и казалось, от звука ее голоса Андрей вернулся в этот кабинет оттуда, куда его уже увели мысли. Он взял ладонь сестры и вложил в нее монету, зажав пальцы, чтобы та не выпала из руки. А потом быстро обогнул стол и направился к двери спешными шагами.

— Ты куда? Andre! — Софи попыталась нагнать его, но не смогла, потому только и оставалось, что спешить следом, нахмурившись при его коротком приказе: «Редингот мне!», брошенному караулившему за дверями кабинета лакею. Тот бросился бегом наперед барина через анфилады комнат к вестибюлю, стараясь не упасть, поскользнувшись на скользком паркете.

— Что-то стряслось, — коротко ответил он сестре, спешащей следом. А потом вдруг остановился, минуя одну из комнат — стрельнула в беспокоящем еще с утра колене острая боль. — Я схожу до флигеля и вернусь. Отсидеться в своих покоях ныне, как понимаю, не удастся. Коли тапан приметит, что вышел, скажи ей, что... что... А впрочем, ничего не говори, Софи! Вышел. Et tout! ^[605]

— Andre, там же ливень! И погляди в окно — буря, не иначе! Подумай о себе! Коли решил узнать, что там — пошли кого из людей. Да и что там могло стрястись? Просто за поленьями вышли из флигеля с огнем. А ты встревожился...

— Софи, за дровами не ходят втроем, — коротко ответил Андрей, облачаясь в редингот с помощью лакея, вернувшегося из передней. — Довольно странно, не находишь?

— Странно, что ты так отчаянно стремишься туда, mon cher, — заметила ему сестра. А потом разжала кулачок, в котором по-прежнему была зажата монета. — Хотя отчего я говорю о странностях? Ты ведь не уедешь... пока она здесь, не уедешь. И в тот раз...

— Что — в тот раз? — переспросил Андрей, отсылая лакея за тростью, без которой нынче при этом приступе и шагу не ступит. Хотя уже догадался, что скажет сестра.

— В тот раз ты бы все едино повернул в Милорадово, верно? Даже если бы был не «орел»...

Они смотрели внимательно и пристально друг другу в глаза, такие похожие цветом и разрезом, понимая, что ненадобно слов сейчас. Потому что в этот миг вдруг стала душа такой открытой, словно книга, в которой без труда можно было увидеть все, так тщательно скрытое прежде от сторонних глаз.

А потом Андрей замер, прислушиваясь к какому-то шуму, донесшемуся со стороны вестибюля — тихие голоса, становящиеся все громче и громче, шелест подола, стук дверей. Софи заметила, как резко развернулся он вдруг в ту сторону и в тот же миг заспешил к выходу из комнаты, не обращая внимания на боль в колене. Распахнулись двери одной из дальних комнат, и в проеме показалась женская фигурка в знакомом уже Софи бархатном темно-фиолетовом пальто. Она быстро пробежала расстояние, разделяющее ее и Андрея, и

со всего размаху буквально влетела в его открытые для объятия руки, заставляя Софи опешить от увиденного. Как и лакеев, и Пафнутия Ивановича, что торопились следом за незваной гостьей, так лихо ускользнувшей от них в вестибюле.

Софи даже стало неловко отчего-то наблюдать, как прижимается к Андрею, обхватывая руками, цепляясь за ткань редингота, плачущая Анна, и как крепко брат привлек ту к себе, что-то шепча тихо в безуспешной попытке успокоить, как ласково проводит по непокрытым мокрым от дождя волосам той ладонью. словно в замочную скважину глядела супружеской спальни, вдруг подумала она и поспешила отвести взгляд в сторону, посмотрела с укором на лакеев, так и застывших на месте от этой сцены, встревоженных видом заплаканной барышни, их бывшей хозяйки. Махнула рукой Пафнутию Ивановичу, мол, уходите все прочь, что те и поспешили сделать, а сама снова посмотрела на брата, качнула недовольно головой, поймав его взгляд, когда он на миг встретился с ней взорами. Отстранился от Анны, пусть и на ладонь только.

— Что стряслось? — спросил Андрей Анну, обхватывая ладонями ее лицо и вынуждая посмотреть на него. — Что случилось, Анни?

От нежности, с которой он произнес ее имя, Анна вдруг разрыдалась пуще прежнего, заставляя сердце Андрея забиться сильнее в груди. Хотя первоначальный ужас, который он ощутил, глядя, как мечутся в темноте огни возле флигеля, отступил при виде ее, целой и невредимой, отголосок страха перед чем-то ужасным все же остался и ныне метался в душе.

— Это мне кара... кара Господня! — ее глаза были широко распахнуты, в них едва ли не безумие ныне горело, и от этого собственный страх стал разрастаться, теснясь под полотном рубахи и сюртука. — Он отнял его у меня... отнял! О, mon fils!

Софи, услышав эти слова, открыла рот от удивления, но ахнуть так и не ахнула, заметив взгляд Андрея, который тот бросил поверх головы Анны на сестру. Промолчала, постаралась скрыть свое удивление и поспешила отойти подальше от них, к окнам, предоставляя им возможность мнимого уединения.

— Что стряслось? — повторил Андрей, ничего толком не понимая. Он нажал кончиками пальцев чуть сильнее на ее кожу за ушами, пытаясь вернуть ее в сознание с той грани между истерикой и ясной памятью, на которой Анна сейчас балансировала. — Что с ребенком?

— Я его потеряла, — тихо прошептала она, словно боясь произнести вслух эти слова. — Он пропал, понимаешь? Помоги мне... только ты можешь помочь мне...

Он действительно был готов на все ради нее, даже перевернуть землю, чтобы помочь ей. Но больше добиться от Анны ничего не удалось — она снова захлебнулась плачем, и Андрей привлек ее к себе, обнял, пытаясь успокоить.

— Прошу, позвони, — попросил он сестру, все еще стоящую молча у окон. — Пусть сходят во флигель и узнают, что стряслось. А еще пусть Пафнутий пошлет за доктором Мантелем. Неизвестно, что там.

Что случилось во флигеле, они узнали буквально в ту же минуту, когда на звонок явился лакей, стоявший за дверью, а вместе с ним в комнату шагнул смело Иван Фомич, растерянный, теребящий шапку в руках. Он низко поклонился сначала барину, потом молодой барышне, то и дело косясь на Анну.

— Беда у нас, барин, — коротко сказал он, повинувшись вопросительному взгляду Андрея, брошенному поверх русоволосой головы Анны. — Барчук наш пропал. Дениска не уберет, шельмец эдакий... У меня кое-что в голове имеется на сей счет. Мне бы людей... В селе

искать надо. Оттуда холопка, что нянчила барчука, вестимо.

— Будут вам люди, — твердо сказал Андрей, и лакей понимающе кивнул тут же, как подтвердил точно таким же кивком и принятие приказа седлать барину коня, а потом быстро скрылся за дверьми комнаты, подтолкнув туда же и бывшего дворецкого. Негоже простолюдину, пусть и вольному, в господских покоях грязь оставлять!

— Я поеду с тобой! — вдруг вцепилась в рукав редингота Анна, когда Андрей попытался освободиться от хватки ее рук, отвести ее вглубь комнаты, к софе и креслам у камина. — Это я виновата! Понимаешь — я! Если бы я тогда...

— Послушай меня, — он снова крепко обхватил ладонями ее заплаканное лицо, заставляя посмотреть в свои глаза, пытаясь через короткие фразы донести до ее замутненного ныне переживаниями и страхами сознания, что ей не место рядом с ним сейчас. — Послушай меня, Анни! Это не просто выезд верхом, не прогулка. Посмотри в окно! В грозу да верхом — сущее безумие! Твоя нервозность передастся лошади, и тогда... Останься здесь, пережди. Я привезу его! Ты веришь мне? Веришь?

И Анна вдруг затихла, успокоилась неожиданно, опустив руки и выпуская из пальцев ткань его редингота. А потом кивнула и так запальчиво прошептала: «Я тебе верю!», что у него даже потеплело в груди от этих слов.

— Останься здесь, — повторил он. А потом вдруг мимолетно коснулся губами ее лба, поддаваясь порыву, не в силах удержаться от того под взглядом ее широко распахнутых глаз. И через этот короткий поцелуй Анне словно передалось его спокойствие и его уверенность в том, что Сашенька вернется к ней. Потому она только молча проводила взглядом его уход из комнаты, а потом позволила лакею снять с себя мокрое от дождевых капель пальто и заняла место на софе, впорив взгляд в едва слышно отмеряющие ход времени фарфоровые часы, так знакомые ей.

Софи же с ее места от окна эта гордо выпрямленная спина и спокойное красивое лицо вдруг показались странными. Ни малейшего следа тревоги на лице или недавних бурных слез. У самой Софи к этому моменту опух бы и покраснел нос, а лицо было бы все в некрасивых пятнах, а тут... И теперь, столкнувшись буквально лицом к лицу с Анной, Софи понимала плохо скрываемую зависть Катищ, которую без труда угадывала в речах кузины Шепелевой. Такая красота не могла оставить безучастной ни мужчину, ни женщину. И даже в ней, в Софи, ныне возникла буря самых разнообразных чувств, которые мешали думать здраво.

«Прошу тебя позаботься о ней», попросил Андрей, уходя, и, вспоминая выражение его глаз, Софи не могла не подчиниться. Она все-таки двинулась к сидящей на софе Анне и только тогда, когда встала ближе, заметила, как рвет та в каком-то странном оцепенении тонкое кружево, которым был отделан рукав ее платья.

— Я прикажу подать травяного чая с мелиссой и пустырником. Или быть может, вам угодно будет успокоительных капель? — спросила Софи, вздрогнув при громком раскате, который раздался за окном. И подумала о брате, который где-то сейчас под сплошной пеленой дождя и на размытой водой земле пытается удержать коня, не дать тому запаниковать от этих ужасающих даже человека звуков.

— Нет, благодарю вас. Лауданума довольно, — как-то чересчур холодно и резко ответила ей Анна, дернув в очередной раз кружево, рвя тонкие переплетения. — Чай — было бы чудно, благодарю вас...

И снова тишина установилась в комнате, прерываемая изредка лишь стуком двери,

когда принесли на подносе пары и чайник с заваренным травяным настоем, тихим звяканьем фарфора и раскатами грома за окнами, уже реже угрожающими откуда-то издалека. Софи смотрела на Анну и едва сдерживала себя, чтобы не задать той многочисленные вопросы, которые то и дело крутились в голове. Почему вы разорвали так спешно и в полной тайне от всех обязательство брачное? Отчего отвергли Андрея, но по-прежнему возвращаете его к своей персоне? К чему вам он? И понимаете вы, что он сейчас рискует собой и своим здоровьем, разъезжая в дождь? Знаете ли вы о его грудной, после которой доктора предупредили о нежелательности любых простуд? Знаете ли вы о его больном колене? Эта поездка принесет ему несказанные муки после, и Прощка будет несколько часов ставить компрессы на покрытую шрамами кожу, пытаясь унять невыносимые боли. Знаете ли вы об этом, Анна? Знаете ли, что вы стали причиной того, что жизнь Андрея так переменилась...? Знаете, на что готов он ради вас? И готовы ли вы сами хотя бы на малую долю жертв по отношению к нему?

Но Софи молчала. Смотрела, как Анна, оставив в покое кружево, водит пальчиком по ободку фарфоровой чашки, отчего-то робея задать все эти вопросы. А еще Софи пусть и немного, но боялась, что Алевтина Афанасьевна все же решится оставить гостей и пройти в это крыло дома, в эту комнату, чтобы проверить, отчего так долго не возвращается дочь. Она не сомневалась, что уже вся дворня знает о происшествии, а уж девкам матери не составит особого труда разведать о том. И тогда...

— Это я виновата, — вдруг сказала Анна, и Софи удивленно взглянула на нее, не ожидая, что та вдруг заговорит после более чем получасового, судя по циферблату, молчания. — Это я виновата! Мне не надо было оставлять его. Кто я после того?

— Полагаю, невозможно все время находиться при дитя, — аккуратно заметила Софи. — На что тогда няни?

— Няни старятся, — ответила Анна, глядя куда-то перед собой. — Им тяжело становится. А девки молодые глупые донельзя... Доверить младенца мальчику! Надо же было подумать о том!

И снова принялась рвать кружево оборки рукава, снова заплакала тихонько, глотая слезы, чем совершенно заставила Софи потеряться. Только и оставалось, что слушать тихое тиканье часов на каминной полке да шелест постепенно успокаивающегося дождя, который оставила вместо себя недавно бушевавшая над Милорадово гроза.

Спустя какое-то время Анна вдруг протянула руку через стол и ухватила за ладонь Софи, на миг перепугав ту неожиданностью своего поступка, взглянула в голубые глаза, так похожие на те, в которые только и хотелось сейчас смотреть, пытаясь в тех набраться уверенности в положительном исходе этих поисков.

— Он отыщет его! — тихо, но твердо произнесла Анна, и Софи кивнула, не понимая, вопрос ли это был или нет. И сжала ободряюще руку Анны, сама не понимая, почему вдруг забывает о своем предубеждении против нее, столь долго лелеемом все это время.

— Il n'y a pas de doute à cela [\[606\]](#), — улыбнулась несмело Софи, а потом вдруг почувствовала странный комок в горле, когда Анна неожиданно раздвинула дрожащие мелко губы в широкой улыбке и прошептала:

— Il est admirable... admirable! [\[607\]](#)

Но прежде чем Софи сумела прийти в себя от этой неожиданной реплики и от тех чувств, которые та в ней вызвала, в дверь тихонько стукнули. Появившийся на пороге Пафнутий Иванович поманил к себе барышню и прошептал ей, что «барин прислали-с

человека, что дите отыскалось в полном здравии и целостности» и что «просили-с барышню Анну Михайловну проводить до флигеля, куда и привезут барчука Шепелева». Но Анна уже расслышала, о чем тихо говорит дворецкий Софи, уже быстрым шагом шла к двери, намереваясь побыстрее добежать до места, где ей отдадут в руки младенца.

Подумать только! Столько няnek в доме, а упустили ребенка! Пантелеевна понадеялась на Глашу, поддаваясь приступу, который скрутил ее во второй половине дня, не давая разогнуть спину. А та не успевая по домашним делам попросила погулять с барчуком Дениску, складывающего дрова в поленницу. Дениску же вскоре сманили в лес мальчишки, рассказав ему о находках оружия и даже ядер, что остались после войны. В уезде за сдачу такой находки выдавали билетами — от желтенькой до синенькой бумажки [608]. Говорили, что мужик из соседнего Святогорского сумел так на лавку насобирать этого добра по лесу.

Тот попробовал уговорить Глашу забрать в дом барчука, да только тот снова разревелся в голос.

— Иди-ка ты покатай его покамест в тележке вокруг флигеля, — распорядилась тогда Глаша. — Мне еще к ужину пирогов надо налепить. А то деду твоему скажу, что ты табак нюхал вместе со Степкой дворничьим за поленницей давеча днем. Выгуляй барчука, пока не в сон того клонить не станет. Мне с ним тогда полегче будет...

Но Дениска не стал унывать — посадил мальчика на закорки и понес к лесу. Там, как и обещал один из сельских парнишек, на кромке лесной барчука доверили одной из знакомых девчушек, уже караулившей двух младенцев, спящих в сене на телеге, пока родители и старшие братья отрабатывали барщину, выйдя с остальными на сев яровых. Тем паче, как рассказал потом Дениска, барчук утомился от поездки на закорках, задремал, прислонившись к спине мальчика. Не тащить же его в лес с собой! А так — под присмотром и на удобном ложе из сена... Вот только вспомнил о барчуке Дениска, только когда вернулся к флигелю из леса, спасаясь от наступающей грозы. Когда Глаша и Пантелеевна, белея на глазах лицами, спросили не о том, где его носила нелегкая до сих пор, как намеревались, а только одно — где барчук. Вот тогда-то Денис и понял, что будет сегодня нещадно бит дедом, ведь лица девочки, которой отдал он барчука в телегу, он даже не запомнил...

Анна недовольно взглянула на Софи, когда та вдруг задержала ее за руку, не давая выйти из комнаты.

— Анна Михайловна, вас проводят иным путем, — тихо проговорила она, а потом кивнула лакею, который поспешил в сторону оранжереи. Через маленькую дверцу той можно было выйти из дома в сторону сада, оставаясь незамеченными теми, кто мог ненароком выйти в переднюю или выглянуть в окно из комнаты одного из салонов первого этажа. Только сейчас, когда тревога и волнения постепенно улеглись, Анна вдруг поняла, какую оплошность совершила своим неожиданным визитом.

— Благодарю вас, — она быстро взяла руку Софи и пожалала ту, а потом выскользнула за двери комнаты, спеша за лакеем, который освещал ей путь через неосвященные покои дома в темную оранжерею. Там она не смогла удержаться, чтобы на бегу не коснуться мягких лепестков цветов, подмечая, что Андрей воссоздал разбитый французами и поляками растительный рай в том виде, в котором Анна его помнила. А уже от оранжереи почти бежала по дорожке, даже не стараясь перепрыгивать через лужи, не обращая внимания на сразу же промокшую обувь. Так быстро стремилась дойти до флигеля, что сопровождающий ее лакей с трудом поспевал за ней и даже едва не наткнулся на нее, когда она резко встала,

завернув за угол флигеля.

К подъезду медленно приближался всадник, как-то странно склонившись чуть вперед, и Анна сразу поняла, что этот всадник и везет ее драгоценную пропажу. И верно, на руках у Андрея полулежал Сашенька, надежно спрятанный от редких капель дождя полою редингота. Большая мужская ладонь придерживала маленькую головку в ситцевом чепчике с оборкой кружева, Андрей казался великаном по сравнению с младенцем, так доверчиво прильнувшим к нему.

— C'est votre perdu ^[609], - тихо проговорил Андрей, когда остановил коня возле безмолвно застывшей Анны. — В Святогорское уехала. Оттуда были крестьяне, что барщину отработывали...

Бедные люди и сами были перепуганы не меньше Анны, когда обнаружили, что увезли с собой чужого ребенка да еще в господском платье. Они встретились Андрею на дороге — хотели отвезти младенца к местному батюшке, чтобы тот решил судьбу найденныша. А могли ведь и бросить на обочине дороги, опасаясь обвинения в воровстве господского ребенка. Нет дитя, нет следов никаких, нет обвинений...

Мальчик родился в рубашке, подумал тогда Андрей, отпуская перепуганного мужика, одарив того парой рублей за то, что в целости дитя сохранил за это время. Но этого он Анне, разумеется, не сказал, не желая добавлять пустых тревог в ее душу. Передал по ее знаку мальчика в ее протянутые руки, стараясь ненароком не потревожить того. Но Сашенька все равно проснулся, хотя и не целиком выскользнул из объятий дремы. Положил на плечо Анны толстенькие ручки, что виднелись в широких рукавах его платья, уткнулся носиком в ее тонкую шею чуть выше ворота платья. А она повернула лицо и несколько раз горячо поцеловала того в лоб, в носик, в щечки и даже в ситец чепчика.

И от этой картины у Андрея вдруг сдавило горло, стало трудно дышать. Словно почувствовав его внезапное замешательство, дернулся, громко фыркая, конь, вынуждая Анну снова поднять взгляд на всадника. Как же ей хотелось, чтобы Андрей не сидел верхом, а стоял подле нее сейчас! Тогда Анна шагнула бы к нему, как смело сделала этим вечером в усадебном доме, прижалась к нему всем телом, вынуждая его обхватить ее стан руками. И уткнулась бы носом в ямочку на шее, прямо под горлом, как сделал это сейчас Сашенька...

— Вы едины, — произнес вдруг Андрей медленно, и Анна пожалела, что вокруг темнота, и она не может видеть его лица в этот момент. — Так и должно быть... так и должно!

Он замолчал, будто делая паузу, но в этот момент резко распахнулась дверь флигеля, разлился кругом свет от лампы, что вынес на крыльцо Иван Фомич. Заголосила громко Глаша и тут же смокла, когда на нее цыкнула мадам Элиза, после сбежавшая по ступеням прямо в домашних туфлях, чтобы подхватить из рук Анны Сашеньку, потревоженного этой суматохой.

— Oh, monsieur Olenin, vous êtes notre sauveur! C'est la stricte vérité! — говорила она спешно и явно волнуясь, с трудом сдерживая слезы. — Je vous remercie! Oh, monsieur Olenin, vous êtes notre sauveur! ^[610]

— Il n'y a pas de quoi ^[611], - ответил ей Андрей, придерживая поводья заволновавшейся от шума и суеты коня. — Где искать Иван Фомич ваш подсказал. Ему и благодарность. Вы и без моей помощи сумели бы найти вашу пропажу, мадам. Я лишь ускорил его возвращение, — и потом уже Анне, тише и мягче. — Вам будет лучше уйти в дом, Анна Михайловна. Дождь все накрапывает, и вы вся вымокли...

Она хотела так много ему сказать сейчас. Действительно хотела. Но мысли спутались, и слова так и не сошли с языка. Оттого просто стояла и смотрела на него снизу вверх, пытаясь разглядеть лицо на фоне вечернего неба и темной зелени деревьев. А потом подбежала Глаша к ней и накинула на плечи и голову широкий платок, укрывая ее от пронизывающих капель морозящего уже дождя, что-то приговаривая под нос о слабом горле барышни и обманчивом вечере мая.

— Ступайте в дом, — снова повторил Андрей снова, слыша все возрастающий плач ребенка, доносящийся через открытую дверь дома. — Вы нужны ему... *comme personne* [612]... Только вы!

Еще недавно по весне Анна так радовалась, что привычная уже хворь не коснулась ее за прошедшую зиму даже мимолетно, как судьба показала ей, насколько преждевременна та радость была. Анна изрядно продрогла на ветру в тот день в тонком бархатном пальто, промокшем почти насквозь, и даже прогревание ног кирпичами, которое затеяла в ту же ночь Пантелеевна, не спасло положения. Утром Анна почувствовала слабость и обнаружила, что ужасно больно плотать и говорить, к полудню же поднялся жар, а голос сменился страшными хрипами и сипением.

— Ах, Богородица-заступница! — суежилась нянечка вокруг своей питомицы, совсем забыв о больной спине. Маленький барчук был перепоручен мадам Элизе, которая совсем не спускала его с рук с прошлой ночи, даже спать уложила рядом с собой. — Мало ли нам бедок послано, так еще одна в ворота постучалась!

Снова послали за доктором Мантелем, ушедшим из флигеля после осмотра младенца только за полночь. Благо он остался ночевать в Милорадово и пришел тут же, как его позвали. Вместе с ним пришел и Андрей. Анна расслышала его голос у флигеля, а потом напряженно прислушивалась к его тихим шагам прямо под распахнутым в майское утро окном, совсем не слушала вопросов доктора. И огорчилась, когда господин Мантель распорядился закрыть плотно створки окна.

— Я так и полагал, gnädiges Fräulein^[613], что с вашим слабым горлом вы поступили совсем безрассудно давеча. Die Unbesonnenheit, meine gnädiges Fräulein!^[614] Вот что это есть — die Unbesonnenheit! У вас такой дивный голос. Неужто вы нас накажете его потерей? Неужто мы более не услышим дивного пения вашего? Я ведь до сих пор помню, как отменно вы пели ту арию на том бале. А ваш голос! Гораздо лучше голоса ведущей актрисы вашего театра, смею заметить вам! Wie is doch gleich...? ^[615]«О, возврати его любовь...!». Помнится, ваш отец тогда был так горд вами...

И Анна не могла не вспомнить тот бал в канун нового 1812 года, когда она исполнила арию, либретто которой перевел с итальянского языка Павел Родионович. Это был своего рода подарок от Анны Михаилу Львовичу, который так и светился от гордости за свою дочь. Она словно увидела его в это мгновение перед глазами. Такой счастливый... И Петр, стоявший чуть поодаль от ровных рядов кресел, занятых гостями того Новогоднего бала. Золото волос и эплет в многочисленных всполохах огоньков свеч, широкий размах плеч. И та же самая гордость за сестру, за ее красоту и статью, за ее голос.

А Андрея тогда не было на том балу. Анна точно помнила это, ведь она ждала его присутствия, страшась даже самой себе признаться в этом желании. Ей так хотелось, чтобы он тоже смотрел на нее, стоящую возле музыкантов, завораживающую слушателей своим голосом, своими плавными жестами ладоней, которые она порой вскидывала, будто умоляла Господа о чем-то.

Она словно напорочила себе в тот канун будущие дни. Пришли и слезы, и страдания, о которых пела в арии, потеряла свою любовь. Тот год принес ей только горе, пронесшись огненным вихрем не только через земли империи до Москвы, но и через ее жизнь...

— Я вас огорчил? — ласково коснулся ее плеча доктор Мантель, заметив, как погрустнели ее глаза. — Не желал того, прошу покорнейше простить... Что же до вашей хвори, то тут мои рекомендации будут таковы... Вы слушаете ли меня, gnädiges Fräulein? Аам

надобно все неукоснительно соблюсти, дабы остаться при вашем чудном голосе и впредь. И не только для пения! Да и потом — вряд ли меня отпустят из Милорадово, покамест вы не выправитесь... Так что я весьма заинтересован в вашем полнейшем выздоровлении!

Доктор был категоричен. Постельный режим, даже когда спадет жар, которым нынче горело ее тело. Полоскания, обильное и теплое питье («Не горячее! Теплое, gnädiges Fräulein!»). Никаких визитов и, по возможности, никаких контактов с ребенком. И горькое лекарство в каплях, которое он вручил Пантелеевне, пытающейся запомнить все, что говорил господин Мантель Анне.

А тем временем, в усадьбе принялись за подготовку к майским забавам, как рассказала Глаша своей барышне, получив эти вести от своего дружка, одного из лакеев дома.

— Говорят, будет бал через пару седмиц! — возбужденно шептала Глаша, невольно подражая тому шепоту, которым изредка во время своей болезни могла говорить Анна. — Уже составили списки гостей, а секретарь барина Андрея Павловича да компаньонка мадам его матери приглашения пишут. В доме говорили, что список тот трижды от сына к матери возвращался. Видать, и в том, кого видеть хотят на том бале у господ-то несогласие! А еще говорят...

Но Анна всякий раз делала предупреждающий знак своей горничной, прерывая ее. Слушать чужие толки не хотелось. Особенно ныне, когда так огорчалась невольно предстоящим гуляниям и собственной невозможности на тех присутствовать. Нет, решительно это было невозможно в ее положении! И страдала, вспоминая прежние гуляния майские: катания в колясках и обеды на травах зеленых лугов, подвижную лапту и тихий звон колокольчика при игре в жмурки, прохладную воду под ладонью, когда катались в лодках по Гжати или на пруду усадебном. А еще ее сердце всякий раз сжималось, когда она думала о многочисленных девицах, в самом разнообразном разноцветье летних нарядов и их прелести, которая по весне так кружила головы мужчинам.

Ее сердце разобьется, когда Андрей выберет себе нареченную. Сомнений в том не было. Анна просто не сможет тогда даже лица сохранить при этом известии, настолько слабой она вдруг чувствовала себя ныне. И дело было не только в хвори, так нежданно свалившейся на нее. Она стала вдруг такой слабой, потому что он был рядом. Разве прежде, еще год назад, когда сама принимала решения в доме и вела домашних твердой рукой, могла ли настолько растеряться при известии о пропаже Сашеньки, что не послала слуг на поиски, даже не расспросила Дениску, а тут же бросилась бегом через парк к усадебному дому?

А как замирало сердце в предвкушении того утреннего часа, когда Андрей проходит мимо флигеля с собаками в лес? Удивительно, Анна знала точно, когда он ступит на дорожку, и уже подходила к окну, чтобы взглянуть на него. И чувствовала странное чувство минутного наслаждения. Да-да, именно наслаждения. Она смотрела на его лицо, каждая черта которого ей была так знакома, на его фигуру, на руки, обтянутые кожей перчаток, на горделивую поступь по гравийной дорожке, ощущая некое томление в груди и наслаждение от того взгляда, которым Андрей окидывал флигель. И желание, чтобы этот момент длился как можно дольше, чтобы Андрей не так быстро скрывался из вида за раскидистыми ветвями сирени, которая росла вдоль дорожек у флигеля.

Как же жесток все-таки доктор Мантель, запретивший принимать визиты! Сущей мукой для Анны было видеть Андрея издали, слушать его голос порой за окном, когда он подходил на обратном пути поздороваться с мадам Элизой, прогуливающей внука, или чтобы справиться у слуг о здравии барышни. Только оставалось гладить пальцами карточку,

которую прислали вместе с корзиной фруктов в первое утро болезни Анны из усадебного дома, и на которой знакомым до боли почерком было выведено чернилами без подписи: «Dans l'espoir de votre guérison» [616]. И пусть в подписи стояло вовсе не его имя ради соблюдения приличий...

А еще украдкой наблюдать за его прогулками из-за занавеси. Именно тогда, в третье утро ее хвори, Анна заметила тот странный поступок. Мадам Элиза сидела в кресле около дома под тенью цветущей сирени, а маленький Сашенька возился с деревянными солдатиками у ее ног, ползая по расстеленному на траве покрывалу. Андрей подошел к ним, возвращаясь из леса, видимо, справиться о чем-то, и, расслышав его голос, проникший в душную спальню через тонкую щель приоткрытых створок, Анна быстро отбросила роман в сторону и подбежала к окну. Сперва она даже не обращала внимание ни на что, кроме лица Андрея, наблюдая за ним пристально. А потом...

Потом мадам позвали из окна приспешной. Глаша что-то спрашивала, прося совета, и мадам Элизе пришлось, извинившись, повернуться на голос девушки. Андрей недолго стоял без внимания к своей персоне — к нему вдруг придвинулся Сашенька, привлеченный блеском солнечного луча на серебре рукояти трости. Анна даже дыхание затаила, когда мальчик вдруг ухватился за край сюртука мужчины и, натянув на себя ткань в качестве опоры, поднялся на ноги, пытаясь дотянуться пальчиками до резной головы льва. И не удержался, вдруг бухнулся назад, усаживаясь комично на покрывало. Но прежде чем округу огласил недовольный вопль, которого Анна ждала сейчас, и который непременно заставит мужчину уйти прочь, Андрей вдруг протянул ладонь ребенку, с усилием склоняясь к нему, помог ему встать на ноги и ухватиться наконец ладошкой за вожденную рукоять. Другая ладошка по-прежнему лежала в широкой ладони Андрея, опираясь на нее, и Анне хорошо было видно, как неожиданно шевельнулся большой палец мужчины, проводя по маленьким пальчикам, как смягчились черты его лица, как исчезла хмурая складка со лба.

«— ... Вы никогда не сможете принять Сашеньку, как я того хочу, верно?»

— Я не буду лгать вам и говорить, что я готов стать этому дитя отцом. Я просто не сумею... но быть может, со временем... однажды... Дайте лишь возможность, лишь надежду...»

Она сама отказала себе в собственном возможном счастье, отвергнув тогда Андрея. «Никогда», повторила в который раз в ответ на его признания, на слова, идущие от самого сердца. Он не лгал ей, не юлил, не соблазнял невыполнимыми обещаниями, а честно и прямо открыл свои мысли. Но разве Анна когда-нибудь удовлетворялась малым...?

— Un tiens vaut mieux que deux tu l'auras [617], - любил частенько повторять Михаил Львович французскую поговорку. — А там глядишь, и вторая прилетит, глядя на бесстрашие своего собрата.

Но и Петр, и Анна никогда не имели долготерпения своего отца. Им надо было получить то, что они желали любой ценой и сразу, без малейшего промедления. Или они не были достойны того, чтобы получить желаемое, думали они прежде. Теперь же Анна видела, что не всегда отец был неправ, что молодость всегда смеется над опытностью старости, а потом признает ее правоту.

Ах, папенька, думала она с тоской после, лежа в постели и глядя в потолок, по которому медленно двигались тени солнечного дня. Ныне вы знаете все о моем обмане. Ныне понимаете, как правы были, когда корили за ложь о положении семьи и смерти брата. Я так и не сумела признаться вам, что более не связана никакими узами с Олениным, которому вы

продали родовые земли, что Милорадово не будет принадлежать крови графа Туманина. Я столько сотворила поступков, поспешных и таких ошибочных, что мне никогда не вымолить за некоторые из них прощения. Слишком поздно. Но я исправлю их. Я должна... Я так хочу! О, только бы небеса были благосклонны ко мне, как ранее. Только бы возможность для того! Всего одну!

Спустя два дня Анне уже стало казаться, что Провидение идет ей наперекор, когда Иван Фомич передал ровный прямоугольник карточки.

— Господин Оленин Андрей Павлович заехал с визитом перед отбытием в Москву. Спрашивают, неудобно ли барышне письмо передать к мадам Крапицкой. Они подождут в коляске у крыльца...

Если бы к Анне на тот момент вернулся голос, она бы определенно вскрикнула от неожиданности этих слов и от того ощущения горечи и тоски, что вмиг охватили ее. Он уезжал! Но она только ухватила за рукав потертого сюртука Ивана Фомича и показала знаками, что пусть попросят Оленина пройти в гостиную, что она примет его, несмотря на болезнь. И несмотря на укоризненный взгляд мадам Элизы, брошенный через комнату в ее сторону.

— Ты не можешь его принять, *ma chere*, — тихо, но твердо сказала мадам Элиза. — Только не ныне, когда снова на устах толки о том происшествии. И сама понимаешь — *hors de la décence* [\[618\]](#)... И твой визит давешний по темноте в дом Олениных! Одной! Будь разумна!

И Анна смирилась. Вышла вон из гостиной, поднялась по ступеням к комнатам второго этажа, хотя самой до дрожи в руках хотелось остаться внизу и увидеть Андрея ближе, чем доводилось до того. Стукнули сапоги в передней о деревянный пол. Иван Фомич, кланяясь, пропустил перед собой Андрея, и Анна быстро шагнула к балюстраде перил. Ей казалось, что сердце, которое вдруг так забилося при звуке тяжелых шагов в передней, вот-вот выпрыгнет из ставшего вдруг таким тесным корсажа простенького домашнего платья и поскочет навстречу ему вниз по ступеням.

Так уже было, вдруг вспомнилось ей. Так уже было когда-то, тем летом, когда он приехал просить ее руки у Михаила Львовича. Она точно так же наблюдала за ним из-за балюстрады перил, впитывая взглядом каждую черту лица, блеск светлых волос, разворот плеч. Правда, тогда он был не партикулярном платье, в мундире. Но и тогда Анна ждала его прихода с тем же нетерпением и точно так же сжимала пальцы в желании коснуться его...

— Я еду в Москву и далее, в имение у края Тверской губернии, — сообщил Андрей после обмена приветствиями и расспросов о здравии хворавшей. До Анны, так и оставшейся на лестнице, пусть и тихо, но долетал звук его голоса. — Ежели будет угодно, я мог бы выступить в роли посланца и передать письмо. Лично в руки, если в Москве мадам Крапицкая, или через людей, вместе с приглашением, если в имении.

Приглашение? Анна подняла голову удивленно, и Андрей продолжил, словно отвечая на ее невысказанный вопрос:

— В Милорадово будет дан бал по случаю начала летнего сезона. А до того, *parties de plaisir, soirée* [\[619\]](#), действо домашнего театра. Как было ранее, при господине Шепелеве. Быть может, охота на красного зверя. Говорят, после войны много волков в лесах развелось. Я слышал Анна Михайловна любит гон. Мне помнится, Петр Михайлович говорил, что заячью...

И Анна в который раз удивилась, насколько он успел узнать о ней. Удивительно для

того короткого срока, что они успели провести в качестве жениха и невесты! И вдруг невольно подумала, узнала ли она сама об Андрее столько, если бы Марья Алексеевна по воле судьбы не делила с ней вечера, когда они были заперты войной в Милорадово. Ее всегда интересовала только собственная персона и собственные интересы. Разве задумывалась она ранее о том, чем живут ее поклонники, что им по вкусу? Разве интересовалась она их желаниями и настроением? Никогда! Анна была убеждена, что только ее желания первичны, только ее решения должны быть приняты как должное. За что и поплатилась и в итоге. Она даже покраснела, вспоминая свою ярость, с которой так отстаивала последнее слово за собой в тот злополучный день, когда она бросила кольцо Андрею в спину.

— *Bien sûr*, Анна Михайловна приглашена *accompagné* мадам Крапицкой [\[620\]](#), - проговорила, то ли спрашивая, то ли утверждая строго мадам Элиза.

— *Bien sûr*, — погласился с ней Андрей, и помимо воли сердце Анны даже забилося чаще. Бал! В Милорадово будет бал, и она сможет пойти на это торжество!

Мадам и Андрей далее затеяли легкую беседу меж собой, но Анна уже почти не слушала слова, которыми они обменивались. Разговор был о ненастье, что пронеслось над Смоленщиной недавно и ушло далее, к московским землям, чтобы превратить в болота и распутицу поля яровых, расположенные в низинах. Во-первых, ей это было не совсем интересно, во-вторых, она получила подтверждение, что отъезд Андрея носит исключительно деловой характер. И в третьих, ей давно было уже пора написать послание к тетушке, которого и ждали от нее в гостиной. Но тихие слова, которые донеслись до уха Анны, когда она уже поднималась на ноги, заставили ее на миг замереть.

— *Vous êtes bon maître* [\[621\]](#), - похвалила мадам Элиза своего собеседника, слушая его намерения спасти яровые любой ценой. В этом стремлении она вдруг распознала знакомые ей нотки господина Шепелева. Все достойно внимания хозяина. Даже крестьянские наделы, которыми являлись поля, залитые вышедшей из берегов речкой.

— Не думаю, что достоин вашей похвалы, мадам. Роль хозяина еще нова для меня, в особенности владельца стольких земель, какое число отошло по воле моей тетушки, — заметил Андрей. — И потом... Разве не велено нам Господом заботиться о тех, кому достался меньший удел? О тех, кто нуждается в нашей помощи и защите? Меня так воспитали. Чувство долга перед всеми, кто зависит от меня, перед теми, кто во мне нуждается...

Эти слова вдруг потащили за собой из глубины памяти Анны совсем иные, но такие похожие смыслом. «...И буду подле вас всегда. Потому что чувство вины не дает мне покоя ни на минуту в этих стенах, на этих землях. Я обманул вашего отца... У меня долг пред ним, пред его памятью за то...».

Анна опускала перо в темное нутро чернильницы и снова доставала его, чтобы приступить к письму, но так и не сумела написать ни строки. Только испортила бумагу, заляпав ее чернильными кляксами. И только, когда в дверь стукнула Глаша, посланная спросить у барышни о письме, сумела вывести несколько строк.

— Сама отнесу, — прохрипела, категорично отведя протянутую за посланием руку горничной, Анна и вышла из комнаты, уже заслышав голоса не в гостиной, а в передней — Андрей намеревался покинуть флигель и уже принимал из рук Ивана Фомича шляпу и трость, его вечную спутницу. Он поднял взгляд вверх на лестницу, едва расслышал тихий шелест платья, и Анна сбилась даже с шага, вдруг заметив мимолетное знакомое выражение нежности и тепла. Впрочем, быть может, ей показалось? Ведь когда он принимал из ее рук

наспех написанное послание, его лицо было по обыкновению отстраненно-спокойным.

— Je suis heureux de vous voir ^[622], - произнес Андрей и легко пожал руку Анны, протянутую для приветствия. — Мне жаль, что то ненастье все же принесло вам нездоровье. Смею надеяться, что вы выправитесь от него в скорейшие сроки и подарите нам радость видеть вас на предстоящих «маевках».

«Я тоже рада видеть вас!», сияли глаза Анны, и она улыбнулась в ответ на легкую улыбку, тронувшую уголки его губ при виде этого сияния. «Даже если вы прибыли в этот дом с визитом вежливости... даже этой крупнице, которую мне дарит Провидение».

— Софья Павловна велела кланяться вам и осведомиться о вашем здравии, Анна Михайловна, — продолжил Андрей, не отводя взгляда от лица Анны. — Я уже говорил мадам Элизе, она бы желала навестить вас, если вы позволите...

Позволила ли бы она? Конечно же! Неужели можно было ответить на эту просьбу отказом?

— В таком случае, она навестит вас при первой же возможности, — заключил Андрей, прочитав в ее глазах согласие на высказанную просьбу. — А на этом позвольте откланяться...

Ах, как жаль, что она не сможет увидеть его лица, когда Андрей развернет бумагу, по которой она еще раз легонько постучала пальцем на прощание! Как жаль, что не увидит выражение его глаз, когда он прочтет строки, которые на свою смелость она вывела на бумаге! «Bon voyage, monsieur! Dieu vous garde...» ^[623]. Слова, которые так хотелось сказать ему на прощание. Жаль, что она не увидит его лица, когда он будет читать их. Ведь тогда Анна поняла бы, есть ли у нее возможность исправить то, что только разрушалось с каждым днем.

Софи пришла во флигель тем же днем, спустя несколько часов после отъезда брата в Москву. Визит этот показался Анне очень странным: гостя в основном молчала, предоставляя мадам Элизе почти в одиночку вести вежливую беседу, только изредка бросала на Анну взгляды, которые не могли невольно не насторожить ту. Словно Софи что-то знала о ней и пыталась сейчас понять по ее лицу, по манере поведения насколько верна ее осведомленность. Что ж, Анне было не привыкать к оценивающим взорам, к пытливому выражению глаз. Только смущала несколько странная нервозность девушки, которую нельзя было не заметить — та то и дело сжимала ручки своего ридикюля, который был при ней. Об этом и спросила у мадам Элизы Анна, едва та покинула флигель после чайной трапезы.

— Неудивительно, что pauvrete ^[624] была так взволнована, — заметила мадам Элиза, помогая Глаше собрать фарфор на поднос. — Учитывая, каким образом ты предстала перед ней до того. Сперва — разрывая помолвку без единого слова уведомления о том. А затем давеча, когда ворвалась в дом в une crise de nerfs. Figurez-vous! ^[625] Я была плохой наставницей для тебя...

И Анна при этих словах, полных горечи и грусти, не могла не подойти к мадам Элизе и обнять ее со спины, обхватив руками крепко и прижимаясь щекой к ее тонкому плечу.

— Вы — самое лучшее, что мог бы выбрать папенька для меня, — прошептала в спину мадам Элизе. Та оставила свое прежнее занятие и положила свои ладони на тонкие руки Анны.

— Ах, ненадобно мне льстить, ma chere Annette, — с легкой грустью проговорила она в ответ на замечание своей подопечной. — Я же вижу все сама. Могу только найти себе

оправдание, что недостатки твоего воспитания случились из-за моей чрезмерной любви к тебе. Как и от любви твоего отца. Он любил Петра Михайловича и тебя à la folie [\[626\]](#).

Анна закрыла глаза и мысленно взмолилась, чтобы мадам Элиза не продолжила свою мысль. Вспоминать об отце даже спустя годы было очень тяжело. Вспоминать о своем обмане было еще тяжелее. Лгать ему в глаза, когда он спрашивал о ее венчальных планах, говорить коротко о несуществующих письмах жениха, когда отец осведомлялся, о чем пишет Оленин к ней. Пытаться удержать спокойствие на лице, когда он напоминал ей о разных делах усадебных, которые Андрей, как хозяин, не должен упустить из вида. Со страхом ждать дня возвращения русской армии из Заграничного похода, зная, что в тот день ее домик лжи рассыплется в прах. И в то же время с какой-то странной радостью. Ведь Анна не лгала отцу только в одном — когда говорила с ним об Андрее и своем ожидании, когда молилась стоя на коленях возле него о том, чтобы уберегли святые Оленина и от пули, и от удара сабельного. И в том, что ждет каждое ответное письмо Андрея даже с большим нетерпением, чем Михаил Львович.

— Как же скупо он пишет! — восклицал тот всякий раз. — Только о переходах да боях. Это-то я проведаю из «Ведомостей» скорее! Что ж он?! Верно, все слова в письмах к тебе растратил. Для старика — только вежливость скупая...

И Анна не знала, что ответить на это. Только отводила взгляд в сторону, стараясь не выдать себя с головой в своей лжи и тем самым не охладить отношения с отцом, как когда-то...

Но, хвала небесам, мадам Элиза продолжила свою речь не о Михаиле Львовиче, а о недавней визитерше:

— Полагаю, тут еще неловкость от того, как взглянет на сей визит мадам Оленина. Ни для кого не секрет ее мнение по поводу нашего соседства. А по толкам, дама она строгих правил, и суровости в ней вдоволь. Оттого и суетна была Софья Павловна нынче. Я надеюсь ты не особенно огорчишься, ma chere, если визит тот не повторится более?

Но мадам Элиза ошиблась. Софи пришла через день и навещала далее почти каждый день Анну, с каждым разом теряя свою нервозность и неловкость, становясь все более открытой и расположенной к ней. Анна была рада этим визитам. Сперва — надеясь получить невольную союзницу в той борьбе, которую планировала развернуть этим летом, в попытках вернуть сердце, которое так легко завоевала когда-то и так же легко потеряла. А потом, когда вернулся голос, и доктор Мантель наконец-то позволил говорить, уже ждала прихода Софи, как подруги, насколько бы это преждевременно ни звучало.

Анну поражало, насколько знания Софи были глубже и шире, чем у нее самой. Она не только читала и говорила свободно на немецком и итальянском языках, но была знакома с трудами многих авторов, которые Анне бы и в голову не пришло читать. Она разбиралась не только в домоводстве отменно, но и в географии, рассказывая обо всех городах и странах, где довелось побывать ее брату (как-то раз даже приказала принести с собой, видя заинтересованность Анны, большую карту Европы, некогда принадлежавшую Михаилу Львовичу и показала весь путь русской армии от Вильно до Парижа).

— Ах, как бы я хотела тоже увидеть то, что Андрей Павлович видел своими глазами! — задумчиво говорила Софи, когда пальчиком остановилась на местечке карты с названием «Dresde» [\[627\]](#). — Andre столько рассказывал! Галереи с великолепными картинами и статуями! Узкие европейские улочки и широкие площади с монументами! Удивительно! Вдохнуть того же воздуха, что и Гете, Шиллер, Расин, Корнель...

А Анна только смотрела на карту и удивлялась, как далеко продвинулась от границ русская армия, тому, сколько сражений той довелось принять прежде, чем дойти до границы столицы Франции.

И в рукоделии Софи превзошла Анну, пришлось признать той, когда они однажды договорились занять себя не только беседой, но и работой. Собственная вышивка показалась Анне такой неаккуратной, такой несовершенной, по сравнению с работой Софи. Дивные цветы, волшебные птицы с широкими крылами разноцветных перьев... Чудо, а не работа!

— Полноте, — смутилась Софи в ответ на комплименты Анны. — Это не моих рук творение. Сама бы я не создала такой работы. Это мне Andre привез из Франции картинки. И нити. Они же тоже важны. У меня изумительные шелковые нити! Таких тут не достать, как закрылись многие колониальные лавки. А желаете, я вам принесу их следующего дня? — вдруг встрепенулась Софи, а потом широко улыбнулась своей мысли. — Я вам принесу, не спорьте даже! Мне Andre столько их привез из Франции, что и не счесть! Он так добр ко мне... не каждый брат подумает, что сестре необходимы все эти мелочи, которые он прикупил для меня. И маменьке много привез. А какие кружева! Какое шитье!

Софи что-то еще говорила взбудоражено, но Анна уже не слушала ее, пытаясь удержать на губах улыбку. Слова Софи с его страшным смыслом так больно ударили в еще незажившее, в не затянувшееся шрамом больное место, что даже дыхание перехватило. Верно, не каждый брат способен знать, что необходимо для простого женского счастья, что надобно привезти из Европы тоскующим по прежнему изобилию модницам. А вот женщина знает то доподлинно и может подсказать. Готова поспорить на что угодно, думала Анна, разбирая на следующий день принесенные в дар для нее мотки с нитками, что эти самые нити тоже выбирала она, Мари! Оттого и переменялось ее настроение в те минуты, ушла былая легкость, с которой они беседовали прежде с Софи. А объяснить разве можно было своей собеседнице, отчего так стала неразговорчива вдруг и отчего так не рада подаркам?

А потом и вовсе помрачнела, когда Софи заговорила о прогулке, которую намечали через два дня. Планировалось, что выедут поутру, когда еще не так будет припекать солнце, на колясках и верхом и двигаться будут медленным шагом до дальнего луга на границе Святогорского и имения Голицыных. Там и будет сервирован поздний завтрак, а после и легкий обед. Там и пробудут до того момента, как пойдет солнце к краю земли, проводя время кто за играми подвижными и забавами, кто за беседами неспешными, а кто и в легкой дреме под тенью тентов или деревьев.

Ранее Анна бы только воодушевилась при упоминании о предстоящем развлечении, но не ныне, когда ее присутствие на этой прогулке зависело от решения тетушки. Веру Александровну и Катиш ждали в Милорадово со дня на день, как рассказала Софи. *Bien sûr*, они будут жить в усадебном доме, как гости Олениных. Быть может, из-за этого невольного раздельного проживания Анна чувствовала себя ныне совсем лишней на предстоящих гуляниях? Быть может, потому вдруг пропало желание вообще принимать в них участие?

— Нет ли у вас вестей об Андрее Павловиче? Успеет ли он воротиться до первого выезда? — не могла не спросить Анна, надеясь наконец-то услышать о возвращении Андрея. Он отсутствовал более седмицы, и иногда ей казалось, что даже не дни миновали со дня их прощания в передней, а целые месяцы.

— Мы получили от него письмо прошлого дня из Москвы, — ответила Софи, снова отчего-то замыкаясь тут же, становясь холодно-отстраненной. — Андрей Павлович уже покончил с делами усадьбы подмосковной, полагает воротиться через пару дней, коли

Господь тому поспособствует. Я думаю, прибудет тотчас после последнего гостя приезжего.

Разговор после совсем не шел так же плавно и легко, как бывало меж ними ранее. Вскоре Софи поспешила распрощаться с Анной, словно почувствовав ее дурное настроение, что еще только пуще раздосадовало Анну. Это ж надобно — разве воспитанная барышня будет показывать свой нор и свою хмурость другим? И разве воспитанная барышня будет слушать толки, которые передаст ей горничная, успевшая многое разведать за эти дни у своего возлюбленного, что в доме усадебном служил? Отчего Анна тогда не подала знака Глаше замолчать, как делала это обычно? Отчего молчала только и слушала слова, снова разбудившие в ней то худое, что она так старательно гнала от себя?

— Разведала я, барышня, чего это барин так неожиданно в Москву уехал. И отчего мадам маменька его не довольна тем отъездом. Нет, она, верно, во все дни недовольная и снурая ходит. Такова уж она! Но тут..., - и Глаша склонилась пониже к Анне, волосы которой расчесывала перед сном. — Он письмецо получил. От невестки своей, говорят. Что-то там неладно у ней. Недаром говорят люди — невестки мутливы, а свекрухи ворчливы. Видно так и есть и тут! Мадам маменька барина долго еще по щекам била да уши выкручивала дворовым после отъезда барина. Все от злости своей. Ох, и немерено в ней злости-то! Вы бы, барышня, поостерегитесь взгляда ее. Люди божатся, что у ней глаз недобрый... не такова она, как ее сиятельство, упокой Господь душу покойницы в своих чертогах!

Анна будто в забытии тоже перекрестилась вслед за горничной, совсем не осознавая, что делает. И даже не помнила, как доплела ей косу Глаша, как легла сама в постель, как свечи задули, впуская в комнату вечернюю темноту. В голове крутились разные мысли и обрывки воспоминаний, чужие слова, наполняя душу какой-то странной тревогой и тоской, терзая сомнениями.

Значит, уехал по письму вдовы брата. Вестимо, потому Софи показалась ей столь беспокойной и встревоженной в первые дни, когда они знакомство свое продолжили. Оттого она так приглядывалась к Анне, должно быть — проверяла, знает ли та об истинных причинах отъезда брата. А ведь та история была столь значительной, что о ней даже говорить отказывалась Марья Афанасьевна. Что там ныне? Вдруг былое чувство могло воскреснуть, словно птица Феникс из пепла? Недаром же поехал по первому зову, несмотря на недовольство матери.

А потом взгляд упал на корзину с рукоделием, стоявшую темной фигурой на столике у зеркала, вспомнила о нитях. И далее — о покупках в Париже и о той, кто помог совершить их в местных лавках. Захлестнуло душу тоской и болью более сильной, чем прежде при мысли о мадам Олениной младшей. До сих пор представлять то, что было меж Мари и Андреем было, тягостно, вызывало в ней злость и отчаянье. Почему Павлишин не отдал письма? Отчего не попытался хотя бы?

Нет, вдруг сказала себе Анна мысленно. Нет, не вина бедного господина Павлишина в ее горестях, в ее боли нынешней. Только сама она виновна в том. Более некого осуждать. А потому — забыть бы. Забыть, как страшный сон! Словно и не было ничего. Никакой Мари. Никакой мадам Олениной, красавицы, по которой, по толкам, многие в Петербурге сходили с ума и теряли сердца. Все это в прошлом, так пусть и останется там. Чтобы могло сложиться будущее...

Анна сама не поняла, отчего вдруг проснулась. В доме было тихо — ни скрипа, ни шороха ночного, ни тихого плача младенца, мирно посапывающего в колыбели в комнате няни. Даже ветви не шелохнутся за распахнутым в сад окном. И только силуэт в отражении

зеркала, заставивший Анну замереть испуганно на месте, борясь с криком, застрывшим в горле. Темный фрак или сюртук, белизна шейного галстука и сорочки в вырезе жилета. Скрытое в темноте лицо.

Бежать! Надо бежать, мелькнула мысль в голове Анны. Прочь от этого страшного мужчины, который видимо, так и не ушел из флигеля после того гадания. Она едва не запуталась в простынях, когда скатилась с постели, боясь отвести взгляд от проема двери в отражении зеркала. Ей казалось, если она это сделает, то мужчина шагнет к ней, схватит ее и никогда больше не отпустит. Суженый пришел за ней... он уже здесь...

Анна отвела взгляд от зеркала, только когда рванула со всех сил к открытому окну, путаясь в длинном подоле ночной сорочки. Если не сможет прыгнуть, то крикнет, зовя на помощь. Где-то в парке ходили ночные сторожа с колотушками в руках — они непременно услышат ее. Или в доме пробудятся от ночного сна. Ухватилась за подоконник так, что костяшки пальцев побелели, высунулась из окна... и увидела его.

Андрей стоял под кустами сирени в шагах пятнадцати от дома и смотрел в ее окно. И она простерла к нему руки, умоляя спасти ее, укрыть в своих объятиях от того страшного силуэта, что чувствовала каждым нервом за своей спиной. И он, повинуясь ее немой просьбе, в миг пересек расстояние до флигеля, а потом удивительным образом, будто кошка, вскарабкался вверх по практически отвесной стене и залез в окно, подтянувшись на руках.

— Анни...

От его шепота даже мурашки побежали вдоль позвоночника, а сама она качнулась навстречу, более всего на свете желая оказаться в его руках. И едва не вскрикнула от благодати, что разлилась в душе, когда он обнял ее и крепко прижал к себе.

— Что ты? Что ты, милая? — прошептал он ей в ухо, горячим дыханием вздымая легкие прядки у ее виска. — Что ты, милая? Это же я... Анни, это я...

А потом он обхватил ее лицо ладонями и коснулся ее губ таким обжигающим поцелуем, что все страхи Анны вмиг обратились в пепел от его страсти. Она вцепилась в тонкое полотно рубахи, а потом пробежавшись пальцами по его спине, запустила ладонь в его волосы, как мечтала сделать уже давно. От запаха его кожи, от глубины его поцелуя голова шла кругом. Она прижималась к нему так близко, как могла, будто боялась выпустить из своих рук и снова потерять.

Вздрогнула от холода ночи, коснувшегося разгоряченной кожи, когда сорочка обнажила ту, открывая взгляду, рукам и губам все самое сокровенное. Но тут же забыла об этом холоде, подчиняясь желанию, струившемуся по венам в тот миг. Она ждала этого годы. Она мечтала об этом долгими бессонными ночами. Для нее не существовало более ни быстротечности ночи, ни редких криков ночных птиц за окном, ни страха видения, ни мыслей о прошлом, будущем и настоящем.

Только он под ее руками. Только тепло и запах его кожи, мягкость волос, твердость мускулов. Только этот напор страсти, которому она отдавалась, теряясь и тут же находя себя в его руках и под его губами. И не было большего счастья для нее, чем быть рядом с ним, касаться его, слушать его тихий шепот, словно шелест ветра...

Анна проснулась на рассвете под громкий щебет воробьев, расшалившихся под окном. Сорочка и простыни были неприятно влажными от пота, а все тело ныло от томления, которое пульсировало в ней. Она перевернулась на живот, пряча лицо в подушках на миг, а потом взглянула на распахнутое окно, через которое солнце щедро лило в это утро свои лучи. Улыбнулась довольно, словно наконец-то поймала то неуловимое, что не давалось в

руки до сих пор.

— Soit! ^[628]— а потом рассмеялась довольно, снова пряча светящееся радостью лицо в подушку, слушая, как медленно просыпается дом: расставляет для завтрака стулья в гостиной Иван Фомич, тихо стучат поленья, которые набирает Дениска, разжигающий в приспешной печь.

А Глаша уже отмеряет на маленьких весах горстку шоколада, который так любит пить по утрам барышня. Пантелеевна расчесывает с прибаутками редкие волосики барчука, который грызет сухарик и водит пальчиком по узорам ткани ее юбки, сидя у нее на коленях. Недовольно хмурится мадам Элиза, поправляя чепец, почти сползший ей на глаза за ночь, откидывает одеяло, вздрагивая от утренней прохлады.

По липовой аллее четверик статных лошадей тащили за собой дормез под управлением зевающего кучера. Тихонько стучали друг о друга важи, плохо закрепленные ремнями на крыше после того, как горничная барыни что-то доставала из одного из сундуков на станции. Этот стук изрядно раздражал, особенно ныне, когда так с дороги ломило в затылке одной из пассажирок мигренью. Эта мигрень, казалось, только росла с каждой верстой, что приближала ее к неприятной миссии, которую ей предстояло совершить. Как и горечь во рту от того, что уже сделано...

Зато другая пассажирка едва ли не высунулась в окно по грудь, опустив до предела стекло, подставляя с наслаждением лицо ветерку, несшемуся навстречу карете. Только ленты на ее аккуратненькой шляпке развивались. О, как же она скучала по этим липам! И по этой аллее, и по дому, который уже виднелся вдали светлой громадой.

Как же пахло в деревне в эту пору — дивными ароматами цветов и зелени, молодой хвоей и травой! Только вне города, полного дорожной пыли и грязи проезжих улиц, можно было почувствовать его, этот дивный запах... запах лета!

Он устал. Невероятно устал. Но все же безумно хотелось переменить платье и, несмотря на усталость, выехать к лугу на окраине Святогорского. Чтобы увидеть ее. И тот самый блеск, который так грел его сердце вдали от этих земель и от нее. От Анны. И в то же время тело болело так, словно он по-прежнему отработал в полях, копая эти многочисленные каналы для отвода воды с засеянных площадок, спасая урожай. Нещадно стреляло в колене от того, что заснул в неудобном положении в карете, не устроив предварительно удобнее калеченую ногу. И вот теперь его беспечность привела к жесткой расплате...

— Солнце уже садится, — проговорил Прошка, от души желая, чтобы барин наконец-таки отдохнул. — Уже, вестимо, воротаются с прогулки-то, на краю Милорадово, не иначе. Чего толку ехать-то? Нога-то, чай, не из железа выкована. Хотя вам бы то и лучше было бы! Дохтора-то что сказывали в Немечщине? Ногу беречь. Роздых ей давать. А вы...!

И Андрей уступил перед доводами здравого смысла, понимая, что тот прав. Лучше привести себя в порядок и немного отдохнуть перед ужином, к которому уже готовились в доме, полируя ручки стульев в большой столовой.

Пока готовили ванну (жаль, не успеют протопить баню — унялась бы боль от пара вмиг), Андрей устало расположился в кресле, опустив голову на подлокотник. Отдался полностью мыслям, снова закрутившим его в вихре, который не отпускал его вот уже несколько седмиц. Странная штука — судьба. Кажется, что вот-вот ты ухватил ее в свои руки, держишь крепко, сжимая пальцы, но она отчего-то ускользает, просачивается, как вода, утекает... Так и тут. Он думал, что все уже решено. Что останется сделать только последний шаг, решающий шаг. А снова выходило совсем не так, как он предполагал. И не так, как ему виделось.

Нет, решительным образом он отказывается верить в то, что узнал. Быть того не может! Никак не может. Надо быть совсем бездушной, расчетливой, хладнокровной, чтобы вот так искать для себя пути, по которому поведет судьба в будущих днях. А ведь она вовсе не такова. Не такова!

Андрей поправил кольцо на руке. Так непривычно было спустя столько месяцев снова надеть его на палец. И в то же время перстень словно занял свое место. Теперь палец не казался таким голым, а душа не стонала, будто от нее нечто отняли. Аметист подмигнул ему в свете одного из последних лучей заходящего солнца, и Андрей невольно улыбнулся, вспоминая совсем иное кольцо. И другое лето. Разве тогда не все было совсем как ныне? Казалось, в руках держит, а на деле пальцы только обманку ухватили, как в том сне.

Он уехал из Милорадово тут же, как получил вести о разливе реки из-за ненастья в подмосковном Раздолье, так любимом Марьей Афанасьевной, что она приказала похоронить себя на погосте местного небольшого монастыря. Но не только стремление выправить худое положение, грозившее гибелью урожая зерновых, погнало его к Москве. Письмо от Надин, в котором та сообщала о предложении одного уланского полковника и спрашивала о возможности переговорить лично с Андреем, как с главой семьи, на попечении которой она была. Отец Надин к тому времени скончался. Их доходы от имения, еще до замужества Надин, заложенного в Опекунский совет, были малы. Надин, маленькая Тата и мать Надин жили за счет средств, которые ей привозил главный управитель Олениных. На эти деньги они и жили безвыездно в имении, где, как говорила Надин, она и желает завершить свое

«земное бытие».

Вести о замужестве Надин Андрея не удивили вовсе. Говоря откровенно, ничего, кроме полагающейся тому событию вежливой радости, он не почувствовал. Зато Алевтина Афанасьевна едва ли не сорвалась в крик, когда узнала о сватовстве полковника.

— Скажите своему брату, Софи, что пусть она забудет о тех средствах, что так щедро выделяются ей! Пусть этот улан отставной отныне радеет о благополучии ее! А коли хочет жить по-прежнему в мире с нашей семьей, то пусть забудет о том предложении. Таково мое слово!

— Надин вольна принимать решения о своей судьбе сама, — отрезал твердо Андрей. — И содержание она получает не как вдова Бориса, а как мать Таты. И это неизменно! Таковым и останется. Я поеду по ее просьбе к ней и выражу свое принятие любого ее решения касательно собственной будущности. *Absolu, madam maman!* [\[629\]](#)

Как же он устал от всего этого! Словно мать всякий раз своим пренебрежением к нему, взваливала очередной камень на его плечи. И ноги сами понесли его, пока закладывали карету, к флигелю. Чтобы пустить немного тепла и света в свою душу, чтобы взглянуть на дивного ангела, который только и мог подарить их своим обликом. От блеска ее глаз, от света, которым они были полны, казалось, у него выросли крылья за спиной, и груз всех тягот и тревог более не давил на плечи. Все казалось таким далеким и ненужным, когда она вот так смотрела на него, как взглянула при прощании, возвращая ему невольную надежду. Когда она так смотрела, он чувствовал себя великаном, которому по плечу любые преграды. Даже спасти поля зерновых в несколько десятков десятин земли... даже землю, вестимо, перевернуть.

И ее маленький ангелок... Андрей не мог не думать о маленьком тельце на своих руках, когда он вез мальчика от Святогорского, его доверчивость, с которой тот вдруг прильнул к нему, едва барчука передали ему в руки. Сперва он не хотел его брать. Он вообще не умел обращаться с детьми, особенно с такими маленькими — еще ненароком переломишь эти тонкие ручки, эти маленькие ножки... А еще он опасался, что ребенок будет неспокоен, оттого путь обратный будет сущим мучением.

Потому он удивился, когда мальчик сразу же приник к нему, будто к теплу потянулся. Но прежде взглянул на него снизу вверх своими глазенками голубыми, так похожими на глаза Анны, перевернувшими что-то в душе Андрея в тот же миг. Такой удивительный пристальный взгляд, будто пытающийся распознать самую сущность. Не по-детски серьезный, но в то же время такой доверчивый. Андрей всю дорогу ощущал, как бьется маленькое сердечко, будто оно стучало прямо у его уха. И с каждым ударом этого сердечка в нем что-то безвозвратно менялось...

В Москве Андрей не планировал останавливаться, а ехать сразу же дальше, поменяв лошадей в конюшнях городского дома. Но неожиданная встреча по пути к Тверской улице, на которой стоял особняк, также перешедший ему по воле тетушки, переменяла напрочь все планы.

— Стой! Стой, кому говорят?! — крикнул Андрей зазевавшемуся кучеру, и тот поспешил выполнить приказ барина. А тот между тем уже открыл дверцу кареты настезь и, почти высунувшись из нее, махнул рукой, привлекая внимание всадника на противоположной стороне улицы.

— Александр Иванович! Голубчик! Какими судьбами?

— Уж ею, коварницей, Андрей Павлович! — хохотнул кирасирский офицер,

расцеловываясь в карете с другом трижды — по обычаю и от всей души. — Давеча при переходе неудачно с коня приземлился, со стервеца. Наземь — хлоп, рука — вбок! Эскулапы говорят, кости нет вреда, только выбит сустав. Но болит нещадно, скажу тебе! Будто руку отрывают медленно. Так что я не в столицу вместе с полком, а за свой счет да в имение отеческое здравие поправлять.

— Знать, проездом в Москве? Тогда ко мне едем, — решительно заявил Андрей. — И без возражений!

— При моем-то положении, — хлопнул себя по груди Кузаков, показывая, как тощ кошель за полой мундира. — Грех отказаться от предложения радушного. Тем паче, ты у нас изрядно при средствах, mon ami.

Они проговорили весь вечер. Сначала за обильной трапезой вечерней, которую накрыли в малой столовой, а после — за курением ароматного табака, растянувшись на софе в диванной с бокалами великолепного бордоского в руках. Говорили обо всем — о былых тяготах похода и сражениях, о павших товарищах, о тех, кто остался в строю или вышел в отставку, как Оленин. О предстоящем будущем, которое ждали для империи после милосердия проявленного Александром Павловичем в отношении побежденной Франции. И даже о хлопотах деревенских, которые уже были знакомы Андрею, и с которыми только предстояло столкнуться Кузакову в будущем, когда примет бразды управления имением из рук стареющего отца.

— Тебе, mon cher, картель может прибыть из Петербурга, — задумчиво сказал Александр, передавая после долгой затяжки трубку Андрею. — Наш старый добрый малый Бурмин проведаль о том, что персона, известная нам обоим, проживает в квартире, оплачиваемой из твоего кошелька. Подозревает худое нынче, все расспрашивал у меня, что за связь у вас ныне, и есть ли она. А на хмельную голову все горячится вызвать тебя да зарубить или пристрелить.

— Он все еще в томлении том сердечном? Знать, все не так легко и мимолетно, как мы с тобой полагали в Париже, — ответил на это Андрей равнодушно.

Он действительно оплатил годовую аренду квартиры для Мари — весь второй этаж большого дома недалеко от Петровской площади ^[630], когда еще не знал, что Мари по средствам и самой это. Она твердо решила жить отдельно со своим супругом, который отбыл в родные земли еще в начале 1813 года, и теперь пыталась договориться с ним об этом. Жить пусть и в мнимой, но свободе от престарелого мужа — для Мари было единственным желанием, как она сама говорила. А Петербург, где не было тех, кто был осведомлен обо всех перипетиях ее жизненного пути, был идеальным местом для этого. Знакомства, приобретенные в Париже, позволили ей без особого труда влиться в светскую жизнь города. И пусть она была принята не во всех домах (те, что были рангом повыше, были закрыты для нее), но ей и того было довольно.

Мари по-прежнему называлась кузиной Олениных, ведь именно под этим именем она была известна своим старым знакомцам, вернувшимся из-за границы с полками. Жила она ныне на скромный капитал, который по воле графини, не успевшей перед своей кончиной переменить завещания, был в ее распоряжении с недавних пор. Мадам Оленина злобно ворчала на сей счет всегда, что усопшая Марья Афанасьевна не могла не оставить еще одного повода для раздражения сестры, для беспокойства ее слабым нервам.

— Votre frère íбязан будет приструнить самозванку, коли будет порочить имя нашей семьи! И таково мое слово! Хотя он должен сам понимать сие! Покамест не порочит имя,

пусть зовется... Но иначе ж! — говорила она Софи и яростно сверкала глазами при том из-под оборок чепца, словно говоря, что не посмотрит в ином случае на то, как обязана этой женщине — жизнью своего сына.

— Бурмин намерен сделать ей предложение, *mon ami*, не больше и не меньше, коли храбрости наберется. Вот куда все зашло-то, — проговорил Кузаков. — И твое покровительство персоне известной только вызвало у него припадок ярости. А что еще чрез иное лицо аренда внесена, то пуще только разозлило. И ведь разузнал самую суть! А он у нас молодой да горячий. Как бы, верно, не прислал картель. Ты бы сказал ему все...

Но Андрей только курил и молчал в ответ на это, и Кузаков понял, что ему ни за что не переубедить друга открыть правду в ущерб репутации той, которую, по его разумению, хранить уж не было никакого смысла. Все едино — прознает Бурмин обо всем, разве ж схоронить шило в мешке, как говаривал старый дядька Александра?

— Надеюсь, ты сумеешь приехать в Милорадово до своего возвращения в полк, *mon ami*, — проговорил медленно Андрей после длинной паузы, которая образовалась в их беседе. Кузаков, наливавший в то время из бутылки вино (лакеев отпустили прочь, желая поговорить наедине), посмотрел на него внимательно. Тот вдруг стал таким серьезным в последние минуты, потеряв недавнюю веселость, даже казалось, что хмель весь слетел вмиг с него. — Я был бы рад видеть тебя в усадьбе. И был бы рад, коли держал венец надо мной при службе.

— *Tiens, tiens!* [\[631\]](#) — прищурился Кузаков. — Женишься, не иначе?

— Женюсь, *mon cher ami*, женюсь! — Андрей даже улыбнулся, говоря это, и Кузаков вдруг обхватил ладонью его затылок, притянул к себе и уперся лбом в лоб Андрея.

— Женится он! Ишь! — и рассмеялись вдруг оба, настолько легко и весело стало им в тот момент. — Когда же сие знаменательно событие?

— Надеюсь, чем скорее — тем лучше, — коротко ответил Андрей, вдруг снова посерьезнев, и Кузаков невольно нахмурился. — Моя невеста такова, что и из-под венца упорхнет быстрее лани. Даже оглянуться не успеешь... утечет, как вода, сквозь пальцы.

— Это она? — тихо спросил Александр, и Андрей кивнул коротко. Кузаков удивился той перемене, что произошла с его собеседником вмиг. Будто только одно воспоминание о той разгладило все хмурые морщинки, убрало все следы грусти, засияло мягким светом в глазах.

— Она, *mon ami*. *Il ne pouvait en être autrement!* [\[632\]](#), — а потом добавил, удивляясь собственной откровенности, ведь обычно он редко открывал душу даже Александру. — Я с ней живу. Не проживаю жизнь, а именно — живу. Душой живу. Только подле нее... А она... Я ей нужен. Нужен, понимаешь, *heureusement pour moi* [\[633\]](#)? Это ли не должная основа для счастливого брака? Когда вы нужны друг другу...

— *Allons! Bon chance, mon cher ami!* [\[634\]](#) — И Кузаков поднял бокал, салютуя другу, от души желая ему этого счастья, которого тот заслужил. Они оба выпили все до последней капли, как положено при тосте, а потом Андрей вдруг размахнулся и бросил бокал, разбивая стекло вдребезги о мраморную облицовку камина.

— На примету! — и рассмеялся, когда Александр последовал его примеру, но дрогнула его рука, и тот промахнулся. Бокал попал в шелк обивки стенной, соскользнул по ней легко и упал на пол с глухим стуком.

— Вот ведь везучий ты! — шутливо прошипел Кузаков, снова пытаясь ухватить ладонью

за шею уходящего от его руки хохочущего в голос Андрея. — Везде тебе удача, плут ты эдакий!

Андрей отчего-то вспомнил эти слова, когда все же решил выполнить просьбу матери и навестить тех знакомых, кто еще был в то время в Москве, не отбыл в загородные имения, чтобы провести жаркие дни на природе, а не душном и пыльном городе. Заодно решил заглянуть и на Поварскую, в дом, где мог найти, по уверениям его дворецкого, Веру Александровну. Та действительно была в Москве и спешно готовилась к предстоящему отъезду в Милорадово, довольная донельзя предстоящей поездкой. Оттого и Андрея приняла радушно, протянула обе руки для целования, а потом сама расцеловала его в обе щеки и лоб.

— О, я даже не ожидала, что вы в городе, Андрей Павлович! — сказала она, распорядившись о прохладительных напитках. — А мы вот с Катериной все в хлопотах. И к визиту в Милорадово готовимся, и в имение собираем подводы. На лето-то кто остается в Москве? Натали уже в деревне, уже воздухом чистым дышит. А мы все тут — в пыли... под шум городской...

Они еще недолго побеседовали о здравии Алевтины Афанасьевны, об общих знакомых, о предстоящих гуляниях в Милорадово. А потом, когда Андрей совсем не ожидал, она задала вопрос. Вопрос, который потянул за собой совсем не те нити.

— Я удивлена была, проведав, что его сиятельство Адам Романович не был зван в Милорадово, — и пояснила, заметив деланную неосведомленность Андрея об этой персоне. — Князь Чаговский-Вольный. *Madam votre papa* желала бы видеть его, я точно помню о том, она писала ко мне.

— Удивительно слышать это, — заметил Андрей. — Ведь, насколько мне известно, Алевтина Афанасьевна не имела возможности знать князя. Равно как и я. А было бы странным, согласитесь, мадам, приглашать в собственный дом персону, с коей не имел чести быть знакомым.

— Но уместно ли... *fiancée*... по обыкновению, *les futurs époux* ^[635]бывают вместе в свете, — Вера Александровна двигалась буквально вслепую ныне, проверяя свою догадку, ударившую наотмашь, как ударил солнечный луч блеском в одном из крупных аметистов в перстне Андрея. И поняла, что невольно попала в цель, когда дернулось веко ее собеседника. Всего короткий миг, но она заметила это. Знать, права была в своих подозрениях. Анна сызнова вернула себе потерянное...

В передней стукнула дверь, а потом колокольчиком разнесся по комнатам, близким к ней, звонкий смех Катиш с таким воодушевлением занимавшейся ныне своими нарядами и уборами. Словно ее дочь проснулась от того странного сна, в который впадала, когда рядом не было этого светловолосого мужчины. С того самого лета как в пропасть свалилась в эту любовь с головой, не обращая внимания ни на кого из тех, кто был представлен ей матерью и сестрой. Ей уже миновало двадцать зим и лет. Скоро совершеннолетие, а ума не довольно понять, что никогда ей получить желаемого — сердце и душу того, о ком так часто молилась за прошедшие три года.

— В монастырь уйду! — грозилась в редкие истерики, когда мать просила образумиться и забыть о том, по кому так болело сердце ее прежде такой тихой и смирной дочери. — Плат черницы на голову, коли не будет венца подле него! В монастырь!

И Вера Александровна утешала бьющуюся в истерике дочь, качая в своих руках, как когда-то в прежние годы ее малолетства. Целовала в ее спутанные волосы и молила про себя Бога, чтобы тот помог ей разрешить эту ситуацию, которая ныне казалась ей безвыходной.

А потом пришло послание с приглашением провести несколько дней в Милорадово. Гуляния, музыкальные вечера и большой бал. И Катиш просветлела лицом, радуясь этой возможности побыть рядом с тем, кого по-прежнему видела только возле себя в церкви...

— Разве ж было оглашение? — поднялась бровь на лице Андрея, показывая его равнодушное недоумение тому, что услышал. Но Вера Александровна готова была поклясться, что за этим равнодушием, где-то в глубине души, уже всюду полыхает огонь. Злость, ревность, отчаянье. Смертельно ядовитый клубок, разъедающий душу.

— О, я думала, уже известно обо всем в уезде, — смутилась Вера Александровна нарочно. — Аннет же так расположена к его сиятельству. Только слепой не поймет очевидного.

— Разве было оглашение? — снова повторил Андрей холодно, и она даже испугалась блеска его глаз. В дверях первой комнаты анфилады уже показалась Катиш. Вера Александровна ясно видела ее со своего места в кресле. Ее лицо так и светилось от радости, что он приехал с визитом к ним в дом. Знала бы она, что Андрей приехал сюда, скорее всего, за благословением на брак с другой, не с Катиш!

Всего мгновение, пока Вера Александровна смотрела на счастливо улыбающуюся дочь, перед ней мысленно качались весы. Одна чаша — возможное счастье дочери с человеком, которого та любила. И Вера Александровна знала, что стань Андрей супругом ее дочери честь и совесть никогда бы не позволили ему принести дочери разочарования в этом браке. Это был бы идеальный брак их среды — полный уважения и понимания, пусть и лишенный эмоций.

С другой стороны — Аннет, маленькая проказница Анечка, дочь ее кровной сестры. Сама отказавшаяся от своего жениха, от своего возможного счастья. И князь. Царь в своих многочисленных имениях Малороссии. Достойная партия для любой девицы на выданье, не говоря уже о той, чья репутация уже не так кристально чиста, как ранее, той, кто в замужество придет в одной рубашке [\[636\]](#). Жаль, что не Катиш привлекла Адама Романовича... но уж что сложилось!

— Я понимаю, как вам не по душе ныне слышать это, — губы даже чуть дрогнули, когда Вера Александровна раздвинула их в сочувствующую улыбку. — Верно, очарование Аннетт сызнова сыграло роль... Уже готова венчальная грамота, Андрей Павлович. Что тут про оглашение говорить? Я полагала, вы знаете о том. Надобно быть слепым, чтобы...

— Не будет ли Анна Михайловна удивлена, когда я принесу ей свои поздравления в связи с предстоящим замужеством? — она видела, что он не верит. Читала в его глазах. Еще был шанс все поворотить вспять, сказать, что грамота-то готова, да только согласия Анны никто и спрашивал — деньги и связи решают многое. Да ведь сама Анна так была расположена к князю! Так смела в отношении его! Приняла его как жениха, позволив надеяться...

— Неужели вы думаете, что я могу...? Без позволения собственной племянницы? — возмущенно воскликнула Вера Александровна и тут же подала знак Андрею замолчать, не говорить ни слова на эту тему в присутствии Катиш, шагнувшей через порог комнаты. Надежды, что он будет молчать при ее дочери, оправдались. Она боялась, что придется при себе держать Катиш долго, полагая, что Андрей непременно захочет довести тот разговор до конца, но на ее удивление, спустя четверть часа тот засобирался, ссылаясь, что предстоит долгая дорога в имение. Что ж, тем лучше! Дело уже было сделано. Второго обмана Оленин не простит определенно Анне. Недаром в его глазах угадывалась решимость. Словно он уже

знал, как поступит в дальнейшем, зная то, что открылось ныне. Прости меня, моя девочка, но так уж сошлось...

Андрей действительно горел обжигающей решимостью. Мысль, ясная по содержанию, простая на осуществление, пришла в голову тут же, как только он понял, что в очередной раз рискует потерять то, чего никак не мог лишиться. Он приехал в имение у Твери и работал без устали в поле, борясь с последствиями стихии за будущий урожай. Сначала просто выезжая и руководя работами по осушению, а после и сам роя заступом небольшие, но глубокие каналы, когда не хватило сильных мужских рук (дворни в усадьбе, как оказалось, намного больше числом, чем крестьян в деревне). Он трудился, как проклятый, надеясь тяжелым физическим трудом прогнать из головы мысли. Но они приходили, вторгались без стеснения, нашептывая ему, что первое решение — самое верное, что и думать не стоит.

Он не спал ночами, невзирая на страшную усталость. Не спал не только из-за физической боли, терзающей его ногу, но и из-за этих самых мыслей, не дающих покоя даже ночью. Столько табака, сколько курил он теми ночами, Андрей не курил никогда до того, даже голова однажды пошла кругом. Он вспоминал каждое слово, каждый жест, каждое выражение глаз и терялся раз за разом. И при каждом движении руки, когда он вынимал изо рта чубук, ему мигали с пальца камни. «Анна»... Это имя было не только заключено в золотой оправе. Оно было выжжено на его сердце. И этого уже никуда не уйти, не спрятаться. *Il ne pouvait en être autrement!* [\[637\]](#)

— Андрей Павлович... барин..., - тронули за плечо Андрея, и тот вдруг проснулся. Надо же — заснуть в кресле, даже сняв грязных сапог и пропахшего дорогой и лошадьми сюртука! Эх, его вымотали прошлые дни! А потом вспомнил, где находится, и тотчас спросил о гостях, о предстоящем ужине.

— Прибыли все аккурат некоторое время назад, — сообщил Прошка, помогая барину раздеться перед ванной, уже наполненной горячей водой. — Все довольные, радостные такие. Диво! Ведь накрапывало же! Нынче вона к ужину готовят. Девки так и бегают по лестницам с утюгами, с щипцами! — а потом заметив пристальный взгляд хозяина тут же добавил то, что интересовало барина намного больше и всех гостей, всех вместе взятых, и предстоящего ужина. — Барышня ездил на прогулку. Сам видел, как прибыла на двор в одной из колясок. Здрава и румяна. Знать, хворь ушла без следа.

От этого известия в груди разлилось тепло. И Андрей уже с большим наслаждением медленно погрузился в горячую воду, с трудом сдерживая стон, когда распрямлял больное колено. Осталось всего пара часов, и он увидит ее, убедится собственными глазами в том, что болезнь не отразилась на ней. А остальное... Разве уже так важно остальное?

Но среди лиц, которые Андрей увидел в салоне, спустившись перед началом ужина, Анны, на его огорчение, не было. И сразу почувствовалась невероятная усталость, что давила на плечи еще с середины дня. Потому не мог не подумать, что надобно было все-таки остаться в своих покоях и отдохнуть, а не спешить предстать перед десятками взглядов собственных знакомых и знакомых матери, которых та с большим удовольствием пригласила в Милорадово, перед взглядами соседей, которых он толком еще не успел узнать. Неспешные беседы в салоне и после в большой столовой за трапезой, анекдоты и тихий смех отчего-то утомляли, действовали на нервы. Сам же ужин казался бесконечным с его семью переменами блюд. Он был и рад увидеть своих петербургских знакомых, прибывших в Милорадово, и в то же время отчего-то равнодушен к их присутствию здесь.

Усталость, подумал Андрей, с трудом понимая вкус жаркого, которое подали одной из

перемен. Я просто устал физически... вымотан донельзя. Или он отвык от общества за время походов и вынужденного уединения после возвращения из Европы? Он иногда окидывал взглядом улыбающиеся лица, блеск драгоценностей, камней орденов или золота эполет в свете свечей, легкое колыхание перьев в тюрбанах, чепцах или эспри. Эти голые плечи, потные от духоты, несмотря на распахнутые окна в парк, лбы, эти букли и локоны. Этот жеманный искусственный смех, любопытные или заискивающие взгляды, тихие шепотки украдкой. Все ныне только утомляло...

— Вы выглядите усталым, mon frère, — тихо проговорила Софи, чтобы не услышали остальные, когда уже перешли после ужина на террасу, где решили провести время после десерта. — Mesdames заняты нынче беседами да пасьянсами. Мужчины же ныне удалились в бильярдную и карточную. Вы могли бы легко потеряться по пути в те комнаты... потеряться в своих покоях... Я полагаю, вам простят такую вольность, учитывая многие обстоятельства. Тем паче, следующим утром — гон...

— Вы — мое... спасение, — ответил Андрей сестре, с трудом удерживая руку от ласки, которой захотелось поблагодарить сестру за предложение. Запнувшись на слове, что нежностью показало бы его признательность и любовь. Ранее он сказал бы «ангел», как называл Софи порой среди прочих ласкательных обращений, но ныне... ныне он мог назвать так только одну женщину. — Скажите maman, что письма от ее приятельниц московских я передал с одной из ее девушек. Вестимо, у нее уже в покоях. И пожелайте ей от меня покойной ночи...

— Andre, — задержала его вдруг сестра, положив сложенный веер на его руку. — Не торопитесь ко сну отходить. Я улучу минуту и зайду к вам. Мне есть, что вам сказать.

И он улыбнулся легко в ответ на ее реплику, хотя внутри сжалось что-то в странном трепете волнения. Ведь Андрей сразу понял, о ком они будут вести разговор.

— Мне тоже, ma chère, есть, что вам сказать. Я буду ждать вас в кабинете...

В своих покоях Андрей тотчас отпустил Прошку, сказав, что позовет его, когда будет раздеваться перед сном, а сам встал у окна, опираясь ладонями о широкий подоконник. Где-то в вечерней темноте маячили еле видные меж деревьев тусклые огоньки окон флигеля. Все на втором этаже. Одно определенно в спальне Анны. Что она делала сейчас? Читала при свете свечи один из романов? Или уже готовилась ко сну? Он вдруг представил себе стройное женское тело под тонким почти прозрачным полотном ночной рубашки, и сердце застучало в груди чаще, гоня кровь по жилам быстрее. Нет, не кровь... острое желание, обжигающее, требующее удовлетворения...

Стукнули в дверь особым способом, и Андрей поспешил сесть за стол, надеясь, что сестра простит такое пренебрежение манерами. После короткого «Entrez!» она вошла, тихо шурша шелком нижнего платья под легким чехлом из белоснежного газа. Прошла по комнате, словно по тонкой доске, будто демонстрируя себя, улыбаясь загадочно, и Андрей вдруг понял, отчего сестра ныне кажется ему совсем иной.

Ее волосы были убраны строго вверх, завязаны в узел a-la Psyché ^[638], без всяких завитых колечек волос около ушей или строго завитых локонов, которые так нравились Алевтине Афанасьевне. Только один локон спускался от этого узла сзади и небрежно ложился на правое плечо. Оттенок ее платья под чехлом был нежного небесного цвета, а рисунок, вышитый на газу чехла паетками, приковывал блеском в свете свечей взгляд к круглому вырезу платья.

— Ты нынче выглядишь... admirablement beau! ^[639] — выдохнул Андрей и протянул руки

в сторону сестры, чтобы та шагнула к нему ближе и, склонившись к нему, позволила поцеловать свою руку, чуть повыше края атласной перчатки.

— Верно? — Софи поцеловала брата в лоб в ответ, а потом отстранилась и со смешком сделала пару шагов по комнате, кружась. — Это все ее задумка!

Действительно, именно Анна прошлого дня вдруг задумчиво взглянула на Софи, а потом спросила на удивление прямо, отчего ее девушка причесывает в такой манере. Софи растерялась на миг, а потом тихо ответила, что так привыкла.

— Не спорю, это по моде, — проговорила Анна. — Но есть персоны, коим вовсе ненадобно следовать всему, что печатают на картинках. Не к лицу! Позвольте, я приберу вот здесь... и здесь...

И парой движений Анна убрала колечки из волос с боков головы Софи, обнажая ее аккуратные ушки с маленькими сережками, блеснувшими радостно на свету этой свободе.

— Помилуйте, с моими огрехами..., - Софи покраснела от смущения, что сейчас можно видеть ее несовершенные уши, которые, как твердила мать, ей надобно тщательно скрывать, и что парижская мода в этом стиле ей только на благо.

— Какие огрехи? Я их не вижу! У вас чудесная головка, право! И ушки! — и Анна решительно отвела ладони Софи, прижатые к ушам. — Пусть вас на прогулку причешут в прежнем стиле, там же шляпка будет. Но вот за ужином... За ужином пусть будет шея открыта, а волосы строгие! Хотя...

И она нарисовала на бумаге ту самую прическу, которую ныне Софи гордо носила на голове, понимая, что выглядит ныне на удивление хорошо. А еще Анна настояла на перемене оттенков платьев Софи.

— Небесно-голубой тон диво как ваши глаза покажет! У вас ведь удивительные глаза, — уверяла ее Анна и чуть не добавила при том «Его глаза», но все же удержалась, боясь выдать себя с головой.

И Софи не узнала себя в зеркале после того, как Глаша, девушка Анны, переправила ее волосы в тот день в той манере, что нарисована была на бумаге. Захлопала даже в ладони, радуясь как дитя, своему новому облику.

— Ах, вы — чудо! Чудо, Аннет! — и она поцеловала Анну в щеку, повинувшись порыву. — Ах, как бы я хотела, чтобы вы были моей сестрой!

И после того, как эти слова сорвались с ее губ, окаменели обе, а затем отстранились друг от друга, смущенно отводя глаза от противоположного взгляда.

— Боюсь, что это не представляется возможным, — прошептала Анна чуть резче, быть может, чем хотелось бы. И Софи не могла не кивнуть в ответ на это, подтверждая ее слова.

— Je sais... [\[640\]](#), - сама не понимая, какую бурю вызвала в душе своей собеседницы этими словами. А ведь она действительно знала! И это знание снова вызвало в ней волну стыда, обжегшего щеки и уши, сожаления и боли.

— Анна Михайловна помогла мне подобрать прическу и платье, — проговорила Софи, внимательно подмечая каждую тень, что могла мелькнуть на лице брата при упоминании этого имени. — Ты же знаешь, она в том ведаёт поболее меня. И ныне, на прогулке, была диво как хороша. Великолепна! Ты недаром называл ее богиней, *mon chere*! Она ныне царила, покоряла... властвовала над умами и сердцами. Мне бы хотя бы частичку ее очарования! Хотя... это такая ноша, — она не стала пояснять, что красота — предмет зависти многих, и эта зависть ныне была весьма ощутима Софи, сидящей подле своей новой подруги во время трапезы на лугу. И утомляет, вестимо, нещадно. У самой Софи от

внимания, которое было вокруг них тогда, даже голова разболелась. Нет, быть красивой и в центре такого поклонения ей определенно не понравилось бы!

— Я рад, что ты стала с ней так близка, — ответил ей Андрей, и Софи вдруг снова вспомнила о том, зачем пришла сюда, ускользнув от ока матери и от скучной беседы со старым отставным генералом, что был им соседом по уезду. — И рад, что она пришлась тебе по нраву.

— Andre, я должна сказать тебе..., - Софи вдруг решительно шагнула в его сторону, и он даже поднял руку, останавливая ее. Оборвал ее на полуслове резким «Нет!», словно хлестнул кнутом. И она замерла, удивленная этим тоном, застыла на миг, цепляясь в шаль, что едва не уронила с плеч.

— Нет, Софи, — уже мягче повторил он, видя испуг, промелькнувший на ее лице. — Дозволь мне первому сказать, а после сама реши, стоит ли мне знать то, что ты покамест хранишь при себе. Софи, *ma chere*, я намерен повести Анну Михайловну к венцу. И намерен сделать это еще до Петрова поста этим летом.

— Мaman хватит удар при этой вести, — проговорила Софи медленно, пытаюсь понять, как ей следует поступить ныне. — *O, mon Dieu, Andre...* Коли ты так расположен к ней, коли того требует твое сердце, то разве могу я быть против твоего решения? Я приму ее с распростертыми объятиями и отрину все обиды. Но ведь Анна Михайловна... она ведь не ответит тебе согласием, *mon cher*. Давеча сама сказала мне, что брак меж вами невозможен...

— Я знаю, отчего были те слова. Что причина им — знаю, — отрезал Андрей, и Софи заметила, как ожесточились слегка черты его лица при этом. — На это скажу так — нет любви в том, что стоит препоной. Нет желания, я уверен в том. А коли нет любви, то и разницы нет, за кого по нужде идти... Единственный, кто мог бы встать против, перед которым я слаб из-за ее расположения к нему — далеко, за сотни верст отсель. И коли нет его, нет ни известия, ни связи, ни нити, которую не разорвать... Быть может, перед ним и отступил бы, зная, что она к нему расположена, а так...

— Ты говоришь... о поляке? — и Софи даже дыхание затаила в ожидании ответа брата. А тот только долго смотрел в ее глаза, будто пытаюсь угадать по лицу, что известно сестре, и только после кивнул слабо. И она закусила губу, удерживая слова, что едва не сорвались у нее с языка.

Она не хотела думать о том, достойна ли Анна той любви брата, которую Софи угадывала в каждом слове сейчас, в его глазах и в его голосе. Должно быть, достойна, раз он выбрал ее в свои жены и до сих пор не отказался от этого намерения, невзирая на многие препоны. И даже невзирая на неясность отношения к нему самой Анны.

Он любил ее. Она была ему нужна. И Софи промолчала, а потом раздвинула губы в несмелой улыбке. Подбежала к брату и поцеловала его в лоб дрожащими губами, стараясь не думать о том грехе, что совершила в эти дни. А он старался не думать о том, каким подлецом ему, возможно, придется стать если Анна все же откажет ему...

— Помоги тебе Бог, Andre, мой милый, — прошептала Софи и подумала невольно: «Помоги Бог всем нам, живущим под этим небом на землях Милорадово... ибо без помощи твоей, Господи... без помощи...!»

— Lilas, ma chere, ^[641] — мадам Элиза показала рукой на атласное платье, которое лежало сред прочих на кровати Анны. — Вполне неплох выбор для бала. А поверх чехол из газа... вон тот с крупной вышивкой по подолу. И к нему будет хорош веер, что ты выбрала.

Анна с легким щелчком сложила веер из крупных белоснежных перьев, который когда-то привез в подарок брат из Петербурга, куда ездил по вызову императора его генерал. Она превосходно разбиралась в интонациях и мимике лица, приучилась за эти годы игры, которую вела с окружающими ее на балах, раутах, прогулках, светских визитах. Но более всех она научилась читать настроения тех, кто был подле нее чаще остальных. Вот и ныне без особого труда разгадала, что мадам Элиза не совсем довольна.

— Вам не по нраву платье? — легкий вопрос, который прояснил бы для нее многое ныне. Мадам Элизе могло не понравиться, что Глаша по распоряжению Анны сняла все кружево с сиреневого атласного платья, убрала всю лишнюю отделку для того, чтобы платье казалось новым. Оттого вырез стал выглядеть еще глубже, а плечи были почти обнажены — довольно смелый наряд для девицы. Хотя, пожала плечами Анна, разве ж девица она в ее-то годы? Скоро и до «кандидатки» ^[642] недалеко. А в этом возрасте уже глупо носить только белый цвет на выход, совсем не по годам.

— Платье? — переспросила мадам Элиза, а потом покачала головой. — Мне не по душе все происходящее ныне en gros ^[643].

— Знать, вы тоже полагаете, что я должна была быть тихой, сидеть в уголке и не привлекать внимания лишнего, как убеждала тетушка? Или вообще отказаться от приглашения, быть может? А я буду привлекать к себе внимание! И буду петь, коли решила! Я уже сказала Софи о том, она обещалась давеча похлопотать. Я переговорила с Павлом Родионовичем.

— Зачем тебе это, дитя мое? Неужто мало горестей и слез? Я боюсь, что ты, как Полин... сожжешь себя без остатка, поддаваясь своему безумству, — прошептала мадам Элиза. — Ведь есть же определенность... Есть путь, по которому грех не пойти.

О да, чуть не рассмеялась Анна нервно и зло. Есть такой путь. Тетушка о нем проговорила почти весь день, который провела с Анной по приезде в Милорадово, и даже после. Она привечала князя сверх меры, как привечают нареченного, посему обязана принять во внимание, что только его кандидатура и есть для обдумывания ее будущего. Она обязана выйти замуж за князя этой осенью во спасение собственного доброго имени и имени всего рода.

— Довольно я терпела, — резко бросала словами Вера Александровна во время этого тяжелого для всех — ее самой, Анны и сидящей тихонько в уголке гостиней мадам Элизы — разговора. — Довольно я терпела твои вольности! Ты совсем забылась, Аннет, что тебе пристало, а что ни под каким предлогом и ни при каких обстоятельствах не может быть сделано. Ты пустила князя к себе в дом. В отсутствие старшей родственницы. Более того, ты приняла от него подношения! Ты понимаешь, к чему это обязало тебя?

— Я ничем не связана с его сиятельством и не имею ныне ни малейшего для того желания, — ответила Анна твердо, хотя внутри все так и дрожало от этой суровой, но вполне справедливой отповеди.

— Ты уже сделала это, принимая его! Наедине! Да еще так! — казалось, тетушку хватит

удар при этих словах. — Довольно игр, Анна. Ты уже не столь юна, чтобы не понимать их последствий.

— Вы правы, *ma tantine*, правы во всем, — склоняла голову покорно Анна. — Более не будет никаких игр.

И Вера Александровна впервые улыбнулась с явным облегчением в глазах, полагая, что одержала верх в той дуэли, к которой готовилась за время своего путешествия из Москвы. Думая, что Анна сдалась перед напором ее доводов и убеждений.

— Я рада, *ma bonne* [644], что ты признала мою правоту. Нынче же прикажем Глаше и Ивану Фомичу паковать то, что тебе понадобится по первым дням. За остальным после придем. Мы все вместе поедем в наше имение под Калугой, а после и в Петербург. И даже мальчик, *ma chere*. В конце концов, не мне решать его судьбу дальнейшую по осени. Полагаю, что ты пожелаешь оставить дитя при себе по-прежнему, по твоему упрямству. Хотя я бы советовала тебе подумать о том хорошенько. В мужа ведь дом войдешь... будет ли он рад такому дару невольному? Насколько я осведомлена, его сиятельство...

— *Madam ma tantine, ça suffit! S'il vous plaît, ça suffit!* [645] — вдруг прервала ее речь Анна, и Вера Александровна даже на миг дара речи лишилась от подобной дерзости. — Я понимаю, вы искренне убеждены, что его сиятельство наиболее предпочтительная кандидатура для моей будущности. Я и сама была убеждена в том еще недавно. Но, мадам, я не могу... я просто не могу стать его супругой.

— Разве у тебя есть выбор, *ma chere*? После всего, что сотворено тобой. После того, что позволила думать, — холодно осведомила Вера Александровна, разозленная упорством Анны.

О Бог! Неужели она не видит всех преимуществ брака, который предлагался ей? Ведя судя по тому, что узнала в Милорадово Вера Александровна, она ошиблась в Москве, когда так спешно открыла Оленину планы князя Чаговского-Вольного в отношении Анны. Коли б было что, то мадам Павлишина тотчас проведала бы. А так... За месяц проживания бок о бок в одном имении — *il n'en est rien* [646]! Только себе боль сердечную заработала да мигрень из-за переживаний...

И потом — Анна ничуть не переменилась, как обратила внимание на прогулке Вера Александровна. Сперва, верно, была тиха на удивление, и глаз не поднимала лишний раз, но чем дальше отъезжала от Милорадово их коляска, тем больше менялась Анна. Она уже не скрывала своей радости от ветерка, бьющего ей в лицо, засверкали глаза, расправила плечи и спину и привычным уже Вере Александровне взглядом («вон я какая, смотрите-ка на меня») то и дело окидывала едущих вровень поезду из колясок всадников.

Даже Софи, сидящая возле той, отчего-то стала взбудораженной этой поездкой, отбросив привычное спокойствие и степенность. Они вместе рассмеялись, когда ветер, будто играя с Анной, сбросил у нее шляпку с головы, ленты которой та ослабила. Катиш же была хмурой и неразговорчивой по обыкновению, только краснела, когда встречалась ненароком взглядами с кем-то из всадников, то и дело бросающих взоры на их коляску. Вера Александровна понимала, что она может быть не в духе еще и от того, что та, которую Катиш полагала своей близкой подругой, ныне подле Анны, и, судя по виду их, тем было вполне достаточно общества друг друга.

— Вы должны сказать Аннет, маменька, — прошептала Катиш Вере Александровне, когда коляски уже прибыли на луг, и все спешили, чтобы размять ноги после поездки. — Она ведет себя неподобающе вовсе...

В это время Аннет сходила из коляски, приняв руку одного из приглашенных в Милорадово офицеров, поблагодарила того взмахом ресниц и благодарной улыбкой с легкой ноткой кокетства, скользнувшей в той. Будто сызнова вернулась та знакомая Вера Александровне Анна, очнувшись от того морока печали, который неизменно читался в глазах племянницы последние годы.

— *Ma chere*, — сказала в ответ дочери тогда Вера Александровна. — У вашей кузины было прежде столь мало поводов радоваться, *pas*? Так не грешно лишать ее ныне их? Вы бы лучше тоже улыбнулись, *ma bonne*, а то недовольство ваше вовсе не к месту... а складки вот эти, на челе вашем, до последнего дня останутся...

Но все же, невзирая на отповедь дочери, решила переговорить с племянницей о том, чтобы та чуть пригасила тепло улыбок, которыми одаривала окружающих так щедро ныне. От греха подальше! Мало ли толков ныне? Мало ли будет их в будущем? Девушке всегда следует быть осторожной на людях, подобная живость лишь к худу ведет. Вон как мадам Оленина косит взглядом недовольным! Вера Александровна недолго думала — подала знак лакею поставить кресло в кружке дам, что спешили рассесться не на покрывала на траве, как молодежь, а в креслах на мягких подушках. Причем поставить так, чтобы закрыть от этого злого взгляда племянницу, уже призывающую к себе знаками господина Павлишина, переминавшегося с ноги на ногу у одной из колясок.

— Вы слышали, маменька? — обратилась к мадам Крупицкой дочь, когда они уже возвращались в Милорадово. Нарочито громко, чтобы слышала Анна, что сидела напротив и в задумчивости теребила кончик перчатки на одном из пальчиков. — Анна желает петь на предстоящем бале! Сама вызвалась!

— *Ma chere*, — смутилась Вера Александровна, уже заранее представляя, как будет недовольна хозяйка подобным выступлением. И как можно было — самой проситься? — Я понимаю, что у тебя превосходный голос... но перед таким числом гостей... и ныне...

— Я, бывало, пела и перед большим числом, — пожала плечами Анна. Ей самой показалась удачной затея с исполнением арии, которую когда-то пела на новогоднем бале в той же самой зале. Тем паче, с теми словами, с которыми обращалась героиня оперы к отсутствующему герою и к небесам. Она каким-то внутренним чутьем понимала, что эти дни дают ей последние возможности, чтобы все вернуть. Иначе — ее ждет Петербург и княжеский венец парадный на голову...

— Я не понимаю твоей склонности извечно выставлять себя напоказ, — недовольная очередной дерзостью племянницы, заметила Вера Александровна, уже жалея обо всем. О том, что поехала на эту прогулку и вообще в Милорадово, что завела знакомство близкое с Олениными и с князем, что пообещала то, чего нет, нечаянно обманувшись. И что даром только поспешила с Олениным самим. Она все вспоминала и вспоминала тот проклятый визит, и во рту тут же становилось горько, а сердце больно колело иглой. — Только не ныне, когда все так шатко... разве ж можно себе позволить ныне...?

— Не вижу причин для иного, — ответила Анна. — Следующего вечера будут давать оперу в домашнем театре. Мы заговорили о музыке в том числе, и я вспомнила, что господин Павлишин как-то сочинил перевод одной итальянской оперы. Одну из арий я пела на новогоднем бале несколько лет назад, о чем и сказала. Софья Павловна весьма была заинтересована тем переводом и оперой, я предложила исполнить. Софья Павловна пообещалась устроить все на бале. *C'est tout* [\[647\]](#).

Так-то оно так. Но все же... И Катюша удивленно взглянула на мать, когда та смирилась,

не стала настаивать, чтобы Анна отказалась от своей затеи, которую так ловко осуществила, будто завзятый игрок расставив игроков в нужном порядке. И Павлишина, и Софи, и остальных, чей восторженный хор только утвердил mademoiselle Оленину в правильности своего решения.

А Анна в продолжение всего пути, когда утомленные прогулкой пассажиры экипажей либо молчали устало, либо вовсе дремали, как Вера Александровна, исподтишка рассматривала Катиш, сидящую возле маменьки и задумчиво наблюдающую окрестности, которые миновала их коляска. Как же изменилась petite cousine за то время, что Анна ее не видела! Некрасивая складка угрюмо поджатого рта, нахмуренный лоб, нервно сжатые руки и пристальный взгляд на кузину, отмечающий каждый шаг. Верно, не прошла та глупая влюбленность, которая так забавляла Анну тем летом. А это означало, при всей расположенности, причем явной, мадам Олениной неприятность в виде соперницы. Хотя...

Анна вспоминала, как смотрел на нее Андрей тогда, в передней при прощании. При том, что было в его глазах, она все еще выше любой из этих девиц, за которыми она наблюдала на прогулке аккуратно, стараясь не показать своего интереса. Надо было только... только... И сбилась в мыслях, как всякий раз путалась, пытаюсь отыскать верный способ решить все одним легким движением или одним словом. Тут мало будет красы и ее очарования. Тут надобно нечто иное, способное завлечь в свои сети, намертво привязать без единого пути отступления. И снова на ум шел тот сон, при воспоминании о котором до сих пор теплело тело, и внутри возникала томительная жажда прикосновения. Отчего-то наливалась грудь, и становилось труднее дышать в тесном корсаже платья. Единственный путь только в одном направлении, у которого нет пути назад для двоих. И уж точно для девицы!

Один только намек на прошлые обстоятельства, что едва не привели Анну и Андрея к аналою ранее срока, привели мадам Элизу буквально в состояние ужаса. Она сразу же стала серьезной как никогда ранее (а может, отповедь, которую прочитала Вера Александровна прошлым днем, так повлияла на мадам), поджала губы недовольно и снова вернула взгляд к кружевному шитью, которым украшала одно из платьев Анны. Они всю работу в утро после прогулки, пытаюсь придать старым платьям Анны вид новых в ее гардеробе.

— К лучшему все же, что никто не прознал тогда, — тихо проговорила она, кладя незаметные глаза стежки. — А при желании — можно и обмануть супруга в ту самую ночь... При умелости особой.

И Анна тогда уставилась на нее, пораженная тем, что услышала, а мадам, сделав вид, что не заметила этого взгляда, и покраснев уголком носа от волнения и стыда, продолжила, запинаясь на некоторых словах:

— Может статься, madam tantine права. Может статься, и следовало устроить свою судьбу по тому пути, что послал Господь. Ты же сама понимаешь — брак с Олениным весьма далек ныне... а вот его сиятельство...

— И слышать не желаю! — отрезала Анна резко, разозленная сватовством даже той персоны, от которой никак не ожидала услышать это. Да, вполне вероятно, что когда-то она бы и согласилась на этот брак с превеликой радостью. Но ранее, еще до того, как поняла, что только одним рукам она готова отдаться полностью, только одному человеку доверить самое сокровенное, что у нее осталось — свою душу и свое сердце.

Когда же ты приедешь, водила она пальцем тем же вечером по запотевшему стеклу, выписывая аккуратноными завитушками имя «Andre». Уж столько дней прошло, а тебя все нет

и нет. И все не так... и все совсем не то... Анна недолго смотрела на имя на стекле, а потом без малейших раздумий добавила одно-единственное слово. «Мон» [648]. И поставила жирную точку, будто утверждая написанное.

А следующим утром, казалось, мир заиграл совсем иными красками, и солнце засветило ярче, щедро даря лучи изумрудно-зеленому миру под ним. Или это просто редкие тонкие облака, что вчера то и дело ходили по небу, разошлись на рассвете, обнажая яркую лазурь неба? Или это ей только показалось в том приступе удивительного восторга, который захлестнул душу, при одном известии.

— Барин приехал давеча в усадьбу, — тихо шепнула Глаша Анне, наливая шоколада в чашку, и сердце Анны совершило кувырок в груди при этом шепоте. А потом кольнуло острым сожалением оттого, что отказалась от ужина вчера и от сегодняшнего гона, потакая очередному своему капризу. Да и что ей было делать, когда ей там было неинтересно вовсе? Это, будучи хозяйкой, она должна была неизменно присутствовать на всех ужинах и вечерах, а гостьей могла позволить себе и на усталость сослаться. А охота... Она могла бы выбрать лошадь для себя в усадебных конюшнях, как делали это гости Милорадово намеренно. Но вытерпеть лишнее подтверждение того, что отныне она здесь только гостья...

Но все же пошла к конюшням, не усидела на скамье возле флигеля с книгой в руках, когда Глаша шепнула о новых приобретениях барина, которые доставили пару дней назад. Две отменные лошади арабских кровей. Одна, для сестры барина, каурая, с тонким длинным темно-рыжим хвостом, а другая... «Вам стоит ее увидеть, барышня!», так твердо проговорила Глаша, что Анна не могла не заинтересоваться.

В конюшнях было на удивление пусто — ни конюхов на расчистке, пользуясь тем, что большинство животных на охоте, ни мальчиков-помощников, выполняющих мелкие поручения господ или выезжающих грумами порой. Да и стойла были почти пусты, и это вдруг снова напомнило Анне прежние страшные дни, когда так же ступила сюда однажды после разбоя, что сотворили в усадьбе. Так же было пусто и темно внутри конюшни, только тогда на земляном полу валялась упряжи, хомуты, перевернутые бадьи, доски от сломанных перегородок стойл. И ворота, ныне широко распахнутые во двор, залитый солнечным светом, висели на одном гвозде...

Каурая заржала громко, подняв голову, заметив Анну в конюшне, и она вернулась из неприятных воспоминаний. Подошла несмело к стойлу и погладила медленно морду, ткнувшуюся доверчиво в ее ладонь. Сжалось сердце от того, что вспомнилась Фудра с ее ласками, когда Анна частенько приходила в конюшню проведать свою лошадку, папенькин подарок к семнадцатилетию.

А потом Анна подумала, что сошла с ума, когда из соседнего стойла, показалась белая мордочка кобылы, словно та тоже решила получить свою порцию ласки. Или просто от любопытства высунулась. Черные большие глаза в обрамлении длинных ресниц, острые аккуратные ушки, редкие жемчужные полосы в длинной челке, спадающей на лоб. И Анна, забыв об осторожности, с которой следовало бы подходить к лошадям, вдруг шагнула к этой кобыле, так похожей на ее любимую Фудру, обняла ее за шею, пряча слезы в ее короткой шерсти.

Лошадь чуть заволновалась под ее руками от этих слез, от муки, которую тонко почувствовала в Анне, и та спешно отстранилась, не желая тревожить животное. Но не могла все же не провести ладонью в ласке по шее, между глаз, по носу с широко раздуваемыми темными ноздрями. Фудра... Как символ ее прежней жизни в Милорадово, который забрали

с собой поляки с другими животными, покидая имение...

— Как похожа, а? — неслышно подошел со спины Анны старший конюх, Захар, и, поклонившись барышне, тоже погладил морду лошади, с восторгом глядя на животное. — У меня аж поджилки затряслись, когда увидел ее. Аки Фудра ваша, барышня! Даже грива та же! А Фудру-то, барин сказал... не вынесла Фудра наша перехода тогда. Она ж не привыкшая, нежная барышня... была, — и тут же пожалел, когда увидел, как участились ручейки слез, струившиеся по лицу Анны, поспешил барышню хоть как утешить. — А желаете, Анна Михална, я вам ее под седло? Опробуете лошадку, давно ведь не выезжали... Мальцов, правда, всех моих забрали на гон, но я могу с вами поехать, коли пожелаете в седло.

— Барыня...

— Да барыня с остальными барынями в саду, чай попивают в беседке. Они ж даже не поймут, что к чему. А барин на гоне... Да и не будет он супротив, крест в том! — правда, Захар предпочел промолчать о том, что Андрей запретил давать для выбора гостям и каурую, и белую лошадей категорически. — Скажите, что согласные, и полетим мы с вами, аки птицы! Она ж тоскует нынче в стойле... ей бы на поле да галопом!

— Седлай! — вдруг решила Анна и выбежала из конюшни под радостное Захара: «Эт я вмиг!», чтобы не передумать. Кровь струилась по жилам так быстро, что ей стало жарко, будто солнце уже всю стояло по центру небосвода, как в полдень. Голова шла кругом от возбуждения при мысли о предстоящей поездке.

Она не стала слушать возражений мадам Элизы, перепуганной такой вольностью Анны, все гнала торопящуюся помочь с переменной платья Глашу и даже сама порвала платье, пытаясь побыстрее скинуть его и облачиться в амазонку, которая столько времени была не при деле. Анна заметно похудела с последнего лета 1812 года, когда доводилось выезжать в последний раз, потому пришлось затянуть ту же шнуровку на спине, натянув ткань до предела.

Ах, какое это было блаженство — скакать галопом, сминая травы на лугу! Легкий ветерок бил в лицо, развевая длинную белоснежную гриву лошади и шелковую ленту эшарпа на шляпке Анны. Совсем, как ранее! И если на миг закрыть глаза, то можно представить, что она в том самом лете, когда еще были живы родные, когда Милорадово было во владении отца, и можно было не опасаться гнева за поспешное решение о выезде. Когда в любую минуту на луг мог выскочить на своем коне наперерез брат и устроить с сестрой гонку, соревнуясь в скорости. Когда по возвращении их встретил бы отец, стоя на широком балконе над портиком подъезда. Когда бы после пили чай в беседке у пруда все вместе: Михаил Львович, мадам, Полин, переглядывающаяся тайком с молодым баринном, Вера Александровна, молчаливая *petit cousine*, Анна, разливающая в пары ароматный чай. О, иногда ей так хотелось повернуть время вспять!

Она старалась в своей самовольной прогулке держаться подальше от мест, где могли гнать зверя, от отъезжих полей, но все же пару раз придерживала расшалившуюся от скачки лошадь, когда ухо в дневной тишине улавливало лай собак и далекие крики охотников, не давала себе удалиться. И однажды охотники пошли прямо в параллель ей: сперва выкатились на зелень лугов мелкие комочки грязно-серого цвета, преследуемые статными гончими, а потом выехали всадники, подстегивающие коней.

Андрей шел среди первых, она сразу узнала его даже издали. В темно-синем казакине, без головного убора, он, чуть склонившись, к шее своего коня почти вровень скакал с

собаками, не отставая от последних ни на шаг. Всего миг довелось ей полюбоваться им издали — так быстро пересекли луг охотники и скрылись среди редких деревьев, что росли на окраине отъезжего поля. Туда и спешили звери — через поле, пытаясь укрыться от преследователей в лесу, который шел густой полосой за широким пространством трав.

— Еть-еть, возьмут зверя! — присвистнул даже Захар, вытирая картузом пот со лба. А потом взглянул просительно на Анну, вспомнив о запрете давать кому-либо под седло белоснежную красавицу без особых распоряжений на сей счет. — Пора бы и до усадьбы, барышня... Вскорости воротаться охота будет. Нам бы — до них...

— Тогда возвращаемся, — решила Анна и тронула поводья, понукая лошадь развернуться в сторону усадебного дома, до которого без малого было около пяти верст ныне — так далеко она уехала, гоня галопом по высокой траве. Но не смогла удержаться, чтобы не завернуть в одно памятное для нее место, где только стояла, глядя в темноту земли, кое-где покрытую островками зелени.

Обгорелые доски в этом году убрали, полностью расчистив площадь, некогда занимаемую сараем для сена. Она слышала от Глаши, что этот луг решили распахать по осени, чтобы следующей весной засеять в нее яровые. Для нее это отчего-то прозвучало по-особому, словно прошлое кто-то стирал полностью, уничтожая любой след.

Анна спешила с помощью Захара, прошлась, придерживая юбку, по черному периметру и зачем-то коснулась сухой земли, стянув перчатку с руки. На ум тотчас пришел шелест дождя за тонкими стенами из досок, через которые в сарай проникал легкий холод, аромат сена, жар кожи... А потом вспомнила другой жар — уже больно обжигающий лицо и руки, когда так торопилась уничтожить это место, поддаваясь минутному порыву. Легко сжечь сарай из досок, да только память ничем не уничтожить... на это только и могла ныне делать ставку.

Вернулись в усадьбу тайком и все же опоздали: в конюшнях и на дворе заднем уже сутились люди, обтирая животных, которые нынче вернулись после длительной скачки по лугам и полям.

— Захар, — тронула старшего конюха за рукав рубахи Анна, когда тот уже вводил лошадей к конюшне. — Ты, коли что, на меня ссылайся смело. Мол, я забылась, что не хозяйка тут уже. Приказала, а ты не смел отказать.

— Да что я?! За юбку баб... за вас, барышня, прятаться буду! — отверг ее предложение тот гневно. — Я ж первый вам сказал, мне и ответ держать. Ничего, барышня, вы не волнуйтесь! Чай, не впервой спину-то подставлять!

Может, обойдется, думала Анна, аккуратно ступая по дорожкам парка, чтобы не наступить на подол амазонки, который зажала в руке. Может статься, и не заметили, что новой лошади не было в конюшнях.

Но первые же слова Веры Александровны, которая ждала возвращения Анны, сидя у открытого окна гостиной, ее надежды развеяли. Она быстро оглядела племянницу с ног до головы, а потом с тихим стоном опустилась в кресло, с которого привстала, едва Анна переступила порог комнаты.

— Что ты творишь, дитя мое? Что ты творишь? Порой мне мнится, что ты намеренно дерзишь и поступаешь наперекор, лишь бы вызвать злость к себе, зависть или иное внимание. Зачем ты взяла лошадь из конюшни? Мадам Оленина просто в ярости от того... я такой ее еще не видела... послали вас разыскивать, вернули охоту... И сызнова толки и шепотки! Для чего тебе они? Я понимаю, в тебе нет приязни к мадам Олениной, но, Анна

она ведь тут хозяйка!

— Насколько мне известно, хозяин в Милорадово и на окрестных землях — Андрей Павлович. А он... он мне позволил пользоваться лошадьми конюшни, — Анна только крепче сжала хлыст, который по-прежнему держала в руках.

— Да, — вдруг на ее удивление кивнула Вера Александровна. — Так он и сказал мадам Олениной. Что ты вольна пользоваться всем, что он имеет в имении, как и любой иной гость.

Вера Александровна до сих пор не могла отойти от того разговора, когда собеседники обращались друг к другу через иных лиц. Она не успела уйти, как планировала, от мадам Олениной, которая разыграла нездоровье показывая окружающим этим и своим молчанием, насколько она возмущена поведением Анны. Алевтина Афанасьевна удалилась к себе, позвав в покои мадам Крупицкую только, и все говорила и говорила об этом случае, коря воспитание и манеры Анны под слабые возражения Веры Александровны. Правда, мадам Оленина быстро сменила гнев на милость и весьма хвалила воспитание Катиш, но как-то только Андрей ступил на порог покоев матери, как и требовала та передать ему, гнев тут же вспыхнул с новой силой.

— Смею напомнить Андрею Павловичу про его собственный запрет брать эту лошадь под седло, — едко заметила Алевтина Афанасьевна, пытаясь загнать сына в угол и словно совсем забыв о присутствии посторонней при их разговоре. — Или mademoiselle Шепелева на особом счету в нашей усадьбе?

— В моей усадьбе — истинно так, — коротко ответил Андрей. — Я лично позволил Анне Михайловне распоряжаться той лошадью по своему усмотрению. Так что ваше возмущение, мадам, несколько необоснованно. Вера Александровна, — он поклонился смущенно опустившей глаза на протяжении всего разговора тете Анны. — Позвольте принести вам извинения за этот разговор, свидетелем которого вы были вынуждены стать. А также за все те неприятности, что могли быть доставлены вам этим происшествием. И прошу вас передать мои глубочайшие извинения Анне Михайловне. *L'incident est clos. Avec votre permission!* [\[649\]](#)

— Он так и сказал? — переспросила Анна тетю, жадно слушая каждое слово в ее речи о том разговоре в покоях мадам Олениной. — Так и сказал — на особом счету?

Вера Александровна только тихо вздохнула. За прошедшие несколько дней ее нервы натянулись до самого предела, а сердце только и болело и за дочь, тихо страдающую от душевных мук, и за племянницу. Она разрывалась между доводами рассудка, которые твердили, что вернее всего было бы, чтобы было так, как складывалось ранее, еще этой весной. И настойчивыми уговорами сердца, которое в голос говорило в бессонные ночи, что Анна не просто влюблена, а именно любит, несмотря на свое неподобающее тому поведение. Любит так, как сестра Веры Александровны полюбила скромного и неказистого на взгляд графа Туманина, как жениха, Шепелева. А это значило...

— Вам по сердцу Оленин, Аннет? — спросила тихо вдруг, переходя на отстраненное «вы», словно пытаясь выставить некую преграду между собой и племянницей. Чтобы подойти без пристрастной оценки родственных чувств, чтобы принять наконец-таки верное решение и пустить судьбы по тем путям, которые наиболее удовлетворяли бы всех связанных меж собой персон.

Анна взглянула пристально на тетку, по голосу почувствовав, что все разговоры, которые велись до того, были иные, что этот наиболее важен для ее будущности. И

отбросила свое притворство, свою маску и смех, за которым бы привычно скрывала свои чувства от остальных. Пришла пора открывать свое сердце. Свое истинное лицо. Без масок...

— Я люблю его, — вот так коротко и ясно. Даже совсем не страшно было сказать это вслух, а наоборот — стало так легко отчего-то в душе, что улыбка скользнула по губам. И повторила под тихий вздох Веры Александровны. — Я его люблю.

— Это хорошо, дитя мое... вернее..., - и тетушка смутилась, но все же продолжила. — А что Андрей Павлович? Я спрашивала... ухаживаний нет... Что он к вам? Он намерен делать предложение вам? Ведь совсем недолжно вот так... вы понимаете, Аннет?

— Я понимаю. Полагаю, что время поспособствует...

— Время! — усмехнулась грустно Вера Александровна. — *Ma chere*, время иногда показывает вовсе не то, что желалось бы. А годы вспять не воротишь. Не принимайте за знаки расположения вежливость и верность долгу. А вы ведь понимаете, что натура Андрея Павловича никогда не позволит ему быть иным, — и Анна молча согласилась с доводами тетушки, вспоминая, слова Андрея о долге, сказанные в прошлых разговорах. Она знала, что он таков, и в душе гордилась его благородством по отношению к остальным. И даже если по велению этого благородства случится то, о чем она так мечтает... что ж, остальное она получит после. Непременно получит!

— Он расположен к вам? — спросила тетушка, и Анна ответила коротко:

— Я окончательно буду знать к концу дней увеселений, что ныне в Милорадово.

— Тогда я бы попросила тебя, *ma chere*, быть осторожнее, — снова возвращаясь к теплому и близкому «ты», сказала Вера Александровна. Да и можно ли было иначе? Ведь Анна своим упорством так напоминала ей сестру. — Честь девичья — истинное сокровище, которые мы должны вручить только будущему супругу. И, Анна, я должна признаться тебе... я умолчала, но более скрывать... Но и ты хороша! Ввела всех в заблуждение своими увертками и кокетством!

Вера Александровна с минуту молчала, собираясь с силами признаться в том, о чем должна была написать Анне сразу же, как узнала о венчальной грамоте. Как приняла от имени Анны предложение князя, полагая, что дело уже решенное. А потом все рассказала племяннице, не утаивая ничего. Даже о том, что рассказала о стоворе Андрею Павловичу в его последний визит в Москву, не признаваясь впрочем, в тех импульсивных побуждениях, которые толкнули ее на этот шаг.

— Я прошу, прости меня за этот поспешный шаг, за мое согласие. Я сделала это исключительно из блага. Твое положение... оно бы так изменилось! Я вовсе не думала... Оленин ведь уехал по осени из Милорадово. Я полагала, все кончено! Он сам говорил, что в смоленские земли не вернется более. И вот так..., - Вера Александровна закрыла лицо руками, пытаясь скрыть краску стыда, которая залила ее лицо. Она ведь поступила верно, по рассудку, следуя обстоятельствам. Но отчего же так тягостно-то ныне на душе?

— Я вас понимаю, *ma tantine*, — улыбнулась несмело Анна, а потом коснулась плеча тетушки, желая, чтобы та не терзала себя. — Я по весне сама была уверена, что стану княгиней еще до конца года, коли предложение от князя будет. А после все изменилось! Я не виню вас вовсе... вижу все ваши хлопоты, ваши заботы обо мне. Благодарю вас, что не оставили меня ими!

А потом решительно сказала, понимая, что пришла пора решать свою судьбу. И что от ее решений зависели судьбы многих людей, не только ее собственная. Только ранее она отчего-то совсем не думала об этом. Будущее Сашеньки и мадам Элизы, доброе имя Веры

Александровны и ее дочерей. Долее оттягивать момент этот уже не стало никакой возможности...

— Коли не решится, что задумала, как желаю, то уеду с вами, *ma tantine*, из имения. И по собственной воле пойду под венец с князем, раз он так желает меня своей супругой видеть. *Un tiens vaut mieux que deux tu l'auras ...* [650]

— Анна! — воскликнула Вера Александровна потрясенно, не понимая, что заставило племянницу вдруг переменить решение, которое не давалось ей несколько лет. А потом вспомнила, как решительно сестра определила свою судьбу, убежав из дома и тайно обвенчавшись с Шепелевым. Не приведи Господь второй раз такого скандала в семье! — Но уж коли что и будет, коли решится, то все в благочинии, обещайся! Тебе под венец, если и идти с Олениным, то только открыто, чтобы все рты тотчас позакрывали! — и Анна тихонько рассмеялась, в такое негодование тети толками нынешними и былыми о ней, что даже о приличиях позабыла, на грубость перешла.

— Я не стерплю позора, Анна! — проговорила Вера Александровна твердо. — Не будет его!

— Это полностью отвечает моим стремлениям, *ma chere tantine*, — хитро улыбнулась Анна в ответ, скрывая свои мысли за длинными ресницами, что опустила в тот же миг, дабы тетушка не догадалась о ее планах прежде срока.

Тот вечер был посвящен театру. Домашние актеры, часть из которых были приобретены уже со стороны и были незнакомы Анне, обещались усладить слух гостей имения оперой. Но само действие было решено дать не на сцене театральной залы, где ныне было душно из-за дневной жары, стоявшей прошлыми днями, а в парке, в естественных декорациях на широкой площадке на фоне одного из гротов.

Трепетало на легком ветерком ветерке пламя нескольких десятков факелов, расставленных для освещения действия или тех, что держали в руках лакеи, стоящие подле кресел господ и у оркестра. Эти же порывы приносили из глубины парка неповторимые запахи вечера поздней весны, когда уже отцветают одни, и только входят в силу другие цветы, когда воздух наполнен ароматом предвкушения лета. И это только помогало еще глубже погрузиться в действие, которое разыгрывали актеры, стараясь не обращать внимания на то, как неприятно порой ветер холодит тело под туниками.

Давали «Орфея». Быть может, потому, что Анна уже видела прежде эту оперу, она уже не настолько была поглощена эмоциями от разворачивающихся перед ней событий. И именно поэтому наблюдала со стороны, как медленно подводит Эвридика к краху свою любовь, свое возможное счастье с Орфеем, который спустился в мрачные глубины загробной жизни ради нее.

Ах, как жаль, что Андрей сидит нынче в первых рядах, подле края импровизированной сцены, и Анна не может видеть даже его профиль! Видит ли он некое сходство, как видела она сейчас? О чем думает, глядя на то, как настойчиво требует Эвридика доказательств любви, обрекая себя на смерть, а их любовь на разрушение через это? О, глупая Эвридика! Ты точно так же, как и Анна, слишком поздно поняла, что любви не надо никаких доказательств! Ты так слепа была, требуя их и совсем не замечая, на что пошел Орфей ради тебя...

Анна пыталась смотреть на сцену, но глаза помимо воли находили светловолосый затылок Андрея, который она с трудом видела из-за пышного эспри дамы, сидящей в следующем ряду. Они опоздали с Верой Александровной, пришли в салон, когда уже парами

или небольшими группками выходили с парк, чтобы занять места в импровизированном партере. Оттого Вера Александровна хмурилась, а Катиш первую сцену даже тихонько проплакала — ведь мало того, что не успели даже словом обмолвиться с хозяевами вечера, так и кресла достались в последних рядах... А все она виновата, подумала с сожалением Анна, поправляя шаль, соскользнувшую с плеч. Все выбирала и выбирала пару перчаток, которые выглядели бы новее остальных, что остались от прежней жизни. Так и задержала остальных с выходом.

— Ты вечно привлекаешь к себе взгляды, — недовольно проговорила Катиш, когда рассаживались на свои места. А Анне наоборот впервые хотелось сделаться совсем незаметной для окружающих. Она потому и так долго тянула с выходом, потому что вдруг стало не по себе предстать перед взглядами остальных гостей после того представления, которое разыграла мадам Оленина. И разумеется, после ее такой непозволительной ныне выходки...

Анна шла через анфиладу комнат к салону, как по последнему своему пути, на подгибающихся от невольного страха ногах. Даже Вера Александровна была напряжена, судя по тому, как она сжала ручки ридикюля, расшитого бисером, и при взгляде на сжатые пальцы тетки у Анны сердце ухнуло куда-то вниз. А потом забилося так сильно, что казалось вот-вот прорвется через тонкую ткань шелка ее платья, когда лакеи с поклоном пропустили в салон их маленькую группку, и первые пары, уже направлявшиеся к выходу из комнаты, устремили пристальные взоры на вошедших. А за ними, замершими на полушаге, и все остальные. Смолкли голоса, смех, звук шагов и шелест платьев. Казалось, даже веера и перья головных украшений и уборов застыли на миг в этой напряженной тишине.

И Анна вдруг смешалась от этих взглядов. Ей тут же отчего-то вспомнилась московская зала, когда точно так же ее пожирали глазами, лукаво или снисходительно улыбаясь уголками губ, пряча свои шепотки за красивой росписью вееров. Нет, только не ныне, подумала с отчаяньем Анна, когда почувствовала, как сжимается от страха и волнения горло, мешая свободному доступу воздуха.

А потом встретилась с его взглядом... и словно через его глаза в нее по капле, по крупице вливалась уверенность, и отступал страх перед этими взглядами и шепотками. За то короткое время, что понадобилось Андрею подойти к Вере Александровне и ее подопечным, стоявшим у дверей и поприветствовать их, как и должно хозяину вечера. И пусть не было ни малейшей возможности продлить это короткое мгновение так близко к нему — уже пора было выходить в парк. Пусть он повел по анфиладе комнат одну из почетных гостей, малознакомую Анне графиню из столицы, согласно правилам этикета. И сидел так далеко от нее ныне во время оперного действия...

Но Анне отчего-то казалось, что не будь здесь всех гостей, сидящих в рядах кресел, разделяющих ее и Андрея, он смотрел бы только на нее. По крайней мере, ей бы очень этого хотелось сейчас. Чтобы куда-нибудь исчезли все эти головы и плечи, эти бархатные чепцы и перья эспри. Вот так сидеть и смотреть друг на друга со своих мест, не скрывая во взгляде того, о чем кричало сердце в голос...

Ей очень хотелось думать, что она не ошиблась, так опрометчиво ставя все, что у нее было за душой, на сукно игорного стола судьбы. Не нынче. Завтра будут розданы карты. Завтра она увидит, что приготовлено ей для розыгрыша, и кто останется в выигрыше, а кто уйдет от стола изменником фортуны. Впервые Анна сядет за стол игорный без привычных масок, позабыв о привычном притворстве. Рискнет всем, откроет все карты, которые будут

на руках. И в то же время, повинувшись прежней привычке, оставит за собой козырь...

Опера подходила к финалу. Уже упала замертво Эвридика после взгляда Орфея, поддавшегося на ее уговоры. Уже пытался оборвать собственную жизнь ее супруг, чтобы и во тьме подземного мира не расставаться с любимой. Но вездесущий Эрос, бог любви, милостивый к такой верной любви, что была перед глазами зрителей, сжалился над ними и оживил Эвридику, заставляя многих сентиментальных особ женского пола приложить к уголку глаза край шали или платочек, смахивая слезу умиления и восторга.

— Дары любви вам милее, — пел полноватый Эрос, у которого так плотно натягивалась на груди от усилия тесная туника, что казалось, вот-вот лопнет по шву, являя конфуз. — Тем милее, чем горше яд моей стрелы...

О, пусть так и будет, пусть дар любви станет таким желанным после всех стрел, полных яда, подумала Анна, вместе с остальными зрителями аплодируя актерам, кланяющимся после того, как хор, стоявший в отдалении, спел совместно с ведущими актерами заключительную арию, оду всемогущему богу любви.

Орфей и Эвридика после первых поклонов по обычаю указали на хозяйские места, чтобы зрители поблагодарили за действие не только их, но и барина, которому принадлежал театр. Андрей поднялся со своего места и короткими благодарственными кивками принял аплодисменты. При этом так вышло, что он нашел взглядом Анну среди ровных рядов зрителей, и она улыбнулась ему открыто и без стеснения, пользуясь моментом, пока все взгляды были устремлены на актеров и на хозяина театра.

Мы с тобой выпили горькую чашу, мой любимый. Такую горькую, что до сих пор не забыт тот вкус, который так больно жег грудь изнутри. В наших душах эта любовь стала незаживающей раной, которой не дано затянуться со временем, не огрубеть шрамом. Я не знаю, смог ли ты залечить ее, но я не позволю этого исцеления... Я не хочу этого исцеления. Ведь оно будет означать, что я потеряла то, что стало смыслом бытия для меня. И я не смогу жить при твоём исцелении, ведь человек не может жить половинкой от целого. Так не позволяй это — жить калекой... без тебя... Потому что я не позволю этого себе и тебе...!

Медленно катилось солнце по небосводу, миновав полуденную точку еще несколько часов назад. Усадьба была полна благодной тишины и солнечного света. Даже лакеи молчали, натирая воском паркет, уже давно от их усилий ставшим подобием стенных зеркал, настолько сверкающим тот был. Не переговаривались, расставляя высокие тяжелые вазы, для которых садовники уже срезали ароматные букеты садовых и оранжерейных цветов. Молча натирали серебро для предстоящего ужина и девушки, поставленные в помощь буфетчику, в который раз проверяющему важно свои владения в этой небольшой комнате подле большой столовой. Достаточно ли фарфора? А хрусталь блестит ли, как должен, чтобы играть разноцветными бликами в свете огоньков свечей? И достаточно ли натерли серебряные канделябры, которые будут этой ночью стоять на господском столе?

Тихонько, стараясь не потревожить отдыхающих после обеда господ, суетились камердинеры и горничные, подготавливая платья, шали, береты и чепцы, сюртуки и мундиры, а кому-то даже и парики к предстоящему балу. Проверяли веера и тонкие бальные дамские туфельки, начищали воском кожаные мужские туфли, чтобы те так и блестели вечером на господских ногах. Натирали до блеска камни украшений или орденов, чтобы господа сумели достойно показать себя на бале во всем великолепии.

В саду крестьяне под руководством одного из лакеев и проверяющего все работы в доме дворецкого устанавливали шутихи и фейерверки для предстоящей огненной феерии. Садовники же спешно подрезали лишние ветви, убирали лишние детали в цветниках партера, чтобы ничто не нарушало гармонию созданного их искусными руками великолепия.

В белой кухне усадьбы и вовсе царил дикий шум и суета под руководством прибывшего из Москвы вместе с барином повара, которого уважительно величали Лаврентием Никифоровичем. Тот был из дворовых графини да стал господином ныне над дворней — получил выучку поварскому искусству аж в Английском клубе, отчего его покорно слушалась даже бывшая господская повариха, уступившая ему свой пост в кухне и ставшая ему в помощь. Но даже знания и мастерство не помогли повару ныне унять свое волнение — шутка ли, впервые за три года ужин на пять десятков персон!

Во флигеле тоже царила тишина, но она была полна не молчаливой суеты, а безмятежности. Тихо посапывал, раскинув руки в стороны, маленький Сашенька, как обычно сбросив с себя легкое покрывало. Спала, положив голову на спинку кресла, Пантелеевна, убаюкивающая своего питомца и сама утомившаяся по жару. Она похрапывала периодически, и при этом тихом храпе Сашенька морщил недовольно лобик, вызывая улыбку у Анны. Она все-таки поправила его покрывало, понимая, что как только она выйдет за порог, тот сразу же его сбросит, и вернулась к себе, стараясь ступать неслышно по скрипучим половицам в коридоре.

— Мадам тетя ваша прислала отрубей миндальных, — встретила ее Глаша, уже замешивающая в невысокой мисочке глиняной грубоватую на ощупь кашицу, которой требовалось протереть и лицо, и шею, и часть груди и плеч. — Велела передать, что вы, барышня, чересчур потемнели на солнце за прошлые дни... негоже то!

Анна только плечами пожала, позволяя Глаше расстегнуть простенькое домашнее платье и, оставив только одну сорочку нижнюю на теле, тереть по коже эту кашицу из миндаля. Было довольно неприятно, а порой даже больно, но Анне даже нравилось сейчас

это мучение. Оно заставляло забыть о том, что ей предстояло сделать нынче ночью. И о том, в чем обещалась тетке, если все пойдет не так, как она планировала, если она ошиблась. Нет, урона ее чести в том случае не будет... Оленин слишком благороден для того, но она будет знать. Знать, что все кончено, что сама... О, как найти слова для того разговора!

— Ай! Ты что?! — Анна едва не взвизгнула в голос, когда тряпица больно прошлась по спине, удаляя остатки миндальной кашицы и больно царапая плохо смолоченным орехом нежную кожу. Только вспомнив о присутствии в доме ребенка, сдержалась, только зашипела на Глашу, вырвала из ее руки тряпицу. — Смыть тотчас! Не буду тереть! Уж лучше пусть дурнушкой сочтут, чем расцарапанная выйду!

— Ой, барышня! Я ж ненароком! — засуетилась вокруг нее Глаша, а потом обе замерли, когда раздался вполне слышимый стук в передней флигеля. — Кто это к нам в час послеобеденный? Кого принесла?

На удивление Анны, услышавшей с первого этажа дома женский голос, ей принесли весть, что пришла Катиш и просится переговорить с ней. И разговор этот срочный, оттого даже при подготовке к балу предстоящему она согласна побыть в спальне, лишь бы Анна согласилась. А то после самой надо бы, и времени не будет вовсе.

Анна не отказала, и Катиш поднялась в спальню, с удивлением в первые минуты разглядывая небольшую комнату (право, в прежние времена у Анны даже уборная была больше этой спальни): и неширокую кровать под балдахин, и комод, и столик туалетный с зеркалом, в которое на нее вопросительно смотрела кухня.

— Огуречная вода, — Глаша поставила перед Анной очередную мисочку, а после по ее знаку, удалилась после легкого книксена, плотно затворив дверь. Катиш все молчала, прошлась к столику, у которого стопкой лежали книги, пролиставла верхнюю из них с таким интересом на лице, словно только и пришла сюда ныне для того.

Анна не стала настаивать — принялась вытирать лицо, шею и плечи огуречной водой, чтобы хотя бы немного осветлить кожу. И настолько сосредоточилась на этом занятии, что пропустила тот момент, когда *petite cousine* оставила книгу и стала пристально наблюдать за Анной в отражении зеркала. Только когда проводила тряпицей по груди, заметила этот странный взгляд и вопросительно подняла брови, вынуждая ту заговорить наконец.

— Сколько тебе лет, Аннет? Двадцать пять? — спросила та, и Анна тут же рассердилась при этой реплике.

— Ты прекрасно ведаешь, Катиш, что мне еще далеко до «кандидатки»! Ты младше меня на два лета и два месяца... вот и поскладывай, сколько годков! — раздраженно бросила в ответ Анна.

— Я не желала тебя обидеть, — мягко сказала кухня. — *Tout au contraire* ^[651]. Будто каждый прожитый тобой день только множит твою прелесть. Я думала, ты переменялась за эти годы... Нет же. Все так же, как ранее. Тебе довольно просто молчать и улыбаться, но они снова все будут у твоих ног... Как тогда. Я ведь завидовала тебе. И до сих пор во мне живо это гадкое чувство. Ты улыбаешься? Я думала, ты будешь зла на меня за то...

Анна действительно улыбалась, глядя на нее в зеркало снисходительно. Так глядят на малыша, который сказал какую-нибудь несмысленность.

— Я знаю, — тихо проговорила в ответ. — Я это знала всегда. Тебе нечего стыдиться, *ma petite*. Этому греху подвержены многие, и даже я.

— Даже ты? — удивилась Катиш и шагнула к кухне, опустилась на ковер у ее ног, заглядывая той в глаза. — Чему же завидовать тебе? Ты так красива! Ты чаруешь всем —

своей статью, своим лицом, голосом, жестами... Тобою все пленяются тут же, с первых минут!

— Полно! — рассмеялась Анна легко, беря ладони кузины в свои. — Так уж и все! К примеру, я готова биться об заклад, что есть персона, коей ты милее меня во сто крат!

— И кто это? — едва ли не затаив дыхание, прошептала кузина, и Анна вдруг вспомнила о влюбленности Катиш, что чуть пригасило ее улыбку, обращенную к кузине. Насмешка небес! Кузины — соперницы, как глупом *vaudeville* ...

— Мадам Оленина, к примеру. Боюсь, я плохой ученицей вышла. Помнишь, нам мадам Элиза все время твердила, как заклинание — будьте любезны со всеми, будьте веселы в меру, будьте угодливы старому...

— ... старайтесь понравиться всем и каждому, — закончила Катиш и улыбнулась Анне. — Только мне все-таки это доставалось с таким трудом, — а потом тут же посерьезнев и без перехода, ударила прямо в лоб, заставив Анну онеметь на миг. — Оставь его в своих играх! Я ведь видела, как ты смотрела на него давеча при действе оперном. Тебе он нужен лишь как предмет, который в руки все не дается... разве нет? И тогда ты его привлекла только потому. И предложение его приняла. Он ведь не нужен тебе. Не так, как мне. Оставь его, прошу. Тебе — княгиней быть сама судьба, а мне иной не надо, чем с ним! Ты ведь ныне иная, не злая, как прежде... Я же вижу. Ты поймешь. Я люблю его. Все эти три года я любила и ждала только его. Без него мне — вомут с головой или на осину [\[652\]](#). Отступись, Анна... я прошу тебя! Как кузину, как сродственницу!

Анна с минуту смотрела на нее ошарашено, не замечая боли в пальцах, которые больно стиснула Катиш в волнении. А потом рассмеялась. Хлестко и помимо воли — зло.

— Смешно, помилуй Бог! Отчего я должна?

— Оттого что у тебя есть иные пути. Лучше этого! Ты ведь хотела титула, вспомни! Вспомни, как шептались вы с Полин при ночевках наших. Ты ведь всегда хотела — в город столичный, на балы и рауты. Титула хотела, и мужа при состоянии и почете. А мне и деревни будет довольно. Только бы при нем. Да и тебе не позволит никогда мадам Оленина женой ее сына в дом войти! Никогда!

— И мне деревни будет довольно! — запальчиво возразила Анна. — Откуда ты знаешь, что думаю ныне? Мне было пятнадцать лет, когда говорила о том. Много поменялось с тех пор. И я изменилась. И для меня — не прихоть, не игра... и никогда не было. Даже с первых минут. Он в сердце вошел, и нет мне ныне покоя... как и тебе.

— Нет! — вскричала Катиш, вскакивая с пола. Алый некрасивый румянец уже залил ее щеки, а злоба заострила черты лица. — Нет! Не ровни здесь! Ты не любишь его, как должно. Как нужно ему. Как он того достоин. Не любишь! А потому — уйди, не надобно...

— Да что ты можешь знать о том, *ma petite cousine*?! — проговорила Анна, подчеркивая обращение, которым любила прежде уколоть кузину. — Как можешь ты судить, какова моя любовь к нему?

— Могу! Оттого, что знаю — не может быть любви, когда другому позволено было...! Так не любят, когда одному обещались, а как только он за порог, то к другому тут же! И ненадобно мне говорить, что все только слухи завистливые, *ma chere cousine*, — Катиш гордо подняла голову, осознавая свою правоту в том, что говорила. И тут же наотмашь словами Анну ударила, заставляя замереть на месте, растеряться. — Я сама видела, как ты к поляку ночью бегала. В сорочке одной. Как непотребство чинили, видела... под крышей дома твоего отца! Будучи обещанной ему, другому честь свою отдала... Нет смысла отпираться! Ты

можешь обмануть кого угодно — маменьку, мадам Элизу, своего батюшку покойного. Но не меня. И не его! Я сказала ему все тогда. Все, что видела. И как в парке обнимались за деревьями, и как тогда, ночью... как поляк трогал тебя, ласкал. Как целовал... Я все рассказала тогда! — добавила в конце своей запальчивой речи торжествующе Катиш.

Она до сих пор помнила тот осенний день, когда так неожиданно приехал Андрей. Как ее позвали тогда в диванную, и она спешно бежала, позабыв о приличиях.

— Вы — чистая душа, вы — дитя... Катерина Петровна..., - он еще что-то говорил тогда, а Катиш слушала и не понимала, почему он начал разговор с упоминания имени Анны. Почему спросил — не с ней ли она нынче была, какова она ныне? Анна, Анна и только Анна. А потом ухо уловило интонацию, с которой он произнес имя невесты. И такое непривычное в его устах... «Аннеля»...

О, как же плакала тогда она в душе, молча глядя на него тогда. На его боль, на его неверие. Читая в его глазах надежду. Он любил совершенно недостойную его любви персону. И ради его счастья... нет, не ради себя, а ради него, Катиш тогда открыла то, что видела сама своими глазами, что так тщательно скрывала от всех и чем так тяготилась до того дня. Она просила, стоя на коленях в образной, как ей следует поступить с этим знанием, кому доверить его. И вот Господь послал ей знак...

— Я рассказала ему все. Все! Слышишь, Анна? О, если бы ты видела его в тот миг! Я думала, он убьет тебя, как убивает обманутый муж в том романе, что мы читали с тобой и Полин тайком, — Катиш умолчала, что сама испугалась в тот же миг, заметив, какие эмоции в тот момент разрывали душу Андрея. Как желваки ходили на скулах лица, придавая ему такой незнакомый вид. «Вы оставите ее ныне?», спросила она тогда несмело и отступила к дверям под его взглядом, а после и вовсе убежала к себе покои, трясаясь от страха от того, что увидела в его глазах.

— Мужчины такое не прощают, ma chere. Ведь в то время, когда он проливал кровь, ты ночью, в одной сорочке... И он не простит! Как бы ни таил к тебе склонность. Ты презрела его имя, которое он дал бы тебе, как супруг... слово принятое не сдержала. Он не простит. Оставь все это! Оставь! Мужчина никогда не поведет к венцу порченную!

И замолчала только тогда, когда ладонь Анны ударила ее по лицу, с такой силой, что Катиш даже язык прикусила. Обожгло щеку болью, а во рту тут же появился соленый вкус крови от ранки из прикушенного языка.

— *Sortez!* ^[653] — глухо сказала Анна, глядя на кухню без какого-либо выражения в глазах. Будто и не слышала ее. — *Sortez!*

А потом устало опустилась в кресло, даже не слыша шагов по лестнице и далее в передней, того громкого стука, с которым захлопнула за собой дверь рыдающая Катиш. Анну трясло мелкой дрожью, несмотря на духоту, что была в комнате, правая ладонь горела неприятным огнем. Она до сих пор не могла поверить в то, что услышала от кухни, от той, с кем делила и кров, и стол, и забавы, и игры... С кем бок о бок практически прошла ее беззаботная юность. Она привыкла видеть в *petite cousine* безропотного своего пажа, который простил бы забавы своей госпожи, все шутки и упреки. Тихая и скромная Катиш всегда была где-то за спиной у нее и на выездах, и в домашних развлечениях. Незаметная всегда, отводящая глаза от прямого взгляда, некрасиво краснея при том. Кто бы знал, что эта юная и стеснительная девочка может в один прекрасный момент укусить пострашнее последнего ползучего гада?

А Анна грешила, что все сплетни в тот день Андрею передала Мари... Или даже Марь

Афанасьевна, за что теперь заливалась краской стыда, сидя перед зеркалом. А это была Катиш, вечно краснеющая от смущения *petite cousine*...

И снова вспомнила ту ночь в одной из гостиных первого этажа усадебного дома. Те смелые объятия, те поцелуи. Чужую руку на своей груди... И вспомнила весь разговор, который вела с Андреем по возвращении. Отдаться другому, обещавшись одному. Полностью. Уступив честь, которая отныне уже не принадлежала ей одной с тех пор, как на ее руке появилось кольцо. И пусть она прежде была с Андреем... О Боже, даже думать о том, что он мог подумать после рассказа о ее грехопадении, пусть и не совершенном до конца! И все-таки настаивал на совершении брака, на выполнении обещаний, некогда данных...

Через коридор в комнате закричал, пробудившись от дневного сна, Сашенька, требуя к себе внимания, и Анна вспомнила о том, как выдала его за собственного ребенка тогда, перед церковью. Сама открыто назвав сыном, пусть и несколько завуалировано, перед тем, кто доподлинно знал о том, что тогда было меж ней и Лозинским. И снова события былых дней промелькнули в ее голове. Только уже в ином свете... совсем в ином.

— Одеваться бы надобно, — тронула Анну за плечо перепуганная Глаша. Она стучалась несколько минут прежде, чем решилась войти в спальню барышни. И вид той — растерянный, перепуганный — даже с толку сбил горничную. — Вам нездоровится, барышня?

— Что с тобой? — тут уже ладонь мадам Элизы тронула лоб, проверяя на наличие жара, и Анна вдруг поймала эту руку, сжала в волнении, а потом прислонилась к ней щекой, будто пытаюсь найти силы. И принять решение, что ей делать далее.

У нее так мало времени и так мало доводов, чтобы опровергнуть все, что сама же поставила себе в вину. Поможет ли разговор? Найдутся ли слова? Анна все думала и думала, пока ее облачали сперва в шелковое платье цвета нежной сирени, а после в чехол из белоснежного газа, пока Глаша снимала *rapillotes*, аккуратно распутывая завитые пряди. А потом, когда на плечи мадам Элиза набросила кружевную шаль, когда расправила пышные рукава, вдруг взглянула на распахнутое окно в сад и вспомнила недавний сон. Как там пел хор в заключительной арии?

— Эрос, бог любви, вдохновляет огнём своим весь мир живой..., — тихо прошептала Анна и приняла в руку вложенный Глашей веер, совсем даже не почувствовав этого, погруженная в свои мысли.

Огонь. Жидкий огонь желания, медленно струящийся по жилам вместе с кровью, которую перегоняло сердце. Ослепляющее разум желание, заставляющее забыть обо всем, кроме этой жажды, которая разрасталась в теле с каждой лаской, с каждым поцелуем.

«...Два пути. Один — ... каемся в содеянном, венчаемся завтра после службы...», так ей предложили тогда, в ту первую ночь, которую она до сих пор вспоминала. И ныне у нее тоже два пути. Только теперь нет никаких сомнений, по которому из них она ступит... Ее единственный козырь...

Ни Анна, ни Катиш даже взглядом не показали, что они в размолвке. Как обычно приветствовали друг друга, как обычно бок о бок держались чуть позади Веры Александровны, поднимаясь по широкой лестнице в бальную залу Милорадово и после, когда об их прибытии объявил громко распорядитель. Только они обе знали, что более уже никогда не будет как обычно... и что нынче у каждой только один шанс получить то, что так отчаянно желали обе. Анна даже боялась подумать, на что хватит решимости у той, кого, как выяснилось, она совсем не знала. А неизвестное опаснее всего... Хотя решится ли

невинность на то, что готова пойти она? Ведомо ли ей, на что способен огонь в крови? Ранес и Анна не знала этого.

Они совершенно одинаково равнодушны были при коротком приветствии, которое следовало отдать хозяевам бала — глубокий книксен и взгляд в пол, вежливая фраза на французском, что им весьма приятно быть здесь. Ни одна не подняла взгляда на Андрея, словно опасаясь выдать свой интерес другой. Только на Алевтину Афанасьевну и Софи, стоявшую за креслом матери, взглянули. Причем тут, как должна была отметить Анна, Катюша была в большем фаворе у той, кого прочила в свои свекрови — заслужила от той скупой комплимент и улыбку на досаду сопернице.

В зале, наполненной ароматами цветочных букетов и самых разнообразных нот духов и масел, блеском позолоты потолка и стен, отраженной в зеркалах, было столько приглашенных, что Анна увидела Андрея второй раз только, когда оркестр заиграл первые звуки польского. Он, как хозяин, вел в пару все ту же графиню, и Анна даже почувствовала мимолетный укол ревности к этой молодой женщине в платье жемчужно-серого шелка. А потом с трудом удержалась, чтобы не бросить еще один взгляд на Андрея, когда их пары прошли подле друг друга по зале в полонезе. И после, когда то и дело скользила мимо него, стоявшего возле одной из колонн залы, в каждом танце, в котором ее вел по зале очередной кавалер.

Он действительно не танцевал более, кроме полонеза, которым был обязан дать начало вечера, как хозяин. Зато Анна была в тот вечер ангажирована на все танцы, которые планировались на бале — ее книжка, на удивление, заполнилась очень быстро еще после польского. И будто вернулась в прошлые дни с его вихрем искусных комплиментов, танцевальных фигур, занимательных и шутливых бесед, в которых сама задавала тон и тему. И все же украдкой бросала взгляд порой, отыскивая среди гостей знакомую светловолосую голову.

Жаль, что он не в мундире, отчего-то подумала Анна, наблюдая, как Андрей, улыбаясь, что-то отвечает одной из почтенных дам их уезда, которая через лорнет взирала на кружащиеся в вальсе пары. Мундир был так ему к лицу, и так выделял его среди прочих, при первом же взгляде демонстрируя положение обладателя. Нет, в зале были еще пара кавалергардов, товарищей Андрея по прежней гвардейской жизни, но ни на чьих плечах мундир так отменно не сидел, признавала Анна.

— *C'est dommage* ^[654], - проговорила Анна, и один из ее поклонников, штаб-ротмистр в гусарском ментике Лейб-гвардии, склонился к ней поближе под недовольным взглядом Веры Александровны, чтобы лучше слышать этот дивный голос через музыку вальса и шум голосов. А, кроме того, он был контужен в битве подле Лютцена, и был глуховат на одно ухо немного, как оправдывал он свою вольность.

— *C'est dommage...* Столько мужей были вынуждены оставить армию и гвардию помимо воли из-за нездоровья, — Анна оглядела зал, словно отмечая каждого, кто носил с тех незапамятных времен войны с французом отметину — пусть даже не видимую стороннему взгляду. Даже у Павла Родионовича был шрам небольшой на кисти от ранения картечью, которое тот получил, отбивая свой обоз от неожиданного нападения неприятеля, зашедшего с тыла в арьергард русской армии.

— Увы-увы, — штаб-ротмистр погладил ус, как обычно бывало при волнении. — Война-с... Дело такое. Тут даже Богу свечу бы поставить, что отделался не жизнью своей, а только здоровьем. Пусть даже тяжелым ранением... В это верится с трудом ныне, когда мир,

но это так.

И Анна помимо воли вдруг вспомнила страдания брата, вернувшегося с поля близ Бородино калекой. Так-то оно так, но вот объяснишь ли это человеку, лишенному ноги или руки, что он должен быть благодарен за сохранение своей жизни?

— Вам довелось делить тяготы войны с господином Олениным? — спросила она. — Я знаю, что он был ранен при сражении близ Бородино, как и вы.

— Увы! Мне не посчастливилось разделить доблесть нашей славной армии и гвардии при сей битве. Мой эскадрон по жребию попал в запасные под командованием славного Петра Христиановича [\[655\]](#), спасителя Петербурга, как вы, должно быть, слышаны. Только в 1813 году мне посчастливилось попасть в действующую армию и пройти до самого Парижа под рукой Его Императорского Величества. Там и с полковником знакомство близкое свели. Война, она многих сближает, не делая различия в чинах и положении, — аккуратно заметил штаб-ротмистр, перефразируя то, что пришло на ум. Барышне ведь не скажешь о тяготах походных, о ранениях, о тех гулянках, которые позволяли себе в коротких перерывах.

— А вы ведаете, в полках говорили, что наш знакомец — заговорен от пули и от сабли? — попытался привлечь к себе внимание Анны гусар, заметив, что вальс подходит к концу, и сейчас один из его соперников уведет девушку на середину залы на очередной танец. Он помнил, что все девицы падки до мистических историй, особенно если в них имеется романтическая подоплека. А тут akurat такова история!

— Неужто? — Анна чуть развернулась к нему, и штаб-ротмистр отметил, что снова не ошибся, выбирая тему для беседы с барышней.

— У полковника талисман особый имелся при себе всегда. Перстень заговоренный. *Op dit* [\[656\]](#), на руку его влюбленная цыганка надела тот перстенок, которую тот уберег от беды. Другие же толковали, что сей дар благородной дамы, а не цыганки. Но перстень тот и верно береженный, потому как и пуля, и сабля обошли стороной полковника при всех сражениях, в которые бросала его судьба. По крайней мере, уберегла по тяжести ранения. А те сражения, скажу я вам, весьма и весьма..., — он многозначительно умолк и вдруг с удивлением отметил странную бледность, залившую лицо его собеседницы. Только он желал осведомиться, что с ней, не голова ли кругом от духоты зала, как она сама заговорила:

— Не может быть того. Что же тогда от увечья полковника не уберег сей дар? Того, что вынудил его оставить гвардию, вернуться в Россию ранее срока.

— Я же говорю — при сражениях. А то увечье... Тут еще одна история, Анна Михайловна, презанятная, — вальс был окончен, и кавалеры под руку вели своих партнерш на места, чтобы после короткого перерыва, пока отдыхали музыканты, снова вывести в круг иных, согласно записям в книжках, висевших на тонких кистях рук, обтянутых шелком перчаток. Потому гусар торопился увлечь Анну, завладеть полностью ее вниманием, чтобы остальные поклонники ее прелести, вернувшиеся в их небольшой кружок, не отняли возможность вести беседу с ней.

— Весьма презанятная, — повторил он, и даже Вера Александровна невольно стала прислушиваться к его голосу, как заметил довольный штаб-ротмистр. — Ранение полковника было получено не на поле боя, но все же в сражении. За честное имя русской армии и гвардии, за ее офицеров. Хотя полагают, что и без дамы не обошлось. Во всем противостоянии двух мужей *cherchez la femme*, как говорится.

— Дуэль? — спросила Анна, пытаясь свести все услышанное воедино, унять хаос мыслей, который ныне терзал ее голову, добавляя тревог в и без того истерзанную душу. — В

Париже?

— В оном, — кивнул штаб-ротмистр. Теперь его уже слушала не только Анна и Вера Александровна. Ныне число слушателей его истории приумножилось за счет вернувшихся с паркета офицеров, Катиш и Павлишина, у которого был записан следующий танец в книжке Анны. И штаб-ротмистр уже жалел, что начал эту историю — одно дело шептать о ней барышне, другое — рассказывать нескольким персонам. Потому и поспешил перевести разговор в иное русло. — Правда, подробностей сего действия я не знаю. Был ранен на Реймсе в марте 1814 года, а посему в Париж прибыл уже только по осени. О, дивный город! Сущая приятность побывать там пусть и по такому случаю. Ведаете ли вы, барышня, как опасались нас парижане? Они-то полагали, что мы отместку разорим их город, до основания разрушим за содеянное с Москвой. Да таков ли русский, чтоб его равнять с теми французскими варварами?

И беседа в дальнейшем потекла в воспоминаниях о разорении Москвы и Смоленской земли, к которой подключились многие, стоявшие или сидевшие в креслах поблизости. Ведь каждому из присутствующих в зале было, что сказать на сей счет. Лишь Анна почти не слушала эти толков, погруженная в свои мысли. Разве ж был у Андрея перстень на пальце? Нет, иначе бы она непременно бы заметила его ранее. Ах нет! Он столь часто был в перчатках... И на прогулках по Милорадово, и тогда, в карете, когда возвращались с Гжатска.

А коли действительно был, чей этот перстень? Ведь то самое кольцо, которое Анна когда-то вручила ему, ныне покоилось на днѣ колодца на заднем дворе усадьбы. Да и мало оно было для широких пальцев мужских, такое не надеть!

Она настолько была увлечена мыслями об этом перстне, которые не давали покоя, пока танцевали мазурку пары, скользя по паркету залы, что даже когда встала подле клавикордов в соседнем с залой салоне, пыталась найти взглядом пресловутое кольцо на его руке. Совсем забыв, что он в перчатках ныне, согласно случаю. И растерялась, когда подняв взгляд от ладони Андрея, лежащей на спинке кресла, в котором сидела Софи, вдруг встретила с его взором... Впервые за весь долгий вечер.

— Анна Михайловна, — тихо шепнул Павел Родионович, аккомпанирующий ей за клавикордами, и она вздрогнула от этого резкого шепота. И растерялась, не узнавая музыку, не понимая, когда ей надобно вступить, совсем забыла, что в последний день переменила арию для исполнения. Оглянулась тут же на Павлишина и тот губами ей прошептал: «Sposa» [657], подавая знак для начала пения кивком головы.

Sposa. Любимая ария из итальянской оперы ее деда и, как говорил Михаил Львович, матери Анны, которую еще при покойном графом Туманине ставили на сцене домашнего театра. Граф привез из Венеции не только ноты и либретто на итальянском языке, но и исполнительницу этой арии, прельстившись ее красотой и голосом. Поговаривали, она жила в том самом флигеле, который ныне занимала Анна...

Именно эту арию она выбрала для исполнения, зная от Софи, что Андрей говорит без особого труда на итальянском языке, который не был столь широко распространен в их среде, как французский. Только для него Анна пела ныне, казалась, выпуская слова, летящие под расписной потолок салона, из самой души, наполняя особым смыслом каждое из них. И боялась на него взглянуть, понимая, что не сдержит слез, что уже намечались в ней...

— ... fida, son oltraggiata... [658], - голос даже дрогнул, когда выводил эти слова. И после, когда после очередных пропетых строк, приступила к тем самым, что ныне шли от

сердца. — E pure egli è il mio cor... il mio sposo... il mio amor... la mia speranza [659].

Анна не думала сейчас ни о чем, кроме того, кому пела эти слова. Ни о том, что пару раз не взяла нужных высоких нот, ведь пела совсем без предварительной подготовки, после трехлетнего молчания. Ни о том, как иногда не хватало воздуха из-за слез, душивших ее. Особенно, когда она в финале арии все же отважилась перевести взгляд с восторженных, равнодушных или отстраненно-вежливых, но таких чужих лиц на единственное родное ей сейчас. Когда заметила знакомые тепло и нежность в глазах...

— ... il mio sposo... il mio amor... la mia speranza...

Эти слова еще долго отдавались в ней странным эхом, будто оставшимся после окончания пения, когда гром аплодисментов разорвал тишину, в которой раздавался ее голос и звук клавикордов. Кажется, ей что-то говорили, когда она встала подле тетушки после исполнения. Она не слышала ничего из этих восхищенных реплик, лишь молча улыбаясь подавала руку для целования по разрешению Веры Александровны, с трудом стянув узкую перчатку.

Только один поцелуй из тех печатью лег на ладонь Анны. Когда губы Андрея коснулись ее вежливым поцелуем. И только за это Анна была готова благодарить того восторженного офицера, который настоял на целовании руки той, что «усладила ныне не только глаза своей прелестью, но и уши — своим дивным голосом». Андрей проговорил положенные по случаю слова благодарности, а потом что-то на итальянском, и Анна пожалела, что не знает совсем этого языка. Ведь при этом большой палец его скользнул по внутренней стороне ее ладони, вызывая тем самым знакомый огонь в крови. И она только улыбнулась в ответ, нервно и криво, опасаясь, что Вера Александровна, внимательно наблюдающая за ними, разгадает эту тайную ласку.

Скоро, совсем скоро будут вскрыты карты. Всего несколько часов, и будет разыграна моя ставка на эту игру — моя будущая жизнь, мое сердце... И я сознательно пойду на этот риск, потому что иначе уже никак нельзя. И все же даже дурной расклад будет благом для меня. Ведь он принесет мне то, чего я так страстно жажду уже несколько дней. Что погасит то странное желание, которое не исчезло с той ночи, когда ты пришел ко мне во сне. И пусть мне останутся только воспоминания, если мои карты будут биты в эту игру, пусть даже только они...

Вкус блюд, которые подавались в переменах, Анна совсем не чувствовала. Совсем неосознанно гоняла еду по тарелке или разрезала несколько раз уже разрезанное прежде, даже не замечая этого. Хорошо, что ее место было далеко от хозяйского во главе стола, и она не могла видеть Андрея за высокими серебряными канделябрами и вазами с пышными букетами цветов и фруктами.

И хорошо, что ее соседки по столу были увлечены разговорами меж собой, не тревожа Анну, сидевшую меж ними. Пожилая дама, вдова одного из полковников екатерининской эпохи, жившая безвыездно в своем имении за Гжатском, рассказывала весь ужин Вере Александровне о способах варить медовое варенье из белых слив и о том, как безбожно ворует дорогой нынче зеленый чай ее ключница.

Наконец после десерта стали подниматься из-за стола, следуя примеру хозяина, чтобы продолжить бал наблюдением феерии, которую приготовили в саду, и завершающим бал котильоном, который по обыкновению, занимал столько времени, что самые старшие гости успевали подремать, сидя в креслах у стен залы.

Анна успела заметить в этой суматохе, установившейся в эти первые минуты после

ужина, как подал короткий знак Андрею дворецкий, следивший за работой лакеев в столовой, как тот что-то выслушал, а после вышел вон. Пришло время и для Анны уходить с бала... потому что встретить его взгляд после того, что Андрей услышит сейчас и прочтает, она попросту не могла. Слишком опасалась дать слабину, отступить от намеченного...

— *Ma tantine*, — тронула Анна за руку тетушку, когда они направлялись медленным шагом в числе прочих в бальную залу. — У меня отчего-то жуткий приступ мигрени случился... Я думала, смогу вытерпеть, но за ужином поняла, что та только пуще принимается.

— *O mon Dieu*, — встревожилась тетка, а потом ослабила узел на ридикюле, пытаясь найти в глубине сумочки соли, которые всегда брала с собой на такие вечера. — Бедное дитя! Вы, верно, отвыкли от того за эти годы. И мигрень потому... Столько гостей! Музыка! Духота! Я и сама с трудом держусь на ногах...

— Ненадобно солей, — отказалась Анна. — Я б лучше покинула бал нынче ж. Тишина и покой. Они лучшие лекарства, вы же ведаете сами. Убеждена, мне тотчас полегчает, как только лягу на ночной сон. Распорядитесь, чтобы меня лакеи проводили, а сами не тревожьтесь из-за этого, оставайтесь с Катиш. Тут идти-то около сотни шагов, не пропаду.

Вера Александровна разрывалась на части сейчас из-за сомнений отпустить Анну только в сопровождении лакея и желая Катиш увидеть феерию, великолепие которой обещало затмить виденные прежде в послепожарной Москве.

— Я пришло поутру справиться о вас, *ma bonne*, — проговорила, наконец решившись, Вера Александровна. Возвращение в столовую Андрея, когда она заметила, как тот подает руку сестре, желая отвести ту в парк, только убедило ее, что тут нет ни малейшего подвоха. — И пришло к вам моего настоя от мигрени. Он творит сущие чудеса!

— О, я была бы вам так благодарна! — улыбнулась Анна через муку. — Буду ждать его, как только будет свободна ваша горничная нынче после бала. Уж чересчур боль сильна! Как бы и сон не прогнал ее... А то не стерпеть, совсем не стерпеть ее!

— Покойной ночи, *ma bonne*, — коснулась ее лба тетушка коротким поцелуем. — Именно покойной ночи...

Ну, уж нет, думала Анна, ступая аккуратно тонкими подошвами туфелек по гравийной дорожке, ведущей к флигелю. Покойной ночи я ныне себе не желаю... и коли все пойдет, как решила, она определенно таковой не будет. И коли он придет... Она остановилась на миг, обернулась на дом, светящийся ровными силуэтами окон в ночной тишине. А потом вздрогнула от неожиданности, когда взлетела над домом яркая искрящаяся звезда шутихи. Тут же забормотал лакей за ее спиной, крестясь при виде фейерверка, россыпью искр осветившего черное небо над крышей усадебного дома и верхушками парковых деревьев.

С тихим шорохом рассыпалась на яркие огненные частички еще одна шутиха на фоне ночной темноты, и Анна улыбнулась довольно, кутаясь в кружевную шаль от прохлады.

Он придет! Он не может не прийти. Ее супруг невенчаный... ее любовь... ее надежда.

Медленно, будто слезы, стекали капли воска вдоль тонкого тела изрядно уменьшившейся за прошедшее время свечи. Огонек, отражаясь в зеркале ярким пятном, слегка трепетал, когда через открытое окно спальни в комнату проникал игривый ветерок. Тот пробежал по спальне, легко вздымая вверх кисейные занавеси балдахина, ласково ворошил распущенные волосы сидящей перед зеркалом Анны и проводил по ее разгоряченным щекам, будто пытаясь остудить хотя бы чуть-чуть тот жар, которым она сейчас горела.

Часы на комодке громко тикали в ночной тишине, наступившей после грохота шутих, которые большими огненными звездами рассыпались над парком на потеху гостям Милорадово. Анна не стала подходить к окну, ее отчего-то совсем не прельщала эта феерия, разливавшаяся искрами в темном небе, но Глаше позволила насладиться этим удивительным зрелищем и только после его окончания подала знак, чтобы та раздевала ее. Все страшилась спросить, решилась, когда Глаша подала ночную сорочку.

— Ты ведь сделала то, что я велела? — и та тут же кивнула, подтверждая, что действительно ходила к усадебному дому и через своего дружка-лакея, а тот, уже не столь решительно, через Пафнутия Ивановича, вызвала барина, чтобы в темноте вестибюля передать ему записку от Анны.

«Il faut absolument que je vous parle», гласила та записка, которую Анна спешно написала после ухода Катиш. «Sans tarder. Glasha dit le reste» [\[660\]](#)

— И все сказала, как я велела передать барину? — и Глаша снова кивнула, видя волнение барышни, понимая всю серьезность того, что затеяно ныне ими. Она хорошо запомнила все слова, которые должна была сказать Андрею, ведь выучила те едва ли не назубок, пока ждала окончания ужина в швейцарской. И изо всех сил стараясь не показывать, как ей страшно повторять их уже вслух, для барина, проговорила те, когда Андрей взглянул на нее выжидающе, прочитав записку.

— Барышня велели вам сказать, что ждать вас будут после бала. Во флигеле. Иного места укромного в имении нынче нет, сами понимаете. А еще... еще..., - тут Глаша не могла не запнуться, потому что слова, которые она должна была сказать, для нее казались совершенной бессмыслицей. — Еще они велели сказать вам, что когда были в малолетстве, то отменно по деревьям лазали на зависть дворовым мальчишкам, не глядя на положение свое. А шпалеры — не то, что ветви... там все проще...

И смолкла, когда почувствовала нутром, что что-то не то ныне. Как-то странно молчит барин и смотрит на Глашу во все глаза, будто что-то в ней разглядеть пытается. А потом и вовсе вздрогнула, когда барин вдруг расхохотался в голос, а отсмеявшись, поманил к себе лакея, дружка Глаши, стоявшего поодаль и наблюдавшего с тревогой в глазах их разговор. Глаша думала, что сейчас ей всыпят розог на конюшне за дерзость последних слов барышни, которую скорее почувствовала, чем разгадала умом. И удивилась, когда барин велел ей дать рубль да золотом, который сейчас лежал у самого сердца приятной тяжестью.

— Что барышне-то передать, господин хороший? — спросила Глаша, вдруг став после обещания награды смелой, и барин улыбнулся ей в ответ. А потом приложил палец к губам, мол, не говори ничего, когда заметил спешащего к ним Пафнутия Ивановича, озабоченного, что барина нет, и неизвестно — выходить ли в партер парка гостям.

— И все? И более ничего? — спросила Анна, недоумевающая, каков ответ в странном, по ее мнению, поведению Андрея. Придет ли? Ждать его? Или она только зря так отпроектично унизилась перед ним своим предложением?

— Все. Барин сделал мне знак удалиться, я и поспешила убежать...

— А как рассмеялся он? С издевкой ли? Или как? — и Глаша взглянула на барышню, не понимая совсем, о чем она. А потом несколько раз пыталась показать смех барина да только все сбивалась и сама же говорила, что все не то. Пока Анне самой не надоела эта затея, и она не прогнала девушку прочь, дожидаться на крыльце флигеля появления того, как так ждала ныне.

Тик-так, снова напомнили о себе часы с комода, тик-так. С мерным звуком, таким отчетливым ныне, отмеряли они каждую долгую минуту, сводя Анну с ума. Уже давно миновали два часа после феерии, которые обычно были отведены котильону, завершающему бал. Уже скорее всего, разошлись по отведенным покоям приглашенные на празднества гости, и только дворня ныне сновала туда-сюда по дому, пытаясь прибрать следы бывшего торжества. Погасят свечи, почти догоревшие до основания в позолоченных люстрах, спустив те с полотка залы. Затухают тонкие огоньки в высоких жирандолях, стоящих на высоких мраморных подставках, пуская темноту в некогда ярко освещенную залу. Унесут вазы с цветами. Их головки уже поникли, не перенесли духоты, царившей в стенах бальной залы, а завтра ранним утром сметут с паркета лепестки, которые те потеряли. Бал окончен...

Анна думала об этом и думала, представляя себе мысленно вид пустеющей и темной залы. И не могла не вспомнить тут же свой странный сон, когда та была полна света и блеска позолоты в многочисленных огоньках, когда Андрей кружил ее в своих руках под звуки вальса, такую счастливую, такую прекрасную в белоснежных кружевах, положенных по статусу невесте. Его глаза сияли нежностью, окружали ее любовью, в лучах которой ей было так благостно ныне... И он все кружил ее и кружил, а она улыбалась, пытаясь не дать тяжелому шелку платья под газовым чехлом вырваться из пальцев, не запутаться в ногах танцующих.

А потом Анна вдруг осталась одна в темной и опустевшей зале, ловя свои многочисленные отражения в узких настенных зеркалах в скудном свете, идущем из полуоткрытых дверей в залу. Стояла на месте, сжимая в пальцах шелк шейфа, не понимая, куда делся этот свет, заливающий все вокруг, куда исчез аромат цветов, дурманящий голову, и отчего она ныне одна... И заметила краем глаза позади себя мужскую фигуру, которая отразилась в одном из зеркал. Не красный виц-мундир Андрея, который только что сжимал ее стан в своих руках и так ласково гладил ее пальчики, обтянутые шелком перчатки. Черный фрак. Светлое пятно галстука...

Анна даже не поняла, где находится, когда резко подняла голову. Страх, мечущийся в груди, только усилился, когда она заметила собственное отражение в зеркале и не сразу узнала себя в этом светлом пятне, которое показалось перед ней. Свеча уже погасла, заливая щедро воском верх высокого медного подсвечника, и в спальне стояла темнота. Даже месяц, что висел над землей, не особо разгонял ее своими тусклыми лучами. И лампадка чуть светилась в углу, явно прося масла, чтобы не погаснуть совсем.

Который час ныне, пришло в голову Анне. Но помедлила подниматься, заколебалась — не позвать ли сперва Глашу с огнем, что должна была сидеть в передней в ожидании визита, который она спланировала. О Господи, подумала она в тревоге, а что если девушка тети уже приходила с настойкой от головной боли? Что, если ее так тщательно выверенный за день

план не будет осуществлен? Будет ли у нее иная возможность все выправить прежде, чем она, согласно данному обещанию, покинет Милорадово?

И вдруг замерла на месте, расслышав отчетливо через щель в полуоткрытой в коридор двери, как открылась и закрылась дверь передней. Заметались тут же мысли в голове — что ей сделать, встать ли или остаться сидеть перед зеркалом, как встретить его. Ведь это Андрей ступил сейчас на первую ступень лестницы, тихо что-то проговоривший себе под нос, когда та тихо скрипнула.

Анна смотрела в свое отражение, затаив дыхание. Слушала его шаги, тихие, но ясно различимые для нее в тишине, в которую был погружен дом в этот час. А потом вдруг застыла, вдруг поняв, что уже когда-то было. Она также сидела перед зеркалом, правда, тогда горели свечи, стоявшие на этом самом столике, и тускло мерцали в их свете приборы, разложенные для мнимого ужина. И те же шаги. Неровные — сначала твердая поступь, а после легкая заминка, будто давая отдых ноге. Все ближе и ближе к двери. И Анна перевела взгляд с бледного пятна отражения своего лица на светлую щель в дверном проеме, ожидая, что вот-вот дверь толкнет мужская рука, и появится ее суженный. Это сон, сказала она себе. Я заснула. Как и прежде, когда видела то же самое. И до сих пор я не пробудилась... но ущипнуть себя за руку так и не смогла — побоялась убедиться, что это явь, что сейчас действительно в комнату ступит тот самый человек в черном фраке и белом галстуке. И ее мечты рассыпятся в прах, как тогда, когда она гадала в Крещение...

И действительно, тихонько скрипнула дверь, пропуская в спальню, мужскую фигуру. Мелькнуло на фоне темной ткани фрака светлое пятно галстука и жилета, и Анна даже открыла рот для крика, удивляясь, тому, что до сих пор не просыпается. Но не закричала и даже не двинулась с места сначала, а только наблюдала в зеркало, как медленно ступая по ковру, с трудом опираясь на калеченную ногу к ней идет тот, кого она нагадала себе несколько лет назад. Страх отступил задолго до того, как она толком разглядела мужчину в отражении, с замиранием сердца отмечая каждую деталь его облика. Анна узнала отчего-то ныне сразу же, как тот сделал первые шаги в ее сторону от двери.

Когда Андрей подошел ближе, Анна поднялась медленно с кресла, шагнула к нему навстречу, чувствуя, как уходят прочь все сомнения и тревоги, что мучили ее последние дни и вспыхнули мимолетно в душе сейчас.

— Это ты! Это ты! — повторяла и повторяла она, глядя на него с таким восторгом в глазах, что он не мог не улыбнуться.

— Смею надеяться, что это не возглас удивления моему приходу.

Анна даже не улыбнулась в ответ на его шутливую реплику. Он здесь. Он пришел. Сердце ее стучало так, словно внутри была кузня с силачом-кузнецом, который все ухал и ухал молотом по наковальне, входя в быстрый ритм работы. А потом вспомнила, зачем позвала его сюда, и потянулась рукой к широкой бретели сорочки, желая стянуть ту вниз. Тогда он потеряет голову, определенно потеряет голову, и будет снова в ее руках. А там и девушка тети подойдет, и все решено будет...

Но Андрей вдруг задержал ее руку на плече, не дал опустить бретель, и она взглянула на него удивленно и даже возмущенно. А потом забыла о своем мимолетном негодовании этим жестом, когда его большой палец скользнул по горячей коже плеча, погладил ее ключицу. От этой легкой ласки тело вдруг стало таким мягким, словно таяло, как снег под первым весенним солнцем. Так и было, подумала она, поднимая взгляд и встречая его взор, а потом подставляя свои губы под поцелуй, который встретила с пылом, удивившим даже ее саму.

Он был ее солнцем. И ей было так хорошо под его лучами... и она зачахнет без него... Просто не сможет жить без его тепла, без его нежности, без этих рук и губ...

— Attendez, — прошептал Андрей прямо в ее губы, когда Анна схватилась за ворот его фрака. — Attendez, Annie... [\[661\]](#)

Но она покачала головой упрямо, не желая выпускать ткань из своих пальцев. И ему пришлось обхватить эти пальчики в плен своих ладоней, вынудить отпустить ворот, коснувшись тех губами в качестве компенсации. Они были такие маленькие и хрупкие, эти пальчики в его ладонях, что даже сердце замерло на миг. И в этот самый миг стало совсем не важны те причины, которые заставили ее сделать то, что сделано ныне. Она шагнула к нему, и именно этот шаг стал важен для него. Пусть и сделан тот шаг не от сердца, как бы ему хотелось...

— Attendez, — снова прошептал Андрей, но Анна только головой покачала упрямо, облизывая пересохшие отчего-то губы. Она не понимала, сколько времени проспала, положив голову на руки, скрещенные на столике перед зеркалом. И очень боялась, что промедление сыграет против нее сейчас. Довольно было, конечно, что он уже здесь, в ее спальне, но ей так хотелось... Впервые она понимала, что такое, когда тебе просто необходимо касаться человека. Чтобы снова и снова ощутить те непередаваемые словами ощущения, которые переполняли ее в этот миг.

— Не торопись, — тогда прошептал он ей, не в силах удержаться и не коснуться ее, наслаждаясь ее близостью. Провел ладонью по распущенным волосам, по этим шелковистым волнам, мягкость которых так отчетливо запомнили его пальцы еще тогда, когда ласкал их той самой ночью, когда поддался порыву навсегда соединить свою судьбу с ее судьбой. Даже наперекор желанию самой Анны. И снова поступил бы точно так же — самостоятельно решая их будущее, невзирая на ее возражения, если бы завтра Анна отказала ему.

— Все должно быть не так. Attendez, — прошептал Андрей, переплетая свои пальцы с ее тонкими пальчиками. Анна так смотрела на него, что у него в груди все переворачивалось от неумного желания никогда не выпускать ее из своих рук. Он не должен был тогда слушать ее. Надо было довести все до самого конца, до спешного венчания, не поддаваясь на соблазн учесть ее желания. И пусть был бы скандал, пусть их венчание еще долго обсуждалось в гостиных уезда! Он бы сумел защитить от всех этих толков и взглядов... он бы укрыл ее от всего света, если понадобилось бы.

— Когда-то я открыл вам свою душу здесь, в стенах этого самого дома, Анна. И вручил в ваши руки свое сердце и себя самого, отдавая на вашу милость. И вы тогда отвергли меня, Анна. Я не виню вас за то вовсе. Смею ли? Ведь я понимаю, отчего тогда был тот отказ. Ваше счастье с того самого дня, как появился этот мальчик, неразрывно связано с ним. Ваши узы никогда и никому из людских существ неподвластно разорвать. И я отступил тогда, понимая, что не смогу составить ваше счастье. Потому что тогда все, что я видел в этом дитя... Но нынче... Нынче все переменилось. Вы переменили меня, Анна. Должно быть, я чувствовал это еще тогда, когда увидел вас. Что мне никогда уже не быть прежним, таким, каким я был до встречи с вами. Вы — мое проклятие, Анна, и вы — мое благословение. Вы вывернули мою душу наизнанку, как бы грубо это ни звучало. Она истрепана, изорвана в лохмотья. Но через это пришло очищение... Я стал иным. И вот иным я перед вами нынче...

Анна стояла ни жива ни мертва, застыла на месте, наслаждаясь каждым произнесенным словом. И даже дыхание затаила в ожидании того, что вот-вот будет сказано. Только стояла и смотрела в его глаза, чувствуя, как распирает грудь от того вихря чувств, что были в этот

миг в ней.

— Не вы вручаете мне свою судьбу ныне, а я отдаю свою в ваши руки, — произнес Андрей. — И я бы хотел, чтобы было именно так. Анна Михайловна... Анни... я вас прошу оказать мне честь и подарить мне счастье стать моей женой. Я вас люблю безмерно. Я сделаю все, чтобы вы были счастливы. И чтобы никогда не пожалели о принятом вами решении, коли вы дадите свое согласие. Вы позволите мне это?

Отчего-то так и не нашлось слов, да и сумела бы она их проговорить, когда горло сжалось от переполнявших ее эмоций в этот миг? Только кивнула, стараясь хотя бы глазами выразить ту радость, что такое родное для нее уже и такое желанное кольцо с гранатами снова занимает место на ее пальчике. И застыла, глядя, как скользит холодный ободок по тонкой коже. Глядя на пальцы мужские, на одном и из которых в неясном свете ночи Анна разглядела незнакомый ей прежде перстень. Тускло блестели темные, почти черные ныне аметисты, будто подчеркивая ровную и холодную гладкость нефритов. Четыре камня, закрепленные в драгоценном металле. Одно-единственное имя, напоминание о котором всегда носил при себе обладатель этого перстня. На руке, которая всегда была протянута ей в помощь, даже когда Анна сама этого не понимала. Ее надежда, ее опора, ее поддержка в минуты, когда она была совсем слабой.

И Анна поймала эту руку в плен после того, как гранаты заняли положенное место на ее пальце, быстро поднесла ее к губам, этим поцелуем выражая все чувства, что переполняли ее душу ныне. Она все же успела коснуться его кожи прежде, чем он остановил ее, аккуратно выпростал ладонь из пальцев и снова взял в плен своих рук ее лицо.

— Что ты делаешь? — прошептал Андрей, склоняясь к губам, которые она сама подставляла ему, вставая на цыпочки и тяня его за ворот к своему лицу. — Что ты со мной делаешь?

Я люблю тебя, сказала Анна мысленно, когда их губы соприкоснулись. Я просто безумно тебя люблю. Каждой частичкой своего тела. Каждой частичкой своего сердца...

Поцелуи становились все жарче и глубже, а странное томление, которое теплилось в Анне с той самой ночи, когда ей привиделся тот сон, с каждым мигом менялось, становясь нестерпимым, таким страстным, что казалось — не получишь желаемое, закрутит острой болью. Она даже протестующе застонала, когда Андрей отстранился от нее вдруг, снова размыкая кольцо ее рук вокруг своей шеи.

— Мне надо идти, моя милая, — прошептал он между поцелуями, сам не в состоянии разомкнуть их тесных объятий. — Я не должен быть здесь... а как должно — с завтрава, при свете дня... Но твоя записка... и сызнава все верх пятками! *Ma petite flamme!* [\[662\]](#)

— Но ты пришел! — едва ли не торжествующим шепотом провозгласила Анна, улыбаясь. Одновременно она уже проникла ладонями под ткань фрака, приложила пальцы к его груди, ощущая бешеное биение его сердца даже через жилет и полотно рубашки.

— А разве я мог иначе, *ma petite flamme?* — улыбнулся ей в ответ Андрей, стараясь не обращать внимания на жар ее тела, который он чувствовал сейчас под своими руками. — Окна моих покоев далече от шпалер.

— Знать, вы спасли меня в который раз, — Анна ничуть не смутилась, когда он напомнил о той самой угрозе, которую она приберегла напоследок для него, и даже возможности попасть в совершенно иную спальню, чем хотелось бы. Если бы конечно, была намерена исполнить свое обещание. — От души надеюсь — не последний..., - а потом посерьезнела, провела кончиками пальцев по его лицу, чуть задержавшись на тонкой

полоске шрама под глазом. — Никогда не отпускай меня больше...

— *Jamais de la vie!* [663] — твердо проговорил Андрей, и что-то было в его голосе, от чего голова снова пошла кругом, а сердце заколотилось быстрее. Смело встретила его взгляд, когда прошептала в ответ, чувствуя, что жар в теле стал совсем невыносим:

— И даже сейчас...

— Нет нужды ныне, — покачал головой Андрей, памятуя о прежнем плане Анны, по воле которого он оказался здесь. — Я не желаю того, что ты задумала. Не так. Не придет потому девка твоей тетушки.

Он действительно разгадал тотчас самую суть ловушки, которую тщательно выстроила Анна. Заманить на откровенный разговор в уединенное место, сделать так, чтобы это свидание стало явным для той, кто вынуждена будет отстаивать честь своей подопечной. Дверца ловушки, расставленной должна была захлопнуться с приходом горничной Веры Александровны. Ловушки, столь очевидной для него в тот момент, что разум не мог не кольнуть сердце справедливым упреком в том. «Ты всего лишь дичь, на которую ставят силки, *mon cher*, всего лишь дичь...»

А потом те слова, сказанные напоследок испуганной девушкой Анны. Слова, которые заставили вспомнить не ту Анну, что так искусно пыталась раскинуть сети в эту ночь, а ту Анни, которая ловко играла в лапту на траве перед усадебным домом. Чей звонкий смех до сих пор был в памяти, а страстный шепот по-прежнему мог обжечь воспоминанием.

Он ей нужен. Иначе она так упорно не добивалась бы его имени и именно его расположения. Он был ей нужен. Хотя бы для того, чтобы устранить все горести и препоны из ее жизни, наполнить ее той самой радостью, которую Андрей увидел в день потери и возвращения дитя. И разве это не отвечало его собственным стремлениям — сделать ее столь счастливой, каковой она была прежде? Вернуть ей прежнюю легкость и веселья очаровательной *papillon*?

Андрей мог не ходить. Уступить настойчивому требованию разума, твердившему, что его снова обманывают, так нелепо и так наивно. Но ноги сами понесли его прочь из дома, когда уже опустилась на Милорадово ночная тишина, когда гасили многочисленные огни в окнах. Как тогда. Только теперь не он ставил условия. Анна. Так он решил, уступая ее просьбе... Хотя кого он обманывает? Разве его кровь не кипела в жилах при одной только мысли о том, что случилось некогда на аналогичном ночном свидании? Разве не мучает его неукротимое желание коснуться ее как тогда тем летом, словно дотронуться до мечты, до его истинного рая, до его ангела...?

— Не придет? — переспросила Анна и улыбнулась вдруг так торжествующе, что Андрей прищурил глаза в удивлении этому восторгу. — То к лучшему... я думала, у нас так мало времени, а впереди еще вся ночь.

— Нет, — покачал головой Андрей. — Впереди вся жизнь. И начало ей станет не через год и не через несколько месяцев. До Петрова поста, — и повторил твердо и решительно, показывая, что нет спора в этом для него. — Я бы хотел обвенчаться до Петрова поста.

До Петрова поста? Менее чем через две седмицы! Это совершенно немыслимо! Первые мысли, которые промелькнули в голове Анны, были именно эти, твердящие, что менее чем за два десятка дней никак не устроить достойной свадьбы. А потом пришли иные, те, что принесли с собой совсем другие желания, совсем другое понимание того, что произойдет вскорости в начале первого летнего месяца.

— Я буду рада пойти под венец под Петра и Павла, — коротко ответила, а ее уже

целовали в эту счастливую улыбку, которая сопровождала эти слова. Потому что более уже не мог он сдерживать тот огонь, которым уже горели пальцы и губы, требуя столь памятных прикосновений к коже. И Анна с той страстью, что скопилась в ней за долгие месяцы и годы ожидания именно этих губ и рук, так ответила на этот поцелуй, что даже заставила Андрея несколько пошатнуться на месте. Тут же отстранилась, вспомнив о его калеченной ноге, боясь, что причинила ему невольно боль или доставила иной дискомфорт. Она подмечала, насколько Андрею тяжело было к концу бала держаться стойко и прямо, когда колени ныло нещадно. Никто не понимал. Только она видела. По мимолетной морщине на лбу, по поджатию губ, по смене позы.

— Прости..., - но Андрей не дал ей договорить — подхватил вдруг на руки и снова приник в поцелуе к ее губам, наслаждаясь столь близким ее присутствием, ее горячим ответом на его порывы. А тот ответ был так обжигающе горяч, что кровь, кипевшая к тому времени лавой по жилам, стала и вовсе огненной.

И отступило время. Осталась только эта женщина для этого мужчины. И только этот мужчина для этой женщины. В руках друг друга. Под пальцами и губами. Кожа к коже. Принимая тяжесть мужского тела и сладость женского. Обжигая друг друга ласками, деля друг с другом нестерпимую жажду стать одним целым телами и душой, а после — острое наслаждение, от которого тело ломит сладкой истомой, а в горле пересыхает вмиг.

Но в тот момент и не надо было слов, этому мужчине и этой женщине. Только нежность, что нитью протянулась через взгляды, когда Анна распахнула серо-голубые глаза, потрясенная тем, что только что волной прошло по ее телу. Нежность, с которой Андрей коснулся губами сперва ее лба, чуть солоноватого от пота, а после пересохших губ. Нежность, с которой он заключил после Анну в кольцо крепких рук. И с которой она, уютно устроившись на его плече, водила пальчиком по его коже. По тонкой колючей щетине на линии подбородка, еле заметной взгляду, но такой уже ощутимой на ощупь. И далее — по шее, по ключице, по груди... и снова обратно, к лицу.

Анна вспоминала, как легла ее грудь в его ладонь, наполнив ту, словно и была создана только для этой руки. И как отлично разместилась ее голова сейчас на уютной выемке между его грудью и рукой, лучше иной перьевой подушки. Он был создан для нее, для Анны, а она была сотворена Господом только для него, ее Andre...

— Так покойно и так радостно, как ныне, с тобой, мне, верно, не было никогда прежде, — прошептала Анна, снова и снова целуя его в плечо. Андрей в очередной раз проводил ладонью по ее волосам. И смотрел на нее с такой любовью в глазах, что у Анны даже сжималось горло от того трепета, в который ввергал ее тот взгляд. А потом вспомнила слова брата и чуть встревожилась, что он сейчас обидится на нее за эту фразу. Но Андрей только ответил на это:

— Я был бы благодарен Господу, если бы и далее я приносил в твою жизнь их. Но и не только их, — и она краснела от этого намека, от шутливого и легкого тона, которым он был произнесен. Прянула свое смущенно-радостное лицо на его плече от взгляда, и Андрей, улыбаясь, целовал ее светловолосую макушку.

Всего лишь раз набежала тень на их счастливые лица в ту ночь. Когда Анна, почувствовав некий укол совести за то, что сама совершила, заговорила о прошлом.

— Мне мнится ныне, словно я спала прежде, а теперь вот пробудилась от того мрачного сна, в котором была с того дня, как мы расстались, — проговорила тихо она тогда. — Или это нынче сон, и я проснусь поутру, а все будет таким, как и прежде? И я не с тобой...?!

И она так вцепилась в Андрея при этих словах, будто вот-вот он исчезнет из этой спальни, растворится как дымка утреннего тумана. Он же поспешил ее успокоить, пытаясь своей нежностью унять ее страхи, уверить в том, что это вовсе не сон, что уже ничто неизменно для них.

— Нет-нет, — качала она головой, прижимаясь к нему всем телом, когда Андрей обнимал ее. — Мы ранее тоже были убеждены, что ничто неизменно, что наши узы неразрывны. А Господь распорядился иначе... и столько всего случилось тогда... Оттого так и страшно мне утро. Не принесло бы оно чего худого с лучами солнца. Не разлучил бы день более, чем желалось бы.

— Не разлучит, — ответил ей Андрей, и из сердца постепенно стала уходить тревога под влиянием уверенности, которая звучала в его голосе. — Никто не волен ныне разлучить нас, а тот, кто волен, тот далеко...

И вспомнив про князя, который имел на руках слово тетушки и венчальную грамоту, Анна не могла не воскресить в памяти то, что тут же заставило ее покраснеть от стыда, замереть на месте от того чувства вины перед Андреем. За собственную измену, за предательство...

— Лозинский..., — несмело начала она, пряча лицо у него на груди. Чтобы не видеть его глаз, в которых тут же мелькнула явная взгляду боль. Он принял прошлое, которое было не в силах изменить ни единой душой, но начисто стереть горечь, которая терзала его, пока не сумел. Он знал, что со временем это чувство пройдет, как притупилось за эти месяцы, но слышать ненавистное имя, произносимое ее голосом... И он только крепче прижал ее к себе, запуская пальцы в волосы Анны, словно покрывалом накрывшие его сейчас. Сладость ее близости, ее тепло затмевали все худое, унимали любую боль.

Попроси ее замолчать, потребовал разум. Или позволишь сызнова терзать себя? Но Андрей промолчал, угадав каким-то шестым чувством, насколько важно для Анны сказать то, что она желала, именно сейчас.

— Я виновата перед тобой, милый, — шептала она, чувствуя ладонью, как быстро бьется его сердце. И слезы навернулись на глаза. О, если бы можно было все воротить вспять, она бы сделала это! Не для себя. Для него. Чтобы не было боли. И последующих ошибок, мысли о которых больно ранили и ее сейчас. — Я так виновата... Сама не понимаю, что на меня нашло тогда. Мне по нраву пленять, потому и его хотела заполучить в свои сети. Играть, как играла ранее. Привлечь и оттолкнуть. Да только не всегда бывает так, как привычно. Не сумела разгадать... не таков оказался. Второй раз не могла подчинить, подмять, пленить так, чтобы голову потерял и все желания мои покорно исполнял. Как и ты... Ты тогда загадкой тоже был для меня. Вроде бы вот ты, на ладони, а миг прошел, и нет тебя... Верно, и привлек ты меня тем, что был не таков, как все. Или это твои глаза взяли в плен мое сердце? Я ведь до сих пор помню тот самый бал... и экосез... ты помнишь экосез? И отчего ты тогда меня не пригласил? Мы ведь так и не танцевали с тобой...

А потом прикусила губу, когда снова стала прокручивать в голове все события, которые произошли после.

— Ты, верно, ведаешь, что поляк нам встретился по пути к Москве. Марья Афанасьевна должна была сказать о том. О, Марья Афанасьевна! Не думала, что буду тосковать по ней так сильно. Она меня пыталась удержать от ошибок, уже тогда ведала, что может быть сотворено... А я не верила. Один случайный поцелуй способен перевернуть жизнь, говорила она мне.

И тут же перед глазами встала та полутемная комната и фигура Лозинского, тяжесть чужой руки на своей груди. С трудом удержалась, чтобы не скосить глаза на собственную кожу, как тогда, когда проверяла перед зеркалом. Ей все казалось, что этот отпечаток так и останется на белизне кожи. Как свидетельство ее предательства. Во рту стало горько при этом воспоминании, а на глаза навернулись слезы.

— Я не понимаю, что было со мной тогда. Будто морок какой. Меня к нему манком словно... Я ведь шла тогда ночью будто во сне каком. Тот день, когда село сперва под шевележерами было, а после и Давыдов с отрядом прошелся, выбивая тех. Именно в тот день был ранен отец. И именно в тот день... Это было всего лишь раз. Только один-единственный раз! Прости меня! Прости меня! — и Анна потянулась к Андрею. Обхватила лицо его ладонями и стала целовать порывисто и коротко, словно стирая следы той боли, которую могла причинить ему этими воспоминаниями. И он ответил ей в этом порыве, разгадав, насколько ей важен ответ именно в этот момент. Стал целовать ее в ответ, глядя по спине, будто беспокойную лошадь. Целовать не страстно, а скорее — с легкой нежностью, чтобы унять то волнение, которое было видно его взгляду сейчас. А после, когда ушла дрожь волнения и тревоги из ее тела, когда расслабилась под его руками, Анна вдруг снова заставила его сердце забиться чуть сильнее, задав единственный вопрос. Снова прошлое. Снова тень, вошедшая в комнату и простершая руки к тому счастью, которым горели в этот миг их сердца.

— Как-то прошлым летом меня навестила мадам Арндт. Верно ли... верно ли, что мог быть ребенок? Что могло быть дитя... твоё дитя...?

— Истинная правда, — он не мог обмануть ее, утаить этот грех, который тяготил его и теперь, спустя время. Да и следовало, по его мнению, снова воскресить былое хотя бы и на этот короткий миг, чтобы позднее навсегда похоронить его и не возвращаться. — Мне очень жаль, что так случилось...

И только короткой фразой ответил на тяжелый вопросительный взгляд Анны: «Это было единожды в момент слабости», а после, как и она минуту назад, проговорил, ощущая отчего-то вину и за Марию, и за всех тех, в чьих ласках пытался забыть эти серо-голубые глаза, глядящие на него с каким-то странным выражением:

— Прости меня, милая, — и она коснулась его губ своими губами, давая понять, что принимает его раскаяние. И отвлекая себя от тягостных мыслей. Потому что если бы дитя все же появилось на свет, то Анна каждый Божий день бы думала о нем и о том, что случилось тогда, в Саксонии. Вряд ли бы Андрей вычеркнул бы их из своей жизни...

И Анна все целовала его и целовала, а потом и вовсе забыла обо всем — и о прошлом, и о будущем, и даже о настоящем, которое уже вовсю тихонько напоминало о себе постепенно светлеющим краем неба над верхушками парковых деревьев.

— Мне надобно идти, — прошептал Андрей прямо в ее губы, которые она не желала отрывать от его рта. — Скоро рассветет... мало ли кому взбредет в голову ранняя прогулка.

— Еще только минуточку... короткую минуточку, — уговаривала его Анна. Спустя несколько минут ей все же пришлось выпустить его из своих объятий и наблюдать, как он спешно одевается, зябко поведя плечами от утренней прохлады, заглянувшей в спальню через приоткрытое окно. Любовалась разворотом его плеч, его сильными руками, его широкой спиной, ощущая, как сердце переполняет любовь.

— Жаль, что мы не можем просто заснуть вместе, — прошептала Анна, когда Андрей присел на несколько последних минут прощания на краешек ее постели, когда поднес ее

руку с гранатовым кольцом к губам.

— Всего две седмицы, и это желание станет явью. Одно из моих самых заветных желаний, — проговорил он, склоняясь к ней и захватывая ее губы в плен поцелуем. — Но не самое-самое...

— А какое же — самое? — спросила Анна между поцелуями, и он улыбнулся так широко и открыто, с некой загадкой в самой глубине его глаз, что она не могла не ответить ему улыбкой тотчас.

— Я потом покажу тебе...

Анна думала, что не заснет после того, как стихли его шаги в доме, когда Андрей уходил из флигеля. Но сторона постели, на которой она лежала, все еще хранила тепло его тела, а покрывало, в которое он заботливо завернул ее перед уходом, согревало, прогоняя прочь легкую прохладу утра. И она провалилась в сон без сновидений, представляя, что лежит именно в руках Андрея, и первое, что увидит при пробуждении — его нежный любящий взгляд. А первое, что услышит, будет его тихое: «Анни... моя милая...» и, конечно же, то, что Андрей шептал ей этой ночью под ее восторженное «Еще! Прошу, еще!», и то, что так сладко кольнуло в сердце.

— *Mia sposa... mia amor... mio angiolino...*

Странно, но только утром Анна поняла, что той ночью меж ними впервые не было никаких недоговоренностей, никаких неясностей и никаких условий. Она даже забыла о самом главном требовании и не спросила о том, как намерен поступить в отношении Сашеньки Оленин в будущем, когда станет ее супругом. И только в то утро, когда прибравшись после утреннего пробуждения, спустилась вниз на завтрак, Анна поняла, что истинная любовь — безусловна и всепрощающа. Когда с трудом скрывающая свое любопытство мадам Элиза показала Анне на белый прямоугольник послания, столь заметный сейчас для них обеих на фоне полотна скатерти. А потом вспыхнула от радости, загорелась вся сиянием восторга, когда Анна стала разворачивать спешно бумагу, и в свете солнечного луча блеснули гранаты на ее пальце:

— *Bon Dieu, Annette! Est-il possible...?! Depuis quand?* [\[664\]](#)

Но Анна не слушала ее уже. Она уже читала знакомые строки, написанные привычным ее взгляду резким почерком. И пусть письмо было написано в вежливой форме, но она читала между строк желания автора этого послания на положительный ответ на изложенную в том просьбу. А короткая приписка в самом окончании письма и вовсе сказала о многом. Хотя, скорее, не эта фраза, состоящая из подходящих по смыслу слов, а то, о чем она говорила, пусть и не напрямую...

— Дар...? — Анна недоуменно подняла брови и взглянула на мадам, которая тут же указала куда-то в сторону окон гостиной. Там стоял большой сверток, перевязанный бечевкой.

— Его принесли вместе с письмом прошлого вечера. Андрей Павлович просил не сообщать тебе ни о письме, ни о подношении вплоть до твоего ухода в усадебный дом. Просил тут же утром после бала...

Анна едва не ссадила тонкую кожу ладоней о бечевку, когда пыталась разорвать ту и наконец увидеть, что скрывается под плотным полотном. Она догадалась по очертаниям, что за подарок может ждать Сашеньку, которого в тот момент вносила в гостиную Пантелеевна, как обычно, чтобы получить утренний поцелуй от своей *tantine* и *grand-maman*. И сердце стало расти в груди, становясь все больше и больше под тем наплывом чувств и эмоций, что

раздирали его сейчас.

Короткое движение столового ножа, поданного мадам Элизой нетерпеливой Анне. Упала на пол перерезанная бечевка, и тут же с шелестом толстыми складками сложилось полотно, в которое был завернут подарок заботливыми руками приказчика одной из московских лавок.

— Ло! — закричал с легким визгом за спиной Анны Сашенька, уже тянущий руки к игрушке, которую увидел. Затеребил ногами, показывая нянюшке, что хочет, чтобы его спустили с рук на пол. Поскорее! Поскорее бы потрогать эту белую гриву и этот длинный хвост явно из настоящего конского волоса! Погладить ровный деревянный бок, коснуться бархатного шнура узды с серебряными бубенцами на том!

— Ну! — требовательно дернулся Сашенька в руках няни. А та все никак не отпускала его из рук, с явным трудом удерживая его. Не знала просто — стоит ли это делать, и что будет делать с этим подарком барышня, опустившаяся прямо на пол у лошадки и замершая на месте.

— Карточка, — подле Анны тихо прошелестел подол платья мадам Элизы, когда та присела рядом и протянула ей небольшой кусочек картона, который нашла в складках полотна. И не сдержавшись, все же заглянула через плечо Анны, прочитала слова, написанные тем же почерком, что было в послании.

«У каждого будущего всадника первой лошадкой должна быть именно такая лошадка. Я от души надеюсь, что маленькому Alexander придется она по вкусу, и что она доставит ему немало радостей. А еще я от души надеюсь, что вы позволите мне нынче своим согласием спустя несколько лет приобрести ему пусть и маленькую, но самую настоящую лошадь, и стать тем самым важным человеком, который поведет этого пони под уздцы в его первой поездке верхом»

— О, madam! О, madam! — только и сумела выговорить Анна, вдруг прикикая к мадам Элизе, и та тут же обняла ее, распознав в голосе слезы. Поцеловала легко прямо в тонкую полоску пробора, который так долго разделяла этим утром Глаша волосок к волоску. Что же теперь? Отчего она нынче плачет, когда все так превосходно разрешилось? Когда все желания Анны осуществились, как бы ни сомневалась в том мадам?

Но успокоилась, когда Анна подняла на нее взгляд. Когда увидела, что лицо, залитое слезами, спокойно, а глаза так и сияют тем самым неповторимым светом, который виден у любящих людей. Любящих и любимых.

— О, мадам, я так люблю его... я безумно-безумно его люблю!

Анна не ждала, что весть о ее будущем замужестве будет встречена всеми с полагающейся случаю вежливой радостью. К примеру, разговора с тетушкой, который непременно последует за моментом, когда Андрей в который раз попросит ее руки, она ждала с каким-то странным страхом.

Что, если Вера Александровна решит соблюсти договоренности с князем, которые пусть и без ведома Анны, но были заключены? Слово дворянское значило многое. Разве можно было его нарушить в ущерб собственной репутации? И к тому же, любовь Катиш, собственной дочери к Оленину... Анна прекрасно знала, как бы хотелось тетушке породниться с Олениными, но не через племянницу, а через дочь. И чем больше думала Анна об этом, тем сильнее сжималось сердце от страха перед будущим, которое вскоре постучалось в двери флигеля рукой лакея. Тот сообщил, что барышню просят пройти в усадебный дом, что барыня Крапицкая желала бы переговорить со своей племянницей. Время пришло...

Она старалась не думать о том разговоре, который мог состояться между ее тетушкой и Андреем этим утром. Только вспоминала те слова, которые прочитала в карточке к подарку Сашеньке. А еще те слова, которые произнесены ночью. Разве стоит ей нынче бояться, когда он рядом, когда уже все решено меж ними?

— Позволь мне самому переговорить с твоей тетушкой и моими родными о предстоящем венчании, — сказал он, когда они прощались этим утром. И Анна даже вздохнула с облегчением, что не ей предстоит сообщать о решении, что все будет уже оговорено, и ей останется лишь подтвердить собственное намерение стать женой.

В вестибюле дома, таком прохладном после наполненного солнечными жаркими лучами парка, Анну встретил Пафнутий Иванович, на ее удивление. Она тотчас заподозрила неладное, когда тот сделал знак лакею, сопровождающему Анну, не проводить ту в покои тетушки, а отвести ее совсем в ином направлении.

— Вас к себе просят Алевтина Афанасьевна, барышня, — проговорил он, и страх Анны, чуть было улегшийся за время пути к дому, снова вспыхнул огнем внутри, обжег неприятным предвкушением. — Велели привести тотчас, как придете по зову тетушки вашей, — а потом добавил уже тише, чтобы слышала только Анна. — Лучше бы вам пойти, барышня...

Разве оставалось Анне иное, чем с тяжелым сердцем направиться вслед за лакеем в салон, где ожидала ее прихода мать Андрея?

Окна в салон были распахнуты настежь, впуская в комнату легкий ветерок, которому, правда, едва ли по силам будет вскоре прогнать намечающуюся жару солнечного дня. Алевтина Афанасьевна сидела на оттоманке, накрыв ноги легким полотном широкой шали. Возле нее с книгой в руках на низкой скамеечке расположилась одна из девок, одетая в муслиновое платье (судя по всему одно из старых платьев Софи). Другие, в платьях попроще, были заняты своими привычными обязанностями в тишине покоя барыни — работали над вышивкой, которую Алевтина Афанасьевна обещала для местной церкви ко дню святой Троицы, или плели кружева.

Кроме девок Анна с тревогой заметила и свою *petite cousine*, сидящую в кресле поблизости от Алевтины Афанасьевны, и тут же вспомнился недавний разговор в спальне флигеля, когда Катиш вдруг переменилась в своей обычной молчаливости и скромности. И

то, чему свидетелем Катиш была тем военным летом...

Опасны люди, хранящие вашу самую страшную тайну. Опасны, потому что никогда не сможешь предугадать — не решат ли они нанести удар неожиданно и решительно.

— Madam, — Анна присела в уважительном книксене, отмечая при этом, что Алевтина Афанасьевна даже выражения лица не переменила при ее появлении, только кивнула коротко, принимая приветствие. А после погнала всех прочь одним движением руки с коротким: «Вон!»

Анна успела только подумать, что, видимо, Катиш останется при разговоре, что намечался ныне между ней и мадам Олениной, но та вдруг повернулась к *petite cousine* и тихо проговорила:

— Ступайте и вы к себе, милая.

Короткий и отчетливый приказ, которого Катиш никогда бы не ослушалась, потому как можно грациознее и величавее поднялась со своего места и удалилась из комнаты короткими степенными шажками, которыми и должна была ступать истинная барышня.

Алевтина Афанасьевна некоторое время молчала, прекрасно зная, что напряженное ожидание действует на нервы стоящей перед ней Анны, что самообладание, с которым та вошла в эту комнату, постепенно по капле утекает из нее. И только когда заметила, что Анна чересчур сжала руки, пытаясь унять волнение, начала разговор, устремив взор от великолепия парковой зелени за окном на свою собеседницу:

— Полагаю, вы догадываетесь о теме беседы, для которой я просила вас прийти. И полагаю, вам превосходно известны мои мысли на сей счет. Особенно в свете событий минувших дней.

Тут последовала пауза, во время которой у Анны даже голова закружилась от страха. Одно дело, когда о твоём проступке, о твоём падении известно тому, в ком ты уверена. Совсем иное, когда тайное становится явным другому человеку. А уж будущей *belle-mere* тем паче.

Что делать, мелькало в голове Анны в тот миг. Повиниться за содеянное? Оправдываться? Сослаться на слабость перед врагом, который занял дом? Или на слабость собственного тела? А может, отпираться? Или вовсе промолчать?

— Я не буду скрывать, что во мне нет особой склонности к вашей кандидатуре в качестве невестки, — Анна изо всех сил пыталась не отвести взгляда от лица Алевтины Афанасьевны, столь схожего и в то же время такого отличного от знакомых черт ее сестры. И дело даже было не в оспинках, следах былой болезни, которые остались на лице матери Андрея и которые были так заметны даже под слоем пудры, что покрывала кожу. И не в следах времени, которые не пощадили женщину и избороздили ее лицо мелкими, но глубокими морщинками у глаз и у рта.

Дело было в выражении глаз и линии губ. Марья Афанасьевна пусть и выглядела строгой и величавой барыней, но в ее облике не было даже маленькой части спесивости и горделивой заносчивости, с которой держала себя Алевтина Афанасьевна с окружающими. Особенно ныне, когда ее положение резко повысилось в связи с изменением статуса сына.

— Во мне нет к вам приязни. Равнодушие, которое следовало бы питать в вашем случае, исчезло после того, как вы подвергли унижению моего сына. И пусть он забыл... пусть простил вам его — мужчины всегда отличались излишней слабостью перед женщиной, но я — так и знайте! — я вам никогда его не прощу! Фамилия Олениных довольно знатна для подобного! Предки наши службу несли еще при Петре Алексеевиче, прародителе Его

Императорского Величества! И пусть мой сын был недостаточно ровен вам по положению денежному, но по знатности....

Алевтина Афанасьевна перевела дух, собираясь с мыслями, чувствуя, что, поддавшись нежданно нахлынувшим эмоциям, потеряла нить разговора, который планировала вести изначально. Пусть она и не могла повлиять на выбор сына, пусть все уже решено. Но вот не указать той, которая когда-то отвергла ее сына, причем, отвергла крайне неприятным и унижительным способом, на ее нынешнее положение — бесприданницы с единственным багажом из толков, да еще и с неясностью существования младенца в ее жизни — Алевтина Афанасьевна просто не могла. Пусть знает, насколько благороден ее сын, решивший взять в жены эту девицу, пусть понимает, чем она обязана ему, Андрею...

И даже опешила несколько, когда Анна вдруг прервала ход ее мыслей своей гордой репликой. Спина ее была выпрямлена, а голос тверд, но только Анна знала, чего ей стоит нынешняя смелость, и как дрожат ее ладони, которые она сомкнула за спиной, пряча те от пытливого взгляда будущей *belle-mere*.

— Смею вам заметить, *madam*, что в моих жилах течет не менее значимая кровь! Туманины так же ходили подле Михаила Федоровича Романова, а также держались его семьи, невзирая на все, что бы ни творилось в те лихие дни.

Анна всего лишь хотела подчеркнуть, что ее род не менее знатен, чем род Олениных, но невольно лишь раздражила гнев Алевтины Афанасьевны, непривыкшей к возражениям.

— *Les grands noms abaissent, au lieu d'élever, ceux qui ne les savent pas soutenir* [665] Какой бы ни была ваша кровь, *mademoiselle*, все достоинства рода меркнут пред тем, как несут бремя чести его по дальнейшему времени! — холодно и резко отрезала она, сурово взглянув на Анну. И та снова смешалась, удивляясь тому, как растеряна ныне и этой встречей, и резким тоном, и ледяным взглядом. Что с ней случилось? Отчего она с таким трудом удерживает привычную маску равнодушия? Или это любовь настолько переменяла ее — сделала ее прежней Анной, наивной, безрассудной, незащищенной перед светом? Или это от чувства вины за то, что судя по всему, открыла Катиш несостоявшейся *belle-mere*? О, видимо, до конца дней Анне будет суждено стыдиться и сгорать от невыносимого чувства сожаления и раскаяния за невольный проступок!

— Вы должны сами понимать мое неприятие этого брака, — чуть мягче, но все так же холодно проговорила Алевтина Афанасьевна, снова отводя взгляд от лица Анны. — Ваша известность в этих краях совсем не того толка, что должен быть у девицы честного нрава. Вы своенравны и не уважаете правила, коли пренебрегли своим долгом по отношению к вашей семье и не уехали тотчас же с мадам Крапицкой. Сколько несчастий вы принесли в нашу семью, понимаете ли вы сами?! Ни одна женщина не стоит того, сколько пришлось потерять моему сыну по вашей вине, *mademoiselle*! Его карьера в гвардии, его положение, его честь, в конце концов! Все к вашим ногам! Ради чего? Ради чего, спрашиваю я вас?

— Я не могу дать ответ за него на этот вопрос, мадам, — ответила Анна, стараясь не выдать мелкой дрожи волнения, которой ее трясло в этот момент. Только крепче сжала руки, пряча те за спиной в складках платья. — Я могу говорить лишь от себя самой. Мне очень жаль, что я причина тех несчастий и той боли, которые невольно и по не домыслу принесла вашему сыну. Я горда и счастлива, что Андрей Павлович желает стать моим супругом. И позвольте вам сказать, что намерена сделать в последующем все, что в моих силах, чтобы Андрей Павлович позабыл о тех моментах. И чтобы ни единого дня не случилось, чтобы он пожалел о том, что стал подле меня под венцы!

Алевтина Афанасьевна некоторое время молча смотрела на Анну, выслушав эту короткую, но такую бурную речь, которую та сбивчиво произнесла. А потом медленно и размеренно проговорила:

— Отчего-то я убеждена, что такого дня не будет. И вовсе не по вашему старанию, *ma chère mademoiselle!* — и добавила после, глядя прямо в глаза Анне. — Помоги вам Господь, коли сызнова вильнете. Даже князь после не пожелает видеть вас, слово мое в том...

На один-единственный миг Анна растерялась при этом взгляде, устремленном на нее. И не от угрозы, прозвучавшей в тишине комнаты, и не от холодности тона, которым та была произнесена. От выражения лица Алевтины Афанасьевны, вдруг потерявшей всего на миг привычную маску, за которой та скрывалась от окружающих, как когда-то пряталась сама Анна.

Она боялась. Боялась, что сын, ее родная кровь, будет снова страдать, как мучился некогда по вине этой русоволосой кокетки, привыкшей шутя играть чужими сердцами и судьбами. Боялась, что она снова причинит ему боль, а тот не сумеет в этот раз выправиться от нанесенной раны...

И этот страх, а также осознание, что мадам Оленина вовсе не та на самом деле, которой желала бы предстать перед остальными, и некое сходство привычного притворства перед окружающими, столь знакомого Анне, вдруг сотворило неожиданное — Анна немислимым образом вдруг почувствовала странное расположение к этой женщине и даже на короткий миг забыла о своем страхе перед ней. И так удивилась этому чувству, вспыхнувшему в ней, что даже не сразу услышала, как за ее спиной отворились двери, и в салоне раздались шаги.

— *Madam,* — коротко кивнул Андрей матери, тут же застывшей на своем месте на оттоманке, после того, как занял место возле Анны, едва ли не вплотную к ее плечу. Словно подставляя свое плечо для того, чтобы она оперлась на него в случае нужды. — Удивлен, что вы призвали к себе Анну Михайловну для благословения, минуя мою персону. Или я ошибаюсь?

Алевтина Афанасьевна не выдержала прямой взгляд сына, первая опустила взгляд, делая вид, что ей необходимо поправить шаль, укрывающую ее ноги от ветерка. В салоне установилась напряженная тишина, такая гнетущая и тяжелая, что казалось, ее можно даже тронуть рукой, настолько осязаема та была. Оттого самым заветным желанием Анны в этот момент было скрыться куда-нибудь из этой гостиной, не видеть той прохлады, которой мгновенно пропитался воздух в комнате. Прохладой между матерью и сыном. И сердце Анны сжалось на миг от осознания причины этого охлаждения, осознав, что вряд ли мать приняла решение сына о женитьбе со спокойным сердцем.

Алевтина Афанасьевна снова взглянула на Анну, явно избегая смотреть на сына, стоявшего подле той.

— От души надеюсь, *mademoiselle,* что вы поразмыслите над тем, что было сказано в этой комнате. Я не смею задерживать вас более от разговора с вашей тетушкой, — тон голоса не вызывал ни малейших сомнений, что время визита Анны подошло к концу.

— *Madam...*, - Анна хотела достойно завершить их разговор, но голос неожиданно пропал то ли от страха перед этой суровой женщиной, то ли от растерянности от неожиданной силы этих чувств, которые она уже успела позабыть, то ли от обиды за Андрея, которая уколола ее острой иглой. Смешалась еще сильнее от того, поддаваясь желанию сжаться в маленький комочек, исчезнуть из-под этого пристального и насмешливого теперь, после ее промашки, взгляда Алевтины Афанасьевны.

И тут на ее сомкнутые за спиной руки легла мужская ладонь в коротком и быстром пожатии. Всего лишь мимолетное касание, но оно вмиг стерло из души Анны всю растерянность и страх, уняло горечь обиды и принесло какое-то странное умиротворение. Снова завладело ею осознание того, что как бы она ни была слаба и испугана, что бы ни готовила ей судьба в будущем, есть тот, на кого можно опереться, чья рука всегда поддержит ее в любой ситуации и перед лицом любой персоны...

— Я вас не задерживаю более, mademoiselle, — снова повторила Алевтина Афанасьевна, подчеркнув обращение к Анне, но ясно давая понять всем своим видом, что желала бы остаться одна. Даже книгу, оставленную одной из прислуживающих ей девок, взяла в руки, делая вид, что углубилась в пьесу, которую до этого ей читали вслух.

Разговор с тетушкой для Анны прошел совсем иначе. И совсем с иным настроением она ступила в ее покои, где та ожидала ее прихода. Да и могло быть иначе, когда ее до самой лестницы проводил Андрей, а на прощание так провел ладонью по ее руке и так посмотрел в глаза, что она не могла не вспомнить о прошлой ночи? Вспомнила обо всем и вспыхнуло внутри уже знакомое томление, а на губы скользнула улыбка, с которой Анна и ступила в покои, отведенные Вере Александровне на время пребывания в Милорадово. Та делила их с дочерью, но Анна только облегченно выдохнула, когда заметила, что той в комнатах нет, что только горничная тетушки причесывает ту к выходу в столовую на поздний завтрак.

— Гляжу, не только я — ранняя птаха, — заметила тетка, глядя в отражение зеркала на Анну, отошедшую к окну, чтобы, отодвинув занавесь, проследить, как уходит от дома к залесной аллее Андрей на привычную уже ей прогулку с собаками. Те радостно бегали по еще мокрой от росы траве, радуясь солнечному утру и легкому ветерку, наполненному ароматом цветов и зелени. — Ты с утречка да на ногах... Неужто не притомили тебя прошлые празднества? Или боль так и не дала покоя ночного?

А потом, видимо, решила, что не стоит делать вид, что позвала для беседы о здоровье Анны или об утре нынешнем, посерьезнела и, взмахом руки отослав прочь горничную, приступила к главному:

— Я так понимаю, дело-то справлено уже, милая моя, верно? Иначе с чего бы это меня будили с подношением записок от хозяев. И Андрей Павлович просит уделить ему время, и сама Алевтина Афанасьевна срочно пожелала увидеться до завтрака.

Анна настороженно смотрела на Веру Александровну до тех пор, пока та вдруг не улыбнулась и не протянула в ее сторону руки, призывая к себе. И она тут же подошла к креслу, в котором сидела тетушка, опустилась на колени перед ней, пожимая ее ладони.

— Отменная партия ныне Оленин, — проговорила тетушка, погладив Анну по голове ласково. — Пусть и не столь хороша, как князь, пусть без титула, но все же отменная. Дам тебе, дам свое благословение, моя милая. Раз уже так сошлось, не грешно ли против идти? — и добавила, видя волнение Анны не только поводу ответа Андрею, но и предстоящего разговора с мадам Олениной. — И не уступлю Олениной, не бери в голову даже. Знаю, что звала тебя к себе. Уговаривала отступить? Ладно, господь с ней! Ты мне лучше вот что скажи — когда успели сговориться-то? И что решили-то? Когда под венцы? На Красную горку или после Филиппова? Или после Успенского? [\[666\]](#)

— До Петрова поста, — ответила чуть нехотя Анна, зная, какие подозрения вызовет в тетушке ее ответ. Но, тем не менее, не отводя взгляда в сторону от ее взора, смело встречая ее недоумение и растерянность сначала, а после и гнев.

— Ах ты! Что ты! Экий кавалер шустрый! Что же это? — возмущалась тетка. — Я вед

так и чуяла сердцем, что зазря тебя в Милорадово оставила на милость и честь Оленина. Это ведь вот что! Ох ты, Господи!

— *Ma tantine*, ненадобно... ненадобно, — Анна сжала руки Веры Александровны сильнее, заставляя умолкнуть и выслушать ее. — Нет его вины...

— Тогда твоя?! — аж взвизгнула та. — Знать, вот как случилось то, о чем говорить с Олениным будем?

И Анна не смогла не покраснеть при этой реплике, вспоминая, как тщательно планировала свою затею, расставляя ловушку для Андрея. Да, все могло быть и так. Но все же было совсем по-иному...

— Нет, *ma tantine*, — покачала она головой и поднялась с колен, чтобы по знаку тетушки, требующей к себе солей, отыскать те среди склянок со средствами косметики на столике. — Причин для скорого брака нет, слово мое в том.

Вера Александровна окинула беглым взглядом фигуру стоявшей напротив нее племянницы, словно прощупывая стройный стан на предмет округлости, свойственной тягости, а потом выхватила из рукава платок, стала обмахивать свое лицо, откинувшись на спинку кресла.

— Не надо солей, унялся приступ дурноты, — отказалась она от предложенной Анной склянки, а после схватила ее запястье, вынуждая склониться к себе, заглянуть в глаза. — Коли нет чего, почему такая спешка под венец? Отчего до Петра и Павла? Люди ведь будут говорить... да и как подготовить свадьбу за две седмицы? Мыслимо ли? Ты же не девка крестьянская какая. Тут и обед званый, и убраться нужно к венцу... разве ж это свадьба иначе?

— А мне все едино, что будут люди говорить. Не так и страшно уже. А что до свадьбы и убранства..., — Анна улыбнулась, вспомнив свои мысли на этот счет, когда сама едва не возмутилась срокам. И проговорила, озвучивая их тетушке. — Я к венцу не ради убранства пышного иду, и не для обеда званого после. И что до гостей, то все едино мне, кто приедет разделить с нами торжество. Мне лишь только один человек важен в тот день и с тех пор — тот, кто под венцы со мной ступит. А в чем я в церковь пойду, и будет ли обед после... мне до того особого дела нет.

И Вера Александровна даже удивилась тому, что увидела в глазах племянницы, тому насколько смягчилось вдруг ее лицо. Эта новая Анна была и знакомой, и в то же время незнакомой ей. Разве же прежде отказалась бы ее племянница от роскошного наряда и званого вечера в честь собственной свадьбы — великолепной возможности показать всем свою красу? Немыслимо!

— *Ma chere fillette*, — улыбнулась Вера Александровна, на миг заражаясь от племянницы тихой радостью, которой была полна душа Анны. — Дай Бог, чтобы твои глаза так же светились и далее... благослови тебя Господь, *ma chere fillette*!

— *Je vous remercie, ma tantine. Pour tout!* ^[667] — Анна поцеловала ладонь тетки в благодарственном порыве, довольная, что та так милостиво приняла ее предстоящий брак, невзирая на прежние свои договоренности. — Так и будет... непременно будет!

И действительно, весь день Анна буквально лучилась радостью, даже не пытаясь скрыть ее от посторонних взглядов. И за завтраком, когда собрались за столом гости Милорадово, и после, когда вышла на прогулку в тенистом парке молодежь, оставив стариков отдыхать послеполуденным сном. Она наслаждалась каждым мгновением и радовалась всему: лучику солнца, мелькнувшему в волосах Андрея на прогулке, тени от листвы, скользнувшей по его

лицу, его улыбка, спрятавшаяся в уголках губ, но осветившая глаза. Ей казалось, что она сейчас готова распахнуть свои объятия для всего мира, настолько счастливой она чувствовала себя. Только одно обстоятельство омрачало радость Анны в этот день. И она не могла не думать о нем даже сейчас, наслаждаясь мнимым уединением с Андреем во время пешей прогулки по аллеям парка.

— Значит, с Верой Александровной поутру выезжаете, — Анна не могла не улыбнуться, распознав на слух легкую грусть в его голосе — сожаление этой разлуке, которую они не предполагали даже до тех пор, пока тетюшка Анны не заявила настойчиво, что увозит племянницу в Москву до дня венчания. И даже на оглашении в местном храме ее не будет (хотя признаться, Андрей был даже рад тому — меньше ранящих взглядов в ее сторону).

— Верно. Поутру, покамест жара в силу не вошла, — Анне было не по себе уезжать так надолго от Андрея, к близкому присутствию которого в имении уже привыкла. А еще оставлять Сашеньку и мадам одних. Только то, что Андрей не оставит их своими заботами, как она знала даже без его заверений в том, успокаивало. — В Москве пробудем почти две седмицы, и ближе к дате венчания воротимся в Милорадово. Вера Александровна весьма обеспокоена столь коротким сроком до дня венчания — приданое же собирать необходимо...

— Пусть не тревожат особо ее те хлопоты, — заметил Андрей в ответ на это, сжимая чуть сильнее обычно ее пальцы на сгибе своего локтя в мимолетном касании, которое только и мог позволить себе сейчас под пристальными взглядами партнеров по прогулке в парке. — Мне важно, чтобы она привезла мою невесту к сроку и только. Только это составит мое счастье...

— И мое, — улыбнулась Анна, сожалея, что их окружает столько прогуливающих на этой длинной аллее, что никак не удастся как когда-то раньше улизнуть под тень кустарников, росших за пределами гравийных дорожек, чтобы там подставить губы под его поцелуй.

А потом взглянула вперед, где под кружевным зонтом шла Софи, которая с готовностью оставила будущих супругов в уединении, ускорив шаг, вспомнила невольно о том, что наблюдала недавно на террасе, куда все вышли после позднего завтрака. Софи была неким звеном между матерью и сыном Олениными. И хотя Андрей напрямую обращался к Алевтине Афанасьевне, пусть и редко, та же при необходимости что-то сказать сыну использовала дочь. И если остальные либо не обращали внимания на происходящее из вежливости, либо действительно не замечали этого, то Анна подмечала каждую реплику, каждый холодный жест. И сердце ее сжималось от боли за него. Потому что, несмотря на его деланное равнодушие, Андрею было не по себе от этой холодности. Это не было заметно, но Анна... о, она знала это...

Они как раз прошли по аллее до поворота к пруду, на котором Анна заставила Андрея замедлить шаг, пропуская вперед остальных прогуливающих. Ответила улыбкой на вопросительный взгляд Софи, брошенный через плечо и показала знаком, что они последуют за другими, а не исчезнут никуда, удаляясь с их взоров за линией поворота. Потом, когда снова возобновили размеренный медленный шаг прогулки, ринулась, будто в холодную воду с головой, боясь заробеть и не задать вопрос. А ответ ей было так важно знать. Хотя бы для того, чтобы придумать, как исправить то, что невольно сама же разрушила, по собственному разумению.

— Это все из-за меня, верно? *Votre maman*... Из-за меня? — и смело встретила взгляд

Андрея после этого вопроса, боясь отвести взор и упустить даже мельчайшую тень эмоции на его лице. Но тот не нахмурился, не смутился и даже не разозлился ее смелости, как опасалась Анна. Только взглянул с такой теплотой во взгляде, словно обнял им ее, окутал облаком нежности с головы до ног. Снова погладил ее пальчики, скользнув с кружева митенок к коже.

— Моя милая... милая моя, — от его тона даже голова закружилась, захотелось остановиться и прижаться лбом к его плечу. А еще очень хотелось, чтобы он целовал ее, как когда-то на залесной аллее. Долго, без передыху и так по-разному — от горячих поцелуев страсти до легких нежности.

Анна была благодарна ему, что Андрей не стал лгать или увиливать от разговора. Или даже притворяться, что не понимает, о чем она ведет речь. Это означало, что он может рассказать ей то, что не всякому можно было открыть.

— Нет, Анни, в том, что так метко подметила ты, твоей вины нет.

— Может статься, не прямая вина, — не унималась она. — Это из-за нашего союза?

Андрей же в ответ только головой покачал.

— Не из-за этого, милая, поверь мне. Причина того, что ты видела, только во мне. *Seulement! C'est seul la faute à moi.* [668]

— Что может быть причиной разлада между матерью и сыном? Что могло стрястись меж вами...? — спросила Анна, пожимая плечами. Ей отчего-то казалось все, что он оберегает ее отчего-то, оттого и не говорит всей правды, и она пыталась понять по выражению лица Андрея, что же на самом деле произошло этим утром до разговора Алевтины Афанасьевны с ней. Ведь она была все еще уверена, что причиной разлада стало именно решение Андрея жениться на ней.

— *D'accord* [669], - как странно произнес он и остановился, вынуждая ее сделать то же самое. Но на нее отчего-то не смотрел, а глядел вслед скрывающимся одним за другим прогуливающимся за поворотом аллеи, казалось, прислушивался к репликам тех на французском и русском языках, которые все еще, пусть и еле слышно, но долетали до их ушей. И Анна вдруг насторожилась, заметив, какими неожиданно цепкими стали его глаза, когда он перевел взгляд на ее лицо. Когда стал вглядываться в нее, будто пытаясь что-то разглядеть, что-то понять для себя. — Я скажу тебе все. Даже то, что знали до сих пор только двое. Я скажу тебе все, потому что нынче самое время узнать тебе... даже если ты охладеешь ко мне после... если вдруг разочаруешься во мне. Хотя видит Бог, я страшусь этого более всего на свете!

Анна замерла, вдруг пораженная невольной догадкой, которую принесла услужливая память в этот миг. Ее собственная спальня. Злой и резкий шепот брата, больно ранящий душу. Грязные толки, которые когда-то ходили по Петербургу.

— О! — только и сказала она прежде, чем успела сообразить, что ей не пристало даже знать о таких вещах, тем паче обсуждать их. — Так это правда — ты отец дочери своей *bru*? Это правда?

И поняла с облегчением, что это ложь, когда Андрей вдруг рассмеялся коротко и зло, некрасиво кривя губы. От давно забытой вспышки злости и боли, которые неизменно приходили, как отражение этих слов в нем. Но теперь отчего-то она была острее, эта вспышка. Потому что она говорила об этом. И ему было вовсе безразлично, как раньше, что Анна может думать о нем. Значит, пришло время открыть правду. Только ей.

— Нет, — произнес Андрей, глядя ей в глаза, словно через эту невидимую нить

зрительного контакта передать ей истину, которую до сего момента знал только он и Надин. Тайна, которую они оба хранили, и которую при желании легко могла бы разгадать его мать. Если бы только желала...

— Нет, я не отец Натали. Мое слово тебе в том, на чем угодно клятву принесу, коли потребуешь. В Тате кровь рода Олениных, но ни капли моей. А толки эти... предмет обсуждения часто сам несет вину в толках вокруг его персоны. Так и тут, увы... Il n'y a point de fumée sans feu! [\[670\]](#)

— Андрей Павлович! Monsieur Olenin! Mademoiselle Annette! — позвали их из-за поворота, и Андрей повернул голову на эти голоса. Анна только смотрела на него и размышляла — узнать ли ей все ныне до самого конца или попросить его замолчать. Чтобы не знать. Чтобы не пускать в свои мысли еще одну соперницу, ту, что может оказаться гораздо сильнее Мари, так и не сумевшей когда-то заполучить сердце Андрея. А эта держала в своих руках это сокровище, отпустив по каким-то причинам... или не отпустив...? Ту, что по-прежнему так близка к нему, пусть и недоступна.

— Ты любил ее, — сказала Анна, и он не стал отпираться, когда снова взглянул в ее глаза.

— Любил. Даже когда приехал сюда, той зимой одиннадцатого года, я был уверен, что люблю ее. Но то была не любовь. Привязанность, отголосок воспоминания отрочества, первая страсть — как ни назови. Я многого не принимал и не прощал, а разве это свойство любви? On pardonne tant que l'on aime [\[671\]](#), читал я как-то. И ныне по истечении всего, что выпало нам по жребью судьбы, я склонен согласиться с тем французом.

Их снова окликнули из-за поворота, и Андрей положил ее пальцы на сгиб своего локтя, снова повел ее по аллее, понимая, что долее задерживаться они не могут вне глаз и ушей. Но, тем не менее, продолжил свой рассказ, ведя ее на изрядном удалении от остальных. Чтобы не осталось более никаких тайн между ними, чтобы ни злое слово, ни недоговоренность не разрушили то, что было меж ними.

— Надин — моя соседка по имению. И как это по обыкновению бывает, кому, как не ей, суждено было стать предметом моей юношеской страсти и расположения...?

Они шли и шли под тенью раскидистых ветвей деревьев, неспешно прогуливаясь, как и остальные, но едва ли были вместе с теми в этот миг. Прошное Андрея вдруг развернулось вспять, обрадованное, что можно еще раз пронести перед глазами то, что так надежно уже было спрятано где-то в уголках памяти за семью печатями.

И Анна, казалось, воочию видела переглядывания на церковных службах, заглядывала через плечо в тайком переданные записки, подсматривала за неловкими и подчас не особо скромными поцелуями молодых влюбленных при редких встречах, которых впоследствии так жестоко разведет судьба порознь, навеки все же связав узами.

Анна видела встречу перед долгой разлукой, когда были даны обещания при первой же возможности ступить под венцы, слышала клятвы и с болью понимала их обреченность. Она прошла с Андреем по всему его пути службы — от солдата до офицерских чинов, от неопытного юнца, делавшего первые несмелые выезды в ровных рядах парадов и смотров, до Георгиевского ордена, наградной шпаги и отметины под глазом как память от первого боевого похода. Вместе с ним вернулась из Австрии в родные земли под Калугой, чтобы едва ли не бегом пересечь луг и прийти на то самое заветное место, где должна была ждать она, Надин. И она ждала там — взволнованная встречей после разлуки в долгие три года... Но самого свидания не увидела, как видел его спустя время Андрей. Он понимал, что иначе ей

будет не по душе подглядывать за тем, о чем даже думать было неприятно.

Видеть воочию Надин после долгой разлуки, целовать губы, о которых грезил все это время, держать под руками ее тонкий стан. Они тогда совсем потеряли голову, от поцелуев кипела молодая кровь в жилах. Андрею казалось, что он до сих пор слышит в шелесте листвы над головой свой собственный шепот, которым сопровождал тогда каждый свой поцелуй: «Разрешение... в руках уже... вот пройдет Успение... и тотчас... тотчас же!». А Надин только шептала в ответ: «Мон соуег... о, мон соуег...»

Их остановил только хлынувший неожиданно с небес летний дождь, пролившийся на землю плотной стеной, пусть и скоротечно по времени. Иначе... Андрей до сих пор думал о том, что было бы иначе, если бы тогда не разверзлись небеса. Тогда все было бы совсем иначе...

Он помог тогда поправить одежды Надин, а после проводил ее по знакомой тропке через лес почти до самой границы усадьбы, где ту ждала уже перепуганная до полусмерти горничная. И даже тогда Надин не сказала ему, что прежде чем выбежать по его записке, полученной с почтовой станции, сняла с пальца кольцо, которое одел Борис ей на палец четыре месяца назад в приходском храме.

Андрей узнает об этом тем же вечером, когда семья Надин прибудет на ужин по случаю возвращения его из Австрии. Тогда в нем впервые что-то умерло. Или замерзло на долгое время. Он сам не понимал тогда, как ему удалось не выдать чувств, когда Борис, довольно улыбаясь, сообщил ему о «переменах благостных в семье». Привычка, приобретенная за годы службы во дворце, не показать даже легкого оттенка эмоций на лице и сохранить отстраненность и равнодушие на том сослужила отменную службу, когда на Андрея устремилась пара десятков глаз. Ведь все знали о том, что младший был едва ли не обручен с соседкой, а досталась она все же старшему брату, пока первый проливал кровь на полях Аустерлица и Прейсиш-Эйлау. Он только улыбнулся тогда вежливо и сумел все же найти вежливые слова, чтобы пожелать брату счастья. И ей. Той, которая еще недавно стонала в его объятиях...

Не такие уж длинные и затиеватые фразы — он никогда не был прирожденным рассказчиком, да и надо было аккуратнее подбирать слова, чтобы рассказать и при этом скрыть подробности, которые должны знать лишь те, кого они касаются. Но за этими скупыми фразами разворачивалась для него былая жизнь, те дни, в которые он так часто терял, чем находил.

— Конечно, она растерялась тогда, по моем возвращении. И после говорила, что не успела сообщить мне о помолвке при нашей встрече. Боялась меня тут же потерять, боялась моего гнева на брата, нашей ссоры... Всего боялась, — говорил Андрей молча слушавшей его Анне, а сам вспоминал, как долго Надин обманывала его. Уверяла, что разорвет помолвку с Борисом, скажет тому, что любит Андрея, что не мыслит жизни без него. А он верил тогда. Да, горько признавать это, но он позволял себя обманывать этим сладким речам, этим глазам, глядящим на него с такой любовью, этим рукам, что ласкали его лицо, и которые он так любил целовать, пытаясь заглушить в себе муки совести.

Андрей даже рискнул завести разговор с матерью на эту тему. Сказал, что Надин обещалась ему первому, что чувства былые еще не остыли, и как посмотрит мать на то, если...

— Что ты ждешь от меня, Andre? — Алевтина Афанасьевна была явно недовольна и темой разговора, который завел сын, постучавшись к ней как-то в покои одним вечером, и

клубком этих запутанных отношений, который сама наблюдала. Она неоднократно говорила Борису, чтобы приблизил дату венчания, пока не поздно, но тот только смеялся в ответ — его забавляла любовь брата к той, кого Борис уже видел своей женой. — Разве ж я виновата в том, что девица решение поменяла? Разве ж я могу влиять на ход событий? Господь рассудит вас, ступайте с Его благословением, мой дорогой. Я же и слова ни скажу более на сей счет, и не просите!

Более совета просить было не у кого юному Андрею. Письмо к Марье Афанасьевне прошло бы пару седмиц, не меньше, прежде чем был бы написан ответ. И тогда он настойчиво стал упрашивать Надин, если она так любит его, как говорит каждый раз при их встрече, повенчаться тайно и уехать в Петербург женой Андрея.

— Я могу выхлопотать квартиру. А коли не пожелаешь, то найду средства на съем. Я все сделаю для тебя, ты же знаешь, Надин...

Но та только просила дать ей время подумать. Время, которого не было — скоро Андрею предстояло вернуться по осени в полк в столицу, и неизвестно было, когда пришлось бы вернуться в Агапилово. Она плакала всякий раз, говоря, что не любит Бориса, что согласилась на брак под убеждением и напором родительским, что мечтает только о браке с ним, Андреем. И он чувствовал свою беспомощность в те моменты, понимая, о каком безрассудстве просит ее.

А потом семья Надин уехала в запланированную перед свадьбой поездку для покупки недостающего приданого и свадебного убранства невесты. Борис поехал вместе с ними — он планировал проверить собственный городской дом и далее ехать в столицу, чтобы найти дом, достойный для будущей жизни, которую желал вести в столице после женитьбы. Надин клятвенно обещалась перед отъездом, прощаясь с Андреем на привычном месте их свиданий, что она в ближайшие же дни поставит родителей в известность о своем намерении разорвать помолвку с братом Андрея.

— Я решусь, *mon coeur*, слово мое в том, решусь непременно! — убеждала его Надин, обхватив ладонями его лицо и покрывая то поцелуями, которые уже не приносили былого наслаждения. Разве может краденное принести его? Андрей страшился тогда признаться самому себе, но проволочка в эти десять дней, за которые Надин так и не смогла дать ему ответа, раздражала его.

— До конца визита в город, Надин, — твердо сказал он. — Иначе я сам говорю всем, что меж нами чувства, и мы желаем обвенчаться. Пусть наше решение не найдет одобрения у наших семей... мы любим друг друга, мы желаем быть вместе... Надин, Надин! Надобно решиться! Так недолжно далее... совсем недолжно!

— Да-да, *mon coeur*! Я все скажу! И все решится! — приговаривала она, прижимаясь к нему всем телом, подставляя губы его поцелуям. — Я твоя, *mon coeur*... только твоя... только с тобой! Все решится!

И все действительно решилось тогда. Правда, не совсем так, как предполагал Андрей, ожидающий известия от Надин. Спустя несколько дней после отъезда семьи Надин и Бориса в город неожиданный приступ сердечной боли уложил Алевтину Афанасьевну в постель. Доктор не давал никаких прогнозов, только настаивал на полном покое для больной и отсутствии любых поводов для волнений. А потом и вовсе призвали приходского священника, отца Павла, чтобы тот провел обряд соборования больной, и весь дом тогда погрузился в тишину, прерываемую лишь тихим шепотом молитв. Андрей проводил по просьбе матери все дни с раннего утра и до поздней ночи в ее будуаре, примыкающем к

спальне, готовый по любому зову приблизиться к той.

За хлопотами и тревогами даже как-то забылось о собственном будущем, которое решалось в этот момент где-то далеко от Агапилово. Вспомнил только, когда Алевтина Афанасьевна пошла на поправку и даже стала выходить из своих покоев, опираясь на руку младшего сына.

Но случилось это слишком поздно для него, как выяснилось позднее. Надин уступила уговорам родителей и Бориса и через день после получения известия о болезни Алевтины Афанасьевны была обвенчана со старшим братом Андреем.

Андрей узнал об этом первым, когда Борис вернулся из Москвы. Надин, чуть бледная лицом на фоне шелка аккуратненькой шляпки, сидела подле него в коляске. Без сопровождения родителей. Это и ободок кольца, угадывающегося под тонким материалом перчатки на ее руке, без слов сказали Андрею все. А дополнил Борис, произнеся чуть насмешливо, когда выбрался из коляски и встал на крыльце возле застывшего на месте брата:

— Я к матери. А ты... ты не подсобишь моей супруге на землю сойти...?

— O mon Dieu! Как она могла?! Как могло это случиться? — Анна даже сильнее сжала локоть Андрея, на который она опиралась сейчас. За короткими фразами, произнесенными равнодушным к былому тону, она все-таки разгадала его боль в тот день, его отчаянье, увидела все, как наяву. И Бориса, насмехающегося над братом, и Андрея, чья душа заледенела более прежнего, и Надин, уже понимающую, что стала лишь временной забавой, неким призом, который, как повелось, с малолетства старший отобрал у младшего.

— Не кори ее. Она была так молода, так по юности глупа... а быть может, и не глупа вовсе. Если бы я был рядом, она была бы сильнее перед обстоятельствами и уговорами. Не поддавалась бы соблазну. Хотя... отчасти я ее понимаю ныне — что мог дать ей я в те дни? Ровным счетом ничего!

— ...У тебя нет ничего! Понимаешь — ничего! Все — только милости графини, которая всей душой меня не принимает, неужто полагаешь, я не ведаю того? — Надин яростно убеждала его в собственной невинности в том поспешном браке, уговорив Андрея переговорить с ней в последний раз перед отъездом в полк. Он собрался в тот же вечер, как молодые супруги вернулись в Агапилово, не в силах оставаться под одной крышей с ними. Это после, когда утихнет боль, когда он смирится с тем, что Надин стала его *brû*, а не супругой, Андрей вернется в семью, а тогда же...

— Ну, пойми! Ну, прошу тебя, пойми меня! Что за будущее нас ждет по нынешним временам? Особенно когда родные отринут нас за ослушание. Что за будущее? Прости меня, *mon coeur*, но...

Андрей впоследствии научился жить без нее. Благо, следующей же зимой 1807 года его полк выступил в очередной поход и вернулся только в августе, когда Петербург был полупустой до самого Рождества. Сумел после оставаться равнодушным, когда они вынужденно пересекались на балах и раутах в столице. Когда видел ее силуэт в ложе Олениных в театре. Когда замечал ее в открытом экипаже на прогулках знати по городу или живописным окрестностям. Он даже полагал тогда, что забыл все, но всякий раз, когда Надин оказывалась рядом, что-то внутри него оживало, и так и пылало пусть отголоском прежнего огня сердце, которое не желало отпускать прошлое.

— Так сошлось, что мы оказались наедине с Надин только спустя три года после того, как состоялось ее венчание с Борисом и через два года после рождения Таты. Маленькой

проказницы Таты, — повторил Андрей, будто пытаясь сладостью воспоминания о девочке с темно-русскими локонами и крохотными ладошками, которые те так доверчиво клала на его большие руки, когда они прогуливались в Агапилово или в небольшом саду городского дома. — Она появилась на свет после Рождества 1807 года, в Петербурге. Надин тогда отказалась уезжать из столицы, рассчитав с повитухой, что успеет освободиться от бремени аккурат к началу сезона.

Анна не могла не отметить контраст между прежним безразличием в его голосе и легким оттенком нежности, мелькнувшим при упоминании имени племянницы. А потом не могла не нахмуриться, когда Андрей продолжил свой рассказ:

— То свидание наедине и стало началом конца шаткого мира в нашей семье. Словно точкой было у линии, разделившей нас, расставившей всех по разные стороны... разделившей нашу семью...

Андрей тогда приехал в дом после долгого отсутствия в Петербурге. На летний период и часть осенней поры их полк снова выводили из города на смотр, возвратив только, когда земля полей превратилась в жидкую грязь от проливных дождей. Он поехал тогда не в квартиры, которые делил с Римским-Корсаковым, а в дом, который его семья снимала вот уже несколько лет проживания в столице. Захотелось комфорта, горячей и изысканной еды, которую подавали к столу брата, захотелось побыть хотя бы несколько часов с родными, особенно с сестрой, которая приехала из Агапилово в сентябре.

Он проходил к своим покоям по анфиладе комнат, когда его окликнул тихий голос Надин, стоявшей у окна и ожидающей, пока он минует салон по пути в жилые половины. И он остановился, пораженный очарованием ее облика, освещенного по контуру стана скупым дневным светом, льющим из окна. Она была простоволоса, в легком домашнем платье из тонкой ткани с широкими рукавами. И Надин показалась ему тогда такой хрупкой, такой незащитной, что сердце сжалось от беспокойства за нее. Дрогнуло скорее от жалости к ней, чем от любви, которая уже не горела, но теплилась где-то в самом темном уголке его души.

— Ах, как я рада видеть вас, Andre! — произнесла она чуть дрогнувшим голосом, а потом опустила безвольно в кресло возле окна, поникнув головой. И он стоял в дверях салона и смотрел на эту поникшую голову, на ее пряди, которые он так любил трогать, на ее ладони с тонкими жилками вен. Буквально кожей чувствуя ее отчаянье, ее одиночество...

Он знал, что брак с братом не заладился с первых же месяцев после венчания. Но на людях супруги всегда были безукоризненно вежливы и предупредительны друг к другу — благо мест, где они могли быть совместным визитом, было по пальцам перечесть. Борис оказался равнодушен не только к жене, но и к дочери, которая редко спускалась из своих комнат в мезонине столичного дома. Не оттого ли Андрей так привязался отчего-то к собственной крестнице, что видел в ней того же ненужного никому ребенка, какими были он сам и его сестра?

Вот и ныне, Надин была в полном одиночестве в большом доме: как сказал Андрею дворецкий, встречая в передней, Борис уехал к приятелю в загородное имение на охоту, а мать выехала еще с утра с визитами, взяв в компаньонки дочь. Надин же была нездорова (как после узнает Андрей — она была в тягости и скинула за седмицу до его возвращения), никуда не выезжала и не принимала визитов по вынужденному подчинению свекрови, решившей, что ей стоит воздержаться от светской жизни хотя бы несколько недель.

— Andre, mon coeur, — позвала Надин его, с трудом сдерживая слезы. И что-то дрогнуло внутри при звуке ее тихого и печального голоса.

Андрей должен был уйти, просто пройти мимо далее по комнатам, но он остался тогда. Хотя и пытался видеть в Надин не эту плачущую и сломленную женщину, а ту кокетливую красавицу, в которую она вдруг превратилась в Петербурге. Она наслаждалась окружением своим, любила пленять и кружить головы, Андрей наблюдал то стороны, сперва с легким недоумением, а после и с каким-то странным раздражением ее поведению. Как быстро она превратилась из той очаровательной девушки в кокетливую чаровницу светских салонов и столичных бальных зал! словно переродилась вмиг, сбросив прежнее обличье, словно и не была той по-детски наивной Надин, которую он знал когда-то...

В те годы Андрею вообще казалось, что многие в его близком окружении стали иными

за годы, которые провел вдали от них за время службы. И Борис, ставший цинично-злым по отношению к родным, и родная мать, пустившаяся на уловки, как предполагал Андрей после долгих размышлений над произошедшими событиями. Оттого, верно, и произошло охлаждение меж ними, что даже в семейном доме он старался ночевать как можно меньше.

— Я так несчастна, Andre, — проговорила Надин. Слезы струились по ее лицу узкими ручейками. — Ах, если бы ты знал, как я несчастна... и так одинока. Я решила, что брак с Борисом — наилучший путь для меня, но ныне вижу, что ошибалась, — и тут же — без плавного перехода. — Ты ненавидишь меня ныне, mon coeur?

От этого обращения, повернувшего время вспять, сердце забилося быстрее в груди. В тот момент как-то забылось все: и бывшее предательство Надин, и то, что она жена брата, и что между ними целая пропасть, перешагнуть которую не под силу ни одному человеку.

— Пожалей меня, mon coeur, — взмолилась Надин, поднимаясь с кресла и преодолевая те несколько шагов, что разделяли их тогда в салоне. — Коли не любишь, так просто пожалей. Я совсем одна... будто в тумане каком. Будь их воля — маменьки твоей и Бориса, они бы меня тотчас вон из дома, куда-нибудь в деревню, в глушь, а то и вовсе — за толстые стены монастырские... Их игра отменно вышла, и более им не нужна я. Даже наследника не могу, как выходит... пожалей меня, как я себя жалею каждый Божий день...

Надин коснулась кончиками пальчиков его щеки, чуть тронутой щетиной, стала проводить по его лицу, словно заново знакомясь с тем на ощупь, вызывая в нем уже давно забытую смесь эмоций. А потом прижалась к нему всем телом, обхватила руками, цепляясь пальцами в мундир.

— Пожалей меня, Andre... твоя любовь — единственное сокровище, что было в моих руках... О, как безбожно расточительно я растеряла его! Неужто в тебе не осталось даже жалости ко мне? Раньше я чувствовала твою любовь ко мне, знала, что она есть. И тогда, когда Тата родилась, помнишь? Когда мы взглянули друг на друга на обеде после крестин Таты, и когда ты поцеловал меня... впервые коснулся после того, как я стала женой Бориса, тогда, в темной передней. Я до сих пор ощущаю твои губы на своей щеке, веришь? Да, этот поцелуй был слишком короток для любовного, но так длинен для поцелуя *bru* и *beau-frère* [672]. Пожалей меня ныне, если даже разлюбил! Только пожалей! Не прошу о большем! Не оставь меня...

Ему пришлось тогда обхватить ее лицо руками, чтобы заставить Надин взглянуть на себя, чтобы она выслушала его, глядя в глаза.

— *Ma chere bru*, — подчеркнуто медленно и тихо произнес Андрей тогда, скорее себе чем ей напоминая об их положении нынешнем. — Ты можешь располагать мною по своему усмотрению. Я сделаю все для тебя и Таты. Защищу от любой невзгоды, коли нужда будет на то. Но ты — жена моего брата, Надин, — тут помимо воли голос все-таки дрогнул, а сам не смог смотреть долее в ее глаза, такие знакомые до боли, так любяще глядящие на него в этот миг. Прижал к себе ее голову, прислоняясь щекой к ее распущенным волосам, вдыхая аромат лавандовой воды, которую так любила она. Борясь с неудержимым желанием коснуться губами ее губ, как ранее, с острым желанием вновь ощутить ее ласки.

— Ты — жена моего брата. Ни о чем, кроме братского расположения, и речи быть не может, — прошептал он с горечью. — Я не волен идти против брата...

— Вот увидишь... Борис изыщет возможность избавиться от меня! И твоя мать... Даже опозорить... даже так..., - казалось, Надин вот-вот сорвется в истерику, и он еще крепче стиснул ладони на ее голове, пытаясь удержать ее от того. — Они разлучат меня с Татой!

Вышлют вон... запрут в деревне... помогите мне, mon coeur, помогите...! Не оставь меня, только не оставь...

Надин затихла спустя несколько минут в его руках, успокоившись то ли от уверенного тона его голоса, что шептал ей что-то успокаивающее, то ли от крепости его рук, сулящих безмолвно защиту. Они так и стояли в совершенно неподобающей близости друг от друга, когда неслышно в салон ступила Алевтина Афанасьевна. Она тут же заметила младшего сына и свою belle-fille ^[673], встретилась взглядами с Андреем, который посмотрел на мать поверх головы Надин... и отступила назад, опустив тяжелую портьеру.

— Я ни слова не скажу Борису о том непотребстве, что видела, — хлестала она после младшего сына словами, не давая тому даже рта открыть. — Мне подумать страшно, куда могло завести вас, Андрей Павлович, ваша неумная страсть к этой вертихвостке, которую Борис имел несчастье взять в супруги. Я полагала, что все осталось в прошлом... там, в Агапилово, в вашем укромном местечке — да-да, не смотрите так! Я знаю о том! Я знаю все! И том, насколько далеко вы зашли — позвольте заметить! — с невестой собственного брата! Немудрено, что она так спешила под венец с Борисом...

— О чем вы толкуете, maman? — все же решился прервать гневную речь Андрей после этого обвинения. — Спешка под венец была разве не вашей хворью вызвана? Разве не вы писали Борису в Москву, что желаете знать его женатым до дня вашей кончины?

— Vous direz des blagues! ^[674] — отрезала Алевтина Афанасьевна, быстро придя в себя от этой неожиданной атаки сына. — Опомнитесь! Разве можно о том говорить? Этого быть не может!

— Равно как и справедливости вашего обвинения, мадам, — проговорил Андрей. — Я уехал в полк по осени 1806 года. Никак не может сойтись этот пасьянс...

— C'est égal! ^[675] Кто ищет — тот найдет всенепременно! Я же не слепая! Это дитя ни единой чертой не схоже с Борисом. Тот был изумительной красоты младенцем, а дитя Надин... Тут неспроста сомнений воз будет! Да Бог с тем покамест! Вы! Вы сызнова стыд потеряли. В доме брата! И не смейте дерзить матери — взяли тон не тот, Андрей Павлович! Позабылись, верно, дома не бываючи. Мое слово последнее таково для вас будет — коли вы семье своей верны, коли вы брату верны, — и добавила уже мягче, чуть двинув уголки рта в слабой улыбке. — Коли к матери у вас почет и любовь сыновья, вы слово мне дадите нынче ж, что более не ступите наперекор мне. А мне на огорчение то, что вижу ныне. На боль сердечную. Неужто должно, чтоб у матери сердце болело? Неужто вы допустите то? Оставьте Надин в покое. Оставьте совсем! Дайте слово в том!

Такие разные женщины, которых Андрей любил, просили его в тот день, и каждая о своем. Он еще не знал, что настанет день, и ему придется вспомнить о том, как одна настаивала на том, о чем так настойчиво и слезно умоляла другая.

Было обычное утро, так похожее на другие, когда Оленины собирались в столовой за завтраком. Пусть и редко, но бывало, что делили утреннюю трапезу, пробудившись каждый еще до полудня. Наверное, это зимнее солнце наполнило светом тогда столовую, но на удивление Андрею даже Борис был любезен и шутлив, а шутки его совершенно беззлобны. Он даже предложил выехать по уже ставшему на Неве льду на санях и, что удивительнее всего — взять маленькую Тату на прогулку, с которой редко видался со дня крестин.

В такие моменты и случается худое — старая известная истина. Когда все слишком отрадno, непременно жди беды. Она и случилась в то утро, когда в столовую как-то бочком вошла горничная матери и что-то шепнула той на ухо. Алевтина Афанасьевна тут же

отослала лакеев вон из комнаты, как-то странно улыбаясь, за ними удалили и Софи — девице не пристало быть при том разговоре, что должен был состояться ныне.

— Что это, моя любезная дочь? — осведомилась Алевтина Афанасьевна, когда ее горничная развернула сверток, до того момента спрятанный у нее под передником. Мелькнуло в солнечных лучах шитье на офицерском кушаке. Том самом, который Андрей мельком приметил под тканью этого же передника еще до завтрака.

Он столкнулся с горничной в переходе в жилых половинах, направляясь в столовую, и та быстро поправила тяжелый сверток, так и норовивший выпасть из укромного местечка. Отменная интрига разворачивалась сейчас, когда допрашивали плачущих от испуга девок Надин, прибиравших покои после выхода молодой барыни к завтраку и обнаруживших кушак под небрежно брошенным на пол будуара покрывалом. Они бы скрыли эту находку, да как на грех горничная барыни занесла флакон масла для ванны, который брала как-то свекровь у невестки.

Что-то говорила обвиняющее Алевтина Афанасьевна, улыбаясь при этом, как кошка, объевшаяся сметаны. Борис же барабанил пальцами по столу, глядя поверх головы матери, словно что-то высматривая в рисунке шпофных обоев. Надин же сидела ни жива ни мертва, даже не пытаясь оправдываться. Только бросала отчаянные взгляды в сторону... Нет, не мужа. В сторону Андрея, который молча разрезал кусок ветчины на тарелке, будто его ничуть не касалась драма, разворачивающаяся за столом.

Ему отчего-то стало так тошно от всего, что творилось и ныне, и до этого момента, и еще будет твориться в его семье. Мать никогда не уgomонится в своем желании принести пусть и малую толику, но зла в жизнь кого-либо из родных. Как паук, сидящий в своей паутине. И самому стало горько до невозможности от собственных мыслей. Понимала ли мать, к чему приведет ее интрига? Понимала ли, на что толкала Бориса, представляя доказательство измены жены? Уже несколько месяцев по столице ходили обрывки толков, бросающих тень на имя Надин. Или неприятие *belle-fille* совсем затмило ясность ее рассудка? Или она не понимает, что на фоне всех этих шепотков Борис должен будет потребовать объяснений не только у жены, но и у того, чье имя шло вровень в тех слухах? Что знала вообще мать о том офицере?

— ... подумай, чьей крови Тата! — не унималась Алевтина Афанасьевна, и тут Андрей не сумел более сдержаться, прервал ее.

— *Madam, ça suffit!* [\[676\]](#) — и добавил после короткой паузы. — Довольно, прошу вас. Не стоит более продолжать. Я вас прошу... как вы меня просили когда-то. Я знаю, вы не питаете особого расположения к Надин, но обвинять огульно...

— Огульно? — едко переспросила Алевтина Афанасьевна. — Смею ли я бросать тень на невинность? Не смею! А вот обвинить по заслугам — в полной мере могу! Ваша жена, Борис, и ваша *bru*, Андрей, сей чистый образчик совершенства и невинности, позволила себе немислимое для супруги — *amourette* [\[677\]](#)! Свидетельство чего — сей кушак. Борис, *mon cher ami*, ныне вы видите, что я была права во всех своих словах, что говорила вам? Неужто и ныне вы не поступите, как должно поступить в таком случае?

— Это мой кушак! — если бы Андрей перевернул стол, сбрасывая на пол фарфор и серебро, то, наверное, тогда сидящие за столом были бы удивлены менее чем после того, как прозвучала эта фраза. — Это мой кушак... верно, по ошибке в будуаре оказался.

— Ошибкой, Андрей Павлович, можно назвать то, что вы делаете ныне. Опомнитесь! Вспомните, о чем мы говорили той осенью, — холодно произнесла мать, поджимая губы. Ее

взгляд мог бы проткнуть его насквозь, таким сверлящим он был в тот момент. Но он смело встретил его, не отвел собственный взгляд в сторону.

— Это мой кушак, мадам, — и глаза Алевтины Афанасьевны подернулись странной дымкой, а уголки губ дернулись, словно от боли. Это был единственный момент, когда Андрей, уверенный в невинности Надин, едва не сдался и не признался во лжи.

— *C'est vrai, Nadin?* ^[678] — голос Бориса был отстраненно вежлив, даже равнодушен. И ему действительно было все равно, ужаснулся Андрей, переведя взгляд на брата.

— Я могу ответить вам за вашу жену, — вдруг резко поднялась из-за стола мать, отодвинув от себя тарелку, что приборы звякнули жалостливо. — Могли ли вы подумать, *mon cher*, что в вашем доме появится змея, что может ужалить так больно? Родной крови! Я видела их сама, *mon cher*, корите меня за мое молчание.... Давеча осенью. А еще в год рождения этого ребенка, в тот же месяц. В передней, когда никто не мог даже подумать... Разве будет так целовать мужчина женщину, что родила ребенка от другого? Подумайте! Подумайте о том! И все эти толки, что по столице пошли не для отвода ли взоров от иного вора? Ибо ваш брат — вор! И клятвопреступник...

— *C'est vrai, Nadin?* — Борис продолжал добиваться ответа от жены, сидящей напротив него, и та не выдержала его взгляда — спрятала лицо, закрывшись ладонями, прошептав едва слышно:

— Прошу вас, позвольте мне уйти! Уйти! Прошу вас...

— Борис, вы должны..., - начала Алевтина Афанасьевна резко, прерывая этот жалостливый шепот. И тут брат Андрея вдруг вскочил на ноги и с глухим рыком дернул скатерть на себя, переворачивая часть посуды, разливая чай из фарфоровых пар.

— Вон! Вон из моего дома! Из жизни моей! Вон! Пошел прочь! Тотчас же! — Борис выглядел разозленным, но Андрей, отменно знавший брата, видел, что это только игра. Как обычно. В стремлении угодить матери, чьи желания Борис с детства научился тонко угадывать, а после и манипулировать матерью через них.

Никто не взглянул на Андрея, когда тот поднялся из-за стола и направился к выходу из столовой. Все старались смотреть на что угодно, лишь бы не встречаться с ним взглядом. Даже мать, мимо которой он проходил и попытался склониться к ее руке в прощании и немой просьбе о прощении за то, что подался своему порыву защитить Надин. Алевтина Афанасьевна руки не дала своей, вырвала из пальцев сына. Только бросила тихо:

— Я не прощу вам... никогда...

— Мадам, я не мог допустить того поступка, на который вы решились..., - в попытке оправдаться прошептал Андрей, которого больно ранил тон матери и сказанные ею слова. И снова появился соблазн отступить, признаться, что это кушак с армейским шитьем, что он вовсе не его. Но за спиной стояли Борис, чья жизнь зависела от этих слов, и Надин, чей слезный шепот: «...помоги мне, *mon coeur*... не оставь меня...» он до сих пор слышал. И Тата, чьей вины не было ни капли в тех переплетающихся волнах ненависти, злобы и подлости, которые в это утро наполнили дом.

Потому Андрей просто тогда вышел вон, чтобы подняться к себе и распорядиться об окончательном переезде в тесные казенные квартиры...

— Я не понимаю, — покачала головой Анна, возвращая Андрея звуком своего голоса из далекого уже 1810 года в нынешний. — Я не понимаю, каким образом твой кушак оказался там.

И взглянула на него так внимательно, словно могла проникнуть в самую глубь его души,

рассмотреть то, что он скрыл от нее сейчас, пытаясь сохранить имена матери и Надин в том виде, в каком сам бы желал, чтобы о них думали.

— Я никогда не был в покоях моей вгу, — ответил Андрей. — И никогда, за исключением тех двух случаев, не касался ее неподобающим образом. Полагаю, что это была чья-то злая шутка и только на фоне тех толков, что тогда ходили по столице. Люди жестоки в своей злобе. Иногда они даже не думают о последствиях своей неразумности. У меня не было иного выхода, как признаться в том, что я сказал тогда. Вот, что я хотел тебе рассказать.

Анна задержала шаг, чтобы заглянуть в его глаза, так и вопрошающие ее о том, верит ли она в его невиновность или нет. Она видела, как ему важно, чтобы она дала ответ, и сняла хотя бы частично тот камень, который он носил до сих пор в душе, не позволяя себе никому открыть истины о том проклятом утре.

— Я тебе верю, — и сама чуть не заплакала, когда увидела выражение его глаз. Анна даже прочитала в тех, что не будь они на глазах у остальных, он бы непременно обнял бы ее. А тогда обвила бы руками его, показывая своей нежностью, что понимает его поступок из прошлого.

Анна догадывалась, что тот кушак был подброшен, и даже могла с уверенностью назвать заказчика этого неприятного и подлого поступка. И еще она отчего-то со странным злым удовольствием думала, что нет дыма без огня, и что те слухи, о дивной прелестнице мадам Олениной-младшей все же имеют под собой не только слова.

А после вдруг вспомнила день знакомства с Андреем, свои попытки очаровать его, как всякого мужчину в своем прошлом окружении, его явную холодность к ней и неприязнь к ее кокетству. И только сейчас, воскрешая в памяти каждый миг из их прошлых дней, Анна понимала истинную причину его поведения в то время.

— И с тех самых пор мадам Оленина... к тебе..., - Анна смешалась, не зная, как задать этот вопрос и не причинить излишней боли ему.

— С того самого дня, — подтвердил он нарочито равнодушно, пытаясь теперь забыть о том проклятом для него дне, когда он уезжал из семьи без прощальных слов. Будто вор. Будто преступник, которым в какой-то мере чувствовал себя тогда.

Андрей тогда ехал в санях и совершенно не думая и не опознавая лиц, раскланивался со встречными знакомыми. Даже не чувствовал холодного ветра, больно обжигающего лицо. Потому что сам заледенел в ту минуту, когда в дверь его покоев стукнула та самая пожилая горничная матери и передала ему записку и сверток.

«Быть может, вы правы, и мой поступок не по достоинству славному имени вашего отца, которое мы все обязаны с честью носить. Но и вы, Андрей Павлович, доволь запятнали его, так что грязь от моего поступка не запачкает то более. Видит Бог, я не полагала, что сея задумка ответит par ricochet [\[679\]](#) в мое сердце. Но так и случилось.

Вы предали своего брата. Вы предали меня, собственную мать, и я никогда вам того не прощу. Более вы не существуете для меня. Это последний раз, когда я пишу к вам, когда обращаю к вам свои слова. Вы все поймете, когда развернете мой последний подарок вам. Прощайте, Андрей Павлович. С вами только Божье благословение, ибо родительского благословения вы лишены отныне ...»

В свертке лежали два кушака. Один из них — с потертыми нитями шитья, явно ношенный. Тот, который мать предъявила Надин в качестве свидетельства ее грехопадения. Другой — совсем новый, только приобретенный для осуществления расклада, который так

тщательно планировала мать в желании заставить невестку покинуть Петербург...

Надин тогда ждала его в передней комнате его покоев. Шагнула быстро к Андрею, покидавшему петербургский дом Олениных навсегда. Ухватилась за сукно его шинели, что-то говорила со слезами в голосе, пыталась оправдаться, но он уже не слышал ее. Отстранил с силой от себя и вышел вон, борясь с желанием ударить наотмашь. За ложь, за то предательство, горечь которого пропитала Андрея по самые пятки. Нет, предательство не брата, как законного супруга. Более всего Андрею отчего-то было больно, что еще недавно раскаиваясь в содеянном и прося его о любви, Надин имела за спиной тень иного мужчины.

— Мой милый, — его щеки коснулась женская рука, а кружево неприятно чуть царапнуло кожу. Анна смотрела на него, готовая разделить с ним любую ношу, которую до этого он нес один в своей душе. Дивный дар небес для него. Его маленький ангел, исцеливший его сердце и израненную душу, вернувший ему способность любить и верить.

— Только с тобой я снова научился вере и любви, — повторил Андрей шепотом свои мысли, целуя украдкой эту маленькую ладошку, скользнувшую по его лицу незаметно от чужих глаз. — Будто я был в сплошной тьме до встречи с тобой, а потом ты снизошла до меня, принесла свет. Я был проклят, а ты помогла снять эту тяжесть. Только ты... Mon ange... моя Анни...

Они все-таки ускользнули в тень сирени, что росла вдоль одной из аллей. Укрылись за ее зелеными ветвями всего на несколько короткий мгновений, чтобы коснуться друг друга так, как до боли в пальцах хотелось это сделать в тот миг. Обнявшись крепко, стать единым целым. Соединиться в поцелуях, полных нежности и тепла. Наполнить жизнь несколькими воспоминаниями, которые будут греть последующие дни обещанием чего-то большего.

Анна следующим утром едва не задохнулась от слез, когда фигура Андрея, провожавшего их верхом до самой границы земель, принадлежавших ему, не растаяла вдаль в солнечном свете. Она крепилась ровно до того момента, как он не смог бы увидеть ее слез, и только потом расплакалась. Боже мой, думалось ей в тот момент, как же больно расставаться, пусть даже на пару седмиц! Как же ей не хочется никуда уезжать от него! Никогда...

Она проплакала тогда почти до самого полудня, несмотря на попытки Веры Александровны успокоить ее. Анна помнила, как уезжала по той же самой дороге когда-то в Москву, и те дни, что случились после. Встреча с Лозинским. Ее ошибки. Разлука, едва не разделившая ее жизнь и жизнь Андрея.

За этим плачем Анны остались незаметными тихие слезы Катиш, которые та роняла, отвернув от матери и кухни лицо к окну, в понимании того, что ее надежды и мечты разрушены отныне. Но Анна видела, какую боль причиняют *petite cousine* все эти хлопоты и покупки, которыми занялись следующим же днем, как прибыли в дом на Поварскую улицу. Девиц поселили в смежных покоях, оттого одним из вечеров Анна решила тихонько открыть разделяющую их дверь, сама не понимая, отчего ей так хочется переговорить с Катиш.

Та не спала, просто лежала в постели, глядя через окно в не по-ночному светлое небо лета, в думах о чем-то своем. Но головы на тихий скрип двери не повернула даже, не показала даже взглядом, что заметила кухню, шагнувшую в комнату.

— Я слыхала, что вы хотите уехать под Калугу или остаться в Москве, — начала Анна, смущенно переходя на отстраненное «Вы». Теперь, когда между ними сложилась явная дистанция из-за разногласий, разделивших их, она не могла говорить такое интимное, такое

родственное «ты» Катиш, старающейся даже взгляда лишнего на кухню не бросить. Анна понимала ее положение и искренне сочувствовала ей. Но разве могла она что-то изменить?

— А вы бы желали моего присутствия на вашем венчании, *ma cousine*? — вдруг горько спросила Катиш, сжимая покрывало, словно вот-вот потянет на себя то и укроется под тем с головой от того, что происходило в ее жизни сейчас. — Чтобы насладиться от души моим горем? Моими слезами? Как раньше наслаждались ими, чиня мне всякие мелкие обиды. Вы ведь ведаете, что будущее уже потеряло для меня смысл бытия... без него...

Анна тогда промолчала, потому что знала — не найдутся никогда такие слова, которыми можно было бы унять сердечную боль в этом случае. Знала по себе, помня, как это больно терять. Но она сама прежде теряла хотя бы с малой толикой надежды на возможный свет в той темноте, что опускалась при этой боли, окружала облаком. А у Катиш такой надежды нет и не будет. Произносить же банальности... К чему? Ведь Анне вовсе не было жаль, что все так сложилось.

Так и сидели молча в летней ночи, как когда-то ранее, несколько лет назад делили ночи, будучи юными барышнями, мечтающими о любви и достойной партии на замужество. Только теперь все было по-другому — не стало хотя бы малой части родственного тепла между ними, никогда уже не будет прежней откровенности. Жизнь сделала их взрослее и невольно — соперницами. А проигравшая соперница вряд ли когда-либо станет благосклонна к той, что осталась в выигрыше...

— Я благодарна вам за то, что вы ни единой душе более не открыли истину о той ночи, — проговорила Анна, решив спустя некоторое время, полного тяжелого молчания, уйти к себе. Осознав, что ничего уже не исправить, как ни пытайся. — Я боялась давеча, что вы пойдете с тем разговором к мадам Олениной...

— Хорошего же вы мнения обо мне! — вспыхнула вдруг Катиш, заливаясь краской в очередной раз при воспоминании о том, что видела той летней ночью, и о том, как рассказала об увиденном Андрею. — Да и толк-то какой? Да, она возненавидит вас еще пуще и сделает все, чтобы предотвратить этот союз. Но Андрей... Павлович... он же никогда не отступится от вас... И я только стану причиной его боли, его разрыва с матерью — и только! Для меня все кончено было еще тогда... в двенадцатом. Когда даже ваш проступок не толкнул его к разрыву с вами. Как же я хотела вас ненавидеть! И как хочу этого сейчас!

О, как же хотелось в этот момент Анне унять эту боль, которую она причинила *petite cousine* и которая так явно слышимая в голосе той рвала ее сердце! Совсем как раньше — протянуть руки, стереть слезы с ее щек, сказать, что не со зла она обидела Катиш. Но ныне между ними стояла непросто детская обида, как прежде. И теперь никакими ласками не унять той боли, не получить прощения за нее. Да и не примет сейчас этой ласки Катиш, оттолкнет руки кухни.

— Уговорите маменьку отправить меня в деревню под Калугу, — справившись с эмоциями, произнесла Катиш тихо. — Сестрица моя, верно, будет недовольна, что ей придется пропустить ваше венчание и стать моим *patronage*. Да только я не смогу поехать сызнова в Милорадово... не сумею... не хочу!

— Я попрошу *tantine*, — ответила Анна. — Вот увидите, я сумею убедить ее, что так будет лучше для вас.

Уже когда Анна стояла в дверях, желая кухне покойного сна уходя в свои покои, Катиш вдруг остановила ее еле слышным шепотом:

— Я вас прошу... Анна, я прошу вас... Храните бережно его сердце. Он вас так любит...

И Анна ответила, стараясь, чтобы голос ее не дрогнул ненароком и не выдал слез, которые вдруг побежали по лицу ровными ручейками:

— Я вам клянусь в том...

В ту ночь Анна долго плакала, спрятав лицо в подушки, сама не понимая причины своих неукротимых слез. Ей было жаль Катиш, которая, верно, точно так же плакала в этот момент, рыдая на своей незавидной судьбой. Было жаль, что приданое, над которым так щедро хлопотала тетушка из своих средств, будет приобретаться не матерью, которую Анна даже не помнила. Что рядом нет мадам Элизы, которая постаралась подарить Анне материнскую любовь и заботу вместо рано ушедшей мадам Шепелевой. Ей пришлось остаться с Сашенькой в Милорадово — кто бы позаботился о том лучше собственной бабушки в отсутствие Анны?

Плакала от чувства острого одиночества, которое нахлынуло на нее вдруг, как только она затворила дверь в спальню Катиш. Ранее бы они непременно спали в эту и последующие ночи вместе, как когда-то делили постель вдвоем, обсуждая предстоящее торжество и покупку убранства к венцу. Но Катиш уже никогда не станет прежней к ней, а Полин...

И вспоминая, как ушла от них Полин, ее единственная и верная подруга, Анна еще больше заливалась слезами. А там пришел на ум и Петруша, вспомнился его облик и смех, его голос, выводящий строки одного из романсе. Его веселость, его азарт, неудержимая жажда жизни. И папенька вспомнился, который не разделит с ней тот счастливый день, когда она ступит под венцы, не увидит ее в подвенечном убранстве, не благословит перед отъездом в церковь старинной родовой иконой Богородицы.

Воспоминания мелькали в голове картинками, наполняли комнату звуками и запахами, которые только Анна слышала и ощущала в этот момент. А потом она вспомнила Рождество одиннадцатого года, и в комнату неслышно ступил Андрей. Сама того не замечая, она стала вдруг улыбаться сквозь слезы, а затем эти ручейки высохли на ее лице. Ушла из души странная тоска, охватившая ее еще недавно. Уползло змеей прочь чувство невыносимого одиночества, уступая место тихой радости, которая наполнила душу при мысли об Андрее.

Она никогда не останется одна. Больше не единого дня...

Так и заснула в умиротворении, думая о будущем, которое ожидало ее совсем скоро, спустя две седмицы. Вспоминая тяжесть широкой мужской ладони, что полностью закрывала собой маленькую женскую ладонь, даря тепло и чувство защищенности перед всем миром...

Анна никогда не могла бы подумать, что когда-нибудь настанет тот день, когда лавки и покупки станут для нее лишь тягостной обязанностью. Ей всегда нравилось заходить в торговые места, разглядывать предлагаемые приказчиками товары, проводить кончиками пальцев по ткани или кружеву, представляя себя в новом наряде, или вдыхать ароматы самых разнообразных эссенций и масел. Мерить платья, которые в будущем ей предстояло показать на своем тонком стане, подчеркивающие ее прелесть, и самые разнообразнейшие шляпки, кружась перед зеркалом и откровенно любуясь своим отражением.

Анна, помнится, мечтала о том дне, когда снова сможет ступить в лавку, имея неограниченный кредит в той, и подбирать себе все, что глянется глазу. Бывало, даже снилось, что она совершает покупки, в то время, когда приходилось если и заходить в лавку, то ростовщика, чтобы отдать в заклад очередную вещь.

«А прогос, надобно бы после венчания попросить Андрея выкупить те украшения, что попали в заклад за тот срок», не могла не подумать Анна, вспоминая о прошлых днях. Она стояла, уперев руки в спинку стула, а стоявшая позади нее одна из горничных тетюшки затягивала узкий корсет, который с недавних пор снова стали носить, выделяя под платьями тонкую талию и поднимая грудь в корсажах.

— О mon Dieu! — едва выдохнула Анна, когда девушка затянула шнуровку еще туже. Ей казалось, еще чуть-чуть, и ее просто переломят пополам этим корсажем. Да и сможет она после дышать?

— Довольно, полагаю, — проговорила позади нее модистка, окидывая взглядом узкую талию своей заказчицы. А потом покосилась на платье, которое держала в руках, и подумала, не придется ли распускать шнуровку — уж тонковатым для корсажа показался стан теперь, когда Анну затянули в корсет. И верно, платье, в которое аккуратно облачили будущую невесту, оказалось чуть великовато в месте высокой талии, потому модистка тут же заколола излишек ткани.

— Тут придется убрать, — нараспев подражая произношению мастериц-француженок, которых ранее, до войны было полно в Москве, а нынче изрядно поуменьшилось в числе, произнесла модистка.

— Сколько по времени? — обрывисто бросила Вера Александровна, сидевшая в кресле поодаль от места примерки, чтобы не мешать. — У нас нынче три дня до выезда из города осталось. Будет ли готово к сроку?

— Я сделаю все, что в моих силах, — ответила мастерица, уже зная, что поспеет к заданному дню. Благо, то платье, которое еще недавно предназначалось для первого бала дочери одной из ее постоянных заказчиц, почти подошло и в стане, и по росту.

— Не великоват ли вырез-то? — Вера Александровна ткнула пальцем, указывая на тонкую полосу, отделяющую линию высокой талии от груди. — Тут и двух вершков [\[680\]](#) от талии-то нет! В церковь все ж идет... не на балу прелестями трясти!

Модистка взглянула на квадратный вырез платья, значительно открывающий плечи и часть груди Анны, который сама же углубила, радуясь, что пошьет теперь платье в точности как на картинке из французского журнала, что ей принесли при заказе платья. По ее мнению, было невозможным поднимать вырез выше, чем было на нарисованной даме. Тем более, когда прелести той, что будет облачена в это платье, позволяли в полной мере

показывать их.

— Это последняя парижская мода, — многозначительно проговорила она, не оборачиваясь к Вере Александровне, подкалывая лишнюю ткань с другой стороны корсажа. — В церкви можно и кружевом фаты прикрыть, а вот после... на обеде... невеста будет краше всех. Это вам мое слово, мадам. Вам нравится, *mademoiselle*? — уже с тревогой в голосе спросила у Анны, безучастно наблюдающей в зеркале свое отражение. — Мы разошьем линию талии жемчугом. А вот здесь, на плече... тут будут три шелковые розы. У меня есть дивная мастерица этих роз. От живых и не отличить!

— Платье великолепно, — искренне сказала Анна, в который раз проводя ладонью по тонкой почти прозрачной ткани подола.

— *La meilleure!* ^[681] — провозгласила Вера Александровна. — Но если ты недовольна, милочка...

И модистка, собирающая в коробку свой нехитрый скарб — подушечку с иголками и булавками, мотки ниток и маленькие ножнички — даже напряглась, ожидая ответа той, которой шила одно из самых своих лучших платьев, которые копировала с французских журналов.

— Нет-нет, *ma tantine*, — поспешила заверить тетку Анна и подняла руки, позволяя одной из горничных, помогающей при примерке снять с себя еще неготовое платье, в котором она уже через пять дней ступит под венец в приходской церкви в Милорадово. — Я и подумать не могла, что оно будет так прекрасно. Вы правы — платье самое лучшее из всех, что я надевала прежде. Благодарю вас.

— Что-то без радости, — заметила Вера Александровна, а потом подала знак, чтобы горничная узнала, отчего в дверь тихо стучится лакей. Та тотчас поспешила к двери, приоткрыла створку, чтобы никто не увидел полуодетой барышни, и перекинулась короткими фразами с лакеем.

— Устала. Не думала, что собираться к венцу столь утомительно, — честно ответила Анна. Все эти ежедневные поездки по лавкам и заказы предметов для будущего приданого, которое так тщательно отбирала тетка, твердо решившая не отдать невесты в одной рубашке, «чтобы не злословили после», не приносили ей ни капли удовольствия. С гораздо большим бы удовольствием Анна вернулась бы из этого пыльного и душного города в любимое Милорадово, где было так тихо и покойно. И где ждал ее Андрей...

— Я вас оставлю, — вдруг резко проговорила Вера Александровна и вышла вон так быстро, что Анна не могла не подумать о том, не обидела ли она ненароком тетушку своим равнодушием к сборам под венец. Может, ей стоило позволить себе показать больше радости, когда в следующий раз модистка принесет уже готовое платье? А ведь оно действительно нравилось Анне... Такого красивого, как ей казалось, у нее прежде не было вовсе. Анна не могла в который раз не провести рукой по платью, лежащему на кровати, которое еще не успели убрать в коробку, улыбнулась, когда подумала о том, какой увидит ее Андрей в день венчания. Нет, он, конечно, и раньше видел ее в белом, но это платье... Оно было особенным. Ее первое «взрослое» платье, скорее выделяющее все ее соблазнительные места, чем скрывающие их. Анна была готова поклясться, что еще прежде не была так хороша, как будет в этот день, который навсегда соединит ее с Андреем.

— ... никогда не видела барыню в такой растерянности, — донеслось до Анны, которую уже облачили в простое дневное платье и завязывали ленту под грудью. Она резко обернулась к горничным, упаковывающим ее новые наряды в дорожный сундук, и те тут же

смогли, поймав ее внимательный взгляд.

— Что? — требовательно спросила Анна. — О чем языками болтаете? Разума не лишились о барыне толковать да при мне...?!

А сама взглядом показала Глаше, перевязывающей шляпные коробки тонкой бечевкой, чтобы те друг к другу ближе были на время предстоящей дороги, чтобы легче было их закрепить поверх важ, мол, ступай да разузнай, с чего вдруг девки о барыне зашептались. Та ушла и быстро вернулась в покои Анны, явно встревоженная, зная, что вести унесут покой барышни.

— Князь Чаговский-Вольный с визитом нынче прибыл.

Эта короткая фраза обожгла словно огнем, захлестнула слепящим на миг страхом. Анна даже пошатнулась на месте, оглушенная ею и тем смыслом, который та несла в себе. Ее несостоявшийся жених. С венчальной грамотой при себе. Явно прибывший просить то, что ему было обещано первому.

Первой мыслью у Анны было послать Глашу к дверям комнаты, чтобы та послушала разговор тетушки и неожиданного визитера. Но она, поразмыслив, пока ей помогали с нарядом, отказалась от этой идеи. Не хватало того, что из-за нее пострадала бы Глаша — тетушка слыла скорой на расправу с дворовыми за подобную провинность, ненавидя сплетни и зная, что их источником по обыкновению и являлась прислуга в доме. Так что она сама решила спуститься вниз и смело встретиться лицом к лицу с тем, кто по-прежнему считал себя ее женихом.

Но пока умелые руки Глаши застегивали ровный ряд пуговиц на спинке Анниного муслинового платья, видимо, разговор между тетушкой и князем подошел к концу, потому как через распахнутые окна во двор донесся крик лакея, ступившего на крыльцо дома, чтобы подавали к подъезду коляску визитера. Анна спешно подошла к окну, чтобы хотя бы по виду князя определить, с чем тот уезжает их дома тетушки. Ей было и любопытно, и боязно одновременно. Даже руки задрожали, когда заметила, как суетливо стали кланяться лакеи и обслуга, что была в тот момент во дворе, и пришлось сильнее стиснуть пальцами полупрозрачную занавесь, за которой пряталась от постороннего взгляда.

Князь шел прямо, будто горделиво неся голову в шляпе с высокой тульей, скорее для красоты, чем для необходимости опираясь на трость с большим набалдашником. Ни на кого не смотрел, головы не повернул даже на резкий звук кудахтанья и проклятия птичницы со стороны заднего двора, где в тот момент аккуратно ловили пару куриц для ужина нынче вечером. Анна, как ни силилась, так и не могла понять по его облику, что же произошло всего несколько минут в одной из гостиных дома. А потом он вдруг оглянулся на дом, словно почувствовал ее взгляд на своей спине, прямо перед тем, как сесть в коляску.

Анна даже смутилась от этого прямого взгляда, который князь бросил снизу вверх на нее. И от того, что тот даже не сделал ни малейшей попытки, следуя общепринятым правилам поведения, поприветствовать ее либо поклоном, либо снятием шляпы с головы, либо простым и коротким кивком. Ровным счетом — ни единого движения. Только смотрел внимательно на нее, стоявшую в обрамлении легкой ткани занавесей, которые даже укрытием не могли служить, реши она спрятаться от него.

Тогда и Анна не склонила головы в приветствии, только подбородок повыше поняла, показывая свое безразличное высокомерие к подобному пренебрежению приличиями. Этот жест, этот горделивый наклон головы вызвали легкую улыбку, чуть тронувшую уголки тонких губ князя. И только тогда он кивнул ей, одновременно приветствуя и прощаясь с ней

прежде, чем сесть в коляску и ткнуть тростью в спину кучера, призывая того тронуть коляску с места. Навсегда прощаясь, как угадала она неким внутренним чутьем, испытывая неимоверное облегчение, когда провожала взглядом коляску князя до самых ворот со двора.

Эту убежденность Анны подтвердила и Вера Александровна, когда племянница спустилась в гостиную. Та стояла, как-то чересчур выпрямив спину, и смотрела, не мигая, в темноту за кованой каминной решеткой. В комнате пахло чем-то горелым, и, только взглянув в серьезное лицо тетки, Анна поняла, что именно могли сжечь некоторое время назад в этой комнате. Значит, она действительно свободна от иных обязательств. Значит, никто не волен более предъявить судьбе свои права на ее руку.

Только за ужином Вера Александровна заговорила о князе и его визите, косясь на пару прислуживающих им лакеев, словно раздумывая не делает ли она ошибки заводя этот разговор при прислуге. После долгой отсрочки, словно собравшись с силами за эти пару часов, что прошли после того.

— Все решено отныне. Князь отступился от своих намерений, причем, сделал это без лишних слов и упреков, коих я ожидала по справедливости от него, — мадам Крапицкая предпочла умолчать, что тот перепугал до полусмерти ее своим пристальным взглядом из-под бровей. Она теперь понимала некоторую долю успеха в карточном азарте этого человека — не всякий выдержит тот при раскладе, спасует перед этими темными глазами.

— Это делает ему честь, — произнесла Анна, стараясь не показать своего явного облегчения этим словам, произнесенным за столом. — Я рада, что все разрешилось благополучно.

— Между прочим, он просил передать вам кое-какие слова, *ma chere*, — казалось, Вера Александровна колеблется. Но все же решилась и проговорила то, что сказал ей князь при том откровенном и таком тягостном для нее разговоре после того, как порвал на куски венчальную грамоту и бросил ее остатки за каминную решетку. — Он велел передать вам, милая моя, следующее...

«Сильна богиня Фортуна, Венус же — всепобеждающая». Странные слова для тетушки, не знавшей по именам и по виду покровительства богов сгинувшей в пепле времен древних предков италийских земель. Но Анна поняла их и улыбнулась их смыслу, понимая их истину только теперь.

— Будет все же, коли мы пораньше в Милорадово поедем, — заметила тетушка. — Уж вздохну покойно, когда вас в руки Оленина отдам у церкви. А то как-то душа не на месте с той минуты, как о князе объявили... все мнится что-то... Опоздаем что ли к воскресенью? Или еще чего похуже? Ох, убереги Господь от напасти! — перекрестилась размахисто, словно отгоняя от себя дурные мысли.

Анна тут же согласилась с ней. Ее желание вернуться как можно скорее в Милорадово, куда так и тянула ее душа, было уж определенно сильнее тетушкиного. Разве можно было унять тоску по взгляду любимых глаз или по крепкому, но нежному пожатию пальцев несколькими письмами, что пришли к ней с почтовыми из Гжатчины? Только еще сильнее разбередили ее сердце, истерзанное разлукой.

И когда Анне не спалось, она снова и снова накидывала на плечи шаль и подходила к открытому окну, подставляя лицо легкому ночному ветерку. Смотрела на звезды и представляла, что где-то в Милорадово Андрей точно так же стоит у открытого окна, смотрит на звезды и тоскует по ней, как писал о том в письмах. Иногда она закрывала глаза, и ей казалось, что это не ветер ласкает ее лицо, а его ладони нежно захватывают его в плен.

И вовсе не листва шелестит в ветвях деревьев небольшого сада возле дома, а Андрей шепчет ей: «Анни... моя милая... mon ange...»

Они выехали ровно в тот день, в который и планировали уезжать из Москвы в гжатские земли. Хотя Вера Александровна и подгоняла модистку и ее помощниц, те доставили коробку с венчальным платьем ровно перед закатом до дня отъезда.

— Благо, что задержки не случилось, — ворчала тетушка, когда их карета, покачиваясь на неровных камнях, которыми был уложен двор дома, выкатилась из ворот на улицу. — И позаботились бы в пути о подводах с приданным всенепременно. Головы сниму, коли намокнет кружево белья... как пить дать сниму со всех головы! Как полагаешь, Аннет, прольется ли дождем в дни будущие? Эх, не надо бы дождя! Там ведь кружево на постельном не простое, не наше кружево-то! Да что с тобой? Из-за кружев чай так озаботилась? Или дурно тебе? Вся белая... Анна! Милочка моя!

— Духота, тетушка..., — растерянно проговорила Анна, действительно белая лицом как кружево, которым был украшен корсаж ее платья. А сама боролась с желанием совершеннейшим образом высунуться из окна кареты, чтобы взглянуть на тех прохожих, которые оставались позади кареты. Чтобы убедиться, что лицо, неожиданно возникшее из ее прошлого здесь, на московской улице, только иллюзия ее зрения.

А потом заставила себя отогнать в сторону липкий страх, снова захвативший душу, когда перед глазами промелькнули картины из того страшного для нее октября. Не думать и не вспоминать. Ни о разорении усадьбы, ни об убитых или калеченных шутки ради, ни о девках, что предпочли не вернуться в село после того налета. Ни о собственном ужасе, который в ту ночь загнала куда-то вглубь, чтобы не мешал думать ясно, ни о темноте леса, окружающей ее.

— Я забыла поблагодарить вас, ma tantine, за то дивное платье, которое сотворили для венца, — Анна постаралась раздвинуть губы в улыбке и воскресить в душе тот восторг, который ощутила, когда была облачена готовое венчальное платье и стояла перед зеркалом прошлым вечером. — Il est parfaite! [\[682\]](#)

И сама себя отвлекала почти весь путь от заставы до ближайшей станции разговорами о приданом, о венчальном платье и предстоящем дне венчания, и тетушку развлекала, заставляя забыть о тяготах пути в этот душный летний день. А потом уже об ином думала, безмолвно подгоняя лошадей, которые несли их карету все ближе и ближе к Милорадово.

«Vite! Vite! Vite!» [\[683\]](#), стучало сердце под еле слышный стук копыт по сухой тверди дороги. И когда показалось знакомое сплетение ветвей лип над подъездной аллеей, когда замелькали знакомые парковые пейзажи за оконцем кареты, Анна даже дыхание затаила в предвкушении, слушая стук собственного сердца. Ей даже иногда казалось, что карета едет чересчур медленно, что мог бы кучер и подстегнуть лошадей, чтобы те ускорили шаг.

Ах, как жаль, что она не мужчина! Как жаль, что не может себе позволить распахнуть дверцу еще до полной остановки кареты, спрыгнуть наземь, чтобы сделать всего несколько шагов до того, к кому уже устремилось ее сердце, едва Анна заметила знакомую фигуру на ступенях подъезда! Броситься к нему в объятия, обхватить крепко ладонями лицо и расцеловать, не пряча ни от кого радость долгожданной встречи...

Но нельзя, совсем нельзя того. И только оставалось, что дожидаться, пока лакей откинет ступени складной лестницы и поможет ей сойти наземь, предложив руку. Подняться по ступеням, держась в шаге от тетушки, и лишь после короткого приветствия, которым обменялись Вера Александровна и Оленин, поднять на него светящиеся от радости глаза.

— Анна Михайловна, — даже это вежливое обращение Андрей произнес так, что у Анны дыхание перехватило, а когда он взял в свою руку кончики ее пальцев, чтобы положить на сгиб своего локтя, даже голова пошла кругом отчего-то. — Я не могу выразить словами, как я торопил дни до нашей встречи...

А глаза сказали намного больше, чем он мог себе позволить в тот момент, и Анна улыбнулась ему широко и открыто, давая глазами безмолвный ответ на его молчаливые признания.

Всего только один-единственный день, и они навсегда будут вместе, думала Анна, которой тот летний день казался тогда бесконечным. Быть может, это от томления, что охватило перед завтрашним венчанием. А может — от того, что с момента приезда Анне не удалось ни единой минуты провести возле Андрея, пусть даже не наедине, а в окружении других — его родных или гостей, прибывших в Милорадово, чтобы присутствовать на обряде. Даже дальние родственники Шепелевых, до которых дошло в срок письмо о предстоящем союзе, приехали из Тулы.

— На похороны их не дозваться было, — горячилась Вера Александровна украдкой от тех перед Анной тем же вечером. — И в беде не докликаться. А как свадьба, так тут же прибыли! И даже экипажи целехонькие отыскались, и на почтовых хватило средств, лишь бы поспеть на обед венчальный. Аккурат как раньше, когда Михаил Львович, упокой Господи душу его, всех привечал гостеприимством своих, всех кормил со стола своего. Ты их долго при доме не держи после свадьбы-то, Анна. А то ведаю я их породу шепелевскую — как придут в начале лета, так после Госпожинок и соберутся до имения своего. Если до Рождества не напрусятся...

Тетушка зашла к ней в спальню проведать перед сном, благо Алевтина Афанасьевна настояла на том, чтобы невеста ночь перед венчанием провела не во флигеле, как нежеланная гостя, а уехала в церковь именно из усадебного дома. Удивительно, но подготовили Анне на ту ночь ее прежние покои, такие знакомые сердцу. Словно вспять повернули время на несколько лет, как иногда казалось Анне.

— Спросить тебя хотела, милочка моя, — Вера Александровна выглядела несколько смущенной, что заставило Анну удивленно взглянуть на тетушку. — Нет, не про обязанности жены перед мужем, что ждут тебя завтра. Мадам Элиза, мне на удивление, отчего-то ранее срока положенного просветила тебя в том. Касательно мальчика... что с ним после венчания твоего будет? Ты ведь понимаешь — все эти толки, что ходят вокруг этого дитя... они могут принести немало огорчений любому мужчине, даже тому, кто в особом расположении...

— Я подумаю над этим, *ma tantine*, — пообещала быстро Анна, давая всем своим видом понять, что не желает говорить о Сашеньке. И так ей мадам Элиза проговорила почти весь вечер, который Анна провела подле них во флигеле, лишь упреки о той недосказанности, которая по-прежнему висела между ней и Андреем.

Степень ее родства мальчику. То, о чем она отчего-то не желала заводить разговор до того момента, когда станет венчанной женой. Анна боялась после всего, что ей довелось узнать о прошлом Андрея, что тот несколько разочаруется в ней, когда узнает об этой лжи. Или Анна сама несколько разочаруется в нем, если он не сможет скрыть своего облегчения при этой вести, что Сашенька не ее сын.

Оттого и оттягивала момент этого разговора, как могла, на неудовольствие мадам Элизы. Ах, будь ее воля, она бы вообще молчала и далее о том! Но только после ухода Веры Александровны, когда даже новый французский роман не мог отвлечь ее, Анна вдруг

поняла, что не должно более потакать своим страхам. А еще не должно потакать своей гордыне, которая заставляла ее, пусть не прямо, но давать пищу толкам, ходившим по округе, вредя тем самым скорее себе, чем кому-либо иному.

Был ли это Лозинский там, у ограды городского дома тетушки на Поварской? Или глаза обманули ее? О, если бы это было так! Отчего-то ее даже дрожь пробрала при мысли о поляке, несмотря на духоту летней ночи. Для нее Лозинский вдруг стал неким символом краха или предвестником беды, которая обманчиво кажется не стоящей тревог. Как тогда, тем летом, когда все казалось совсем иным...

Анна отбросила книгу в сторону и прошла до платья, которое ожидало своего часа, белея светлым силуэтом в неровном свете единственной свечи. Коснулась пальчиками прохладного шелка роз на левой стороне корсажа, представляя, каким светом вспыхнут глаза Андрея, когда она ступит на ступени церкви в этом наряде. Даже удивилась мелькнувшей в голове мысли о желании быть всегда красивой. Не так, как прежде, не для всех. Хотя нет, для остальных тоже хотелось... Но только для него хотелось больше. Ей так хотелось быть всегда самой красивой для него!

А потом подошла к столику с зеркалом, коснулась упругих лепестков нежных светло-розовых роз, которые Анне поставили в вазах не только в будуаре, но и в спальне огромными букетами, наполняя комнаты дивным ароматом, от которого кругом шла голова.

«Тебе, mon ange», гласила записка, которую украдкой сунула Анне в руку Глаша, «чтобы ты наслаждалась их прелестью и ароматом этой ночью и думала обо мне и завтрашнем дне. Как я буду думать о тебе каждую минуту, что останется до полудня...».

От резкого стука в дверь будуара Анна едва не подпрыгнула на месте, столь неожиданно тот прозвучал в ночной тишине. В будуаре проснулась Глаша, по былой привычке занявшая место на диванчике в той комнате, чтобы быть поближе к барышне. Анна услышала, как открылась и закрылась дверь в покои, а после и тихий шепот. Она не могла не поддаться любопытству и приблизилась к полуоткрытой двери в будуар, чтобы подсмотреть, кто мог побеспокоить ее в этот поздний час.

Это была Софи. Она сразу узнала сестру Андрея даже в этом смешном чепце с широкой полосой оборки, потому распахнула дверь шире, показывая, что еще не спит, что рада будет поговорить с Софи, чтобы позабыть о тревогах, что что-то пойдет не так завтрашним днем.

Она думала, что они будут говорить о чем-то незначительном, и так было сперва, когда Софи с восторгом оглядела платье, коснулась верхнего кружева на тонком газовом чехле и прелестных роз.

— Это кружево из Парижа, с одной из лавки, — сказала Софи, проводя пальчиком вдоль цветочного узора длинной фаты, что завтра украсит голову Анны, согласно традиции. — Андрей купил его, а наши мастерицы раскроили фату... отчего-то самое лучшее кружево только из-за границы, почему так? Ах, вы будете дивной невестой следующего дня. Мне ранее не приходилось видеть подобного платья...

— Платье и верно прекрасное, — ответила на это Анна, отходя к распахнутому в ночной парк окну, чтобы вдохнуть полного ароматом цветов и свежести зелени воздуха. — Я всегда мечтала в малолетстве о таком платье и таком изумительной красоты кружеве фаты. И что самое удивительное — представляла подле себя под венцами именно офицера. Должно быть, от того, что брат уже был в армии тогда и приезжал в мундире в редкий отпуск.

Жаль, что Андрей будет во фраке, снова подумала Анна с легким сожалением, что ее

давняя мечта девичества не станет явью в полной мере. Ему было позволено носить мундир, она точно знала это, разведав через Глашу, а та через своего ухажера из дворни. Но она достоверно знала, что Андрей отчего-то не надевал виц-мундир ни на балы в Москве, ни на местные вечера. И даже на венчание, на огорчение Анны, как она была наслышана, будет во фраке. И словно прочитав ее мысли, Софи вдруг произнесла задумчиво:

— Андрей не носит мундира. Я думаю, что ему до сих пор непривычно быть не на службе гвардейской, а в отставке. Мне нравилось видеть его офицером... жаль, что все так сложилось, там, в Париже, — она сделала паузу, словно приглашая Анну задать вопрос о том, что случилось тогда, но сама же и заговорила прежде, чем та решилась на это. Только уже не о дуэли, приведшей к таким последствиям в жизни Андрея, а о том, что снесло ее саму на протяжении уже пары месяцев последних. Софи решилась на откровение о том, что так тщательно скрывала от всех, особенно от Андрея и от нее, той, которой предстояло стать ее сестрой. Или вовсе наоборот, коли та вдруг решит отменить свадьбу в последний момент.

Софи еще раз взглянула на то, что принесла с собой в комнаты Анны и аккуратной стопкой положила на край столика с зеркалом. И снова засомневалась в правильности своего решения, которое привело ее сейчас сюда. Что, если открывая правду, она разрушит будущее счастье брата? О, видит Бог, это было самое сложное решение в ее жизни! Но иначе она ровным счетом не могла поступить. Уж слишком тяжелы были угрызения совести.

— Я должна вам признаться, Анна, — проговорила Софи сперва нерешительно и тихо, а после, когда голос немного окреп, когда ушла сиплость волнения перед неизбежным, повторила. — Я должна вам во всем признаться. Быть может, вы возненавидите меня после моего откровения. Быть может, я стану причиной крушения всех надежд брата. Но молчать... я не могу долее хранить то, что и так уж чересчур долго скрывала от всех.

Она взяла со столика письма, прежде незамеченные Анной, в несколько решительных шагов пересекла разделявшее их расстояние и протянула стопку, которая до сих пор обжигала ее пальцы бесчестностью поступка, удивленной Анне.

— Возьмите. Первые из них пролежали в Гжатске с самой зимы. Никто не ездил за почтой из дворовых, пользуясь тем, что ни барина, ни управителя нет в имении, посему их скопилось немало. А ко мне они по ошибке попали. Человеку сказали — барышне в Милорадово отдать, он и передал в основной дом. А я... я успела увидеть прежде, чем в руки Андрея попались...

Анна помнила об этой задержке превосходно, потому сразу поняла, о чем говорит ей Софи. Только решила, что тогда, после Пасхи, ей не все письма от тетушки передали, и только взяв в руки стопку, на ее удивление, из десятка писем, если не более, поняла, что ошиблась.

— Я... я поняла, от кого они по имени на титуле письма, — оправдывалась Софи, отведя взгляд от лица Анны куда-то в темноту летней ночи за распахнутым окном. — Поняла, что от него. И тогда по какому-то странному наитию решилась придержать, не дать им достигнуть адресата, то бишь вас... Чтобы у Андрея появилась возможность снова завоевать вас. Потому что я видела, что для него ровным счетом ничего не изменилось с того самого дня, когда он, будучи в отпуске по ранению после сражения у Бородино, так рвался в эти земли. И после... когда он рассказал мне, что желает делать вам предложение... Я видела, что единственное, что может остановить его тогда, только свидетельство того, что ваше сердце отдано другому. Но и тогда я промолчала, не открылась ему, что еще не все кончено, что... та особа пишет к вам. А письма ведь все шли и шли. Только пару седмиц

назад прекратили приходить.

Софи тогда с огромным облегчением осознала, что для нее все закончилось. Не надо было первой просматривать привезенную почту, не надо было украдкой вытаскивать из стопки писем одно, чтобы спрятать его от чужих глаз, а затем поместить к братьям под перину в собственной спальне. Не надо было молчать более о том, что так тяготило душу. Оставалось только дожидаться дня венчания, когда ничто не смогло помешать ее брату получить в жену ту, желаннее которой не было для него.

— Это письма того поляка, — сказала Софи, взглядываясь в лицо Анны при неровном свете свечи в попытке разгадать, что за мысли ходят сейчас в голове той. Когда она держит в руках письма того, ради кого Анна когда-то оставила жениха. И от этой мысли Софи вдруг похолодела, понимая, что в этот раз боль Андрея будет совсем другой, если Анна поступит так же, как тогда. С трудом подавила в себе желание вырвать эти письма из рук своей собеседницы, жалея о своем порыве поддаться зову совести, который привел ее сюда.

— Я только об одном прошу вас, — прошептала Софи тогда, надеясь хоть как-то повлиять на решение Анны в эту минуту. — Если есть надежда, что мой брат составит хотя бы толику вашего счастья, то, быть может, не стоит... Вы ведь ведаете, он для вас все сделает. Все для вашего счастья... Стоит ли ради неизвестности... стоит ли ныне...

— Софи, — Анна вдруг сжала плечо той, пытаясь унять ее волнение, которое явно охватило ту с головы до ног. А потом улыбнулась ободряюще. — Только единственный человек способен составить мое счастье, и эта персона — ваш брат. И вам нет нужды тревожиться более о том, что вы скрыли их от меня. Даже получение их в срок не повлияло бы на мою будущность.

Она не стала говорить Софи, не желая огорчать ту, что все-таки хотела бы узнать об этих письмах еще тогда, после Пасхи. Только для того, чтобы посоветоваться с мадам Элизой, и чтобы та нашла возможность прекратить приход этих посланий, бросающую тень на имя Анны, пусть и в глазах мелкого чиновничьего люда Гжатска и дворни Милорадово. И это при исключительном случае, когда о письмах не узнал бы никто их круга Анны... Она даже разозлилась в тот миг на Лозинского, не выбирающего средств, не думающего ни о ком и ни о чем, кроме собственных желаний.

Анна постаралась удержать эту злость при себе, даже движением бровей не показать свое недовольство Софи. Обняла ту, поддаваясь неожиданному порыву, чтобы этим объятием показать, что не держит зла на будущую невестку, а напротив, благодарна, что та сохранила в тайне от всех эти злосчастные письма. Однажды письма от этого адресата уже едва не разрушили ее счастье, и Анна ужасалась мысли, что поступи Софи иначе, покажи эти письма кому-либо... нет, даже думать о том этой ночью не хотелось!

После ухода Софи, с которой Анна рассталась, уверенная, что отныне их расположение друг к другу только окрепнет после этого откровения, Анна недолго размышляла, держа в руках ровные прямоугольники писем. Правда, неумное любопытство, отличительная черта ее нрава, все же взяло вверх на короткий миг, и она вскрыла письмо, лежавшее поверх остальных. Но первое же короткое «Аннеля» обожгло сильнее огня воспоминанием о былых ошибках и о том прошлом, что довелось пережить в этих стенах. О тех моментах, которые навсегда изменили привычный ход ее жизни.

Сжечь, тут же пришло решение в голову. Уничтожить в пламени свечи, как она бы желала стереть любое напоминание о том, что приносило с собой только горечь и боль. Анна взяла свечу со столика и перенесла ее на столик к зеркалу, подвинула к себе тазик для

умывания и, поджигая письма одно за другим, стала бросать те в него. Вспыхнуло яркое пламя, которое разгоралось все сильнее и сильнее, пожирая яростно бумагу. Анна не могла не взглянуть на отражение этого огня в зеркале, которое сделало в этот миг углы спальни за ее спиной такими темными и пугающими, а ее собственное таким мистически волнующим. И сразу же вспомнилось гадание давешнее и силуэт мужской, который так пугал ее ранее. Теперь даже тени страха не появилось в душе, когда она смотрелась в зеркало. Потому что отныне знала, что если кто и шагнет к ней из темноты комнаты, никогда не причинит ей вреда, а если и заключит в свои руки, то только благодать принесет ей это объятие.

Следующее утро разбудило Анну солнечными лучами и удивительно ясным небом. И это великолепие утра только добавило какого-то подъема в ее душу, наполнило ее удивительной радостью. Как вчера во время возвращения в усадьбу быстро билось сердце, будто снова нашептывая слова: «Vite! Vite!». Анне не терпелось встать под венцы, чтобы после этого мига соединения под церковными сводами никогда более не размыкать рук и не обмениваться втайне от окружающих взглядами, обещающими и влекущими, кружащими голову. По крайней мере, прошлым вечером, когда она ловила на себе подобный взгляд Андрея, Анна не могла не торопить время, подгоняя минуты и часы, оставшиеся до венчания.

— Какая ты красивая! — восхищенно и с легкими слезами в голосе от трогательности момента прошептала Вера Александровна, ожидающая, пока Анна будет готова ехать к венцу.

Анна улыбнулась уголками губ, пытаясь подавить неожиданную нервозность, которая вдруг охватила ее, как только Глаша, закалывающая последний цветок из числа укрававших аккуратные локоны Анны, отступила от нее, в последний раз поправив складки кружева фаты.

— Я уверена, твои татан и рара смотрят нынче на тебя с небес и радуются твоему счастью, — Вера Александровна, видя, как подозрительно заблестели глаза племянницы, тут же бросила Глаше: «Ну-ка, подуй-ка барышне на глазки!», и продолжила. — Ну, что ты так растрогалась! Негоже слезы лить в такой день. Хотя нянюшка наша только и говорила мне в день венчания, чтобы хотя бы слезинку уронила. Чтобы после не плакать, будучи женой...

И замолчала, вспомнив, что даже слезы в день венчания не смогли сделать так, чтобы брак с Крапицким был хотя бы сносным, если не сумел стать счастливым. Но то единственное хорошее, что получила в своем замужестве — две дочери и только...

— Ну, будет-будет! — похлопала ободряюще по плечу племянницу Вера Александровна. — День-то какой нынче. Даже вон солнце за окошком радуется счастью твоему... Не хмурь так лоб, забудь о слезах! Глаша, ступай тряпицу смочи водой ледяной да барышне к щекам приложи. Излишняя краснота ни к кому ни к лицу. А я в молельную... пойду-ка гляну, подготовили ли все там. Ты туда сразу же, душенька, после ступай. Там благословлю тебя перед венцом, в молельной.

Анна осталась одна, скорее обрадованная подобным мимолетным одиночеством, чем раздосадованная им. Ей надо было перевести дыхание, успокоиться, а сделать это выходило у нее лучше всего, когда она оставалась наедине с собой.

Дом опустел. Приглашенные на обряд венчания и последующее торжество после уже уехали в колясках к церкви вместе с женихом и его семьей. Даже дворня отложила свои дела, чтобы если не в самом храме, так в притворе или вовсе — заглядывая через распахнутые двери в церковь, посмотреть на церемонию, толкаясь среди сельских. Только

Анна и Вера Александровна должны были выехать позднее остальных, после благословения первой к венцу, которое по причине старшинства в роде должна была провести тетя Анны. Да еще остались только кучер, что повезет их в церковь, работники конюшни, запрягавшие коляску невесты, украшенную цветами и лентами, девушки, убиравшие Анну к венцу, и поварята, которым велено было наблюдать за огнем в кухне.

Анна повернулась к зеркалу, чтобы в который раз взглянуть на себя, чтобы убедиться, что происходящее ныне вовсе не сон. Что именно ее лицо взглянет из зеркала, что это она облачена в белоснежное убранство невесты. Нет, это была она, Анна. Ведь это ее серо-голубые глаза так блестели сейчас радостным светом, это в ее светлых локонах были закреплены белые розы, и это ее лицо отражалось в зеркале в обрамлении кружева фаты.

Взгляд упал на соблазнительную ложбинку, и в голове невольно мелькнула мысль, не прогневадется ли отец Иоанн глубине ее выреза. Нынче утром, когда мадам Элиза увидела платье, Анна ясно прочитала на ее лице, что та несколько недовольна им. Но платье одобрила Вера Александровна, да и потом — разве не в праве Анна теперь носить и такие платья, некогда совсем неподобающие девице?

Анна поправила маленькое серебряное распятие, которое лежало в ложбинке между грудей рядом с жемчужиной на тонкой цепочке, улыбнулась, вспоминая, как к ней вернулось это украшение.

— Что-то старое на примету, — прошептал вчера тихо, чтобы не слышали окружающие, желая ей покойной ночи, Андрей, и под ее удивление этому шепоту в ладошку скользнула жемчужная капля. Что-то старое... что-то из прошлого...

— *De toute beauté, ma chere!* ^[684] — прозвучал в голове иной голос, и улыбка Анны на миг изменилась — чуть поугасла при воспоминании о том, как Петр подарил ей когда-то под Рождество эту жемчужину. И их объятия, в которых он так легко кружил сестру тогда по этой самой комнате. Ей очень хотелось думать сейчас, что все они, так рано ушедшие от нее, видят в этот момент ее счастье, что они рядом с ней, пусть и бестелесны.

С громким стуком от сквозняка, гуляющего по дому из-за широко распахнутых во всех комнатах окон, закрылась дверь в будуаре ее покоев, и Анна попыталась отогнать грустные мысли. Уже совсем скоро она выйдет из этих покоев и ступит в молельную, где родовой иконой тетушка благословит ее к венцу, на ее новый путь. Путь, который она отныне пройдет рука об руку с мужчиной, который стал для нее всем миром...

— Как ты прекрасна, моя панна, — раздалось от двери в спальню, и Анна взглянула на проем в отражении. А после замерла, оглушенная внезапным появлением того, кого даже подумать не могла увидеть вновь. И его видом — в темно-синем, почти черном сюртуке, на фоне которого белым пятном светлел искусно повязанный шелковый галстук...

Казалось, время тянется слишком медленно. Вот уже несколько раз выходил на крыльцо церкви отец Иоанн, чтобы в который раз внимательно взглянуть на Андрея, будто спрашивая: «Долгонько ли ждать?». Порой вместо священника из темного проема притвора показывалась фигурка девушки матери, которую посылала та осведомиться, не прибыла ли невеста, и не передумала ли она часом, коли нет ее столько времени.

Андрей умом понимал, что эта краснеющая от неловкости девушка не ответственна за эти слова, что жалили слегка с каждой дополнительной минутой ожидания. Но та все же ощущала его недовольство, его раздражение теми репликами, посланцем которых пришлось стать. И он даже корил себя иногда за эту раздражительность, понимая, что не место ей в эти минуты в его душе.

Андрей в который раз окидывал взглядом церковный дворик, чуть задерживаясь на том самом месте, где когда-то несколько лет назад надменная красавица в серо-жемчужной шляпке подала ему руку на целование в перчатке, пренебрегая правилами. Пытаясь уколоть его, чтобы рана отныне не давала покоя ему ни ночью, ни днем.

Так и вышло, впрочем. Несмотря на все его старания не пропасть, не запутаться в тонких шелковых сетях, что так искусно расставляла по привычке Анна, Андрей буквально сросся с этими нитями кожей. Так, что уже не вырвать их из тела, из сердца, из души... Анна стала для него всем. И для того, чтобы спокойно дышать этим воздухом, наполненным ароматами лета, ему всегда надо было знать, что она счастлива, что ей хорошо. И он в который раз подумал, что не хватит всех дней до конца жизни, чтобы отблагодарить Господа за этот дар, который тот так щедро отдал Андрею в руки. И этот дар — самому делать ее счастливой, а ее жизнь покойной и радостной.

Изредка на крыльцо выходила Софи, зябко передергивая плечиками в открытом вырезе платья, когда солнечное тепло скользило лучами по коже, такими жаркими после внутренней прохлады храма. Улыбалась брату, говоря несколько одобряющих слов, пожимая его локоть. Но Андрей читал в ее глазах отражение собственной тревоги. Невеста задерживалась, и каждая минута ожидания добавляла еще больше нервозности...

Софи переменилась за последние месяцы, не мог не отметить Андрей, глядя на нее с улыбкой сверху вниз в очередной ее выход из церкви на залитое солнечным светом крыльцо. Стала одеваться иначе, выделяя платья по обыкновению неприметных тонов, отделками, по-иному причесывать волосы. Она стала даже голову держать совсем иначе — прямо и гордо, не отводила, робея, как прежде, тут же взгляд от взора, брошенного на нее. Андрей знал причину этих перемен, и имя этой причины сладким замиранием сердца отзывалось в нем. Анни, его маленькая, но такая великая духом Анни, сильная и слабая одновременно...

Рядом переминался с ноги на ногу Кузаков, который обещался держать венец над головой Андрея еще в Москве и сдержал свое слово — прибыл ровно за два дня до свадьбы. С каждой четвертью часа пригревало солнце все больше и больше, и он, вчерашнего дня промучившийся какой-то странной хворью, то и дело вытирал лоб платком, чувствуя слабость, еще не отпустившую после приступа.

Но когда Софи появлялась на крыльце, тот как-то приосанивался, расправлял плечи, пытаясь придать себе бравый вид вместо того жалкого и бледного, который был у него. И это не могло не насторожить слегка Андрея, оттого поймав на себе внимательный взгляд друга,

Кузаков в который раз спешно достал платок и стал суетливо вытирать лоб.

— Проклятые пироги! Так и знал, что с зайчиной лучше бы не брать у зрителя по нынешней-то жаре, — проговорил Александр, пряча платок за полу мундира. — Черт меня толкнул! Чуть на тот свет не отправил меня. Вот я на обратной дороге изрядно откручу ухо стервецу. Уверял же меня — «наисвежайший, сударь, пирог... только из печи как час...». Что там? Не видать коляски?

— Не видно что-то, — Андрей в очередной раз двинулся от крыльца к воротам церковным, заложив руки за спину. Кузаков нехотя пошел за ним следом, стараясь не отставать ни на шаг. Хотелось ослабить ворот мундира, но не смел — следовало терпеть. И не только сейчас — во время обряда, но и после — за обедом, что будет дан в честь молодоженов.

— Все-таки попа я этого видал определенно где-то, — проговорил Кузаков тихо себе под нос, размышляя, отчего ему таким знакомым кажется иерей местной церкви, что встретил жениха и его шаферов у входа в церковь. А потом повторил, когда Андрей переспросил как-то отстраненно. — Поп, говорю, мне знаком. Ума ни приложу, где мог видеть его...

— Не венчался ли часом с местной красоткой? — пошутил Андрей, хотя тон голоса так и остался предельно серьезным, сводя всю веселость реплики на нет. Кузаков хотел отшутиться в ответ, что вряд ли, мог только крестить кого, и тут же замер на миг, пораженный внезапной ясностью воспоминания.

Стена ливня, за которой не было видно даже спину кучера, понуро сидящего на козлах коляски и пытающегося безуспешно укрыться от дождя, пряча лицо в поднятом вверх высоком вороте армяка. Казалось, словно само небо разверзлось тогда над многострадальной смоленской землей, рыдая над тем, что довелось пережить ей почти год назад. Ту мелкую дрожь, которой било тело догоняющего полк после ранения Кузакова, тот ощутил даже в этот обещающий быть душным и жарким день.

Темнота переплетения ветвей над аллеей. Неясное за стеной воды, падающей с серых небес, очертание дома, к которому привел его коляску, бросившийся едва ли не под копыта лошадей мальчонка в потрепанном картузе с ломаным козырьком.

— Прошу вас, барин, поедemте со мной до хозяйки! — все пытался ухватить за руку офицера мальчик, а Кузаков все уводил свои руки от его ладоней, не желая быть втянутым ни в какую местную историю. — Надобно, прям мочи нет! Младенчика крестить. Сказали, первого же звать... по примете...

И только услышав о младенце, Кузаков уступил, приказал повернуть и следовать за мальцом, побеговшим, совсем по-собачьи отряхиваясь от противных капель дождя, через плотную стену ливня. Разве мог он отказать, когда у самого в младенчестве стал восприемником точно такой же первый встреченный на улице человек? До Александра в семье рождались крепкими только девочки, младенцы мужского пола долго не приживались на этом свете. И тогда мать, разродившись и даже не оправившись толком от недавних мук, приказала крестить младенца тот час же, а восприемники позвать первого же прохожего. Следуя старой, как мир, примете — коли наречь младенца именем первого встречного, коли его в крестные родители позвать, то выживет младенец, не оставит родителей до юности...

Сам дом помнился Кузакову смутно — лишь мрак задернутых занавесей на окнах, запах каких-то лекарств. И почти не прерываемая ничем тишина, полная молчаливого отчаянья. Откуда-то со второго этажа до уха то и дело долетал смутный звук чьих-то рыданий, а в

комнате справа тихонько говорили басом. Именно из комнаты справа от передней вдруг перед взором Александра возникло ангельское создание в темном траурном платье, неся на плечах легкую чуть развевающуюся от сквозняка шаль.

— Как ваше имя? Ах, впрочем, что уж ныне... поспешите... прошу вас, — обратилась она к жмущемуся неловко в углу передней кучеру Кузакова, не сразу увидев во мраке комнаты офицера, закутавшегося от дождя в темный суконный плащ. И тот поспешил показаться ей, желая самому принять руку, протянутую в сторону смущенного мужика. Девушка смутилась его появлению, а потом побледнела, когда заметила светлый мундир под полой плаща.

— Вы...? — и дыхание у нее сбилось, будто от волнения. А впрочем, как самодовольно подумал тогда Кузаков, быть может, и от появления в такой глуши, какой казалась ему тогда Смоленщина, офицера русского. И не просто офицера, а гвардии Его Императорского Величества...

— Кузаков Александр Иванович, — щелкнул каблуками тот, и, пользуясь замешательством девушки, позволил себе вольность — поспешил коснуться губами ее прохладной ладони.

— Александр, — произнесла несколько нараспев девушка, словно примеряя это имя к тому, кому предстояло его получить. А потом поманила за собой в комнату, где уже было все приготовлено для обряда крещения. Именно этот поп, что снова вышел на церковное крыльцо из темноты храма, крестил маленького и такого безучастного ко всему в тот момент младенца. Именно этот поп...

— А имя ее... твоей кумы? — спросил Андрей после того, как выслушал рассказ Кузакова о тех событиях.

— Она не назвалась, — нахмурился Александр, вспоминая, как странно то и дело во время обряда смотрела на его светлый мундир девушка. Именно на мундир, не на лицо его вовсе. Как прижимала к себе младенца, подавшего голос только, когда его опустили в импровизированную купель при крещении. И какими словами проводила его, когда он, понимая, что не сможет попроситься переждать здесь, в стенах этого дома, непогоду.

— Вы служите в гвардейском полку, monsieur Кузаков? — вдруг спросила девушка, когда он уже был в дверях комнаты. Он обернулся и заметил, что она пристально смотрит ему вслед. — Не в конной гвардии, часом?

— В конной, — подтвердил он под ее тихий выдох. Где-то с несколько мгновений они оба молчали: Кузаков ждал тогда, что она что-то скажет следом за этим вопросом, она, видимо, над чем-то раздумывала. Но после все же тихо попрощалась с ним, позволяя ему удалиться. А он взглянул на таз, стоявший на полу передней (в тот собирались капли, стекавшие медленно с потолка из-за прохудившейся крыши), и все же вернулся в гостиную, где девушка что-то тихо напевала младенчику, которого укачивала на руках.

— Могу ли я в дальнейшем справляться о здравии своего крестника? — спросил Кузаков, чувствуя себя полным идиотом в этот миг. Ангельское создание, такое хрупкое и бледное лицом на фоне траура платья, улыбнулось ему. И он осмелел и добавил аккуратно, боясь обидеть своим недопустимым и невежливым предложением. — А еще по возможности... на первый зубок, может статься...

— Шлите на имя крестника господина Александра Кузакова в лавку ростовщика Медвина, что в Гжатске, — ответила девушка, смущенно отводя взгляд в сторону. Явно не желая называть свое имя ему, как он понял тогда. И Кузаков отступил — не стал более

допытываться, видя, что она не желает более продолжать разговор. Вышел вон, под ту же стену дождя, ничуть не стихшего за прошедшее время. Только, когда он уже садился в коляску, его догнала девушка из прислуги, сунула ему в руки сверток с нехитрой снедью.

— Барышня распорядились. До станции еще далече, коли не вертать обратно к Гжатску. А далее земля пока еще бедная после войск-то...

— Blonde? — вдруг вторгся в воспоминания Кузакова голос Андрея, и тот вернулся спустя годы обратно. — Та девушка, что крестила с тобой... blonde? Rouse? [\[685\]](#)

— Blonde, — уверенно ответил Кузаков, в голове которого мелькнуло подозрение на счет личности его таинственной кумы.

— Ты не записан в книге, — проговорил Андрей задумчиво, словно разговаривая скорее не с другом, а сам с собой. — Странно... Будто и не было тебя в тот день. Отчего? Оттого, что запись меняли после, по требованию ее?

И тут же голову закружило вопросом «Почему?», на мгновение даже затмив тревогу ожидания ее запоздалого приезда в церковь. Почему она обманула его, сознательно позволив думать, что Сашенька ее сын?

А потом вспомнил, как Анна пыталась убедить его в обратном, но безуспешно... отчего? Отчего тогда она так решительно воздвигла эту преграду меж ними, даже без малейшего сомнения? Для того чтобы удержать его на расстоянии, чтобы оттолкнуть от себя? Тогда зачем после пыталась снова приблизить...?

Вопросы, вопросы роились в голове назойливо. А после пришла одна-единственная мысль, разом угомонившая этот ворох шепотков в голове.

— Все едино, — даже повторил Андрей шепотом ее, словно закрепляя собственное решение. Все едино ныне, когда так сияли ее глаза прошлым вечером, когда дрожали руки, которые она подала ему при встрече. Так нельзя притвориться. Такое нельзя сыграть. Глаза, ее прекрасные глаза никогда не могли обмануть его, выдавая истинные мысли хозяйки порой, когда ее язык говорил совсем иное. Все едино в этот день, когда он ступит с ней под венцы, чтобы разделить не только жизненный путь, но и вечность, ожидавшую в конце его.

— Едут, вроде, — хлопнул по плечу Кузаков Андрея, и тот попытался разглядеть на дороге экипаж невесты. Но к церкви поднималась бричка с потертым кожаным верхом, рядом с кучером сидел офицер, перья плюмажа которого так и клонились от скачки.

— Ба! — протянул Кузаков, разглядев лицо офицера по мере приближения брички. — Это ж Бурмин наш. А нам с тобой сказали — в отпуск не положено ему...

Это действительно был Бурмин, спешивший к моменту венчания, уже и не надеявшийся поспеть хотя бы к отъезду из церкви. Он спрыгнул наземь, не дожидаясь, пока бричка затормозит у ворот церкви и, стянув спешно с головы шляпу и перекрестившись на образ на воротах, ступил к ожидающим его за церковной оградой мужчинам.

— Не чаял поспеть вовремя! А гляжу, еще и не приступали, — он хлопнул легко по плечу Андрея с улыбкой на губах, но глаза его были цепкими и внимательными, не коснулась глаз улыбка. И от этого невольно вспомнился Андрею разговор с Александром еще месяц назад в Москве, даже напрягся невольно, выжидая, что тот скажет после, открывая намерения, с какими прибыл тот сюда. Да, Бурмин был неплохим товарищем ему, но когда ум уже не таков, как прежде, когда он уступает зову сердца, все может быть. Уж кому ли не знать, какие перемены может принести человеку любовь...

— Рад, что ты все же поспел, — проговорил без всякой задней мысли Андрей, и только тут Бурмин приподнял уголки губ в улыбке, которая осветила его глаза.

— А я рад быть здесь, даже вдвойне, чем ранее думал, не поверишь! — ответил он. — Рад на венчании твоём быть. Думал, уж все, не поспеть мне. А вон как! Ни на едином венчании не был, чтобы к венцу невеста к сроку прибыла. Ей-ей! Таковы они. Пока слезами порог отчего дома не обольют, пока не простятся с родными своими... Только на то и ставка моя была, когда эту брочку брал на время у купца заезжего на станции. Тот сперва, конечно, уперся, мол, никак не могу, спешу в Гжатск по делам торговым, но я ему объяснил честь по чести, что офицеру надобно поспеть к сроку. Одолжил вот до имения твоего, только на путь в эту сторону. Ты ведь мне поможешь после насчет обратной дороги? А то мне в полк через седмицу уже... Ты ведь подумай только! Просить у купца! Просить! И все из-за того, что буквально из рук последнюю свежую лошадь на станции вырвал клятый лях!

— Что? — в тот же момент вдруг повернулся к нему Андрей, слушавший до того без особого внимания его бурную речь.

— На станции свежие лошади остались, да и те лях, что с Москвы ехал, забрал прямо под носом моим, — пояснил Бурмин по ставшим вмиг такими напряженными взглядам Кузакова и Андрея, понимая, что что-то тут не так. — По говору распознал того, когда хотел лошадей у него перекупить. А тот уперся ни в какую, мол самому нужны позарез. Я к нему — со всем расположением, а лях прямо чуть ли не на дыбы. Едва ли не схватились на станции с ним. Вы ведь меня знаете, господа, я бы с превеликим удовольствием пустил кровь, коли по чести моей... о, подождите-ка! — по лицу Бурмина вдруг мелькнула тень узнавания. — Я вспомнил! Как о чести заговорили... Весь путь думал о том, что лицо ляха знакомо, и только ныне, когда о чести заговорили... Это ж тот! С Парижа! Супротивник твой дуэльный, Андрей!

— Ну, сегодня-таки день, верно, такой, — аж крикнул в ответ на это Кузаков, удивленный разворачивающимися событиями. Андрей же встретил это известие молча, только сжал правую руку в кулак с такой силой, что заболели костяшки пальцев. А потом снова взглянул на дорогу к церкви, на которой так и не появился на подъеме к храму экипаж невесты. Неужто вот она, причина этой задержки? Неужто приехал Лозинский, неизвестно где пробывший последний год?

Целый сонм самых разнообразных мыслей и чувств сплелись в замысловатом быстром танце в голове и душе Андрея в этот миг. Самым огромным из тех был страх и мимолетное отчаянье, что все же свершилось то, чего он так боялся. Тот, кого она любила когда-то, кому подарила себя по собственной воле, без принуждения, как когда-то отдалась самому Андрею, тот, кому она подарила сына, приехал за ней... Ждала ли она его? Да, Анна говорила, что чувства к поляку были мимолетной вспышкой, приведшей в его объятия, но у этой вспышки было одно серьезное последствие. Достанет ли у Андрея духа встать между отцом и сыном, если определенно сумеет встать между Анной и таким ненавистным ему поляком?

А после вспомнил с облегчением, что ребенок не имеет никакого отношения к поляку. И значит, даже мыслей сожаления о возможной розной судьбе отца и сына быть не может. Значит, теперь они с поляком при равных условиях. Как тогда в окрестных землях Парижа, когда стояли перед волей Божьей, вручая в Его руки собственную жизнь. Только теперь жизнь и будущее каждого из них будет совсем в других руках. В руках Анны. И у него определенно хватит духа, чтобы отступить в сторону, коли она попросит уйти, оставить ее с тем, другим... Но хватит ли духа на то же самое в ином случае у поляка?!

— Мне нужно в усадьбу! — бросил Андрей, устремляясь прочь с церковного двора,

даже не обращая внимания на окрик с крыльца. Кузаков и Бурмин бросились за ним, но он остановил их движением руки. — Прошу вас, оставайтесь тут, с гостями, с матерью моей. Чтобы никто не тревожился...

— Андрей, я с тобой поеду! — не поддержал его решение Александр, но тот только головой покачал. — Ты разума лишился ехать туда один! Вспомни... у него же такая жажда крови была тогда в глазах. Твоей крови, mon cher! А люди почти все тут, у церкви! Я не пущу тебя! Вот тебе крест — не пущу!

— Что ты раскричался-то, mon ami? Будто пожар какой случился, — усмехнулся Андрей. Аккуратно отстранил руку друга, когда тот попытался ухватить за рукав мундира его. — Остайся тут, прошу. Только ты сумеешь успокоить мать и сестру мою, я знаю. А что до поляка... Знать, судьба только отстрочила то, что приготовила для нас с ним. Знать, так тому и быть.

— Я поеду с тобой! — заявил Бурмин, по-прежнему не понимающий, отчего так встревожились его друзья, и что понадобилось поляку в имении Андрея, раз тот так встревожился его появлению. — Александр Иванович нужен в тылу, а во мне нет тут особой надобности. И ничего не желаю слышать! Возьмем одну из колясок, что за оградой, и тут же едем!

— Подождите! Подождите! — Кузаков снова придержал Андрея за рукав мундира, но на этот раз удачно — сумел-таки схватить за локоть. — Вслушайся! Едет кто-то...

И действительно, в тишине летнего дня где-то в отдалении слышался ровным перекатом звук копыт по укатанной дороге. Всего мгновение, и на подъеме к церкви показалась коляска, ведомая парой лошадей. Белоснежные ленты, которыми был украшен сложенный верх экипажа, развевались тонкими маячками, словно издали говоря о приближении невесты.

— Невеста! — выдохнул Бурмин, и Кузаков рассмеялся нервным смехом от того, что услышал в его тоне, словно у сентиментальной барышни. Только Андрей молча вглядывался в пассажиров коляски, боясь не увидеть среди тех той, кого так отчаянно ждал сейчас. Ледяная рука, сжимающая его сердце, растаяла дымком только в тот миг, когда он увидел Анну, его обворожительного, его волшебного ангела Анни.

А сама она в тот момент почти равнодушно пробежалась взглядом по офицерам, стоявшим в проеме церковной калитки, и только когда с удивлением узнала в одном из них собственного жениха, так и вспыхнула светлой радостью, сжав руку тети в волнении сильнее прежнего.

Андрей шагнул к коляске и предложил руку сперва Вере Александровне, стараясь унять мелкую дрожь в ладонях, которая нахлынула на него, стоило только разглядеть лицо Анны в коляске. А после и будущей жене, ласково погладив при этом тонкие пальчики Анны, обтянутые шелком перчатки.

— Вы в мундире! — прошептала та восторженно, глядя Андрею в глаза, и улыбнулась такой счастливой улыбкой, что тот вмиг позабыл и о нежданном госте, и о своем открытии, которое помог совершить ему Александр некоторое время назад. Она была здесь. Она была рядом с ним. А через считанный час она станет его супругой. Разве можно было думать об ином в тот миг?

Он действительно был в мундире, переменив решение за какие-то минуты до отъезда в церковь. Сперва, правда, облачился во фрак, отдавая должное торжественности момента, но в покои его вошла, тихонько постучавшись, Софи, желая наперед матери увидеть Андрея.

Ведь более возможности побыть с ним наедине в этот день вряд ли ей представится. И именно она сказала Андрею о мечте девичьей его будущей жены — встать в церкви подле офицера в мундире.

— Ты, конечно, весьма недурен, мой милый, — улыбнулась Софи, проводя ласково ладонью по плечу брата. — Но в мундире, как мне думается, было бы совсем иначе.

— Быть может, — не стал возражать ей Андрей, целуя ее руку через кружево перчатки. И Софи даже в отчаянье чуть не прикусила язык, не зная, как принудить его переменить платье. Ей казалось, что это могло бы помочь Анне еще больше расположиться к брату, понять, какой он замечательный. Чтобы у Анны даже мысли не возникло жалеть о своем выборе. И тут же вспомнила, как шептала та когда-то весной, подняв на Софи затуманенный взгляд: «Il est admirable... admirable!» [\[686\]](#)

— Она бы желала видеть тебя в мундире на венчании. Сама призналась мне в том прошлой ночью, — сказала Софи те самые слова, что только и могли заставить его сменить черный фрак на красное сукно виц-мундира.

Андрей тогда вызвал к себе Прошку звонком после ее ухода и переоделся после некоторого промедления, когда сидел на краю постели и смотрел на виц-мундир, что принес в спальню его денщик. И так же долго и неотрывно смотрел на собственное отражение в невысоком зеркале на комод. Словно не узнавая себя. Или наоборот — заново узнавая, ведь за эти месяцы он заставил себя забыть того офицера, что отражался в ровной поверхности зеркала, вынуждая принять новую для себя роль.

Более десяти лет на службе. Из них — около половины в боевых походах, из которых он вынес этот тонкий шрам под глазом и награды, лежащие поверх сукна мундира. И такая бесславная отставка, пусть и с правом ношения мундира. Когда казалось достиг таких высот, о которых и помыслить не мог сын простого дворянина из Калужской губернии. Когда должен был быть в рядах тех, кто победным маршем промаршировал на глазах публики по возвращении в Петербург. От горечи этой мысли тут же появлялось желание закрыть мундир в сундук и не вспоминать о былом. Забыть, что когда-то был в гвардии, что когда была совсем иная жизнь.

Так Андрей думал ранее, но ныне, глядя на себя в зеркало, почему-то видел совсем не то прошлое, что раньше. Встреча в церкви. Бал на Рождество. Раннее летнее утро в лесу. И он поехал в церковь в мундире, желая видеть счастье в ее глазах. Чтобы осуществить хотя бы одну мечту Анны... И разве ее ласка, которую та не смогла не подарить ему, когда спустилась из коляски и встала подле Андрея, не стоила этого? Разве ее взгляд, который она устремила на него тогда, не стал достойной наградой за это?

Анна пробежала (чересчур вольно, по мнению Веры Александровны) по сукну мундира, обтягивающего грудь Андрея, коснулась медалей и орденов, которые были закреплены у него в петлице. И совсем по-иному уже взглянула на него. От того света нежности, которым светились ее глаза, от гордости за него у Андрея даже на миг дыхание перехватило. Он не мог не провести кончиками пальцев бережно, словно по фарфору вел, вдоль ее скул и одного из русых локонов, что были близко к лицу.

— Ты прекрасна, мой ангел...

Анна улыбнулась в ответ на его шепот и прошептала в ответ совсем невпопад, озвучивая то, что пело ее сердце сейчас, когда она увидела его в проеме церковной калитки.

— Я люблю тебя...

И весь мир в тот миг так и пошел для них быстрой круговертью из смеси самых

разнообразных цветовых оттенков — зелени деревьев, что простирали свои ветви едва ли не до ограды, яркой лазури штукатурки стен церкви, светлых пятен офицерских мундиров и палевого пятна платья тети Анны. Отступили куда-то звуки, затихли в ту минуту, только стук собственного сердца каждый слышал неясно.

— Я люблю тебя, — ответил на шепот Анны Андрей. И только после этих слов они вернулись на грешную землю, снова распознали запахи и краски окружающего мира, услышали сторонние звуки.

— Надобно бы пройти уже, — громким шепотом, но стараясь, чтобы не услышали офицеры, сопровождающие Андрея, сказала Вера Александровна. — И так долго собирались к венцу в усадьбе. Не должно ждать себя заставлять...

— Анни? — Андрей предложил невесте руку, и та положила пальчики на сгиб его локтя, по-прежнему глядя в его глаза явно не в силах отвести взгляда. Так и пошла рука об руку к церкви и далее — ступили в притвор и прошли прямо к ожидающему их отцу Иоанну по ровному проходу — длинной полосе белоснежного шелка, подстеленного под ноги венчающимся от входа в церковь и почти до середины храма.

Замешкались только на минуту при входе в притвор — Глаша с трудом стянула с руки барышни перчатку. По спине Анны в тот момент вдруг пробежал легкий холод. От ветерка ли, скользнувшего по обнаженной руке, от волнения момента, от взглядов десятков глаз, устремленных на них с Андреем. Или от голоса, мелькнувшего в голове воспоминанием: «...любую причину можно устранить... даже ту, что в сердце впиалась почище шипа острого!». Захотелось в тот же миг обернуться на толпу за спиной, чтобы убедиться, что обладатель этого голоса не стоит за ее спиной. И за спиной Андрея...

Но Андрей вдруг остановил ее поворот головы, скользнув кончиками пальцев по коже щеки. И при этом легком прикосновении, но таком обжигающем у Анны даже мысли сбились в голове. А когда распахнулись Царские врата, выпуская отца Иоанна с золотым крестом — даром жениха церкви — и Евангелием в руках, когда увидела, как аккуратно ступает за тем дьякон, бережно неся поднос с лежащими на том кольцами, и вовсе забыла обо всем, кроме обряда, который навеки соединял их с Андреем.

Солнечный свет разливался по храму, проникая внутрь через высокие оконца, отражался на золоте церковной утвари или на шитье ризы и мундира Андрея. Тихонько трепетало пламя тонкой свечи в ее руке. Непривычно для прихожан громко читал отец Иоанн слова ектении, и спустя некоторое время каждое из них стало проникать в самое сердце Анны, вызывая в душе целую бурю эмоций.

— ... о рабе Божиим Андрее и рабе Божьей Анне, ныне обручающихся друг другу, и с спасении их Господу помолимся... о еже податися им чадом в приятие рода, и всем яже ко спасению прощением, Господу помолимся...

«Даруй, Господи, нам детей... даруй...», крестилась Анна, устремляя взгляд на расписной потолок храма. «И любовь его ко мне помоги сохранить через годы, что я проведу подле него... чтобы любил всегда так же горячо, так же неистово, как я люблю его... как всегда буду любить! И сбереги его, Господи, всегда и везде... потому что мне без него — не жизнь!»

И сама же не удержала вдруг счастливых мимолетных слез, которые сорвались с длинных ресниц, когда повернула голову и смотрела, как отец Иоанн надевает быстро на палец Андрея золотой ободок кольца.

— ... обручается раб Божий Андрей рабе Божией Анне...

Свершилось. То, о чем она так долго грезила ночами, то, что так часто снилось ей в ночных снах, свершилось, когда и ей на палец скользнуло кольцо холодным ободком.

— ...обручается раба Божия Анна рабу Божию Андрею...

— Навеки веков, — проговорила про себя Анна, словно запечатывая сказанное, как подсказала ей суеверная Пантелеевна, желая, чтобы молодые всегда были вместе, как нитка с иголкой.

— Смотри же, не позорь седины мои да память матери своей, — убеждала она свою питомицу, расчесывая волосы прошлым вечером, подготавливая ее к ночному сну. — Поведет вас после обручения в храм из притвора отче, ты наперед Андрея Павловича не ступай да на плат ногой не смей первой ступить. Жена завсегда найдет к мужу подход, чтобы на расположении его быть. А ты, моя касаточка, моя милочка, уж точнехонько сумеешь то. Ох, Христом Богом прошу тебя! Помню ведь твое намерение дурное-то! Помню помню твои разговоры с Полиной-то...

И Анна улыбалась, слушая нянечку, вспоминая, как твердо говорила когда-то, мечтая вслух о своем венчании, что первой на шелк у аналоя ступит. Чтобы главой стать в семье. Чтобы муж под пяткой был. Чтобы показать, что не просто в жены девицу дворянского рода берет, а ее, Анну!

А сейчас, когда настал момент занять место у аналоя в храме, задержала шаг, позволила Андрею первому ступить на плат, зная, как внимательно следят за происходящим собравшиеся в храме, чтобы после разнести толки по всей окрестности в деталях. И даже тени сожаления не было или досады при том, как заметила довольную улыбку Алевтины Афанасьевны. Потому что поняла, как сильно хочет этого сама. Позволить именно ему первому шагнуть на белый шелк, как будет он шагать по жизни, ведя ее за руку. И самой встать подле. Просто чуть помедлив...

И какое удовольствие, медленно растекающееся по ее венам, доставил всего лишь звук голоса Андрея, четко и твердо отвечающего на положенные вопросы обряда:

— ... Имеешь ли ты, Андрей, намерение доброе и непринужденное и крепкую мысль взять себе в жену Анну, которую здесь пред собою видишь?

— Имею, честный отче!

Боже, как же любит она его, подумала Анна, когда настало время давать самой ответы на те же вопросы. Она должна была смотреть на отца Иоанна, произнося эти слова, но почему-то взглянула на Андрея, чуть повернув голову. Только ты в моей жизни! Навсегда! И стало так тепло в груди при виде того, как он улыбнулся ей, чуть двинув уголки губ. От той любви, что прочитала она без особого труда в его глазах.

Они должны были не касаться друг друга во время обряда. Только когда священник положит руку Анны на ладонь Андрея и накроет епитрахилью, только тогда разрешено было венчающимся прикосновение. Быть может, поэтому это касание вдруг снова так обожгло Анну.

Ее рука поверх руки Андрея, пусть и на ткани его перчатки, а не кожа к коже. Широкой сильной мужской ладони, на фоне которой ее собственная казалось такой маленькой и хрупкой для остальных, пока ее не скрыла с глаз расшитая нитями плотная ткань епитрахили. И только тогда, когда никто уже не мог увидеть, а после прошептать с коротким смешком в другое ушко об увиденном моменте, Андрей чуть расправил пальцы, и пальчики Анны скользнули мимо тех, более уютно устраиваясь на его руке. А потом он сомкнул пальцы, переплел их с Аннинными, и она не могла не взглянуть на него, аккуратно ступая

вслед за отцом Иоанном. Тот же даже глазом не моргнул, не взглянул на них, когда под его рукой под расшитой тканью сплелись в едином пожатии руки венчающихся. Только чуть шевельнул уголки губ в мимолетной улыбке, ни на единый миг не сбиваясь в мерной и плавной речи.

— Я люблю тебя, — сказали глаза Андрея с нежностью, которую видела только она, так контрастирующей сейчас с его лицом — по обыкновению холодным и отстраненным. И она бы прежде поверила в эту холодность и равнодушие к моменту, если бы не видела совсем иное в его душе. Если бы не знала то, что в его сердце на самом деле...

— Я люблю тебя, — улыбнулась она молча в ответ на его признание, не желая прятать от других свое счастье. Женщине допускатось не скрывать своей радости на венчании, допускатось нарушить привычную всем серьезность и торжественность момента.

Так и улыбалась. И когда целовала венец в последний раз, и когда читала вместе со всеми молитву. Ранее она бы разозлилась на саму себя за эту глупую счастливую улыбку, но нынче же ей отчего-то было все едино, что думает о ней сейчас каждый присутствующий в церкви и во дворе храма, куда они вышли с Андреем по завершении обряда.

— Долгих лет жизни и радости великой! Детишек поболее! Долгих лет! — несло со всех сторон, когда они проходили через толпу крестьян, пришедших поглазеть на венчающихся бар. А потом вдруг полетели со всех сторон в них хмель и зерна пшена, как символы будущей плодovитой и благополучной жизни, и Анна не могла не рассмеяться под этим дождем из мелких зерен, что бросали людские руки. А потом засмеялся и Андрей, потянул ее, прикрывая ей голову ладонью от хмеля и пшена, в сторону коляски, ожидающей их возле церковной калитки, чтобы отвести в усадьбу.

Только когда коляска отъехала на достаточное расстояние от посторонних глаз, когда отстали крестьянские детишки, бежавшие несколько минут подряд за их экипажем, Анна, отчего-то заробевшая наедине с Андреем, осмелилась взглянуть на него через тонкое переплетение кружев. Прямо в его глаза, глядящие на нее так внимательно и так пристально. И тогда она зачем-то показала ему палец, на котором блеснуло в солнечном луче золото тонкого ободка, а затем положила свою руку рядом с его ладонью. Кольцо к кольцу.

— Смотри..., - и тут же забыла, о чем хотела сказать ему. Когда вдруг прижали ее к груди сильные руки, когда притянул к себе Андрей, заглядывая в ее лицо. И поцеловал прямо в эту счастливую улыбку, которую Анна подарила ему, лежа уютно в его руках. Потому что именно тут было ее место. Потому что только так она чувствовала, что ее душа поет.

— Слышишь? — спросила она его шепотом, когда Андрей скользнул губами по ее губам.

— Что? — он постарался прислушаться, но кроме перестука копыт лошадей по сухой дороге да редкого скрипа одного из колес, ничего не услышал, как ни старался.

— Мое сердце поет... для тебя... и только с тобой, — глядя в его глаза, прошептала Анна. — Мое сердце поет только рядом с тобой... Только будь рядом со мной всегда.

— Всегда, — повторил Андрей за ней, будто скрепляя этим словом некую клятву. А после не сумел сдержать себя и стал целовать ее, так горячо и неистово, что у самого закружилась голова. Как тогда, в день, когда впервые коснулся ее губ в лесу приусадебном. Точно так же над их головами светило солнце, как и сейчас, ласково проводя лучами по его затылку, склоненному над Анной. Его пальцы запутались в мягких локонах, кружево фаты чуть царапало щеку жесткостью накрахмаленного узора. Анна дрожала отчего-то под его руками, и эта дрожь передалась и ему через сладость ее поцелуя, так кружившего его голову

В ЭТОТ МОМЕНТ.

— Я люблю тебя, — шептал ей Андрей между поцелуями, и Анне хотелось выгибаться, подобно кошке в его руках от наслаждения, которое приносили его руки, губы и этот тихий шепот. Хотелось, чтобы этот миг все длился и длился. Всю жизнь... на всю жизнь забыться в его руках и под его губами...

Только когда коляска покатила по тенистой аллее из лип, ведущей к усадебному дому, и Андрей отстранился от нее и стал поправлять фату, чуть сбившуюся за время их поцелуев, Анна вдруг вспомнила, как уезжала еще пару часов назад отсюда. Точно так же склонялись над ней ветви лип, точно так же солнце играло редкими лучами в ее локонах и по светящемуся бликами газовому чехлу подвенечного платья. Только совсем иные чувства тревожили ее душу.

Анна вспомнила об этом и с тревогой взглянула на дом, а после на Андрея, который вмиг подметил смену ее настроения. Она поняла, что он понял ее тревогу, распознал в глазах, как всегда угадывал ее настрой. И поняла, что более удобного момента для того, чтобы рассказать о том, что случилось в этих стенах, не будет. Не приведи Господь, кто-то приметил поляка в окрестностях, и сызнова все эти слухи и толки, теперь уже задевающие не только ее имя...

— Андрей, — Анна протянула руку и коснулась его ладони. Тот в ответ ласково пожал ее пальцы, лежащие на его руке. Ах, почему коляска так быстро едет? Разве ж успеть ей сказать то, что она желала бы сейчас открыть ему? — Андрей, я должна тебе сказать...

А стены дома все приближались и приближались. Как и окно, из которого еще недавно смотрел ей в спину Лозинский, когда она уезжала отсюда в церковь. Смотрел долго — она так и чувствовала на себе этот взгляд, умоляющий обернуться, дать хотя бы крупицу надежды... Взгляд, камнем падающий в душу отголоском сожаления о том, что причинила ему боль, которую вполне могла понять, знакомая с той не понаслышке.

Но не обернулась. Навсегда прощая его из своей жизни... отрекаясь от прошлого, отсекая его от себя.

И почему-то сейчас, когда коляска остановилась у подъезда усадебного дома, а на встречу барина с молодой женой на крыльцо высыпали дворовые, которые оставались в усадьбе, Анну вдруг настиг странный приступ паники и тревоги. «...Любую причину можно устранить... даже ту, что в сердце впиалась...», снова эта замысловато высказанная угроза мелькнула в голове, и она не могла не взглянуть на окна своих покоев. Показалось ли ей, или кто-то действительно стоит за легкими занавесями, развевающимися на сквозняке?

И страх... липкий страх щупальцами стал обвивать душу, заставляя дыхание сбиться с привычного ритма, а сердце заколотиться как несколько мгновений назад в бешеном ритме, но только уже не от сладости, а от цепкого ужаса. Того самого, который ощутила в тот миг, когда обернулась от зеркала на Лозинского, стоявшего в дверях, ведущих к ней в спальню...

Даже дар речи пропал на миг, когда Анна обернулась к Лозинскому, стоявшему на пороге. От неожиданности его появления, от непристойности этого визита, все еще способного разрушить ее будущую жизнь. А потом, прежде, чем она успела что-либо сказать или крикнуть на помощь, Лозинский шагнул за порог и резко захлопнул дверь ее спальни, повернув замок.

— По какому праву...? — только при звуке поворота замка к Анне вернулся дар речи. А вместе с тем пришел и страх, когда поняла, что в доме слишком мало людей, способных прийти ей на помощь. Да и как докричаться до тех, когда они совсем в иной половине дома, а кто и вовсе — в кухнях?

Она взглянула на решительную линию подбородка Лозинского, прислонившегося спиной к дверям, на упрямо поджатые губы, заметила, как ушла из глаз теплота, которая вспыхнула в тех при виде нее. И при этом взгляде поняла, что впереди ее ждут совсем нелегкие минуты...

— Выйдите вон! — коротко сказала Анна, пытаясь подавить страх, разрастающийся в душе. И отчаянье, когда вспомнила предыдущее возвращение Лозинского в усадьбу. Он снова вернулся за ней, но на этот раз бежать было некуда... негде укрыться...

— И... и не смейте говорить мне «ты»!

В ответ на ее резкий приказ он только рассмеялся как-то издевательски зло, и Анна едва удержала на лице маску деланного безразличия к его появлению в этой комнате.

— Что вы здесь делаете? Вы разума лишились? — спросила Анна, позволяя себе пустить в голос нотки злости и раздражения.

— Делаю — где? В вашей комнате или в усадьбе? — переспросил он снова прежним, так раздражающим Анну тоном, и она махнула рукой, словно показывая, что это практически одно и то же.

— Вы чересчур опрометчивы, Лозинский, — проговорила Анна, намеренно опуская слова вежливости. Разве могла она быть с ним вежлива, когда он так поступал по отношению к ней? Раз уже карты вскрывались ныне, то и маски прочь с лица! От наплыва злости, перехватившей горло, даже страх куда-то в сторону отступил. Как он смел?! Как он мог вторгнуться в ее жизнь и именно сейчас, в этот день!

— Я полагаю, каждый в окрестных землях с превеликим удовольствием пустит вам кровь за то, что творили вы и ваши люди когда-то здесь. У людей долгая память на творимое зло. И слишком велик урон, каков был принесен...

— В таком случае, вы должны оценить степень риска, на который я пошел, чтобы появиться здесь, — ответил он ей, скрещивая руки на груди. Чтобы удержать те при себе и не коснуться ее в этот миг, настолько Анна была маняще привлекательна сейчас в этом белоснежном платье и кружеве вуали на ее хорошенькой головке. Такая красивая и такая чужая...! От ярости снова даже дыхание перехватило, как тогда, когда он узнал несколько дней назад о ее предстоящем замужестве. С ним!

— Вы зря прибыли сюда, — отрезала Анна и обернулась через плечо на открытые в парк окна. Что, если подбежать к ним и крикнуть в голос, чтобы на помощь барышне пришли, что чужой в доме?

И тут же обожгла мысль, что весть об этом визите разлетится по окрестностям быстрее

пожара лесного. А что может быть хуже для девицы такой славы — быть застигнутой наедине с посторонним мужчиной да еще с тем, с которым ее имя связывали в толках и шепотках? О, зачем только она не пыталась пресечь их ранее? Зачем сама своим поведением позволяла людям думать все, что их душам было угодно? Гордыня расставила силки на ее пути, и Анна со всего маху ныне угодила в те, запутавшись в сетях своего собственного обмана и недоговоренностей.

— Вы получали мои письма? — спросил Лозинский в ответ на ее реплику, и она невольно взглянула в сторону столика у зеркала, на котором еще прошлой ночью сожгла его послания. А потом снова посмотрела на него и поняла, что обмануть не удастся на этот счет, что сама выдала себя с головой. — Я вижу, что получали... разве вы не читали, что я приеду за вами, где бы вы ни были? И чье бы имя не собирались получить...

— Что это значит? — от решительности его тона у Анны задрожали колени. Надо кричать! Все едино, что она погубит тем самым себя. А в душе снова сплелся клубок из эмоций и чувств, который вернул Анну невольно в тот осенний день, когда она пряталась от пришлых в темном углу сарая для сена. Только теперь для нее было определено одно — сомнений в том, что она пустит в ход и руки, и зубы, чтобы отбиться от Лозинского, что она готова причинить ему вред, уже не было.

— Это значит, что я приехал за вами, Аннеля, — уже мягче произнес Владзимир, по-прежнему стоя спиной к двери, будто готовый задержать всех, кто будет ломиться в закрытые створки. — Как я писал вам...

— Я не читала ваших писем! — оборвала его Анна. — Я не понимаю, по какому праву вы снова вторгаетесь в мою жизнь. Я без меры благодарна вам за помощь, некогда оказанную, но только и всего.

— Это неправда! — повысил невольно голос Лозинский, и Анна напряглась тут же, обдумывая пути отступления, если он вдруг бросится к ней, решив применить силу. — Это неправда, и вы знаете это. Иначе отчего вы столь долго были здесь, в этой усадьбе? Кого вы так долго ждали все это время, не решаясь покинуть эти земли, даже когда они стали принадлежать ему.

— Я ждала его, — ответила Анна на это, делая шаг назад, ближе к столику, и выставляя перед собой стул, словно щит. Готовая бросить этот стул в Лозинского, если хватит сил. — Я ждала его. Все это время. И даже когда он был рядом, я ждала именно его. Андрея.

— Вы не понимаете, что говорите... Мыслимо ли ждать человека, находясь столь близко к нему? — стараясь не показать ей неуверенности, мелькнувшей в душе, спросил Лозинский.

Затянувшийся разговор начинал действовать ему на нервы, и без того натянутые опасностью быть обнаруженным здесь, в усадьбе. Анна была права, крестьяне не простили бы ему того, что творилось здесь несколько лет назад. Той крови и боли, того огня, с которым прошлись его люди по этой земле. А то, какими безжалостными и ненасытными до крови обидчиков могут те быть, он видел собственными глазами во время отступления из России. Звери, не знающие жалости, глухие к мольбам о милосердии. Хотя справедливости ради следовало признать, что и они не знали жалости, когда были в русских землях.

Даже его землю не пощадили при отступлении бывшие союзники, люди Бонапарта. Лозинский обнаружил по возвращении, что отец ни единым словом не обманул его, когда писал к нему в Европу всегда опаздывающие до адресата, кочующего из страны в страну, письма. В некоторых залах его родового замка устроили конюшни, глумились над

портретами предков в картинной галерее, забрали с собой все, что можно было забрать.

«Возвращайтесь, мой сын», требовал отец от Влодзимира. «Император выказывает ныне милость даже к тем, кто ходил к Москве под знаменами французской армии. Довольно пытаться ухватить *tromperie* ^[687] за хвост... возвращайтесь, чтобы выполнить иной долг. Попроситесь под длань императора, пользуясь его милостью и прощением...»

Влодзимира буквально крутило, когда он читал эти строки. «Под длань императора...». Признать его подданство, покориться воле человека, чья бабка уничтожила вольность его страны, стала одной из виновниц того, что та ныне разорвана на части. Нет, пока жив Наполеон, не будет покоя Европе, празднующей победу. Именно так уверял его кузен, офицер некогда славной гвардии Бонапарта.

«Ты нам нужен, Влодзимир. Еще не все кончено», писал ему тот, когда Лозинский оправлялся от раны в комнате одного постоялого двора в предместье Парижа, ускользнув от ищеек русского императора, вынюхивающих соперника полковника русской армии по дуэли, слава о которой громко прокатилась среди союзников и французской знати. Он тогда был невероятно зол на Оленина за все: и за боль, терзающую его тело, и за недуг душевный, мучающий его пуще прежнего, за то, что вынужден скрываться в городе, за ту славу защитника чести русского офицера, которая после дуэли досталась Ленину... отчего он не убил его тогда? Почему не сошлось?

И снова и снова возвращался тогда, в Париже, мыслями к Анне, живущей где-то в русских землях. Неужто эта рыжая компаньонка старой стервы графини не обманула его? Неужто возможно, что Анна отвергла своего жениха, расторгла помолвку? Он не мог не думать о том, какие причины толкнули ее на подобный разрыв, вспоминая все взгляды, слова, жесты, некогда обращенные к нему со стороны Анны. И тот прощальный дар, такой интимный, такой говорящий без любых слов... Проклятые казаки, потрепавшие его обозный отряд! Ни добра, ни славы, ни того прощального дара...

Но тогда Лозинский проигнорировал и настойчивые письма отца, и зов сердца, упрямо тянувший его вернуться в смоленские земли. Не поддался его настойчивому требованию. «Можешь смело располагать моей саблей», написал он кузену, который вошел в число тех, кто был осведомлен о предстоящем заговоре побега Бонапарта с Эльбы.

В феврале заговорщикам удалось невозможное по мнению союзников, разбившим великого императора Франции — Наполеон бежал с острова и начал свое победоносное шествие к Парижу, который был готов встретить его с радостью. Но в сердце Лозинского уже разрослось сомнение в правильности того, что он делал сейчас. Да, его кузен был предан Бонапарту до самого нутра и готов был жизнь за него отдать (что впоследствии и случится в бою при Мон-сен-жан ^[688], но Влодзимир...

Влодзимир уже не нес в себе былого пламя восторга этим французом, который так жестоко предал его мечты о единой и свободной Речи Посполитой, которой та когда-то была. А описание несчастий, которым подверглась родная земля Лозинского, со временем подточило былую уверенность в том, что он делал. Что держит его сейчас подле бывшего императора, идущего на столицу Франции? Разве это его земля? Разве есть у него долг по отношению к этому человеку? Да, когда-то он давал присягу служить ему до последней капли крови, но это был всего лишь договор, по мыслям Влодзимира, и Бонапарт первым нарушил это соглашение.

К тому же, он получил ответное письмо от той, кто мог бы открыть Влодзимиру истинное положение его личных дел в России, с трудом разыскав ее в Петербурге.

Единственное, на что он мог рассчитывать, написав это письмо по осени 1814 года — что ненависть к сопернице пересилит любовь, и Мари все же рискнет снова выступить на его стороне.

Так и вышло. Мари откликнулась, написав, что, несмотря на возвращение Оленина в Россию, отношения между бывшим женихом и Анной так и не потеплели. Что она по-прежнему ждет чего-то, не выезжая из Милорадово ни в Москву, ни в имение родной тетки, как требовалось бы по правилам после того, как умер ее отец. Влодзимир тогда читал это письмо, в котором описывались все несчастья, которые случились в жизни Анны, и понимал, что более нет никаких препон, способных разделить их, как в те годы. Никто не встанет против их брака. Никто не сможет помешать ему, даже если он, вернувшись-таки в Россию, решит увезти ее. Даже помимо ее воли.

И он покинул ряды союзников Наполеона, шедшего к Парижу, в начале марта, направившись в сторону страны, которую покинул почти три года назад. Полный решимости получить то, что считал уже своим.

С первой же станции, едва пересек границы империи, Влодзимир отправил письмо в Милорадово, надеясь, если не на дающий надежду ответ от самой Анны, то хотя бы не жесткий отказ, который мог быть послан от ее опекунов. Но в родных землях, куда он прибыл спустя время, его не ждало ни единого послания со стороны Москвы. Как и после, спустя несколько писем, в которых он написал, что если не получит отказа, то когда дороги станут пригодными для путешествия, когда сойдет весенняя распутица, приедет в Милорадово, чтобы просить руки Анны.

Влодзимир тогда считал дни, тянущиеся столь медленно, что для него они стали схожи с месяцами. Он выезжал в окрестные леса на верховые прогулки или ездил в соседние фольварки с визитами, пытаясь унять странную тревогу, поселившуюся вместе с томительным ожиданием в его душе. Откровенно скучал среди болотистых земель, тоскуя по прежним полным приключений дням, не зная чем себя занять. Сельские работы, за которыми Влодзимир стал наблюдать по просьбе отца, тяготили его. Замок, требующий всем своим видом работ, нагонял тоску и злость за содеянное французами.

Влодзимир взялся за составление планов по восстановлению и даже сам лично контролировал ход работ по началу, но вскоре и это ему наскучило, а дороговизна материалов, которые расходовали с невероятной быстротой, по его мнению, выводила из себя. Быть может, то, что произошло после, случилось по вине той злости, которая копилась в нем день ото дня. То пренебрежение манерами и его явное неприятие окружающих, таких слепых, по его мнению, в своем преклонении перед тем, кто не заслуживал вовсе простирать руку над местными землями. И то откровение, которое случилось между отцом и сыном, так больно ранившее отчего-то Влодзимира частичкой правоты с тех слов, которую он вынужден был признать.

Злость эта пришла от ежедневной рутины скучной жизни. От вида далеко не богатой собственной земли, которую вконец разорила война, прокатившаяся волной несколько лет назад. При разговорах в гостиных о планах императора Александра дать некие иллюзорные свободы его земле, которыми уже заранее восхищались и которых ждали. Глупцы! Какие же они все глупцы, смеялся зло про себя Влодзимир, не возражая, впрочем, открыто никому из собеседников, как требовал того знаками отец, видевший вспыхнувшую в сыне ярость при услышанном разговоре. Но люди ясно видели, как он презрительно кривит губы, как ухмыляется при упоминании императора. И это совсем им не нравилось...

— Вы же понимаете, отец, что этого не будет, — горячился Влодзимир, пытаясь оправдаться перед родителями, когда Лозинские после ужина у соседней возвращались в замок. — Я не понимаю... неужто вы, верно, верите в то, что обещает вам русский царь? Верите отцеубийце?!

— Оставь свой тон, прошу тебя, Влодзимир! — резко ответил Лозинский-старший. — Ты — его поданный, смею напомнить тебе.

— По вашему требованию! — отрезал Влодзимир. — Не по своей воле. Будь моя воля, я бы все иначе...

— Что иначе? Что? Пока ты пытался ухватить свою иллюзию за хвост, следуя по пятам Бонапарта, рискуя собственной шеей ради чужих амбиций, наша земля скудела с каждым днем. Я стар... мне не под силу уследить за всем. Ты — мой сын, мой единственный наследник, и меня не может не огорчать то, что ты делаешь.

— Я думал, что вы должны гордиться мной. Мной, который сделает все для свободы нашей земли, — возразил ему Влодзимир. — Или вы предпочли бы, чтобы ваш сын, как кузен Димировский, в гусарах под русскими ходил? Или как у Олежских уланом в отставку вышел, потеряв руку под Смоленском? Ради чего рука та потеряна?

— Ты можешь не верить мне, Влодзимир, — тише прежнего ответил ему на то Лозинский-старший, отвернув лицо к полям, с которых только недавно сошел снег полностью и которые уже были частично распаханы под сев. — Но для меня все же лучше тот, кто на деле радуется о чем-то, а не гоняет мечту годами. Французы прошли по нашей земле не с добром. И пришли они сюда вовсе не с намерениями дружескими. Разве я не предрекал тебе, когда ты записался в уланы, что Бонапарт идет под знаменем собственных желаний, а не свободы для нашей земли? Разве не говорил, что ты не получишь желаемого в рядах французской армии? Ты спрашиваешь, каким сыном я бы гордился? Тем, кто встал бы на защиту родной земли. Неважно, под каким знаменем... под чьей рукой. И Олежский, и Димировский гнали французов прочь из наших земель. Тех, что изрядно поживились за наш счет в 1812 году, несмотря на то, что ты в союзники к ним пошел. Юношеские грезы свойственны каждому, но в каждом должно быть довольно разума, чтобы остановиться, пытаясь ухватить их. У тебя есть долг по отношению к этой земле. Иной долг, не тот, что поставил ты себе целью. Наша земля довольно страдала в усобицах, что велись из столетия в столетие. Но только от нас зависит, какой она достанется нашим потомкам — разоренной или процветающей. Подумай о том, мой мальчик. У шляхтича в крови должно быть не только желание свободы, но и забота о земле, которая ему принадлежит.

Они недолго ехали молча, каждый погруженный в собственные мысли, а после Лозинский-старший произнес, отчетливо выделяя каждое слово:

— Ты должен взяться за разум, Влодзимир. Ты должен стать хозяином, истинным хозяином наших земель. И ты, как хозяин этих земель, должен отдать ей еще один долг. Наследник, Влодзимир. Ты должен жениться. И остаться здесь. На земле!

— Ваше желание полностью отвечает моим чаяниям, отец, — ответил на это Влодзимир, и Лозинский-старший внезапно повернулся к нему и спросил после того, как долго и пристально смотрел в глаза сына.

— Это ведь не одна из здешних паненок, верно? И не из Гродно. Вряд ли кто-то в городе мог запомниться тебе, судя по тому ровному интересу, что ты выказывал тогда к паннам городским. *Encore tromperie...?* [689]

И ныне Влодзимир смотрел на подвенечный наряд Анны, на ее бледное от волнения

лицо, но при этом решительно поджатые губы и понимал всю истинность слов отца. Еще одна иллюзия, которая ускользнула от него. А потом вдруг разозлился, сжал пальцы крепче в кулаки. Особенно, когда Анна повторила упрямо:

— Я ждала его. И прошлым летом, и все эти месяцы. И даже тогда, когда вы были здесь. Я ждала только его всегда.

— И даже под моими губами? — не мог не спросить Влодзимир, напоминая о той единственной ночи, когда она сама шагнула в его объятия. Помнила ли Анна о ней, как бережно хранил в памяти он сам? Думала ли, как думал он о тех коротких мгновениях блаженства, которое он познал от ее губ и рук? Иногда Влодзимир жалел, что позволил Анне уйти в ту ночь. Ведь все могло быть решено еще тогда, несколько лет назад.

Она помнила. Иначе при всей ее невозмутимости не появились бы красные пятна в глубоком вырезе ее платья, такие явные на фоне белоснежной ткани подвенечного наряда. Сводя на нет видимость невозмутимости и отстраненности.

Анна помнила, Влодзимир был прав в своей догадке. И будет вспоминать об этом до конца своих дней. Как о моменте, когда мимолетный каприз быстротечной страсти едва не повел ее судьбу совсем по иному пути.

— Ты помнишь, Аннеля, — мягко сказал он, переходя снова на интимное «ты». — Ты помнишь и понимаешь, что все случилось совсем не просто так... И твое расположение ко мне, и твой дар на память, и та самая ночь. Что было бы, коли не приехал бы твой брат...

— Ничего, если в ваших жилах довольно благородной крови. Ничего бы не произошло, ибо не должно тому произойти, — отметила Анна. — Если благородной крови в вас довольно, то вы отступите от двери и дадите мне дорогу...

— У нас с тобой одна дорога нынче! — перебил Влодзимир, и Анна отступила еще на шаг назад, кожей ощущая опасность, разлившуюся в воздухе после этих слов. Она видела его злость, вспыхнувшую огнем в его глазах, и пожалела, что была так безрассудна ранее.

— Мой путь идет врозь с вашим, — упрямо повторила она, сжимая спинку стула сильнее, пытаясь унять сердце, бешено колотящееся в груди от страха. — Они сошлись лишь на единое мгновение однажды и снова пошли каждый своей стороной. Моя жизнь связана только с его жизнью... и я не смогу... не сумею без него... прошу вас... Он в сердце моем глубоко. И никому не под силу сделать иначе...

— Любую причину можно устранить... даже ту, что в сердце впиалась шипом, — каким-то странным тоном произнес Лозинский, и Анна прочитала в его глазах скрытую угрозу. Этому дню. Своему будущему. И даже, возможно, Андрею. Замерла после, когда вдруг Лозинский с горечью произнес, переворачивая ее память верх дном, когда воспоминания обожгли болью осознания. — Отчего это не случилось тогда еще, в Париже?

— Дуэль... это были вы...? — ошеломленно проговорила Анна, и Влодзимир понял по тону ее голоса, что совершил невольно очередную промашку.

А потом все произошло в один миг. Лозинский, понимая, что совсем потерял ее, сорвался с места и резким шагом направился к Анне, чтобы схватить ее, задержать подле себя. И к тому же не дать даже знака подать для горничной, чьи шаги он услышал в будуаре в тот момент. А Анна, заметив это движение, протянула руку и схватила то, что давно заметила на столике возле зеркала, готовая биться с ним, пусть даже неровны совсем их силы.

И замерли оба. Она — при звуке резко дернувшейся ручки дверной, а после стука в створку и голоса Глаши, недоумевающей, отчего барышня вдруг закрылась в спальне на

замок. Он — при виде лезвия знакомого ножа для книг, который она выставила против него. Тонкое лезвие, с помощью которого Лозинский уберег ее от зла, что едва не сомкнулось тучами над ее головой. И которое Анна без раздумий пустит в ход против него, как он видел по ее глазам. Из-за того, другого, столь ненавистному ему.

— Ты не сделаешь этого, — прошептал Влодзимир, глядя в глаза, что так часто представлял себе вдали от нее. Отчаянье волнами захлестывало его все больше и больше. Стало все едино ныне, что и дверь могут сейчас взломать, когда испуганная и не дождавшаяся ответа барышни призовет людей, что разорвут его на куски холопы, когда признают в нем предводителя отряда, щедро полившего кровью эти земли. Все едино, когда она была готова ударить его, убить его ради того, чтобы быть с другим...

— Не принуждайте меня..., - только и прошептала Анна, умоляя взглядом отступить в сторону. Отступиться от нее. И сильнее сжала пальцами рукоятку ножа для книги.

Тихо шелестели занавеси оконные от легкого ветерка, который проникал в комнату через распахнутые створки. Мягко шевельнулось кружево фаты, тронув при этом упругий завитый локон, до которого так и хотелось коснуться пальцами. Снова повторила из-за закрытой двери в тревоге девушка Анны:

— Барышня... Анна Михайловна... Что с вами? Вера Александровна уже ждут...

Он мог бы шутя и без особых усилий выбить этот игрушечный нож из ее руки. Или сжать ее хрупкое, обтянутое шелком перчатки, запястье до той степени боли, когда не станет сил держать рукоять. Заставить ее бросить нож на пол, зажать рукой рот, чтобы не смогла даже звука издать. Вывести из усадьбы, угрожая любому, кто бросится ей на помощь, выстрелить барышне в грудь. Увезти в карете, что ожидала за лесом в полусотне версты от усадьбы, в родные земли, а если потребуется — и далее, за границы империи, чтобы никто даже следа отыскал.

Или вызвать сюда его соперника, вынудить того приехать в Милорадово, чтобы снова сойтись с ним в поединке и стреляться до тех пор, пока судьба своим выбором не определит того, кому суждено стать счастливым и взять в свою ладонь маленькую ладошку Анны.

Только смерть могла примирить Влодзимира с несправедливостью, которую ему в очередной раз посылала судьба. Смерть его самого или этого светловолосого русского, даже воспоминание об имени которого комком вставало в горле от ослепляющей ненависти. Он стал для него символом краха, этот русский. Как тогда в Париже. Только теперь этот крах иллюзий Влодзимира был наиболее очевиден. И от этой ненависти даже голова шла кругом, кипела огнем кровь в жилах.

Влодзимир мог бы пойти на этот риск, как смело шагнул, выбирая, на чьей стороне он примет события 1812 года, разворачивающиеся перед его глазами. Шансы равны как на проигрыш, так и на удачу при ставке в жизнь. Но глядя сейчас в глаза Анны, Влодзимир понял, что его выигрыш означает ее утрату, ее горе... О, что же изменилось в нем за эти годы? Ведь тогда, той осенью он ни за что бы не остановился, видит Бог!

— Ответ девке, а то людей призовет, — тихо проговорил он, а потом отошел на шаг от нее, подняв руки, показывая тем самым, что не причинит ей вреда. Отступил снова к двери, но уже не прислонился к ней спиной, встал так, чтобы вошедший не заметил его за открытой створкой двери.

Около минуты они смотрели друг на друга — пристально, не в силах каждый отвести взгляд от глаз напротив. А после Анна двинулась к двери, по-прежнему сжимая в руке нож для книг, совсем ненужный сейчас, когда он провожал каждое ее движение взглядом, не

желая хотя бы взор отпустить ее от себя. Она резко повернула ручку замка, открывая дверь, но Глашу внутрь не пустила, решив скрыть появление Лозинского в усадьбе от всех.

— Ты чего раскричалась? Замечталась я... не услышала, — улыбнулась так, что у Лозинского, не отводящего взгляда от ее лица, даже дух перехватило. — Идем...

Последний короткий миг, когда он еще мог вдохнуть воздух и ощутить аромат ее кожи и волос, так близко она стояла сейчас к нему. Протянуть руку и коснуться ее — лопатки со знакомой родинкой, которую Влодзимир видел через фату в вырезе платья, ее длинной шеи, хрупких ключиц, тонкого стана, который обтягивала расшитая жемчугом лента. Его несбывшаяся мечта, его *tromperie*...

Только воздух поймали пальцы, когда Анна двинулась с места и скрылась за створкой двери, навсегда уходя из его жизни. Даже кружева фаты не удалось коснуться. Она еще что-то говорила Глаше, которая пошла следом из будуара, поправляя вуаль на голове барышни, и Лозинский прикрыл глаза, пытаясь заключить звук ее голоса в ольстр ^[690]своей памяти.

Как и ее облик. Он в несколько шагов пересек комнату и, скрываясь тогда за занавесью, выглянул из окна, чтобы посмотреть на Анну в последний раз. Как она, хрупкая и такая воздушная в этом белоснежном платье, занимает место в коляске подле своей тетушки, которую угадал он в ее спутнице в палевом платье и такого же цвета шелковой шляпке с множеством белых роз на широких полях. Как поправляют ей складки платья и длинной кружевной вуали, чтобы не измялись по пути к церкви, где ее, должно быть, ждался жених — этот светловолосый русский офицер...

— Взгляни на меня, — прошептал тогда Лозинский, сжимая с силой занавесь. — Взгляни на меня! Allons!

Но Анна не поднимала головы на окна, хотя знала, чувствовала кожей его взгляд. Смотрела на сложенные на коленях руки так пристально, будто отыскивая пятнышки маленькие на белом шелке.

— Волнуешься, моя душенька? — улыбнулась Вера Александровна, а потом положила ладонь на руки Анны и пожала те, подбадривая ее. — Ну, припозднились... бывает же! Никуда ему не деться из церкви-то. Раз в храм прибыл, то и дело, почитай, уже сделано.

И только когда коляска тронулась с места, когда покатила прочь от усадебного дома по тенистой аллее, только тогда змея тревоги и страха, свернувшаяся кольцами в груди Анны, стала разворачиваться медленно. Ей хотелось обернуться, чтобы убедиться, что Лозинский не следует за ней в церковь, что нет его позади, как он появился в ее спальне. Но Анна сдерживала себя, боясь, что он сможет расценить этот взгляд совсем иначе. И только в церкви, когда увидела Андрея, когда ступила под своды храма невестой, чтобы выйти женой, забыла о своих тревогах и страхе. До этого момента, когда вернулась в усадьбу...

— Андрей! — Анна снова сжала руку, и тут он уже совсем по-иному заглянул в ее широко распахнутые глаза. А потом резко пересел в коляске, заставив ту качнуться, и только когда Андрей закрыл ее своей спиной от распахнутых окон, Анна поняла, зачем он переменял место.

— Он все еще здесь? — и прежде чем она ответила, метнул быстрый взгляд в сторону Прошки, встречающего среди прочих на крыльце молодых. А затем такой же — на окна покоев Анны. Тот кивнул понимающе и скрылся в доме.

— Я не знаю, — растерянно ответила Анна, желая сейчас только одного — чтобы любые опасности и тревоги ушли из их жизни. А еще — чтобы Андрей наконец-то сошел с коляски и ушел из возможного обзора того, кто мог наблюдать за ними из окон второго

этажа. — Он появился так неожиданно... я не знала вовсе...

Но Андрей положил палец на ее губы, вынуждая ее утаить при себе слова извинения. Покачал головой, мол, не надо, не говори ничего.

— Он не причинил тебе вреда? — только одно и волновало Андрея сейчас, глядя в ее отчего-то виноватые глаза. Он совсем забыл, что в Милорадово был Лозинский, под наплывом чувств, захлестнувших его, когда Анна произнесла те самые слова, которых ждал столько времени. И только сейчас его самого захватил на миг в свой плен ужас от того, что могло произойти здесь, пока он ждал в церкви. Пока был так далеко от нее.

Анна покачала головой, а потом вдруг обняла его, прижавшись всем телом, обхватила руками. Загомонили одобрительно стоявшие на крыльце дворовые, улыбаясь такой несдержанности, такой несвойственной господам. Нахмурилась недовольно Алевтина Афанасьевна, приехавшая из церкви еще до конца службы, чтобы успеть подготовиться к благословию молодоженов, и наблюдающая за их подъездом к дому из окна. Какая открытость! Какая невоспитанность...!

— Он сказал, что дуэль в Париже... Андрей, *mon Dieu! C'est ma faute!*^[691] Во всем! И в твоей отставке, и в твоём..., - она хотела сказать увечье, но не смогла даже произнести это слово, так пугающее ее, до сих пор отдающееся в душе почти физической болью, которую отныне было суждено испытывать Андрею. Сбилось дыхание от слез, вставших в горле от осознания того, что было истинной причиной дуэли, о которой думала со злостью еще недавно в Москве.

Представляя ту женщину, которая послужила виной всех этих бед, что произошли с Андреем. Она даже подумать не могла, что эта женщина — она сама...

— Зря он сказал тебе, — прошептал Андрей, глядя ее локоны через кружево фаты. — И твоей вины здесь нет.

— Прости меня... прости...

— Все...все! Твоей вины нет! — он поймал ее лицо в ладони и заставил взглянуть в свои глаза, пытаясь взглядом унять ее страх и тревоги. — А если б и была... *Faute avouée à demi pardonnée*^[692]. И ты же знаешь — я прощу тебе все. Истинно так...

Андрей оглянулся на Прошку, подошедшего к коляске, и, поймав его взгляд, коснулся легким поцелуем лба невесты, а после легко спрыгнул из коляски и протянул той руку, помогая сойти.

— Поспешим в дом. Вскорости придут из церкви остальные. Негоже их встретить на крыльце, верно?

На аллее действительно уже виднелись коляски, которыми ехали из церкви приглашенные на торжество гости. Первые из них уже были на самом подъезде к усадебному дому, заворачивали на площадку. И Анна поспешила сойти с коляски, готовая нынче во всем стремиться получить расположение *belle-mère*, уже ожидающей молодую пару в одном из салонов первого этажа.

Оперлась на руку Андрея, вложила доверчиво пальчики в его ладонь, которая тут же сжала те в легком и ласковом пожатии. И так и не выпускала. Ни когда пошли вместе к Алевтине Афанасьевне, стоявшей посреди салона, величаво выпрямив спину. Ни когда опустились перед той на колени на время благословения и слов родительского напутствия на будущую совместную жизнь. Ни после, когда принимали поздравления гостей, присутствовавших на венчании или прибывших непосредственно к торжественному обеду, который был дан в парадной столовой.

Только когда рассаживались на положенные рангу места за столом, разомкнули они руки, и Анна словно была лишена какой-то опоры в тот же миг. Снова отчего-то стало чуть беспокойно на душе без тепла его руки.

Тихим ручейком текла неспешная беседа за столом, то и дело прерываемая вежливым смехом или звяканьем приборов о фарфор на фоне плавных нот, которые выводили смычки домашних музыкантов по струнам. Шелестел за запахнутыми в парк окнами легкий летний дождь, принося прохладу после жаркого дня. Анна изредка косилась поверх головы сидящего напротив нее предводителя дворянства на эти капли, так ярко сверкающие в солнечных лучах нынче, и не могла не думать о том беспокойстве, что изредка волной поднималось в груди.

Нет, не от того, что внезапно небеса разверзлись дождем.

— К счастью! К счастливой доле! — пронеслось по столовой в тот же миг, когда неожиданно с ясного неба при ярком солнечном свете хлынул дождь, на короткий миг заглушая звуки струнных. И Анна знала эту приметку, которой довольно улыбнулась Вера Александровна, поймав взгляд племянницы. Нет, дело было вовсе не в дожде.

Быть может, в том, что Анне так сильно хотелось сейчас протянуть руку и накрыть ладонь Андрея, чтобы он в который раз пожал ее пальчики, вселяя покой в ее истомившуюся отчего-то душу. Или быть может, от того, что она замечала эту складку, которая изредка появлялась на лбу Андрея. То странное выражение в его глазах, которое он тут же прятал, ослепляя Анну своей нежной улыбкой. Она чувствовала его озабоченность, и от того вмиг теряла покой и тепло счастья, переполняющее ее в этот день. Что это? Отчего? Что отравляет ему эти минуты, когда за обедом поднимают бокалы в пожеланиях молодоженам счастливой доли и славного продолжения рода? Неужто то, что стряслось этим утром тому виной?

Прошрое... Его не вырвешь из книги, как ненужную и негодную более страницу, не скомкаешь и не выбросишь вон. И не сожжешь, превращая в пепел, превращая в труху, рассыпающуюся в руках, как прошлой ночью сожгла Анна письма Лозинского. Оно все равно настигает тебя в те моменты, когда ты не ждешь этого совсем, и пусть не переворачивая твой путь в иную сторону, но оставляя неприятное послевкусие ошибок. Не это ли послевкусие вносит горечь ныне для Андрея в ту сладость, которой должен был быть наполнен этот день?

— ... если только вы не устали, *ma chere madam femme*, — неожиданно вторгся в мысли Анны голос Андрея, и только тогда она поняла, что все внимание собравшихся за столом отчего-то приковано к ней. Даже смутилась неожиданно для себя самой этим устремленным на нее взглядам, любопытным и внимательным.

— Если вы не слишком устали, *ma chere madam*, то гости просят позвать домашних музыкантов, да устроить *bal improvisé* ^[693], - мягко произнес Андрей. — Если прошедший день не утомил вас...

Или может, ее беспокойство было от того, что насторожило по какой-то причине лицо одного из шаферов, показавшееся ей смутно знакомым. Это неясное ощущение узнавания будоражило душу. Она то и дело возвращалась взглядом к этому офицеру, который с явным удовольствием поднимал бокал с вином на каждую здравицу и особенно громко крикнул «*A santé!*» ^[694] в финале первой, по обычаю произнесенной в честь государя.

— Прошу любить и жаловать, *madam ma femme* ^[695], - представил Анне еще до обеда этого офицера Андрей. — Мой дорогой друг, не единожды спасавший мою жизнь от смерти,

а душу от уныния греховного — ротмистр полка конной гвардии Его Императорского Величества Кузаков Александр Иванович...

Но в тот момент Анна толком не обращала внимания на имена, а кланялась и улыбалась по привычке, в душе наслаждаясь новым статусом и тем, как звучит произносимые его голосом слова. «*Madam ma femme...*» Жена! А ведь вслушайся она тогда, еще в момент представления этого офицера, Анна бы без труда узнала того, она сейчас была уверена в этом.

И Анна не признала это лицо ни при представлении, ни за обедом, который длился немало времени. И даже после, когда пошли медленным и степенным шагом под звуки полонеза, доносящегося чрез распахнутые двери комнат анфилады, в залу, где планировали завершить этот такой длинный и такой короткий для Анны день. Признаться, Анна даже забыла об этом офицере, и обо всем остальном, когда ступала за Андреем, шедшим в ведущей паре. Смотрела в его спину и думала только о том, что ни единого раза ей не довелось пройти с ним в танце. И вряд ли отныне доведется, не могла не думать с тоской Анна, понимая, что мужу с женой совсем не по правилам идти по паркету залы в паре.

Смогла улыбнуться не деланной улыбкой, такой привычной по прежним временам, только тогда, когда пройдя по периметру залы в первом туре, танцоры делали круг. Анна тогда встретилась взглядом с Андреем, прошедшим столь близко от нее в тот момент, что выправи она пальцы, сжимающие шлейф платья и кружево длинной фаты, могла бы коснуться его. Да и как она могла не улыбнуться, когда он так заодно подмигнул ей, тут же снова становясь серьезным, как и прежде, когда повернулся к своей партнерше?

— *Vous etes espiègle, monsieur mon homme* ^[696], - не могла не шепнуть Анна ему украдкой, когда завершили полонез, раскланявшись со своими партнерами и теми, кто шел в паре по соседству. И сердце несколько раз чаще стукнуло в груди, когда Андрей совсем по-особому взглянул на нее. Как тогда, в спальне флигеля, прощаясь и обещая блаженство через какое-то время. До наступления которого оставались считанные часы, судя по сумеркам, опускающимся за высокими окнами.

На удивление Андрея, державшегося рядом с женой во время всего вечера, Анна приняла лишь часть приглашений пройти по паркету в туре танца. Отказывала с такой очаровательной улыбкой, что незадачливые кавалеры вовсе не чувствовали себя в чем-то обиженными или оскорбленными ее отказами в нарушение правил.

— Вы не желаете танцевать? — наконец спросил он, когда они в очередной раз раскланялись с теми, кто совершая круг по зале от одного кружка знакомых к другому, задержались на несколько минут у молодоженов и новоявленной *belle-mere*, принося поздравления. — Зная вашу склонность и ваш талант к ним, эдак вы мне странную славу подарите.

— Славу? — Анна удивленно взглянула него.

— Люди решат, что я уже выказал свой норов ревнивого супруга и запретил вам даже думать о танцах, — при этом Андрей так забавно нахмурил лоб, пытаясь придать себе недовольный вид, что Анна все же рассмеялась, несмотря на недовольный взгляд *belle-mere* такой открытой непосредственности. А потом он склонился к ней поближе и прошептал тихонько, едва ли не в ушко, вызывая в ней странную волну дрожи. — Ступай, моя милая. Не думай, что обязана быть при мне весь вечер. Не тягость мне, а преимущество в том, что свободен от обязанности на паркет выходить. По глазам вижу, что желаешь выйти в кадрили...

— А вы просто желаете пойти к мужчинам и обсудить побег Буонапарте с острова, признайтесь, — ответила ему, улыбаясь, Анна. Он улыбнулся ей в ответ, а после оба повернулись к очередным подошедшим к ним гостям, один из которых приблизился к их кружку с целью пригласить невесту на кадрили, которую готовились грянуть музыканты.

Блеск свечей, отраженный в зеркалах залы. Шелест платьев и стук каблуков по отменному начищенному паркету. Легкий ветерок, без труда проникающий через опущенные шторы и играющий в пышных перьях эспри и тюрбанов дам. Все было так привычно для Анны. И в тоже время было все по-иному нынче. При звуках экосеза, в котором ее повел Павлишин, ее верный рыцарь, необычно молчаливый сегодня вечером и неуклюжий по обыкновению, Анна вдруг вспомнила, как танцевала его здесь же, на Рождество 1811 года. Когда впервые вложила свои ладони в крепкие руки Андрея. И снова чуть-чуть загрустила, что никогда не доведется ей встать в пару с Андреем.

Она ошибалась. Спустя минуту после этой мысли, когда Павлишин отвел Анну к *belle mere*, беседующей о чем-то с дамой в лазуревом берете с длинными белыми перьями, она поняла это. Когда Андрей, принявший руку Анны у Павла Родионовича, вдруг повел ее обратно — на паркет, где уже строились пары, чтобы начать дивный и плавный танец, к которому готовились приступить после короткой передышки музыканты.

— Андрей..., - только и смогла произнести Анна, успевшая заметить, как десятки глаз устремились на них, как склонились головы, чтобы обменяться шепотками украдкой. И как округлились глаза Алевтины Афанасьевны и ее собственной тетушки при таком явном пренебрежении правилами.

— Ты позволишь мне? Нарушить правила, — прошептал он, и Анна кивнула в ответ, не скрывая своей счастливой улыбки, вмиг воцарившейся на лице. О, она бы позволила ему все! И сама бы смело встала подле, как смело вышла сейчас в центр залы, отдала руку в плен его ладони и положила другую на его плечо.

Об этих коротких минутах, которые промелькнули будто миг для нее, Анна мечтала с того самого дня, как их руки соприкоснулись в туре экосеза в 1811 году. Порой она видела их во сне. Именно эти самые минуты, когда Андрей кружит ее по зале, освещенной множеством огоньков свечей, а она сжимает в руке шлейф белоснежного платья. И эти глаза она видела в своих грезах. Голубые глаза, полные нежности и любви, от которой даже дыхание перехватывает. Это было так схоже с ее сном: та же зала, тот же блеск позолоты лепнины и дивный аромат цветов, белоснежное подвенечное платье и его глаза...

Анна была бы готова поклясться в тот миг, что взгляни она на наблюдающих за ними гостей, то среди лиц увидела бы до боли знакомые и любимые черты отца и брата. Настолько для нее вдруг создалась иллюзия того самого ночного видения. Но когда она мельком взглянула на лица вокруг, то, разумеется, не было среди них ни Петруши, ни папеньки, радующихся ее счастью. Зато взглядом отчего-то снова зацепилась за одного из шаферов Андрея, в тот момент кланяющегося Софи, которой мать не позволила принять приглашение на *valse*. Он так знакомо склонил непокрытую голову, щелкнув каблуками, и Анна вдруг ясно услышала шелест летнего дождя в тот же миг. И вспомнила... она вспомнила!

Всего на короткий миг тут же сбилась с шага, выпуская из пальцев шлейф платья, в котором тут же запуталась, наступив на шелковый подол. Попыталась удержать равновесие, выправив шаг, но ненароком задела поврежденное колено Андрея, заставив и его в этот миг нарушить плавный ход танца.

«Падаю!», мелькнула в голове страшная мысль, от которой сжалось горло, затрудняя дыхание. Зала пошла для нее кругом в бешеной круговерти лиц и света. Совсем как тогда, в уже давно позабытый день в послерожественской довоенной Москвы. «Господи! Господи, падаю...!»

«Я падаю... падаю!». Эта мысль билась в голове перепуганной птицей, лишая способности здраво мыслить. И снова, как тогда — боль в коленях и в ладонях, которыми с размаху уперлась в пол при падении, тихое «Ах...», прокатившееся волной по зале. И взгляды. Десятки взглядов. Удивленные, насмешливые, сочувствующие. О, как пережить это снова?! Этот позор, эти шепотки за спиной, эти ухмылки...

И осознанно разжала пальцы, которыми в отчаянной попытке удержаться вцепилась изо всех сил в сукно мундира Андрея. Анна знала, что ему ни за что не выстоять на больной ноге, а падать... падать она готова была одна, не таща его за собой на паркет.

Но случилось все не так, как Анна ожидала. Под едва слышный выдох, невольно сорвавшийся с губ тех, кто видел, как опасно качнулись в вальсе молодые супруги, как сбились с шага, Андрею все же удалось не только самому остаться на паркете, но и удержать ее, не позволив ей упасть. На них тут же натолкнулась следующая пара, шедшая подле в туре танца, и Андрей подобрал выскользнувший из пальцев Анны длинный шлейф, вложил в ее ладонь, заставляя покрепче ухватить ткань, и, сжав чуть сильнее рукой стан Анны, сделал шаг назад, вынуждая ее продолжить вальс.

«...Она не выезжала никуда и никого не принимала уже тут, в Милорадово, где-то полгода. Год не могла танцевать, боялась», голос Петра, казалось, прозвучал в голове, перекрывая звуки музыки в первые мгновения после этого досадного происшествия. Именно по этой причине Андрей силой удержал ее при себе, не дал уйти, желание о чем так явственно угадывалось по ее облику. Поникшая голова, опущенные плечи и взгляд, который она так тут же опустила вниз, боясь взглянуть на него. И на всех, кто сейчас неотрывно следил за ними, снова заскользившими по паркету.

О, Боже мой, каков он! Анна не могла поверить в то, что происходило и нынче, и после танца в зале. Она с трудом сдерживала слезы все это время, не в силах отвести взгляда от его лица. Читая по его глазам и ту боль, которая нещадно терзала его тело, и ту, что мучила его самолюбие, уязвленное в эти минуты игры, которую искусно повел Андрей, уводя ее с паркета после последних звуков вальса.

Ему было невыносимо больно первые мгновения, когда он снова повел ее в вальсе по зале. Анна заметила это, неожиданно подняв взгляд от ровного ряда пуговиц его мундира на его лицо. Андрей не успел тогда спрятать свои истинные эмоции за мимолетным движением ресниц, и Анна увидела, насколько ему тяжело вести ее сейчас по зале. И она была виновна в том. Анна помнила, как ударила его, споткнувшись о подол, по тому самому колену.

Но Андрей только улыбнулся ей и подмигнул, пытаясь хоть как-то вернуть румянец на ее щеки и хотя бы легкую тень улыбки на ее губы. А Анна только смотрела в его глаза, чувствуя, как разрывает изнутри ее сердце любовь к этому мужчине. И потом едва не сдержала слез, когда он, ведший ее ровным и плавным шагом в *valse*, вдруг захромал так отчаянно и так явно, уводя ее с паркета.

— Обопрись на мою руку, — прошептала Анна, пытаясь удержать теперь его самого, чтобы хоть как-то облегчить его муки. А он только подмигнул снова в ответ на ее реплику и прошептал тихо, чтобы услышала только она:

— Поверь мне, все не настолько худо ныне... просто доверься мне...

И только, когда они обходили залу по периметру, возвращаясь к своим родным в другой

стороне и обмениваясь по пути любезными репликами с гостями, Анна поняла его замысел. Все косились на его хромоту, а после, прикрываясь веерами, склоняясь к собеседникам, украдкой обменивались шепотками, шлейфом идущими следом за молодыми. Но говорили не о ней, оступившейся и едва не уронившей их пару на паркет. Говорили о нем, хромом калеке, который самодовольно повел свою молодую жену танцевать вопреки *bon ton* [697] и едва не сделавшей ее сызнова предметом для разговоров.

— Андрей, — попыталась Анна остановить эту искусную игру, сжимая его локоть. Страдая вместе с ним в эти минуты, когда кто-то на него смотрел с неприкрытой жалостью в глазах. Но он только улыбался ей и вел ее дальше, хромая старательно.

Когда им оставалось всего несколько шагов до кресел, которые занимала Алевтина Афанасьевна со своими собеседницами, к ним навстречу шагнула Софи, обеспокоенная донельзя увиденным и хромотой брата, такой несвойственной ему до того момента.

— *O mon Dieu, Andre!* Что с вами? — она хотела взять брата за руку, чтобы поддержать, но шагнувший следом за ней Кузаков, заметив нечто мелькнувшее в глазах Андрея, придержал за локоть, не давая завершить этот жест.

— Не тревожьтесь, *ma chere*, со мной ничего худого стряслось, — поспешил заверить сестру Андрей. И тут же из-за спины Софи донесся голос Алевтины Афанасьевны, отчетлив слышимый в минутной паузе между танцами, пока музыканты сделали перерыв.

— Ничего худого, кроме попоранного самолюбия вашего брата, Софи. Я завсегда говорила, что его порывы не доведут до добра. Надобно было думать прежде, чем поперек правил *bon ton* ступить.

О, сколько же в ней может быть холодного яда, со злостью подумала Анна, собираясь со словами, чтобы ответить своей *belle-mere* так же едко и зло, нарушая рамки вежливой общепринятой отстраненности. Но тут она невольно взглянула на Кузакова, в свою очередь так же внимательно глядящего на нее, и воспоминание о собственной лжи, столь неожиданно ставшей открытой, укололо мимолетным страхом. Признал ли ее восприимчик Сашеньки так же, как сейчас она вспомнила его?

— Вы совершенно правы, *madam*, — поклонился Андрей матери, которая со странным торжеством в глазах вдруг приняла его реплику. А потом повернулся к снова побелевшей лицом Анне, ощущая мелкую дрожь ее пальцев даже через плотную ткань мундира.

— Вам нездоровится? Может статься, что вам лучше пойти к себе, не дожидаясь польского? Нынче день был так долог и столь полон... разных впечатлений.

— Немудрено, что Анна Михайловна так бела лицом, — снова подала голос Алевтина Афанасьевна. — После того, как едва не случился конфуз такой...

— Прошу вас, *madam*, — поспешил произнести Андрей, и она замолчала, уступая той твердости, что расслышала в его голосе. Склонилась к соседке в лазуревом берете и стала о чем-то шептаться, глядя, как строятся на паркете пары для кадрили.

А Анна с благодарностью приняла дарованную ей возможность удалиться в свои покои раннее срока, боясь заметить хотя бы тень узнавания в глазах шафера Андрея. Вера Александровна, сопровождающая ее, что-то без умолку говорила и на протяжении пути из залы в жилые половины, и после — когда Глаша снимала вуаль, вынимая шпильки из локонов Анны, расстегивала подвенечное платье той. Анна же совсем не слушала ее, только и думала о том, кого узнала на балу, стоя безвольной куклой под руками суевающейся Глаши.

Что это открытие означало для нее нынче? Называла ли она тогда свое имя, или Дениска, приведший офицера в тот день через дождь, название усадьбы? И самое главное —

знал ли Андрей, что Анна лжет ему уже тогда — у церкви, когда они встретились повторно после долгой разлуки? Или проведал после? И если спустя время, то когда — во время встречи с Кузаковым в Москве, о которой рассказывала вскользь ей Софи, или уже здесь, в Милорадово? Ах, а что если и предложение ей сделал только тогда, когда узнал, что незапятнанна она, что ребенок не ею прижит вовсе?! Знать, все же ошиблась она...

— Анна! Слышишь ли меня? — тетушка пребольно сжала пальцами плечо через тонкое полотно капота. — Да что с тобой, моя милочка? Заснула на ногах? Столь притомилась...

— Слышу, *ma tantine*, — поспешила отозваться Анна, только сейчас возвращаясь из своих мыслей. Ответила то, что та желала услышать от нее, зная по привычке прошлых лет, когда отвлекалась от нравоучений и нотаций. — Я все поняла.

Вера Александровна довольно кивнула, поправила один из локонов, лежащих на плечах Анны, поцеловала племянницу в лоб и, размашисто перекрестив ту («Благослови тебя Господь, моя милочка!»), вышла вон из покоев, оставляя ту в ожидании супруга. И на волю терзающих ее мыслей, которые стали снова выползать из темных углов комнаты, тяня к ней свои длинные пальцы, будто щупальца. Или ей это только виделось, эти темные тени, которые словно живые шевелились при каждом трепете огней свечей?

Анна опустила перед столиком с зеркалом, пытаясь отвлечься от них, стала переставлять флаконы с духами и ароматной водой, коробочки с пудрой и румянами. Гребни переложила из одного угла в другой, стараясь не смотреть в отражение, где шевелились тени, а в углу за спиной вдруг показалась высокая фигура мужчины в темном сюртуке.

— Глаша! — позвала Анна испуганно девушку свою, осматривающую кружева чехла подвенечного платья, разложив то на полу в будуаре. Та тут же оставила свое занятие и, поднявшись с колен, поспешила на зов. А ступив в комнату и приметив, что Анна как-то странно взглянула на нее от зеркала, бухнулась перед ней на колени на ковер.

— Ой, не губите, Анна Михайловна! Не говорите барину, что прознали! Он же не поверит, что не я открыла вам, высечет, как обещался!

— О чем толкуешь, Глаша? — удивилась Анна такой реакции на свой зов. Она положила ладони на плечи девушке и чуть сжала их, вынуждая ту поднять взгляд и посмотреть ей в глаза. — Ты о чем речь ведешь?

— Ох, ты Богородица Пресвятая! — воскликнула тогда ее горничная, понимая, что сама выдала себя с головой по дурости своей. Вот теперь-то точно быть ей битой на конюшне. Впервые за всю жизнь ее при барышне. Она даже почувствовала боль в спине сейчас, когда смотрела в требовательные глаза хозяйки своей. Не верила, что барин не накажет, как бы ни утверждал иное ее касатик, служивший уже год в дворне барской.

Но промолчать, скрыть правду от хозяйки, которая ни за что бы в покое не оставила, покамест не прознала всей правды, не смогла. Рассказала Глаша все, что знала, и о чем ей строго-настрога велел барин молчать, не желая, чтобы Анна проведала о случившемся за время венчания в ее покоях.

Лозинский не ушел просто так из усадьбы после того, как коляска удалась прочь, скрывая от его взгляда красавицу невесту за зеленью липовых ветвей, надежной крышей переплетавшихся над аллеей. Когда Глаша первая ступила в покои Анны, воротившись наперед молодых из церкви, то даже онемела на несколько мгновений от того, что предстало перед ее глазами.

Вывернутые ящики, содержимое которых валялось в беспорядке на полу. Перевернутые ларцы и шкатулки, лежащие тут же на полу верх дном. Разбитые замки бюро, раскуроченные

панели потайных местечек в том. Даже в спальне все было вывернуто из ящиков, словно тот, кто творил это безумство, что-то искал. Подобная картина перепугала Глашу до полусмерти тогда, как и комердин барина, что неслышно подошел сзади, а после обшарил каждый угол покоев в поисках незваного гостя.

— Он ведь забрал что-то, верно? — спросила Анна у Глаши после того, как та закончила свой короткий рассказ. Уже зная, что так настойчиво искал Лозинский. Забирая то, что, по его мнению, уже давно принадлежало ему по праву. Раз не сумел взять с собой иное...

— Украшения ваши, барышня, на месте. В том поклясться могу. Про бумаги не скажу... Что собрала, то собрала. Бюро ваше в починку отдадут. Я уж страху-то натерпелась, когда вы воротились... думала, заметите, что под чехлом, — тараторила Глаша, не замечая, что хозяйка уже не слушает ее. — Вы же мимо да в спальню... а после позвали... думала, ругать будете, что беспорядок у вас на столике да в ящичках, что не так все, как свыклись вы держать.

Портрет в серебряной рамке, который когда-то в рассветной дымке Анна передала уезжающему Лозинскому, вернувшийся к ней через Андрея в тот день, что даже в страшном сне Анне не хотелось вспоминать, лежал с тех самых пор на самом дне одного из ларцов гардеробной. Разумеется, когда сейчас она подняла крышку этого ларца, пальцы, скользнувшие под ворох кружев и через бусины, которые Анна собирала для рукоделия, резных узоров рамки не нащупали.

Она знала, что портрета не окажется на месте еще до того, как опустила руку в ларец. Знала, но все же поддалась какой-то странной волне паники и тревоги, снова взявшей ее душу в свои руки. А подняв голову от ларца и случайно взглянув в зеркало, едва не закричала дурным голосом. Показалось, что из темного угла на нее сейчас шагнет Лозинский, как нынче днем. И заберет не только портрет, но и ее саму утащит волоком в темноту зеркала...

— Барышня... ой, я хотела сказать... Анна Михайловна, куда вы? — забеспокоилась Глаша, когда та вдруг резко поднялась на ноги с ковра и шагнула к двери. Анна обернулась к ней, взглянув на нее так, будто только увидела, что она рядом, и коротко приказала:

— Света возьми. В покои барина проводишь меня!

— Да что же это такое? — запричитала Глаша, послушно поднимая тяжелый канделябр со столика, чтобы осветить хозяйке путь. Где же ныне Пантелеевна? Отчего при барчуке осталась, а не стала собирать барышню для ночи супружеской? Где мадама барышни? Уж при них-то барышня не сорвалась бы с места, нарушая все мыслимые правила, чтобы первой в спальню супруга ступить. Где это видано-то? Супружник идет в покои женские, а не наоборот!

Но покорно шла, освещая путь хозяйке, молясь про себя, чтобы никто не повстречался по пути в комнаты, ранее принадлежавшие Михаилу Львовичу. Лакеев в коридоре не было — видно, все работали, не покладая рук, приводя в порядок столовую да залу, уже опустевшую, откуда уже не долетали звуки музыки, которую Глаша любила слушать. Из всех живых душ, что были в то время в усадьбе, только комердина барина увидели, тут же вскочившего на ноги из кресла, когда Глаша распахнула дверь в комнаты, пропуская вперед себя Анну.

— Прочь иди, — коротко приказала Анна слуге Андрея, читавшего до ее прихода одну из книг, лежавших на столике. И уже резче и зло, когда заметила, что тот мешкает, раздумывая, стоит ли ему уходить. — Прочь пошел, я сказала!

Только тогда и Глаша, и Прохор ушли вон из комнат, прикрыв за собой плотно двери. Оставляя Анну совсем одну в таких знакомых прежде, но таких чужих ныне покоях. Как она видела сейчас при свете свечей, Андрей поменял здесь обивку на более строгую. Убрали искусные узоры, тканые нитями на обоях, а им на замену пришел однотонный шелк. Это были уже не комнаты Михаила Львовича, даже дух был иным. И эти запахи — смесь едва уловимого табачного дыма из передней комнаты покоев и кельнской воды — будоражили сейчас отчего-то ее кровь.

Анна прошлась по спальне, касаясь пальчиками балдахина кровати, поверхности покрывала, бархатной обложки книги, небрежно брошенной на постель. Пролистала несколько страниц, вглядываясь в еле уловимые взглядом строчки на французском. «Plaisir d'amour ne dure qu'un moment, chagrin d'amour dure toute la vie» [\[698\]](#)...

— Я не заслужила твою любовь, — это были первые слова, которые услышал Андрей, ступив в спальню. Анна стояла у распахнутого окна в парк, и недавно набравшаяся силы луны ласково освещала ее силуэт своим ровным светом.

— Любовь нельзя заслужить, моя милая, — мягко ответил Андрей, подходя к ней и запуская пальцы в ее распущенные волосы. От души наслаждаясь тем, что видел сейчас в устремленных на него глазах. — Никому под силу понять природу этого чувства. Оно либо есть, либо его нет... И оно не выбирает предмета по каким-то признакам.

— Но его можно разрушить, это чувство. Как и все на этом свете, любовь может быть разрушаема под гнетом тяжести ошибок, лжи, предательства, — возразила Анна.

— Быть может. Но все это только ранит, как во время боя. Главное, вовремя остановить течение, не давая крови уйти до самой последней капли.

Они недолго помолчали, словно не зная, что сказать друг другу после тех слов, что уже прозвучали в этой комнате. А потом Андрей улыбнулся, глядя по-прежнему в ее широко распахнутые глаза.

— Я вспомнил, как однажды летом мы в точности стояли у распахнутого окна. Ты помнишь? Тогда в кожу мне впился острый шип, что с роз на шпалерах был. Ты доставала этот шип иголкой, а я смотрел на твою голову, склоненную над моей ладонью, на твои локоны и чувствовал, что нет для меня места благоднее, чем тут, подле тебя. Именно в тот момент я понял, что полюбил, и эта любовь вошла так глубоко в мое сердце, что ничто не способно извлечь ее. И как бы надежно я не хоронил ее от всех и от себя, она никогда не оставит меня. И все, что я делал, что буду делать — только для тебя, моя милая. Для тебя и ради тебя... Лишь бы ты позволила мне это.

И Анна не выдержала — приникла к нему, крепко обхватывая его широкую талию руками, цепляясь в его мундир. Она не заслужила такой любви, в которую он нежно закутывал ее. Той заботы, которую ощущала от него. С ним она могла быть слабой и беззащитной, зная, что есть человек, который в любом испытании подставит свою руку и не даст ей упасть, даже в ущерб самому себе.

— Я не должна была молчать ныне, когда они все шептались о тебе, — тихо проговорила Анна. — Это ведь моя вина в том, что мы едва не упали там, в зале... Теперь они все будут толковать о тебе, что ты неловок, что ты...

Произнести слово «калека» она, верно, никогда не сможет. И сейчас не смогла — так и не произнесла его в тишине комнаты.

— Не думай о том, моя милая. И потом — разве я не виновен в том, что произошло? Я вывел тебя на паркет, я держал тебя в руках своих.

— Но оступилась я, — она подняла голову, чуть отстраняясь от него, ослабляя объятие. Взглянула в его глаза, надеясь на то, что Андрей прочтает в ее взоре то, что, может статься, она не сумеет сказать или объяснить причину произнесенной некогда лжи.

— Я обманула тебя. Ты, верно, ведаешь о том уже. Я лгала, когда говорила, что Сашенька — мой сын, прижитый от Лозинского, — Анна всегда страшилась признаваться. Особенно в своих промахах или оступках. Ей казалось, что признание собственной вины унижает ее достоинство, а прощение мнилось признаком слабости. Но сейчас, как и тогда ночью, которую они провели вместе, слова сорвались с губ без лишних усилий.

— Я не должна была позволять тебе думать так, не должна была поддерживать эту ложь. Я сама не могу понять, для чего поступала так. Но более не могу понять, почему молчала все эти дни. Нет, могу... Я боялась. Боялась, что возненавидишь меня за эту ложь. Ведь ее было столько меж нами, что при мысли об этом... - Анна на миг умолкла, чувствуя, как от стыда загорелись щеки. — Сперва я умолчала, потому что все эти толки... и видеть в твоих глазах то, что порой видела в прочих. Знать, что ты можешь презирать меня и дитя. Особенно Сашу. Но больше всего хотелось, чтобы ты принял меня и такую... без копейки за душой, в одной рубашке, с прижитым дитем на руках. Хотелось, чтобы любил и такую... ведь все они отвернулись. Все шептались за спиной, переводили порой на иную сторону улиц Гжатска при встрече девиц... Мне было важно, чтобы ты принял меня такой... Для меня это было как основное признание того, что все прощено. Что все бывшие мои ошибки — в прошлом и только. Мадам говорила, что я жду невозможного. И мне самой порой казалось, что это никогда не случится. Но мне так хотелось... чтобы любили меня не за красоту, не за иные какие-то достоинства. А именно такую! Как и чтобы видел не то, что перед глазами остальных, а иное... то, что глубоко внутри. Душу мою чтобы видел. О том мечтала, когда сидела в круге поклонников, когда шутя играла их влюбленностями, их страстями. Все они видели только то, что показывала. И только ты видел меня иную... Тогда, на лугу, когда прощались, я поняла это. Когда ты говорил о том блеске и о моей горячности в поступках. Я столько раз повторяла после мысленно каждое слово из твоих речей, что запомнила их. Красивый блеск льда, который суждено кому-то растопить, чтобы увидеть иное. И это сделал ты...

Они оба вспомнили лето, которое перевернуло жизнь обоих. Когда казалось, что счастье так близко, уже в руках — осталось только руку протянуть, и все задуманное случится. Но верна поговорка, что не всегда то, что задумано, явью становится. Война перепутала все планы, смешала карты, переплела судьбы на свой лад. Лед растаял, подумал с легкой горечью Андрей, превратившись в воду, которую он не смог удержать в своих руках... Он бы не вспоминал о прошлом в этот день. Но оно само вторгалось незванным гостем вплоть до последней минуты.

— Я едва не лишилась рассудка, когда увидела свое кольцо, отданное тебе, у денщика Лозинского, когда узнала путь, которым то попало к нему, — проговорила Анна, продолжая свою исповедь, которая сейчас так легко лилась из ее уст. — Я и лишилась его на время, как понимаю ныне. Мне нужно было хотя бы нить получить... чтобы ухватиться за нее, чтобы поверить. Не сойти с ума. И этой нитью для меня стал Лозинский. Он писал ко мне, а я читала эти письма и видела твою руку в них. И верила, что ты жив, раз пишешь ко мне. И писала ему. Только не передавала адресату, а прятала в бюро. Боже мой! Если бы знала, какую роль суждено будет сыграть тем письмам! Ведь именно одно из них и вернулось ко мне с тобой и тем портретом.

— Не понимаю тебя, — Андрей смотрел на нее так, будто что-то обдумывал. — Ты писала письма, адресуя те мне, но в ответ на письма поляка... И все это — тем самым летом.

— Я понимаю, что в это поверить можно с трудом, но это истина. Я пойму, если ты не согласишься мне, но так оно и было. Если бы я знала о том, что случится в будущих днях, я даже не взглянула бы в сторону Лозинского еще тогда, у Гжати... Слишком дорогим по цене вышел мне тот флирт. И знакомство с ним. Я не буду лгать, меня к нему манком тянуло, сама не понимаю отчего. По душе было, что он влюблен в меня, как и прежние кавалеры мои. Забыла совсем, что враг он. Как по краю ходила... И тот поцелуй... тот поцелуй едва не погубил меня. Права была Марья Афанасьевна, предупреждая, что один единственный поцелуй способен отравить всю оставшуюся жизнь. Так и вышло...

Анна прислонилась лбом к его плечу, пытаясь скрыть свое смущение и свой стыд за тот проступок, который до сих пор жег ее душу огнем. И это несмотря, что он знал уже о том, что произошло тогда, и простил ее. Почувствовала тут же, как напряглось его тело, и невольно подумала, что до сих пор эти воспоминания больно ранят не только ее саму, но и Андрея.

Но долго прятать лицо от его взгляда не удалось — Андрей вдруг шевельнул плечом, вынуждая ее поднять лицо и посмотреть на него.

— Единственный поцелуй? Значит, один-единственный поцелуй? — Анна сама напряглась, расслышав в его голосе странные нотки — неверие и... смех?

— Ну, не только, — смутилась она, вспоминая ласку чужой руки. — Он обнимал меня... и трогал, как не должен мужчина трогать девицу. Тем паче, ту, что другому обещана.

— Значит, когда ты говорила о Сашеньке, о его происхождении в том разговоре...? — Андрей стал отступать от окна к постели, чтобы опуститься на краешек ее, давая отдых уставшей ноге, ноющей противно от нагрузки. Но Анну не выпустил из рук — потянул ее при этом, вынуждая следовать за собой. И она опустилась на ковер у его ног, по-прежнему не отводя взгляда от его лица, старательно ловя каждую эмоцию и каждую тень в глазах.

— Значит, когда говорила, что невозможно ему сыном тебе быть, когда и не было меж вами той самой близости...? То истина была.

— Я поддалась тогда уговорам мадам Элизы открыть тебе правду о Сашеньке. Хоть и против воли своей.

— А я решил тогда, что ты совсем отчаялась... что от дитя своего готова отказаться, лишь бы женой моей стать, лишь бы от нищеты и толков в браке укрыться, — ответил на это Андрей, вспоминая тот разговор, что состоялся меж ними как-то в весеннем парке Милорадово. И Анна уловила легкую нотку горечи в его словах, для которого любое упоминание о связях матери и ребенка было болезненно, несмотря на прошедшие годы. Только теперь поняла, как выглядело ее признание, и почему не сложилось тогда соединить разорванные нити. — И тебя возненавидел в ту минуту, и себя. За то, что вынуждаю тебя к тому отказу. Ты же говорила правду... а я...

— Не единожды пойманному на лжи едва ли поверят впредь, — проговорила Анна, только сейчас убеждаясь в правоте поговорки, которую повторяла ей нянюшка. — Я не питаю к тебе укоризны за твое неверие в тот день. Оно мне открыло тогда глаза, заставило увидеть то многое, что было скрыто осознанно. И я поняла тогда... я многое поняла. Я всегда была убеждена, что любить можно только меня и никого иного. Никакой другой и никогда. Что единожды полюбив меня, разлюбить уж невозможно. И где-то в глубине души была уверена, что ты вернешься ко мне... а тогда, после того разговора, словно пелена с глаз

пала. Легко можно сломать, но вот соединить... И все из-за обмана, той лжи, в которой я все путалась и путалась, сама не понимая, что гублю себя. Потакая гордости, что всегда говорила наперекор сердцу и даже уму. Я цеплялась за гордость, как утопающий за брег, не понимая, что она — причина того, что я иду ко дну. Я должна была сразу же открыть тебе все, рассказать правду... я должна была сделать это еще в тот проклятый день, когда я бросила тебе...

Воспоминания о былых ошибках, которых можно было избежать без особых усилий, ранили пребольно, и Анна на миг умолкла, пытаясь совладать со слабостью, вдруг едва не лишившей ее голоса. Но когда Андрей ласково провел кончиками пальцев по ее скулам, то ли успокаивая, то ли прося замолчать, раз ей так больно вспоминать, она все же нашла силы перебороть в себе эту слабость оставить все, как есть.

— Видит Бог, за те месяцы то были самые благодатные для меня мгновения! — ее глаза даже засияли при воспоминании, как она открыла дверь и увидела его в гостиной. Впервые после долгой и такой томительной тревогой разлуки. — Видеть тебя, осознавать, что ты жив и здоров, касаться тебя. А потом увидела портрет и то проклятое письмо поверх писем Лозинского. Я тогда решила, что ты приехал, чтобы разорвать нашу договоренность о браке. Что уже ведаешь обо всем, что случилось за эти дни в Милорадово. О моих грехах знаешь. Я ведь виновата перед всеми в усадьбе и в селе... я так виновата! В те дни после разграбления я даже смотреть в глаза могла с великим трудом. Даже на дворовых... на крепостных! У каждого из них тогда погибли или были покалечены родные. У каждого! И мне казалось, что они смотрят на меня и осуждают меня... винят меня за то, что тогда сохранила Лозинскому жизнь. Что завлекла его настолько, что он вернулся сюда за мной... И это верно. Я виновна во всем, что случилось. Даже Петруша тогда сказал — не будь меня... «Вот первопричина этих бед!», сказал он тогда, и это верно.

— Прекрати! Немедля прекрати, Анни! — прервал ее резко Андрей, а после притянул к себе и целовал нежно каждую слезу, что лились в тот момент из ее глаз. — Это неверно, и ты ведаешь о том. Как и о том, что брат твой, уверен, в запале ссоры те слова сказал и только.

— Андрей... мой любимый, мой милый Андрей! — теперь уже Анна обхватила ладонями его лицо, поймав то в плен. — Боже мой! Даже в моей неправоте ты ищешь предлоги, чтобы оправдать меня. То, как я поступила с тобой — гадко и жестоко. А то, что едва не потеряла тебя... Разве может мне быть в том оправдание? Я могла сделать этот шаг навстречу тебе не спустя годы, а именно тогда, в те дни. И ты должен презирать меня за мою жестокость, за мою ложь, которую хранила вплоть до момента, пока иные не открыли тебе истины. За те удары, что наносила, не разобравшись, не попытавшись понять... За то время, что мы потеряли... за ложь, которой едва разделила нас. Я ведь оступилась в зале во время танца, когда признала в твоём друге того, кого и не думала увидеть сызнова. Он мой кум, ты, верно, ведаешь ныне. Мы с ним крестили Сашеньку, чье имя мой племянник носит с того дня. Он родился слабым, мой Сашенька, оттого и крестили по обычаю по имени первого встречного.

— Знаю, — подтвердил Андрей, стараясь произнести это слово как можно мягче, боясь, что она неверно может понять в этот момент его.

— Когда он сказал тебе? По приезду в Милорадово давеча? Или в Москве? Когда ты ездил по делам прошлого месяца.

— Нынче утром. Он не признал вовсе ни усадьбы, ни местных земель. А с тобой ему

довелось увидаться лишь в церкви на обряде по причине нездоровья. Отец Иоанн. Именно его облик показался знакомым Александру Ивановичу, а далее нить и потянулась...

— Ты разозлился на меня? В тот момент, когда узнал правду о Сашеньке? — Анна пыталась скрыть, что ей важно знать, какие чувства захлестнули при этом открытии Андрея, но не сумела. Как не смогла спрятать свое облегчение его словам о том, что предложение ей сделал он, не зная о происхождении Сашеньки. Было ли это такое же облегчение, какое она ощущала сейчас?

— Скорее, недоумение почувствовал. Не злость, нет, — признался Андрей, воскрешая в памяти тот момент. — Первым было недоумение и растерянность. И даже некоторое сожаление.

— Сожаление? — удивилась Анна, не ожидавшая этих слов.

— Именно, — подтвердил он. — Сожаление, что есть еще недосказанность меж нами. Что не открыта ты для меня в той же степени, что и я... Теперь я понимаю, отчего ты молчала. Моя милая, моя маленькая Анни! Нет, верно, такого, что бы я ни принял, коли бы сама ко мне пришла и открылась. Даже если это причинит мне нестерпимую боль. Никогда не молчи, моя милая. И никогда не спеши... как тогда, осенью двенадцатого года. А я ведь знал... знал, что ты сгоряча тогда так поступила. Но твоя настойчивость избавиться от меня впоследствии запутала меня вконец... И письма. Те самые письма, строки из которых я не мог забыть, полагая, что они все к нему, к другому...

— Они были к тебе. Каждое слово. Ты мне веришь? — но спрашивать более не было нужды. Она видела по его глазам, что он верил. И от этого осознания снова в душу вошло ощущение единения с ним и слепящего счастья, которые она чувствовала нынче днем. Он был рядом с ней. И навсегда останется подле нее. Он любит ее. Любит так, что отдаст весь мир за нее. Как и она за него.

— Я думала, что ты зол на меня за эту ложь нынче. Ты был таким хмурым за столом, таким далеким от меня, хоть и подле сидел. Я боялась, что ты не простишь, что не поймешь меня. И сызнова врозь мы, хотя и соединены уже навечно.

— Я не мог не думать, что оставил тебя без защиты в Милорадово. И..., - он хотел сказать «о том погроме, что устроил Лозинский в покоях твоих», но вспомнил, что она не знает ничего о том, замолчал на миг, не зная, говорить ли Анне об этом. А потом решил, что не будет больше меж ними тайн и недосказанностей, как сам просил о том еще недавно ее. — Лозинский перевернул вверх дном твои комнаты. Я чуть с ума не сошел от тревоги, что могло стрястись, когда я снова не подле тебя, когда не смогу защитой для тебя быть. Как и той осенью...

— Он забрал портрет. Всего лишь портрет. Это все, что по праву и по моей воле принадлежало ему здесь, — ответила на это Анна. — Может статься, дар тот был ошибкой моей. Нет, он верно был ошибкой, раз к тому, что случилось привел. Но я не могла не отблагодарить его тогда за все, что он сделал для нас. Я не думала, что он вернется, видит Бог! И не думала, что со стороны благодарность будет видеться чем-то иным.

Анна не могла не вспомнить, как ошибочно поняла в тот день намерения Андрея. И не могла не сравнить нынешний день с тем. В который раз едва не совершила ошибку, решив, что он зол на нее.

— Столько дней и лет врозь! Столько боли по моей вине! — не сумела сдержаться все же, обнимая его, но он тут же возразил ей:

— Зато сколько дней в будущем у нас с тобой, моя милая. Всех не пересчитать ни в

жизнь! Не плачь, прошу тебя. Твои слезы рвут мое сердце на куски. Оставь прожитое прошлому. Есть ныне только ты и только я... и так будет всегда.

— Всегда, — повторила Анна, будто клятву. А потом первая коснулась его губ коротким и нежным поцелуем, словно пробуя на вкус его губы. И когда отстранилась и заглянула в его глаза, удивительно синие в свете трепещущих на легком вечернем ветерке огоньков свеч, проговорила то, что так и переполняло ее душу до самых краев. В чем она совсем не боялась признаться, как в собственной слабости. Ведь только сейчас она поняла, что любовь не делает человека слабым, а наоборот дает тому силы пережить, принять и простить то, что казалось совсем невыносимым для того.

— Я люблю тебя... Я люблю тебя всей своей душой, всем своим сердцем... И всю жизнь я хотела бы любить тебя. И когда мне придет время уйти из этого мира, я бы только одного желала — уйти до тебя. Потому что я не смогу без тебя. Никогда. Ты ведь всегда будешь со мной рядом?

— Всегда, — улыбнулся Андрей, прижимая ее к себе теснее.

О, как же она любила его поцелуи! Такие нежные и мягкие поначалу, влекущие в омут сладости, от которой так кружилась голова. И такие горячие с каждым последующим, превращающие кровь в жидкий огонь, струящийся по венам. От таких поцелуев хотелось прижаться теснее к нему — кожа к коже, чтобы почувствовать его всем телом, всем своим существом.

Анна прогнала Прошку из покоев, еще когда переступила порог комнат, и не хотела с тем делить даже короткие минуты, пока Андрей приготовится ко сну. Оттого и служила ему комердином в ту ночь сама. Помогая снять с усталых плеч мундир, стягивая с трудом высокие сапоги. Но особенно ей понравилось избавлять его от рубахи. Медленно стаскивая ту с плеч и груди, целуя обнажающуюся при этом кожу. Проводить ладонями, прикусывать слегка зубами, вдыхая ее запах. И наслаждаясь тем, что она видела в его глазах. Тем отблеском огня, который горел в их телах сейчас.

Он был ее половиной, а она — его. словно когда-то единое целое разделили на две части и разбросали в разные стороны, а ныне эти части снова сомкнулись так, что даже линии деления не видно. Так думала Анна, лежа на руке Андрея и наблюдая в рассветных лучах солнца его сон. При этом сжимая пальцы, чтобы не коснуться его. Ведь отчего-то желание касаться его самой или ощущать его прикосновение только множилось с каждым днем...

Она смотрела, как легко дрожат его ресницы, мысленно проводила по линии скулы, где уже намечалась утренняя щетина, до самого подбородка. Или касалась более заметного на фоне тронутой легким загаром кожи шрама от пули, черкнувшей в сражении при Аустерлице. Его пальцы, переплетенные с ее, были расслаблены от сна, но когда она чуть шевельнула ими, Андрей тут же сомкнул их, словно не желая отпускать ее от себя. Анна улыбнулась этой мысли довольно, наслаждаясь этой близостью. А когда перевела снова взгляд на лицо мужа, заметила, что тот уже не спит, а наблюдает за ней так же внимательно, как еще недавно она смотрела на него.

— Bonjour, mon ange ^[699], - прошептал Андрей, ласково касаясь одной из пряди волос, что спускались сейчас свободно на подушки и на плечи Анны. Улыбнулся, когда заметил, как слегка покраснела она, словно ее застали за неподобающим занятием.

— Bonjour, — прошептала она в ответ со смущенной улыбкой на губах.

— Я всегда мечтал об этом. Открыть глаза поутру и увидеть твое лицо подле на

подушке, — и от этого шепота у Анны даже сердце сжалось на миг от счастья. — Истинное блаженство...

— Тогда ты позволишь мне нарушить очередное правило? — тихо проговорила она, не в силах отвести взгляда от любимого лица. — Вдобавок тому, что было нарушено вчера. Раз уж такая слава шлейфом за нами с тобой пошла...

Андрей некоторое время молчал, глядя на нее, лежащую рядом, даже дыхание затаившую в ожидании его ответа, который тщетно пыталась прочитать в его глазах. А потом поднес к губам ее пальцы, по-прежнему переплетенные с его собственными, поцеловал тонкие костяшки. Глаза засмеялись, выдавая его настроение — побежали в уголках глаз тонкие морщинки, которые спустя некоторое время Анна будет целовать в тишине рассветного утра. Как и губы его, раздвинувшиеся в широкую улыбку.

— Ну, раз уж такое дело, я с тобой, мой ангел... Какие правила будем нарушать?

Первое правило, которое с удовольствием нарушили молодые супруги — отдельные спальни. Это было то заветное желание, выполнение которого было так важно Анне. Ей более не хотелось возвращаться в свою спальню, в темных углах которой ей могло снова привидеться что-то худое и пугающее. А кроме этого, разве могло быть что-то прекраснее, чем заснуть в объятиях Андрея и пробудиться рядом с ним? Чтобы первое, с чего начинался день, был взгляд любимых глаз и нежный поцелуй...

Анна знала, что ее блажь еще долго будут обсуждать дворовые, пищу для толков которым была дана в день, когда Андрей согласился на ее просьбу. И возможно, даже в гостиных окрестных домов, ведь дворня может быть так болтлива. Но ее уже совсем не волновали пересуды за спиной. Анна смело встречала любопытные взгляды и шепотки, что волнами прокатывались за спиной с тех пор, едва она проходила мимо. Только снисходительно улыбалась всем этим знакам внимания, пусть и не совсем желанного и приятного, в ее сторону. Ведь всякий раз, когда она вдруг начинала ощущать по первости легкое волнение от происходящего вокруг, одно лишь мимолетное касание, едва заметное для остальных вносило тут же покой в ее мечущуюся в волнении душу.

Андрей всегда был подле нее, как и обещал ей когда-то. И осознание этого делало ее сильнее во сто крат той Анны, которая когда-то гордо несла голову перед всем миром. Эта новая Анна, мягкая и внимательная к окружающим, была иной, не той, что прежде. Но эта иная Анна ей даже больше была по душе.

— Ты изменилась, *ma chere*, — заметила мадам Элиза как-то, когда они пили чай в беседке у пруда, прячась от послеполуденного зноя за стенами, оплетенными зелеными ветвями. — Ты будто светом полна изнутри. И глаза твои так сияют, будто ты какую тайну скрываешь от всех... Неужто...?

— Нет, думаю, пока еще нет, — покачала головой Анна, понимая невысказанный вопрос мадам Элизы, а потом спустила с рук ерзающего на ее коленях Сашеньку, торопящегося погонять пичужек, что смело спустились с ветвей деревьев и искали в траве крошки булки. Но взгляда от его неровной походки по доскам беседки к лестнице не отводила, пока Сашенька с размаху не бухнулся в крепкие мужские руки. Легкий полет в воздухе, словно птица, раскинув руки в стороны и смеясь так счастливо, как только умеют дети, и мальчик снова на ногах — зашагал по траве в сторону птичек, держась доверчиво за руку Андрея.

— Андрей Павлович станет прекрасным отцом, — заметила мадам Элиза, наблюдая за прогуливающимися по лужайке возле беседки мужчиной и мальчиком. Анна улыбнулась с гордостью, услышав эти слова.

— Самым лучшим, что я могла пожелать для своих детей, — призналась она, а потом вздрогнула невольно, когда Сашенька завизжал от восторга, перепугав пичужек. Один из лакеев, карауливших птичек, все же исхитрился поймать одну из них, прельстившись на награду, которую обещал барин.

— ... не так сильно, *mon petit ami* [700], ты сломаешь ей крылышко, — донесся до женщин голос Андрея, который уговаривал мальчика аккуратнее трогать хваткими пальчиками перепуганную пичужку. — Помнишь, наш с тобой уговор, *mon petit ami*? Мы только гладим и выпускаем на волю. Я тебе после канарейку прикуплю. Будет петь тебе песенки зимой.

Анна рассмеялась, видя забавное выражение личика Сашеньки — такое сосредоточенное, но в то же время восторженное прикосновением к мягким перышкам птички, а после ее полету, когда лакей разжал ладони, выпуская ее на волю. На ее смех к беседке обернулся Андрей и подмигнул ей.

Ей никогда не хватает слов, чтобы высказать свою признательность за его отношение к маленькому Сашеньке. За его непритворное отношение к тому, кого иной бы запер во флигеле, делая вид, что на самом деле мальчик не родственник вовсе. За его хлопоты по установлению дворянства для Саши, положенного ему по праву со стороны отца. За эту улыбку, в конце концов, и эти руки, подхватывающие ребенка и подбрасывающие того в воздух под восторженный визг Сашеньки.

Самое малое, что Анна могла сделать в ответ, это показать всем в округе то, что так тщательно скрывала по своей гордыне, позволяя трепать языками окружающим. Открыть то, что без лишних слов говорило о происхождении мальчика. Чтобы не говорили за спиной Андрея о том, что воспитывает нагулянное дитя. Чтобы даже имени его не касались...

Во время службы, когда прихожане принимали причастие, Анна, забравшая Сашеньку на руки и не отдавшая, несмотря на усталость, его ни Андрею, ни мадам Элизе, ни молодой няньке, сдернула с мальчика чепец, когда тот потянулся к ложечке, протянутой отцом Иоанном. Будто невзначай, показала соседям, собравшимся в церкви, огненно-рыжие кудряшки Сашеньки, доставшиеся ему от матери. И довольно улыбнулась, когда по храму тихим шелестом прошли шепотки.

— Ты могла застудить Сашу, *ma chère Anni*, — мягко укорит Анну после муж, когда будут возвращаться из церкви. Она видела по его глазам, что Андрей прекрасно понимает, отчего она поступила так. И улыбнулась, прочитав в их глубине, что ему приятно до глубины души та порывистость, с которой Анна бросилась на защиту его имени от сплетен иных. Собственного имени. Ведь отныне она носила его фамилию...

— Не желаете ли выехать на прогулку, *ma madam femme*, когда жара пойдет на убыль? — предложил Андрей, когда зашел в беседку с задремавшим на его плече Сашенькой, размороженным летним солнцепеком. И Анна с удовольствием кивнула в ответ на его предложение. Она обожала эти часы, когда они выезжали верхом в зеленые просторы, полные самых разнообразных красок луговых цветов. Он верхом на рослом жеребце, а она на белой лошадке, с которой успела познакомиться наперед того, как та была ей подарена в качестве свадебного подарка.

Анна тогда взвизгнула в конюшне совсем неподобающим теперь уже барыне образом, а потом бросилась на шею смеющемуся мужу и уже от него — к белоснежной лошади, чтобы коснуться ее гривы.

— Правило второе, которое нарушаем, — проговорил тогда Андрей. — Твое личное. Не гнать Снежку во время выезда или охоты без моего пригляда... Я помню каждое слово, что Петр мне сказал о твоей манере ездить, и помню наставление твоего отца. Я надеюсь, ты пойдешь мне навстречу в том. У одного из наших соседей молодая жена сломала себе шею, не удержавшись в седле во время прогулки. Я желаю умереть с тобой в один день, но только в старости... Я не требую, Анни, но прошу. Тем паче, Снежка внове для тебя покамест. Вам надо бы еще попривыкнуть друг к другу. *D'accord?* [\[701\]](#)

— *D'accord*, — прошептала Анна, видя неподдельную тревогу в его глазах. Понимая, как важно для него получить это обещание. — Никаких скачек сломя голову по лугам и полям. Я буду предельно осторожна.

Новая кобыла была резва, как Фудра, но Анна все же не гнала ее так, как, бывало ранее, скакала по знакомым лугам и дорогам на прежней своей лошадке. До этого времени ее толкало на то желание покрасоваться и эпатировать тех, кто рядом. Теперь, чтобы быть самой-самой из всех для того, кто был подле нее, Анне не надо было вовсе гнать лошадь во весь опор, не думая об опасностях. Она видела неподдельное восхищение в глазах Андрея своей посадкой и грацией, и теперь только его ей было достаточно, чтобы за спиной почувствовать крылья.

Давая отдых усталым и разгоряченным скачкой животным, супруги часто останавливались на лугу, особенно когда начался период уборки сена в стога, которые аккуратными шатрами были расставлены на бескрайних просторах земель имения. Анна обожала эти мгновения, когда они были настолько далеко от чужих глаз и ушей. Когда можно было смело касаться его так, как ей хотелось, в ту же минуту, как проснулось желание.

— Она безумно красива, эта кобыла, — произнесла Анна как-то, когда лежали в высокой еще не скошенной острым лезвием траве, наблюдая за лошадьми, что ходили неподалеку. — И так похожа на Фудру. Ее увели тогда... в тот день... мою красавицу Фудру.

— Я знаю, — Андрей протянул руку и убрал травинку, запутавшуюся в волосах жены. — Я видел ее. В ту ночь, когда Давыдов передал мне письма и портрет. Увы, прелестнейшее создание не было приспособлено для долгих переходов и бешеной скачки от казаков... Я помню, что смотрел на нее, едва живую, и думал о том, что что-то уходит вместе с ней из моей жизни. И вспоминал тебя. Такую яркую в том синем платье на фоне белого снега...

Анна улыбнулась, вспоминая, как улизнула от мадам Элизы в тот день, чтобы побывать на охоте и увидеть Андрея среди прочих гостей гона. Хотела поправить его, что не амазонка была василькового цвета, а только спенсер, но решила, что не стоит его прерывать. Ведь Анна так любила, когда он говорил о том, что чувствовал к ней и тогда, и в настоящие дни, упивалась каждым произнесенным словом. Как кошка в солнечных лучах, нежилась в его любви.

— У меня перед глазами стояла ты в те минуты. Как и тогда, когда на поле лежал. Меня тогда оглушило разрывом, духа лишило. Упал наземь и пролежал аж до сумерек. Чудом не задавили при атаках, коих в тот день было немало, да пулей лихой или осколком не задело. Конь укрыл своим боком, даже после смерти защищая от напастей разных. А когда пришел в себя, услышал речь французскую. Мародеры по полю ходили, обирая мертвых и добывая раненых. Я не мог им отдать ни фамильный перстень, ни твой дар. За него и пришлось схватиться с теми. Злость тогда обуяла невероятная, когда едва не вырвали его из ладони. И снова тебя видел, когда в руки Господа душу готов был отдать, моя милая... как танцуешь ты мазурку, словно бабочка порхая вокруг партнера. И концы эшарпа за спиной, будто крыла ангела. Думал тогда — последнее, что вижу. Приложили меня отменно тогда, а коли б не подоспели егеря наши, пропал бы, ей-богу... Чудо, что остался в живых, потеряв многих на том поле, кого знал и любил.

Анна представила себе поле сражения, воскрешая перед взглядом своим страшный сон, увиденный в лето двенадцатого года, аккурат в преддверии боя при Бородино. Сердце сжалось от вспышки ужаса, пронзившей иголкой. Как близко она была тогда к тому, что потерять его навсегда! Как близко от него и впоследствии ходила смерть, собирающая на полях сражений свой щедрый урожай! Прижалась к нему всем целом, обхватывая его лицо ладонями и покрывая любимые черты короткими поцелуями.

— Не смогла бы без тебя, верно... не было бы жизни тогда! — прошептала она, в ужасе думая, как бы действительно жила, если бы вести о его смерти оказались правдой. Слава Богу, Господь решил, что довольно с нее испытаний потерями! — И если бы увезли тогда, как Фудру... не смогла бы без тебя... не смогла!

— Ты думал обо мне? — спросила Анна позднее, когда тот горячий порыв ощутить под руками тепло его кожи, чтобы убедиться, что это не сон ее, а Андрей живой и здоровый под ее ладонями и губами. — После, когда уехал из Милорадово...

— Не проходило и ночи, чтобы ты не приходила в мои мысли. Днем было легче — переходы, усталость, грязь, биваки... а вот ночами... Если не приходил сон, ты вторгалась в мои мысли, невзирая на все мои усилия. По первости я все думал о возвращении в Милорадово и о нашем венчании. Я был готов открыть правду твоему отцу, что я погряз в твоё честное имя, и ныне нет пути иного для тебя, как под венец со мной. Я до последнего не мог поверить, что ты могла полюбить другого. Настолько, что готова была на scandale, лишь бы разорвать договоренность со мной.

И Анна краснела, вспоминая, как сама настояла на разрыве брачного договора, невзирая на уговоры брата.

— У меня не было иного пути. Необходимо было срочно выплатить Петрушины долги карточные. И я думала, что ты..., - Ах, злилась она на себя в который раз. Если бы знать, что Андрей в то время не был виновен в том, за что она проклинала бессонными ночами и его, и себя, и ту, другую, ставшую меж ними! Что то, о чем она думала, свершилось только спустя время, когда она сама окончательно разорвала все нити, соединяющие их. Впервые, когда Анна поняла это, захотелось надавать самой себе пощечин от злости. — Я знаю, что грудную подхватил в то время.

— Переходы долгие в сырость и холод добра не приносят, — произнес Андрей. — Я был на грани в те дни. И если бы не случайность, едва ли хворь отпустила бы из своих когтей.

Эта случайность носила имя, но Анна избегала любых упоминаний его, по прежнему ощущая легкий привкус горечи при воспоминании о том, как были близки когда-то Андрей и Мари. Ребенок... Плод пусть не любви, но плотской страсти. Свидетельство той самой наивысшей степени близости между мужчиной и женщиной, которая может быть меж ними.

Спустя некоторое время Анна отпустит от себя это воспоминание и злость на соперницу за все, что та сделала, пытаясь стать подле Андрея и удержаться на этом месте. Не Мари виновата в том, что размолвка была столь долгой, что чуть не погубила их любовь. Кроме этого, Анна вспоминала болезнь Андрея и помощь при той Мари, помимо своего желания, чувствовала признательность за это и даже несколько раз ставила свечи за здоровье той, огонь неприязни к кому она все же сумела пригасить в своей душе. Может, этот огонь погасил и подслушанный ненароком разговор, который заставил Анну несколько изменить свое мнение касательно Мари и ее поступков?

— ... убедить Марию Алексеевну..., - услышала Анна как-то вечером спустя два дня после дня венчания, когда подходила к курительной, полагая застать мужа одного за трубкой, как сказал ей один из лакеев. Но Андрей не в одиночестве, судя по голосам, тихие отголоски которых она услышала через неплотно прикрытую дверь.

Воспитание потребовало строгим голосом мадам Элизы уйти прочь. Любопытство и странная злость, вспыхнувшая в груди при упоминании Андреем имени Мари, удержали на месте.

— Ныне это удастся, — ответил ему неизвестный Анне собеседник. — Я недаром так гнал с почтовыми. Мне нужно самому привезти ей эту весть. Ведь она до сих пор питает надежды, что ты будешь свободен... все еще ждет.

— Прости, что я не открыл тебе правды сам да еще в то время, — сказал Андрей после минутного молчания. — Но это была не только моя правда. И не я имел право сказать обо всем. Прости меня за мое молчание... прости за все...

— Я не виню тебя, Андрей Павлович. По себе знаю, на какие безумства может толкать любовь. Я ненавидел тебя по минутной слабости и, будь ты в столице тогда, возможно и прислал бы картель. Но многое было передумано... я многое понял и принял. Жизнь совсем непростая штука, верно? Я никогда не думал, что отдам свое сердце женщине, обвенчанной с другим, но еще тем паче — любящей сосем иную персону. Но без надежды... я надеюсь, эта любовь умрет без надежды.

Анна устыдилась слушать далее чужие тайны, ушла от курительной, стараясь не выдать свое присутствие ничем. А после, когда уже лежала в постели и ждала прихода Андрея в покои, думала о Мари, впервые сочувствуя ей и не питая злости за содеянное той. Сейчас, когда от счастья так и шла голова кругом, Анна была готова простить все и всем, удивляясь подобной мягкости, вовсе не свойственной ей.

Наверное, оттого и чувствовала горечь от осознания прохлады между матерью и сыном Олениными, которое становилось все явственнее для нее с каждым днем. А после и сожаление от собственного поступка, который только уничтожил и без того худую видимость семейного покоя в их небольшом кружке домашних.

Анну буквально до слез доводило деланное равнодушие мадам Олениной и ее игнорирование Андрея. Эти странные реплики через иных лиц, когда ей требовалось обратиться к сыну. Эти взгляды поверх его головы, когда он отвечал матери.

Нет, никто не мог догадаться, что Андрею по-прежнему больно, спустя годы, подобные демонстрации холодной и презрительной отстраненности. Он умело скрывал эмоции и чувства за знакомым Анне вежливым выражением лица, только улыбался уголками губ всякий раз. Но Анна видела... о, она все видела! Потому и сдерживала свой норов, когда мадам Оленина стала, оставшись наедине с домашними после отъезда гостей, показывать характер и даже, как виделось Анне, завоевывать некие позиции в доме.

Следующее правило, которое было Анной нарушено — безукоризненная вежливость к старшим в семье и тихий тон при разговоре с теми. Особенно это касалось родственников супруга, которых наставляли не только уважать, но и принимать, как собственных кровных. И если по отношению к Софи, это правило Анне без особого труда удавалось соблюдать (более того, их привязанность друг к другу только росла день ото дня, проведенного вместе тем летом), то к belle-mère... Анне даже иногда казалось, что она ошиблась в тот день, когда Алевтина Афанасьевна позвала ее к себе для разговора о будущем браке с Андреем. Что никаких масок та не носит, скрывая истинные чувства, как когда-то прятала от всех свои собственные Анна, а такова истинная суть этой женщины.

Анна после не могла вспомнить, отчего вдруг нарушила это правило в день, когда Алевтина Афанасьевна вдруг первой решилась на откровенный разговор с невесткой. До того момента женщины соблюдали неукоснительную вежливость при кратких и вынужденных беседах, которые могли возникнуть за трапезой в столовой или во время пути из церкви, когда возвращались со службы. Обычно эти беседы были краткими, а суть их сводилась к обыденным пустякам, которые только и можно было обсуждать без опаски.

Но в тот день все сложилось иначе. Анна тогда прогуливалась в саду в сопровождении Глаши, которая неотступно следовала за ней по привычке, готовая к любым поручениям, и старшего садовника. Садам толком никто не занимался с года войны, сосредоточившись в основном на восстановлении усадебного дома и иных построек. А Анна к тому же нашла среди книг, привезенных в Милорадово в дорожных сундуках Андрея, несколько книг, посвященных науке экономии и хозяйствованию. Скучные научные трактаты ее не особенно заинтересовали, а вот книга одного итальянца по планированию садов увлекла, благодаря красочным рисункам и невиданным ранее, а оттого неизвестным Анне цветам. Она в тот вечер долго сидела за столом в своем кабинете, увлеченно переписывая неизвестные названия и подчеркивая фразы перевод, которых позднее хотела спросить у мужа. И тщательно вычерчивая на бумаге план обновленного сада Милорадово.

— Тебе надо увидеть усадьбу под Москвой, Раздолье, — сказал тогда Андрей с легкой грустью в глазах. — Там *tantine* собственноручно планировала сады и парк... Ей бы определенно понравилась твоя задумка, *ma chere*. План изумителен. Не устаю поражаться твоим талантам. Есть ли им число?

— Позволяешь мне внести перемены? — спросила Анна, хотя уже с самого первого момента, как он увидел ее увлеченность этим проектом, прочитала по его глазам, что муж разрешит ей внести обновления. Он же только поцеловал ее в ответ и помогал ей после с необходимыми переводами. Кроме этого, поручил управляющему в подмосковном имении составить список растений, саженцы которых можно было доставить в Милорадово. И перенести те растения, доступные для того, что росли в уже заброшенном саду Святогорского, ставшего печальным памятником разрушений, которые принесла с собой война 1812 года.

Именно в парке, где с некоторых пор пропадала Анна, и нашла невестку Алевтина Афанасьевна в одно утро августа. Анна с легким удивлением наблюдала небольшую процессию с ней во главе, ступающую в ее сторону в направлении от усадебного дома. Девки, несущие большой зонт от солнца над барыней или сумочку с солями, платком и прочими вещицами, что могут той понадобиться на прогулке. Лакей, тащивший позади всех тяжелое курульское кресло, которое по знаку Алевтины Афанасьевны поставили на траве в тени раскидистой зелени сирени. И сама мать Андрея — в легком капоте поверх летнего платья и чепце с широкими полосами оборок, скрывающими ее лицо от прямых лучей солнца.

— Вы звали меня, *madam belle-mere*? — опустилась перед ней, сидящей важно в раскладном кресле, Анна, которую привела сюда одна из девок Алевтины Афанасьевны. Та важно кивнула, а после махнула рукой дворовым, прогоняя прочь от себя, чтобы не слышали ни слова из разговора, который предстоял ныне ей и невестке.

Анна не могла не отметить каждую деталь из этой мизансцены, тщательно продуманной Алевтиной Афанасьевной — снова та сидит, гордо подняв голову, а Анна же вынуждена стоять напротив, словно провинившаяся в чем-то девка перед барыней.

— Вы, верно, ведаете, что нынче грядут перемены для кое-кого в усадьбе, — начала издали мать Андрея, и Анна сразу же поняла, зачем та нашла ее для беседы. — Ваш мальчик. Я думала, что Андрей не дойдет до этой глупости, но ныне! И эти работы в комнатах мезонина... Неслыханное дело взять в дом этого мальчика! О чем вы только думали, когда просили о том моего сына? Я знала, что этим и закончится дело!

— Решение о том, что Александр Петрович и мадам Элиза будут жить в комнатах

мезонина после летней поры, принадлежит не мне, — ответила Анна, ни в одном слове не обманывая свою собеседницу. Она твердо решила еще до дня венчания, что ее племянник останется с бабушкой жить во флигеле, понимая, что смелостью для нее будет просьба об ином. Но однажды за завтраком около седмицы назад, Андрей вдруг удивил всех домашних, когда объявил, что покои в мезонине будут под работами до конца лета, а когда эти работы закончатся, их займут Сашенька и мадам Элиза.

— И прошу не возражать мне не единым словом, — проговорил Андрей, переводя взгляд с жены на мать, уже готовых для ответа ему. — Отбрасывая в сторону суть родственных отношений, даже простая экономия дров холодным временем говорит, что это наипразднейшее решение. Александр Петрович будет жить в усадебном доме и разделит детские покои с моими будущими детьми, коли в Милорадово будут те. Препон для иного я не вижу.

Тон его голоса говорил, что решение окончательное и не подлежит обсуждению, и никто за столом не осмелился возразить ему. Только после Анна попыталась уговорить мужа, когда они остались наедине, понимая, как неприятно может быть его матери присутствие Саши, и какие толки снова поползут в отношении Андрея по округе. Тогда она впервые поняла, что Андрей может быть так тверд в своих решениях, что ничем, даже лаской и обещаниями невозможно было сдвинуть его с намеченного. Быть может, еще и оттого и стянула чепчик с Сашеньки в церкви на следующий день — защищая Андрея от возможных сплетен и толков, которые он вызывал своим решением.

И нынче утром, спустя некоторое время после того объявления за завтраком, в мезонине начались работы. Потому и решила Алевтина Афанасьевна на этот разговор.

— Неужто? — едко спросила Анну мать Андрея. — Все едино! Даже если не было и просьбы вашей о том, Андрей творит безумие сущее. Вера Александровна со мной бы согласилась.

— Быть может, — не стала спорить Анна.

— Вы должны убедить Андрея, что это решение неверное, — требовательно произнесла Алевтина Афанасьевна. — Вы просто обязаны это сделать. Вашего поступка в церкви недостаточно для того, чтобы заставить шепотки умолкнуть. Пока этот мальчик вхож в круг наш, они никогда не прекратятся...

— Я уже говорила с Андреем. Он не желает менять решения.

— Так принудите его к тому! — вспыхнула вдруг Алевтина Афанасьевна. — Я знаю, вам это по силам! Вы завладели им всем без остатка, что он ныне как слепой у поводья на привязи! Что не слушает никого и не видит очевидного!

Когда эмоции овладевают человеком, трудно удержать привычную маску на лице, Анна понимала это, как никто иной. И если бы не знала этого, вряд ли бы успела увидеть на лице своей собеседницы целую гамму эмоций, мимолетно мелькнувших. Снова почувствовала отчего-то так близко к этой женщине, как была тогда, в тот единственный день, когда почувствовала по наитию ее слабости, отменно скрываемые за маской холодного равнодушия и презрительной злорадности.

— Вы боитесь потерять его... боитесь, что он может кого-то принять в свою жизнь, и этот кто-то вытеснит вас из нее, — медленно проговорила Анна, словно прощупывая путь, по которому ей надлежит ступать сейчас в разговоре. — Любая мать боится этого, я полагаю...

— Вздор! — оборвала ее Алевтина Афанасьевна. — Никому не под силу вытеснить мать

из жизни сына!

— Если только она сама не способствует тому.

— Да как вы смеете говорить со мной в подобном тоне! — как и ожидала Анна, буря, последовавшая за ее словами, произнесенными холодным и резким тоном, не заставила себя ждать. — Вы младше меня годами едва ли не вдвое! Ваш тон неподобающ вовсе для разговора со мной! Вас надо было сечь в детстве, выбивая всю дерзость, что так и не сойдет до сих пор ни с языка, ни из глаз ваших! Что вы понимаете, в ваши-то годы и по вашему уму?!

— Я понимаю, что вы своими поступками рушите то, что даровано вам Господом — любовь вашего сына к вам. Единственного сына! И вы делаете ему больно, упиваетесь его страданиями. Словно вам удовольствие она приносит... словно вы караете его за некий проступок.

— Вы не знаете много, моя дорогая, — отрезала Алевтина Афанасьевна. — Вам ли судить о том, кара это или нет...

— Вы ошибаетесь, — возразила Анна, с трудом сохраняя хладнокровие сейчас, когда схлестнулись меж собой два упрямых нрава, в чем-то даже схожих. И пытаюсь не показать той, насколько ей важен этот разговор, и как она сама страдает от отношения Алевтины Афанасьевны к сыну. — Я знаю вашего сына. Андрей — самый лучший человек из всех, кого мне довелось повстречать на своем жизненном пути. И я знаю все. Он сказал мне. Меж истинно любящими не может быть тайн и недосказанностей.

— Какое заблуждение! — фыркнула та. — Милочка, не уверена, что это так.

А потом замолчала, заметив в глазах Анны, что она вполне уверена в том, что говорит. И даже последующих слов Анны, что она знает о том злополучном утре, расколовшем семью на две половины. А значит, и о том кушаке... Что меж ней и мужем нет тайн.

— Глупо доверять свои самые сокровенные тайны иной персоне. Особенно супругу, милочка, — проговорила Алевтина Афанасьевна, пытаюсь собраться с силами для очередной атаки. — Разве таково правило семейного счастья? Коли вы станете книгой открытой для супруга, так и наскучите вскорости. Кто ж пожелает перечитывать роман, коли известна каждая строка? И потом — неужто вы истинно уверены, что с вами были столь же откровенны, сколь и вы? переспросила Алевтина Афанасьевна, и Анну обдало холодом в этот летний жаркий день от того, что она распознала в голосе, который она слушала сейчас. — Вы истинно думали, что он был с вами откровенен? Helas!^[702] Я не хотела вас разочаровывать, милочка, но вы же сами желали знать правду... Слушайте, милочка, слушайте! А после еще раз повторите мне, что у вас нет тайн друг от друга. Причиной всему был кушак, я полагаю, вы знаете то. Что он вам сказал? Что это был новый кушак? Что рауврете Надин^[703] могла угодить в ловушку, а он пожелал спасти от того краха, что назревал в семье, назвавшись любовником ее? Нет! Нет и нет! Кушак был стар. Кушак был офицерский. Второй. Их было два! Вы слышите? Один был нов. Другой был ношен.

Алевтина Афанасьевна скривила губы некрасиво, словно удерживалась в этот момент от слез, вспоминая то утро и дни, что произошли после. Дни, когда она воскрешала в памяти былое, анализировала и пыталась понять, что послужило той самой отправной точкой, после которой уже ничего было не изменить.

— В тот момент я возненавидела люто. Сильнее ненависти не было, верно, даже прежде во мне, которая имела мало причин для любви к тем, кто подле меня, — Алевтина Афанасьевна взглянула искоса на бледную Анну, словно пытаюсь определить эффект,

который произвели ее слова на ту. А потом спросила отрывисто и прямо. — Вы по-прежнему готовы повторить то, что сказали мне недавно? Вы по-прежнему верите ему?

Анна распознала насмешку в ее голосе и заставила себя распрямить плечи, гордо вскидывая голову. А еще ее ухо уловило в голосе Алевтины Афанасьевны какую-то странную нотку, которая все время ускользала от осознания Анны, как бы та ни пыталась сейчас узнать ее, отвлекаясь на это занятие от горьких мыслей, что Андрей сказал ей не все в тот день. Почему? Почему не открылся ей полностью, хотя она чувствовала совсем иное? Почему утаил от нее? Обманул...? Его кушак или нет? И если его, то это означало только, что...

— Я готова повторить каждое слово из сказанного, — твердо произнесла Анна, озвучивая в этот момент то, что рвалось из души. — Он сказал мне, что честен перед братом, и я знаю, что это так, мадам. И если бы вы знали его, если бы любили его, если бы верили ему хотя бы в сотой доли, как я...

— En voilà assez! ^[704] — прервала Анну Алевтина Афанасьевна резко. — Вы снова ступаете по грани, что идет меж оскорблением и красноречием. Вам, милочка, следовало бы учиться полемике. Мне и сестре моей покойнице, помнится, давали уроки ведения искусной беседы. Но признать следует, что я ленилась слушать учителя, хотя, как вижу, перед вами мастерицей смело назовусь... Искуснее, милочка, искуснее, тем паче, когда будете в сезон выезжать. Вам следует прежде реплики провести счет мысленный до пяти единиц. Это вам совет из моего бывшего учения. Добрый совет, заметьте! Вы слишком provinciale, Андрей будет только краснеть за вас в Москве или в столице...

— Мы говорили не о том, — напомнила Анна своей собеседнице. Не давая увести в сторону беседу, что ты пыталась сделать ныне, упоминая возможный отъезд из Милорадово. Ведь знала, что Анна невольно встревожится этой вести, помня о том, как бежала несколько лет из Москвы, сопровождаемая шепотками и смешками.

— D'accord, — произнесла belle-mere. — Об ином. Вы говорили, что верите своему супругу... несмотря на то, что ныне вам открыта сущая истина.

— Верю, — подтвердила Анна также твердо, как и ранее, глядя прямо в глаза Алевтине Афанасьевне. Можно было промолчать. Не рисковать чужим именем, которое по-прежнему оберегал Андрей, опасаясь ответной реакции матери. Но Анна внезапно поймала себя на мысли, что ей все едино до судьбы вдовы Бориса, так опрометчиво разыгравшей карты своей жизни и когда-то предавшей Андрея. О девочке, маленькой племяннице Андрея, она же забыла вовсе, когда ее захлестнул порыв злости на женщину, сидящую перед ней по-королевски в кресле. На то, как та может быть несправедлива к собственному сыну, не зная, как полагала Анна, всей правды, как должна была.

— Он не делал этого, — сорвалось с губ прежде, чем Анна успела хорошенько подумать, уязвленная поведением своей собеседницы и в какой-то мере — даже ее уколами. — Он не делал того, что вы ставите ему в вину. Не было предательства брата единоутробного! Андрей слишком благороден и слишком честен, дабы совершить грех под кровом своей семьи и тем паче — по отношению к своему брату. Вы же знаете, что он не способен на предательство! Вы же знаете...!

А после замолчала, вдруг прочитав по лицу Алевтины Афанасьевны, что не ошиблась в своих утверждениях. Мать прекрасно знала собственного сына. И знала то, что Андрей не виноват ни в чем — ни перед братом, ни перед честью семьи.

— Вы знаете, — уже растерянно повторила Анна, не понимая, как дальше вести

разговор. Теперь, когда она утратила последний козырь, который имела перед этой женщиной в стремлении оправдать Андрея в ее глазах. — Тогда почему...?

— Почему? Я скажу вам, раз откровения начались... Да, я знаю, что Андрей не виновен пред братом. Знаю, потому что всю свою жизнь провела подле такого человека, как он. Он никогда не предаст, даже когда душа и тело будут просить обратного. Требовать этого! Никогда! Честь и благородство! Даже в ущерб своему его, своему будущности. Таков Андрей! Хоть и видела я, как он тянется к этой femme, и какая пытка для него быть с ней рядом и не с ней! И как он слабину готов был дать, я тоже видела. Потому и удалился вон из дома — лишь бы далее от соблазна. От нее! А ведь он все-таки позволил себе вольность, да, ma chere. Было то! Легкое касание, которое могло распалить пожар страсти, но которое заморозило благородство.

Алевтина Афанасьевна выделила последнее слово. Словно плюнула его с языка, настолько она не любила его с некоторых пор.

— Он остался честен по отношению к своему брату. Но предал меня. Дивитесь? Меня он предал, а этого предательства я простить и принять не в силах...! В то утро решалось на чьей стороне ему быть. И он выбрал ее. Зная, что я en opposition [\[705\]](#). Он выбрал ее! Не мать!

— Как вы можете говорить так? — изумилась Анна этой жестокой слепоте матери. — Теперь мне многое ясно после ваших слов. Да, вы были правы. Андрей открыл не всю правду. Он до последнего как мог, даже от меня скрывал от меня то, что могло бросить тень на женщин, которых он когда-то решил беречь от любых невзгод. И это не только Надин. Это вы! Ведь это вы — начало всей этой интриги с кушаком! — и по дернувшемуся в мимолетном удивлении, отразившемся на лице, уголку губ поняла, что попала в точку со своим смелым предположением, которое пришло ей в голову еще тогда, когда Андрей рассказал ей эту историю.

— Вы решили убрать Надин из вашего дома, выслать в деревню прочь от вас и старшего сына. Я не хочу даже думать о причинах этого поступка. И не хочу думать о нем вовсе. Потому что единственное, что меня волнует при этом — это Андрей. Его чувства и его душевный покой. А вы тревожите его... своим нежеланием простить и забыть былое. Карая его за его собственные грехи и за грехи того, кого вы до сих пор не можете простить...

— Знать, не только у вашего супруга был миг откровенности внезапной! — прошипела уязвленная Алевтина Афанасьевна тем фактом, что Анне, стоящей перед ней, известно то многое, что она безуспешно пыталась забыть и что разъело ей душу ненавистью за эти годы.

Анна подавила в себе укол совести при этих словах и той горечи, что почувствовала при них. Да, какая-то часть ее жалела сейчас женщину, сидящую напротив, растерявшую под гнетом прошлого, навалившегося внезапно при упоминании того, что она и не планировала услышать от Анны. К этой жалости примешивалось и чувство вины перед Марьей Афанасьевной, что заговорила о той откровенности, которую ей когда-то доверили. Хотя утешала себя, что слова молчать с Анны Марья Афанасьевна не брала.

А еще Анну мучило осознание того, что этот разговор, обнажающий старые раны, навсегда лишит ее возможности иметь с belle-mere те отношения, что положено иметь, вступая в новый род супруга. Но и промолчать не могла, имея на весах цель, к которой стремилась сейчас, заводя разговор о прошлом. Пусть ее возненавидит еще пуще Алевтина Афанасьевна, пусть лучше на нее перекинёт всю свою ненависть, которую столько времени подпитывала в душе. Но Андрей...

— Я видела рисунок в медальоне Марьи Афанасьевны. Андрей удивительно схож

чертами с покойным отцом. А глаза у него — теткинны, верно? И это сходство... именно это сходство причина вашей нелюбви к нему. Я готова биться с вами об заклад, что Борис Павлович не имел подобного сходства или лишь в малейшей степени. И Софи... она тоже не особо схожа. А вот Андрей... И дело не только во внешнем виде. Он самой сущностью является воплощением своего отца, насколько я поняла из слов Марьи Афанасьевны. И именно это стало его проклятием! Потому что вы перенесли на него все обиды, что носите в душе своей. А тот случай... Он лишь подарил вам причину для оправдания вашей холодности к сыну. Вы сами сотворили ее... И сами питаете ее каждый Божий день. Алевтина Афанасьевна, неужто вы не видите, что Андрей вовсе не тот, каким вы видите его?! Он же ваш сын. Довольно чинить ему боль! Если не можете любить его, то хотя бы держите себя в рамках благочиния и вежливости. Вы говорите, что вас тревожат глаза и уши иные, так для чего вы сами даете пищу для толков? Неужто не в силах хотя бы вежливую беседу вести? Хотя бы короткими репликами поддержать ту? Ведь даже того ему было бы достаточно ныне, поверьте мне. Он ваш сын, и питает к вам нежность, не оглядываясь на обиды. И всегда будет защищать вас. Даже передо мной. Как всегда будет защищать тех, кого любит от любых напастей и бед, от дурного слова и обид. Как же вы можете говорить, что он en opposition к вам?

А потом смягчила тон голоса, видя по лицу Алевтины Афанасьевны, насколько ныне пробита ее привычная броня из равнодушия и высокомерия. И насколько она стала выглядеть мягче и беззащитнее, когда растеряна и не знает, как ей следует реагировать на то, что слышит.

— Отпустите свое прошлое. Да, быть может, есть вина и тех, кого вы вините, что так сложилось в вашей жизни, но и вы сами виновны в том не меньше. Ведь большая часть творится нашими руками, и лишь толика в иных. Отпустите обиды, что гложут вашу душу поныне. Их груз способен разрушить то прекрасное, что только может случиться в вашей жизни, поверьте мне. Я как никто понимаю, насколько то, что застит глаза, может повлиять на судьбу нашу... всего лишь шаг навстречу... лишь одна попытка отпустить прошлое и забыть обиды...

Алевтина Афанасьевна тряхнула головой, словно пробудилась от сна наяву, в котором пребывала во время всей речи Анны, а потом резко поднялась, опираясь с усилием на подлокотники кресла. Анна шагнула к ней, желая предложить свою помощь, но мать Андрея выставила против нее руку, ограждая себя этим жестом от ее нежеланной для нее помощи.

— *Laissez-moi!* ^[706] Я довольна выслушала нынче! Я не ошиблась — вы дурно воспитаны, в вас столько provincial, что я даже рада отставке Андрея Павловича от двора. Видит Бог, даже думать боязно, сколько бед вы принесете в копилку тех, что уже подарили, — бледная в тон белоснежным оборкам чепца, Алевтина Афанасьевна хлестала словами наотмашь, пытаясь нападением защититься от той, кто вторглась в ее жизнь и в ее душу без позволения на то. — Я надеюсь, что вы все же оставите свои привычки и свою непосредственность provincial. Для блага нашей семьи... И вам не стоит так ярко радеть о благополучии ее. Как супруга сына моего, вы должны только о той стороне жизни его хлопотать, коя вам отведена. Остальное вне ваших хлопот! Не смейте забывать о том!

Анна не стала в этот миг удерживать ее. К барыне подскочила одна из девушек, подала руку, чтобы барыня оперлась на нее. А затем постепенно вокруг них собрались и остальные девушки, что ждали в отдалении, потянулись хвостом за Алевтиной Афанасьевной к дому. Высокий лакей без особого труда поднял кресло и унес его. Все стало, как прежде —

солнечный день, пение птиц, наслаждающихся летним теплом, тихий шелест листвы над головой и за спиной Анны, дивный аромат цветов. Словно и не было этого разговора, а мадам Оленина не сидела перед Анной недавно.

Но Анна ясно видела примятую траву в том месте, где стояло кресло той, платок, нечаянно оброненный из широкого рукава легкого капота и сиротливо лежащий среди зелени лета. Уходя, Алевтина Афанасьевна наступила на него, чуть вдавливая его, оставляя след от каблука на ослепительной белизне тонкого полотна. И Анна стояла еще долго на этом месте, глядя на этот след, думала о том, что зря, скорее всего, поддалась соблазну переубедить ту, что столько лет лелеяла в себе ненависть и тщательно запоминала все причиненные ей обиды.

Когда она вернулась в дом из парка, то застала удивительную суматоху среди домашних слуг, суетящихся за приготовлениями к отъезду. Алевтина Афанасьевна уезжала, забирая с собой Софи и свою компаньонку, как сообщили Анне. Еще до рассвета должны путницы покинуть Милорадово, чтобы успеть до жары покрыть наибольшее расстояние. То, что не успеют упаковать в дорогу, по распоряжению Андрея отправят в Агапилово, которое принадлежало его матери по его воле еще с 1811 года, позднее с необходимыми запасами, которые на подводах повезут в Калужскую губернию через несколько недель, по началу осенней поры.

— Это я виновата. Это только моя вина, что так вышло, — плакала тогда Анна на плече Андрея. Тот гладил ее по растрепанным локонам, по плечам и спине, пытаясь успокоить.

— Нет, моя милая, не твоя в том вина, — уговаривал он ее. — Порой не соединить то, что разбито, как ни прикладывай. И как ты можешь навредить в том, что уже давно было неладно? И потом — разве ж ты не добила своего? Матап не писала своей рукой ко мне уже несколько лет, а тут записка...

Но он не скажет ей подробно, не желая огорчать еще больше, что было в том письме, которое ему написала мать. В том послании Алевтина Афанасьевна в подробностях написала, насколько недостойную супругу Андрей выбрал себе в жены, насколько невоспитанную и без того лоска, что должен быть у истинной женщины их круга. Кроме этого, она просила, чтобы Андрей приложил усилия придержать свою супругу от некоторых дел, особенно если они касаются семьи Олениных.

«...Будущность Софи исключительно в моих руках, и никому не позволю вмешиваться в сие дело. Я видела все попытки вашей супруги вести сводничество в отношении monsieur Kuzakov, будто купчихи какой, но до поры позволяла ей это, полагая, что зайти далее положенных рамок для нее не должно. А ныне вижу, как опасно безрассудна ваша супруга, как дурно воспитана она... Вы обязаны взять ее в руки ради всеобщего покоя и мира в семье», упирала Алевтина Афанасьевна, намекая на возможный путь, которым Андрей сможет заслужить ее благосклонность. «Добрый муж всегда должен учить свою жену, как неразумное дитя, коим я ныне вижу вашу супругу».

«Я люблю ее и принимаю таковой, каковой она является. Я люблю всю ее сущность, мадам, со всей ее неразумностью дитя и горячностью», написал тогда Андрей в ответ в короткой записке, полной вежливых сожалений, что мать приняла решение покинуть его дом. И только получив эту записку, Алевтина Афанасьевна приказала начать сборы.

— О Господи! Ну, почему я не смогла промолчать? Почему мне надобно было все это? — не унималась Анна и тут же отвечала сама. — Не могла смотреть на то, как она день за днем мучает тебя, мой милый... терзает твое сердце. Ведь самое дорогое для меня — твой

покой душевный, благодать и радость...

И приникала к нему с готовностью, когда Андрей горячо обнимал ее, тронутый ее очередным признанием.

— Ты позволишь ей уехать? — спросила Анна той же ночью, когда лежала в его объятиях не в силах уснуть, невзирая на усталость в теле.

— Позволю, — ответил Андрей. — Так будет лучше, моя милая, поверь мне. Я уже не младенец, не отрок неоперившийся. Уже давно вылетел из гнезда.

Все едино, упрямо думала Анна, утыкаясь носом в его широкое плечо. Разве Богом не заведено, что с самого рождения мать заботится о своих малышах? Разве нет в ее сердце той искры, которую Анна сама вдруг почувствовала нынче утром, когда Пантелеевна наконец заговорила о том, чего ее питомица ждала уже два месяца?

— Милочка моя, касаточка моя, — улыбнулась хитро Пантелеевна, заговорщицки шепча едва ли не в ухо ей, чтобы не услышали другие. — Я за бельем-то послеживаю... Глашке-то можно ль то доверить? Еще деньков с троицу подождем, а потом и супружника-то можно обрадовать. Ой, касаточка моя, детонька... махонькая моя голубка... как же ты да с дитем-то уже? Ведь только сама недавно, кажись, в люльке-то была!

Хранить молчание Анна никогда не умела, и первой же мыслью было вернуться обратно в спальню, где Андрей облачался в костюм для верховой езды, планируя выехать нынче в поля понаблюдать за жатвой. Анна с той минуты словно на крыльях парила. Да только тот выехал уже, и ей пришлось только улыбаться всем загадочно, пытаясь изо всех сил молчать. И словно на крыльях парила, одухотворенная этой тихой радостью и ожиданием момента, когда скажет Андрею о предположении Пантелеевны. Парила, пока не нашла ее в саду Алевтина Афанасьевна...

Вернется ли *belle-mere* к ним в дом, или этот отъезд окончательный? Андрей уже давно соскользнул в глубины сна, а Анна все лежала рядом с ним, борясь с соблазном разбудить его и открыть тайну, которую так бережно хранила весь день. Чтобы хоть как-то сгладить все тревоги и напасти, что свалились на них. И чтобы ушла та морщинка, пересекающая его лоб, словно даже во сне Андрей был чем-то озабочен.

Она не сумеет промолчать. Еще до рассветного часа, когда стукнет в двери спальни Глаша, пришедшая будить хозяев, чтобы те успели проводить уезжающих из Милорадово близких, Анна снова заметит эту морщинку на лбу и, прижав его к себе изо всех своих силенок, прошепчет в ухо свою новость. И улыбнется довольно, купаясь в том свете, который прольется на нее из его глаз, когда Андрей сначала с неверием, а после с нежностью заглянет в ее сияющие от счастья глаза...

А позднее проводит свою *belle-mere* в долгий путь до Москвы и далее в Агапилово, ощущая покой в душе, которого была лишена с момента того разговора. И странную уверенность, что она непременно отыщет пути к заветной цели, которую поставила перед собой. Алевтина Афанасьевна должна ради семьи усмирить свою гордыню. Мать должна снять груз былых обид, что взвалила на плечи сына... «Не мытьем так катаньем», говаривала о знаменитом упрямстве Анны Пантелеевна. Алевтине Афанасьевне только предстояло познакомиться с натурой Анны, не признающей поражений в своих задумках...

— Осторожнее с залпами, *ma chere Anni*, — прошепчет ей в ухо муж, когда поезд из двух карет покатится по тенистой аллее прочь от Милорадово. — Я, конечно, всегда готов залечить твои раны, *ma petite flame*, но хотелось бы от всей души, чтобы их было поменьше... и чтобы слез было поменьше...

И уже на ступенях дома, готовясь увести жену в прохладу усадебного дома, коснется губами ее ушка, шепча тихо:

— Я люблю тебя, моя милая...

— Не больше, чем я тебя, — так же тихо ответит Анна, глядя в его глаза. И нахмурится недовольно, когда он кивнет ей в ответ:

— Верно, ты любишь больше...

— Ах, неужто?! — тут же вспыхнет она от недовольства, досадуя на этот ответ. Только когда он рассмеется, поймет, что он ее дразнит, от души забавляясь ее вспыльчивостью. Поймает ее кулачок, которым она ткнет его в плечо. Зацелует каждый маленький пальчик ее, которые спустя некоторое время в тишине спальни за задернутыми шторами будут играючи бегать по его коже.

И никогда не отпустит их из своей ладони. Эти тонкие маленькие пальчики, такие хрупкие в его большой ладони...

Декабрь, 1818 год

Милорадово

Анна приложила эспри из трех пышных перьев разной длины к узлу из волос на затылке, который аккуратно уложила недавно Глаша, покрутила головой из стороны в сторону, любуясь своим отражением в зеркале. Улыбнулась ему — сначала радостно от того, что перья пощекотали обнаженное плечо, а потом уже чуть свысока, с осознанием собственного достоинства, но в то же время в рамках учтивости.

Шелк лавандового цвета переливался в свете свечей при каждом ее движении. Блеснули яркими мимолетными искрами бриллианты в ее ушах и в ожерелье на ее шее, а также мелкой россыпью в перьях эспри. У Анны снова перехватило дыхание от восторга этой искусной вещицей, которую сегодня поставил в ларце у ее изголовья, уезжая рано утром на охоту, Андрей.

Она бы тоже непременно приняла в той участие, от души наслаждаясь бегом лошади через белоснежные просторы полей и лугов, которые заботливо накрыла зима пышным полотном. Но ныне снова носила под сердцем дитя, а посему по негласной договоренности супругов, а также по памяти рекомендации доктора касательно прежней тягости выезды верхом для нее были исключены.

Анна выезжала позднее, в санях, как и остальные гости, что были в Милорадово в эту рождественскую пору, когда уже будет загнан зверь, а на утопанной заранее площадке на поле близ леса поставят столы с угощением для охотников и тех, кто пожелает разделить с ними успехи гона. Потому она могла поспать подолее в это зимнее утро, что и делала, когда Андрей поставил ларец на столик и ласково провел губами по линии от ее уха до подбородка. Жаль, его шепот она не разобрала спросонья, только тихий смех, когда она по привычке, еще толком не проснувшись, подставила губы под его поцелуй одновременно бормоча, что он сущий истязатель, коли будит ее так рано после вчерашнего ужина...

Она вспомнила это, и снова в душе разлилось тепло, как всякий раз было, едва Анна думала о муже. Подавила легкую досаду, что он не подошел, как бывало, к ней сейчас со спины и не коснулся губами обнаженного плеча или шеи. Она обожала читать восхищение ее красотой в его глазах, оттого ныне и не сумела не почувствовать легкое раздражение, что Андрея нет рядом. Хотя... ей всегда было не по себе, когда его не было рядом. Потому и без особого труда следовала их третьему правилу, которое они озвучили в числе прочих после дня венчания.

Всегда быть подле супруга по возможности. Не расставаться долее, чем несколько дней, коли так требуют обстоятельства. И Анна даже поехала на сезон прошлого года в Москву, оправившись после родов, когда Андрей был вынужден быть там. Государь провел зиму 1818 года в городе, пострадавшем от французов более всех в империи и готовился показать себя в новом блеске, восстав словно Феникс из того пепла, в который был обращен в 1812 году. И как написали Оленину друзья, по-прежнему служившие при дворе, Александр I был бы рад увидеть полковника во время визита в Москву.

— Ты бы желала этого? Жить в Петербурге. Быть вхожей в самые-самые круги знати, что только в столице есть, — спросил Андрей в вечер, когда получил письмо, и добавил, целуя Анну в шею прямо под линией волос. — Стать самой-самой в Петербурге... покорить

всех, как здесь... Желала бы?

— А ты? Ты бы желал вернуться в столицу? — спросила Анна, вспоминая, как ценила Алевтина Афанасьевна положение и чин сына, и как высоко тот стоял после похода во Францию. Ей рассказывал о том Кузаков. Чин генерала, бывший уже почти в руках. Золотое шитье эполет. Близкое положение к государю и его окружению. Предел мечтаний любого в империи...

— Ты бы желал вернуться туда? Ведь ты там провел столько времени! Тебе, верно, непривычно в деревне после столицы...

— О нет! — рассмеялся Андрей. — Я толком-то и не был в столице, если оглянуться на годы позади. То походы, число коих было немалое, то учения за пределами города. А балы... мне во сто крат милее наши, provincial, как бы их назвали. Ведь тут все иное... и тебе здесь нравится более, верно?

Но Анна опасалась, что Андрей поддастся все же соблазну вернуться в ту прежнюю жизнь, которая была изменена по ее вине. И если он решит так, то она не скажет ни слова против, все еще ощущая вину за те перемены. Пусть и не острую, как прежде, но все еще ощутимую.

Хотя была вынуждена признать, что ей нравятся городские балы и рауты, которые они посетили в сезон 1815 года, когда остановились в Москве по пути в подмосковное имение Раздолье, куда Андрей обещал свозить Анну поглядеть сады и парк, разбитый лично Марьей Афанасьевной.

А еще приближалась очередная годовщина кончины графини, и Андрей должен был непременно навестить ее могилу в ближайшем монастыре. Анна тогда не смогла сдержать слез, когда увидела мраморный барельеф на надгробной плите — женский профиль, олицетворяющий по замыслу ваятеля саму скорбь в наброшенном на голову покрывале. Она и так стала чувствительна в том положении будущей матери, в котором приехала поздней осенью в Раздолье, потому неудивительно, что символ горя вызвал в ней тихие, но неудержимые слезы. Как и весть, что собачки графини, ее неизменные спутницы, не выжили без своей хозяйки — умерли одна за другой.

— Жаль, что ее нет рядом с нами, — сказала Анна от чистого сердца Андрею во время обратного пути из монастыря, когда сумела все же успокоиться в его объятиях. — Она была такой... такой... Мне так не достает ее ныне!

Ах, если бы Марья Афанасьевна была жива, она непременно помогла бы Анне в той ситуации, что была в семье Олениных! Но ей казалось, что все только становится хуже, и даже весть о предстоящем прибавлении в роду, не способствовала сближению. По письмам Софи, которые те писала к Анне, она понимала, что Алевтина Афанасьевна ничуть не охладела в своем гневе на вru. Но она упрямо каждую седмицу отправляла письмо не только сестре Андрея, но и его матери, описывая по сути пустяки из обыденной жизни и притворяясь, что нет разлада. А еще она раз за разом писала истории из жизни Андрея, которые когда-то узнала сама от старой графини и от него самого о периодах жизни за пределами России. Знакомые помогут вспомнить, думала Анна, а незнакомые покажут матери того Андрея, кого та может и не знать.

Ответа ни на одно письмо Анна так и не дождалась. Даже на то письмо, полное тревоги и плохо скрытого страха, когда доктор выразил озабоченность течением ее тягости. Нет, разумеется, ей ничего не сказали напрямую и открыто в тот визит, только нахмурили лоб, слушая стук ее собственного сердца через трубку, а после и сердечко младенца в ее утробе.

Но она поняла по глазам доктора, что что-то идет не так. И даже уверения Андрея, что это не так, что все с ее здоровьем «pas mal» ^[707] («Значит, плохо», услышала только последнее слово Анна), что доктор только рекомендует ей отдых и снижение активности, как и любой иной женщине в ее положении.

Анна до сих пор помнила крики, которые сотрясали флигель, когда рожала Полин маленького Александра, слабость младенца и скорое крещение, дабы отвести смерть от крохи. Но особенно она помнила тот страшный момент, когда Господь забрал Полин. Ее судороги, ее бледность, ее постепенно ухудшающее здоровье во время тягости.

С той поры письма Анны поменяли характер. Она то не скрывала жалости к себе и страхов перед будущими родами и писала к Алевтине Афанасьевне с «la demande dernière» ^[708], то злилась на нее за подобное бездушие и холод к ее положению. Смешно вспоминать ныне, но тогда Анна стала совершенно невыносимой, и своими страхами довела до приступов истерии даже Веру Александровну, которую одним из своих писем убедила в собственной скорой смерти.

Именно в те периоды усадебный дом в Раздолье, где остались Оленины до родов и на первое время после, стали сотрясать ссоры (нет, Анна никогда не признается никому, кто был истинный зачинщик этих некрасивых стычек). Тогда Анна с удивлением узнала, что Андрей не всегда бывает спокоен и тих при выяснении отношений, что его сложно, но все-таки можно вывести из себя.

Правда, он повысил на нее голос всего единожды за то время, но, видит Бог, тот крик... Она запомнила его надолго. Оказалось, что Андрей тоже может гореть в пылу ссоры не менее ярко, чем она, а крик его намного громче, чем ее. И страх, в котором он признался первый, вынуждая ее открыться в собственных страхах.

— Я клянусь тебе жизнью своей, что доктор ни единого слова не сказал о твоём худом здравии. Que non! ^[709] Но он утверждает ныне, что ты сама себя губишь. Своей истерией, которую она наблюдает в тебе. Взгляни на себя! Ты извечно недовольна всем! Ты кричишь на всех! Ты упиваешься чужими слезами и моим гневом. Что с тобой, Анна? Ты меня уже не единожды упрекнула равнодушием к тебе. Меня! Неужели ты думаешь, что если бы была хотя бы малейшая опасность для меня потерять тебя, то я бы не изыскал пути, чтобы предотвратить это?! Да тут толпами ходили бы эскулапы! Я бы добился приезда в Раздолье лейб-медика, коли надобно бы было! Я бы все сделал! Все! Но этого не надобно... И акушерка, и доктор, что наблюдали тебя едины во мнении — все идет своим чередом. Желаете — привезу господина Мантеля? Ему поверишь? Что мне сделать, в конце-то концов?! Что мне сделать, Анна, чтобы ты больше не впадала в свои приступы? Анна! Что мне делать? Ты изводишь себя этими приступами! Доктор обмолвился давеча, что возможна даже потеря разума... если не сейчас, то после... Анна, умоляю тебя! Ты же сама вредишь себе! Что с тобой?! Господи, что с тобой?!

А она тогда смотрела на него, кричащего в голос, полного гнева и какой-то странной растерянности, и понимала, что впервые видит его таким. И что ощущает отчего-то не страх перед его рыком, который ушел спустя первые минуты, а приступ сдавливающей ныне ее горло острой любви к этому человеку, в глазах которого она читала страх за себя.

Мгновения пылающего гнева Андрея завершились, как и остальные ссоры, их объятием. Анна всегда первая обнимала его, обвивала своими руками, зная, что близость быстро погасит гнев и неприятный привкус ссоры. Но в этот раз она цеплялась за него сильнее обычного.

— Почему ты мне не веришь более? — спросил, утыкаясь в ее волосы, Андрей, и она покачала головой.

— Я не верю уже даже самой себе... потому что безумна от страха... что я умру...

— Я сделаю все, чтобы ничего худого не стряслось.

— Ты не столь всемогущ, — покачала головой Анна, но он только сильнее обнял ее, по обыкновению, наполняя ее странным чувством покоя. — Пообещай, что не оставишь меня в те минуты. Только с тобой я не боюсь... только с тобой...

И это было еще одним правилом, которое Оленины нарушили, в очередной раз вызвав осуждение мадам Оленины и Веры Александровны, успевших прибыть в Раздолье ко дню родов. Андрей не удалился из покоев, которые они делили с Анной, когда перепуганной неожиданной болью жене сообщили о том, что срок настал, и младенец торопится на свет, и когда ее, оставив в одной сорочке, уложили в постель, из которой та только встала. Несмотря на громкие возражения акушерки, твердившей, что грех быть при жене в это неподобающее время, он не вышел вон и первое время сидел возле кровати Анны, сжимая ее руку и уверяя, что все будет хорошо. Пока акушерка, понимая, что ничто и никто, кроме самой роженицы, не заставит барина уйти, не шепнула в ухо той:

— Ваше сиятельство будет лежать в пот да некрасивой? Не глядеть никто на фрау в родах, чтобы тайна жизнь сохранить да любовь герра. В фрау красота мало, когда жизнь идет. Тут не до красота... Да и мешать его сиятельство мне! Пусть идет!

И Анна, одурманенная болью, которая в этот момент после длительной передышки снова схватилась за ее тело, согласилась с ней, хотя и с трудом выпустила руку мужа из своих пальцев, ощущая, как снова возвращаются страхи в ее душу. А потом снова увидела его, когда откинулась на подушки, отдыхая между спазмами боли — в отражении зеркала, которое развернули таким образом, чтобы она видела его, сидящего в кресле в соседней комнате. Все еще рядом с ней... пусть и в некотором отдалении...

Анна помнила, что недолго смотрела в отражение, черпая во взгляде, устремленном на нее через зеркало, силы, чтобы встретить новый приступ, которые стали чаще и интенсивнее. А потом потерялась в боли, окутавшей ее словно облаком. Только голос акушерки, который проникал в это облако и что-то требовал от нее. Сначала не кричать в голос и беречь силы, а потом помогать ей, а не сопротивляться тому, что происходит с телом.

Анна и сейчас, думая о предстоящих ей вторых родах, не смогла бы рассказать, что происходило тогда в ее спальне. Только помнила сейчас невероятное облегчение, когда нечто, давившее на кости ее таза, выскользнуло из нее. И дикую усталость, которой поддалась после рождения ребенка. А еще злость на эту противную немку, акушерку, что принимала роды. Анне так хотелось спать, а та все теребила ее и щипала, говоря, что рано еще отдыхать, что еще не все закончилось. Она все равно заснула, невзирая на эти требования. В конце концов, кто такая эта немка, чтобы ей указывать?!

А проснулась, когда кто-то тихо заскулил над ухом, так тоненько и протяжно, и в ней, еще толком не проснувшейся, что вдруг сжалось где-то в пустом уже животе. Открыла глаза и увидела Андрея, сидящего подле нее на постели со свертком в руках.

— O mon Dieu! Я так устала, что даже..., - Анна хотела резко сесть в постели, но это движение вдруг отозвалось неприятной болью в животе.

— Понимаю, — кивнул Андрей, улыбаясь и отправляя ее обратно на подушки легким движением ладони. — Фрау Греттен сказала, что тебе лучше полежать до самого полудня.

Всю ночь и все утро. Отдыхай, моя милая...

Андрей склонился к ней, читая по глазам, что она желает увидеть сокровище, которое он уже час носил на руках после того, как ребенка отдала кормилица. Отогнув край покрывальца, показывая ей удивительно длинные ресницы и идеально круглое личико. И как показалось Анне, с некоторым нежеланием положил в ее протянутые руки свою драгоценную ношу.

— Как он красив! — прошептала Анна с благоговением в голосе, с трудом удерживая слезы, навернувшиеся на глаза при взгляде на ребенка, который еще недавно был одним целым с ней.

— Она, — поправил Андрей, улыбаясь. — Это дочь...

Сначала Анна почувствовала легкий укол сожаления, что не сумела подарить наследника своему супругу. Словно не удалось ей стать и в этом лучшей. А потом, когда вдохнула запах, который шел от этого лобика и этих пухленьких щечек, забыла обо всем на свете, кроме дитя в своих руках и мужа, целующего ее в висок.

Андрей хотел крестить девочку Марией в память о тетушке. Анна бы поддержала его с удовольствием, но при этом имени помимо лица Марьи Афанасьевны в ее голове возникало воспоминание об иной Марии, несущее вслед неприятный укол в сердце. Она бы с радостью нарекла дочь Аполлиinarieй, чтобы у нее была Pauline. Но это имя могло бы вызвать в belle-mere очередной приступ раздражения, а этого Анне бы не хотелось.

— Елизавета, — произнесла она, вспоминая, как смотрела Месяцеслов несколько дней, предполагая будущее имя для дитя. — Ныне славят Елизавету.

— Лизонька, Лиззи, Лиза, — прошептал Андрей нараспев, давая всем своим видом понять, что принимает это имя, что оно ему нравится. И Анна не смогла сдержать улыбки, когда расслышала в его голосе знакомые нотки нежности.

Другой раз Анна открыла глаза в день родов уже в весенних сумерках, но Андрея не было рядом в постели. Он ходил по соседней комнате, Анна видела в отражение зеркала его то появляющийся, то ускользающий из обзора силуэт, что-то говоря вполголоса ребенку у него на руках. А потом встал у окна и словно что-то показывал дочери в сгущающейся за стеклом темноте. Анна хотела его окликнуть, но не успела — Андрей обернулся от окна на тихий стук в дверь соседней комнаты с коротким «Entrez». И так и остался на месте, не шевелясь, глядя на вошедшего, с таким выражением на лице, что Анна даже приподнялась в постели на локтях, обеспокоенная.

Это была Алевтина Афанасьевна. Анна разгадала ее появление, скорее по выражению лица Андрея, чем по фигуре, отразившейся в зеркале возле него. Она встала напротив, но головы не подняла, чтобы на сына взглянуть, и долго смотрела на ребенка у него на руках, не произнося ни слова. Как обычно за эти дни, что она провела в Раздолье со момента приезда.

Persona non grata для нее отныне был не только Андрей среди Олениных. С Анной она тоже предпочитала общаться как можно реже, но по крайней мере, обращалась к ней напрямую, а не через иных лиц, как делала это до сих пор по отношению к Андрею. Анна долго плакала, спрятавшись от всех, особенно от мужа, в гардеробной, злая на мадам Оленину за подобное упрямство. Она же до последнего надеялась, что та приехала с Софи в Раздолье не только для того, чтобы быть на крестинах будущего наследника, которого ожидали на днях.

Анна увидела боль на лице Андрея, такого беззащитного, по ее мнению, сейчас, с младенцем на руках, такого открытого, и уже хотела было позвать его к себе, вынуждая уйти

от матери, немым укором стоящей напротив. Как вдруг в тишине комнат раздался женский голос.

— Вы позволите мне? — и Алевтина Афанасьевна протянула руки, прося дать поддержать ребенка. Сын и мать некоторое время смотрели друг другу в глаза, а потом она добавила, смягчая холодность голоса, от волнения в тот момент осипшего. — Je vous remercie...

Анна даже уголок подушки прикусила тогда, чтобы не вскрикнуть или не нарушить никак иначе ту невидимую связь, которую явственно ощутила между глядящими друг на друга матерью и сыном. А потом Андрей кивнул и положил в протянутые руки ребенка. И тут... Алевтина Афанасьевна, глядя на младенца, шевельнула уголками губ в подобии улыбки, совсем позабыв за эти годы, каково это — улыбаться.

— Она схожа с вами овалом лица. И глаза... глаза Олениных, удивительно голубые, как небо. А разрез их, как у Марьи Афанасьевны-покойницы. Вы были таким же младенчиком в точности... до кончиков ресниц... Вы были прекрасным младенчиком...

После этих слов, словно боясь сказать еще что-нибудь, что она посчитала бы лишним для себя, Алевтина Афанасьевна вернула ребенка Андрею, поджав по привычке губы, а после развернулась и вышла, не произнеся ни слова более. И Анна уткнулась лицом в подушку тогда, чтобы скрыть рыдания, рвущие грудь ее ныне от смеси чувств, разрывающих грудь сейчас...

— O mon Dieu! — разозлилась на себя Анна, когда в отражении в зеркале подозрительно заблестели глаза. Она всегда плакала, когда вспоминала этот момент, никак не могла сдержать эмоций. Вот и ныне показались слезы в уголках глаз, грозя пролиться по лицу и капнуть на блестящий шелк, оставляя некрасивое пятно.

Нет, она бы не могла сказать, что между Алевтиной Афанасьевной и Андреем отношения стали истинными отношениями матери и сына. Быть может, это было только начало? Анне хотелось бы на это надеяться. Ведь, по крайней мере, Алевтина Афанасьевна теперь не уклонялась от общения с ним, а уехав из Раздолья, первая начала переписку, спрашивая его совета по поводу управления имением. И даже прислушалась к просьбе сына не отвергать *demande en mariage*, которое поступило летом 1816 года в отношении Софи. Пусть и некоторое время была холодна с Анной, считая ту виновницей того, что дочь уйдет из-под материнской длани, и она останется совсем одна.

Согласилась-таки, поддалась на уговоры, и весной 1817 года София Павловна Оленина была обвенчана с Александром Васильевичем Кузаковым, который в тот же год вышел в отставку и уехал вместе с женой в свое имение под Ростовом Великим. Но это Рождество, как и обещались в письмах, прибыли в Милорадово. И на крестника поглядеть, и родных провести, как написала ей этой осенью Софи. И Анна не могла не радоваться тому, что она встречает это Рождество в стенах, столь любимых и родных для нее, с теми людьми, кто стали для нее семьей.

Правда, Вера Александровна приехать не смогла, прислала вежливый отказ в ответ на приглашение Олениных, ссылаясь на занятость перед сезоном и предстоящей свадьбой. Но Анна понимала, что ее отказ скорее связан с нежеланием Катиш поддерживать отношения, тяготящие ту по-прежнему. Она так и не сумела простить и принять свершившийся брак Анны, оттого даже в Москве избегала встречаться с *cousine* и ее мужем. Хотя и прошло столько времени с того дня, и сама собиралась обвенчаться на Красную горку в следующем году, приняв предложение соседа по имению сестры, вдовца с двумя маленькими дочерьми.

Олениных на это венчание позвали, но Анна, распознав между строк нежелание Катиш видеть их в этот день, написала отказное письмо, ничуть не покрывив душой, когда ставила причиной тому повторную тягость. На Красную горку будет аккурат две трети срока, до путешествий ли тут?

— Mon ange..., - обнаженного плеча Анны коснулись губы мужа, чье отражение она успела заметить прежде, чем почувствовала прикосновение. — Ты прекрасна, как никогда, моя милая. Словно каждый год только прелесть твою множит.

— Ну уж, будет! — отмахнулась от него Анна, тем не менее польщенная его восхищением. — Еще четыре лета, и уж достигну срока, когда и на паркет не выйди! [710]Стану сплетницей и завистницей...

— Ох, и держитесь тогда юные прелестницы! — муж игриво прикусил кожу ее шеи, и она с негодующим шипением («След же! Mon cher, след будет!») отстранилась от него. Впрочем, не так быстро, как должна была бы, сводя на нет свое негодование блеском глаз, выдававшим желание, вспыхнувшее в ней. Андрей положил руку на легкую округлость живота, едва угадывающуюся сейчас под шелком. Их взгляды встретились в отражении зеркала.

— Ты нынче напоминаешь мне кошку, в этой тягости, — прошептал Андрей, и от его горячего дыхания, которое коснулось нежной кожи ее шеи, по ее телу пробежала мимолетная легкая дрожь возбуждения. — Такая мягкая, такая ласковая, такая умиротворенная...

— А прежней я кем была? — поддразнила его Анна, задорно улыбаясь.

— Львицей, — без раздумий сказал муж, глядя живот через гладкий шелк платья. — Рычащей на всех и готовой откусить голову тут же без суда и следствия и без различия персон.

— Тебе бы я определенно не откусила, — заверила его Анна, проводя ладонью по его щеке. — И ныне я такая покойная, потому что знаю — ты рядом, и ничего худого не будет. Потому что ты рядом со мной. Спасибо тебе...

Андрей поднял брови, словно задавая немой вопрос, за что она благодарит его, а она повернулась и прислонилась лбом к его шее, утыкаясь в шелк галстука, туго завязанного умелыми руками комердина. Закрыла глаза, наслаждаясь его присутствием подле нее, таким привычным ей уже запахом его кожи. Нежностью руки, которая провела по ее волосам, а после вниз по шее и по линии обнаженного плеча.

Пару вечером назад, на Рождественской службе, Анна стояла возле мужа в церкви и, чуть запрокинув голову, чтобы видеть роспись купола и сосредоточенно-внимательное лицо Христа, глядящее на нее с высоты, благодарила Его за тот дар, который был ей послан Им на Рождество далекого уже 1811 года.

За безграничную любовь Андрея, за его заботу и нежность. За то, что он такой, каков есть. И за то, что проведя через все испытания и горести, через потери и разочарования, Он все же привел ее к Андрею, а Андрея к ней. За то, что он всегда готов быть рядом с ней, и всегда протянет ей свою руку, невзирая ни на что вокруг.

Как и тогда на службе, когда Анна оглянулась на него, стоящего чуть позади нее, и потянулась к нему рукой, словно желая ощутить в который раз теплоту его прикосновения. Когда сплелись их пальцы в одно крепкоежатие, да так и не разомкнулись на протяжении всей службы, пока взлетали под купол храма мелодичные звуки торжественного тропаря...

Анна чувствовала, что душу мужа переполняют те же эмоции, которыми ныне была

полна она. Они стали удивительно едины и близки за минувшие годы, и каждый день, прожитый подле друг друга, только утверждал обоих в том. Даже ссоры, мимолетные вспышки яркого огня, не нарушали надолго покоя их маленького мирка, в котором были только они и их домашние. Мирка, окруженного зимой белоснежными просторами, а летом — изумрудным великолепием зелени, полного счастья и безмятежного семейного покоя. Безудержные всполохи огня, которые ранее обжигали пребольно когда-то при самом начале этого костра, превратились в ровное горение, при виде которое каждому хотелось протянуть руки и погреть ладони у этого огня удивительного счастья. И оттаивали даже самые ледяные сердца. По крайней мере, ей очень хотелось это верить.

Анна улыбнулась и еще крепче прижалась к Андрею. Ах, если бы не надо было идти в бальную, где уже настраивали музыканты струнные, готовясь к нескольким часам почти непрерывной игры! Если бы можно было сбросить тонкий шелк платья и после посещения детских в мезонине, где уже давно спали под присмотром няnek и Пантелеевны Сашенька и Лиззи, свернуться калачиком в постели, прижимаясь к горячему боку мужа!

Удивительно, но эти ночи, полные тишины, прерываемой лишь треском поленьев в огне да тихим завыванием метели за стеклом, нравились Анне теперь более тех, которые она проводила на паркете бальных зал или в салонах за светскими беседами. Их прелести для нее не затмил даже тот незабываемый полонез на балу у Апраксиных, о котором Анна с гордостью будет рассказывать своим детям и внукам. Когда при звуках очередного тура танца к ней вдруг приблизился флигель-адъютант императора и с коротким поклоном увел ее из рядов наблюдающих и от Андрея туда, где уже раскланивался с прошлой партнершей Александр I. Те несколько туров танца, пока ее вел за руку по паркету император, Анна только потом восстановила в памяти. Тогда же она была оглушена стуком собственного сердца, с трудом веря в происходящее в зале. И эти взгляды, которые сопровождали каждый ее величественный шаг, ее грациозную фигурку возле императора....

— Madam, je suis enchanté [\[711\]](#), - пожал ей ласково руку после император, глядя прямо в глаза, после того, как они разошлись, завершив полонез, и Анна присела в низком реверансе перед ним.

— Неужто и после того, как ты очаровала всех у Апраксиных, ты не желаешь жить в столице? — то ли дразня жену, то ли всерьез спросил тем вечером Андрей, когда они готовились ко сну. — Неужто после нынешнего триумфа вернешься в деревню?

— Мне будет везде благостно, где ты, — улыбнулась после некоторого размышления Анна. В ее душе сплелись тогда самые разные желания и эмоции, и разум едва ли не возопил, не зная, что именно следует принять. Жить в столице, купаясь всякий раз в тех взглядах и восхищении, которыми ее от души наградили здесь, в Москве, особенно после того танца с императором. Окунуться с головой в развлечения, которые обещает щедро столица. Снова стать одной из первой среди прочих, наслаждаясь всем, что сулит это положение.

Но это же означало меньше времени проводить с домашними. С неугомонным Сашенькой, которому совсем скоро предстояло войти в пору и уехать учиться в Пажеский корпус, о зачислении куда Андрей сумел выхлопотать разрешение. Упирая на заслуги отца мальчика перед Отечеством во время войны и тактично умолчав о неподтвержденном дворянстве матери.

С маленькой Лизой, любовь к которой при первом же взгляде этих удивленно распахнутых глазенок захлестнула ее с головой. Анне казалось, что она уже знает, каково это

— любить ребенка — думала, что столько времени была с Сашенькой до того, что уже не сможет любить сильнее маленькое существо. Но это чувство, что родилось где-то в глубине души, было намного глубже, чем то, к которому Анна уже привыкла. Удивительно было держать на руках этот маленький комочек счастья, в котором вдруг отразилось явным свидетельством единение ее с Андреем. Чудо их любви...

И Андрей. Разве могла бы Анна даже вечер пробыть без него? Так самолюбиво, так дурно с ее стороны, но она не желала делить его ни с кем. Чтобы принадлежал только ей одной. Всегда. И самое лучшее для нее место на этом свете, самое благостное — это то, где он был бы подле нее. Касался ее вот так, как сейчас, легко и нежно. Смотрел на нее так, как в эту минуту глядит через отражение зеркала.

Анна пыталась угадать по его глазам, почувствовал ли он легкий трепет, которым в ее животе показал свое присутствие ребенок в эту минуту. Ощутил ли он это неуловимое движение, как часто любил гладить через натянувшуюся кожу живота жены маленькие пяточки Лиззи, которая весьма заметно давала о себе знать на последних месяцах тягости Анны? Она вспомнила прикосновение его губ к своему раздутому, словно барабан, животу и не могла сдержать таинственной улыбки, скользнувшей по губам.

— Ты выглядишь по-особому, когда так улыбаешься, — прошептал Андрей ей в ухо. — И при виде этой улыбки появляется желание утащить тебя за балдахин, чтобы там, в темноте, под пытками открыла, что за мысли в голове твоей нынче...

— Под пытками? — переспросила Анна.

— М-м-м, — промычал Андрей, проводя губами от уха вниз по линии шеи. — Жестокими... немилосердными пытками...

— Если это будут те, которым я подверглась прошлой ночью, то вынуждена разочаровать, быть может, тебя — я вовсе не испугана, а жду их с нетерпением, — парировала Анна, несколько разочарованная, что они не могут остаться в этой комнате наедине, чтобы встретить вдвоем первую ночь спешащего в Милорадово 1819 года.

Что нужно уже выходить рука об руку в залу, где вскоре будут собираться приглашенные в имение на праздники гости и провести с ними несколько часов почти до самого рассвета, пока не настанет тот миг, когда можно будет вернуться в эти покои и скрыться от всего мира вдвоем за занавесями балдахина кровати.

— Тогда мне придется придумать новые, чтобы ожидание их было несколько иным, — обжег своим дыханием ее кожу Андрей, и у Анны даже мурашки побежали по спине от предчувствия того, что может случиться по истечении нескольких часов.

— Надеюсь, это обещание...

— Определенно... и разве может быть иначе, mon ange?

Да, она знала, что непременно случится так, как он сказал. Она безоговорочно в них верила. Потому что это были его слова. И его обещания. Потому что это был он.

Да, именно потому что это был он...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Имеется в виду пять копеек

Тут: красно-оранжевый

P0302

Андре, мой дорогой Андре (фр.)

Я тебя спрашиваю (фр.)

Церемонии (фр.)

Ступай немедленно! (фр.)

Проказник, шалун (фр.)

Тут: коверканное от фр. «littre» — письмо

Племянника (фр.)

Очаровательная маленькая брюнетка мадам Оленина (фр.)

Пустить пыль в глаза (фр.)

Воспитательные дома XIX века, содержавшие сотни сирот, существовали за счет частной благотворительности, отчислений от лотерей и театральных спектаклей, продажи игральных карт и т. п. Но главным источником доходов воспитательных домов были ссудные операции с недвижимым имуществом дворян.

Семейного скандала (фр.)

Это все пустое (фр.)

Тут: точка (фр.)

Невестка, жена брата (фр.)

Бант — особая складка на наградной ленте — отмечал награды, полученные за боевые заслуги

В возрасте, подходящем для брака (фр.)

Брак (фр.)

Выгодный брак (фр.)

Т. е. имеющий ордена

Инженю. Простодушных, наивных (фр.)

Мое сердце (фр.)

Удивительно (фр.)

Т. е. не в мундире

Прошу любить и жаловать (фр.)

Едемте, прошу вас (фр.)

Аннет — шаловливое дитя, игрунья (фр.)

Циничный, бесстыдный (фр.)

Что произошло, девочки? (фр.)

маленькая кузина (фр.)

Μοῦ Βοε! (φρ.)

Он удивительный, чудесный (фр.)

Так ранее говорили о некрасивых девицах — «у нее доброе сердце»

в греческом стиле (фр.)

папильотки (фр.)

Одно или два страусиных пера, закрепленные так, чтобы они спускались с головы к плечу, получили название «плерез», что в буквальном переводе с французского означает «плачущие» Точно так же, кстати, называли и траурные нашивки на платье

Очень красива, моя милая! (фр.)

Как всегда, мой милый (фр.)

Это неприлично (фр.)

Мадам, умоляю! (фр.)

Какие глупости! (фр.)

Бедро взволнованной нимфы (фр.) Бледно-розовый

Что случилось? Чтостряслось? (фр.)

плакать горькими слезами (фр.)

Это сумасшествие! (фр.)

Согласна? (фр.)

Итак, вопрос решен. Пари (фр.)

Слишком провинциально! (фр.)

Прекрасный день (фр.)

Что за глупости! (фр.)

В то время в Петербурге пили чай из чашек, а в Москве из стаканов. Так и разделяли чаепития — на московский манер или на петербургский манер

Т. е. сваренного на меде, а не на сахаре

В провинции обедали рано по столичным меркам — в 2–3 часа дня

Персонаж итальянской комедии масок наряду с Арлекином, Пьеро и т. п., а-ля Коломбины, субретка

Персонаж итальянской комедии масок, который любит вино, вкусно и сытно поест и красивых девушек

Субретка — ловкая горничная (театр., фр.)

Ну уж нет! (фр.)

поражение, разгром (фр.)

Тут: Вы не угадали (фр.)

бесстыдница (фр.)

Легкий ужин (фр.)

Вы угадали (фр.)

Чересчур поспешно, тетушка (фр.)

Будьте уверены (фр.)

Я просто поражена (фр.)

Ну! Следующая маска! (фр.)

Мушки (фр.)

Смертельная, губительная, опасная (фр.)

очень хорошо, преотлично (фр.)

К столу, дамы и господа! (фр.)

кокетка (фр.)

Это очень любезно с вашей стороны (фр.)

Каприз, шалость (фр.)

Ни стыда, ни совести! (фр.)

Свататься, делать предложение (фр.)

Бедным господином (фр.)

Он только одного хочет — доставить тебе удовольствие (фр.)

Верно, определено (фр.)

Ныне вы довольны? (фр.)

Готова к поцелую (фр.)

Не правда ли? (фр.)

Русский поэт XVIII века

В то время «Орфея и Эвридику» пели на французском языке

Бедняга (фр.)

Чем сильнее мы любим женщину, тем больше склонны ее ненавидеть (фр.)

Тут: небесный уголок (фр.)

Время ехать в Москву (фр.)

В таких делах я пас! (фр.)

Судьба и прихоть (каприз) управляют миром.... Прихоть (каприз) женщины (фр.)

Мрачное настроение (фр.)

Вы знаете, тетушка (фр.)

Мой мальчик (фр.)

Χορωιό (φρ.)

Если так, то я согласен (фр.)

Простите меня, милая тетушка (фр.)

И то, и другое (фр.)

Никогда в жизни! (фр.)

Ближнее к лесам и наиболее отдаленное от усадьбы, туда обычно ездили на охоту на зайцев поле

Г. е. на крупных

От фр. foudre — молния

Резать правду-матку (фр.)

Провинциалочка (фр.)

Я, правда, не имел понятия (фр.)

Hy (φp.)

Счастливого пути, Андрей, счастливого пути! (фр.)

У нее семь пятниц на неделе (фр.)

Полка для цветов на несколько горшков

Согласна, моя милая? (фр.)

Круглая дура! (фр.)

Ступай и скажи ей (фр.)

Как поживаете? (фр.)

Кельнская вода, одеколон (фр.)

От этих цветов идет восхитительный аромат (фр.)

Дурочка (фр.)

бедняга (фр.)

Обязательство (фр.)

Неловкий, неуклюжий (фр.)

Mo й большой конфуз (фр.)

Готова к поцелую (фр.)

О-ля-ля (фр.)

Мой любезный сын (фр.)

Тихо, мадемуазель Полин! (фр.)

У нас гости, моя милая. Прошу тебя (фр.)

Omeu (φρ.)

Прозрачная зеленая глазурь

Тут: делающего предложение (фр.)

Баловень фортуны (фр.)

Конечно, определено (фр.)

Название крещенской проруби в форме креста

Что за безумие, мадемуазель Аннет? (фр.)

Почему ты такая грустная? (фр.)

Вот уж нет! (фр.)

Это ни с чем не может сравниться! (фр.)

Каждый пастух пасет свою козу (фр.) Соответствует русской пословице — каждый сверчок знай свой шесток

Приживалка (фр.)

Невозможно! (фр.)

Комета 1811 года — в марте 1811 года можно было наблюдать впервые в ночном небе большую комету с пышным хвостом. Она пропала только в августе 1812 года, после сражения под Бородино. Считалась предвестником войны

безрукавка наподобие современного жилета, но длиннее, надевалась под мундиры

В целом (фр.)

Увы! (фр.)

Бабочка, в ином значении — легкомысленный, ветреный, непостоянный (фр.)

Баловень фортуны (фр.)

Библия, Новый Завет, Евангелие от Луки

короткая распахнутая кофта без сборов и перехвата, с рукавами, подбитая мехом или ватой

Наверняка (фр.)

Война! (фр.)

Женщинам (фр.)

О, вы правы! (фр.)

Галантерейные лавки (фр.)

Прощу вас (фр.)

Конечно (фр.)

Нет, это невозможно (фр.)

Мадам графиня (фр.)

Мужчина, человек (фр.)

25 марта

Говорят (фр.)

Француз (фр.)

Имеется в виду А.В. Суворов. За всю военную карьеру тот не знал ни одного поражения

У него деньги совсем не держатся! (фр.)

Это же страшно! (фр.)

Несомненно, конечно (фр.)

«Через месяц», «Через две недели» (фр.)

Степенно (не спеша), мадемуазель Аннет, степенно! (фр.)

открытая часть парка с цветниками, ухоженными газонами

Конечно (фр.)

Отчего? (фр.)

Пожалуйста (фр.)

Дура (фр.)

Протеже (фр.)

Тихо, Камии, тихо! (фр.)

В целом (фр.)

Патронесса (фр.)

Моей горячо любимой кузиночке (фр.)

Подробно, во всех деталях (фр.)

Вы смотрите за ними в оба глаза, мадам (фр.)

За примером для того ходить далеко не надобно! (фр.)

Вовремя (фр.)

Он приехал, правда? (фр.)

Соперница, моя милая? (фр.)

Кстати говоря (фр.)

Это Мария, протеже графини (фр.)

О, милая кузина, мне так грустно! (фр.

От этих цветов идет восхитительный аромат (фр.)

Я вас благодарю, мадемуазель Аннет (фр.)

Вы... вы отвратительны! Дрянь! (фр.)

Ах, ради Бога, господа! (фр.)

Большое спасибо.... Я вам очень признательна (фр.)

Будьте покойны! (фр.)

Покойной ночи (фр.)

Прощу вас (фр.)

Мраморная статуя (фр.)

Широкая основная аллея парка, которая переходила в лес. Оттого и звалась так

Т. е. промахнулся

Мой дивный (фр.)

Mup (φp.)

В то время существовала примета — разобьется рюмка в доме, быть невесте

не так ли? (фр.)

Доброе утро, тетушка (фр.)

Дословно — флиртующая пепельная блондинка(фр.)

Довольно о том... Довольно о том, прошу вас (фр.)

О, это невозможно! (фр.)

К всеобщей выгоде (фр.)

Непозволительная ошибка (фр.)

Прошу прощения (фр.)

в то время была привычка пить горячий кофе, запивая холодной водой

От фр. mariage — брак, свадьба

Вам лучше бы помолчать (фр.)

Сюда! Идите сюда! Сюда! (фр.)

Неужто?! Правда?! (фр.)

Фигура для украшения парков в виде прогуливающихся людей. Делалась из картона или тонких досок, искусно раскрашивалась для дополнительного сходства

верно, папа (фр)

вечер в честь помолвки (фр.)

Один из самых известных в Петербурге трактиров, основанный в 1779 году купцом из Страсбурга Филиппом Демутом. Там не только предоставляли комнаты и столы в зале, но и устраивались концерты. Считался самым лучшим, но был и самым дорогим

Конечно (фр.)

Деверь, свояк, шурин. Тут: деверь (фр.)

не так ли (фр.)

Бедняжка Надин (фр.)

Имеется в виду К.К. Левенвольде, который в 1812 году был командиром Кавалергардского полка. Герой Бородино

Черм! Черм! Черм! (фр.)

дурацкое пари (фр.)

Вот так дерьмо (фр.)

Месть — блюдо, которое подается холодным (фр.)

Еще не ясно, как дело обернется (фр.)

Мой злой ангел (фр.)

Ничего страшного (фр.)

Женщина! (фр.)

Партия окончена... Ваша партия окончена (фр.)

Выйдите вон! (фр.)

В том числе, включительно (фр.)

Дед (фр.)

Ваша партия окончена (фр.)

Партия... игра (фр.)

Прекрасно! (фр.)

Тук-тук, красавица! Позволишь? (фр.)

Долги, долговые обязательства (фр.)

рум: хорошо (фр.)

Переносной женский столик

Стены в домах того времени обивались тканью — шелком или штофом. Отсюда и пошло название — «обои»

Убирайтесь! Вот отсюда! (фр.)

Отпустите меня! (фр.)

Аннет! Мадемуазель Аннет! Пора вставать! (фр.)

Кто? Когда? О мой Бог, Аннет! (фр.)

Сумасбродные головы! (фр.)

Что ты говоришь? (фр.)

Какая глупость! (фр.)

Кстати говоря (фр.)

Пост до Святого праздника Рождества Христова

Господа и дамы! Погода портится... (фр.)

В 1812 году командующий войсками 3-ей Резервной армии

Дело решенное (фр.)

Косы в виде серпа

Вы злитесь (фр.)

Такова я (фр.)

За что мне эта кара небесная? (фр.)

Последствия (фр.)

Без последствий (фр.)

О-ля-ля! Посмотрите-ка! (фр.)

Тут: девица, барышня (фр.)

Смерть на поле боя (фр.)

И довольно (хватит) (фр.)

правда? (фр.)

Не в бровь, а прямо в глаз, моя дорогая! (фр.)

Прелестной невестке (фр.)

Мой дядя (фр.)

Какая мерзость (грязь)! (фр.)

Сплетник (фр.)

Ради Бога, Аннет... (фр.)

Не принимай все близко к сердцу, не переживай (фр.)

Тум: да? (фр.)

Наши принципы (моральные устои, правила), мой милый (фр.)

Подальше (фр.)

Спокойной ночи, мой милый брат, спокойной ночи! (фр.)

Эгоистичная, себялюбивая (фр.)

Конечно (фр.)

Женщина моих снов, мой ангел, моя милая мадемуазель Анни (фр.)

Рай на земле (фр.)

Благодарение Богу.... Без последствий (фр.)

С самыми сердечными мыслями, каждый день и на все времена (фр.)

Такова жизнь (фр.)

Дедушка (фр.)

Я не понимаю... я ничего не понимаю (фр.)

Купец Степан Царевитинов, один из богатейших купцов Смоленской губернии

Благодарение Богу (фр.)

Последние крестьянские выступления в Гжати были в конце XVIII — в начале XIX веков

Чахотка

Запасной эскадрон находился в распоряжении генерала П.Х. Витгенштейна, который успешно отразил атаки армии Наполеона в землях Лифляндии и близ Полоцка (в том числе выиграл сражение 16 августа), предотвратив наступление на Петербург, за что получил в дальнейшем почетное звание «спасителя Петербурга»

Да здравствуют военные, которые обещают нам отступление во время войны и парады в мирное время! (фр.)

старинное русское гладкоствольное артиллерийское орудие

Известна сейчас как батарея Раевского

« рассыпная атака » — использовалась для преследования не выдержавшего натиска врага

Сигнал к отходу на свои позиции

— Ну что?

— Часы!

— Счастливчик!

— А у тебя?

— Только распятие нательное. Зато чистое серебро (фр.)

Что здесь? (фр.)

Офицер кирасиров (фр.)

Подожди! (фр.)

Черт возьми! (фр.)

Похоже, он жив! Луи! (фр.)

Бей его, Луи! Убей! (фр.)

Боже мой! (фр.)

Т. е. кавалера ордена 1-й (высшей) степени, когда выдавалась лента в цветах ордена и звезда

Тут и далее строки из поэмы «Людмила» Жуковского В.А.

А вы? (фр.)

Не беспокойтесь, моя дорогая (фр.)

Стынаўце (фр.)

До свидания.... До скорого свидания, моя девочка. До скорого свидания! (фр.)

Тихо, моя дорогая, тихо (фр.)

Слава Богу (фр.)

С превеликим удовольствием (фр.)

О, мои малютки! Осторожно, сударь! (фр.)

Кокарда в виде герба Литвы, которая крепилась на головные уборы литовских улан

Аннет, подойдите ко мне (фр.)

Аннет, молчите! (фр.)

Невеста (фр.)

Он недолго протянет (фр.)

строение над кровлей. От мезонина отличается тем, что предназначен не для жилья, а для любования ландшафтными видами

Он умер (фр.)

От нем. Mantelsack — саквояж

Удивительно, чудно! (нем.)

Конечно, разумеется (нем.)

Милостивая сударыня (нем.)

нас не тронут (фр.)

Поступайте, как знаете (фр.)

Планирование! (фр.)

Я задержался, прошу простить меня (фр.)

Мы уже встречались, сударыня (фр.)

Тетушка моего жениха (фр.)

Принимая во внимание (фр.)

Оставьте меня! (фр.)

Держитесь в стороне, господин улан! (фр.)

Бесстыдница! Ветреница! (фр.)

В чем дело? (фр.)

Милостивая сударыня (нем.)

Строки из поэмы «Людмила» Жуковского А.В.

Моя дорогая... об этом надо молчать (фр.)

Вы поняли? (фр.)

Прошлое... это в прошлом (фр.)

Никогда в жизни! (фр.)

Сон, греза (фр.)

Бесстыдница! Ветреница! (фр.)

T_ы (фр.)

О мертвых либо хорошо, либо ничего (лат.)

22 сентября по старому стилю

Т. е. людскую кухню, ту, в которой готовили пищу дворовым, и где те ели

Uroda — красота (польск.)

Годы мои вышли... (фр.)

Раньше многие страницы в новой книге были неразрезанными, и существовал специальный нож для этих целей

Благодарю вас (фр.)

Чему я обязана вашим визитом? (фр.)

Как вы? (фр.)

Ваш омеу (фр.)

Дни последней молотбы зерновых — с середины сентября по Покров (по старому стилю)

Что с вами, моя дорогая? (фр.)

Помолвка (фр.)

Прическа подразумевала, что волосы зачесываются на лоб, в подражание бюстам римского императора Тита и соответствовала «ампирным» вкусам эпохи

Если бы молодость знала, если бы старость могла (фр.)

Ну-ну, не плачете (фр.)

Наедине (фр.)

Негодяй, повеса (фр.)

Г. е. расстрелять

как вы? (фр.)

Куда он? (фр.)

Подождите! Умоляю, подождите! (фр.)

Понятно! (фр.)

Аннет... прости меня, моя милая... моя доченька, прости меня (фр.)

Милостивая сударыня (нем.)

Муха (нем.)

Ты любишь... ты любишь... ты любишь меня (фр.)

Прекратите! Отпустите меня, прекратите, пожалуйста! (фр.)

Понимаете меня? (фр.)

Что вы желаете этим сказать? (фр.)

Так и будет! (фр.)

Кто вы? (фр.)

Превосходно! (фр.)

верно (фр.)

Нога от ступни до колена, голень (фр.)

Кто там? (фр.)

Мой мальчик, сын (фр.)

Батюшка (фр.)

Это не имеет значения! (фр.)

Что вы хотите от меня? (фр.)

Так в мемуарах и записках французов назван Тарутинский бой, который состоялся 6 октября (по ст. стилю) 1812 года и заставил Наполеона покинуть Москву

Что вы хотите от меня? Мне не о чем говорить с вами! (фр.)

Дом, сдающийся в аренду (фр.)

Маленькая звезда, звездочка (фр.)

Шурин (фр.)

Ладно (фр.)

Я боюсь, мой милый (фр.)

Я тебе говорю, что это не так (фр.)

Жаль (фр.)

Прощайте, господин капитан (фр.)

До свидания (фр.)

Бедро испуганной нимфы (фр.)

Непристойность (фр.)

Быстро! Ну же, быстро! (фр.)

Вы злитесь (фр.)

За что мне эта кара небесная? (фр.)

Кандидатуры будущей жены (перен., фр.)

Ранее «под Тамбов» было равнозначно «на край света», настолько далеким казалось расположение того губернского уезда

Ее ничто не возьмет или — Ей ничего не страшно (фр.)

Вертихвостка (фр.)

Этот брак ему в наказание (фр.)

Мой дорогой брат (фр.)

Имеется в виду год подписания Тильзитского мира, 1807

Братец (фр.)

Адюльтер, прелюбодеяние, измена (фр.)

Тут: Депперадович, Н.И. — командир кавалергардов с 1803 по 1810 гг., в Отечественную войну 1812 года командовал 1-й кирасирской дивизией, в рядах которой сражался Кавалергардский полк

алмазами в то время называли гранёные камешки горного хрусталя

Ваши обстоятельства, положение дел (фр.)

Благодарю Вас, Ваше Превосходительство! (фр.)

Надеюсь, встреча будет скорой (фр.)

Мой дорогой друг (фр.)

На самом деле гонцы от казацких полков не высылались прежде времени, и Д.В. Давыдов узнает о положении войск немного позже, когда придут к Вязьме войска атамана Платова и графа Орлова-Денисова

Моя возлюбленная Аннеля (фр.)

Все кончено! (фр.)

Месть — блюдо, которое подается холодным (фр.)

Мне более не к кому обратиться (фр.)

Вы не обманете меня! (фр.)

Расскажите мне все, без утайки! (фр.)

Хорошо, очень хорошо (фр.)

Этого мало! (фр.)

Прошу прощения, я доставил вам ныне столько хлопот (фр.)

Бесчинство (фр.)

На нет и суда нет (фр.)

Остановите! Остановите его! (фр.)

Прежде всего (фр.)

Старый дурак! (фр.)

Отчего? (фр.)

Тут: я прощаюсь с вами (фр.). Иначе — я оставляю вас, как услышала Анна

Никогда! Никогда в жизни! (фр.)

Мой злой ангел (фр.)

Что происходит? (фр.)

Тут: прости-прощай (фр.)

Старая сплетница (фр.)

Все это только к лучшему, мадам Элиза! (фр.)

Какой позор! Боже мой, какой позор! Вы! (фр.)

Ни слова! (фр.)

Пустите меня! Дайте мне сделать! Пустите меня! (фр.)

предложение о браке, сватовство (фр.)

Повинную голову меч не сечет (фр.)

Время не терпит (фр.)

Он так вас любит (фр.)

Я так решил! (фр.)

Имеется в виду Манифест о созыве народного ополчения от 6 июля 1812 г.

Что за критиканство? (фр.)

Благодарю вас, мой дорогой друг (фр.)

Выскачка (фр.)

Мой бедный брат (фр.)

Имеются в виду так называемые конторские книги

Какой отвратительный характер! (фр.)

Господина Петра? Вовсе нет! Вы просто не любите его, вот и все. Вы несправедливы, мама! (фр.)

Несправедлива?! О, Полн, ты ошибаешься! Умоляю... (фр.)

*Нет! Нет и нет! Ни за что! Это моя жизнь. Моя жизнь, мама. И я ему так нужен
ныне... Не просите, не умоляйте, прошу вас! (фр.)*

Дом, сдающийся внаем (фр.)

Он умирает (фр.)

О, порочный круг! Насмешка судьбы! (фр.)

Ваша Софи, сестра в будущем (фр.). sœur de future — в разговорной речи можно перевести еще как сестра жениха

Все только к лучшему (фр.)

Я не знаю (фр.)

Моя сестричка (фр.)

Я не хочу! (фр.)

От судьбы не уйдешь, моя маленькая сестричка. К сожалению! (фр.)

Мой дружочек (фр.) Но! В ином значении может быть использовано как «моя маленькая любовница»

Проклятье! (фр.)

Комната для крупной игры в Английском клубе

Ваша сестра (вежливая форма) (фр.)

Истинно так (фр.)

Это старая истина (фр.)

Спутница, сожительница (фр.)

Фурия (фр.)

Конфетка (фр.)

Это ложь (фр.)

Баловень фортуны (фр.)

Шурин (фр.)

Все кончено! (фр.)

Церковная утварь, располагающаяся на жертвеннике в церкви

Т. е. торгующего импортными товарами

Тут: теперь уж едино все! (фр.) Дословно — делать нечего!

Документ, который выдавался священнику на определенное венчание, своего рода разрешение

Манифест «О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского» был выпущен 25 декабря 1812 года. С того дня по велению Александра I, который предложил совместить празднование Рождества Христова и «дня Великой Победы»

Столько слов! (фр.)

Судилице. Особая комната в Английском клубе, где висела «черная доска» со списком должников на всеобщем обозрении. Пока должник не гасил долг, вход ему в клуб был заказан. Чем дольше стояло имя на доске, тем явнее, что человек не торопится оплатить «долг чести». Черная доска и исключение из Английского клуба унижением гораздо более страшным для дворянина, чем разжалование в рядовые

Я доведен до крайности (фр.)

Моя бабочка (фр.)

Лучше умереть... лучше (фр.)

Моя конфетка (фр.)

Ваш омеу (фр.)

По обычаю в то время и в тех местах в гроб перекладывали только на второй или третий день

в заключение поминального обеда подавали пшеничный кисель с молоком в скоромные дни и сытою — разбавленным медом — в постные

Какое несчастье, моя милая, какое несчастье! (фр.)

Бедняжка (фр.)

старое название тифа

Домашний тиран (фр.)

За глаза (перен., фр.)

Проказа, похождение, шалость (фр.)

Вы опоздали, Аннет (фр.)

Заверяю вас, я не знал этого! (фр.)

Умоляю вас (фр.)

Omeu (φρ.)

Благие намерения сулят дорогу в ад (фр.)

Предложение о браке (фр.)

Мой дружочек (фр.)

От судьбы не уйти (фр.)

Поскорее! (фр.)

«Пожалуйста, мадам, будьте так добры к старой женщине и круглой сироте» (фр.)

Благодарю вас. За все! (фр.)

Вы весь в поту. Я помогу вам, я сделаю все, что смогу...(фр.)

Это слишком прекрасно, чтобы быть правдой (фр.)

Мой мальчик (фр.)

Семейный очаг (фр.)

Дружок (фр.)

Не могли бы вы оставить нас? (фр.)

Любовное свидание (фр.)

Вашей невесты (фр.)

С вашего позволения (фр.)

Сражение при Фер-Шампенуазе состоялось 13 марта (ст. стиль) между кавалерией союзников и отдельными корпусами французов в ходе Наполеоновской кампании 1814 года на территории Франции

Основан в 1636 году Людовиком XIII как «музеум для упражнения любителей Натуральной Истории и познания целебных произрастаний». В 1814 году включал в себя: Ботанический сад, Ботаническое училище, библиотеку, зверинец и пр.

Вот и все (фр.)

С величайшим удовольствием (фр.)

В чем дело? (фр.)

Предмет любви (фр.)

Застава на южной стороне Парижа, где возле которой располагались знаменитые Катакомбы Оттого и название

Что я могу тут поделать? (фр.)

Так называемое Плесвицкое перемирие, заключенное между Францией и странами союзников летом 1813 года

В те дни разжалование в солдаты было сильным ударом для дворянской чести

Мадам ваша мать (фр.)

Анютины глазки в просторечии

Имеется в виду пословица «С кем соль-хлеб водишь, на того и походишь». Ранее соль-хлеб водить означало дружить

Мой злой ангел (фр.)

Прощу вас! (фр.)

Мой мальчик или в ином значении — мой сын (фр.)

Понимаю (фр.)

Конечно, безусловно (фр.)

Говорят (фр.)

Все решено. Прошу прощения, тетушка... (фр.)

Нежелательная персона, нежелательное лицо (лат.)

Черт бы его побрал! (фр.)

Прелестной невестке (фр.)

Мой дядя (фр.)

Bau coced (φp.)

Уму непостижимо (фр.)

Тут: холостяк (фр.)

Бедная я! (фр.)

вот ведь! (фр.)

Вы-то мне и нужны! (фр.)

Умо? (фр.)

Тут: ай, нехорошо! (фр.)

Федра, Расин Ж. в переводе М. Донского

*Непристойно (может быть понято в значении — мерзко)... Это непристойно.
Непристойно! Пустите меня... умоляю, пустите меня (фр.)*

Мой злой ангел... навсегда! (фр.)

Отчего? (фр.)

Ну? Что, моя милая? Предложение, верно? (фр.)

Вовсе наоборот (фр.)

Как глупо! (фр.)

Наотрез, категорически (фр.)

Любовь прощает все! (фр.)

Одно из названий Малой Морской улицы начала 19 века. Называлась так по расположению возле Адмиралтейского луга

Распутница! Это кара Божья, Андрей! (фр.)

Три рубля золотом

Как наши дела? (фр.)

Свекровь (фр.)

Имеется в виду Лагарп Ф. — Ц. — швейцарец по происхождению. Именно в Швейцарии в начале 19 века стали первыми продавать шоколад не напитком, как было распространено в то время, а в твердом виде

И, конечно же — пралине! (фр.) В то время конфеты привозили только из заграничных поездок или покупали у колониальных купцов, если их не умели делать собственные крепостные умельцы

Бабочка (фр.)

Имеется в виду верстовых столбов

Это грабеж! (фр.)

Совсем напротив (фр.)

Вы правы, мадам (фр.)

Кельнская вода, одеколон (фр.)

Маленький каприз (фр.)

Рядом с девушкой может сидеть только ее родственник или муж. Даже жених не имел такого права, это считалось нарушением приличий

Свести на нет (фр.)

Разумеется (фр.)

Первая неделя после Пасхи

Мой милый мальчик, мое сердечко (фр.)

Какая грубость, дерзость! (фр.)

Хотела бы я знать... (фр.)

Мадам княгиня... мадам полька (фр.)

Какая забавная выходка (шутка)! (фр.)

Племянницей (фр.)

Племянник (фр.)

Прошу вас повежливей! (фр.)

С меня довольно! Довольно! (фр.)

С вашего позволения (фр.)

Ах, мне дурно! (фр.)

Ах, лорнет! (фр.)

Худо... все хуже некуда! (фр.)

Отнюдь! (фр.)

выборное должностное лицо из крестьян для выполнения полицейских и различных общественных функций. Обычно выбирался на 10 жилых дворов

Манящий голос, сладкоголосая сирена (фр.)

Прошу простить меня (фр.)

Маленькая птичка (фр.)

Ложь во благо совсем не ложь (фр.)

О, моя бедняжка! (фр.)

Повинную голову меч не сечет (фр.)

Время не терпит (фр.)

патрон или патронесса (фр.)

Отдельное небольшое помещение для приготовления пищи. Обычно так называли кухню, где готовили и господам, и дворовым

Уши и глаза уезда (фр.)

Входи! (фр.)

Kcmamu (φρ.)

Положись на волю судьбы, мой милый (фр.)

Что случилось? (фр.)

И все! (фр.)

Несомненно (фр.)

Он дивный... дивный! (фр.)

Т. е. от рубля до пяти

Вот ваша пропаша (фр.)

О, господин Оленин, вы — наш спаситель! Это суцая правда! Благодарю вас! О господин Оленин, вы — наш спаситель! (фр.)

He стоит благодарностей (фр.)

Как никто другой (фр.)

Сударыня (нем.)

Опрометчивость (неосмотрительность), моя милостивая сударыня! (нем.)

Как, бишь, там? (нем.)

С надеждой на ваше исцеление (фр.)

Одна птица в руках лучше, чем две — в небе (фр.)

Вне приличий (фр.)

Прогулки, рауты (фр.)

Разумеется... как сопровождающая... (фр.)

Вы — хороший хозяин (фр.)

Я счастлив видеть вас (фр.)

Доброго пути, месье! Да хранит Вас Бог... (фр.)

Бедняжка (фр.)

...в истерике. Подумать только! (фр.)

Безумно, безрассудно (фр.)

Дрезден (фр.)

Так и быть! (фр.)

Безоговорочно, мадам мать! (фр.)

Официальное название Сенатской площади в указанные года (со второй половины XVII века). В то же время широко употребляли и неофициальное название — Сенатская

Тут в знач. — Вот как! (фр.)

Иначе и быть не могло (фр.)

На мое счастье (фр.)

Ну! Желаю счастья, мой дорогой друг! (фр.)

Невеста... жених и невеста, будущие супруги (фр.)

Т. е. без приданого

Иначе и быть не могло (фр.)

А-ля Психея (фр.)

На редкость красивой (фр.)

Я знаю (фр.)

Лиловый, моя милая (фр.)

«Кандидаткой» (в старые девы) девицу считали по достижении 25 лет

В целом (фр.)

Моя дорогая, дорогуша, милочка (фр.)

Мадам тетушка, довольно! Пожалуйста, довольно! (фр.)

Ничего подобного (фр.)

Вот и все (фр.)

Moÿ (φρ.)

Инцидент исчерпан. С вашего позволения! (фр.)

Одна птица в руках лучше, чем две в небе (фр.)

Наоборот (фр.)

Намек на самоубийство Иуды, по преданию повесившемуся на осине

Уходу! (фр.)

Как жаль (фр.)

П. Х. Витгенштейн, генерал-фельдмаршал, светлейший князь. В 1812 году командовал отдельным корпусом, закрывая Петербург от французской армии. За победу под Клястицами, где было остановлено наступление неприятеля на столицу, был провозглашен «Спасителем Петербурга» и награжден Георгием 2-й степени

Говорят (фр.)

Сынрыга (um.)

Я верна — и обеспечена (ит.)

И все же он в моем сердце... мой супруг... мой возлюбленный... моя надежда... (ит.)

Мне крайне необходимо поговорить с вами.... Безотлагательно. Остальное вам скажет Глаша (фр.)

Подожди... подожди, Анни (фр.)

Мой огонек (или в др. значении — моя маленькая горячность) (фр.)

Никогда в жизни! (фр.)

Боже мой, Аннет! Возможно ли...?! Когда?(фр.)

Громкое имя не возвеличивает, а лишь унижает того, кто не умеет носить его с честью (фр.)

Имеются в виду посты — Филиппов пост (иначе — Рождественский) — с середины ноября по ст. стилю до середины декабря, Успенский — в августе месяце.

Спасибо вам, тетушка. За все! (фр.)

Только! Лишь моя вина в том (фр.)

Χορωιο (φρ.)

Нет дыма без огня (фр.)

Мы прощаем, когда любим (фр.)

невестки и деверя (фр.)

Сноху (фр.)

Вы мелете вздор! (фр.)

Все едино! (фр.)

Мадам, довольно! (фр.)

Интрижка, романчик (фр.)

Это правда, Надин? (фр.)

Рикошетом (фр.)

Вершок — 4,45 см

Самое лучшее! (фр.)

Оно превосходно! (фр.)

Скорее, скорее, скорее (фр.)

Очень красива, моя милая! (фр.)

Блондинка? ... блондинка? Рыжеволосая? (фр.)

Он дивный... дивный! (фр.)

Иллюзия, видимость (фр.)

Так называли французы битву при Ватерлоо

Еще одна иллюзия? (фр.)

Ларец

Я виновата! (фр.)

Признание вины — уже половина прощения (фр.) Иначе в русском варианте — повинную голову меч не сечет

Импровизированный бал (фр.)

За здравье (фр.)

Вежливое обращение — мадам жена (фр.)

Вы проказник, господин мой муж (фр.)

Дословно: хороший тон (фр.) Правилам хорошего тона

Удовольствие от любви длится лишь мгновение, боль от любви длится всю жизнь (фр.)

С добрым утром, мой ангел (фр.)

Дружочек (фр.)

Согласна? (фр.)

Увы! (фр.)

Бедняжка Надин (фр.)

Довольно! (фр.)

Тут: в оппозиции, противостоянии (фр.)

Не трогайте меня! Оставьте меня! (фр.)

Неплохо, недурно (фр.)

Последняя просьба (фр.)

Напротив! (фр.)

Анна намекает на тридцатилетие. После этого возраста женщине рекомендовалось не принимать участие в танцах, кроме полонеза.

Мадам, я очарован (фр.)